ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Алексей Варламов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного писателя Алексея Варламова «Григорий Распутин-Новый» посвящена не просто одной из самых загадочных и скандальных фигур русской истории. Распутин – ключ к пониманию того, что произошло с Россией в начале XX века. Какие силы стояли за Распутиным и кто был против него? Как складывались его отношения с Церковью и был ли он хлыстом? Почему именно этот человек оказался в эпицентре политических и религиозных споров, думских скандалов и великокняжеско-шпионских заговоров? Что привлекало в «сибирском страннике» писателей и философов серебряного века – Розанова, Бердяева, Булгакова, Блока, Белого, Гумилёва, Ахматову, Пришвина, Клюева, Алексея Толстого? Был ли Распутин жертвой заговора «темных сил» или его орудием? Как объяснить дружбу русского мужика с еврейскими финансовыми кругами? Почему страстотерпица Александра Федоровна считала Распутина своим другом и ненавидела его родная ее сестра преподобномученица Елизавета Федоровна? Какое отношение имеет убитый в 1916 году крестьянин к неудавшимся попыткам освобождения Царской Семьи из тобольского плена? Как сложились судьбы его друзей и врагов после революции? Почему сегодня одни требуют канонизации «оклеветанного старца», а другие против этого восстают? На сегодняшний день это самое полное жизнеописание Распутина, в котором использованы огромный исторический материал, новые документы, исследования и недавно открытые свидетельства современников той трагической эпохи.

- Алексей Николаевич Варламов
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
- ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
- ЭПИЛОГ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Г. Е. РАСПУТИНА-НОВОГО
- БИБЛИОГРАФИЯ
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

○ 74
○ 75

Алексей Николаевич Варламов
Григорий Распутин-Новый

В истории человечества есть загадочные личности, о которых мы окончательно ничего не узнаем до Страшного суда Божия. Иной раз необходимо отказаться и от исследования этих личностей – эти исследования заранее обречены на бесконечные и бесплодные словопрения. Но тем более должны отказаться от того, чтобы восхитить себе суд Божий о человеке.

Архимандрит Тихон (Шевкунов) о Григории Распутине

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происхождение героя. «А был ли мальчик?» Пьянство и воровство. Прасковья, жена Григория. Первое паломничество. Дмитрий Иванович Печеркин. Житие опытного странника. «Не ндравится мне…» Конфликты с местным священноначалием. Легенда о старце Макарии. Григорий Распутин в оценке епископа Диониcия (Алферова)

У американского писателя Рея Брэдбери есть рассказ, который называется «Марсианин» – история о том, как к пожилым мужчине и женщине, переселившимся с Земли на Марс, приходит некто, напоминающий их умершего сына. Пришелец просит их не допытываться, кто он есть, и принять его безо всяких рассуждений: «Я ни то ни другое, я только я. Но везде, куда я попадаю, я еще и нечто другое, и сейчас вы не в силах изменить этого нечто».

Другим людям это же существо предстает в образе их умершей дочери, третьим – в виде человека, которого он убил, четвертым – опасного преступника.

«Он менялся на глазах у всех… Он был словно мягкий воск, послушный их воображению. Они орали, наступали, взывали к нему. Он тоже кричал, простирая к ним руки, и каждый призыв заставлял его лицо преображаться.

Они хватали его за руки, тянули к себе, пока он не упал, испустив последний крик ужаса. Он лежал на камнях – застывал расплавленный воск, и его лицо было, как все лица, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые! рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая. Они стояли над ним, прижав палец к губам. Они наклонились.

– Он умер, – сказал кто-то наконец.

Пошел дождь.

Капли падали на людей, и люди посмотрели на небо. Они отвернулись и сперва медленно, потом все быстрее пошли прочь, а потом бросились бежать в разные стороны».

Нечто подобное можно было бы сказать и про героя этой книги. Что-то неземное было в нем, как если бы этого человека закинули в наш мир с неясной целью.

В том море книг, статей, фильмов, мемуаров, научных, большой частью околонаучных исследований, докладов и обзоров, бульварных книг, спекулятивных историй, которые посвящены Григорию Распутину, его подлинные черты давно

утратились, стерлись, мифологизировались до такой степени, что восстановлению не подлежат. Вероятно, надо примириться с тем, что всей правды о Распутине мы так и не узнаем. И не потому, что знаем недостаточно, а потому, что знаем слишком много, и это знание наслаивается, как несколько одновременно звучащих в диссонансе музыкальных инструментов. Заставить их звучать в унисон невозможно. Но что возможно – так это расслышать и сопоставить отдельные голоса.

Что мы знаем о нем наверняка? Дату и место рождения. Раньше писали и по сей день иногда встречается – 1864 или 1865 год. Основанием для такой датировки служили полицейские донесения, а также показания, которые давал Распутин в 1914 году после покушения на него Хионии Гусевой. Тогда он заявил, что ему пятьдесят, по крайней мере пять лет себе при этом прибавив. На самом деле Григорий Ефимович Распутин родился 9 января 1869 года. Произошло это в селе Покровском в 60 верстах от Тюмени. Долгое время запись о его рождении в церковной книге не находилась, но в материалах переписи населения от 1 января 1887 года была обнаружена строка: «…Якова Васильева Распутина второй сын Ефим 44-х лет, дочь его Феодосия 12-ти лет, Ефима сын Григорий 17-ти лет…»

Позднее тюменский краевед В. Л. Смирнов нашел и метрические книги слободы Покровской, «где в части первой "О родившихся" рукой священника Николая Титова записано: "9 января 1869 года у крестьянина Слободы Покровской Ефима Яковлевича Распутина и его жены Анны Васильевны вероисповедания православного родился сын Григорий"».

Знаем также кое-что о его роде. Предки Распутина носили фамилию Федоровы и проживали в деревне Палевицы, расположенной на реке Вычегда в Яренском уезде Вологодской губернии (ныне Сыктывдинский район Республики Коми). К 1640 году они переселились в Сибирь: «…двор пуст бобыльской Изосимка Федорова сын, а он сшёл в Сибирь и с женою во 148-м году (1639/1640 г.), а детей нет». Следующий документ, касающийся Изосима Федорова, датируется 1653 годом, в нем говорится о том, что Федоров сын числится среди крестьян Покровской слободы вместе со своими детьми Семёном, Насоном и Евсеем:

«…Изосимко Федоров с детми с Семейкою с Насонком с Евсейкой, в распросе сказал – жил де он Изосимко Еренского присуду в Палевицкой волости за государем в пашенных крестьянах, а с пашни платил де он в государеву казну денежный оброк, а в прошлом де во 161-м году (1652/1653 г.) пришел он Изосимко с женою и с детми из Палевицкой волости в Сибирь в

архиепископию в Покровскую слободу и стал в пашню».

Для XVII века это была по-своему типичная судьба – шло освоение Сибири. Для истории Распутина важно то, что он в этом краю пионер, коренной. К моменту появления на свет человека, возмутившего всю Россию, его предки жили в Покровском более двух веков. Как отмечал тюменский исследователь А. В. Чернышев, «жители Покровского по переписи делятся на три группы: "старожилов", "переселенцев» и "ссыльных". Все Распутины значатся в группе старожилов».

Долгое время они носили фамилию Изосимовы по имени того самого Изосима, что переселился из Вологодской земли за Урал. Распутиными же стали называться два сына Насона Изосимова – Яков и Филипп и, соответственно, их потомки: «Двор, а в нем живет крестьянин Филипп Насонов сын Роспутин, сказал себе от роду 30 лет, у него жена Парасковья 28 лет, дети у него сыновья Митрофан 7 лет, Федосей 6 лет».

Как пишет автор статьи о происхождении рода Распутиных С. Князев: «Версий происхождения прозвища Распута существует несколько: а) распута – беспутный, непутевый человек; б) распута, распутье – раздорожье, развилина или же перекресток, пересечка дорог, то есть такое место считалось притоном нечистых духов, там хоронили пьяниц, самоубийц; стало быть, Распутой могли назвать человека, который водится с нечистой силой; в) старинная поговорка "Пустили дурака на распутье" наводит на мысль, что с таким именем мог быть просто нерешительный человек; г) распутица – бездорожье, осенне-весенняя грязь, а значит, ребенок, появившийся на свет в ту пору, мог получить имя Распута».

Многозначность эта очень характерна. Почти любая книга о Распутине начинается с попытки обыграть его фамилию по принципу – Бог шельму метит.

Но последуем дальше.

«В метрических книгах церкви села Покровского имеет место запись от 21 января 1862 года о бракосочетании "Покровской слободы крестьянина Якова Васильева Распутина сына Ефима Яковлева, 20 лет, с девицею Анной Васильевной, дочерью деревни Усалки, крестьянина Василия Паршукова, 22 лет"».

Дети Анны и Якова умирали один за другим. Сначала в 1863 году, прожив несколько месяцев, умерла дочь Евдокия, год спустя еще одна девочка, тоже названная Евдокией. Третью дочку назвали Гликерией, но прожила она всего несколько месяцев. 17 августа 1867 года родился сын Андрей, оказавшийся, как и его сестры, не жильцом. Наконец в 1869-м родился пятый ребенок – Григорий. Имя дали по святцам в честь святителя Григория

Нисского, известного своими проповедями против любодеяния, а также высказываниями о сакральной природе имени Божьего. И то и другое окажется удивительным образом связано с крещенным 10 января 1869 года мальчиком. Крестными его стали дядя Матвей Яковлевич Распутин и девица Агафья Ивановна Алемасова.

О своем детстве и отрочестве Распутин позднее писал в автобиографическом сочинении, которое называется «Житие опытного странника»: «Вся жизнь моя была болезни <…>. Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало, как с маленьким: мочился в постели». Едва ли это выдумано, даже при том, что в агиографическом жанре, под который «распутинское житие», очевидно, подвёрстывалось, немощь тела как обязательный мотив встречается довольно часто. Правда, не такая интимная.

Подробности первых лет его жизни очень скупы и по большей части недостоверны. Дочь Распутина – Матрена (Мария) Григорьевна, уехавшая после революции на Запад, прожившая очень долгую и полную событий жизнь, оставила о своем отце несколько разных вариантов воспоминаний. Они сильно беллетризованы, написаны в соавторстве с журналистами, и отыскать правду в них нелегко, но таково, к сожалению, свойство почти всех мемуаров о Распутине. Потому ко всем свидетельствам о нем, как апологетического, так и обличительного толка, ко всем воспоминаниям, а также письмам, дневникам, где упоминается его имя, надо относиться с большой долей осторожности и истину искать не в них самих, но на их пересечении, или, как сказали бы в Сибири, – на распутье.

В последней книге «Распутин. Почему?» Матрена Распутина говорит о том, что у отца не было в детстве друзей, но был старший брат Миша, который трагически погиб – утонул, и эта смерть была предсказанием смерти самого Григория.

«Когда отца затягивала черная стоячая вода пруда и гнилая жижа, поднимавшаяся со дна, заливала нос, рот и уши, проникая, казалось, в самый мозг, он детским еще сознанием прозрел свой конец. Черная обжигающая невская вода, веревки, обвившие его – и никакой надежды на спасение. Ужасная репетиция. Со страшным знанием о своей смерти он и жил».

Все это очень занимательно и по-своему эффектно, но только не было у Распутина родного брата Миши, и едва ли Матрена могла этого не знать. Он был единственным ребенком в семье, не считая родившейся позднее сестры, и история про утопленника брата – миф, каких в распутинской жизни больше, чем в чьей бы то ни было. Встречается утверждение, что брат был двоюродный,

но все же эта ситуация больше смахивает на горьковское – «а был ли мальчик?».

Сложнее с другими мифами. Когда в 1917 году Временным правительством была создана «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должных лиц» (ЧСК) и одной из главных ее мишеней стал Распутин, о котором давало показания множество людей, следователь Б. Н. Смиттен писал в своем заключении: «Свидетели отмечают, отец Распутина пил сильно водку. Мальчиком Распутин рос грязным и нечистоплотным, так что сверстники иначе не называли его, как "сопляком" <…> 15 лет Распутин начал пить водку, причем после женитьбы на 20-м году пьянство его еще усилилось…»

Итак, грязный, сопляк, мочится по ночам… Сам Распутин в одном из интервью говорил о своих детских и отроческих годах: «В 15 лет в моем селе в летнюю пору, когда солнышко тепло грело, а птицы пели райские песни, я ходил по дорожке и не смел идти по середине ее… Я мечтал о Боге… Душа моя рвалась в даль… Не раз, мечтая так, я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они. Постарше, с товарищами, подолгу беседовал о Боге, о приходе, о птицах… Я верил в хорошее, в доброе… и часто сиживал я со стариками, слушая их рассказы о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомилостивом… Так прошла моя юность. В каком-то созерцании, в каком-то сне… И потом, когда жизнь коснулась, дотронулась до меня, я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился… Неудовлетворен я был. На многое ответа не находил… И грустно было… И стал я попивать…»

«В этом раннем периоде его жизни свидетели характеризуют Распутина как человека хитрого, наглого, с буйно-разгульной, экспансивной натурой, – писал Смиттен. – В пьяном виде, бахвалясь, он запрягал лошадей и катался по двору, любил подраться, ругался сквернымi словами не только с посторонними, но и с родителями».

Сторонники Распутина факт его пьянства в молодости часто отрицают, но о пристрастии к вину свидетельствовал он сам, говоря на следствии в 1907 году, что пьяный имеет «скверный характер».

Дальше – хуже, «односельчане стали замечать Распутина в кражах». Свидетель Е. И. Картавцев, 67 лет, рассказывал, как Распутин украл жерди на остожье: «Разрубив остожье, он все бывшие жерди сложил на свою телегу и хотел увязать их и увезти, но в этот самый момент я его застал и потребовал, чтобы

Григорий ехал с покраденными жердями в волость, а когда он отказался и желая от меня удрать, хотел было ударить меня топором, то я в свою очередь ударил его колом настолько сильно, что у него из носа и рта ручьем потекла кровь и он потерял сознание, упал на землю».

Вскоре после этого у Картавцева украли коней. «Лошадей этих в ночь кражи караулил я сам лично и видел, что к ним подъезжал Распутин со своими товарищами Константином и Трофимом, но не придал этому значения, а между тем через несколько часов после этого я обнаружил пропажу лошадей. Сейчас же после этого я пошел домой, чтобы проверить, дома ли Распутин».

Распутин дома был и на момент кражи у него имелось алиби. Тем не менее у односельчан скопилось по отношению к нему столько неприязни, что Григорий оставил село и отправился в Верхотурский монастырь.

Так пишет Смиттен. Верить ему или нет? Разумеется, опрошенные свидетели могли ошибаться, лгать, путать, а сам следователь – выполнять революционный заказ, направленный на «очернение старца», но в известной логике картине, нарисованной Смиттеном, не откажешь.

Матрена Распутина в своей книге утверждает, что отец ее с младых лет был настолько прозорлив, что несколько раз «прозревал» чужие кражи и потому лично для себя саму возможность воровства исключал: ему казалось, что другие так же это «видят», как и он. Сомнению подвергает достоверность свидетельских показаний о воровстве Григория и американский православный исследователь Ричард Бэттс, автор, пожалуй, самого лучшего на сегодняшний день исследования о Распутине «Пшеницы и плевелы». Наконец, апологет Распутина О. А. Платонов, написавший весьма тенденциозную, но при этом богатую документами книгу «Пролог цареубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина» (известную в более ранних редакциях под названием «Жизнь за царя»), переходит от защиты к наступлению: «Позднее недобросовестные журналисты будут писать, что к этому (паломничеству. – *А. В.)* его подтолкнул случай, когда якобы он был схвачен с поличным то ли на воровстве лошадей, то ли чего-то другого. Внимательное изучение архивных документов свидетельствует, что случай этот полностью выдуман. Мы просмотрели все показания о нем, которые давались во время расследования в Тобольской консистории. Ни один, даже самый враждебно настроенный к Распутину свидетель (а их было немало) не обвинил его в воровстве или конокрадстве. Не подтверждает этого «случая» и

проведенный в июне 1991 года опрос около 40 самых пожилых людей села Покровского… Никто из них не мог вспомнить, чтобы когда-то родители им рассказывали о воровстве Распутина».

«Это сущая неправда, что писали в газетах, будто бы мой покойный отец был за что-либо судим. Ничего подобного не было. Правда, дедушка Ефим Яковлевич был однажды арестован за несвоевременный платеж податей, как вообще это делалось в прежние времена с крестьянами. Может быть, по этому поводу и сплели газеты небылицу про отца», – говорила Матрена Распутина на следствии.

Вместе с тем существует донесение некоего ротмистра Калмыкова начальнику Тобольского губернского жандармского управления, где говорится, что Распутин «смолоду отличался разными поступками, то есть пьянствовал, занимался мелкими кражами и прочее», хотя стоит отметить, что сам Калмыков при этом опирался на доклад своего подчиненного унтер-офицера Прилина, в котором о воровстве Распутина ничего не сообщается, и слова о кражах являются вставкой, не совсем понятно на чем основанной.

Известно также, что в 1915 году, когда в «Сибирской торговой газете» появилась статья о конокрадстве Распутина, тот ответил по-мужицки резко и с характерной угрожающей интонацией: «Тюмень, редактору Крылову. Немедленно докажи, где, когда, у кого я воровал лошадей, как напечатано в твоей газете; ты очень осведомлён; жду ответа три дня; если не ответишь, я знаю, кому жаловаться и с кем говорить. Распутин».

Мемуары и показания противоречат друг другу, с чем мы будем сталкиваться, касаясь почти любого эпизода из жизни сибирского мужика, но за частностями проглядывает главное.

Во-первых, между кражей жердей и лошадей есть большая разница. А во-вторых, ни сам Распутин, ни даже благожелательно настроенные по отношению к нему люди не утверждали, что он прожил всю жизнь без греха, в том числе и в молодости. Великая Княгиня[1] Ольга Александровна Романова, сестра Государя, писала о том, что отец Иоанн Кронштадтский встретился с Распутиным и «был глубоко тронут его искренним раскаянием. Распутин не пытался скрывать свое греховное прошлое». О греховной жизни Распутина в молодости писал очень хорошо знавший его в течение нескольких лет митрополит Вениамин (Федченков), которому было поручено Императрицей написать первую литературную биографию Распутина. И даже если встреча Иоанна Кронштадтского с Распутиным скорее всего легендарна, то все равно религиозная идея сибирского странника всегда была в глубоком покаянии и говорил он о нем со знанием дела.

Именно раскаянием своим он поначалу тронул сердца сразу нескольких церковных иерархов, с которыми познакомился в Петербурге. Воровал или не воровал Григорий по мелочам в молодости, распутничал в ту пору или нет, в его последующей биографии это принципиально ничего не меняет. Если следовать фактам, надо признать одно – на каком-то этапе своей жизни Распутин начинает часто странствовать по святым местам.

«…затем (Распутин. – *А. В.)* куда-то исчез и на родине появился снова 5 лет тому назад духовно буквально переродившийся, то есть стал необыкновенно религиозный, в средствах не нуждается, зато какой почет», – зафиксировал ротмистр Поляков в донесении на имя начальника Тобольского губернского жандармского управления в 1909 году.

Недоброжелательно относившиеся к Распутину люди утверждали, что ему попросту надоел крестьянский труд и он избрал себе более легкую работу. «Он всегда носил в себе черты мужика-лодыря, и легкая жизнь, которая ему потом выпала на долю, легко затянула его», – писал о Распутине Н. А. Соколов, расследовавший обстоятельства убийства Царской Семьи и ее связь с Распутиным.

Вероятно, так же помышлял о сыне его отец Ефим Яковлевич, которому единственный наследник мужского пола должен был стать опорой в большом хозяйстве, но не стал, и отношения сына и родителя явно не сложились. Сам Распутин в своем «Житии» версию о том, что он не любил крестьянский труд, отвергал и называл другую причину своих странствий. «Вся жизнь моя была болезни. Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как забытье, так и проводил все время с 15 лет до 28 лет. Вот что тем более толкнуло меня на новую жизнь. <…> Киевские сродники исцелили, и Симеон Праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы. Очень трудно это было все перенесть, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать, и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал».

Но одна помощница у него была – жена. Об этой женщине почти все, кто ее знал, отзывались всегда очень хорошо. Распутин женился восемнадцати с небольшим лет – 2 февраля 1887 года. Жена была старше его на три года, работяща, терпелива, покорна Богу, мужу и свекру со свекровью. Она родила семерых детей, из которых трое первых умерли, трое следующих выжили, и последняя девочка также умерла – история для своего времени типичная. У Григория и Прасковьи были все шансы стать обычной крестьянской семьей. Матрена пишет о том, что вскоре после женитьбы отец затеял строительство нового большого дома, и все

как будто образовалось в их жизни. Но «когда в доме воцарился покой, отцу начали сниться странные сны. То ли сны, то ли видения – Казанская Божья Матерь. Образы мелькали слишком быстро, и отец не мог понять их смысла и значения.

Беспокойство нарастало. Отец мрачнел, избегал разговоров даже с близкими.

Душа терзалась».

А потом произошла встреча.

«Как-то раз, возвращаясь с мельницы, куда отвозил зерно, отец подвез молодого человека. Разговорившись с ним, узнал, что попутчик – студент-богослов Милетий Заборовский. Спросил у него совета, что делать, рассказал о видениях. Тот просто ответил:

– Тебя Господь позвал.

Господь позвал – ослушаться грех».

По другой версии человеком, который встретился Распутину на тракте, был епископ Сергий (Страгородский), возвращавшийся из Японии. Но скорее всего обе эти встречи из разряда легенд. Во всяком случае в 1919 году, когда Матрена Распутина еще не занималась писанием мемуаров в соавторстве с доброжелательными журналистами, а давала свидетельские показания судебному следователю по особо важным поручениям при Омском окружном суде Н. А. Соколову, она говорила так:

«В жизни моего отца, когда я была еще маленькой девочкой, что-то произошло, что изменило совершенно всю его, а впоследствии и нашу жизнь. Раньше отец жил, как все крестьяне, занимаясь хозяйством. Вдруг он оставил семью и ушел странствовать. Должно быть, что-то произошло у него в душе: он перестал пить, курить и есть мясо и ушел из дома. Я думаю, что на него так воздействовал известный в наших местах странник Дм. Иванович Печеркин, родом из деревни Куличи (верст 300 от Тобольска). По крайней мере перед уходом отца Печеркин у нас был, и они ушли тогда вместе с отцом. Я помню, когда отец вернулся домой, мама не сразу его узнала.

Приблизительно это было в 1905 году».

О Дмитрии Печеркине, спутнике Распутина в его паломничествах, писал и жандармский генерал А. И. Спиридович, неплохо знавший и самого Распутина, и его дочь. Рассказ Спиридовича ценен тем, что он подтверждает частичную подлинность показаний Матрены:

«…в этот-то период он (ее отец. – *А. В.)* очень сдружился с неким Димитрием Печеркиным, искавшим путей к спасению и ушедшим впоследствии совсем на Афон. Тогда, как рассказывала мне одна из дочерей Распутина, вернулся он однажды с поля

очень взволнованный и рассказал домашним, что ему только что было в поле видение. Явилась Богородица, благословила его и исчезла… Распутин отыскал Димитрия, рассказал и ему о видении, и оба они решили идти в Верхотурье, поведать о случившемся блаженному Макарию. Вернувшись, Распутин передал семье, что блаженный Макарий объяснил явление Богородицы, как указание на то, что Григорий создан для большого дела и дабы укрепиться духовно, он должен сходить на богомолье на Афон. Распутин и Печеркин решили идти на Афон. Сборы были недолги и скоро два друга, с котомками за плечами и посохами в руках отправились в дальний путь».

«Решение оставить дом далось отцу нелегко. Но ослушаться – еще тяжелее, – не то вспоминала, не то сочиняла Матрена. – Простояв ночь на коленях перед иконой Казанской Божьей Матери, отец сказал себе:

– Иду.

Моя бедная мама видела, что с отцом что-то творится. Но понять ничего не могла. Первое, что пришло в голову – отец разлюбил ее.

Отец не делился с женой мыслями. Да и не принято было говорить с женщинами о чем-то, кроме хозяйства и детей. Поэтому когда он все-таки заговорил с ней о том, что намерен идти в монастырь, она от неожиданности онемела. Она ждала каких угодно слов, только не этих.

Сказала:

– Поторопись.

Об этом мне рассказала сама мама в один из приездов в Петербург к нам с отцом. Я, совсем девочка, тогда была уверена, что мама рассказывает мне об этом, чтобы показать – она разделяла стремления отца.

Мама была доброй женщиной, очень терпеливой. Она всегда уважала отца, сносила все тяготы, связанные как с жизнью вместе с ним, так и с разлукой».

И в воспоминаниях Спиридовича, и в показаниях Матрены Распутиной, очевидно, нарушена хронология: религиозный поворот, хождение по монастырям и отказ от мяса, вина и табака – все это было намного раньше, а паломничество на Святую гору, напротив, позже как минимум лет на десять. Так, Дмитрий Печеркин рассказывал на следствии, что ушел на Афон в 1902 году. А Распутин в своих показаниях Тобольской консистории в 1907 году говорил о том, что ходить по монастырям начал 15 лет назад, то есть приблизительно в 1892-м. Но существенна здесь не последовательность событий, а самый их факт.

«Несомненно в жизни Распутина, простого крестьянина

Тобольской губернии, имело место какое-то большое и глубокое душевное переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться ко Христу», – писал следователь Чрезвычайной комиссии при Временном правительстве В. М. Руднев.

Воровство и изгнание, душевное томление, духовная жажда, небесное знамение, страх, желание вырваться из обыденного крестьянского круга, пытливость, лень, любопытство, призвание, последовавшие одна за другой смерти первых трех детей и желание вымолить жизнь для следующих – что было истинной причиной или же причинами его поворота, утверждать однозначно невозможно. Главное, что в какой-то момент своей жизни Распутин принялся странствовать и после нескольких не очень продолжительных паломничеств стал уходить из дома далеко и надолго.

Сначала он ходил в сибирские и уральские монастыри – Абалакский и Верхотурский, и, судя по материалам Смиттена, после возвращения из первого паломничества показался односельчанам странным. Один из них вспоминал, что «возвращался он тогда домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками». Другой показывал: «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом». Еще один житель Покровского Картавцев (тот самый, у кого украли лошадей) утверждает, что Распутин стал каким-то глуповатым, после того как Картавцев его избил. Опять-таки выстроить хронологию этих событий и сказать наверняка, что чему предшествовало, да и было ли на самом деле так – довольно сложно. Несомненно то, что он жил совсем иначе, чем большинство его нестранствующих односельчан, но при этом Григорий Распутин был и не вполне обычным странником. Как правило, люди такого образа жизни не имели ни семьи, ни дома. Классический пример – Лука из пьесы Горького «На дне», а еще раньше – Иван Северьянович Флягин из лесковского «Очарованного странника». В жизни Распутина сочетались и домовитость, и бездомность. Он никогда не забывал о семье и был по-своему заботливым отцом и мужем, всегда помнил о том, что у него есть дом, и в этом дом возвращался. Этому же он учил и других.

«Странничать нужно только по времени – месяцами, а года чтобы или многие годы, то я много обошел странноприимен – тут я нашел странников, которые не только года, а целые века все ходят, ходят и до того они бедняжки доходили, что враг в них

посеял ересь – самое главное осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, по стопам Самого Христа. Мы – странники, все плохо можем бороться с врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным наипаче простячком. Если все это сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь – источник живой воды», – писал он в своем «Житии опытного странника», книге, которую одни исследователи щедро цитируют как подлинный документ распутинской жизни, а другие игнорируют.

История создания этого сочинения полностью неясна. Совершенно очевидно, что писал ее не сам полуграмотный паломник, а кто-то из его петербургских поклонниц по его рассказам, и каково соотношение распутинского слова и его последующей литературной обработки – величина неизвестная. Тем не менее духовный опыт своего автора это сочинение в какой-то мере отразило. Что же касается красоты распутинского слога (а в этом убедится любой, кто прочтет «Житие опытного странника» или «Мои мысли и размышления») и как она соотносится с его неграмотностью, то помимо общего соображения, что неграмотность не обязательно подразумевает косноязычие и многие знаменитые сказители не умели читать и писать, можно сослаться на воспоминания некой Елизаветы Джудас, которая видела Распутина девочкой и он запомнился ей человеком очень красноречивым: «Ни гувернантка, ни учитель, ни отец, ни мать никогда не описывали природу так красиво, как это делал так называемый простой мужик из сибирского села Покровское».

О красоте распутинского слога говорила и другая женщина, Распутина знавшая и при этом не склонная ему льстить – В. И. Баркова: «Самое выдающееся его качество – его речь: простая, но образная мужичья речь».

Полностью отрицать подлинность распутинского «Жития» было бы так же несправедливо, как и полностью принимать на веру. Но из этой книги определенно следует то, что странствия манили сибирского крестьянина больше, чем оседлая жизнь. В то же время не задерживался он и ни в одном из посещаемых им монастырей. «Не ндравится мне», – говорил по схожему поводу чеховский иеромонах Сисой. Распутину тоже, по всей видимости, не нравилась монастырская дисциплина, хотя в «Житии» он выдвигает иную версию своего отказа от поступления в какую-либо обитель:

«Много монастырей обходил я во славу Божию, но не советую

вообще духовную жизнь такого рода – бросить жену и удалиться в монастырь. Много я видел там людей; они не живут как монахи, а живут как хотят и жены их не сохраняют того, что обещали мужу. Вот тут-то и совершился на них ад! Нужно себя более испытывать на своем селе годами, быть испытанным и опытным, потом и совершать это дело. Чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная, как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби. Так много, много чтобы видели оба, вот тогда совершится на них Христос в обители своей».

Он любил не учиться, но учить, не подчиняться, но подчинять. А еще любил волюшку в двух ее смыслах: и как свободу, и как простор. «Если хорош ты был в миру, иди в монастырь – там испортят. Не по душе мне монастырская жизнь, там насилие над людьми».

«Никому не подчиняться, ни в каком постоянном труде не участвовать, ни перед кем и ни за что не отвечать, но в то же время судить обо всем, учить всех, вмешиваться во все дела, предсказывать все, что имеет быть, и всем давать свои поручения – вот жизненный идеал, который привлекает очень многих. И этот идеал в полной мере воплощен в Распутине», – писал о нем епископ Дионисий (Алферов).

«Он был не только *опытным,* но еще и *очарованным* странником, скитающимся не только в поисках правды, но и красоты – *дивясь божественным природы красотам,* как определял этот идеал скитаний Пушкин. И вынес он из этих скитаний глубокое, опытное убеждение в том, что внимать Богу можно и не отвергая природу», – иначе охарактеризовал идеал Распутина Ф. Козырев.

Позднее география распутинских паломничеств расширилась, он исходил множество святых мест, и не только на Руси, доходил до Иерусалима и в своем «Житии» подробно описывал бытовую сторону путешествий.

«Я шел по 40—50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии – на одних картошках; не имея с собой капитала и не собирал во век: придется – Бог пошлет, с ночлегом пустят – тут и покушаю.

Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду и не налагал руки до тела – это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания, нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками, как они; работал и убегал в кусты молиться. Не один раз пахал пашню и убегал на

отдохновение на молитву.

Мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти; так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! То скажут: "Одежда неладная", то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего-нибудь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и все это пережито мною! а виновник тот час же находится. Не один раз нападали волки, но они разбегались. Не один раз нападали хищники, хотели обобрать, я им сказывал: "Это не мое, а все Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю", – им что-то особенно скажет в сердцах их, они подумают и скажут: "Откуда ты и что такое с тобой?" "Я человек – посланный брат вам и преданный Богу"».

Пишет о странствиях отца и Матрена. С ее слов выходит, что Распутин был сильно разочарован тем, что увидел в Верхотурском монастыре («Порок, гуляющий по мужским монастырям, не обошел и Верхотурье»), но встретил там старца Макария, с которым имел сокровенную беседу, и старец будто бы отговорил его оставаться при монастыре и благословил идти в мир.

«…с юных лет, сильно чувствуя в себе человека с большим уклоном к болезненно порочным наклонностям, Распутин явно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни в случае поступления его в монастырь вскорости выбросила бы его из своей среды, и поэтому решил пойти в сторону, наиболее его удовлетворяющую, – в тот мир видимых святош, странников, которых он изучил с ранних лет в совершенстве. Очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждение односельчан, как "Гриша провидец", явился ярким и страстным представителем этого типа в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным, и красноречивым, и лицемером, и фанатиком, и святым, и грешником, и аскетом, и бабником и в каждую минуту актером, возбуждая к себе любопытство и, в то же время, приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью», – утверждал товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, который Распутина неплохо знал, но относился к нему отрицательно и судил во многом предвзято.

Когда паломник возвращался домой, образ его жизни в Покровском также резко отличался от обычного крестьянского уклада. У себя дома он устроил молельню, где проводил часы в молитве, о чем сообщается все в том же «Житии»: «В одно

прекрасное время, ходил, думал обо всем, вдруг проникла ко мне мысль, долго недоумевал, что вот сам Господь не избрал царские чертоги, а выбрал Себе ясли убогие и тем прославил славу. Мне недостойному пришло в голову достигнуть, взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обеднями и заутренями молиться. Когда днем свободное время, то я удалялся туда и так мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил, но враг-злодей всяким страхом меня оттуда выживал – треском, даже было побоями, но я не переставал. Так продолжалось лет восемь…»

Между тем вокруг него образовался кружок почитателей, куда, вопреки обычным утверждениям, что Распутина окружали лишь женщины, входили и мужчины – его шурин Николай Распопов, Николай Распутин, Илья Аронов, а женщин поначалу было две – Катя и Дуня Печеркины, родственницы Дмитрия Ивановича Печеркина, который, в отличие от Распутина, остался на Афоне. Правда, впоследствии женщин стало гораздо больше.

«Эти односельчане, и только они, собирались у Распутина в молельне, устроенной под полом. Среди его односельчан в это время ходили странные слухи: будто перед тем как быть сборищу у Распутина, девушки Печеркины мыли его в бане, пили воду, которой он мылся, а затем переносили его в дом, где происходило пение духовных стихов и пляски. Многие из односельчан Распутина пытались проверить эти слухи, но безуспешно, потому что проникнуть на эти сборища постороннему человеку никогда не удавалось (…)», – пишет Смиттен.

Даже если это не соответствовало действительности, а было лишь слухом, одно несомненно: приходская церковь Распутина не устраивала и он пытался создать у себя дома нечто альтернативное ей. Исходивший тысячи километров по Руси, имевший множество встреч, разговоров, духовно он считал себя намного опытнее обычных приходских священников. Вообще неудовлетворенность церковью в начале XX века стала повсеместной – от салона Зинаиды Гиппиус до сибирских деревень. Но в случае с Распутиным эта неудовлетворенность оказалась особенно острой.

«Когда в храме священник, то нужно его почитать, – писал он в своем "Житии", – если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшковой и жалко их. Он же,

Христовый, все же батюшка, и не сам, а пожалел их. Так и представляй в очах картину. Ему бы надо в исправники, а он в пошел в батюшки».

Позднее из-за критики священноначалия у Распутина возникнет конфликт с местным иереем, что станет поводом для обвинений его в сектантстве. Распутин припишет это дьявольским козням: «…и вот враг-злодей все же таки навел людей будто оказалось место лишнее и мне пришлось переселиться в другое место…»

Характерна и современная церковная оценка взглядов Распутина на духовенство, изложенная в официальном документе Архиерейского собора, состоявшегося в октябре 2004 года.

«Отношение к духовенству у автора "Жития" сдержанно критическое. В своей оправдательной брошюре он не раз призывает посещать храм Божий, участвовать в церковных Таинствах и почитать священнослужителей, "какие бы ни были батюшки". Но это "какие бы ни были" звучит в "Житии" навязчивым рефреном: "худой, да батюшка", "ему бы надо было поступить в исправники, а он пошел в батюшки", "наемник паствы", "с барышнями танцует" и проч., и проч. Дело даже не в обличении тех или иных пороков, а в том, что о "других" священниках в "Житии" ничего не говорится, кроме глухого упоминания: "Ведь батюшка двояко есть – есть наемник паствы, а есть такой, что сама жизнь его толкнула быть истинным пастырем, и он старается служить Богу – наемник же на него всячески доносит и критикует". В результате духовенство предстает в брошюре духовно немощным, расслабленным, нуждающимся в оправдании и снисхождении автора "Жития" и его читателей.

Подлинными же руководителями в духовной жизни в брошюре предстают не священники, а особые "опытные" люди, "избранные в духовных беседах"; их "опыт" противопоставляется при этом "букве", "учености". Именно "у избранников Божиих", которые "будут сказывать не из книги, а из опыта", и "есть совершенная любовь". Они могут поучать и священников, и архиереев, у которых "замирают уста и они противоречить не могут", поскольку "их учение остается ничтожным и слушают простые слова твои". К числу таковых "опытных странников", судя по названию, относит себя и автор "Жития".

Обращает на себя внимание то, что "опытные странники", согласно "Житию", всегда гонимы и, по меньшей мере, находятся под подозрением. Гонителями "опытных людей" в "Житии" выступают прежде всего священники. Конфликт "истинных пастырей" с духовенством представляется автору постоянным и

неизбежным. Призывая "в храме соединяться с Господом, принимать Святые Тайны три раза в год", он неожиданно заключает: "Если все это сохранить в себе, то будут на тебя нападки, преследования разные и вообще будут священники пытать, на все нужна сила и Бог даст дарование – их буква останется дешевой ценой". Автор явно что-то недоговаривает, хотя говорит слишком много. Священники предстают чуть ли не служителями антихриста: "Враг злодей ищет всех удобных случаев – батюшек науськивает 'поборники – они других сект, не братство у них', а то семейных всячески восстанавливает"».

В этом тексте очень точно расставлены акценты, и многие духовные люди, о Распутине сокрушавшиеся, признавали: его беда была в том, что «старец» не имел наставника, не прошел школы послушания. Если бы встретился на его пути человек, который сделался бы его водителем, все могло сложиться в жизни этого незаурядного человека иначе. Примечательно, что о том же самом писала и Матрена. По ее версии, старец Макарий из Верхотурского монастыря говорил ее молодому отцу: «Ты должен неустанно молиться о том, чтобы тебе было даровано понимание и руководство».

О Макарии пишет и Ричард Бэттс: «Наибольшее влияние во время пребывания в Верхотурье оказал на него старец Макарий, известный прозорливый отшельник, живший в лесу, приблизительно в 12 верстах от Верхотурского монастыря. Местные жители любили этого старца и ходили к нему за советом, иногда принося ему небольшие свертки с едой, одеждой и немного денег. Его совет часто был коротким и несвязным; его слова принимались больше сердцем, чем разумом. Посетители внимательно слушали и почти всегда уходили утешенные и умиротворенные. Старец Макарий долго помнил маленькие дары и доброту паломников и спрашивал имя каждого человека, с тем, чтобы поминать его в молитвах».

Все это совершенно верно, но только не было в молодости Распутина никакого старца Макария. Тот Макарий, о котором пишет Ричард Бэттс и которого упоминает Матрена, по собственному его признанию, сделанному Комиссии Временного правительства, познакомился с Григорием в 1905 году (его иногда путают с другим Макарием – настоятелем Верхотурского монастыря в 1890—1893 годах, но совершенно очевидно, что это разные люди). Настоящее имя Макария было Михаил Васильевич Поликарпов. Известность у него была большая, в том числе и в кругах литературных.

«Алексей Ремизов рассказал мне об одном пастухе с Урала из Верхотурья, – вспоминала Маргарита Сабашникова, жена поэта М.

Волошина. – Когда этот пастух на восходе солнца молится коленопреклоненный, обратив лицо к утренней заре, или вечером, повернувшись к лучам заходящего солнца, все стадо – коровы, овцы и козы – стоит неподвижно голова к голове, повернувшись в том же направлении».

А дальше Сабашникова рассказала о собственном посещении Макария в 1910 году.

«В пустой комнате с маленькими закрытыми окнами, окруженный кудахтающими и взлетающими друг на друга курами, стоял человек высокого роста, но немного сутулый. Руки его с раскрытыми ладонями были подняты кверху, как будто он ловил руками невидимые потоки. Лицо его было вне времени. Глубокие морщины свидетельствовали о тревоге, тревоге не за себя. Глаза его, по-видимому, не знали сна. Он был одет как крестьянин, только на голове у него была монашеская камилавка, время от времени он поворачивался в разных направлениях и смотрел по сторонам и наверх, как будто хотел где-то что-то лучше рассмотреть. Иногда он обращался к курам и говорил с ними. Он был серьезен и строг.

Что-то захватывающее было в его облике, что-то подобное присутствию, встреча взглядов. Все же он должен быть старцем, подумала я и опустилась перед ним на коленях.

Он же посмотрел на меня через плечо и тихо сказал: "Не надо становиться на колени". Потом он подозвал двух ссорящихся кур и подошел ко мне, все еще держа руки, поднятыми кверху. "Что Вы хотите от меня?" – спросил он. "Я прошу благословить меня", – ответила я, смутившись, так как не была готова к разговору. "Мы не попы и не монахи, раздающие благословения"».

Маргарита Сабашникова была антропософкой, поклонницей и ученицей Рудольфа Штейнера и, следовательно, человеком от православия весьма далеким. В своих мемуарах она могла многое напутать и последние слова Макарию безосновательно приписать. Тем не менее вопрос о старчестве Макария непрост.

Краевед М. Ю. Нечаева в статье «За стенами древней обители. Четыре века истории Верхотурского Николаевского монастыря» писала:

«На вопрос, было ли старчество в Верхотурье, лучше всего ответил епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан, который в 1910 г., находясь в самом Николаевском монастыре, собрал настоятелей и настоятельниц близлежащих обителей и обсудил с ними вопрос о желательности введения этого "духовного окормления" в епархии. Все присутствовавшие пришли к выводу, что это можно осуществить практически, но никто не указал на то, что в их обители уже есть образцы такого

подвижничества. Думается, не из скромности умолчали настоятели о подобных примерах, а понимая, что действительно нет в их монастырях такой традиции. "Все присутствующие нашли желательным иметь старчество и по возможности путем бесед, чтений и влияния через духовника стремиться к осуществлению сего желания" – так значилось в отчете об этой поездке, помещенном в "Екатеринбургских епархиальных ведомостях".

Впрочем, история Верхотурского монастыря знала отдельные фигуры старцев, весьма неоднозначные. Обычно они жили не в самой обители, а на отдаленных заимках. Всплеск такого рода духовного наставничества пришелся на время настоятельства в Верхотурье двух валаамских иноков – Иова и Арефы, старавшихся укоренить на Урале столь почитаемый опыт монашеского подвижничества. Вероятно, первым верхотурским старцем стал схимонах Илия (Чеботарев), прибывший еще в сане простого инока вместе с другими валаамскими монахами и проживший на Урале последние семь лет жизни. В 1894—1895 гг. он поселился в 22 верстах от Верхотурья, на реке Малый Актай, в глухом лесу. Недалеко от кельи схимонаха Илии жил старец-"простец" Евдоким Пленкин. В 1911 г. основанный ими скит был приписан к Верхотурскому монастырю, но оба старца к тому времени уже умерли: Илия в 1900 г., а Евдоким – в 1905 г. К 1912 г. на Малом Актае жили 5 послушников и 1 иеромонах. Они работали по хозяйству, плели корзины, ткали рогожи, занимались рыболовством. К 1917 г. выстроили небольшую деревянную церковь.

На другой монастырской заимке – Большом Актае, в 8 верстах от города, жил еще один старец – Макарий (в миру – Михаил Васильевич Поликарпов). Он слыл юродивым и прозорливцем, имел знакомство с Григорием Распутиным и многими членами императорской фамилии, а на Урале был известен как "пастух Михаил", о его пророчествах ходило много рассказов. Умер этот верхотурский старец в 1917 г. Однако вспомним – в 1910 г. епископ Екатеринбургский не упоминал о нем, как о "старце", – быть может, неслучайно?»

Замечательные воспоминания о Макарий (чем-то перекликающиеся с мемуарами Сабашниковой) оставила подруга Императрицы Александры Федоровны Романовой Юлия Александровна Ден, посетившая Верхотурье в 1916 году: «… отшельник живет в самой глубине леса и его келью вполне можно принять за птичий двор. Он был окружен домашними птицами всех пород и размеров. Возможно, он считал птицеводство чем-то сродни миссии святого: нам предложили холодную воду и черный хлеб. Что такое кровать, отшельник не имел представления, так

что нам пришлось спать на жестком глиняном полу. Должна признаться, что я несказанно обрадовалась, когда мы вернулись в Верхотурье и смогли принять ванну и лечь в мягкую постель».

Благодаря Распутину Макарий дважды побывал в Петербурге, был представлен Царю, в 1909 году Государь лично поздравил Макария с Пасхой; сохранилась фотография, на которой изображены епископ Феофан (Быстров), Макарий и Распутин.

О Макарий очень тепло отзывался митрополит Вениамин (Федченков):

«…там, в скиту, жил подвижник – монах о. Макарий. Я его лично видел в Петербурге вместе с настоятелем монастыря архимандритом Н., их привозил Распутин, чтобы показать, какие у него есть хорошие благочестивые друзья. Тогда уже пошла борьба против него.

Действительно, оба эти инока были очень хорошие люди, а о. Макарий и доселе остался у меня в памяти как святой человек, только очень уж доверчивый, как дитя. Святые люди нередко бывали такими: живя сами свято, они и на других смотрели так же, по изречению Григория Богослова: "Кто сам верен, тот всех доверчивее".

А может быть, святые ради спасения грешников намеренно обращались с ними ласково, я такие примеры видел в жизни святого старца Гефсиманского скита, около Сергиевой лавры, о. Исидора».

Таким образом, дружбу Макария и Григория можно считать фактом, но фактом является и то, что никакого влияния на Распутина в *молодости* Макарий не оказывал. Более того, как говорил он на следствии в 1917 году: «Я рассказал ему (Распутину. – *А. В.)* о скорбях и невзгодах моей жизни, и он мне велел молиться Богу». Так что и в этом случае «старцем» был Григорий, который доходил до всего своим умом и охотно руководил другими[2].

«Из всей церковной истории не известно, чтобы мірянин, не монах, не прошедший искуса в послушании у подлинно духовного старца, мог иметь в таком молодом возрасте чрезвычайные благодатные дары прозорливости и исцелений, – писал о Распутине уже упоминавшийся Дионисий Алферов. – Для сравнения можно сослаться на истинных святых, почти современников Распутина, старцев Оптинских, стяжавших обильные дары Св. Духа. Девство, пост, строгое послушание в благоустроенной обители под руководством неложного духоносного руководителя, удаленность от мірских соблазнов и при этом долгие годы борьбы со страстями, с помыслами, искушениями, годы скорбей – и лишь после всего этого особые

духовные дары, подаваемые ради служения ближним и то далеко не всякому подвижнику.

Известны из истории Русской Церкви носители особых дарований духовных из чина юродивых Христа ради, например, такие, как бл. Ксения Петербургская, или Паша Саровская. Но и такие рабы Божий стяжали свои духовные дары долгими годами жестокого аскетического жития, через поношения от Міра сего, считавшего их безумными. Надо сказать, что уже в XIX веке подлинные юродивые Христа ради почти исчезли, зато размножились лже-юродивые, духовно прельщенные или самозванцы.

Определенное исключение из этого правила святости составлял св. Иоанн Кронштадтский, который формально не был монахом и не имел своим духовным руководителем старца. Поэтому он вызывал при жизни, особенно в начале своего подвига, настороженное и даже подозрительное отношение со стороны церковной иерархии, в том числе и такого высоко духовного человека, как свт. Феофан Затворник. Но о. Иоанн был девственником и проводил строго аскетическую жизнь в тайне».

Про Распутина нельзя сказать ни того ни другого.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Распутин в Казани: епископ Хрисанф, старец Гавриил, купчиха Башакова. Петербург: легенда о «простом мужичке». Митрополит Евлогий о Распутине. Распутин и епископ Феофан. Киевский след: Великие Княгини Милица и Стана. Митрополит Вениамин (Федченков) о Распутине. Распутинская легенда у Николая Клюева. Низъе Антельм Филипп как предтеча Григория Распутина. Несостоявшийся Распутин – С. Нилус: за и против. Ричард (Фома) Бэттс о Филиппе. Филипп в письмах Императрицы. Распутин и Царская Семья. Первые шаги Распутина во дворце. Новая фамилия. Великая Княгиня Ольга Александровна о Распутине. Болезнь Цесаревича. Распутин в книге Н. Соколова «Убийство царской семьи». Распутин в воспоминаниях флигель-адъютанта Н П. Саблина

В 1904 году, заручившись рекомендательным письмом влиятельного епископа, Распутин направился в Петербург к ректору Духовной академии. Современный ученый, историк Церкви С. Л. Фирсов пишет об этом так: «…уже тогда, на грани веков, проявился его особый дар воздействовать на женщин. "Духовно утешенная" Распутиным купчиха отвезла его в Казань, где познакомила с православными клириками. Викарный епископ Казанской епархии Хрисанф (Щетковский), непонятно почему, решил дать молодому крестьянину рекомендацию, с которой тот в 1903 г. и приехал в Петербург к ректору Духовной академии епископу Сергию (Страгородскому)».

Причина, по которой Хрисанф так непонятно поступил, могла быть одна – Распутин (заметим, не такой уж молодой, а прошедший, по меркам Данте, земную жизнь до половины) произвел на него сильное впечатление. И не только на него. Казанский период в жизни опытного странника не исследовался практически никем, и упоминание о нем можно найти разве что в книге Ричарда (Фомы) Бэттса, который ссылается на воспоминания архиепископа Тихона (Троицкого) Сан-Францисского, в молодости учившегося в Казанской духовной академии и бывшего духовным сыном старца Гавриила (Зырянова) из Седмиезерского скита: «Раз группа студентов посетила старца Гавриила, который, по обычаю, приглашал чайку попить в 4 часа. На чае был молодой вл. Тихон и среди гостей был и Распутин. В то время он считался "all right" и был в почете, посещал старца и очевидно был на большом счету у него. Старец Гавриил позже рассказывал вл. Тихону, что когда Распутин

говорил ему, что он собирается в Петербург, то старец про себя подумал: "Пропадешь ты в Петербурге, испортишься ты в Петербурге", на что Распутин, прочитав его мысль, вслух сказал: "А Бог? А Бог?" Это слышал вл. Тихон, но не знал к чему, так что старец объяснил этот явный случай прозорливости Распутина».

На самом деле прозорливым, как показали дальнейшие события, оказался Гавриил, который заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. Судьба старца Гавриила есть полная противоположность судьбе «старца» Григория, при том, что общие точки пересечения на их пути встречались. Как и в жизни Распутина, в жизни Гавриила большую роль сыграл святой Симеон Верхотурский. Как и Григорий Распутин, Гавриил совершал в молодости паломничество в Верхотурский монастырь и получил по молитвам исцеление. Как и Распутин, Гавриил был хорошо известен во дворце, правда, не в царском, а великокняжеском (к Гавриилу часто приезжала великая княгиня Елизавета Федоровна). Как и Распутин, он обладал даром исцелять (существует много свидетельств о том, как старец Гавриил помогал тяжело болящим). На этом, пожалуй, их сходство исчерпывается, в остальном они были противоположностью. Забегая вперед, отметим, что именно Гавриил скажет о Распутине: «Убить его, что паука: сорок грехов простится…»

Это произойдет много позже, и для таких слов у Гавриила будут причины. Пока же важно зафиксировать, что уже в 1903—1904 годах в Казани Распутин имел определенный авторитет. Допетербургскую славу Григория, до столицы докатившуюся, подтверждает и монах-расстрига Илиодор, в миру Сергей Труфанов. Доверия его книга «Святой черт» в целом вызывает мало, но несомненно то, что Распутина Илиодор хорошо знал и о его первых шагах в столице лгать будущему вероотступнику никакой нужды не было.

«В конце 1902 года, в ноябре или декабре месяце, среди студентов Санкт-Петербургской духовной академии пошли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской и Тобольской губерниях, объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник по имени Григорий.

В религиозных кружках студенческой молодежи, группировавшихся вокруг истинного аскета, тогдашнего инспектора академии – архимандрита Феофана, рассуждения о новоявленном пророке велись на разные лады.

– И вот теперь такого мужа великого Бог воздвигает для России из далекой Сибири. Недавно оттуда был один почтенный архимандрит и говорил, что есть в Тобольской губернии, в селе

Покровском, три благочестивых брата: Илья, Николай и Григорий. Старший из них – Григорий, а два первых – его ученики, еще не достигшие высокой ступени нравственного усовершенствования. Сидели как-то эти три брата в одной избе, горько печаловались о том, что Господь не посылает людям благословенного дождя на землю; потом Григорий встал из-за стола, помолился и твердо произнес: "Три месяца, до самого покрова, не будет дождя…" Так и случилось. Дождя не было, и люди плакали от неурожая… Вот вам и Илья-пророк, заключивший небо на три года с месяцами! Господи! Господи! – глубоко вздохнувши, заключил о. Феофан.

– А не приедет ли сюда тот старец?

– Приедет, приедет! Один архимандрит обещал его привезти. Мы его ждем…»

И чуть дальше:

«В конце 1903 года я принял монашество – из Сергея меня обратили в Илиодора. 16 декабря я шел по темному академическому коридору, со взором, опущенным книзу, согласно учению святых отцов. Вдруг меня кто-то деликатно потрепал за плечо. Я поднял взор и увидел отца Феофана и какого-то улыбающегося мужика. "Вот и отец Григорий, из Сибири", – застенчиво сказал Феофан, указывая на мужика, перебиравшего в это время ногами, как будто готовился пойти танцевать в галоп. "А", – в смущении протянул я и подал мужику руку и начал с ним целоваться».

Целовался при встрече Распутин со всеми, включая Царя с Царицей. Что же касается даты первого приезда Григория в Петербург (1903 год), которую называют и Илиодор, и С. Фирсов, и очень многие биографы и историки и которая упоминается в приложении к докладу митрополита Ювеналия на Архиерейском соборе 2004 года, то скорее всего это ошибка (и уж тем более ошибается Л. П. Миллер, автор известной книги «Царская семья – жертва темной силы», называя 1902 год).

Дело в том, что в 1903 году Хрисанф находился еще в Корее, где занимался миссионерской деятельностью. Миссия его была закрыта в связи с началом Русско-японской войны в начале 1904 года, тогда же Хрисанфа перевели в Казань и рукоположили в епископы. Таким образом, логично предположить, что именно в 1904-м, а не в 1903 году Распутин получил свою рекомендацию и отправился в Петербург.

С одной стороны, разница в год не так уж и важна, с другой – эта датировка доказывает ту молниеносность, с которой в дальнейшем опытный странник завоевывал Петербург.

И, наконец, последнее – про «духовно утешенную» купчиху, которая познакомила Распутина с Хрисанфом.

«Простая душа. Богатая была, очень богатая и все отдала… Новое наследство получила, но опять все раздала… И еще получит, и опять все раздаст, такой уж человек», – говорил о ней сам Распутин. Краткое упоминание о Башмаковой можно дополнить заметкой Юрия Мышева, недавно опубликованной в газете «Республика Татарстан».

«Этот рассказ я слышал в детства от бабушки. В молодости она работала в прислугах у местной помещицы. Та любила работящую девушку, обещала помочь в будущем устроиться в Казани, где у нее жила родственница. И вот однажды в гости к помещице пожаловал сам Григорий Распутин.

Ехал по улице на велосипеде, горстями бросал конфеты местной детворе, бегущей следом.

– Странный был, – рассказывала бабушка. – Большой лоб закрывали длинные космы, нос в оспинках выступал вперед. Лицо морщинистое, загорелое. Борода свалявшаяся, словно старая овчина. На правом глазу – желтое пятно. Мрачный, нелюдимый. Улыбка лукавая. Взгляд его не каждый мог выдержать. Он им коней останавливал, хворь излечивал, кровь заговаривал. Молодухе одной, что неприветливо встретила его, нагнал кошек со всего села, и визжали они всю ноченьку под ее окнами. Кошки постоянно увивались около него. Еще погулять любил.

Пиво домашнее больно понравилось ему. Костюм на нем был засаленный, руки длинные торчали из рукавов, будто сучки корявые…

"Надо же, бабка сочиняет, – думалось мне тогда. – Где Распутин и Петербург, а где село наше…"

Но прошло время, и я по-другому стал воспринимать бабушкин рассказ.

Оказалось, она дала точное описание внешности и поведения Распутина.

Откуда неграмотная бабушка могла узнать о нем? Неужели и впрямь пресловутый старец наведывался к ее хозяйке?

Эта догадка подтверждается и тем, что, оказывается, Распутин бывал в Казани у миллионерши Башмаковой в те годы, когда бабушка работала служанкой, – в 1903—1906 годах. У Башмаковой, по некоторым сведениям, была родственница в Свияжском уезде, к которому тогда относилось наше село».

Для расхожего представления о Распутине рассказ очень характерный. Трудно сказать, насколько он точен, но обращает на себя внимание одна деталь: тридцатичетырех-тридцатипятилетний Распутин выглядит здесь как старик – морщинистое лицо, свалявшаяся борода. Возможно, память мемуаристки подкорректировали более поздние фотографии.

Однако то, что именно Башмакова могла познакомить сибирского крестьянина с казанским викарием, вполне допустимо, хотя сам Распутин в своих записках ни о каких рекомендательных письмах не упоминает. В его изложении история встречи с епископом Сергием в Петербурге выглядит очень трогательно и «чудотворно»:

«Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге по Каме, как господа лепешки валяли в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить! Приезжаю в Петербург… выхожу из Александрове-Невской лавры, спрашиваю некоего епископа духовной академии Сергия. Полиция подошла, "какой ты есть епископу друг, ты – хулиган, приятель". По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ признал меня, увидел, и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм».

С точки зрения современного «распутиноведения», место это важное. Эдвард Радзинский, автор одной из самых популярных книг о Распутине, уверяет своих читателей, что узнал о рекомендательном письме Хрисанфа из неопубликованных материалов следственной комиссии при Временном правительстве, которыми располагает лишь он да дирижер Мстислав Ростропович, и представляет этот факт как открытие, сенсацию:

«В "Том Деле" оказались показания "высокопоставленного" Феофана о первой встрече с Распутиным, совершенно опровергающие его выдумку… На допросе в 13-й части Чрезвычайной комиссии Феофан, епископ Полтавский, 44 лет, показал: "Впервые Григорий Ефимович Распутин прибыл в Петроград зимою во время русско-японской войны из города Казани с рекомендацией ныне умершего Хрисанфа, викария Казанской епархии. Остановился Распутин в Александро-Невской Лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия".

Так что – не было "несчастного странника", который униженно молил швейцара "оказать ему милость". Распутин прибыл в Петербург с рекомендательным письмом от одного из могущественных иерархов Церкви и конечно же не только незамедлительно был принят Сергием, но и поселен в Лавре».

Олег Платонов, популярный среди другой части читателей, этот факт в своей книге игнорирует как незначительный либо не бывший. По Платонову и его последователям, все именно так и обстояло, как Распутин писал: с рублем приехал, либо пешком пришел в Петербург и, проявив смирение, удостоился аудиенции у епископа, который духовными очами «прозрел» в убогом мужичке великого христолюбца.

На самом деле тот факт, что Распутин явился к будущему местоблюстителю Патриаршего престола, а впоследствии Патриарху не с улицы, а по рекомендации Хрисанфа, был широко известен очень давно. Хрисанф, правда, не был «могущественным» иерархом, но все же рекомендация казанского викария Распутину помогла. О Хрисанфе упоминал следователь Смиттен, о нем же идет речь в очень авторитетной книге «Путь моей жизни» митрополита Евлогия (Георгиевского).

«Распутина я никогда не видал, хоть и не раз имел возможность с ним встретиться, но от встречи с ним я всячески уклонялся, – вспоминал Евлогий. – Сибирский странник, искавший Бога и подвига и вместе с этим человек распущенный и порочный, натура демонической силы, – он сочетал поначалу в своей душе и жизни трагедию: ревностные религиозные подвиги и стремительные подъемы перемежались у него с падениями в бездну греха. До тех пор, пока он ужас этой трагедии сознавал, не все еще было потеряно; но он впоследствии дошел до оправдания своих падений, – и это был конец. Известность стяжал постепенно. Приехал в Казань к епископу Хрисанфу, тот рекомендовал его пектоцу Петербургской Духовной Академии еп. Сергию, а Сергий познакомил его с архимандритом Феофаном (впоследствии епископом Полтавским) и профессором-стипендиатом молодым иеромонахом Вениамином».

Воспоминания Евлогия очень характерны – значительная часть трезвомыслящих и рассудительных церковных иерархов, к каковым Евлогий несомненно принадлежал, относилась к Распутину осторожно, избегала его и предпочитала не числить себя ни среди его врагов, ни друзей. Но были и другие, видевшие в нем нечто необычное и впоследствии жестоко разочаровавшиеся. Возможно, таким был Хрисанф, миссионер и церковный писатель, один из немногих, кому пережить падение своего протеже не пришлось – Хрисанф умер в 1905 году; точно обманувшимся в Распутине стал епископ Феофан, который сыграл в истории возвышения сибирского крестьянина очень важную роль.

Зинаида Гиппиус, весьма критически отзывавшаяся о клириках своего времени, писала о Феофане, которого знала по

петербургским Религиозно-философским собраниям начала века: «Еп. Феофан был монах редкой скромности и тихого, праведного жития. Помню его, маленького, худенького, молчаливого, с темным, строгим личиком, с черными волосами, такими гладкими, точно они были приклеены. Но он смотрел "горе", поверх человека – где ему было распознать сразу хитрого сибирского мужичонку!»

«Великий постник, молитвенник, человек той особой духовной жизни, уже увидевший те высоты и лазурные, светлые дали, которые видимы им, этим полуземным людям, этим ангелам во плоти, уже живущим не здесь», – отзывался о нем иеромонах Киприан в книге «Сосуд молитвы».

Епископ Феофан был, по преданию, тем самым человеком, который однажды спорил о монашестве с В. В. Розановым. Точнее спорил Розанов, а Феофан молчал. Розанов говорил, горячился, а потом вдруг сказал: «А может быть, вы и правы».

О Феофане, как раз в пору его знакомства с Распутиным, существуют воспоминания родственницы Феофана (сестры жены его брата) М. Белевской-Летягиной:

«Я была на Высших Женских Курсах в Петербурге и меньше всего думала об Арх. Феофане. Но как-то весной приехала моя сестра и сказала, что Арх. Феофан хочет меня видеть.

Я решительно ничего общего с религией и монахами тогда не имела и меня совсем не обрадовало это свидание. Я знала, что он порвал с внешним миром и со своей семьей, которой совершенно не помогает, а все деньги, получаемые им, как ректором Петербургской Академии, раздает по Церквам.

Не понимая, что ему от меня надо, и не желая огорчать сестры – пошла. В Академии нас провели в какую-то неуютную комнату с массой стульев и попросили обождать. Через несколько минут в комнату вошли 3 студента и, не здороваясь с нами, сели против нас. Сестра мне шепнула, что Арх. Феофан никогда ни с кем один не остается… Через некоторое время вошел Арх. Феофан, в черном клобуке, с четками в руках, низко опустив голову и смотря в пол. Во время беседы он ни разу не поднял глаз. Сестра начала передавать ему бесконечные поклоны и родственные приветствия, но о. Феофан сидел молча, не проявляя никакого интереса к словам сестры, потом встал и предложил нам пойти в академический сад. Мы с сестрой поняли, что он хочет остаться с нами и что-то сказать без свидетелей. В саду он сразу же начал говорить нам о необыкновенном старце-крестьянине, который недавно приехал из Сибири и часто у него бывает. По словам о. Феофана, этот старец был необыкновенной святости и прозорливости. "Такой молитвы я ни у кого не

встречал", сказал он, "и вот я вспомнил о Тебе", повернулся он в мою сторону, "и хочу, чтобы Ты пришла вместе помолиться со старцем. Ты увидишь, как тебе легко будет жить после этой молитвы и какой ясной покажется вся жизнь. Государыня, у которой я бываю, также заинтересовалась старцем, и скоро он будет введен во дворец. А потом, прибавил он, улыбаясь, ты же интересуешься своей жизнью, все ведь девушки хотят знать будущее – он тебе его предскажет. Он знает все и читает по лицам прошлое и будущее каждого человека. Этого он достиг постами и молитвой. Его зовут Распутин, вот приходи и познакомься с ним".

Я с недоумением слушала слова Архиепископа; в те времена меня совершенно никакие старцы не интересовали, и моего будущего узнавать мне не хотелось. Удивила меня только фамилия святого старца, очень не подходящая к тому облику, который был мне только что нарисован.

Само собой разумеется, что я не пошла на свиданье с Распутиным».

Вообще, надо сказать, ситуация с Феофаном непроста. Принято считать, что именно Феофан ввел Распутина в императорский дворец и когда бы не он, Россия не узнала бы человека, из-за которого впоследствии столько было сломано копий.

«Надо иметь в виду, что Распутина ввел во дворец весьма умный иерарх Церкви епископ Феофан», – писал известный государственный деятель камергер Вл. И. Гурко.

«Личность преосвященного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый, твердый и христианской веры в духе истого православия и христианского смирения человек. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки иметь места не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служитель алтаря Господня, чуждый политики и честолюбивых запросов.

Тем более непонятным и странным покажется то обстоятельство, что к императорскому Двору именно им был введен Распутин», – утверждал председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

«Сам человек глубоко религиозного настроения, широко известный своей аскетическою жизнью и строгостью к себе и к людям, Епископ Феофан принадлежал к тому разряду русского монашества, около которого быстро сложился обширный круг людей, искавших в беседах с ним разрешения многих вопросов их внутренней жизни и потом громко говоривших о его молитвенности и каком-то особенном умении его подойти к человеку в минуту горя и сомнения, – писал в своих мемуарах

занимавший в 1911—1914 годах пост премьер-министра В. Н. Коковцов.

Он долго присматривался к Распутину и вынес затем убеждение, что он имеет перед собой, во всяком случае, незаурядного представителя нашего простонародья, который достоин того, чтобы о нем услышала Императрица, всегда интересовавшаяся людьми, сумевшими подняться до высоты молитвенного настроения.

Впоследствии Преосвященный Феофан глубоко разочаровался в Распутине и до самого последнего времени искренно скорбит об оказании ему поддержки.

Императрица разрешила Епископу Феофану привезти Распутина в Царское Село и, после краткой с ним беседы, пожелала не ограничиться этим первым свиданием, а захотела ближе узнать, что это за человек».

«Архимандриту Феофану, человеку высокой подвижнической жизни, Распутин показался религиозно значительной, духовно настроенной личностью, и он вовлек в знакомство с ним Саратовского епископа Гермогена, который с ним и подружился. Архимандрит Феофан был духовником великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны ("черногорок"); к ним Распутина он и привел, а они ввели его в царскую семью», – вспоминал митрополит Евлогий.

«Но, к несчастию царицы, этот ученый аскет оказался на практике совершенно неопытным в духовной жизни. Он не умел познавать подлинное состояние души человеческой. Он сам долгое время верил в Г. Е. Распутина как истинного подвижника, молитвенника и прозорливца. Это первая ошибка епископа Феофана. После такой рекомендации не малообразованного духовника, а магистра богословия, епископа и духовника, которому верили, как же было не поверить, особенно Императрице, так жаждавшей истинного духовного утешения после перенесенных безпримерных скорбей. Первое время епископ Феофан бывал во Дворце вместе с рекомендованным им старцем из крестьян, который загадочными словами сумел произвести хорошее впечатление», – писал игумен Серафим (Кузнецов).

«В сферу личной жизни Императрицы вошел Распутин. Она не искала его. Он был введен к Ней архиепископом Феофаном, указавшим на него, как на "старца", на котором почиет благодать Божия», – вынес свое суждение саратовский губернатор П. П. Стремоухое.

«…несчастного еп. Феофана… толкнул злой дух направить сибирского "старца" в дом Романовых», – кратко подытожила

Гиппиус.

Однако сам Феофан позднее все это отрицал. «Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего императора, мне совершенно не известно. И я решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в царскую семью не совсем прямым путем… Сам Распутин об этом не говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив… Я замечал, что у Распутина было сильное желание попасть в дом бывшего императора, и что проник он туда против воли великой княгини Милицы Николаевны. Сам Распутин сознавался мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей».

Примерно о том же говорится и в книге схимонаха Епифания (А. А. Чернова) «Жизнь святителя», посвященной епископу Феофану:

«По одной лживой версии, Распутина "ввел" архимандрит и инспектор С.-Петербургской Духовной Академии, а по другой – Епископ и ректор той же Академии, Преосвященный Феофан. И обе эти версии напечатаны в книгах официального советского государственного издательства. А чтобы эта неправда больше походила на правду, добавляют при этом, что "теперь" Архиепископ "мучится" и "очень страдает", так как "считает себя виновником гибели Православной Российской Империи".

Архиепископ Феофан неоднократно заявлял, что он не имеет никакого отношения к этому вопросу. Живя в Софии, он в 1930 году дал интервью редактору местной русской газеты Глебу Волошину. И Волошин, знавший Архиепископа еще в бытность свою кадетом Полтавского кадетского корпуса, напечатал в своей газете это интервью. Оно стало опровержением на клевету, появившуюся на страницах официального печатного органа Ватикана. Отвечая на вопросы редактора, Архиепископ Феофан сказал, что он совсем не "переживает" и не "страдает" уже хотя бы потому, что совершенно не причастен к этому делу, так как Распутина ввели во Дворец черногорские княгини, Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, бывшие в большой близости к Государыне. И он был приглашен как лечитель или даже как целитель к опасно больному Наследнику Цесаревичу Алексею. Сам он, в ту пору архимандрит Феофан, Инспектор С.-Петербургской Духовной Академии, впервые увидал Распутина у черногорских княгинь, но последний имел уже доступ во Дворец к постели больного Цесаревича. Архиепископ Феофан подчеркнул, что он не считает роль Распутина столь великой, чтобы расценивать его как "причину гибели Православной Российской Империи".

Милица Николаевна и Анастасия Николаевна впервые встретили Распутина ранее, в Киеве, в Киево-Печерской Лавре. Он первый заговорил с ними и поразил их своей речью, своим умом и благочестием. Они назвали себя и пригласили его приехать к ним в Петербург. Он приехал. Здесь они уже основательней познакомились со своим сибирским гостем. Но все это делалось не случайно. Они были близки с Государыней. Она глубоко переживала, что родившийся Наследник Престола болен гемофилией, перед которой современная медицина была бессильна, но верила слову одной прозорливой, что не наука, а простой, неученый человек поможет ее горю. Это было сказано Государыне, когда о болезни Наследника никто не знал. И Государыня искала этого "простого человека". Когда же Милица Николаевна рассказала ей о сибирском крестьянине Распутине, то убитая горем Государыня с великой надеждой пожелала видеть Григория Ефимовича».

Версия о том, что Распутин впервые познакомился с высшим светом в Киеве, высказывалась также секретарем Распутина Ароном Симановичем в его книге «Распутин и евреи».

«Распутин появился за девять лет до начала великой войны, и дальнейшие события я буду передавать по рассказам самого Распутина.

Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев.

Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странника, занятого колкой дров. Он работал для добывания себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего второго путешествия в Иерусалим. Распутин пристально посмотрел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов, и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным <…> Распутин сообщил дамам, что он обладает способностью излечивать все болезни, никого не боится, может предсказать будущее и отвести предстоящее несчастье. В его рассказах было много огня и убедительности, и его серые пронизывающие глаза блестели так суггестивно, что его слушательниц охватывало какое-то восхищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение. Легко подвергающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила его как-то вечером, может ли он излечить гемофилию. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезнь эта ему хорошо известна, и

описал ее симптомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезни вполне соответствовала страданиям цесаревича. Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил несколько лиц от этой болезни. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына. Они поведали Распутину о болезни наследника, о которой в то время в обществе еще ничего не было известно, и он предложил излечить его. Таким образом завязался узел, развязка которого последовала лишь убийством чудотворца и бурями второй революции».

Если к воспоминаниям Симановича следует относиться с очень большой долей осторожности, хотя бы потому, что не вполне ясно, кто был их подлинным автором, то епископ Феофан – человек, безусловно пользующийся огромным уважением и доверием. Такого же уважения заслуживает и автор книги о Феофане иеросхимонах Епифаний.

И тем не менее в позднем рассказе Феофана, сообщенном Епифанием (равно как и в мемуарах Симановича), много хронологических нестыковок. Болезнь наследника всерьез проявилась после того, как Распутин был введен во дворец, и совершенно очевидно, что не она была причиной первых встреч крестьянина с августейшей четой. Цесаревича Распутин впервые увидел только через год после первой встречи с Государем. А знакомство Распутина с Великими княгинями Милицей Николаевной и Анастасией Николаевной на богомолье в Киеве и вовсе из разряда мифических.

Точно так же ошибался и священник Лев Лебедев, автор книги «Великороссия: Жизненный путь», когда писал: «Распутин появился около Царского Двора в октябре-ноябре 1905 г. Его рекомендовали Государю и Государыне как уже признанного целителя для помощи больному Цесаревичу Алексею». Все было совсем не так, хотя надо признать, что суждения о появлении Распутина во Двору только по причине болезни наследника в качестве целителя встречались и в показаниях близких к Государыне людей.

«Распутин попал к Царской Семье впервые, как мне помнится, в Спаде. Тогда вся Царская Семья жила там и с Алексеем Николаевичем произошло несчастье. Он резвился в бассейне и ушибся. У него отнялась тогда одна нога и Ему было очень худо. Его тогда лечили профессор Федоров, доктор Острогорский, доктор Боткин и доктор Деревенько. Ему было настолько худо, что у Него очень плохо работало сердце и был плохой пульс. Все опасались за Его жизнь, и Алексей Николаевич страдал ужасно;

сильно кричал.

Тогда супруга Великого Князя Николая Николаевича Анастасия Николаевна указала Ее Величеству на Распутина как на человека, имеющего особую силу – его молитва исцеляет. Ее Величество, как человек глубоко верующий, как Мать, страшно любившая сына, пожелала тогда видеть Распутина», – рассказывала на следствии камер-юнгфера Государыни Мария Густавовна Тутельберг, прослужившая при Александре Федоровне с года ее замужества и до екатеринбургского заключения.

Заблуждалась она или, что более вероятно, стремилась к тому, чтобы ничто не оскорбляло памяти ее Государыни, и сознательно нарушала последовательность событий, но только Распутин появился во дворце намного раньше (упомянутый М. Г. Тутельберг эпизод относится к 1912 году). Другое дело, что именно болезнь наследника закрепила его положение и стала одной из основных причин длительного нахождения при Царской Семье. Об этом чуть позже, а пока вернемся к Феофану. Если верить тому, что Э. Радзинский действительно имел доступ к неопубликованным материалам допроса епископа в 1917 году и без искажений воспроизвел их в своей книге, то на следствии Феофан говорил: «Как-то он (епископ Сергий. – *А. В.)* пригласил нас к себе пить чай и познакомил впервые меня, нескольких монахов и студентов с прибывшим к нему Божьим человеком или «братом Григорием», как мы тогда называли Распутина… Он поразил всех нас психологической проникновенностью. Лицо у него было бледное, глаза необыкновенно проницательные, вид постника. И впечатление производил сильное».

Таким образом, Феофан впервые увидел Распутина не у черногорок, а у Сергия. Это же подтверждает ближайший сподвижник архимандрита, в ту пору стипендиат (то есть, говоря современным языком, аспирант) Духовной академии, будущий митрополит Вениамин (Федченков), которого упоминал митрополит Евлогий. «В некоторых кругах думали, будто архимандрит Феофан сам провел Распутина в царский дворец. Это неверно. Он познакомил его, разумеется, как человека Божия, с одной великокняжеской семьей, ему близко знакомой духовно. А оттуда его уже познакомили со дворцом царя».

Вениамин впоследствии был хорошо знаком с Григорием Распутиным. Он оставил, пожалуй, одно из самых убедительных о нем свидетельств и сделал едва ли не самый глубокий и объективный анализ тех причин, по которым и стал возможен сам распутинский феномен:

«Мне пришлось знать его лично года три-четыре. Через это знакомство мне немного приоткрылась придворная и

аристократическая жизнь.

Ему приписывается большое влияние на назначение государственных деятелей. Его появление характерно и с точки зрения церковно-религиозной. Его имя, несомненно, дало материал и для революции. Но, конечно, я запишу лишь немногое.

Тяжело это воспоминание. И обычно я не люблю рассказывать о нем. Просил меня один писатель дать ему материал о Распутине, я тоже отказался. И теперь пишу лишь для целости исторического материала, и то далеко не все.

Мне о нем довольно достаточно известно, потому что я знал его с первых дней появления в Санкт-Петербурге в течение нескольких лет. Кроме того, в моих руках оказалась его краткая автобиография, записанная с его слов для государыни, а так как там было много просторечивых выражений и вульгаризма, то по поручению царицы я и должен был в той же желтой сафьяновой тетради изложить все литературно. Но до конца не довелось мне довести этой работы; времена переменились…

Григорий Ефимович Распутин (другая, добавочная, фамилия его была Новых) пришел из сибирского с. Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии.

Если верить его рассказам и записям в сафьяновой тетради, то он сначала вел жизнь греховную. Но потом пришел в раскаяние и решил перемениться. Для этого он, между прочим, выкопал где-то там пещеру и стал молиться, поститься, бить поклоны, спасаться. В таких подвигах он дошел будто бы до того, что получил дар даже чудотворения. Его жена, которую я тоже видел в Петербурге вместе с ним, простая, но умная женщина, не верила в святость мужа. Тогда он предложил ей доказательство: сели в лодку на местной реке, и она будто бы поплыла сама вверх без весел.

После этого Григорий Ефимович (так обычно звали его) решил "ходить по святым местам", как это широко практиковалось обычно среди богомольных крестьян, паломников, странников. Между другими святынями он особенно часто посещал Верхотурский монастырь Пермской губернии, как ближайший к Сибири».

Далее митрополит Вениамин пишет о том, как Распутин добрался до Казани, получил рекомендательное письмо к ректору Духовной академии Сергию. На квартире у Сергия Вениамин впервые его и увидел:

«Распутин сразу произвел на меня сильное впечатление, как необычайной напряженностью своей личности (он был точно натянутый лук или пружина), так и острым пониманием души:

например, мне он тут же строго задал вопрос: "Что же? Чиновник или монах будешь?" Об этом моем тайном намерении знал только один о. Феофан, никто другой. При таком "прозорливом" вопросе гостя он так и засиял. О. Феофан всегда искал "Божиих людей" в натуре. Были и другие примеры в его жизни до и после Распутина. Другим студентам Распутин не сказал ничего особого… Знаю я другие факты его глубокого зрения. И конечно, он этим производил большое впечатление на людей. Епископ Сергий, однако, не сделался его почитателем. И, кажется, Распутин никогда больше не посещал его. Будущий Патриарший Местоблюститель был человек трезвого духа, ровного настроения и спокойно-критического ума. Но зато о. Феофан всецело увлекся пришельцем, увидев в нем конкретный образ "раба Божия", "святого человека". И Распутин расположился к нему особенно. Начались частые свидания их. Я, как один из близких почитателей о. Феофана, тоже уверовал в святость "старца" и был постоянным слушателем бесед его с моим инспектором. А говорил он всегда очень остроумно. Вообще, Распутин был человек совершенно незаурядный и по острому уму, и по религиозной направленности. Нужно было видеть его, как он молился в храме: стоит точно натянутая струна, лицом обращен к высоте, потом начнет быстро-быстро креститься и кланяться.

И думаю, что именно в этой исключительной энергии его религиозности и заключалось главное условие влияния на верующих людей <…> Как-то все у нас "опреснилось", или, по выражению Спасителя, соль в нас потеряла свою силу, мы перестали быть "солью земли и светом мира" <…> Было общее охлаждение в нас…

И вдруг появляется горящий факел.

Какого он духа, качества, мы не хотели, да и не умели разбираться, не имея для этого собственного опыта. А блеск новой кометы, естественно, привлек внимание».

Примечательно, что схожую мысль, хотя и в более жесткой форме, позднее, независимо от Вениамина, выразил в своих мемуарах и Сергей Иосифович Фудель, церковный писатель, сын известного московского священника Иосифа Фуделя:

«Зрение у христиан уже давно ослабло. Причем особенно важно заметить, что слабость духовного зрения иногда сочетается с личной высокой нравственностью.

В 1923 году мне рассказывал в тюрьме архиепископ Фаддей Астраханский, человек строгой монашеской жизни, человек кроткий и чистый, о том, с каким наивным доверием принимали в дореволюционной России Распутина именно такие, как он, хорошие архиереи. Ему, в частности, каялся в этом тот архиерей

(кажется, Феофан Полтавский), который был сначала ректором Петербургской духовной академии и с именем которого связан момент "оседания" Распутина в столице. Такова была эпоха

Апостольское "различение духов", святоотеческий духовный вкус, зоркость, мудрость и мужество все больше терялись в общей массе священства».

Эпоха действительно несла в себе много соблазнов, а пастыри не всегда оказывались на высоте, но важно подчеркнуть, что здесь мы имеем дело с ретроспективной оценкой Распутина, и даже не самого Распутина, но его феномена. Реальная же личность опытного странника из села Покровского и связанная с ним история была, по-видимому, все же сложнее. Когда председатель Государственной думы М. В. Родзянко, занимавшийся по поручению Государя исследованием личности Распутина, писал: «Это был, еще до появления его в Петербурге, субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели», – то он явно упрощал духовный и житейский путь и облик Распутина. Да и едва ли могли столько человек ошибиться сразу: Хрисанф, Гавриил, Феофан, Вениамин…

«Мне кажется, что раньше у Распутина была искра Божий. Он обладал известной внутренней чуткостью, умел проявить участие и, скажу откровенно, я это испытал на себе: он не раз отвечал на мои сердечные скорби. Этим он покорил меня, этим же, – по крайней мере, в начале своей карьеры, – покорял и других», – написал несколько дней спустя после известия об убийстве Распутина познакомившийся с ним в первые годы его пребывания в Петербурге и впоследствии ставший одним из самых яростных его врагов епископ Гермоген (Долганев), а в опубликованной в «Тобольских епархиальных ведомостях» беседе с корреспондентом уже после мученической смерти владыки эта мысль получила свое подтверждение: «В первое, особенно, время в нем было много хороших задатков, недаром к нему тяготели и в нем заблуждались такие искренние и широкообразованные люди, как епископ Феофан. Потом он несколько изменился и определился, и тогда уже его нетрудно было разгадать. Я и сам заблуждался, но, слава Богу, потом понял его».

«Распутин не был авантюристом, это был человек действительно наделенный особым мироощущением и особыми духовными способностями», – охарактеризовал сибирского крестьянина уже в наши дни историк Церкви, протоиерей Георгий Митрофанов.

В Распутине и в самом деле несомненно что-то было, помимо

алчности и нахальства. И не до Петербурга, а в Петербурге проявились те качества, которые его погубили. Сибирский странник сильно изменился, попав в столицу. В уже цитировавшихся свидетельских показаниях Матрены Распутиной самая важная и точная часть – та, где Матрена не выдумывает, не домысливает, а пишет о том, что видела: мама не узнала мужа после его возвращения домой из Петербурга.

Человек, вернувшийся в Покровское зимой 1904/05 года, больше не был простым паломником и местным законоучителем, хотя и играл эту роль до конца своих дней. Он прикоснулся к иной жизни, с которой обыкновенно мужики и странники не сталкиваются, был ею заворожен и отныне только с нею связан. Столица отравила его. Попав в нее раз, он больше никогда не странствовал в безвестности пешком, потеряв тем самым едва ли не самое главное, что в нем было: личную независимость и непричастность к сильным мира сего. Прав оказался казанский старец Гавриил: лучше б было ему не ходить в Петербург. И тогда, быть может, вся история нашей страны сложилась бы иначе. Но он пришел и с самого начала попал в исключительное положение.

Часто пишут о том, что Распутин был не единственным странником, которого привечали в столице и при дворе. Это верно: был и Митя Козельский, была Матрена-босоножка, были другие прорицатели и юродивые, но никто из них не стяжал той славы, о которой сам ее герой надиктовывал своим приверженцам:

«Много, много я кое-где был, бывал у сановников и офицеров и князей даже, пришлось Романовское поколение видеть и быть в покоях Батюшки Царя. Везде нужна подготовка и смирение, и любовь. Вот и я ценю, что в любви пребывает Христос, то есть неотходно есть на тебя благодать – только бы не искоренилась любовь, а она никогда не искоренится, если ставить себя невысоко, а любить побольше. Все ученые и знатные бояре и князья слушают от любви слово правды, потому что, если в тебе любовь есть, – ложь не приблизится.

Не так как пишется, но на деле-то попасть к Высокопоставленным нужно быть очень осторожным и приготовленным ко всему, тогда от веры твоей повлияет на них Господь своею красотой. Они встрепещут и твое простое слово примут за самое высокое образование, потому что в них скажется особенно чего не опишешь, то есть повлияет Сам Господь своею благодатью. Я грешный тут бывал, то высказать не могу, у всех и вся и много кое-чего видел. Одно главное: кто живет со Христом нищий и убогий, у того радость больше его хаты, а и во дворцах и

у Высокопоставленных, как Бога нет, уныние больше хижин. Действительно, много и среди аристократов таких, что благодати выше дворцов и умению к благочестию. Которые умеют себя унизить, у тех и благодать выше дворцов, не добиваются сей славы, а добиваются высшей благодати им и скорби как овсянна плева для ветра. А которые ждут от царя почестей и награды, а сами не заслужили – у них фундамент-то на песке. Вода пришла, и все унесло, то есть маленькая ошибка, а они уже то давятся, то стреляются, то напиваются, потому что они не искали небесной славы, а искали земного удовольствия. Бога и то купили в магазине – изумруд. А он-то, изумруд, у них заржавел и ржавчина послужила свидетелем. Кто Богу Царю служил и не искал славы, трудился – заслуга, не спал день и ночь, делал правду, служил Богу и уноровлял Батюшке Царю, на того и гора упадет – его не задавит, перенесет все с радостию и получит наслаждение даже больше старого».

Что главное в этом красочном тексте? Нотка поучения. Он пришел не учиться, но учить. Проповедовать. И ему было не важно, где этим заниматься: в погребе под конюшней в родном селе, глухом сибирском монастыре или в царском дворце. И везде он был одинаков, со всеми на «ты», со всеми правдив и честен. И повсюду имел огромный успех.

«Успеху Распутина способствовал и тот факт, что столичная знать, в среде которой он вращался, вообще не просвещенная в религиозном отношении, не имевшая общения с духовенством, или не удовлетворявшаяся этим общением, но в то же время интересовавшаяся религиозными вопросами, была весьма мало требовательна и трактовала его как "старца", далекая от мысли подвергать критике его слова и действия… – писал князь Н. Д. Жевахов. – Да в этом и не было надобности, вернее, возможности, столько же потому, что Распутин говорил отрывочными, не связанными между собою, фразами и намеками, которых невозможно было разобрать, сколько и потому, что его слава зиждилась не на его словах, а на том впечатлении, какое он производил своею личностью на окружающих. Чопорное великосветское общество было застигнуто врасплох при встрече с дерзновенно смелым русским мужиком, не делавшим никакого различия между окружающими, обращающимся ко всем на "ты", не связанным никакими требованиями условности и этикета и совершенно не реагировавшим ни на какую обстановку. Его внимания не привлекала ни роскошь великокняжеских салонов и гостиных высшей аристократии, ни громкие имена и высота положения окружавших его лиц.

Ко всем он относился снисходительно милостиво, всех

рассматривал, как "алчущих и жаждущих правды", и на вопросы, к нему обращаемые, давал часто меткие ответы. И эта внешняя незаинтересованность производимым впечатлением, в связи с несомненным бескорыстием Распутина, удостоверенным впоследствии документально следственным материалом, тем более располагала верующих людей в его пользу».

«Попав на "кисельные берега", Распутин смекнул остро, чем держится и что ценится. С гениальным тактом юродствует, темнит свои прорицания, подчеркивает "народную", "мужичью" святость, – рассуждала З. Гиппиус. – Да особой хитрости, тонкости и не требовалось. Среда, в которую он попал, была ведь тоже по-своему некультурна и невежественна. Шелковая русская рубаха Распутина – это для нее убедительно, умилительно, а попробуй он надеть дешевенький пиджак, заговори он человечьим языком (отлично знал его, понатершись), назови кого-нибудь на "вы", а царя и царицу не "папой с мамой" – еще неизвестно, чем бы обернулось <…>. Замечательно его положение, так сказать, место во времени и пространстве, его роль, а не он сам. И события делаются от этой заурядности как-то еще страшнее».

Жевахов Распутину симпатизировал, Гиппиус – нет, но за разностью их отношения к нему проглядывало общее: зерно упало на подготовленную почву, петербургский свет хотел увидеть именно такого человека. Но вот был ли сам Распутин при этом заурядным, серым мужичонкой, которого вынесло наверх простое стечение обстоятельств и он живо смекнул что к чему, или же был этот человек кем-то более значительным и замысловатым – большой вопрос.

«Распутина отнюдь нельзя признать личностью заурядной; природа его была сложная, не сразу поддающаяся разъяснению», – оспаривал первое из этих суждений Вл. И. Гурко.

«…надо иметь мужество признать, что Р. был натурой во всяком случае исключительной и обладал он огромной силой», – утверждала молодая писательница Вера Александровна Жуковская.

«Григорий Распутин не так был прост и несложен, как о нем говорили и писали», – признавал епископ Гермоген.

«Все свидетельские показания о Распутине сводятся в конце концов к двум точкам зрения: по одной – он громадная сила, по другой – он ничтожество: "побитый конокрад", – подытожил расследовавший обстоятельства убийства Царской Семьи Н. А. Соколов. – Я не считаю Распутина силой. Он не был ею, потому что он не обладал волей. Он, скорее, был безволен.

Но в нем несомненно была одна черта, выделявшая его из общего уровня. Он обладал редкой нервной приспособляемостью

к жизни. Это позволяло ему очень быстро схватывать обстановку и человека. Подобное свойство всегда сильно действует на нервных людей, особенно на женщин. Они всегда склонны видеть в таких людях прорицателей, пророков. Мужичий облик, как контраст, служил в данном случае в пользу Распутина. Его громадная наглость сильно укрепляла общее впечатление.

В конце концов, как бы ни относиться к Распутину, нельзя отрицать в нем одной несомненной черты – его колоссального невежества».

А вот свидетельство иного толка:

«Помню, до 30 человек в нашей ладье было – всё люди за сивой гагарой погонщики. Ветер – шелоник ледовитый о ту пору сходился. Подпарусник волны сорвали… Плакали мы, что смерть пришла… Уже Клименицы в глазах синели, плескали сиговьей ухой и устойным квасом по ветру, но наша ладья захлебывалась продольной волной…

"Поставь парус ребром! Пустите меня к рулю!" – за велегласной исповедью друг другу во грехах памятен голос… Ладья круто повернула поперек волны, и не прошло с час, как с Клименецкого затона вскричала нам встречу сивая водяница-гагара…

Голосник был – захваленный ныне гагарий погонщик – Григорий Ефимович Распутин.

В Питере, на Гороховой, бес мне помехой на дороге стал. Оболочен был нечистый в пальто с воротником барашковым, копыта в калоши с опушкой упрятаны, а рога шапкой "малоросс" накрыты. По собачьим глазам узнал я его.

"Ты, – говорит, – куда прешь? Кто такой и откуда?" – "С Царского Села, – говорю, – от полковника Ломана… Григория Ефимовича Новых видеть желаю… Земляк он мой и сомолитвенник",..

В горнице с зеркалом, с образом гостинодворской работы в углу, ждал я недолго. По походке, когда человек ступает на передки ног, чтобы легкость походке придать, учуял я, что это "он". Семнадцать лет не видались, и вот Бог привел уста к устам приложить. Поцеловались попросту, как будто вчера расстались.

"Ты, – говорит, – хороший, в чистоте себя соблюдаешь… Любо мне смирение твое: другой бы на твоем месте в митрополиты метил… Ну да не властью жив человек, а нищетой богатной!"

Смотрел я на него сбоку: бурые жилки под кожей, трещинка поперек нижней губы и зрачки в масло окунуты. Под рубахой из крученой китайской фанзы – белая тонкая одета и запястки перчаточными пуговками застегнуты; штаны не просижены. И дух от него кумачный…

Прошли на другую половину. Столик небольшой у окошка, бумажной салфеткой с кисточками накрыт – полтора целковых вся салфеткина цена. В углу иконы не истинные, лавочной выработки, только лампадка серебряная – подвески с чернью и рясном, как у корсунских образов.

Перед пирогом с красной рыбой перекрестились на образа, а как "аминь" сказать, внизу или вверху – то невдогад – явственно стон учуялся.

"Что это, – говорю, – Григорий Ефимович? Кто это у тебя вздохнул так жалобно?"

Легкое удивление и как бы некоторая муть зарябили лицо Распутина.

"Это, – говорит, – братишко у меня тебе жалуется, а ты про это никому не пикни, ежели Бог тебе тайное открывает… Ты знаешь, я каким дамам тебя представлю? Ты кого здесь в Питере знаешь? Хошь русского царя увидеть? Только пророчествовать не складись… В тебе ведь талант, а во мне дух!"… <…>

Для меня стало понятно, что передо мной сидит Иоанн Новгородский, заклявший беса в рукомойнике, что стон, который я слышал за нашей молитвой перед пирогом, суть жалоба низшей плененной Распутиным сущности.

Расставаясь, я уже не поцеловал Распутина, а поклонился ему по-монастырски…»

Так писал о Распутине в вымышленной автобиографической книге «Гагарья судьбина» поэт Николай Алексеевич Клюев, который наверняка этот разговор выдумал и едва ли был с сибирским странником в действительности знаком, но который видел в нем ту же путеводную звезду, что и высший петербургский свет, и именно через образ Распутина решал чрезвычайно актуальную, к слову сказать, эстетическую проблему серебряного века, над которой бились и Брюсов, и Блок, и Мережковский, и Андрей Белый: соотношение поэта и пророка. Он, Клюев, – поэт, вот его дар, Распутин – пророк. Таково его назначение.

В 1904 году в Северную столицу пришел пророк.

«Из Духовной академии этот пламень перебросился дальше, – вспоминал митрополит Вениамин (Федченков). – Благочестивые люди, особенно женщины стали восхищаться необыкновенным человеком, круг знакомства стал расширяться все больше… "Святой, святой" – распространялась о нем слава. И, голодный духовно, высший круг потянулся на "свет"».

К этому духовно голодному кругу принадлежали и две Великие Княгини дома Романовых, дочери черногорского короля

Николая Негоши – Милица и Анастасия, весьма мистически настроенные и одновременно с этим честолюбивые дамы. Светская молва звала их Сциллой и Харибдой… Распутин их заинтриговал. Они-то либо кто-то из них (скорее Анастасия) и познакомили его с Царской Семьей, и в этом смысле Феофан был действительно ни при чем, имея лишь опосредованное отношение ко вхождению опытного странника во дворец. Распутина ввели другие, но встреча Императорской Четы с тобольским крестьянином впоследствии рассматривалась не как случайность, не как проявление Промысла или же рокового стечения обстоятельств, а как часть некоего хорошо продуманного плана или, если угодно, заговора – вопрос лишь в том, кто за этим заговором стоял и какие цели преследовал.

Комендант Царского Села В. Воейков показывал на допросе 28 апреля 1917 года:

«Воейков. Ввел его великий князь Николай Николаевич. Анастасия Николаевна до свадьбы была подругой государыни императрицы. Анастасия Николаевна и Милица Николаевна устроили въезд Распутина во дворец. Они жили в Сергиеве, близко от Петрограда, он к ним ездил; это еще не все, там были разные темные личности, всякая публика проходила через Николая Николаевича.

Председатель. Зачем же было Николаю Николаевичу в царскую семью допускать таких лиц?

Воейков. Он делал это, чтобы пользоваться влиянием или по непониманию; его заставляли делать Анастасия Николаевна и Милица Николаевна».

«Трудно сказать, насколько верны предположения некоторых свидетелей о том, что Милица Николаевна, предугадывая то впечатление, которое Распутин должен произвести на нервных и склонных к мистицизму царя и царицы, хотела иметь в Распутине новое орудие для усиления своего влияния, но <…> с падением влияния на царскую семью черногорок и их мужей возросло и укрепилось влияние Распутина», – возражал следователь Смиттен.

Еще она версия говорит о том, что введение Распутина в семью Государя было результатом «заговора» целой группы православных иерархов с целью отвадить Царя и Царицу от иностранных и инославных кудесников, часто принимаемых во дворце в первые годы царствования Николая и Александры. Об увлечении Императорской Четы заграничными магами и об участии в этом интересе сестер-черногорок писали многие современники.

«…Милица и ее сестра Стана (супруга Великого Князя

Николая Николаевича) имели дурное влияние на Императрицу.

Суеверные, простодушные, легко возбудимые, эти две черногорские Княжны представляли собою легкую добычу для всякого рода заезжих авантюристов.

Каждый раз, когда они встречали "замечательного" человека, они вели его в Императорский дворец, как это было с пресловутым доктором Папюсом или же с Григорием Распутиным. В своих разговорах они были совершенно безответственны», – вспоминал Великий князь Александр Михайлович.

«Вместо же влияния духовенства в придворную сферу проникало увлечение какими-нибудь светскими авантюристами, спиритами, или имел силу обер-прокурор. А душа все же искала религиозной пищи и утешения. Приходилось читать, что до Распутина был при дворе какой-то проходимец-француз Филипп (или Филипе – все равно), – писал митрополит Вениамин. – И вот является теперь не привычный и далекий архиерей, не незначительный и скромный батюшка, а особенный, мирской, "святой человек". Можно было заинтересоваться таким! А Григорий Ефимович мог производить впечатление своей силой утешения <…>

А что он происходил из мужиков, так это придавало ему особенную привлекательность – "сам народ" в лице Григория Ефимовича говорит непосредственно с царем народа!»

На это же указывал и Андрей Амальрик, с мемуарами Вениамина незнакомый, но в своих рассуждениях шедший еще дальше. «Была еще одна причина, привлекшая к Распутину внимание иерархов, в частности, епископа Гермогена (Долганева), архимандрита Феофана (Быстрова) и иеромонаха Илиодора (Труфанова). Национально-патриотические круги были озабочены появлением при дворе иностранцев, имевших мистическое влияние на царя и царицу».

Далее Амальрик ссылается на мемуары Родзянко:

«Не могу не отдать справедливости тогдашним руководителям русской внутренней политики и высшим иерархам церкви. Они были озабочены столь быстро приобретаемым влиянием приезжающих, а может быть, и подсылаемых загадочных субъектов.

Власти светские были озабочены возможностью сложных политических интриг, так как в силу доверия, оказываемого им царями, вокруг них образовывались кружки придворных, имевших, конечно, в виду только свои личные дела, но способные и на худшее.

Власть духовная, в свою очередь, опасалась возникновения в

высшем обществе сектантства, которое могло бы пойти из придворных сфер и которое пагубно отразилось бы на православной русской церкви, примеры чему русская история знает в царствование императора Александра I.

Совокупными ли усилиями этих двух властей, или в силу других обстоятельств и происков, но Папюс вскоре был выслан, и его место занял епископ Феофан, ректор СПб. Духовной академии, назначенный к тому же еще и духовником их величеств. По рассказам, передаваемым тогда в петербургском обществе, верность которых документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашение высших церковных иерархов в том смысле, что на болезненно настроенную душу молодой императрицы должна разумно влиять православная церковь, стоя на страже и охране православия, и, всемерно охраняя его, бороться против тлетворного влияния гнусных иностранцев, преследующих, очевидно, совсем иные цели».

Интересно в этой истории и то, что с французом Филиппом первой познакомилась не кто иная, как герцогиня Анастасия Николаевна Лейхтенбергская (то есть Стана, черногорка), и случилось это в начале 1900 года. А 20 сентября 1901 года произошла личная встреча Николая с Филиппом в Компьене, и организатором этой встречи была все та же Анастасия, которая некоторое время спустя представила Государю Григория Распутина. Таким образом, если всерьез рассматривать теорию «заговора» православных иерархов против иностранного и инославного засилья с использованием Григория Распутина как исконно русского старца, то придется признать, что посредником в обоих, диаметрально противоположных, случаях оказывалась одна и та же женщина, а это все-таки маловероятно. Хотя – надо это признать – точка зрения своеобразной «епископской вербовки» в архиерейской среде бытовала. Митрополит Арсений (Стадницкий) говорил епископу Никону (Рождественскому): «Вы же и некоторые другие собратья создали этого Гришку, принимали у себя, целовались, советовались о спасении Церкви, употребляли его в качестве орудия и т. д.» ".

Трудно сказать, чего больше в письме Арсения – раздражения или отражения истинного положения вещей, однако есть в этом умозрительном сюжете – Распутин как агент влияния православных иерархов при дворе – один любопытный поворот.

Существует точка зрения, что потенциальным союзником и вместе с тем «конкурентом» Распутина в борьбе против засланных казачков из Европы должен был стать не кто иной, как известный религиозный писатель Сергей Нилус.

«В интригу против Филиппа был втянут также Сергей Нилус.

Об этом рассказал некий француз Александр дю Шайла, многие годы проживший в России и тесно общавшийся с Нилусом в 1909 году во время их совместного пребывания в Оптиной пустыни <…> В газете "Последние новости" (под редакцией П. Н. Милюкова) за 12 и 13 мая 1921 года <А. дю Шайла> впервые поместил свою публикацию "С. А. Нилус и 'Сионские протоколы' ". Он рассказал, как Нилус, богатый помещик, потерял состояние во время жизни во Франции. В 1900 г. возвратившись в Россию, он начал вести жизнь вечного странника, кочуя из одного монастыря в другой. В это время Нилус написал книгу о своем обращении из интеллигента-атеиста в глубоко верующего православного мистика. Эта книга – "Великое в малом", но еще без "Протоколов" – получила благожелательные отзывы в консервативной и церковной прессе и привлекла внимание великой княгини Елизаветы Федоровны. Великая княгиня, женщина искренне верующая (впоследствии она стала монахиней), крайне подозрительно относилась к мистикам-проходимцам, которыми царь окружал себя. Она винила в этом протопресвитера Янышева, который был духовником царя и царицы, и задалась целью заменить его Сергеем Нилусом, которого восприняла как истинного православного мистика. Нилус был привезен в Царское Село, когда главной задачей великой княгини было устранить Филиппа. Противники француза разработали следующий план: предполагалось, что Нилус женится на одной из фрейлин царицы Елене Александровне Озеровой, а затем будет рукоположен. После этого его попытаются сделать духовником царя и царицы. В случае удачи Филипп, как и прочие "святые" люди, утратит свое влияние. План был хорош, но союзники Филиппа его разгадали. Они привлекли внимание духовного начальства к некоторым фактам жизни Нилуса, которые исключали рукоположение. (В основном они касались его длительной любовной связи с Натальей Афанасьевной К., с которой он уезжал во Францию и не порывал впоследствии в России.) Нилус впал в немилость и был вынужден покинуть двор. Несколько лет спустя он действительно женился на Озеровой, но надежда стать духовником царя не сбылась».

Так писал историк Норман Кон, хотя, подчеркнем, все это не более чем гипотеза. Дело в том, что Норман Кон ссылался на газету Милюкова, а между тем сам Милюков до конца ни в чем уверен не был. В 1934 году он спрашивал у начальника царской канцелярии А. А. Мосолова: «…не осведомлены ли вы о планах сделать Нилуса духовником царя, – плана, кот. был выдвинут, кажется, в 1903—1904 гг. и кот. пользовался поддержкой вел. кн. Елизаветы Федоровны? Передают, что этот план был создан для

того, чтобы бороться с влиянием Филиппа, в кот. некоторые круги видели проводника масонского влияния?»

«…о том, что хотели Нилуса сделать духовником Государя и прикосновенности к этому В. Кн. Елизаветы Федоровны, считаю безусловною баснею», – отвечал ему Мосолов.

Где здесь правда, а где ложь, окончательно сказать трудно. Мемуаристы могли ошибаться либо сознательно запутывать историю вопроса (тем более что как раз в то время, когда Милюков переписывался с Мосоловым, в Берне шел процесс по поводу подлинности/подложности «Протоколов сионских мудрецов» и имя Нилуса было у заинтересованных сторон на слуху). Фактом можно считать то, что духовником царя стал архимандрит Феофан, а место Филиппа в известном смысле занял Распутин, что и было Филиппом предсказано.

Однако сюжет с Нилусом интересен в первую очередь тем, что он предвосхищает дальнейшую историю Григория Распутина. И на Нилуса, и на Распутина, а оба были приближены ко двору, в какой-то момент появился «компромат». Но как только это произошло, Нилус тотчас же оставил двор, Распутин – сколько его ни убеждали, а затем принуждали – нет.

«Распутин должен был бы удалиться от Двора, как убеждали его многие благочестивые люди, чтобы не компрометировать собой Царской Семьи. Напомним, что именно так поступил благочестивый писатель Сергей Нилус, одно время близкий к Царской Семье. Когда в 1909 г. поднялся скандал, связанный с его грехом юности, он немедленно удалился от Двора, чтобы не бросать ни малейшей тени на почитаемого Государя.

И если бы Распутин был просто благочестивым мужиком, не устоявшим перед соблазнами или даже просто давшим повод к недоказанному обвинению, он непременно сделал бы то же самое», – пишет по этому поводу современный епископ-катакомбник Дионисий (Алферов).

Схожую мысль о Распутине (правда, уже без ссылок на Нилуса) выразил и клирик Русской православной церкви протоиерей Александр Шаргунов: «Любил ли по-настоящему Распутин Царя и Россию? Если любил – он, видя, как враги Православия и Престола эксплуатируют сложившуюся ситуацию, удалился бы из столицы в безвестность, в пустыню, в тайгу, и оттуда (если он действительно такой чудотворец) молился об исцелении Цесаревича и о спасении России. Но в том-то и дело, для него важнее всего было собственное самоутверждение. То, что определяет всякую ложную духовность, исходящую от диавола».

Что же касается мсье Филиппа, то почти все, кто упоминает распутинского «предшественника» во дворце, называют его

проходимцем, сравнивают с Казановой и Калиостро; граф Витте считал его шарлатаном и обвинял в связях с ним националистов, генерал Рачковский, как утверждал Родзянко, называл его «темной и подозрительной личностью, евреем по национальности» и говорил о его связях с масонской ложей «Гранд Альянс Израэлит». Широко известна история о ложной беременности императрицы в 1902 году, когда Филипп предсказал рождение наследника и сделал Александру Федоровну посмешищем всего двора.

«Однажды во дворце появился таинственный господин – "доктор Филипп" из Парижа. Он был представлен Царской чете "черногорками" – Великими Княгинями Милицей и Анастасией Николаевными. Французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но Царь и Царица придерживались другого мнения. Люди, которые хотят быть обманутыми, попадают впросак. Псевдонаучное красноречие д-ра Филиппа достигло цели.

Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в сериях гипнотических пассов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка. Все придворные празднества были отменены. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского Царя. Прошло шесть месяцев. Императрица вдруг заболела острым нервным расстройством и, несмотря на упорные протесты д-ра Филиппа, к постели больной были приглашены врачи. Они быстро и решительно постановили диагноз; они не нашли и следов беременности у Александры Федоровны. Доктор Филипп уложил свои чемоданы и уехал в Париж», – описывал в мемуарах эту скандальную историю великий князь Александр Михайлович, которого, впрочем, и самого считают одним из самых главных русских масонов.

Резко отрицательно как о масоне или шарлатане отзываются о нем или умалчивают как постыдный факт, способный бросить тень на августейшую чету, почти все православные авторы, и единственное исключение в этом единодушном ряду – Ричард Бэттс.

«Случаи исцеления Филиппом больных были задокументированы и засвидетельствованы бесчисленным количеством людей, включая медиков, – пишет он. – Маленькие дети выздоравливали благодаря его молитвам. "Надо только просить Бога", – говорил Филипп. Однажды перед тем как

исцелить маленькую девочку, которая семь лет страдала тяжелой болезнью позвоночника и с трудом передвигалась с помощью костылей, Филипп спросил у ее матери, готова ли она заплатить ту цену, которую он попросит. Женщина, у которой было очень мало денег, залилась слезами. Филипп сказал: "Мне не нужны ваши деньги, но я хотел бы взять с Вас обещание не говорить ни о ком плохо, пока вашей дочери не исполнится двадцать лет. Обещаете?" Мать, конечно, с готовностью согласилась. Тогда Филипп посмотрел на девочку и велел ей встать с кресла без костылей. После некоторого колебания девочка поднялась, и оказалось, что она была совершенно здорова.

Во Франции Филипп три раза вызывался в суд по обвинению в нелегальной врачебной практике. Обвинение гласило, что он пользовался гипнотизмом, внушением и магией, – всем тем, что Филипп открыто осуждал. С него сняли все обвинения. Фактически все свидетели, включая и тех, которых Филипп не смог исцелить, засвидетельствовали, с какой бескорыстной заботой и любовью он относился к каждому, кого исцелял.

Филипп считал соблюдение заповеди Христа любить ближнего как самого себя (Мф. 19, 19) главным основанием успеха своей работы. Он обращался к Богу каждый раз, когда начинал исцелять, и советовал людям чтить заповеди Христовы и не отступать от веры. Хотя в молодости он исследовал другие, нехристианские учения, он считал себя христианином и говорил, что спиритизм есть бесполезное занятие».

Об этой единственной попытке «реабилитировать» Филиппа можно было бы и вовсе не упоминать, когда б не искренняя привязанность и благодарность православных Царя и Царицы по отношению к этому загадочному человеку, сохранившаяся и после его смерти. «Вечером узнали горестную весть о кончине Mr. Philippe именно в Ильин день», – записал Государь в дневнике 20 июля 1905 года.

«Их величества говорили, что они верят, что есть люди, как и во времена Апостолов, не непременно священники, которые обладают благодатью Божией и молитву которых Господь слышит, – вспоминала Анна Вырубова. – К числу таких людей, по их убеждению, принадлежал и M. Philippe, доктор философии, француз, который бывал у Их Величеств <…> M. Philippe до своей смерти предрек им, что у них "будет другой друг, который будет говорить с ними о Боге". Впоследствии появление Распутина, или Григория Ефимовича, как его называли, они сочли за предсказания M. Philippe об ином друге».

«Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, которая предостерегает меня о злых людях и препятствует им

приближаться ко мне. Я это чувствую и таким образом могу и тебя оберегать от них. – Даже твоя семья чувствует это, и поэтому они стараются подойти к тебе, когда ты один, когда знают, что что-нибудь не так и я не одобряю. – Это не по моей воле, а Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Гр. всегда это говорил, – mr. Ph. тоже», – писала Царица мужу 16 июня 1915 года, буквально повторяя свои же мысли, высказанные несколькими днями раньше:

«Они (министры. – *А. В.)* должны научиться дрожать перед тобой. Помнишь, m-r. Ph. и Гр. говорили то же самое»(10 июня 1915 года).

«Вспомни слова мсье Филиппа, когда он подарил мне икону с колокольчиком» (4 декабря 1916 года).

«Вспомни, даже m-r Филипп сказал, что нельзя давать конституцию, так как это будет гибелью России и твоей…»

И наконец самое, пожалуй, главное: исповедальное письмо Государыни Государю от 8 апреля 1916 года (в годовщину их помолвки), где Александра Федоровна пишет о своей судьбе и самых важных событиях в своей жизни: «Также и любовь ко Христу – она всегда была так тесно связана с нашей жизнью в течение этих 22 лет! Сначала вопрос о принятии православия, а затем оба наших Друга, посланные нам Богом».

«В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.», – коротко записал в дневнике во вторник 1 ноября 1905 года император Николай II о своей первой встрече с человеком, который сыграет неизъяснимую роль в его судьбе. Так Распутин меньше чем за год попал с самого низа на самый верх русской пирамиды, и с этого момента началось его одиннадцатилетнее нахождение на этом скользком пятачке, за что в конце концов он и поплатился жизнью.

Однако продвигался он во дворец постепенно и не сразу. Э. Радзинский выдвигает версию о том, что после первой встречи осенью 1905 года Григорий был забыт и попал во дворец только год спустя благодаря своей поклоннице О. В. Лохтиной, у которой он намеренно, с целью приблизиться к Царю, поселился («Распутин точно выбрал дом – удобный плацдарм, чтобы попасть в Царскую Семью… Проживая в семье Лохтиных, Распутин был теперь в курсе всех слухов из дворца») и которая помогла составить ему грамотную телеграмму в адрес царя осенью 1906 года, после чего тобольский крестьянин был удостоен нового приема. При этом Радзинский ссылается на полковника Ломана, писавшего: «Распутина я знаю с самого его появления в

Петрограде… В первый раз Распутин попал во дворец таким образом: как-то Государь (передаю это как слух) получил от сибирского крестьянина… это и был Распутин… письмо с просьбой принять его и разрешить преподнести икону по какой-то причине особо чтимую. Государь заинтересовался письмом…»

А дальше, как пишет Радзинский, «показания Ломана подтверждает и… сам Распутин. Сохранилась телеграмма, посланная мужиком царю в 1906 году: "Царь-батюшка, приехав в сей город из Сибири, я желал бы поднести тебе икону Святого Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца… с верой, что Святой Угодник будет хранить тебя во все дни живота твоего и споспешествует тебе в служении твоем на пользу и радость твоих верноподданных сынов". Эту телеграмму, так отличавшуюся от бессвязных посланий, которыми Распутин будет засыпать "царей", видимо, помогла написать мужику преданная генеральша.

И царь… принял мужика после его телеграммы!»

Все это выглядит, спору нет, эффектно, но факты говорят о том, что на самом деле в 1906 году царь встречался с мужиком несколькими месяцами ранее и безо всяких писем и телеграмм, «…вечером были на Сергиевке и видели Григория!» – записал Николай в дневнике 18 июля 1906 года, сопроводив эту запись восклицательным знаком.

И только осенняя встреча действительно случилась в связи с привезенным из Верхотурья образом, но встречался Государь с Распутиным как с хорошо знакомым ему человеком, и верить в спонтанность этого приема столько же оснований, сколько и в радушный прием епископом Сергием Финляндским христолюбивого мужичка-странника в поношенном армяке прямо с улицы.

«13-го октября. Пятница… В 6 *1/4* к нам приехал Григорий, он привез икону Св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с ними до 7 1/2. Обедал Орлов».

Через три дня Николай писал Столыпину: «Несколько дней назад я принял крестьянина из Тобольской губернии… который принес мне икону Святого Симеона Верхотурского… Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление… и вместо пяти минут разговор с ним длился более часа. Он в скором времени уезжает на родину. У него есть сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. Я очень надеюсь, что Вы найдете минутку принять его на этой неделе. Адрес его следующий: СПб., 2-я Рождественская, 4. Живет у священника Ярослава Медведя».

«Помню, что покойный Столыпин вызывал Распутина к своей больной дочери, которая пострадала после взрыва…» –

показывала Вырубова на следствии, а в мемуарах писала: «Ее Величество… рассказывала о том, как Столыпин позвал его к себе домой после взрыва в его доме – помолиться над его больной дочерью».

Более вероятным следует все же признать то, что не Столыпин призвал Распутина, а сибирский странник сам вызвался попасть в его дом, да и следующий после Столыпина премьер-министр Коковцов в воспоминаниях «Из моего прошлого» не случайно написал о том, что «когда на Аптекарском Острове, 12-го августа 1906 года, произошел взрыв и ранены были дети Столыпина, – вскоре по перевезении их в больницу Кальмейера явился Распутин и попросил разрешения посмотреть больных и помолиться над ними. Уходя из больницы, он сказал окружающим: "Ничего, все будет хорошо". Был ли он позван кем-либо из близких Столыпину, или пришел сам – я этого не знаю и утверждать чего-либо не могу».

Позднее Столыпин окажется в числе гонителей Распутина и не признает факта их знакомства, а Николай и Александра меж тем раз от раза принимали Распутина все теплее.

«9 декабря… Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории», – писал Николай в дневнике в конце 1906 года.

«6-го апреля. Пятница… После чая пошли на другую сторону наверх и там имели радость повидать и поговорить с Григорием!» – отметил он в следующем, 1907 году.

В это же время царь удовлетворяет просьбу Распутина переменить его фамилию на Распутин-Новый[3]. Различных толкований, почему крестьянин решил сменить фамилию и выбрал именно такую, существует довольно много. Самое распространенное из них приводится в книге Илиодора «Святой черт», со страниц которой Распутин якобы говорит: «Ты хочешь знать, как у меня явилась новая фамилия Новый? Слушай! Когда я однажды поднимался во дворец по лестнице, в это время цари, дожидаясь меня, сидели в столовой. Государыня держала наследника, тогда еще не говорившего ни слова. Как только я показался в дверях, то наследник захлопал ручонками и залепетал: „Новый, Новый, Новый!“ Это были первые его слова».

Это можно было бы считать обыкновенной легендой, но существует свидетельство Великого Князя Константина Константиновича Романова, к Распутину никоим образом не относящееся, но косвенно подтверждающее справедливость этой версии. *«13 августа 1906 тот.* — всех нас позвали пить чай к Их Величествам. Туда в столовую пришли их четыре дочки и тоже – к великой радости наших детей – и двухлетний цесаревич. Обойдя

кругом чайный стол и со всеми поздоровавшись, он взобрался на колени к матери; подле нее сидел Игорь (сын К. Р.) и маленький наследник охотно перешел к нему на колени, называя его как незнакомого «Новый»».

Точно так же мог Цесаревич обратиться и к опытному страннику из Покровского, но в любом случае важно отметить, что идея сменить фамилию принадлежала, во-первых, самому Распутину, а во-вторых, делал он это по какой угодно причине, но только не потому, что прежняя плохо звучала и бросала тень на его моральный облик.

В архиве хранится его прошение на высочайшее имя, датированное 15 декабря 1906 года: «Проживая в селе Покровском я ношу фамилию Распутина в то время как и многие односельчане носят ту же фамилию отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества прошу: дабы повелено было дать и моему потомству именоваться по фамилии "Распутин-Новый".

Вашего Императорского Величества верноподданный Григорий».

Если бы Распутина смущал «Распутин», он просто заменил бы одну фамилию на другую, а не стал прибавлять к прежней слово «Новый».

22 декабря 1906 года последовало удовлетворение ходатайства крестьянина Григория Распутина о разрешении впредь именоваться «Распутиным-Новым»[4].

Начиная с 1907 года его стали чаще видеть во дворце.

Вот запись воспоминаний родной сестры Николая II Великой княгини Ольги Александровны, сделанная канадским журналистом Йеном Ворресом:

«Ольге Александровне отчетливо запомнился тот осенний день 1907 года, когда она впервые встретила Распутина в царскосельском Александровском дворце. В то время Великая княгиня жила в Санкт-Петербурге, но раза два или три в неделю, иногда чаще, ездила в Царское Село. В тот день ей предложили остаться на обед. Других гостей не было. По окончании трапезы Император сказал сестре: "Пойдем со мной, я познакомлю тебя с русским крестьянином, хорошо?"

Она последовала за Государем и Императрицей и по лестнице поднялась на детскую половину. Няни укладывали в постель четверых Великих княжон и их маленького брата, надевших белые ночные пижамки. Посередине комнаты стоял Распутин.

– Когда я его увидела, то почувствовала излучаемые им ласку и тепло. По-моему, дети его любили. В его обществе они

чувствовали себя совершенно непринужденно. Помню их смех при виде маленького Алексея, который скакал по комнате, воображая, что он зайчик. Неожиданно для всех Распутин поймал ребенка за руку и повел его к нему в спальню. За ними последовали и мы с Ники и Алики. Наступила тишина, словно мы оказались в церкви.

Света в спальне Алексея не было, горели лишь свечи перед чудными иконами. Ребенок стоял, не шевелясь, рядом с рослым крестьянином, склонившим голову. Я поняла, что он молится.

Картина произвела на меня сильное впечатление. Я поняла также, что мой маленький племянник молится вместе с ним. Я не могу всего объяснить, но я была уверена, что этот человек совершенно искренен.

После того, как детей уложили в постель, Император, Государыня и Великая княгиня вернулись в лиловую гостиную на первом этаже. К ним подошел и Распутин. Произошел какой-то разговор.

– Мне стало понятно, что Ники и Алики надеются на то, что я почувствую расположение к Распутину. Конечно же, я была под впечатлением сцены в детской Алексея и видела искреннюю набожность сибирского крестьянина. Но, к сожалению, не смогла заставить себя отнестись к нему с симпатией, – призналась Ольга Александровна».

К этим несколько елейным, несмотря на последние строки, воспоминаниям Ольги Александровны надо также относиться с осторожностью. Они записывались Йеном Ворресом много лет спустя, и тенденциозность их и стремление «обелить» Царскую Семью в противовес той грязи, которая на Романовых в связи с Распутиным лилась, очевидна.

В мемуарах протопресвитера Г. И. Шавельского приводится иной по тону разговор с Ольгой Александровной, относящийся к 1914 году.

«Великая княгиня Ольга Александровна среди всех особ императорской фамилии отличалась необыкновенной простотой, доступностью, демократичностью. В своем имении Воронежской губ. она совсем опрашивалась: ходила по деревенским избам, нянчила крестьянских детей и пр. В Петербурге она часто ходила пешком, ездила на простых извозчиках, причем очень любила беседовать с последними. Еще в 1905 г., в Манчжурии, ген. А. Н. Куропаткин, знавший ее простоту и демократический вкус, шутливо отзывался, что она "с краснинкой". В конце 1913 г. я был приглашен ею в члены возглавлявшегося ею комитета по постройке храма-памятника в Мукдене. У нас сразу установились простые, сердечные отношения. Вот я и решил серьезно

поговорить с нею по распутинскому делу.

– Это мы все знаем, – сказала она, выслушав меня. – Это наше семейное горе, которому мы не в силах помочь.

– Надо с Государем решительно говорить, ваше высочество, – сказал я.

– Мама говорила, ничего не помогает, – ответила она.

– Теперь вы должны говорить. Я же знаю, что его величество чрезвычайно любит вас и верит вам. Авось, он послушается вас, – настаивал я.

– Да я готова, батюшка, говорить, но знаю, что ничего не выйдет. Не умею я говорить. Он скажет одно-два слова и сразу разобьет все мои доводы, а я тогда совсем теряюсь, – с каким-то страданием ответила она».

Но случай с Шавельским прямо противоположный предыдущему – протопресвитер терпеть не мог Распутина, а заодно сильно недолюбливал Государыню Александру Федоровну, которую считал виновницей всех российских бед. Ольга Александровна же золовку защищала. И очевидно, что полной правды нет ни в тех мемуарах, ни в других.

В одном сходятся все, кто писал о Распутине и дурное, и хорошее, и с умилением, и бранясь: болезнь наследника, приступы которой странник умел каким-то образом останавливать, была главной причиной близости Распутина ко дворцу.

«Трех лет от роду, играя в парке, Цесаревич Алексей упал и получил ранение, вызвавшее кровотечение, – писал в своей «Книге воспоминаний» Великий Князь Александр Михайлович. – Вызвали придворного хирурга, который применил все известные медицине средства для того, чтобы остановить кровотечение, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало это кровотечение: это была ужасная гемофилия – наследственная болезнь мужского поколения ее рода в течение трех столетий. Здоровая кровь Романовых не могла победить больной крови Гессен-Дармштадтских, и невинный ребенок должен был страдать от той небрежности, которую проявил русский двор в выборе невесты Николая II.

За одну ночь Государь состарился на десять лет. Он не мог перенести мысли, что его единственный сын, его любимый Алексей был обречен медициной на преждевременную смерть или же на прозябание инвалида.

– Неужели в Европе нет специалиста, который может вылечить моего сына? Пусть он потребует что угодно, пусть он даже на всю жизнь остается во дворце. Но Алексей должен быть

спасен!

Доктора молчали. Они могли дать только отрицательный ответ. Они не могли вводить Императора в заблуждение. Они должны были ответить, что даже самые известные мировые специалисты не в состоянии бороться против подтачивающей силы Наследника гемофилии.

– Ваше Величество должны быть осведомлены, – сказал один из лейб-хирургов, – что Наследник Цесаревич никогда не поправится от своей болезни. Припадки гемофилии будут время от времени повторяться. Необходимо принять самые строгие меры, чтобы предохранить Его Высочество от падений, порезов и даже царапин, потому что каждое незначительное кровотечение может для людей, страдающих гемофилией, оказаться роковым.

Громадный матрос получил приказание следить за безопасностью Алексея Николаевича и носить его на руках во всех случаях, когда мальчику предстояло оставаться продолжительное время на ногах.

Для его царственных родителей жизнь потеряла всякий смысл. Мы боялись улыбнуться в их присутствии. Посещая Их Величества, мы вели себя во дворце, как в доме, в котором кто-то умер. Император старался найти забвение в неустанном труде, но Императрица не захотела подчиниться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей, отдавая явное предпочтение шарлатанам. Все свои помыслы обратила она в сторону религии, и ее религиозность получила истерический характер.

Таким образом почва для появления чудотворца была подготовлена, и вот обе "черногорские княгини" без особого труда убедили Императрицу принять Распутина.

– Это удивительный человек. Святой. Он исцеляет все болезни. Это простой сибирский мужик, но ты ведь знаешь, Алике, что Бог никогда не наделяет способностями творить чудеса детей цивилизации.

Остальную эпопею Распутина вряд ли надо рассказывать. Остается под вопросом, совпадало ли улучшение в состоянии здоровья Наследника с посещением дворца Распутиным, или же этому старцу были действительно известны какие-то темные методы языческих знахарей его родной Сибири? Что касается Императрицы, то она верила в то, что старец спас ее сына от смерти. Государь презирал Распутина, был против его посещений дворца».

Последнее утверждение Александра Михайловича есть не что иное, как попытка выдать желаемое за действительное и противопоставить Царя и Царицу с целью обелить одного и очернить другую. И хотя Царь относился к Распутину гораздо

спокойнее, чем Царица, его записи в дневнике плохо стыкуются с презрением. А вот лекарем Распутин действительно оказался успешным.

«Я сама не раз наблюдала чудесные результаты, которых он добивался, – рассказывала Ольга Александровна Ворресу. – Мне также известно, что самые знаменитые врачи того времени были вынуждены это признать. Профессор Федоров, самый знаменитый хирург, пациентом которого был Алексей, сам не раз говорил мне об этом. Однако все доктора терпеть не могли Распутина.

Как хорошо известно, малейшая травма Наследника могла привести и часто приводила к невыносимым страданиям, когда ребенок оказывался на краю от гибели. Первый кризис произошел, когда Алексею едва исполнилось три года. Он упал в Царскосельском парке. Он не заплакал, и на ножке почти не осталось ссадины, но произошло внутреннее кровоизлияние, и несколько часов спустя ребенок корчился от невыносимой боли.

Императрица позвонила Ольге, и та тотчас же примчалась в Царское Село.

– Какие только мысли не приходили, должно быть, Алики в голову – а ведь это был первый кризис из многих, которые затем происходили. Бедное дитя так страдало, вокруг глаз были темные круги, тельце его как-то съежилось, ножка до неузнаваемости распухла. От докторов не было совершенно никакого проку. Перепуганные больше нас, они все время перешептывались. По-видимому, они просто не могли ничего сделать. Прошло уже много часов, и они оставили всякую надежду. Было уже поздно, и меня уговорили пойти к себе в покои. Тогда Алики отправила в Петербург телеграмму Распутину. Он приехал во дворец около полуночи, если не позднее. К тому времени я была уже в своих апартаментах, а поутру Алики позвала меня в комнату Алексея. Я глазам своим не поверила. Малыш был не только жив, но и здоров. Он сидел на постели, жар словно рукой сняло, от опухоли на ножке не осталось и следа, глаза ясные, светлые. Ужас вчерашнего вечера казался невероятным далеким кошмаром. Позднее я узнала от Алики, что Распутин даже не прикоснулся к ребенку, он только стоял в ногах постели и молился. Разумеется, нашлись люди, которые сразу же принялись утверждать, будто молитвы Распутина просто совпали с выздоровлением моего племянника.

Во-первых, любой доктор может вам подтвердить, что на такой стадии недуг невозможно вылечить за какие-то считаные часы.

Во-вторых, такое совпадение может произойти раз-другой, но я даже не могу припомнить, сколько раз это случалось!»

Свидетельство Ольги Александровны тем ценнее, что к самому Распутину она, как мы увидим дальше, относилась отрицательно. Но дар его признавала.

«Все обвиняли мою бедную невестку за то, что она передала сыну болезнь, а затем принялись винить ее за то, что она выбивалась из сил, чтобы найти способ ее вылечить. Разве это справедливо? Ни мой брат, ни Алики не верили, что человек этот наделен какими-то сверхъестественными способностями. Они видели в нем крестьянина, истинная набожность которого сделала его орудием Божиим, но лишь для помощи Алексею. Алики ужасно страдала от невралгических болей в ногах и пояснице, но я ни разу не слышала, чтобы сибиряк помогал ей».

О распутинском даре как главной причине близости крестьянина ко дворцу и прежде всего к Императрице, писал в своей работе «Убийство царской семьи» и следователь Н. А. Соколов, занимавшийся в 1918—1919 годах расследованием обстоятельств и причин екатеринбургской трагедии:

«Чем был для нее Распутин?

Я посвятил много труда, чтобы данными следствия разрешить этот вопрос.

Вряд ли можно отрицать, что счастье человеческой пары, связанной чувством взаимной любви в браке, мыслимо только тогда, когда она рождает детей. Императрица имела детей, но она прошла длинную полосу жизни, причинившую ей больше огорчений, чем всякой другой женщине, лишенной ее положения. Она была нежная мать. Но нет сомнений, что она была гораздо больше Императрица, чем мать. Несмотря на то, что ее сын, которого она так безумно любила, был болен 26 апреля 1918 года, как никогда ранее, она оставила его и уехала с Императором, так как думала, что его увозят с политическими целями.

При властности ее характера нет сомнений, что ее преследовало желание иметь рожденного ею Наследника Престола. Судьба долго была немилостива к ней. И эти годы супружеской жизни, представлявшие очередные этапы надежд и горьких разочарований, были безусловно роковыми для ее нервной системы.

Наконец родился сын. Достигнут был венец желаний. Но какой же был удар для Императрицы, когда она узнала, что ее сын – гемофилик!..

Эта болезнь, почти неизвестная у нас в России, очень известна некоторым кантонам Швейцарии: там от нее вымирают деревни.

В роду Императрицы от нее погибли ее дядя, ее брат и ее два

племянника. Сердце матери должно было страдать от материнской жалости к ребенку. Но она должна была вдвойне страдать от сознания, что это она, которая так хотела его, с таким напряжением ждала, причина его страданий, так как это она передала ему ужасную болезнь.

Ребенок был очень подвижен, очень резв. Какой бы ни был за ним надзор, нельзя было заранее рассчитать и предусмотреть каждый его шаг. Но то, что без всяких последствий проходило каждому здоровому ребенку, ежеминутно могло убить его. Малейшая неосторожность, ничтожный ушиб, незначительная травма – и он может погибнуть; он – столь долгожданный, так ей необходимый, единственный!..

Во что превратилась жизнь Императрицы после рождения сына?»

О природе распутинского дара потом много спорили и продолжают спорить по сей день.

Учитель французского языка царских детей швейцарец Петр Жильяр, на которого ссылается следователь Н. Соколов, рассказывал:

«Относительно роли Распутина в жизни Царской Семьи я могу показать следующее. Распутин появился у Них, должно быть, в 1906 году. Мои многолетние наблюдения и попытка объяснить причину его значения у Них довели меня до полного убеждения, которое мне кажется истиной или очень близким к истине, что его присутствие во дворце тесно связано с болезнью Алексея Николаевича. Узнав Его болезнь, я понял тогда силу этого человека. Когда Мать поняла, что Ее единственный, Ее любимый сын страдает такой страшной болезнью (гемофилия), которую передала Ему Она, от которой умерли Ее дядя, Ее брат и Ее два племянника, зная, что не будет Ему помощи от человека, от науки, Она обратилась к Богу…

Мне кажется, что религия Ее не дала Ей того, что Она искала; кризисы с Ним продолжались, грозя Ему смертью. Чуда, которого Она так ждала, все еще не было. Тогда-то, когда Ее познакомили с Распутиным, Она была убеждена им, что, если Она обратится к нему во время болезни Алексея Николаевича, он будет "сам" молиться и Бог услышит его молитву. Она должна верить в его молитву, и пока он, Распутин, будет жив, будет жив и сын.

Алексею Николаевичу после этого как будто стало лучше. Называйте это как хотите – совпадением, но факты обращения к Распутину и случаи облегчения болезни у Алексея Николаевича совпадали. Она поверила. Ей и не оставалось ничего более. В этом она нашла самой Себе успокоение. Она была убеждена, что Распутин является посредником между Нею и Богом, потому что

молитва Ее одной не дала Ей облегчения. Они смотрели на Распутина как на полусвятого. Я могу отметить такой факт. Я с Ними жил 4 года. Они меня любили. И никогда, ни одного раза Они не сказали со мной ни одного слова про Распутина. Я ясно понимал: Они боялись, <что> я, как кальвинист, не пойму Их отношения к Распутину».

Это трудно понять не только кальвинистам. В современной православной публицистике Распутина иногда называют банальным экстрасенсом. Православные иерархи начала века, Распутина лично знавшие, смотрели на это иначе. «Он не был никаким гипнотизером или шарлатаном, а просто своей силой действовал на людей. Нельзя же забывать, что ученый монах и богослов о. Феофан чтил его как святого и всегда (в начале) был в радости от общения с ним. Чему же удивляться, если и в царском доме, и у великих князей увлекались им? А царица была несомненно религиозной женщиной. И вдруг такой наставник и утешитель! Да еще в трудную эпоху: после неудачной войны с Японией, во время первой революции, а потом и во время войны с немцами», – писал митрополит Вениамин.

И поразительно, что этому же человеку, Вениамину, принадлежит одно воспоминание, с Распутиным никак не связанное, но имеющее прямое отношение к нашему сюжету: «Мать учителя была из "дворовых", как и мы, служила птичницей у Господ. Эта добрая и полная старица известна была способностью "заговаривать кровь", то есть какими-то внушениями останавливать кровотечение без всяких повязок».

Окажись у постели больного наследника не сибирский странник, а эта женщина… Но случилось иначе.

«Крестьянин в голубой рубашке и высоких сапогах с пристальным взглядом, к тому же не из местных жителей, обратил на себя внимание подчиненных мне людей, – вспоминал начальник царской охраны генерал А. И. Спиридович. – За ним поприсмотрели. После церкви он отправлялся обычно в один из великокняжеских дворцов: или на Знаменку или на Сергиевскую. Навели справки, выяснили личность и так как ничего подозрительного, с точки зрения физической охраны, не оказалось, то "голубую рубашку" оставили в покое».

Однако не на всех во дворце Распутин произвел такое же благоприятное впечатление. Великая княгиня Ольга Александровна была очень недовольна неграмотным мужиком, который при первой же встрече с ней спросил: счастлива ли она, любит ли своего мужа, почему у них нет детей? Эти назойливые вопросы были в высшей степени бесцеремонны и одновременно с этим били в цель: Ольга Александровна была замужем лишь

номинально, так как ее муж оказался содомитом. Но помимо повышенной проницательности странника раздражали его манеры.

«Если уж на то пошло, – заметила Великая княгиня, – то я находила его довольно примитивным. Голос у него был низкий и грубый, разговаривать с ним было почти невозможно. В первый же вечер я заметила, что он перескакивает с одного предмета на другой и очень часто приводит цитаты из Священного Писания. Но это не произвело на меня ни малейшего впечатления… Я достаточно хорошо изучила крестьян и знала, что очень многие из них помнят наизусть целые главы из Библии».

Мало этого. Однажды в одном небольшом доме, где бывал Распутин, случилась шокирующая сцена:

«После того, как хозяйка вместе с Ники и Алики отлучились из гостиной на несколько минут, Распутин поднялся, обнял меня за плечи и начал гладить мне руку. Я отодвинулась от него, ничего не сказав. Я просто встала с места и присоединилась к остальным. Этим человеком я была сыта по горло. Я невзлюбила его еще больше, чем прежде. Хотите – верьте, хотите – нет, но, вернувшись в Петербург, я совершила странный поступок: пошла к мужу в его кабинет и рассказала ему обо всем, что произошло. Он выслушал меня и с серьезным лицом посоветовал мне избегать встреч с Распутиным в будущем. В первый и единственный раз я знала, что муж прав».

Существует также записанный писателем Романом Гулем мемуар флигель-адъютанта Николая II – Н. П. Саблина, который ходил на царской яхте «Штандарт» и был очень близок и к Царю и к Царице:

«Впервые я услышал имя Распутина в 1907 году в Финляндии. И услышал от государыни. Заговорила она о Распутине наедине со мной, сказав, что хотела бы узнать о нем мое мнение. Она попросила меня с ним встретиться. До этого я слышал, что какой-то простой человек бывает в царской семье. Но не придавал этому никакого значения. Я, разумеется, согласился с желаньем государыни, совершенно не представляя себе, кого я встречу. Государыня предупредила меня, чтоб я не искал в этом человеке "чего-то особенного". "Это очень набожный, прозорливый, настоящий русский мужичок, – сказала она, – он знает наизусть церковные службы. Конечно, это человек не вашего круга, но с ним вам будет интересно встретиться". И государыня дала мне его адрес.

Дня через два я поехал на какую-то улицу (не помню сейчас точно), где-то около Знаменской. В простом доме, как мне кажется, Лахтиных, я разыскал Распутина. По тому, как он меня

встретил, я понял, что о моем приезде он уже знал. Встретил он меня очень доброжелательно. И сразу заговорил со мной о религии, о Боге. Я отвечал довольно сдержанно. Распутин начал восторженно говорить о царской семье.

Потом он перешел к обычным темам. В частности, спросил, пью ли я? Одет Распутин был в длинную русскую рубаху, штаны заправлены в высокие сапоги, поверх рубахи – какой-то полукафтан, полузипун. Производила неприятное впечатление неопрятная, неровно остриженная борода. Был он шатен, с большими светлыми, очень глубоко сидящими в орбитах глазами. Глаза были чем-то не совсем обыкновенные. В них "что-то" было. Распутин был худой, небольшого роста, узкий, можно даже сказать, тщедушный. Когда я уходил, он попросил у меня пять рублей. "Дай, голубчик, мне пятерку, а то совсем я издержался". Я этому удивился, но дал. Произвел он на меня впечатление скорее неприятное.

Так как это было желанием государыни, я встречался с Распутиным не раз на его квартире. Государыня хотела, чтобы я ближе его узнал и чтоб получил от него благословение. После нескольких встреч с Распутиным я все-таки сказал государыне о своем не очень благоприятном впечатлении о Распутине. Она ответила: "Вы его не можете понять, потому что вы далеки от таких людей, но если даже ваше впечатление было бы верно, то это желание Бога, что он такой"». Спорить с ней было бессмысленно: сколько людей ни спорили, терпели поражение все. Или, как выразился протопресвитер Шавельский, «приходилось бороться не столько с Распутиным, сколько с самой Императрицей, с ее духовным укладом, с ее направлением, с ее больным сердцем, – ни победить, ни изменить которые нельзя было».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

А. А. Вырубова:proetcontra. Стихотворение в прозе: следователь Руднев о Вырубовой. Девушка и смерть: Вырубова в книге Э. Радзинского. Рекомендации историка Смыслова. Загадка морского офицера. Князь-джентльмен Николай Жевахов

Однако были и те, кого нисколько не смущали ни манеры, ни одежда, ни распутинская бесцеремонность. Весной 1907 года, то есть полтора года спустя после первого появления во дворце, Распутин познакомился с женщиной, которая стала самой его верной поклонницей. Звали эту даму Анна Александровна Вырубова, была она фрейлиной и ближайшей подругой императрицы.

«С ним познакомилась у Великой Княгини Милицы Николаевны и Николая Николаевича… – рассказывала Вырубова на следствии 1917 года о своей первой встрече с Распутиным. – Они меня позвали познакомиться с ним в 1907 г., в год моей свадьбы… Милица Николаевна позвала меня с ним познакомиться… Она сказала, что ей как-то епископ Феофан привел очень интересного странника, который ясновидящий. Мне это было очень интересно, и я пошла посмотреть его… Она мне говорила, что он апостол… он говорил о Боге, я его спрашивала совета насчет того, как, выйти ли мне замуж. Он говорил, что очень хорошо. Это было за несколько дней до моей свадьбы».

Несколько лет спустя в мемуарах Вырубова описала свою свадебную ситуацию иначе:

«За месяц до моей свадьбы Ее Величество просила Великую Княгиню Милицу Николаевну познакомить меня с Распутиным… Помню, что очень волновалась, когда доложили о приходе Распутина. "Не удивляйтесь, – сказала она, – я с ним всегда христосуюсь". Вошел Григорий Ефимович, худой, с бледным, изможденным лицом, в черной сибирке; глаза его, необыкновенно проницательные, сразу меня поразили и напомнили глаза о. Иоанна Кронштадтского. "Попросите, чтобы он помолился о чем-нибудь в особенности", – сказала Великая Княгиня по-французски. Я попросила его помолиться, чтобы я всю жизнь могла положить на служение Их Величествам. "Так и будет", – ответил он, и я ушла домой. Через месяц я написала Великой Княгине, прося ее спросить Распутина о моей свадьбе. Она ответила мне, что Распутин сказал, что я выйду замуж, но счастья в моей жизни не будет. Особенного внимания на это письмо я не обратила».

К этому противоречию мы еще вернемся, а пока отметим, что

позднее именно Вырубову часто обвиняли в том, что она привела во дворец Распутина.

«Когда начались гонения на Распутина и в обществе стали возмущаться его мнимым влиянием, все отреклись от меня и кричали, что я познакомила его с их величествами. Легко было свалить вину на беззащитную женщину, которая не смела и не могла выразить неудовольствия… Они же, сильные мира сего, спрятались за спину этой женщины, закрывая глаза и уши всем на тот факт, что не я, а Великие Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с их женами и привели во дворец сибирского странника. Не будь этого, он жил бы, никому не мешая, в своей далекой родине».

Примечательно, что Вырубова также указывает не на епископа Феофана, а на двух Великих княгинь, как на виновниц появления опытного странника во дворце. Но вообще в своих воспоминаниях бывшая фрейлина писала о Распутине так же сдержанно и неохотно, как говорила о нем и на допросе в 1917 году. И публика, и следствие ждали от нее иных мемуаров и показаний, но Вырубова ни читателей, ни следователей не жаловала и стремилась роль своего друга не выпячивать. В противовес показаниям других обвиняемых и свидетелей по делу о «преступлениях царского режима», а также хлынувшему сразу же после революции потоку воспоминаний о Распутине, причем воспоминаний в подавляющем большинстве лживых и надуманных, а показаний сильно преувеличенных, в этом умолчании был определенный жест (что позднее подметила Зинаида Гиппиус: «…мне не хочется, чтобы кто-нибудь спросил ее о позднейшем, о войне, о Распутине. Жалко. Будет лгать, метаться, вывертываться. Мне и теперь жалко, что ее убедили написать и выпустить какие-то "воспоминания"»), но тем не менее факт есть факт: во всем царскосельском окружении она была Григорию наиболее близка, с ней он виделся чаще, чем с кем бы то ни было, и о Распутине Вырубова могла бы написать гораздо больше, чем написала, либо рассказала.

«Председатель: Ведь вы не отрицаете того, и не станете отрицать того, что Вы были горячей поклонницей Распутина?

Вырубова: Вы сказали «горячей поклонницей» – это слишком много…

П.: Это ведь был интерес холодного наблюдателя. Это был интерес женщины, которая захвачена его идеями?

В.: Нет, захваченной я никогда не была <…> Да, интересовалась я им… как-нибудь особенно – нет, особенно – нет. Так.

П.: Так что это не верно, что вы были его горячей такой

сторонницей, почитательницей, приверженницей?

В.: Нет, наверное. Конечно, я интересовалась им, потому что он был интересен, но истерического какого-нибудь поклонения – этого нет, это я, безусловно, отрицаю».

Ей не поверили. Среди тех, кто присутствовал на этом допросе, был известный историк Павел Елисеевич Щеголев. Ровно десять лет спустя вместе с писателем Алексеем Толстым он попытается восполнить дефицит откровенности царской фрейлины, опубликовав в СССР фальшивый «Дневник Анны Вырубовой», который часто издавался под одной обложкой с ее подлинными мемуарами, но никакого отношения к весьма похабному тексту «Дневника» Вырубова не имела.

А вот к самому Распутину – безусловно, да.

Саблин рассказывал Роману Гулю: «Во времена этих моих встреч с Распутиным я вел разговоры о нем и с А. Вырубовой, стараясь узнать, что он за человек? От Вырубовой я узнал, что Распутина близко знала вел. кн. Милица Николаевна (жена вел. кн. Петра Николаевича) и Анастасия Николаевна (жена вел. кн. Николая Николаевича), что его хорошо знает и сам вел. кн. Николай Николаевич, Распутин бывает у него во дворце. На мой вопрос, почему сейчас Распутин ближе к Вырубовой, чем к вел. кн. Николаю Николаевичу и его окруженью, Вырубова ответила, что это желание императрицы: ей легче и удобней сноситься с Распутиным через Вырубову, чем через Николая Николаевича или через Сандро Лейхтенбергского. Государыня, будто бы, хотела держать свои встречи с Распутиным втайне, она, будто бы, почувствовала, что окруженье вел. кн. Николая Николаевича через Распутина хочет влиять на нее».

Опять же, так это было или не так, сказать трудно.

В дневнике Государя за 1908 год встречаются рядом имена Вырубовой и Григория Распутина.

«6 ноября… Покатались и заехали к Ане В. Видели Григория и долго разговаривали».

«27 декабря… Поехали к Ане В., где видели Григория. Зажгли вместе ее елку. Было очень хорошо – вернулись в 12.15».

Но позднее, в 1909 и 1910 годах, Царская Семья встречалась с Распутиным, уже не прибегая к помощи Вырубовой, да и с Саблиным не все однозначно. Генерал Спиридович, например, писал в мемуарах о том, что «единственным человеком, расположенным к Вырубовой и Распутину, при поездках Государя, являлся Н. П. Саблин». Об особом отношении Саблина к Распутину говорил генерал Н. И. Иванов. Однако о Вырубовой Саблин в беседах с Романом Гулем отзывался отрицательно, а императрицу, напротив, боготворил: «Меня поразила ее

спокойная, величавая красота. Императрица держала себя очень просто, разговаривала, смеялась, она хорошо говорила по-русски, хотя и с заметным немецким акцентом. Неподалеку от императрицы и прямо против меня сидела ее фрейлина Анна Вырубова, с которой тогда уже была очень близка императрица. Но насколько очаровательное впечатление произвела на меня, молодого лейтенанта, императрица, настолько же мне не понравилась ближайшая к ней фрейлина. Я уже знал от лиц, близких ко двору, что этой слабовольной, доброй женщиной многие пользовались для влияния на императрицу и это влияние причиняло тогда уже немало зла».

Вообще о Вырубовой все, кто ее знал (да и кто не знал), высказывались не просто по-разному, но диаметрально противоположным образом. По степени демонизации она второе действующее лицо в этой истории.

Смиттен писал в материалах расследования о том, что, согласно показаниям свидетелей, Вырубова была женщина «более чем ограниченная, но упрямая и самоуверенная… поверхностная, малообразованная… <…> нервная и экзальтированно-религиозная», бесконечно преданная императрице, «с которой ее связывали одиночество, общий душевный излом, общая экзальтированная религиозность и утешение, которое обе они нашли в одном и том же учителе – "старце"».

Неплохо знавший Вырубову князь Андронников на вопрос председателя следственной комиссии В. Муравьева, умная ли она женщина, ответил: «Все, что хотите, только не это! – Глупа… Удивительно добрая, – очень добрая личность…»

«Это – мечтательная мистичка, глупая как пень, по-бабьи суеверная», – вторила ему дочь Манасевича-Мануйлова Вера Ивановна Баркова.

«Существует весьма распространенное мнение, что Анна Александровна была не умная женщина. Многие выражались даже более просто и категорически. Это далеко не так, – возражал хорошо знакомый с материалами ЧСК, а еще лучше с самой Вырубовой А. И. Спиридович. – Она не блистала особым умом, но она не была и "глупая" женщина, как она называет себя кокетливо в своих воспоминаниях. Чтобы удержаться в фаворе у Их Величеств в течение двенадцати лет, удержаться под напором всеобщей ненависти и, временами, среди чисто женских недоразумений на почве ревности, надо было иметь что-либо в голове. И Вырубова это "что-то" имела. Ее же святые глаза, наивная улыбка и казавшийся искренним тон помогали ей в ее карьере около Их Величеств.

Не надо забывать и того, что за нею стоял ее отец – мудрый и

умный Танеев. В описываемую эпоху Вырубова втянулась в политическую интригу, показала вкус к ней».

Да и лично Спиридович ей симпатизировал: «Дома Анна Александровна была обаятельна. Ее невинные глаза ласкали. Улыбка, голос тянули к себе. Вспоминались слова "Старца" – "Аннушка украла мое сердце". Живи она с ним "На Горах" Мельникова-Печерского, была бы она "богородицей"».

Следователь Н. А. Соколов, напротив, Вырубову откровенно не любил и был убежден в том, что «Вырубова никогда не была другом ее (Государыни. – *А. В.)* души, так как императрица не могла не понимать душевной нищеты Вырубовой», и прямо обвинял фрейлину в сговоре с Распутиным, считая ее орудием его злой воли.

Гурко также полагал, что Вырубова только прикидывалась простушкой и играла в свою игру, «…по общему отзыву близко знавших ее лиц, женщина эта отличалась чрезвычайной хитростью, которая и заменяла ей наличность сколько-нибудь выдающегося ума и хотя бы поверхностное знакомство с политическими вопросами. Она старалась завоевать симпатии Государыни, убеждая ее в своей безграничной преданности всей Царской семье, а в особенности самому Царю, по отношению к которому она, по-видимому, даже прикидывалась влюбленной. Сообразив, что пленить Царицу можно отнюдь не раболепством и не безукоризненным исполнением придворного этикета, так как в искренность чувств, высказываемых блюдущими этот этикет, Александра Феодоровна успела извериться. А. А. Вырубова, в то время еще девица Танеева, при первом же своем появлении при дворе в качестве свитской фрейлины, прикинулась необычайной простушкой до такой степени, что первоначально была признана непригодной для несения придворной службы <…> То обстоятельство, что она не имеет никакого официального положения при дворе, не только не мешает ее сближению с Царицей, а, напротив, содействует ему. Но в представлении Государыни умело высказываемые Вырубовой чувства беспредельной преданности Царской семье получают характер полной искренности, так как, по ее мнению, чувства эти не могут проистекать из каких-либо личных видов: Императрица была далека от мысли, что положение друга Царицы более завидно, чем положение лица, принадлежащего по должности к ее окружению. Находится, наконец, и иная почва для их сближения, а именно общая любовь к музыке. Обладая обе некоторым голосом, они занимаются пением дуэтов, что приводит к их ежедневному продолжительному общению. Еще большей связью является впоследствии их слепая вера в Распутина».

С. Ю. Витте в своих воспоминаниях называл Вырубову «самой обыкновенной, глупой петербургской барышней, влюбившейся в императрицу и вечно смотрящей на нее влюбленными медовыми глазами со вздохами: "ах, ах!"» и писал, что «сама Аня Танеева некрасива, похожа на пузырь от сдобного теста».

«Внешне она была очень красивой женщиной, невысокого роста золотистой блондинкой с великолепным цветом лица и поразительно красивыми васильковыми синими глазами, сразу располагавшими к себе», – описывал Вырубову впервые увидевший ее 12-летним подростком С. Марков.

Министр внутренних дел Протопопов утверждал, что Вырубова была «фонографом слов и внушений, всецело Распутину преданная, послушная и покорная».

Другой царский министр А. Н. Хвостов говорил на допросе, что «Вырубова – несчастная женщина, истеричка, недалекая, которая попала под гипнотическое влияние Распутина».

«Ее Величество любила окружать себя людьми, которые бы всецело отдавали ей самих себя, которые бы всецело отдавались ей и почти отказывались от своего "я". Она считала таких людей преданными ей. На этой почве и существовала Вырубова. Вырубова была неумная, очень ограниченная, добродушная, большая болтушка, сентиментальная и мистичная. Она была очень неразвитая и имела совершенно детские суждения. Она не имела никаких идей. Для нее существовали только одни личности. Она была совершенно неспособна понимать сущность вещей: идеи. Просто были для нее плохие и хорошие люди. Первые были враги, вторые – друзья. Она была до глупости доверчива, и к ней проникнуть в душу ничего не стоило. Она любила общество людей, которые были ниже ее, и среди таких людей она чувствовала себя хорошо. В некоторых отношениях она мне представлялась странной. Мне она казалась (я наблюдал такие явления у нее) женщиной, у которой почему-то недостаточно развито чувство женской стыдливости… С Распутиным она была очень близка», – рассказывал учитель царских детей швейцарец П. Жильяр на другом следствии, которое проводил Н. А. Соколов в 1918 году в связи с убийством Царской Семьи.

«Она была слабой, податливой и в то же время привязчивой, цепкой – как плющ, обвившийся вокруг дерева», – создавала весьма емкий художественный образ Ю. Ден.

В числе немногочисленных сторонников Вырубовой самым главным оказался следователь Чрезвычайной следственной комиссии В. Руднев, который несколько раз допрашивал ее в 1917 году и оставил весьма лирический фрагмент воспоминаний,

посвященный Анне Александровне.

«Много наслышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при Дворе и об отношениях ее с Распутиным, сведения о которых помещались в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря, настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости, вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем двух солдат. Когда же вошла Г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось.

После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она, в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния, и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику Государства, с одной стороны, вследствие чисто женского отношения ко всем тем политическим событиям, о которых мне приходилось с ней беседовать, а с другой – вследствие чрезмерной ее словоохотливости и полной неспособности удерживать в секрете даже такие эпизоды, которые вне достаточного анализа, при поверхностной их оценке, могли бы набрасывать тень на нее самое. В дальнейших беседах я убедился, что просьба, обращенная к Г-же Вырубовой, удержать что-либо в секрете была равносильна просьбе об этом секрете объявить всенародно, так как она, узнав что-либо такое, чему она придавала значение, тотчас же рассказывала об этом не только своим близким, но даже малознакомым людям.

Достаточно ознакомившись за время этих бесед с интеллектуальными особенностями Г-жи Вырубовой, я невольно остановился на двух основных вопросах: 1) о причинах нравственного ее сближения с Распутиным и 2) о причинах сближения ее с Царской Семьей. При разрешении первого вопроса я натолкнулся случайно в разговоре с ее родителями, гг. Танеевыми (статс-секретарь Александр Сергеевич Танеев, управляющий Собственной Его Величества Канцелярией, женатый на графине Толстой), – на один эпизод из жизни их дочери, который, по моему мнению, сыграл роковую роль в подчинении ее воли влиянию Распутина. Оказалось, что Г-жа Вырубова, будучи еще 16-летним подростком, заболела брюшным тифом в тяжелой форме. Болезнь эта вскоре осложнилась местным воспалением брюшины, и врачами положение ее было признано почти безнадежным. Тогда гг. Танеевы, большие почитатели гремевшего на всю Россию Протоиерея отца Иоанна

Кронштадтского, пригласили его отслужить молебен у постели болящей дочери. После этого молебна в состоянии больной наступил благоприятный кризис и она стала быстро поправляться. Этот эпизод произвел, несомненно, огромнейшее впечатление на психику религиозной девушки-подростка, и с этой минуты ее религиозное чувство получило преобладающее значение при решении всех вопросов, которые возникали у нее по различным поводам.

Г-жа Вырубова познакомилась с Распутиным во дворце Вел. Кн. Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а Великая Княгиня Милица Николаевна подготовляла к нему Г-жу Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультистической литературой: затем однажды Великая Княгиня пригласила к себе Вырубову, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником Земли Русской, одаренным способностью врачевания.

Эта первая встреча Г-жи Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела на нее большое впечатление, в особенности в силу того, что она намеревалась тогда вступить в брак с лейтенантом Вырубовым.

При этой первой встрече Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы, благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел и что в испытаниях и при ударах судьбы человек совершенствуется. Вскоре последовавший брак этот был совершенно неудачным; по словам Г-жи Танеевой, муж ее дочери оказался полным импотентом, но притом с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем он причинял своей жене неописуемые нравственные страдания и вызывал к себе чувство полного отвращения. Однако Г-жа Вырубова, памятуя слова Евангелия "Еже Бог сочетал, человек да не разлучает", долгое время скрывала свои нравственные переживания от всех, и только после одного случая, когда она была на волос от смерти на почве садических половых извращений своего супруга, она решила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатом такого признания Г-жи Вырубовой было расторжение брака в установленной законной форме.

При дальнейшем производстве следствия эти объяснения Г-жи Танеевой о болезни супруга ее дочери нашли свое полное подтверждение в данных медицинского освидетельствования Г-жи Вырубовой, произведенного в мае 1917 г. по распоряжению

Чрезвычайной Следственной Комиссии: данные эти установили с полной несомненностью, что Г-жа Вырубова девственница.

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни религиозное чувство А. А. Вырубовой развивалось все сильнее и, можно сказать, стало принимать характер религиозной мании, при этом предсказание Распутина о терниях жизненного пути явилось для Вырубовой истинным пророчеством. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался и в виде святого человека, бессребреника и чудотворца.

При разрешении второго из поставленных мною выше вопросов, уяснив себе нравственный облик Вырубовой, а также детально изучив во время следствия жизнь Царской Семьи и нравственный облик Императрицы Александры Феодоровны, я невольно остановился на признанном психологией положении, что противоположности часто сходятся и, дополняя друг друга, придают друг другу устойчивое равновесие. Неглубокий ум Вырубовой и часто философский склад мышления Императрицы были двумя противоположностями, друг друга дополнявшими; разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать нравственного Удовлетворения в удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановке Императорской Семьи. Общительная и бесхитростная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку, которой не хватало в тесно замкнутой Царской Семье со стороны Царедворцев, ее окружавших. А общее у этих столь различных женщин нашлось тоже – это любовь к музыке. Императрица обладала приятным сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто, и они часто в минуты отдохновения пели дуэты. Вот те условия, которые у непосвященных в тайны близких отношений между Императрицей и Вырубовой должны были породить слухи о каком-то исключительном влиянии Вырубовой на Царскую Семью. Но, как раньше сказано, влиянием при Дворе Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла; слишком большой был перевес умственных и волевых данных Императрицы над умственно ограниченной, но беззаветно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танеевой, а затем сделавшейся домашним человеком в Царской Семье Г-жой Вырубовой. Отношения Императрицы к Вырубовой можно определить отношением матери к дочери, но не больше того. Дальнейшим связывающим звеном этих двух женщин было одинаково сильно развитое, как у одной, так и у другой, религиозное чувство, которое привело их к трагическому поклонению личности Распутина».

Но красочнее всех написал о Вырубовой наш современник Э. Радзинский, который посчитал Руднева в отношении фрейлины таким же простаком, как епископа Феофана по отношению к Распутину, и предложил свою версию:

«В 1907 году Аня выходит замуж, точнее – вынуждена выйти замуж. Слишком опасны слухи вокруг тесной дружбы Ани и царицы – двор ревниво отнесся к новой фаворитке.

Банкир Филиппов, находившийся в центре петербургской жизни, показал в "Том Деле": "Дружба Вырубовой с Государыней… некоторыми из придворных сфер… объяснялась близостью на почве сексуальной психопатологии". О "неестественной дружбе" царицы и Ани не раз напишет со слов придворных в своем дневнике и генеральша Богданович.

Чтобы покончить со слухами, преданная Аня решила принести себя в жертву – выйти замуж за незаметного лейтенанта Вырубова. Скромный морской офицер, правда, владел обширным поместьем… <…>

Замужество не изменило ни жизни, ни положения Ани. Из показаний Вырубовой: "В 1907 году я вышла замуж за лейтенанта Александра Васильевича Вырубова, и по возвращении из свадебного путешествия мы сняли дачу сначала в Петергофе, затем в Царском… Мой муж был зачислен в походную канцелярию, и в том же году мы сопровождали царскую семью на море".

…было – и свадебное путешествие, и счастье, и "смотревший ей в глаза" муж. Но…

"Прожив с мужем полтора года, – показала Вырубова в Чрезвычайной комиссии, – я развелась, так как он, оказалось, страдает психической болезнью… Он уехал в Швейцарию, я забыла, в какой город… в лечебницу; потом мы развелись, так что я его с тех пор не видела". <…>

Но как же – "была счастлива"? Как она могла полтора года жить с садистом и скрывать такую муку? А может быть, Вырубов все же не был законченным психопатом, сгинувшим в швейцарской клинике?

Именно так: бывший супруг Ани обзавелся новой семьей и с 1913 по 1917 год преспокойно жил в своем поместье, пользовался уважением соседей и даже был избран уездным предводителем дворянства. Так что понятно, почему двор весьма недоверчиво отнесся к причинам развода и с еще большим упорством заговорил на прежнюю тему.

И все та же генеральша Богданович записывала в дневнике: "2 февраля 1908 года. Рассказывал Зилотти, что всех поражает странная дружба молодой царицы с ее бывшей фрейлиной

Танеевой, которая вышла замуж за Вырубова… Когда во время поездки в шхеры лодка наткнулась на камень, эту ночь царская семья проводила на яхте… Царь спал в рубке один, а в свою каюту царица взяла Вырубову и на одной с ней постели спала…" И далее Богданович излагает причину развода Вырубовой со слов княгини Долли Кочубей – урожденной герцогини Лейхтенбергской, родственницы Романовых: "Неестественная дружба существует между царицей и Танеевой… и что будто муж этой Танеевой… Вырубов нашел у нее письма от царицы, которые наводят на печальные размышления…" Генеральша будет часто возвращаться к этой теме: "6 февраля 1909 года… У молодой царицы сильная неврастения… это приписывают ее аномальной дружбе с Вырубовой. Что-то неладное творится в Царском Селе…"

А может быть, Вырубова действительно питала отвращение к мужчинам? И была по-своему счастлива в браке именно потому, что муж-импотент к ней не прикасался? А когда он попытался преодолеть себя и "направить стрелу в цель", это и показалось ей "проявлением садизма"? Не из-за того ли несчастный лейтенант Вырубов начал "страдать психической болезнью"? Если предположение верно, становится понятным, почему и дальше в жизни красивой молодой женщины не будет ни одного мужчины, почему ив 1917 году она оставалась девственницей – через десять лет после развода с Вырубовым! В ее жизни будет множество флиртов, но – демонстративных флиртов, которые станут частью ее игр.

Я много думал о ее отношениях с Алике и в книге о Николае II сделал первую попытку их объяснить. В основе дружбы Вырубовой с царицей лежало тайное чувство, глубоко скрытое и подавленное. Оно и притягивало несчастную Алике, и пугало ее… Но зная религиозность и чистоту царицы, Аня скрывала это чувство и придумала восхитительную игру, которая вначале еще больше привязала к ней подругу…»

И чуть дальше:

«Аня понимала, как опасны слухи о сексуальной подоплеке ее любви к Государыне. И придумала отвлекающую игру в подавленную, чистую и безнадежную любовь к Ники – игру, которая успокоила царицу. Так воспитанницы Института благородных девиц, боготворя старшую подругу, одновременно пылко влюблялись в ее избранника <…>.

Первая ее страсть – власть, которая сразу пришла к молоденькой фрейлине. Аня – незримая повелительница самого блестящего двора в Европе.

Другая страсть – скрытая навечно – это Алике. Эта тайная страсть соединялась с тем страшным, плотским, что незримо

приходило в Семью вместе с Распутиным. И хотя во дворце он оборачивался святым, царица не могла не чувствовать незримое поле его похоти, его разнузданную силу. И страстные мечты Алике в письмах к Николаю – это уже не смиренная супружеская любовь, но исступленный плотский зов».

Что тут скажешь? С фактической стороны то, что пишет Радзинский о А. В. Вырубове, правда, хотя стоит отметить, что Вырубов был не «незаметным» морским офицером, а героем Русско-японской войны и троюродным братом дворцового коменданта Воейкова, то есть не первым попавшимся, за кого спешили выдать фрейлину замуж, а человеком своего круга. Тем не менее действительно после разрыва с первой женой он сошелся с другой женщиной. На сайте «Всероссийское генеалогическое древо» содержится такая информация: «Вырубов Александр Васильевич. 1880—1919. В 1907—1917 был женат на Анне Александровне (в девичестве Танеевой, подруге Распутина и последней императрицы) – 1884-1964. Умер 4.3.1919 в Кисловодске. С 1910 г. он жил там вместе с Марией Ал-др. Киреевой (ум. в Лозанне 5.2.1936). От этого союза у него родились две дочери: Мария 9.4.1912, Кисловодск – 8.12.2000, Париж. Муж Горчаков Константин Александрович 1906—1994. Ольга 1.12.1916, Кисловодск – 9.1969, Веве, Швейцария. Была замужем за внуком Льва Толстого – гр. Сергеем Михайловичем Толстым (1911—96), у них трое детей».

Таким образом, Вырубов оказался счастливым отцом, его дети были люди именитые и породнившиеся со знатными российскими родами, и все же это еще не значит, что он не был болен в 1907—1908 годах и не поправил здоровье к 1910 году, и уж тем более из этого не следует, что Вырубова находилась с Царицей в противоестественной связи.

Не существует никаких оснований считать Вырубову извращенкой или женщиной, не желающей семейного счастья. В мемуарах она писала, что Распутин предсказывал ей несчастливый брак. Но, судя по всему, это не так. Во-первых, это расходится с ее показаниями следственной комиссии, а во-вторых, О. А. Платонов, правда, безо всяких ссылок (вообще ссылки в его трудах приводятся весьма избирательно), опубликовал в своей книге «Терновый венец России» несколько писем Распутина к Вырубовой, которые явно противоречат воспоминаниям царской фрейлины о распутинском пророчестве касательно ее неудачного замужества и подтверждают ее показания ЧСК.

«Апр. 1907. А.

Неожиданное вкупине торжество! О тебе во браке сочетание радости! Бог тебя сочетал с твоим прекрасным умным женихом <…> Аннушка, твоя свадьба не свадьба мне, а прямо дожидаюсь, что Христос воскресе <…> называю твою свадьбу – Пасхой».

Два года спустя:

«1909 г. А.

Действительно Тебе тяжелые минуты, так нашему Папаше и Мамаше тоже тяжело. Но хотя… зима, да сладкий рай, но всем Бог порукой, а я свидетель – будет благополучно. Да, сочетал тебя Господь в законный брак там кедра Ливанская, которая приносит в свое время плод: ты как примерная кедра принесешь в свое время радость».

Мы не знаем писем Вырубовой к Распутину, ответом на которые стали эти строки, но подтекст совершенно очевидный – Вырубова хотела обычного женского счастья, хотела иметь детей и страдала от их отсутствия. Да и едва ли сибирский странник или кто-то иной решился бы предсказывать царской фрейлине несчастье в грядущем браке. Все эти поздние ссылки на распутинские предсказания были призваны задним числом продемонстрировать его прозорливость, в действительности отнюдь не безграничную, а вот истинных отношений между Анной Александровной и ее мужем не знал никто. Даже такой близкий к Вырубовой человек, как Юлия Ден, которая позднее сочиняла в своих мемуарах:

«Анна Вырубова впервые встретилась с Распутиным после того, как решилась развестись со своим мужем <…> Брак ее с лейтенантом Вырубовым оказался неудачным, и их отношения прервались весьма прискорбным образом. Однажды, когда Анна потчевала пришедших к ней в гости Государыню и генерала Орлова, неожиданно из плавания вернулся лейтенант Вырубов. Полицейские его не узнали и не впустили офицера в собственный дом. После того как Ее Величество уехала, между Вырубовым и его женой произошла отвратительная сцена, и Анна была жестоко избита. Она отказалась продолжать супружескую жизнь и вернулась к родителям. История эта получила огласку, и для того, чтобы утешить Анну, "черногорки" отвели ее к Распутину».

Все было хронологически совсем не так, но здесь мы сталкиваемся с ошибками мемуаристки, по всей вероятности, непроизвольными. Что же касается других воспоминаний, дневниковых записей и отзывов русских аристократов и прежде всего генеральши А. В. Богданович, на которую ссылается Э. Радзинский…

Хорошо известно, что Александру Федоровну при дворе не любили, считали высокомерной, жесткой, несветской и

использовали малейший повод, чтобы о ней позлословить или облить ее грязью. Это делали и генеральша Богданович, и Долли Кочубей, и множество других именитых русских дам.

Как справедливо писал впоследствии И. Л. Солоневич, «русская аристократия русскую монархию не любила очень – и наоборот». Но в истории последнего царствования эта неприязнь стала катастрофической в самом прямом смысле этого слова, и доверять суждениям русских аристократов той поры следует не больше, чем желтой прессе.

«У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений <…> И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это – грязная ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Федоровне…»

Так говорил об отношениях императрицы и Распутина духовник Ее величества епископ Феофан. Но то же самое можно отнести и к отношениям Государыни с ее фрейлиной, потому что в обоих случаях прослеживается схожий почерк: клевета.

Александра Федоровна была православной христианкой, она регулярно исповедовалась и причащалась, относясь к этому таинству в высшей степени серьезно, и приписываемая ей тогдашней светской чернью противоестественная связь хотя бы по этой причине была невозможна. Нынешняя толпа, похоже, стремится подменить одни сплетни об Императрице другими, более пряными. Лесбийские отношения с фрейлиной – это даже пикантнее, чем прелюбодеяние с мужиком. Отчего бы не поплясать на останках, как делает драматург Радзинский, а православный публицист Игорь Васильевич Смыслов, автор столь же содержательной, сколь и тенденциозной работы «Знамение погибшего царства», называет его книгу серьезным исследованием и призывает православных читателей относиться к ней с доверием[5]. В этом разбросе мнений прослеживается одна важная черта: распутинский вопрос настолько накален, что люди, резко выступающие как в защиту Григория Распутина, так и против него, в своей запальчивости готовы отбирать только те факты, которые им лично удобны. А если факты мешают идеям, то – тем хуже для фактов. В том числе это относится и к Вырубовой: интриганке для одних и едва ли не святой для других[6].

Сама Вырубова говорила на допросе и такие слова: «У меня было много горя, муж с ума сошел, при дворе моя жизнь была совсем нелегка.

Председатель. Почему же она была нелегка?

Вырубова. Потому что вообще при дворе нелегко. Вы думаете, легко? Мне завидовали, меня не любили. Вообще правдивому человеку трудно жить там, масса зависти, клеветы. Я была проста, так что в эти 12 лет, кроме горя, я почти ничего не видела».

Большинство современников полагали, что Вырубова на своей простоте спекулировала и доброго следователя Руднева обманула. Может быть, и так. Но были те, кто смотрел на нее иначе. Вот фрагмент из воспоминаний князя Жевахова.

«Жизнь А. А. Вырубовой была поистине жизнью мученицы, и нужно знать хотя бы одну страницу этой жизни, чтобы понять психологию ее глубокой веры в Бога и то, почему только в общении с Богом А. А. Вырубова находила смысл и содержание своей глубоко несчастной жизни.

И когда я слышу осуждения А. А. Вырубовой со стороны тех, кто, не зная ее, повторяет гнусную клевету, созданную даже не личными ее врагами, а врагами России и Христианства, лучшей представительницей которого была А. А. Вырубова, то я удивляюсь не столько человеческой злобе, сколько человеческому недомыслию…

И когда Императрица ознакомилась с духовным обликом А. А. Вырубовой, когда узнала, с каким мужеством она переносила свои страдания, скрывая их даже от родителей; когда увидела ее одинокую борьбу с человеческой злобой и пороком, то между Нею и А. А. Вырубовой возникла та духовная связь, которая становилась тем большей, чем больше А. А. Вырубова выделялась на общем фоне самодовольной, чопорной, ни во что не веровавшей знати.

Бесконечно добрая, детски доверчивая, чистая, не знающая ни хитрости, ни лукавства, поражающая своею чрезвычайною искренностью, кротостью и смирением, нигде и ни в чем не подозревающая умысла, считая себя обязанной идти навстречу каждой просьбе, А. А. Вырубова, подобно Императрице, делила свое время между Церковью и подвигами любви к ближнему, далекая от мысли, что может сделаться жертвою обмана и злобы дурных людей… Вот почему, когда пронесся слух о появлении "старца" Распутина, А. А. Вырубова встрепенулась и была одною из первых, побежавших ему навстречу».

Подобная идеализация Вырубовой есть та же крайность, что и идеализация Распутина. В той роли, которую она сыграла в распутинской истории, много неясного, но даже наиболее неприязненно относившиеся к этой женщине люди, как ни искали, так и не смогли назвать ее доказанных прегрешений и привести факты личной нечистоплотности, а опирались на слухи, которые ходили и по сей день продолжают ходить, оставаясь не

более чем слухами и клеветой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дело о принадлежности Распутина к секте хлыстов: кто начал? Воспоминания Матрены. Епископ Антоний (Каржавин). Аргументы и факты. Свидетельство ссыльного. Обыск в доме Распутина. Защита Амальрика. Заключение миссионера Березкина. Распутин в решении Архиерейского собора 2004 года. «Хлыст» А. Эткинда. Мнение эксперта: ученый-историк С. Фирсов о хлыстовстве Распутина и сектантстве вообще. Откровения Степана Белецкого. Фантазии Фалеева. Два хлыста: Распутин и Щетинин. Николай Клюев. Зинаида Гиппиус. Александр Блок

А между тем, покуда сибирский крестьянин жил в Петербурге и круг его знакомств расширялся, Тобольской консисторией неожиданно было возбуждено дело о принадлежности Г. Е. Распутина к секте хлыстов. В современной «распутинистике» этот вопрос решается, как правило, безоговорочно: да, был хлыстом (Э. С. Радзинский, И. В. Смыслов) или: нет, хлыстом не был (О. Платонов, И. Евсин). Но при всей разности конечных выводов здесь тот редкий случай, когда и Эдвард Радзинский, и Олег Платонов, «хулитель» и «апологет», сходятся в том, что само расследование о принадлежности Распутина к хлыстовской секте было начато по инициативе сестер-черногорок Анастасии и Милицы и их мужей, стремившихся любыми путями остановить восхождение человека, которого сами же они привели во дворец в надежде проводить через него свою политику, а он вышел из повиновения.

Э. Радзинский полагает, что инициатором всего была Великая Княгиня Милица Николаевна, задетая тем, что ее протеже стал бывать во дворце у Императрицы без нее, хотя обещал этого не делать, и именно она, Милица, настроила против Распутина Великого Князя Николая Николаевича.

О. Платонов винит во всем самого Великого Князя: «После размолвки с Великим князем Николаем Николаевичем и его кругом, к которому принадлежали, в частности, и епископы Феофан и Гермоген, Распутин начинает ощущать давление недоброжелательных сил».

И чуть дальше: «…совершенно очевидно, что снизу инициатива идти не могла, ибо серьезных фактов для начала такого дела не было. А когда же сверху поступил "социальный заказ", непроверенные доносы начинают представляться как реальные факты».

С О. Платоновым не согласился С. Фирсов:

«К Распутину уже давно присматривались, подозревая в сектантстве. Дело Тобольской консистории по обвинению крестьянина Григория Ефимовича Распутина-Нового в распространении подобного хлыстовскому лжеучения было начато еще до всевозможных публичных разоблачений "старца" – 6 сентября 1907 г. – и утверждено местным архиереем Антонием (Каржавиным) 7 мая 1908 г.

Это дело приводит в своей тенденциозной книге О. А. Платонов, стремящийся доказать надуманность обвинений против Распутина, который-де стал жертвой злостной и преднамеренной фальсификации. Расследование, по мнению автора, велось с целью доказать на пустом месте пресловутое "хлыстовство" Распутина. Возникает закономерный вопрос: а с какой стати Тобольскому епископу было начинать это расследование, собирать компрометирующие крестьянина Григория данные? О. А. Платонов полагает, что дело "организовал" великий князь Николай Николаевич, до Распутина занимавший место ближайшего друга и советника царской семьи. "В то время только он мог через руководителей Синода и епископа Тобольского назначить следствие по делу человека, который хорошо был известен в высших сферах и самому царю, – полагает Платонов. – Видимо, сначала дело носило характер проверки – что за человек так приближается к особе царя, а когда великий князь почувствовал ущемление своих интересов – оно приобрело клеветнический характер".

Подобный ход мысли невозможно признать убедительным. Во-первых, Николай Николаевич (как и любой другой близкий императору человек) не мог занять то место, какое занимал "мужик" Распутин… Во-вторых, Николай Николаевич в то время пользовался искренним расположением самодержца, регулярно с ним встречался.

Более того, именно в 1907 г. в жизни Николая Николаевича произошло знаменательное событие – он, наконец, получил возможность жениться на великой княгине Анастасии Николаевне, которая 10 ноября 1906 г. развелась со своим первым мужем герцогом Лейхтенбергским. Сообщая об этом в письме матери – императрице Марии Федоровне – Николай II признался, что подтверждение столичным митрополитом Антонием (Вадковским) возможности женитьбы великого князя его очень обрадовало. "Этим разрешается трудное и неопределенное положение Николаши и в особенности Станы, – подчеркивал самодержец. – Он стал неузнаваем с тех пор, и служба его сделалась для него легкой. А он мне так нужен!"

Итак, "нужный" великий князь, облагодетельствованный

императором, на свой страх и риск начинает вести работу по сбору компрометирующей Распутина информации! В таком случае стоит признать Николая Николаевича человеком не только подлым, но и недалеким. Однако ни одно из этих определений не может быть подтверждено фактами: принципиальность и честность великого князя в императорской семье считались общепризнанными».

Насчет принципиальности и честности Николая Николаевича можно и поспорить, но важно даже не это, а то, что общение Распутина с «черногорками» не было прервано в 1907 году, но продолжалось как минимум еще несколько лет.

19 июня 1907 года Николай записал в дневнике: «В 3 часа поехали с Алике в ее двуколке на Знаменку. Встретили Стану на террасе перед дворцом, вошли в него и там имели радость увидеть Григория. Побеседовали около часа и вернулись к себе».

Год спустя, 4 августа 1908 года Государь отметил: «Приехал в Петергоф в 6.30. Алике в это время разговаривала с Григорием, с которым я тоже виделся полчаса!»

Именно в Петергофе располагался дворец «черногорок».

Наконец сам О. Платонов (противореча собственной же версии о разрыве Распутина с Великим Князем еще в 1907 году) приводит письмо Распутина царским детям, датированное 17 февраля 1909 года, где есть такие строки: «Сладкие детки, вот наступает весна и цветочки цветут… Золотые мои детки, я с вами живу… Я скоро приеду к вам. Я бы сейчас приехал, но надо икону привести на закладку вашему Николаше дяде».

Едва ли повез бы Распутин икону Великому Князю Николаю Николаевичу, если бы их отношения были уже тогда испорчены.

«С 1911 года (а не раньше. —*А. В.)* стало заметно изменение чувств государя к великому князю Николаю Николаевичу, – вспоминал царскосельский комендант В. Воейков. – Произошло оно на почве испортившихся отношений между императрицей Александрой Федоровной и великой княгиней Анастасией Николаевной (супругой великого князя), с которой она раньше состояла в большой дружбе, имевшей, между прочим, последствием и появление во дворце «старца» Распутина. Пока существовало благорасположение государыни к великой княгине Анастасии, Распутина во дворце великого князя называли «Божьим человеком». Но как только произошло изменение в отношениях, великий князь Николай Николаевич под влиянием супруги и великой княгини Милицы Николаевны задумал удалить «старца» от их величеств. Когда эти старания не увенчались успехом, во дворе великого князя началась открытая интрига против императрицы, которой стали вменять в вину

посещение двора Распутиным».

«Вы знаете, это человек действительно удивительный, – говорил обер-прокурору Синода А. Д. Самарину Великий Князь Николай Николаевич летом 1915 года. – Я сам находился под его влиянием, я изучил все его учение и мог бы в Синоде разъяснить это хлыстовство. Особенно сильна в этом моя belle soeur (т. е. Милица Николаевна). Она может очень скоро познакомить вас с этим учением. Но я раскусил, что это за человек и от него отвернулся. Тогда он мне стал угрожать, что поссорит меня с Государем. И действительно поссорил так, что мы одно время не виделись».

Но это относится к более позднему периоду, а весной 1907 года Милица Николаевна побывала в Покровском (об этом имеется полицейское донесение: «Весной 1907 г. к нему инкогнито изволила приезжать ее императорское величество в. кн. Милица Николаевна»), где не только не стала затевать против опытного странника никаких интриг, но подарила ему несколько тысяч рублей на строительство нового дома. В 1908 году, когда следствие уже было завершено, она же, Милица Николаевна, Распутина просто спасла, предоставив ему убежище в своем дворце от преследовавшей его по приказу Столыпина полиции. Таким образом, неприязнь к Распутину «черногорок» и их мужей, о чем пишут и Платонов и Радзинский, если и имела место, то никак не в 1907 году, а гораздо позднее, и, следовательно, причины возбуждения дела о принадлежности Распутина к хлыстовской секте в 1907 году следует искать все же не в Петербурге, но в Покровском.

Единственной хотя и недостоверной петербургской зацепкой можно считать запись из так называемого «Дневника» Распутина (представляющего собой либо записи речей Распутина, сделанные его секретарем Акилиной Лаптинской, либо являющиеся такой же подделкой, как и вырубовский «Дневник»), где содержится следующее высказывание, вложенное в уста автора: «Хитер Петруша, а мужик хитрее. Вот он каналья, что сделал. Собрал бумажки, чтобы меня пугнуть… Поп-дьявол послал бумажку о радениях. Будто хлыстовали. Экой дурак!..»

Петруша – это П. А. Столыпин, о резко отрицательном отношении которого к Распутину речь пойдет в следующей главе, однако если даже и поверить в то, что эти или похожие слова были произнесены, то в любом случае инициатива шла из Сибири, от «попа-дьявола», а в Петербурге ее в лучшем случае поддержали.

Матрена Распутина связывала недовольство священников с растущей популярностью ее отца среди крестьян в ущерб

авторитету местного клира:

«…по селу разнеслась весть, что зародился новый пророк-исцелитель, чтец мыслей, разгадыватель душевных тайн.

Слава Распутина стала распространяться далеко за пределами села Покровского и соседних деревень. Приходили бабы, водя за собой кликуш, хромых, слепых, больных ребят.

Священник увидел в отце врага, способного лишить его, по крайней мере, части доходов. Теперь больные шли за исцелением к отцу, а не в церковь. Те же, кто искал духовного руководства, предпочитали получать хлеб из рук отца, а не камни из рук священника.

И без того разгневанный соперничеством "выскочки", священник пришел в ярость, узнав, что отец намерен соорудить на своем подворье подземную часовню.

Насколько я знаю, отец никогда открыто не выказывал своего отношения к Покровскому батюшке. Но тот был достаточно опытен и не нуждался в непосредственных объяснениях.

С точки зрения сугубо церковной, затея, подобная затее отца, не несла в себе ничего оскорбительного. От Покровского служителя Господнего потребовалось бы только освятить новую часовню. Или заявить, почему он этого делать не намерен.

Имея представление об отцовском характере, батюшка не мог отважиться на такой шаг. Отец молчать бы не стал, последовало бы разбирательство с привлечением деревенской общины (мира), многое могло бы тогда явиться на свет Божий.

Отец Петр решил – не мытьем, так катаньем – допечь неугодного.

А тем временем строительство продвигалось. Отец работал не переставая. Нашлись и помощники.

Когда уже все было закончено и собранные в странствиях моим отцом иконы расположили в нишах земляных стен, батюшка решил, что настал час действовать. И настрочил донос.

В ожидании (и даже – в предвкушении) своей победы он строго-настрого запретил ходить в отцовскую часовню, предрекая кары небесные тем, кто будет продолжать потакать "пособнику дьявола". Это не помогало. Прихожан в церкви не становилось больше. Наоборот.

Ответа от церковного начальства все не было, и батюшка направился в Тюмень сам.

Там его принял епископ. Батюшка вылил на отца не один ушат грязи. Вплетая в уже устный донос все, что мог припомнить из сплетен, сопровождавших отца.

Картина получилась страшная.

Богобоязненный епископ пришел в ужас от творящихся в

подведомственном ему приходе непотребствах, и тут же отправился вместе с отцом Петром в Покровское положить конец безобразиям. За ними последовали ученые монахи и полицейские.

Учинили целое следствие.

Полицейские, переодетые крестьянами, несколько раз побывали на службе в часовне, монахи с суровыми лицами ходили по деревне и расспрашивали тех, кто бывал на отцовских собраниях. Через несколько дней тщательного расследования они доложили епископу, остановившемуся в доме батюшки, – не замечено ничего, что могло бы хоть в какой-то степени подтвердить обвинения.

Епископ оказался человеком трезвомыслящим. К тому же за несколько дней жизни под одной крышей с батюшкой он рассмотрел его поближе и понял, с кем имеет дело.

Священник, который был уверен, что ненавистного соперника уберут с его дороги, был поражен. Все обернулось против него самого. Деваться некуда – батюшка был вынужден признать, что оговорил отца.

Священник оправдывался тем, что слухи передавали ему верные люди.

Но епископ не скрывал неудовольствия. С одной стороны, на подведомственной ему территории ереси нет – и это хорошо. Но, с другой стороны, епископ понимал, что Покровский батюшка не остановится и пойдет жаловаться дальше по начальству – а это уже плохо.

Так и вышло».

И хотя того, о чем пишет Матрена, сама она видеть не могла, а версия о том, что правящий архиерей испугался доноса священника, довольно сомнительна, само по себе предположение, что первый раз духовные власти заинтересовались Распутиным еще до его странствия в Петербург, вполне логично. Опытный странник из слободы Покровской слишком откровенно диссидентствовал, втягивая в свое окружение неопытные души, а религиозных ересей в России всегда хватало и власти с ними боролись. Особенно актуальным это сделалось после дарования свобод в 1905 году. Документов о расследовании принадлежности Распутина к хлыстовской секте, начатого *до* 1907 года, впрочем, не сохранилось, за исключением разве что мемуаров Родзянко.

«Первый донос, обвиняющий Распутина в сектантстве хлыстовского толка, был сделан тобольским уездным исправником тобольскому губернатору еще в 1902 году на основании официального сообщения местного священника села Покровского. Губернатор препроводил все дело на распоряжение

местного архиерея преосвященного Антония. Последний поручил сделать дознание одному из миссионеров епархии. Миссионер энергично взялся за дело. Он представил обширный доклад, изобилующий документальными данными, сделал обыск в квартире Распутина, произвел несколько выемок вещественных доказательств и раскрыл много бывших неясными обстоятельств, несомненно изобличающих принадлежность Распутина к хлыстовству. Некоторые из этих подробностей, указанных в докладе, были до того безнравственны и противны, что без отвращения нельзя было их читать».

Хотя хронология в мемуарах Родзянко сильно хромает, а пафос явно превалирует над фактами, стоит отметить, что доступ к материалам расследования Родзянко имел и дату 1902 год назвал скорее всего не случайно. Можно даже предположить, что именно для того, чтобы опровергнуть слухи о своем хлыстовстве, Распутин и решился собрать деньги для строительства нового храма. Такое строительство освободило бы его от подозрений. 29 мая 1907 года корреспондент тюменской газеты, побывав в Покровском, сообщил: «На церковном сходе 9 мая прихожанам слободы Покровской церкви местным крестьянином Григорием Ефимовичем Распутиным, переименованным по указу его императорского величества в "Новых", было предложено 5 тысяч рублей на постройку новой церкви в с. Покровском с тем, чтобы и крестьяне со своей стороны сделали хоть что-нибудь… Между тем более сознательная, развитая часть населения начинает поговаривать о том, что не худо бы эти деньги потребить на богоугодное, жизненное дело: на постройку новой двухклассной школы, в которой такая нужда».

В 1908 году «Тобольские епархиальные ведомости» писали: «Объявлена благодарность Епархиального начальства с выдачею похвального листа крестьянину слободы Покровской Тюменского уезда Григорию Новому (он же Распутин) за пожертвование в приходскую церковь».

Но это случится только в 1908 году. А перед этим прошел почти целый, очень трудный, неприятный и для Григория Распутина-Нового, год. Против опытного странника по существу выступила его родная деревня или по меньшей мере ее часть, и объяснение этому лежало на поверхности: не занимавшийся постоянным крестьянским трудом либо каким-то ремеслом или отхожими промыслами паломник (а для кого-то просто профессиональный бродяга и бездельник) сумел выстроить лучший на селе дом – кому такое понравится?

Показательны строки из доклада унтер-офицера Прилина: «Распутин Григорий Ефимович от роду имеет 45 лет, крестьянин

Тюменского уезда села Покровского, семейный, занимается хлебопашеством, постоянно ездит в Россию, бывает даже в Петербурге, имеет даже знакомство с Милицей Николаевной, которая была в 1907 году в селе Покровском, посылает постоянно из России деньги переводом Распутину. Живет богато, помогает бедным своим односельчанам».

«В средствах не нуждается, так как почти со всех концов России получает денежные переводы от разных лиц, включая сюда и высокопоставленных», – дополнял своего подчиненного ротмистр Калмыков.

То, что Распутин помогал бедным, смягчало напряженность, но все равно его не пропахшее потом благополучие (ведь даже ходить пешком к тому времени он давно перестал – на поезде ездил, а деньги шли) мозолило глаза односельчанам. Помимо этого усилились трения бывшего паломника с местным священством, которое все более настороженно относилось к распутинской предприимчивости и росту его влияния. Сюда надо прибавить болтливость: Григорий Ефимович во все времена любил прихвастнуть своими особенными отношениями с Царской Семьей, и это хвастовство вызвало не столько испуг, сколько желание сбить спесь.

«Батюшка царь… оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм. Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же, как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я сам оказываю помощь в постройке храма; а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порют, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить, обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект, и архиерей всячески восстает. Куда трудно любовь разобрать. Как человек не был на опыте».

Под этим документом стоит дата: май 1907 года – именно тогда было затеяно следствие.

Наконец был еще один важный фактор: личность Тобольского епископа Антония. В 1888 году он защитил магистерскую диссертацию «О рационалистических сектах» и теперь был готов применить ее на практике. «Занимаясь изучением рационалистического сектантства, он был, вероятно, знаком и с проблемами сектантства мистического. Близких отношений архиерея с великим князем выявить не удалось (если, конечно, не считать всех антираспутински настроенных пастырей и архипастырей изначальными сторонниками Николая Николаевича)», – писал С. Фирсов.

Что же касается самого дела, которое довольно подробно

описывает в своей книге О. А. Платонов (и это бесспорно одна из самых ценных частей его труда), то странное это расследование производит впечатление.

«На первой же странице говорится, что Указом консистории от 1 сентября 1907 года было назначено предварительное дознание и следствие на основании предложения Тобольского епископа Антония по поводу того, что, по собранным и проверенным Архипастырем сведениям, Распутин из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской и ее главарями; затем, проживая в Петербурге, приобрел себе последователей, которые по возвращении Распутина в слободу Покровскую неоднократно приезжали к нему и подолгу жили в его доме; письма его последовательниц: Х. Берладской, Е. Сильверс, Ольги Лахтиной и З. Л. Манчтет – говорят об особом учении Распутина, о полученных через него исцелениях, о преподании им каких-то Святых Тайн, об указании Распутиным на какой-то особенный храм православия, о стремлении последовательниц того же Распутина "соединиться со славою Христа", "соединиться со Святыми Тайнами", "иметь (на душе) "Пасху", "заключить в себе Бога", о Распутине как носителе "бездны любви". У него в доме уже лет пять тому назад поселились совершенно посторонние ему женщины, которых прежде было до 8, а в настоящее время – 4 или 5; они одеваются в черные платья с белыми головными платками, всегда сопровождают Распутина в местный храм и обращаются с ним с чрезвычайным уважением, называя Распутина "отец Григорий". То же делают и петербургские его последовательницы, которые водят Распутина под руки и которых на глазах всех он часто обнимает, целует и ласкает в верхнем этаже новоприобретенного Распутиным большого дома. Поздними вечерами бывают особенные молитвенные собрания его последовательниц и последователей (родственников Распутина). На этих собраниях он надевает полумонашеский черный подрясник и золотой наперсный крест, там поют хорошо разученные песнопения из малоизвестных рукописных сборников и некоторых печатных, например, из сборника "Сионская Весть" и других. Собрания эти иногда оканчиваются поздно, и, по темным слухам, в бане при прежнем доме Распутина совершался "свальный грех". Между жителями слободы Покровской ходят слухи, что Распутин учит хлыстовству, и что одна из живших у него черничек несколько лет назад была сначала крепкого здоровья при молодых летах, потом стала чахнуть, сохнуть и, быстро утративши свою молодость, умерла, а некоторые передавали Его Преосвященству, что лично видели снятые в Екатеринбурге фотографические карточки, на

которых Распутин изображен в черном подряснике в рост вместе со стоящими по бокам его двумя черничками, которые поддерживают над головой его развернутую бумажную ленту с надписью: "Искатель Горняго Иерусалима" (или что-то в этом роде). Последовательницы и последователи обвиняемого в лжеучении, близком к хлыстовству, и ныне запрещенного в священнослужении и сосланного по указу Святейшего Синода на Валаам священника Иакова Барбарина, при своем паломничестве в Абалакский монастырь постоянно посещают дом Распутина, участвуют там в ночных собраниях и в песнопениях по сектантским сборникам».

Дальше следуют опросы жителей села: священников, крестьян, а также тех самых петербургских барынь и барышень, которые после 1905 года стали наведываться в Покровское. О. А. Платонов называет те документы, которые он приводит, изначально враждебными, сфабрикованными, хотя меньше всего они выглядят таковыми.

Священник Александр Юрьевский говорит о том, что на него «Распутин произвел впечатление человека странного, если не сектанта, то – впавшего в демонскую прелесть». Крестьянка Мария Коровина рассказывала, что Распутин заходил в гости и «сетовал на то, что его архиерей не принял, а также на то, что его считают в Тобольске сектантом, тогда как у него – просто любви много, и он всех любит тою же любовью. Распутин объяснял и дотрагивался до рук собеседников его, а равно и тем, что он иначе не может: у него тогда нет вдохновения-де».

Священник слободы Покровской, Петр Остроумов (Распутина знал с 1897 года), показывал: «Обвиняемый и все его семейство неопустительно исполняют долг исповеди и Св. Причащения <… > Ежегодно ходит пешком на богомолье по монастырям, а приблизительно с 1905 года он предпринимает довольно частые и продолжительные поездки в Казань, С.-Петербург и другие города по вызовам разных лиц. Показывал свидетелю письма, например, архимандрита Феофана – инспектора С.-Петербургской Духовной Академии, Епископа Сергия – ректора С.-Петербургской Академии и других лиц, с просьбами их дать им советы в духовной жизни. Показывал и фотографические карточки, на которых он снят с разными епископами, монахами и студентами С.-Петербургской Академии. Из своей поездки в октябре 1906 г. он возвратился в конце ноября того же года с г-жой О. В. Лахтиной и женой петербургского священника Медведя, на которых, как они объясняли, Григорий Ефимович произвел необычайное впечатление своими чудесными исцелениями, предсказаниями и т.п., в 1907 году его посетила та же Лахтина, а также Берладская

и Сильверс. <…> Свидетель слышал в доме Распутина духовные песнопения и молитвы православной Церкви. Окружающие Распутина относятся к нему с почтением и уважением, а слышно, что некоторые из них называют его и "отцом Григорием". Сам он непринужденно обращается со своими почитательницами: например, ходит с ними под руку, поглаживает их, но чтобы он обнимал их и целовал, – свидетель этого не видел и от других не слышал. Кроме обыкновенных посещений гостей, особенных молитвенных собраний у Распутина не бывает. В религиозном отношении его и весь его дом можно назвать примерным: строго соблюдаются посты, посещают храм часто и так далее. Но между жителями всего прихода он пользуется репутацией непорядочного человека, как изменившего-де своей вере православной; ставят в вину постоянное проживание в его доме женщин и непринужденное с ними обращение, а также смущаются и частыми его поездками. Что же касается до смерти спутницы его по богомольям, крестьянской девицы деревни Дубровной, то, как передавали, эта спутница умерла, заболев чахоткой от простуды, из-за хождения зимой босиком, по принуждению-де Распутина».

Помимо этого есть в деле вполне нейтральные отзывы псаломщика Петра Быкова о том, что Распутин постоянно ходит в местный храм и стоит на клиросе, сильно и быстро размахивает рукой, прикладывается к каждой иконе в храме. «При встречах, на вопросы, где он был, – охотно рассказывает о своих посещениях дворца, Великих князей и других высокопоставленных лиц. За последний год его стали посещать приезжие, оказывающие ему заметное почтение. Неоднократно свидетель видел Распутина гуляющим под руку с барынями-гостями. При посещении с крестом дома его, по просьбе причта, он пел с гостями церковные песнопения, величания, а также канты. Пение это было стройное».

Другой крестьянин Михаил Зырянов тот факт, что у Распутина в доме происходят церковные песнопения, подтверждает, а то, что Григорий ходит под руку с дамами, отрицает. «Слышал из дома обвиняемого церковное пение. Видел, что живущие у Распутина девицы ведут все его хозяйство, но не замечал, чтобы он ходил под ручку с приезжими женщинами и чтобы ласкал их».

Ко всему этому можно добавить свидетельство очевидца, о котором в цитируемом О. А. Платоновым деле о расследовании причастности Распутина к хлыстовской секте не говорится. Политический ссыльный Александр Иванович Сенин, который жил в Покровском в течение нескольких лет, описывал одно из посещенных им религиозных собраний в доме Григория: «Все

чинно расселись по местам, и началось пение. "Братья" и "сестры" под руководством Григория начали: "Спит Сион и дремлет злоба, спит во гробе Царь Царей". Выходило стройно, гармонично и красиво… Создавалась таинственно-благоговейная атмосфера, точно в храме… Тонкие женские голоса печально и нежно переливались, им глухо и грустно аккомпанировали басы. Мирное, спокойное настроение создавалось в душе, и становилось жаль чего-то, жаль до бесконечности…»

Лирика – есть, криминал – едва ли.

И еще одно свидетельство Сенина:

«Раньше братья выпивали и песни мирские пели, а как уверовали в Григория, все бросили. Живут трезво, мирно, скромно, замечательно трудолюбивы и с помощью Григория построили себе новые хорошие домики… Все "сестры"… девицы, дочери зажиточных родителей. Намеревались они для спасения души в монастырь идти, да остановились у Григория, тут и "спасаются".

Работают по полевому и домашнему хозяйству, ведут себя скромно и тихо, платочки на голове навязывают, точно монашенки, низко кланяются, неукоснительно посещают службы церковные и обращаются с посторонними смиренно, по-монастырски. Слушаются они Григория и подчиняются ему беспрекословно, с благоговением и, видимо, с большой охотой… Живут они у Григория с согласия родителей».

Впрочем, как писал Андрей Амальрик: «Сенин <…> тут же замечает, что выглядят они "бледными, испитыми, а приходят для спасения свежими, цветущими", и рассказывает о двух девицах Дубровиных, которые, по словам односельчан, умерли из-за "издевательств Григория". Прочитав это, Распутин раздраженно заметил: "Видишь… Теперь я уже убийца… А бедненькие скончались от чахотки… От болезни… Она ведь приходит без спроса"».

Сектантство это или нет, но одно обстоятельство точно обращает на себя внимание: девушки – их звали Александра и Ирина – хотели идти в монастырь, но остались спасать души у Распутина. То есть опытный странник не только сам в иноки идти не хотел («Он говорил, что ему не по душе монастырская жизнь, что монахи не блюдут нравственности и что лучше спасаться в мире», – показывала Матрена на следствии), но и других отваживал. Кому в епархии такое самоуправство могло понравиться? Если проводить известную параллель с тем, что всякий монастырь – это лечебница, то Григорий Ефимович был лекарем-самозванцем и занимался врачеванием человеческих душ без диплома – деяние уголовно наказуемое, особенно учитывая,

что девицы скончались.

Что же касается других пунктов обвинения, то в цитируемом О. А. Платоновым деле их два. Первый содержится в показаниях 28-летней просфорни Евдокии Корнеевой, которая рассказывает о том, как за шесть лет до описываемых событий она остановилась в доме Распутина в качестве паломницы. «Последний несколько раз прибегал с пашни проведать дом, уговаривал свидетельницу поцеловать его, говоря, что у них существуют духовные лобзания, подобно тому, как апостол Павел целовал Святую Феклу. Свидетельница отговаривалась неприличием. Вечером он повел ее смотреть моленную под полом конюшни, а когда они вышли оттуда, Распутин схватил свидетельницу за голову и поцеловал в щеку, внушая после этого, что в целованиях нет никакого греха, так как ему раз во время сношения с женою являлась Троица во свете».

За этот эпизод следствие уцепилось и устроило между Распутиным и Корнеевой очную ставку, во время которой свидетельница настаивала на получении ею насильственного поцелуя, а «обвиняемый отрицал это показание частью вполне, а частью отговариваясь запамятованном ("6 лет тому назад")».

Другое криминальное свидетельство принадлежало священнику Покровской церкви отцу Федору Чемагину, который показал, что однажды «зашел (случайно) к обвиняемому и видел, как последний вернулся мокрый из бани, а вслед за ним оттуда же пришли и все жившие у него женщины – тоже мокрые и парные. Обвиняемый признавался, в частных разговорах, свидетелю в своей слабости ласкать и целовать "барынешек", сознавался, что был вместе с ними в бане, что стоит в церкви рассеянно».

Распутин в своем последнем слове против показания о. Федора «возразил, что он в баню ходил задолго до женщин, а сильно угоревши, лежал в предбаннике, оттуда вышел действительно парный, – незадолго до (прихода туда) женщин».

Далее следуют показания столичных дам, которых привлекли в Распутине строгий православный дух, жизненный уклад, молитвенное настроение, доброта, простота обращения, проповедь совершенной любви, чистоты и совести. Отцом, по их словам, они его называют иногда и в шутку, а в поцелуях ничего особенного не находят.

Вот, собственно, и все, так что пафос Родзянко, по всей видимости, был ни на чем не основан, хотя слухи о непотребствах ходили упорные. «Когда в 1910 году газеты писали, что у него гарем из двенадцати красивых девушек, – писал Амальрик, ссылаясь на Г. П. Сазонова, – один газетчик "поехал сам на

Покровское, чтобы своими глазами увидеть и описать гарем… Оказалось, в доме Григория издавна проживали две девицы, его родственницы… Означенные девицы ради Бога умоляли разрешить им приехать в Петербург, дабы подвергнуться какому угодно медицинскому освидетельствованию, т.е. они девственницы"».

Но ездили не только журналисты. И не только к девицам. Зимой 1908 года в самый богатый в Покровском дом нагрянули незваные гости.

«10 января 1908 года, "на Григория", собрались у Распутиных гости, из Петербурга, и местные, пришли оба батюшки, получены были поздравительные телеграммы, в том числе от П. А. Столыпина[7], – а в ту же ночь тюменским миссионером Глуховцевым по епископскому постановлению был у Распутина произведен обыск. Глуховцев, в присутствии урядника и в сопровождении Остроумова и Чемагина, только что «гулявших» на именинах, облазил весь дом, искал «кадку», вокруг которой происходят «хлыстовские радения», но ничего не нашел. Распутин ни в чем не признавался и на слова Чемагина, что тот сам видел, как он из бани с женщинами выходил, ответил: «Я только в предбаннике лежал».

"Григорий страшно испугался, – пишет Берландская, – у него было очень страшное лицо… Свои все его оправдывали своими показаниями… Григорий боялся и бань, и что его сошлют в тюрьму. Я и этим поразилась: как это так, совершенный боится тюрьмы за Господа?" Допрошены были некоторые односельчане, а также "братья" и "сестры" Распутина и его интеллигентные почитательницы, которые показали, что знакомство с Распутиным было для них "новой эрой" и что он их учил "святым таинствам" – не ясно, каким именно. Дело затем было передано Тобольскому епископу Антонию для "доследования"».

Так писал о религиозном диссиденте начала века политический диссидент 60—70-х Андрей Амальрик и заключал: «Право понимать Бога по-своему – одно из драгоценнейших человеческих прав, отталкивает только религиозное насилие и изуверство. "Полицейско-православная" церковь использовала в своих целях насилие государства, да и от изуверства не была свободна, это не может, однако, бросить тень на православие как на веру. Точно так же наличие изуверов среди русских сект не есть еще основание для преследования религиозного разномыслия. Вопрос о том, был или не был Распутин сектантом, заслуживает изучения не для того, чтобы его судить или оправдать, но чтобы лучше понять и его неортодоксальные взгляды и его необычную судьбу».

Амальрик естественно берет Распутина под защиту:

«Очень многое в Распутине противоречит облику "хлыстовского изувера". "Хлысты" отрицают храмы, хотя наружно и могут посещать их, – Распутин любил церковные службы, собрал деньги на постройку церкви, признавал также досаждавших ему "батюшек", а учениц своих учил, "что только то учение истинно, где предлагается хождение в церковь и приобщение Св. Тайн". У "хлыстов" моления только для посвященных – у Распутина на моления допускались посторонние. "Хлысты" отрицают церковный брак и рождение детей – Распутин всю жизнь прожил с женой, очень ему преданной и верящей в его святость, и имел от нее троих детей – как раз тогда, когда, по утверждению врагов, он входил в "хлыстовский корабль".

Как я уже писал, у Распутина был скорее экуменический подход к религии – уже по одному этому нельзя считать его ни сектантом, ни последователем "полицейского православия". Для сектанта спасется только член его секты, для Распутина – кто по-своему, но искренне верит в единого Бога. Испытав в молодости влияние мистического сектантства, он остался верным, хотя и не фанатичным сыном православия. Он, если можно так сказать, не выходил из православия в иную веру, но православие в некую общехристианскую веру включал.

Напуганный обыском, Распутин выехал в Петербург, виделся со своими друзьями Феофаном и Гермогеном, затем с Царем и царицей. Как будто было предложено Тобольскому епископу Антонию либо уходить на покой, либо – с повышением – переходить на Тверскую кафедру, сдав начатое им "дело" в архив. Антоний предпочел Тверь, и так "дело о хлыстовстве" было осторожно замято – как оказалось, всего на четыре года"».

Таким образом, по мысли Амальрика, вольнодумца Распутина спасли Феофан с Гермогеном, а также Государь, приказавший «замять» дело. Иную версию высказал Э. Радзинский: следствие не было доведено до конца, потому что вмешалась одна из петербургских барынь генеральша Лохтина и потребовала его прекращения. Этот же факт как научную сенсацию и открытие Радзинского приводит И. В. Смыслов.

«Хлыстовство Распутина было темой расследования, начатого 6 сентября 1907 г. Тобольской Духовной консисторией. Расследование, образно говоря, обнаружило немало "дыма", но для того, чтобы найти и "огонь" (без которого дыма не бывает), нужно было, чтобы допросы и следствие проводил специалист. По благословению епископа Антония Тобольского дело было передано инспектору Тобольской Духовной Семинарии

Березкину, специалисту по сектантству, который, прибыв в Покровское, пришел к выводу о том, что следствие произведено непрофессионально. Однако расследование 1907 г. фактически этим и кончилось. Лишь в книге Э. С. Радзинского мы нашли объяснение происшедшего. Инспектор Д. Березкин просто не смог расследовать всё так, как полагается: поклонница "старца" генеральша О. Лохтина, выехав в Петербург, сказала кому следует, и "следствие было прекращено… Чье-то очень высокое вмешательство навсегда похоронило в недрах Синода епископское расследование". Вот почему сторонники "старца" (Платонов и К°) вроде бы справедливо делают теперь упор на тот факт, что материалы этого расследования весьма неубедительны насчет «несомненного хлыстовства» Распутина. Однако, как видим, причина отнюдь не в невиновности «оклеветанного старца». Впрочем, это далеко не все свидетельства».

Откуда оба автора взяли, что у Лохтиной могло быть такое невероятное влияние, неизвестно. По Радзинскому получается, что жена статского советника Лохтина оказалась весомей Великой Княгини Милицы Николаевны, хотя доказательств такого влияния не больше, чем козней самой Милицы, но главное даже не это. В действительности расследование все же было доведено до конца, что и подтверждается в книге О. А. Платонова, которая может быть сколько угодно тенденциозна и пристрастна, но когда ее автор (равно как и Радзинский) приводит документы, с ними невозможно не считаться.

«На основе собранных "фактов" и показаний свидетелей протоиерей Дмитрий Смирнов, кстати говоря, член Тобольской консистории, подготавливает рапорт епископу Антонию с приложением отзыва о рассматриваемом деле некоего Дмитрия Михайловича Березкина, инспектора Тобольской духовной семинарии, в котором он нисколько не хуже чекиста ленинской школы шьет дело Распутину практически на пустом месте. (Заметим, что «некий» Березкин был автором книги «Во тьме вековой. Повести и рассказы. Из быта хлыстов, скопцов и бегунов», изданной в Петербурге в 1905 году. – *А. В.)*

В этом отзыве, в частности, говорилось:

"Внимательно исследуя материал, имеющийся в деле об учении и деятельности крестьянина слободы Покровской Григория Распутина-Нового, нельзя не прийти к выводу, что пред нами группа лиц, объединившихся в особое общество со своеобразным религиозно-нравственным укладом жизни, отличным от православного. Что это так, видно из целого ряда заявлений как лиц посторонних упомянутой группе, так и самих ее членов. Из этих заявлений усматривается, например, что

Распутин – 'непорядочный человек, изменивший своей вере православной', что он – 'не православен', составляет с постоянными и временными насельниками своего дома общество каких-то 'духовных богомольцев', наставляет лучше и выше, чем православный священник, составляет собрания, на которые 'посторонних не пускают'.

Центром этого общества, его основателем в слободе Покровской, главой и руководителем является, по-видимому, сам Григорий Распутин. По отзывам сторонних наблюдателей, эта личность 'странная', не совсем нормальная, увлекающаяся ролью искусного духовного старца, если не сектант, то во всяком случае – человек, впавший в какую-то 'демонскую прелесть'. Напротив, по отзывам лиц, состоящих, по-видимому, членами основанного Распутиным общества, это – человек 'необыкновенный', 'чище и прекраснее' которого трудно встретить, человек, которого 'Бог возлюбил', 'пророк', 'прозорливец', 'спаситель и руководитель заблудших', 'обладающий удивительным знанием жизни' и 'могущий разрешить все жизненные вопросы ответами из Евангелия', – человек 'беспредельной любви', 'бездны любви', к которому барыни, задыхающиеся от разврата столиц, кинулись, 'как мухи к меду'.

Под руководством этого-то человека члены общества время от времени собираются на особые 'собрания', причем эти 'собрания' бывают, по-видимому, двоякого рода: во-первых, такие, на которые допускаются посторонние лица и на которых читают Евангелие и другие священные и богослужебные книги и поют различные церковные песнопения и религиозно-нравственного содержания стихи, вроде 'Спит Сион', про гору Сион и прочее, и, во-вторых, такие, на которые 'посторонних не пускают' и на которых участвуют, может быть, только те, кои могут вместить". Что происходит на этих последних собраниях, – из дела не видно.

Но несмотря на то, что о таких собраниях ничего не известно, Березкин считает, что, очевидно, только на этих несуществующих собраниях Распутин и предлагает своим слушателям и слушательницам какое-то особое "учение", в результате восприятия которого происходит как бы некая "встряска души", уясняется цель жизни, "к чему нужно стремиться, приобретается утерянный душевный покой", вследствие чего люди снова начинают жить "с наслаждением".

На этих же не существующих в природе собраниях, по мнению Березкина, Распутин указывает домочадцам и гостям и на какой-то особый "храм православия" и преподает им какие-то "св. тайны", в результате "соединения" с которыми "плоть умирает пред духовным чувством", "на душе происходит как бы 'Пасха'", и

человек, который раньше не чувствовал, что есть Христос, начинает понимать, что "на нем есть Христос", "соединяется со славой Христа", "включает в себя Бога" и прочее.

Спрашивается, что же все это – хлыстовство? – задает Березкин риторический вопрос.

И дальше начинает фантазировать еще почище.

"Конечно, – пишет он, – возможны различные сближения, причем в некоторых случаях эти сближения имеют, по-видимому, характер вероятия и правдоподобия. Так, возможно, например, что в словах: 'никого выше, чище и прекраснее Григория Ефимовича я не встречала', 'Бог полюбил Григория Ефимовича', 'как не пожалеть мужичка, выбранного барынями за идеал поклонения и обожания', 'ближняя сестра моя увлечена боготворить' и прочее, разумеется, обычное среди хлыстов уважение, граничащее с благоговением к своему учителю – батюшке, 'кормщику', достигшему благодаря своей 'чистоте' состояния полного совершенства и бесстрастия и поэтому, как полагают хлысты, могущему сделаться достойным сосудом Божественной благодати, существом Божественным, безгрешным 'Христом'. Возможно, что под 'собраниями', на которые пускаются посторонние лица, разумеются так называемые 'малые' или 'простые беседы' хлыстов, а под 'собраниями', на которые посторонних лиц не пускают, нужно разуметь 'радельные' собрания. Случай прихода Распутина из бани 'мокрым', а вслед за ним приход оттуда же и тоже 'мокрыми' живущих у него женщин мог бы дать прекрасную разгадку к этому, если бы он был достаточно обследован. Возможно, далее продолжает фантазировать Березкин, что под 'бездной любви', под 'пасхой душе', под выражением 'заключить в себе Бога' и прочее скрываются самые 'радения' с их безумными эффектами, 'духовными лобзаниями' и так называемыми 'вечерами любви', а под 'тайнами', преподаваемыми Распутиным своим домочадцам и гостям, разумеются хлыстовские таинства покаяния и причащения, если не грудью 'богородицы', то водою и хлебом, или даже просто учением (пророчествованном) Распутина. Возможно, наконец, что под словами: 'Здесь (в учении о Пресвятой Троице) надо прежде всего говорить о Духе, о Духе прежде всего' разумеется 12-я заповедь хлыстовства 'Святому Духу верьте'.

Может быть, под выражением 'сменяла черное с белым' скрывается обычный взгляд хлыстов на православных, как на 'черный, злой, неверный народ', а на свой 'корабль' как на общество 'белых чистых братьев и сестер'.

'Может быть, – продолжает повторять 'может быть' Березкин, –

это единодушие, это дружелюбное отношение между Распутиным и его присными, эта манера называть друг друга ласковыми уменьшительными именами – не что иное, как хлыстовское единодушие, хлыстовская дружба, хлыстовская манера, в ознаменовании соединяющего их 'душевного братства' так именовать друг друга. Может быть, это воздержание от мяса, вина, табака, пения мирских песен – хлыстовское воздержание, в основе которого лежит 5 и 8 заповеди знаменитого Данилы Филипповича'".

Вот на таких "может быть" основано все дело по обвинению в принадлежности Распутина к секте хлыстовства.

Но "может быть", епископ Тобольский, прочитав этот явный оговор, скажет свое веское слово? "Может быть", он возмутится этому навету и накажет виновных? Но в том-то и суть, что инициатива дела идет от него самого, а за его спиной стоят люди из окружения Великого князя Николая Николаевича. <…>… тобольский епископ Антоний не только утверждает это сфабрикованное дело, но и назначает новое расследование, которое поручает противосектантскому миссионеру, уже известному нам Дмитрию Михайловичу Березкину. Последний разворачивает негласное наблюдение за Распутиным, которое будет продолжаться практически всю его оставшуюся жизнь.

Новых фактов, компрометировавших Распутина, Березкин, несмотря на все старания, не нашел. Но и старое сфабрикованное дело опровергнуть, естественно, не захотел. А вокруг этого сфабрикованного дела распускались разные слухи, обраставшие самыми невероятными подробностями. Именно оно лежало в основе всех обвинений Распутина в хлыстовстве».

Итак, вот один взгляд на проблему: старец и хлыстовство. Распутин не хлыст, дело от начала до конца сфабриковано по заказу масона Николая Николаевича. Были и другие точки зрения.

«Дело Распутина (о его хлыстовских радениях) было затребовано из Тобольской консистории, дабы разоблачить его безнравственность и тем обезвредить, но уличающих данных оказалось недостаточно», – вспоминал митрополит Евлогий.

«Из имеющихся в делах канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сведений, переданных мне секретно директором канцелярии Яцкевичем, несомненно является тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдений села Покровского явствует, что он тяготел к хлыстовщине, – оспаривал эту точку зрения начальник Департамента полиции С. П. Белецкий. – Переписка эта своего дальнейшего развития не

получила и только повлекла за собой перемену в назначении нового духовенства, которое благодаря влияниям Распутина было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкой и покровительством и считало Распутина предводителем церкви вследствие его забот о благолепии и украшении местного храма, благодаря щедротам и милостям не только его почитательниц, но и дарам августейшей семьи. Таким образом, официально установить несомненную принадлежность Распутина именно в этой секте путем соответствующего расследования на основании фактических и к тому же проверенных данных не удалось, тем более что Распутин был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приезда к нему его почитательниц и филерское наблюдение к себе не приближал. Ввиду этого я принужден был, секретно даже от филерского отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось, так как этого агента, сумевшего уже заручиться и доверием причта и местной интеллигенции и особым благорасположением Распутина, я должен был <…> немедленно во избежание провала отозвать из Покровского <…> Но познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свое далеко не авторитетное мнение по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своей душою власти той церкви, к которой он себя причислял, вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить Папков[8], не интересовался, а любил вдаваться в дебри схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже среди высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно порочных наклонностей, что

мною и было засвидетельствовано в свою пору в. к. Николаю Николаевичу на основании точно проверенных данных. Мне лично приходилось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченно кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неофиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал преображение своей души, омытой этими грехами».

«Появление Распутина было связано с теми тенденциями в русской религиозной жизни, которые в равной мере были присущи и крестьянству, и европейски образованным высшим слоям общества, уходя корнями в историю русского сектантства, – утверждал видный историк церкви И. К. Смолич. – Признание Распутина в высших кругах объяснялось их склонностью к сектантской религиозности. История русского сектантства дает много примеров извращенного, но упорно отстаивавшегося понимания христианского аскетизма <…> Николай II, познакомившийся с Распутиным в 1906 г., видел в нем человека чистой веры. Если сначала он и мог показаться таковым, то впоследствии поведение и речи Распутина о христианском аскетизме обнаружили его принадлежность к секте хлыстов. Широкому распространению этой секты епархиальное начальство, занятое главным образом борьбой с раскольниками, не придавало, к сожалению, особого значения. В кружке, сложившемся вокруг Распутина, элементы хлыстовства проявлялись очень отчетливо. Для столицы в этом не было ничего нового. В начале XIX в., в период мистицизма, равно как и позже, болезненная религиозность хлыстов находила себе много приверженцев среди аристократии, поэтому почва для появления Распутина в высшем обществе была уже подготовлена. Подобно хлыстам XVIII в., он умел воздействовать на представителей белого и черного духовенства и находить опору в церковных кругах».

Наконец, в самом последнем на сегодняшний день заключении – приложении к докладу митрополита Ювеналия на архиерейском соборе, состоявшемся осенью 2004 года, говорится следующее: «Дело об обвинении Г. Распутина в хлыстовстве, хранящееся в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области, основательно не исследовалось, хотя пространные выдержки из него приведены в книге О. А. Платонова. Стремясь "реабилитировать" Г. Распутина, О. А. Платонов, не являющийся, кстати, специалистом по истории русского сектантства, характеризует это дело как

"сфабрикованное". Между тем даже приведенные им выписки, в том числе показания священников слободы Покровской, свидетельствуют о том, что вопрос о близости Г. Распутина к сектантству гораздо сложнее, нежели кажется автору, и во всяком случае нуждается еще в специальном и компетентном анализе».

Если с этим согласиться, то этот анализ будет пятым по счету. Четвертый был проведен после революции. О его результатах писал следователь В. Руднев:

«Ввиду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов.

С целью выявить этот вопрос Верховной Следственной Комиссией был приглашен Профессор по кафедре сектантства Московской Духовной Академии Громогласов; последний ознакомился со всем следственным материалом и, считаясь с тем, что совместное мытье мужчин с женщинами в банях является в некоторых местах Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний на принадлежность его к хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам, Громогласов также не усмотрел никаких признаков хлыстовства».

Иначе определился в своих выводах И. В. Смыслов. «Вопрос о хлыстовстве Распутина можно считать доказанным», – однозначно заявил он в книге «Знамение погибшего царства», хотя аргументы у него порой встречаются довольно сомнительные: «Почитатели Распутина умиляются тем, что он называл Императорскую чету "Папой" и "Мамой". Конечно, в этом можно видеть не столько любовь, сколько недопустимую фамильярность <…> мы бы об этом и не упоминали, если бы не одно обстоятельство: именно в хлыстовских общинах было принято называть своих вождей ("христов" и "богородиц") "папой" и "мамой"… Конечно, одно это совпадение не делает Распутина хлыстом. Но когда подобных совпадений накапливается немало, а собственная дочь в конце жизни признается в хлыстовстве отца – мы имеем полное право считать, что эти "полные любви наименования" – не просто отсутствие чувства меры… И одному Богу известно, не проникло ли бы в итоге хлыстовство во дворец столь же сильно, как некогда проникла в царский дворец ересь жидовствующих?..»

Кроме этого, в его книге следует ссылка еще на один источник. «Известный историк Хельсинкского Университета А. Эткинд приводит следующие сведения: "Занимался Распутиным и известный миссионер В. М. Скворцов. После революции, будучи профессором богословия в Сараево, Скворцов 'убежденно и решительно' говорил приятелю-эмигранту: 'Распутин был

несомненным хлыстом, с молодых еще лет. И сектантские навыки сохранял до конца своей жизни'. По словам В. М. Скворцова, он лично проводил секретное исследование в Тобольской губернии и выявил несколько хлыстовских пророков и еще 'богородицу', знавших Распутина с молодости и продолжавших поддерживать с ним связь". Далее А. Эткинд пишет: "Надо сказать, однако, что в качестве редактора газеты 'Колокол' и журнала 'Миссионерское обозрение' Скворцов практически удалил упоминания хлыстовства в годы, когда Распутин практически был в силе"».

Что тут скажешь? Уж если ссылаться на известного ученого историка А. М. Эткинда, то надо все договаривать до конца. Эткинд написал книгу «Хлыст. Секты, литература и революция», в которой под хлыстовство подвёрстывается все и вся. Но при этом сам он Распутина хлыстом не называет и вообще пишет о его хлыстовстве очень осторожно: «Распутин мог быть в молодости хлыстом и обратиться в православие (что утверждал на основе довольно темных признаков Клюев), или наоборот… Предполагаемая принадлежность Распутина к секте хлыстов оказывалась важной темой идейной борьбы. Чем негативнее относились к Распутину, тем определеннее зачисляли его в хлысты».

Это верно и по отношению к нашему времени: ответ на вопрос о принадлежности Распутина к хлыстам характеризует не столько самого Распутина, сколько тех, кто о нем пишет.

«Не так уж интересно, был ли Распутин на самом деле сектантом; был ли он развратен; связан ли был с масонами и так далее. Важно проследить, кто его считал таковым, а кто нет; от чего зависели эти восприятия; и к каким действиям вели», – совершенно справедливо утверждал Эткинд. И в этом смысле можно признать, что Смыслов считает Распутина хлыстом, а Платонов – нет, что для их личных биографий, возможно, и существенно, но если стремиться к тому, чтобы оставаться на почве фактов, а не личных пристрастий и политических взглядов, то делать далеко идущие выводы и объявлять этот вопрос закрытым было бы несправедливо. Скорее тут многоточие или череда вопросительных знаков. Хотя – надо это признать! – русское общество, по крайней мере интеллигенция, традиционно считало Распутина хлыстом: Бердяев, С. Булгаков, Гиппиус, Клюев, Андрей Белый, Пришвин… Но общество было в ту пору хлыстовством сильно увлечено и склонно видеть его повсюду.

«…но более всего интересовали меня многовидные метаморфозы хлыстовства; я услышал распутинский дух до появления на арене Распутина; я его сфантазировал в фигуре своего столяра[9]…» – писал в мемуарах «Между двух революций»

Андрей Белый, очень точно употребляя глагол – сфантазировал.

Самая «сфантазированная» на сегодняшний день точка зрения на распутинское хлыстовство была высказана писателем-фантастом Владимиром Фалеевым, о которой в силу ее фантастичности можно было бы и вовсе не упоминать, когда бы здесь не отражалась очевидная для всей литературы о Распутине черта – доводить образ сибирского крестьянина до абсурда и превращать его любыми путями в «литературу» – Либо агиографическую, либо эротическую, либо шпионскую, либо масонскую, но одинаково мало имеющую общее с действительным человеком.

Вот что писал фантаст Фалеев в статье, которая называется ни много ни мало «Григорий Распутин: без грима и дорисовок».

«Понять Распутина – это прежде всего понять философские истоки его личности. А корни покоятся в идеологии духовных христиан, так называемых "хлыстов"-христововеров: "Всякий мужчина может стать Христом, каждая женщина – Богородицей". Вождями духовных христиан всегда были живые Саваофы, Христы и Богородицы. Это наиболее испытанные в делах, в странствиях, в методах спасения старцы, много видевшие и страдавшие люди.

Русская православная церковь до 1905 года всячески боролась с сектантами, их казнили, сжигали на кострах, отправляли в ссылку. Манифест 1 октября 1905 года, провозгласив веротерпимость, дал возможность "выйти из подполья" вождю духовных христиан Григорию Ефимовичу Распутину. Первая его работа философской направленности "Житие опытного странника" (май 1907 г.) – это своеобразный манифест христововеров, программа реформ русской православной церкви и Российского государства. Не поняв философии Распутина, мы не поймем его деятельности.

Учение духовных христиан сложилось в результате борьбы русского крестьянства с крепостным правом за свободное предпринимательство, за умелый, мастеровитый труд: христововеры никогда не отрицали церковь, но четко делили священников на "избранников" и "наемников" ("Иному надо бы идти в исправники, а он пошел в батюшки", – писал Распутин). Критическое отношение к "букве", к тем проповедям, которые утешают людей в храмах, но не помогают выбраться крестьянину из нищеты и зависимости, показывает, что духовные христиане ищут спасения не столько в смирении, сколько в энергичной трудовой и экономической деятельности.

Григорий, родившийся в 1864 году, по всей видимости, был рано приобщен к тайной секте. Эта секта по своим принципам (заповедям) близка к ныне живому толку субботников».

«К каким бы сектантским взглядам Распутин ни был склонен, во всяком случае, во время своих паломничеств, благодаря беседам с представителями духовенства, со старообрядческими начетчиками и несомненному общению с различными сектами, он нахватался множества текстов и разнообразных отрывков из Священного Писания, – куда более реалистично описывал сущность религиозных взглядов Распутина Вл. И. Гурко. – Это давало ему возможность уснащать свою речь множеством цитат, которыми он, отчасти сознательно, отчасти вследствие своего невежества, затуманивал смысл своих речей.

Усвоить его рассуждения было вообще затруднительно, но именно к этому и стремятся все, выдающие себя за прорицателей».

Таким образом, сектантство, действительное или мнимое, стало, с точки зрения Гурко, тем инструментом, которым воспользовался Распутин в своих целях, и в этом смысле Тобольская консистория делала все совершенно правильно, пытаясь его остановить хотя бы из соображений профилактики.

«Григорий Распутин воспринимался в своей епархии как человек, подозреваемый в хлыстовстве. Чтобы понять, что значило подобное обвинение, необходимо сказать несколько слов о признаках хлыстовства, а также разобраться в восприятии упомянутого термина в интересующее нас время, – высказался по этому вопросу в книге «Русская Церковь накануне перемен» С. Фирсов. – Согласно православным представлениям, главными причинами сектантства являются неблагоразумная ревность человека о своем спасении; гордость и высокомерие, повергающие иногда в духовную прелесть даже подвижников; увлечение ложной наукой и философией; плотские страсти, нравственная разнузданность и ложно понятая свобода, доводящая людей до самообоготворения. <…>

Очевидно, что по таким признакам весьма непросто определить сектанта: даже беспорядочные половые связи и уклонение от крестин в полной мере не дают представления о сектантстве подозреваемых "народной молвой". Не стоит забывать, что в то время слово "хлыст" считалось нарицательным и обозначало в устах православных миссионеров ругательство, по остроумному замечанию правозащитника и публициста А. Амальрика, имевшее тот же смысл, что впоследствии слово "фашист" у коммунистов. Обвинение в хлыстовстве, следовательно, можно считать также и проявлением политического недоверия. То, что Распутин оказался обвиненным в принадлежности к секте хлыстов, интересно уже само по себе (даже безотносительно к его действительному или мнимому

неправославию). Не будет слишком большой натяжкой предположить, что, странствуя и скитаясь по России, он мог сталкиваться и с христововерами (то есть хлыстами), с помощью которых сформулировал собственную "концепцию" борьбы с грехами и "христовой любви". Идея лидерства (псевдостарчества), предполагающая наличие некоего круга почитателей (и в особенности почитательниц), также могла выкристаллизоваться в хлыстовской среде. Однако это вовсе не значит, что он был сектантом. Скорее его можно признать своеобразным религиозным вольнодумцем».

К этому достаточно точному определению можно добавить фрагмент из воспоминаний Витте. Хлысты, как следует из вышеприведенной цитаты, брезгливо относились к акту рождения. А между тем в воспоминаниях Витте писал: «Распутин предложил тогда в беседе со мною очень оригинальные и интересные взгляды; так, например, он сказал, что толпа вечно жаждет чуда. А между тем она совершенно не замечает величайшего из чудес, ежечасно совершающегося на наших глазах, – рождения человека».

Попробуем, подвести некоторые итоги. Итак, все же был Распутин хлыстом или нет и какова степень его «религиозного вольнодумства»? Для ответа на этот вопрос стоит перевести его из умозрительной области в практическую и сравнить Распутина с настоящими хлыстами.

Такими хлыстами занимались А. С. Пругавин, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. Бердяев, Д. Мережковский, М. Пришвин. Последний, в частности, писал о петербургских сектантах, во главе которых стоял некто А. Г. Щетинин – личность в начале прошлого века весьма примечательная и по-своему скандальная:

«Увлекаемый любопытством к тайнам жизни, я попал куда-то на окраину Петербурга, в квартиру новой неизвестной мне секты. В душной, плохо убранной комнате за столом сидел старый пьяница и бормотал что-то скверное. Вокруг за столом сидели другие члены общины с большими кроткими блестящими глазами, мужчины и женщины, многие с просветленными лицами. Между ними был и пророк с лицом сатира, посещающий религиозно-философские собрания.

– Я раб того человека, – сказал он, указывая на пьяницу, – я знаю, что сквернее его, быть может, на свете нет человека, но я отдался ему в рабство и вот теперь узнал бога настоящего, а не звук. <…> Я убедился, что *ты более чем я* <…> и отдался в рабство этому скверному, но мудрому человеку. Он принял меня, он убил меня, и я, убитый им, воскрес для новой жизни. Вот и вы, интеллигенты, должны так умереть и воскреснете с нами. <…>

Посмотрите на всех нас, как мы в рабстве познали друг друга, мы как в чану выварились, мы знаем не только, у кого какая рубашка, чулки, а всякую мелочь, всякое желание знаем друг у друга. Бросьтесь в чан и получите веру и силу. Трудно только в самом начале.

Чучело, в котором жил будто бы бог, властвовало над этими людьми. Пьяница, – узнал я подробности, – не только пользовался имуществом и заработком своих людей, но требовал, когда ему вздумается, их жен, и они покорно отдавались не чучелу, а богу, который в нем живет. Так жили эти люди».

Еще более определенно этот человек был охарактеризован Пришвиным в дневнике: «Христом-царем этой секты в то время был известный сектантский провокатор, мошенник, великий пьяница и блудник. И все, кто были в чану секты, называли себя его рабами и хорошо знали, что их царь и христос – провокатор, мошенник, блудник и пьяница. Они это видели: пьяный он по телефону вызывал к себе их жен для удовлетворения своей похоти».

О сходстве-различии Щетинина и Распутина писала в своем дневнике и Зинаида Гиппиус:

«Сто раз мы имели случай лицезреть этого прохвоста (то есть Распутина. —*А. В.);* быть может, это упущение с исторической, с литературной, с какой еще угодно точки зрения, однако доводы разума были слабее моей брезгливости. А любопытство… тоже действовало вяло, так как этого сорта «старцев» не мало мы перевидали. Этот – что называется «в случае», попал во дворец, а Щетинин, например, только тем от Гришки и отличается, что «неудачник», к царям не попал. Остальное – детально того же стиля, разве, вот, Щетинин «с теориями» поверх практики (ахинею несет и безграмотно ее записывает, а Гришка ни бе, ни ме окончательно).

Гришка начался в те же времена, как и Щетинин, но последний пошел "по демократии" и не успел, до провала, зацепиться (хоть и закидывал удочки в высшие слои); Гришка же, смышленная шельма, никого вокруг не собирал, в одиночку "там и сям" нюхал. То – пропадал, то – опять всплывал. Наконец, наступив на одного лаврского архимандрита (настоящего монаха, имевшего некое, малое, царское благоволение) как на ступеньку, ступеньку продавил, а к "царям" подтянулся».

Раздражительность мешала автору этой записи заметить очевидное: Распутин и Щетинин были все же очень разными людьми, и впоследствии – уже не в дневнике, но в мемуарах – Гиппиус эту поправку внесла: «Хоть и похожи они, как два брата, Щетинин и Распутин, но безобразие и распутство последнего

бледнеют перед тем, что выделывал Щетинин в неугасимой, неуемной похоти своей и разврата, граничащей с садизмом».

Щетининской сектой «чемреков» всерьез занимался Бонч-Бруевич, автор семитомных «Материалов по изучению сектантства и старообрядчества». Бонч собрал свидетельства того, как, желая развить в своих последователях полное послушание, Щетинин приказывал им раздать своих детей по разным приютам и так, чтобы родители впоследствии не могли их отыскать. Были в его деятельности и другие мерзкие подробности, в том числе и сексуального характера, до которых Распутин, чего бы только о нем ни говорили, не доходил. Момент этот существенный, ибо если и называть Григория хлыстом-сектантом, если и сравнивать его с многочисленными лжестарцами, бродящими по Руси, если и считать человеком развратным, то надо признать одно: изувером он не был точно.

Хлыстовство Распутина имеет смысл рассматривать не столько в контексте его личной биографии, сколько в контексте литературной и, шире, духовной ситуации серебряного века.

Вот еще одна заслуживающая внимания параллель. Выше я цитировал фрагменты автобиографической повести Николая Клюева «Гагарья судьбина», автор которой намеренно сближал себя с Распутиным. Есть в «Гагарьей судьбине» и такие строки, где Клюев, сам себя отождествлявший в тот период с хлыстовской традицией, писал:

«Раз под листопад пришел ко мне старец с Афона в сединах и ризах преподобнических, стал укором укорять меня, что не на правом я пути, что мне нужно во Христа облечься, Христовым хлебом стать и самому Христом быть.

Поведал мне про дальние персидские земли, где серафимы с человеками брашно делят и – многие другие тайны бабидов и христов персидских, духовидцев, пророков и братьев Розы и Креста на Руси.

Старец снял с меня вериги и бросил в озерный омут, а вместо креста нательного надел на меня образок из черного агата; по камню был вырезан треугольник и надпись, насколько я помню, "Шамаим" и еще что-то другое, чего я разобрать и понять в то время не мог».

Тут самое главное даже не то, чтобы самому Христом стать (то есть чистое хлыстовство), а то, чтобы вместо креста надеть образок из черного агата с загадочной символикой. Именно через отречение от креста и происходит соединение героя «Гагарьей судьбины» с хлыстовством. Таким был духовный опыт автобиографического героя Клюева, но это не опыт и не путь Григория Распутина. О Распутине и его хлыстовстве Клюев писал:

«Старался я говорить с Распутиным на потайном народном языке о душе, о рождении Христа в человеке, о евангельской лилии, он отвечал невпопад и, наконец, признался, что он ныне "ходит в жестоком православии"».

Конечно, это только литературная оценка, но слова о «жестоком православии» едва ли родились на пустом месте. Клюевский Распутин, если уж на то пошло, не оправдал надежд на хлыстовство, не удержался на христоверческой высоте, но сам по себе Распутин для Клюева – все равно явление знаковое.

Меня Распутиным назвали,
В стихе расстригой, без вины,
За то, что я из хвойной дали
Моей бревенчатой страны.

Так писал Клюев в 1918 году, и характерно окончание этого стиха:

Увы, для паюсных умишек
Невнятен Огненный Талмуд,
Что миллионы чарых Гришек
За мной в поэзию идут.

Это сравнение Клюева с Распутиным отмечалось многими мемуаристами: крестьянское происхождение, несомненный литературный талант, пророческий дар, присущая обоим театральность, невероятная противоречивость, причудливое соединение эроса и религии, мученическая смерть, а также общая стратегия поведения их объединяли.

«Клюев – это неудавшийся Распутин», – записал в своем дневнике в 1915 году поэт М. Кузмин.

«…по Распутинской дороге он хочет пробраться к царю», – заметил о Клюеве А. М. Ремизов.

Сама по себе схожесть стратегий – мужик пробирающийся к царю – мало что добавляет к историческому, а не литературному образу Распутина, но эта схожесть многое объясняет в той легенде, которая вокруг Распутина создавалась наряду с легендой хлыстовской и которую Клюев действительно использовал, творя свой личный миф на распутинский манер. В том числе и через религиозное сектантство.

Позднее об этом очень зло и не совсем справедливо написал Владислав Ходасевич:

«Россия – страна мужицкая. То, что в ней не от мужика и не

для мужика, – накипь, которую надо соскоблить. Мужик – единственный носитель истинно-русской религиозной и общественной идеи. Сейчас он подавлен и эксплоатируем людьми всех иных классов и профессий. Помещик, фабрикант, чиновник, интеллигент, рабочий, священник – все это разновидности паразитов, сосущих мужицкую кровь. И сами они, и все, что идет от них, должно быть сметено, а потом мужик построит новую Русь и даст ей новую правду и новое право, ибо он есть единственный источник того и другого. Законы, которые высижены в Петербурге чиновниками, он отменит, ради своих законов, неписаных. И веру, которой учат попы, обученные в семинариях да академиях, мужик исправит, и вместо церкви синодской построит новую – "земляную, лесную, зеленую". Вот тогда-то и превратится он из забитого Ивана-Дурака в Ивана-Царевича. Такова программа. <…>

Семнадцатый год оглушил нас. Мы как будто забыли, что революция не всегда идет снизу, а приходит и с самого верху. Клюевщина это хорошо знала. От связей с нижней она не зарекалась, но – это нужно заметить – в те годы скорее ждала революции сверху. Через год после появления Есенина в Петербурге началась война. И пока она длилась, Городецкий и Клюев явно ориентировались направо. Книга неистово патриотических стихов Городецкого "Четырнадцатый год" у многих еще в памяти. Там не только Царь, но даже Дворец и даже Площадь печатались с заглавных букв. За эту книгу Городецкий получил высочайший подарок: золотое перо. Он возил и Клюева в Царское Село, туда, где такой же мужичок, Григорий Распутин, норовил пустить красного петуха сверху. Распутинщиной от Клюевщины несло, как и теперь несет».

«…матерой мужик Микула, почти гениальный поэт, в темноте своей кондовой метафизики, берущий от тех же народных корней, что и некий фатальный мужик, тяжким задом расплющивший трон», – писала о Клюеве и Распутине в «Сумасшедшем корабле» Ольга Форш.

Распутин таким образом предстает здесь в чрезвычайно зловещем, богатырском образе. И совсем иное отношение к Распутину мы видим у Зинаиды Гиппиус. «Распутин, как личность – ничтожен и зауряден… желания его до крайности просты…» – писала она в мемуарах; «безграмотный буквально, пьяный и болезненно-развратный мужик, по своему произволу распоряжается делами государства Российского», – утверждала в дневнике и тем более была склонна видеть лишь гадкие и жалкие стороны его существа, что такой человек компрометировал ненавистную ей монархию и оправдывал ее оппозицию к

ничтожному царю.

Но реальный Григорий Распутин едва ли укладывался в определения, которые она ему давала, и был от них еще более далек, чем от поэтических фантазий Клюева.

Тут важнее иное: что бы ни писали о Распутине писатели и поэты серебряного века, фигура сибирского крестьянина оказалась настолько значима, что мимо нее мало кто из них сумел пройти. В том числе и Блок написавший, казалось бы, и вовсе парадоксальное, но, быть может, самое точное: «Распутин – всё, Распутин – всюду». «Что-то нервы притупились от виденного и слышанного. Опущусь —и сейчас же поднимается этот сидящий во мне Р(аспутин). Конечно уж, в Духов день. Все, все они – живые и убитые дети моего века сидят во мне… Ночь, как мышь… глаза мои как у кошки, сидит во мне Гришка, жить люблю, а не умею».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Первые шаги Распутина в Петербурге. Князь Н. Д. Жевахов о Распутине. Распутин и Иоанн Кронштадтский. Распутин и отец Роман Медведь. Мужик и премьер: столкновение с П. А. Столыпиным

Итак, дело о принадлежности Распутина к хлыстовской секте повисло и никаких последствий для подследственного пока не имело. Оно не было закрыто, ему просто не дали ход – оно лежало под сукном и ждало своего часа. А слава Распутина в Петербурге день ото дня росла, встречи с ним искали самые разные люди, но почти все мемуаристы признают, что в свой первый петербургский период сибирский паломник вел себя довольно сдержанно и его жизнь сильно отличалась от той, что позднее принесла ему скандальную славу.

«…он сам подолгу отсутствовал, а когда проживал в Петербурге, то вел образ жизни весьма скромный, мало принимал людей, редко показывался в каких-либо собраниях. О нем вообще мало говорили в городе, и круг его посетителей ограничивался таким разрядом людей, которые не имели доступа ко двору и передавали о своих впечатлениях от бесед со "старцем" больше в собственном тесном кругу, не выходя на широкую общественную арену и не давая пищи для газетных сообщений и пересуд», – писал Коковцов в книге воспоминаний «Из моего прошлого».

«В то время Распутин вел себя безукоризненно, не позволял себе ни пьянства, ни особого оригинальничанья. Распутин произвел на меня очень хорошее впечатление. Подобно доктору, ставящему диагноз при болезни физической, Распутин умело подходил к людям, страдающим духовно, и сразу разгадывал, что человек ищет, чем он волнуется. Простота в обращении и ласковость, которую он проявлял к собеседникам, вносили успокоение…» – вспоминал полковник Д. Н. Ломан.

«Распутин на первых порах держал себя очень осторожно и осмотрительно, не подавая виду о своих намерениях <…> Распутин не выходил из роли богобоязненного, благочестивого старца, усердного молитвенника и ревнителя православной Церкви Христовой», – отмечал Родзянко в своей книге «Крушение империи».

В Петербурге Распутин жил на разных квартирах. Сначала у Феофана, но потом, заскучав в его аскетичном жилище, переехал в дом действительного статского советника Лохтина, где излечил от тяжелого заболевания его жену Ольгу Владимировну, ставшую

одной из самых верных и экзальтированных его последовательниц.

От дома Лохтиных Распутину было отказано мужем генеральши, по причине то ли действительной, то ли мнимой супружеской измены исцеленной женщины с ее врачевателем, и тогда странник переселился к журналисту Георгию Петровичу Сазонову, человеку с довольно изменчивыми политическими взглядами и извилистым жизненным путем. В конце XIX века Сазонов издавал газету левого направления «Россия». В этой газете был напечатан знаменитый фельетон А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», направленный против царствующей династии, после чего газету закрыли, а самого Сазонова сослали в Псков. В дальнейшем, как писал о Сазонове С. Ю. Витте, журналист резко поправел, стал монархистом и на время примкнул к «Союзу русского народа».

«Когда крайние реакционеры перестали быть новинкой, и союзники, в значительной степени, потеряли свое влияние и силу, то он начал приближаться к тем лицам духовного звания, или занимающимся духовными проповедями – как архиепископ Гермоген, иеромонах Иллиодор и старец Распутин; в особенности он очень подружился с последним. Распутин останавливался у него на квартире и, когда приезжает в Петербург, живет у него на квартире, поэтому некоторые дамы великосветского общества, которые ездят к Распутину, у него бывают на квартире. В конце концов, он создал себе особое отношение к Распутину, нечто вроде аналогичного с содержателем музея, показывающего заморские чудовища.

Так как эти господа имели значительное влияние, а в особенности последний, то он и упер свое благосостояние на этом влиянии. Всюду он ходил, показывая Распутина; в разговорах уверял, что он имеет особую силу и особое влияние через Распутина, имел случай доказать это влияние и в результате добился следующего: он начал издавать журнал еженедельный "Экономист", журнал чрезвычайно посредственный… Как это ни удивительно, но несомненно, что Сазонов имел значительное косвенное влияние, держа в руках Распутина», – писал Витте, хотя трудно согласиться с тем, чтобы Распутина мог кто-то держать в руках.

Однако слухи о влиянии Сазонова на Распутина были настолько упорными, что на следствии 1917 года бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов говорил о том, что Сазонов «первый изобрел Распутина, первый пустил его в ход… Распутин служил у него, подавал галоши, был прислуживающим при редакции, и Сазонов потом влиял на него».

Все это было полной чушью, но – повторим – так создавалась легенда. Сам Г. П. Сазонов, чью жену впоследствии, так же как и жену Лохтина, подозревали в грехе прелюбодейства с Распутиным, показывал на следствии: «Прислуга наша, когда Распутин, случалось, ночевал у нас или приезжал к нам на дачу, говорила, что Распутин по ночам не спит, а молится. Когда мы жили в Харьковской губернии на даче, был такой случай, что дети видели его в лесу погруженным в глубокую молитву. Это сообщение детишек заинтересовало нашу соседку-генеральшу, которая без отвращения не могла слышать имени Распутина. Она не поленилась пойти за ребятишками в лес и действительно, хотя уже прошел час, увидела Распутина, погруженного в молитву».

И это свидетельство не единственное. Министр финансов Коковцов ссылается в своей книге на епископа Феофана, говорившего, что Распутин «доходил до такого глубокого молитвенного настроения», которое Феофан «встречал в редких случаях среди наиболее выдающихся представителей нашего монашества».

«Это раб Божий: вы согрешите, если даже мысленно его осудите», – приводил в своих мемуарах отзыв епископа Гермогена о Распутине князь Жевахов и так объяснял секрет распутинского успеха: «Петербургское общество, во главе со своими иерархами <…> чрезвычайно чутко отзывалось на всякое явление религиозной жизни, предпочитая ошибиться, приняв грешника за святого, чем наоборот, пройти мимо святого, осудив его <…> Когда на горизонте Петербурга показался Распутин, которого народная молва назвала "старцем", приехавшим из далекой Сибири, где он, якобы, прославился высокою подвижническою жизнью, то общество дрогнуло и неудержимым потоком устремилось к нему. Им заинтересовались и простолюдины, и верующие представители высшего общества, монахи, миряне, епископы и члены Государственного Совета, государственные и общественные деятели, объединенные между собою столько же общим религиозным настроением, сколько, может быть, и общими нравственными страданиями и невзгодами. Славе Распутина предшествовало много привходящих обстоятельств и, между прочим, тот факт, что известный всему Петербургу высотою духовной жизни архимандрит Феофан, будто бы, несколько раз ездил к Распутину в Сибирь и пользовался его духовными наставлениями…»

Феофан ездил в Сибирь к Распутину не за духовными наставлениями, а совсем по другим причинам. Но в одном Жевахов был прав: религиозное напряжение в тогдашнем петербургском обществе было очень высоким, только

религиозность эта была не слишком здорового толка, и в этом смысле Распутин с его причудливым духовным опытом и петербургский мятущийся свет рубежа веков попали в унисон.

«Если бы Распутин жил в царствование Императора Александра III, когда все в России, в том числе и в особенности, высшее общество, было более здоровым, он не смог бы нажить себе большей славы, как деревенского колдуна, чаровника. Больное время и прогнившая часть общества помогли ему подняться на головокружительную высоту, чтобы затем низвергнуться в пропасть и в известном отношении увлечь за собой и Россию», – сухо заметил позднее протопресвитер Шавельский.

Князь Жевахов, в отличие от протопресвитера и сам настроенный несколько экзальтированно, находил иных виновников русской катастрофы, а тягу общества к сибирскому страннику был склонен оправдать.

«Нужно знать психологию русского верующего, чтобы не удивляться такому явлению. Когда из "старца", каким он был в глазах веровавших, Распутин превратился в политическую фигуру, тогда только стали осуждать этих людей и усматривать в их заблуждении даже низменные мотивы. Но несомненным остается факт, что до этого момента к Распутину шли не худшие, а лучшие, вся вина которых заключалась или в религиозном невежестве, или в излишней доверчивости к рассказам о "святости" Распутина. Это были те наиболее требовательные к себе люди, которые не удовлетворялись никакими компромиссами со своей совестью, какие глубоко страдали в атмосфере лжи и неправды мира и искали выхода в общении с людьми, сумевшими победить грех и успокоить запросы тревожной совести; те люди, которым уже не под силу была одинокая борьба с личными страданиями и невзгодами жизни, и нужна была нравственная опора сильного духом человека. Потянулся к Распутину тот подлинный русский народ, который не порвал еще своей связи с народной верой и народным идеалом, для которого вопросы нравственного совершенствования были не только главнейшим содержанием, но и потребностью жизни».

Все это звучит очень красиво, но в действительности в окружении Распутина трудно назвать таких людей, о которых пишет Жевахов, либо их имена в истории не сохранились. А из числа известных нам духовных чад опытного странника преобладали натуры не столько подлинно народные и духовно трезвые, сколько опять-таки экзальтированные, болезненные. Но воспоминания Жевахова интересны тем, что, не питая к

Распутину личного отвращения, свойственного большинству мемуаристов, он выстроил свою версию этой личности, сыгравшей, по мнению князя, в истории России трагическую и зловещую роль вопреки собственной воле, и заложил целую традицию, которой питается сегодняшняя не только распутинофильская, но и в целом отечественная конспирологическая мысль.

«Появлению Распутина в Петербурге предшествовала грозная сила, – утверждал товарищ обер-прокурора Святейшего синода. – Его считали если не святым, то во всяком случае великим подвижником. Кто создал ему такую славу и вывез из Сибири, я не знаю, но в обстановке дальнейших событий тот факт, что Распутину нужно было пробить дорогу к славе собственными усилиями, имеет чрезвычайное значение. Его называли то "старцем", то "провидцем", то "Божьим человеком", но каждая из этих платформ ставила его на одинаковую высоту и закрепляла в глазах Петербургского света позицию "святого"».

А дальше Жевахов писал о том, как происходило «снижение» образа Распутина, и виной этому считал высший свет и стоявший за его спиной «интернационал» – этим словом князь называл сообщество, у других авторов именуемое масонством, жидомасонством, еврейским заговором, темными силами и пр.

«Слава Распутина разрасталась все более, и пред ним раскрывались все чаще двери не только гостиных высшей аристократии, но и великокняжеские салоны… А нужно знать, что такое "слава", чтобы этому не удивляться… И добрая, и дурная слава одинаково связывают обе стороны.

В первом случае подходят к человеку с тою долею предубеждения в его пользу, какая исключает возможность критики и беспристрастной оценки; во втором случае еще более резко наблюдается такая связанность, увеличивающая мнительность и подозрительность со стороны того, о ком говорят дурно, и заставляющая тех, кто говорит о нем дурно, видеть в каждом слове последнего, в каждом его движении, лишь отражение своих подозрений и заранее сложившегося мнения.

О том же, что первоначально добрая слава о Распутине, а затем дурная, искусственно раздувались интернационалом, об этом, конечно, мало кто догадывался».

Но все же самым живым фрагментом в мемуарах Жевахова стали не его умозаключения, а описание собственной встречи с Распутиным.

«Как-то однажды А. Э. Фон-Пистолькорс[10] пригласил меня к себе на вечер. Это было в 1908 или в 1909 году. Я впервые встретился у него с Распутиным. Впечатление от вечера

получилось такое, что мне хотелось заплакать… Странным показался не Распутин, который держался так, что мне было жалко его; а странным было отношение к нему окружавших, из коих одни видели в каждом, ничего не значащем, вскользь брошенном слове его – прорицание и сокровенный смысл, а другие, охваченные благоговейным трепетом, боязливо подходили к нему, прикладываясь к его руке… Как затравленный заяц озирался Распутин по сторонам, видимо, стесняясь, но в то же время боясь неосторожным словом, жестом или движением разрушить обаяние своей личности, неизвестно на чем державшееся… Были ли на этом вечере те, кто притворялся и лицемерил, не знаю… Может быть, и были… Но большинство действительно искренно было убеждено в святости Распутина, и это большинство состояло из отборных представителей самой высокой столичной знати, из людей самой чистой и высокой религиозной настроенности, виноватых только в том, что никто из них не имел никакого представления о природе истинного «старчества». <…>

С течением времени Распутин приобретал все большую уверенность в себе, а в описываемый мною момент, быть может, даже сознавал себя призванным поучать и наставлять других.

Увидя меня, А. Э. фон-Пистолькорс подошел ко мне и стал горячо упрашивать меня ехать с ним, после богослужения, на Васильевский Остров, к барону Рауш-фон-Траубенберг<у>, куда поедет и Распутин и будет "говорить"… В то время проповеди Распутина вызывали сенсацию… Он не любил говорить длинных речей, а ограничивался отрывистыми словами, всегда загадочными, и краткими изречениями, а от пространных бесед – уклонялся. Желание А. Э. фон-Пистолькорса было мне понятно; но, не имея ни малейшего представления о бароне Рауш-фон-Траубенберг<е>, с которым я нигде не встречался и не был знаком[11], я только удивился приглашению А. Э. фон-Пистолькорса ехать с ним в незнакомый дом, к неизвестным мне людям <…>.

Когда мы вошли в столовую, то уже застали там Распутина, сидевшего за столом в обществе неизвестных нам лиц. Там были и представители аристократии, и какие-то подозрительные типы, умильно засматривавшие ему в глаза, льстившие ему и громко восхвалявшие его… Один из них, ни к кому в частности не обращаясь, кричал о своем исцелении "отцом Григорием" – можно было бы подумать, что он умышленно создавал Распутину рекламу, если бы последний очень резко не оборвал его. В углу комнаты, не смея подойти к столу, стояла какая-то женщина, обращавшая на себя всеобщее внимание… Ее неестественно

раскрытые глаза были устремлены на Распутина; она была охвачена экстазом и, видимо, сдерживала себя, истерически вздрагивая и что-то причитая…

"Это генеральша О. Лохтина, – шепнул мне на ухо А. Э. фон-Пистолькорс, – она бросила мужа и детей и пошла за Григорием Ефимовичем, убежденная в том, что Распутин – воплощенный Христос".

"Куда я попал! – подумал я. – Сумасшедший дом, сумасшедшие люди"…

Распутин угрюмо сидел за столом и громко щелкал орехи.

Увидя А. Э. фон-Пистолькорса и меня, он оживился и, бесцеремонно прогнав от себя каких-то молодых людей, посадил А. Э. фон-Пистолькорса по одну сторону, а меня – по другую и начал "говорить".

Мне трудно передать его образную речь, и я вынужден, к сожалению, изложить ее литературным языком, вследствие чего речь потеряет свой характерный колорит.

"Для чего это-ть вы пришли сюда? – начал Распутин. – На меня посмотреть или поучиться, как жить в миру, чтобы спасти свои души?.."

"Святой, святой!" – взвизгнула в этот момент стоявшая в углу генеральша О. Лохтина. "Помалкивай, дура", – оборвал ее Распутин.

" 'Чтобы спасти свои души, надо-ть вести богоугодную жизнь', – говорят нам с амвонов церковных священники да архиереи… Это справедливо… Но как же это сделать?.. 'Бери Четьи-Минеи, жития святых, читай себе, вот и будешь знать как', – отвечают. Вот я и взял Четьи-Минеи и жития святых и начал их разбирать и увидел, что разные святые только спасались, но все они покидали мир и спасение свое соделывали то в монастырях, то в пустынях… А потом я увидел, что Четьи-Минеи описывают жизнь подвижников с той поры, когда уже они поделались святыми… Я себе и подумал – здесь, верно, что-то не ладно… Ты мне покажи не то, какую жизнь проводили подвижники, сделавшись святыми, а то, как они достигли святости… Тогда и меня чему-нибудь научишь. Ведь между ними были великие грешники, разбойники и злодеи, а про то, глянь, опередили собою и праведников… Как же они опередили, чем действовали, с какого места поворотили к Богу, как достигли разумения и, купаясь в греховной грязи, жестокие, озлобленные, вдруг вспомнили о Боге, да пошли к Нему?! Вот что ты мне покажи… А то, как жили святые люди, то не резон; разные святые разно жили, а грешнику невозможно подражать жизни святых.

Увидел я в Четьи-Минеи и еще, чего не взял себе в толк. Что

ни подвижник, то монах… Ну, а с мирскими-то как? Ведь и они хотят спасти души, нужно и им помочь и руку протянуть"…

"Протяни, помоги! – не выдержала генеральша О. Лохтина. – Ты, Ты все можешь, все знаешь, Христос, Христос!" – кричала несчастная и забилась в истерике, протягивая руки к Распутину…

"Замолчи, дура! – строго прикрикнул Распутин. – Я тебя…"

"Не буду, не буду", – взмолилась О. Лохтина.

"Прогоню тебя, дуру: скажу не пущать, этакая", – сердито оборвал ее Распутин.

"Ну, а ты чего таращишь на меня глаза?" – повернулся Распутин к одному из своих поклонников, с необычайным умилением глядевшему на него и пожиравшему Распутина глазами, жадно ловя каждое его слово.

Тот смутился, а Распутин продолжал:

"Значит, нужно придти на помощь и мирянам, чтобы научить их спасать в миру свои души. Вот, примерно, министр Царский, али генерал, али княгиня какая, захотели бы подумать о душе, чтобы, значит, спасти ее… Что же, разве им тоже бежать в пустыню или монастырь?! А как же служба Царская, а как же присяга, а как же семья, дети?! Нет, бежать из мира таким людям не резон. Им нужно другое, а *что нужно,* того никто не скажет, а все говорят: 'ходи в храм Божий, соблюдай закон, читай себе Евангелие и веди богоугодную жизнь, вот и спасешься'.

И так и делают, и в храм ходят, и Евангелие читают, а грехов, что ни день, то больше, а зло все растет, и люди превращаются в зверей…

А почему?.. Потому, что еще мало сказать: 'веди богоугодную жизнь', а нужно сказать, как *начать* ее, как оскотинившемуся человеку, с его звериными привычками, вылезть из той ямы греховной, в которой он сидит; как ему найти ту тропинку, какая выведет его из клоаки на чистый воздух, на Божий свет. Такая тропинка есть. Нужно только показать ее. Вот я ее и *покажу".*

Нервное напряжение достигло уже крайних пределов, с О. Лохтиной снова случился истерический припадок, и Распутин, чрезвычайно резко, снова накричал на нее, приказав вывести ее из комнаты.

"Спасение в Боге… Без Бога и шагу не ступишь… *А увидишь ты Бога тогда, когда ничего вокруг себя не будешь видеть…* Потому и зло, потому и грех, что все заслоняет Бога, и ты Его не видишь. И комната, в которой ты сидишь, и дело, какое ты делаешь, и люди, какими окружен – все это заслоняет от тебя Бога, потому что ты и живешь не по-Божьему, и думаешь не по-Божьему. Значит что-то да нужно сделать, чтобы хотя *увидеть* Бога… Что же ты должен сделать?"…

При гробовом молчании слушателей, с напряжением следивших за каждым его словом, Распутин продолжал:

"После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чистое поле… Иди и иди все вперед, пока позади себя не увидишь черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди прозрачную синеву горизонта… Стань тогда и помысли о себе… Таким ты покажешься себе маленьким, да ничтожным, да беспомощным, и вся столица в какой муравейник преобразится пред твоим мысленным взором, а люди – муравьями, копошащимися в нем!.. И куда денется тогда твоя гордыня, самолюбие, сознание своей власти, прав, положения?.. И жалким, и никому не нужным, и всеми покинутым осознаешь ты себя… И вскинешь ты глаза свои на небо и *увидишь* Бога, и почувствуешь тогда всем сердцем своим, что один только у тебя Отец – Господь Бог, что только Одному Ему нужна твоя душа, и Ему Одному ты захочешь тогда отдать ее. Он Один заступится за тебя и поможет тебе. И найдет на тебя тогда умиление… *Это первый шаг на пути к Богу.*

Можешь дальше и не идти, а возвращайся назад в мир и становись на свое прежнее дело, храня, как зеницу ока, то, что принес с собою.

Бога ты принес с собою в душе своей, умиление при встрече с Ним стяжал и береги его, и пропускай чрез него всякое дело, какое ты будешь делать в миру. Тогда всякое земное дело превратишь в Божье дело, и не подвигами, а трудом своим *во славу Божию* спасешься. А иначе труд во славу собственную, во славу твоим страстям, не спасет тебя. Вот это и есть то, что сказал Спаситель: 'царство Божие внутри вас'. Найди Бога и живи *в Нем и с Ним* и хотя бы в каждый праздник, или воскресение, хотя бы *мысленно* отрывайся от своих дел и занятий и, вместо того, чтобы ездить в гости, или в театры, езди в чистое поле, к Богу".

Распутин кончил. Впечатление от его проповеди получилось неотразимое, и, казалось бы, самые злейшие его враги должны были признать ее значение. Он говорил о *теории* богоугодной жизни, о том, чего так безуспешно и в разных местах искали верующие люди и, без помощи учителей и наставников, не могли найти. Их не удовлетворяли общие ответы, им нужно было нечто конкретное, и то, чего они не получали от своих пастырей, то, в этот момент, казалось, нашли у Распутина.

Что нового, неизвестного людям, знакомым с святоотеческою литературою, сказал Распутин? Ничего!

Он говорил о том, что "начало премудрости – страх Божий",

что "смирение и без дел спасение", о том, что "гордым Бог противится, а смиренным дает благодать" – говорил, словом, о наиболее известных каждому христианину истинах; но он облек эти теоретические положения в такую форму, какая допускала их опытное применение, указывала на конкретные действия, а не в форму философских туманов, со ссылками на цитаты евангелистов или апостольские послания.

Я слышал много разных проповедей, очень содержательных и глубоких; но ни одна из них не сохранилась в моей памяти; речь же Распутина, произнесенную 15 лет тому назад, помню и до сих пор и даже пользуюсь ею для возгревания своего личного религиозного настроения.

В его умении популяризировать Божественные истины, умении, несомненно предполагавшем известный духовный опыт, и заключался секрет его влияния на массы. И неудивительно, если истерические женщины, подобные О. Лохтиной, склонные к религиозному экстазу, считали его святым».

Примечательно, что ни апологеты Распутина, ни его разоблачители не склонны широко цитировать этот фрагмент жеваховских мемуаров, ибо Распутин здесь не укладывается ни в одну из жестких схем, каковые обыкновенно предлагают читателю. Он и не святой, и не колдун-экстрасенс, и не инфернальный злодей, и не сексуальный монстр. Он именно тот человек, каким предстает в известной телеграмме, позднее посланной им епископу Варнаве: «Милой, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пущают».

Такой старец мало устраивает тех, кто зовет его оклеветанным, ищет канонизации и самым высоким авторитетом в духовной оценке Распутина называет святого Иоанна Кронштадтского, смело выстраивая свой ряд русских святых последнего века нашей монархии: преподобный Серафим – праведный Иоанн Кронштадтский – мученик Григорий Новый.

Возможно, с точки зрения богоискательства, то есть учения *не* ортодоксального, какая-то связь тут есть. Во всяком случае о Серафиме Саровском и Григории Распутине, уже после убийства последнего, написал Д. С. Мережковский, человек от православия далекий, но то и дело о нем рассуждавший:

«Для Серафима революция – конец самодержавия – есть конец православия, а конец православия – конец Міра, пришествие Антихриста.

Вот отчего светлое лицо его померкло и все больше меркнет, темнеет, чернеет, становится лицом "черных сотен", лицом Гришки Распутина.

От Серафима к Распутину – таков путь самодержавия и путь

православия, потому что самодержавие с православием на этом пути неразрывно связаны: "Другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь". Не страшна связь Николая с Распутиным, но воистину страшна связь его с Серафимом, последнего царя с последним святым. Распутин – весь ложь; Серафим – весь или как будто весь истина. Гришкин пепел развеян по ветру; Серафимовы мощи нетленны. Легко сказать: Гришке – анафема; по Серафиму не скажешь. Св. Серафим – душа "Святой Руси". Его проклясть – душу свою проклясть?

Православие не может отречься от своей последней, предельной серафимовой святости, а Серафим не может отречься от самодержавия. Царь – "помазанник Божий", царь от Бога – от Христа; революция – против царя, против Христа; революция – Антихрист.

Таково отношение русской религии (если православие есть русская религия по преимуществу) к революции».

Эта весьма умозрительная точка зрения была высказана Мережковским в очень напряженное время весны 1917 года, когда мало кто мог предполагать, что Государь примет мученическую кончину и много лет спустя будет причислен к лику святых, как был причислен в годы его царствования Серафим Саровский, и связь их окажется совсем не страшна, а, напротив, свята. Но Григорий Распутин-Новый к ней никакого отношения не имеет. Что касается личностей сибирского странника и Кронштадтского пастыря, то и здесь скорее можно говорить о глубоком различии, нежели сходстве, хотя идея сходства и даже некоторого преемства выдвигалась не раз.

В воспоминаниях Матрены Распутиной ее отец – верный последователь и ученик кронштадтского священника.

«В 1904 г., два года спустя паломничества в Киев, он предпринял путешествие в Петербург, осуществив тем самым свою давнюю мечту увидеть праведного отца Иоанна Кронштадтского.

Прибыв в столицу, он дождался первого праздничного дня и с посохом в руке, с котомкой за плечами, пришел на службу в Кронштадтский собор. Собор был полон хорошо одетых людей; и причастники, принадлежавшие к высшему свету Петербурга, тотчас выделялись своими нарядами. Мой отец в своей крестьянской одежде стал позади всего народа. В конце Литургии, когда диакон, держа в руках Св. Чашу, торжественно возгласил: "Со страхом Божиим и верою приступите", – Иоанн Кронштадтский, который в этот момент выходил из ризницы, остановился и, обращаясь к моему отцу, пригласил его подойти к принятию Св. Тайн. Все присутствующие в изумлении смотрели

на смиренного странника. Несколько дней спустя отец мой был принят Иоанном для личной беседы и он, как и Макарий, подтвердил ему, что он "избранник Божий", отмеченный необычным жребием.

Эта встреча весьма впечатлила моего отца, который часто говорил о ней впоследствии. Горизонт его жизни расширился. Благодаря покровительству Батюшки, столь популярного в России, он заинтересовал многочисленных поклонников Иоанна, которые искали с ним встречи».

В другом варианте воспоминаний Матрены говорится:

«В то время в С.-Петербурге был человек, почитаемый за святость по всей России: отец Иоанн Кронштадтский. Отец мой, часто слышавший о нем от старцев или монахов разных монастырей, решил пойти и спросить совета у этого человека, который, быть может, помог бы ему найти Правду. Он пешком отправился в столицу, пришел в собор, где служил Иоанн Кронштадтский, исповедовался праведнику среди толпы кающихся и затем стоял на Литургии. В тот момент, когда преподавалось Св. Причастие и благословение, о. Иоанн, к общему изумлению толпы, подозвал моего отца, стоявшего в приделе собора. Он сначала благословил его, а затем сам попросил у него благословения, которое мой отец ему дал. Кем был этот простой человек с мужицкой бородой, одетый чуть не в лохмотья, но принятый Иоанном Кронштадтским, идущий сквозь толпу с видом решительным и бесстрашным, с глазами, сияющими внутренним огнем? Казалось, он не замечал массы народа, расступившейся перед ним.

Этот случай возбудил любопытство и сплетни толпы; и распространился слух, что найден новый "человек Божий".

Иоанн Кронштадтский, без сомнения, впечатленный верой, умом и искренностью этого сибирского крестьянина, пригласил его повидаться лично, объявив ему, что он – один из "избранников Божиих" и представив его кругу друзей и поклонников, окружавших этого святого человека».

И все же никаких объективных документальных свидетельств о знакомстве и уж тем более о дружбе Распутина и Иоанна Кронштадтского не существует за исключением показаний Анны Александровны Вырубовой на следствии 1917 года:

«Председатель: Чем же вы его (Распутина. – *А. В.)* считали – пророком, святым, Богом?

Вырубова: Нет, ни Богом, ни пророком, ни святым. – А вот считала, и отец Иоанн считал, что он, как странник, может помолиться».

И она же, Вырубова, на вопрос следователя, какую роль играл

Распутин в жизни царской семьи, ответила: «В их жизни, – какую же роль играл он? Они так же верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили, и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться».

А в письменном заявлении прямо указывала, что «Гр. Распутин в семье бывшего Государя являлся суеверием в полном смысле этого слова; бывшие Государь и Государыня очень религиозны и склонны к мистицизму – они очень верили молитвам священника Иоанна Кронштадтского, и после его смерти Гр. Распутин явился продолжением – т. е. они также верили его молитвам и обращались к нему при всех болезнях и неврозах – а их было немало».

Сам Распутин о кронштадтском пастыре отзывался высоко и противопоставлял его другим иереям: «А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому что в храме духа нет, а буквы много – храм пуст. А в настоящее время, когда о. Иоанн (Кронштадтский) служил, то в храме дух нищеты был и тысячи шли к нему за нищетой духовной».

Сложнее с другим – как относился к Распутину сам отец Иоанн и можно ли здесь опереться хоть на какие-то достоверные суждения помимо распутинского признания Сенину: «Он меня благословил и пути указал»?

«Мифотворчество нашло отражение и в мемуарах современников, пытавшихся понять причины роста влияния "старца" на царскую семью, – пишет Сергей Фирсов. – Пример тому – отношение Григория Распутина к св. Иоанну Кронштадтскому. Генерал В. Ф. Джунковский, в связи с выступлениями против сибирского странника лишившийся должности товарища министра внутренних дел, в своих воспоминаниях передавал слух, что разрыв великих княгинь Милицы и Анастасии с Распутиным был вызван тем, что распоясавшийся "старец" стал поносить к тому времени покойного о. Иоанна Кронштадтского, которого они почитали как святого. "Этого было достаточно, – писал Джунковский, – великий князь Николай Николаевич приказал его больше не пускать. Великие княгини совсем отошли от Распутина и пытались возбудить против него и императрицу и Государя, но было уже поздно, в Распутина уже верили". Со своей стороны, убийца Распутина князь Ф. Ф. Юсупов, восстанавливая биографическую канву жизни "старца" и описывая его "петербургский период", особо отметил, что в Александро-Невской лавре Распутина принял о. Иоанн Кронштадтский, "которого он поразил своим простосердечием"».

Великий молитвенник будто бы поверил, «что в этом молодом сибиряке есть "искра Божия"».

«Впрочем, – продолжает Сергей Фирсов, – многочисленные фактические погрешности, встречающиеся и в мемуарах Джунковского, и в мемуарах Юсупова заставляют предположить, что сообщаемая ими информация о первых шагах сибирского странника в столице во многом легендарна, хотя признать ее полностью недостоверной также нельзя. Скорее всего, Распутин действительно встречался с отцом Иоанном, быть может, даже разговаривал с ним. Вполне вероятно и то, что Кронштадтский пастырь обратил внимание на молодого странника, глубоко религиозного и любившего молиться. Известно, что Распутин любил посещать столичный Иоанновский женский монастырь, где был погребен подвижник. Однако послушницы, к радости игуменьи монастыря Ангелины, скоро его от этого отвадили. "Стоит Распутин, – вспоминал хорошо знавший настоятельницу митрополит Евлогий (Георгиевский), – пройдет одна из послушниц, взглянет на него и говорит вслух, точно сама с собой рассуждает: 'Нет, на святого совсем не похож…' А потом другая, третья – и все, заранее сговорившись, то же мнение высказывают. Распутин больше и не показывался".

Существует свидетельство о благожелательном отношении Иоанна Кронштадтского к Распутину в дневнике М. Палеолога: «Известный духовидец, отец Иоанн Кронштадтский, который утешал Александра III в его агонии, захотел узнать молодого сибирского пророка; он принял его в Александро-Невской лавре и радовался, констатировав, на основании несомненных признаков, что он отмечен Богом». Но откуда у Палеолога были такие сведения, опять-таки неясно, и питался он скорее всего слухами.

«Святой о. Иоанн Кронштадтский чтил его (Распутина. – *А. В.)* и очень хорошо о нем отзывался», – написал в своей книге «Великороссия: Жизненный путь» священник Лев Лебедев, но не привел никаких подтверждений.

«Интересно заметить, что поклонники Г. Е. Распутина говорят, что "старца" признавал праведный Иоанн Кронштадтский, – заочно возражал этим утверждениям иерей Алексей Махетов в газете «Православный христианин». – Матрона, дочь Распутина, пишет, что праведный Иоанн Кронштадтский почувствовал "пламенную молитву и искру Божию в отце", а позднее назвал его "истинным старцем". Но почему-то в дневниках самого о. Иоанна таких воспоминаний не встречается. Однако воспоминания других лиц об их встрече есть. Священномученик протоиерей Философ Орнатский, настоятель Казанского собора в Санкт-Петербурге, в газете "Петербургский

курьер" за 2 июля 1914 года описывает эту встречу так: "О. Иоанн спросил старца: 'Как твоя фамилия?' И когда последний ответил: 'Распутин', сказал: 'Смотри, по фамилии твоей и будет тебе'". По этому свидетельству весьма трудно сделать выводы, что о. Иоанн почувствовал у Распутина "искру Божию и пламенную молитву". Интересным является еще одно свидетельство, на наш взгляд, несколько проясняющее действительные отношения между о. Иоанном Кронштадтским и Г. Е. Распутиным. У праведного о. Иоанна был ученик протоиерей Роман Медведь (кстати, прославленный в лике святых новомучеников), ничего не предпринимавший без его благословения. Святой исповедник о. Роман очень негативно относился к Распутину и "предупреждал против сближения с этим человеком владыку Сергия (Страгородского) и архимандрита Феофана (Быстрова)". Думается, что человек, постоянно советовавшийся с о. Иоанном, непременно спрашивал у святого и о Распутине. И если бы о. Иоанн считал Г. Е. Распутина истинным духоносным старцем, то, вероятнее всего, суждения об этом человеке столь близкого его духовного сына и послушника, каковым являлся исповедник о. Роман, не были бы столь категоричны».

Рассуждение верное, однако со священномучеником Романом Медведем и его отношением к Распутину не все так просто. Если отец Роман и начал обличать Распутина, то, подобно епископам Феофану и Гермогену, не сразу. Поначалу же священник попал под влияние сибирского крестьянина, и, как показывала на следствии, проводимом Тобольской консисторией, О. В. Лохтина, именно отец Роман свел ее в 1905 году с Распутиным. Более того, по материалам этого расследования, жена отца Романа Медведя Анна (она же духовная дочь Иоанна Кронштадтского) была среди женщин, которые посещали Распутина в Покровском в 1905 и (или) в 1906 годах, и трудно предположить, чтобы матушка отправилась в это путешествие без позволения мужа, а также без благословения своего духовника.

В деле о принадлежности Распутина к хлыстовской секте имеется также телеграмма из Томска, в которой Анна Медведь (в девичестве Невзорова) просит Распутина «помолиться о выздоровлении» своего мужа, петербургского священника Романа Медведя. Не исключено, что и сам о. Роман бывал в Покровском в 1907 году.

Наконец, по всей вероятности имея в виду именно отца Романа, Гиппиус писала в мемуарах: «Распутин в самом начале терся около белого духовенства. Бывал на вечеринке у довольно известного тогда, чудачливого священника М. Возлюбил эти вечеринки: там собиралось много барышень: гимназисток и

курсисток. К ним он конечно лез целоваться. Одна, очень мне близкая, рассказывала, что долго от этого Уклонялась, а когда он все-таки ухитрился ее поцеловать, – побежала к хозяйке в комнату умываться. "Я ему сказала, что если он еще раз посмеет, я дам ему самую 'святую' пощечину. Теперь издали, но еще хуже пристает: 'черненькая! черненькая! подь, я не трону, сердитая!'».

Так это было или нет так, но вскоре Распутин перестал бывать у отца Романа, и между ними произошел разрыв.

«Отец Роман, будучи человеком прямым, счел нужным в лицо высказать пришедшему свое мнение о нем, – говорится в житии Романа Медведя. – В гневе и раздражении покинул тот священника и вскоре ему отомстил. Через две недели последовал указ Святейшего Синода о переводе отца Романа полковым священником в город Томашов Польский, на границу Польши с Германией.

Перед тем как туда отправиться, отец Роман с женой поехал к отцу Иоанну Кронштадтскому и рассказал о случившемся.

– Это все кратковременно, все будет хорошо, скоро он о тебе забудет, – сказал отец Иоанн».

Автор жития отца Романа игумен Дамаскин (Орловский) не дает никаких ссылок, откуда эти факты известны, но если все так и было, можно утверждать, что Иоанн Кронштадтский знал о Распутине и именно отец Роман Медведь был первым из иереев, начавшим Распутина обличать, и первым, кто от него пострадал.

О священнике Медведе и о Распутине с осторожностью, очень неточно, перепутав имя иерея, писал и М. В. Родзянко: «Документально установить, каким образом Распутин сумел втереться в доверие к епископу Феофану, мне не удалось. Слухов было так много, что на точность всех этих разговоров полагаться нельзя. Указывали, как на посредника между епископом Феофаном и Распутиным, на священника Ярослава Медведя, духовника одной из русских великих княгинь, ездившего почему-то в Абалакский монастырь или туда сосланного, где он будто бы познакомился с Распутиным и привез его с собой. Эта версия наиболее вероятная, но были и другие».

Отца Романа Медведя считал ответственным за появление Распутина при Дворе и генерал В. Ф. Джунковский (правда, он в своих мемуарах переиначил фамилию иерея): «…он попал к настоятелю храма при Рождественских бараках, отцу Роману Медведеву, которому своими взглядами и разговорами очень понравился, затем, через жену этого священника познакомился с О. В. Лахтиной, которая совершенно подпала под влияние Распутина и благодаря коей он, можно сказать, и приобрел известность».

«Среди друзей еп. Феофана был священник Роман Медведь, почти однокурсник его по Академии, очень способный, хоть и очень своеобразный человек. Этот отец Медведь паломничал от времени до времени по монастырям, встретил в одном из них Распутина, узрел в нем Божьего человека и затем поспешил познакомить с ним еп. Феофана. Последний был очарован "духовностью" Григория, признал его за орган божественного откровения и, в свою очередь, познакомил его с великой княгиней Милицей Николаевной», – вспоминал протопресвитер Шавельский.

Таким образом, можно констатировать, что трое совершенно разных мемуаристов независимо друг от друга приписали отцу Роману роль, которой он не играл, и в истории с Распутиным подобные ошибки встречаются нередко.

Помимо этого, Джунковский, как уже говорилось выше, утверждал, что Распутин «распоясался и… стал поносить покойного отца Иоанна Кронштадтского», но эта информация никем другим не подтверждается и скорее всего относится к области слухов.

Что же касается знаменитых слов Иоанна Кронштадтского в адрес Распутина и его говорящей фамилии, то толкуются они по-разному в зависимости от убеждений толкователей и их любви к манипуляциям словами. Хотя пророчество старца звучит однозначно, в наши дни в санкт-петербургской газете «Опричнина» некто, укрывающийся, как сказано – «по этическим соображениям», под псевдонимом Вяч. Минин, пишет: «Судя по дошедшим историческим свидетельствам, молитвенный дар Распутина прозрел сам отец Иоанн (Кронштадтский). При этом знаменитый наш святой благословил Распутина, прозорливо предупредив: "Будет тебе по твоей фамилии!" (по другой версии: "Будет тебе по твоему имени"). Не сказал наш великий пастырь: "Станешь ты по твоей фамилии", но именно: "Будет тебе по фамилии твоей". То есть наветы, клевета, злословия на предмет мнимого распутства».

Рассуждения Вяч. Минина могут показаться очень занимательными, но и он, и все, кто цитирует статью отца Философа Орнатского, не обращают внимания на дату ее публикации. А между тем эта дата очень важна: статья Орнатского была напечатана 2 июля 1914 года, то есть через три дня после покушения на Распутина Хионии Гусевой, когда очень многие, и отец Философ в том числе, были убеждены, что Распутина настигло справедливое отмщение и он получил удар ножом именно за распутство.

В истории с сибирским крестьянином словесной

эквилибристике подвергается все. И как бы этого ни хотелось, нельзя не признать правоту известного историка Хельсинкского университета А. Эткинда: критика источников в этой области ведет к пустоте. Но иного пути, чем систематизировать и сопоставлять различные архивные документы, письма, дневники и мемуары, распутывая их тугой узел, все равно не существует, тем более что с каждым новым витком распутинской жизни этих противоречивых свидетельств становилось все больше.

Чем чаще бывал Распутин во дворце, тем более встречал он противодействия.

В 1908 году дворцовый комендант генерал В. А. Дедюлин задал начальнику Петербургского охранного отделения А. В. Герасимову вопрос о некоем Распутине, который был за несколько дней до этого представлен императрице на квартире Вырубовой в Царском Селе. Дедюлин заподозрил в Распутине скрытого террориста, пытающегося проникнуть во дворец. Герасимов навел справки. «Из Сибири, – вспоминал он, – прибыл доклад, из которого было видно, что Распутин за безнравственный образ жизни, за вовлечение в разврат девушек и женщин, за кражи и всякие другие преступления не раз отбывал различные наказания и в конце концов был вынужден бежать из родной деревни».

Как нетрудно увидеть, правды в этих воспоминаниях мало: за «вовлечение девушек и женщин в разврат», равно как и за кражи, никаких наказаний Григорий не отбывал. Не говоря уже о том, что он был представлен Императрице намного раньше и в другом месте. Но сама мысль, что в Распутине могли заподозрить террориста, стремящегося проникнуть во дворец, весьма примечательна и при всей своей нелепости отражает дух своего времени, тем более что у сибирского странника в эсеровской среде оказалась однофамилица – член Летучего боевого отряда Северной области Анна Распутина, выданная Азефом, приговоренная к смерти в феврале 1908 года и ставшая одним из прообразов «Рассказа о семи повешенных» Леонида Андреева. Таким образом, вторая, вслед за расследованием Тобольской консистории, волна наблюдений за сибиряком могла быть вызвана именно этими опасениями. В этом смысле заслуживает внимания история столкновения Григория Распутина с Петром Аркадьевичем Столыпиным – первое его серьезное испытание и первая крупная победа на его пути наверх.

Когда в 1908 году за сибирским крестьянином начали следить как за потенциальным злоумышленником и в Петербурге опросили проституток, которых он, как утверждали в полиции,

брал на Невском, а те, по словам Герасимова, «дали о своем "госте" весьма нелестные отзывы, рисуя его грязным и грубым развратником», Герасимов доложил обо всем председателю Совета министров. Столыпин заявил, что первый раз о Распутине слышит, и пообещал поговорить обо всем с царем.

«Об этом докладе у меня сохранились отчетливые воспоминания, – написал Герасимов в книге «На лезвии с террористами». – Столыпин – это было необычно для него – волновался всю дорогу, когда мы ехали в Царское Село. С большим волнением и нескрываемой горечью он передал мне на обратном пути подробности своей беседы с царем. Он понимал, насколько щекотливой темы он касался, и чувствовал, что легко может навлечь на себя гнев Государя. Но не считал себя вправе не коснуться этого вопроса. После очередного доклада об общегосударственных делах, рассказывал Столыпин, он с большим колебанием поставил вопрос:

– Знакомо ли вашему величеству имя Григория Распутина?

Царь заметно насторожился, но затем спокойно ответил:

– Да. Государыня рассказала мне, что она несколько раз встречала его у Вырубовой. Это, по ее словам, очень интересный человек, странник, много ходивший по святым местам, хорошо знающий Священное писание, и вообще человек святой жизни.

– А ваше величество его не видали? – спросил Столыпин.

Царь сухо ответил:

– Нет.

– Простите, ваше величество, – возразил Столыпин, – но мне доложено иное.

– Кто же доложил это иное?

– Генерал Герасимов, – ответил Столыпин.

Столыпин здесь немного покривил душой. Я ничего не знал о встречах Государя с Распутиным и поэтому ничего об этом не говорил Столыпину. Но последний, как он мне объяснил, уловивши некоторые колебания и неуверенность в голосе царя, понял, что царь несомненно встречался с Распутиным и сам, а потому решил ссылкой на меня вырвать у Царя правдивый ответ.

Его уловка подействовала. Царь, после некоторых колебаний, потупившись и с как бы извиняющейся усмешкой, сказал:

– Ну, если генерал Герасимов так доложил, то я не буду оспаривать. Действительно, Государыня уговорила меня встретиться с Распутиным, и я видел его два раза… Но почему, собственно, это вас интересует?

Столыпин, тронутый беспомощностью царя, представил ему свои соображения о том, что повелитель России не может даже и в личной жизни делать то, что ему вздумается. Он возвышается

над всей страной, и весь народ смотрит на него. Ничто нечистое не должно соприкасаться с его особой. А встречи с Распутиным именно являются соприкосновением с таким нечистым… Столыпин со всей откровенностью сообщил царю все те данные, которые я собрал о Распутине. Этот рассказ произвел на царя большое впечатление. Он несколько раз переспрашивал Столыпина, точно ли проверены сообщаемые им подробности. Наконец убедившись из этих данных, что Распутин, действительно, представляет собой неподходящее для него общество, царь обещал, что он с этим "святым человеком больше встречаться не будет".

Тем не менее встречи Распутина с Царской Семьей продолжались, и тогда Герасимов предложил Столыпину выслать Распутина в Сибирь за безнравственное поведение. Но сделать этого премьер не смог. Распутин перестал ночевать у себя на квартире, повсюду появлялся с высокопоставленными покровителями, среди которых был Великий Князь Петр Николаевич, муж Милицы Николаевны, а потом уехал в Покровское, но некоторое время спустя по своей собственной инициативе и безо всякого затруднения вернулся в Петербург.

Примерно о том же самом рассказывается и в воспоминаниях жандармского генерала Спиридовича, хотя логические акценты расставлены здесь несколько иначе.

«Желая проверить свое впечатление от "Старца", Государь попросил генерала Дедюлина и полковника Дрентельна поговорить с Распутиным и высказаться о нем. Оба высказались отрицательно. Мой начальник, дворцовый Комендант, сказал Его Величеству так: "Это умный, но лукавый и лживый мужик, обладающий к тому же некоторой долей гипнотизма, которой он и пользуется". Такое мнение было высказано не только на основании личного впечатления, но и на основании тех данных, которые имел тогда Дворцовый комендант из разных источников. Никто из лиц свиты ни тогда, ни позже не сделался почитателем Распутина, никто к его "молитвам" из них не обращался. Генерал Дедюлин говорил на эту тему с председателем Совета Министров Столыпиным. Столыпин приказал затребовать сведения о Распутине с родины, а в Петербурге было приказано учредить за "Старцем" наблюдение через Охранное отделение. По результатам всех полученных сведений был составлен нехороший для "Старца" доклад, но не заключавший ничего серьезно предосудительного для него. Едва ли не главный центр тяжести доклада заключался в том, что "Старец" берет иногда с Невского девицу легкого поведения и проводит с ней некоторое время в бане. Пить он тогда не пил и кутить не кутил. Все это пришло позже.

Столыпин лично доложил Государю свои сведения. Государь обратил все в шутку. Столыпин привез доклад обратно и вернул его своему товарищу министра генералу Курлову.

Вновь начались разговоры у Дедюлина со Столыпиным. И вскоре Столыпин приказал Начальнику Охранного Отделения, тогда полковнику Герасимову, не делая огласки, составить мотивированное постановление о высылке Распутина из Петербурга за порочное поведение административным порядком, на родину с воспрещением въезда в столицу в течение пяти лет.

Столыпин подписал постановление и вручил Герасимову для исполнения.

Установив наблюдение, когда "Старец" выехал однажды в Царское Село, Охранное Отделение сделало все приготовления, чтобы арестовать "Старца" в Петербурге по возвращении его из Царского, при подъезде с вокзала домой. И тут произошло нечто странное. Предупредил ли кто Распутина, или он сам почуял грозившую ему опасность, неизвестно, но только он, приехав в Петербург, бегом пронесся по вокзалу, вскочил в ожидавший его экипаж и, спасаясь от преследовавших его филеров, успел доехать до дворца, где жила В. Кн. Милица Николаевна с мужем…

И выхода его из дворца филеры не видели затем целых три недели, хотя и караулили внимательно. А через три недели от Тобольского губернатора была получена телеграмма, что Распутин вернулся в село Покровское…

Герасимов спросил Столыпина, как поступить и что сделать с постановлением о воспрещении "Старцу" взъезда в столицу? Министр махнул рукой и приказал разорвать постановление.

Это было в начале 1909 года».

Таким образом, два служивых человека – Спиридович и Герасимов – независимо друг от друга излагают одни и те Же события с теми разночтениями, которые естественны при написании нефальсифицированных мемуаров[12]. Сам Столыпин никаких воспоминаний оставить не успел, но рассказ о его встрече с Распутиным содержится еще в нескольких источниках, и прежде всего в записках «Гибель императорской России» товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова.

«Однажды вечером, зимой 1909—1910 гг. П. А. Столыпин передал мне по телефону о полученном им распоряжении прекратить учрежденное за Распутиным наблюдение и приказал это исполнить. Я дал соответствующие указания охранному отделению и, признаться, занятый другой, более важной работой, в дальнейшем об этом забыл. Через несколько дней, после очередного доклада П. А. Столыпин задержал меня и сказал, что он должен сегодня в три часа дня принять Распутина, а потому

просил меня быть к этому времени в его кабинете, сесть за одним из боковых столов, не вмешиваться, под видом рассмотрения бумаг, в разговор и, по уходе Распутина, высказать ему мое мнение. К назначенному времени я находился в министерском кабинете, куда дежурный курьер Оноприенко вскоре ввел Распутина. К министру подошел худощавый мужик с клинообразной темно-русой бородкой, с проницательными умными глазами. Он сел с П. А. Столыпиным около большого стола и начал доказывать, что напрасно его в чем-то подозревают, так как он самый смирный и безобидный человек. Министр молчал и только перед уходом Распутина сказал ему, что если его поведение не даст повода к иному к нему отношению, то он может быть спокоен, что полиция его не тронет. Вслед за тем я высказал министру вынесенное мной впечатление: по моему мнению, Распутин представлял из себя тип русского хитрого мужика, что называется – себе на уме – и не показался мне шарлатаном.

"А нам все-таки придется с ним повозиться", – закончил П. А. Столыпин нашу беседу».

«Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, – говорит Столыпин в мемуарах Родзянко, – и произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Священного Писания, как-то необычно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей напротив меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда отталкивающее, но все же моральное впечатление».

Об отношении Столыпина к Распутину и безуспешной попытке «его обезвредить» речь идет в воспоминаниях дочери премьера Марии Петровны Бок: «Хотя Распутин в те годы не достиг еще апогея своей печальной славы, но близость его к царской семье уже начинала возбуждать толки и пересуды в обществе. Мне, конечно, было известно, насколько отрицательно отец мой относится к этому человеку, но меня интересовало, неужели нет никакой возможности открыть глаза государю, правильно осветив фигуру "старца"! В этом смысле я и навела раз разговор на эту тему. Услышав имя Распутина, мой отец болезненно сморщился и сказал с глубокой печалью в голосе: "Ничего сделать нельзя. Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. Но вот что он мне недавно ответил: 'Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы'. Конечно, все дело в этом. Императрица больна, серьезно больна, она верит, что Распутин один на всем свете может помочь

наследнику, и разубедить ее в этом выше человеческих сил"».

Похожую версию приводит в своей книге «Царь и Царица» Гурко: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, – сказал Государь, – что вы мне искренно преданы. Быть может, все, что вы мне говорите – правда. Но я прошу вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу».

Наконец, согласно воспоминаниям Коковцова, в 1910 году Государь имел объяснение со Столыпиным по поводу появившихся в печати статей против Распутина и обвинил премьера «в слабости и бездеятельности в отношении печати и "очевидном нежелании остановить растлевающее влияние подбором возмутительных фактов".

Ясно, что покойный Столыпин, получивши эту записку, имел по поводу ее объяснение с Государем, – писал Коковцов, – которое кончилось для него благоприятно, и Государь, никогда не выдерживавший прямых возражений, дал ему благоприятный ответ, а самую записку взял обратно».

«Столыпин неоднократно указывал Николаю на гибельные последствия, могущие произойти от близости Распутина к царской чете, – показывал на допросе в 1917 году Родзянко. – В начале 1911 года им был составлен исчерпывающий доклад о "старце". Николай выслушал Столыпина и поручил ему вызвать Распутина и лично убедиться в том, каков он есть человек. Столыпин вызвал к себе Распутина, который, войдя в кабинет премьера, стал испытывать над ним силу своего гипнотического влияния….Я прикрикнул на него и сказал ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах, ввиду чего резко приказал ему немедля и безотлагательно покинуть Петербург, вернуться в свое село и больше сюда не появляться», – приводил слова Столыпина Родзянко.

А. Амальрик, ссылаясь на книгу Труфанова «Святой черт», пишет о том, что Распутин «жаловался царю на Столыпина, но тот ответил: "Погоняется, да отстанет… он тебе что сделает, когда мы с тобою, а ты с нами"». И он же приводит телеграмму, которую послал Распутин Столыпину: «Добрый господин! Пожалуйста, скажи мне и спроси у императорских великих нашей Земли: какое я сделал зло, и они свидетели всему, ведь у них ум боле чем у кого, и примут кого хотят, или спросят кухарку. Я думаю просто: они хотят и видят».

«Кривошеий рассказывал: "Я Столыпину не раз говорил: 'Вы сильный, талантливый человек, вы многое можете сделать, но только я вас предостерегаю, не боритесь с Распутиным и с его

приятелями, на этом вы сломитесь', а он это сделал – и вот результат"», – вспоминал А. И. Гучков.

«…за разоблачение и удаление Распутина, вскоре, впрочем, возвращенного отправившеюся за ним Вырубовой, возненавидела Столыпина царица», – писал в своих «Записках бывшего директора департамента Министерства иностранных дел» В. Б. Лопухин.

Общее во всех этих мемуарах одно: в 1909—1911 годах к Столыпину прибегали как к самой авторитетной силе, могущей противостоять Распутину, но даже этой силы не хватило, чтобы Распутина свалить.

«Враги – множились, хотя Столыпин не множил их. Он не давал воли личным раздражениям и порывам, ибо не на этой стезе шла его битва, – писал позднее в «Красном колесе» Солженицын. – Так, он долго избегал резкого столкновения с Распутиным. (И не настаивал черезсильно, когда было высочайше отменено полицейское наблюдение за ним, его кутежами, аферистскими связями и не удалась высылка в деревню в 1908 году.) Столыпин долго лишь отстранялся, чтобы не пересеклись пути государственные и распутинские. Однако это оказалось невозможно: липкие нити тянулись повсюду <…> именно тогда, когда Распутин хорошо укрепился в Царском Селе, становился уже нетерпим в государственном теле, – невозможно было дать определяться государственным вопросам на уровне этого мужика, и Столыпин – в начале 1911 года – решился выслать его на родину, – увы, не надолго, и ко взлету вящему».

А для Столыпина все кончилось трагично. В сентябре 1911 года премьер был убит террористом Д. Богровым в Киеве во время торжеств по поводу 50-летия отмены крепостного права. Распутин находился в эти дни там же, и это совпадение привело к распространению слухов о его причастности к убийству, хотя слухами все и ограничилось. Ничего не сумела найти, как ни искала, и следственная комиссия Временного правительства.

Писали также, будто бы Распутин предсказал смерть Столыпина, которого увидел в Киеве за несколько дней до покушения: «Григорий Ефимович вдруг затрясся весь… Смерть за ним!.. Смерть за ним едет!.. За Петром… за ним…»; но скорее всего это такое же предание, как и другой рассказ о пребывании Распутина в Киеве, который поведал В. Шульгину один из его знакомых: «Поставили меня с моими молодцами на Александровской, около музея, в первом ряду… Среди них я Григория Ефимовича поставил. И молодцам моим сказал, чтобы смотреть за ним, как есть… А я хорошо знал, что уж кого-кого, а нас Государь заметит. Потому мои молодцы так уже были

выучены, как крикнут "ура", так уже невозможно не оглянуться… От сердца кричали – и все разом… Так оно и было. Вот едет коляска, и как мои молодцы гаркнули, Государь и Государыня оба обернулись… И тут Государыня Григория Ефимовича узнала: поклонилась… А он, Григорий Ефимович, как только Царский экипаж стал подъезжать, так стал в воздухе руками водить.

– Благословлять?

– Да, вроде как благословлять… Стоит во весь рост в первом ряду, руками водит, водит… Но ничего, проехали…»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Распутин при дворце. Отношение к Распутину Государя и Государыни. Миссия в Покровском. Правые против Распутина. Левые против Распутина. Газетная кампания 1910 года. Распутин и женщины. Няня из Петербурга. Внучка поэта

Итак, Столыпин погиб, царь остался жив (теоретически Богров мог бы стрелять и в Государя), остался жив и Распутин, и если суммировать все вышесказанное, то можно заключить, что Государь с Государыней проигнорировали тревожные сигналы о безнравственности Распутина, идущие от высокопоставленных чиновников их администрации и от самого Столыпина.

Вопрос – почему?

Помимо болезни Наследника, которая превращала Царскую Семью в заложников их странного гостя и была, по общему мнению, главной причиной неуязвимости Распутина, чаще всего встречается такое объяснение: Григорий вел себя во дворце совершенно иначе, чем дома или с петербургскими барынями.

«При дворе, в присутствии Царицы, Распутин держит себя, разумеется, вполне чинно, умело сохраняя при этом все внешние приемы простого безыскусственного русского человека и выказывая полное пренебрежение к придворному этикету, – писал в своей книге «Царь и Царица» хорошо знавший этот этикет В. И. Гурко. – Так, к Царю и Царице он обращается неизменно на "ты" и держится с ними вполне непринужденно. Само собой разумеется, что он стремится выказать при этом чрезвычайную религиозность и присущим ему красочным языком непрестанно говорит о Божьей благодати и ее разнообразных проявлениях. При этом он выказывает полное презрение к мирским благам и не только лично ничего для себя не добивается, но даже отказывается от всяких материальных пособий, что не мешает ему, когда его положение укрепляется, проводить ходатайства других лиц, которые и снабжают его за это денежными средствами».

Князь Жевахов следующим образом объяснял некоторую двойственность Распутина, поворачивающегося к обществу разными ликами: «К стыду глумившихся над Распутиным, нужно сказать, что он распоясывался в их обществе только потому, что не питал к ним ни малейшего уважения и мнением их о себе нисколько не был интересован. Ко всем же прочим людям, не говоря уже о царском дворце, отношение Распутина было иное. Он боялся уронить себя в их мнении и держался всегда безупречно. Я несколько раз встречался с Распутиным в 1910

году, то в Петербургской духовной академии, то в частных домах, и он производил на меня, хорошо знакомого с монастырским бытом и со старцами, такое впечатление, что я даже проверял его у более духовно сведущих людей…»

Еще более замечательное объяснение распутинского «оборотничества» содержится в «Воспоминаниях» В. А. Жуковской (молодой женщины, одно время входившей в окружение Распутина), хотя сразу же надо оговорить, что ее мемуары в еще большей степени тяготеют к беллетристике, чем многие другие документы этого рода, и нижеследующая цитата есть лишь художественный штрих, а не документальное свидетельство; привожу ее лишь потому, что этот штрих кажется очень точным. Жуковская вспоминает свой разговор с распутинской почитательницей Л. В. Головиной: «Я терплю многие поступки Гр. Еф. и гляжу на них сквозь пальцы. Ведь если их принять всерьез, тогда все полетит кувырком, все понятия перевернутся. Но я поступаю так же, как наш несчастный царь. Я беру от Гр. Еф. все его изумительные дарования, его дар утешения, его необыкновенную прозорливость, ум, тактику обращения и пропускаю мимо все это недопустимое обращение с женщинами, тем более что с моими дочерьми и со мной Гр. Еф. всегда держал себя корректно". – "Ну, а во дворце?" – поинтересовалась я. Люб. Вал. задумалась. "Видите ли, дружок, – сказала она наконец. – Как там ни говорите, а царица все-таки несколько нездорова… У нее есть свои idee fixe, она думает, что Гр. Еф. святой пророк. А он в свою очередь уверил ее, что дух его передается только через прикосновение, поэтому, конечно, он их всех там обнимает и целует, но к этому так привыкли и он это делает так естественно, что никого не шокирует, только одна Тютчева да еще отец Александр протестовали, а так я не слыхала от Ани, чтобы по этому поводу были выступления"».

Эту же двойственность видел в Распутине и монархист В. В. Шульгин, но в его представлении она была смертоносной: «Он убивает потому, что он двуликий…

Царской семье он обернул свое лицо "старца", глядя в которое царице кажется, что дух Божий почивает на святом человеке… А России он повернул свою развратную рожу, пьяную и похотливую, рожу лешего сатира из тобольской тайги… И из этого – все… Ропот идет по всей стране, негодующий на то, что Распутин в покоях царицы… А в покоях царя и царицы – недоумение и горькая обида… Чего это люди беснуются?.. Что этот святой человек молится о несчастном наследнике?.. О тяжелобольном ребенке, которому каждое неосторожное движение грозит смертью – это их возмущает. За что?.. Почему?..

Так этот посланец смерти стал между троном и Россией… Он убивает, потому что он двуликий…»

«И Царская Семья знает только этот лик мужика, его духовный образ, его смелое слово, отражающее многомиллионную крестьянскую мысль, его молитву за больного мальчика, радость, которую он приносит исстрадавшимся Родителям», – писал эмигрантский историк-монархист И. П. Якобий в книге «Император Николай II и революция».

Интересное свидетельство о способности сибирского крестьянина в случае необходимости моментально преображаться приводит в своих мемуарах хорошо знавший Распутина и достаточно беспристрастно к нему относившийся начальник петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев: «Однажды я приехал на квартиру к Распутину по служебному делу (охрана его личной безопасности). Принял он меня в своем кабинете, который представлял маленькую грязную комнату, меблированную дешевеньким письменным столом с банкой чернил на нем, креслом и диваном, крытым дерматоидом, весьма потрепанным от времени. Распутин был совершенно пьян, что выражалось у него приплясыванием, вздором, который он молол, и бесконечными объятиями и поцелуями. Он производил впечатление человека, не отвечающего за свои поступки, и я уже собирался уходить, чтобы повидаться с ним в другой раз, когда он будет в нормальном состоянии, как в это время послышался входной звонок и одна из дочерей пришла сказать, что пришла "Аннушка", то есть Анна Александровна Вырубова. Распутин сразу преобразился, его нельзя было узнать, хмель пропал бесследно. Вскочил, принял нормальный вид и побежал встречать гостью. Приглашенный им в столовую пить чай, я там застал целое общество: Вырубову, епископа Исидора, несколько дам и его семью. Чаепитие продолжалось с полчаса, и все это время Распутин вел себя нормально и весьма почтительно по отношению к Вырубовой, а с епископом Исидором вел спор на богословскую тему. После отъезда Вырубовой Распутин вновь преобразился, продолжая быть пьяным, или по крайней мере, показывая это».

Мемуар в высшей степени примечательный и многое объясняющий в распутинском феномене. Он был с людьми таким, каким они были готовы (или, так скажем, достойны) его видеть, но в обращении с Царицей и ее кругом вел себя иначе, нежели с обыкновенными дамами или приставленными к нему охранниками и соглядатаями. Григорий сильно и очень выгодно отличался от всех людей, которых Государыня знала и кому по большей части не доверяла.

«Раньше Распутин, между прочим, пленил ее независимостью и смелостью своих суждений, – писал в своих мемуарах протопресвитер Шавельский. – Еще перед войной царица говорила своему духовнику: "Он (Распутин) совсем не то, что наши митрополиты и епископы. Спросишь их совета, а они в ответ: 'Как угодно будет вашему величеству!' Ужель я их спрашиваю затем, чтобы узнать, что мне угодно? А Григорий Ефимович всегда свое скажет настойчиво, повелительно"».

Протопресвитер Шавельский именно в связи с Распутиным дал очень жесткую характеристику религиозным чувствам и настроениям Государыни.

«Императрица была очень религиозна, крепко любила Православную Церковь, старалась быть настоящей православной, – рассуждал он. – Но увлекалась она той, развившейся у нас в предреволюционное время, крайней и даже болезненной формой православия, типичными особенностями которой были: ненасытная жажда знамений, пророчеств, чудес, отыскивание юродивых, чудотворцев, Святых, как носителей сверхъестественной силы. От такой религиозности предостерегал Своих последователей Иисус Христос, когда дьявольское искушение совершить чудо отразил словами Св. Писания: "Не искушай Господа Бога твоего" (Мф. 4, 7). Опасность подобной веры воочию доказал пример Императрицы, когда, вследствие такой именно веры, выросла и внедрилась в царскую семью страшная фигура деревенского колдуна, проходимца, патологического типа – Григория Распутина, завладевшего умом и волей царицы и сыгравшего роковую роль в истории последнего царствования. Увлечение царицы Распутиным было совершенно благонамеренным, но последствия его были ужасны. Зловещая фигура Распутина высокой стеной отделила царицу от общества и расшатала ее престиж в народе, к которому, вследствие болезненного состояния, она не смогла близко подойти и которого она не сумела как следует узнать. С течением времени, в особенности в последние предреволюционные годы в характере Императрицы стали все ярче выявляться некоторые тяжелые черты.

При все возраставшей экзальтированной набожности, у ней, под влиянием особых политических обстоятельств и семейной обстановки, как будто все уменьшалось смирение…»

Шавельский был человеком близким ко Двору и знал Государыню не понаслышке, и все же его суждение характеризует не столько подлинную царицу Александру Федоровну, сколько те представления, которые бытовали в высшем свете, шокированном интересом образованной европейской женщины к темному

мужику и искавшем этому интересу свое объяснение.

«По словам некоторых приближенных к Ней людей, Императрица сначала не могла хорошенько усвоить себе его отрывочную речь, короткие фразы мало определенного содержания, быстрые переходы с предмета на предмет, но затем, незаметно, Распутин перешел на тему, которая всегда была близка Ее душе, – писал граф Коковцов. – Он стал говорить, что Ей и Государю особенно трудно жить, потому что им нельзя никогда узнать правду, т. к. кругом Них все больше льстецы да себялюбцы, которые не могут сказать, что нужно для того, чтобы народу было легче.

Им нужно искать этой правды в себе самих, поддерживая друг друга, а когда и тут Они встретят сомнение, то Им остается только молиться и просить Бога наставить Их и умудрить, и если Они поверят этому, то все будет хорошо, т. к. Бог не может оставить без Своей помощи того, кого Он поставил на царство и кому вложил в руки всю власть над народом.

Тут он ввел и другую нотку, также близкую взглядам Императрицы, а именно, что Царю и Ей нужно быть ближе к народу, чаще видеть его и больше верить ему, потому что он не обманет того, кого почитает почти равным Самому Богу, и всегда скажет свою настоящую правду, не то что министры и чиновники, которым нет никакого дела до народных слез и до его нужды.

Эти мысли, несомненно, глубоко запали в душу Императрицы, потому что они вполне отвечали Ее собственным мыслям».

«Императрица была религиозно-мистическая натура <…> и вера в исцеление через молитву имела для Нее большое значение. Только с этой стороны, и только с этой, объясняется влияние на Нее Распутина», – утверждала фрейлина Государыни баронесса С. Буксгевден.

Свое объяснение находили слуги и приближенные Александры Федоровны.

«Государыня относилась к нему, как к святому, потому что Она верила в святость некоторых людей. Она его, наверное, уважала», – показывал на следствии камердинер Волков.

«Помню, что однажды я высказала Ее Величеству свое некоторое сомнение в личности Распутина, – свидетельствовала камер-юнгфера Государыни Мария Густавовна Тутельберг. – Я сказала Ее Величеству, что Распутин простой, необразованный мужик. На это Ее Величество мне сказала: "Спаситель выбирал Себе учеников не из ученых и теологов, а из простых рыбаков и плотников. В Евангелии сказано, что вера может двигать горами", и, показывая на картину исцеления Спасителем женщины, Ее

Величество сказала: "Этот Бог и теперь жив. Я верю, что Мой Сын воскреснет. Я знаю, что меня считают за мою веру сумасшедшей. Но ведь все веровавшие были мучениками».

Эти воспоминания неслучайные. Они свидетельствуют о том, что императрица, видя нечто необычайное в личности сибирского крестьянина, доверяла своему чутью больше, чем оценкам самых близких ей людей.

«Когда до меня стали доходить слухи о том, что Распутин не таков, каким он кажется, что в частной жизни он ведет себя не так, как в царской семье, я предостерегала свою сестру, но она заметила мне, что этим слухам не верит, что она считает эти слухи клеветой, которая обычно преследует людей святой жизни…» – говорила родная сестра Государыни Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

Очень возвышенно, с придыханием, обрисовал отношение царицы к сибирскому крестьянину князь Жевахов:

«В Своем отношении к Распутину Императрица стояла на такой же высоте, на какой стояла вся "Святая Русь" пред келией старца Амвросия Оптинского или хибаркою преподобного Серафима… В этих отношениях находила свое лучшее выражение вся красота нравственного облика Императрицы, Ее глубочайшая вера, Ее смирение, преданность воле Божией… Эта черта, свойственная только русскому человеку, ищущему, в момент душевной боли, общения со святыми людьми, старцами и подвижниками, вместо того, чтобы "рассеяться" и бежать в гости, или в театр, так глубоко бы сроднила Императрицу Александру Феодоровну с русским народом, если бы между Нею и народом не была воздвигнута врагами России и династии стена, скрывавшая Ее действительный облик, если бы целая армия, в миллионы рук, не трудилась бы над этой преступною работою… Не вызывал сомнения у Императрицы Распутин еще потому, что составлял именно то явление русской жизни, какое особенно привлекало Императрицу, видевшую в его лице воплощение образов, с коими Она впервые ознакомилась в русской духовной литературе.

Этот тип "печальников", "странников", "юродивых", обнимаемых общим понятием "Божьих людей", был особенно близок душе Императрицы. Короче говоря, Императрица Александра Феодоровна была не только Русскою Императрицею, но и Русскою женщиною, насквозь проникнутою теми свойствами, какие возвеличили образ русской женщины и возвели Ее на заслуженный пьедестал.

И с этого пьедестала Императрица не сходила и выполнила Свой долг пред Россией, пред церковью и личной совестью до конца. И если, тем не менее, Она не была понята русским

народом, то только потому, что была не только выше общего уровня Своего народа и стояла на такой уже высоте, какая требовала духовного зрения, чтобы быть заметной».

Более прозаическое и трезвое суждение об Императрице и ее отношении к Распутину оставил встречавшийся с ней в 1908—1909 годах митрополит Вениамин (Федченков):

«В это время мне пришлось увидеться с царицей. Дело было так. Я давно мечтал об этом. Еще бы! Увидеть царя и царицу, говорить даже с ними! При моем воспитании какое это счастье, и я через Григория Ефимовича попросил царицу назначить мне свидание. Оно должно было состояться у преданной царскому дому фрейлины В. Но с нашим поездом в Царское село случилось маленькое крушение, и я опоздал на час или два. Поэтому был принят уже во дворце. Царица вышла в серо-сиреневом платье. После приветствия она начала разговор, поразивший меня крайним пессимизмом ее.

– Ах, как трудно, как трудно жить! Так трудно, что и умереть хочется!

Боже мой! А я-то ждал солнечного очарования от царицы… Вместо же этого она еще сама жалуется мне на невыносимое горе. Конечно, это только делало честь ее скромности и доверию ко мне, маленькому человеку… Но больше отозвалось жалостью в сердце моем.

– Как умереть? Вы же царица, вы супруга царя, мать наследника, как же умереть?

– Ах, я знаю, я все это знаю! Но так трудно, так трудно, что умереть легче!

Не знаю до сих пор, как я в тот момент не бросился от жалости в ноги ее. Почему я не плакал? Ведь мне и обычное горе людское перенести трудно, а тут царица, и почти в отчаянии! Слишком неожиданно было все это.

Потом она начала говорить о Григории Ефимовиче: какой он замечательный, какой святой, какой благодатный! Вот тут я собственными ушами услышал и с очевидностью убедился, как возвышенно смотрела на него царица. Меня удивило только то, что она выше меры отзывалась о нем! Я попытался было несколько смягчить и ослабить такой восторг ее, но это было совершенно бесполезно.

Потом от Григория Ефимовича она перешла к русскому народу вообще и стала отзываться о нем с любовью, какой он хороший в душе и верующий.

– На Западе уж нет ничего такого подобного!

Уезжал от нее я с непонятной мне тоской…»

Странное, но точное признание. Уже в ту пору Императрица

была сама подвержена не просто меланхолии, но болезненной тоске, которая, очевидно, передалась и молодому Вениамину, ожидавшему увидеть во главе Империи совсем другую женщину. Но в нем говорило сочувствие, сострадание, в то время как очень многие из окружавших Александру Федорову испытывали одно чувство – злорадство. Это несомненно мучило ее. С годами душевное состояние русской царицы не просветлялось, но становилось еще более тягостным.

«Во Дворе себе свило гнездо страшное суеверие… Государыня, недавно принявшая православие, находилась без опытного духовного руководства, превысила меру в своем духовном искании и подчинилась власти суеверия… – рассуждал архиепископ Антоний (Храповицкий). – Подобное явление есть типичная прелесть… Государь, согласившись на учреждение Государственной Думы, прекрасно понимал, что Россия идет к гибели, и, чувствуя постоянную опасность, также подчинился власти суеверия… Влияние Распутина упрочивалось благодаря тому, что во дворец проникли теософические взгляды на переселение душ, которые будто остаются возвышенными и святыми, и святыми даже при отрицательных поступках их носителей. Поэтому сведения о разгулах и разврате Распутина не могли поколебать доверия к нему, как к носителю какой-то мистической силы».

Несколько иначе расставил оценки и менее резко выразил свое мнение о той ситуации современный историк Церкви, священник Георгий Митрофанов. Отвечая на вопрос: «Был ли все-таки Распутин православным старцем, пусть и очень неординарным?» – он сказал так:

«В Царскую Семью старцев приводили не раз – Царица искала представителя народной религиозности. Ну что это – придворное духовенство, а вот народ – это подлинное, – ей живой веры хотелось. Но эти старцы приходили и уходили. Распутин же сказал, что вот я помолюсь, и царевичу Алексею легче будет. И действительно, мальчику становилось лучше. У нее возникло ощущение, что Распутин должен быть постоянно рядом, чтоб он в любой момент помог».

Тут нужно обратиться к самой личности Императрицы Александры Федоровны. Она, немка, лютеранка по воспитанию, очень быстро приняла православие – причем не формально только, внешне. Но недаром она была еще и доктором философии. В сознании у нее возникает мифологема о Царе и Пророке, которая могла возникнуть так быстро только в голове у иностранца. Будто в России сохраняется самобытная форма государственности, первоначальная теократия, когда помазанный

на царство Государь правит православным народом, но связи Царя и народа мешают аристократия и бюрократия. А пророк – это вот этот самый русский мужик, старец, которого все поносят, от которого все шарахаются. Ей же, как матери, открыта эта тайна. Господь привел к ней из народной среды человека: невежественного, малограмотного, но который обладает такой силой веры, что даже облегчает страдания царевича. Значит, через этого народного подвижника Господь может и исцелить ее сына.

Поэтому же с Распутиным надо советоваться по разным вопросам, в том числе государственным, кадровым».

«Когда я смогу увидеть нашего дорогого Друга, я буду очень счастлива», – писала Императрица старшей дочери Ольге в январе 1909 года.

«Мое милое сокровище, мой любимый, благослови и храни тебя, Господь. Молитвы Гр. охраняют тебя в твоем путешествии, его заботам я предаю тебя», – обращалась она в письме к мужу 6 октября 1909 года.

«Дни такие длинные и одинокие. Когда голова у меньше болит, я выписываю себе изречения нашего Друга, и время проходит быстрее», – рассказывала в письме к Государю во время Великой войны, ни разу за одиннадцать с лишним лет пребывания Распутина при Дворе в своем друге и его мыслях не усомнившись.

Что же касается того, как относился к Распутину сам русский царь, единой точки зрения среди мемуаристов по этому вопросу нет. Одни писали, что Николай терпел Распутина только ради Царицы и их больного сына, другие, напротив, полагали, что и для него лично Распутин значил много. Известен разговор Императора с фрейлиной Софьей Ивановной Тютчевой в передаче последней:

«– Так вы не верите в святость Григория Ефимовича? – спросил Государь.

Я отвечала отрицательно.

– А что вы скажете, если я вам скажу, что все эти годы я прожил только благодаря его молитвам?»

Разумеется, фрейлина могла вольно или невольно ошибаться в своих показаниях, но и дневниковые записи Государя говорят о том, что общение с Распутиным в какой-то мере утешало его. Пусть не так сильно, как Императрицу, но все равно приносило отдохновение. И надо признать, что дар утешения у Распутина был.

Митрополит Вениамин, один из самых надежных и проницательных свидетелей в истории с Распутиным, вспоминал:

«Как относился к нему сам государь, я не имею окончательного мнения. Некоторые думают, что он терпел все лишь ради царицы и сына и не мог поступить против более сильной воли царицы. А есть основание предполагать, что и он любил Григория. Ведь и он был человек, нуждавшийся в утешениях и советах, и он был верующим в Бога и Божиих людей. Вероятнее всего, у него сочетались обе причины: личная нужда в советнике и влияние царицы».

«Само собою разумеется, что Распутин, коему предшествовала громкая слава "старца", имя которого гремело в Петербурге и о котором Государь постоянно слышал восторженные отзывы от окружающих, в том числе от иерархов и даже Своего духовника, произвел на Государя сильное впечатление, – на свой лад объяснял феномен Распутина князь Жевахов. – Неизбалованный любовью общества, видя вокруг Себя измену и предательство, тяготясь придворного сферою, с ее ложью и лукавством, Государь сразу же проникся доверием к Распутину, в котором увидел прежде всего воплощение русского крестьянства, какое так искренно и глубоко любил, а затем и "старца", каким его сделала народная молва. Такому впечатлению способствовала, конечно, и манера Распутина держать себя. Я подчеркивал уже эту манеру, когда говорил, что Распутин совершенно не реагировал на окружающую обстановку, которая нисколько его не связывала, и держал себя совершенно свободно, не делая различия между людьми. Сопоставляя отношение к Себе со стороны придворных кругов, проникнутых единственной целью произвести выгодное впечатление на Государя и, в стремлении достигнуть эту цель, не брезгавших никакими средствами, Государь невольно делал вывод в пользу Распутина, усматривая в его угловатости и даже бесцеремонности лишь выражение его простодушия и искренности. Идеология Распутина была, конечно, несложной и заключала в себе обычные представления русского крестьянина о Боге-Карателе и Царе – источнике милости и правды. Любовь Распутина к Царю, граничившая с обожанием, была действительно непритворной, и в признании этого факта нет противоречий. Царь не мог не почувствовать этой любви, какую оценил вдвойне, потому что она исходила от того, кто являлся в Его глазах не только воплощением крестьянства, но и его духовной мощи… Да и не было у Государя оснований отнестись к Распутину иначе. Менее всего мог Государь предполагать, что те люди, которые ввели Распутина во Дворец, умышленно наделили его теми качествами, которых он не имел! Дальнейшее поведение Распутина при Дворе только укрепило его позицию, ибо он не злоупотреблял доверием Государя, а,

наоборот, увеличивал его, проявляя изумительное для крестьянина бескорыстие, отказываясь от Царских даров и всяких привилегий, с единственною целью не поколебать в глазах Государя позиции "старца", на которой стоял и с которой во Дворце никогда не сходил. С этой целью Распутин и воздерживался от политического общения с Государем, опасаясь выходить за пределы религиозной сферы, отведенной "старцу". Между Государем и Распутиным возникла связь на чисто религиозной почве. Государь видел в нем только "старца" и, подобно многим искренно религиозным людям, боялся нарушить эту связь малейшим недоверием к Распутину, чтобы не прогневать Бога. Эта связь все более крепла и поддерживалась столько же убеждением в несомненной преданности Распутина, сколько, впоследствии, и дурными слухами о поведении Распутина, которым Государь не верил, как потому, что они исходили от неверующих людей, так и потому, что они неслись из Государственной Думы, удельный вес которой, понятно, не мог быть высоким в глазах Государя…»

Несмотря на некоторую витиеватость, обтекаемость, очевидную неполноту и подчеркнутую бесконфликтность этих рассуждений, своя логика в них была, а кроме того, имеются подтверждения из других источников. В воспоминаниях М. В. Родзянко встречаются слова Николая Александровича, которые тот сказал дворцовому коменданту Дедюлину и которые любят цитировать все без исключения поклонники Распутина, выдергивая фразу царя из контекста, хотя полностью этот фрагмент выглядит так:

«Мне говорил следующее мой товарищ по Пажескому корпусу и личный друг, тогда дворцовый комендант, генерал-адъютант В. Н. Дедюлин. "Я избегал постоянно знакомства с Григорием Распутиным, даже уклонялся от него, потому что этот грязный мужик был мне органически противен. Однажды после обеда государь меня спросил: 'Почему вы, В. Н., упорно избегаете встречи и знакомства с Григорием Ефимычем?' Я чистосердечно ему ответил, что он мне в высшей степени антипатичен, что его репутация далеко нечистоплотная и что мне, как верноподданному, больно видеть близость этого проходимца к священной особе моего государя. 'Напрасно вы так думаете, – ответил мне государь, – он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно'"».

Похожий ответ содержится и в мемуарах протопресвитера Шавельского, только здесь события относятся к более позднему

времени, и, таким образом, следует признать, что отношение Государя к Распутину не претерпевало серьезных изменений несмотря на отчаянное противодействие со всех сторон.

«В августе или сентябре 1916 года ген. Алексеев однажды прямо сказал Государю:

– Удивляюсь, ваше величество, что вы можете находить в этом грязном мужике!

– Я нахожу в нем то, чего не могу найти ни в одном из наших священнослужителей.

На такой же вопрос, обращенный к царице, последняя ответила ему: "Вы его (то есть Распутина) совершенно не понимаете", – и отвернулась от Алексеева».

А что же Распутин? Только ли лицемерил, пользовался чужим доверием и обманывал, как полагали очень и очень многие? И прав ли был хорошо Распутина изучивший «профессионал» – директор Департамента полиции С. П. Белецкий, когда показывал на следствии 1917 года: «Я хотел сказать о страшно сильной его воле, которую он в себе воспитывал, о том, как он действовал на Государя; я знаю, что он иногда даже кулаком стучал. Это была борьба слабой воли с сильной волей. Этот человек ходил по гостиным лучше, чем другой царедворец, он понимал и учитывал все людские слабости, на которых мог играть. Это был очень умный человек».

Едва ли все дело только в этом. И Государь не был настолько слабоволен, и Распутин не настолько умен и хитер. Скорее в нем была очень развита интуиция. Но при этом он был и по-своему искренен и действительно любил Царскую Семью. К этой любви, возможно, примешивалась и прямая выгода, но не только она. Никаких оснований полагать реального Распутина злым и корыстолюбивым гением русских Царя и Царицы, каким изобразил его, например, автор известной книги «Николай и Александра» Р. Мэсси, у нас нет. И когда крестьянин писал в своем дневнике, не поддельном, а настоящем дневнике, даже не дневнике, а записях, хранящихся в Российском историческом государственном архиве, следующие корявые строки, то писал их от сердца: «Как знают весь мир, что у нашева батюшки царя тонкой филосоской разум и чуство разума охватывает в один мик всю жизнь Расеи, доброта в очах, и все готовыя слезно готовы свою жизнь одать – не то, что он царь, а в очах ево горит любовь и остроумная кротось, та и надежда, что ево любят и враги ево, пристол не оскудеет. Как помажанник божей для всей простоты народа труды ево уже извесны всем, как ему приходитца не спать и советыватца».

И дальше в том же духе, но теперь уже не про Царя, а про

Царицу и ее достоинства – сочинение не столько глубокомысленное и оригинальное, сколько исключительно верноподданное, хотя и чересчур слащавое. «И она, слабая здоровьем от любви Росеи за пятой год. Древняя времена былыя, так и у нас матошка царица только и занята дочками и воспитаньем своево сыночка Беликова наследника Олексея Николаевича. Вот и доказательство воспитанья – как в нем горит любовь, как сонце, к народу, и взаимно любят и ево, и весь мир в трепенте и не знают, отчево к нему тянет обоянье. Вопли любви, воспитанье благочести очень просто объяснить: блажен муж, которой не ходит на совет нечестивых, так и далее. Кругом ево простота, и в простоте опочует бох, потому и не по годам в ним царит идияльный ум, он не только зглядом, а своим присутсвеем пробивает слезы».

За этой слащавостью и несколько деланым мужицким простодушием просматривалась определенная идея. Распутин хорошо видел и сильные и слабые стороны Императрицы. Схватывал ли он это своим природным умом, рассказывала ли ему Вырубова или сама Александра Федоровна, но полуграмотный крестьянин знал, что у Государыни плохо складываются отношения с придворными кругами, как знал и то, что Царица очень хорошая мать. («Императрица замкнулась в семью, мать в ней заслонила царицу. Как царица, она показывалась поневоле, в случаях крайней необходимости. Жизнь ее заполнялась главным образом семейными развлечениями и религиозными переживаниями», – охарактеризовал ее Шавельский.) И намеренно или нет, но так получалось, что укрепляя, поддерживая, подчеркивая ее правоту, в противовес мнению «света», человек из народа писал: «Что нам до тово, инпиратрица не была у какой-то княгини на обеде – пусь она и будет в обиде, сомолюбие ее страдает, – она со своим деткам занимается. Ето уж гритово дело. Например, у большой княжны Ольги Николаевны прямо царствоючи очи и кротось и сильно разум безо всяких поворотов – может править страной своей воспитанной светлостью. Весь мир понял воспитанья доброва ндрава и любовь к родине и к матушке церькве и ко всему к светому, как одна, так и другая, и одна за одной воздают чесь ко всем, даже ис ниских нянь, к батюшкам, и ко всем прислужившы к ним. Давай бох, чтобы осталось воспитанье родителей и на всю жизь, так как оне не одной мамоньке и папиньке детки, а всей Расеи. И все трепещут и говорят о воспитателе дорогова царевича Олексея Николаевича: давай бох веруючева православной церьквы. Так он уж воспитан в ней. Трудно будет тому воспитывать, что не питает любви к церькве, – он научит

воспитателя любить храм».

Для царицы эта похвала – своего рода *voxpopuli*[13] – значила больше всех пересудов, и Распутина она вводила в святая святых – в воспитание дочерей, ставя своего Друга им в пример и превращая его в своеобразный педагогический эталон.

«Прежде всего, помни, что ты должна быть всегда хорошим примером младшим, только тогда наш Друг будет тобой доволен», – писала она старшей дочери Ольге 11 января 1909 года. И ей же 16 февраля: «Учись послушанию, пока ты еще мала, и ты приучишься слушаться Бога, когда станешь старше; мы должны слушать Друга, а это часто очень трудно, но нас приучают к этому в детстве».

Распутин был даже в курсе сердечных увлечений Великой Княжны.

«Я хорошо знаю о твоих чувствах к… бедняжке, – писала ей мать 6 декабря 1910 года. – Старайся не думать о нем слишком много, вот что сказал наш Друг».

Если исходить из того, что сибирский странник был совсем не таким человеком, каким он представлялся Государыне, и его вводящая в соблазн репутация имела под собой основания, можно сделать вывод, что привлечение его к воспитанию царских дочерей было не только ошибкой, но и прямым преступлением. И по Двору стали ходить слухи о том, что странник входит в комнаты к царским дочерям, когда те не одеты, или того больше – купает их в ванной. Дело тут не только в том, что это чушь и клевета. Четыре Великие Княжны и Наследник – и сегодня этого не станут отрицать ни самые яростные противники Распутина, ни те, кто недоброжелательно относится к Государю и Государыне – были образцом христианского воспитания, и общение с Распутиным, пример Распутина, беседы с ним – все это никакого вреда их душам не принесло. Эта святыня была непоругаема. И соглашайся или не соглашайся с тем, что Распутин поворачивался к Царской Семье лучшей стороной своей души, для Великих Княжон он точно умел находить удивительные слова:

«Дорогая жемчужина М! – писал он Великой Княжне Марии Николаевне. – Скажи мне, как ты беседовала с морем, с природой. Я соскучился о твоей простой душе. Скоро увидимся. Целую крепко. Дорогая М! Дружочек мой! Помоги вам Господь вынести Крест с премудростью и веселием за Христа. Этот мир как день, вот и вечер. Так и мир суета».

«Миленькие дети! Спасибо за память, за сладкие слова, за чистое сердце и за любовь к Божьим людям. Любите Божью природу, все создание Его, наипаче свет. Матерь Божья все занималась цветами и рукодельем».

Кто бы ни подвергал литературной обработке его мысли, в них слишком хорошо чувствуется тот самый человек, о котором писал митрополит Вениамин: он был точно натянутая струна, лицо, обращенное ввысь…

И все же после тревожных сигналов, идущих из окружения либо Столыпина, либо Великой Княгини Елизаветы Федоровны, для проверки доказательства или же опровержения слухов о недостойном поведении Распутина-Нового в Покровское было отправлено два «царских посольства». Одно из них возглавил епископ Феофан, другое – Вырубова. Какое из них было раньше, сказать трудно, но если исходить из того, что Царица более доверяла Вырубовой, то логично предположить, что она первая и поехала. Ричард Бэттс датирует миссию Вырубовой 1908 годом, А. Амальрик – 1909-м.

«Хотя, как я сказала, Ее Величество доверяла ему, но два раза она посылала меня с другими к нему на родину, чтобы посмотреть, как он живет у себя в селе Покровском. Конечно, нужно было выбрать кого-нибудь опытнее и умнее меня, более способного дать о нем критический отзыв; я же поехала ни в чем не сомневаясь, с радостью исполняя желание дорогой Государыни, и доложила, что я видела, – писала Вырубова в мемуарах. – Поехала я со старой г. Орловой, моей горничной и еще двумя дамами. Мать, разумеется, меня очень неохотно отпускала. Из Тюмени до Покровского ехали 80 верст на тарантасе. Григорий Ефимович встретил нас и сам правил сильными лошадками, которые катили нас по пыльной дороге через необъятную ширь сибирских полей. Подъехали к деревянному домику в два этажа, как все дома в селах, и меня поразило, как зажиточно живут сибирские крестьяне. Встретила нас его жена – симпатичная пожилая женщина, трое детей, две немолодые девушки-работницы и дедушка-рыбак. Все три ночи мы, гости, спали в довольно большой комнате наверху, на тюфяках, которые расстилали на полу. В углу было несколько больших икон, перед которыми теплились лампады. Внизу, в длинной темной комнате, с большим столом и лавками по стенам обедали; там была огромная икона Казанской Божьей Матери, которую они считали чудотворной. Вечером перед ней собирались вся семья и "братья" (так называли четырех других мужиков-рыбаков), все вместе пели молитвы и каноны.

Водили нас на берег реки, где неводами ловили массу рыбы и тут же, еще живую и трепетавшую, чистили и варили из нее уху; пока ловили рыбу, все время пели псалмы и молитвы. Ходили в гости в семьи "братьев". Везде сибирское угощение: белые булки с

изюмом и вареньем, кедровые орехи и пироги с рыбой. Крестьяне относились к гостям Распутина с любопытством, к нему же безразлично, а священники враждебно. Был Успенский пост, молока и молочного в этот раз нигде не ели; Григорий Ефимович никогда ни мяса, ни молочного не ел. По возвращении я рассказывала всё, что видела"».

Сомневаться в искренности Вырубовой в данном случае не приходится: одно упоминание о безразличии к Распутину крестьян и враждебности священников (это место было использовано в приложении к докладу митрополита Ювеналия на Архиерейском соборе осенью 2004 года) уже свидетельствует об определенной объективности мемуаристки и отсутствии стремления что-либо приукрасить. Но если миссия Вырубовой убедила Царицу, то едва ли могла убедить ее окружение и тот слой людей, который со времен Пушкина повелось называть «светской чернью».

В высшем свете Распутина приняли в штыки. И даже не самого Распутина, но факт его существования при Дворе. Это следует из дневника генеральши А. В. Богданович, той самой, которая так методично записывала все гадости про Царицу Александру Федоровну и Вырубову, а теперь добралась и до их друга.

«Интересную, но и тревожную вещь рассказал сегодня Радциг, – записала Богданович 5 ноября 1908 года. – У Вырубовой огромная переписка, а письменные принадлежности всегда в большом беспорядке. Горничная ее всегда в поисках за бумагой и конвертами. Радциг сказал этой горничной, что у него канцелярия в порядке, много всего и он всегда может снабдить ее всем ей нужным. Ради этой любезности между Радцигом и горничной завязались добрые отношения, горничная пошла на откровенности. Радциг ей сказал про Вырубову, что она хорошая серьезная женщина. На это горничная начала хохотать и сказала, что она покажет ему такие фотографии, которые разубедят его в его мнении. Оказывается, что Вырубова дружит с каким-то мужиком, да еще и с монахом. И вот фотографию, на которой она снята, сидящая рядом с мужиком, и принесла горничная. Радциг глазам своим не поверил, когда это увидел. У этого мужика зверские глаза, самая противная, нахальная наружность. Эту фотографию Вырубова не держит открыто на столе, а лежит она у нее в Евангелии. И что еще печальнее, что и мужик, и монах бывают у Вырубовой при царице, когда она посещает Вырубову. Этому мужику Вырубова собственноручно сшила шелковую голубую рубашку. Часто бывает он у Вырубовой в Царском, но пока еще во дворец не показывался. В Петербурге живет он на

Греческом проспекте».

Тут обращают на себя внимание не столько факты (весьма отстающие от действительности – во дворце к тому времени Распутин был уже принят), сколько те способы, которыми эти факты добывались – шпионаж, сплетни, интриги… И это при том, что семья Богдановичей и их кружок считались монархическими, и характерно, что монархически настроенный (по крайней мере на словах) генерал В. Ф. Джунковский писал о генерале Богдановиче и его супруге: «…а перед женой его не мог не преклоняться. Разочаровался я в ней далеко позднее, прочтя ее дневник, изданный уже после революции».

Но тревогу о Распутине забили не только великосветские сплетницы, не только сыщики и высокие гражданские должностные лица, забеспокоилось и духовенство, которое чувствовало свою ответственность за то, что происходило во дворце и в душе Государя и Государыни.

«Его святейшество Владимир[14] пожелал говорить со мной. Епископ говорил о каком-то юродивом Григории, простом крестьянине, которого ввела к императрице Александре Федоровне Милица и который, по-видимому, имеет большое влияние на окружение царицы, – записал в дневнике 17 января 1910 года Великий Князь Константин Константинович романов (К. Р.). – Я был неприятно удивлен, что епископ коснулся предмета, нам совершенно чуждого и такого, в котором крайне трудно установить, где кончается правда и начинаются слухи».

«А дальше пошли слухи о его личной жизни. Доходили они и до нас с о. Феофаном, но он долго не верил им, а я уже начал сомневаться. Прежнее очарование от Григория стало слабеть и у нас… – вспоминал митрополит Вениамин (федченков). – Потом постепенно начали вскрываться некоторые стороны против Распутина. Епископ Феофан (он тогда был уже ректором Академии) и я увещевали его изменить образ жизни, но это было уже поздно, он шел по своему пути. Епископ Феофан был у царя и царицы, убеждал уже их быть осторожными в отношении Г. Е., но ответом было раздражение царицы, очень чувствительно отразившееся на здоровье ее.

Потом выявились совершенно точные, документальные факты, епископ Феофан порвал с Распутиным. По его поручению я дал сведения для двора через князя О., ездил к другим, но нас мало слушали, он был сильнее. Тогда царь затребовал документы; часть их была передана епископом Феофаном мне на хранение. И я, сняв с них копии, отвез в Петербург, митрополиту Антонию для передачи царю. Ничто не изменило дела. Пытался воздействовать Санкт-Петербургский митрополит Владимир, но без успеха, был

за то (как говорили) переведен в Киев… Обращались к царю члены Государственного совета – напрасно. Впал в немилость за то же и новый обер-прокурор Синода А. Д. Самарин, очень чистый человек. Отстранен был и Л. А. Тихомиров, бывший революционер-народоволец, а потом защитник идеи самодержавия и друг царя.

Собралась однажды группа интеллигентов написать "открытое письмо" царю, но Тихомиров убедил их не делать этого: "Все бесполезно! Господь закрыл очи царя, и никто не может изменить этого. Революция всё равно неизбежно придет, но я, – говорил он, – дал клятву Богу не принимать больше никакого участия в ней. Революция – от дьявола. А вы своим письмом не остановите, а лишь ускорите ее. Моей подписи не будет под письмом". Группа согласилась с ним, и письмо не было выпущено. Возмущение против влияния Распутина все росло, а вместе с тем росли и нападки на царский дом».

То, о чем пишет митрополит Вениамин, подтверждается и теми лицами, которых он упоминает.

«Этот Григорий Распутин – развратный и жадный "блаженный старец" (он молод, вряд ли больше 40 лет), но обладает какой-то гипнотической силой чарования, будто бы угадывает мысли и даже "будущее", – записывал в дневнике 25 марта 1910 года Л. Тихомиров, убежденный монархист, но в отличие от генеральши Богданович не склонный к злорадству и интригам. – Вместе с этим он отчаянный "черносотенец", так что сами же "черносотенцы" и рекомендовали его. Это особенно грех епископа Феофана, ректора СПб. академии. Теперь он расчухал, что за штучка Григорий, да уже поздно. Влияние Гришки оказывается сильнее его.

В Петербургском высшем свете – у Танеевых, у Пистолькорс и т. д. – Гришка свой и обожаемый человек. Он действует на чувственность женщин, приучая их к "ангельской чистоте"… Делает мерзости…

Я видел его фотографию: мерзкая рожа с поразительными глазами. Должно быть, в этих глазах страшная сила.

Но какое ужасное время! Какая гниль мистического разврата перемешана с тупым неверием и развратом материалистическим. И вся эта грязная тина обволакивает людей до самых верхов».

Тихомиров начал бороться с Распутиным не только в дневниковых записях, но и через правую газету «Московские ведомости», главным редактором которой он был в 1909—1913 годах. Именно в этой газете (примечательно, что раньше редактором ее был руководитель Русской монархической партии, которая впоследствии сомкнулась с «Союзом русского народа», В.

А. Грингмут) стали появляться статьи М. А. Новоселова, направленные против Распутина. В нынешних апологетических книгах, посвященных Григорию Распутину, а также в ряде воспоминаний современников Новоселов пренебрежительно и незаслуженно называется «неким специалистом по делам сектантства» (О. А. Платонов) или того хуже – «эпигоном антицерковных воззрений» (А. Н. Боханов).

А между тем это был человек поразительной судьбы.

«Если бы мне поставили задачу найти человека, ярко выражающего русский характер, я бы без колебания указала на Михаила Александровича, – писала хорошо знавшая Новоселова будущая жена Михаила Пришвина – Валерия Дмитриевна Лиорко. – Был он широко сложен, но благодаря воздержанной жизни легок и подвижен. От природы он был одарен большой физической силой и в молодости славился в Туле как кулачный боец, о чем любил с задором рассказывать.

В его существе разлита была гармония физической и нравственной одаренности, без тени болезни и надрыва».

Валентина Михайловна Лосева, первая жена философа Алексея Федоровича Лосева, хорошо знавшая церковный устав и практику богослужения, писала о том, что в Новоселове было «редкое христианское устроение личности, моральная высота, эрудиция в православной литературе, знание устава службы церковной».

Будущий мученик, епископ катакомбной церкви Марк, ныне канонизированный Русской православной церковью, Новоселов происходил и со стороны отца и со стороны матери из священнического рода. Он закончил с отличием Петербургский университет, в молодости действительно находился под сильным влиянием идей Льва Толстого, состоял с ним в переписке и даже был за распространение нелегальных брошюр Толстого арестован, а впоследствии выслан из столицы под гласный надзор полиции. В Тверской губернии он попытался организовать трудовую колонию (где, в частности, одно время подвизался будущий гонитель Распутина В. А. Маклаков). В тридцать лет Новоселов порвал с толстовством, написав Толстому открытое письмо, и сблизился с Владимиром Соловьевым, но ненадолго. Вскоре после этого он начал выпуск книг «Религиозно-философской библиотеки», и примечательно, что позднее о роли, которую сыграли эти книги в его судьбе, писал митрополит Антоний Сурожский (Блум).

Новоселов был знаком, с одной стороны, с Иоанном Кронштадтским, а с другой – с философами-богоискателями своего времени – Бердяевым, Булгаковым и Розановым, но в

отличие от последних придерживался строго православных взглядов, и, как писал Бердяев, «у него (Новоселова. – *А. В.)* на квартире, которая производила впечатление монастырского общежития, происходили собрания, читались доклады и велись споры. Это была группировка более правая и более ортодоксальная, чем группировка Религиозно-философского общества, связанного с именем Вл. Соловьева, очень непопулярного в Новоселовском кружке. Вокруг М. Новоселова собирались люди истово православные, связанные с монастырями и пустынями, со старцами. Многие подчинили себя духовному руководству старцев, ездили в Зосимову пустынь, которая приобрела центральное духовное значение и заменила Оптину пустынь <…> православие М. Новоселова было консервативное, с сильным монашески-аскетическим уклоном».

«…прямолинеен и непоколебим, весь на пути святоотеческом, и смолисто-ароматных цветов любезной пустыни и фимиама "дыма кадильного" ни на какие орхидеи, ни на какие пленительные благовония царства грез не поменяет; а вне "царского", святоотеческого пути для него все остальные сферы – царство грез, и их горизонты, глубина и прелести – только прелесть (в аскетическом смысле)», – характеризовал Новоселова в письме к В. В. Розанову В. А. Кожевников.

3 августа 1909 года Новоселов писал Ф. Д. Самарину: «Кругом слишком сумрачно, и громы многие слышатся, и волны вздымаются, – а ковчег наш не устроен и требует внимательной, упорной и энергичной работы. Не знаю, как Вы, а я, видя, что "пашни много", в то же время чувствую, что "дня немного впереди", что впереди, как хорошо о себе в последние годы жизни выразился Влад. Соловьев, впереди "прочее время живота". Если бы Вы спросили, около чего вращается теперь моя мысль по преимуществу, если не исключительно, я твердо бы ответил: около души и Церкви. В сущности эти вещи неразъединимы. Так, по крайней мере, у нас в Православии. И это – душа и Церковь – есть то единое на потребу, к чему приложится все прочее, чему приложиться положено волей Божией. Окружающее нас – близкое и далекое – особенно и ценно, и значительно, и поучительно со стороны своего отношения к этому сокровищу, ради которого стоит продать все прочее, чтобы получить его. И хотя нависают тучи и слышны раскаты грома, я все больше и больше, – если хотите – в меру усиления грозы, – чувствую всю несокрушимость того Ковчега, непоколебимость Коего обещана нам Истинным Свидетелем, но тем ответственнее чувствуешь себя за ковчег своей души и за ковчег своей церкви, которые тогда только могут быть в безопасности, когда прикреплены надежно к Ковчегу

вселенскому. Довольно тесное общение, в течение почти 1,5 лет, с протестантствующей молодежью и встреча с заграничными представителями англиканства и баптизма еще больше внушили мне уверенность в несравненной истинности нашей Церкви, несущей в себе предание Духа Истины, и сознание исключительной важности всестороннего служения Церкви. Вот на этом предмете и следует нам всем сосредоточить главные силы».

Вместе с тем, по словам Бердяева, у Новоселова «не было того клерикализма и поклонения авторитету иерархии, которые характерны для правых течений русской эмиграции. Он признавал лишь авторитет старцев, т. е. людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он ни в грош не ставил и рассматривал их как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством».

Последнее свидетельство – при всей бердяевской запальчивости и односторонности подобного суждения о предреволюционном епископате – тем важнее, что иногда противостояние Распутина и Церкви сводят к чисто административной стороне и своего рода духовному бунту против мертвящей буквы (и то же самое говорится и про нынешнее положение дел: за Распутина-де православный народ, а против – «верхушка церкви»). Но Новоселов был меньше всего чиновником или администратором. За его спиной был очень непростой, выстраданный путь к православию, он был тоже своего рода опытным странником и даже одна из книг его называлась «Забытый путь опытного богопознания», а среди героев ее был некий странник, в уста которого Новоселов вложил такие слова:

«Когда при сем я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет, все как будто говорило мне, что существует для человека, свидетельствует любовь Божию к человеку, и все молится, все воспевает славу Богу.

И я понял из сего, что называется в Добротолюбии "видением словес твари", и увидел способ, по коему можно разговаривать с творениями Божиими.

Я также опытно узнал, что значит рай и каким образом разверзается Царствие Божие внутри сердец наших».

Так мог бы написать или под этим подписаться и Григорий Распутин, автор «Жития опытного странника». Едва ли Новоселов тексты Григория Распутина читал, но, будучи человеком глубоко духовным, он мог почувствовать в феномене Распутине пародию на то, что было дорого его сердцу. Кажущаяся близость

«опытности», соединенная с самыми ужасными слухами, которые Новоселов исследовал, которые проверил и в истинности которых убедился, не могла его не поразить. В марте 1910 года он начал в печати борьбу против Распутина, хотя, по воспоминаниям С. Булгакова, еще в 1907-м Новоселов в своих устных отзывах о Распутине выражал «сомнение в мистической доброкачественности этого совершенно особого человека» и «со свойственной ему ревностью о вере начал собирать материалы о нем и готовить печатное его обличение».

Теперь его час пробил: «За последнее время нередко приходится слышать в обществе имя "старца" Григория по фамилии Новых. Фамилия эта лишь недавно была исходатайствована Григорием в замену прежней – Распутин. Можно лишь пожалеть об этой замене, так как первоначальная фамилия находится в большем соответствии с жизнью "старца". <…> Мне достоверно известно, что этот самый "старец" (ему на вид лет 40 с небольшим), эротоман из религиозных якобы побуждений и с религиозными целями, устраивал в бане, несомненно, у себя на родине, а вероятно, и в других местах своеобразные "собеседования" со своими обольщенными его "святостью" поклонницами, причем как сам он, так и эти несчастные, целой группой представали друг перед другом совершенно нагими. Безумие, до которого доходят жертвы этого человека, и обольщение, которому они поддаются не без дьявольского, полагаю, воздействия, простирается до того, что они убеждены по опыту, будто прикосновение к ним Григория сообщает им чувство "ангельской чистоты", что он "возводит их в райское состояние".

Церковь не знает таких путей к Богу, какие рекомендует он, и решительно их отвергает. "Вот ей хорошо со мной, – конкретно пояснил свои слова новоявленный духоносец, прижимая к себе одураченную даму высшего круга, – тут и церковь".

Крестьяне не любят Распутина и называют его "изменником веры православной", "богомолом" и "еретиком". Почитателей у Распутина в селе нет. Есть только три-четыре человека. Дома живет мало, большею частью ездит по России. На вопросы, где чаще бывает и зачем ездит, Распутин отвечал: "Езжу с друзьями видаться в Казань, Москву, Петербург, Киев". Во время обыска при следствии у него было найдено много писем и телеграмм от почитателей и почитательниц, даже высокопоставленных особ, с просьбами скорее посетить их. Распутин знакомствами этими дорожит и любит хвастать, как высочайшие особы принимают его и благотворят ему».

Фактически именно Новоселов стал застрельщиком той

общественной оппозиции, которая по отношению к Распутину сложилась и заявила о себе в 1909—1910 годах. Говоря об этом правом антираспутинском фронте, надо сказать и о самом главном редакторе «Московских ведомостей» Льве Александровиче Тихомирове, чья роль и ответственность в борьбе с «распутинщиной» была особенно велика; неслучайно Тихомиров позднее писал в своем дневнике: «…не я ли первый обличил Распутина?»

Причина резко негативного отношения к Распутину Льва Тихомирова, бывшего народовольца, пересмотревшего свои взгляды и ставшего убежденнейшим монархистом, заключалась не только в моральном облике сибирского странника. Григорий Ефимович Распутин удивительным образом воплошал и одновременно с этим опошлял те идеи, которые вынашивал в течение многих лет Тихомиров. Сам факт появления Распутина для тех, кто за его приходом изначально стоял (тех же черногорок, отчасти Феофана и Гермогена), символизировал сближение монарха с народом. В этом смысле было очень важно, что Распутин – крестьянин, который говорит с царями на «ты» и называет Государя «папой», а Государыню – «мамой». Распутин был призван олицетворить определенную идею, но Тихомиров, который от крайнего народничества пришел к монархизму именно по той причине, что увидел истинную народность в самодержавии и православии, Тихомиров, автор книги «Монархическая государственность» и приверженец идей «народного самодержавия», почувствовал в распутинском феномене обман подобно тому, как увидел обман в распутинской «опытности» Новоселов. Сибирский старец как будто издевался над тем, что было для Тихомирова свято и чему он, презрев обвинения в ренегатстве, посвятил свою жизнь. И ни для чего другого, а для защиты монархии он привлек в свою газету Новоселова и начал борьбу с Распутиным. И был… разочарован ее результатом: статья Новоселова не произвела должного впечатления в высших сферах.

«Видел ли ее Государь и как отнесся, неизвестно. Но вряд ли хорошо».

10 апреля 1910 года Тихомиров отметил в дневнике: «Узнал я, что Государь сказал, что ошибся в своих ожиданиях от Л. Тихомирова. В чем причины неизвестно, но можно думать, что виноваты статьи М. Новоселова. Ну уж, как угодно! Не могу я не обличать духовного разврата».

30 апреля 1910 года в «Московских ведомостях» появляется передовица, утверждавшая, что Г. Распутин – хлыст и так как «секта хлыстов по закону гражданскому считается сектой вредною

и недопустимою», содержалось в статье и требование к Синоду рассмотреть это обстоятельство.

Однако результата не было: 13 ноября 1910 года Тихомиров констатировал: «Вчера был у меня проездом Ипполит Гофштеттер с юга в СПб. Рассказывал, что Гришка Распутин "вполне оправдался" перед царем и царицей, был У них и пользуется "громадным влиянием" и "нежной любовью". Ипполитке это по сердцу, он и сам обожатель Гришки… А мне он всю душу перевернул. Не спастись им. "Мани, факел, фарес". Уж какое тут царство с Гришками Распутиными».

Это «вполне оправдался» также косвенно свидетельствует о том, что расследование, которое было проведено Двором, имело для Распутина положительный результат, Тихомиров же мог считать свое дело проигранным. И в его личной судьбе это поражение было тем болезненнее, что оказалось далеко не первым: Государь, которому он хотел служить всей жизнью своего «опытного странничества» (а в известном смысле он был не менее опытен, чем Распутин), его отверг.

В дневнике за 1912 год Тихомиров снова записал переданные ему слова Императора: «Я ошибся в своих ожиданиях от Тихомирова». И также: «Столыпин мне сказал последний раз по поводу нежелания Государя видеть меня: "Да неужто же Вы не знаете, что Государь разгневан на Вас за статьи о Распутине? Это был с Вашей стороны подвиг, но он очень дорого Вам обошелся"».

Отсюда и пессимистический тон тихомировского дневника (за которым стоят не только настроения его автора, но определенного круга людей, чьей поддержки так не хватит престолу в 1917 году): «…С таким императором ничего, кроме революционной "смуты", невозможно»; «на престол взошел "русский интеллигент", не революционного, конечно, типа, а "либерального", слабосильного, рыхлого, "прекраснодушного" типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни»; «Будущего нет не только у меня, но и у дела моего. Царя нет, и никто его не хочет… Церковь… да и она падает. Вера-то исчезает….Народ русский!…Да и он уже потерял прежнюю душу, прежние чувства…»И, наконец, как итог всего: «Самого Государя я глубоко жалею. Это, вероятно, несчастнейший человек в России. Нигде поддержки, нигде опоры. В недрах семьи – больная супруга, страшно нервная, и это влечет за собою какой-то ложный мистицизм, а в его результатах – появление ряда личностей, прямо губящих Трон. Ведь Григорий не первый. Был Филипп, был Папюс. И разговоры, – вероятно, на большой % прямо врагов Трона, разносят по России тысячи сплетней, вероятно, и клеветы. Всё это накопляет впереди – черные тучи. А Государь не находит

сил положить этому конец. По-видимому, он много понимает, много знает, но что из этого, если не хватает воли? А России теперь нужен вождь, гигант. Без этого она не может подняться. <…>».

Стоит также привести еще одну обширную выписку из дневника Тихомирова, относящуюся к Распутину. Здесь Тихомиров ссылается на мнение своего хорошего знакомого Алексея Александровича Нейдгарта, служившего в ту пору в Синоде:

«…он (Нейдгарт. – *А. В.)* считал болезнь глубже – и во всём Русском народе. Россия изменила вере, Богу, она вследствие этого развратилась, и вследствие этого делает то, Что ее еще более развращает, и не делает того, что может служить ее духовному возрождению. Он относился к Государю с жалостью и с любовью: это та кровная дворянская любовь, которая характеризовала и Столыпина. Он не в состоянии был не любить Царя и всегда радовался, когда мог найти в нем что-нибудь хорошее. Но в общем – он был убежден, что такой Царь послан Богом для наказания России, на ее кару. Такого Царя страна получила за всеобщую народную измену Богу. Разумеется – одно из величайших нравственных мучений Алексея Александровича составлял Григорий Распутин. Это – конец. Выше в грехе, ниже в падении нельзя дойти. А за Григорием Распутиным ухаживают, от него ищут протекций, перед ним склоняют[ся] архиереи, и этот позорный человек решает судьбы Церкви. Это было вечное мучение Нейдгарта.

Он, конечно, укорял иерархию в недопустимом сервилизме[15]. Он говорил, что прямо спросит Никона, каков же был его голос при хиротонии[16] Варнавы? Не знаю, спросил ли. <…> Пока Нейдгарт еще верил в созыв Собора и не потерял надежды, что Столыпин прозреет и произведет реформу Думы, – он еще был философски спокоен. Между прочим он постоянно и мне внушал (даже надоедал), чтобы я подал записку Государю об этих двух реформах. Но я ему долго не говорил, что я это и без него сделал, и что сверх того – из-за статей о Григории Распутине – потерял даже и ту небольшую дозу благоволения, которой, по-видимому, пользовался. Это мне положительно заявил сам Столыпин. Впоследствии я должен был открыть Нейдгарту эту тайну, чтобы он не докучал мне безполезными настояниями. Ну, конечно, мой личный эпизод дело маленькое. Мое мнение для Государя Императора, при благоволении или неблаговолении – во всяком случае не могло иметь заметного значения. Есть куча лиц, которым он неизменно благоволит и которых мнение, совершенно справедливо, оставляет без внимания. И дело не во

мне, а в общем ходе событий, который для Нейдгарта все более сгущал сумрак нашей эволюции и погашал всякие лучи надежд на лучшее, с его точки зрения. В результате – в 1913—1914 году Нейдгарт проникся полным пессимизмом и стал быстро дряхлеть даже физически. Он несколько раз говорил мне: «Нас ждет страшная катастрофа. Я даже не знаю, в чем именно она выразится, но Россия рухнет. Я это так ясно вижу, что мне кажется, как будто эта гибель уже совершилась». Он говорил как будто в каком-то созерцании, с такой уверенностью, что невольно пугал меня. <…> [17]».

Параллельно с монархическими «Московскими ведомостями» атаку на Распутина повела кадетская «Речь», а за ней и другие либеральные газеты. Как пишет А. Амальрик:

«С 20 мая по 26 июня 1910 года в "Речи" за подписью "С. В." появилось десять статей о "преступном старце", с упоминанием епископа Феофана, "жертв" Распутина, двенадцати "сестер" в Покровском – все с преувеличениями, путаницей и без доказательств. Одновременно газета писала, что даже по отзывам недоброжелателей Распутин "удивляет всех своим внутренним даром откровения раскрывать людям то, что с ними происходило, и предсказывать будущее". Он – "человек убежденный… строгий и последовательный в своем учении", которое заключается в том, что плоть не может быть критерием греха, но через нее можно достичь религиозного подъема и откровения, так, присутствуя голым среди голых женщин, Распутин вызывает в себе действительно мистический экстаз. Главной же целью газеты было намекнуть на связь Распутина не только с крайне правыми, как Гермоген и Илиодор, но и с неназванными "высокопоставленными лицами". Острие антираспутинской кампании поворачивалось против этих "лиц", то есть против царя и царицы, а затем и против всей государственной системы. Распутин из реального человека превращался в легенду».

О том, как реагировала публика, можно прочитать в уже упоминавшемся дневнике А. В. Богданович, которая прилежно аккумулировала все слухи:

«20 марта (1910). Сегодня много интересного, но грустного, даже возмутительного слышала о Григории Ефимовиче Распутине, этом пресловутом «старце», который проник в «непроникаемые места». Газеты разоблачают этого «старца», но на высоких его покровителей эти разоблачения не производят впечатления, они им не верят, и двери их открыты этому проходимцу.

Слышала, что в Царском Селе все служащие во дворце возмущены против "Ефимова" его нахальством, поведением, но

сильную поддержку он имеет в самой царице. Этого дрянного человека допускают во всякое время во дворец. Когда появилась статья о нем в "Петербургском листке", нянюшка цесаревича, Вишнякова, показала ее царице, но за это получила строгий выговор с угрозой, что ее выгонят. Даже страшно подумать, какое там самообольщение. Недели три назад приехал с докладом Столыпин и прождал полчаса, так как в это время хозяин находился у жены, у которой в спальне сидел этот "блажка". Когда слуга хозяина стал ему говорить, что это – распутный мужик, что горько думать, что хозяин с ним говорит и проч., он получил ответ, что хозяину очень тяжело слушать, что он неверующий, что кощунствует и проч. Так прочно уверовали хозяева Царского в этого "блажку". <…>

Несколько горничных были оскорблены этим "блажкой". Одна из них должна родить, и он открыто говорил, что "Аннушка" (то есть Вырубова) ее ребенка возьмет к себе. И такой человек принят, сидит вместе с хозяином и с ним запанибрата беседует, даже дает ему свои советы!

И это творится в XX веке!»

С этого простодушного и ядовитого восклицания начался знаменитый распутинский «пиар», кампания по дискредитации Григория Распутина, а заодно – или прежде всего – Императорской Четы. Во дворце забеспокоились. В воспоминаниях управляющего комитетом по делам печати в Департаменте полиции А. Бельгорда говорится о том, что вскоре после начала газетной кампании Император выразил премьеру недовольство. Он писал, что «ему, наконец, надоела газетная травля Распутина, что никому не может быть дано право вмешиваться в его, государя, личную жизнь, и что он требует, чтобы этому был положен конец».

Столыпин вызвал Бельгорда, но тот возразил, что это указание не может быть выполнено из-за отмены предварительной цензуры в России. «Даже если бы в газетных статьях о Распутине заключались признаки преступления, мы лишены возможности помешать частичному распространению этих газет, так как арест на газеты может быть наложен только после выпуска их из типографии, а потому известное количество номеров все же успевает разойтись». Тогда было решено собрать редакторов крупнейших газет («Новое время», «Русское слово», «Гражданин», «Речь» и др.) и повлиять на них, чтобы они «закрыли» распутинскую тему. Некоторое время так и было, но очень недолго.

Правые и левые сомкнулись в своем неприятии сибирского крестьянина, подобно тому, как объединились против него

гражданские и духовные лица. Разумеется, можно все свести к масонскому заговору и к часто цитируемому пассажу из воспоминаний М. В. Родзянко о том, что в 1909 году состоялось масонское собрание в Брюсселе с целью дискредитировать при помощи Распутина русскую монархию, «…когда я собирал материал для предстоящего мне всеподданнейшего доклада, я имел в своем распоряжении вырезки из иностранных газет. В них говорилось, что на масонском съезде в Брюсселе, кажется, в 1909 или 1910 году, проводилась мысль, что Распутин удобное орудие для проведения в России лозунгов партии и что под разлагающим его влиянием династия не продержится больше двух лет», – писал в мемуарах Родзянко.

Но и с самим этим съездом много неясного. Некая не названная иностранная газета неизвестно когда напечатала никем не подтвержденную информацию, да и трудно предположить, чтобы достоверная информация о тайных масонских планах сделалась достоянием общественности. Далее Родзянко, которого давно уже дружно записали во враги престола и масоны и которого очень недолюбливал Николай, предупреждает Государя о масонских кознях. И как должен был император ко всему этому относиться? Верить Родзянко? И почему должны верить мы? Но главное даже не это. Когда О. Платонов пишет: «Пока в дело не вмешались масоны, Распутин был известен как благочестивый крестьянин, православный подвижник. После того как в ход была пущена масонская схема, православный подвижник предстал перед обществом в образе распутника, пьяницы, любовника Царицы, многих фрейлин и десятков других женщин», то этот пассаж не соответствует действительности по крайней мере в своей первой части[18]. Упрямые факты говорят: «нападать» на Распутина начали люди, абсолютно от масонства далекие, и в дальнейшем, когда нападки левой печати усилились, правая так и не прекратила борьбу против Распутина. Скорее они соревновались, кто кого перещеголяет[19].

Известный монархист И. Л. Солоневич впоследствии, когда страсти по Распутину приулеглись и проигравшими, выброшенными из России, оказались обе стороны, с горечью писал в статье «За тенью Распутина»:

«За кулисами всякой монархии, всякой республики, всякой человеческой жизни вообще – есть своя скандальная хроника. Скандальной хроники Екатерины Второй хватит еще на добрый десяток писательских и режиссерских поколений. Скандальной хронике Орловых и Зубовых – распутинская, конечно, и в подметки не годится, – однако ни орловская, ни зубовская

хроники для борьбы против престола использованы не были.

Дело не в хронике, дело в тех слоях, которые эту хронику используют. Великосветское общество – и правое, и левое – очень напоминает мне пронырливого фотографа-шантажиста, который забрался в семейный альков, нащелкал там целую серию порнографических открыток и – под угрозой политического шантажа – пустил эти открытки по белу свету. Распутинская открытка оказалась, кроме того, еще и фальшивкой».

Фальшивкой, да не вся, точнее – полуфальшивкой, причудливой смесью правды и лжи. А вот служила ли при этом вольно или невольно российская пресса и, говоря шире, русское общество «еврейскому интернационалу», о чем, в частности, писал и частично оправдывал слепоту общественного мнения князь Жевахов («Как ни велико преступление русского общества, не сумевшего распознать козней интернационала и своими криками о Распутине, вместо того, чтобы замалчивать это имя, содействовавшего успеху преступной работы интернационала, однако, будучи беспристрастньш, нужно признать, что эти козни были действительно тонко задуманы и еще более тонко проведены в жизнь…»), вопрос открытый и едва ли до конца разрешимый.

Князь Жевахов, как уже говорилось, был одним из первых, кто положил традицию видеть вопреки фактам в раздувании и последующем очернении фигуры Распутина исключительно «еврейский след»:

«Над созданием славы Распутина работали невидимые агенты интернационала, имевшие, в лице окружавших Распутина еврейчиков, бойких сотрудников: здесь велась тонкая и очень сложная игра, здесь осуществлялись давно задуманные революционные программы…

Мы еще не знаем, мы даже не догадываемся о тех гениальных приемах, какие пускаются интернационалом в обращение для достижения его целей. Они так же легко превращают ангела в демона, как и демона в ангела; иудейская мораль противоположна христианской и открывает чрезвычайный простор для самых тонких преступлений и злодеяний, имеющих обратную внешность и без промаха попадающих в цель.

Этой тонко задуманной и умело проводимой революционной программы, конечно, никто не замечал. Не замечала ее широкая публика, не замечал и Распутин, даже не догадывавшийся, что являлся намеченною жертвою интернационала».

В ответ на эти рассуждения можно привести фрагмент из статьи «Распутица в церкви» одного из самых главных идеологов русского правого дела, государственника и националиста,

впоследствии расстрелянного большевиками, Михаила Осиповича Меньшикова. Статья его была опубликована в суворинской газете «Новое время», которую затруднительно считать масонской тире либеральной тире еврейской, а если и Меньшиков – орудие в руках хитроумного «интернационала», то кто тогда – нет?

«Григория Распутина я немножко знаю и могу говорить о нем по личным впечатлениям. Этого "святого старца" в разгар его славы, года два тому назад, ко мне привез Г. П. Сазонов. Старец обедал у меня, и мы долго беседовали. Он показался мне, во-первых, не старцем, а сравнительно моложавым мужичком, лет за 40, корявым и некрасивым, хотя он был щеголевато одет по-мещански. Испитое, с мелкими чертами лицо, нервное и тревожное, бегающие глаза, тихий голос не то монастырского служки, не то начетчика-сектанта. Речь отрывиста, с отдельными, иногда загадочными изречениями. Меня поразило сначала, как мог этот полудикий мужичонка из Сибири не только добраться до Петербурга, но вдруг войти в весьма высокопоставленные круги до последних вершин знати. Поговорив с Григорием Распутиным, я убедился, что он может производить впечатление. Это натур-философ со дна народного, человек почти безграмотный, но начитанный в писании, наслышанный, напетый церковностью, как пластинка граммофона, да сверх того с природным экстазом мысли. Некоторые его изречения меня удивили оригинальностью и даже глубиной. Так говорили древние оракулы или пифии в мистическом бреду: что-то вещее развертывалось из загадочных слов, что-то нелепо-мудрое. Некоторые мысли Распутина мне показались близкими к стоической и аскетической философии, а некоторые характеристики общих знакомых – иерархов и высокопоставленных сановников – показались очень тонкими и верными.

В общем, в первый раз он произвел на меня скорее благоприятное впечатление. Мужичок, подумал я, себе на уме, с хитрецой, но натурально – религиозный, способный заражать этой религиозностью и будить от летаргического сна, в котором пребывает, что касается веры, множество православных. Не понравились мне только слишком нарядные сапоги – бутылкой, да то, что Григорий Ефимович прямо от меня ехал к очень уж знатной даме. "Я бы, – говорил он мне, – остался у тебя ночевать, да не могу: все зовут, должен ехать". Показалось странным также, что Гриша целует дам при прощании. Очень уж, подумал я, развязный святой – из тех, что гастролируют по светским гостиным.

Много хорошего о Распутине мне наговорили большие приятели его – писатели Сазонов и Гофштеттер, – последний

казался почти влюбленным в него, возился с ним неделями. Но затем очень быстро со всех сторон стали приходить крайне странные рассказы о Распутине: будто он уличен в распутстве, будто он совращает дам из общества и молодых девушек в ночные радения, будто ходит с ними даже в баню и т. п. Пришло известие, что Распутин потерял наконец доверие известного аскета, епископа Феофана, которым вначале и был выдвинут в Петербург. Называли светскую даму, жену инженера, которая до сумасшествия уверовала в этого корявого мужичка и всюду следовала за ним. Уже взрослая падчерица одного знаменитого публициста тоже ушла за "старцем", и мать ее была в отчаянии[20]. Одна высокопоставленная дама, по слухам, съездила даже в Сибирь, чтобы проверить житие Распутина, и будто бы открыла там весьма скандальные отношения его с разными женщинами. В левых газетах имя Распутина начало греметь как имя пройдохи и шарлатана, каких еще свет не видывал…»

Таким образом, наряду с сектантством главным пунктом обвинения в 1910 году стало не вмешательство в государственные дела, как в более поздний период, а моральный облик царского друга. «Нет Распутина, а есть распутство», – предложил в свое время чеканную формулу еще один русский националист В. В. Шульгин и уточнил: «Распутин есть функция распутности некоторых дам, ищущих… "ощущений". Ощущений, утраченных вместе с вырождением».

Именно эта сторона жизни Распутина во все времена привлекала больше всего общественный интерес, и здесь, пожалуй, наиболее трудно отделить истину от лжи. Но очевидно одно – опытный странник сам давал повод для этих пересудов.

«Все подвижники паче и прежде всего подвизались в хранении целомудрия, ибо только чистые сердцем Бога узрят, – пишет современный катакомбный епископ Дионисий (Алферов). – Блудное падение есть такой смертный грех, который совершенно несовместим с благодатными дарованиями. Блудящий не лишается только одного благодатного дара – возможности покаяния. Церковным выражением этого служат многолетние епитимий за блудные грехи. Поэтому все святые строго удалялись от общения с женским полом, от коротких знакомств с женщинами, даже благочестивыми. Например, М. Анастасий (Грибановский), будущий первоиерарх Зарубежной Церкви, всю жизнь избегал исповедывать женщин. Особенно это касалось высшего развращенного общества, где блуд не считался грехом. М. Антоний (Храповицкий) писал, что по подсчетам

петербургских духовников перед революцией три четверти приходивших на исповедь признавались в плотских грехах. Сколько же было тех, кто на исповедь и вовсе не являлся? Вот вам и город двух революций. И в таком городе молодой мужчина 37—40 лет, причем ранее падавший в грехи, затем женатый, но оставивший жену в далекой Сибири, проводит с женщинами целые дни, то поучая их, то пируя с ними. Возможно ли при этом избежать блудного падения? Любой внимающий своей душе скажет, что нет, и любой духовник, имевший дело с женатыми людьми такого возраста, это подтвердит. Сила духа подвижника явилась бы в том, что он, прежде всего, оставил бы соблазнительное общество, и никто из подлинных святых не пытался бороться со страстью при таких внешних условиях.

И действительно, мы имеем подтверждения, что падения у Распутина были, хотя и не в таких масштабах, как уверяла пропаганда».

Распутин от женского пола действительно никогда не удалялся, скорее наоборот – именно среди женщин находил самых верных приверженок. И так было всегда, начиная от его первой молодости.

Даже если признать ложными и полностью сфальсифицированными воспоминания Матрены Распутиной о первых сексуальных опытах ее отца в книге «Распутин. Почему?», а также ее ссылки на слова, как будто бы им произнесенные: «Как же молиться, когда с ног валит? Есть только одно средство: отложи в сторону молитвы и найди женщину. Потом – опять молись. Бог не осудит. Но наступит время, когда женщина уже не понадобится, когда и самой такой мысли не будет, а стало быть, и искушения. Тогда-то настоящая молитва и начнется <…> Так уж Богом предугадано было, чтобы узнали, какой он, грех, есть. Только меру знай! Я вот и вериги носил, и плетью себя смирял. А ничего. В голове все образы носились. Совсем, думал, надо оскопиться, что ли? А потом решил: не для того Бог мужику дал, что дал, а бабе – бабье… думаю все же, для меры», – то все равно надо признать, что нездоровая слава от юности шла по распутинским пятам.

В материалах Смиттена приведены показания некой Е.А.Казаковой, к которой 29 сентября 1903 года пришел Распутин и стал рассказывать, что он «приглашает в баню молодых девушек и женщин для "полного покаяния" и "закаляет их против страсти", сам же он смотрит на всех людей, как на своих родных».

«В это время я получила частные сведения о том, что Распутин занимается проповедями в деревне, говорит молодым девушкам, что странники ходят по святым местам и разным

людям, прикрываются якобы званием послушников, насилуют девушек и запрещают им говорить об этом. Средством против этих соблазнов, по учению Распутина, являются поцелуи его девушкам до тех пор, пока поцелуи не сделаются противными <…> На следующий, 1904 год весной, в мае месяце, я была со своими дочерьми Екатериной и Марией у Распутина в селе Покровском. Здесь я видела Распутина, окруженного большим числом важных барынь, которые за ним сильно ухаживали, считали его великим праведником, стригли у него ногти и зашивали их себе на память. Барынь этих Распутин, не стесняясь, во время прогулок по селу обнимал и целовал. Он говорил, что стыдиться нечего, так как все люди родные».

«Женщины видали в нем чуть ли не пророка, святого человека. Величали его кто Гришей, а кто Григорием Ефимовичем, – писал начальник царской охраны Спиридович. – Умный мужик скоро освоился с жизнью этого своеобразного бродяжничества и тунеядства и, перейдя с бесед на религиозные темы, на поучения, стал привыкать к вниманию и поклонению. Стал входить в роль. Аудитория женщин, которых число было преобладающим в паломничестве, воспитывала его. Но, среди потребностей духовных, он не забывал и о плотских интересах. Поклонницы не перечили страннику, его любили, и он пользовался ими легко.

Он впадал в грех. И чем сильнее бывали эти искушения, тем горячее хотел он побороть их. Своеобразные были приемы Распутина укрепления в себе силы духа. В одном из женских монастырей Распутин ложился голым на кровать с раздетыми женщинами и, беседуя с ними, старался не соблазниться.

Он рассказывал об этом некоторым из своих друзей, как доказательство, что при сильной воле, духом можно победить плоть, даже при таких сильных соблазнах.

– Ну, а скажи по правде, Григорий Ефимович, разве не случалось, что срывалось? – спросил его приятель.

– Конечно да! братец, срывалось и еще как! – ответил он. Борьба духа с плотью бушевала в нем и Распутин того времени – преинтересный тип русского простолюдина, религиозного, мятущегося, ищущего путей спасения, "срывающегося" и не унывающего в своих исканиях несмотря на неудачи».

«Очутившись в этой среде в созидательную пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже как "Гришка-провидец", ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом невежественным и красноречивым, лицемером и фанатиком, святым и грешником, аскетом и бабником и в каждую минуту

актером, возбуждая в себе любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, вырабатывая в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит с прозорливостью», – писал С. П. Белецкий.

О подобном же говорится и в книге Илиодора (Сергея Труфанова) «Святой черт», и хотя доверять этому памфлету можно с еще большей осторожностью, чем выше процитированному, полностью его игнорировать тоже не резонно. Илиодор был один из тех людей, кто Распутина знал очень хорошо в течение нескольких лет. «Он здесь в бане во время купания рассказывал мне следующее: "Я – бесстрастен. Бог мне за подвиги дал такой дар. Мне прикоснуться к женщине али к чурбану – все равно. Хочешь знать, как я этого достиг? Вот как! Я хотение направляю отсюда, из чрева, в голову, в мозги. И тогда я неуязвим. И баба, прикоснувшись ко мне, освобождается от блудных страстей. И потому-то бабы и лезут ко мне, им хочется с мужиком побаловаться, но нельзя, они боятся лишиться девства или вообще греха, вот они и обращаются ко мне с просьбой снять с них страсти, чтобы они были такими же бесстрастными, как я"».

«Указанное буйство в Распутине <…> ограниченное религиозным порывом и ввиду отказа Распутина от мяса, вина и табака, лишенное привычных выходов, претворилось в страшный взрыв чувственности, вызвало к жизни этого "блудного беса", которого Распутин так охотно выгонял у других и с которым он, по крайней мере, в первый период своей карьеры, отчаянно и безуспешно боролся», – писал Смиттен, довольно своеобразно толкуя свойства человеческой натуры и опровергая именно утверждение Распутина о своей бесстрастности.

О другой банной истории рассказал на следствии в 1917 году Манасевич-Мануйлов, ссылаясь при этом на рассказ самого Распутина: «Будучи в Сибири, у меня было много поклонниц (можно сказать это, потому что это было напечатано) – среди этих поклонниц есть дамы, очень близкие ко двору. Вот, – говорит, – они приехали ко мне туда (то есть в Сибирь), и тогда, – говорит, – они хотели приблизиться к Богу… Приблизиться к Богу можно самоунижением. И вот, я тогда повел всех великосветских дам – в бриллиантах, в дорогих платьях, – повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех их раздел и заставил меня мыть. Вот унизились перед Богом, и этим унижением, так сказать…»

«…мало-помалу гласность росла, стали говорить громко, что Распутин соблазнил такую-то, что две сестры, молодые девицы им опозорены, что в известных квартирах происходят оргии, свальный грех, – писал в мемуарах Родзянко. – В моем распоряжении находилась целая масса писем матерей, дочери

которых были опозорены наглым развратником. В моем распоряжении имелись фотографические группы так называемого "хлыстовского корабля". В центре сидит Распутин, а кругом около сотни его последователей: все, как на подбор, молодые парни и девицы или женщины».

«Окружен он был группой поклонниц, с которыми он находился в связи. Проделывал он свое дело с ними совершенно открыто, нимало не стесняясь. Он "щупал" их и вообще всех женщин, которые допускались до его столовой или кабинета, и когда он или они этого хотели, вел их при всех тут же к себе в кабинет и делал свое дело. Пьяный он чаще сам приставал к ним, когда он бывал трезв, чаще инициатива исходила от них… Часто я слышала его рассуждения, представлявшие какую-то смесь религиозной темы и разврата: он сидел и поучал своих поклонниц: "Ты думаешь, я тебя оскверняю? Я тебя не оскверняю, а очищаю". Вот это и была его идея. Он упоминал еще слово "благодать", т. е. высказывал ту идею, что сношением с ним женщина получает благодать», – показывала на следствии хорошо знавшая Распутина Вера Ивановна Баркова.

На этом фоне выглядят исключением воспоминания еще более высокопоставленных, чем те, кого подразумевал Распутин, дам, двух подруг императрицы: Юлии Ден и Анны Вырубовой.

«Я видела лишь моральную сторону этого человека, которого почему-то называли аморальным. И я была не одинока в своей оценке характера сибирского крестьянина. Мне известно наверняка, что многие женщины моего круга, имевшие интрижки на стороне, а также дамы из полусвета именно благодаря влиянию Распутина вылезли из той грязи, в которую погружались». О каких именно женщинах идет речь, Ю. Ден не пишет, но приводит собственную историю довольно невинного уклонения от супружеской добродетели, что вызвало строгое осуждение ее сибирского друга.

Однажды, когда Юлия прогуливалась по Невскому проспекту с офицером, сослуживцем ее мужа, ей встретился Распутин.

«Он строго посмотрел на меня, а когда вернулась домой, то нашла записку, в которой старец велел зайти к нему. Отчасти из любопытства я повиновалась. Когда я увидела Григория Ефимовича, он потребовал от меня разъяснений.

– А что я должна объяснить? – спросила *я.*

– Сама знаешь не хуже моего. Ты, что же это, хочешь походить на этих распутных светских дамочек?»

Что касается Анны Вырубовой, то ее положение было более сложным, нежели у госпожи Ден. Молва упорно обвиняла Вырубову в том, что она находилась с Распутиным в

противозаконной связи.

«Аня В. была у Ольги сегодня и тоже говорила про Григория, как она с ним подружилась (через Стану) в трудную минуту жизни (во время своего развода), как он ей помог и т. д.

В ужасе от всех историй и обвинений – говорила про баню, хохоча, и про то, что говорят, что она с ним живет! что все падает на ее шею!» – записывала в дневнике Великая Княгиня Ксения Александровна.

В мемуарах Вырубова оправдывала не только Распутина и себя, но вступилась за честь всех женщин, проходивших через село Покровское, квартиру на Гороховой и прочие места обитания опытного странника.

«Существует фотография, которая была воспроизведена в России, а также в Европе и Америке, – писала она. – Фотография эта представляет Распутина сидящим в виде оракула среди дам-аристократок своего "гарема" и как бы подтверждает огромное влияние, которое будто бы имел он в придворных кругах. Но я думаю, что никакая женщина, если бы даже и захотела, не могла бы им увлечься; ни я, и никто, кто знал его близко, не слыхали о таковой, хотя его постоянно обвиняли в разврате. Странным кажется еще тот факт, что, когда после революции начала действовать следственная комиссия, не оказалось ни одной женщины в Петрограде, которая выступила бы с обвинениями против него; сведения черпались из записей "охранников", которые были приставлены к нему.

Я могу дать объяснение этого снимка, так как сама изображена на нем. В первые годы к Григорию Ефимовичу приходили только те люди, которые, как и Их Величества, искали разъяснения по разным религиозным вопросам; после ранней обедни в каком-нибудь монастыре, причастившись Святых Тайн, богомольцы собирались вокруг него, слушая его беседы, и я, всегда "искавшая" религиозное настроение и утешение после вечных интриг и зла придворной обстановки, с интересом слушала необыкновенные беседы человека, совсем не ученого, но говорившего так, что и ученые профессора и священники находили интересным его слушать. Несмотря на то, что он был человек безграмотный, он знал все Священное Писание и его беседы отличались оригинальностью, так что, повторяю, привлекали немало людей образованных и начитанных, каковыми были, бесспорно, епископы Феофан и Гермоген, Великая Княгиня Милица Николаевна и др. Приходили к нему и с разными нуждами, и ищущие утешения. Нужде всякой он помогал, то есть отдавал все, что у него было, и утешал советами и объяснениями тех, кто приходил к нему поделиться своими заботами. Терпеливо

выслушивал разных дам, которые являлись по сердечным вопросам, всегда строго порицая греховные дела.

Расскажу случай с одной моей близкой знакомой, который объяснит, как он смотрел на жизнь, а также его некоторую прозорливость и чуткость – пусть каждый назовет как хочет. Одна молоденькая дама однажды при мне заехала к Григорию Ефимовичу по дороге на свидание со своим другом. Григорий Ефимович, посмотрев на нее пристально, стал рассказывать, как на одной станции монах угощал его чаем, спрятав бутылку вина под столом, и, называя его "святым", задавал вопросы. "Я 'святой', – закричал Григорий Ефимович, ударив кулаком по столу, – и ты просишь меня тебе помочь; а зачем же ты прячешь бутылку вина под столом". Дама побледнела и растерянно стала прощаться».

И в другом месте: «Свидетельствую страданиями, которые я переживала, что я лично за все годы ничего непристойного не видела и не слыхала о нем, а, наоборот, многое из сказанного во время этих бесед помогло мне нести крест поруганья и клеветы, Господом на меня возложенный. Распутина считали и считают злодеем без доказательства его злодеяний. За его бесчисленные злодеяния его убили – без суда, несмотря на то, что самым большим преступникам во всех государствах полагается арест и суд, а уж после – казнь…»

Мемуары Вырубовой любопытно сопоставить с ее же показаниями ЧСК Временного правительства, когда между Вырубовой и председателем комиссии Муравьевым состоялся следующий диалог:

«Председатель: А вы знали, что этот Распутин был развратный и скверный человек?

Вырубова: Это все говорили, но я лично этого никогда не видела.

П.: Ведь это говорили все, от самого большого до самого маленького.

В.: Да, все.

П.: Как вы относились к этому?

В.: Да, я лично ничего не видела, может быть, он при мне боялся, знал, что я близко стою от Двора, но я лично ничего не видела. Явились тысячи народа, масса прошений, но я никогда ничего не видела. Во-первых, вы же знаете, ведь он был старый человек, ведь никакая женщина бы не согласилась любить его, ведь он старый человек… Сколько же ему было? 50 лет, я думаю. (…)

П.: А вы не замечали в этом страннике никаких особенностей? Что, может быть, не три раза целовался, а много

больше, и не только христосовался, а может быть немного больше?..

В.: При мне – никогда, я ничего не видела. Он был стар и очень такой не аппетитный, так что я не знаю».

Но это, повторим, редкость. В основном согласно свидетельству большинства и мемуаристов и мемуаристок, отношения странника с прекрасным полом строились на совершенно иных основаниях, и о его непривлекательности никто не упоминал.

«До тридцати годов грешить можно, а там надо к Богу оборотиться, а как научишься мысли к Богу отдавать, опять можно им грешить (он сделал неприличный жест), только грех-то тогда будет особый – но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой, понимашь? Все можно, ты не верь попам, они глупы, всей тайны не знают, я тебе всю правду докажу. Грех на то и дан, штоб раскаяться, а покаяние – душе радость, телу сила, понимашь? <…> Грех понимать надо. Вот попы – они ни… в грехе не понимают. А грех само в жизни главное <…> Хошь знать, так грех только тому, кто его ищет, а если скрозь него итти и мысли у Бога держать, нет тебе ни в чем греха, понимашь? А без греха жизни нет, потому покаяния нет, а покаяния нет – радости нет. Хошь я тебе грех покажу? Поговей вот на первой неделе, что придет, и приходи ко мне после причастия, когда рай-то у тебя в душе будет. Вот я грех-то тебе и покажу. На ногах не устоишь!» – так, якобы, говорил Распутин В. А. Жуковской.

«В Распутине совмещались две крайности – явление, также свойственное русской природе и имеющее, однако, одну общую основу – бурную страстность. По меткому выражению Достоевского, про таких лиц "никогда вперед не знаешь, в монастырь ли они поступят, или деревню сожгут"», – заключал Гурко. И он же ссылался на слова журналиста Сазонова, в чьем доме начиналась распутинская карьера: «Сазонов при этом решительно отрицал порочные наклонности Распутина, и в доказательство прибавил, что Распутин у него неоднократно ночевал рядом со спальней его дочерей.

– Ну, посудите сами, – говорил Сазонов, – допустил ли бы я это, если бы не знал лживости всего распускаемого про Распутина?»

«– Все мы возмущаемся, видя его страдания. Почему вы не соглашаетесь принадлежать ему? Разве можно отказывать такому святому?

– Неужели же святому нужна грешная любовь? Какая же это святость, если ему нужны женщины?

– Он все делает святым, и с ним всякое дело свято, – не

задумываясь заявила полковница.

– Да неужели бы вы согласились?

– Конечно, я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью.

– Но ведь вы замужем, как же муж?

– Он знает это и считает великим счастьем. Если отец пожелает, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши, если у кого есть мужья. Теперь мы видим, как он мучается из-за вас. Я решила все вам высказать и от имени почитательниц отца просить вас не мучить больше святого старца, не отклонять от себя благодати».

Этот «драматический диалог» состоялся между женой московского купца Еленой Францевной Джанумовой, которой добивался Распутин, и некой певицей, полковницей В., которая уговаривала строптивую мемуаристку не противиться ласкам «отца». А далее Джанумова описывает свой разговор на эту тему с самим Распутиным:

«– Как тебе не стыдно, – сказала я, – тебя считают святым, а ты склоняешься к прелюбодеянию. Ведь это же грех.

– Какой я святой, я грешнее всех. А только грех не в ентом. Греха в ентом нет. Это люди придумали. Посмотри на зверей. Разве они знают грех».

«…в рабочей комнате стояло несколько кожаных кресел, и это была единственная более или менее приличная комната во всей квартире. Эта комната служила местом интимных встреч Распутина с представительницами высшего петроградского общества. Эти сцены обычно протекали с невозможной простотой, и Распутин в таких случаях даму выпроваживал из своей комнаты со словами: "Ну, ну, матушка, все в порядке". После такого дамского визита Распутин обыкновенно отправлялся в напротив его дома находящуюся баню. Но данные в таких случаях обещания всегда исполнялись», – писал секретарь Распутина Арон Симанович.

Он же приводил в «мемуарах» свой разговор с Распутиным, по стилю несколько напоминающий его беседу с Джанумовой, что наталкивает на мысль о том, что автором обеих книг – «Дневника» Джанумовой и мемуаров Симановича «Распутин и евреи» – был один и тот же человек:

«– Ты не можешь пропустить мимо себя ни одной женщины.

– Разве я виноват? – возразил Распутин. – Я не насилую их. Они сами шляются ко мне, чтобы я хлопотал за них У царя. Что мне делать? Я здоровый мужчина и не могу устоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их? Не я их ищу, а они приходят ко мне.

– Этим ты вредишь всей царской семье. Этим ты возмутил против себя всю Россию, дворянство и даже заграницу. Пора с этим кончать…»

Спорить о том, кому больше верить – писательницам-эротоманкам Жуковской и Джанумовой, камергеру Гурко, подругам Государыни Вырубовой и Ден, жандармам Белецкому и Спиридовичу, издателю Сазонову, журналисту и профессиональному провокатору Манасевичу-Мануйлову и его дочери В. И. Барковой или ювелиру Арону Симановичу, как выясняется, обеспокоенному репутацией Царской Семьи, – можно до бесконечности. Незаинтересованных свидетелей в этой истории так же мало, как и подтвержденных фактов. Единственной, претендующей на то, чтобы быть доказанной, стала история блудного греха Григория с няней царских детей М. И. Вишняковой. Писали об этой истории очень многие мемуаристы и почти все исследователи, по-разному ее в зависимости от своих пристрастий оценивая. Существует две основные версии того, где и как все произошло.

В книге следователя Н. А. Соколова «Убийство царской семьи» приводятся показания камер-юнгферы императрицы М. Ф. Занотти: «Я относилась к нему (Распутину) отрицательно. Я считала его и теперь считаю тем именно злом, которое погубило царскую семью и Россию. Он был человек вовсе не святой, а был развратный человек. Он соблазнил у нас няньку Марию Ивановну Вишнякову. Это была няня Алексея Николаевича. Распутин овладел ею, вступив с нею в связь. Мария Ивановна страшно любила Алексея Николаевича. Она потом раскаялась и искренне рассказала о своем поступке Императрице. Государыня не поверила ей. Она увидела в этом чье-то желание очернить Распутина и уволила Вишнякову. А то была самая настоящая правда, о которой она в раскаянии не таилась, и мнение это знали от нее же самой. Вишнякова сама мне рассказывала, что Распутин овладел ею в ее комнате, у нас во дворце. Она называла его "собакой" и говорила о нем с чувством отвращения: Вишнякова тогда именно хотела открыть глаза на Распутина: какой это человек. Она хотела рассказать это и Государю, но она не была допущена к нему"».

В отличие от Соколова, другой следователь Б. Н. Смиттен пишет о том, в 1910 году няня царских детей М. И. Вишнякова по совету Императрицы отправилась в гости к Распутину вместе с З. Манштедт, О. Лохтиной и Е. Тимиряевой.

Ночью в Покровском Распутин прокрался в комнату к Вишняковой и растлил ее. Та рассказала обо всем царице.

И далее Смиттен ссылается на показания фрейлины

Тютчевой, которой также была известна эта история: «Государыня, выслушав ее рассказ, заявила, что не верит этим сплетням; видит в них работу темных сил, желающих погубить Распутина, и запретила говорить об этом Государю».

Писал об этом случае и Илиодор.

«М. И. В. Дочь сенатора, девица очень красивая, 35 лет. Познакомилась со "старцем" на первых порах его деятельности в Петрограде. Увлеченная учением Распутина об изгнании блудных бесов, она, боримая, не желая выходить замуж и лишаться через это высокого придворного места, решила лечиться в "старческой врачебнице" Распутина.

"Старец", конечно, оказал милосердие и начал лечить ее. Сначала врачевал обычными поцелуями, прикосновениями и банями. Меря, как ее всегда звал "блаженный", повиновалась и, по всей вероятности, ожидала, что вот-вот она будет чистая и святая и ей легко будет пребывать в девичестве <…>

После одной бани, где "старец" убедил Мерю, что он бесстрастен и ничего не чувствует, когда прикасается к женщине, Мери легла рядом с Григорием, заснула, и – о, ужас! – в это время "блаженный" сделался страстным и растлил чистую, невинную девушку… Мери рассказала об этом Феофану на исповеди…»

«Первоначальная версия Вишняковой выглядит откровенно фантастичной, учитывая, что лишить кого-либо девственности во время физиологического сна практически невозможно – следовательно, весь рассказ "Мери" можно расценить как не вполне соответствующий действительности…» – прокомментировали эту ситуацию историк и психотерапевт А. П. Коцюбинский и Д. А. Коцюбинский, авторы книги «Григорий Распутин: тайный и явный», хотя не совсем понятно, на каком основании рассказ Илиодора отождествляется в их сознании со словами самой Вишняковой.

Однако показания Мэри по этому поводу все же существуют. Эти показания, данные Вишняковой на следствии в 1917 году, приводит Э. Радзинский: «Как-то весной 1910 года Государыня предложила мне поехать в Тобольскую губернию в Верхотурский монастырь на 3 недели, для того, чтобы в мае вернуться к поездке в шхеры. Я с удовольствием согласилась, так как люблю монастыри. В поездке должна была принять участие некая Зинаида Манштедт, которую я встречала в Царском Селе у своих знакомых, и она мне очень понравилась… В поездке по словам Государыни должны были принять участие Распутин и Лохтина… По приезде на Николаевский вокзал я встретила всех своих спутников… В Верхотурском монастыре мы пробыли два или три дня, а затем направились в гости к Распутину в село Покровское.

У Распутина дом двухэтажный, большой, обставленный довольно хорошо, как у чиновника средней руки… В нижнем этаже живет жена Распутина со своими приживалками, в верхнем поселились мы по разным комнатам. Несколько дней Распутин вел себя прилично по отношению ко мне… а затем как-то ночью Распутин явился ко мне, стал меня целовать и, доведя до истерики, лишил меня девственности… В дороге Распутин ко мне не приставал. Но, проснувшись случайно, я увидела, что он лежит в одном белье с Зиной Манштедт. Возвратившись в Петроград, я обо всем доложила Государыне… а также рассказала при личном свидании епископу Феофану. Государыня на мои слова внимания не обратила и сказала, что все, что делает Распутин, свято. С этого времени я Распутина не встречала, а в 1913 году была уволена от должности няни. Причем мне было поставлено на вид, что я бываю у преосвященного Феофана…»

Правду она говорила или нет и говорила ли так на самом деле? В опровержение иногда ссылаются на воспоминания Великой Княгини Ольги Александровны: «Не изменяя своего гневного тона, Великая Княгиня рассказала, что всякая провинность со стороны дворцового персонала относилась злыми языками на счет Распутина. Одна такая история о мнимом изнасиловании одной из нянь дошла до Императора. Тот сразу же приказал произвести дознание. Выяснилось, что молодую женщину действительно застали в постели – но с казаком из Императорского конвоя».

Примечательно, однако, что те же двое – казак и няня – появляются и в другом месте мемуаров Великой Княгини, относящихся, судя по всему, к тому периоду, когда Распутина при дворце еще не было: «Няня моей племянницы Ольги была кошмарной женщиной – любила приложиться к бутылке. Однажды ее застали в постели с казаком и тотчас уволили».

Та же эта самая няня или нет, за давностью лет установить не удастся, но о пьянстве Вишняковой ничего не известно, что застилает дворцовые тайны новым туманом и лишает убедительности аргументы как «за», так и «против».

«О том, что Распутин оскорбил честь Вишняковой, были только неопределенные шепоты, определенных обвинений против Распутина предъявлено не было», – показывал на следствии полковник Ломан.

Ко всему этому можно было бы добавить выдержки из письма Распутина к Вишняковой, опубликованного О. А. Платоновым в книге «Пролог цареубийства». Письмо относится к 1907 году, когда Распутин и Вишнякова находились еще в начале своего знакомства: «Коли бы во всем полюбить, не возгордиться, и будем

здесь в славе и на небесах в радости. Конечно, враг лезет, что мы у высоких и высокий, но это его коварность. Но я не нашел еще в вас гордости, а нашел ко мне глубокий привет в твоей душе. И вот в первый раз ты видела и поняла меня. Очень, очень желал бы я еще увидеться».

Судя по всему, в дальнейшем они виделись, и не раз. Похоже, Вишнякова находилась под сильным впечатлением от этих встреч, остальное – недоказуемо. Примечательно и то, что царская няня была уволена не сразу, а лишь три года спустя, когда Наследник подрос и в ее услугах во дворце больше не нуждались.

Что же касается фрейлины Тютчевой, то о ней имеется запись в дневнике Великой Княгини Ксении Александровны, сестры Государя, сделанная 15 марта 1910 года:

Все няни под его влиянием и на него молятся. Я была совершенно подавлена этим разговором.

Обедали Ольга и я в Аничкове. Т. к. имела только одну мысль в голове – то могла говорить исключительно об этом. Но кто же может помочь? Семейству очень трудно и щекотливо. Про него ходят ужасные слухи».

«Я так боюсь, что С. И. может сказать Марии что-нибудь дурное о нашем Друге. Я надеюсь, что наша няня теперь будет мила с нашим Другом», – обращалась в письме к Императрице ее дочь Великая Княжна Татьяна Николаевна 8 марта 1910 года.

История с Тютчевой затянулась не на один год. После весны 1910 года воспитательница царевен на время перестала говорить о Распутине, но два года спустя эта тема возобновилась. Ксения Александровна, которая еще недавно сочувственно ссылалась на ее слова, писала в своем дневнике 16 февраля 1912 года о разговоре с Императрицей-матерью Марией Федоровной: «Мама <…> ругала Тютчеву, которая много болтает и врет».

«Не знаю, кто именно рекомендовал Софью Ивановну Тютчеву, – вспоминал начальник канцелярии Министерства Императорского Двора А. А. Мосолов, – но выбор нам всем казался весьма удачным. Софья Ивановна, лет под 30, была умна, весьма культурна, барышня с твердым характером, из отличной старинной московской семьи <…> В один вечер фрейлины нам передавали, что из-за посещения Распутиным детских комнат вышло недоразумение между императрицей и Софьей Ивановной. Мы все думали, что, вероятно, это уладится, но на другой день Тютчева уехала в Москву.

Ходили бесконечные слухи о причинах ухода Тютчевой. Мне достоверно известно, что Фредерике по поводу отъезда воспитательницы ходил к императрице, чтобы пояснить ей, какое

дурное впечатление в Москве произведет эта скоропалительная отставка. Фредериксу ответили, что Софья Ивановна вмешивалась в то, что ее не касается, и хотела учить императрицу, что детям можно и чего нельзя, на что ее величество ответила, что, как мать, она лучше знает.

Тут Тютчева просила отпустить ее в Москву, на что Александре Федоровне ничего не оставалось сделать, как согласиться; задерживать фрейлину при этих условиях было бы бестактно.

Полагаю, что при этом объяснении сдержанность обеих женщин была недостаточной».

«В среду на первой неделе Великого поста (1912 г.) приехала ко мне за советом воспитательница царских дочерей, фрейлина Софья Ивановна Тютчева, – писал протопресвитер Шавельский. – Она не знала, как поступить: Распутин начал бесцеремонно врываться в комнаты девочек – царских дочерей даже и в то время, когда они бывали раздетые, в постели, и вульгарно обращаться с ними. Тютчева уже заявляла Государю, но Государь не обратил внимания. Теперь она спрашивала меня, должна ли она решительно протестовать перед Государем против этого. Я ответил, что должна, не считаясь с последствиями ее протеста. Положим, сейчас ее могут не понять и уволить, но зато после поймут и оценят. Если же она теперь не исполнит своего долга, то в случае какого-либо несчастья она подвергнется огромной ответственности. Тютчева протестовала, и ее за это уволили.

Потом я видел ее в 1917 году в Москве. Она не раскаивалась в своем поступке».

О Софье Тютчевой вспоминала и Анна Вырубова:

«фрейлина Тютчева поступила к Великим Княжнам по рекомендации Великой Княгини Елизаветы Феодоровны; принадлежала она к старинной дворянской семье в Москве. Поступив к Великим Княжнам, она сразу стала "спасать Россию". Она была не дурной человек, но весьма ограниченная. Двоюродным братом ее был известный епископ Владимир Путята (который сейчас в такой дружбе с большевиками и ведет кампанию против Патриарха Тихона). Этот епископ и все иже с ним имели огромное влияние на Тютчеву.

Приехав как-то раз в Москву, я была огорошена рассказами моих родственников, князей Голицыных, о Царской Семье, вроде того, "что Распутин бывает чуть ли не ежедневно во дворце, купает Великих Княжон и т. д.", говорят, что слышали это от самой Тютчевой. Их Величества сперва смеялись над этими баснями, но позже Государю кто-то из министров сказал, что надо бы обратить внимание на слухи, идущие из дворца. Тогда

Государь вызвал Тютчеву к себе в кабинет и потребовал прекращения подобных рассказов. Тютчева уверяла, что ни в чем не виновата. Если впоследствии Их Величества и чаще видали Распутина, то с 1911 года он не играл никакой роли в их жизни. Но о всем этом потом, сейчас же говорю о Тютчевой, чтобы объяснить, почему именно в Москве начался антагонизм и интриги против Государыни.

Тютчева и после предупреждения Государя не унималась; она сумела создать в придворных кругах бесчисленные интриги – бегала жаловаться семье Ее Величества на нее же. Она повлияла на фрейлину княжну Оболенскую, которая ушла от Государыни, несмотря на то, что служила много лет и была ей предана. В детской она перессорила нянь, так что Ее Величество, которая жила детьми, избегала ходить наверх, чтобы не встречаться с надутыми лицами.

Когда же Великие Княжны стали жаловаться, что она восстанавливает их против матери, Ее Величество решила с ней расстаться. В глазах московского общества Тютчева прослыла "жертвой Распутина"; в самом же деле все нелепые выдумки шли от нее, и она сама была главной виновницей чудовищных сплетен на чистую семью Их Величеств».

В свою очередь Тютчева Вырубову сильно недолюбливала, и если верить мемуарам генерала Спиридовича, то «интриги» Тютчевой не прекратились и после ее возвращения в Москву. Когда в конце 1914 года Царица побывала в Москве, «в царские поезда уже дошли слухи, что там было не совсем ладно. Писали, что Царица недовольна генералом Джунковским, который, будто бы, скрыл от Москвы время приезда Ее Величества, народ не знал и т. д. Случай обобщили и развили в целую, против Царицы, интригу, которой, якобы, много содействовала бывшая воспитательница Тютчева. Присутствие при поездках Царицы Вырубовой, которая не занимала никакой придворной должности, и имя которой было так тесно связано с именем Распутина, несло за Царицей все те сплетни, которые, обычно, были достоянием только Петрограда. Царица была упорна в своих симпатиях, Вырубова же не желала отходить от Ее Величества и тем наносила много вреда Государыне. С ней тень Распутина всюду бродила за Царицей».

Еще полгода спустя, в июне 1915 года, когда обсуждалось назначение нового обер-прокурора А. Д. Самарина, Царица писала мужу: «Скажи ему про все, и что его лучший друг – Соф. Ив. Тютчева – распространяет клеветы про наших детей. – Подчеркни это и скажи, что ее ядовитая ложь принесла много вреда, и ты не позволишь повторения этого».

Но не позволить этого Царю не удалось, и подводя некий итог этому сюжету, скажем так: вопрос о личной распущенности Распутина лучше всего было бы просто не обсуждать, а вынести за скобки, потому что из области слухов в область фактов надежного перехода здесь нет. Но игнорировать полностью эту тему невозможно: ведь именно слухи, и, прежде всего слухи о блудных грехах стали и поводом, и причиной всех дальнейших событий, которые вокруг сибирского гостя развернулись и переворошили огромную страну.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Распутин и епископ Феофан. Поездка в Покровское. Исповедь Хионии Берладской. Распутин как юродивый. Розанов о Распутине. Отстранение от Двора. Паломничество на Святую землю. Похоть, пьянство и молитва. Родная душа. Ветхозаветный ряд. «Мы все шалили…»

Эти слухи росли, дурная слава ширилась, газеты не стеснялись, в обществе и в Церкви роптали, и самым сложным оказалось положение царского духовника, которого все уважали, но при этом считали виновником возвышения Распутина.

«Своей печальной карьерой Распутин был обязан гораздо менее самому себе, чем болезненному состоянию тогдашнего высшего общества, к которому, главным образом, и принадлежали его поклонники и почитатели.

Спокойной, здоровой религиозностью в этом обществе тогда не удовлетворялись; как вообще в жизни, так и в религии тогда искали острых ощущений, чрезвычайных знамений, откровений, чудес. Светские люди увлекались спиритизмом, оккультизмом, а благочестивейшие епископы, как Феофан и Гермоген, всё отыскивали особого типа праведников, вроде Мити Гугнивого, Дивеевской "провещательницы", Ялтинской матушки Евгении и т. п. Распутин показался им отвечающим требованиям, предъявляющимся к подобного рода праведникам, и они, даже не испытав, как следовало бы, провели его сначала в великокняжеский, а потом и в царский дворец. В великокняжеском дворце скоро поняли, что это фальшивый праведник, а в царском – проглядели.

Там Распутин сумел пленить экзальтированно-набожную царицу. Она более многих других искала в религии таинственности, знамений, чудес, живых святых, а ее материнское чувство все время ожидало помощи с Неба для ее несчастного, больного сына, которого бессильны были исцелить светила медицинской науки. Распутин вошел в царский дворец с уже установившейся репутацией "Божьего человека", санкционированной тогда несомненными для Царского Села авторитетами – епископами Феофаном и Гермогеном», – писал протопресвитер Георгий Шавельский.

Более деликатно выразился о том же самом его оппонент князь Жевахов: «Монах исключительной настроенности и огромного авторитета, имевший большое влияние на студентов академии и производивший на окружающих сильнейшее

впечатление, сосредоточивший на себе внимание Высочайшего Двора и, в частности, Императрицы Александры Феодоровны, избравшей его Своим духовником, архимандрит Феофан был всегда окружен теми "Божьими людьми", какие уносили его в надземный мир, в беседах с которыми он отрывался от мирской суеты… Сюда, в этот центр истинной монашеской жизни и духовного делания, нашел дорогу и косноязычный Митя; сюда же проник и Распутин, склонившийся пред высотою нравственного облика архимандрита Феофана и усердно распространявший тогда славу о подвижнической жизни последнего…»

Наконец уже в наше время, сравнивая отношение к Распутину епископов Сергия и Феофана (Сергий, как мы помним, один раз с Распутиным встретившись, в дальнейшем его избегал), преподаватель Московской духовной академии Н. К. Гаврюшин высказался в том смысле, что «если бы в свое время трезвость Сергия возобладала над прелестной увлеченностью Феофана, у русской монархии были бы более благоприятные перспективы…»

Разумеется, епископа Феофана никто и никогда прямо не уравнивал с епископом Варнавою или митрополитом Питиримом, впоследствии, по общему мнению, прямо обязанными своим возвышением Распутину. Но все же молва приписывала вступление Феофана в 1909 году на должность ректора Духовной академии (4 февраля) и посвящение в епископский сан (22 февраля) покровительству опытного странника.

И то и другое маловероятно. Вмешательство Распутина в дела Церкви началось позднее, а у Феофана и без Распутина хватало и заслуг, и влияния, чтобы занять эту должность. Другое дело, что именно Феофан первый из иерархов узнал о темной стороне жизни Распутина и не стал уклоняться от своего.

Владыка Вениамин (Федченков), в течение нескольких лет хорошо знавший Распутина и бывший ближайшим учеником и другом Феофана, не пишет подробно о тех фактах, которые стали известны им обоим, но пишут о них другие: хождение в баню вместе с женщинами, признания обесчещенных прихожанок, распутство. Не поверить женским исповедям – именно потому, что это были исповеди – и не прийти от них в ужас Феофан не мог. И дело не только в том, что была задета его репутация, а в том, что ту же несчастную Ольгу Лохтину, которую Распутин физически вылечил, а духовно искалечил, познакомил с ним Феофан. Сама Лохтина принялась знакомить с Распутиным своих знакомых дам, и так стал складываться круг его почитательниц: Лохтина, Берладская, Акилина Лаптинская, Манштет, мать и дочь Головины…

На допросе в Чрезвычайной комиссии в 1917 году Феофан

показывал: «До нас в Лавру стали доходить слухи, что при обращении с женским полом Распутин держит себя вольно… гладит их рукою при разговоре. Все это порождало известный соблазн, тем более что при разговоре Распутин ссылался на знакомство со мною и как бы прикрывался моим именем. Обсудив все это, мы решили, что мы монахи, а он человек женатый, и потому только его поведение отличается большей свободой и кажется нам странным… Однако… слухи о Распутине стали нарастать, и о нем начали говорить. что он ходит в баню с женщинами… Подозревать в дурном… очень тяжело…»

Это действительно было очень тяжело, и первое, что сделал Феофан, он вызвал самого Распутина и с ним поговорил. Присутствовал при этом разговоре и иеромонах Вениамин. «Распутин проговорился, что бывает в бане с женщинами. Мы на это объявили ему прямо, – рассказывал Феофан, – что с точки зрения святых отцов это недопустимо, и он пообещал нам избегать делать это. Осудить его за разврат мы не решились, ибо знали, что он простой мужик, и читали, что в Олонецкой и Новгородской губернии мужчины моются в бане вместе с женщинами. Причем это свидетельствует не о падении нравов, а о патриархальности уклада… и особой его чистоте, ибо… ничего не допускают. Кроме того, из жития святых Симеона и Иоанна видно, что оба они ходили в баню намеренно вместе с женщинами, и что за это их поносили и оскорбляли, а они тем не менее были великими святыми».

Трудно сказать определенно, когда именно настало разочарование Феофана. Сам он никаких дат не называет, но из более поздних показаний епископа Гермогена следует, что еще в конце 1908 года Феофан «отозвался о нём (о Распутине. – *А. В.)* в самых восторженных выражениях как о выдающемся подвижнике».

В начале 1909 года совместные встречи Распутина, Феофана и Царской Семьи продолжались.

«4 февраля… В 6 часов к нам приехали архимандрит Феофан и Григорий. Он видел тоже детей…» – записывал в дневнике Государь.

Но уже в марте-апреле Распутин приезжал без Феофана.

«29 марта… После чая, наверху в детской посидели с Григорием, который неожиданно приехал».

«26 апреля… От 6 до 7.30 видели Григория вместе с Ольгой».

По всей вероятности, переломным для Феофана стало лето 1909 года[22]. Именно тогда царскому духовнику было предложено отправиться в Покровское с «инспекцией».

«23 июня 1909 года… После чая к нам приехали Феофан,

Григорий и Макарий», – отметил в дневнике император. Вскоре после этого приема двое монахов и крестьянин и отправились в Сибирь, и надо признать одно из двух: либо миссия Феофана обнаружила в жизни Распутина неприглядные стороны уже в 1909 году, либо поездок было несколько.

Последнее утверждение иногда встречается (например, в статье С. В. Фомина «Старец Макарий Актайский и Григорий Распутин»), хотя документально оно не подкреплено.

Свидетельства о том, что из этого путешествия вышло, разнятся. В современной нам газете «Верхотурская старина» в статье «Распутин в Верхотурье» иеромонах Пантелеймон пишет: «Государыня, встревоженная умножением слухов о "пороках" Распутина, командировала своего духовника Владыку Феофана на Урал – в село Покровское и Верхотурье, чтобы на месте доподлинно установить истину. И нужно сказать, что расследование епископа Феофана ничего дурного в биографии Григория Распутина не выявило…» То же самое утверждали в книге, посвященной епископу Феофану, ее авторы Ричард Бэттс и В. Марченко: «Владыка Феофан по просьбе Императрицы съездил в Сибирь, чтобы самому узнать о прошлом Григория Распутина. Результаты его поездки не выявили ничего порочного».

«Видел я в с. Покровском место, где стояла старая изба Распутина. Проходя мимо нее, Григорий проговорил: "Вот здесь я, когда гуляю, то набираюсь духу: бывают мне здесь видения. Здесь мы в прошлое лето с епископом Феофаном простаивали целые ночи и молились Богу"», – приводил в своем памфлете слова Распутина Илиодор-Труфанов, и он же ссылался на слова, якобы сказанные священником Покровской церкви Петром Остроумовым: «Вот Феофан епископ тоже сюда приезжал. Зачем? Увеличивать авторитет развратника?»

Однако эти версии расходятся с теми фактами и материалами, которые приводит Э. Радзинский. Повторим еще раз: как ни относись к его работе, документы есть документы. И поскольку другого источника, где были бы опубликованы показания Феофана, нет, сошлемся на его книгу:

«В то время Феофан был болен. Но просьба царицы – закон. "Я пересилил себя и во второй половине июня 1909 года отправился в путь вместе с Распутиным и монахом Верхотурского монастыря Макарием, которого Распутин называл и признавал своим 'старцем', – показал Феофан в "Том Деле"».

Так началось это путешествие, которое будет иметь для Феофана самые драматические последствия. Сначала они отправились в любимый монастырь Распутина – Верхотурский. Уже в дороге мужик изумил епископа. «Распутин стал вести себя

не стесняясь… Я раньше думал, что он стал носить дорогие рубашки ради царского двора, но в такой же рубашке он ехал в вагоне, заливая ее едой, и снова надевал такую же дорогую рубашку…» Скорее всего, Григорий попросту решил продемонстрировать Феофану милости Алике – царицыны рубашки. Но, видимо, кто-то очень настроил епископа против Распутина, и теперь он все воспринимал подозрительно.

Дальше – больше. Аскет Феофан был изумлен, когда, «подъезжая к Верхотурскому монастырю, мы по обычаю паломников постились, чтобы натощак приложиться к святыням. Распутин же заказывал себе пищу и щелкал орехи». Мужик, осознавший свою силу, позволил себе не притворяться. Его Бог – радостный, он разрешает отвергать унылые каноны церковных установлений.

Все оскорбляло Феофана. «Распутин уверял нас, что он почитает Симеона Верхотурского. Однако когда началась служба в монастыре, он ушел куда-то в город». Покоробил епископа и двухэтажный дом Распутина – как он отличался от жилища самого Феофана, превращенного им в монашескую келью. Нет, не таким должно быть жилище того, кого столь недавно он почитал…»

Даже если считать, что эти показания по тем или иным причинам недостоверны либо изложены неточно, существует еще одно свидетельство о путешествии в Покровское, которое содержится в биографии Феофана, написанной схимонахом Епифанием:

«Владыка Феофан, как было сказано прежде, ездил в Сибирь, на родину старца Григория. Об этом факте мы знаем не со слов Владыки Феофана, а из воспоминаний личного секретаря Наместника Кавказа, графа Воронцова-Дашкова, Семена Семеновича Марчевского, закончившего жизнь в монастыре.

Марчевский находился на богомолье в Саровской обители. В те самые дни в обитель пришла телеграмма из Сибири, что духовник Царской Семьи, Епископ Феофан, проездом сделает остановку, чтобы помолиться в Саровской обители. Далее следовала просьба выслать к приходу поезда на железнодорожную станцию лошадей. Получив такую телеграмму, начальство обители, предполагая, что духовник Царской Семьи, по всей вероятности, лицо более светское, чем духовное, попросили Марчевского встретить на станции "придворного" Владыку. Семен Семенович встретил его. И в дороге, как человек светский, попытался занять "столичного Епископа" светским разговором. Но Епископ в ответ хранил молчание. Семен Семенович не мог понять, почему Епископ не поддерживает

"светского разговора". Видимо, ему не приходилось встречаться с такими архиереями, как Владыка Феофан, и он ему не понравился: весь путь со станции до обители он молчал. Владыка был погружен в непрестанную молитву, а светский человек этого просто не мог понять.

По приезде в обитель Епископ Феофан попросил игумена предоставить ему возможность помолиться наедине в келий Преподобного Серафима, в той самой келий, в какой он отошел ко Господу. Такую возможность с готовностью ему предоставили. Когда Владыка молился в келий, в ней, кроме него, никого не было, и внешнее наблюдение было встревожено тем обстоятельством, что эта молитва продолжалась слишком долго. Монахи опасались, что в келий с Епископом что-то случилось. Но они не решались войти. Тогда они обратились за помощью к Семену Семеновичу, он же, войдя в келию Преподобного, обнаружил Епископа Феофана в глубоком обмороке.

И в этом случае светский человек не сумел истолковать происшествие с Епископом духовно, это обстоятельство показалось живому свидетелю "каким-то таинственным и непонятным". А сам Владыка Феофан не нашел возможным говорить о том, что случилось с ним в келий Преподобного Серафима. Но почему это происшествие с духовником Царской Семьи Преосвященным Феофаном кому-то показалось странным, загадочным и трудно объяснимым?! Оно с духовной точки зрения более чем понятно. Ведь несомненно, что Святитель Феофан обращался с горячей молитвой ко Господу, к Пресвятой Богородице, к Преподобному Серафиму о их помощи в предстоящем разговоре с Государем и Государыней… И, очевидно, Святитель получил извещение, что его усилия не будут иметь успеха, потому что Государыня не поймет его. Но в то же время разговор этот должен состояться как "свидетельство". А возможно, это было и откровение от Господа… От сильных переживаний, предвещавших ему близость страшных времен и событий в несчастной России, в духе тех, от которых неутешно рыдал Преподобный Серафим, потерял сознание и Преосвященный Феофан».

Речь шла о разговоре, касающемся Распутина. И Феофану было дано понять, что разговор с Государыней ни к чему не приведет. Так полагал Епифаний, и оснований не доверять ему нет.

Феофан показывал на следствии 1917 года, что на обратном пути из Покровского он «остановился в Саровском монастыре и просил у Бога и святого Серафима помощи для верного решения вопроса: что из себя представляет Распутин», и пришел к

убеждению, что «Распутин… находится на ложном пути».

Существует фотография, сделанная в Верхотурском монастыре, на ней изображены все трое: Феофан, Макарий и Распутин. Эту фотографию обыкновенно датируют 1911 годом. Но датировка эта скорее всего ошибочна: последний снимок, на котором Феофан согласился бы сняться с Распутиным, мог быть сделан не позднее 1909-го, в крайнем случае 1910 года.

Именно тогда после первого неудачного разговора с Царем Феофан с Вениамином снова вызвали Распутина к себе. «Когда затем Распутин пришел к нам, мы неожиданно для него обличили его в самонадеянной гордости, в том, что он возомнил о себе больше, чем следует, что он находится в состоянии духовной прелести… – говорил Феофан. – Мы объявили ему, что в последний раз требуем от него переменить образ жизни, и что если он сам не сделает этого, то отношения с ним прервем и открыто все объявим и доведем до сведения императора… Он растерялся, расплакался, не стал оправдываться, признал, что делал ошибки… и согласился по нашему требованию удалиться от мира и подчиняться моим указаниям. Радуясь успеху, мы отслужили молебен… Но, как оказалось, потом он поехал в Царское Село и все рассказал там в благоприятном для себя и неблагоприятном для нас освещении».

Но на этом дело не закончилось: «Через некоторое время до меня дошли слухи, что Распутин ведет прежний образ жизни и что-то против нас предпринимает… Тогда я решил применить последнюю меру – открыто обличить и поведать все бывшему императору. Однако принял меня не император, а его супруга в присутствии фрейлины Вырубовой. Я говорил около часа и доказывал, что Распутин находится в состоянии духовной прелести… Бывшая императрица возражала мне, волновалась, говорила из книг богословских, *причем видно было, что ее кто-то, скорее всего Распутин, научил так говорить*.. " Я разбил все ее доводы но… она… твердила: «Все это неправда и клевета»… Разговор я закончил словами, что не могу иметь общение с Распутиным… Я думаю, что Распутин, как человек хитрый, мое против него выступление объяснил царской семье тем, что я позавидовал его близости к семье… хочу его отстранить. После беседы с императрицей ко мне, как ни в чем не бывало, пришел Распутин, видимо, думавший, что недовольство императрицы меня устрашило… однако я решительно заявил ему: «Уйди, ты – обманщик». Распутин упал мне в ноги, просил простить… Но я снова заявил ему: «Уйди, ты нарушил обещание, данное перед Господом»… Распутин ушел, и больше я с ним не виделся».

«Ежели я огорчил, помолись и прости: будем помнить

хорошую беседу, а худую забывать и молиться. А все-таки бес не столь грех, а милосердие Божие боле. Прости и благослови как прежний единомышленник. Писал Григорий», – прислал Феофану телеграмму Распутин, но ответа не получил, и можно понять почему. Феофан был не просто целомудренным человеком – аскеза, особенно по отношению к женщинам, доходила в его поведении до степеней невероятных. Насколько стремился к женщинам и был ими окружен до конца дней Распутин, настолько же избегал их Феофан.

«Рассказывали про него, что пришла поздравить его (с пострижением в иноки. – *А. В.)* мать: тогда она была уже вдовой. Он принял её. Потом заходила и сестра – девица, но ее он не принял.

Когда я об этом рассказывал после одной старице-деве, она в умилении сказала:

– Господи! Какие еще подвижники есть на земле!

Одна матушка, жена священника, прислала о. Феофану вышитый пояс на подрясник; а он бросил его в пылающую печь.

Так началась иноческая жизнь его…

Еп. Феофан отодвигал дальше от себя людей, в особенности женщин.

Иногда в этом отношении были случаи из ряду вон выходящие. Например, однажды он был в Ялте у Архиепископа Алексия. К тому приехали с визитом аристократы, муж и жена. Подошли под благословение к архиерею, а с ним, как еще тогда Архимандритом, хотели поздороваться "за руку". Мужу еще он ответил рукопожатием, а когда и жена протянула ему руку, то он поклонился ей, а руки протянул за спину. Получилась неловкость: рука ее так и повисла в воздухе. Тогда архиепископу пришлось объяснить, что, вообще, монахи не здороваются с женщинами через рукопожатие, сохраняя целомудрие. Едва ли был другой такой пример!

Раз мне пришлось купить ему билет в купе вагона (двухместного). Но после туда пришла и какая-то женщина. Немедленно он, вызвав меня в коридор, просил откупить другое целое купе, заплатив за 2 места. Так я и сделал, конечно.

За это благочестие и чтили его люди», – писал в своих мемуарах митрополит Вениамин.

И вот именно к этому человеку пришла письменная исповедь женщины, которая признавалась в плотском грехе с Распутиным.

«Распутин умел внушать своим последовательницам, что они не должны каяться на исповеди в грехах прелюбодеяния, так как этим только смутят исповедующих, не поймут их», – показывал епископ Феофан на следствии, и это показание подтверждает

воспитательница царских детей С. И. Тютчева: «Распутин заставлял их делать то, что ему нужно было, выдавая себя за человека, действующего по велению Святого Духа <…> при этом предупреждал, чтобы не говорили Феофану, облекая это в софизм: "Феофан – простец, и не поймет этих таинств, осудит их, тем самым осудит Святого Духа и совершит смертный грех"».

«Волк в овечьей шкуре, сектант хлыстовского типа, который учит своих почитательниц не открывать тайн даже своим духовникам. Ибо греха в том, что эти сектанты делают, якобы нет, но духовники не доросли до сознания этого… Заручившись письменной исповедью, я написал бывшему императору второе письмо… где утверждал, что Распутин не только находится в состоянии духовной прелести, но является преступником в религиозном и нравственном смысле… ибо, как следовало из исповеди, отец Григорий соблазнял свои жертвы. Я чувствовал, что меня не хотят выслушать и понять… Все это настолько меня удручило, что я сильно заболел – у меня обнаружился паралич лицевого нерва», – говорил Феофан.

Письменная, равно как и устная, исповедь есть тайна, знать которую на земле, кроме духовника, никто не может. Но тем не менее одна из исповедей женщин, соблазненных Распутиным, в печати позднее появилась. Исповедь Хионии Берладской, побывавшей в Покровском еще в 1907 году. Как и откуда она стала всеобщим достоянием, та ли это самая исповедь, которую читал Феофан, кто решился пустить ее по рукам и насколько правомерно было предавать ее гласности – все это доподлинно неизвестно и с моральной точки зрения с трудом может быть оценено. Текст этой исповеди впоследствии попытался опубликовать М. А. Новоселов, а когда у него не получилось это сделать, она разошлась в тогдашнем «самиздате»:

«…Муж покончил с собой, похоронили тайно, но случайно я узнала и сейчас же обвинила себя, если и невольно, то что-нибудь не дала ему и послужила причиной его самоубийства. С таким чувством жила и страдала, все время была в работе, посте, не спала и не ела, ходила, не отдавая отчета, что на мне надето <… > дошла до того, что не могла стоять в церкви, от пения делалось дурно <…> Так жила постоянно одинокая, без улыбки, с тяжким камнем. Одна знакомая предложила мне познакомиться с одним человеком, мужичком, который очень успокаивает душу и говорит сокровенное сердца. …Я захотела его видеть, и свидание с ним было назначено у меня. Пришел он позже назначенного времени, и я сначала ждала и волновалась, а потом наступило обычное безразличное состояние ко всему внешнему. Я ушла в свое внутреннее терзание совести за смерть мужа. Звонок.

Торопливо раздеваясь, быстро, быстро подбежал ко мне человек с особенным взглядом, положил руку на темя головы и проговорил: "Ведь у Господа были ученики, и то один из них повесился, так это у Господа, а ты-то что думаешь?" Глубоко вошла эта фраза в мою тайну души и как бороздой раскопошила и встряхнула. Я как-то ожила: сказано было так твердо, как бы снялось горе с меня этими словами. Я размышляла о сказанном и постепенно успокоилась и хотела еще видеть его, получить запас энергии, сочла его взгляд очень странным, магнетическим. Мне очень хотелось расправить свое скорченное нутро, как замерзшему воробью – крылья в тепле. Вскоре Григорий привел мне старшую и, как мне кажется, первую его ученицу, которая много мне помогла, чтобы твердо укрепить свое убеждение, что он свят. Это не сразу вошло в душу. Я старалась подчиняться во всем, и когда в душе восставало: "не надо, не хочется", или тяжесть была к исполнению послушания, я борола все это, настаивая, что не понимаю, что все это ново и что слова его – святой закон и не мне рассуждать.

Меня ласкали, он говорил, что грехов на мне нет, а если и есть, то они от врага, и так постепенно у меня созрело убеждение полного спасения и – что все мои грехи он взял на себя, и с ним я в раю. Я стала жить, явилось сознание жизни христианской, желание исправиться и следить за собой и быть в молитве непрестанно, призывая милосердие Бога своего. Я уже знала, что женский пол очищается от сближения с ним, но не знала точно: как и что? Но знала, что меня ждет испытание в отношении чувства. Я была спокойна, к нему не чувствовала ничего, и ласки его иногда меня тяготили – бесконечные прижимания и поцелуи, с желанием поцелуя в губы. Я скорее видела в них опыт терпения и радовалась концу их.

Мои родные, видя во мне перемену от смерти к жизни, поверили и полюбили его и были благодарны и даже по его просьбе решили пустить меня с моим сыном в Покровское на некоторое время. Уезжая, он сказал, что я еду надолго, я уже верила всему, и хотя не собиралась надолго, но покорилась и верила. Ехали Григорий, одна сестра, я и сын. Вечером, когда все легли – но, Господи, что вы должны услышать, – он слез со своего места и лег со мной рядом, начиная сильно ласкать, целовать и говорить самые влюбленные слова и спрашивать: "Пойдешь за меня замуж?" Я отвечала: "Если это надо". Я была вся в его власти, верила в спасение души только через него, в чем бы это ни выразилось. На все это: поцелуи, слова, страстные взгляды, на все я смотрела как на испытание чистоты моей любви к нему, и вспомнила слова его ученицы о смутном испытании, очень

тяжком. Господи, помоги. Вдруг он предлагает мне соблазниться в грешной любви, говоря, что страшно меня любит и что это будет тайна… Я была тверда, что это он испытывает, а сам чист, и, вероятно, высказала, потом что он предложил мне убедиться, что он меня любит как мужчина – Господи, помоги написать все, – заставил меня приготовиться как женщине… и начал совершать, что мужу возможно, имея к тому то, что дается во время страсти…

Он совершал тогда все, что ему надо было, полностью, я томилась и страдала, как никогда, но я же и молилась, и всю себя отдала Господу. Господу известно, что было со мной… я только помню мимолетное, но глубокое чувство горечи и боли осквернения моего чего-то драгоценного. Но я стала тотчас же молиться, увидев, что Григорий кладет бесчисленное множество поклонов земных с его всегда какой-то неестественной быстротой… Моя страсть эта улеглась и как бы уснула…

Утром и днем Григорий очень ласкался и этим возбуждал ревность в сестре, даже большое огорчение. Вечером лег с ней, я молилась за нее. Потом опять пришел ко мне с тем же и сказал, что у него не было еще ни одной, которая перенесла бы так твердо, и что каждую, на которую он надеется, "испытывает". Я спрашивала: "Неужели нельзя иначе исцелить эту страсть в нас?" – и он отвечал: "Нет". Я ему сказала: "Значит, вы особо от всех святых, прежде бывших, призваны исцелить нас преимущественно от первородного греха, так увлекшего все человечество?" Ему очень понравилось мое определение, он ответил: "Вот истинно ты сказала"».

Исповедь Хионии воспринимается сегодня скорее как литературный документ, нежели как документальное свидетельство распутинского «распутства». Верить нам этой исповеди или нет, так даже ставить вопрос некорректно. Вопрос можно и нужно поставить иной: верили или нет этой (или похожей на эту) исповеди Феофан, Царь, Царица, ее новый Духовник протоиерей Александр Васильев?

«Хиония, вдова офицера, обиделась на меня за то, что я про ее отца сказал, что он будет в аду вместе с чертями угли в печи класть, – якобы жаловался Распутин Илиодору. – Обиделась, написала про меня разной чуши целую тетрадь и передала царю. А царь вот вчера пригласил меня и спрашивает: "Григорий, читать эту тетрадь али нет?" Я спрашиваю: "А тебе приятно читать в житиях святых, как клеветники издевались над праведниками?" Он говорит: "Нет, тяжело". "Ну, как хочешь, так и делай". Николай взял тетрадь, разорвал на четыре части и бросил в камин».

Свою оценку действиям Феофана дал и игумен Серафим (Кузнецов), автор книги «Православный царь-мученик».

«Впоследствии у Григория Распутина с епископом Феофаном вышли неприятности, последний ставил в вину Григорию Распутину то, что якобы ему одна какая-то женщина открыла на исповеди – неблагопристойное поведение старца Григория. Епископ Феофан и здесь показал свою неопытность духовную, на слово поверил этой женщине, которая, впоследствии оказалось, все это придумала; но это еще ничего, он доложил Царице, что ему на исповеди такая-то открыла нехорошее по отношению поведения Григория. Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от своего духовника то, что ему было открыто на исповеди! Значит, сегодня он будет говорить одно, завтра – другое <…> Этим своим поступком, недопустимым для духовника, он решительно оттолкнул от себя так преданную доселе духовную дочь – Царицу, которая чуть-чуть совершенно не потеряла веры в подобных епископов-духовников <…> отказ от своих слов, сказанных на исповеди епископу Феофану, женщины укрепили убеждение царицы по отношению своего духовника епископа Феофана и Григория Распутина. Впоследствии ей казалось, что все то, что пишут и говорят про Григория, все это по зависти клевещут на него и трудно было ее в этом разубедить».

Что за женщина сначала призналась на исповеди, а потом отказалась от своих слов – сказать трудно. Скорее всего, это была не Берладская, но Вишнякова, и произошло это весной или летом 1910 года, по возвращении Мери из Покровского. Но самое главное даже не это. Существуют косвенные свидетельства того, что отчасти слухам о падениях Распутина Императрица верила и пыталась найти поведению своего Друга объяснение. Протопресвитер Шавельский приводит в мемуарах свой разговор с духовником Царской Семьи, сменившим епископа Феофана после того, как тот выступил против Распутина:

«О. Васильев не отрицал ни близости Распутина к царской семье, ни его огромного влияния на царя и царицу, но объяснял это тем, что Распутин, действительно, – человек, отмеченный Богом, особо одаренный, владеющий силой, какой не дано обыкновенным смертным, что поэтому и близость его к царской семье и его влияние на нее совершенно естественны и понятны. О. Васильев не называл Распутина святым, но из всей его речи выходило, что он считает его чем-то вроде святого.

– Но ведь он же известный всем пьяница и развратник. Слыхали же, наверное, и вы, что он – завсегдатай кабаков, обольститель женщин, что он мылся в бане с двенадцатью великосветскими дамами, которые его мыли. Верно это? –

спросил я.

– Верно, – ответил о. Васильев. – Я сам спрашивал Григория Ефимовича: правда ли это? Он ответил: правда. А когда я спросил его: зачем он делал это, то он объяснил: "для смирения… понимаешь ли, они все графини и княгини и меня грязного мужика мыли… чтобы их унизить".

– Но это же гадость. Да и кроме того: постоянное пьянство, безудержный разврат – вот дела вашего праведника. Как же вы примирите их с его "праведностью"? – спросил я.

– Я не отрицаю ни пьянства, ни разврата Распутина, – ответил о. Васильев, – но… у каждого человека бывает свой недостаток, чтобы не превозносился. У Распутина вот эти недостатки. Однако они не мешают проявляться в нем силе Божией.

Эта своеобразная теория оправдания Распутина, как оказалось, глубоко пустила корни».

А дальше Шавельский пишет и вовсе об очень странной истории, которую поведала ему в сентябре 1915 года вдова герцога Мекленбург-Стрелицкого графиня Карлова и которая касается на сей раз даже не царского духовника, но самой Императрицы:

«За несколько дней пред тем Императрица Александра Федоровна передала ей (Карловой. – *А. В.),* порекомендовав прочитать, как весьма интересную, книгу: «Юродивые Святые Русской Церкви». (Заголовок книги привожу по памяти. Мне говорили, что книга эта составлена архимандр. Алексием (Кузнецовым), распутинцем, в оправдание Распутина. Может быть, в награду за эту услугу архимандрит Алексий, по протекции Распутина, в 1916 г. был сделан викарием Московской епархии, после чего он как-то хвастался одному из своих знакомых: «Мне что до Распутина: как он живет и что делает. А я вот, благодаря ему, сейчас Московский архиерей и, при всех благах, получаю 18.000 р. в год». (Архимандрит Алексий, как мне сообщил проф. Н. Н. Глубоковский, представлял эту книгу в СПб Духовную Академию для получения степени магистра богословия, но там ее, конечно, отвергли.)

В книге рукою Императрицы цветным карандашом были подчеркнуты места, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. Дальнейшие комментарии излишни».

Комментарии, впрочем, можно найти в книге С. Л. Фирсова «Русская Церковь накануне перемен»: «Скорее всего, императрица могла обратить внимание на главу IX ("Бесстрастие, как завершение подвига 'юродства'. Проявление высшей степени святости в св. юродивых"). Автор (в то время иеромонах)

подчеркивал, что бесстрастие есть стремление к богоподобию, при котором все страсти утихают. "Приобретению состояния бесстрастности, – указывалось в книге, – способствовала еще сильным образом та житейская обстановка, среди которой действовали св. юродивые, приучавшие себя к индифферентному бесстрастному обращению с людьми (напр[имер] с блудницами)".

Приходя к блуднице, такой святой не только не чувствовал движения страсти, но даже блудницу приводил к чистому и подвижническому житию. Далее иеромонах Алексий приводил историю со святым юродивым Серапионом Синдонитом, предложившим одной затворнице проверить, умерла ли она для этого мира – снять одежды и пройтись вместе с ним обнаженной по городу. Таким образом, – делал вывод автор, – святые юродивые препобеждали естество, становились выше его. "И только божественной помощью, – указывал о. Алексий, – при собственных напряженных усилиях ума и воли, и можно объяснить то явление, что св. юродивые, вращаясь почти нагие в кругу женщин, оставались нечувствительными к женским прикосновениям".

Уже то, что Распутина могли сравнивать со св. юродивыми – достаточно показательно».

Все это выглядит очень убедительно и кажется исчерпывающим, особенно если сопоставить это свидетельство с показаниями епископа Феофана, утверждавшего, что Царица говорила с ним, опираясь на некие богословские книги, но одно обстоятельство обращает на себя внимание. Протопресвитер Шавельский, указавший на интерес Императрицы к юродству и к книге архимандрита Алексия о бесстрастии, сам свидетель слишком небеспристрастный. Во всяком случае архимандрит Алексий (Кузнецов), о котором пишет Шавельский, при всей превратности своей судьбы и в свете мученической кончины[23] заслуживает большего, нежели презрительной клички «распутинец». Да и работа его «Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование» (СПб., 1913), вопреки мемуарам Шавельского, была не только утверждена в качестве магистерской диссертации, но и по сей день на нее ссылаются многие современные ученые (А. М. Панченко, Ю. Манн), а в 2000 году она была переиздана в Троице-Сергиевой лавре. Едва ли это произошло бы, будь все написано лишь ради того, чтобы оправдать блудные грехи сибирского мужика и получить за это доходное место.

Однако дело не только в этом. Черты, типологически схожие с юродством, в поведении Распутина действительно присутствовали. Все его рассказы про походы в баню с

городскими барынями ради желания сбить с них спесь и унизить – действительно тяготеют к юродству, только находящемуся уже в стадии полураспада.

«Снимая с женщин страсти и как бы забирая их греховные помыслы на себя, Распутин для проверки полности покаяния приглашал с собою мыться в бане молодых девушек и женщин. В первое же свидание я спросил Григория, правда ли это, – писал Г. П. Сазонов. – Он как-то *по-детски* (выделено мной. – *А. В.)* спокойно признал это. На мою возмущенную реплику он так же спокойно ответил: «…Гордыню принижал. Великий грех гордыня. Пусть не думают, что они лучше других»».

Тут, конечно, никакая не борьба с гордыней, не духовное упражнение и даже не неожиданный жест, к которым прибегали юродивые вроде уже упоминавшегося Серапиона, а лишь тление былого юродства. Но при этом нельзя исключить, что прежде, на каком-то этапе своих странствий Распутин мог достичь истинных ступеней подвижничества, коим отличались настоящие юродивые. По всей вероятности, именно к этому периоду его жизни относится следующее приписываемое ему изречение:

«Любовь есть идеал чистоты ангельской и все мы братья и сестры во Христе, не нужно избирать, потому что ровные все мущины и женщины и любовь должна быть ровная, бесстрастная ко всем, без прелести, и тот человек совершенно может любить, который находился вообще спасающийся без всякой прелести и ровный во спасении и без больших порывов не предавался никаким видениям бесовским, ни к сребролюбию, то эти люди могут любить не избираемые: ни молодости девы и ни старости семидесяти лет. У них одинаковая картина мягкого прелестного сердца: должны любить одинаково не более и не менее, ту и другую, тогда истинно любители во Христе. А будем избирать лица, а не души – это бездна ада совершится на тех любителях, которые так ищут. Вообще те могут любить, у которых идеал любви с детства еще и всякое послушание кажется не в силу и не в моготу, с этими людями вообще Бог не предстоит: хотя Он всегда от нас не отходит, но когда послушание кажется противным и не в моготу, в это время Бога в нас нет, а любви окажется с женщинами убийца, себя убьешь и погубишь во век. Ах, как надо осторожно, изо всех прелестей это вам и прелесть, а любить надо, если их не полюбишь, то несовершенный человек, не имеет славы духа, а нужно совершенному и совершенствоваться, это необходимо, и не обманывать себя, что совершенный, и во всем далеко отстоим. Так нужно быть совершенным, чтобы молодые девы, старые, взрослые и в преклонных летах, не находились в струпьях или разных

болезнях, так любить как своих родных и маленьких детей, приветство во Христе, зло и рана не приблизятся во век, и всякий яд не повредит спасающему. Этот дар приходит не в один год, а дожидаются много лет идеала любви».

Это была та высота, та мысленная высота, на которой он не удержался: не он одолел барынек, но они – его. Григорий Распутин пал, и в этом смысле он был фигурой павшей, то есть декадентской в самом прямом и точном смысле этого слова. Он был не просто приметой, но воплощением своего времени, и все же следы юродства – юродства Христа ради – в нем оставались и благодаря этому он производил столь сильное впечатление на людей, восприимчивых, чутких и доверчивых. К таким людям несомненно принадлежал и Государь, и в особенности Государыня. И то, что она была иностранкой, и по рождению и воспитанию инославной, а затем приняла православие, сыграло свою роль. В Средние века случалось, что именно иностранцы, не имеющие возможности юродствовать в своей родной стране, приезжали в Россию и становились юродивыми здесь. Царица юродивой, разумеется, не была, но в силу своей экзальтированной религиозности видела в Распутине близкую душу. Все это ни в коей мере не оправдывает самого Распутина, но дает объяснение, отчего так доверяла ему Государыня и почему искала аналогов его поведения в сочинении архимандрита Алексия «Юродство и столпничество», где действительно можно было прочесть что-то близкое к феномену «Нашего Друга».

Протоиерей Георгий Митрофанов, отвечая на вопрос «Неужели же в Царской Семье были неизвестны те слухи о Распутине, которыми полнилась Россия?», сказал так: «Александра Федоровна была человеком умным и понимала, что хоть, может, эти факты и неправда, но за ними что-то стоит. Но есть воспоминания о том, что она читала фундаментальное исследование о русских юродивых, в котором подробно рассказывалось о том, как подчас юродивые ходили к блудницам, голые ходили. Она пыталась, по-видимому, объяснить поведение Распутина именно этим. Так она до конца дней и не смогла понять, что это была жуткая подделка».

Формулировка очень точная: Григорий Распутин по отношению к юродству был примерно тем же, чем ложный белый гриб – к грибу настоящему. Или, возможно, и даже вернее, настоящим белым грибом, который по каким-то причинам мутировал и стал ложным… Пускай Николай и Александра этого не распознали, но ведь еще раньше их точно так же ошиблись Хрисанф, Феофан, Гермоген, Вениамин, сестры-черногорки… Да и

мутация сибирского странника носила странный характер.

«Г. Е. был обращен к царской семье лучшей стороной своей души, и доходившие до царя слухи о его недостойном поведении воспринимались как клевета, вызванная завистью. Это только подтверждает святость царя и царицы. Святые отличаются особою доверчивостью: например, Свят. Григорий Богослов приблизил к себе и даже сподобил пресвитерского сана человека, который тут же попытался похитить его кафедру. Изредка бывая у царской семьи, Распутин участвовал в обсуждении государственных вопросов. Но слухи о его политическом или церковном влиянии безмерно раздуты. На поверку "распутинская легенда" оказывается блефом. Не впадая в крайности известного исторического писателя О. Платонова, который доказывает, что Григорий Ефимович – величайший святой, можно все же понять интерес царской семьи к человеку, в котором ярко проявились свойства русской души и *особенности народного благочестия»* – так объяснил эту ситуацию уже в наши дни священник Валентин Асмус.

За это мнение его в церковной среде иногда критикуют, а выделенные нами слова в этой цитате – в контексте слухов о Распутине – могут вызвать ироническую усмешку. Однако есть любопытное свидетельство князя Жевахова, к Распутину прямо не относящееся, но раскрывающее своеобразие народного представления о святых:

«Я знал одного схимника, человека сравнительно не старого, пользовавшегося большим уважением у крестьян, всегда приглашавших его в качестве "свадебного генерала" на свадебные торжества… Без этого схимонаха не обходилось ни одно деревенское торжество.

Величавою поступью, в полном схимническом одеянии, торжественно входил он в избу, садился на почетном месте, держал себя чинно, мало говорил, еще меньше вкушал, но… выдерживал свою позицию только… до первой рюмки. Но вот раздалось пиликанье скрипок и задорные звуки бубен и схимник протягивал руку за второй рюмкой, потом еще и еще и… русская натура не выдерживала, прорывалась, и схимник пускался в пляс, и так отплясывал "гопака", что вызывал зависть даже у деревенских парней. Такое "искушение" настигало схимника при каждом деревенском торжестве; в остальное же время он запирался в своей келий, вымаливал свой грех пред Богом, и его видели только где-нибудь в темном уголке храма… Его поведение нисколько не колебало его престижа у крестьян, которые ограничивались только одним замечанием: "ослабел батюшка; а раньше, когда был помоложе, то куда лучше танцевал; да и на

ногах держался тверже"…»

О юродстве Распутина писал Радзинский. Как юродивого сыграл своего героя в известном фильме «Агония» Алексей Петренко: «Я считаю Распутина несчастным юродивым. Распутин был многолик. Я играл не дьявола, хотя некоторые его современники так его называли. На Руси юродивых считали святыми. Ведь они делали все против правил. Если нормальный мужчина никогда к незнакомой женщине не подойдет, то юродивый может сделать Бог знает что. Он провоцирует, нарывается на неприятности. Например, во время поста выходит на площадь у храма и демонстративно начинает есть кусок сала. Православные такого святотатства не могут вытерпеть и колотят юродивого. Он как жертва, а те, кто его бьет, берут на себя грех. В фильме "Агония" Распутина тоже бьют, и он является жертвой, а не порождением зла, сатаны и т. д. Роль мне далась нелегко».

Стоит также заметить, что в современной и достаточно часто встречающейся характеристике Распутина как юродивого ничего ни принципиально нового, ни оригинального нет. Еще следователь комиссии Временного правительства Руднев писал о том, что «Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не заурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминавшие порою юродивого, были несомненно искусственны; ими он старался подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность».

«…"бабничество" Распутина никого особенно не удивляло: ведь так предлежит "старцу", если он с "юродством". К юродству же в каждой русской душе премирная тяга, – замечала Зинаида Гиппиус и при этом уточняла: – В Распутине настоящего юродства никогда не было, но юродствовал он постоянно и с большой сметкой: соображал, где сколько положить».

В серьезном издании «История Русской церкви. 1700– 1917» (автор – известный богослов И. К. Смолич) читаем: «Феномен Распутина родствен также другому явлению русской духовности – святому безумию, юродству, которое нередко оказывалось на грани сектантства. Святое юродство, или юродство Христа ради, которое было уже в древнем христианстве, играет большую роль в русском благочестии как один из путей христианского совершенствования в самоуничижении и смирении. Поначалу Распутина считали настоящим юродивым, который заслуживал тем самым признания и уважения».

«Аскетическое попрание тщеславия, всегда опасного для

монашеской аскезы. В этом смысле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей», – охарактеризовал одну из черт юродства религиозный мыслитель Георгий Федотов.

«Легко казаться святым тем, кого признают таковым; но неизмеримо труднее удерживаться на определенной нравственной высоте тем, за кем не признается даже малейших нравственных качеств. "Юродивые" своим поведением и отношением к окружающим умышленно создавали себе такую почву, какая до крайности осложнила их борьбу с их личными грехами, но в то же время доводила эту борьбу до конечных пределов, искореняющих самый источник греха. Они стояли уже на такой нравственной высоте, какая обязывала их вести борьбу с общественным мнением не тогда только, когда это мнение было против них, но и тогда, когда оно было за них, и эта последняя борьба была еще более ожесточенной, упорной и настойчивой…» – утверждал князь Жевахов, и странно применимо это определение к человеку, который для одних носил личину греха, а для других – святости, и который и в жизни своей был столь же многолик, как и в слухах о себе.

Известно предание о встрече Распутина с подлинной юродивой – Пашей Саровской (той, что предсказала Государыне рождение сына):

«В эти годы многие приезжали в Сэров и в Дивеево. Приезжал Распутин со свитой – молодыми фрейлинами. Сам он не решился войти к Прасковье Ивановне и простоял на крыльце, а когда фрейлины вошли, то Прасковья Ивановна бросилась за ними с палкой, ругаясь: "Жеребца вам стоялого". Они только каблуками застучали».

Это «не решился войти» очень примечательно. «Распутин вошел в царский дворец так же спокойно и непринужденно, как входил в свою избу в селе Покровском», – писал о нем его будущий убийца Ф. Юсупов. А вот перед настоящей блаженной оробел, и эта робость странно трогательна в нем.

Каким бы грешником и прелюбодеем Григорий Распутин ни был, одного нельзя в нем отрицать – веры в Бога. Он и в грехе, и в разврате оставался глубоко верующим человеком. Возможно, с христианской точки зрения, это только усугубляет тяжесть его положения – но вероотступником, как иные из его современников, он не стал.

«Он часто беседовал с нами о Боге. Он говорил, что Бог – это утешение в жизни, но что нужно уметь молиться для того, чтобы получить это утешение. Чтобы молитва могла дойти до Бога, нужно во время молитвы всецело отдаваться вере в Бога и гнать

от себя все другие мысли. Он говорил, что молиться не каждый может и что это трудно. Он часто постился и заставлял поститься нас. В пост ел одни сухари и строго соблюдал его. Он говорил, что посты установлены вовсе не для здоровья, как говорят ученые люди, а для спасения души… Он замечательно хорошо говорил о Боге, когда бывал пьяный».

Так писала не в мемуарах, а показывала на следствии Матрена Распутина. Последнюю фразу из этого фрагмента иногда цитируют, чтобы поставить Распутину в вину еще одно прегрешение – говорил о Боге пьяным. С одной стороны, это так: с годами у трезвого у него не хватало вдохновения и требовалась подпитка извне, но, с другой стороны, это косвенно доказывает, что Матрена, пытавшаяся отца защитить, не лгала, и крамольная фраза, вырвавшаяся у нее, быть может, помимо воли, подтверждает истинность ее показаний в целом. В ее родителе действительно сочеталось несочетаемое – пьянство, похоть и молитва. В эти духовные и душевные извивы благоразумнее не вникать, ибо слишком легко тут ошибиться и поскользнуться; проще принять это как данность и не рассуждать, руководствуясь словами, вынесенными в эпиграф этой книги. Однако был в России человек, который дерзнул свое суждение произнести. Возможно, потому, что в известном смысле в нем тоже соединилось нечто подобное. За вычетом, может быть, пьянства, все же меньшего из грехов.

Этот человек, как и Распутин, был близок к Церкви, но к церковной иерархии не принадлежал, находясь с ней в очень сложных взаимоотношениях, этот человек много размышлял над вопросами религии и пола и говорил о их глубокой взаимосвязи, он также критиковал монашество и пытался по-своему объяснить и себе, и русской публике феномен Распутина, в том числе и с точки зрения его поведения с женщинами. Был он вторым после Клюева (а может быть, и первым) Распутиным русской литературы, ее *enfantterrible.* Из всех великих писателей серебряного века он практически единственный, кто в случае с Распутиным пошел поперек общественного мнения и сказал свое слово – *за.* Родившийся в семье лесничего в маленьком заволжском городке Ветлуге, он был чем-то близок тобольскому крестьянину, и не случайно Ахматова, вспоминая в связи с «Поэмой без героя» литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака», усадила рядом двух посетителей: «И я не поручусь, что там в углу не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина».

«…зашедши к священнику деловым образом, в будень, я встретил у него за сухим чаем ("без всего") не то мещанина, не то

крестьянина… Пока я болтал со священником и матушкой, он выпил свою "пару чая", ничего не говоря, положил стакан боком на блюдечко ("благодарю, больше не хочу") и, попрощавшись, вышел. Это и был "Странник" – мужичонко, серее которого я не встречал».

Так писал о Распутине Василий Васильевич Розанов в «Апокалиптической секте», как будто предвосхищая то, что впоследствии напишет о Распутине Зинаида Гиппиус: «…я же утверждаю, что он был крайне обыкновенный, незамечательный, дюжинный мужик».

Но дальше Розанов взрывает ситуацию:

«От него "тяга"?!!

Влиявшая на непоколебимого и ученого архимандрита?!..

На эту изящную, светящуюся талантом женщину?!!

Какое-то "светопреставление"… Что-то, чего нельзя вообразить, допустить…

И что – *есть!!* Воочию!!

Совсем позднее мне пришлось выслушать два рассказа "третьих лиц", и не увлеченных, и не вовлеченных:

– Разговор, – о каком-то вопросе церкви, о каком-то моменте в жизни текущей церкви, – был в квартире о. архимандрита: и мы все, я и другие присутствующие, были удивлены, что о. архимандрит всегда такой определенный и резкий в суждениях, был на этот раз как будто чем-то связан… Разговор продолжался: как вдруг занавеска отодвинулась и из-за нее вышел этот Странник, резко перебивая всех нас:

– Пустое вы говорите, пустое и не то…

– И дальше – какое-то "свое решение", нам не показавшееся ни замечательным, ни убедительным. Нужно было видеть, что произошло с о. архимандритом: с момента, как вошел "Странник", очевидно слушавший все из-за занавески, его – *не было. "Нет* о. архимандрита". Он весь поблек, принизился и исчез. Вошел в комнату дух, «духовная особа» такой значительности, около которой резкий и властительный о. архимандрит исчез и отказывался иметь какие-нибудь «свои мысли», «свои мнения», быть «своим лицом», – и мог только повторять то, что «Он сказал»…

Вспомнишь пифагорийское *«Сам изрек», "Учитель* сказал".

…Но и без шуток и "примеров", – тут было что-то параллельное, одинаковое в силе; было что-то, *проливающее свет на само пифагорейство*… Была страшная личная скованность, личная зависимость одного человека от другого.

И в *этой-то неисповедимой зависимости* – все дело…»

Здесь все показано сквозь розановские очки. Розанов

сознательно гиперболизирует роль Распутина, пифагорейца, мудреца, особы (в другой своей книге – «Мимолетное» он и вовсе скажет: «Гриша – гениальный мужик. Он нисколько не хлыст. Евгений Павлович[24] сказал о нем: «Это – Илья Муромец». Разгадка всего») и принижает отца архимандрита, по всей видимости Феофана, которого философ пола не любил за монашество, аскетизм и целомудрие (и поэтому написал: «Конь ослу не товарищ. Гриша – конь, а Феофан – осел») – Розанов любуется Распутиным и восхищается в нем тем, что возмущает других – женолюбием. «Серьезным тоном Гриша сказал:

– Я же к *ним* никогда не шел сам, и не привлекал: а когда они шли, ко мне, то я брал.

И еще:

– Тут граница есть только одна и важная, чтобы кому-нибудь не выпало страдания.

– Чтобы от этого никому *не было боли* (я). Он как пятерней вцепился.

– Вот! Вот!»

И следующей своей мишенью Розанов избирает не кого иного, как М. А. Новоселова:

«Новоселову этого нельзя понять. Но нельзя сказать, чтобы мир был ограничен Новоселовым».

В отличие от нынешних адвокатов Распутина Розанов не отрицает, не затеняет, а подчеркивает и выставляет напоказ самый скандальный из распутинских грехов, провоцируя своих собеседников:

«Мне как-то случилось обмолвиться в присутствии священника, что ведь "личность этого Странника с нравственной стороны ничем не удостоверена, потому что зачем же он *целует и обнимает* женщин и девушек? Тогда как личность вот *такого-то* человека (я назвал свою жену) совершенно достоверна и на ее нравственное суждение *можно положиться*"… Нужно было видеть, какое это *впечатление* произвело. Священник совершенно забылся и ответил резко, что хотя "странник и *целует женщин* (всех, кто ему нравится), но поцелуи эти до того целомудренны и чисты… как этого… как этого… нет у жены вашей, не встречается у человека"»…

И чуть дальше: «Я видел сущность дела: священник *ревновал* к славе странника. Малейшее *сомнение* в «полной чести» приводило его в ярость, в которой он забывался и начинал говорить грубости. «Да что такое?» – "Почему о *всех* можно сомневаться, а об *этом,* а об *нем* – нельзя?"»

А после этого следует довольно неожиданное и – надо отдать Розанову должное – довольно точное сравнение Распутина с

еврейским цадиком[25].

«Когда "цадик" кушает, например, рыбу в масле, то случится – на обширной бороде в волосах запутается крошка или кусочек масляной рыбы. Пренебрегая есть его, он берет своими пальцами (своими пальцами!!) этот кусочек или крошку масляной рыбы и передает какой-нибудь "благочестивой Ревеке", стоящей за спиной его или где-нибудь сбоку… И та с неизъяснимой благодарностью и великим благоговением берет из его "пальчиков" крошку и проглатывает сама…

"Потому что из *Его* пальцев и с *Его* бороды"… и крошка уже *«свята»*».

Примечательно, что похожее описание трапез можно найти и в других воспоминаниях о Распутине.

«Находились дамы, которые не брезговали доедать остатки его ухи, снимать с его бороды оставшиеся куски рыбы, поднимать с полу орехи, выпавшие из его рта, и благоговейно вкушать», – писал неодобряемый Розановым М. Новоселов.

«Мне налили чай. Я протянула руку за сахаром, но Килина (Акилина Лаптинская. – *А. В.),* взяв мой стакан, сказала Распутину:

– Благослови, отец.

Он достал пальцами из стоявшей возле него сахарницы кусок и опустил его в мой стакан, – записывала в своем дневнике Елена Джанумова. – Заметив мое удивление, Килина объяснила:

– Это благодать Божия, когда отец сам своими перстами кладет сахар.

И я действительно заметила, все с благоговением тянутся к нему со своими стаканами».

А вот чем все закончилось:

«Стали расходиться. "Отцу" целовали руку. Он всех обнимал и целовал в губы.

– Сухариков, отец, – просили дамы.

Он раздавал всем черные сухари, которые дамы заворачивали в душистые платочки или в бумажки и прятали в сумочки. Предварительно пошептавшись с некоторыми дамами, Дуняша вышла и вернулась с двумя свертками в бумаге, которые и раздавала им. Я с удивлением узнала, что это грязное белье "отца", которое они выпрашивали у Дуняши. "Погрязнее, самое поношенное, Дуняша, – просили они, – чтобы с потом его". И носили его».

Даже если это преувеличение – а Джанумова свидетель крайне ненадежный и ее дневник сильно беллетризован, – все равно известно, что атмосфера нездорового поклонения окружала Распутина уже при жизни, и едва ли кто-либо даже из его

сторонников эту болезненность станет отрицать. Болезненным, к слову сказать, было и окружение святого и праведного Иоанна Кронштадтского. Но только он своим окружением тяготился и от этого поклонения страдал. Распутин же, по свидетельству самых разных мемуаристов, почитание собственной личности если не культировал, то по меньшей мере никак не пресекал, и это еще одно очень существенное отличие его от подлинного праведника.

Но вернемся к Розанову.

«Мы, собственно, имеем возникновение момента *святости.* Но этого мало, – начало момента, с которого *начинается религия.* "Религия – *святое* место", *"святая* область", *"святые* слова", *"святые* жесты"… «Религия» – святой *«круг»,* круг "святых *вещей".* До «святого» – нет религии, а есть только ее имя. *Суть* «религии», таинственное «электричество», из коего она рождается и которое она манифестирует собою, и есть именно святое: и в «хасидах», «цадиках», в «Шнеерсоне» и «Пифагоре», и вот в этом «петербургском чудодее», мы собственно имеем «на ладонь положенное» начало религии и всех религий…

Которое никак не можем *рассмотреть.*

"Ум мутится", "ум бессилен"… "Ничего не понимаем"»…

И следом:

«Странник, о коем я упомянул, утонул в море анекдотов о нем, которых чем более – тем гуще они заволакивают от нас существо дела… Между тем здесь великая тема для мысли и для любопытства. Мы, конечно, имеем перед собою "что-то", чего совершенно не понимаем, и что натурально – *есть,* реально – *есть;* что присутствует в этом страннике…

…можно *объективно* заметить в Сибирском Страннике, заметить «научно» и не проникая в корни дела, – это что он поворачивает все «благочестие Руси», искони, но *безотчетно и недоказуемо* державшееся на корне аскетизма, «воздержания», «не касания к женщине» и вообще *разобщения полов,* – к типу или вернее к музыке азиатской мудрости (Авраам, Исаак, Давид и его «псалмы», Соломон и «Песнь песней», Магомет), – не только не разобщающей полы, но в высшей степени их соединяющей. Все «анекдоты», сыплющиеся на голову Странника, до тех пор основательны, пока мы принимаем за что-то окончательное и универсальное «свою русскую точку зрения», – точку зрения «своего прежнего»; и становятся бессильны при воспоминании о «псалмах Давида», сложенных среди сонма его окружавших жен… Странник чрезвычайно отталкивает *европейский тип* религий, – а «анекдоты» возникли на почве великого *удивления, как можно быть* «религиозным лицом», иметь посягательство на имя «святого человека», при таких… «случайностях». Но ведь «взяв

анекдот в руки» и вооружившись настроением анекдотиста, – это же самое можно рассказать о Магомете, о Соломоне, о Давиде, об Иакове и Аврааме, которые, однако, были *близки к Богу* и явили «знаки» своей близости. Вот эти-то «знаки» есть очевидно и у Странника: их читают те, кому это *открыто.* Это не «псалмы», которые все могли бы *прочесть.* Таким образом, у него нет «знаков» *всеобщей убедительности.* У него есть какое-то *дело жизни…* Какое? «Исцелил» и "научил молитве' – вот все, что пока определенно известно…

Но это "исцелился" – *личная* сторона дела. Но есть еще «история»… В истории Странник явно совершает переворот, показывая нам свою и азиатскую веру, где «все другое»… Потому что его «нравы» перешагнули через край «нашего». Говоря так, я выражаю *отрицательную* (не «европейская») суть дела. В чем же лежит *положительное"?* Не вем. Серьезность вовлекаемых «в вихрь» лиц, увлекаемых «в трубу» – необыкновенна: «тяга» не оставляет ни малейшего сомнения в том, что мы не стоим перед явлением «маленьким и смешным», что перед глазами России происходит не «анекдот», а *история* страшной серьезности…

Я не назвал по имени Странника, его имя на устах всей России. Чем кончится его история – неисповедимо. Но она уже не коротка теперь, и будет еще очень длинна. Но только никто не должен на него смотреть, как на "случай", "анекдот", как на "не разоблаченного обманщика". *Кто его знает* – перед теми все разоблачено: и однако «тяга», «труба» – остается».

Итак, если попытаться суммировать все вышесказанное, то не названный по имени Распутин для Розанова явление не просто не случайное и *не анекдотическое,* но явление – великое, глубокое, знаменательное, историческое, стоящее в одном ряду с Давидом и Соломоном и при этом очень русское. В «Мимолетном», имя Распутина уже прямо называя, Розанов пропел ему величание, сопоставив его ни больше ни меньше как с бывшим премьер-министром С. Ю. Витте:

«В сущности, Русь разделяется и заключает внутренне в себе борьбу между:

– Витте.

– И старцем Гришею, полным художества, интереса и мудрости, но безграмотным.

Витте совсем тупой человек, но гениально и бурно делает. Не может не делать. Нельзя остановить. Спит и видит во сне дела.

Гриша гениален и живописен. Но воловодится с девицами и чужими женами, ничего "совершить" не хочет и не может, полон "памятью о божественном", понимает – зорьки, понимает – пляс, понимает красоту мира – сам красив.

Но гений Витте недостает ему и до колена. "Гриша – вся Русь". Да: но Витте

1) устроил казенные кабаки;

2) ввел золотые деньги;

3) завел торговые школы.

Этого совершенно не может сделать Гриша!!!!! Гриша вообще ничего не может делать, кроме как любить, молиться и семь раз на день сходить в "кабинет уединения".

Вся Русь».

И вместе с этим Распутин – это духовный революционер, реформатор, призванный привнести в эту Русь, в традиционное «европейское», византийское православие ветхозаветный, азиатский полигамный дух.

«Все "с молитвою" – ходили по рельсам.

Вдруг Гриша пошел без рельсов.

Все испугались…

Не того, что "без рельсов". Таких много. Но зачем "с молитвою".

– "Кощунство! Злодеяние!"

Я его видел. Ох, глаз много значит. Он есть "сам" и "я".

Вдруг из "самого" и "я" полилась молитва. Все вздрогнули. "Позвольте, уж тысячу лет только *повторяют".*

И все – "по-печатному". У него – из физиологии».

И в то же время – и в этом весь Розанов! – Распутин у него глубже иных понимает сущность христианской традиции и святоотеческого учения. Вот рассуждения розановского Распутина о Льве Толстом и его конфликте с Русской Церковью.

«– Толстой глуп (он сказал более мягкое слово, которое я забыл). Он говорил против Синода, против духовенства – и прав. П. ч. выше, сильнее и чище их. Но ведь он не против них говорил, *а против слов, которые у них* (у духовенства). А слова эти от Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. И тут *он* сам и его *сочинения* маленькие.

Так просто.

Этого *анализа,* этого *отделения* никто не сумел сделать во время сложной и многолетней полемики и «за» и «против», и за Толстого и против него, и за Церковь и против нее. Тараторили.

Сибирский крестьянин сказал *мысль.* Которая разрешает все.

Он несколько раз ее повторил (говорили вокруг и много). Только ее. Ее одну:

– Но ведь он задумал-то бороться не *с теперешними,* а с *Церковью:* а у Церкви – И. Златоуст, Василий и Григорий».

Верил ли Розанов сам в то, что писал? Понимал ли то, что писал? Говорил ли Распутин то, что Розанов ему приписывал, или

Василий Васильевич сам протаскивал контрабандой свои заветные мысли и вкладывал их в чужие уста (что в общем-то очень вероятно, ибо стиль распутинских высказываний в розановских книгах – слишком розановский, сам Распутин выражался иначе – см. далее его интервью) – ответить на все это однозначно так же трудно, как и на вопрос о распутинском хлыстовстве либо распутстве. Но по-своему прав был Бердяев, когда писал о Розанове:

«Он совершенно субъективен, импрессионистичен и ничего не знает и не хочет знать, кроме потока своих впечатлений и ощущений. Само преклонение Розанова перед фактом и силой есть лишь перелив на бумагу потока его женственно-бабьих переживаний, почти сексуальных по своему характеру… Напрасно Розанов взывает к серьезности против игры и забавы. Сам он лишен серьезного нравственного характера, и все, что он пишет о серьезности официальной власти, остается для него безответственной игрой и забавой литературы».

В равной мере это относится и к статьям философа пола о превозносимом им Страннике, который, впрочем, и сам однажды высказался о специфике литературного труда.

«Какое счастье быть писателем <…> Писатель расцветает каждодневно, как весна. А от нечистого духа писатель грубеет, как осень, и желает своим писанием весь свет научить, а себя беспокоит. Почему себя беспокоит?

Потому что <Бог> дал талант, да мало, что дал талант, надо его направить на стезю истинную <…> Молитесь о писателе, о заблудшем, пускай Бог просветит его ум и найдет талант» – так записывали за Григорием Распутиным его поклонницы в апреле 1915 года, то есть как раз тогда, когда Розанов публиковал свои «распутинские» опусы (вышеприведенные цитаты из «Мимолетного» датируются у Розанова также апрелем 1915 года), и, как знать, возможно, к самому В. В. Розанову мысли и молитвы «отца» и были обращены.

Но вряд ли бы Розанов отнесся к ним всерьез. Философ пола использовал Распутина для утверждения своих взглядов на религию и отношения мужчин и женщин, перехлестывая через край, полемизируя, играя и дразня своих оппонентов и эпатируя публику, он писал о серьезности, а сам иронизировал, провоцировал, очень часто кощунствовал, и на этом сюжете можно было бы вообще не останавливаться, объявив его мутным фактом частной жизни самого Василия Розанова[26], если б мы не наблюдали чего-то подобного сегодня, когда предпринимаются попытки представить Распутина старцем, молитвенником, объявить святым и требовать его немедленной канонизации, хотя

вдохновения, таланта и правды в этих попытках и близко к розановским нет.

«В небольшой келий молитвенная, глубокая тишина. В благоговении предстоим пред иконами, среди которых два больших мироточаших образа мученика Григория (Г. Е. Распутина). Один – в рамке, под стеклом, на котором отчетливо видны многочисленные капельки Божественной росы – мира. Другая икона написана на холсте маслом. Дивное благоухание исходит от икон, обильно, струями источающих благодать. Никто не нарушает тишины. Только время от времени, осенив себя крестным знамением, по очереди подходим, чтобы приложиться ко святыням. Бережно прикоснувшись к струйкам, каждый крестообразно помазует чело елеем. Еще несколько капель истекло на наших глазах по свитку, что б руке мученика. На свитке молитва – плач души ко Господу, гонимого злым миром: "Рассуди меня, Господи, ибо я ходил в непорочности моей; уповая на Господа, не колеблюсь. В гонениях путь Твой! Ты нам показал Крест Твой за радость. Изгнания Твои тяжелые! И минутная жизнь – пресветлый рай, – нет конца! Ах, несчастный бес, восстановил всю Россию, как на разбойника! Бес и все готовят блаженство вечное! Вот всегда бес остается ни с чем. Боже! Храни Своих!"

Эта молитва – в подобие двадцать пятого псалма Давидова – излилась из его сердца, когда не оставалось никакой надежды на земную помощь: Григория Распутина травили, поносили и злословили, унижали и оклеветывали с такой злобой и неистовством, что противостоять сему мог действительно лишь человек святой жизни».

Так пишет о Распутине одна из нынешних поклонниц старца Татиана Гроян. «Удачный анализ его духовной сути в книге Т. Гроян "Мученик за Христа и за Царя Григорий Новый" лишь подчеркивает эту нашу нищету», – скорбно заметил по сему поводу единомышленник Татианы С. В. Фомин, а еще один из апологетов Распутина И. В. Евсин покаялся:

«А вот мы, вероятно, маловеры. Все еще выясняем, грешил Распутин или не грешил. Ссылаемся на сфабрикованные воспоминания Марии (Матрены Распутиной. – *А. В.)* Распутиной, доносы завербованных полицейских агентов, свидетельства людей, которые сами были введены в заблуждение. Пишу эти строки, и такое грустное чувство охватывает мое сердце, такое сожаление о нашем стремлении обязательно выискивать в человеке что-то порочное.

Что ж, может, в чем-то и грешил Распутин, ибо, как сказано в Священном Писании: "Нет человека, который не согрешил бы" (2, Пар. 6, 24), но старец Григорий явился перед Господом

праведником, мученической кровью омыв свои грехи. А вы, сегодняшние критики, не грешны ли своим осуждением сибирского старца? Попробовали бы вы понять, осмыслить не "свидетельства" о нем, а его самого как человека, который нес такой тяжкий крест, что возможно и падал под его тяжестью. Представьте, какое всемирное зло ополчилось на Распутина, если решение о его дискредитации было принято в Брюсселе, на Всемирной ассамблее масонов. Представьте себе хотя бы на минуту, что о вас лично в каждом городе, на каждом углу распространяют газеты и журналы, в которых черным по белому написано, что вы пьяница, вор, половой извращенец, слуга сатаны. И эта клевета обсуждается среди ваших родных и знакомых, на кухнях обывателей и в Государственной Думе, среди простых православных людей и в Священном Синоде».

«Схема до убожества проста, – прокомментировал эту мысль С. Фирсов в работе «Русская Церковь накануне перемен», – некие злые силы решили извести великого в простоте и праведности своей старца и с этой целью затеяли кампанию против него, тем самым дискредитируя и царскую Семью (недаром Распутина называли "другом царей!"). Историческая "правда" добывается маргиналами преимущественно через разоблачение клеветников – и прошлого, и настоящего, и невольно заблуждающихся, и сознательно лгущих. В кратком послесловии к своей обширной книге Т. Гроян, например, специально указала, что, используя в качестве источника книгу дочери сибирского "старца" Матрены («Распутин. Воспоминания дочери». М., 2000), она имела в виду, что "определенные ее части <…> целиком ложны", "но верующее сердце способно отличить правду от лжи". Критерием истины оказывается "верующее сердце", помогающее отделить пшеницу от плевел. Комментарии в данном случае, полагаю, излишни. Разоблачать правдолюбцев – дело бесперспективное, они не исследователи; скорее – обвинители и адвокаты, больше заинтересованные в словесной реконструкции утерянного земного "рая", чем в воссоздании реальной исторической картины, сколь неказиста она бы ни была. Кроме того, публицистическая агрессивность – неотъемлемая черта таких правдолюбцев, объединяющая всевозможных почитателей "старца", как катакомбных, так и патриархийных».

К этой замечательной оценке стоило бы добавить, что ничего принципиально нового в пафосе канонизаторов Распутина нет. О подобных настроениях еще давно предупреждал религиозный философ Сергей Иосифович Фудель.

«Явление Распутина страшно не потому, что был такой человек сам по себе, а потому, что он был выразителем и точно

итогом многовекового затемнения в русской религиозной душе великой и трудной идеи святости. Русский человек вдруг оказался падким на тот самый соблазн, на который строго указал уже апостол Павел. "И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, – пишет он Римлянам как бы от имени этих соблазненных, – как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых".

Из "делать зло, чтобы вышло добро" русский человек сотворил себе дьявольский силлогизм: 1) "Не покаешься – не спасешься", 2) "Не согрешишь – не покаешься", а поэтому 3) "Не согрешишь – не спасешься". Путь к спасению стал утверждаться не против греха, а через грех. Как удобно! И мы хорошо знаем, что не только темные сибирские мужики, хитро иногда подмигивая собеседнику, могли развивать эту теорию своей практики о спасении через грех, но и вполне интеллигентные люди, ничего не понимая в истинной святости, могли и могут говорить нечто подобное (но, конечно, более деликатно), убежденно презирая, как они говорят, "всякое святошество". "Праведен суд на таковых". Может быть, все положительное, что было и есть в послереволюционной религиозной мысли, надо было бы определить как возврат к апостольскому осознанию идеи святости, не имеющей, конечно, ничего общего со "святошеством", так же как истинное покаяние не имеет ничего общего, то есть несовместимо с грехом. Отец Амвросий Оптинский, передавая учение Отцов, говорил, что "покаяние не оканчивается до гроба и имеет три свойства: очищение помыслов, терпение скорбей и молитву. Три эти вещи одна без другой не совершаются", то есть без очищения и покаяния».

Эти слова православного христианина, всей жизнью своей доказавшего преданность Церкви[27], можно было бы адресовать тем, кто, переступая через факты, добивается сегодня канонизации Григория Распутина, создавая иконы и слагая акафисты в его честь.

Но вернемся в 1909—1910 годы.

«Дорогой отец Илиодор! По поручению владыки Феофана я пишу Вам о следующем. Мы оба умоляем Вас не защищать Григория, этого истинного дьявола и Распутина. Клянемся Богом Всемогущим, что на исповеди у владыки Феофана открылись его пакостные дела. Дамы, им обиженные, и девицы В. и Т., им растленные, свидетельствуют против него.

Он, сын бесовский, нас водил в баню и нарочно уверял, что он бесстрастен… А потом мы поняли, что он лгал и обманывал нас. Поверьте нам и не защищайте больше его… Любящий Вас иеромонах Вениамин».

Это письмо приведет в своей книге «Святой черт» монах-расстрига Илиодор.

За достоверность этой, как и любой другой цитаты, взятой из его памфлета, ручаться нельзя, но в данном случае она косвенно подтверждается мемуарами самого Вениамина. «Потом выявились совершенно точные, документальные факты, епископ Феофан порвал с Распутиным». Обращались или нет Вениамин с Феофаном к Илиодору, неизвестно, но главное – они предприняли попытку Распутина остановить, и опять же, если верить книге Илиодора, Распутин забеспокоился: «Миленький мой Илиодорушка! Не верь ты клеветникам. Они на меня клевещут. А знаешь почему? Из зависти! Вот я ближе их стоял к царям, цари меня больше любят, а их нет. Вот они и пошли против меня, хотят свалить меня! Не верь им. Им за этот грех капут. Закроется для Феофана лазутка. Григорий».

«Миленький владыка! Был там; они тебе низко кланяются. Просят тебя с Феофаном и Федченкой (Вениамином) не говорить. Дня через два буду. Григорий», – писал он, обращаясь к епископу Гермогену в декабре.

В книге Э. Радзинского епископ Феофан и иеромонах Вениамин показаны как двое простаков, которых обвел вокруг пальца прожженный сибирский жох и кидала. Мысли

Ковровским Афанасием (Сахаровым), архиепископом Фадеем (Успенским), «непоминающим» архимандритом Серафимом (Битюговым). Неоднократно арестовывался и ссылался. Участвовал в Великой Отечественной войне. До конца жизни не имел права вернуться в Москву и, проживая в г. Покрове Владимирской области, служил псаломщиком в единственной действующей церкви. Умер в 1977 году, оставив значительное число сочинений и мемуары.

о несамостоятельности Феофана и Вениамина придерживается и О. Платонов, только в его концепции епископы Феофан и Гермоген принадлежат к «кругу Николая Николаевича» и по этой причине выступают против старца. Помимо этого О. А. Платонов приводит еще один «гениальный» аргумент. Сначала он цитирует своего героя: «И теперь есть, да мало таких служителей; есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в монастыре жир нажили, – этим трудно подвизаться, давит их лень. Конечно, у Бога все возможно, есть некоторые толстые монахи, которые родились такими, – ведь здоровье дар, в некоторых из них тоже есть искра Божья, я не про них говорю». А вслед за тем добавляет уже от себя: «За одни слова о толстых монахах могли обидеться немало тогдашних епископов – и Феофан, и Гермоген, и Антоний, да и значительная часть

членов Святейшего Синода».

Возразить на этот полет мысли нечего. Синоду за что только не доставалось от потомков – но за толщину синодалов его, по всей вероятности, побили в первый раз. Отметим лишь, что Феофану, физически очень некрупному, удалось независимо от Великого Князя Николая Николаевича разлучить Распутина с Императорской Четой на довольно продолжительное время, и едва ли им двигало чувство обиды за слова о толстых монахах. То, что это сделал именно Феофан, подтверждают показания фрейлины С. И. Тютчевой, которая передавала свой разговор с Царем (где фигурирует Феофан с его отчаянными попытками остановить человека, приведенного им к черногоркам и попавшего через них во дворец):

«И он стал говорить, что не верит слухам, что к чистому всегда липнет нечистое, и он не понимает, что сделалось вдруг с Феофаном, который так всегда любил Распутина. При этом он указал на письмо Феофана на его столе.

– Вы, Ваше Величество, слишком чисты душой и не замечаете, какая грязь окружает вас… Я сказала, что меня берет страх, что такой человек может быть близок к княжнам.

– Разве я враг своим детям? – возразил Государь…

Он просил меня в разговоре никогда не упоминать имя Распутина».

«…создавая Распутину славу "святого", интернационал пользовался лучшими людьми, введенными им в заблуждение, так и позднее, эти же лучшие, обманутые в своей вере в Распутина, выступили впереди прочих в своих "разоблачениях" и содействовали той дурной славе Распутина, какая, в этот момент, была так нужна "интернационалу". Замечательно, что в обоих случаях лучшие русские люди исходили из своего личного отношения к Распутину, забывая, что центральным местом был Царь и династия, а не личность Распутина, – писал князь Жевахов, имея в виду прежде всего Феофана. – Наступил момент не только жгучей, невыразимо тяжелой душевной боли, но и момент открытой борьбы с тем, кто уже успел пустить при Дворе глубокие корни и доказать свою преданность Царю и Престолу целым рядом действий, оправдавших в глазах Царя даже его репутацию "старца". Как, однако, ни были глубоки душевные страдания епископа Феофана, как ни ясно было для него, что разочарование в Распутине лишит его не только прежнего обаяния, но и того нравственного авторитета, которым он пользовался при Дворе, как, наконец, ни очевидно было, что его миссия не будет иметь успеха, ибо свяжет его с общей оппозицией к Престолу, для которой личность Распутина не играла никакой

роли и какая только прикрывалась его именем, тем не менее епископ Феофан мужественно сознался в своей ошибке, рассказал Государю о поведении Распутина и умолял Царя об удалении его».

По всей вероятности, это произошло не ранее весны 1910 года. Во всяком случае еще зимой Государь встречался с Распутиным как никогда часто, судя по его дневнику.

«3 января… Видели Григория между 7 и 8 часами».

«6 января… к Алике пришел Григорий, с которым мы долго посидели и побеседовали».

«10 января… Видели Григория недолго».

«12 января… Видели Григория».

«14 января… Видели Григория».

«21 января… Вчера видел Григория и долго беседовал с ним».

«27 января… Видел Григория на полчаса после обеда».

«3 февраля… Долго беседовал с Григорием».

«8 февраля… После обеда видели Григория. Вечером приняли Столыпина».

«14 февраля… Видели Григория, простились с ним».

В феврале Распутин оставил Петербург и вернулся в Покровское. Поскольку весной того же года состоялась поездка в его родное село группы женщин, в числе которых была М. Вишнякова, то этот отъезд не означал разрыва с Царской Семьей. Охлаждение могло наступить именно из-за того, что рассказала Вишнякова епископу Феофану, а затем и Царице, вернувшись из Сибири.

Тогда же, весной 1910 года, стали появляться статьи в правых и левых газетах, о чем говорилось в предыдущей главе, и Распутин исчез из царского дневника, исчез из Петербурга больше чем на полгода. Однако зимой он снова приехал в столицу, и там состоялась его очередная встреча с Царской Семьей. Но не во дворце, а у Вырубовой.

12 февраля 1911 года Император записал в дневнике: «После обеда читал, затем поехали к Ане, где долго беседовали с Григорием».

Незадолго до этого Распутин подарил Государыне записную книжку со своими изречениями и надписью: *«Г. Распутин 1911 г. 3.2.» Здесь мой покой славы источник во свете свет подарок моей сердечной маме Григорий, февраля 3, 1911.* Первая же запись в этой книге была очень символична и поучительна: «Более скорби нет, когда своя своих не познаша. Терпеть очень больно!»

В этой тетрадке он снова старец, снова говорит о духовном, и, читая ее, трудно поверить тем слухам, которые о нем распространяются, и тем газетным статьям, которые пишутся, и

тем исповедям, которые присылаются. Видимо, именно эта книжка убедила в невиновности Распутина и необоснованности слухов, которые на него возводятся, и Вырубову, и Государыню, а затем и самого Государя.

В том же самом феврале 1911 года Распутин отправился в Святую землю.

«…мне тоже очень грустно, что наш любимый Друг уезжает – но, пока его не будет, мы должны постараться жить так, как он желает, – писала Государыня дочери Марии 15 февраля. – Тогда мы будем чувствовать, что в молитвах и мыслях он с нами».

Распутин посылал с дороги во дворец свои письма:

«Дивная Почаевская лавра. Что меня удивило? Во-первых, увидел я людей Божиих и возрадовался богомольцам очень, что нашел я истинных поклонников: тут явился страх в душе и наука: искания Бога, как они собирают жемчуг истинный, а потом увидел Матерь Божью и объял страх и трепет получил тишину и заметил в себе кротость прибавляется после всякой святыни дорогой жемчуг смирения.

И вот я вступил в собор и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса. Где Сама Матерь Божья ступила своим следом, там истекает источник сквозь каменную скалу вниз пещеры и там все берут воду с верой, и нельзя, чтоб не поверить.

О, какие мы счастливые русские люди, и не ценим, и не знаем цены чудесам».

Описывал он и Иерусалим: «Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила безсильны – невозможно, да и слезы у всякого поклонника с радостью протекут. С одной стороны всегда "да воскреснет Бог" поет душа радостно, а с другой стороны великие скорби Господни вспоминает. Господь здесь страдал. О, как видишь Матерь Божию у Креста. Все это живо себе представляешь и как за нас так пришлось Ему в Аттике поскорбеть. О, Господи, идешь и подумаешь и явится скорбь, и видишь – ходят такие же люди, как тогда, носят плащи и странная на них одежда прежнего завета, как сейчас, все так и было. И вот слезы текут, дни те подходят, наступил Великий Пост – выйдешь из храма, а в храмах этих великие события совершались и Сам Спаситель пролил слезы. Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа!

Так я чувствовал, что Гроб – фоб любви и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих и они дома чувствуют себя отрадно.

Сколько тысяч с Ним воскреснет посетителей. И какой народ? Все простачки, которые сокрушаются – их по морю Бог заставил любить Себя разным страхом, они постятся, их пища – одни сухарики, даже не видят, как спасаются. Боже, что я могу сказать о Гробе? Только скажу в душе моей: Господи, Ты Сам воскреси из глубины греховной в Чертог Твой Вечный Живота! О, какое впечатление производит Голгофа! Тут же в храме Воскресения, где Царица Небесная стояла, на том месте сделана круглая чаша и с этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на Кресте. Как взглянешь на место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут и видишь перед собой, как все это было. Боже, какое деяние совершилось: и сняли тело и положили вниз. Какая тут грусть и какой плач, на месте где тело лежало! Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить, спаси нас Своим страданием!»

«Когда я был послушником в Псково-Печерском монастыре, мне было дано послушание разбирать старинную библиотеку, присланную в обитель, – как раз в связи с этими страницами Распутина пишет нынешний настоятель московского Сретенского монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов). – Среди прочих книг мне попалась брошюра, написанная Григорием Распутиным, о его паломничестве в Святую Землю. Эта книга поразила меня. Передо мной предстал глубоко верующий, искренний и чистый человек, способный воспринимать святыню и с благоговением передавать свои впечатления о ней». Однако характерно и продолжение высказывания отца Тихона: «Потом, общаясь с последними представителями первой волны русской эмиграции, я слышал много ужасных рассказов о Григории Распутине».

Из паломничества Распутин вернулся не позднее начала лета 1911 года.

«4 июня… после обеда мы имели удовольствие видеть Григория после того, как… он вернулся из Иерусалима», – записал в дневнике Николай.

К этому же времени относится и частично уже цитировавшаяся статья М. О. Меньшикова «Распутица в церкви», в которой мы видим другого Распутина:

«Вдруг этим летом он опять является ко мне – и уже, по его словам, прямо из Иерусалима.

Вид у него был на этот раз уже не такой нарядный, сильно обтрепанный, но тон особенно елейный, как у всех, кто побывал у Св. Гроба. Начал он мне рассказывать что-то длинное о "треблаженном древе", что насадил Лот после грехопадения с дочерьми, и что будто бы из этого древа и был сооружен Животворящий Крест, на котором был распят Христос.

– Откуда же вы это узнали? – спрашиваю.

– В писании сказано.

– В Библии?

– Ну да, в Библии.

– Неправда, – говорю, – в Библии этого нет.

– Как нет?

– Да так и нет. Вот Библия, вот все, что сказано про Лота. Распутин покачал головой:

– Ты, миленький, верь! Ты не сомневайся: воистину треблаженное древо, еже насади праотец Лот. Это мне монах в Иерусалиме сказывал. Это, мол, у святых отцов написано.

– Бродяга, – говорю, – ваш монах, надул вас. Мало ли чего тамошние греки, монахи и не монахи, болтают русским мужичкам-паломникам…

– Он и книжки показывал, – говорит Григорий.

– Мало ли, – говорю, – какие книжонки пишут разные беспутные люди, что торгуют этим добром, – они продают даже слезы Богородицы и тому подобное.

– Ай, нет, – заволновался Гриша, – ты, миленький, не того… Ты, миленький, нехорошо говоришь. Уж раз святые отцы говорят..

Я спросил Григория Ефимовича, как он думает – был ли Страшный суд или не был. Он ответил – не был.

– Ну, а раз не было, – говорю, – последнего суда Божия, то совершенно неизвестно и решение этого суда: кого Христос наречет святыми и кого грешными. У католиков есть свои святые, у нас свои, у армян – свои. Разве можно признавать еретических святых угодниками Божьими? Как вы полагаете?

– Ты это к чему же клонишь? – с тревогой спросил Гриша.

– Да к тому, чтобы вы поменьше верили россказням греческих монахов и разным басням, которые они приписывают святым отцам. Они врут, а вы верите…

Легенда о треблаженном древе понадобилась Григорию, чтобы доказать мне, что хотя библейский Лот и соблудил с дочерьми в опьянении, но сей грех прощен ему, ибо плоть человеческая Сына Божия была распята за нас и понесла наказание за все грехи мира. А это Григорию понадобилось, чтобы ответить на мой откровенный вопрос: "Правда ли, Григорий Ефимович, что вы насчет женщин нечисты? Что будто у вас девушки и замужние молятся на манер хлыстов и что моленье кончается свальным грехом?" Он отвечал на это уклончиво: "Многое клевещут, брешут напраслину". Может быть, он и грешен, "кто же не грешен, но тут все надо понимать инако. Когда ты в духе, плоть умирает. Когда ты в духе, жди воли Божьей и всякая твоя воля – Божья. Без нее, ведь сказано, волос с головы не падет.

Когда тебя охватит в молитве радость блаженная, когда найдет на тебя Христос" и пр., и пр. Боюсь передать неточно слова Григория Ефимовича, крайне несвязные, но общий смысл их мне показался тогда хлыстовским, сексуально-экстатическим. Относительно клеветы и гонений на него он говорил недомолвками, что все на свете пройдет, одна правда останется, что он и теперь по-прежнему везде принят».

Косвенно о прощении Григория во дворце свидетельствует и статья М. Новоселова «Чествование уезжающего из Царицына "братца" Распутина», где приводятся слова иеромонаха Илиодора, обращенные к его другу Григорию: «Возлюбленный наш друг и брат во Христе! Приятно человеку после бури и грозы встретить ясные дни и наслаждаться тихой радостной жизнью. Ты переживаешь теперь такое состояние. Некоторое время над тобой висели черные тучи клеветы и неправды, когда на тебя ополчились все безбожники и жиды, старавшиеся всячески позорить и клеймить тебя».

Наконец вспомним еще раз строки из дневника Л. Тихомирова: «Гришка Распутин "вполне оправдался" перед царем и царицей, был у них и пользуется "громадным влиянием" и "нежной любовью"».

Да и поддержка Распутину «снизу» была также обеспечена:

«Много тысяч православных царицынских людей через Уполномоченных свидетельствуют, что блаженный старец Григорий имеет печать божественного призвания; дары благодати ему даны такие: бесстрастие, чудотворение, прозорливость, благодатный ум, изгнание бесов. Те, которые судят его, сомневаются в его правоте, пусть послушают апостола, говорящего: "Вы ищите доказательства на то, Христос ли мною говорит, испытайте лучше самих себя, в вере ли вы, о нас же, надеюсь узнаете, что мы то, чем быть должно".

Уполномоченные народом Косицын, Попов, Шмелев».

Таким образом, после периода охлаждения Распутин был снова допущен во дворец, что не укрылось от всей романовской династии, хотя определенные меры предосторожности Царская Семья предпринимала.

«Беседовал с Мики (вдовствующая императрица Мария Федоровна. – *А. В.),* — записал в дневнике 20 мая 1911 года Великий Князь Константин Константинович. – Она говорила очень откровенно <…> Сокрушалась, что продолжают таинственно принимать какого-то юродивого мужика Гришу, который наказывает и императрице Александре Федоровне и детям соблюдать тайну и не говорить, что видели его. Приучать детей к такой секретности едва ли благодетельно. Столыпин как-

то докладывал Государю, что этот Гришка – проходимец, но в ответ получил приказание не стеснять Гришу».

Такое же приказание получил, по-видимому, и Феофан. А для того, чтобы ему сподручнее было царскую волю исполнить, в ноябре 1910 года епископ был назначен на симферопольскую кафедру. Вопреки тому, что в массовой литературе иногда встречаются утверждения, будто бы «в ноябре 1910 года Феофана уберут из Петербурга в Астрахань, в губительный для него климат», перевод царского духовника в Астрахань состоялся лишь полтора года спустя, в июне 1912 года. Да и следует учесть, каким был тот 1912 год в истории взаимоотношений Распутина и Царской Семьи, чтобы понять душевное состояние Царицы, решившей удалить от себя Феофана. Речь об этом пойдет в свой черед, а пока что отметим, что, находясь к Крыму, где много времени проводила Царская Семья, епископ Феофан оставался к ней близок и позднее в своих устных воспоминаниях не считал перевод в Крым понижением.

«А что касается перевода Архиепископа в 1910 году из Петербурга в Крым, на Симферопольскую кафедру, то это была, как говорил Архиепископ, прежде всего личная забота Царского Семейства о его слабом здоровье, подорванном постами: климат северной столицы, с ее дождями и туманами явно не подходил Владыке. Для восстановления его здоровья лучшего места, чем солнечный Крым, не было. Перевод Преосвященного на Симферопольскую кафедру был сделан потому, что Августейшее Семейство проводило здесь полгода, и Они лично могли следить за его здоровьем. Ошибается тот, кто утверждает, что короткий крымский период его жизни был началом "удаления" Преосвященного от Царской Фамилии. Нет, это далеко не так, потому что сам Архиепископ говорил, что кратковременное его пребывание в Крыму было наивысшим выражением непосредственной близости к Августейшему Семейству. Так, например, он рассказывал, как Царские Дети приносили ему собранную ими лесную ягоду и как маленький Наследник Цесаревич передавал ее и как при этом его ручки дрожали. Он говорил о том, что из царских виноградников получал плоды на специальный курс лечения виноградом. Царская Семья предоставляла в его распоряжение свой автомобиль – в ту пору автомобили были редкостью – чтобы он мог побывать в горах, полюбоваться красотами природы Божией и подышать чистым, упоительным горным воздухом…» – писал схимонах Епифаний в своей книге «Жизнь святителя Феофана».

Через полтора года такой жизни именно Распутин все же станет причиной перевода епископа из Крыма в Астрахань, что

губительно скажется на здоровье Феофана. Однако не то чтобы злобы или ненависти, но даже осуждения в воспоминаниях Феофана о Распутине нет. Есть иное – сожаление.

«Редко говорил Владыка Феофан о Распутине, – вспоминал Епифаний, – а если иногда и говорил, то никогда не называл его этим именем. А лишь по имени отчеству или "старец Григорий". И это можно понять только при свете Евангельском, при свете аскетических наставлений Святых Отцев. Они строго воспрещают кого-либо осуждать, даже и самого отъявленного грешника. Право осуждения принадлежит только одному Господу Богу. И всякое осуждение человека человеком всегда обращается в падение самого осуждающего. Не напрасно же сказано Христом Спасителем: "Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить" (Мф. 7, 1-2). И можно догадаться, что Владыка Феофан, специально ездивший в Сибирь, на родину Григория Ефимовича для полного ознакомления с его прошлым, собрал там те сведения, которые и не позволяли Владыке в дальнейшем называть Распутина иначе как "старцем". Хотя петербургский период его жизни и был под знаком падения, но под знаком "падения старца". А такое падение, – как говорил Архиепископ, – могло иметь огромные последствия».

Это и есть ключевое место во всем сюжете одной человеческой жизни, о которой столько написано книг. И по-настоящему знал и понимал Распутина лишь один человек – Феофан, который и нашел для него самые глубокие и точные слова: «Он не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа и он пал. А среда, которая этого добилась, смотрела на все крайне легкомысленно. Для нее все это было "шуткой". Но в духовном отношении такое падение может привести к очень большим последствиям…»

Нет злобы по отношению к Распутину и у митрополита Вениамина.

«И будь он в силе, находись он под хорошим руководством опытного духовника, так в молитвах и покаянии он достиг бы не только спасения, а возможно и особых Божьих даров. Но он подвизался без руководства, самостоятельно и преждевременно вошел в мир руководить другими. А тут еще он попал в такое общество, где не очень любили подлинную святость, где грех господствовал широко, глубоко. Ко всему этому невероятная слава могла увлечь и подлинно святого человека. И соблазны

прельстили Григория Ефимовича: грех оказался силен.

Впоследствии, когда государю стали известны соблазнительные факты его жизни, он будто бы ответил:

"С вами тут и ангел упадет! – но тут же добавил: – И царь Давид пал, да покаялся"» <…>

И чуть дальше: «Трагедия в самом Распутине была более глубокая, чем простой грех. В нем боролись два начала, и низшее возобладало над высшим. Начавшийся процесс его обращения надломился и кончился трагически. Здесь была большая душевная трагедия личная. А вторая трагедия была в обществе, в разных слоях его, начиная от оскуднения силы в духовных кругах до распущенности в богатых».

«Распутин… с трудом удерживаясь на занятой им позиции "святого" и оставаясь в несвойственной ему среде, или в обществе людей, мнением которых не дорожил, распоясывался, погружался в греховный омут, как реакцию от чрезмерного напряжения и усилий, требуемых для неблагодарной роли "святого", и дал повод говорить о себе дурно», – писал князь Жевахов.

«История Церкви показывает, что были люди, которые достигали даже очень высоких духовных дарований, и потом падали нравственно», – говорил по поводу Распутина еще один русский епископ – Гермоген.

«Ив печальной истории падения главную роль сыграло высшее петербургское общество, – рассуждал схимонах Епифаний. – Оно окружило сибирского крестьянина всеми видами соблазнов. И старец не устоял. Высшее столичное общество, дабы взять в руки этого "фаворита" Царской Семьи, поступило с ним бездушно и духовно жестоко. Там не стеснялись в выборе средств. И эти средства стали для Григория Ефимовича страшным ядом. Под их воздействием он превратился в двуликого Януса. При дворе он был "старцем Григорием", целителем, подававшим надежду на жизнь Наследнику, а за порогом царского дворца, в палатах аристократов он слыл уже "Распутиным". О нем ходили непристойные анекдоты, весело-мрачные рассказы и толки».

Место это чрезвычайно примечательно потому, что многие биографы Распутина ставили падение их героя в вину развратной столице. Получалась история о чистой, святой душе, попавшей в «Вавилон» и им погубленной.

«Но столичное общество, бездельное, злостное, жадное к сенсациям <…> Его не трогает вещее слово русского человека, его забавляет, волнует бородатый мужик, введенный в барские хоромы. Его окружают блестящая молодежь, титулованные дамы, его наперебой зовут к себе, сажают за стол, уставленный

серебром и хрусталем, напаивают вином, ласково и обещающе улыбаются. Он пьет, приходит в мужицкое веселье, вскакивает из-за стола: "А ну-ка, голубушки, трепака". И под звуки рояля бородатый мужик пляшет…» – писал эмигрантский автор И. П. Якобий.

Иное увидел в коллизии «Распутин и петербургский свет» В. В. Шульгин, возложивший ответственность на обе стороны:

«Хоровод "мятежных душ", неудовлетворенных жизнью, любовью. В поисках "за ключами счастья" одни из них ударились в мистицизм, другие – в разврат… Некоторые и в то, и в другое… Увы, он танцует на вершинах нации… свою ужасную пляску смерти. Этот своеобразный порочный круг вьется через всю столицу: от дворцов к соборам, от соборов к притонам и обратно. Этот столичный хоровод, естественно, притягивает к себе из глубины России, с низов, родственные души… Там на низах, издревле, с незапамятных времен, ведутся эти дьявольские игрища, где мистика переплетается с похотью, лживая вера с истинным развратом… что ж удивительного, что санкт-петербургская гирлянда, мистически-распутная, притянула к себе Григория Распутина, типичного русского "хлыста"! Вот на такой почве произошло давно жданное слияние интеллигенции с народом! Гришка включился в цепь, и, держа в одной руке истеричку-мистичку, а в другой истеричку-нимфоманку, украсил балет Петрограда своим двуликим фасом – кудесника и сатира… <…> Гришка прекрасно знал, где каким фасом своего духовного обличил поворачиваться».

Но вернемся к книге Епифания:

«И об этой трагической двойственности "старца Григория", сокрытой от Царской Семьи, пришлось говорить Преосвященному Феофану Императрице Александре Федоровне. Владыка Феофан хотел, чтобы это представление имело характер мнения Епископата Церкви, и он предлагал членам Святейшего Синода и иным иерархам сделать это сообща, от лица многих. В частности, он предлагал это Архиепископу Сергию (Страгородскому), в бытность его ректором С.-Петербургской Духовной Академии, с которым имел тесные служебные отношения. Но никто из иерархов Церкви не решился на этот ответственный шаг. Все епископы, с которыми пришлось говорить Владыке Феофану, высказывали одно и то же мнение: "Вы духовник Ее Величества. И это – ваш личный долг".

Поступая так, Владыка Феофан не отказывался от своего долга. Но он не хотел высказать свое личное мнение, с которым могли и не посчитаться. А вот не посчитаться с мнением Епископата Царская Семья уже не смогла бы.

Но Епископат Церкви уклонился от щекотливой миссии представления Царствующим Особам по поводу репутации старца Григория Ефимовича, что использовалось врагами как Церкви, так и государства. При этом положении Епископ Феофан, как духовник Государыни, был вынужден просить у нее высочайшей аудиенции. В нравственной чистоте ее и в том, что разговоры о ней и Распутине являются бессовестной, грязной и безобразной клеветой на нее, он был совершенно уверен. Ведь ложь и клевета были средством политической борьбы против Монархии. Столичное высшее общество первым начало травлю Царской Семьи, а революционеры перехватили инициативу, доведя до абсурда великосветскую версию.

Аудиенция у Государыни продолжалась, по свидетельству Владыки Феофана, полтора часа. Кто близко знал Преосвященного, тому по опыту известно, насколько он был деликатен, говоря о ком-либо. К примеру, Владыка никогда никого не называл на "ты", даже мальчиков-гимназистов. Он избегал самой возможности осудить человека, в данном случае Григория Ефимовича и тем более Государыню Императрицу. Но она, как выразился сам Владыка, страшно обиделась.

Очевидно, она подумала, что и он верит безобразной клевете, которую распространяли круги, близкие к Престолу, мстя Императрице за то, что Она, по природной застенчивости, не сумела создать близких отношений с высшим светом. Святитель Феофан исполнил свой нравственный долг, и несмотря на личную невыгоду и опасность, пошел на аудиенцию к Царице, чтобы открыть ей ужасающую правду о старце, которого она почитала как лечителя своего сына.

За это Владыка Феофан поплатился фактической ссылкой из Крыма в Астрахань, где получил тропическую малярию и туберкулез горла.

Весьма характерно то, что клеветники совершенно умалчивают об этой высочайшей аудиенции. А почему? Да потому что мужество Святителя, проявленное им при этом, противоречит той состряпанной ими лжи, согласно которой Епископ Феофан ввел Распутина во Дворец».

Аудиенция, о которой идет речь в книге схимонаха Епифания, состоялась осенью 1911 года в Крыму.

«В начале 1911 г. епископ Феофан выступил перед Синодом с предложением официально выразить Императрице неудовольствие в связи с поведением Распутина. Отказываясь, епископы и члены Синода заявили ему, что это дело как раз лично для него как духовника Императрицы. Находясь в то время

на кафедре в Крыму, он навещал императрицу Александру Федоровну, когда Царская Семья приезжала в свою летнюю резиденцию в Ливадии. Осенью 1911 года Владыка говорил с Государыней около полутора часов и Государыня, как сказал сам Владыка, «была очень обижена». Она, конечно, поняла, что Владыка слышал клевету, распространяемую не только революционерами, но даже и людьми, близкими к престолу».

Результатом этого разговора стало удаление Феофана из Крыма. Императрица долго сохраняла к нему неприязнь. «Сожалею, что тебе придется увидеть отвратительного Ф.», – писала она в телеграмме Николаю 28 января 1915 года[28].

Феофан к ней – нет. «У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений, – отвечал епископ комиссии Временного правительства на вопрос об императрице и Распутине. – Я официально об этом заявляю как бывший духовник Государыни. Все отношения у нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого Сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная медицина была бессильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это – грязная ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Федоровне…»

Что же касается отношения Распутина к Феофану, то существует предание, будто бы Григорий сказал в 1914 году: «Он против меня злобится теперь, но я на него не сержусь, ибо он большой молитвенник. Его молитва была бы сильнее, если бы он на меня не злобился…»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Распутин и митрополит Антоний (Вадковский). Дневник Распутина. Епископ из народа. Распутин и епископ Гермоген. Неистовый Илиодор. Чертики. Конфликт Государя и Синода. Миссия Мандрыки

В книге схимонаха Епифания о епископе Феофане важно еще одно место. Епифаний пишет о том, что Феофан не хотел выступать против Распутина в одиночку и обратился к Синоду за поддержкой, но в Синоде его не поддержали. Что касается Синода в целом, то это верно. Однако растущей популярностью Распутина был озабочен самый видный на тот момент иерарх Русской церкви митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), которому, как уже говорилось выше, иеромонах Вениамин передал часть документов, касающихся Распутина. По всей вероятности, и Вениамин, и Феофан впоследствии полагали, что Антоний не придал им значения, но в действительности это не так.

В статье диакона Ильи Соловьева «Митрополит Антоний (Вадковский) и Российская церковно-общественная жизнь на рубеже XIX—XX столетий», опубликованной в журнале «Церковный вестник», есть такой фрагмент:

«Еще в августе 1909 года генерал А. А. Киреев, живо интересовавшийся церковными делами, записал о своих впечатлениях после посещения митрополита Антония следующее: "Был у митрополита Антония. Он смотрит довольно мрачно на положение дел и в особенности церковных. По-видимому, вопрос о созыве Собора отложен 'до греческих календ'". В том же разговоре митрополит с тревогой говорил Кирееву о нездоровом "мистическом направлении мысли" в высших сферах, упоминая "Гришку Отрепьева", т. е. появившегося в Петербурге Г. Е. Распутина».

Не будет большой натяжкой предположить, что тревога Антония была вызвана теми документами, которые он получил от Вениамина, ибо уже в середине 1909 года (по времени это совпадает с поездкой Феофана в Покровское) Антоний был встревожен личностью Распутина, и в этом ему сочувствовал новый обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов.

Как дальше пишет автор статьи, «5 февраля 1909 года на обер-прокурорскую должность назначили С. М. Лукьянова <…> он вызывал неудовольствие царской четы, так как вместе со Столыпиным предпринимал попытки "вывести на чистую воду"

"старца" Г. Е. Распутина. В этом обер-прокурора, безусловно, поддерживал митрополит Антоний (Вадковский), при помощи которого Лукьянов сумел собрать и передать П. А. Столыпину материалы для анти-распутинского доклада императору, правда, закончившемуся неудачей. Кроме того, митрополит Антоний допускал (с молчаливого согласия обер-прокурора), чтобы столичная церковная печать не только перепечатывала из светских газет противораспутинские статьи, но и снабжала их своими комментариями».

Но добился Лукьянов лишь того, что в мае 1911 года лишился своего поста, а на его место был назначен В. К. Саблер, и «по Петербургу поползли слухи о том, что новый глава синодального ведомства перед своим назначением "получил помазание в распутинской передней"[29]. Причастность Распутина к этому назначению впоследствии косвенно подтверждалась тем, что Владимир Карлович усиленно проводил в Синоде распутинские пожелания. Так, под давлением Саблера, в отсутствие митрополита Антония, Святейший Синод принял решение о епископской хиротонии архимандрита Варнавы (Накропина), от которого ждали возможного посвящения Распутина во иереи».

О Варнаве речь ниже, а к материалу, собранному отцом дьяконом, можно добавить телеграмму, которую послал после не прекращавшихся против него статей Распутин митрополиту Антонию в 1911 году: «Благослови, миленький владыко, и прости меня! Желаю вас видеть и охотно принять назиданье из уст ваших, потому много сплетней. Не виноват, дал повод, но не сектант, а сын православной церкви. Все зависит от того, что бываю там у них, у высоких, – вот мое страдание. Отругивать газету не могу».

Антоний его не принял (хотя здесь – редкий случай – буквально вопль Григория о желании быть не учителем, но послушником), зато встретился с Государем и высказал ему все, что о своих опасениях по поводу Распутина думает. Император заявил, что это его частное дело и никого оно не должно касаться. В ответ Антоний, по словам Родзянко, возразил: «"Слушаю, государь, но да позволено будет мне думать, что русский царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных". Государь сухо отпустил митрополита, с которым вскоре после этого сделался нервный удар, от которого он уже не оправился».

О дальнейшем пишет Сергей Фирсов:

«Сообщенное Родзянко находит подтверждение в так называемом "Дневнике Распутина", писанном под диктовку одной

из почитательниц "старца" – аристократкой Марией (Муней) Евгеньевной Головиной. Текст "Дневника", подготовленный Головиной, хранился у монахини Акулины Никитичны Лаптинской, также почитательницы Распутина, излеченной им от "беснования". От Лаптинской, видимо, "Дневник" и попал в руки архивистов. В "Дневнике" можно найти материал с характерным названием: "Как я митрополиту Антонию нос натянул". В нем идет речь об уже упоминавшемся докладе Петербургского владыки. Распутинские заявления столь показательны, что их стоит привести полностью, сохранив "живую речь" сибирского странника, донесенную до нас составительницами "Дневника".

"Я, грит Антоний, монах честной, мне от миру ничаво не надо! А коли не надо, зачем – лезешь? Тоже, вот, явился к Папе с докладом обо мне. 'Большой', мол, 'нам от мужика этого – конфуз… Он и царством править хочет и до Церкви добирается. Он в царский дом вхож и на царску семью – пятно от его кладется'". А Папа и говорит Антонию: «Зачем не в свое дело мешаешься? Кака тебе забота до того, што в моем дому делается? Аль уж я и в своем доме – не хозяин?»

А Антоний и говорит: "Царь-Батюшка, – в твоем доме сын растет… и сын этот будущий наш царь-повелитель, – и попечался о том, по какому пути ты свово сына поведешь! Не испортил бы его душу еретик, Григорий?!"

А Царь-Батюшка на его цыкнул… Куда, мол, лезешь?!.. Я, чай, и сам не маленький, учить меня не гоже.

Как пришел митрополит Антоний домой… кукиш проглотил… запечалился… А я велел через человека толстопузого, штоб ему Мама наказала, што тебе, мол, Антоний, на покой пора… Ужо об этом позабочусь…

Вот".

Митрополит Антоний, как известно, вплоть до своей смерти оставался столичным архиереем, но его отношениям с монархом, и без того испорченным в годы Первой русской революции, этим докладом, думается, был нанесен окончательный удар.

Видимо, только частые болезни владыки, заставлявшие надолго оставлять епархию, уезжая на лечение, делали неактуальной его отставку. А в ноябре "переломного" для Распутина 1912 г. митрополит Антоний скончался».

Вопрос о подлинности «Дневника Распутина», как уже говорилось ранее, окончательно не решен. Ряд исследователей его признают, другие нет (на наш взгляд, он не более подлинен, чем «Дневник Вырубовой»), но нечто похожее на то, что говорил Царю митрополит Антоний, приводит в своей книге и В. И. Гурко.

«…когда Распутин еще никакого влияния на политику не

имел и вся беда сводилась к тому, что в царские чертоги проник разгульный бахвалившийся мужик, о чем усиленно гласила мирская молва, Государь выставлял и другой довод. Он говорил, что Распутин никакими правами им не облечен, а то обстоятельство, что он бывает во дворце, что он с ним беседует, – решительно никого не касается:

"– Это моя частная жизнь, – заявлял Государь, – которую я имею право, как всякий человек, устраивать по моему личному усмотрению…"

Но в том-то и сила, что у монархов частной жизни нет. Они живут как бы в заколдованном кругу, где все, творящееся за его пределами, во многом для них неведомо и непонятно, куда отзвуки жизни доходят с большим трудом. Но за то вся жизнь самих монархов, каждый их жест, на виду у публики и обсуждаются ею со всех сторон. В этом случае, можно сказать, что если для глаз Царя стены его дворца непроницаемы и заслоняют окружающий мир, то для глаз общества они прозрачны и даже напоминают собою оптическое стекло, представляющее все в преувеличенном виде».

Что же касается еще одного архиерея – епископа Варнавы, который, по общему мнению, получил свое звание благодаря Распутину и против которого резко выступал митрополит Антоний, то мнения об этом первом среди архиереев распутинском ставленнике также расходятся. В большинстве случаев его считали никчемным человеком, полностью выполнявшим волю своего благодетеля.

«В 1909 году, будучи в Царицыне, Распутин, болтая обо всем, между прочим, говорил мне:

– А знаешь, Илиодорушка, архимандрита Варнаву?

– Который настоятелем монастыря около Москвы?

– Да, да! Кажется, Голутвина!

– Знаю, знаю, слышал. А что?

– Да вот что: мама постоянно говорит мне про него, вот беда, Григорий, с Сусликом Варнавой! Приедет этот Суслик ко мне, упадет на землю, обхватится обеими руками за ноги, целует их сквозь чулки и одно твердит: "Матушка царица, матушка царица! Сделай меня епископом! Хочу быть епископом! Ну, что поделаешь! Уж несколько раз приставал!

– Ну и что из этого вышло? – спросил я "старца".

– Да мама говорит, как ты, Григорий, так и я. А я ей говорил: "Хоть архиереи и будут обижаться, что в среду их, академиков, мужика впихнули, да ничего, наплевать, примирятся. А Суслика надо в епископы. Он очень за меня стоит"».

Очень резко отзывался о Варнаве Г. И. Шавельский в своих

«Воспоминаниях последнего протопресвитера Русской Армии и Флота»: «Тобольский епископ Варнава – тот самый, по поводу которого архиепископом Антонием было пущено крылатое слово, что для сохранения В. К. Саблера на посту обер-прокурора "мы" (говорилось от Синода) "и черного борова поставили бы в епископы"[30]. В описываемое время епископ Варнава – в миру Василий Накропин – был своего рода *unicum* в нашем епископате. Его *curriculumvitae* для епископа наших дней не обычно. По рождению – крестьянин или мещанин Олонецкой губернии. Нигде не учился и до последних дней оставался полуграмотным. (В списке российских архиереев за 1915 г. значится: еп. Варнава «обучался в Петрозаводском городском училище». Если он там и обучался, то курса этого училища он не закончил, ибо грамотность его ни в коем случае не превышала грамотности слабо закончившего курс начальной школы. В делах канцелярии протопресвитера хранилось одно его письмо на мое имя. В письме каждое новое слово начинается с большой буквы и после каждого слова точка. Буква «ять» отсутствует. Подпись: «грешный еп. Варнава». Датировано письмо 1913 г.)

В молодости занимался огородничеством, потом пошел в монахи. Природный ум, большая ловкость, пронырливость и граничащая с дерзостью смелость помогли ему не только стать архимандритом, настоятелем весьма богатого Голутвинского монастыря в Коломне (Московской епархии), но и проникнуть во многие высокопоставленные дома и семьи. Знакомство и дружба с Распутиным завершили дело. Сравнительно молодой архимандрит-неуч был рукоположен во епископы и поставлен сначала викарием Олонецкой епархии, а потом через 2 года, в декабре 1913 г., самостоятельным Тобольским епископом. По сообщениям приезжавших из Тобольска лиц, архипастырская деятельность епископа Варнавы там отличалась двумя особенностями: высокомерным и почти жестоким отношением его к образованным священникам и необыкновенною ревностью в произнесении в кафедральном соборе длиннейших проповедей. Проповеди преосвященного неуча скоро стали притчею во языцех, ибо владыка, при полном своем невежестве, брался решать с церковной кафедры все вопросы и разрешал их со смелостью самого опытного хирурга и с ловкостью мясника. Публика ходила смотреть на новоявленного проповедника, как на какую-то уродливую диковину».

Свою характеристику Варнавы и версию получения им епископского звания и кафедры предложил на следствии 1917 года более информированный обер-прокурор Синода Саблер: «Как-то на докладе Государь спросил меня о том, почему не

получает назначения епископ Варнава, о котором он много слышал. Я ответил, что он – человек, не получивший богословского образования и потому не подготовленный к занятию епископской кафедры, хотя, как я убедился из его ответа, который мне передавали, человек неглупый. – "Какого ответа?" – спросил Государь. – Я рассказал Государю о том, что он как-то на вопрос о том, почему он не открывает отдела восторговского монархического Русского союза (с Восторговым Варнава был не в ладах), Варнава, намекая на свою близость к рабочим и простым людям, ответил, что он не видит в этом надобности, так как он всегда в союзе с русским народом».

Берет под защиту Варнаву и Ричард Бэттс: «Из всех достоверных источников известно, что епископ Варнава был высоко почитаем и любим не только своими прихожанами, но и множеством светских и церковных лиц. Если Распутин действительно и поддерживал его перевод с принятием сана епископа, то он, определенно, был в этом не одинок, и такую проницательность следует поставить в заслугу Распутину».

Варнава, как уже говорилось, по слухам должен был посвятить Распутина в иереи. Трудно сказать, насколько эти слухи соответствовали действительности и собирался ли на самом деле сибирский крестьянин стать священником подобно тому, как стал епископом мужик архангельский. Да и не в происхождении было дело: митрополит Вениамин (федченков) тоже происходил из крестьян. Дело было в самой скандальности распутинского имени и тех возможностях, которые перед ним открывал иерейский сан.

«Несколько времени назад, под давлением некоторых кружков синодальных иерархов был поднят вопрос о возведении Григория Распутина в сан священника», – писали 10 января 1912 года «Московские ведомости».

Родзянко в своих показаниях следственной комиссии говорил о том, что в деле о принадлежности Распутина к секте хлыстов он видел фотографию Распутина «в монашеском клобуке и с наперсным крестом», и независимо от того, насколько это сообщение соответствовало действительности, легко объяснима резкая реакция Синода на одни только слухи о возможности рукоположения Григория во иереи, не говоря уже о пострижении в монахи.

«Мне рассказывал епископ, член синода, что в одном из секретных заседаний синода обер-прокурор Саблер, один из наиболее влиятельных сторонников Распутина, предложил синоду рукоположить Распутина в иереи, – писал в мемуарах Родзянко. – Св. синод с горячим негодованием отверг это

предложение, и, несмотря на настояние Саблера, указывавшего на высокий источник этого предложения, склонить ему на свою сторону синод не удалось. При этом епископ Гермоген произнес в заседании громовую речь, изобличая всю грязную жизнь и деятельность мнимого святого старца <…> видя, что синод неумолим в вопросе о рукоположении Распутина, [Саблер] придумал некую комбинацию.

Он предложил возвести в сан епископа викарного каргопольского некоего архимандрита Варнаву, сторонника Саблера и Распутина, малообразованного монаха, бывшего до пострижения своего простым огородником. Саблер рассчитывал, что этот послушный обер-прокурору епископ исполнит его волю и рукоположит Распутина в священнический сан. Надо отдать справедливость синоду: он и против этого восстал единодушно и ответил отказом. Но Саблер не смутился. Он объяснил иерархам, что лично он тут ни при чем и что это – воля лиц, повыше его стоявших, и синод заколебался».

«Государь предложил мне поставить на обсуждение Синода вопрос о назначении епископом Варнавы, и последний Синодом во исполнение воли Государя, хотя и неохотно, но был назначен викарием Каргопольским <…> Я не знаю, был ли уже в это время Варнава знаком с Распутиным», – говорил сам Саблер на следствии.

«Выясняется, что Варнаву провел в архиереи Распутин. Синод представил его на основании письменного ходатайства еп. Никанора», – писал киевскому митрополиту Флавиану архиепископ Антоний (Храповицкий).

«Первоприсутствующий в синоде петербургский митрополит Антоний (Вадковский. – *А. В.)* был так потрясен этой интригой, что после заседания слег в постель и проболел всю зиму, не принимая участия в заседаниях синода, – вспоминал Родзянко. – В конце концов, Саблер уломал-таки большинство членов синода: под председательством епископа Сергия Финляндского, который замещал митрополита Антония, вопрос о возведении Варнавы в епископы был разрешен большинством голосов в утвердительном смысле. Епископ Гермоген остался верен себе; он не унимался, громя и обер-прокурора и малодушных членов синода, и, наконец, вызывающе покинул заседание, заявив, что не желает принимать никакого участия в этом нечестивом деле и грозя участникам постановления церковной анафемой за отсутствие в них ревности к достоинству православной церкви».

Именно саратовский епископ Гермоген и стал тем самым архиереем, кто предпринял самую отчаянную попытку защитить честь монархии и избавить русское общество от Распутина, в

возвышении которого была и доля его ответственности. К Гермогену обратился и епископ Феофан, начиная борьбу со своим недавним протеже и ища союзника. «Когда нехорошие поступки Распутина стали раскрываться, Гермоген долго колебался, не зная, как отнестись к этому. Но я… написал ему письмо, чтобы он выяснил свое отношение к Распутину. Ибо если мне придется выступить против Распутина, то тогда и против него», – показывал позднее Феофан.

В 1914 году на следствии по делу о покушении на Распутина Гермоген говорил: «В начале 1910 года, времени точно не помню, я получил письмо от владыки Феофана. В письме этом последний сообщал мне, что Григорий Распутин оказался совершенно недостойным человеком. Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочащих Распутина как человека развратной жизни. Получив это письмо, я при встрече с Распутиным указал ему недостойность его поведения. Полученное мною письмо, а также мои личные неблагоприятные Распутину наблюдения за ним послужили поводом к резкому изменению моего отношения к Распутину, которого я даже перестал принимать».

Это – документальное свидетельство, почерпнутое Ричардом Бэттсом в тобольском архиве. Однако помимо него в своей работе Бэттс приводит также фрагмент из книги С. В. Маркова «Покинутая царская семья», вышедшей в 1928 году в Вене. Зять Распутина Б. Н. Соловьев рассказывал ее автору о своем разговоре с епископом Гермогеном в начале 1918 года, и вот что якобы говорил Гермоген о Распутине:

«Я его любил и верил в него, вернее в его миссию внести что-то новое в жизнь России, что должно было укрепить ослабевшие связи между Царем и народом на пользу и благо последнего. Но его самовольное отступление от нашей программы, противоположный моему путь, по которому он пошел, его нападки на аристократию и на таких людей, как Великий князь Николай Николаевич, которых я всегда считал опорою трона, заставило вначале меня отвернуться от него, а затем видя его усилившееся влияние при Дворе и учитывая, что при этом условии его идеи будут еще вредоноснее, я начал энергичную кампанию против него».

Повторим – это только мемуар, к тому же вложенный в уста весьма сомнительной и темной личности, какой был зять Распутина, да и книга С. В. Маркова – не самый серьезный источник, но то, что Гермоген с Соловьевым в 1918 году встречался, – факт, а то, что мог нечто подобное говорить, исключать нельзя.

Епископ Гермоген наряду с Феофаном – одно из главных

действующих лиц этой истории. Человек, который некогда, по словам князя Жевахова, говорил про Распутина: «Это раб Божий: Вы согрешите, если даже мысленно его осудите», стал самым резким его обличителем.

«Одним из друзей Распутина, которые от него отшатнулись, лишь только они поняли, с кем имеют дело, был Саратовский епископ Гермоген. Аскет, образованный человек, добрейший и чистый, епископ Гермоген был, однако, со странностями, отличался крайней неуравновешенностью, мог быть неистовым. Почему-то он увлекся политикой и в своем увлечении крайне правыми политическими веяниями потерял всякую веру. Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров перевешали», – писал о нем и сам стоявший на правых националистических позициях (хотя и не столь радикальных) митрополит Евлогий.

«Гермоген, в миру Георгий Ефремович Долганев – современный церковный деятель (родился в 1858 г.). Образование получил в Новороссийском университете по юридическому факультету и в Петербургской духовной академии <…> Гермоген неоднократно обращал на себя внимание нападениями на выдающихся представителей современной литературы. На миссионерском съезде в Казани он настойчиво требовал отлучения от церкви Мережковского, Розанова, Леонида Андреева и других», – сообщалось в прижизненной биографии Гермогена.

Так же решительно, как против русских декадентов, выступил Гермоген и против Распутина.

«Он ополчился против Распутина, когда убедился в его безнравственном поведении, и решил зазвать его к себе, дабы в присутствии писателя Родионова и иеромонаха Илиодора взять с него заклятие, что он отныне не переступит порога царского дворца, – вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский). – Говорят, епископ Гермоген встретил его в епитрахили, с крестом в руке. Распутин клятвы давать не хотел и пытался скрыться. Родионов и Илиодор бросились за ним на лестницу, его настигли, и все трое покатились по ступеням вниз… а епископ Гермоген, стоя на площадке в епитрахили и с крестом в руке, кричал: "Будь проклят! проклят! проклят!.." Распутин вырвался из рук преследователей. "Попомните меня!" – крикнул он и исчез. Епископ Гермоген и Илиодор стали бомбардировать Государя телеграммами, умоляя его не принимать Распутина. Государь оскорбился и приказал вернуть епископа Гермогена в епархию, а Илиодора Святейший Синод сослал во Флорищеву Пустынь (Владимирской епархии). Епископ Гермоген приказу не подчинился; тогда Государь прислал флигель-адъютанта, который

"именем Государя Императора" приказал ему сесть в автомобиль; его отвезли на вокзал и переправили в Жировецкий монастырь (Гродненской губернии). Была назначена ревизия Саратовского Епархиального управления; она обнаружила полную безответственность главы епархии и непорядки вопиющие. Оказалось, что епископ Гермоген не распечатывал многих приходящих на его имя бумаг, в том числе даже указов Святейшего Синода, – бросал их в кучу, в пустой комнате. Заточение создало епископу Гермогену ореол мученика. Впоследствии, уже после революции, его выпустили и назначили епископом Тобольским; в этом звании он и был членом Всероссийского Церковного Собора. Когда царская семья находилась в заточении в Тобольске, он пытался что-то для Государя сделать. Большевики с ним расправились жестоко – его привязали к колесу парохода и пустили машину в ход: лопастями колеса его измочалило…».

То, что весьма коротко изложено митрополитом Евлогием, нуждается в комментариях, и для этого необходимо обратиться к личности еще одного распутинского сначала ближайшего друга в церковной среде, а потом злейшего врага, из этой среды исторгнутого, – иеромонаха Илиодора.

Илиодор был без сомнения одной из самых «замечательных» личностей своего времени. Выпускник Петербургской академии, входивший в круг епископа Феофана и знавший Распутина с самого начала его появления в Петербурге, он очень рано прославился искусством произносить проповеди.

«Этот удивительный человек, почти юноша, с нежным, красивым, женственным лицом, но с могучей волей, где бы он ни появился, сразу привлекает к себе толпы народные, – писал о нем «Почаевский листок». – Его страстные, вдохновенные речи о Боге, о любви к царю и отечеству производят на массы глубокое впечатление и возжигают в них жажду подвига».

Об Илиодоре (очевидно, со слов епископа Феофана) писал и схимонах Епифаний. Нижеследующий фрагмент его книги объясняет ту роль, которую сыграл Илиодор в истории с Распутиным.

«Среди студентов С.-Петербургской Духовной Академии был монах Иллиодор. Отличался он духовной пылкостью и повышенной ревностью. А о таковых Святые Отцы предупреждают, что они легко могут попасть в "прелесть духовную", в духовное самообольщение. Это происходит оттого, что они по самоуверенности и самонадеянности начинают подвизаться без должного смирения, уповают на свои силы, а не на Господа. И Господь попускает им, а вернее сказать, и нам, дабы

вразумить нас и смирить, ведь попасть в эту духовную болезнь высокого о себе мнения и мечтания – начало всех страшных бед. Ибо Писание говорит: "Погибели предшествует гордость, и падению – надменность" (Притч. 16, 18). "Перед падением возносится сердце человека" (Притч. 18, 13). "Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится" (Лк. 18, 14).

И вот с этим монахом пришлось Владыке Феофану немало помучиться. По смирению своему, Владыка не надеялся на себя и пригласил отца Иллиодора поехать к старцу, чтобы старец, по данной ему благодати, направил бы его жизнь духовную по верному пути… Собрались. В ожидании поезда на маленькой пригородной станции, Владыка, дабы не дать лишнего повода монаху к разговору, отошел от него и, по монашескому правилу, занялся внутренней молитвою. Но, взглянув в сторону Иллиодора, понял, что с ним происходит что-то неладное. Около него вертелся, как юла, какой-то смуглый мальчуган, очень похожий на цыганенка. Мальчик выделывал ногами и руками что-то, как бы плясал. "Да откуда он взялся, этот цыганенок?" – подумал Владыка Феофан, наблюдая, как Иллиодор, поглощенный зрелищем, пристально смотрел на мальчишку.

Владыка Феофан окликнул монаха по имени, но тот не услышал. Он был настолько увлечен и, казалось, загипнотизирован этим смуглым мальчуганом. А непонятный "цыганенок" все быстрей и быстрей плясал вокруг Иллиодора. Владыка Феофан снова позвал монаха, и он снова не откликнулся на зов. Владыка Феофан подошел к нему и увидел, что тот как бы не в себе и не может оторваться от непонятного зрелища. Тогда Владыка Феофан взял его за рукав рясы и потянул за собой. Только так и отвел его в сторону.

А "цыганенок" бесследно исчез, будто его и не было.

Все это было очень и очень странно. Только потом уже стало ясно, что это было какое-то необъяснимое, но сильнейшее бесовское наваждение. Редчайший случай: днем, на людном месте, на перроне резвились бесы. Это чрезвычайное происшествие на пути к старцу не предвещало ничего доброго для Иллиодора.

Обо всем происшедшем Владыка Феофан рассказал старцу в присутствии Иллиодора. Но сам Иллиодор был в особом состоянии: то ли подавлен случившимся, то ли всецело поглощен увиденным, оставаясь безучастным к тому, что говорил Владыка. И даже слова старца не затронули чувств Иллиодора. Он как бы замкнулся в себе. Старец говорил о величии Божием и о ничтожестве и греховности человеческой. О том, что

единственный путь к Богу – это путь смирения. Но монах Иллиодор или не слушал, или даже не слышал… Так Владыка Феофан и монах Иллиодор без видимых результатов вернулись в Петербург. Здесь постепенно Иллиодор начал приходить в себя. Но тут снова произошло с ним нечто маловероятное.

По совету старца Владыка Феофан не выпускал из виду отца Иллиодора. Однажды после литургии Владыка, отец Иллиодор, а с ними мальчик-послушник вернулись на квартиру Владыки, в здание Академии. Было это в полдень. Феофан прошел к себе наверх, а они остались в нижней половине… И вдруг они видят в глубине зала трех великанов с искаженными злобою лицами, вооруженных дубинами. Обращаясь к Иллиодору, они яростно кричали: "Мы тебе покажем! Мы тебе покажем!.."

До крайности перепуганные, Иллиодор и мальчик-послушник вбежали в кухню и заперли за собою двери. Мальчик схватил длинную кочергу и в испуге начал стучать в окна, созывая людей на помощь. Сбежались люди. На "потерпевших" не было лица. Мальчик сразу убежал домой, к родителям. Крайне потрясен был происшедшим и отец Иллиодор. Владыка старался его успокоить. Он говорил о том, что в монашеской жизни надо быть всегда готовым к подобным переживаниям. Это бесовские козни. Бесам нельзя верить ни в чем. Будучи немощными, они принимают вид гигантов, чтобы, с одной стороны, напугать, а с другой, внушить чувство гордости: вот какой я, мол, для них опасный, что вышли против меня три свирепых исполина с дубинами. А хотят они только одного, чтобы возбудить великое самомнение и гордость. И через нее погубить человека… Но и в тот момент отец Иллиодор был "глух" ко всем наставлениям.

То, что произошло среди бела дня в покоях Владыки Феофана, Святые Отцы называют "бесовскими страхованиями", бесовскими запугиваниями. Демоны пытаются запугать подвизающегося настолько, чтобы он отказался следовать подвижническим путем. Для этого они обычно принимают устрашающий, грозный вид, как и в данном случае. Будучи по существу малосильными, они всегда очень коварны и злы. И привидение в образе "трех великанов", по хитрости их, преследует не одну, а несколько целей. Приняв грозный вид, они свое действие сообразуют с духовным состоянием искушаемого. Мальчика они просто запугали и, возможно, он откажется в последующие годы жизни идти монашеским подвижническим путем. Но главный прицел их мечтаний был направлен на Иллиодора, его-то они и хотели выбить из колеи подвижнической жизни. И действовали они очень коварно. Прежде всего они запугали о. Иллиодора. И он испугался. И свидетелем его испуга

был Владыка Феофан, как в первом случае – с "цыганенком", так и во втором – с "тремя великанами". Иллиодор понимал, что допустил малодушие. И сознание своего малодушия вызвало в нем болезненное чувство. "Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться", говорит Писание (2 Тим. 2, 5). Он впоследствии силился доказать и себе и свидетелю своего испуга, Владыке Феофану, что не был запуган бесами. А им как раз это и желательно, они того и добивались: он решает их победить своею еще большей ревностью, а не Божией силою. А такая ревность, конечно, будет "ревностью не по разуму духовному" (Рим. 10, 2). Это не та смиренная ревность, которую испрашивают у Бога и получают помощь от Него, но та гордая демонская ревность, которую сам человек разжигает в себе. Это то, о чем говорит Апостол: "не разумея праведности Божией, и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией" (Рим. 10, 3). Это путь – глубоко ошибочный, самонадеянный, путь прелестный. За всем этим скрывается превозношение себя, гордыня. "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать" (Иак. 4, 6).

И вот Иллиодор кончает Духовную Академию уже иеромонахом. В глазах простого народа он быстро приобретает широкую известность своими пламенными проповедями и речами. К нему стекаются огромные толпы. Простой народ его считает своим вождем. Под влиянием этого он все более и более предается погибельной гордости… В конце концов он одевает белый "митрополичий" клобук и появляется перед народом на белом коне. А, дойдя до этого, он отваживается творить своего рода и "великие чудеса". Так на Волге он объявил собравшимся, что на этом месте в три дня воздвигнут Божий храм… "Пусть каждый принесет сюда по одному кирпичу. Ведь нас здесь тысячи! – говорил он. – И из этих всенародных кирпичей мы, с Божией помощью, нашими руками воздвигнем здесь великий храм…"

В этих словах был явный намек на слова Евангельские.

У Иллиодора была горделивая мысль, порожденная ложным толкованием Евангелия, – сделать то, что Иисус Христос не сделал.

Небывалое воодушевление охватило толпы народа. Несли не только по одному кирпичу, а везли на подводах и весь необходимый материал для постройки храма… Работа закипела. Руками народа творилось небывалое чудо. В три дня храм был готов. Самозваный "митрополит" Иллиодор торжественно его "освятил" и совершил в нем благодарственное моление.

Но во всем этом была глубокая прелесть духовная. Он,

видимо, мечтал остановить своими руками начавшееся революционное брожение в России. Но об этом предупреждал блаженнопочивший Епископ Игнатий Брянчанинов: "Необходима осторожность от всякого увлечения разгорячением совершать дело Божие одними силами человеческими, без действующего и совершающего Свое дело – Бога… Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею…"

Именно в этом "увлечении разгорячением" отец Иллиодор и попытался одними "человеческими силами" удержать народ от "отступления", в то время как Сам Господь, по нераскаянности народа, предоставил ему свободу падать в пропасть. А кончилось все это для Иллиодора более чем печально».

Илиодор был популярен необыкновенно. По степени своей известности он мог поспорить с кем угодно, хоть с самим Львом Толстым если не во всей России, то в определенных кругах. В книге «Последний очевидец» Василия Шульгина, с Илиодором неплохо знакомого, можно найти описание следующей сцены, имевшей место в Русском собрании:

«За длинным столом, накрытым зеленым сукном с золотой бахромой, на двух противоположных узких концах сидели председатель и иеромонах Илиодор.

Речь шла о современном положении. Сильно критиковали слабость власти. Илиодор слушал язвительные замечания по адресу правительства и что надо было бы сделать и вдруг, не попросив слова у председателя, заговорил:

– Слушаю я, слушаю вас и вижу. Не то вы предлагаете, что надо. Предки наши говорили: "По грехам нашим послал нам Господь царя Грозного". А я говорю: "По грехам нашим дал нам Бог Царя слабого!"

И вот что надо сделать – как подниму я всю черную Волынь мою и как приведу ее сюда, в город сей – столицу, Санкт-Петербург враг именитый, и как наведем мы здесь порядок, тогда будет, как надо».

В недавно опубликованной статье Анатолия Степанова «Главный учредитель Союза русского народа» читаем:

«В одном из залов Государственного музея религии в Петербурге висит необычная картина. Необычна она не только своими внушительными размерами и редким сюжетом (это – пожалуй, единственное произведение искусства, посвященное черносотенцам), но и тем, какие люди и как изображены на ней. Картина написана маслом, предположительно, в конце 1905-го – начале 1906 года.

Она называется очень длинно "Дни отмщения постигоша нас… покаемся да не истребит нас Господь". В названии,

очевидно, используются слова из Евангелия от Луки про "дни отмщения" (Лк., 21, 22), когда Господь предсказал ученикам судьбу Иерусалима. На картине изображена революционная Россия: убийства террористами государственных деятелей и членов монархических союзов, грабежи, беспорядки, нападения на патриотические манифестации, забастовки, демонстрации. В центре Царская Семья, молящаяся перед Распятием о спасении России, окруженная черносотенцами с национальными флагами. Многие из монархистов падают, сраженные пулями террористов. На картине на переднем плане изображены организаторы Союза Русского Народа. Видимо, рукою автора сделана следующая надпись: "Ныне по примеру ангелов защищают Царскую власть от бесов главные учредители Союза Русского Народа: 1 – игумен Арсений; 2 – протоиерей Иоанн Сергиев; 3 – А. И. Дубровин; 4 – И. И. Баранов; 5 – В. М. Пуришкевич; 6 – Н. Н.Ознобишин; 7 – В. А. Грингмут; 8 – князь Щербатов; 9 – П. Ф. Булацель; 10 – Р. В. Трегубов; 11 – Н. Н. Жеденов; 12 – Н. И. Большаков; 13 – о. Илиодор. В священных книгах сказано, что, когда люди уклонялись в идолопоклонство, Бог истреблял их".

Как указано в аннотации к картине, она принадлежала настоятелю Воскресенского миссионерского монастыря игумену Арсению и является уменьшенной копией с картины, висевшей в келье настоятеля. Автор картины не указан, но по моим предположениям, им мог быть еще один главный учредитель Союза Русского Народа, художник Аполлон Аполлонович Майков (сын известного русского поэта), создавший знаменитый нагрудный знак члена Союза, который с гордостью носили многие выдающиеся русские люди в начале XX века. Примечательно, что художник изобразил на картине вместе с собой четырнадцать главных учредителей Союза, в центре два священнослужителя с крестами в руках – представитель черного духовенства (игумен Арсений) и белого духовенства (протоиерей Иоанн Кронштадтский). Прообраз очевиден: два священнослужителя символизируют Спасителя, а двенадцать учредителей-мирян – учеников Господа – апостолов».

Даже если с этим истолкованием согласиться, то надо признать, что последний в списке изображенных под номером 13 оказался Иудой. Но обо всем по порядку. Отношения Илиодора с духовными и светскими властями складывались неровно. В 1907 году Синод запретил ему литературную деятельность, но Илиодор не подчинился этому решению. С 1908 года неистовый монах жил в Царицыне, где Гермоген назначил его епархиальным миссионером; он обличал всех подряд: евреев, революционеров, православных епископов и писателей-декадентов, жег гидру

революции, а заодно вывесил портрет Льва Толстого для всеобщего в прямом смысле этого слова оплевывания (паломники, проходя мимо портрета Толстого, в него плевали, а сам Илиодор говорил: «Главным врагом Церкви православной и всего русского народа является великий яснополянский безбожник и развратитель, окаянный граф Лев Толстой»). В 1909 году его пробовали запретить в служении, но Илиодор назвал постановление Синода «беззаконным и безблагодатным».

В Царицыне Илиодора любили, его проповеди собирали до десятка тысяч человек, маленький храм не вмещал всех желающих, и Илиодор выступал со специально сооруженного деревянного помоста.

В марте 1909 года Илиодора по постановлению Синода было решено перевести из Царицына в Минск за речи, направленные против Столыпина. Как вспоминал сам Илиодор (С. М. Труфанов) в «Святом черте», за помощью опальный иеромонах обратился к епископу Феофану, а когда тот благоразумно отказал ему, вмешался Распутин.

«– Ну, что, дружок, голову-то повесил? А? В Царицын небось хочешь?

– Хочу, очень хочу, – ответил я

– Хорошо, хорошо, голубчик! Ты будешь в Царицыне…» И в другом месте – о посещении салона графини Игнатьевой, уговаривавшей Илиодора подчиниться решению Синода и отправиться в Минск, – он пишет:

«Тут в разговор вмешался Распутин. Он дрожал, как в лихорадке, пальцы и губы тряслись, лицо сделалось бледным, а нос даже каким-то прозрачным; задвигавшись в кресле, он приблизил свое лицо к лицу графини, поднес свой указательный палец к самому ее носу и, грозя пальцем, отрывисто, с большим волнением заговорил:

– Я тебе говорю, цыть! Я, Григорий, тебе говорю, что он будет в Царицыне! Понимаешь? Много на себя берешь, ведь ты же баба!..»

Говорил так Распутин или не говорил, помогал Илиодору или нет, утверждать на основании столь сомнительного источника, как памфлет «Святой черт», нельзя, но существуют объективные свидетельства того, что Илиодор Распутина благодарил, а следовательно, было за что благодарить.

«О Григории Ефимовиче кричат во всех жидовских газетах самым отчаянным образом. На него нападает самая гадкая, самая ничтожная часть людей – наша безбожная интеллигенция и… вонючие жиды. Нападение последних доказывает нам, что он – великий человек с прекрасной ангельской душой», – писал он в ту

пору в одной из газет.

О встрече же с царицей, в сущности его облагодетельствовавшей, несколько лет спустя Илиодор оставил совершенно иной по тону мемуар: «Высокая, вертлявая, с какими-то неестественно вычурными ужимками и прыжками, совсем не гармонировавшая с моим представлением о русских царицах как о важных, степенных, осанистых, величественных особах, она поцеловала мою руку. Потом моментально села в кресло и с грубым немецким акцентом заговорила: "Вы из Петербурга приехали?" <…> Государыня… засыпала, как горохом, или, лучше сказать, маком: "Вас отец Григорий прислал? Да? Вы привезли мне расписку по его приказанию, что вы не будете трогать наше правительство <…> Да, да, вот, вот… Так как нельзя губернаторов бранить <…> Да смотрите, слово отца Григория, нашего общего отца, спасителя, наставника, величайшего современного подвижника, соблюдите, соблюдите <…> вы его, наставника и учителя, слушайтесь во всем, всем"».

Илиодор слушался и стоял за своего учителя горой.

«Тебя, блудница редакция, пригвозить к позорному столбу перед всей Россией, а твоего богомерзкого сотрудника, Новоселова, высечь погаными банными вениками за оскорбление "блаженного старца Григория"», – цитировали его слова тогдашние газеты.

В 1910 году Илиодор за оскорбление полиции был приговорен судом к месячному аресту, но и это постановление в исполнение не было приведено.

В 1911 году терпение властей истощилось, и Илиодора решено было перевести из Царицына на должность настоятеля Новосильского Свято-Духова монастыря Тульской епархии.

Примерно к этому времени относятся воспоминания об Илиодоре заместителя Столыпина – П. Г. Курлова:

«Как-то, несмотря на очень поздний час вечера, графиня С. С. Игнатьева просила меня немедленно ее принять. После моего согласия она приехала через несколько минут. Я был очень удивлен, встречая ее, что за ней виднелась фигура какого-то монаха.

"Позвольте вам представить страшного человека, иеромонаха Иллиодора, который только что приехал, и я хотела, чтобы вы могли лично составить о нем правильное мнение", – с такими словами обратилась ко мне графиня Игнатьева.

Я увидел высокого, худощавого инока с горевшими, безумными глазами. С первых же слов он экзальтированно стал мне жаловаться на саратовскую администрацию, а в особенности на полковника Семигановского, который все время на него

клевещет. На моем письменном столе лежала только что полученная последняя проповедь иеромонаха Иллиодора, где он прямо призывал народ к открытому сопротивлению властям и даже к насилию. Я показал ее моему собеседнику и спросил, не является ли имевшийся у меня текст его проповеди искаженным, на что он, ознакомившись с содержанием, ответил, что это – его подлинные слова, а на мое замечание, что мы не можем терпеть открытых призывов к бунту и что я не понимаю, как совмещается подобная проповедь с его монархическим и крайне правым направлением, Иллиодор, возвысив голос, продолжал, что он не поднимает народ на мятеж, а только себя считает вправе так относиться к представителям власти, ибо они – изменники Государю. Дальнейший разговор с явным маньяком я считал излишним: мое мнение о нем было составлено, но, очевидно, оно не совпадало с убеждениями графини Игнатьевой. Мне было ясно, что иеромонах Иллиодор – тип появившегося в последние годы духовного карьериста, не останавливающегося в целях популярности среди народа ни перед какими средствами, и что всякая надежда воздействовать на него разумным путем являлась совершенно тщетною».

Однако административные меры действовали не лучше разъяснительных бесед. Подчиняться духовным властям Илиодор отказывался так же, как и светским. «В Новосиль же не поеду, не подчинюсь Столыпину; пусть он не обращает церковь в полицейский участок».

Тем не менее назад в Царицын его не пустили, отцепив от состава вагон, в котором Илиодор находился, и в конце концов иеромонах отправился в назначенное ему место. Как раз в это время в Саратовской губернии сменился губернатор: вместо С. С. Татищева был назначен П. П. Стремоухое, который согласился на это назначение только после удаления Илиодора и который в своих мемуарах «Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором» описывал разговор как с царем, так и с Курловым, одинаково уверявшими его, что с Илиодором покончено:

«– Да уже его нет, он сослан в дальний монастырь.

– На долго ли, Ваше Величество? Царево сердце милостиво, будет очень просить, Вы его простите.

– Нет, больше не прощу, будьте спокойны».

А вот как протекала беседа со столыпинским заместителем: «– Я пришел просить, Ваше Превосходительство, в случае побега Илиодора…

– Илиодор крепко засажен и убежать не может.

– Охотно верю, тем не менее, если бы он бежал, то я прошу…

– Повторяю Вам, он не убежит…

– Но если он убежит…

– Если товарищ министра, заведывающий полициею, говорит Вашему Превосходительству, что Илиодор не убежит, то он не убежит».

Как и следовало ожидать, товарищ министра ошибся. Илиодор пробыл в Новосиле несколько времени, а потом, обманув филеров (за что поплатился должностью начальник московского охранного отделения П. Заварзин), сбежал обратно в Царицын.

«8-го числа иеромонах Илиодор бежал из Флорищевой пустыни[31]. По всей вероятности, он направляется в Царицын. Благоволите принять меры к недопущению его в город и выехать лично на место для устранения возможных недоразумений. За министра внутренних дел, генерал-лейтенант Курлов», – приводил в своих мемуарах телеграмму из Петербурга Стремоухов.

Окруженный своими приверженцами, Илиодор заперся в царицынском монастыре, где, по воспоминаниям Стремоухова, произносил проповеди о том, что «Государь находится в руках жидо-масонов-министров, из которых самый опасный сам Столыпин, что министров следует драть розгами, а Столыпина обязательно по средам и пятницам, чтобы он помнил постные дни и чтобы выбить из него масонский дух».

«…не отпускал собравшийся народ ни днем, ни ночью, возбуждая его в духе только что упомянутой проповеди. Губернатору было приказано окружить монастырь полицейской стражей и не допускать дальнейшего притока народа, самого иеромонаха Иллиодора не трогать и в церковь не входить, – писал П. Г. Курлов. – Одновременно П. А. Столыпин обратился к обер-прокурору святейшего синода с просьбой, чтобы высшая духовная коллегия через посредство епископа Гермогена воздействовала на Иллиодора.

И духовные меры не привели ни к какому результату!»

Тогда Курлов разозлился не на шутку и потребовал от губернатора Стремоухова послать на штурм монастыря полицию.

«"Предлагаю к неуклонному и немедленному исполнению. Прикажите наряду полиции ночью войти в монастырь, схватить Илиодора. Заготовьте сани и шубу и по Волге отправьте его в Х.".

Неисполнимость приведенного распоряжения била в глаза, – писал Стремоухов. – Как будто бы наряд полиции мог войти в монастырь и взять Илиодора, как барана. Ворота запирались на ночь. Везде были поставлены караулы, как в осажденной крепости, с дубинами и огнестрельным оружием. При малейшей тревоге вся собравшаяся в обители толпа всколыхнулась бы, как

один человек. С колокольни забили бы в набат и много тысяч поклонников Илиодора, находившихся еще вне стен монастыря, потекли бы к месту происшествия, имея во главе епископа Гермогена со Святым Крестом в руках. Полиции в лучшем случае пришлось бы позорно ретироваться, а в худшем случае быть избитой или даже перебитой. Пришлось бы вызвать войска».

Стремоухов полагал, что Курлов (впоследствии ответственный за провальную охрану Столыпина в Киеве во время покушения на русского премьера) действовал в данном случае против Столыпина.

«К чему привело бы точное исполнение мною требование Курлова? К громадному скандалу. Кровавые события в Царицыне были бы на руку всем недоброжелателям Столыпина, и справа, и слева, и пользуясь ими, министру мог быть нанесен последний удар».

Независимо от того, прав или нет был губернатор в своих предположениях, ситуация казалось безвыходной. Единственным, кто мог ее разрешить, был Государь.

«…ко мне стали поступать копии телеграмм от епископа Гермогена и иеромонаха Иллиодора к Распутину, причем за иеромонаха телеграммы подписывал его брат студент Труфанов. В этих депешах означенные лица просили Распутина хлопотать за них, а тот в своих ответах успокаивал, давая надежду на благоприятный исход дела», – вспоминал Курлов, хотя сам Илиодор свое обращение за помощью к Распутину отрицал: «И в этот раз я за помощью к "блаженному старцу" не обратился. Но он, не желая упустить из своих рук хорошую рыбу, пойманную им совершенно случайно в великую известную субботу, сам начал хлопотать обо мне».

«Я жил с ним дружно и делился с ним своими впечатлениями. Его я выручал, а когда перестал выручать, он провалился», – показывал Распутин на следствии в 1914 году.

«Вот, дружок, ты меня слушайся. Ведь я тебя возвратил в Царицын. Я царей здорово донимал телеграммами с Ерусалима… Упорно держались, а потом сдались. Возвратили. Прокурора Лукьянова я велел им прогнать. Прогнали. Скоро Столыпина сгоню. На его место Коковцова поставлю <…> А цари на тебя осерчали, что ты убежал из Новосиля <…> Это я так из Ерусалима научил царя», – приводил слова Распутина и сам Илиодор в своем памфлете, где правда щедро перемешана с ложью.

Но в данном случае хронологически все сходится. В феврале 1911 года в официальном органе Синода, журнале «Русский инок», появилось сообщение о том, что приказом № 450 от 20

января 1911 года «иеромонах Царицынского Свято-Духовского монастырского подворья Илиодор назначен настоятелем Новосильского Свято-Духовского монастыря, Тульской епархии». 31 марта Синод постановил уволить Илиодора от должности настоятеля Новосильского Свято-Духова монастыря и за самовольный отъезд назначить двухмесячную епитимию «в пределах таврической епархии».

Однако на следующий день после отказа Илиодора покинуть Царицын и ввиду неизбежности полицейской акции Государь наложил резолюцию: «Иеромонаха Илиодора, во внимание к мольбам народа, оставить в Царицыне, относительно же наложения епитимий предоставляю иметь суждение Св. Синоду».

Существует также текст телеграммы, подписанной Императором, которую приводит Смиттен: «Разрешаю иеромонаху Илиодору возвратиться в Царицын на испытание в последний раз. Николай».

«Немного спустя П. А. Столыпин получил собственноручную записку Государя, в которой Его Величество, снизойдя к просьбам духовных детей Иллиодора, повелевал в последний раз не давать этому делу дальнейшего хода», – писал Курлов.

2 апреля вышло определение Святейшего синода за номером 41, которое постановило «освободить иеромонаха Илиодора от должности настоятеля Новосильского Свято-Духова монастыря, Тульской епархии, за переводом его в распоряжение преосвященного Саратовского» (то есть Гермогена).

Еще через день, 3 апреля, вышло распоряжение митрополита Антония (Вадковского) со ссылкой на волю Государя с дозволением Илиодору вернуться, а точнее остаться в Царицыне. «Государю императору, во внимание к мольбам народа, благоугодно было 1 апреля разрешить иеромонаху Илиодору в Царицын из Новосиля. Митрополит Антоний».

«Распутин же был виноват в ошельмовании Св. Синода и премьера 1 апреля. Он хлыст и участвует в радениях, как братцы и иоанниты», – словно крик души вырвалось у другого Антония, архиепископа Волынского, и здесь очень четко расставлены акценты: на одной стороне Распутин с Илиодором, на другой – ошельмованные, униженные премьер-министр и Святейший синод.

Григорий Распутин в это время был на Святой земле, но очень вероятно, что его телеграммы сыграли в этом деле не последнюю роль.

Признание Распутина в том, что Царь упорно держался, а после сдался, чрезвычайно важно, потому что независимо от того, участвовал он в этой истории или нет, именно из-за его дружка

Илиодора между Государем и Синодом, а также Государем и Столыпиным случился открытый конфликт, в котором приняла участие Императрица, впоследствии жестоко за это через Илиодора наказанная.

«До чрезвычайности чистая натура Александры Феодоровны совершенно не выносила людской грязи и никаких компромиссов в этом отношении не допускала, – писал Гурко. – Доказательством возможности поколебать ее веру в Распутина может служить то, что произошло летом (вернее весной. – *А. В.)* 1911 года, в самый разгар бесчинств, творимых иеромонахом Илиодором в Царицыне. <…>

…Илиодор, под личиной патриотизма и преданности самодержавному русскому Царю, всемирно поносил не только светскую, как местную, так и центральную, власть, но и Св. Синод. Посланный Синодом для увещевания Илиодора епископ Парфений ничего добиться от него не мог. Государь, не имея возможности разобраться в этом деле, ввиду противоречивых данных, сообщаемых ему с одной стороны гражданской властью, а с другой Распутиным через посредство Императрицы, решил послать на место какое-либо лицо, пользующееся его особым доверием с тем, чтобы узнать всю правду. Таким лицом был избран один из флигель-адъютантов Государя, А. Н. Мандрыка (впоследствии Тифлисский губернатор), в преданности которого Государь был уверен. Выбор этот был, однако, подсказан Государю через посредство Царицы тем же Распутиным, рассчитывающим на то, что двоюродная сестра Мандрыки была настоятельницей Балашевского монастыря и находилась всецело под влиянием Гермогена, а следовательно, признавала авторитет Илиодора, а главное – Распутина. Соответственные указания при отъезде Мандрыки в Царицын и были посланы ей Распутиным.

Расчет Распутина, однако, не оправдался. А. Н. Мандрыка на месте не только разобрался в сущности дела, которое он должен был разъяснить, но еще выяснил и причастность к этому делу самого Распутина. Кроме того, раскрылась для Мандрыки и личность самого Распутина, побывавшего незадолго перед тем в Саратовской губернии и посетившего некоторые из тамошних женских монастырей. В монастырях этих он предавался определенному разврату, заставлял монахинь мыть себя в бане и втягивал их в отвратительные оргии, одновременно хвастаясь своей близостью к Царю и Царице.

Вернувшись в Царское Село, А. Н. Мандрыка сделал Государю в присутствии Царицы подробный длившийся более двух часов доклад. В величайшем волнении передал он все, что выяснил о Распутине, причем закончил словами, что для всякого, подобно

ему глубоко почитающего царскую семью, совершенно невыносимо слышать, как священное имя Царя и Царицы соединяется с именем грязного развратного мужика.

Факты, доложенные Мандрыкой, а в особенности искренность его тона (доклад его закончился случившимся с ним почти истерическим припадком) очевидно произвели глубокое впечатление на Царскую чету.

Но не дремало тем временем и распутинское окружение. Была выписана из Саратова упомянутая настоятельница Балашевского монастыря, причем добились ее приема Государыней. Цель преследовалась определенная – разрушить веру в доклад Мандрыки путем очернения его самого устами его близкой родственницы. Одновременно Государь со своей стороны вызвал, ездившего в Царицын от Синода, епископа Парфения, который всецело подтвердил данные, сообщенные Мандрыкой.

В результате Распутину было приказано немедленно выехать из Петербурга и, казалось, что, наконец, удалось раз навсегда удалить от двора этого вредоносного человека.

Так смотрел на это и Столыпин, тщетно до тех пор стремившийся добиться высылки Распутина.

Оказалось, однако, что удаления одного Распутина недостаточно, так как на месте оставалось все его окружение, а в особенности А. А. Вырубова, которая принялась понемногу восстанавливать веру Александры Феодоровны в боговдохновенность Распутина и вселять в нее убеждение в лживости доклада Мандрыки. При этом Вырубова продолжала поддерживать письменные сношения с уехавшим из Петербурга Распутиным. Когда почва у Царицы была достаточно подготовлена, дано было знать об этом Распутину, который и решил употребить крайнее средство для возвращения своего ко двору. Сумел он при этом так поставить вопрос, что о нем лично как будто и речи не было. Он обратился к Государыне, в телеграмме, на ее имя, с мольбой о прощении Илиодора и оставлении его в Царицыне, говоря, что в противном случае Наследнику грозит великая опасность. Перед этой угрозой Царь и Царица не устояли. Постановление Синода о перемещении Илиодора из Царицына в другую епархию было Государем самолично отменено, а Распутин вновь вернулся ко двору, сильнее чем когда-либо. (Данные эти почерпнуты мною из воспоминаний А. Н. Мандрыки, до сих пор еще не появившихся в печати.) Инцидент этой доказывает, что сила Распутина, или вернее невозможность раскрыть Государыне истинную его сущность, зависела от той всесильной поддержки, которой он пользовался у лиц, принадлежавших к ближайшему окружению

Царицы, в особенности у Вырубовой, сумевшей завладеть безграничным доверием Александры Феодоровны.

Не подлежит сомнению, что если бы та среда, из которой черпались высшие должностные лица, не выделила такого множества людей, готовых ради карьеры на любую подлость, вплоть до искательства у пьяного безграмотного мужичонки покровительства, Распутин никогда бы не приобрел того значения, которого, увы, он достиг. Если бы эти люди, действительно, были под гипнозом Распутина, если бы они сами верили в его сверхъестественные способности, то можно было бы удивляться их наивности, но порицать их было бы не за что, но дело в том, что все ставленники Распутина прекрасно знали ему настоящую цену».

В этих очень любопытных мемуарах, к сожалению, отсутствуют даты и есть хронологические сбои и нестыковки, но то, что миссия Мандрыки имела место, можно считать фактом. О Мандрыке писал и Родзянко: «Для расследования дела Илиодора государем был послан в Царицын флигель-адъютант Мандрыка. Попутно он узнал многое и о преступной деятельности Распутина. Вернувшись в Петербург, Мандрыка, как честный человек, решил довести обо всем до сведения государя и в присутствии императрицы, сильно волнуясь (он так волновался, что ему сделалось дурно, и государь сам приносил ему стакан воды), рассказал, что он узнал о хлыстовской деятельности Распутина в Царицыне. Это подтверждает, что в сущности государь не был в неведении относительно Распутина».

Наконец, оставил свидетельство и сам Илиодор:

«Мандрыка приехал торжественно, в сопровождении вице-директора департамента полиции Харламова и саратовского вице-губернатора Боярского, в полной парадной форме, при всех чинах и орденах.

Он вытянулся в струнку и громким голосом в одну высокую ноту отрапортовал мне:

– Я приехал передать вам волю его императорского величества, самодержца всероссийского. Воля его императорского величества такова, чтобы вы ехали из Царицына в Новосиль!

– Больше ничего?

– Больше ничего.

– Так передайте его императорскому величеству, самодержцу всероссийскому, что я в Новосиль не поеду, ибо знаю, что это – воля не его, а насильника Столыпина <…> Не уступлю ему, врагу Божьей церкви! Никогда не послушаюсь: ни царя, ни Синода…»

«Милость Монарха не оказала на Иллиодора должного

влияния, равно как не воздействовал на него и посланный Государем Императором флигель-адъютант, так что все-таки явилась необходимость прибегнуть к исключительным мерам…» – подводил под этим сюжетом предварительный итог П. Курлов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Толпа. Еще о Столыпине. Царская ошибка. НиколайII и восстановление патриаршества: версия Нилуса. Новая газетная кампания. За пять лет и полдня до убийства. Участь Гермогена. Михаил Меньшиков о Гермогене и Распутине. Жировецкий монастырь. Судьба Илиодора

Исключительные меры, о которых писал П. Курлов, имели место лишь год спустя, когда Илиодор выступил против Распутина, но победа взбунтовавшегося монаха оказалась прежде всего победой Распутина. И над Столыпиным, и над Синодом. Возможно, это была пиррова победа, возможно – нет, но совершенно точно она стала поражением русской монархии и всей царской семьи.

«В мае месяце 1911 года я был в Петербурге, представлялся Государю. Николай, считающий, по словам самого же Распутина, "старца" Христом, на приеме страшно нервничал, моргая своими безжизненными, усталыми, туманными, слезящимися глазами, мотая отрывисто правою рукой и подергивая мускулами левой щеки, едва успел поцеловать мою руку, как заговорил буквально следующее:

– Ты… вы… ты не трогай моих министров. Вам что Григорий Ефимович говорил… говорил. Да. Его нужно слушать. Он наш… отец и спаситель. Мы должны держаться за него… Да… Господь его послал… Он… тебе, вам ведь говорил, что… жидов, жидов больше и революционеров, а министров моих не трогай… На них и так нападают враги… жиды. Мы слушаемся отца Григория, а вы так что же».

Так писал Илиодор в «Святом черте», но дело не только в личной, мягко говоря, неблагодарности иеромонаха-расстриги по отношению к облагодетельствовавшему его Государю. Дело в тех десятках тысяч людей в Царицыне, которые под видом религиозного благочестия превращались в безликую толпу, которая сегодня плевала в портрет Льва Толстого, а завтра ломала церкви и сбрасывала колокола, которую испугалось правительство, на поводу у которой пошел Государь и которую заводил, опьянял своими речами лучший друг и соратник Григория Распутина в 1909—1911 годах.

«Когда толпа была доведена уже до состояния белого каления, Илиодор сказал, что только она, толпа, может спасти его и тем самым приуготовать себе место в Царствии Небесном», – вспоминал губернатор Стремоухов.

«Я видел слезы у старых жандармов, казаков, городовых и других далеко не слезливых людей, – писал полицейский чиновник в донесении, ныне хранящемся в Волгоградском областном архиве. – Эта тысячная рыдающая толпа, готовая за своего пастыря о. Илиодора идти, что называется в огонь и в воду, положить голову на рельсы, заморить себя голодом, производит крайне жуткое, необъяснимое впечатление…»

«– А теперь, – сказал Илиодор, указывая на стражников, – этих фараонов из дома Божия надо выгнать.

Моментально толпа набросилась на стражников, вырвала у них шашки, сорвала револьверы, а самих стражников, сильно помяв, выбросила за стены монастыря. Особенно неистовствовали женщины», – продолжал Стремоухов.

Василий Шульгин недаром позднее приводил в своих мемуарах слова архиепископа Антония Волынского: «Илиодора бабы испортили своим неистовым обожанием. Благодаря им он так возомнил о себе, что если толпа меньше десяти тысяч человек, то он и говорить не хочет».

В Царицыне весной 1911 года народу, судя по всему, собралось достаточно, и один из побитых «фараонов» в своем донесении заключил: «От такой ненормальной толпы народа можно ждать всяких неожиданностей».

В 1917-м дождались. Проповедник с красивым женственным лицом оказался таким же «учителем», как эсеры или большевики. Он, сжигавший чучело революции, в итоге этому чучелу послужил вернее многих, и вся его дальнейшая судьба – тому свидетельство. В Синоде, таком-сяком, бюрократическом, чиновничьем, раздираемом противоречиями, подневольном, либеральном, казенном – это увидели, в царском дворце – нет.

Шульгин же позднее писал о том, что Илиодор нагло и долго «тряс государя императора за шиворот», – к несчастью, все обстояло еще хуже. За шиворот Илиодор тряс Столыпина, Государь же был иеромонахом до известной степени очарован. Во дворце Илиодора зачислили в друзей монархии и заступничество за него местным населением и частью клира приняли за глас Божий. И если ошибку с Распутиным можно объяснить болезнью Наследника, молитвенностью и (лже)юродством сибирского крестьянина, если в конце концов можно спорить о том, наговаривали на Григория или нет («Всё, что вы мне говорите, я слышу уже много лет. П. А. Столыпин производил по этому делу расследование, и ни один из распространяемых слухов подтверждения не получил», – позднее говорил Николай Войкову), то с Илиодором все было однозначно: негодяй.

«Это все козни Столыпина. Был друг, а вот я его поддел из-за

тебя, а он и обозлился <…> особенно когда я тебя из Минска в Царицын перевел» – так говорил Распутин Илиодору, и в данном случае этим словам можно доверять. Столыпин, разумеется, не был Распутину никоим образом другом, но русский премьер вел себя по отношению к сибирскому крестьянину любезно-нейтрально, что простодушный Распутин принимал за дружбу, до тех пор, пока он – действительно бывший до 1909 года всего лишь личным другом Царской Четы, и в эту область Столыпин тактично не вмешивался, – не принялся помогать Илиодору, нарушившему как церковную, так и государственную дисциплину. Поддержка взбунтовавшегося Илиодора в этом смысле оказалась первым и крайне неудачным опытом вмешательства Григория Распутина-Нового в государственные и церковные дела, давшим старт всей его дальнейшей печальной карьере. Хорошо знавший Столыпина А. И. Гучков, к которому как угодно можно относиться и кем угодно называть, был по существу прав, когда в беседах с историком Н. А. Базили рассказывал:

«Более опасной фигурой (чем Распутин. – *А. В.)* являлся тогда в этой области Илиодор, у которого шла борьба с самим правительством Столыпина. Столыпин старался его отстранить подальше от престола. Это была все спекуляция на больных сторонах царской души. В мои последние встречи со Столыпиным, за несколько дней до его убийства на Елагином острове, он мне говорил с глубокой грустью о том, как такие явления расшатывают и дискредитируют, во-первых, местную правительственную власть, а затем эта тень падает и на верховную власть <…> С горечью говорил он о том, как в эпизоде борьбы Илиодора с саратовским губернатором Илиодор одержал верх и как престиж власти в губернии потерпел урон. Такие ноты были очень большой редкостью в беседах с П. А. Чувствовалась такая безнадежность в его тоне, что, видимо, он уже решил, что уйдет от власти <…> Столыпин возил меня обедать перед смертью. По душам говорили, он был подавлен, он чувствовал… Государь в руках таких людей… О Распутине мы с ним не говорили в данном случае, упоминавшийся эпизод был: Илиодор против гражданской власти и губернатора».

Пусть Гучков и сочинял про свои благие намерения в отношении монархии и особые отношения со Столыпиным, в одном ему нельзя не доверять – не Распутин, а Илиодор был предметом их беседы и особого беспокойства Столыпина, чей уход сыграл, как известно, роковую роль в нашей истории.

«Некоторые, как Гучков, убеждали Столыпина вырваться из связанного положения, дать открытый бой темным силам. Но Столыпин не мог этого сделать, не превратившись сам в такого же

Илиодора», – очень точно написал позднее в «Красном колесе» об этой коллизии Солженицын.

О своей беседе со Столыпиным по поводу Илиодора писал в своих воспоминаниях и губернатор П. П. Стремоухов. Откомментировать нижеследующий разговор и тем более доказать его достоверность задача трудновыполнимая, но и опустить его вовсе было бы нечестно.

«…вы и сами указываете, какой я растравляю муравейник, если примусь за Илиодора. И без того меня травят справа, даже более, чем слева. Все эти голоса проникают до Государя… Ужасно то, что в исходных своих положениях <Илиодор> прав, жиды делают революцию, интеллигенция, как Панургово стадо, идет за ними, пресса также; да разве Толстой, подвергнутый им оплеванию, не первый апостол анархизма, но приемы, которыми он действует, и эта безнаказанность все губят и дают полное основание оппозиции говорить, что она права.

Столыпин задумался.

– П. П., вы способны на самопожертвование?

– Если нужно, то да.

– Я знаю, что Государю и доныне неприятно, что Татищев оставил службу из-за Гермогена и Илиодора. Он расположен к вам. Уход второго губернатора из-за этих авантюристов произведет на него впечатление. Вы получите аудиенцию у Государя. Скажите ему всю правду, скажите ему про самозванство Илиодора, пусть он услышит это от вас. Настаивайте, что при наличности Илиодора более не Можете управлять губернией и просите об увольнении.

– Хорошо.

– Но хватит ли у вас на это духа? Я знаю многих лиц, которые шли к Государю, чтобы выложить ему "правду-матку", а потом под обаянием личности "язык прилипал к гортани" и ничего не выходило. Начать и не докончить еще хуже выйдет.

– Думаю и надеюсь, что у меня хватит пороху <…> Да, кстати, – вспомнил я. – Я имею определенные указания, что Гермоген и Илиодор действуют в тесном единении с Распутиным. Как доказательство этому, я представлю вам группу этой честной компании.

– Это усложняет положение.

Я раскланялся и вышел.

На третий день после этого мне была назначена аудиенция в Царском Селе.

Накануне аудиенции вдруг ко мне в номер гостиницы "Франция" раздался звонок по телефону.

– Кто у аппарата?

– На фотографической группе три лица. Говорите только о двух ваших, третьего не касайтесь.

– Да кто говорит?

Я услышал, как трубку повесили на аппарат, и разговор прекратился».

Говорил Столыпин слова о правоте Илиодора или нет? Было или нет в духе шпионского романа телефонное указание, о ком можно, а о ком нельзя с Государем говорить? Испугался ли Председатель Совета министров Григория Распутина или же порешил, что в данном случае упоминание его имени будет вмешательством в частную жизнь Государя? Кто скажет?

«Столыпин действовал против царского сердца и потерпел поражение», – писал лучше всех понявший и изобразивший Столыпина Солженицын. Но поражение потерпел не только Столыпин. В его противостоянии с Илиодором открыто столкнулись не просто разные политические силы, но низость и благородство, тщеславие и забота о государстве, хаос и порядок, зло и добро.

Когда, называя среди главных врагов Столыпина петербургские сферы и высшее чиновничество («Эта среда не отличается стальной упругостью, но – болотной вязкостью»), Солженицын писал о том, что «государево чиновничество не смело открыто сопротивляться законной правительственной власти – так сопротивление Столыпину неожиданно прорвалось через церковь», здесь надо уточнить одну вещь. Церковь Илиодора не поддерживала. Она страдала от его самоуправства в еще большей степени, чем сам Столыпин, и премьер это хорошо понимал.

«Вашему Величеству известно, что я глубоко чувствую синодальную и церковную нашу разруху и сознаю необходимость приставить к этому человека сильной воли и сильного духа, – обращался Столыпин в письме к Государю 26 февраля 1911 года. – Поэтому всякую перемену в эту сторону я считал бы благом для России. Но большою бедою было бы, если бы перемены в столь важной области, как церковная, общество связывало бы с политикой или партийностью <…>.

Между тем, вчера, по возвращении из Царского я думал, что в городе уже говорят об уходе С. М. Лукьянова и толкуют это как последствие мер, принятых против иеромонаха Илиодора.

Сегодня я узнал, что иеромонах Илиодор приезжает завтра в Петербург. Несомненно, что если уход обер-прокурора состоится теперь же, немедленно, то этот дерзновенный монах будет громко приписывать эту отставку себе. Так ее поймут все!

Я считаю направление проповедей Илиодора последствием

слабости Синода и Церкви и доказательством отсутствия церковной дисциплины. Но при наличии факта, факта возвеличивания себя монахом превыше царя, поставления себя вне и выше государства, возмущения народа против властей, суда и собственности, я первый нашел, что если правительство не остановит этого явления, то это будет проявлением того, что в России опаснее всего – проявлением слабости.

Поэтому я, Ваше Величество, неоднократно заявлял, что за действия по отношению к Илиодору, в период его открытого возмущения против Синода и даже Вашей царской воли, ответственен исключительно я. Это было известно и С. М. Лукьянову.

Если теперь вся видимость обстоятельств (хотя по существу это и не так) сложится таким образом, как будто С. М. Лукьянов отставлен за Илиодора, то совесть моя будет меня мучить, что я не отстоял перед Вашим Величеством. Для государственного человека нет большего проступка, чем малодушие».

Это замечательное письмо можно считать своего рода символом веры государственного человека, в нем сказался весь Столыпин с готовностью взять на себя всю полноту ответственности, но в Царском Селе его слова не были услышаны. Пренебрегший мнением Синода касательно нарушившего обет послушания монаха и мнением Столыпина касательно смены обер-прокурора, чья отставка в мае того же 1911 года была воспринята в обществе как наказание за противодействие Илиодору (Распутина тогда еще всерьез не рассматривали), Государь совершил одну из самых крупных ошибок своего царствования. Стремоухов вспоминал свой разговор с Государем:

«– Ваше Величество, мне нужно еще доложить Вам об Илиодоре.

Я заметил, как у Государя задергался мускул на щеке.

– Тут говорить не о чем. Я его простил.

– Пусть так, В. В. (я впервые узнал о прощении Илиодора), но после Вашего прощения, вместо того, чтобы быть благодарным, он продолжает свои безобразия.

– Я все знаю и простил его».

Император не просто простил Илиодора, он пригласил его отслужить всенощную в дворцовой церкви и прослушал его проповедь. Что должны были думать об этом архиереи или тот же Столыпин и не в пику ли им было сделано это приглашение?

Опять же вопрос – в чем причина такого решения Императора?

Здесь надо сделать одно отступление. Те противоречия, которые существовали между Государем Николаем

Александровичем и Святейшим синодом – признанный историками факт, но вот ответственность за это противостояние Императора и Церкви возлагается разными людьми на противоположные стороны.

Митрополит Вениамин (Федченков), размышляя о взаимоотношениях церковной и государственной властей в России в послепетровские времена, с горечью писал в своих мемуарах:

«Люди ошибочно привыкли считать, что в царских домах живет счастье. Думаю, едва ли не самая тяжелая жизнь в чертогах! Особенно в предреволюционное время, когда дворцам отовсюду грозили беды, покушения, взрывы, бунты, вражда, ненависть. Нет, "тяжела шапка Мономаха". И как легко понять, что этим людям в такую трудную годину хотелось иметь в ком-нибудь опору, помощь, утешение. Мы, духовные, – причин немало, и не в одних нас были они, – не сумели дать этого требуемого утешения: не горели мы. А кто и горел, как о. Иоанн Кронштадтский, то не был в фаворе, потому что давно, уже второе столетие, с Петра Великого, духовенство там вообще было не в почете. Церковь вообще была сдвинута тем государем с ее места учительницы и утешительницы. Государство совсем не при большевиках стало безрелигиозным внутренне, а с того же Петра, секуляризация, отделение ее, – и юридическое, а тут еще более психологически жизненное – произошло более двухсот лет тому назад. И хотя цари не были безбожниками, а иные были даже и весьма религиозными, связь с духовенством у них была надорвана. Например, нельзя было представить себе, чтобы царь или царица запросто, с любовью и сердечным почтением могли пригласить даже Санкт-Петербургского митрополита к себе в гости для задушевной беседы или даже для государственного совета. Никому и в голову не могло прийти такое дружественное отношение! А как бы были рады духовные! Или уж нас и в самом деле не стоило звать туда, как бесплодных?.. Нет, думаю, тут сказался двухвековой отрыв государственной власти от Церкви. Встречи были лишь официальные: на коронациях, на царских молебнах (и то не сами цари на них бывали в соборах), на погребении усопших, на святочных и пасхальных поздравлениях. Вот и все почти. Даже в прямых церковно-государственных делах Церковь не могла сноситься с царем-правителем непосредственно, а было поставлено средостение в виде "ока государева", светского министра царева, обер-прокурора Синода.

Господство государства над Церковью в психологии царских и высших кругов действительно было, к общему горю. А царь Павел даже провозгласил себя главою Церкви. Конечно, никто и

никогда из верующих, начиная с митрополитов и кончая простым селяком, не только не признавал на деле, но даже и в уме не верил этому главенству, как веруют, например, католики в своего папу. А мы в селах даже никогда не слыхали об этой дикой вещи; если же бы и услышали, то нам она показалась нелепой и пустой: мирянин, без рясы, хоть бы и сам царь, да какой же он глава Христовой Церкви?! Смешно! И напрасно католики обвиняют нашу Церковь в цезарепапизме, будто главой ее был цезарь, царь, и что без царя Церковь и жить не сможет. Никогда мы, Церковь, этому не верили! Я в детстве и юности даже не слышал об этом. А когда узнал из книжек, то не обратил ни малейшего внимания, как на негодную и мертвую попытку вмешаться не в свое дело, а мужики и совсем не слыхали. Пришла революция, ушли цари, а Церковь живет по-прежнему, к недоумению обвинителей-католиков.

Но в высших кругах действительно была утеряна связь с духовенством; там крепко жила идея, что государство выше всего, а в частности и Церкви. А за придворными кругами шли аристократические по подражанию и ради выгод».

Эти мемуары и в особенности то место, где Вениамин рассуждает о намерении Павла Первого стать главой Русской церкви, чрезвычайно важны. Существует предположение, что по пути Павла собирался пойти и Николай Второй, хотя схема предлагалась несколько другая.

Хорошо известно, что вскоре после событий 1905 года Государь объявил о намерении созвать поместный Собор и избрать Патриарха. Хорошо известно, что у этой идеи были свои сторонники и свои противники, и, наконец, известно, что по разным причинам ничего из этого не вышло, и Собор собрался и Патриарх был избран лишь после революции.

Церковные историки, сами деятели церкви всегда писали об этой неудаче с большим сожалением и укоризной. «Еще совсем недавно один из иерархов писал мне, что "Господь покарал Государя и Государыню, как некогда праведнейшего Моисея, и отнял у них царство, что они противились Его воле, ясно выраженной Вселенскими Соборами касательно Церкви", причем такой упрек был брошен Монарху в связи с отношением Государя к вопросу о восстановлении патриаршества», – вспоминал князь Жевахов.

Однако существует иная точка зрения. Она была, в частности, высказана современным монархистом С. В. Фоминым, утверждающим, что Государь оттого не соглашался на проведение Собора и избрание Патриарха, что сам хотел стать предстоятелем Русской церкви. Доказательство тому Фомин находит в

нескольких источниках и прежде всего в работах С. Нилуса.

Последний писал: «…Было это во дни тяжелого испытания сердца России огнем Японской войны. В это несчастное время Господь верных сынов ее утешил дарованием Царскому Престолу, молитвами Преподобного Серафима, Наследника, а Царственной Чете – сына-Царевича – Великого Князя Алексия Николаевича. Государю тогда пошел только 35-й год. Государыне-супруге 32-й. Оба были в полном расцвете сил, красоты и молодости. Бедствия войны, начавшиеся нестроения в государственном строительстве, потрясенном тайным, а где уже и явным, брожением внутренней смуты – все это тяжелым бременем скорбных забот налегло на Царское сердце.

Тяжелое было время, а Цусима была еще впереди.

В те дни и на верхах государственного управления и в печати, и в обществе заговорили о необходимости возглавления вдовствующей Церкви общим для всей России главою-Патриархом. Кто следил в это время за внутренней жизнью России, тому, вероятно, еще памятна та агитация, которую вели тогда в пользу восстановления Патриаршества во всех слоях интеллигентного общества.

Был у меня среди духовного Міра молодой друг, годами много меня моложе, но устроением своей милой христианской души близкий и родной моему сердцу человек. В указанное выше время он в сане иеродиакона доучивался в одной из древних академий, куда поступил из среды состоятельной южно-русской дворянской семьи по настоянию весьма тогда популярного архиерея одной из епархий юга России. Вот какое сказание слышал я из уст его:

– Во дни высокой духовной настроенности Государя Николая Александровича, – так сказывал он мне, – когда под свежим еще впечатлением великих Саровских торжеств и радостного исполнения связанного с ними обетования о рождении ему Наследника, он объезжал места внутренних стоянок наших войск, благословляя их части на ратный подвиг, – в эти дни кончалась зимняя сессия Св. Синода, в числе членов которой состоял и наш Владыка. Кончилась сессия: Владыка вернулся в свой град чернее тучи. Зная его характер и впечатлительность, а также и великую его несдержанность, мы, его приближенные, поопасались на первых порах вопросить его о причинах его мрачного настроения, в полной уверенности, что пройдет день-другой, и он не вытерпит – сам все нам расскажет. Так оно и вышло.

Сидим мы у него как-то вскоре после его возвращения из Петербурга, беседуем, а он, вдруг, сам заговорил о том, что нас более всего интересовало. Вот что поведал он тогда:

– Когда кончилась наша зимняя сессия, мы – синодалы, во главе с первенствующим Петербургским митрополитом Антонием (Вадковским), как по обычаю полагается при окончании сессии, отправились прощаться с Государем и преподать ему на дальнейшие труды благословение, то мы, по общему совету, решили намекнуть ему в беседе о том, что нехудо было бы в церковном управлении поставить на очереди вопрос о восстановлении Патриаршества в России. Каково же было удивление наше, когда, встретив нас чрезвычайно радушно и ласково, Государь с места сам поставил нам этот вопрос в такой форме:

– Мне, – сказал он, – стало известно, что теперь и между вами в Синоде и в обществе много толкуют о восстановлении Патриаршества в России. Вопрос этот нашел отклик и в моем сердце и крайне заинтересовал и меня. Я много о нем думал, ознакомился с текущей литературой этого вопроса, с историей Патриаршества на Руси и его значения во дни великой смуты междуцарствия и пришел к заключению, что время назрело, и что для России, переживающей новые смутные дни, Патриарх и для Церкви, и для государства необходим. Думается мне, что и вы в Синоде не менее моего были заинтересованы этим вопросом. Если так, то каково ваше об этом мнение?

Мы, конечно, поспешили ответить Государю, что наше мнение вполне совпадает со всем тем, что он только что перед нами высказал.

– А если так, – продолжал Государь, – то вы, вероятно, уже между собой и кандидата себе в Патриархи наметили?

Мы замялись и на вопрос Государя ответили молчанием. Подождав ответа и видя наше замешательство, он сказал:

– А что, если я, как вижу, вы кандидата еще не успели себе наметить или затрудняетесь в выборе, что, если я сам его вам предложу – что вы на это скажете?

– Кто же он? – спросили мы Государя.

– Кандидат этот, – ответил он, – я! По соглашению с Императрицей я оставлю Престол моему Сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагая себя вам в Патриархи. Угоден ли я вам, и что вы на это скажете?

Это было так неожиданно, так далеко от всех наших предположений, что мы не нашлись, что ответить и… промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, Государь окинул нас пристальным и негодующим взглядом: встал молча, поклонился нам и вышел, а мы остались,

как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе и не сумели дать достойного ответа. Нам нужно было бы ему в ноги поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого им для спасения России подвига, а мы… промолчали!

– И когда Владыка нам это рассказывал, – так говорил мне молодой друг мой, – то было видно, что он, действительно, готов был рвать на себе волосы, но было поздно и непоправимо: великий момент был непонят и навеки упущен – "Иерусалим не познал времени посещения своего"… (Лк. 19, 44).

С той поры никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу Цареву уже не было. Он, по обязанностям их служения, продолжал по мере надобности принимать их у себя, давал им награды, знаки отличия, но между ними и его сердцем утвердилась непроходимая стена, и веры им в сердце его уже не стало, оттого, что сердце Царево, истинно, в руце Божией, и благодаря происшедшему въяве открылось, что иерархи своих си искали в Патриаршестве, а не яже Божиих, и дом их оставлен был им пуст. Это и было Богом показано во дни испытания их и России огнем революции. Чтый да разумеет (Лк. 13, 35)».

Рассказ С. А. Нилуса одновременно и подтверждается, и опровергается Л. Тихомировым, который 21 сентября 1916 года сделал запись в дневнике:

«Вчера Нилус рассказал мне "чудо", как он выразился. И вправду чудо, хотя я сомневаюсь, чтобы оно было в действительности. Узнал он это от какого-то человека (имени которого не открыл), который слышал это будто бы от [архиепископа] Антония Храповицкого, лично участвовавшего в деле. В то время, когда возник вопрос о восстановлении Патриаршества и созвании Церковного Собора, архиереи, как известно, собрались у Государя, и он, выразив свое сочувствие этому, спросил владык, намечали ли они между собою кандидата на Патриарший Престол? Владыки (среди которых чуть ли не каждый мечтал быть Патриархом) – молчали. После тщетных попыток добиться у них какого-нибудь мнения, Государь будто бы сказал: "Тогда, владыки, выслушайте мое мнение, и скажите, согласны ли вы на мое предложение". И затем он будто бы сообщил им такой неожиданный план: он, Государь, отказывается от Престола в пользу сына, разводится с женой, поступает в монахи – и его выбирают в Патриархи. Одобряют ли владыки такой план?

Ошарашенные владыки хранили глубокое молчание. Государь переспросил, но у них языки не могли пошевельнуться…

Тогда Государь, помолчав, повернулся и ушел, оставив владык в их оцепенении.

[Архиепископ] Антоний, будто бы, потом рвал на себе волосы из досады, что они пропустили такой случай получить для Церкви такого Патриарха, который имел бы даже большее значение, чем [святитель] Филарет Романов. Но момент был упущен.

Никогда ничего подобного я доселе не слыхал, и, признаюсь, не верю. Мысль Государя, – если это имело место, – это была бы единственная комбинация, при которой Патриаршество восстало бы из могилы в небывалом величии. Однако, нельзя не сказать, что [Царь] Михаил Романов, при всей юности своей, все-таки уже имел царский возраст, тогда как Наследник Цесаревич Алексей – тогда был еще совсем ребенком, и стало быть Россия должна была иметь Регента. Это значительно изменяло бы положение Патриарха.

Впрочем, повторяю, я совершенно не верю этому рассказу. Если бы что-либо подобное произошло, то я бы, конечно, слыхал от кого-либо».

Сразу надо сказать, что это история воспринимается не только Тихомировым, но и большинством других серьезных мемуаристов, а также современных исследователей как апокрифическая[32]. Я привожу ее лишь в качестве одного из возможных объяснений, почему Государь зачастую шел поперек решений Синода и прежде всего против митрополита Антония (Банковского) как самого авторитетного на тот момент русского иерарха, который и должен был стать первым русским предстоятелем после синодального периода. И дело здесь даже не в том, прав С. Фомин или нет, когда говорит об оскорбленности Государя равнодушием Синода по отношению к его намерению отречься от царства и стать Патриархом (или, точнее говоря, прав ли был С. Нилус, на которого Фомин ссылается и который заключал: «…с той поры никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу Цареву уже не было»). И даже не в том, было ли такое намерение на самом деле или это прекрасная (?) легенда.

Речь о том, что отмена Государем решения Синода и оставление в Царицыне Илиодора по воле императора и вынужденное согласие с этим решением Антония – а казалось бы, какая мелочь на фоне таких важных событий! – имели независимо от степени ответственности Государя и Синода как для монархии, так и для Церкви самые трагические последствия.

Распутин с Илиодором, эти два еще не самых влиятельных в 1911 году исторических деятеля, два еще почти частных лица,

расшатывали и без того не очень сильное доверие между Государем и Синодом (а заодно между Государем и Столыпиным, который также не мог не воспринимать отмену своего решения как проявление личного к нему недоверия, и Гучков, когда говорил о подавленности премьера, не лгал). И отсюда становятся ясной и та резкость, с которой к Распутину отнесся митрополит Антоний, и та обида и нежелание входить с Антонием в объяснения по поводу Распутина, которую проявил Государь. Но и Синод, не поддержавший в начале того же, 1911 года епископа Феофана, пожинал плоды своего невмешательства: события развивались по нарастающей, и сибирский крестьянин попадал в самый эпицентр, в больной нерв великой страны, о чем мало кто, включая самого Николая II, считавшего, что Распутин – это его частное, семейное дело, догадывался.

«Государь оставался в этом году до начала января в Ливадии, и оттуда не доносилось никаких сколько-нибудь выдающихся сведений, – писал в мемуарах, относящихся к 1911 году, В. Н. Коковцов, назначенный после смерти Столыпина премьер-министром. – Но здесь, в Петербурге, атмосфера стала постепенно сгущаться. В газетах все чаще и чаще стало опять упоминаться имя Распутина, сопровождаемое всякими намеками на его близость ко Двору, на его влияние при тех или иных начинаниях, в особенности по Духовному ведомству. Начали появляться заметки о его действиях в Тобольской губернии, с довольно прозрачными намеками на разных Петербургских дам, сопровождавших его в село Покровское и посещавших его там; на близость к нему даже разных сановников, будто бы обязанных своим назначением его покровительству. Такие заметки всего чаще появлялись то в газете "Речь", то в "Русском Слове", причем последнее сообщало наибольшее количество фактических сведений, и среди них однажды было напечатано сообщение о том, что на почве отношений к Распутину возникла даже размолвка в Царской семье, причем давалось довольно недвусмысленно понять, что Великая Княгиня Елизавета Федоровна стала в резко отрицательное к нему отношение и из-за этого совершенно отдалилась от Царского Села.

С газетных столбцов эти сведения постепенно перешли в Государственную Думу, где сначала пошли пересуды в "кулуарах", в свою очередь питавшие этими слухами и намеками думских хроникеров, и затем перешли и на думскую трибуну, с которой левые депутаты и несколько раз Милюков и другие кадеты намекали весьма прозрачно на "темные" силы, в особенности говоря о деятельности Св. Синода и о порядке замещения епископских кафедр <…>

Мне и А. А. Макарову (министру внутренних дел. – *А. В.)* все это было крайне неприятно. Мы оба видели ясно, что рано или поздно нам придется встретиться с неудовольствием по этому поводу, и, тем не менее, нам было очевидно наше бессилие повлиять на газеты в этом злополучном вопросе. Все попытки Макарова уговорить редакторов сначала через Начальника Главного Управления по делам печати (графа Татищева), а затем и лично не приводили ни к чему и вызывали только шаблонный ответ: «Удалите этого человека в Тюмень, и мы перестанем писать о нем», а удалить его было не так просто. Мои попытки повлиять на печать также успеха не имели. Я воспользовался визитами ко мне М. А. Суворина и Мазаева и старался развить перед ними ту точку зрения, что газетные статьи с постоянными упоминаниями имени Распутина и слишком прозрачными намеками только делают рекламу этому человеку, но, что всего хуже, – играют в руку всем революционным организациям, расшатывают в корне престиж власти Монарха, который держится, главным образом, обаянием окружающего его ореола, и с уничтожением последнего рухнет и самый принцип власти.

Оба эти лица со мною согласились, но твердили одно, что они тут ни при чем, что "Новое Время" неповинно в распространении сведений о Распугинском кружке, и когда я привел ряд заметок, перепечатанных и у них же, то они только отмалчивались или кивали на "Речь" и "Русское Слово", которые были действительно главными распространителями этих известий. Для меня было ясно, что и в редакции "Нового Времени" какая-то рука сделала уже свое недоброе дело и что рассчитывать на влияние этой редакции на ее собратий по перу, – не приходится.

Газетные кампании не предвещали ничего доброго. Она разрасталась все больше и больше, и как это ни странно, вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом ближайшего будущего и не сходил со сцены почти за все время моего Председательства в Совете Министров…»

В декабре 1911 года ошибки Синода и бессилие правительства попытался самым решительным образом исправить епископ Гермоген, к глубокому несчастью, повязанный тогда с проходимцем (удивительно единодушие, с каким все – и сторонники Распутина, и его противники – называют этим словом царицынского миссионера) Илиодором.

Распутин был приглашен к прибывшему на заседание Синода в Петербург епископу на его подворье, и там Гермоген потребовал от него в самой резкой форме навсегда оставить Петербург и царский дворец.

«Исторический час наступил.

Гермоген, я, "старец" и все свидетели собрались в парадную красную комнату, – описывал эту знаменитую сцену Илиодор в памфлете «Святой черт». – "Старец" сел на большой диван за круглый стол, потом встал, прошелся и остановился около дверей. Свидетели сидели. Гермоген стоял. Я тоже. <…>

Все молчали. <…> …как вдруг произошло нечто невероятное, смешное, но в то же время и ужасное.

Митя (странник Митя Козельский. – *А. В.)* с диким криком: «А-а-а! Ты безбожник, ты много мамок обидел. Ты много нянек обидел. Ты с царицею живешь! Подлец ты!» – начал хватать «старца»…

"Старец" очень испугался, губы у него запеклись, он, пятясь назад к дверям, сгибался дугою.

А Митя, взяв его за рукав, притащил к иконе и, тыкая ему пальцем в грудь, еще громче, еще неистовее кричал: "Ты безбожник! Ты с царицей живешь. Ты антихрист!" <…> Гермоген надел епитрахиль, взял в руки крест и сказал:

– Григорий, пойди сюда!

Григорий приблизился к столу, трясясь всем телом, бледный, согнувшийся, испуганный…

– Ну отец Илиодор, начинайте, – скомандовал Гермоген <… >».

После этого Илиодор принялся перечислять «подвиги» Распутина, описанию которых посвящена значительная часть его сочинения: насиловал своей дружбой, обманывал, скрывал свои грехи…

«Когда я окончил говорить, дотоле спокойно стоявший Гермоген в епитрахили и с крестом в руках закричал на Григория:

– Говори, бесов сын… правду ли про тебя говорил отец Илиодор?

"Старец" открыл рот, показал зубы, зашевелил губами, сел на диван, потом моментально встал, опять сел и наконец проговорил замогильным голосом со спазмами в горле:

– Правда, правда, все правда! Гермоген продолжал:

– Какою же ты силою делаешь это?

– Силою Божию! – уже более решительно отвечал "старец".

– О, окаянный! Зачем ты мучал так бедную невинную девушку – монахиню Ксению?

– Снимал "страсти".

Тут все свидетели тихо засмеялись, а Гермоген, схватив "старца" кистью левой руки за череп, правою начал бить его крестом по голове и страшным голосом, прямо-таки потрясающим, начал кричать: "Диавол! Именем Божиим

запрещаю тебе прикасаться к женскому полу! Запрещаю тебе входить в царский дом и иметь дело с царицей. Разбойник ты! Как мать в колыбели вынашивает своего ребенка, так и святая церковь своими молитвами, благословениями, подвигами вынянчила великую святыню народную – самодержавие царей. А теперь ты, гад, рубишь, разбиваешь наши священные сосуды – носителей самодержавной власти. Доколе же ты, окаянный, будешь это делать? Говори! Побойся Бога, побойся этого животворящего креста!.. <…>".

Григорий, как пойманный на месте преступления вор, шел за Гермогеном, спотыкаясь и по-прежнему дикими, блуждающими глазами озираясь по сторонам. <…>

Гермоген по-прежнему дико закричал: "Поднимай руку! Становись на колени. Говори: клянусь здесь, перед святыми мощами, без благословения епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора не преступать порога царских дворцов! Клянись. Целуй икону, целуй святые мощи!"

Григорий, вытянувшись в струнку, трясясь, бледный, окончательно убитый, делал и говорил все, что ему приказывал Гермоген…»

Так живописал все происходящее в Петербурге день в день за пять лет до убийства Распутина бывший иеромонах Илиодор, он же Сергей Труфанов. И каким бы ни был мерзавцем этот человек, в данном случае нет оснований сомневаться, что все примерно так и происходило. И будущий священномученик Гермоген скорее всего именно такие слова о церкви и самодержавии говорил.

С воспоминаниями Илиодора расходится именно настолько, насколько и должны расходиться неподложные мемуары, устный рассказ казачьего писателя И. А. Родионова, при том присутствовавшего. Этот рассказ воспроизводится в воспоминаниях Родзянко:

«"Ты обманщик и лицемер, – говорил епископ Гермоген Распутину (рассказ привожу со слов Родионова), – ты изображаешь из себя святого старца, а жизнь твоя нечестива и грязна. Ты меня обошел, а теперь я вижу, какой ты есть на самом деле, и вижу, что на мне лежит грех – приближения тебя к царской семье. Ты позоришь ее своим присутствием, своим поведением и своими рассказами, ты порочишь имя царицы, ты осмеливаешься своими недостойными руками прикасаться к ее священной особе. Этого нельзя терпеть дальше. Я заклинаю тебя именем Бога Живого исчезнуть и не волновать русский люд своим присутствием при царском Дворе".

Распутин дерзко и нагло возражал негодующему епископу. Произошла бурная сцена, во время которой Распутин, обозвав

площадными словами преосвященного, наотрез отказался подчиниться требованию епископа и пригрозил ему, что разделается с ним по-своему и раздавит его. Тогда, выведенный из себя, епископ Гермоген воскликнул: "Так ты, грязный развратник, не хочешь подчиниться епископскому велению, ты еще мне грозишь! Так знай, что я, как епископ, проклинаю тебя!" При этих словах осатаневший Распутин бросился с поднятыми кулаками на владыку, причем, как рассказывал Родионов, в его лице исчезло все человеческое. Опасаясь, что в припадке ненависти Распутин покончит с владыкой, Родионов, выхватив шашку, поспешил с остальными присутствующими на выручку. С трудом удалось оттащить безумного от владыки, и Распутин, обладавший большой физической силой, вырвался и бросился наутек. Его, однако, нагнали Илиодор, келейник и странник Митя и порядочно помяли. Все же Распутин вырвался и выскочил на улицу со словами: "Ну, погоди же ты, будешь меня помнить", что он и исполнил с точностью, воспользовавшись следующими привходящими обстоятельствами».

Позднее эта скандальная история обрастала самыми фантастическими слухами. И вот уже протопресвитер Шавельский писал в свойственном ему несколько развязном тоне:

«Чтобы парализовать влияние Гришки, как обыкновенно в обществе называли Распутина, епископы Феофан и Гермоген провели в царскую семью другого "мастера", "Митю" косноязычного, но Митя скоро провалился, написав на бланке епископа Гермогена какое-то бестактное письмо Государю, обидевшее последнего. Митю больше во дворец не пустили; Гришка праздновал победу[33]. Решили тогда иначе расправиться с последним. Гришка был приглашен к епископу Гермогену, не прерывавшему еще с ним сношений.

Там на него набросились знаменитый Иллиодор, Митя и еще кто-то и, повалив, пытались оскопить его. Операция не удалась, так как Гришка вырвался. Гермоген после этого проклял Гришку, а Государю написал обличительное письмо. Кажется, главным образом за это письмо еп. Гермогена отправили в Жировецкий монастырь, где он и оставался до августа 1915 года, до занятия его немцами. (Некоторые причиной увольнения Гермогена считали его протест против проекта великой княгини Елисаветы Федоровны о диаконисах, но это неверно: Гермоген пострадал из-за Гришки.)».

Так или иначе, но попытка Гермогена и Илиодора остановить Распутина не удалась так же, как не удалась близкая по времени (осень 1911 года) попытка Феофана. И хотя нет никаких прямых доказательств того, что Феофан и Гермоген координировали свои

действия, и никто из историков об этом хронологическом совпадении, насколько нам известно, не пишет, предположение о союзе двух епископов, более других осознающих свою ответственность за появление Распутина при Дворе, представляется вполне логичным. Гермоген выступил в Петербурге, попытавшись применить физическую силу, почти сразу же после закончившейся неудачей мирной миссии Феофана в Ливадии.

Вырубова писала позднее в мемуарах о людях, которые «смотрели на Распутина как на орудие к осуществлению их заветных желаний, воображая через него получить те или иные милости. В случае неудачи они становились его врагами. Так было с Великими князьями, епископами Гермогеном, Феофаном и другими».

По отношению к двум архиереям это в высшей степени несправедливо. В союзе с Распутиным ни Феофан, ни Гермоген никогда не искали личной выгоды, и после разрыва с ним ими двигала не месть, но чувство долга. Однако все, кто шел против сибирского крестьянина независимо от своих мотивов, терпели поражение. Это становилось дурной закономерностью, трагически прерванной лишь на исходе 1916 года.

В отличие от Феофана, фактически сложившего оружие и более в истории с Распутиным никак себя не проявившего, Гермоген еще пытался бороться, но уже не только против Распутина, а отстаивая самого себя. 3 января 1912 года епископ был уволен из Синода. Формальной причиной стало его резкое возражение против предложенного к введению института диаконис (примечательно, что Распутин также выступал против этого нововведения, предложенного Великой Княгиней Елизаветой Федоровной) и против поминовения в православной церкви инославных покойников. Свое несогласие Гермоген выразил в телеграмме на высочайшее имя, однако в данном случае Государь взял сторону не епископа, но Синода и потребовал от Гермогена немедленно вернуться во вверенную ему епархию. Подчиниться этому решению уговаривал попавшего в опалу епископа и ряд иерархов, в том числе и тогдашний архиепископ Кишиневский Серафим (Чичагов). Но Гермоген оставался в Петербурге и давал интервью либеральным газетам, которые еще недавно так резко осуждал.

«Я считаю главнейшими виновниками В. К. Саблера и известнейшего хлыста Григория Распутина, вреднейшего религиозного веросовратителя и насадителя в России новой хлыстовщины <…> Это опаснейший и, повторяю, яростный хлыст <…> Он свой разврат прикрывает кощунственно

религиозностью», – говорил он корреспонденту «Биржевых ведомостей» 11 января 1912 года. И, как писали в прижизненной биографии епископа, «в этих беседах заключались резкие осуждения по адресу Святейшего Синода и Синодального обер-прокурора. 15 января Святейшим Синодом предписано было епископу Гермогену отбыть не позднее 16 января во вверенную ему епархию, вместе с иеромонахом Илиодором. Это не было исполнено. 17 января Гермоген был уволен от управления саратовской епархией, с назначением ему пребывания в Жировецком монастыре гродненской епархии».

«Гермоген тут же послал Государю телеграмму с просьбою об аудиенции, намереваясь раскрыть перед ним весь ужас создающегося положения, – вспоминал Коковцов, – а тем временем покровители Распутина, а может быть, сам "старец", поспешили лично передать о всем случившемся. По крайней мере, уже 17-го января днем Саблер получил от Государя телеграмму Гермогена с резкою собственноручного надписью, что приема дано не будет, и что Гермоген должен быть немедленно удален из Петербурга, и ему назначено пребывание где-нибудь подальше от Центра. Смущенный всем случившимся Саблер был у Макарова, потом приехал ко мне посоветоваться, что ему делать, и в тот же день поехал в Царское Село, пытаясь смягчить гневное настроение. Ему это не удалось. В тот же день, около 6-ти часов он сказал мне по телефону, что встретил решительный отказ, что все симпатии на стороне Распутина, на которого – как ему было сказано – "напали, как нападают разбойники в лесу, заманивши предварительно свою жертву в западню", что Гермоген должен немедленно удалиться на покой, в назначенное ему место, которое Саблер выбрал в одном из монастырей Гродненской губернии, где он будет, по крайней мере, прилично помещен, а Илиодору приказано отправиться во Флорищеву пустынь около гор. Горбатова, где и пребывать, не выходя из ограды монастыря, и отнюдь не появляться ни в Петербурге, ни в Царицыне. Физического насилия над Илиодором, а тем более Гермогеном употреблять не позволено, во избежание лишнего скандала, но дано понять, что в случае ослушания не остановятся и перед этим, так как не допускают возможности изменения твердо принятого решения и находят даже, что все явления последнего времени представляются естественным проявлением "слабости Столыпина и Лукьянова, которые не сумели укротить Илиодора, явно издевавшегося над властью"».

Как пишет дальше Коковцов, «весь этот инцидент еще более приковал внимание Петербурга к личности Распутина.

В обществе, в Государственной Думе и Совете только и

говорили, что об этом, и меня вся эта отвратительная история держала в нервном состоянии. Дела было масса, посещений, разговоров еще больше; каждый только и говорил о событии дня, а время тянулось без всяких проявлений готовности опальных духовных подчиниться Высочайшей Воле…

Саблер продолжал расточать сладкие речи, о том, что все устроится, не нужно только натягивать струну; газеты печатали массу мелких заметок. Государь со мною не заговаривая о происшествии и даже наводимый мною на этот предмет ловко уклонялся. Так прошла целая неделя. Гермоген в четверг послал вторичную телеграмму Государю, прося Его смягчить Его требование и дать ему хотя бы некоторую отсрочку в отъезд, в виду его болезненного состояния, и сослался на то, что последнее может быть удостоверено доктором Бадмаевым, которого Государь знает лично с давних пор, когда еще в начале девятисотых годов, при гр. Витте, примерно в 1901 или 1903 г.г. при участии князя Ухтомского, начиналась активная политика на дальнем Востоке. Бадмаеву была даже выдана, по докладу Витте, из Государственного Банка ссуда в 200 т. рублей, для пропаганды среди бурят и монголов в пользу России.

Эта телеграмма, так же как и первая, осталась без ответа…

В воскресенье, 22-го января, утром, приехал к Макарову генерал Дедюлин вместе с Саблером и, в качестве Генерал-Адъютанта, передал повеление Министру Внутренних Дел, потребовав, чтобы Гермоген выехал в тот же день. Дедюлин передал при этом, что Государь не допускает более никаких отговорок и, при неповиновении Гермогена, повелел Градоначальнику вывезти его силою. Саблер все еще пытался умиротворять и предложил послать к Гермогену двух епископов, в том числе Сергея Финляндского, нынешнего заместителя местоблюстителя Патриарха Московского, усовестить его и склонить его добровольно подчиниться Царскому гневу.

Посылка посольства не состоялась, потому что около 1 часа дня тот же Дедюлин передал Макарову по телефону просьбу доктора Бадмаева разрешить ему повидаться с Гермогеном и попытаться уговорить его. Разрешение было дано, но до 7-ми часов вечера не были известны его результаты, и распоряжение было дано двоякое: на случай упорства, Начальнику Охранного Отделения Генералу Герасимову приказано быть у Гермогена к 11-ти часам вечера, с экипажем, посадить Гермогена в него даже силою и отвезти на Варшавский вокзал и поместить в особый вагон, прицепленный к 12-часовому поезду.

В случае же готовности подчиниться, приказано только наблюдать за отъездом и не допускать ослушания в последнюю

минуту. Около 8-ми часов Бадмаев сообщил Макарову по телефону, что Гермоген подчинился, и, действительно, в 11 1/2 ч. вечера Макарову сообщили по телефону с Варшавского вокзала, что Гермоген приехал с юродивым Митей Козельским. Увидевши на вокзале жандармского генерала Соловьева, он хотел было вернуться домой, но тут вмешался Митя Козельский, стал дергать Епископа за рукав, громко повторяя Много раз фразу: "Царя нужно слушаться, воле Его повиноваться". Епископа усадили в вагон, и поезд спокойно отошел, с опозданием всего на 5 минут. При отходе поезда почти никого не было, какая-то женщина начала было причитать. Другая бросилась перед вагоном на колени, но ожидавшаяся демонстрация так и не состоялась. Замечательно при этом то, что Митю Козельского приказано было еще неделю тому назад выслать по этапу, но Градоначальник заверил Министра Внутренних Дел, что он скрылся из города и его нет в столице, между тем, как он преспокойно проникал к арестованному Гермогену и открыто приехал с ним на вокзал. Вероятнее всего, что он просто жил на подворье Гермогена».

«Ныне происходящие события: со старцем Распутиным, иеромонахом Иллиодором, архиепископом Гермогеном, какими-то кликушами, Митькой и другими показывают, в какую бездну пало высшее управление православной церкви. Несомненно, что это не может не отражаться на всей церковной жизни России и, следовательно, и на всем государственном строе России, на всей государственной мощи России, а между тем не подлежит никакому сомнению, что православная церковь и ее служители сыграли в создании России, в особенности ее культуры, совершенно выдающуюся и исключительную роль, и до настоящего времени в высших сферах и, в сущности говоря, во всем народе России православная церковь играет громаднейшую роль. С колебанием православной церкви будет колебаться вся жизнь народа, и в этом заключается едва ли не самая опасная сторона будущей исторической жизни России», – почти провидчески писал С. Ю. Витте, при том, что был он от Церкви человеком достаточно далеким, а Распутину в той или иной степени симпатизировал.

За Гермогена вступились. 24 января 1912 года в «Московских ведомостях» появилась петиция «Св. Синод и епископ Гермоген. Голос мирян», подписанная Ф. Самариным, В. Васнецовым, М. Новоселовым и другими москвичами, членами новоселовского кружка. «Невольно напрашиваются смущающие душу мысли: не определялся ли ход этого дела какими-то нам неведомыми соображениями? Не видим ли мы, например, что явные еретики и отступники, дерзко совершающие свое богомерзкое дело,

остаются свободными от церковного суда?» – и это был уже прямой выпад против Распутина.

«Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя? Почему молчат и стражи Израилевы, когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого лжеучителя – лжехлыстом, эротоманом, шарлатаном? Где Его Святейшество, если он по нерадению или малодушию не блюдет чистоты веры Церкви Божией и попускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света? Где его правящая десница, если он пальцем не хочет шевельнуть, чтобы низвергнуть дерзкого растлителя и еретика из ограды церковной? Быть может, ему недостаточно известна деятельность Григория Распутина? В таком случае прошу прощения за негодующие дерзновенные слова и почтительнейше прошу меня вызвать в высшее церковное учреждение для представления данных, доказывающих истину моей оценки хлыстовского обольстителя», – еще более резко и определенно выступил в тот же день в «Голосе Москвы» сам Новоселов.

Газету конфисковали, Новоселова в Синод не вызвали, а москвичам напомнили про правило Трулльского собора, запрещающее мирянину «перед народом рассуждать о вере или учить как учителю», и всякую связь между делом Гермогена и Распутиным отринули.

Однако заступались за епископа не только москвичи-любомудры в подведомственной Гучкову прессе. Любопытная запись встречается в дневнике петербуржца Александра Блока от 18 марта 1912 года:

«Третьего дня полдня провела у меня Ангелина (сестра поэта по отцу. – *А. В.)*. И у нее события. Ее подруга Сергеева живет у них, после того как в часовне Спасителя упала в ноги случайно приехавшему царю и сказала ему: «Царь-батюшка, помилуй святителя». – «Какого?» – спросил царь и велел ее не трогать. Едва он уехал, шесть сыщиков ухватили и стащили в участок. Продержали там недолго – часа три. <…>

У Ангелины так теперь: "преосвященный Гермоген", подлинная церковь, тот круг (из образующих новую церковь), к которому "примкнула" она. Гермоген – вполне свят. Илиодор ("отец") меньше, но и он. Распутин – враг. Распутин – примыкает к хлыстам <…>

Итак: "православнейшие оплоты" – и те покинули Синод и Саблера. Смотря на все это жестко и сухо, я, проезжая по одной из самых непристойных улиц – Сергиевской, думаю: вот и здесь, и здесь – тоже "недовольны", тоже горячо обсуждают, с кем быть, с

Синодом или с Гермогеном».

«Епископ Гермоген, с которым я как-то случайно встретился у А. С. Суворина, говорил мне, что он сначала относился к Распутину с большим вниманием, видя в нем некоторый духовный опыт и религиозную работу, но затем вполне точно убедился, что это хлыст, что он действительно развращающе действует на религиозных женщин. С одной инокиней, например, он четыре часа радел и довел ее до невозможного состояния. "Зачем ты это сделал?" – спрашивает Григория еп. Гермоген. "Я испытывал свои силы", – отвечает. "Знаешь, Григорий, – сказал епископ, – смотрел я на тебя, как на человека Божьего, а теперь смотрю как на змия-соблазнителя и архиерейской властью запрещаю тебе входить в православные семьи". На это Гриша покоробился было, но не послушал Гермогена. Затаил зло на него.

Когда возник вопрос о посвящении Гришки в православные священники, епископ Гермоген решительно восстал против этого и, как говорят, именно здесь и нашел свой подводный камень. Почти безграмотный (у меня есть записки с его подписью) хлыстовский начетчик оказался в XX веке – в те дни, когда принимают в Петербурге лордов и джентльменов, ученых и писателей, – большой силой. То, что было у нас в XVIII—XIX веках, в эпоху Татаринова повторяется, кажется, и теперь. По-видимому, голос святителя Гермогена против великосветской хлыстовщины раздался как раз вовремя».

Так писал Михаил Осипович Меньшиков, известный как один из самых яростных обличителей Григория Распутина, хотя справедливость требует привести выдержку из дневника генеральши Богданович, датируемую 26 февраля 1912 года: «Когда зашел разговор о Распутине, Меньшиков начал говорить не то, что писал про него; сказал, что он видел его у Сазонова, что Распутин на него произвел на этот раз впечатление, что он – верующий, искренний и проч.».

Если все это правда, то она лишний раз доказывает, что в истории с Распутиным много непростого, и Меньшиков претерпел эволюцию, обратную Феофановой и Гермогеновой, то есть от отрицания распутинской набожности до ее признания, – эволюцию, которую нынче претерпевают и некоторые наши современники. Но при всем уважении к ним, следует отметить, что Меньшиков успел опамятоваться.

Государь же, судя по воспоминаниям Родзянко, не питал к Гермогену личного зла:

«В одном из ближайших моих всеподданнейших докладов я доложил всю подноготную инцидента в св. синоде и просил

смягчить участь невинно пострадавшего владыки. Государь ответил мне буквально следующее: "Я ничего не имею против епископа Гермогена. Считаю его честным, правдивым архипастырем и прямодушным человеком, способным стойко и бесстрашно отстаивать правду и непоколебимым в служении истине и достоинству православной церкви. Он будет скоро возвращен. Но я не мог не подвергнуть его наказанию, так как он открыто отказался подчиниться моему повелению".

Но прощения все же не последовало. Вероятно, иные воздействия оказались сильнее и поколебали слабую волю императора».

«Удаление епископа Гермогена не находится в связи с Распутиным, это неверно. Он был очень резок в своих речах», – говорил Государь А. Д. Самарину.

До 1915 года Гермоген находился в Жировецком монастыре, причем о его пребывании там свидетельства сохранились разные. В «Житии» Гермогена, составленном в связи с его недавним причислением к лику святых, говорится так:

«Подъезжая к Жировицам, владыка еще издали услышал колокольный звон. Настоятель и братия вышли встречать святителя. Монастырский двор был заполнен народом, и, обращаясь ко всем, владыка сказал:

– Я не считаю себя сосланным, но человеком, желающим всецело отдаться служению Господу Богу.

Поселившись в двух небольших комнатах на втором этаже каменного корпуса, он вел привычный для себя образ жизни подвижника; ложился поздно, но вставал неизменно в семь часов и часто служил. На его службы в монастырь приходило много народа из сел и из города Слонима».

Иное воспоминание о пребывании Гермогена в Жировецком монастыре оставил посетивший его в 1915 году протопресвитер Шавельский:

«Положение опальных епископов, заточенных в монастыри, всегда было тяжким. Епархиальные епископы сплошь и рядом не щадили самолюбия попавших в опалу своих собратий. Но тяжелее всего был гнет настоятелей монастырей, часто полуграмотных архимандритов, которые мелочно и грубо проявляли свою власть и права, не щадя архиерейского сана заключенных.

В данном случае положение епископа Гермогена осложнялось тем, что он был заточен в монастырь по высочайшему повелению. Местные епархиальные власти (Гродненской епархии) точно старались показать, что они строги к тому, кого не жалует царь. Епископу Гермогену жилось в монастыре худо. И Гродненский архиепископ Михаил, и невежественный архимандрит-настоятель

монастыря, и даже весьма благостный и кроткий викарий, епископ Владимир, – каждый по-своему прижимали несчастного узника. Нас провели прямо в келью епископа Гермогена. Довольно просторная комната была в хаотическом беспорядке: столы завалены книгами, бумагами, лекарствами (епископ разными травами лечил крестьян), кусками хлеба и всякой всячиной. Сам епископ встретил нас на пороге кельи. Когда я передал ему приветствие от великого князя, он так обратился ко мне: "Если бы ангел слетел с неба, он не принес бы мне большей радости, чем ваш приезд!" Но затем он засыпал меня жалобами: все его притесняют, а особенно настоятель монастыря. Он не разрешает ему часто служить, а когда и разрешит, не оказывает должных почестей его сану: для сослужения не дает больше одного иеромонаха, при выходе из храма, по окончании службы, не провожает его трезвоном и т. п. Жаловался епископ также на скудную пищу, на невнимательность к его просьбам и пр. "Если бы не соседние помещики, доставляющие мне всё необходимое, – я умер бы с голоду", – закончил он свои жалобы на архимандрита.

Епископ Владимир по-своему притеснял его. В г. Слониме в великолепных казармах 118 пехотного Шуйского полка помещалось 7 госпиталей. Начальство этих госпиталей со священниками обратилось к епископу Гермогену с просьбой совершить Богослужение в их прекрасной церкви, но епископ Владимир не разрешил ему выехать из монастыря.

Утешив епископа, я посетил архимандрита, которому, не стесняясь, заявил, что о тягостном положении епископа Гермогена известно великому князю, и что применяемые в отношении епископа грубые меры несомненно осудит и сам Государь».

В 1915 году в связи с угрозой занятия Жировецкого монастыря немцами Гермогена перевели в Николо-Угрешский монастырь.

В показаниях С. П. Белецкого ЧСК в 1917 году приводится свидетельство об обеде, на котором присутствовали Распутин и архиепископ Тверской (по всей видимости, Серафим (Чичагов), хотя имени его Белецкий не называет, но говорит о том, что архиепископ Тверской «относился к Распутину лично отрицательно и даже говорил о его неправильной оценке в высоких сферах личности некоторых иерархов, в особенности епископа Гермогена, но с влиянием Распутина считался») и где речь зашла об опальном Гермогене.

«Распутин при разговоре о Гермогене переменился в лице, а после слов архиепископа Тверского о том, что хулу на епископа Бог не простит ни в этой, ни в загробной жизни, ответил только:

"нас с ним рассудит один Бог", хотя видно было, что эти слова владыки произвели на него впечатление».

В 1917-м как пострадавшего от Распутина Гермогена назначили на Тобольскую кафедру, а год спустя он принял мученическую кончину от большевиков. Но перед этим успел сказать еще несколько слов о той давней истории и своем отношении к Распутину.

«В азарте этой борьбы я много не замечал, – рассказывал Гермоген мужу Матрены Распутиной Борису Соловьеву. – Я не видел, например, что моя борьба усиливает вредные элементы среди оппозиции Государственной Думы. Я не видел, что, словно сатана, искушавший Христа, вокруг меня вертится, неустанно внушая мне ненависть, упорство и злобу, это подлинно презренное существо, Илиодор! Результаты ты помнишь? Громкий скандал: побежден и отправлен в ссылку в Жировецкий монастырь, где, когда волнения души улеглись и я обрел возможность спокойно размышлять, я с ужасом увидел итог моего выступления. Борясь за Трон, я своей борьбой только скомпрометировал его лишний раз! Сколько мук и терзаний пережил я потом!»

Можно сомневаться, произносил ли такие или похожие слова Гермоген, но невозможно не поверить в то, что вся эта история вызывала в нем не злорадство, не ярость, не мстительность, а душевную муку, и именно этим отличается он от своего союзника Илиодора, обливавшего помоями и Распутина, и Царскую Чету.

И судьба Илиодора сложилась совсем иначе. Назначенный во Флорищеву пустынь – монастырь, известный своим очень строгим уставом[34], – он сначала хотел апеллировать к прибывавшей в Россию делегации епископов Англиканской церкви (что вызвало характерную реакцию М. О. Меньшикова: «Вступая на путь разных революционеров, ездивших жаловаться на родное правительство в Европу и в Америку, не подражает ли одновременно о. Илиодор и евреям, призывающим иностранное вмешательство в наши чисто внутренние дела?»), а позднее, уже «заточенный» в монастырь в статусе простого чернеца, бывший трибун заявил о своем желании снять с себя сан и отказаться от монашеских обетов. «Или передайте суду Распутина за его ужасные злодеяния, совершаемые им на религиозной почве, или снимите с меня сан, – шантажировал он Синод. – Я не могу помириться с тем, чтобы Синод, носитель благодати Святого Духа, прикрывал „святого черта“, ругающегося над церковью Христовой».

Гермоген пытался его остановить:

«Дорогой отец Илиодор! Потерпите. Возьмите свое прошение о снятии сана обратно. Уже идет девятый вал, а там и спасение

будет. Любящий епископ Гермоген».

Но все было напрасно. Илиодор свой выбор сделал: он снова поднял уже который по счету бунт. Только теперь на помощь ему звать было некого, ибо самый главный его заступник посылал в Царское Село телеграммы совсем иного содержания, чем год тому назад: «Миленькие папа и мама! Илиодор с бесами подружился. Бунтует. А прежде таких монахов пороли. Цари так делали. Нонче смирите его, чтобы стража ему в зубы не смотрела. Вот бунтовщик. Григорий».

Илиодор рассчитывал на помощь своей царицынской паствы, но и этот путь был ему отрезан: «Вы не смотрите на его баб. Молитва их бесам. Надо приказать похлеще поучать этих баб. Тогда они забудут бунтовщика. И сами смирятся. Григорий».

В сентябре 1912 года община Илиодора была разогнана, а в конце ноября 1912 года в Синоде было получено написанное кровью его послание: «Я же отрекаюсь от вашего Бога. Отрекаюсь от вашей веры. Отрекаюсь от вашей Церкви. Отрекаюсь от вас как от архиереев…»

В Дивеевском монастыре существует предание о блаженной Паше Саровской:

«Как-то приехал к ней иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов) из Царицына. Он пришел с крестным ходом, было много народа. Прасковья Ивановна его приняла, посадила, потом сняла с него клобук, крест, сняла с него все ордена и отличия – все это положила в свой сундучок и заперла, а ключ повесила к поясу. Потом велела принести ящик, туда положила лук, полила и сказала: "Лук, расти высокий…" – а сама легла спать. Он сидел, как развенчанный. Ему надо всенощную начинать, а он встать не может. Хорошо еще, что она ключи к поясу привязала, а спала на другом боку, так что ключи отвязали, достали все и ему отдали.

Прошло несколько лет – и он снял с себя священнический сан и отказался от иноческих обетов».

В декабре 1912 года с Илиодора сняли сан, и расстрига Сергей Труфанов вернулся в родную деревню, повесил на стену портрет Льва Толстого и, публично покаявшись перед хулимым им писателем («Прости меня, священный прах великого, равного Христу, Старца, великолепного и блистательного Льва, без меры я издевался над тобой… тайный разум мой соглашался с тобой почти во всем твоем вероучении, но явно разум, наполненный учителями смесью из истины и лжи, восставал на тебя и вынуждал меня бить тебя»), женился.

«Ежели собаке прощать, Серьгу Труханова то он, собака, всех съест», – заключил по сему поводу Распутин, оказавшись гораздо больше прав, чем могло бы на первый взгляд показаться.

О. Платонов в своей книге «История русского народа в XX веке» уравнял Гермогена с Илиодором, называя *обоих* «прожженными аферистами и карьеристами» и «недостойными духовными лицами», а о мученической кончине Гермогена написал: «Как неисповедимое Господне наказание ждала его страшная смерть от руки большевистских извергов: быть утопленным заживо в 1918 году как раз напротив села Покровского, родины Распутина (документы об этом лежат в Тобольском архиве)».

Что тут скажешь?

Можно, насилуя историю, объявлять Григория Распутина «оклеветанным старцем» и требовать его немедленного прославления, да только вот оказывается, что для утверждения этих идей приходится самому клеветать и ставить на одну доску священномученика Гермогена, взятого под стражу в Страстной четверг и до конца верного своей Церкви, и вероотступника Труфанова и называть Божьим *наказанием* смерть за Христа и за Государя, Гермогеном принятую.

А Гермоген меж тем зла ни на кого не держал. «Трагический был и конец его, – говорил святитель незадолго до смерти о Распутине. – Теперь его Бог будет судить, как впоследствии и всех нас».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Письма. Социальная диагностика по Солоневичу. Версия о происхождении писем. Брошюра М. А. Новоселова. Гучков в деле Распутина. Коковцов и Курлов о своих встречах с Распутиным. Беседа Коковцова с Государем. Председатель Государственной думы и распутинский пиар. Сказ о том, как барин выгнал из храма мужика. Весенний конфликт в Думе. Милюков и Шульгин о Распутине. Отъезд Императора в Крым. Масонский след

И все же самый отвратительный свой поступок Илиодор совершил не тогда, когда он стал чекистом, и даже не тогда, когда написал «Святого черта». Самое чудовищное случилось раньше.

«В начале декабря или в конце ноября (1911 года.– *А. В.)* стали распространяться по городу отпечатанные на гектографе копии 4-х или 5-ти писем – одно Императрицы Александры Федоровны, остальные от Великих Княжон, к Распутину. Все эти письма относились к 1910 или 1909-му году, и содержание их и в особенности отдельные места и выражения из письма Императрицы, составлявшие в сущности проявления мистического настроения, давали повод к самым возмутительным пересудам», – писал в своих мемуарах Коковцов.

> «Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю все одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть. Куда ты улетел. А мне так тяжело, такая тоска на сердце… Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня. Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя
>
> *Мама».*

> «Бесценный друг мой. Часто вспоминаю о тебе, как

ты бываешь у нас и ведешь с нами беседу о Боге. Тяжело без тебя: не к кому обратиться с горем, а горя-то, горя сколько. Вот моя мука. Николай меня с ума сводит. Как только пойду в собор, в Софию и увижу его, то готова на стенку влезть, все тело трясется… Люблю его… Так бы и бросилась на него. Ты мне советовал поосторожнее поступать. Но как же поосторожнее, когда я сама с собою не могу совладать… Ездим часто к Ане. Каждый раз я думаю, не встречу ли я там тебя, мой бесценный друг; о если бы встретить там тебя скорее и попросить у тебя советов насчет Николая. Помолись за меня и благослови. Целую твои руки.

Любящая тебя

Ольга».

«Дорогой и верный друг мой. Когда же ты приедешь сюда. Долго ли ты будешь сидеть в Покровском. Как поживают твои детки. Как Матреша. Мы, когда собираемся у Ани, то вспоминаем всегда всех вас. А как хотелось бы побывать нам в Покровском. Когда же настанет это время. Скорее устрой все; ты все можешь. Тебя так Бог любит. А Бог, по твоим словам, такой добрый, хороший, что непременно исполнит все, что ты задумаешь. Так скорее же навести нас. А то нам без тебя скучно, скучно. И мама болеет без тебя. А нам как тяжело на нее, больную, смотреть. О, если бы ты знал, как нам тяжело переносить мамину болезнь. Да ты знаешь, потому что ты все знаешь. Целую тебя горячо и крепко, мой милый друг. Целую твои святые руки.

До свиданья. Твоя

Татьяна».

«Милый, дорогой, незабвенный мой друг. Как я соскучилась по тебе. Как скучно без тебя. Не поверишь ли, почти каждую ночь вижу тебя во сне.

Утром, как только просыпаюсь, то я беру из-под подушки евангелие, тобою мне данное, и целую его… Тогда я чувствую, что как будто тебя я целую. Я такая злая, но я хочу быть доброю и не обижать нашу милую, хорошую, добрую няню. Она такая добрая, такая хорошая, мы все ее так любим. Помолись, незабвенный друг, чтобы мне быть всегда доброю. Целую тебя. Целую твои светлые руки. Твоя навсегда

Мария».

«Милый мой друг. Когда мы тебя увидим. Аня вчера мне сказала, что ты скоро приедешь. Вот я буду радоваться. Я люблю, когда ты говоришь нам о Боге. Я люблю слушать о Боге. Мне кажется, что Бог такой добрый, такой добрый. Помолись ему, чтобы он помог маме быть здоровой. Часто вижу тебя во сне. А ты меня во сне видишь? Когда же ты приедешь? Когда ты будешь в детской нашей говорить нам о Боге? Скорее езжай, я стараюсь быть пай, как ты мне говорил. Если будешь всегда около нас, то я всегда буду пай. До свиданья. Целую тебя, а ты благослови меня. Вчера я на маленького обиделась, а потом помирилась. Любящая тебя твоя

Анастасия».

Россия прочла эти строки, и по стране пошел гулять слух, что «Гришка» живет с царицей.

По сути это было начало конца. После этого Царскому дому, а значит, и всей Империи было не устоять.

Существует две версии происхождения писем: по одной, Распутин подарил их Илиодору, чтобы подтвердить свою близость ко двору («"Брат, Григорий, дай мне на память несколько писем", – взмолился я»), по другой, Илиодор их сам украл. Вероятно и то и другое: понятиям элементарной порядочности Распутин обучен не был и хвастал своим знакомством с Царицей направо и налево, но в любом случае Сергей Труфанов, он же иеромонах Илиодор, был тем человеком, который из ненависти или зависти к Распутину, из желания сделать политическую карьеру, подстрекаемый бесом, чертом, самим сатаной, но именно он, а не Распутин, стал первым орудием таинственных темных сил и приложил руку, чтобы частные письма Царской Семьи начали распространяться по России, порождая соблазны, злорадство, недоумение, горечь, обиду, стыд. И то, что это шло от духовного лица, пусть сколько угодно недостойного, лишь усугубляло ситуацию.

Это позднее верно подметил и позлорадствовал Горький, написав одному из своих корреспондентов о том, что в 1905 году спусковым крючком для русской смуты стал священник (Гапон), а следующую революцию готовит иеромонах (Илиодор).

«С печальным, подавленным чувством сажусь писать. Более позорного времени не приходилось переживать, – записывала в дневнике генеральша Богданович в феврале 1912 года. – Управляет теперь Россией не царь, а проходимец Распутин, который громогласно заявляет, что не царица в нем нуждается, а

больше он, Николай. Это ли не ужас! И тут же показывает письмо к нему, Распутину, царицы, в котором она пишет, что только тогда успокаивается, когда прислонится к его плечу. Это ли не позор! <…> У царицы – увы! – этот человек может все. Такие рассказывают ужасы про царицу и Распутина, что совестно писать. Эта женщина не любит ни царя, ни России, ни семьи и всех губит».

О том, каким образом эти письма стали достоянием общественности, можно прочесть в документальной повести Амальрика «Распутин».

«Сразу же по прибытии во Флорищеву пустынь Илиодор послал телеграмму брату Александру в Царицын, и тот привез ему письма. В один и тот же день, 8 февраля 1912 года, к Илиодору за ними прибыли гонцы от Бадмаева и А. И. Родионова. Подлинники Илиодор отправил Родионову для Гермогена, а копии – Бадмаеву. Бадмаев получил только четыре письма, так как Илиодор забыл сразу вложить в конверт копии двух писем – от Ольги и Анастасии. В сопроводительном письме "дорогому Петру Александровичу" он передает "самую искреннюю, сердечную благодарность тому неведомому для меня г. члену Государственной думы, который через Вас подарил мне прекрасное одеяло". Полагаю, что этот "неведомый член" А. И. Гучков, получив царские письма, о подаренном одеяле мог и не жалеть.

Передав письмо царицы намеревавшимся "возбудить страсти" Родзянке и Гучкову, Бадмаев 17 февраля написал очень сладкое письмо царю, что "епископ Гермоген и иеромонах Илиодор – фанатики веры, глубоко преданные царю, нашли нужным мирно уговорить г. Нового не посещать царствующий дом", и предлагал "спокойно, не возбуждая страстей, ликвидировать это дело". Увидев со временем, что "хлыст, обманщик и лжец г. Новый" не пошатнулся, Бадмаев стал именовать его "отцом Григорием" и "дорогим Григорием Ефимовичем".

Вслед за Коковцовым императрица-мать, по совету Юсупова, пригласила Родзянку.

– Я знаю, что есть письмо Илиодора к Гермогену, – (у меня действительно была копия этого обличительного письма), – и письмо императрицы к этому ужасному человеку. Покажите мне, – сказала она. – Не правда ли, вы его уничтожите?

– Да, ваше величество, я его уничтожу.

Тут Родзянко добавляет, но тоже с большим благородством: "Это письмо и посейчас у меня: я вскоре узнал, что копии этого письма в извращенном виде ходят по рукам, тогда я счел нужным сохранить у себя подлинник".

В действительности никаких "подлинников" у Родзянки не было – они были у Родионова, и о них я скажу далее. Копии же писем, которые "в извращенном" или не извращенном виде стали ходить по рукам, имели своим источником самого Родзянку и его однопартийца Гучкова, ибо именно им эти копии передал Бадмаев. Если сам Родзянко и не имел намерения распространять эти письма, то во всяком случае он не задумался взять их у Бадмаева и не воспрепятствовал их распространению Гучковым. К сожалению, оказалось, что в России не только полиция, но и "общественность" считала возможным перлюстрацию и использование чужих писем».

Андрей Амальрик – советский диссидент и либерал, которого трудно заподозрить в симпатии к монархии, и его сожаление могло быть не вполне искренним. Но вот что писал за полвека до Амальрика убежденный монархист и консерватор И. Л. Солоневич:

«Во всей распутинской истории самый страшный симптом не в пьянстве. Самый страшный симптом – симптом смерти, это отсутствие общественной совести. Вот температура падает, вот – нет реакции зрачка, вот – нет реакции совести. Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы. Совести не оказалось. Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который бы призывал наши верхи хотя бы к защите элементарнейшей семейной чести Государя. Поставим вопрос так. На одну сотую секунды допустим, что распутанская грязь действительно была внесена внутрь Царской Семьи. Даже и в этом случае элементарнейшая обязанность всякого русского человека состояла в следующем – по рецепту ген. Краснова, правда, уже запоздалому, – виселицей, револьвером или просто мордобоем затыкать рот всякой сплетне о Царской Семье.

Я плохо знаю Англию, но я представляю себе: попробуйте вы в любом английском клубе пустить сплетню о королеве, любовнице иностранного шпиона, и самые почтенные джентльмены и лорды снимут с себя сюртуки и смокинги и начнут бить в морду самым примитивным образом, хотя и по правилам самого современного бокса. А наши, черт их дери, монархисты не только не били морду, а сами сладострастно сюсюкали на всех перекрестках: "А вы знаете, Распутин живет и с Царицей, и с Княжнами". И никто морды не бил. Гвардейские офицеры, которые приносили присягу, которые стояли вплотную у трона, – и те позволяли, чтобы в их присутствии говорились такие вещи».

Коль скоро разговор зашел об Англии, в добавление к этой

мысли можно вспомнить знаменитую английскую легенду о королеве Годиве, которая, по преданию, вынуждена была обнаженной проехать на лошади через весь город, и жители этого города, щадя ее честь, наглухо закрыли все ставни. К несчастью, у нас в России их распахнули настежь, да еще принялись перемигиваться и перешептываться…

«…смертный, право, трудно даже понять, как устроен этот смертный: как бы ни была пошла новость, но лишь она была новость, он непременно сообщит ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: "Посмотрите, какую ложь распустили!", а другой смертный с удовольствием преклонит ухо, хотя после скажет сам: "Да, это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого внимания!" и вслед за тем сей же час отправится искать третьего смертного, чтобы, рассказавши ему, после вместе с ним воскликнуть с благородным негодованием: "Какая пошлая ложь!" И это непременно обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся непременно досыта и потом признают, что это не стоит внимания и не достойно, чтобы о нем говорить».

Добавить к этим словам Гоголя нечего. Россия, точнее образованная часть се общества – ведь чтением и распространением этих писем занималась главным образом она, – превратилась в тот самый губернский город NN, куда некогда въехала чичиковская бричка.

Что же касается Государя, то для него, судя по всему, вся эта история была очень неприятна. Существует воспоминание Коковцова о том, как во дворце узнали про письма и как отреагировал на это Николай Александрович. Коковцов описывает свою встречу с министром внутренних дел А. А. Макаровым:

«Наш разговор перешел затем на распространяемые с ссылкою на Гучкова письма Императрицы и Великих Княжон, и мы оба высказали предположение, что письма апокрифичны и распространяются с явным намерением подорвать престиж Верховной власти, и что мы бессильны предпринять какие бы то ни было меры, так как они распространяются не в печатном виде, и сама публика наша оказывает им любезный прием, будучи столь падкою на всякую сенсацию <…> Подлинных писем я тогда не видал, и не знал, откуда попали они к Гучкову, и каким образом мог он иметь копии с них. Содержание письма Императрицы, в особенности некоторые выражения его, вроде врезавшегося в мою память выражения: "Мне кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя, и я чувствую прикосновение к себе твоей руки", конечно, могли дать повод к самым

непозволительным умозаключениям, если воспроизвести их отдельно от всего изложения, но и всякий, кто знал Императрицу, искупившую своею мученическою смертью все ее вольные и невольные прегрешения, если они даже и были, и заплатившую такою страшною ценою за все свои заблуждения, тот хорошо знает, что смысл этих слов был совсем иной. В них сказалась вся Ее любовь к больному сыну, все Ее стремление найти в вере в чудеса последнее средство спасти его жизнь, вся экзальтация и весь религиозный мистицизм этой глубоко несчастной женщины, прошедшей вместе с горячо любимым мужем и нежно любимыми детьми такой поистине страшный крестный путь».

Кроме того, Коковцов (по отношению к Государыне настроенный не просто лояльно, но почтительно и верноподданно) в своих мемуарах также удостоверил подлинность писем и тех копий, которые были с них сделаны:

«Еще в конце января этого года, как-то вечером Макаров позвонил ко мне по телефону и сказал, что ему нужно посоветоваться со мною, но по нездоровью он не выходит из дома. Я пошел к нему на Морскую и узнал от него, что он напал на след подлинного письма Императрицы к Распутину и при нем еще 4-х писем к нему же Великих Княжон, что эти письма находятся в руках одного человека, мне, да и ему, Макарову, совершенно неизвестного, получившего их из рук какой-то женщины, пробравшейся в монастырь к Илиодору, который передал их ей из опасения, что их могут отобрать у него при обыске. По словам Макарова, женщина эта объяснила, что Илиодор получил эти письма непосредственно от Распутина, в бытность его в гостях у него в селе Покровском, летом, по-видимому, еще 1910 г., когда оба они были еще в величайшей дружбе. Илиодор рассказал этой женщине, что Распутин вовсе не хвастался этими письмами, а просто показал их ему, а затем разрешил даже Илиодору взять их только потому, что этот последний усумнился вообще в их существовании, предполагая, что Распутин рассказывал о своей близости ко Двору только для того, чтобы втирать очки темным людям.

Макарова чрезвычайно заботил вопрос о возможности изъять эти письма из обращения, так как он опасался, что появление их в фотографированном виде могло породить еще больший скандал, нежели печатные копии, и он просил моей помощи в этом деле. Мы условились, что Макаров постарается сначала подействовать на обладателя этих писем уговором и убеждением в необходимости изъять их из обращения, затем, если это не подействует, постараться купить их, для чего я согласился открыть необходимый кредит, если же и это не поможет, то мы

условились, что он будет изыскивать всякие иные способы.

Три-четыре дня <спустя> после этого нашего свидания, Макаров, все еще не выходивший из дома, опять попросил меня придти к нему и сказал, что письма у него, что ему удалось достать их без особого труда, так как человек, в руках которого они находились, оказался вполне порядочным и после первых же слов согласился отдать их, понимая всю опасность хранения их, и сказал даже, намекая на бывших друзей Распутина Илиодора и других, – "эти люди не задумаются просто задушить меня, если я их не отдам по их требованию".

Макаров дал мне прочитать все письма. Их было 6. Одно сравнительно длинное письмо от Императрицы, совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии; по одному письму от всех четырех Великих Княжон, вполне безобидного свойства, написанных видимо под влиянием напоминаний матери, и почти одинакового свойства. Они содержали в себе главным образом упоминание о том, что они были в церкви и все искали его, не находя его на том месте, где они привыкли его видеть, и – одно письмо, или вернее листок чистой почтовой бумаги малого формата с тщательно выведенною буквою А. маленьким Наследником.

Мы стали разбираться с Макаровым, что ему делать с этими письмами. Первое его побуждение было просто спрятать их, чтобы они не попали в чьи-либо руки, но я это решительно отсоветовал ему, говоря что его могут заподозрить в каких-либо недобрых намерениях. Затем он высказал намерение передать их Государю, против чего я также категорически возразил, говоря, что этим он поставит Государя в крайне щекотливое положение и наживет себе в лице Императрицы непримиримого врага, так как Государь не замедлит сказать ей о получении писем, и Императрица не простит ему этого поступка.

Я советовал Макарову попросить у Императрицы личную аудиенцию непосредственным и притом собственноручным письмом и передать ей письма из рук в руки, сказавши ей совершенно открыто, как попали они к нему.

Макаров обещал последовать моему совету, но поступил как раз наоборот. На следующем же всеподданнейшем своем докладе, имея эти письма под рукою и заметивши, что Государь находится в отличном настроении духа, Макаров рассказал Ему всю историю этих писем и вручил конверт с ними Государю.

По собственному его рассказу, Государь побледнел, нервно вынул письма из конверта и, взглянувши на почерк Императрицы, сказал: "Да, это не поддельное письмо", а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным Ему, жестом

швырнул туда конверт.

Мне не оставалось ничего другого, как сказать Макарову: "Зачем же вы спрашивали моего совета, чтобы поступить как раз наоборот, теперь Ваша отставка обеспечена". Мои слова сбылись очень скоро».

«Изъять эти письма из частных рук и тем прекратить возможность превратить их в рыночный товар было несомненной обязанностью царского министра. Но этим, казалось бы, и должна была ограничиться его деятельность в этом отношении. Макарову захотелось, по-видимому, на этом еще и выслужиться: проявить свою преданность царской семье, а также умение охранять ее от всяких неприятностей. Формальный ум Макарова, очевидно, не позволял ему постигнуть, что передача писем государю могла быть и ему и государыне лишь весьма неприятной. Велико должно было быть, следовательно, изумление Макарова, когда в ближайшие дни после этого он безо всякого предупреждения был уволен от должности», – писал Вл. И. Гурко.

Таким образом, и Коковцов, и Гурко однозначно указывают на историю с письмами как на главную причину увольнения Макарова, и, следовательно, виноват здесь в той или иной мере оказывается Распутин. Но вот что странно. История с письмами имела место в феврале-марте 1912 года, отставка Макарова последовала только 16 декабря. Если Император разгневался из-за бестактности своего министра, то почему ждал столько месяцев?

«…когда заменивший Столыпина министр внутренних дел Макаров принес Государю расследование об убийстве и оказалось, что нити ведут к Курлову, – Макаров сразу же стал Государю неприятен. Государь взял все бумаги, сказав, что хочет ознакомиться внимательно, – и оставил дело навсегда у себя, никогда больше не заговорил с Макаровым. (А после его голосования в Государственном Совете против Курлова – и снял тотчас с поста министра)», – называет другую причину отставки министра Солженицын. И если учесть, что голосование в Совете по обстоятельствам, связанным с убийством Распутина и виной Курлова, состоялось как раз в декабре 1912 года, то эта версия представляется более убедительной. Она не исключает первой, предубеждение против Макарова могло возникнуть у Государя и раньше, но последней каплей стал все же не Распутин и похищенные у него, а затем переданные царю эпистолы, а иная причина. Другое дело, что в сознании мемуаристов именно фигура сибирского странника и связанные с ней обстоятельства застилали все прочее, а Распутину приписывалось влияние как подлинное, так и мнимое.

Но последуем дальше. Хождение по рукам злополучных писем было самым неприятным эпизодом во всей распутинской истории зимой 1911/12 года, но далеко не единственным.

«В таком же собрании сведений я нашел еще извлечение из письма неизвестного лица к Архимандриту Троицко-Сергиевской Лавры Феодору, с рассказом о том, что в Москве открыто говорят, что в одной из типографий была приготовлена большая брошюра, разоблачающая Распутина, но явилась полиция, отобрала все напечатанные листы, рассыпала шрифт и уничтожила текст; что этим крайне раздосадована Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, которая читала эту брошюру и надеялась на то, что ее распространение прольет истинный свет на Распутина и отдалит его от Царского Села», – вспоминал Коковцов.

Упоминал об этой брошюре и Родзянко.

«Министром внутренних дел был тогда А. А. Макаров. Когда предъявлен был запрос по поводу конфискации брошюры Новоселова, я обратился к нему с письмом, в котором просил сделать распоряжение о присылке мне экземпляра брошюры, ввиду необходимости изучать дело и знать, как вести прения. Макаров мне ответил, что у него брошюры Новоселова в распоряжении нет и что он вообще не видит надобности в ее распространении. Меня такое отношение взорвало, и я поехал к нему лично. Макаров, очевидно, не ожидал моего приезда. Когда я вошел к нему в кабинет, то, к немалому моему удивлению, увидел на его письменном столе несколько экземпляров брошюры Новоселова <…> Произошла бурная сцена между нами».

Выдержки из брошюры были опубликованы в газете «Голос Москвы» (№ 19 за 1912 год), издаваемой на деньги А. И. Гучкова, и поскольку газета была конфискована, то они попали в текст думского запроса и в стенографические отчеты, напечатанные повсюду.

«"Quo usque tandem!"[35] Эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных людей по адресу хитрого заговорщика против святыни Церкви государственной, растлителя чувств и телес человеческих – Григория Распутина, дерзко прикрывающегося этой святыней Церковью. «Quo usque» – этими словами вынуждаются со скорбью и горечью взывать к Синоду чада русской Церкви Православной, видя страшное попустительство высшего церковного управления по отношению к Григорию Распутину. Долго ли, в самом деле, Синод, перед лицом которого несколько лет уже разыгрывается эта преступная комедия, будет безмолвствовать и бездействовать? Почему безмолвствует и бездействует он, когда Божеская заповедь блюсти стадо от волков, казалось, должна с неотразимой силой сказаться

в сердцах иерархов русских, призванных править словом истины».

Иерархи Новоселова поддержали. Если не все, то часть их. В том же, 1912-м, году Новоселов был избран почетным членом Московской духовной академии. Номинально за заслуги в деле духовного просвещения и христианской апологетики, но трудно предположить, чтобы между резкой антираспутинской позицией Новоселова и его избранием не было никакой связи и Церковь (или, по меньшей мере, Духовная академия) тем самым не давала ясно понять, на чьей она стороне. Но вот что обращает на себя внимание. Лев Александрович Тихомиров, первый публикатор статей Новоселова против Распутина, на этот раз в своей газете «Московские ведомости» печатать Новоселова не стал, хотя в 1912 году еще оставался главным редактором. Не захотел сам или же не захотел этого по каким-то причинам Новоселов, отдавший свои статьи в «Голос Москвы», сказать теперь трудно. Однако некоторое время спустя Тихомиров сформулировал в дневнике очень важную мысль:

«Я писал о Гришке в газете, когда думал, что его можно *уничтожить,* и когда убедился, что *нельзя,* то уже не писал, п. ч., конечно, не хотел подрывать Царскую священную репутацию. Но что касается разврата Гришки, то это факт, о котором мне лично говорил покойный Столыпин. Столыпин просил меня не писать больше, именно потому, что ничего кроме подрыва царского из этого не выйдет. Но самый факт гнусности Гришки – им вполне подтверждался.

И вот рок продолжал свое гибельное дело. Гришка все более наглел, о нем стала кричать постепенно вся Россия. И как теперь это исправить? Хоть бы его и прогнали – все равно не поверят… Тяжкий грех на Саблере и на епископах, допускавших обнагление этого негодяя, поведение которого иногда способно возбудить мысль, что он *нарочно* компрометирует Царскую Семью».

«Этого не понимали легкомысленные попы, как Востоков, пошло игравшие в демагогию на распутинской теме, но это отлично сознавали мои друзья, которые вели через Елизавету Федоровну скрытую борьбу с Распутиным при дворе, когда А. И. Гучков просил их дать материалы о Распутине для "запроса" в Гос. Думе, и они отказались дать эти сведения. Они не хотели революции, которой хотели все, злорадствовавшие о Распутине», – утверждал позднее С. Булгаков, который был с Новоселовым дружен.

Тут самое важное – горькое осознание того, что борьба с Распутиным оборачивалась борьбой с троном и вела к революции. (И то же самое можно увидеть в позиции министра Макарова, куда более ответственной, чем у председателя Думы Родзянко.)

«…чем искреннее желали лучшие, но близорукие люди засвидетельствовать свою преданность династии и любовь к Государю, тем громче кричали о Распутине, не замечая того, что их голоса сливались с голосами, исходившими от Государственной Думы, еврейской прессы и тех худших людей, для которых облик Распутина не имел никакого значения и которые преследовали только одну цель – всячески унизить престиж Царя и династии, – рассуждал на эту же тему князь Жевахов. – Революция потому и удается, что задумывается всегда худшими, а выполняется, нередко, и лучшими, но слепыми людьми. И как в первом случае, создавая Распутину славу "святого", интернационал пользовался лучшими людьми, введенными им в заблуждение, так и позднее, эти же лучшие, обманутые в своей вере в Распутина, выступили впереди прочих в своих "разоблачениях" и содействовали той дурной славе Распутина, какая, в этот момент, была так нужна "интернационалу". Замечательно, что в обоих случаях лучшие русские люди исходили из своего личного отношения к Распутину, забывая, что центральным местом был Царь и династия, а не личность Распутина».

Концепция Жевахова смотрится как будто бы очень стройной: с одной стороны, были злодейская Дума, злодейский интернационал и страшная еврейская пресса, с другой – чистые сердцем, но обманутые лучшие люди – простачки, дурачки, которых легко обвели вокруг пальца. Сам же Распутин при этом оказывается историческим ничтожеством, ничем, игрушкой в чужих руках. На самом деле едва ли дело обстояло именно так, и представлять всех честных русских людей дураками столь же плоско, как всех думских деятелей и журналистов злодеями, а Распутина гнусным развратником.

Ни Феофан, ни Гермоген, ни Новоселов, ни Тихомиров, ни Меньшиков – никто из этих *правых* во всех смыслах этого слова людей – не были введены в заблуждение «интернационалом», они действовали против Распутина совершенно самостоятельно и осмысленно, но когда убедились в бесплодности и своего рода обратном эффекте своих усилий, отошли в сторону. Сначала епископ Феофан, за ним Гермоген, отошел в сторону и Тихомиров. Отошел Меньшиков. Отошел в конечном итоге (не изменив своего отношения к Распутину) и бескомпромиссный, чуждый «теплохладности», «революционно настроенный православный фундаменталист», по выражению Саблера, Новоселов. Но прежде его работа наделала много шума и вызвала резкую реакцию Императора.

«Дело с Гр. приобрело неожиданно большую известность и,

кажется, мне придется ехать в П-г по сему делу», – писал 31 января 1912 года Новоселов Павлу Флоренскому.

«Первое ясное проявление неудовольствия Государя на кампанию печати против Распутина проявилось в половине января 1912-го года, – вспоминал Коковцов. – Мне приходилось в ту пору постоянно видаться с Макаровым, чтобы уславливаться об организации выборов в Государственную Думу. <…> Я застал его в очень угнетенном настроении. Он только что получил очень резкую по тону записку от Государя, положительно требующую от него принятия "решительных мер к обузданию печати" и запрещение газетам печатать что-либо о Распутине. В этой записке была приложена написанная в еще более резких выражениях записка о том же от 10-го декабря 1910 г. на имя покойного Столыпина, прямо упрекавшая последнего. Макаров буквально не знал, что делать. Я посоветовал ему при первом же всеподданнейшем докладе объяснить Государю всю неисполнимость его требований, всю бесцельность уговоров редакторов не касаться этого печального места и еще большую бесцельность административных взысканий (запрещение розничной продажи и т. п.), только раздражающих печать и все общественное мнение и создающих поводы к разным конфликтам с Правительством и, наконец, полнейшую безнадежность выработки такого законопроекта о печати, о котором мечтали наши крайние правые организации и который должен был облечь Правительство какими-то сверхъестественными полномочиями.

Я предварил его, что Государь уже заговаривал со мною об этом, и я высказал Ему тогда же все эти мысли. Если бы доклад Макарова встретил недружелюбный прием, а тем более резкий отпор, я советовал ему просить об увольнении от должности».

Однако ничего хорошего из этих благих пожеланий не вышло. Распутинскую карту в 1912 году начали разыгрывать всерьез и на самом высоком уровне. На этот раз из-за Распутина случился конфликт между Государем и Государственной думой, и это уже третье по счету столкновение Николая с обществом (после конфликта с Синодом и с премьер-министром), вызванное личностью сибирского странника, стало едва ли не самым разрушительным в истории последнего царствования.

Здесь надо сделать еще одно отступление. На сей раз отчасти даже личного свойства. Попытка объяснить, зачем писать еще одну книгу о Распутине, а тем более в столь почтенной серии, и привлекать внимание к человеку, окруженному болезненным ореолом и вызывающему, как правило, очень специфический интерес. Дело не в моральных свойствах Распутина, не в достоверности слухов о проститутках, которых он брал или не

брал на Невском проспекте, и даже не в походах в баню с женщинами в селе Покровском; дело также не в том, каковы были намерения Распутина, стремился ли он стать заступником или разрушителем, был ли сексуальным гигантом или, напротив, импотентом, как силятся доказать отдельные новейшие исследования, и даже не в том, достоин ли он церковного прославления как оклеветанный старец или заслуживает анафемы как хлыст и развратник. Дело – не в личности Распутина, о которой, повторяю, вынести окончательное суждение невозможно, ибо она затерта, размыта мемуарным, эпистолярным и дневниковым потоком и количеством подложных свидетельств и вымышленных показаний. Дело – исключительно в той объективной роли, какую этот *замечательный* в буквальном смысле этого слова человек сыграл в истории нашей страны независимо от своих собственных пристрастий и свойств, и об этой роли можно и нужно говорить и писать прежде всего.

Понятно желание очень многих разумных людей эту роль принизить. От декадентки и религиозной модернистки Зинаиды Гиппиус в начале прошлого века до ортодоксального диакона Андрея Кураева в начале нынешнего. Но восстают факты. Именно факты не позволяют выкинуть Григория Распутина из истории и объявить его мифом. Преуменьшать личность Распутина столь же бессмысленно, как и раздувать ее. Тут требуется мера.

«…многие годы пройдут, пока правда не отведет ему надлежащего места и не поставит его в ряду многочисленных заурядных фигур российского безвременья», – писал три года спустя после убийства Распутина П. Г. Курлов; «Распутин был самым заурядным явлением русской жизни», – уверял князь Жевахов и всячески стремился доказать, что «слава, какую создали Распутину истеричные женщины и мистически настроенные люди <…> не имела бы никакого значения и не сыграла бы никакой роли, если бы на Распутине не сосредоточил своего внимания интернационал», но что-то не сходится в этом историческом пасьянсе.

«Создать облик исторической личности на основе сплетен и кривотолков довольно легко, но такой прием антинаучен и по-человечески непорядочен. Заурядный пьяница и распутник не оставил бы столь заметного следа в русской истории. Он не вызвал бы на себя бешеный огонь клеветы и ненависти врагов Самодержавия, поскольку им такой Распутин был бы выгоден», – возражал отец Дмитрий Дудко, и хотя полностью с его оценкой Распутина («В действительности Григорий Ефимович Распутин-Новый был необыкновенный человек, народный праведник») трудно согласиться, да и огонь ненависти Распутин разжигал не

только у врагов самодержавия, но и – как было показано выше – в сердцах его горячих заступников, в одном отец Дмитрий несомненно прав: Распутин оказался в самом эпицентре всей русской трагедии XX века. А едва ли это случилось бы, будь он просто ничтожеством или марионеткой в чьих-то руках.

Иногда же эту роль, напротив, преувеличивали, сваливая на Григория всё.

«Есть страшный червь, который точит, словно шашель, ствол России. Уже всю середину изъел, быть может, уже нет и ствола, а только одна трехсотлетняя кора еще держится…

И тут лекарства нет…

Здесь нельзя бороться… Это то, что убивает…

Имя этому смертельному: Распутин!!!»

Так писал Василий Шульгин, быть может, стремясь отчасти отвести и от себя строгий суд современников и потомков за участие в истории с отречением Государя, но даже не впадая в крайности, невозможно не признать того, что на Распутине сошлось столько нитей, столько противоположных интересов, страстей, столько было связано с ним крупных исторических деятелей, сколько не сходилось, вероятно, ни на одном человеке в мировой истории, особенно если учесть, что речь шла о мужике. И год от года его роль возрастала, хотя, казалось бы, куда еще больше.

В начале 1912 года после неудачной попытки убрать Распутина из дворца, предпринятой Церковью и правительством, за дело взялась Государственная дума. Депутат от партии октябристов А. И. Гучков обратился с официальным запросом к правительству. Формальным поводом для этого запроса послужил обыск в редакции «Голоса Москвы» и конфискация брошюры Новоселова, которая после этого стала незамедлительно распространяться в тогдашнем «самиздате» и продаваться за большие деньги на черном рынке начала века. Гучкова поддержала с редкостным единодушием вся Дума. Распутинский вопрос всколыхнулся с небывалой силой. Так часто, как зимой 1912 года, имя сибирского крестьянина не появлялось в печати и не обсуждалось прежде никогда. И никогда не производило столь гнетущего впечатления. Это была не просто либеральная фронда, но нечто вроде акции гражданского неповиновения. Еще не всего общества, а только его незначительной, но очень активной части – интеллигенции, как левой, так и правой, как православной, так и космополитичной, как русских либералов, так и русских консерваторов.

«Говорили о Гермогене, Илиодоре, а главное о Григории Распутине, – записывала 25 января 1912 года в своем дневнике

Великая Княгиня Ксения Александровна. – Газетам запрещено писать о нем – а на днях в некоторых газетах снова появилось его имя, и эти номера были конфискованы.

Все уже знают и говорят о нем и ужасные самые вещи про него рассказывают, т. е. про А. и все, что делается в Царском. Юсуповы приехали к чаю – все те же разговоры – и в Аничкове вечером и за обедом я рассказывала все слышанное. Чем все это кончится? Ужас!»

А Государь продолжал принимать Распутина как ни в чем не бывало.

«11 февраля… В 4 часа приехал Григорий, которого мы приняли в моем новом кабинете вместе со всеми детьми. Большое утешение было увидеть его и послушать его беседу».

Царское окружение было встревожено не на шутку.

«К чаю приехала Мама; имел с ней разговор о Григории», – записал Император четыре дня спустя.

О подробностях этого разговора известно из дневника Великой Княгини Ксении Александровны.

«Мама рассказывала про вчерашний разговор. Она так довольна, что все сказала. Они знали и слышали о том, что говорится, и А<ликс> защищала Р<аспутина>, говоря, что он удивительный человек и что Маме следовало бы с ним познакомиться и т. д. Мама только советовала его отпустить *теперь,* когда в Думе ждут ответа, на что Ники сказал, что он не знает, как он это может сделать, а она объявила, что нельзя give in[36] ».

Газеты платили гигантские штрафы, но материалы о Распутине шли и шли. И центром всего стала Дума.

«Неблагополучно в нашем государстве. Опасность грозит нашим народным святыням. Безмолвствуют иерархи, бездействует государственная власть. И тогда патриотический долг прессы и народного представительства – дать исход общественному негодованию», – сформулировал свою позицию Гучков.

«Это был очень неосторожный шаг Государственной Думы; первый раз законодательная палата затронула в своем запросе интимную сторону жизни царской семьи и этим невольно заронила в сердцах некоторых кругов России тень недоверия, неуважения к монарху. Надо удивляться, как Председатель Думы М. В. Родзянко, принадлежа к центру, не учел этого и не принял со своей стороны должных мер, чтобы предотвратить это нежелательное явление», – очень разумно возражал генерал Джунковский, с легкой руки наших современников зачисленный, как, впрочем, и Гучков, в масоны и враги престола.

О Джунковском речь ниже, а что касается роли Родзянко в истории с Распутиным, то эта роль очень по-разному освещается в его собственных воспоминаниях и в воспоминаниях его современников. Председатель Государственной думы представлял себя в сложной роли миротворца и одновременно с этим борца за правду:

«Я старался убедить первого подписавшего запрос, А. И. Гучкова, обождать с запросом в целях охраны верховной власти от страстного осуждения во время прений. Мне казалось, что еще не настало время выносить все мрачные явления на суд общества и страны, что подобное широкое предание дела всеобщей гласности преждевременно».

Но его плохо слушали.

«Я помню хорошо, как член Г. Думы В. М. Пуришкевич в то время пришел ко мне в кабинет в возбужденном состоянии и с ужасом и тоской в голосе говорил мне: "Куда мы идем? Последний оплот наш стараются разрушить – православную церковь. Была революция, посягавшая на верховную власть, хотели поколебать ее авторитет и опрокинуть ее, – но это не удалось. Армия оказалась верной долгу, – и ее явно пропагандируют. В довершение темные силы взялись за последнюю надежду России, за церковь. И ужаснее всего то, что это как бы исходит с высоты престола царского. Какой-то проходимец, хлыст, грязный неграмотный мужик играет святителями нашими. В какую пропасть нас ведут? Боже мой! Я хочу пожертвовать собой и убить 'эту гадину, Распутина'"… А ведь Пуришкевич принадлежал к крайне правому крылу Думы. Но он был честный убежденный человек, чуждый карьеризма и искательства, и горячий патриот, – писал в своих мемуарах Родзянко и продолжал: – Насилу удалось мне успокоить взволнованного депутата, убедив его, что не все пропало, что Дума еще может сказать свое слово и, быть может, верховная власть внемлет голосу народных избранников».

«Газеты разнесли по всем уголкам России факт запроса Государственной Думы о Распутине, и вокруг его имени стали громоздиться всевозможные легенды и грязные инсинуации, зачастую далеко не соответствующие истине и дискредитирующие Престол», – вспоминал Джунковский.

«Я целый месяц собирал сведения; помогали Гучков, Бадмаев, Родионов, Граф Сумароков, у которого был агент, сообщавший сведения из-за границы. Через князя Юсупова же мы знали о том, что происходит во дворце. Бадмаев сообщил о Гермогене и Илиодоре в связи с Распутиным. Родионов дал подлинник письма императрицы Александры Федоровны к Распутину, которое

Илиодор вырвал у него во время свалки, когда они со служкой били его в коридоре у Гермогена. Он же показывал и три письма великих княжон: Ольги, Татьяны и Марии», – писал Родзянко, в весьма непривлекательном свете представляя прежде всего казацкого писателя Родионова, убежденного националиста и черносотенца, еще одного из многочисленных распутинских врагов справа.

«Миленькаи папа и мама! Вот бес-то силу берет окаянный. А Дума ему служит: там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьяго помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост, – клевещет, смуту делает. Запросы. Папа. Дума твоя, что хошь, то и делай. Какеи там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи. Не какех запросов не надо. Григорий», – обращался к Государю сам герой дня (хотя как раз революционеры – социал-демократы и социалисты-революционеры – были единственными, кто против него не выступал, и понятно почему). Но ни правительство, ни царь ничего не приказывали.

«Высшие правительственные сферы также оказались несостоятельными в этом болезненном для России и для всех любящих свою Родину вопросе, некоторые по малодушию, другие по непониманию серьезности положения. Таким образом, "Распутиниада" росла, захватывая все большие и большие круги», – писал Джунковский.

«…печать не унималась. Все описанные эпизоды переносились на газетные столбцы, которые не переставали твердить о роли Распутина, а члены Государственной думы постоянно твердили о необходимости удалить его из столицы, чтобы положить конец всему возбуждению.

29-го января, в воскресенье, в Зимнем Дворце был парадный обед, по случаю приезда Черногорского короля. После обеда Государь долго разговаривал с Макаровым, как выяснилось потом, все по поводу Распутина, и вторично высказал ему свое неудовольствие на печать, опять требуя обуздать ее, и сказал даже: "Я просто не понимаю, неужели нет никакой возможности исполнить мою волю", и поручил Макарову обсудить со мною и Саблером, что следует предпринять. Тут впервые я оказался уже открыто пристегнутым к этой печальной истории, – вспоминал Коковцов. – На следующий день, в понедельник, 30-го числа, вечером, у меня собрались Макаров и Саблер, чтобы обсудить, что можно сделать для исполнения поручения Государя. Нам не пришлось долго спорить. Я опасался всего более осложнений со стороны Саблера, назначенного на обер-прокурорское место, конечно, не без влияния Распутина, успевшего провести в

антураж Саблера и своего личного друга Даманского, назначенного незадолго перед тем на должность Товарища Обер-Прокурора. По городу ходили даже слухи о том, что Распутин рассказывал всем и каждому, что Саблер поклонился ему в ноги, когда тот сказал ему, что: "поставил его в оберы". Об этом говорил и Илиодор в его воспоминаниях, напечатанных под заглавием "Святой Черт".

Ожидания мои, однако, не сбылись, Саблер прежде всего и самым решительным тоном заявил, что история Распутина подвергает Государя величайшей опасности, и что он не видит иного способа предотвратить ее, как настаивать на отъезде его совсем в Покровское, и готов взять на себя почин не только повлиять в этом смысле на самого Распутина, но и доложить Государю самым настойчивым образом о том, что без этого ничего сделать нельзя. Правда, при этом Саблер поспешил оговориться, что ему нелегко исполнять эту миссию по отношению к старцу, с которым у него "никаких отношений нет", но близкие его сослуживцы знакомы с ним, и поэтому он надеется уговорить Распутина.

Всем нам казалось при этом, что для успеха дела важно привлечь на нашу сторону Бар. Фредерикса, преданность которого Государю, личное благородство и отрицательное отношение ко всякой нечистоплотности облегчало нам наше представление Государю.

В тот же вечер, около 12-ти часов мы поехали с Макаровым к Фредериксу. Саблер отказался нас сопровождать, сказавши, что его ждут с нетерпением его друзья, желающие узнать результаты нашего совещания.

С Бароном Фредериксом наша беседа была очень коротка. Этот недалекий, но благородный и безупречно честный человек хорошо понимал всю опасность для Государя Распутинской истории и с полной готовностью склонился действовать в одном с нами направлении. Он обещал говорить с Государем при первом же свидании, и Макаров и я настойчиво просили его сделать это до наших очередных докладов, – Макарова в четверг, а моего в пятницу, так как к его докладу Государь отнесется проще, чем к нашему, будучи уже раздражен, в особенности против Макарова, за его отношение к печатным разоблачениям, и несомненно недоволен и мною за то, что я высказал Ему еще ране те же мысли по поводу мер воздействия на печать.

В воскресенье 1-го февраля вечером Бар. Фредерике сказал мне по телефону по-французски: "Я имел длинный разговор сегодня; очень раздражены и расстроены и совсем не одобряют нашу точку зрения. Жду Вас до пятницы".

Я приехал к нему в среду днем и застал старика в самом мрачном настроении. В довольно бессвязном пересказе передал он мне его беседу, которая ясно указывала на то, что Государь крайне недоволен всем происходящим, винит во всем Государственную Думу и, в частности, Гучкова, обвиняет Макарова в "непростительной слабости", решительно не допускает какого-то ни было принуждения Распутина к выезду и выразился даже будто бы так: "Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуют, чтобы и он уехал". На кого намекал Государь, Фредерике так и не понял».

Мемуары Коковцова подтверждает и А. А. Мосолов: «Вскоре после известной беседы Коковцова с Царем о Распутине, Фредерике решился говорить с Государем на тот же предмет и долго к этому готовился. Но ему не удалось высказать всего, что хотел, так как Император с первых слов его остановил, сказал: "Милый граф! Со мной уже много говорили о Распутине… Я вперед знаю все, что Вы можете мне сказать… Останемся друзьями, но об этом больше не говорите"… Много позднее Фредерике пытался вернуться к этой теме, но опять без результата, встретив еще более сильный отпор. Лица менее влиятельные, чем Фредерике, просто вылетали со службы за малейшее проявление непочтения к старцу».

«Закончилась наша беседа тем, что Бар. Фредерике все же выразил надежду, что Макарову и мне удастся уговорить Государя, а сам он предполагает переговорить лично с Императрицей, – писал Коковцов. – Доклад Макарова в четверг кончился ничем. При первых словах Макарова, посвященных Распутинскому инциденту, Государь перевел речь на другую тему, сказавши ему: "Мне нужно обдумать хорошенько эту отвратительную сплетню, и мы переговорим подробно при Вашем следующем докладе, но я все-таки не понимаю, каким образом нет возможности положить конец всей этой грязи".

Ту же участь имели и мои попытки разъяснить этот вопрос на следующий день – в пятницу. Я успел, однако, высказать подробно, какой страшный вред наносит эта история престижу Императорской власти и насколько неотложно пресечь ее в корне, отнявши самые поводы к распространению невероятных суждений. Государь слушал меня молча, с видом недовольства, смотря по обыкновению в таком случае в окно, но затем перебил меня словами: "Да, нужно действительно пресечь эту гадость в корне, и я приму к этому решительные меры. Я Вам скажу об этом впоследствии, а пока – не будем больше об этом говорить. Мне все это до крайности неприятно"».

Тем не менее в результате всех этих неприятных бесед и консультаций был избран своего рода нулевой вариант. Всех участников декабрьского скандала – Гермогена, Илиодора и Григория – было решено удалить из столицы, и на тот момент это было самое разумное решение. Но прежде произошли две встречи Распутина с высшими должностными лицами Империи, и описание этих встреч – еще два штриха к портрету человека, чье имя знала теперь вся страна от Варшавы до Владивостока.

«В тот же самый день я был поражен получением письма от Распутина, содержавшего в себе буквально следующее:

"Собираюсь уехать совсем, хотел бы повидаться, чтобы обменяться мыслями; обо мне теперь много говорят – назначьте когда. Адрес Кирочная 12 у Сазонова". Своеобразная орфография, конечно, мною не удержана. Первое движение мое было вовсе не отвечать на письмо и уклониться от этого личного знакомства. Но подумавши, я решил все-таки принять Распутина как потому, что положение Председателя Совета обязывало меня не уклоняться от приема человека, взбудоражившего всю Россию, так и потому, что при неизбежном объяснении с Государем мне важно было сослаться на личное впечатление <…> Когда Р. вошел ко мне в кабинет и сел на кресло, меня поразило отвратительное выражение его глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они были пристально направлены на меня, и Р. долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же просто изучал меня, видевши меня впервые. Затем он резко закинул голову кверху и стал рассматривать потолок, обводя его по всему карнизу, потом потупил голову и стал упорно смотреть на пол и – все время молчал. Мне показалось, что мы бесконечно долго сидим в таком бессмысленном положении, и я, наконец, обратился к Р., сказавши ему: "Вот Вы хотели меня видеть, что же именно хотели Вы сказать мне. Ведь так можно просидеть и до утра".

Мои слова, видимо, не произвели никакого впечатления. Распутин как-то глупо, делано, полуидиотски осклабился, пробормотал: "Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната" и продолжал молчать и, закинувши голову кверху, все смотрел на потолок. Из этого томительного состояния вывел меня приход Мамантова. Он поцеловался с Распутиным и стал расспрашивать его, действительно ли он собирается уехать домой. Вместо ответа Мамантову, Распутин снова уставился на меня в упор обоими холодными, пронзительными глазами и проговорил скороговоркой: "Что ж уезжать мне, что ли. Житья мне больше нет и чего плетут на меня". Я сказал ему: "Да,

конечно, Вы хорошо сделаете, если уедете. Плетут ли на Вас, или говорят одну правду, но Вы должны понять, что здесь не Ваше место, что Вы вредите Государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о Вашей близости и давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений". "Кому я что рассказываю, – все врут на меня, все выдумывают, нешто я лезу во дворец, – зачем меня туда зовут", – почти завизжал Распутин.

Но его остановил Мамантов, своим ровным, тихим, вкрадчивым голосом: "Ну, что греха таить, Григорий Ефимович, вот ты сам рассказываешь лишнее, да и не в том дело, а в том, что не твое там место, не твоего ума дело говорить, что ты ставишь и смещаешь Министров, да принимать всех, кому не лень идти к тебе со всякими делами, да просьбами и писать о них, кому угодно. Подумай об этом хорошенько сам и скажи по совести, из-за чего же льнут к тебе всякие генералы и большие чиновники, разве не из-за того, что ты берешься хлопотать за них? А разве тебе даром станут давать подарки, поить и кормить тебя? И что же прятаться – ведь ты же сам сказал мне, что поставил Саблера в Обер-Прокуроры, и мне же ты предлагал сказать Царю про меня, чтобы выше меня поставил. Вот тебе и ответ на твои слова. Худо будет, если ты не отстанешь от дворца, и худо не тебе, а Царю, про которого теперь плетет всякий кому не лень языком болтать".

Распутин во все время, что говорил Мамантов, сидел с закрытыми глазами, не открывая их, опустивши голову, и упорно молчал. Молчали и мы, и необычайно долго и томительно казалось это молчание. Подали чай. Распутин забрал пригоршню печенья, бросил его в стакан, уставился опять на меня своими рысьими глазами. Мне надоела эта попытка гипнотизировать меня, и я ему сказал просто: "Напрасно Вы так упорно глядите на меня, Ваши глаза не производят на меня никакого действия, давайте лучше говорить просто и ответьте мне, разве не прав Валерий Николаевич (Мамантов), говоря Вам то, что он сказал". Распутин глупо улыбнулся, заерзал на стуле, отвернулся от нас обоих в сторону и сказал: "Ладно, я уеду, только уж пущай меня не зовут обратно, если я такой худой, что Царю от меня худо".

Я собирался было перевести разговор на другую тему. Стал расспрашивать Распутина о продовольственном деле в Тобольской губернии – в тот год там был неурожай, – он оживился, отвечал очень здраво, толково и даже остроумно, но стоило только мне сказать ему: "Вот, так-то лучше говорить просто, можно обо всем договориться", как он опять съежился, стал закидывать голову или опускал ее к полу, бормотал какие-то бессвязные слова "ладно, я худой, уеду, пущай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то, да другое, про того, да про

другого…". Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места, и сказал только "ну, вот и познакомились, прощайте" и ушел от меня. Мы остались с Мамантовым вдвоем, пришла в кабинет жена и стала меня расспрашивать о моих впечатлениях. Помню хорошо и теперь то, что я сказал тогда по горячим следам, что повторил через день Государю и повторяю себе и теперь.

По-моему Распутин типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад простеца и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту.

По внешности ему не доставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине.

По замашкам – это человек, способный на все[37]. В свое кривляние он, конечно, не верит, но выработал себе твердо заученные приемы, которыми обманывает как тех, кто искренно верит всему его чудачеству, так и тех, кто надувает самого своим преклонением перед ним, имея на самом деле в виду только достигнуть через него тех выгод, которые не даются иным путем».

А вот что запомнилось Курлову: «Впервые я беседовал с Распутиным зимой 1912 года у одной моей знакомой, которая, относясь сердечно ко мне, по-видимому, хотела помочь через него в том тяжелом положении, которое я переживал от всех преследований по делу смерти П. А. Столыпина. Внешнее впечатление о Распутине было то же самое, какое я вынес, когда, незнакомый ему, видел его в кабинете министра. По всей вероятности, хозяйка рассказала ему обо всех моих невзгодах, хотя о деле убийства П. А. Столыпина он знал из других источников, но я ни в какие разговоры с ним по этому поводу не входил. Распутин отнесся ко мне с большим недоверием, зная, что я был сотрудником покойного министра, которого он не без основания мог считать своим врагом. Я ни одной минуты не думал обращаться к нему с какой бы то ни было просьбой, и потому наш разговор носил общий характер. На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами. Вел он себя сдержанно и не только не проявлял тени хвастовства, но ни одним словом не обмолвился о своих отношениях к царской семье. Равным образом я не заметил в нем никаких признаков гипнотической силы и, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство циркулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен, к которым всегда был так падок Петербург».

Курлов, конечно, лукавил и на некую знакомую все валил напрасно. Тот факт, что он согласился на это свидание, а тем

более зимой 1912 года, говорит сам за себя. «И вскоре же Распутин, большой серцевед и простодушный христианин, охотно обещал помочь Курлову вылезти из-под всех несправедливых обвинений», – описал это положение дел Солженицын. И в этом смысле Курлов безусловно относится к той, довольно большой веренице должностных лиц Российской империи, которые искали у Распутина заступничества, и, более того, столыпинский заместитель стал одним из законодателей этой моды.

Что же касается Коковцова, то его разговор с царским фаворитом имел другое продолжение:

«На следующий день в четверг, 16-го февраля, у нас был музыкальный вечер, с большим количеством приглашенных.

В числе последних был и В. Н. Мамантов. Улучивши свободную минуту, он сказал мне: "А ведь миленький – так называл он Распутина (подражая его привычке говорить всем "милой, миленькой"), – уже доложил в Царском Селе о том, что был у тебя, и что ты уговаривал его уехать в Покровское, и на вопрос мой (по телефону) "Как же там отнеслись к этому совету и намерен ли он уехать", Распутин ответил: "Что сказал, то я и сделаю, а только там серчают, говорят, зачем суются куда не спрашивают, кому какое дело, где я живу, ведь я не арестант".

Это сообщение убедило меня в том, что мне следует наутро же самому доложить о непрошеном визите и передать обо всем, что произошло, чтобы не давать повода обвинять меня в каком бы то ни было действии за спиной.

Я так и поступил. Обычный мой доклад шел своим обычным ходом, все одобрялось и утверждалось, настроение было самое благодушное, и ничто не указывало на то, что было малейшее неудовольствие на меня.

Я спросил Государя, могу ли я задержать его еще на несколько минут докладом одного вопроса, не имеющего прямого отношения к делам Министерства или Совета Министров, и получил ответ: "Сколько угодно, так как до парада кадетского корпуса осталось еще более получаса, и я нисколько не тороплюсь".

Я передал в самой большой точности все, что произошло за последние дни, начиная с получения мною письма 13-го числа с просьбою о приеме, показал это письмо, в устранение предположения, что я сам вызвал Распутина на свидание, и повторил во всех подробностях всю происходившую между нами, в присутствии постороннего человека, беседу, не скрывши от Государя высказанного мною Распутину, что все разговоры, основанные на его же поведении и на собственных его рассказах относительно посещения им Двора, указывающие на какую-то

близость его к Высочайшим Особам, наносят величайший вред Государю и всей Его семье, также как не скрыл я и того, что у меня осталось впечатление, что Распутин сам это отлично понимает и, видимо, вполне искренно сказал мне, что хочет уехать в деревню и больше не показываться на глаза. Государь ни разу не прервал меня и только, когда я кончил мой рассказ, спросил меня: "Вы не говорили ему, что вышлете его, если он сам не уедет?" и, получивши мой ответ, что помимо отсутствия у меня всякого права выслать кого бы то ни было, у меня не было и повода грозить Распутину высылкою, так как он сам сказал, что давно хотел уже уехать, чтобы "газеты перестали лаяться", – Государь сказал мне, что Он этому рад, так как Ему говорили, что будто бы я и Макаров решили удалить Распутина, даже не доложивши предварительно об этом Ему, так как Ему "было крайне больно, чтобы кого-либо тревожили из-за Нас".

Потом Государь спросил меня: "А какое впечатление произвел на Вас этот 'мужичок'?"

Я ответил, что у меня осталось самое неприятное впечатление, и мне казалось, во все время почти часовой с ним беседы, что передо мною типичный представитель сибирского бродяжничества, с которым я встречался в начале моей службы в пересыльных тюрьмах, на этапах и среди так называемых "не помнящих родства", которые скрывают свое прошлое, запятнанное целым рядом преступлений, и готовы буквально на все, во имя достижения своих целей. Я сказал даже, что не хотел бы встретиться с ним наедине, настолько отталкивающая его внешность, неискренне заученные им приемы какого-то гипнотизерства и непонятны его юродства, рядом с совершенно простым и даже вполне толковым разговором на самые обыденные темы, но которые также быстро сменяются потом опять таким же юродством.

Чтобы не дать повода обвинять меня в предвзятости или преувеличении, я сказал Государю, что, осуждая Распутина за его стремление выставлять на показ его встречи с теми, кто оказывает ему милость, – я еще боле осуждаю тех, кто ищет его покровительства и старается устраивать свои делишки, пользуясь его кажущимся влиянием. Во все время моего доклада Государь упорно молчал, смотрел большею частью в сторону, в окно – признак того, что весь разговор ему неприятен – а когда я закончил и сказал, что я считал своим долгом лично доложить, как было дело, и предупредить новые легенды, столь охотно распускаемые досужими вестовщиками, Государь сказал мне, что он очень дорожит такой откровенностью, но должен сказать мне, что лично почти не знает "этого мужичка" и видел его мельком,

кажется не более двух-трех раз и притом на очень больших расстояниях времени.

На этом и кончилась вся наша беседа, и более я ни разу не имел случая говорить с Государем о Распутине, несмотря на то, что до моей отставки прошло еще ровно два года.

По окончании моего всеподданнейшего доклада, я вышел в переднюю одновременно с Государем. Он быстро одел легкое пальто, несмотря на то, что день был ясный, но морозный, и, спускаясь с лестницы, чтобы сесть в поданные Ему сани и ехать в Большой Дворец на смотр Кадетского Корпуса, шутливо даже извинился передо мною, что Его экипаж подан раньше моего.

Вернувшись домой и наскоро позавтракавши, я сел за обычные занятия, сдал моему Секретарю Л. Ф. Дорлиаку всеподданнейшие доклады и стал принимать по очереди ожидавших меня людей.

Около 4-х часов Вал. Ник. Мамантов позвонил ко мне по телефону и сказал с его обычными прибаутками, что "здесь" (т. е. нужно понимать на Гороховой у Распутина[38]) уже известно о моем докладе и даже доподлинно известно, что кто-то (тот же Распутин) мне очень не понравился, что я отозвался очень неодобрительно о нем, и будто бы говорил то же самое, что сказал и лично ему, при нашем свидании во вторник, насчет вреда его посещений Царского Села, и что телефонная беседа закончилась таким финалом: «Вот он какой, твой-то, ну что же, пущай; всяк свое знает».

На мое замечание, что меня удивляет, с какою быстротою пошла сюда весть из Царского о моем докладе, В. Ник. шутливо заметил, что тут "ничего удивительного нет, довольно было времени посмотреть на Кадет, а затем, за завтраком, рассказать все по порядку, ну, а потом, долго ли вызвать Вырубову, сообщить ей, а она сейчас же к телефону и готово дело".

Меня же это крайне удивило: я видел ясно, что влияние этого человека велико, и что мне необходимо быть особенно осторожным, и я стал нетерпеливо ждать, как будут развиваться события, которые обострялись день ото дня.

Распутин на следующей неделе действительно выехал».

Коковцов ничего не пишет об этом в мемуарах, однако по крайней мере двое современников упоминают тот факт, что во время этой встречи премьер-министр сделал Распутину предложение, от которого, как принято теперь говорить, трудно отказаться. Коковцов предложил Распутину денег, чтобы гость из Покровского покинул Петербург и больше в столице не появлялся. В свидетельствах мемуаристов отличаются только предложенные суммы.

«В 1913 году, помню, министр финансов Коковцов, который, как и все, не любил Распутина, предложил ему 200 000 рублей с тем, чтобы он уехал из Петербурга и не возвращался. Предложение это обидело Григория Ефимовича. Он ответил, что если "Папа" и "Мама" хотят, то он, конечно, уедет, но зачем же его покупать», – вспоминала Вырубова.

«… каким бы вредным это значение ни было, вред его для царской семьи не может сравниться с вредом, причиненным В. Н. Коковцовым предложением Распутину 2000 тысяч рублей за отъезд из Петербурга, – приписал еще один ноль к этой сумме очень сильно настроенный против премьера Курлов и следующим образом прокомментировал его предложение: – Председатель Совета Министров В. Н. Коковцов не нашел ничего лучшего, как сделать Распутину предложение, о котором я уже говорил, видимо считая, что отъезд Распутина из столицы ослабит или устранит произведенное упомянутыми письмами в публике впечатление и не понимая, что такой прием превратит в глазах большинства подложные документы в действительные».

Распутин от денег как будто бы отказался (как будто бы, потому что никаких явных доказательств, что они действительно были предложены, нет; Вырубова при всех своих замечательных качествах искренностью никогда не отличалась, а Курлов Коковцову мстил из-за столыпинской истории), но зато отъезд его был обставлен торжественно: на вокзале Григория провожали сестры Вырубова и Писторкольс (в девичестве Танеевы), а лейб-казак из царского дворца привез Распутину букет белых роз. Сам виновник этого торжества в интервью корреспонденту «Нового времени» сказал, что едет в Тобольск за дочерью, которую Государь обещал воспитать вместе с Великими Княжнами, а затем вместе с Царской Семьей поедет в Крым.

Насчет совместного воспитания – утка, а в Крым Распутин действительно поехал, хотя события разворачивались нешуточные и его отъезд из столицы не разрядил обстановку. Параллельно с Коковцовым Государь Николай Александрович встретился с председателем Думы Родзянко, который, если верить его показаниям, занимался Распутиным давно, и одним из его источников был доктор Бадмаев. «Я у него лечился якобы, но на самом деле получал от него анти-распутинские сведения. В виде порошков он давал такие данные, которые служили для доклада в Царском Селе».

Согласно мемуарам Родзянко, незадолго до этой встречи председателя Думы пригласила вдовствующая Императрица Мария Федоровна, чтобы дать ему следующее напутствие:

«– Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине

Государю. Не делайте этого. К несчастью, он вам не поверит, и к тому же это его сильно огорчит. Он так чист Душой, что во зло не верит».

Родзянко стал говорить в ответ, что дело зашло слишком далеко, речь идет о сохранении династии и попросил у императрицы-матери благословения.

«Она посмотрела на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положив свою руку на мою:

– Господь да благословит вас.

Я уже уходил, когда она сделала несколько шагов и сказала:

– Но не делайте ему слишком больно».

Идти один Родзянко боялся и хотел притянуть к своей операции по спасению трона председателя Совета министров Коковцова и первоприсутствующего в Святейшем синоде митрополита Антония (Банковского), но, как писал сам Родзянко, «по тем или иным причинам указанные мною лица уклонились от совместного со мной доклада. Пришлось ехать одному и взять всю ответственность за последствия на себя».

Аудиенция у Императора состоялась 26 февраля 1912 года, и отслуживший утром в Казанском соборе молебен председатель Думы заставил Государя выслушать примерно то же самое, о чем с пафосом говорил с думской трибуны Гучков.

«Ваше Величество, присутствие при дворе в интимной его обстановке человека столь опороченного, развратного и грязного представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин – оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к царской семье. Это волнует умы».

Родзянко в своих мемуарах ничего не пишет, но другие мемуаристы говорят о том, что он показал Государю во время той встречи копии злосчастных писем его жены и дочерей к Распутину, то есть все-таки «сделал ему больно». «М. В. Родзянко дерзнул показать письма Государю и убеждал Его приказать выслать Распутина из Петербурга. Нужно было самомнение и ограниченность Родзянко, чтобы удивиться и вознегодовать, что обращение его было принято Государем далеко не любезно», – вспоминал Курлов.

Впрочем, Государь Родзянко не выгнал, и далее в их

разговоре речь зашла о принадлежности Распутина к хлыстовской секте.

«– Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуется синодом. Терпимо ли это, ваше величество? И могут ли православные люди молчать, видя развал православия? Можно понять всеобщее негодование, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин хлыст.

– Какие у вас доказательства?

– Полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это из особенностей их учения.

– Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято.

– Нет, ваше величество, это не принято. Может быть, ходят муж с женой, но то, что мы имеем здесь, – это разврат».

Император предложил Родзянко самому разобраться с тем самым делом Тобольской консистории, которое проводилось за четыре года до этого и легло под сукно.

Упоминание об этом факте содержится в мемуарах начальника отдела канцелярии по делам общего собрания Государственной думы Я. В. Глинки: «При докладе Родзянко в Царском он коснулся Распутина (Григория) и высказал на него взгляд общества, через некоторое время Государь Император прислал к нему на квартиру генерал-адъютанта Дедюлина, который передал повеление Его Величества ознакомиться с делом Распутина, истребовав его через товарища обер-прокурора Св. Синода Даманского».

«Передавая это дело и Высочайшее повеление Родзянко, Дедюлин прибавил на словах, что Е. И. В. (Его Императорское Величество. – *А. В.)* уверен, что Родзянко вполне убедится в ложности всех сплетен и найдет способ положить им конец. Кто посоветовал Государю сделать этот шаг – я решительно не знаю, – вспоминал Коковцов, – допускаю даже, что эта мысль вышла из недр самого Синода, но результат оказался совершенно противоположный тому, на который надеялся Государь.

М. В. Родзянко немедленно распространил по городу весть об "оказанной ему Государем чести", приехал ко мне с необычайно важным видом и сказал, между прочим, что его смущает только одно: может ли он требовать разных документов, допрашивать свидетелей и привлекать к этому делу компетентных людей. Я посоветовал ему быть особенно осторожным, указавши на то, что всякое истребование документов и тем более расспросы посторонних людей <…> вызовут только новый шум и могут закончиться еще большим скандалом, между тем как из его собственных слов можно сделать только один вывод, что ему лично поручено только – ознакомиться с делом и высказать его

непосредственное заключение, без всякого отношения к тому, какое направление примет далее этот вопрос, по усмотрению самого Государя. Я прибавил, что, во всяком случае, я советовал бы ему сначала изучить дело, доложить Государю его личное заключение и только после этого доклада испросить разрешение на те или иные действия. Иначе он может нарваться на крупную неприятность и скомпрометировать то доверие, которое оказано Монархом Председателю Государственной Думы.

Родзянко, по-видимому, внял моему голосу, но так как он все-таки сознавал, что справиться один с таким делом не может, то привлек к нему Членов Думы Шубинского и Гучкова, и они втроем стали изучать дело и составлять всеподданнейший доклад. Ни дела, ни доклада я не видел, но шум и пересуды около него не унимались. Родзянко рассказывал направо и налево о возложенном на него поручении и, не стесняясь, говорил, что ему суждено его докладом спасти Государя и Россию от Распутина, носился со своим "поручением", показал мне однажды 2—3 страницы своего чернового доклада, составленного в самом неблагоприятном для Распутина смысле, и ждал лишь окончательной переписки его и личного своего доклада у Государя. Как видно будет дальше, его соображениям не суждено было сбыться, и едва не произошло даже крупной неприятности.

Под влиянием всех рассказов Родзянко толки и сплетни не только не унимались, но росли и крепли».

Коковцов пишет о Родзянко с неприязнью, имея для этого все основания. Трудно сказать, чем руководствовался председатель Государственной думы помимо собственного тщеславия, но лжи и преувеличения в его словах было много, как всегда.

«…незаметно приобретал он все большее и большее влияние и наконец получил звание "Царского лампадника", т. е. заведующего горевшими перед святыми иконами неугасимыми лампадами», – выдумывал Родзянко о Распутине в мемуарах, и невозможно поверить, чтобы не желтый газетчик, а председатель Государственной думы не мог не знать того, что это ложь. Ложью было и то, что Распутин «получил беспрепятственный вход во дворец Государя и сделался его ежедневным посетителем по должности своей вместо спорадических там появлений по приглашению».

В Родзянко после революции только ленивый не бросал камня, но в данном случае приходится признать, что он давал для этого повод. Характерны его показания Следственной комиссии в 1917 году о расследовании дела о принадлежности Распутина к хлыстовской секте.

«Когда я получил это указание, я потребовал товарища обер-

прокурора Синода Даманского <…> и попросил дело привезти. Он мне привез это дело. Затем, на другой день, он мне звонит по телефону и говорит, что ему необходимо меня видеть. Я отвечаю: "Приезжайте в кабинет". Так как Даманский и Распутин мне были подозрительны, то я пригласил его в Думу и пригласил также и секретаря. Даманский говорит: "Я приехал к вам просить, чтобы вы отдали секретное дело Распутина". – "Пожалуйста. А высочайшее позволение у вас есть?" – "Нет, у меня нет". – "Так как же я вам отдам? Я его только что взял и должен приготовить доклад, очень важный, исторический. Может быть, можно что-нибудь из этого доклада извлечь такое, чтобы Распутина уничтожить". – "Нет, у меня высочайшего повеления нет". – "Тогда прощайте". – "Это очень высокопоставленное лицо просит". – "Вам он начальник, а мне он что?" – "Неужели вы не догадываетесь кто?" – "Не догадываюсь". – "Очень высокопоставленное лицо". – "Но вы говорите, что у вас нет высочайшего повеления?" – "Государыня императрица". – "Передайте императрице, что она такая же подданная государя, своего супруга, как и я, и должна подчиниться. Она может только повлиять и получить отмену. Тогда я подчинюсь, а теперь мне нет дела до ее желания". – "Ах, как вы это говорите! Вы знаете, на кого вы посягаете?" – "Я посягаю на Распутина. Если императрица заступается, это ее дело, и меня это не касается"».

Далее Родзянко говорил о том, что на него попытался повлиять законоучитель царских детей протоиерей Васильев («Вы напрасно нападаете, вы не знаете, какой прекрасный человек Распутин»), но с криком: «Как, вы сюда, в Государственную думу, приехали хвалить Распутина, негодяя, развратника, хлыста!» – Родзянко Васильева выгнал.

Родзянко вообще любил кричать и выгонять.

«Здесь <я> ударил кулаком по столу, встал во весь рост, сбросил наивный вид, сделал свирепое лицо и закричал так, чтобы рядом было слышно, – описывал он свою беседу с Даманским.

– Вы, милостивый государь, с ума сошли? Как вы смеете говорить при мне подобную гнусность. Вы забываете, про кого и кому вы это говорите!.. Я вас слушать не желаю.

… я решительным жестом взял папку у него из рук, запер стол и положил ключ в карман со словами: "По приказанию Государя Императора я подробно ознакомлюсь с этим делом и вас извещу"».

«Если бы десятая доля только того материала, который был в моем распоряжении, была истиной, то и этого было бы довольно для производства следствия и предания суду Распутина, – писал

он несколькими страницами ниже. – Ко мне как к председателю Государственной Думы, отовсюду неслись жалобы и обличения преступной деятельности и развратной жизни этого господина… Изучив всесторонне и обстоятельно все порученное мне дело, я составил сжатый доклад и 8 марта 1912 года послал государю свою просьбу о приеме меня для доклада ему во исполнение возложенного на меня высочайшего поручения».

«Мы долго совещались, как понимать это повеление, – вспоминал Я. В. Глинка. – Было ли это желание, чтобы Родзянко сопоставил то, что он говорил при докладе, с тем, что имелось в секретном деле Св. Синода, или же такое повеление обязывало сделать доклад на основании сведений, имевшихся в деле. Решено было сделать письменный доклад на основании документов дела и бывших у самого Родзянки, полученных им с разных сторон, и присоединить свой вывод о личности Распутина и приносимом им вреде <…> В составлении доклада я принимал деятельное участие, стараясь смягчить резкость выводов, продиктованных возмущенными чувствами по поводу всего этого дела Родзянко».

«Родзянко работал, вместе с приглашенными им уже упомянутыми мною двумя сотрудниками, около 8-и недель и, испросивши себе особую аудиенцию у Государя, повез свое заключение в Царское Село, – писал Коковцов. – Вся Дума отлично знала с чем ехал Председатель и нетерпеливо ожидала возвращения его. Кулуары шевелились как муравейник, и целая толпа членов Думы ожидала Родзянку в его кабинете к моменту возвращения. Результат его доклада этой толпе не оправдал ее ожидания. Как всегда, последовал полный пересказ о том, что "ему сказано", что "он ответил", "какие взгляды высказал", "какое глубокое впечатление, видимо, произвели его слова", "каким престижем несомненно пользуется имя Государственной Думы наверху, несмотря на личную нелюбовь и интриги придворной камарильи", – все это повторилось и на этот раз, как повторялось много раз и прежде, но по главному вопросу – о судьбе письменного доклада о Распутине, – последовал лаконический ответ: "Я представил мое заключение, Государь был поражен объемом моего доклада, изумлялся, как мог я в такой короткий срок выполнить столь объемистый труд, несколько раз горячо благодарил меня и оставил доклад у себя, сказавши, что пригласит меня особо, как только успеет ознакомиться с ним".

Но дни быстро проходили за днями, а приглашение не следовало. Родзянко со мною не заговаривал об этом, хотя мне приходилось не раз бывать в Думе за эту пору. Государь также не заговаривал со мною об этом вопросе и не спросил меня даже,

известно ли мне привлечение Им Председателя Думы к этому делу. Приближалось время Его отъезда.

Однажды, вечером, в первых числах марта, хорошо помню день – это было в четверг, накануне моего обычного доклада у Государя по пятницам, я сидел за приготовлением моих всеподданнейших докладов, как около 10-ти часов ко мне приехал неожиданно и не предупредивши меня по телефону Родзянко и сказал, что он обращается ко мне с просьбою вывести его из затруднительного положения.

По его словам, более трех дней тому назад он послал Государю письменную просьбу о своем приеме по текущим делам Думы, но не получает ответа от Его Величества и находится в полном недоумении, как ему поступить. Если это молчание есть выражение прямого нежелания принять Председателя Государственной Думы, то лично для самого Родзянки это представляется несущественным, так как своему самолюбию он готов не придавать никакого значения, но допускать "афронт" по отношению к народному представительству он не может и обращается ко мне, как к Председателю Совета Министров, с просьбою выяснить истинное значение такого молчания и предупреждает меня, что им уже заготовлено заявление об оставлении поста Председателя Думы, которому он даст ход, как только убедится в нежелании Государя принять его перед Своим отъездом, о котором говорит весь город. Я не мог не разделить в душе взгляда Родзянки, старался успокоить его и отговаривал его от резкого шага, ссылаясь на то, что Думе оставалось всего доживать не более 3-х месяцев до конца ее полномочий и указывал ему, что отставка Председателя перед самым закрытием Думы, просуществовавшей, худо ли, хорошо ли, без перерывов в течение 5-ти лет, будет равносильна полному разрыву с правительством, который окажет самое вредное влияние и на последующие выборы и только увеличит оппозиционное настроение в стране, и подготовит на выборах победу левых партий. Я обещал Родзянке постараться завтра же выяснить этот вопрос и устранить возникшее недоразумение.

Я совершенно добросовестно, в разговоре с Родзянко, не Допускал мысли об умышленном нежелании Государя видеть его, тем более, что еще на прошлой неделе Он поддерживал меня в моих мыслях о необходимости стараться всячески сглаживать отношения с Думой, ввиду предстоящего обращения к ней из-за морских кредитов.

Ссора с Председателем, и притом по личному поводу, была бы полным противоречием такому, по-видимому, искреннему намерению Его Величества.

Каково же было мое удивление, когда в самом разгаре нашей беседы мне подали большой пакет от Государя, привезенный фельдъегерем в неурочный, слишком поздний, час, и вскрывши его, я нашел среди ряда возвращенных мне утвержденных всеподданнейших докладов письменный доклад об аудиенции Родзянко, с длинною, карандашом написанною, резолюцией Государя, самого резкого свойства.

Родзянко не заметил моего смущения; я спокойно отложил все доклады в сторону, продолжал беседу с ним, и он вскоре уехал, видимо успокоенный.

Когда я проводил его до лестницы и вернулся к себе в кабинет, я был просто ошеломлен резолюцией Государя. Вот она дословно: "Я не желаю принимать Родзянко, тем более, что всего на днях он был у меня. Скажите ему об этом. Поведение Думы глубоко возмутительно, в особенности отвратительна речь Гучкова по смете Св. Синода. Я буду очень рад, если Мое неудовольствие дойдет до этих господ, не все же с ними раскланиваться и только улыбаться"».

Родзянко этого Распутину не забыл. В 1913 году, когда отмечалось 300-летие Дома Романовых, произошла его единственная личная встреча с Распутиным, которую он впоследствии с нескрываемым торжеством описал.

«Барон Ферзен доложил, что, невзирая на протесты его и его помощника, какой-то человек в крестьянском платье и с крестом на груди встал впереди Государственной Думы и не хочет уходить. Догадавшись, в чем дело, я направился в собор к нашим местам и там, действительно, застал описанное бароном Ферзеном лицо. Это был – Распутин. Одет он был в великолепную темно-малинового цвета шелковую рубашку-косоворотку, в высоких лаковых сапогах, в черных суконных шароварах и такой же черной поддевке. Поверх платья у него был наперсный крест на золотой художественной цепочке. Подойдя к нему вплотную, я внушительным шепотом спросил его:

– Ты зачем здесь?

Он на меня бросил нахальный взгляд и отвечал:

– А тебе какое дело?

– Если ты будешь со мной говорить на "ты", то я тебя сейчас же за бороду выведу из собора. Разве ты не знаешь, что я председатель Государственной Думы?!

Распутин повернулся ко мне лицом и начал бегать по мне глазами сначала по лицу, потом в области сердца, а потом опять взглянул мне в глаза. Так продолжалось несколько мгновений.

Лично я совершенно не подвержен действию гипноза, испытал это много раз, но здесь я встретил непонятную мне силу

огромного действия. Я почувствовал накипающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу, и я сознавал, что мало-помалу прихожу в состояние подлинного бешенства.

Я в свою очередь начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид, потому что Распутин начал как-то ежиться и спрашивал:

– Что вам нужно от меня?

– Чтобы ты сейчас убрался отсюда, гадкий еретик, тебе в этом святом доме нет места.

Распутин нахально отвечал:

– Я приглашен сюда по желанию лиц более высоких, чем вы, – и вытащил при этом пригласительный билет.

– Ты известный обманщик, – возразил я. – Верить твоим словам нельзя. Уходи сейчас вон, тебе здесь не место.

Распутин искоса взглянул на меня, звучно опустился на колени и начал бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнул его в бок и сказал:

– Довольно ломаться. Если ты сейчас не уберешься отсюда, то я своим приставам прикажу тебя вынести на руках.

С глубоким вздохом и со словами: "О, Господи, прости его грех", Распутин тяжело поднялся на ноги и, метнув на меня злобным взглядом, направился к выходу. Я проводил его до западных дверей, где выездной казак подал ему великолепную соболью шубу, усадил его в автомобиль, и Распутин благополучно уехал».

Смысл этих мемуаров очевиден: вот так надо было вести себя с Распутиным. Если бы все поступали, как председатель Государственной думы, если бы брали с него пример, то не было бы и никакого Распутина, «…если бы высшие слои русского общества дружно сплотились и верховная власть встретила серьезное, упорное сопротивление ненормальному положению вещей, если бы верховная власть увидела ясно, что мнение о Распутине одинаковое у всех, что ей не на кого опираться, – то от Распутина и его клики не осталось бы и следа. Если бы все без исключения болели душой за нарастающую угрозу монарху, даже монархии, и глубокий патриотизм, а не личный эгоизм был бы их политическим символом веры…» и так далее в том же духе.

«"Барин" из-за места выгнал "мужика" из храма Божьего – чем хвастал Родзянко перед смертью?» – куда более сухо прокомментировал подвиг председателя Думы Андрей Амальрик.

Однако смелость проявил не один Родзянко.

«Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности

и в опасности государство… Все вы знаете, какую тяжелую драму переживает Россия… в центре этой драмы – загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия… Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти? Вдумайтесь только – кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, кто тащит за собою и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других?» Так говорил 9 марта 1912 года в Государственной думе А. И. Гучков.

«Это – бабьи сплетни!» – крикнул с места депутат-черносотенец Н. Е. Марков, но голос его потонул в общем шуме и энтузиазме.

«За спиной Григория Распутина – целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары, – продолжал свою речь Гучков. – Антрепренеры старца! Это они суфлируют ему, что он шепчет дальше. Это целое коммерческое предприятие, умело и тонко ведущее свою игру. Никакая революционная и антицерковная пропаганда за годы не могла бы сделать того, что Распутиным достигается в несколько дней. И со своей точки зрения прав социал-демократ Гегечкори, сказавший: "Распутин полезен". Да, для друзей Гегечкори даже тем полезнее, чем распутнее. И в эту страшную минуту, среди отчаяния и смятения одних, злорадства других, – где же власть? Власть церкви и государства? А где были вы, обер-прокурор Святейшего Синода? Когда у нас проходили законы о гарантиях религиозных свобод, о праве перейти из одного вероисповедания в другое, о старообрядческих общинах, чтобы исправить вековую неправду, – мы вас видели среди противников. А язву, разъедающую сердцевину народной души, – вы проглядели!

Я замечал, что достигшие больших жизненных благ менее всего склонны ими поступиться. Знаю: не всегда можно требовать героизма. Но есть этический минимум, когда служить означает другое, чем прислуживаться. Когда гражданский подвиг становится обязанностью. Под годами 1911—1912 русским летописцем будет записано: "В эти годы при обер-прокуроре Святейшего Синода Владимире Карловиче Саблере православная церковь дошла до неслыханного унижения"».

Именно это историческое заседание Думы и пламенная речь Гучкова, который, как пишет Солженицын, «стал уже не политическим, а личным врагом императорской четы» и который вместе с Родзянко занимался дорасследованием дела о принадлежности Распутина к секте хлыстов, окончательно

поссорили Государя и Думу и стали причиной, по которой Император не принял ее председателя. И надо признать, что именно Гучков сыграл в этом деле очень скверную роль. Может быть, даже более скверную, чем Родзянко. Во всяком случае, судя по воспоминаниям самого Гучкова, Родзянко пытался его отговорить от публичных выступлений: «Я вам не советую делать и произнес одно слово, которое я чувствовал: *c'estl'affaireducollietlareine».* Последнее переводится как «дело об ожерелье королевы», выражение, которое было тогда на устах у всех, и речь здесь шла о знаменитой истории, произошедшей накануне Французской революции, когда французская королева Мария-Антуанетта стала жертвой заговора и клеветы, в которую поверило большинство ее подданных. Гучков все это прекрасно знал, но его это не остановило.

«Вскоре после смерти Столыпина мне удалось ближе подойти к так называемым темным силам; их присутствие было мне раньше известно, но не так они были для меня ясны и не так конкретно они мне являлись… старец Григорий Распутин, Вырубова, Танеев, кн. Андроников и вся эта компания. Я еще до физической смерти Столыпина изверился в возможности мирной эволюции для России… Для меня становилось все яснее, что Россия ходом вещей будет вытолкнута на второй путь – путь насильственного переворота, разрыва с прошлым и, как бы сказать, скитания без руля, без компаса, по безбрежному морю политических и социальных исканий. Тем не менее уже было ясно, что роковую роль играли эти безответственные силы, что главным образом сосредоточились они в придворных сферах и были связаны с именами, которые я сейчас перечислил, я и тогда подумал, что Государственной Думе и русскому обществу следует дать бой именно им, оставив в стороне видимое правительство, и через голову видимого правительства вступить в бой именно с ними. Переговоры мои с представителями правительства и, в частности, с В. Н. Коковцовым убедили меня в том, что если еще покойный Столыпин пытался бороться с этими силами, то новые представители власти либо капитулировали перед ними и пошли по их указкам, либо вовсе не рисковали бороться с ними. Тогда, если припомните, я и внес в Думу запрос о Распутине и о деятельности темных сил, после чего мне один из министров передал, как ему высочайше было заявлено, что "Гучкова мало повесить". Я тогда на это ответил, что моя жизнь принадлежит Государю, но моя совесть ему не принадлежит, и что я буду продолжать бороться».

Так говорил на следствии 2 августа 1917 года Александр Иванович Гучков, вышедший из семьи старообрядцев октябрист и,

возможно, масон (возможно, потому что с масонством Гучкова не все ясно; Вадим Кожинов, например, в этом сомневался, Александр Солженицын отрицает, да и страсть Гучкова стреляться на дуэли плохо стыкуется с отвергавшими такой род выяснения отношений вольными каменщиками).

Тогда он, пожалуй, гордился собой и ставил эту речь и ту роль, которую он сыграл, себе в заслугу. Позднее, оказавшись в эмиграции, когда война за Россию была им и его партией проиграна, Гучков объяснял причины своей гневливости 1912 года почти так же, как объяснял их вышедший из революционеров монархист Тихомиров – обидой за поруганную симфонию Государя и народа, и так же, как Тихомиров, сожалел о том, что произошло в Думе, а Коковцова за его осторожность уже не корил. Напротив:

«Я не раз беседовал на эту тему с Коковцовым. Я так говорил. Может быть, мы не выросли в народ с конституционным правосознанием, особенно народные массы, они царя почитают как самодержца, помазанника Божия, все это так. Но вот в чем ужас, что если в один прекрасный день массы узнают, что помазанника нет, а что за его спиной находится их же человек из народных масс, но недостойный, какой-то хлыст, конокрад, развратник, то это удар по ореолу народного престижа. Будь это граф, князь, народ не обиделся бы, а когда свой человек… Словом, я пытался, во-первых, узнать, и во-вторых, действовать, не прибегая к огласке как думский трибун, потому что я отлично понимал, что разоблачения все эти наносят такие раны, что не знаешь, что лучше – болезнь или лечение..»

Более того, как рассказывал Гучков в мемуарах, один из левых депутатов признался ему уже в эмиграции, что «они, левые, не сочувствовали этой кампании потому, что она могла привести к преждевременной ликвидации этой болезни, а болезнь была нужна». «Да, я понимаю, что вас это не пугает, потому что то, что вызывает в нас страх, вызывает в вас радость», – как будто бы ответил ему Гучков.

Задним умом все крепки. И произносил эти слова Гучков или нет, говорил ли Коковцову о том, что он понимал, какие раны может нанести стране, раскаивался или нет, – теперь уже не скажет никто. Но тогда, весной 1912 года, речь Гучкова стала не лечением болезни, но оружием разрушительной силы, «ударом по алькову», как назвали ее в думских кулуарах. Не будь речи Гучкова, конфликт, может быть, и удалось бы погасить, но Гучков – выполнял ли он при этом секретные решения тайных лож или действовал на свой страх и риск, так же, как действовал и раньше, когда ехал на войну с турками, с бурами или с японцами

или же шел на дуэль с Мясоедовым, – Гучков, как пишет митрополит Евлогий, «в присутствии Саблера обрушился на Синод и Обер-Прокурора со всей несдержанностью накипевшего негодования. Он говорил не голословно – приводил факты, которые разоблачали весь ужас того, что происходит. Из его речи можно было заключить, что Синод Распутину мироволит и Обер-Прокурор всячески добивается его расположения… Состояние Саблера было отчаянное. Он смотрит на меня, ждет слов защиты… Мне надо говорить, а защищать его мне мучительно трудно. Я сказал кратко, что у меня нет данных ни за, ни против обвинений; что, надеюсь, Обер-Прокурор сам защитит свое доброе имя… – Саблер остался мною недоволен».

В Саблера метил и Пуришкевич: «Я убежден и скажу вам, что ни один революционер не сделал столько зла России, как последние события в Православной Церкви; никакая смута 1905 г., никакие посягательства на устои народные не привели к тем результатам внутреннего шатания, тем враждебным отношениям отдельных классов общества, к каким привели последние события в Православной Церкви. И если бы спросить в данный момент, кому бы желали левые поставить памятник в Российской империи, благодаря за то, что он сделал для разрушения Церкви, все левые ответили бы: В. К. Саблеру».

Митрополит Евлогий ничего не пишет о том, как Саблер защищался, однако упоминание о его ответной речи можно найти в книге С. С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II». «Когда к врагам церкви примыкают люди, которые в загадочной форме выступают с обвинениями, я им прямо скажу, что они не правы. И по той простой причине, что эта таинственная загадочность неопределенных речей значения серьезных аргументов не имеет. Обер-прокурор Синода знает свой долг… Чувство сознания своих обязанностей перед Царем, перед св. Церковью и родиной всегда будут ему присущи, а таинственные неопределенные обвинения его никогда не страшат».

«Приезжаю в Синод – там возмущение речью Гучкова. Архиепископ Сергий Финляндский хочет, чтобы Синод заступился за Обер-Прокурора и демонстративно поднес ему икону. Я протестую: "Думу дразнить нельзя… это бестактно. Или вы не хотите иметь ничего общего с Думой?" – И все же икону поднесли…

По совести скажу, я не могу утверждать, насколько справедливы были в Думе нападки на Саблера…» – заключал Евлогий, и в позиции влиятельного, умного и опытного русского иерарха[39] содержится очень характерный смысл. По сути здесь то же самое, что и год назад, когда Феофан призывал весь Синод

выступить против Распутина и не доводить дела до речей Гучкова и газетной истерики – нежелание ни с кем конфликтовать и идти на обострение. Теоретически, возможно, и конструктивная, на практике эта позиция оказалась пагубной. Дума нападала, Синод (уже обжегшийся) держался в стороне, Государь чувствовал себя оскорбленным, и тысячелетнее государство рассыпалось, не выдерживая этого испытания. Распутин не был главной тому причиной, но в данном случае он стал чем-то вроде последней капли.

Князь Жевахов не зря задавался таким вопросом: «Может быть, этот один факт даст психологу материал для размышлений: может быть, не случайным покажется, что оппозиция к Царю, династии и престолу сливалась с оппозицией к Распутину?!»

Это началось в 1912-м и продолжалось четыре с половиной года – те самые четыре с половиной года, которые вместе с войной обескровили великую державу.

У Государя тогда хватило душевных сил не разогнать Думу (или же не хватило воли ее разогнать). Судя по показаниям С. П. Белецкого, царь «после речи А. И. Гучкова в 3-й Государственной думе о влиянии Распутина, тем не менее, считаясь с государственными соображениями, заглушая в себе личное чувство обиды, не пошел навстречу сильному напору на него разных влияний, желавших этот момент личных чувств государя использовать в своих домогательствах об упразднении этого государственного института».

Но, как писал С. С. Ольденбург, «это выступление Гучкова в корне уничтожило все попытки убедить Государя в том, что Распутина не следует принимать при дворе. Государь знал лучше, чем кто-либо другой, что и "смена направлений", и "смена лиц" зависят только от Него Самого. Он всегда относился к Своей власти, как к священному служению, всегда так ревниво оберегал царскую совесть от посторонних влияний. Утверждения о влиянии Распутина на государственные дела поэтому не могли не казаться Государю лживыми до фантастичности и в то же время оскорбительными. Видя, как в этом отношении вольно обращаются с истиной, Он поневоле стал относиться скептически и к рассказам о личных пороках Распутина, – тем более, что все попытки установить причастность "старца" к секте хлыстов дали отрицательный результат.

После выступления Гучкова Государь не захотел принять Родзянко, письменный доклад которого Он прочел, – нашел совершенно недоказательным».

Эта оценка верноподданного монархиста и большого «приукрасителя» последнего царствования, каким был историк С.

Ольденбург.

Но вот что писал «республиканец» Павел Милюков: «Впечатление глубокого личного оскорбления, вызванное непрошенным вмешательством в самые интимные стороны семейной жизни, распространилось, из-за Родзянко и Гучкова, и на Государственную Думу».

И он же, Милюков, признавал на допросе Чрезвычайной следственной комиссии: «Наружу мы сами вывели Распутина, когда Государственная дума впервые о нем заговорила. Тогда это был первый скандал, который был публично устроен. В руки Родзянко попали некоторые документы, которые он передал царю <…> Это первый случай раскрытия отношений Распутина к царской семье. Затем речи в Государственной думе о нем <…> Все это находится на границе политики и личных фамильных дрязг».

«Государь оскорбляет страну тем, что пускает во дворец, куда доступ так труден и самым лучшим, уличенного развратника. А страна оскорбляет Государя уместными подозрениями… И рушатся столетние связи, которыми держалась Россия», – подытожил В. В. Шульгин.

«12-го марта Государь уехал с семейством в Ливадию. Из Министров явились в Царское Село проводить отъезжающих только некоторые Великие Князья, Военный и Морской Министры и я, – вспоминал Коковцов. – Государь был в своем обычном настроении и, прощаясь со мною, шутливо сказал мне: "Вы вероятно завидуете Мне, а я Вам не только не завидую, а просто жалею Вас, что Вы останетесь в этом болоте".

Императрица прошла мимо всех и, ни с кем не простившись, вошла в вагон с вдовствующею Императрицею».

В другом месте своих мемуаров В. Н. Коковцов описал чувства Николая при отъезде из Петербурга в более резких выражениях:

«Государь ответил мне на этот раз не так, как Он говорил привычно о своих поездках. "Не распространяйте, В. Н., того, что Я скажу Вам, – сказал мне Государь. – Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы. Да, Я уезжаю и притом очень скоро, и постараюсь вернуться как можно позже <…> Одна необходимость иметь подробные объяснения с Председателем Думы чего стоит".

Государь не дал мне никакого пояснения своих последних слов, но я знал хорошо, что Его так тревожило».

Что же касается вопроса о том, насколько все случившееся было следствием масонского заговора, то эта тема настолько

запутана и число всевозможных версий, спекуляций и голословных заявлений по сравнению с фактами так велико, что отыскать истину представляется еще менее возможным, чем в деле о принадлежности Распутина к хлыстам или его походам по петербургским проституткам. Тем не менее несколько слов об этом скажем и для начала сошлемся на книгу историка Б. И. Николаевского «Русские масоны и революция».

Николаевский пишет о том, что в 1909—1910 годах существовавшие в России масонские ложи были объединены с помощью Верховного совета, в который входили примерно 12—15 человек. «По политическим взглядам здесь были представлены все левые политические группы от прогрессистов до социал-демократов, тяготевших к большевикам <…> в Совет входили очень и очень ответственные их члены – иногда фактические и формальные лидеры <…> Для понимания дальнейшего чрезвычайно существенно отметить, что добрая половина членов Совета была депутатами Государственной думы, – последние играли большую роль и в той группе реформаторов русского масонства…»

И далее: «Совет делал иногда попытки проведения агитационных кампаний. Главной из них была кампания по поводу роли Распутина при дворе. Начата она была еще в 1913—14 гг. (по-видимому раньше, в 1911—1912 годах.– *А. В.),* несколько позднее Советом была сделана попытка издания какой-то направленной против Распутина брошюры, а когда эта попытка не удалась (брошюра была задержана цензурой), то Советом были приняты шаги к распространению этой брошюры в размноженном на пишущей машинке виде. Таким же путем размножались и другие материалы о Распутине – например, тоже сожженная цензурой брошюра миссионера Новоселова, сотрудника «Московских ведомостей», разоблачавшего «хлыстовство» Распутина».

Таким образом, выходит, что без масонов действительно не обошлось.

В качестве еще одной, довольно неожиданной версии, которая при этом опирается на документ, приведем выдержку из книги современного исследователя В. Острецова «Масонство, культура и русская история», где особенно следует обратить внимание на характеристику одного из героев этой главы – Владимира Николаевича Коковцова.

«XI. Письмо ложи "Мезори" ордена розенкрейцеров Государю Николаю II, помеченное 17 июня 1912 года. – ЦГИАЛ СССР, ф.157, дело 390, лл. 35—42 (публикуется впервые).

Это письмо поступило на имя Государя на бланке – "Орден

розенкрейцеров. Ложа Мезори". На месте подписи в конце письма значится "Магистр ложи" и подпись в виде какого-то алхимического знака, напоминающего букву "З". Письмо рассматривалось кн. В. Н. Орловым, начальником походной канцелярии Императора (1906—1915), который предположил, что подпись принадлежит князю Репнину. Это вполне возможно, потому что семейство Репниных со времен Екатерины II было масонским и в этом плане, вероятно, занимало высокое положение в этом узком кругу розенкрейцеров, ведущих свое происхождение от времен новиковских.

Письмо любопытно тем, что оно написано с позиций "правого" масонства. И еще тем, что авторы его отделяют орден розенкрейцеров от масонов, к которым относят мартинистов, и всячески критикуют последних. Эта традиция отделять какую-либо ветвь масонства, обедьянс, "послушание", от остального масонства идет также с давних времен. В свою очередь, мартинисты иногда отделяли себя от масонства, но объединяли себя с розенкрейцерами. Иногда вообще масонство отождествляется только с первыми тремя градусами. Так или иначе, но наличие "правого" масонства факт известный. В политическом своем выражении этих т.н. правых надо назвать "государственниками". Они за сильную монархию, крепкую армию, жесткий внутренний порядок, за улучшение человеческой породы, за "силу воли" и они с известным эпитетом (видимо, пиететом. – *А. В.)* относятся к церкви в своей патриотической риторике и готовы признать ее полезную роль как историко-культурной силы и… как источник маго-каббалистических сил.

В письме выражается удовлетворение тем, что Государь, как и они, проявляет интерес "к оккультной науке как основе религиозно-философского миросозерцания, потому что и мы сами бескорыстно служим этому учению" (л. 39). В качестве своих авторитетов авторы письма называют писательницу Крыжановскую, ген.-м. А. А. Навроцкого, шталмейстера Фролова. Вместе с тем критикуется "масонская партия", которая "выставляет сперва клеврета мартинистов Филиппа, зловредное воздействие которого сказывается еще до сих пор на здоровье Императрицы, а когда нам удалось разоблачить этого в полном смысле негодяя и шарлатана, то Вашему Величеству подсунули (гр. Витте и К°.) хлыста Гришку Распутина, который дурак – дураком и, сам того не понимая, служит все же целям масонства <посрамление царствующей династии>… история Распутина имела для супруги Вашей то же значение, что некогда 'Дело ожерелья королевы' для Марии Антуанетты, то есть подорвала лишний раз уважение к царской семье" (л. 39). В качестве

достойных слуг царевых назван генерал-адъютант Н. И. Иванов, лицо, действительно доверенное Государя в годы войны и которому Он приказал в смутные февральские дни революции двинуться на Петроград и подавить бунт. И который, конечно же, ничего не смог сделать.

В письме резко критикуется премьер-министр Коковцов, как близкий к Витте человек и как юдофил. Его политика прямо названа масонской (л. 42). Масону и юдофилу Коковцову авторы противопоставляют Столыпина, политика которого была национальной и который, по их убеждению, пробудил национальное самосознание. Высокого мнения авторы также и о министре путей сообщения С. В. Рухлове, который один из немногих, если не сказать единственный, покровительствовал в своем ведомстве служащим правых убеждений – от членов черносотенных организаций до националистов и октябристов включительно. Рухлов был едва ли не в единственном числе в Совете Министров, кто последовательно выступал против предоставления льгот евреям во время войны. Он был вместе с М. О. Меньшиковым – основателем Всероссийского национального союза. Авторы письма в своих политических воззрениях близки к октябристам. Что касается определения роли Распутина, то здесь с ними спорить трудно. Кстати же, действительно, Витте и его супруга – еврейка Матильда неизменно поддерживали близкие отношения с Распутиным, общаясь домами.

В целом письмо показывает сложность такого явления, в политическом смысле, как масонство. Однако не следует и сильно преувеличивать эту сложность. Правыми, монархистами, кстати же говоря, именовали себя на страницах оккультного журнала "Изиды" мартинисты, возглавляемые Папюсом. На этих страницах активно развивалась расовая идея. Правыми оккультистами были, из известных у нас сегодня имен, Бутми и Бостунич – автор книги "Масонство и русская революция". В основу своего миросозерцания последний клал каббалистику, но при этом яростно нападал на евреев, видя в них главных виновников революции и жестокого преследования русских людей во имя своей сатанинской власти. Он писал о плохой каббале и хорошей, арийской, и прочий вредоносный бред. В этих же пределах лежит и деление магии на хорошую, правильную и на плохую, черную. На самом деле, "правое масонство", с его "арийством", "породой", романтической героикой и прочей "демонической фантазией", является лишь предельным выражением "левого" франкмасонства, "демократического" и "либерального", пронизанного иудейской догматикой. Более того, это "правое" масонство, проявления которого мы видим и сегодня,

есть та дорога, которая ведет вместе с прочим масонством от мифической республики и мифической "демократии" к той монархии, где монархом станет Антихрист. По какой-то странности, но этим правым масонством, с его криками о породе, арийстве, как отмечали проницательные наблюдатели, более всего страдают почему-то те полуевреи, которые в душе мечтают о недостижимой для них расовой чистоте и потому бредящие "арийством". Так ли это, сказать затруднительно, но наблюдение не лишено психологического интереса в смысле криков о "русском фашизме" и национальной принадлежности его сторонников.

Письмо также показывает нам всю реальную сложность политической обстановки в стране в те предреволюционные годы и глубокую расколотость общества, в котором русские утратили свои позиции и где тон задавали инородцы, о чем писал и граф Игнатьев в своей записке».

Отметим лишь одно обстоятельство: если все было так или хотя бы в какой-то мере так, как пишут оба автора, то получается, что подобно тому, как на Распутина одновременно нападала левая и правая печать, на него нападали и левые и правые масоны. Никому он не был угоден, но всех переигрывал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мужики и баре. Гумилёв, Клюев, Ахматова, Цветаева, Булгаков, Алексей Толстой, Бунин о Распутине. Распутин в Ливадии. Возвращение в Покровское и закрытие дела о принадлежности к секте хлыстов. Донесения местного клира. Экспертиза Бонч-Бруевича. Новый союзник. Комментарий Архиерейского собора. Судьба епископов Алексия и Антония

Почти всю зиму и весну 1912 года продолжалась думская история, но по большому счету никаких изменений в положение Распутина она не внесла, и можно считать, что, отбив все атаки, опытный странник одержал над российским парламентом победу, так как Государь, не доверяя более никому, сам предпринял меры, чтобы весна 1912-го не повторилась.

Родзянко в мемуарах об этом ничего не пишет, по всей вероятности, не желая снижать накал своей антираспутинской деятельности, но из стенографического отсчета бюро партии «Союз 17 октября» известно, что в феврале 1913 года председатель Государственной думы был на приеме у Императора, где среди прочего сказал следующее:

«Ко мне по телефону позвонил управляющий Министерством внутренних дел и спросил, когда он может видеть меня по важному делу, так как вопрос, о котором идет речь, совершенно исключительный. После этого Н. А. Маклаков приехал ко мне и сказал: "Я к вам по высочайшему повелению. До сведения его величества дошло, что левые партии в Государственной Думе вновь поднимают вопрос о Распутине. Его величество приказал мне поручить вам ликвидировать это дело. Непременное желание его величества заключается в том, чтобы вопрос о Распутине ни в какой форме в Государственной Думе больше не поднимался". Позвольте же, Государь, доложить вам лично то, что я сказал тогда управляющему Министерством внутренних дел. Вопрос о Распутине в Государственной Думе ликвидирован окончательно; с тех пор вопрос этот ни в одной думской группе, считая в том числе левые партии, не поднимался и, я даю слово, не поднимется. Люди, позволяющие себе докладывать вашему величеству что-либо противоположное, сознательно и нагло лгут. Государь встал и молча пожал мне руку».

Таким образом, между двумя противоборствующими сторонами был заключен мир, но заставить временно замолчать парламент не значило накинуть платок на рот прессы и утихомирить общественное мнение. Газеты продолжали о

Распутине писать, и когда в 1912 году, отсидевшись в Покровском чуть более месяца, Григорий вернулся в Петербург, то, как вспоминал Коковцов, «это встревожило Макарова; появились опять газетные статьи и заметки, переплетающие быль с небылицею».

«Ни я, ни Макаров его не видели, – писал Коковцов, – никакой речи о высылке его из Петербурга никто не поднимал, хорошо помня замечания об этом Государя, как вдруг в "Речи" появилось известие, что приехавший самовольно, вопреки сделанного распоряжения о высылке из Петербурга, Распутин выслан снова в село Покровское по распоряжению Председателя Совета Министров.

Не желая подливать масла в огонь и зная хорошо, что это известие дойдет до Ливадии и вызовет какое-нибудь резкое распоряжение оттуда, которое опять припутает имя Государя к этому человеку, я послал шифрованную телеграмму Барону Фредериксу, прося его доложить Государю, что эта заметка совершенно ложная, что Распутин действительно приехал, но ни я, ни кто-либо другой и не предполагает высылать его куда-либо. На другой же день я получил ответ такого содержания: "Государь приказал мне сердечно благодарить Вас за извещение и передать Вам, что Его Величество очень ценит такое откровенное предупреждение, которое устранит всякое недоразумение".

Этот ответ показал мне, что я рассчитал совершенно верно, устранивши всякие толки и даже предупредивши, может быть, прямой приказ о возвращении "старца" из ссылки».

Но помимо правильных расчетов Коковцова этот ответ показывал, какую громадную роль играл теперь Распутин, если одно только его появление в Петербурге и самая банальная газетная утка заставляли премьер-министра Российской империи спешно оправдываться перед монархом в чистоте своих помыслов по отношению к сибирскому крестьянину, стремительно перемещавшемуся из Петербурга в Тюмень и обратно. Больная русская тема «мужики и баре», или в более актуальной для того времени формулировке «народ и интеллигенция», чему и был посвящен совсем незадолго до этих событий вышедший в свет сборник «Вехи», преломлялась в отношениях сибирского крестьянина и напуганных им государственных деятелей самым причудливым образом.

Народ в лице Распутина брал реванш, причем народ отнюдь не в славянофильском, а скорее в бунинском понимании, и в этом смысле Гумилёв был недалек от истины, когда писал своего «Мужика»:

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег…
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот – светы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он – Боже, спаси! —
Обворожает Царицу
Необозримой Руси.

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной,
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись – о горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

«Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите…
Кто защитит сироту?

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».

Еще более эмоционально и интимно выразил свое отношение к Распутину другой поэт – Николай Клюев:

Это я плясал перед царским троном
В крылатой поддевке и злых сапогах.
Это я зловещей совою влетел в Романовский дом,
Чтоб связать возмездье с судьбою
Неразрывным красным узлом,
Чтоб метлою пурги сибирской
Замести истории след…
Зырянин с душою нумидийской
Я – родной мужицкий поэт.
«Четвертый Рим»

В этих стихах важна точка отсчета: для Гумилёва Распутин – посторонняя враждебная сила, Клюев же себя с этой могучей силой отождествляет, но в любом случае Распутин – это именно сила, воля, стихия, подчиняющая себе ход исторических событий. Тут есть что-то от пушкинского Пугачева в «Капитанской дочке». Распутин выступает не только как исторический персонаж, но и как явление природы. Он становился всеобъемлющ, вспомним еще раз блоковское «Распутин – всюду», и именно в этом заключалась главная загадка сибирского мужика, и даже не его самого, а тех чувств, которые он в российском обществе вызывал или, вернее, каковыми общество его наделяло.

Марина Цветаева позднее писала о шестой строфе гумилёвского стихотворения:

«Вот, в двух словах, в четырех строках, все о Распутине, Царице, всей той туче. Что в этом четверостишии? Любовь? Нет. Ненависть? Нет. Суд? Нет. Оправдание? Нет. Судьба. Шаг судьбы.

Вчитывайтесь, вчитывайтесь внимательно. Здесь каждое слово на вес – крови.

В гордую нашу столицу (две славных, одна – гордая: не Петербург встать не может) входит он (пешая и лешая судьба России!) – Боже спаси! – (знает не спасет!), обворожает Царицу (не обвораживает, а именно по-деревенски: обворожает!) необозримой России – не знаю как других, меня это

"необозримой" (со всеми звенящими в ней зорями) пронзает – ножом.

Еще одно заглавная буква Царицы. Не раболепство, нет! (писать другого с большой еще не значит быть маленьким), ибо вызвана величием страны, здесь страна дарует титул, заглавное Ц – силой вещей и верст. Четыре строки – и все дано: и чара, и кара. <…>

А если есть в стихах судьба – так именно в этих, чара – так именно в этих, История <…> – так именно в этих».

Так, в сознании самых проницательных и глубоких своих современников сибирский крестьянин сделался неотъемлемой частью петербургского и – шире – всего российского ландшафта, приметой эпохи, ее камертоном, символом, точкой отсчета и знаком исторической судьбы России. Без него эту эпоху нельзя было понять и вынести его из нее также невозможно, как невозможно свести распутинский миф к газетным статьям, которые раздражали Царскую Семью.

О нем писали уже при жизни романы, ставили пьесы, о нем спорили и размышляли, и этот интерес – интерес не только скандальный, но и более серьезный, глубокий надолго Распутина пережил.

Его уже давно не было в живых, а Ахматова описывала уличный Петербург начала XX века в набросках к «Поэме без героя» (к которой приступила в конце 1940-го): «Слепцы идут у Христа славить. Нищие. Распутин. Пожарный и толстая кухарка. Проститутка и развратник по Блоку». А еще в двадцатые годы, по свидетельству ее биографа Павла Лукницкого, начала писать поэму, где в качестве персонажей «и Распутин, и Вырубова – все были».

Однако поэма не была написана по причине того, что похожий сюжет использовал Алексей Толстой в пьесе «Заговор императрицы». Впрочем, «красный граф» перебежал дорожку не только Анне Андреевне.

«Просьба: …нужен весь материал для исторической драмы – все, что касается Николая и Распутина… до зарезу!.. Лелею мысль создать грандиозную драму… Уже готовы некоторые наброски и планы. Мысль меня увлекает безумно…» – обращался в начале 1920-х к своим родственникам Михаил Булгаков. И хотя грандиозную драму автор «Белой гвардии» не написал, Распутин упоминается в рассказе «№ 13. Дом Эльпит-Рабкоммуна»:

«Однажды, например, в десять вечера, стосильная машина, грянув веселый мажорный сигнал, стала у первого парадного. Два сыщика, словно тени, выскочили из земли и метнулись в тень, а один прошмыгнул в черные ворота, а там по скользким ступеням

в дворницкий подвал. Открылась дверца лакированной каретки, и, закутанный в шубу, высадился дорогой гость.

В квартире № 3 генерала от кавалерии де-Баррейн он до трех гостил.

До трех, припав к подножию серой кариатиды, истомленный волчьей жизнью, бодрствовал шпион. Другой до трех на полутемном марше лестницы курил, слушая приглушенный коврами то звон венгерской рапсодии, capriccioso, – то цыганские буйные взрывы:

Сегодня пьем! Завтра пьем!
Пьем мы всю неде-е-лю – эх!
Раз… еще раз…

До трех сидел третий на ситцево-лоскутной дряни в конуре старшего дворника. И конусы резкого белого света до трех горели на полукруге. И из этажа в этаж по невидимому телефону бежал шепчущий горделивый слух: Распутин здесь. Распутин. Смуглый обладатель сейфа, торговец живым товаром, Борис Самойлович Христи, гениальнейший из всех московских управляющих, после ночи у де-Баррейн стал как будто еще загадочнее, еще надменнее.

Искры стальной гордости появились у него в черных глазах, и на квартиры жестоко набавили».

«"Развратник, пьяница Распутин, злой гений России". Конечно, хорош был мужичок. Ну, а вы-то, не вылезавшие из "Медведей" и "Бродячих Собак?"» – вопрошал Бунин «поэтов и беллетристов» в «Окаянных днях»[40], а Алексей Толстой, как будто отвечая своему приятелю, описывал в романе «Хождение по мукам», как сам Распутин посетил знаменитое кабаре:

«Неожиданно стало тихо в подвале, зазвенел упавший стакан…

Во входной двери стоял среднего роста пожилой человек, выставив вперед плечо, засунув руки в карманы суконной поддевки. Узкое лицо его с черной висящей бородой весело улыбалось двумя глубокими морщинами, и вперед всего лица горели серым светом внимательные, умные пронзительные глаза. Так продолжалось минуту. Из темноты двери к нему приблизилось другое лицо, чиновника, с тревожной усмешкой, и прошептало что-то на ухо.

– Опять ты со своей глупостью… Ах, надоел. – Он, еще веселее гостей в подвале, мотнул бородой и сказал громко, развалистым голосом: – Ну, прощайте, дружки веселые.

И сейчас же скрылся. Хлопнула дверь. Весь подвал загудел. Стуков впился в руку Ивана Ильича.

– Видел? Видел? – проговорил он, задыхаясь. – Это Распутин».

Но вернемся в 1912 год. Из гордой столицы странник уехал не в Сибирь, а, как и обещал журналисту из «Нового времени», в Крым. Ни шлейф слухов, ни то, что вплоть до июня 1912 года в Крыму оставался епископом Таврическим Феофан, Государыню, по-видимому, не смущало. Царская Семья ясно давала понять всем, что никакой шантаж, никакие атаки Думы, печати, ни мнение правящих архиереев и лично царский духовник изменить высшую волю не могут и все будет так, как пожелает августейшая чета.

О. Платонов приводит в своей книге секретное донесение, хранящееся в Центральном государственном архиве, датированное февралем 1912 года, где среди прочего анонимный источник сообщал, что «последнее слово по распутинской эпопее будет сказано именно в Крыму, вдали от Правительства и от русского общества и его представителей». Последнее это было слово или нет, но с Царской Семьей Распутин в Крыму встречался несмотря ни на какие скандалы и общественное противодействие.

«Я видел, что Распутин старается "втереться" во дворец, в царскую семью. Поэтому, когда в 1912 году царская семья была в Ялте, я, чтоб не допустить распространения всяческих слухов (которые уже начали ходить по стране), сделал все, чтобы Распутин не приезжал на яхту, на которой я был старшим офицером. Я попросил священника, бывшего на яхте, пойти и поговорить об этом с Распутиным.

Он был, говорил. И вынес то же отрицательное впечатление. В частности, священник тоже обратил внимание на глаза Распутина, сказав: "У него в глазах что-то есть". Так я все-таки устранил приезд Распутина на яхту», – рассказывал флигель-адъютант Саблин Роману Гулю.

Даже если это и правда, а не попытка смыть с себя клеймо распутинца, которое на Саблине висело, то устранить встречи Николая и Александры с Распутиным на суше флигель-адъютант не мог.

«Нашла коса на камень», – говорят в таком случае в народе. Оскорбление Государыни было столь велико, что она вела себя почти что демонстративно. Она была не столько «обворожена» в тот момент Распутиным, сколько возмущена «светской чернью», и с этого момента уже никто не мог убедить ее в опасности присутствия Распутина при Дворе – Царица просто не верила ни газетам, ни политикам, ни церковным иерархам, не верила ни своей сестре, ни свекрови – а верила лишь одному человеку.

«Несчастная моя невестка не понимает, что она губит и

династию и себя. Она искренно верит в святость каждого проходимца, и все мы бессильны отвратить несчастие», – говорила императрица-мать Мария Федоровна Коковцову.

Адмирал Колчак показывал на следствии в 1920 году (и его показание заметно перекликается с мемуарами моряка Саблина): «В 1912 году, когда я плавал на "Уссурийце", – верно это или нет, – прошел слух, что Распутин собирается из Петрограда прибыть на место стоянки императорской яхты, в шхеры, и для этого будет дан миноносец. Я помню, со стороны офицеров было такое отношение: что бы там ни было, но я не повезу, пусть меня выгоняют, но я такую фигуру у себя на миноносце не повезу. Это было общее мнение командиров <…> Эта история глубоко возмущала нас <…>».

«Первый раз я прочитала здесь в газетах [о Григории Распутине] и была в ужасе, потому что я испугалась, что если народ узнает, что Вы приняли этого человека, то это бросит на Вас черную тень», – писала Государыне Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

Помимо нее о Распутине и о его влиянии на русский императорский двор были наслышаны и две другие сестры Императрицы принцесса Ирена и принцесса Баттенбергская. О встрече с ними, состоявшейся в мае 1913 года в Берлине, писал в своих воспоминаниях В. Ф. Джунковский:

«Разговор касался главным образом о царящем в России настроении, недовольстве общества, касаясь и настроения в войсках. Все эти вопросы были как бы следствием их забот о родной сестре императрице Александре Федоровне и роли Распутина в ее жизни. Я объяснил им, какую роль играет Распутин, стараясь умалить его значение и доказать преувеличение слухов, но они были так хорошо осведомлены обо всем, что трудно было их переубедить. Они сами стали мне доказывать вред, причиняемый Распутиным их сестре…»

Но для Царя и Царицы Распутин оставался частным семейным делом частной семьи, и кем бы из родственников или близких негодование, опасения, тревога, предостережения ни высказывались, этих сигналов во дворце не принимали, не понимали и не хотели понимать.

«Граф Фредерике однажды, в интимной беседе, в моем присутствии, когда вопрос коснулся тогдашней злобы дня, – вспоминал Мордвинов, – сказал: "Вы знаете, что я люблю Государя, как сына, и потому не мог удержаться, чтобы не спросить Его Величество, что же наконец такое представляет собой Распутин, о котором все так много говорят.

Его Величество ответил мне совершенно спокойно и просто:

'Действительно, слишком уж много и, по обыкновению, много лишнего говорят, как и о всяком, кто не из обычной среды принимается изредка Нами. Это только простой русский человек, очень религиозный и верующий… Императрице он нравится своей искренностью; Она верит в его преданность и в силу его молитв за Нашу Семью и Алексея… но ведь это Наше совершенно частное дело… удивительно, как люди любят вмешиваться во все то, что их совсем не касается… кому он мешает?'"»

Сам министр двора Фредерике, старый, заслуженный человек, хорошо знавший и Александра III, и даже Александра II, показывал Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Я ему часто говорил, чтобы он, ради Бога, Распутина прогнал; на это его величеству угодно было мне сказать: "Вы, граф, мне неоднократно говорили, что у вас и без вмешательства в дела политические достаточно дела; потому вы этого вопроса не касайтесь, это мое дело"».

Дворцовый комендант генерал-майор В. Н. Воейков в 1917 году свидетельствовал: «Я говорил Государю, что, по моему мнению и по мнению общества, Распутин не достоин приема, но встретил холодный ответ: "Мы можем принимать, кого хотим"».

«Никто не мог поколебать их доверия, хотя все враждебные газеты им приносились, и все старались доказать, что он дурной человек. Ответ был один: "Его ненавидят, потому что мы его любим"», – вспоминала Вырубова.

Так через Распутина прошел страшный разлом между Царской Семьей и ее ближайшим окружением, роковым образом отозвавшийся в роковые предреволюционные годы.

После недолгого пребывания в Ливадии Распутин вернулся в Покровское, и там неожиданно было закрыто дело о его принадлежности к хлыстовской секте, которое попытались возобновить весной Родзянко с Гучковым. Вынес окончательный вердикт новый Тобольский епископ Алексий (Молчанов), который по своему положению и был обязан это сделать. Но интересно то, что, согласно материалам, хранящимся в Тобольском краеведческом музее, инициатором этого, уже третьего, обращения к распутинскому хлыстовству был не сам Алексий, но его предшественник епископ Евсевий (Гроздов), занимавший Тобольскую кафедру после Антония (Каржавина) и пытавшийся Распутина-таки за его хлыстовство засудить. Именно Евсевию слали донесения клирики села Покровского, наблюдавшие за подозрительным земляком и тщательно фиксировавшие все его передвижения и встречи. Евсевий готовился завершить дело неблагоприятным для Распутина заключением, однако в апреле 1912 года он был из Тобольска переведен на Псковскую кафедру,

которую до этого занимал Алексий, и очередное донесение пришло на имя нового епископа:

«Епископу Тобольскому и Сибирскому Алексию.

Рапорт

Во исполнение приказаний, данных бывшим Преосвященным Тобольским Епископом Евсевием о ежемесячно предоставлении сведений о местожительстве и действиях крестьянина слободы Покровской Григория Распутина, имею честь почтительно доложить о нем Вашему Преосвященству, на основании донесения Покровского причта за июнь месяц, следующее: в начале июня месяца Распутин был дома в селе Покровском. 7 июня к нему приехала на пароходе, шедшем из Тюмени, дочь "Матрона", с нею вместе: жена дворянина Смоленской губ. гор. Поречье Зинаида Леонидовна Манштет и крестьянская девица Акилина Никитина Любчинская, Могилевск. губ., Боровского уезда, проживающая в С.-Петербурге – сестра милосердия. Вскоре Манштет уехала, Любчинская же до сего времени живет в доме Распутина.

20 июня на пароходе из Тюмени к Распутину приехал Преосвященный Епископ Каргопольский Варнава и с ним иеромонах, имеющий награду – золотой наперсный крест.

Гости эти были встречены на пароходной пристани Распутиным, его братцами и сестрами и всей его семьей. Как только показались на пароходе Епископ и иеромонах, Распутин и вся его семья запели Тропарь Пятидесятницы. Встретясь с Распутиным, Епископ благословил его и затем они трижды облобызались, облобызался с Распутиным и о. иеромонах. Благословив остальную братию Распутина, Епископ Варнава и иеромонах сразу же сели на приготовленный экипаж: Епископ Варнава в ряд с Распутиным, а иеромонах напротив – ниже на облучок. Уехали с пристани в дом Распутина братцы и сестры, и семья Распутина также торопливо села на другой экипаж и следом за первым отправилась с пристани в дом Распутина. Гости Распутина Епископ Варнава и его иеромонах ездили и ходили по селу Покровскому вместе с Распутиным, были в гостях у братцев Распутина: Николая, … (неразб.) … Ильи, Александра, а также у местных торговцев, у волостного писаря и начальника почтового отделения.

Но своей братии по священству посещением своим Епископ Варнава и иеромонах не удостоили. Погостив два дня у Распутина, Епископ Варнава и о. иеромонах 22 июня на пароходе отбыли из села Покровского, а с ними и сел Распутин, – в Тюмень, а затем и в Россию. Провожали его на пристани все братцы и сестры, но без пения. Когда народ отошел от пристани, Епископ Варнава вышел на балкон парохода, с него благословлял всех, стоявших на берегу реки братцев и сестер Распутина и других жителей кр. слободы Покровской. Распутин, уехав с Епископом Варнавой в Россию, возвратился оттуда в слободу Покровскую 7 июля, а 10 июля снова отправился на пароходе – до г. Тобольска. Вр. исполняющий обязанности благочинного Священник Александр Киановский. 11 июля 1912 г.».

При чтении этого документа трудно даже понять, против кого он направлен – Распутина или епископа Варнавы, отказавшегося встречаться с местным клиром. Олег Платонов, который приводит в своей книге этот текст, ссылается еще на одно свидетельство. Оно принадлежит иерею Петру Остроумову и датируется маем того же года.

«Распутин совершил кратковременную поездку в Петербург в марте месяце н.г. С 19 числа этого месяца проживает в селе Покровском, занимаясь делами по ведению своего крестьянского хозяйства. Религиозное настроение Распутина, по-видимому, не меняется. На богослужение в церковь он ходит по-прежнему почти неопустительно. На последней седмице Великого Поста он говел, но исповедь его была чисто формальная. В доме у Распутина с января месяца проживала петербургская генеральша Ольга Лахтина (она была и гостила у Распутина и в предшествующие годы), почитательница Распутина с 1905 года. Лахтина на религиозной почве пришла в состояние, близкое к невменяемому, и открыто называла Распутина Богом и выражала настойчивое желание, чтобы и другие верили в божественность Распутина, грозя за неверие Божьей карой.

Около 23 или 24 числа апреля Лахтина от Распутина из Покровского уехала. Как слышно было, из-за каких-то неприятностей, вышедших у нее с женой Распутина. Распутин говорил, что он собирается в мае месяце ехать в Петербург. Как выяснилось, в Петербург Распутин не поехал, но 17 мая на пароходе "Ласточка" выехал в Тобольск для следования на богомолье в Абалакский монастырь… (неразб.)… Вместе с сим… сведения… посланы были брошюры, изданные Распутиным: 1.

"Великие дни Торжества в Киеве", которая есть у Епархиального начальства и 2. "Благочестивые размышления". Последняя брошюра была мною получена по усиленной просьбе и только в одном экземпляре, каковой я и предоставляю Преосвященнейшему Евсевию – экземпляра этой брошюры у меня на руках нет – и пока достать не могу; Распутин дает ее только избранным».

Алексию надлежало решить, что со всеми этими материалами делать и какие меры принимать. Однако еще прежде, чем его слово было произнесено, Распутин в Петербурге несколько раз встречался с исследователем русского сектантства и соратником В. И. Ульянова-Ленина В. Д. Бонч-Бруевичем. Эти встречи носили характер своеобразной научной экспертизы, призванной ответить на вопрос: сектант Григорий или не сектант?

«Обратились с этой целью к известному знатоку русского сектантства Бонч-Бруевичу, тому самому, который впоследствии объявился убежденным большевиком и стал управляющим делами совета народных комиссаров. Бонч-Бруевич, через посредство баронессы В. И. Икскуль, охотно познакомился с Распутиным, вел с ним продолжительные беседы на различные темы, причем выказал к нему некоторую симпатию. Результат своего знакомства с Распутиным и его религиозными воззрениями Бонч-Бруевич доложил в собрании членов октябристской партии. Пришел он к тому выводу, что ни к какой определенной секте Распутин не принадлежит и в состав ее не входит, но ближе всего его взгляды подходят именно к хлыстовству. Доклад Бонч-Бруевича был, однако, в общем для Распутина благоприятным», – писал Гурко, и эта связь Бонча с октябристами и Гучковым не менее существенна, чем его членство в РСДРП.

Известен и отзыв самого Бонч-Бруевича:

«Познакомившись с Г. Е. Распутиным-Новым и проведя много времени в ходе семи исчерпывающих с ним разговоров, считаю своим моральным долгом высказать свое мнение по вопросу, является ли Распутин сектантом, тем более, что этот вопрос был затронут, хотя и не прямо, в интерпелляции в государственной Думе и в некоторых выступлениях депутатов при обсуждении бюджета св. Синода. Строго ограничиваясь упомянутым выше вопросом, я заявляю, что Григорий Ефимьевич Распутин-Новый является типом православного крестьянина из далекой и отсталой, провинциальной России и не имеет ничего общего ни с каким сектантством. Будучи более осведомленным о

догматической стороне доктрины православия, чем это наблюдается среди крестьян, и зная библию и евангелие значительно хуже, чем большинство сектантов, Григорий Ефимьевич признает все таинства, ритуалы и догмы православной церкви именно так, как они толкуются в православии, без малейших отклонений или критики. Он считает, что было бы чрезвычайно грешно и безнравственно даже обсуждать такие вопросы, ибо, как он сказал мне, "нечего мирянину обсуждать вопросы, установленные самим Господом"».

И в заключение: «Исходя из широких личных наблюдений над сектантами и из обстоятельного знакомства с их методами мышления, методами рассуждения, толкования веры, обдумывания и из ряда почти неопределимых подробностей, основываясь на тщательном изучении всего, что до сих пор было написано о Г. Е. Распутине-Новом, включая последнюю брошюру Новоселова, исходя, наконец, из длительных личных собеседований с Распутиным, которые велись в присутствии свидетелей, равно как и строго конфиденциально, при которых я умышленно пытался добиться полной ясности и точности в отношении его религиозных верований, я считаю своим долгом открыто заявить, что Г. Е. Распутин-Новый является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом… Владимир Бонч-Бруевич. Петербург».

Вопрос о том, доверять или нет заключению Бонч-Бруевича, решается в зависимости от того, какую цель преследует тот или иной современный автор. Апологеты Распутина, которые всегда подчеркивают, что недруг Распутина Илиодор продался после революции большевикам, а другой гонитель генерал Джунковский сотрудничал одно время с ЧК, факт многолетней принадлежности Бонч-Бруевича к самой верхушке большевистской партии очень изящно выносят за скобки как незначительный. Для них Бонч – просто крупный специалист, ученый и очень чуткий человек.

«Известный исследователь русских религиозных движений В. Д. Бонч-Бруевич считал Григория Распутина одной из самых ярких личностей своей эпохи, – с умилением пишет О. Платонов. – Передавая свои впечатления от встреч с Распутиным, ученый, в частности, рассказывал: "Много мне приходилось видеть восторженных людей из народной среды, ищущих чего-то, мятущихся, 'взыскующих града', куда-то стремящихся, что-то строящих и разрушающих, но Г. Е. Распутин какой-то другой, на нас непохожий. Не имея никакой политической точки зрения, он что-то стремится сделать. Для кого?..

'Для народушка жить нужно, о нем помыслить…' —любит говорить он"».

Напротив, критики Распутина принадлежность Бонч-Бруевича к большевикам всячески подчеркивают и говорят о фальсификации его выводов на том основании, что Бонч-де не желал, чтобы Распутин исчез со сцены и из рук левых партий было выбито мощное оружие против монархии. Наиболее сжато сформулировал эту точку зрения исследователь Февральской революции Г. М. Катков.

«Было бы несправедливо по отношению к Бонч-Бруевичу предположить, что его заключения диктовались соображениями низменного "буржуазного объективизма" или уважением к фактам. Вся его предыдущая деятельность по организации подпольной большевистской прессы, то, что он делал в февральские дни, при Временном правительстве и в первые годы правления большевиков, показывает, что политические соображения были первостепенны в любом поступке, который Бонч-Бруевич считал "своим моральным долгом". В данном случае цель его поручительства вполне ясна. Распутиным пользовались в думских речах, чтобы подорвать престиж престола. Маневр Гучкова, который в качестве предлога воспользовался памфлетом Новоселова, имел исключительный успех. Связь с Распутиным становилась ахиллесовой пятой самодержавия. Но ярость атаки стала беспокоить сторонников режима, и они попытались покрыть ущерб, причиняемый присутствием во дворце "божьего человека". Обвинение в неправославии было мощным и, может быть, единственным средством добиться устранения Распутина. А с его устранением все те, кто только и выискивал, к чему бы прицепиться, чтобы ударить по режиму, лишались самого безотказного оружия. Но в этот момент в дело вмешался (в качестве независимого и вполне объективного ученого) верный друг Ленина, и именно он составил наиболее обстоятельный доклад, в котором говорилось, что обвинения в неправославии, направленные против Распутина, вызваны злобным желанием растоптать "человека из народа", простого крестьянина, который сумел найти доступ к царю. И уловка Бонч-Бруевича, как и во многих других случаях, сработала…

Стоит добавить еще один штрих, показывающий, как тесно смыкались усилия всех тех, кто добивался падения Николая II. В опубликованных посмертно воспоминаниях Гучкова упомянуто, что именно он, Гучков, свел Бонч-Бруевича с Распутиным благодаря посредничеству некоей дамы, которая перед тем предлагала представить Распутина Гучкову. Встреча состоялась сперва в гостиной этой дамы, а потом в более конфиденциальной

обстановке. Гучков сообщает, что через несколько недель Бонч-Бруевич написал ему письмо, "в котором он сообщал мне, что пришел к заключению, что Распутин не просто проходимец, нацепивший маску сектанта, а несомненный сектант, что, конечно, не мешает ему быть одновременно и проходимцем. По духу своего учения он близок к секте хлыстов, но не принадлежит к ней и является сектантом-одиночкой". Нам нет надобности прилагать дальнейшие усилия и выяснять, кто прав – Бонч-Бруевич или Гучков. Важно, что на деле вмешательство Бонч-Бруевича сослужило службу антицарской агитации, которая была необходима Гучкову в видах будущей политической карьеры».

Так писал Катков. Однако нелишне привести мнение и самого Гучкова: «Потом, когда я ознакомился с личностью Бонч-Бруевича и с его ролью во время большевиков, я стал задумываться, был ли он искренен в своей беседе со мной, не пришел ли он к тому убеждению, что это явление полезно для них, спекулировавших на разложении старой власти».

Бонч-Бруевич в качестве исполнителя секретного ленинского плана получается в итоге таким же орудием злой воли, как Гучков или Великий Князь Николай Николаевич. Словом, куда ни кинь – со всех сторон заговор.

На самом деле едва ли Бонч-Бруевич выполнял в вопросе о Распутине чью-то волю, помимо собственной, и прибегал к изощрениям и уловкам. При всем своем большевизме он был опытным специалистом, общался с самыми разными сектантами, хорошо изучил эту публику, знал настоящих хлыстов и видел, что хлыстом Распутин не был. Сибирский мужик, затронувший интересы стольких людей, мог быть сколь угодно развратен, лукав, хитер, но религиозным сектантом в строгом смысле этого слова не являлся, что Бонч-Бруевич и зафиксировал и доложил членам партии октябристов. А насчет письма Гучкову, то, во-первых, где это письмо, а во-вторых, если оно и было, не факт, что Бонч был искренен в письме и лицемерил в своем официальном заключении, а не наоборот. Во всяком случае известному генералу А. С. Лукомскому он говорил, что Г. Е. Распутин – не сектант. Да и на экземпляре нелегально распространявшейся книги Новоселова «Григорий Распутин и мистическое распутство» Бонч-Бруевич неслучайно написал: «Многое из сообщенного в брошюре, по тщательной проверке, оказалось ложью, многое крайне преувеличено. Вл. Бонч-Бруевич. СПб., 17 августа 1912 г.». Так что как бы ни хотелось привлечь Ленина и его соратников к делу о непосредственном использовании Распутина в партийных целях, это было бы натяжкой, а Гучков в своих устных рассказах, по-видимому,

просто стремился к тому, чтобы снять с себя всякую ответственность за то, что он натворил во время анти-распутинской кампании зимой-весной 1912 года.

В том же 1912 году Распутина посетил в Покровском известный московский священник и миссионер протоиерей Иоанн Восторгов, который назвал Распутина «истинным христианином», о чем сообщил 8 августа 1912 года «Вестник Западной Сибири». Так была подготовлена «церковная реабилитация» Распутина, окончательно закрепленная заключением епископа Алексия (Молчанова), который официально закрыл начатое Тобольской консисторией в 1907 году дело о принадлежности Распутина к секте хлыстов.

«Заключение Тобольской духовной консистории о принадлежности Распутина к секте хлыстов. 29 ноября 1912 г.

По вопросу о принадлежности крестьянина слободы Покровской Тюменского уезда Тобольской губ. Григория Распутина-Новаго к секте хлыстов.

Преосвященный Алексий Епископ Тобольский, ныне почивший Экзарх Грузии, основательно изучил следственное дело о Григории Новом. Проезжая по Тюменскому уезду для обозрения церквей епархии, он останавливался в слободе Покровской и подолгу здесь беседовал с кр. Григорием Новым о предметах его веры и упования, разговаривал о нём с людьми его хорошо знающими дал ему возможность быть дважды у себя в Тобольске и здесь испытывал его религиозные убеждения. Из всего вышеуказанного Преосвященный Алексий вынес впечатление, что дело о принадлежности крестьянина Григория Распутина-Новаго к секте хлыстов возбуждено в свое время без достаточных к тому оснований и со своей стороны считает крестьянина Григория Новаго православным христианином, человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается.

В дополнение к своим личным впечатлениям по сему делу Преосвященный Алексий предложил причту слободы Покровской церкви доставить ему точные, подробные и верные сведения о жизни, деятельности и учении кр. Григория Новаго. Причт донес, что ни в обстановке – домашней и усадебной, ни в образе жизни крестьянина Григория Новаго и его семьи ему, причту, не приходилось наблюдать, видеть и слышать что-либо такое, что указывало бы на принадлежность крестьянина Григория Новаго к хлыстовству. По донесению того же причта, Григорий Новый заботится о своем приходском храме. Так, он пожертвовал 500 рублей на построение храма в слободе Покровской, пожертвовал

в приходский храм серебряный, 84% золочёный напрестольный крест, четыре серебряных вызолоченных лампады и приложил к чтимой иконе Спасителя массивный настольный золотой крест.

Передав это донесение еп. Покровского причта Тобольской духовной консистории, он, с сообщения своих личных наблюдений и исследований о кр. Григории Новом, в связи с новыми данными и доложил консистории, которая протокольным определением от 29 ноября 1912 года постановила: "Принимая во внимание, что вопрос о принадлежности кр. слоб. Покровской Григория Распутина-Новаго к секте хлыстов внимательно рассмотрен Его Преосвященством Преосвященнейшим Алексием, Епископом Тобольским и Сибирским по данным следственного дела, на основании личного наблюдения кр. Григория Новаго и на основании сведений, полученных о нем от людей хорошо его знающих, и что по таким личным обследованиям этого дела Его Преосвященство считает кр. Григория Распутина-Новаго православным христианином, человеком духовно настроенным и ищущим правды Христовой – дело о кр. ел. Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить оконченным". Такое определение консистории Преосвященным Алексием того же 29 ноября утверждено».

В приложении к докладу митрополита Ювеналия на Архиерейском соборе 2004 года этот документ комментируется следующим образом: «Затем уже в 1912 г. дело было начато вновь, но в конце того же года новый епископ Тобольский Алексий (Молчанов) его окончательно закрыл, признав Г. Распутина "православным христианином, человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается". Готовность закрыть дело о хлыстовстве Г. Распутина, проявленная именно епископом Алексием (Молчановым), отнюдь не представляется случайной. Согласно сообщению директора канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода В. Яцкевича, переведенный с Таврической кафедры за связь с женщиной в Псковскую епархию епископ Алексий покровительствовал там местной секте иоаннитов. Это покровительство стало причиной перевода епископа Алексия в Тобольск, который он надеялся покинуть по протекции Г. Распутина. В следующем году владыка Алексий стал экзархом Грузии, четвертым по значению архиереем в русской церковной иерархии, а Тобольскую кафедру занял известный почитатель Г. Распутина епископ Варнава (Накропин). Между тем далеко не все разделяли мнение владыки Алексия. Так, митрополит Антоний (Храповицкий) в своем письме к патриарху Тихону в 1923 г. прямо называл Г. Распутина хлыстом.

Причем, судя по письму, он не сомневался в том, что патриарх соглашался с такой оценкой».

При всем уважении к авторам этого текста, следует заметить, что их рассуждения представляются несколько упрощенными и доверчиво повторяющими то, что было изложено следователем ЧСК Смиттеном, настроенным предвзято по отношению не только к Распутину, но и к дореволюционному епископату в целом. Развратный епископ, покровитель сектантов, дабы сокрыть свои темные дела, покрывает такого же развратного сектанта и получает за это четвертую по значению кафедру?

Может быть, все так и было, но о владыке Алексии существует иное мнение, и вообще его биография (равно как и биография его тезки и также «распутинца» епископа Алексия (Кузнецова) – автора книги о юродивых) не исчерпывается лишь теми фактами, которые сообщены в официальном документе.

Монахом Алексий стал неожиданно. До этого его судьба была судьбой обыкновенного провинциального иерея: окончил Вятскую духовную семинарию, женился, был рукоположен в сан, благодаря удачному стечению обстоятельств получил возможность посещать лекции в Казанской духовной академии[41], работал законоучителем в различных гимназиях (в одной из них среди его учащихся был протоиерей Валентин Свенцицкий, на которого молодой священник оказал очень большое влияние).

В 1897 году умерла его жена. «Это обстоятельство перевернуло весь строй жизни о. Алексия – его помыслы обращались к монашеству, но принять постриг никак не решался, не надеясь на свои силы, по его мнению, недостаточные для такого великого подвига. Но "на горе стоящи" знали лучше самого о. Алексия его годность к иноческому служению, – сообщается в его биографии. – Как-то вечером он получил приглашение архиепископа Казанского немедленно явиться к нему. Архиепископ встретил меня, вспоминал о. Алексий, неожиданным приказанием: "Завтра ты принимаешь пострижение". "Постриг был совершен так быстро, что я не имел времени сделать себе монашескую мантию и клобук. И то, и другое подарил владыка". 4 сентября 1899 г. в крестовой церкви Вознесения Господня, что при загородном архиерейском доме, о. Алексий архиепископом Арсением был пострижен в иночество, и 7 сентября того же года был назначен ректором в Казанскую Духовную семинарию, крайне взбудораженную, после управления доброго и честного, но в то же время пылкого и неустойчивого бывшего в ней ректора. Достаточно было годичного тихого и ровного управления о. Алексия семинарией, чтобы в ней все успокоилось».

Еще несколько времени спустя Алексий был хиротонисан в епископа Чистопольского и назначен ректором Казанской духовной академии. Это была та самая Академия, где бывал в 1903—1904 году Распутин и произвел на ее учащихся очень сильное и благоприятное впечатление. О том факте, что Распутин появился в Академии, ректором которой был епископ Алексий, никто из биографов крестьянина не писал, хотя предположение о том, что Алексий мог помнить Распутина и поэтому заинтересовался его делом, представляется вполне логичным. А в Казани, как следует из уже цитировавшихся воспоминаний епископа Тихона (Троицкого), с Распутиным все было «all right».

С 26 марта 1905-го по 5 ноября 1910 года Алексий занимал Симферопольскую кафедру, на которой его сменил не кто иной, как епископ Феофан (Быстрое). Перевод во Псков из Симферополя, где на богослужениях владыки присутствовала Царская Семья, был, безусловно, понижением. И пускай даже причиной тому была связь с женщиной, однако с «сектантством» епископа не все так однозначно. Покровителем сектантов, «безобразным по телу, а еще более по душе», «жестоким, неверующим духовным лицом» называл епископа Алексия небезызвестный Илиодор, в чьих устах логика таких поступков очевидна: покровитель хлыстов, развратный и жадный человек помог такому же развратному и жадному хлысту. Однако в современной биографии Алексия о его пребывании в Псковской епархии говорится иначе: «Неоспорим тот факт, что епископ Алексий был удален с Псковской кафедры в Тобольск вследствие вскрытия в Пскове иоаннитов, но это вовсе не означает, что преосвященный ради корысти дал возможность развиваться иоаннитам в Воронцовском Благовещенском монастыре. Иоанниты сами по себе представляли секту, а сектанты, в большинстве случаев – люди скрытые и вполне возможно, что они не были замечены епископом Алексием именно потому, что держали свое учение в тайне. Возможно, что епископ Алексий, как простодушный человек, принимал какие-нибудь подарки от иоаннитов, не замечая за последними худых намерений, и сам не имел при этом никакой корыстной цели. А на благотворительность в целях прикрытия самих себя сектанты, как известно, очень способны».

Таким образом, епископ Алексий предстает в различных источниках человеком либо излишне простодушным и доверчивым, либо, напротив, очень хитрым и быстро сообразившим, какую выгоду можно из Тобольской епархии извлечь.

В пользу второго варианта приводит аргументы С. Фирсов:

«Слухи о близости "старца" к епископу Алексию отмечали и составители официальной справки о Распутине, вероятнее всего подготовленной чинами департамента полиции в первой половине 1913 г. Из документа следовало, что родной брат владыки Алексия отец Николай Молчанов в марте 1913 г. получил назначение священником в село Покровское, где диаконом состоял муж племянницы епископа; оба постоянно посещают дом Распутина. Таким образом, причт Покровского перестал быть опасен Григорию – теперь там служили преданные ему люди.

Уже эти факты говорили о степени влияния "старца", сумевшего с помощью "верного" архиерея закрыть дело и, вероятнее всего, протежировавшего владыке при назначении экзархом. Однако чины департамента полиции, равно как и канцелярия Святейшего Синода, прекрасно знали, что вопрос о сектантстве нельзя считать закрытым. Так, по словам С. П. Белецкого, директор канцелярии Святейшего Синода В. И. Яцкевич секретно передавал ему сведения, из которых следовало, что Распутин был сектантом и тяготел к хлыстовщине. Об этом в свое время (т. е. во время официально тяготевшего над Распутиным обвинения) сообщал церковный причт села Покровского. Но "переписка эта своего дальнейшего развития не получила и только повлекла за собою перемену причта и назначение, взамен его, нового духовенства, которое, благодаря влияниям Распутина, было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкой и покровительством и считало Распутина преданным Церкви", – вспоминал Белецкий».

Ко всему этому можно было бы добавить, что перевод Евсевия из Тобольска во Псков мог объясняться тем, что епископ готовился довести дело своего предшественника Антония (Каржавина) до конца и отдать Распутина под суд, и его так же, как Антония, перевели с повышением из Сибири в Россию, с тем чтобы этому воспрепятствовать. Строгих доказательств такого рода договоренностей нет. Фактом является то, что благодаря епископу Алексию Распутин был реабилитирован, а Алексий вскоре после этого назначен по воле Государя экзархом Грузии, стал архиепископом и членом Святейшего синода – то ли за участие в судьбе Распутина, то ли за свои действительные заслуги.

Следователь Смиттен, ссылаясь на показания обер-прокурора В. К Саблера, пишет о несомненном участии Распутина в этом деле, причем посредником выступил сын епископа Леонид Молчанов, с которым Распутин познакомился на пароходе по дороге в Тобольск. «Между епископом Алексием и его сыном

Леонидом Молчановым, с одной стороны, и Распутиным – с другой стороны, возникли самые дружеские отношения, и Распутин охотно вызвался помочь епископу Алексию. В августе 1913 г. скончался экзарх Грузии Иннокентий. Хотя опальный епископ Алексий ни в коем случае не мог бы сам по себе рассчитывать на подобного рода высокое назначение, тем не менее его сын Л. Молчанов решил просить Распутина о назначении отца экзархом Грузии. <…> "Когда я вошел к нему в каюту, он меня встретил словами: 'А ваши кандидаты все провалились, выбор остановился на Тобольском епископе Алексии'. Я позволил себе решительно возразить, заявив, что он не обладает теми нравственными качествами, которыми подобает обладать экзарху, и что, наконец, он живет с учительницей Елизаветой Кошевой, которая повсюду ездит с ним и последует за ним в Тифлис, и скомпрометирует его в глазах местного населения <…> но Государь сказал, что экзархом должен быть назначен Алексий, почему это назначение и состоялось"», – показывал Саблер на следствии в 1917 году, но на следствии часто стремятся выгородить себя и потопить другого, особенно если того уже нет в живых.

«…главной причиной его назначения на Карталинскую кафедру в качестве Экзарха, как нам кажется, была его преданность к "царствующему дому", которая особенно видна из его проповеди, произнесенной по случаю манифеста 1905 года, – пишут авторы биографии Алексия. – Период, в который был назначен епископ Алексий Экзархом Грузии, был периодом революционного брожения в Грузии. Вот туда-то и нужно было, по мысли "царствующего дома", назначить такого иерарха, который отличался бы преданностью государственной власти и имел незаурядные способности. Таким-то иерархом и явился епископ Алексий, который и был назначен в сане архиепископа на кафедру Карталинскую в качестве Экзарха Грузии.

Будучи епископом Тобольским, Преосв. Алексий, подобно своему предшественнику архиепископу Антонию, трудился для прославления святителя Иоанна Максимовича. Он всенародно молился, да сподобит Господь Тобольск и Россию петь не "Вечную память", а "Величаем тя, святителю отче Иоанн". Это предсказание Преосвященного Алексия через несколько лет исполнилось».

С. В. Фомин в книге «Последний царский святой» приводит выписки из заметок одного из русских архиереев (имени которого он не называет): «А почему наместник остановился именно на Алексии Тобольском, то Саблер объясняет тем, что об Алексии много говорил наместнику покойный экзарх, выставляя его жертвою гонения обер-прокурора, что он достойный человек,

бывший ректор Академии. А тут еще при погребении экзарха Преосвященный Алексий сказал речь, "немудреную, правда", но понравившуюся присутствовавшим при погребении трем дочерям наместника, речь эту потребовала себе жена наместника, "с давних пор ненавистница Обер-прокурора", ей она тоже понравилась, и вот результатом всего этого и явилась рекомендация наместника не "обер-прокурорских" кандидатов, а Преосвященного Алексия, которого он до сих пор не знал».

О влиянии Распутина, как видим, ни слова…

Однако занимать Грузинскую кафедру новому архиерею долго не пришлось. Полгода спустя после своего назначения, 20 мая 1914 года, Алексий скончался. Похоронили его в родном селе в Вятской губернии. Как пишет в одной из своих книг уроженец Вятки писатель Владимир Крупин, когда после революции могилу архиепископа хотели разорить, один из ее осквернителей обезножил.

В том же, 1914 году в Твери, в воскресенье на Крестопоклонной неделе Великого поста, отслужив литургию, преставился епископ Антоний, начавший расследовать принадлежность Распутина к хлыстовской секте. Алексий пережил его на два месяца. Так, по воле Божьей, почти в одно и то же время не стало того, кто дело о хлыстовстве опытного странника открыл, и того, кто его закрыл.

А Григорий Распутин-Новый меж тем вершил свой путь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Несчастье в Беловежской Пуще. Лирика и физика. Врачеватель и гипнотизер. Спасение Вырубовой. Рассказ Тэффи. Царский дневник. Большая политика. Отставка Коковцова. Балканский кризис 1912 года. Основной инстинкт

Лето 1912 года Распутин провел в Покровском. Существует предположение, что на этот раз его летние каникулы могли затянуться, так как полиция имела предписание воспрепятствовать его приезду в Петербург, но история России была обречена идти по одной дороге с опытным странником. В сентябре во время пребывания Царской Семьи в Беловежской Пуще случилось несчастье с царевичем Алексеем. Мальчик упал, и вскоре у него началось сильное внутреннее кровоизлияние в паху. В октябре стало казаться, что произойдет непоправимое.

«…три недели он находился между жизнью и смертью, день и ночь кричал от боли; окружающим было тяжело слышать его постоянные стоны, так что иногда, проходя его комнату, мы затыкали уши, – вспоминала Вырубова. – Государыня все это время не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживая у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку с поднятой ножкой, часто без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом долго не мог выпрямить. Крошечное, восковое лицо с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный.

Как-то раз, войдя в комнату сына и услышав его отчаянные стоны, Государь выбежал из комнаты и, запершись у себя в кабинете, расплакался. Однажды Алексей Николаевич сказал своим родителям:

"Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник"».

Газеты печатали официальные бюллетени о состоянии здоровья Наследника. В церквях шли молебны. Распутин был в эту пору в Покровском. Вырубова по просьбе Государыни отправила в Сибирь телеграмму с просьбой о помощи.

О том, что произошло дальше, существует художественный рассказ писателя Анри Труайя, который опирался на воспоминания Матрены Распутиной:

«Распутин получил депешу в тот же день, в полдень. Он сидел в кругу семьи за столом. Старшая дочь Мария прочитывает ему телеграмму. Немедля он встает, проходит в залу, где висят самые почитаемые иконы, и велит Марии следовать за ним: "Голубка

моя, надо совершить очень важное таинство. Пусть это удастся… Ничего не бойся и не разрешай никому сюда входить… Если хочешь, можешь остаться, но молчи и не мешай. Молча молись, про себя!" Бросившись на колени, он кричит: "Излечи своего сына Алексея, если это в твоей власти. Отдай ему мои силы, Господи, пусть они помогут ему излечиться!" В этот момент лицо его начинает светиться, он не чувствует себя, обильный пот заливает лоб и щеки. Он задыхается от неимоверных усилий и падает как подкошенный. Подтянул ногу к животу, другая выпрямлена. "Как будто он испытывал ужасную агонию, – вспоминала Мария. – Я думала, он умирает. Не знаю, сколько прошло времени, он открыл глаза и улыбнулся". Он освободил ребенка, взяв на себя его боль по воле Божьей. Распутин пошел на почту и отправил телеграмму: "Болезнь не такая уж страшная. Не дай врачам изгаляться!"»

Это только художественная проза. Не склонный к лирике Андрей Амальрик описал то же самое суше и лаконичнее, ссылаясь на воспоминания очевидцев:

«На следующее утро, вспоминает Мосолов, они с бароном Фредериксом "узнали, что в апартаментах императрицы и наследника царит большое волнение. Государыня получила телеграмму от Распутина, сообщавшего, что здоровье Цесаревича исправится и что он вскоре освободится от страданий… В два часа врачи пришли опять ко мне, и первое, что они сказали, было, что кровотечение у цесаревича остановилось. По словам императрицы, это было уже не в первый раз, когда старец спасал жизнь наследника".

Телеграмма не сохранилась[42], но общий смысл был тот, что наследник не умрет, болезнь не так страшна, пусть только доктора его не слишком беспокоят. Мэсси пишет, что с медицинской точки зрения это был разумный совет, хлопоты вокруг наследника и истерия самой Александры Федоровны создавали напряжение, уже само по себе губительное. Вызванное телеграммой успокоение царицы передалось и мальчику.

21 октября Николай II послал успокоительное письмо матери, 24-го возобновил охоту на оленей. 2 ноября был напечатан последний бюллетень, а 5-го семья вернулась в Царское Село. Если на время царица и усомнилась в Распутине, то отныне уже никто и никогда не мог поколебать ее веры в святость и могущество "старца"».

Это повторялось не раз.

«Я помню хорошо, как в 1913 году, под конец Романовских торжеств, в Москве, одна из свитных фрейлин, известная своим враждебным отношением к Распутину и утратившая, по этой

причине, свое положение при Дворе, рассказывала мне, что она присутствовала однажды при разговоре врачей, во время одного из наиболее сильных припадков гемофилии, когда они были бессильны остановить кровотечение. Пришел Распутин, пробыл некоторое время у постели больного, и кровь остановилась. Врачам не оставалось ничего иного, как констатировать этот факт, не углубляясь в то, было ли это случайное явление, или нужно было искать какое-либо иное объяснение ему.

На этой, а не на какой-либо иной почве посещения "старца" учащались, не доходя, однако, никогда до той повторяемости, о которой говорили в городе и разносили праздные пересуды», – писал Коковцов.

Следователь Н. А. Соколов, посвятивший много места в своей книге анализу исцеляющих способностей Распутина, высказал свою версию:

«Лжемонархисты распутинского толка пытаются ныне утверждать, что Распутин "благотворно" влиял на здоровье Наследника. Неправда. Его болезнь никогда не проходила, не прошла, и он умер, будучи болен.

Можно, конечно, бессознательно для самого себя обмануть больную душу матери один-два-три раза. Но нельзя этого делать на протяжении ряда лет без лжи перед ней и перед самим собой.

Лгать помогала Распутину сама болезнь Наследника. Она всегда была одна: он начинал страдать от травмы или ушиба, появлялась опухоль, твердела, появлялись параличи, мальчик испытывал сильные муки.

Около него был врач Деревенько. Наука делала свое дело, наступал кризис, опухоль рассасывалась, мальчику делалось легче.

Состояние матери понятно. Веря в Распутина, она в силу целого комплекса психопатологических причин весь результат благополучного исхода относила не к врачу, а к Распутину.

Но каким же образом на одной вере матери держался Распутин столько лет?

Ложь Распутина требовала помощников. При безусловной честности врача Деревенько, в чем я глубоко убежден, ему необходимо было, чтобы во дворце был или его соучастник, или полное орудие его воли, неспособное смотреть на вещи глазами нормального человека, от которого он в любую минуту мог бы получить нужные ему сведения, а около него, невежественного человека, был бы врач.

Так это и было.

Во дворце был его раб – Анна Александровна Вырубова.

В нашей следственной технике никогда не следует упускать

из вида деталей. Они часто помогают понять истину.

Был болен ребенок и его мать. В такой обстановке Распутину нужна была во дворце скорее всего женщина. Так это и было.

При развратности своей натуры и истеричности Вырубовой Распутину ничего не стоило бы сделать ее жертвой своих вожделений. Он не делал этого, так как понимал, что он может утратить если не свое положение, то Вырубову, нужную ему. <…>

Большая близость была между Распутиным и врачом Бадмаевым. Князь Юсупов, выведывая Распутина, вел с ним большие разговоры на эти темы. Много порождают они размышлений о таинственном докторе, незаметно исчезнувшем с горизонта тотчас же после революции. Юсупов утверждает, что в минуты откровенности Распутин проговаривался ему о чудесных бадмаевских "травках", которыми можно было вызывать атрофию психической жизни, усиливать и останавливать кровотечения.

Жильяр говорит: "Я убежден, что, зная через Вырубову течение болезни (Наследника), он, по уговору с Бадмаевым, появлялся около постели Алексея Николаевича как раз перед самым наступлением кризиса, и Алексею Николаевичу становилось легче. Ее Величество, не зная ничего, была, конечно, не один раз поражена этим, и она поверила в святость Распутина. Вот где лежал источник его влияния".

Занотти показывает: "Я не могу Вам сказать, каково было влияние на здоровье Алексея Николаевича в первое посещение Распутина, но в конце концов у меня сложилось мнение, что Распутин появлялся у нас по поводу болезни Алексея Николаевича именно тогда, когда острый кризис его страданий уже проходил. Я, повторяю, в конце концов это заметила".

Потом Распутин пошел дальше лжи. Став необходимостью для больной Императрицы, он уже грозил ей, настойчиво твердя: Наследник жив, пока я жив. По мере дальнейшего разрушения ее психики он стал грозить более широко: моя смерть будет Вашей смертью».

Примечательно, что почти те же предположения высказывал публицист П. Ковалевский, чья книга о Распутине была опубликована в 1923 году не в белом Париже, но в красной Москве:

«Когда по настоянию Коковцова Распутин был удален из дворца, Алексей снова заболел. И доктора не могли найти причин и не знали средства прекратить эти болезненные явления. Выписывался снова Распутин. Он возлагал руки, делал пассы, и болезнь через несколько времени прекращалась.

Эти махинации устраивались Вырубовой при содействии

известного доктора тибетской медицины Бадмаева. Бывшего наследника систематически "подтравливали".

В числе средств тибетской медицины у Бадмаева был порошок из молодых оленьих рогов, так называемых пантов, и корень женьшеня. Это очень сильно действующие средства, принятые в китайской медицине <…>

Китайская медицина приписывает измельченным в порошок пантам и корню женьшеня способность подымать силы стариков, омолаживать их в любом отношении. Но порошки пантов и женьшеня, принятые в большом количестве, могут вызывать сильное и опасное кровотечение, особенно у людей, предрасположенных к нему.

Бывший наследник был, как известно, очень предрасположен к кровотечениям. И вот, когда нужно было поднять влияние Распутина или вызвать в случае его удаления новое появление, Вырубова брала у Бадмаева эти порошки и это средство ухитрялась, подмешивая к питью или пище, давать Алексею.

Болезнь открывалась. Пока не возвращался Распутин, наследника "подтравливали". Доктора теряли голову, не зная, чему предписать обострение болезни. Не находили средств. Посылали за Распутиным. Порошки переставали давать, и через несколько времени болезненные явления исчезали. Так Распутин являлся в роли чудотворца. Жизнь и здоровье Распутина связывали с жизнью и здоровьем бывшего наследника».

Таким образом, антисоветски настроенный следователь Соколов смыкался с революционным публицистом Ковалевским, Москва в распутинском вопросе солидаризировалась с Парижем, эмиграция – с метрополией, и вина в обоих случаях возлагалась на тандем отравительницы Вырубовой и развратного злодея Распутина.

Что на это сказать? Версия Соколова опирается на показания людей, которые либо судят о Распутине по вполне понятным причинам предвзято с целью оградить Царскую Семью от малейших подозрений, либо просто не заслуживают, как Юсупов, доверия. Едва ли возможно было обманывать мать так долго, появляясь у постели больного в нужный момент, и уж тем более невозможно представить, чтобы Вырубова была способна, словно злодейка из романов Дюма, подмешивать яд больному ребенку.

Каких бы собак, справедливо или несправедливо, на Григория Распутина ни вешали, в чем бы его ни обвиняли, одного нельзя у него никак отнять – он умел неведомым образом облегчать физические страдания Цесаревича и нравственные муки его родителей.

«1913. 17 июля. В 81/4 Алексея принес Деревенько к нам в

спальню и он провел почти весь день с Алике в кровати, боль у него продолжалась до вечера с небольшими перерывами <…> в 7 час. приехал Григорий, побыл недолго с Алике и Алексеем, поговорил со мною и дочерьми и затем уехал. Скоро после его отъезда боль в руке у Алексея стала проходить, он сам успокоился и начал засыпать», – записывал Государь в дневнике.

«Нюра позвала к телефону: говорят из Царского. Он подходит.

– Что, Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону. – Жест в нашу сторону, чтобы мы молчали. – Ты что, Алешенька, полуночничаешь? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас, ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Спи, спи сейчас. Спи, говорю тебе. Слышишь? Спи.

Через пятнадцать минут опять позвонили. У Алеши ухо не болит. Он спокойно заснул.

– Как это он заснул?

– Отчего же не заснуть? Я сказал, чтобы спал.

– У него же ухо болело.

– А я же сказал, что не болит.

Он говорил со спокойной уверенностью, как будто иначе и быть не могло», – описывала распутинские методы лечения Е. Ф. Джанумова.

Вполне вероятно, что все это происходило за счет гипноза, которым Распутин владел и о чем писали независимо друг от друга начальник Департамента полиции Белецкий, доктор Бадмаев, министр внутренних дел А. Н. Хвостов и многие другие мемуаристы и с чем решительно не соглашалась дочь Распутина: «Никаких приемов гипнотизма отец в действительности не знал. Он как был простым мужиком от рождения, таким и остался до самой смерти. Но он был от природы очень умный и мог говорить о многих предметах. Его воздействие на людей, вероятно, заключалось в том, что он был чрезвычайно силен духовной энергией и верой в Бога».

Однако большинство современников искали причину в ином.

«Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина – Симановича, студента Коммерческого Института, причем все явления болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного», – писал следователь В. Руднев.

«Не подлежит никакому сомнению, что Распутин обладал чрезвычайной магнетической силой, – полагал протопресвитер

Шавельский и предлагал свое объяснение его таинственного дара: – Поклонники и поклонницы указывали источники ее в его необыкновенной вере и святости. Конечно, они ошибались, ибо у Распутина не было ни веры, ни святости подлинного праведника! Серьезнее другое объяснение, что причину ее надо искать не в религиозной, а в физиологической области. Интересно мнение изучающего личность Распутина ученого, профессора-медика К. Он пришел к выводу, что сила Распутина, его необыкновенная, граничащая с прозрением чувствительность, его способность воздействовать на других развились на половой почве, вследствие присущей ему феноменальной половой энергии. Тайну распутинской силы должна раскрыть наука».

Наука Распутиным заниматься стесняется. Но, забегая вперед, приведем еще один выдающийся случай из медицинской практики опытного странника.

В самом начале 1915 года недалеко от Петербурга произошла крупная железнодорожная катастрофа.

«2-го января. Пятница. <…> Узнал, от Воейкова, что в 6 час. по М. В. Р. жел. дор. между Царским Селом и городом случилось столкновение поездов. Бедная Аня, в числе других, была тяжело ранена и около 10 привезена сюда и доставлена в дворцовый лазарет. Поехал туда в 11 час. Родители прибыли с нею. Позже приехал Григорий», – отметил в дневнике Государь.

«Послали за Григорием. Жутко мне стало, но осудить никого не могла, – писала в своем дневнике медсестра царскосельского лазарета Вера Чеботарева. – Женщина умирает, она верит в Григория, в его святость, его молитвы. <…>

Вера Игнатьевна (Гедройц – хирург. – *А. В.)* поставила условием, чтобы Григорий ходил через боковой подъезд, никогда среди офицеров не показывался, чтобы его Акулина-богородица (Лаптинская. – *А. В.)* не смела переступать порога, отделяющего коридор <…> Анна Александровна встретила Григория словами: «Где же ты был, я так тебя звала». <…> Остался дежурить на всю ночь».

«Новый 1915 год начался с большого для Царской семьи горя, – писал в мемуарах генерал Спиридович. – 2-го января друг Государыни, А. А. Вырубова, поехала поездом из Царского Села в Петроград. На шестой версте от столицы поезд потерпел крушение. Несколько вагонов было разбито. Вырубова тяжело ранена. Вытащенная казаком Конвоя Его Величества из-под обломков вагона, она пролежала несколько часов в железнодорожной сторожке и была перевезена в Царское Село. Царица с дочерьми встретила ее на вокзале и перевезла в дворцовый госпиталь.

Туда приехал Государь. Вырубова была без памяти. Ждали смерти и причастили Св. Тайн. Вызвали из Петрограда Распутина. Его провели в палату, где лежала больная. Подойдя к ней и взяв ее за руку, Распутин сказал: "Аннушка, проснись. Погляди на меня". Больная раскрыла глаза и, увидав Распутина, улыбнулась и проговорила: "Григорий, это ты? Слава Богу".

Распутин держал больную за руку, ласково глядел на нее и сказал, как бы про себя, но громко: "Жить она будет, но останется калекой". Эта сцена произвела на всех очень большое впечатление. Впоследствии так и случилось. Анна Александровна не умерла».

Более драматично сцена исцеления Вырубовой была описана Белецким: «…положение ее было признано очень серьезным, и она, находясь все время в забытьи, была уже молитвенно напутствована глухой исповедью и причастием Святых Тайн. Будучи в бредовом, горячечном состоянии, не открывая все время глаз, А. А. Вырубова повторяла лишь одну фразу: "Отец Григорий, помолись за меня!"; но ввиду настроения матери Вырубовой решено было Распутина к А. А. Вырубовой не приглашать. Узнав о тяжелом положении Вырубовой со слов графини Витте и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графиней Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село <…> В это время в палате, где лежала А. А. Вырубова, находились Государь с Государыней, отец А. А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем ни здороваясь, Распутин подошел к А. А. Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно сказал ей: "Аннушка! Проснись, поглядь на меня!" И, к общему изумлению всех присутствующих, А. А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала: "Григорий – это ты? Слава Богу!" Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим, сказал "Поправится!" И шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обморок. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту. Этот рассказ я изложил почти текстуально со слов Распутина, как он мне передавал».

Замечательно прокомментировал последнюю сцену – судя по всему вымышленную – И. В. Смыслов: «Итак, внимание. В житии какого святого, в каком это Патерике мы читали, чтобы подвижник, исцелив кого-либо, падал без сознания, обливаясь потом?! Этот момент встречается в интервью с экстрасенсами (Джуной, например), когда они говорят, что лечение каждого пациента отнимает у них очень много собственной энергии, поэтому они не могут исцелить болезнь за один сеанс или

принять в день большое число людей. В случае с Вырубовой мы видим не исцеление, а экстрасенсорное воздействие и внутреннее напряжение Распутина в момент действия через него бесовских сил. Здесь было типично "кашпировское": "Поглядь на меня", но не было ни слова молитвы, даже имитации молитвы. Ко всему прочему, не было и никакого исцеления. Вырубова лишь пришла в сознание, и только, она на всю жизнь осталась хромой».

А вот как резюмировал сам Белецкий:

«…я ясно представил себе, какое глубокое и сильное впечатление эта сцена "воскрешения из мертвых" должна была произвести на душевную психику высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, в Распутине пребывавших, и упрочить значение и влияние его на августейшую семью. После этого случая Вырубова, как мне закончил свой рассказ Распутин, сделалась "ему дороже всех на свете, даже дороже царей", так как у нее, по его словам, не было той жертвы, которую она не принесла бы по его требованию».

Вырубова писала о своем исцелении скупо и никакого чуда в нем не усмотрела: «Помню, как вошел Распутин и, войдя, сказал другим: "Жить она будет, но останется калекой". <…> Приходил и Распутин. Помню, что в раздражении я спрашивала его, почему он не молится о том, чтобы я меньше страдала».

Впрочем, по мнению Спиридовича, происшествие на железной дороге сыграло исключительную роль в отношениях между Вырубовой и Распутиным и прояснило в этих отношениях очень существенный момент, вводивший в соблазн российскую публику.

«Катастрофа с Вырубовой вернула к ней ослабевшие очень в последнее время симпатии Ее Величества. Катастрофа послужила к сближению подруг, дружба которых приходила к концу. А с возвратом подруги становится ближе ко дворцу и старец Григорий, который, с началом войны, отошел было в сторону и потерял прежнее внимание Их Величеств. Катастрофа пролила и новый свет на отношения между Распутиным и Вырубовой. Было распространено мнение, будто бы они были в близких интимных отношениях. Так говорили кругом. И тем более я был поражен, когда лейб-хирург Федоров сказал мне, что делая медицинское исследование госпожи Вырубовой еще с одним профессором вследствие перелома бедра, они неожиданно убедились, что она девственница. Больная подтвердила им это и дала кое-какие разъяснения относительно своей супружеской жизни с Вырубовым, с которым она была разведена. Это обстоятельство, исключавшее физическую близость между Распутиным и Вырубовой, заставило тогда очень задуматься над сущностью их

отношений».

Однако к известию об исцелении Вырубовой немалая часть общества отнеслась с таким же сожалением, как ровно за полгода до этого к выздоровлению самого целителя, полагая, что смерть Аннушки могла бы принести стране благо, ослабив влияние Распутина. Но вышло иначе, положение крестьянина еще более укрепилось, а его необыкновенные способности нашли новое подтверждение. Однако, по воспоминаниям современников, гипнотической силой Распутин пользовался не только в медицинских целях. Вспомним еще раз фрагмент из мемуаров Коковцова: «Когда Р. вошел ко мне в кабинет и сел на кресло, меня поразило отвратительное выражение его глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они были пристально направлены на меня, и Р. долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же просто изучал меня, видевши меня впервые». Вспомним слова Столыпина в изложении Родзянко: «Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Священного Писания, как-то необычайно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей против меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него…» Или вот свидетельство военного министра Сухомлинова: «Гуляя по перрону взад и вперед, он старался пронизывать меня своим взглядом, но не производил на меня никакого впечатления».

Министр внутренних дел А. Н. Хвостов рассказывал журналисту И. В. Гессену: «Гришка поразительный гипнотизер; на меня вот он не действует, потому что у меня есть какая-то неправильность, что ли, в строении глаз и я не поддаюсь самому усиленному гипнотизму. Но влияние его настолько сильно, что ему поддаются в несколько дней и самые заматерелые филеры; на что уже, знаете, эти люди прошли огонь, воду и медные трубы, а чуть ли не каждые пять дней мы вынуждены менять их, потому что они поддаются его влиянию».

Сразу стоит оговорить, что информация насчет сраженных распутинским гипнозом филеров ни в коей степени не соответствует действительности, но легенда оказалась живуча. Очень яркое свидетельство о попытке загипнотизировать ее приводит в своем мемуаре «Распутин» писательница Надежда Александровна Тэффи:

«…два острых распутинских глаза, подстерегая, укололи

меня.

– Так не хочешь пить? Ишь ты какая строптивая. Не пьешь, когда я тебя уговариваю.

И он быстрым, очевидно привычным, движением тихонько дотронулся до моего плеча. Словно гипнотизер, который хочет направить через прикосновение ток своей воли.

И это было не случайно.

По напряженному выражению всего его лица я видела, что он знает, что делает. И я вдруг вспомнила фрейлину Е., ее истерический лепет: "Он положил мне руку на плечо и так властно сказал…"

Так вот оно что! Гриша работает всегда по определенной программе. Я, удивленно приподняв брови, взглянула на него и спокойно усмехнулась.

Он судорожно повел плечом и тихо застонал. Отвернулся быстро и сердито, будто совсем навсегда, но сейчас же снова нагнулся.

– Вот, – сказал, – ты смеешься, а глаза-то у тебя какие – знаешь? Глаза-то у тебя печальные. Слушай, ты мне скажи – мучает он тебя очень? Ну, чего молчишь?.. Э-эх, все мы слезку любим, женскую-то слезку. Понимаешь? Я все знаю. <…> Вот когда ты придешь ко мне, я тебе много расскажу, чего ты и не знала.

– Да ведь я не приду? – сказала я и опять вспомнила фрейлину Е.

Вот он, Распутин, в своем репертуаре. Этот искусственно-таинственный голос, напряженное лицо, властные слова. Все это, значит, изученный и проверенный прием. Если так, то уж очень это все наивно и просто. Или, может быть, слава его как колдуна, вещуна, кудесника и царского любимца давала испытуемым особое, острое настроение любопытства, страха и желания приобщиться этой жуткой тайне? Мне казалось, будто я рассматривала под микроскопом какую-то жужелицу. Вижу чудовищные мохнатые лапы, гигантскую пасть, но притом прекрасно сознаю, что на самом-то деле это просто маленькое насекомое.

– Не при-дешь? Нет, придешь. Ты ко мне придешь.

И он снова тайно и быстро дотронулся до моего плеча. Я спокойно отодвинулась и сказала:

– Нет, не приду.

И он снова судорожно повел плечом и застонал. Очевидно, каждый раз (и потом я заметила, что так действительно и было), когда он видел, что сила его, волевой его ток не проникает и отталкивается, он чувствовал физическую муку. И в этом он не

притворялся, потому что видно было, как хочет скрыть и эту плечевую судорогу, и свой странный тихий стон.

Нет, все это не так просто. Черный зверь ревет в нем… <…> Рассказывали, что он собирал своих поклонниц, дам из общества, в бане и заставлял, "чтобы сломить дух гордости и научить смирению", мыть ему ноги. Не знаю, правда ли это, но могло бы быть правдой. Там, в этой истерической атмосфере, самая идиотская выдумка могла казаться правдой. Магнетизер ли он?

Мне довелось говорить о нем с человеком, серьезно изучавшим гипнотизм, магнетизм, влияние на чужую волю.

Я рассказала ему о странном жесте Распутина, об этом быстром прикосновении и об судороге, которая корчила его каждый раз, когда он видел, что приказ его не исполнялся.

– Да неужели же вы не знаете? – удивился мой собеседник. – Ведь то прикосновение – это типичный магнетический акт. Это передача волевого тока. И каждый раз, как ток этот не воспринимается, он летит обратно и ударяет магнетизера. Этот ток тем сильнее, чем напряженнее и сильнее была направленная им волна. Вы рассказываете, что он очень долго настаивал, значит, напрягал свою силу. Поэтому обратный ток ударял его до такой боли, что он корчился, стонал. Ему, наверное, было очень тяжело, и он мучительно напрягался победить отпор. Все, что вы рассказываете, – типичный случай магнетического опыта».

В своем ощущении Распутина Тэффи не одинока. Любопытно во всех вышеприведенных свидетельствах то, что и Коковцов, и Сухомлинов, и Тэффи, и Столыпин, и Хвостов, точно сговорившись, ставили себе в заслугу неподвластность черным Григорьевым чарам. А вот насколько была независима от этой гипнотической силы Царская Семья и пытался ли воздействовать на Царя с Царицей Распутин подобно тому, как «гипнотизировал» царевых слуг и популярных русских писательниц, вопрос открытый.

«Я часто слышал споры на тему о том, искренен ли Распутин в утверждении своих сверхъестественных способностей или же он, в сущности, не более как лицемер и шарлатан. И мнения почти всегда разделялись, так как старец полон контрастов, противоречий и причуд. Что же касается меня, я не сомневаюсь в его полной искренности, – писал в дневнике французский посол Морис Палеолог. – Он не обладал бы таким обаянием, если бы не был лично убежден в своих исключительных способностях. Его вера в собственное мистическое могущество является главным фактором его влияния. Он первый обманут своим пустословием и своими интригами; самое большее, что он прибавляет к этому, некоторое хвастовство. Великий мастер герметизма, остроумный

автор "Philosophia sagax", Парацельс, совершенно правильно заметил, что сила чудотворца имеет необходимым условием его личную веру: "Он неспособен сделать то, что считает неисполнимым для себя"… К тому же, каким образом не верил бы Распутин, что от него исходит исключительная сила? Каждый день он встречает подтверждение в легковерии окружающих. Когда, чтобы внушить императрице свои фантазии, он говорит, что вдохновлен Богом, ее немедленное послушание доказывает ему самому подлинность его притязаний. Таким образом, они оба взаимно гипнотизируют друг друга.

Имеет ли Распутин такую же власть над императором, как над императрицей? Нет, и разница ощутительна.

Александра Федоровна живет, по отношению к старцу, как бы в гипнозе: какое бы мнение он ни выразил, какое бы желание ни изложил, она тотчас же повинуется: мысли, которые он ей внушает, врастают в ее мозг, не вызывая там ни малейшего сопротивления. У царя подчинение значительно менее пассивное, значительное менее полное. Он верит, конечно, что Григорий "Божий человек"; тем не менее он сохраняет по отношению к нему большую часть своей свободной воли; он никогда не уступает ему по первому требованию. Эта относительная независимость укрепляется особенно, когда старец вмешивается в политику. Тогда Николай II облекается в молчание и осторожность; он избегает затруднительных вопросов; он откладывает решительные ответы; во всяком случае, он подчиняется только после большой внутренней борьбы, в которой его прирожденный ум очень часто одерживает верх. Но, в отношениях моральном и религиозном, император глубочайшим образом подвергается влиянию Распутина; он черпает отсюда много силы и душевного спокойствия, как признавался недавно одному из своих адъютантов Д., который сопровождал его во время прогулки.

– Я не могу себе объяснить, – говорил он ему, – почему князь Орлов высказывал себя таким нетерпимым по отношению к Распутину; он не переставал говорить мне об нем плохое и повторять, что его дружба для меня гибельна. Совсем напротив… Итак, слушайте: когда у меня бывают заботы, сомнения, неприятности, мне достаточно поговорить в течение пяти минут с Григорием, чтобы почувствовать себя тотчас же уверенным и успокоенным. Он всегда умеет сказать мне то, что мне необходимо услышать. И впечатление от его добрых слов остается во мне в течение нескольких недель».

Это свидетельство можно было бы отнести на счет легенды о слабоволии Государя и общеизвестной лживости Палеолога («Дорогой Ники, что я могу сказать тебе о французе Палеологе, –

предупреждал Великий Князь Николай Михайлович Государя, – этот господин вносит смущение всюду, где может, болтает бессмыслицу в разных гостиных и вместо того чтобы быть деятельным представителем нашего друга Франции, думает только о своей карьере и собственной шкуре, поэтому доверять ему нельзя»), но в данном случае косвенно оно подкрепляется выписками из дневника самого Императора, да и частота встреч Царской Четы с Распутиным говорит о том, что и Государь, и Государыня ценили общество этого наделенного загадочными способностями человека и никаких негативных эмоций и тревожных чувств в его присутствии не испытывали.

«В 4 часа приняли доброго Григория, кот. остался у нас час с 1/4».

«Григорий приехал к нам и побыл больше часу».

«В 4 с 1/2 приехал Григорий; пили с ним чай».

«После чая долго сидели с Григорием».

«В 6 час. был у меня Григорий».

«В 7 час. приехал Григорий, побыл недолго с Алике и Алексеем, поговорил со мною и дочерьми и затем уехал. Скоро после его отъезда боль в руке у Алексея стала проходить, он сам успокоился и начал засыпать».

«После чая увидел на минутку Григория».

«После чая приняли Григория, который остался до 7*3* /4».

«Вечером имели отраду видеть Григория».

«Вечером посидели и пили чай с Григорием».

«После обеда приехал Григорий, поговорили вместе часок».

«Во время службы видел Григория в алтаре».

«Видели Григория, кот. был на вечерней службе».

«Вечер провели с Григорием, кот. вчера прибыл в Ялту».

«Видели Григория».

«Видели Григория и простились с ним».

«Вечером у нас посидел Григорий».

Здесь приведены выписки из дневника Николая за 1913-й и первую половину 1914 года, из которых следует, что Распутин бывал у Государя в среднем раз в месяц. Можно предположить, что еще чаще с ним встречалась Императрица у Вырубовой, а сама хозяйка «маленького домика» несколько лукавила, когда оправдывалась в своих воспоминаниях: «Если я говорю, что Распутин приезжал 2 или 3 раза в год к Их Величествам, – последнее время они, может быть, видели его 4 или 5 раз в год – это можно проверить по точным записям этих полицейских книг, говорю ли я правду». Все происходило чаще, и после 1912 года влияние Распутина стало уже без всякого сомнения выходить далеко за рамки услуг искусного врачевателя и занимательного

собеседника, повествующего о странствиях по святым местам и встречах с «Божьими людьми». Распутин уже давно стал для Царской Семьи кем-то вроде негласного наставника и советчика, и с течением лет сфера его влияния лишь расширялась.

Следователь Соколов приводит любопытный факт из жизни самой фрейлины Вырубовой, относящийся к 1913 году: «Забыв свое положение, Вырубова однажды дала излишний простор своей истеричности, избрав предметом своего внимания Государя. Императрица сразу заметила это и запретила Вырубовой появляться в семье. Положение ее пошатнулось. Тщетно она молила прощение себе, обращаясь с письмами к Императрице. Не помогло и заступничество за нее духовника Государыни. Так продолжалось довольно долго. Но прибыл Распутин и одной беседой с Государыней восстановил положение Вырубовой».

Но помимо дел «семейных», внутридворцовых Распутин стал вмешиваться и в государственные дела. О роли сибирского крестьянина в большой политике и его влиянии на назначения крупных государственных чиновников и принятие решений ходило и ходит по сей день слухов не меньше, чем о его романтических похождениях, и отделить истину от фальши здесь так же нелегко. Одни действующие лица той драмы, а также мемуаристы и исследователи склонны его участие превозносить и доводить до абсурда, другие – игнорировать.

«Тщательно подготовленная враждебными Государю кругами еще в 1911—12 годах, эта легенда, как известно, приписывала Распутину огромное закулисное влияние на государственные дела, "на смену направлений и даже на смену лиц", выражаясь словами Гучкова, одного из главных творцов этой легенды – (если не главного). С этого времени в известных кругах вошло в обычай приписывать влиянию Распутина все "непопулярные" увольнения и назначения, все неугодные обществу действия власти. Эта пропаганда, которая велась умело и упорно, находила немало легковерных слушателей, и от упорного повторения распутинская легенда понемногу приобретала в умах многих характер некоего "общепризнанного факта"», – писал Ольденбург.

Ольденбург приводит ряд конкретных примеров, когда и по какому поводу царь не послушался Распутина (главным образом они относятся к военному времени), однако если следовать фактам не выборочно, а насколько это возможно полно, то придется признать, что к принятию некоторых решений Распутин все же был причастен.

Во-первых, со значительной долей вероятности Распутину в довоенный период его «государственной деятельности» можно

приписать отставку в январе 1914 года В. Н. Коковцова с поста председателя Совета министров, хотя непосредственным инициатором замены Коковцова стала Государыня.

«…я был Председателем Совета Министров из-за знакомства с Ней и по Ее согласию. Однако когда Дума и печать начали грубую кампанию против Распутина. <…> Она ожидала, что я положу этому конец. Однако не мои возражения против предложения Царя принять меры к печати вызывали растущее неудовольствие Ее Величества. Именно мой доклад Его Величеству о Распутине, после того как "старец" посетил меня, стал ключевым моментом. С того времени, хотя Царь и продолжал оказывать мне доверие в течение последующих двух лет, моя отставка была предрешена. Это изменение позиции Ее Величества нетрудно понять… <…> По Ее представлениям Распутин был тесно связан со здоровьем Ее Сына и благоденствием Монархии. Нападать на него, значило нападать на защитника того, кто был Ей всего дороже. Кроме того, подобно всем добродетельным натурам, Ей было оскорбительно узнать, что отношения в Ее Семье стали предметом обсуждения в Думе и печати. Она думала, что я, как глава Правительства, несу ответственность за само разрешение этих нападок, и не могла понять, почему я не могу прекратить их, отдав приказ от имени Царя. Она решила, что я больше не слуга Царю, а орудие врагов государства и, вследствие этого, заслуживаю смещения…»

Так писал Коковцов в мемуарах, хотя быть пострадавшим от Распутина считалось в эмиграции хорошим тоном, а в деятельности Коковцова, помимо несложившихся отношений с Распутиным, были и другие моменты, вызывавшие неудовольствие Государя (в частности, вопрос о винной монополии).

Практически доказанным можно считать вмешательство Григория в Балканский кризис 1912 года и – совершенно точно – в «афонскую смуту» 1913-го.

«Вспоминаю только один случай, когда действительно Григорий Ефимович оказал влияние на внешнюю политику России, – писала Вырубова. – Это было в 1912 году, когда Николай Николаевич и его супруга старались склонить Государя принять участие в Балканской войне. Распутин чуть ли не на коленях перед Государем умолял его этого не делать, говоря, что враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну и что Россию постигнет неминуемое несчастье».

Известны также слова, которые сказал граф Витте о Распутине чиновнику особых поручений Министерства земледелия А. Осмоловскому: «Вы не знаете, какого большого ума

этот замечательный человек. Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроения и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем, но, к сожалению, он теперь удален».

В октябре 1913 года в «Петербургской газете» появилась беседа с Распутиным, в которой тот высказывал свои взгляды на внешнюю политику России:

«Что нам показали наши "братушки", о которых писатели так кричали, коих защищали, значит… Мы увидели дела братушек и теперь поняли… Все… Да… А что касаемо разных там союзов, – то ведь союзы хороши, пока войны нет, а коль она разгорелась бы, где бы они были? Еще неведомо…

Ведь вот, родной, ты-то, к примеру сказать, пойми! Была война там, на Балканах этих. Ну и стали тут писатели в газетах, значит, кричать: быть войне, быть войне! И нам, значит, воевать надо… И призывали к войне и разжигали огонь… А вот я спросил бы их, – с особенной экспрессией подчеркнул Распутин, – спросил бы писателей: "Господа! Ну, для чего вы это делаете? Ну, нешто это хорошо? Надо укрощать страсти, будь то раздор какой, аль целая война, а не разжигать злобу и вражду"».

В другой беседе, опубликованной в газете «Дым Отечества», Распутин и вовсе выступал как пацифист:

«Готовятся к войне христиане, проповедуют ее, мучаются сами и всех мучают. Нехорошее дело война, а христиане вместо покорности прямо к ней идут. Положим, ее не будет; у нас, по крайней мере. Нельзя. Но вообще воевать не стоит, лишать жизни друг друга и отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Ну что мне, если я тебя разобью, покорю; ведь я должен после этого стеречь тебя и бояться, а ты все равно будешь против меня. Это если от меча. Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь. Пусть забирают друг друга немцы, турки – это их несчастье и ослепление. Они ничего не найдут и только себя скорее прикончат. А мы любовно и тихо, смотря в самого себя, опять выше всех станем».

За «неславянофильские взгляды» и пацифизм сибирский странник получил резкую отповедь справа.

«Гр. Распутин, сколько мы можем судить по его органу "Дым Отечества", есть злейший враг святой Христовой Церкви, православной веры и Русского Государства. Мы не знаем, какое влияние имеет этот изменник Христовд учения на внешние дела России, но во время освободительной войны балканских христиан (в 1912 г.) с Турцией он выступил не за Христа, а за лже-пророка Магомета. <…> Он проповедует непротивление злу, советует русской дипломатии во всем уступать, вполне уверенный, как

революционер, что упавший престиж России, отказ от ее вековых задач приведет наше отечество к разгрому и разложению. <…> Распутин не только сектант, плут и шарлатан, но в полном значении слова революционер, работающий над разрушением России. Он заботится не о славе и могуществе России, а об умалении ее достоинства, чести, о предательстве ее родных по духу братьев туркам и швабам, и готов приветствовать всякие несчастия, которые, вследствие измены наших предков завету, ниспосылаются Божественным Промыслом нашему отечеству. И этого врага Христовой истины некоторые его поклонники признают святым», – возмущался Н. Дурново в статье «Кто этот крестьянин Григорий Распутин», опубликованной в журнале «Отклики на жизнь», который издавал известный проповедник протоиерей В. И. Востоков.

Особенно интересен в этом отклике намек на распутинское «непротивление злу» – прямой отсыл к учению Льва Толстого, к которому (то есть к Толстому) Распутин относился, судя по некоторым свидетельствам, без ненависти.

«Заблудился (Толстой) в идее – виноваты епископы, мало ласкали», – писал он Илиодору, и логика его рассуждений просматривается здесь очень хорошо.

«– Но тогда, по-вашему, не нужно делать ничего, а только ждать; ни о чем не заботиться; и ни с чем не бороться. Ведь это проповедь толстовца-непротивленца… Вы знаете это учение? – спрашивал его корреспондент «Дыма Отечества».

– Слышал, но плохо знаю, – отвечал Распутин. – Я же не говорю: не противься злому, а говорю: не противься добру. Тягость и суета нашей жизни состоит в том, что мы противимся добру и не хотим его признавать. А ты оставь злое совсем в стороне, пусти его мимо, а укрепись около самого себя и когда сам окрепнешь, тогда осмотрись и помоги совершенствоваться другим. Не настаивай на совершенстве, но помоги – каждый хочет быть чище, радостнее; вот ты ему и помоги. Не настаивая, вот как Илиодор, – огня в нем много, рвения, а нет света и дуновения, как весной в поле с ароматом цветов – которым веет от истинных подвигов духовных».

Распутина пытались поймать на слове и обратить против него любую произнесенную им фразу, а он же, похоже, об осторожности не задумывался, да и вообще обращал на себя внимание независимостью своих суждений. К 1912—1913 годам это был человек, который ни под кого не подстраивался и обо всем имел свое мнение. С этим мнением можно было соглашаться или нет, но отрицать у Распутина наличие собственных, в том числе и политических, взглядов невозможно. А значит,

собственной была и его политическая линия, и едва ли он был просто игрушкой в чьих-то руках, как считали многие из его современников.

Вместе с тем его взгляды не были чем-то застывшим и постоянно менялись. Настроенный, например, непримиримо к евреям в начале своей петербургской деятельности (вспомним еще раз: «Миленькаи папа и мама! Вот бес-то силу берет окаянный. А Дума ему служит: там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьяго помазаннека долой»), Распутин с годами по отношению к евреям переменился. Речь об этом пойдет позднее, пока же отметим, что и для обвинений в «промусульманской» позиции, о чем с негодованием писала востоковская газета, опытный странник действительно некоторые основания давал:

«А, может быть, славяне не правы, а, может быть, им дано испытание?! Вот ты не знаешь их, а они высокомернее турок и нас ненавидят. Я ездил в Иерусалим, бывал на Старом Афоне – великий грех там от греков и живут они неправильно, не по-монашески. Но болгары еще хуже. Как они издевались над русскими, когда нас везли; они – ожесточенная нация, ощетинилось у них сердце; турки куда религиознее, вежливее и спокойнее. Вот видишь, как, а когда смотришь в газету – выходит по-иному. А я тебе говорю сущую правду».

Распутин, таким образом, предстает здесь своеобразным «исламофилом» в противовес славянофильству. Однако если смотреть на вещи глубже, то дело здесь не в симпатии к туркам, а в защите интересов Русского государства, которым, по мнению Распутина, излишняя ориентация на защиту общеславянского дела во внешней политике вредила.

«Наш Друг был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария», – писала Государыня мужу в ноябре 1915 года, когда уже больше года шла Первая мировая война, в которую Россия в значительной степени вступила из-за стремления защитить общеславянские интересы, принеся в жертву интересы национальные.

В своих оценках южного славянства и роли России на Балканах Распутин был не одинок. Процитируем отрывок из работы С. Кремлева «Россия и Германия: стравить!», автор которой при всей спорности своего собственного труда ссылается на мнение весьма почтенных людей: «Еще в начале XX века А. Кони – современник русско-турецкой войны 1877—1878 годов – написал о том времени интересные воспоминания, где говорилось: "Братушки" оказывались, по общему единодушному

мнению военных, "подлецами", а турки, напротив, "добрыми честными малыми", которые дрались как львы, в то время как освобождаемых братьев приходилось извлекать из кукурузы…»

А вот мнение Тарле (тут оно точно, поскольку его любимых англо-французов не задевает): «Крымская война, русско-турецкая война 1877—1878 годов и балканская политика России 1908—1914 годов – единая цепь актов, ни малейшего смысла не имевших с точки зрения экономических или иных повелительных интересов русского народа».

Не лишним будет привести и оценку русской восточной политики Генерального штаба генерал-майором Евгением Ивановичем Мартыновым: «Для Екатерины овладение проливами было целью, а покровительство балканским славянам – средством. Екатерина на пользу национальным интересам эксплуатировала симпатии христиан, а политика позднейшего времени жертвовала кровью и деньгами русского народа для того, чтобы на счет его возможно комфортабельнее устроить греков, болгар, сербов и других, будто бы преданных нам единоплеменников и единоверцев».

Может быть, Распутиным и не двигали именно такие глубоко осознанные и осмысленные государственнические мотивы, как Кони, Тарле или Мартыновым, и едва ли была у него какая-то программа или концепция, но инстинктивно он, несомненно, чувствовал нечто похожее. В Григории Ефимовиче вообще именно инстинкты были развиты сильнее всего. Любые инстинкты. Они его спасали, они и губили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Афонская смута. Распутин и Антоний Храповицкий. Афонский послушник Дмитрий Иванович Печеркин. Синод под огнем. Пресса. Покушения на Распутина. Ялта. Происшествие в Покровском. Газетчик Давидсон. Досье Хионии Гусевой. Горький и Илиодор

Что касается негативной оценки Распутиным греков, то она упиралась в один из самых больных вопросов русской церковной и общественной жизни накануне войны – дело имяславцев, русских монахов, проживавших в Свято-Пантелеймоновом монастыре на горе Афон и изгнанных оттуда из-за своих религиозных убеждений. Обстоятельства конфликта вокруг имяславцев, вошедшего в историю как «афонская смута», вкратце таковы. В 1907 году в России была опубликована книга старца Илариона «На горах Кавказа», которая представляла собой описание особого духовного опыта ее автора, связанного с почитанием имени Иисуса. С большим сочувствием она была прочитана русскими монахами на Афоне, и так возникло движение имяславцев (имябожцев), по учению которых, как писал А. Ф. Лосев Павлу Флоренскому, «Имя Божие – есть Сам Бог <… > Имя Божие – место встречи Бога и человека. Его Именем очищаемся от грехов и спасаемся, Его Именем совершаются таинства. Сама молитва не есть человеческая тварная энергия, ни Божественная сила, которая есть Сам Бог, но это – место встречи двух энергий, Божественной и человеческой; слияние в одном Божественном имени двух сущностей, Божественной и человеческой».

Среди российских читателей, кто отнесся к труду Илариона и этому учению с большим уважением, были помимо главного адепта этого учения иеросхимонаха Антония (Булатовича) Великая Княгиня Елизавета Федоровна, епископ Феофан (Быстров), будущий митрополит Вениамин (Федченков), богослов М. А. Новоселов (чьи имена, что примечательно, не раз встречались на страницах этой книги в качестве противников Распутина), а также преподобный Варсонофий Оптинский, преподобный Кукша (Величко), митрополит Киевский Флавиан, епископы Феодор (Поздеевский), Трифон (Туркестанов) – тоже занимавший крайне антираспутинскую позицию, священник Павел Флоренский, богослов С. Н. Булгаков, философы А. Ф. Лосев, В. Н. Лосский, математики профессор Д. В. Егоров и Н. М. Соловьёв и др.

Однако были у нового движения и противники, причем

весьма влиятельные: будущий глава Русской зарубежной церкви митрополит Антоний (Храповицкий), будущий патриарх Русской православной церкви епископ Сергий (Страгородский), будущий священномученик митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский) и другие члены Синода, а кроме того «имяборцев» (так называли «имяславцы» своих оппонентов) поддержали патриарх Константинопольский Михаил III, Совет настоятелей афонских монастырей, греческие светские и духовные власти и русское посольство.

Это была не просто богословская дискуссия, но доходившая до исступления борьба. Достаточно сказать, что такой сдержанный и в целом осмотрительный человек, как епископ Сергий Финляндский проявил себя в этой дискуссии тем, что, написав на бумаге слово «Бог», топтал ее ногами. Этим Сергий хотел показать, что имя Божье к самому Богу отношения не имеет. Но вопрос этот касался не только и даже не столько богословской стороны дела. Греки стремились ослабить русское влияние на Афоне и предприняли попытку использовать в этих целях «афонскую смуту». Весной 1913 года началась блокада имяславцев греческими властями. Одновременно с этим в России Государь наложил на всеподданнейшем докладе обер-прокурора Саблера резолюцию: «Преосвященному Никону моим именем запретить эту распрю», что послужило основанием для миссии архиепископа Никона (Рождественского) на Афон. В контексте книги о Григории Распутине примечательно и то, что когда новое (или, точнее, старое, связанное с традициями исихазма) учение разбиралось в Синоде, то оно было охарактеризовано одним из выступавших не больше и не меньше как хлыстовство.

«К сожалению, наше время есть время исключительного увлечения хлыстовством и русского народа и русского общества. Полное неверие отжило свой срок. Людям жутко стало жить вне общения с небом, но приближаться к нему путем узким, путем Христовым: "Аще хощеши внити в живот, соблюди заповеди", – это тоже для них, развращенных и расслабленных, кажется не под силу. И вот они измышляют новые пути к Божеству: сектантства, магнетизма, необуддизма, а наипаче хлыстовщины <…> Мало верующие в действительные чудеса люди готовы верить всяким измышленным чудесам мошенников-аферистов, лишь бы ослабить значение заповедей Божиих о молитве, послушании и воздержании. Они с жадностью набрасываются на все, что идет врозь со строгим учением Церкви, на все, что обещает приближение Божества помимо церковного благочестия и без напряжения нравственного. Вот почему и за учение Илариона ухватились столь многие: одни по слепой ревности и упрямству, а

другие по лености, сладостно предвкушая, как они скоро дойдут до такой степени совершенства, когда им можно будет и служб церковных не выстаивать, и никаких молитв не читать, а только "носить в своем сердце имя Иисуса"», – говорил митрополит Антоний (Храповицкий), знакомый с учением имяславцев, впрочем, весьма приблизительно.

Вслед за этим в ход пошли аргументы иного рода. В июне 1913 года на Афон прибыл русский военный корабль «Херсон», и после неудачных переговоров с монахами 3 июля имяславцев загнали на борт и вывезли в Россию. По свидетельству источников, сочувствовавших «бунтовщикам», делалось это все в крайне грубой форме: монахов обливали из шлангов холодной водой, избивали прикладами и хватали за волосы. Но не менее тяжелые испытания ждали монахов впереди: на родине их рассылали по дальним монастырям, расстригали, преследовали, заставляли подписывать в унизительной форме отречение от своей веры, а в некоторых случаях отказывали в причастии перед смертью.

Действия Синода вызывали несогласие у части иерархов и мирян. В частности, у экзарха Грузии Алексия (Молчанова), у епископа Полтавского Феофана (Быстрова), у находящегося в Жировецком монастыре епископа Гермогена (Долганева), у иеромонаха Вениамина (Федченкова), а также у мирян Михаила Александровича Новоселова и Григория Ефимовича Распутина-Нового.

«Мне пришлось прочитать в "Церковных ведомостях" об этом осуждении. И не разбираясь в таком вопросе с богословской точки зрения, я однако ощутил такой острый духовный удар, будто от меня потребовали отречься от православия», – вспоминал позднее митрополит Вениамин. А Михаил Александрович Новоселов в имяборчестве «видел глубочайшее отступление от Православия, а революцию и то, что за ней последовало, он считал карой за отступление от достойного почитания Имени Божия и хулу на Него».

Помимо этого стоит отметить, что именно Новоселов резко критиковал архиепископа Антония (Храповицкого), который обвинял имяславцев «чуть ли не в свальном грехе» и объявлял все движение «гнилью и сумасбродной бессмыслицей впавших в прелесть мужиков». Таким образом, Новоселов защищал афонских монахов от тех самых обвинений, какие еще совсем недавно раздавались в адрес Григория Распутина. Вот при каких обстоятельствах заочно соединились эти непримиримые по отношению друг к другу люди, хотя, конечно, ни о каких личных контактах между Распутиным и его противниками, неожиданно

оказавшимися в вопросе об имяславцах союзниками, речи не было. Но с точки зрения практической Распутин оказался в этом деле полезнее всех – и Новоселова, и Феофана, и Гермогена, и Вениамина, – ибо он сделал то, чего они сделать не могли, и сделал с помощью того, за что они его осуждали и с ним боролись. Влияния на Государя.

17 июля 1913 года Император Николай Александрович провел две встречи: первую – с обер-прокурором Синода Саблером, а вторую – с Григорием Распутиным. Говорили о Святой горе, и Распутин за имяславцев вступился. Опять же вопрос – почему?

Едва ли сибирский странник глубоко разбирался в подоплеке того сложного богословского спора, который велся между архиереями русской Церкви и монахами Пантелеймонова монастыря и который по сей день можно считать до конца нерешенным. Скорее всего, Григорий просто сочувствовал потерпевшей стороне, тем более что общий пункт обвинения – хлыстовство – сближал его с ними. Да плюс еще личность митрополита Антония, наиболее одиозно по отношению к афонским монахам настроенного, и одновременно с этим одного из самых яростных распутинских врагов, которому еще Илиодор приписал такую фразу, в адрес Распутина произнесенную: «Не верьте ему, он обманщик, он в Казани на бабе ездил; такой человек не может быть праведником». Помимо этого имеются и более надежные свидетельства неприязни владыки Антония к Распутину. В «Жизнеописании блаженнейшаго Антония, Митрополита Киевскаго и Галицкаго», написанном епископом Никоном (Рклицким), сказано: «Что же касается самого Распутина, то владыка Антоний (Храповицкий) относился к нему резко отрицательно. <…> …в письме от 6 июня 1915 года Антоний риторически вопрошал: "Не пришел ли конец и сему мерзавцу?" и следующим образом развивал свою мысль: "Я сам вырос в деревне среди помещиков средней руки и в близости к народной среде и разделяю все почетные отзывы о народном разуме и народной честности и благочестии, но утверждаюсь на том убеждении, что 'мужик' достоин всякого уважения, но пока он остается мужиком, а войдя в среду господ, он неизменно портится: изолжется и сопьется с кругу…"» – версия, к слову сказать, совпадающая с мнением и Феофана, и Вениамина, хотя и выраженная более грубо.

Однако помимо конфликта с владыкой Антонием была и другая, чисто личная, причина распутинского интереса к имяславцам, о которой ни среди историков Церкви, ни биографов Распутина, кажется, никто не говорил. Дело в том, что среди

высланных с Афона монахов был товарищ и спутник Распутина в паломничествах по святым местам Дмитрий Иванович Печеркин, с которым Распутин в 1913 году встречался. Мы не знаем наверняка, был ли Печеркин сам имяславцем или нет (хотя, судя по тому, что его выслали, был), но о том, как происходила «зачистка», рассказать Распутину и пробудить в его сердце сочувствие он мог.

Об отношении Распутина к имяславцам известно также из письменных показаний С. П. Белецкого: «На одном из ближайших обедов у кн. Андроникова с Распутиным я навел разговор на тему об имябожцах и восстановил в воспоминании Распутина некоторые тяжелые картины гонений на них в связи с поездкой ревизии Св. Синода, члена Государственного Совета архиепископа Никона, которые мне были известны <…> кроме того, меня самого лично интересовала точка зрения на имябожцев Распутина; мне хотелось выяснить, не было ли каких-либо влияний на Распутина со стороны какого-либо кружка, занимающегося церковными вопросами, или интриги против Саблера, говорило ли в нем чувство жалости, когда он лично видел прибывших тайно в Петроград этих монахов преклонного возраста (многие из них были в схиме) с обрезанными бородами и надетом на них штатском платье и когда он отвозил их в таком виде на показ во дворец. <…>. Затронутая мною на обеде у Андроникова тема об имябожниках оживила Распутина, и из его слов объяснения мне существа разномыслия, происшедшего на Афоне, и из его горячей поддержки их мнения мне было очевидно, что он сам был сторонником этого течения в монашеской среде; при этом, когда я ему поставил вопрос, верует ли он так же, как и они, он мне прямо ответил утвердительно и добавил, что не только на Афоне монахи придерживаются этого толкования Имени Божьего, но и в других старых монастырях, которые он посещал, и что спор этот давний. Затем впоследствии, как я уже говорил, Распутин все время отстаивал имябожцев».

И, как заметил в другом месте Белецкий, отстаивал по «вполне бескорыстным побуждениям».

Таким образом, именно Распутин оказался организатором встречи Николая с самими имяславцами, которая состоялась 13 февраля 1914 года и была своеобразным ответом на встречу Государя с имяборцами – наместником афонского Пантелеймонова монастыря иеромонахом Иакинфом и духовником братии Мелитоном в сентябре 1913 года в Ливадии. На той, первой, встрече Государя благодарили «за спасение обители от разорения», но, как показали дальнейшие события, благодарить было рано. Позиция Николая Александровича в

вопросе об имяславцах отличалась от позиции Синода. Достаточно сказать, что архиепископа Никона, осуществившего по воле Императора «эвакуацию» монахов, царь не принял, и в Синоде к этому факту отнеслись очень болезненно. По отношению к имяславцам Государь повел себя куда милостивее. Он с волнением выслушал историю их изгнания с Афона, обласкал, позволил им лицезреть Наследника.

Вскоре после этого Император повелел Синоду покончить дело миром в связи с приближающейся Пасхой:

«В этот Праздник Праздников, когда сердца верующих стремятся любовью к Богу и ближним, душа моя скорбит об афонских иноках, у которых отнята радость приобщения Святых Тайн и утешение пребывания в храме. *Забудем распрю: не нам судить о величайшей святыне – Имени Божием, и тем навлекать гнев Господень на Родину; суд следует отменить и всех иноков, по примеру митрополита Флавиана, разместить по монастырям, возвратить монашеский сан и разрешить священнослужение».*

Следовать этому повелению членам Синода, ох, как не хотелось, но воля Государя была превыше всего, и вся эта история стала какой-то странной калькой, повтором того, что произошло ровно за три года до этого – во время столкновения Государя и Синода по поводу Илиодора, когда в резолюции Государя также фигурировала Пасха в качестве причины уступить Илиодору. И хотя между взбунтовавшимся монахом и непокорными имяславцами было мало общего, обе стороны – Царь и Синод – наступали на больную мозоль, а кредит взаимного доверия таял на глазах.

Роковую связь между делом Илиодора и делом имяславцев, во главе которых стоял иеросхимонах Антоний (Булатович), отмечал и архиепископ Антоний (Храповицкий). «Конечно, зело скорбел об усилии ереси, точнее шайки сумасшедших, предводимых честолюбивым гусаром, желающим подражать Илиодору и наследующим в скором будущем его участь», – обращался он к афонскому монаху-имяборцу Денасию, а в письме к игумену Андреевского скита архимандриту Иерониму в декабре 1913 года писал о том, что «во главе движения был человек, очевидно, ни во что не верующий, озлобленный хулиган Булатович, подобный русскому безобразнику Илиодору».

Такое сравнение было в высшей степени несправедливо по отношению к Антонию (Булатовичу), но раздражительность Антония (Храповицкого) была тем сильнее, что все снова упиралось в «Гришку», вставшего, как и тогда, между царем и Синодом и заставившего Императора диктовать русским архиереям мужицкую, да к тому же в их восприятии хлыстовскую

волю.

А между тем в данном случае эта воля была вполне здравой. 1 июля 1914 года (когда вся Россия считала Распутина мертвым после покушения на него Хионии Гусевой) в газете «Русское слово» были опубликовано мнение «покойного» Григория по этому вопросу, и словам опытного странника трудно отказать в разумном и простом подходе к сложной уже не только церковной, но и общественной проблеме:

«Грех, конечно, что они (имяславцы. – *А. В.)* шум подняли. Нужно было бы про себя молиться, а не шуметь. О. Мисаил (игумен Свято-Пантелеймонова монастыря. – *А. В.)* приехал и говорит им, распишитесь (в том, что отказываются от имяславия. – *А. В.)*. Это в духовных-то делах: «распишись»? Это как же в вере распишись! Я и Владимиру Карловичу (обер-прокурору Синода Саблеру. – *А. В.)* сказал, что это – грех! И кому нужно, всем сказал, что так нельзя. Ну и поняли, что я – прав».

Но важна не только эта оценка, а тот факт, что она сделалась достоянием общественности. Страна знала, кто заступается за афонских монахов и кому они обязаны облегчением своего положения.

«Как известно, в деле "имяславцев" Распутин сыграл весьма значительную роль. Будучи подробно осведомлен о всей афонской эпопее издателем "Дыма Отечества" Гарязиным, Распутин предпринял энергичные попытки с целью смягчения участи афонских монахов. После его заступничества намеченные по отношению к "имяславцам" репрессии были отменены», – сообщало «Русское слово».

А сам Антоний (Булатович) позднее оправдывался в «Биржевых ведомостях»: «Допускаю, что он мог симпатизировать имяславцам, как всякий простой верующий русский человек, но участия в нашем деле он не принимал».

В своем гласном заступничестве за имяславцев Распутин негласно действовал через Императрицу, которая предпочитала своего крестьянского наставника всему Святейшему синоду, и для имяславцев это предпочтение имело самые благоприятные последствия.

«В частной переписке с Императором Николаем Александровичем Императрица Александра Федоровна называет архиепископа Никона (Рождественского) "злодеем с Афона", на душе которого лежит грех расправы с имяславцами, – читаем мы в посвященной имяславию книге епископа Илариона (Алфеева). – 14 марта 1916 года Александра пишет Николаю: "Никон все еще здесь, это очень жаль". 15 сентября 1916 году Императрица пишет Императору о том, что Друг (имеется в виду Распутин) просил ее

поговорить с обер-прокурором Синода Н. П. Раевым "относительно бедных монахов со Ст[арого] Афона, которым еще нельзя служить и которые умирают не причастившись"».

Существует также рассказ известного миссионера Скворцова, который видел в действиях Распутина определенный расчет. «Полиции было известно, что незадолго до гибели Распутина в угоду ему В. М. Скворцов, синодальный миссионер и редактор "Колокола", печатал там статью в защиту монашеской секты, – описывал эту коллизию А. М. Эткинд, подразумевая под «монашеской сектой» имяславцев. – Эти статьи Распутин представил во дворец. По-своему рассказывал эту историю сам Скворцов. По его словам, Распутин находился под "большим влиянием" имябожцев и сам оказал на них влияние, вдохновив монахов на борьбу с церковной иерархией, которую еще не вполне контролировал. По этой версии, Распутин познакомился с имябожцами, возвращаясь в Россию из своего паломничества в Святую Землю и остановившись на Афоне».

О статьях Скворцова в защиту имяславцев говорил и начальник Департамента полиции Белецкий: «Появившиеся незадолго до его (Распутина. – *А. В.)* смерти статьи в «Колоколе» Скворцова, в том числе и лично Скворцовым написанные, вызвавшие в среде нашего духовенства живой обмен мыслями на эту тему и причинившие Скворцову большие осложнения с Синодом и разрыв связей с некоторыми иерархами, были продиктованы побуждением Скворцова, не оставлявшего мечты вернуться к активной деятельности в Синоде в роли товарища обер-прокурора и угодить Распутину, который эти статьи, затем, представил высшим сферам, отстаивая это учение».

Скворцов действительно переметнулся в 1916 году на сторону Распутина, нажив себе в результате этого немало неприятностей и неприятелей. Что же касается того, действительно ли Григорий Распутин не просто защищал потерпевших монахов, но использовал их в качестве инструмента политической борьбы с Синодом, или же в нем все-таки говорили человеческое участие и милосердие и личной выгоды он не искал, то с точки зрения дальнейших событий главное даже не это. Главное то, что – как справедливо заключил уже в наше время иеромонах Петр (Гайденко) – «"рекомендация" подобного "старца" никак не могла способствовать доверию к рекомендуемому мнению таких иерархов, как, например, архиепископ Антоний (Храповицкий) и Никон (Рождественский), но более возбуждала отвращение и полное неприятие имяславцев, что и нашло свое отражение в деяниях Синода. Вообще создается впечатление, что этих почтенных афонитов просто не хотели понимать, только

более плодились и множились всевозможные заблуждения по вопросам об Имени Божием, а сама проблема опошлялась её обсуждением во всевозможных салонных модных беседах в кругу пресыщенных светских дам и их кавалеров, привлекаемых к "духовным беседам" стараниями Григория Распутина. К тому же можно усомниться в том, что Григорий был хорошо осведомлен об "этом давнем споре"».

«Недавнее сообщение "Вечернего времени" о том, что поднятое в Синоде дело об отношении епископа Феофана к учению иеросхимонаха Булатовича, которое вызвало раскол в Старом Афоне, это дело рук Распутина, который сводит таким путем личные счеты с епископом Феофаном», – писал распутинский издатель и защитник А. Ф. Филиппов в статье «Распутствующие». И хотя Феофан был здесь ни при чем, очередное вмешательство «старца» в дела Церкви и публичное унижение русской иерархии было очевидно и для русских архиереев, и для Царской Семьи, и для всей страны.

«А обер то и делает, что танцует. Ведь помню, как он в бытность свою у меня в прошлом году, во время пребывания у меня Антиохийского Патриарха, когда дело имяславцев только разгоралось, как он метал гром и молнии против "этих" еретиков и все упование возлагал на Никона, которого предположено было послать на Афон для усмирения. А теперь и он уже запел другое. Теперь он сам старается распределить их по российским монастырям, чего прежде так опасался как распространения ереси. Какое дело Карлычу вмешиваться в такие и подобные дела? Почему он вступает в переговоры с нами по такого рода вопросам? Да! Мы сами сдали свои позиции и за нас теперь другие думают и делают что хотят и как хотят. Большего рабства Церкви и представить себе нельзя. Мы спим, бездействуем, а Карлычи и Распутины, пользуясь непонятным влиянием, делают что хотят», – записывал в дневнике митрополит Арсений (Стадницкий) именно в связи с пересмотром дела имяславцев.

Так из-за Распутина в самой иерархии русской Церкви начался раскол по признаку: как относится тот или иной архиерей к «проходимцу» Григорию и в какой мере это отношение сказывается на его положении. В полной мере трагическое разделение на распутинцев и антираспутинцев (а также на уклонистов) проявило себя в последние годы жизни Распутина, но началось все еще в начале 1910-х годов, когда из-за сибирского мужика одни епископы, начиная с Феофана, теряли высокое положение, а другие его приобретали, «…меня не любят во дворце из-за Распутина, и этим не печалюсь», – писал архиепископ Антоний (Храповицкий) митрополиту Киевскому

Флавиану в сентябре 1914 года.

Однако нельзя сказать, чтобы среди так называемых «распутинцев» были люди сплошь недостойные. В 1912 году, по слухам, благодаря Распутину Московскую кафедру занял один из самых уважаемых архиереев митрополит Макарий (Невский), до этого более тридцати лет прослуживший миссионером в Алтайском крае. Насколько распространявшиеся в обществе сведения о поддержке Распутиным его кандидатуры были точны, сказать трудно – во всяком случае до этого Распутин с Макарием знаком не был, но общественное мнение, причем не только светское, но и церковное, было в этом убеждено.

«Определенно утверждали, что под влиянием Распутина Томский архиепископ Макарий, семинарист по образованию, был назначен Московским Митрополитом», – писал протопресвитер Шавельский.

«Митрополита Макария (Невского) не любили в лавре, да и вообще в интеллигентских кругах – темным пятном падало на него расположение Григория Распутина. Именно благодаря Распутину, после перевода московского митрополита Владимира на кафедру, Макарий, чуть ли не единственный из тогдашних архиереев не имевший академического образования, был назначен на московскую митрополию, – вспоминал в своей книге «Последние у Троицы» С. А. Волков. – Сохранилась телеграмма, посланная Распутиным из Сибири Николаю II, в которой безграмотный автор, охаяв других кандидатов – архиепископа Антония (Храповицкого), Арсения (Стадницкого) и Сергия (Страгородского), – с настойчивостью указывал на Макария. Хитрый Распутин сумел обойти простодушного и чуждого политических тонкостей старца, разыграть перед ним благочестивого человека и добиться от него некоторого к себе сочувствия. Поэтому он и решил возвести его на московскую митрополию, чтобы иметь опору в Москве и почти приказал царю: "Дай ему метру". Вот эта-то "темная сила", как говорилось тогда, и наложила свое пятно на имя Макария, который до того немало и хорошо потрудился в Алтайской миссии и пользовался любовью и уважением тех людей, которые непосредственно встречались с ним и его знали».

Макарий роль Распутина в своем назначении на Московскую кафедру отрицал: «С Распутиным я не имел никакого знакомства до назначения меня на Московскую кафедру, ни личного, ни письменного, ни через каких-либо посредников. Только по назначении на Московскую кафедру я получил в числе других коротенькую поздравительную телеграмму, подписанную неизвестным мне Григорием Новых. По прибытии в Москву,

подобно другим посетителям, пришел ко мне и Распутин. Это было мое краткое – первое и последнее свидание с ним», – заявлял он в газете «Московские ведомости» в июне 1917 года, когда именно из-за Распутина его лишили Московской кафедры.

«Распутин, приехавший впервые на торжества 1912 года, хотя и старался затушевать свой приезд в Москву, но, тем не менее, горел желанием повидать Владыку и собирался к нему явиться, – показывал в том же 1917 году на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Белецкий.– Владыка к этому отнесся спокойно и, не изменяя ни выражения лица, ни своих глаз, только тихо и тем же голосом ответил: "Говорят, что он дурной человек, но раз он хочет моего благословения, то я в нем никому не отказываю"».

«Филерские наблюдения также подтвердили, что Распутин не ездил к Московскому митрополиту, хотя и глубоко почитал последнего: когда однажды зашел разговор о замене владыки Макария более молодым архиереем и о переводе его (правда, митрополитом) в Иркутск, то "Распутин вскочил, изменился в лице и заявил, что до смерти владыки Макария никогда этого не будет и добавил: 'Не трошь, он святой'"».

«Очевидно, почитание Распутиным московского архиерея было достаточным основанием для того, чтобы владыку Макария признали "распутинцем"», – писал С. Л. Фирсов, а другой историк С. В. Фомин, сославшись на статью во «Всероссийском церковно-общественном вестнике» от 15 апреля 1917 года, заявил, что Макарий называл Распутина «святым».

Известно также, что митрополит Макарий бывал в доме у богатой вдовы Анисьи Ивановны Решетниковой, у которой останавливался Распутин, и этого оказалось достаточным для того, чтобы записать Макария в число ненавистных «распутинцев», что впоследствии горько отозвалось в его судьбе. Кроме того, Макарий в вопросе об имяславцах занимал позицию, близкую к позиции Распутина (или, если угодно, Распутин занимал позицию, близкую к митрополичьей), и именно благодаря Макарию конфликт между имяславцами и Синодом удалось частично разрешить, и в этом тоже видели распутинское влияние.

Помимо Макария «распутинцами» считались будущий священномученик епископ Тверской Серафим (Чичагов), архиепископ Владимирский Алексий (Дородницын), епископ Саратовский Палладий (Добронравов) и ряд других.

Независимо от того, насколько оправданны были все эти репутации, авторитета Церкви такое положение дел не прибавляло.

«Перед началом войны Церковь в России была унижена до крайности…» – писал инспектор Московской духовной академии профессор, архимандрит Иларион Троицкий.

«Приниженность Церкви, подчиненность ее государственной власти чувствовалась в Синоде очень сильно. Обер-прокурор был членом Совета министров; каждый Совет министров имел свою политику, высшие сферы на нее влияли тоже, и обер-прокурор, не считаясь с голосом Церкви, направлял деятельность Синода в соответствии с теми директивами, которые получал. Синод не имел лица, голоса подать не мог и подавать его отвык. Государственное начало заглушало все. Примат светской власти подавлял свободу Церкви сверху донизу… Эта долгая вынужденная безгласность и подчиненность государству создали и в самом Синоде навыки, искони церковным началам православия не свойственные, – решать дела в духе внешнего, формального церковного авторитета, непререкаемости своих иерархических постановлений», – признавал митрополит Евлогий.

«Господство в Церкви было предоставлено хлыстовству, и Церковью управлял собственно Распутин. Он назначал обер-прокуроров Св. Синода из лиц, лизавших его руки, своих единомышленников он возводил на митрополичьи и архиепископские кафедры <…> Где и когда была доведена Церковь до такого позора?» – вопрошал профессор протоиерей Т. И. Буткевич.

Это унижение было очевидно не только для русских архиереев и клириков.

«Делаются и готовятся вещи отвратительные. Никогда не падал Синод так низко. Если кто-нибудь хотел бы уничтожить в народе всякое уважение к религии, всякую веру, он лучше не мог бы сделать… Что вскоре останется от Церкви? Когда царизм, почуяв опасность, захочет на нее опереться, вместо Церкви окажется пустое место. Право, я сам порою начинаю верить, что Распутин – антихрист…» – писал сподвижник Столыпина А. В. Кривошеий. Приводя в своей книге эту цитату, Сергей Фирсов справедливо заключал: «"Старец" более, чем кто-либо другой, содействовал развенчанию мистического, религиозного по своей сути, ореола царской власти, без которого она не могла существовать. Православная Церковь, "чадом" которой Гр. Распутин являлся, сложившимися обстоятельствами была поставлена в исключительно щекотливое положение».

«Наша Церковь попала в плен к иерархии, иерархия попала в плен к государству, а государство попало в плен проходимцам <…> Можно ли при этих условиях говорить о реформе Церкви?..

Нет, господа, сперва освободите государство от плена проходимцев, а иерархию от плена государства и Церковь от плена иерархии и тогда говорите о реформах», – выступал в Думе Милюков. И в тот же день, когда газеты напечатали его речь, в дневнике Л. Тихомирова появилась поразительная запись:

«Газеты полны описанием скандального заседания Гос. Думы при обсуждении церковного бюджета. Злополучный Саблер был поражен протестами против его церковной политики с ярыми упоминаниями о Распутине. Милюков прочитал письмо Илиодора, который говорит, что по словам Распутина – Саблер и Даманский на свои места <поставлены> им, Распутиным. Милюков упоминал и об экзархе Алексии, и о епископе Варнаве. Вообще скандал невероятный, тем более, что священник Филоненко говорил не менее резко и даже первый спустил с цепи эту бурю.

Все это страшный удар Церкви в лице ее иерархии. О Саблере и говорить нечего. Самый же тяжкий удар, конечно, тем, о ком не произносилось ни слова. Я думаю, что история Распутина уже непоправима. Без сомнения, этот негодяй сам распускал безмерно преувеличенные слухи о своем влиянии. Разумеется, все враги Престола с радостью эксплуатируют это страшное орудие… Но зачем был Распутин? Как можно было его держать? Как мог Саблер молчать и потакать? Как могли епископы оскорблять Святого Духа хиротониями вроде Варнавы?

В довершение – Саблер не сделал никакого опровержения против брошенного ему обвинения в том, что его назначил обер-прокурором Гришка <…>

Сергий Финляндский на упрек в молчании по поводу Распутина казался даже удивлен: "Да ведь история Распутина тянется уже десять лет!" Значит, освящена древностью? Но ведь, выходит, что не освящена, а только приводит к последствиям, какие только и может иметь запущенная гангрена.

Да, заводят такую гангрену, а потом будут жаловаться на каких-нибудь "масонов". Сатана, конечно, не упустит воспользоваться грехом, да зачем же грех культивировать?»

Накануне войны русское общество в который раз было Распутиным скандализировано, и Церковь, Синод снова попали в самый центр этого скандала. Священник Филоненко, которого упомянул в своей дневниковой записи Тихомиров, заявил в Думе буквально следующее: «Как любящий и верный сын своей матери – церкви православной, я со скорбью считаю долгом упомянуть о том, о чем говорят на всех перекрестках, во всех самых медвежьих и захолустных углах нашего обширного отечества. Никогда еще, господа, наша русская церковь не находилась в таких тяжелых

условиях своего существования. Нам приходится быть свидетелями того непостижимого, странного и в то же время огромного влияния некоторых проходимцев, недостойных проходимцев хлыстовского типа, которых принято называть у нас "старцами"».

А далее Филоненко называл фактически единственный действенный способ борьбы с Распутиным: при бездействии либо неспособности Синода что-либо сделать эту задачу может выполнить лишь Поместный собор.

Еще более радикальной по отношению к Синоду оказалась речь князя С. П. Мансырева, кадета: «Ведомство прогрессирует, и до такой степени сильно и быстро, что невольно наводит этим на жуткие мысли. Авантюра с Илиодором кончилась неудачно, и на место его выпущен другой деятель, неоднократно упоминавшийся уже здесь, с именем которого связаны наигнуснейшие преступления, растление общества. Его имени не нужно называть, оно всем известно. Его выпускают для приобретения связей в наивысших кругах, этого субъекта представители духовной власти встречают на вокзале при приездах в Петербург. На этого субъекта чуть ли не молятся наши несчастные барыни из великосветского общества, для удовлетворения гнусных инстинктов этот субъект водворяется в самом центре страны и отсюда повсюду распространяет на все свое тлетворное влияние. А православное ведомство смотрит на это спокойно и покровительствует этому субъекту. Дальше идти нельзя».

Тут обращает на себя внимание, что ни иерей Филоненко, ни князь Мансырев не называли фамилии Распутина, но всем находящимся в зале было понятно, о ком идет речь.

«…в жизни Церкви продолжало ощущаться то влияние, которым было отмечено время В. К. Саблера и источник которого следует искать в кругах, группировавшихся около "старца" Григория Распутина-Новых. Объективных данных об этом периоде крайне мало. Больше дает мемуарная литература, которая, однако, в равной мере очень субъективна, идет ли речь о противниках или о приверженцах "старца"», – писал впоследствии И. К. Смолич, с дневниковыми записями Тихомирова не знакомый, но точно уловивший субъективный и страстный дух практически любых свидетельств (а забегая вперед, скажем, и нынешних оценок), к этой теме относящихся. В том числе и тихомировских.

И тем не менее основания для пессимистических прогнозов и у Кривошеина, и у Тихомирова, и у священника Филоненко, и у князя Мансырева были. К этой поре опытный странник из сибирского села Покровского больше не был безгласным, как

зимой 1912 года, когда о нем писали все подряд, а он не знал, как отбиться от врагов и лишь чувствовал, что газеты – это грозная сила, с которой трудно спорить. Теперь, набравшись нового опыта, от обороны он перешел к наступлению, сделался публичным человеком, выступал в печати сам, и одной из его мишеней стал Синод и его члены:

«…я не сектант. Осуждаю духовенство за его нерадивость и малую красоту в церковном обиходе. Но разве в этом суть? Наша Православная Церковь, как воздушное облако, светит и укрепляет каждого человека. В монашестве же нет спокойствия, а есть борьба: то с собственным телом, то с мірским духом. Разве это праведники, что в клобуках состязаются из-за Патриаршего Престола?.. Антоний Волынский, Сергий Финляндский!.. Разве этого нужно им искать и указывать? Нужно, чтобы Духом прониклись все и сами указали на человека: вот Патриарх. А такого нет, и его не выдумаешь. Подобрать можно по росту, по красноречию, так чтобы подходил к правительству, но чтобы Патриарх своим духом покрывал весь народ и чтобы в него и православные, и иноверцы поверили, – для этого нужно родиться и тихо, незаметно вырасти».

В этой же беседе Распутин изложил свою программу:

«А ты спасай самого себя. И как только ты почувствуешь, что ты в себе, как река в берегах, до краев – вот тогда все покажется ненужным: и слава, и деньги, и карьера. Советую ни на кого не обращать внимания. Никого не наставляй, но никого за ошибки не карай – и думай о спокойствии души. И тогда всё вокруг тебя станет спокойно и ясно, и все прояснятся. Меня как поносили, чего только не писали обо мне, и врагов у меня все-таки нет; кто не знает меня, тот враг. Никому ничего худого не делаю, ни на кого не питаю злобы и весь на виду. Вот, как облака, проходит и злоба на меня, я не боюсь ее; поступай так и ты, и другой, и третий. Вот тебе и спасение в самом Міру…

Болтают обо мне зря, пишут неизвестно что, и больше худое. Но и помочь им я не могу. Слепые света видеть не могут, и Царствие Божие открывается только тем, кто подходит друг к другу, как дети. Другой заповеди я не имею и не ношу. А чтобы тебе было ясно, кто я, я скажу: я – Распутин».

«Чего от меня хотят? Неужели не хотят понять, что я маленькая мушка и что мне ничего ни от кого не надо.

…Мне очень тяжело, что меня не оставляют в покое… все обо мне говорят… словно о большой персоне.

…Неужели не о чем больше писать и говорить, как обо мне… Я никого не трогаю… Да и трогать не могу, так как не имею силы… Дался я им… Видишь, какой интересный…

Каждый шаг мой обсуждают… все перевирают… Видно, кому-то очень нужно меня во что бы то ни стало таскать по свету и зубоскалить… Говорю тебе, никого не трогаю… Делаю свое маленькое дело, как умею… как понимаю… То меня хвалят… то ругают… только не хотят оставить в покое…

Если что плохо делаю, рассудит Господь… Искренне говорю тебе: плохо делать не хочу… Поступаю по умению… Хотел бы, чтобы, значит, вышло хорошо… Со всех сторон только и занимаются мною… Говорю тебе: маленькая мушка, и ни от кого и ничего мне не нужно… Самое было бы лучшее оставить меня в покое… Оставьте в покое… Дайте человеку жить… Все одно и то же. Я, да я… Говорю тебе, что хочу покоя… Не надо мне хвалы. Не за что меня хулить… От всего устал… Голова начинает кружиться. Куда ни взглянешь, все одно и одно… Кажется, живу в тиши, а выходит, что кругом все галдят… Кажется, в России есть больше о чем писать, чем обо мне… а все не могут успокоиться… Бог все видит и рассудит, были ли правы те, кто на меня нападал… Говорю тебе: я – маленькая мушка, и нечего мною заниматься… Кругом большие дела, а вы все одно и то же… Распутин да Распутин. Ни хулы… Ни похвалы… ничего не надо… Молчите… Довольно писать… Мне наплевать… Пишите… Ответите перед Богом… Он один и все видит… Он один понимает… Рассудит… Коль нужно, пишите… Я больше ничего говорить не буду… Да нечего говорить-то, врать-то можно сколько угодно… Ответ придется, придется-то держать… Махнул рукой… Сочиняйте… Говорю тебе – наплевать… прежде волновался… Принимал близко к сердцу… Теперь перегорело… Понял, что к чему идет и зачем… Говорю тебе, наплевать… Пусть все пишут… Все галдят… Меня не тронут… Я сам знаю, что делаю, и перед кем отвечаю… Такая, видно, моя судьба… Все перенесу, уже перенес много… Говорю тебе, что знаю, перед кем держу ответ… Ничего не боюсь… пишите… Сколько в душу влезет… Говорю тебе, наплевать… Прощай…»

Первая из этих бесед была опубликована в газете «Дым Отечества», которая с одинаковым старанием защищала и имяславцев, и Распутина. Вторая – в газете «Вечернее время», которая на Распутина нападала. Но несмотря на то, что позиции двух газет были во многом противоположны и цели их разнились, можно констатировать одну вещь: у Распутина появлялись новые рычаги воздействия на общественное мнение. И новые, очень неожиданные союзники.

Речь идет не только о газете «Дым Отечества», которая стала фактически прораспутинской и прямо защищала его:

«Целая книжная литература создалась около "старца" Г. Е.

Распутина, которому насчитывается не более 42 лет, и ворох статей "очевидцев" и "хорошо осведомленных газетных сотрудников" появляется регулярно относительно деятельности старца и его якобы необыкновенного и даже необъяснимого влияния в высоких сферах. По проверке оказывается, что книги с разоблачениями составляются неизвестными авторами, упорно старающимися скрыть от потомства даже свое имя, не говоря о происхождении, а газетные сотрудники обладают даром личной беседы с отсутствующим из Петербурга Распутиным <…>

Для нас, впервые допустивших мысли Распутина на страницы и правдивое отражение его личности в виде заметок, конечно, могло бы быть привлекательным и отчасти выгодным изображение "старца" именно в виде великого вершителя судеб России <…> Но нам представляется, что и газетным романтикам, а тем более думским следует спуститься с заоблачных высот фантазии и смотреть на вещи трезвее и реальнее <…>

Распутин – обыкновенный русский мужик, экзальтированно-умный, чистоплотно-чистый, заботливо-трудолюбивый и, главное, не порывающий свои связи с простым народом и потому-то и сильный в народе и в сферах, которые близки народу или дорожат им. Вот нехитрая разгадка внимания к этому человеку, каких в русском народе найдутся десятки и сотни тысяч, но которых не выдвинула судьба, и только случай не сделал предметом усиленного внимания.

Несомненно, что у Распутина повышенная чуткость и культура доброго старого времени, которое давало нам крестьянина, по тонкости восприятия равного барам, иначе этот полуграмотный мужик давно бы оттолкнул от себя представителей аристократии, которых не часто приходится встречать. Что это личность необыкновенная, стоящая выше ряда пророков в рясах и пророчествующих в мундирах, – это также несомненно. Иначе Распутин не служил бы предметом бесконечных разговоров и обсуждений не только в доносах Гермогена и Феофана, но не играл бы роли и как материал для выводов в речах почетного П. Н. Милюкова.

Однако придавать ему столь исключительное политическое и государственное значение непозволительно. Распутин играл и играет в истории нашей общественности крупную роль, сделавшись, к сожалению, предметом уличных обсуждений только в последние два года, хотя он приобрел доступ в высшие сферы и круги более семи лет тому назад. Влиянию его чисто личному, далекому от соображений политических и тем менее интриг, есть объяснения, объяснения не мистического и менее

всего религиозно-сексуального характера, на что напирает наша духовная среда, где грязь, зависть, сплетни и интриги свили себе прочное гнездо – но преувеличивать и это влияние до возможности для Распутина заточать Гермогена, удалять Феофана, высылать из столицы Илиодора не следует даже газетчикам вечерних газет.

Нужно им помнить, что, проводя подобные сведения в публику, они делают плохое дело: можно подумать, что в России нет уже ни законности, ни здравого смысла, ни примитивной честности. <…>

Вся сила его заключается в вере и благотворении, да христианских подвигов добродетели, не показной, не крикливой, но такой, которая, очевидно, является редкостью для критикующих этого человека деятелей нашего времени».

Этот претендующий на роль трезвого реализма, а в действительности в высшей степени патетический панегирик замечательно уравнивал ту грязь, которая на царского друга выливалась слева и справа, и так же передергивал факты, как и «газетчики вечерних газет», ибо и заточение Гермогена, и удаление Феофана, и высылка Илиодора были не чем иным, как следствием их столкновения с Распутиным, и едва ли автор статьи А. Ф. Филиппов (он же стал издателем распутинских трудов) этого не знал. Знал, но так было выгоднее, таких слов требовала логика политической борьбы и такие слова появлялись.

Однако гораздо показательнее другой, связанный с периодикой, сюжет. Консервативная газета «Московские ведомости», которую возглавлял Лев Александрович Тихомиров и которая к 1914 году поменяла своего редактора (им стал Б. Назаревский), писала:

«Думаем, что мы не будем далеки от истины, если скажем, что Распутин – "газетная легенда" и Распутин – настоящий человек из плоти и крови мало что имеют общего между собой. Распутина создала наша печать, его репутацию раздули и взмылили до того, что издали она могла казаться чем-то необычайным. Распутин стал каким-то гигантским призраком, набрасывающим на все свою тень.

Кому это понадобилось? Во-первых, нападали левые. Эти нападки носили чисто партийный характер. Распутина отождествляли с современным режимом, его именем хотели заклеймить существующий строй. Все стрелы, направленные на Распутина, на самом деле летели не в него. Он нужен был лишь для того, чтобы скомпрометировать, обесславить, замарать наше время и нашу жизнь. Его именем хотели заклеймить Россию.

Понятно, что ко всем нападкам с этой стороны на Распутина можно и должно было отнестись с особой недоверчивостью. Тут наши публицисты избрали для себя самую невыгодную позицию: они прикрывались именем Распутина как щитом. Всем было ясно, что они целят в руководителей политики, говоря о Распутине, но когда до этих писак добиралась цензура, угадывавшая их истинное намерение, они вопияли: "Вот видите, что с нами делают из-за Распутина! Вот каков наш теперешний режим!"»

Если учесть, что именно газета «Московские ведомости» была пионеркой в походе против «лжестарца» и еще несколько лет назад она на Распутина яростно нападала, то теперь это своеобразное посыпание пеплом своей головы выглядело особенно символичным.

«Прощаясь с читателями, я должен повторить тот же призыв, добавив, что наша национальная ситуация не только не оказалась в состоянии улучшения, но и ухудшилась в эти 5 лет» – писал незадолго до этой поразительной «смены вех» Тихомиров в последнем подписанном им номере 31 декабря 1913 года.

Но несмотря на то, что такие люди, как Тихомиров и Новоселов, отходили (или их отодвигали) в сторону и им оставалось только выражать свое отношение к Распутину в письмах и дневниках, число активных врагов Распутина не уменьшалось и противодействие ему продолжалось. Только успеха оно также не имело: Распутин переигрывал всех. Потерпел фиаско генерал Богданович, написавший, по свидетельству Джунковского, Государю несколько «весьма откровенных писем. Первое письмо было принято Государем доброжелательно, очевидно, во внимание к его годам и немощи, но после следующего письма дворцовый комендант Дедюлин приехал к нему и от имени Государя просил его прекратить подобную переписку, касавшуюся личной жизни их величеств. Это страшно огорчило старика, он сразу как-то осунулся, жизнерадостность его исчезла. После этого спустя полгода он скончался».

Еще о нескольких попытках остановить Распутина рассказал в мемуарах другой известный священник – протопресвитер Г. Шавельский.

«Всякий раз, когда мне приходилось бывать в Москве, я заезжал к великой княгине Елисавете Федоровне. Она была со мною совершенно откровенна и всегда тяжко скорбела из-за распутинской истории, по ее мнению, не предвещающей ничего доброго. В начале 1914 года прот. Ф. А. Боголюбов (настоятель Петропавловского придворного собора), со слов духовника великой княгини Елисаветы Федоровны, прот. Митрофана Сребрянского, сообщал мне, что великая княгиня собирается

прислать ко мне о. Сребрянского с просьбой, чтобы я решительно выступил перед царем против Распутина, влияние которого на царскую семью и на государственные дела становится всё более гибельным. О. Сребрянский, однако, ко мне не приезжал, а вскоре началась война.

Во второй половине мая 1914 года ко мне однажды заехали кн. В. М. Волконский, товарищ председателя Государственной Думы, и свиты его величества генерал-майор, кн. В. Н. Орлов, начальник походной его величества Канцелярии. Первый был знаком со мной более заочно, со слов фрейлины двора Елизаветы Сергеевны Олив, моей духовной дочери; со вторым я очень часто встречался при дворе на разных парадных торжествах. Я знал, что кн. Орлов – самое близкое к Государю лицо. Приехавшие заявили, что они хотят вести со мной совершенно секретную беседу. Я увел их в свой кабинет, совершенно удаленный от жилых комнат. Никто подслушать нас не мог. Там они изложили мне цель своего приезда.

Суть ее была в следующем. Влияние Распутина на царя и царицу всё растет, пропорционально чему растут в обществе и народе разговоры об этом и недовольство, граничащее с возмущением. Содействующих Распутину много, противодействующих ему мало. Активно или пассивно содействуют ему те, которые должны были бы бороться с ним. К таким лицам принадлежит духовник их величеств прот. А. П. Васильев. Прекрасно настроенный, добрый и честный во всем, тут он упрямо стоит на ложном пути, дружа с Распутиным, оказывая ему знаки уважения, всем этим поддерживая его.

– Я чрезвычайно чту и люблю о. Васильева, – говорил кн. Орлов, – как прекрасного пастыря и чудного человека, и потому особенно страдаю, видя тут его искреннее заблуждение в отношении Распутина. Несколько раз я пытался разубедить, вразумить его, – все мои усилия до настоящего времени оставались бесплодными. Мы приехали просить вас, не повлияете ли вы на о. Васильева, не убедите ли его изменить свое отношение к Распутину.

Я пообещал сделать всё возможное. Условились так: я позвоню по телефону к о. Васильеву и буду просить его спешно переговорить со мною по весьма серьезному делу. Переговоривши с ним, я чрез кн. Волконского извещу кн. Орлова об исполнении обещания, а затем в назначенный час побываю у последнего один без кн. Волконского. Вообще, чтобы не возбудить ни у кого, не исключая прислуги, каких-либо подозрений, мы условились соблюдать крайнюю осторожность, как при посещениях друг друга, так и в разговорах по телефону.

В тот же час я говорил по телефону с о. Васильевым. Последний пожелал сам приехать ко мне в 8 ч. вечера.

Не скажу, чтобы предстоящий разговор нисколько не беспокоил меня. О. Васильев был мне очень симпатичен; от других я очень много хорошего слышал о нем; но близки с ним мы не были и в общем все же я очень мало знал его. Как он отнесется к моей попытке вразумить его? А что, если он нашу беседу передаст Григорию, а тот царице? Добра от этого немного выйдет. Я решил действовать осторожно.

В 8-м часу вечера прибыл ко мне о. Васильев. Я принял его в парадной гостиной, удаленной от жилых комнат. Когда нам подали чай, я приказал прислуге больше не приходить к нам, а домашние мои раньше ушли из дому. Нас никто не слышал. <… > С о. Васильевым мы проговорили до 11 ч. вечера и все же ни к чему определенному не пришли. Решили продолжать разговор на следующий день. Опять о. Васильев обещал приехать ко мне, к тому же вечернему часу. Из проведенной беседы я вынес убеждение, что А. П. Васильев со мной искренен и что он сам колебался, защищая Гришку. Я решил смелее действовать в следующий раз.

В результате свыше трехчасового разговора (мы расстались в 11 ч. 30 м. ночи) мы согласились на следующих положениях:

1) история Распутина весьма чревата последствиями и для династии и для России; 2) мы оба обязаны бороться с Распутиным, парализуя его влияние всеми, зависящими от нас, средствами.

На этом мы расстались.

После этого вечера я до осени 1915 года ни разу не видел о. Васильева и совсем не знаю, как он выполнял обязательства, вытекающие из нашего последнего разговора. Из беседы с кн. Орловым я окончательно убедился, что распутинское дело зашло очень далеко».

О царском духовнике митрофорном протоиерее Александре Васильеве существует также весьма интересное свидетельство С. П. Белецкого, который ссылался на устный рассказ самого о. Васильева.

«Наследник цесаревич спросил Васильева: "Правда, что Григорий Ефимович (Распутин) – святой человек?" Тогда его величество, ничего не ответив наследнику, обращаясь к отцу Александру, попросил его ответить на этот вопрос наследнику, причем отец Александр заметил, как пытливо смотрела на него императрица, не спуская с него взгляда во время его ответа. Боюсь быть неточным, но, насколько отец Александр, понимая всю щекотливость своего положения, не давая прямого ответа,

объяснил наследнику, какие требования предъявляет завет Спасителя и Священное Писание каждому, кто искренно желает угодить Богу. Государь после этого встал из-за стола, и разговор на этом оборвался».

Но вернемся к мемуарам отца Шавельского, который, в отличие от законоучителя царских детей, вел, или, точнее, писал о том, что вел с Распутиным борьбу не на жизнь, а на смерть.

«Вскоре после этого я сделал две совершенно безуспешные попытки помочь благополучному разрешению его.

Скажу о них.

В то время, как мне было доподлинно известно, исключительным влиянием на Государя пользовался военный министр генерал-адъютант В. А. Сухомлинов, очень сердечно относившийся ко мне. Я решил повлиять на Сухомлинова, чтобы он в свою очередь произвел соответствующее давление на Государя. После одного из докладов в конце мая (1914 г.) я завел речь о Распутине и о страшных последствиях, к которым может привести распутинщина. Сухомлинов слушал вяло, неохотно, раздва поддакнул. Когда я попросил его повлиять на Государя, чтобы последний устранил Распутина, Сухомлинов буркнул что-то неопределенное и быстро перевел разговор на другую тему. Теперь я отлично понимаю Сухомлинова: он тогда лучше меня ориентировался в обстановке и считал для дела бесплодным, а для себя лично опасным предпринимать какие-либо шаги против Распутина».

Интересное свидетельство о непрекращающемся наблюдении за Распутиным содержится также в мемуарах Н. А. Ордовского-Танаевского, занимавшего в 1900—1904 годах должность председателя казенной палаты в Тобольске. В 1913 году Ордовский-Танаевский получил конфиденциальное поручение «проехать в Тобольск к бывшим сослуживцам и родственникам и обследовать вопрос о Распутине и его отношении к женским монастырям в самом Тобольске и в Екатеринбурге». Мемуарист сообщает, что это было сделано «по желанию правых деятелей Государственной Думы», но о расследовании умалчивает, зато описывает несколько весьма характерных эпизодов:

«В феврале 1913 года ко мне пришел полицеймейстер Черешкевич. Я был за губернатора.

– Как поступить? На вокзале из поезда из Тюмени вышел Распутин, его окружили человек 5—6, он с ними сидит ужинает и разговаривает. Боюсь, как бы чего не вышло. Поезд на Петербург только утром. Я слышал, вы его знаете.

– Да, знаю. Поезжайте на вокзал и скажите, что я зову его переночевать у меня.

Привезли, переночевал и утром уехал».

Другая история случилась несколько позже в Петербурге:

«Отворяю дверь – картина!

В конце столовой, у окна в большом кресле, во всем белом сидит дама, руки сложены ладонями вместе, простерты к Григорию. Дама вопит истерическим голосом:

– Иисусик, Иисусик, Иисусик, убей меня, меня, великую грешницу. Убей, убей, убей.

Григорий хватает стул, вырываю его. Григорий обалделый:

– Оставь, убью мерзавку и …вполне непечатное слово.

Я, левой рукой, беру его за шиворот, правой – ниже пояса, за штаны, и выволакиваю в открытую дверь в соседнюю комнату, там бросаю на оттоманку.

– Дамы, дайте холодной воды, надо окатить сумасшедшего!

– Ты откуда взялся?! Жаль, помешал, таких дур да и… да еще кощуниц, убивать надо!

– Пей воду дурак. Ни ее от смерти, ни тебя от каторги я не думал спасать, а спасал Государя и Государыню от новых пересуд. Пригласили мужика, он зазнался, а теперь о Помазанниках Божиих Бог знает что вопят по Руси мерзавцы!»

Однако наряду с попытками нейтрализовать Распутина мирными средствами против царского друга начались также и насильственные действия. После неудачной кампании 1912 года высокопоставленные враги Распутина действовали без высоких трибун и гласности, а исподтишка. В показаниях С. П. Белецкого описывается одна довольно странная история, имевшая место осенью 1913 года:

«В последние месяцы моего директорства при Н. А. Маклакове, когда августейшая семья находилась в Ливадии и Распутин был вызван в Ялту, от Ялтинского градоначальника, покойного генерала Думбадзе, пользовавшегося особым расположением Государя и бывшего под большим воздействием генерала Богдановича, который протежировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью "лично" приблизительно следующего содержания: "Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту". Расшифровал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента полиции А. Н. Митрофанов, посылая мне на квартиру шифровку, предупредил меня по телефону, что телеграмма интересна. Я, подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: "В собственные руки Н. А. Маклакову" – и затем по особому – для разговоров только с министром – телефону спросил его: не последует ли каких-либо распоряжений, но он мне ответил, что

"нет, я сам". Какие были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю, но приезд <Распутина> в сопровождении филеров состоялся безо всяких осложнений. Этой телеграммы в деле нет, так как Н. А. Маклаков мне ее не возвратил, а Митрофанов по расшифровке порвал подлинник, как это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами…»

Свидетельство Белецкого подтверждается мемуарами генерала М. Д. Бонч-Бруевича, брата известного большевика:

«По словам контрразведчиков, одно время, когда ждали приезда Распутина вместе с царской семьей в Ливадию, на него замыслил довольно фантастическое покушение ялтинский градоначальник Думбадзе. Широко известный черносотенец и погромщик предполагал сбросить Распутина со скалы, находившейся неподалеку от Ялты, или убить его, инсценировав нападение "разбойников".

Все это походило на анекдот, но идея убийства ненавистного "старца" будоражила многие умы».

Анекдот анекдотом, но Думбадзе был действительно человеком весьма решительным и жестким. А кроме того, стоит отметить, что в борьбу против Распутина в который раз включились убежденнейшие антисемиты, к каковым Думбадзе безо всяких скидок принадлежал, но и свою ненависть к русскому крестьянину при этом не скрывал.

«Примером такого непримиримого противника Распутина являлся мой отчим, генерал Думбадзе, приказавший в 24 часа выслать из Ялты приехавшего туда Распутина, – вспоминал его пасынок С. В. Марков, впоследствии через зятя Распутина Б. Н. Соловьева причастный к попыткам освобождения Царской Семьи. – Несмотря на вмешательство дворцового коменданта, Распутин был посажен в автомобиль и ровно через 24 часа покинул пределы не только Ялты, но и ее уезда. <…> Их Величества об этом знали, и Государь даже осведомился об этом у него самого (то есть у Думбадзе. – *А. В.),* на что получил ответ, что он не считает возможным допустить Распутина в Ялту по своим личным соображениям, а также и просто потому, что он его не любит».

Дальнейшие события показали, что Распутина в покое не оставили и одной нелюбовью дело не ограничилось. В 1914 году на сибирского странника было совершено самое настоящее покушение, едва не оборвавшее его жизнь на два с половиной года раньше. Организатором этого злодейства был признан монах-расстрига Илиодор (который после снятия с себя сана проживал с молодой женой и группой поддержки у себя на хуторе на Дону), а исполнителем, вернее исполнительницей –

сызранская мещанка Хиония Гусева.

Сам Сергей Труфанов, хотя и отрицал свою причастность к этому покушению, тем не менее знакомство с Хионией и ее планами признавал.

«Хионию Кузьминичну Гусеву я знаю хорошо; она – моя духовная дочь. Девица – умная, серьезная, целомудренная и трудолюбивая. Начитана очень в священном писании, и на почве этой начитанности она кое-где немного заговаривается… До 18 лет она была очень красива лицом, а потом сделалась уродом: у нее отпал нос. Сама она объясняет это тем, что она молила Бога отнять у нее красоту. И Он отнял. Просто она во время паломничества по святым местам, ночуя по ночлежным домам в больших городах, заразилась скверною болезнью, сифилисом, и сделалась уродом.

В течение 1913 года она два раза бывала у меня в "Новой Галилее". Во время бесед о причинах моей ссылки и ее последствиях я много рассказывал ей, как и другим гостям, о "блаженном" Распутине. Она часто прерывала мои речи и горячо говорила: "Дорогой батюшка! Да Гришка-то настоящий дьявол. Я его заколю! Заколю, как пророк Илья, по повелению Божию, заколол 450 ложных пророков Вааловых! А Распутин еще хуже их. Смотрите, что он делает. Батюшка, благословите с ним разделаться"».

Судя по всему, «батюшка» благословил. 29 июня, в праздник Верховных первоапостолов Петра и Павла среди бела дня на улице села Покровского Хиония подбежала к Григорию и ткнула его ножом в живот. Распутин был убежден, что неизвестная ему женщина хотела его убить; некоторые мемуаристы и биографы говорят о попытке оскопления. Последняя версия частично подтверждается письмом Илиодора к своим почитательницам, написанным за несколько месяцев до покушения. В этом послании есть такие строки: «…сделаем первое дело, окрестим Гришку», что на скопческом языке и означало оскопить. Но сама преступница говорила на следствии о намерении совершить убийство.

История этой попытки тем или иным способом «обезвредить» Распутина досконально описана во многих книгах. В отличие от прочих покушений на Григория, в том числе и рокового, последнего, ничего неясного в обстоятельствах этого дела нет (сложнее с подлинными мотивами). Хиония совершенно очевидно была психически нездорова. Вообразив себя призванной вступиться за поруганных женщин, которых Григорий, по слухам, растлил, она решилась на крайнее средство, в чем сама чистосердечно призналась, хотя и не раскаялась.

«Я признаю себя виновной в том, что 29 июня в с. Покровском днем с обдуманным заранее намерением с целью лишения жизни ударом кинжала в полость живота причинила крестьянину села Покровского Григорию Ефимовичу Распутину-Новому рану, но задуманного осуществить не могла по обстоятельствам, от меня независимым…

Я решила убить Григория Ефимовича Распутина, подражая святому пророку Илье, который заколол ножом 400 ложных пророков; и я, ревнуя о правде Христовой, решила над Распутиным сотворить Суд Божий с целью убийства Распутина…

Я считаю Григория Ефимовича Распутина ложным пророком и даже Антихристом, потому что он в Синоде имел большую славу благодаря Гермогену – епископу и батюшке Илиодору, а в действительности его пакостные дела указали, что он развратник и клеветник».

В показаниях Хионии имеются и другие подробности: как она выслеживала Распутина в течение нескольких недель, как ездила за ним в Ялту, как носила, не снимая, под юбкой купленный у какого-то армянина кинжал с ножнами. Но помимо всего прочего эта история интересна своими документами, в которых пусть даже в обработанной полицейскими писарями форме отразилась личность Распутина.

Так, именно в одном из показаний потерпевшего мы можем с его слов узнать, что другу русского царя в 1914 году исполнилось 50 лет (хотя реально Распутин был на пять лет моложе), что он малограмотен и под судом никаким не состоял. Здесь же он говорит о том, что впервые в жизни видит Хионию Гусеву и называет прямого виновника и организатора покушения:

«Я думаю, что она была подослана убить меня Илиодором Труфановым, так как он на меня имеет все подлости; других доказательств моего подозрения на Илиодора в участии и покушении на убийство я не имею. Его я только подозреваю, сумлеваюсь. Я считаю ненормальным, когда он отрекся от Бога, от Церкви святой».

О связи Хионии с Илиодором писали и в тогдашних газетах: «<…> Хиония, поселившись в Царицыне, стала самой преданной почитательницей Илиодора. Она принимала энергичное участие в сборе пожертвований на построение Царицынского монастыря, ездила по богатым купцам г. Царицына и др. городов. <…> Когда Илиодор был заточен в монастырь, а затем лишен сана, то Хиония, прежде религиозная, резко изменилась и в церковь перестала ходить. <…> Если не желанием отомстить за Илиодора, то поступок Хионии может быть объяснен местью за ее дочерей. Хиония имеет двух довольно красивых дочерей

Анастасию и Наталью. Распутин, бывая у Илиодора в монастыре, не раз ночевал в доме Хионии, где, ведя беседу и занимаясь церковным песнопением, допускал излишние вольности в обращении с женщинами, глубоко возмущавшие религиозную Хионию», – сообщала московская газета «Утро России» 2 июля 1914 года.

Правды в этой заметке было не больше, чем фантазии (никаких дочерей у Хионии не было), но русская публика уже тогда печатному слову привыкла слепо верить, и в последние предвоенные дни вся страна следила за расследованием несостоявшегося убийства.

«Тюмень, Тобольской губ., 30, VI. Вчера около 12-и часов дня, какая-то женщина, подойдя к шедшему по улице с. Покровского Григорию Распутину, ранила "старца" ударом кинжала в живот. Кинжал застрял на глубине 3 1/2 вершков. Распутин упал, обливаясь кровью, и тотчас же потерял сознание. Почитатели "старца" немедленно по телеграфу вызвали из Тюмени врачей. Положение раненого внушает серьезные опасения», – писала московская газета «Русское слово» 1 июля 1914 года.

«30-го июня немногочисленные друзья Распутина, находящиеся не в Петербурге, получили сведения, подтверждающие факт покушения на жизнь "старца". По одной версии против Распутина был организован целый заговор, – по другой – покушение произведено на романтической почве. <…> Одно близкое к Распутину лицо сообщает, что покушавшаяся на жизнь "старца" бывшая поклонница Илиодора. Женщина эта из Петербурга уехала вместе с Распутиным в одном поезде. В течение дня в Петербурге было получено ряд частных телеграмм о состоянии здоровья Распутина, но крайне разноречивых. В одних сообщалось, что жизнь Распутина находится в большой опасности, так как кинжал отравлен и рана очень велика, в других, что Распутину значительно лучше и его перевозят в Тюмень. Поздно ночью новая телеграмма сообщила, что Распутин скончался», – поспешила с непроверенным известием в тот же день петербургская кадетская «Речь».

«ПОКРОВСКОЕ, 30 – VI. (Срочная.) В селе циркулируют мало вероятные слухи, что покушение Гусевой есть не что иное, как изуверство. Гусева напала на Распутина с целью испытать силу распутинской святости. Если бы Распутин действительно оказался пророком, то его не взял бы кинжал – рассуждает Гусева», – писал «Петербургский курьер». И так получилось, что именно это издание оказалось в наиболее привилегированном положении.

Собственный корреспондент «Курьера» прямо с места событий телеграфным способом передавал в редакцию

подробности покушения. А звали этого удачливого журналиста Вениамин Борисович Давидсон (по другой версии Дувидсон или Дувидзон), и, согласно воспоминаниям Матрены Распутины, оказался он в нужном месте в точный час не случайно. Началось все еще в Петербурге.

«Однажды раздался телефонный звонок, звали меня. Мужчина, совершенно не знакомый мне, с ходу начал объясняться в любви, говоря, что видел меня на улице. Я спросила, уверен ли он, что имеет в виду именно меня, а не Марусю. Он ответил, что совершенно уверен.

Он пообещал позвонить снова и стал звонить каждый день. В конце концов, признался, что шел за мной до самого дома и так узнал, что я – дочь Распутина.

Молодой человек не скупился на лесть, и я уже почти влюбилась в него, но мне пришлось сказать, что я не могу с ним встретиться, потому что через несколько дней уезжаю с отцом в Сибирь. Звонки тут же прекратились.

Добравшись до Тобольска, мы пересели с поезда на пароходик и на нем приплыли в Покровское.

На одной из остановок, совсем недалеко от Покровского, на пароход сел смуглый молодой человек. Он, дождавшись, пока рядом не окажется отца, представился мне, назвавшись газетным репортером Дэвидсоном. Я сразу узнала голос – это он звонил мне. Мне не очень понравилось лицо молодого человека, но я была польщена тем, что он поехал вслед за мной. Все это было так романтично. Отцу я ничего не сказала. И жалею об этом до сих пор. Моя глупость привела к трагедии. (Потом выяснилось, что Давидсон – один из участников покушения на моего отца. Как только мы прибыли в Покровское, он тут же отправился к Хионии Гусевой, чтобы закончить подготовку к преступлению.)».

Относительно того, был ли Давидсон кандидатом в распутинские зятья или Матрена все сочинила, свидетельства очевидцев расходятся.

«…Давидсон, случайно бывший в это время в с. Покровском и познакомившийся с семьею Распутина под видом жениха старшей дочери Распутина, – писал про него Белецкий, но далее уточнял: – Так как Давидсон, с которым Распутин и семья прекратили знакомство после статей о Распутине, тем не менее, продолжал звонить по телефону в дом Распутина, то А. А. Вырубова просила меня положить предел преследованию Давидсона старшей дочери Распутина и была обеспокоена возможностью дальнейших его газетных выступлений о Распутине».

«Никогда я не слыхала, чтобы Давидсон выдавал себя за жениха дочери Распутина, надоедал последнему и его семье и

писал в газетах о Распутине», – отрицала все Вырубова.

А между тем Матрена в своей книге описала, как происходило покушение и какое отношение мог иметь к нему журналист.

«Вскоре раздался стук в дверь. Я побежала открывать. Пришел Давидсон, который хотел узнать о положении отца, объяснив, будто хочет послать репортаж в свою газету. Пока я смотрела на него и слушала его расспросы, меня вдруг осенила ужасная догадка: этот человек меня обманул. Мой мозг словно осветил взрыв фейерверка, я поняла все: зачем он звонил мне по телефону, зачем льстил мне, пока не выудил нужные ему сведения о нашей поездке в Сибирь, почему оказался на том пароходе, и самое отвратительное из всего – зачем он пришел к нам домой. Конечно, он хотел разузнать, удалась ли попытка убийства. Я – причина несчастья! Я привела убийцу к отцу!

Я толкнула Давидсона, что-то кричала ему – не помню. Потом – провалилась в обморок».

«ПОКРОВСКОЕ, 1 – VII. (Срочная.) После долгих хлопот и уверений, что я не нарушу покой раненого, меня, наконец, пустили к Распутину. Распутин лежит на спине в большой просторной комнате. Около него хлопочет сестра милосердия, из родных никого нет. Распутин мне сказал: – Я ее вижу в первый раз. Доносились до меня слухи о том, что хотят убить меня, не верил я этому… Это все проклятый Илиодор!.. Но, на зло им и всем недругам, жить буду! Все равно буду… А им петля на шею!» – писал Давидсон в «Петербургском курьере» 2 июля 1914 года на основании взятого им интервью.

И в тот же день другая петербургская газета «Земщина» задавала вопрос: «Почему она (газета «Петербургский курьер». – *А. В.)* оказалась единственным органом печати, командировавшим своего собственного корреспондента в село Покровское, куда поехал на покой Григорий Распутин… Предусмотрительность «Курьера» выходит из обычных рамок. Она наводит на разные размышления…»

Ревность газетчиков понятна, но все же непосредственное участие Давидсона в заговоре Илиодора представляется довольно сомнительным. Во всяком случае никаких доказательств полицией найдено не было. Что же касается «Петербургского курьера», то он и раньше с равным успехом печатал статьи как против Распутина, так и за него. Главное – *про* Распутина. И это момент принципиальный: если прежде против царского друга восставали идейные борцы вроде Новоселова, Меньшикова и Тихомирова и стремились привлечь к нему внимание властей и общественного мнения как к явлению болезненному и

требующему немедленной хирургической операции (ампутации от двора, если так можно выразиться), то теперь журналисты и их предприимчивые хозяева превратили сибирского мужика в информационный товар и принялись качать из этой тюменской скважины деньги, то есть заниматься тем, чем почти весь XX век занимались и по сей день занимаются люди в самых разных странах, сочиняя про Распутина бульварные романы, вымышленные мемуары, подложные дневники, псевдоисторические изыскания и эротические фильмы, а также открывая частные музеи и выставляя, якобы распутинский, гигантский фаллос.

Но начало этой «нефтедобыче» было положено еще при жизни Григория, и свои гонорары расторопный Давидсон получал сразу по двум ведомостям: от редакции газеты и из Департамента полиции, о чем говорил его директор С. П. Белецкий на следствии в 1917 году.

Существенно и то, что вокруг Распутина катастрофически приумножалась ложь, и это дает основание его сегодняшним поклонникам объявлять фальсификацией любое неудобное для них свидетельство о их кумире. Хотя фальсифицировались и удобные.

Вот характерный образчик – статья некоего В. Алексеева «Час в гостях у Григория Ефимовича Распутина», опубликованная все в том же «Петербургском курьере»:

«Сели за стол.

Секретарша Распутина Акулина Никитична заметила при этом:

– Вот говорили, у отца Григория изысканные кушанья подаются. Вы сами видите, что это неправда. Сиг и икра – это для гостей, а сам он черный хлеб кушает! Только газеты всячески врут про него, что он живет на широкую ногу. На днях напечатали, что он священником собирается стать.

– А я и не думал, – подхватил Распутин. – К чему мне это? Жену свою люблю и разводиться с ней не собираюсь. Мало ли, что про меня пишут».

Писали и впрямь все что угодно – темный, неуч, хлыст, развратник, но каким бы безграмотным Распутин ни был, он не мог не знать, что для принятия священнического сана развода с женой не требовалось. А вот неуч журналист в таких тонкостях мог и не разбираться и писал, что взбредет в голову.

Но вернемся к покушению.

«Петербург. В связи с известием о том, что Феония мстила Распутину за оскорбление монахини Ксении, последняя, с благословения епископа Гермогена, выехала в Тобольск, чтобы

лично засвидетельствовать судебным властям правдивость сделанных Феонией заявлений. После оскорбления ее Распутиным Ксения неоднократно обращалась в Петербург с жалобами, но безрезультатно», – передавал 6 июля корреспондент тучковского «Голоса Москвы», которому было то ли лень проверить факты, то ли как раз факты интересовали его меньше всего. Во всяком случае с инокиней Ксенией, которую якобы растлил Распутин и за которую мстила Хиония, все было совершенно не так. Ксения видела Распутина всего два раза в жизни и то издалека, никогда не была им растлена и вообще оказалась в этом сюжете сбоку припеку.

А действительной героиней была 33-летняя девица с провалившимся по неизвестным причинам носом, которую допрашивали по многу раз, выуживая у нее информацию о самых интимных сторонах ее жизни:

«Мой покойный отец Кузьма Алексеев Гусев болел ревматизмом ног, спиртными напитками не злоупотреблял, хотя водку и пил. Мой покойный родной брат Симеон сошел с ума и умер; у него были, как и у отца, раны на ногах.

Среди родни нашей сифилитиков, насколько я знаю, не было, самоубийц, преступников и лиц, страдавших глухонемотой или другими физическими уродствами, тоже не было.

Моя мать Марфа Петровна Гусева была женщина здоровая, умерла она от воспаления легких, от чего отец умер – не знаю, но он долго хворал.

Лет с девяти меня лечили травами, сулемой в вине от ломоты в голове и в ногах. Других болезней у меня в раннем детстве не было, солнечного удара со мной не случалось и головы до потери сознания я не расшибала. Жила я с отцом, большой нужды материальной у меня не было. Когда у меня впервые появилась менструация и как она протекала – не помню. Беременной я ни разу не была, не было у меня родов и кормлений грудью ребенка. Сифилисом я не страдала. Меня испортили лекарствами с 13 лет, отчего у меня и провалился на лице нос. Это у меня случилось на 13-м году жизни. Спиртных напитков, кроме лекарств, я не пила, половым излишествам и онанизму, рукоблудию не предавалась. Училась я в приходской воскресной школе, но курса не окончила по своему желанию.

Взрослой я никогда не болела, хотя у меня что-то делается уже лет пять с сердцем, что, не знаю (30 сентября 1914)».

Позднее в написанной в Америке книге «Марфа Сталинградская» Сергей Труфанов следующим образом объяснял, почему для покушения была выбрана именно эта несчастная: «Собрание избрало трех самых красивых девушек… они должны

были заманить и убить Распутина». Но Хиония сказала: «Зачем губить красивых женщин, жизнь которых впереди? Я женщина убогая и никому не нужная… я одна предам его казни. Батюшка, благословите меня заколоть его, как пророк древний заколол лжепророков».

Если это верно, то перед нами пример своеобразной жертвенности, скорее свойственной русским террористкам от народоволок до эсерок, нежели древним пророкам и пророчицам, однако Хионию ждал более мягкий приговор по сравнению с Верой Фигнер, Анной Распутиной или Лидией Стуре. По итогам следствия, которое длилось почти год, Шарлотту Корде сызранского уезда признали невменяемой и посадили в сумасшедший дом. Там она пробыла до Февральской революции, а потом, освобожденная как ветеран борьбы с Распутиным, попыталась в 1919 году на ступеньках храма Христа Спасителя убить таким же способом патриарха Тихона.

Илиодор же, переодевшись в женское платье, несколько дней спустя после покушения на Распутина бежал в Норвегию, где принялся писать свой знаменитый антираспутинский памфлет под названием «Святой черт», в чем ему помогал его более именитый собрат по перу Алексей Максимович Горький.

На последнем обстоятельстве есть смысл остановиться подробнее. Хотя Горький, разумеется, Распутина не знал и все, что писал о нем, было полной чушью, его мнение – образчик тех настроений, от которых лихорадило русскую интеллигенцию.

«"Общество" сильно заинтересовано старцем Григорием Распутиным – что будет, когда у него зарастет животишко, какие отсюда для России результаты явятся? – писал он в одном из писем летом 1914 года. – Прелюбопытная легенда слагается о старце: во-первых, сведущие люди говорят, что старец суть сын старца Федора Кузьмича, во-вторых – что он дал престолу наследника. Ситуация любопытная и возбуждающая надежды великие: окунувшись в море народное, царь-старец почерпнул там некие новые силы и через сына своего воплотил оные во внука, стало быть – мы спокойно можем ожидать от внука всяческих благ, но он, внук, есть как бы результат слияния царя с народом. Чисто?»

Прокомментировать это можно следующим образом. В 1918 году Василий Васильевич Розанов, о Распутине, как уже говорилось, также много писавший и еще больше сочинявший, обронил в «Апокалипсисе нашего времени» пророческие и горькие строки: «Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает».

Отношение Горького, других прогрессивных писателей и, говоря шире, революционно настроенной интеллигенции к Распутину, к монархии тоже было своего рода шалостью, за которую стране пришлось жестоко заплатить. Но есть и другая сторона этого вопроса. Горький в иронических тонах пишет о «внуке, от которого можно ожидать всяческих благ» – цесаревиче Алексее Николаевиче, больном, несчастном ребенке, которого Распутин гипнозом не гипнозом, магией не магией, внушением или молитвой – но как-то поддерживал. Русское общество ничего об этом не знало. *Этой* утечки информации из дворца не случилось, *эту* дворцовую тайну сохранить удалось, и, быть может, – удалось к несчастью. Хочется верить, что, если бы она была раскрыта, если бы наши великие гуманисты знали, в чем суть и главная причина отношений Распутина и Царской Семьи, они, возможно, и не позволили бы себе такого ерничества.

Но даже родная сестра Государя Великая Княгиня Ксения Александровна узнала о болезни наследника только весной 1912 года в разгар думского скандала.

«*10 марта.* В вагоне Ольга нам рассказала про свой разговор с ней (Императрицей. – *А. В.)*. Она в первый раз сказала, что у бедного маленького эта ужасная болезнь и оттого она сама больна и никогда окончательно не поправится. Про Григория она сказала, что как ей не верить в него, когда она видит, что маленькому лучше, как только тот около него или за него молится.

В Крыму, оказывается, после нашего отъезда у Алексея было кровотечение в почках (ужас!) и послали за Григорием. Все прекратилось с его приездом! Боже мой, как это ужасно и как их жалко».

К другим это прозрение пришло еще позднее.

«Вот теперь я могу сказать, – говорил полковник Кобылинский, комендант при арестованной в 1917 году Царской Семье, – что настанет время, когда русское общество узнает, каким невероятным мукам подвергалась эта Семья, когда разные газетные писаки с первых и до последних дней революции наделяли Их интимную жизнь разными своими измышлениями. Возьмите хоть всю эту грязь с Распутиным. Мне много приходилось беседовать по этому вопросу с Боткиным. Государыня болела истерией. Болезнь привела Ее к религиозному экстазу. Кроме того, так долгожданный и единственный Сын болен и нет сил помочь Ему. Ее муки как матери на почве этого религиозного экстаза и создали Распутина. Распутин был для Нее святой. Вот когда живешь и имеешь постоянное общение с этой Семьей, тогда, бывало, понимаешь, как пошло и подло обливали

эту Семью грязью. Можно себе представить, что Они все переживали и чувствовали, когда читали в Царском все милые русские газеты».

Но не только газеты. Были и пасквильные книги, хотя бы того же Илиодора, на которые вдохновлял монаха-отступника не кто иной, как великий пролетарский писатель. Не случайно так не любила Горького Императрица Александра Федоровна и, уже находясь в заточении, предостерегала Вырубову от общения с ним:

«Что ты познакомилась с Горьким, меня так удивило – ужасный он был раньше, не моральный, ужасные противные книги писал – неужели это тот. Как он против Папы и России все воевал, когда он в Италии жил».

(А Горький, в скобках заметим, хотя и помогал Вырубовой бежать за границу, но именно он в 1927 году, когда на уровне Политбюро было принято решение о приостановке публикации фальшивых вырубовских дневников, – так вот именно Горький против этого решения партии протестовал и требовал продолжения публикации.)

О возникшем еще в 1912 году интересе пролетарского писателя к Илиодору свидетельствует переписка Горького с позабытым ныне литератором Степаном Семеновичем Кондурушкиным, интересовавшимся формами народной религиозности.

«Дорогой Алексей Максимович, – писал Кондурушкин Горькому 20 марта 1912 года, то есть как раз в ту пору, когда Илиодор был заточен в исправительный монастырь. – Недавно я, списавшись с Илиодором, ездил по его приглашению во Флорищеву пустынь. Пробыл там у него три дня. Хотелось мне хорошенько с ним ознакомиться. Показался он мне человеком искренним и страстным в своей искренности. Многое сумбурное и дурное, что он делал, стало мне психологически, я бы даже сказал, общественно более понятным, ибо Илиодор символичен для настоящей русской жизни в известном, конечно, отношении… Я не собираюсь в письме этом охарактеризовать Илиодора и то, что я почувствовал за ним в жизни, хотел бы только поговорить об одной стороне знакомства моего с ним. Он рассказал мне много интересного о Распутине и его роли в высших кругах, о роли Распутина в деле падения еп. Гермогена и Илиодора… Но и это второстепенное для меня в данном случае. Самое важное это то, что Илиодор, по-видимому, находится в состоянии большого раздумья и сомнений в той области, где он так недавно страстно веровал, и причиной этого, по-видимому, был Распутин. Этот, по его выражению, "корявый мужичишка, гад" огадил в сознании

Илиодора многие прежние святыни, за которые он – как иерей, ежедневно молился в ектениях… И вот озлобленный, больной и одинокий, Илиодор порывается теперь написать книгу о Распутине, под заглавием "Святой черт", каковую напечатать за границей. Книга эта, по его мнению, должна произвести не только грандиозный скандал, но и нечто большее скандала, чуть ли не политический переворот… Так, он пишет мне во вчерашнем письме, спрашивая моего совета, – писать или нет; а если писать, то как все это сделать? Он решается для этого (оно, конечно, и неизбежно) снять с себя сан монашеский и иерейский. Вот существенная выдержка из его письма: "Когда прочитал речь Саблера, правых негодяев, узнал о телеграмме арх. Антония Саблеру, об адресе св. Синода ему же, о том, что выступление Саблера в Г. д. в высших сферах принято сочувственно и Гр. Распутин едет в Петербург, то скорби моей, негодованию моему нет предела… Сердце мое так сильно заболело, что я другой день чувствую себя полуживым… Идеалы мои поруганы и втоптаны в грязь. И кем же? Носителями этих идеалов! Посоветуйте, напишите, что мне делать. Я не желаю умереть, не сказавши всей правды… Но сказать в России невозможно, ибо правда моя– действительно правда страшная… Ее придется говорить за границею. Говорить ее надо непременно мне. Значит, само собою напрашивается вывод о моем сане… Я готов на все. ибо у меня отняли все духовное, идеал, чем я жил, и дали мне только ссылку, истрепанные нервы и больное, больное сердце…"

По-видимому, он почувствовал ко мне доверие и расположение, и вот спрашивает совета. Я-то считал бы этот выпад его бесплодным, т. е. он не оправдает ожиданий Илиодора. Он думает, что если сказать и доказать, что вот "гад корявый", мужичишко, хлыст Гришка Распутин имеет некое значительное отношение к царской семье, – так уж Бог знает как много сделать! Наивно, конечно! Я так и пишу ему, что, по-моему, делать этого не нужно. Кажется мне также, что пишет он мне и спрашивает совета на всякий случай, в своем отчаянии. Как бы ни доверял он мне, как бы ни расположился, все же виделись мы с ним в монастырской келье в течение трех дней. Письмо его свидетельствует о том, что он теперь в состоянии некоторого душевного перелома. Последует ли он моему совету и оставит ли затею произвести и новый и почти бесплодный шум – не знаю. Обратится ли он снова ко мне – тоже не знаю. Но пишу я вам обо всем этом по двум причинам. Во-первых, – м. б., это вам не безынтересно. Во-вторых, – вы осведомлены об условиях и возможностях вот такого сорта заграничных изданий. Как бы это можно было Илиодору сделать, если бы он не отказался от мысли

своей написать и издать вышеназванную книгу?

Ну вот, дорогой Алексей Максимович, напишите мне ваше мнение и соображения».

Мы приводим это письмо целиком, так как оно представляется чрезвычайно важным. Из него следует, что уже в марте 1912 года (а не позднее, как писал С. Труфанов в своем пасквиле) Илиодор был готов снять с себя иноческий сан. Уже тогда у него возник замысел написать книгу, направленную против Распутина, и издать ее за границей. Прошло меньше года с того дня, когда прощенный Государем царицынский монах отслужил всенощную во дворцовой церкви в Петербурге и произнес проповедь, которая произвела сильное впечатление на царскую семью, и вот этот человек уже был готов идти на дворец войной.

Обращает на себя внимание и позиция его корреспондента, писателя Кондурушкина: никаких книг писать не надо – выйдет новый и бесплодный шум. Но вместе с тем Кондурушкин на всякий случай спрашивает совета у авторитетного Горького – как быть?

И что же Горький? А Горький в ответ на длинное послание собрата по перу отвечает всего несколькими строками, которые звучат как директива, партийный приказ и разбивают все соображения Кондурушкина:

«Дорогой Семен Степанович!

Мне кажется, – более того – я уверен, что книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, что она может принести многим людям несомненную пользу.

И я очень настаивал бы, – будучи на вашем месте, – чтоб Илиодор написал эту книгу. Устроить ее за границей я берусь.

Действуйте-ко! Право же, это очень хорошо!»

Кондурушкин то ли обиделся, то ли остался при своем мнении, во всяком случае в его переписке с Горьким наступает перерыв на полгода, а потом она вообще прекращается, сам он делает доклад об Илиодоре на заседании петербургского Религиозно-философского общества, где его резко критикуют Мережковский, Карташев, Кузьмин-Караваев и прочие интеллектуалы. Горький же два года спустя находит более интересного корреспондента, с коим можно обсуждать илиодоро распутинскую тему, и не только обсуждать, но и разыгрывать эту карту.

«Думаю, что в близком будущем к вам быть может явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами, – писал Горький А.В.Амфитеатрову 29 июля 1914 года. – Было бы весьма чудесно,

если бы вы помогли ему разобраться в хаосе его души и во всем, что он знает».

Илиодор здесь по имени не называется, хотя речь идет именно о нем, и несколькими абзацами ниже Горький писал: «Бегство Илиодорово многими оценивается как событие катастрофическое, говорят, будто-де оный беглец исполнен знанием многих тайн».

В некоторых книгах, посвященных Распутину, утверждается, что вся история с покушением Хионии Гусевой на Распутина и поспешным бегством Илиодора за границу была организована при содействии московского генерал-губернатора, масона В. Ф. Джунковского. Никаких серьезных аргументов в пользу этой захватывающей версии не приводится, зато существуют очень веские доказательства того, что побег за границу Илиодора был устроен с помощью Горького.

«Убегая за границу, я в Петрограде и Финляндии виделся с А. С. Пругавиным и А. М. Горьким, – писал Илиодор Амфитеатрову. – Эти господа своим авторитетным словом утвердили мое намерение разоблачить печатно подоплеку жизни династии Романовых; последний из них обещал оказать этому делу всяческое содействие, посоветовавши поселиться около Вас, г. Амфитеатров, ожидать берлинского издателя Ладыжникова и из Парижа адвоката по печатным и издательским делам. К сожалению, последовавшая война разрушила наладившиеся было планы и я на время поселился в Христиании».

Встреча произошла на даче еще одного писателя – Чирикова, где Илиодор зачитывал Горькому имевшиеся у него письма и документы, а несколько позднее, в сентябре 1914 года, в экстренном прибавлении к 240-му номеру газеты «День» сообщалось о том, что «Илиодор прислал письмо родителям с подробностями своего побега из России и упомянул, что границу Финляндии ему помогли пересечь "друзья-писатели"».

Тогда же Илиодор писал революционеру-эмигранту А. Л. Теплову:

«Получивши обвинительный акт по 73, 74, 103 и 102 ст., я 2 июля убежал из России через Финляндию.

Переправили меня через границу Горький и Пругавин. Просили и приказывали мне, как можно скорее писать книгу о Распутине и царице <…> Сейчас книга почти готова: остановка только за документами, находящимися в Финляндии у моей супруги. Книга называется "Святой черт" – (на …знаменитого "старца Русского Двора" – Распутина… из личных наблюдений и воспоминаний рассказанного другими).

В этой книге я сказал ужасную и интересную правду о

Распутине, правду, которая даже и за границей не известна.

На основании документальных данных я, насколько мог. доказал, что Распутин развратный мужик, пакостник, живет с царицей Александрой и родил от нее наследника Алексея, и что Распутин – неофициальный Русский император и Патриарх Российской церкви.

Размер книги – приблизительно 10—15 печатных листов».

Впрочем, несмотря на эти планы, в других письмах Труфанов жаловался на безденежье и просил у Горького денег, а тот «шалил» в одном из писем: «Любопытное совпадение: в 5 году – поп предшествовал революции, ныне иеромонах. Будем надеяться, что в следующий раз эту роль станет играть архиерей».

«Стыдно за Россию, за великую страну, которой в расцвете XX века приходится быть свидетельницей возмущающего душу культа, сотворения на верхах общества постыдного кумира в грязном образе политического проходимца и мерзкого оргиаста», – писала газета «Утро России» 3 июля 1914 года.

Глядя из наших дней, не менее стыдно за русских писателей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Первые похороны. Телеграммы на борт «Штандарта». Распутин и война. Ходатай за народ. Если бы… Распутин и Великий Князь Николай Николаевич. Нехорошая квартира. Дневники. «Радось мая, вот я жив…» Карамазовы

Летом 1914 года Россия похоронила Распутина первый раз.

«Распутин, это – характерный пережиток государства "старого порядка", когда политику делали не в государственных учреждениях, не под контролем правовых гарантий, а путем личных происков… Распутин – это трагическая жертва нашего печального безвременья, с его попытками вернуть Россию на путь уже покинутый ею», – писала 3 июля 1914 года газета «Русское слово».

«Его весьма красочная биография, его превращение из сибирского "челдона", грубияна и отчаянного человека, в ищущего и к чему-то стремящегося, совершенно переменившего свой образ жизни еще до начала своей славы, – еще тогда, когда он вел покаянный образ жизни, странствуя по Руси, конечно, еще более укрепляла почву для того искреннего увлечения им, которое мы несомненно наблюдаем среди известного круга петербургского общества…

Трагическая развязка, столь неожиданно постигшая его, конечно, удалит бесконечную злобу и зависть, кипевшую вокруг него столько лет, и заставит многих собрать материалы о все-таки удивительной жизни этого человека, так ярко оттенявшего нашу странную эпоху, полную противоречий и замысловатостей», – так заканчивал свою статью-некролог в газете «День» 1 июля 1914 года В. Д. Бонч-Бруевич.

«Сейчас я прочел телеграмму об убийстве старца. Я его видел один раз в жизни, семь лет тому назад. Отказался от дальнейших свиданий, дабы не давать ядовитую пищу в руки врагов моих и его. Убийство это в высшей степени возмутительно», – писал С. Ю. Витте епископу Варнаве.

Но Распутин – к счастью для одних и к несчастью для других – остался жив.

«Убит, нет жив. Узнали после», – записал Блок 2 июля 1914 года.

«Когда я приехал, в 1914 году, в Англию к Михаилу Александровичу, в это время пришла как-то почта, среди которой был последний номер "Нового времени", где сообщалось о том, что рана, нанесенная Распутину этой женщиной, оказалась

неопасной. После обеда, когда мы сели просматривать газеты и когда прочитали, то все в один голос вскрикнули: "Какое несчастье!" – это была бы развязка для всех желательная», – показывал на следствии в 1917 году министр юстиции Н. А. Добровольский.

«Достоуважаемая Анна Александровна, – писал в эти же дни, обращаясь к Вырубовой, протоиерей Иоанн Восторгов, тот самый, кто посетил Распутина в Покровском в 1912 году и фактически первым из клириков снял с него обвинение в хлыстовстве. – Сегодня из Петербурга получил по телефону сообщение о поранении и смерти Григория Ефимовича, вечером читаю газеты о том же, и только в полночь от Николая Ивановича узнаю текст Вашей телеграммы: "Операция удачна, температура нормальная, перевезут в Тюмень". Итак, есть надежда, что злодеяние не достигло цели.

Трудно разобраться на первых порах в мотивах и обстановке преступления. Но ясно одно: человека затравили газетами, на нервнобольных людей воздействовали зажигательными речами в Думе и статьями в прессе буквально ежедневными, подготовили убийц… Я кое-что и даже важное знаю об одном неудавшемся намерении убить Григор. Ефимовича; об этом позвольте рассказать Вам лично, если позволите, но если Бог сохранит его жизнь, надобно быть ему осторожным».

Смерть Распутина могла многое нарушить в расстановке тогдашних политических сил и движений, в том числе церковных. Встревожились имяславцы.

«Сумы. Харьковская губерния. 2 июля. Получение здесь вечером известия о покушении на Григория Распутина срочно было передано в с. Луцыковку, Лебединского уезда в колонию имяславцев, куда только вчера утром выехал возвратившийся из Москвы иеросхимонах Антоний Булатович», – сообщало «Русское слово».

А вот как реагировал на все случившееся за три тысячи верст от столицы Государь.

«Николай Алексеевич. Я узнал, что вчера в селе Покровском Тобольской губернии совершено покушение на весьма чтимого нами старца Григория Ефимовича Распутина, причем он ранен в живот женщиной, – обратился он к министру внутренних дел Маклакову сразу же после злодейства Хионии. – Опасаясь, что он является целью злостных намерений скверной кучки людей, поручаю вам иметь по этому делу неослабное наблюдение, а его охранять от повторения подобных покушений…»

Таковым было повеление Императора, и отныне Распутина стали охранять строже, чем прежде. «Со времени покушения на

жизнь Распутина со стороны Гусевой, имевшего место в 1914 году, была организована охрана Распутина, возложенная на Петроградское охранное отделение», – показывал на следствии в 1917 году начальник охранного отделения генерал Глобачев. И как ни парадоксально, но именно Хиония своим неудавшимся покушением продлила дни Григория, затруднив все новые попытки убийства и оттянув его гибель на два с половиной года.

Сам же Распутин считал, что его спасло чудо, и держал царя в курсе своих дел, посылая в столицу или прося своих близких отправлять телеграммы.

«Покровское – Петергоф. 29-го июня 1914 г.

Женщина нанесла тяжелую рану в живот, но сносно, чудным образом спасен – еще поживает для нас, для всех, недаром слезы Матери Божией. Приехали за доктора. Матреша Новая».

«Тюмень – Рейд Шт. 3-го июля 1914 г.

Не ужасайтесь случившемуся, полагают не умертвят, сумейте долг отдать Самому Всевышнему. Утром следователь меряет рану сколько глубины».

«Тюмень – Рейд Шт. 5-го июля 1914 г. А.

Болезнь слава Богу кротко часами идет вперед телегр. получил множество от всех разных концов».

«Тюм. – Петерг. 28-го июля

«Я вас обманывал, болезнь была опасная кровоизлияние и дух был высокий сейчас иду сад гулять, телеграммами все Петербургские очень просят одного послать тебе. Всех целую нельзя ли товарных вагонов устроить нары стоя ехать трудно обновить этого не надо».

Покушение на Распутина взволновало не только августейшую чету, но и Великую Княгиню Елизавету Федоровну.

«Дорогой мой Ники! – писала она несколько дней спустя после покушения. – Мое сердце и душа так сильно болят, что я не могу удержаться, чтобы не послать тебе несколько строк. Должно быть, Ты и бедная дорогая Алике мучаетесь и страдаете. Скажите ей, что я молюсь о ней всей силой моей души. Ты знаешь, что я терпела эти годы за Вас, из-за этой бедной души, но я всегда молилась за него, также как и за Вас, чтобы Извечный Свет разогнал тьму и спас от всех зол, а сейчас – более чем когда-либо».

По всей вероятности, для очень многих было бы удобнее, если б Григорий Распутин не оправился от своей раны, но он был живуч, и уже 21 августа Николай отметил в дневнике: «После обеда видели Григория, в первый раз после его ранения».

А затем: *25 августа:* «Вечером видели Григория».

14 сентября: «Вечером долго ждали приезда Григория. Долго

потом посидели с ним».

19 сентября: «Видели недолго Григория вечером».

7 октября: «Вечером хорошо побеседовали с Григорием».

17 октября: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения на Черном море! Только вечером под влиянием успокаивающей беседы Григория душа пришла в равновесие».

Так что все разговоры, будто бы Николай терпел Распутина только из-за жены, не вполне состоятельны. Распутин его действительно успокаивал. Сложнее с другим: начало войны, как известно, вызвало патриотическое воодушевление, почти восторг в русском обществе от Царя до простолюдина, и выступавший против участия России в этом безумии Распутин оказался одинок.

Вот что писал в газете «День» Бонч-Бруевич за месяц до вступления России в войну, цитируя опытного странника:

«Тебе хорошо говорить-то, – как-то разносил он, полный действительного гнева, особу с большим положением, – тебя убьют, там похоронят под музыку, газеты во-о какие похвалы напишут, а вдове твоей сейчас тридцать тысяч пенсии, а детей твоих замуж за князей, за графов выдадут, а ты там посмотри: пошли в кусочки побираться, землю взяли, хата раскрыта, слезы и горе, а жив остался, ноги тебе отхватили – гуляй на руках по Невскому или на клюшках ковыляй да слушай, как тебя великий дворник честит: – ах ты такой, сякой сын, пошел отсюда вон! Марш в проулок!.. Видал: вот японских-то героев как по Невскому пужают? А? Вот она, война! Тебе что? Платочком помахаешь, когда поезд солдатиков повезет, корпию щипать будешь, пять платьев новых сошьешь… – а ты вот посмотри, какой вой в деревне стоял, как на войну-то брали мужей да сыновей… Вспомнишь, так вот сейчас: аж вот здесь тоскует и печет, – и он жал, точно стараясь вывернуть из груди своей сердце.

Нет войны, не будет, не будет?»

Или другое интервью:

«"Что тут, братец, может сказать Григорий Ефимович? Убили уж, ау. Назад-то не вернешь, хоть плачь, хоть вой. Что хочешь делай, а конец-то один. Судьба такова". – Так еще до своего ранения успел высказаться по поводу куда более удачного покушения на австрийского эрцгерцога Фердинанда Распутин в солидных "Биржевых ведомостях". – "А вот английским гостям, бывшим в Петербурге, нельзя не порадоваться. Доброе предзнаменование. Думаю своим мужицким умом, что это дело большое – начало дружбы с Россией, с английскими народами. Союз, голубчик, Англии с Россией, да еще находящейся в дружбе с Францией, это не фунт изюма, а грозная сила, право хорошо"».

Это англо-франкофильское заявление Распутина на первый взгляд несколько расходится с его известным германофильством, хотя на самом деле противоречия тут нет: Распутин своим мужицким умом выступал за добрососедские отношения России со всеми крупными державами, был против войны и, по свидетельству различных мемуаристов, говорил о том, что не случись ему быть раненным полоумной Хионией, никакой войны, а следовательно, и революции не случилось бы.

«Надо сказать, что к войне он относился отрицательно, – показывал на следствии 1917 года Милюков. – Я имел случай это удостоверить перед войной. Тут была одна из корреспонденток, жена итальянского журналиста, которая мне сообщила о своем непременном желании познакомиться с Распутиным и спрашивала, о чем его спросить. Это было до объявления войны, я узнал, что она готовится, и просил спросить Распутина, будет война или нет. Она довольно искусно пробралась к нему, получила его доверие и задала ему этот вопрос; он сказал: да, говорят, война будет, они затевают, но, Бог даст, войны не будет, я об этом позабочусь».

«Отец был горячим противником войны с Германией, – показывала на другом следствии, в 1919 году, Матрена Распутина. – Когда состоялось объявление войны, он, раненный Хионией Гусевой, лежал тогда в Тюмени, Государь присылал ему много телеграмм, прося у него совета и указывая, что министры уговаривают Его начать войну. Отец всемерно советовал Государю в своих ответных телеграммах "крепиться" и войны не объявлять. Я была тогда сама около отца и видела как телеграммы Государя, так и ответные телеграммы отца. Отец тогда говорил, что мы не можем воевать с Германией; что мы не готовы к войне с ней; что с ней, как с сильной державой, нужно дружить, а не воевать. Это его так сильно расстроило, что у него открылось кровотечение из раны».

«На тему о войне я слышала его речи. Он был против войны, но не против войны с Германией, а против войны как войны: грех», – говорила на том же следствии В. И. Баркова.

«Он был безусловный германофил. Мне лично пришлось от него слышать в середине 1916 года: "Кабы тогда меня эта стерва не пырнула, не было бы никакой войны, не допустил бы"», – показывал полковник А. С. Резанов.

Последнее можно было бы считать распутинским хвастовством, но сохранилось письмо, которое послал Распутин Николаю из Тюмени и которое Царь, по словам дочери Распутина, держал при себе в Тобольске, а незадолго до расстрела через камердинера Императрицы передал мужу Матрены Борису

Соловьеву.

Вот его текст:

«милой друг есче раз
скажу грозна туча нат
расеей беда горя много
темно и просвету нету, слес
то море и меры нет а крови?
что скажу? слов нет, неописуом
мый ужас, знаю все от тебя
войны хотят и верная не
зная что ради гибели, тяжко божье наказанье когда ум
отымет тут начало конца.
ты царь отец народа не
попусти безумным торжествовать
и погубить себя и народ
вот германш победят а
рассея? подумать так воистину
не было от веку горшей
страдальицы вся тонет
в крови велика погибель
без конца печаль
Григорш».

«Это глагол пророка… Германию победят, но что же Россия? Она тонет в крови, гибель ее велика… Какое грозное предостережение патриотическим восторгам первых дней войны! Какая картина ужасной участи несчастной России!» – патетически воскликнул в связи с этими строками автор книги «Император Николай II и революция» И. П. Якобий.

Но письмо Распутина интересно не только своим пророческим содержанием, но и тем, что его можно признать абсолютно подлинным. Оно было продано дочерью Распутина Матреной князю Николаю Владимировичу Орлову не позднее 1922 года в Вене, а тот в свою очередь передал его следователю Соколову.

«Письмо написано на листе белой писчей бумаги, имеющем размеры 34,6 и 21,6 сантиметра. Бумага – несколько сероватого оттенка, местами грязноватая. У самого края листа – часть сального пятна. В непосредственной близости с текстом – сальное пятно, круглой формы, имеющее в диаметре 2,6 сантиметра… Содержание текста писано чернилами черного цвета… При осмотре этого письма не обнаружено ничего, что указывало бы на его апокрифичность…

Судебный следователь Н. Соколов».

К этому можно добавить, что письмо хранится ныне в Йельском университете, его цитирует в «Красном колесе» Солженицын, и если бы в истории с Распутиным было больше подобных бесспорных, не апокрифичных документов, то и биографию его было бы легче реконструировать. Но, к сожалению, основным источником для нас все равно остаются противоречащие друг другу и весьма субъективные мемуары, дневники, доносы, письма и свидетельские показания.

Об антивоенных настроениях Распутина, а также его окружения свидетельствует и запись из дневника французского посла Мориса Палеолога, где приводится его разговор с одной из русских дам:

«– Скажите ваше мнение, господин посол… Вчера я была с визитом у г-жи Танеевой, вы знаете – это мать Анны Вырубовой. Там было пять или шесть человек, весь цвет распутинцев. Там спорили очень серьезно, с очень разгоряченными лицами… настоящий синод… Мое появление вызвало некоторую холодность, потому что я не принадлежу к этой стае, о, нет! Совсем нет! После несколько стесненного молчания Анна Вырубова возобновила разговор. Решительным тоном и как бы давая мне урок, она утверждала, что конечно, война бы не вспыхнула, если б Распутин находился в Петербурге, вместо того, чтобы лежать больным в Покровском, когда наши отношения с Германией начали портиться. Она несколько раз повторила: "Если бы старец был здесь, у нас не было бы войны; не знаю, что бы он сделал, что бы он посоветовал; но Господь вдохновил бы его, в то время, как министры не сумели ничего предвидеть, ничему помешать. Ах… это большое несчастье, что его не было вблизи от нас, чтобы научить императора". Я ответила только пожатием плеч. Но я очень бы хотела знать ваше мнение, господин посол: думаете ли вы, что война была неизбежна и что никакие личные влияния не могли ее отвратить?

Я отвечаю:

– В пределах, в которых проблема была поставлена, война была неизбежна. В Петербурге, так же как и в Париже, и в Лондоне, сделали все возможное, чтобы спасти мир. Невозможно было идти дальше по пути уступок; оставалось только унизиться перед германскими государствами и капитулировать. Может быть, Распутин и посоветовал бы это императору.

– Будьте в этом уверены! – бросает мне г-жа П. с негодующим взглядом».

По воспоминаниям Вырубовой, первая реакция Государя на мирные инициативы Распутина была отрицательной: «В это время

пришла телеграмма из Сибири от Распутина, которая просто рассердила Государя. Распутин был сильно настроен против войны и предсказывал, что она приведет к гибели Империи, но Государь отказался в это поверить и негодовал на такое в самом деле почти беспрецедентное вмешательство в государственные дела со стороны Распутина».

Или в другом месте: «…в начале войны с Германией Григорий Ефимович лежал, раненный Гусевой, в Покровском. Он тогда послал две телеграммы Его Величеству, умоляя "не затевать войны". Он и ранее часто говорил Их Величествам, что с войной все будет кончено для России и для них. Государь, уверенный в победоносном окончании войны, тогда разорвал телеграмму и с начала войны, как мне лично казалось, относился холоднее к Григорию Ефимовичу».

Неоднократно высказывалась версия, что покушение на Распутина, совпавшее по времени с убийством в Сараеве наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда (что, как известно, стало поводом к развязыванию мировой войны), не было случайным и все это звенья одной цепи. Обратимся снова к книге С. Кремлева «Россия и Германия: стравить!».

«За сутки до Сараевского убийства у себя на родине, в сибирском селе Покровском, тяжело ранили знаменитого Григория Распутина. Бывшая его приверженка (а может, и любовница) Феония (Хиония) Гусева ударила его в живот ножом, потом убегала от гонявшихся за ней мужиков с криком "Все равно убью антихриста!", а позднее пыталась зарезать себя.

При аресте у Гусевой изъяли номер газеты "Свет" со статьей о Распутине крупного масона Амфитеатрова, с 1905 года жившего в Париже. А на другой день в Сараево Гавриле Принципу повезло больше: он убил эрцгерцога. <…>

…не приходится сомневаться в том, что Распутин в вопросе о войне мыслил верно и ненужной для России войны с Германией не хотел. Не хотел сам, помимо чьих-то влияний. В здравом смысле ему, малограмотному, но сметливому мужику, отказать нельзя. Он рассуждал просто: "Германия – страна царская. Россия – тоже… Драться им друг с дружкой – это накликать революцию. Революция, значить – царям 'по шапке'. А куды ж тады Грегорий?"

Точно так же (дословно так же, с поправкой лишь на различие словарей мужика и монарха) с вершин образования и трона рассуждал Вильгельм II в своих письмах к "Ники". Там он настойчиво отговаривал Николая от дружбы с "республиканской" Францией, срубившей голову Людовику XVI.

Дело было, конечно, не в республиканизме, но "Вилли",

очевидно, не без оснований считал, что такие аргументы дойдут до "Ники" быстрее. Для нас же тут существенно одно – кайзер толковал о мире. Пусть даже как гарантии от революций, но мире!

Царь реагировал кисло. Однако влиянием на Николая Распутин обладал явно поболее, чем на Вильгельма. В царском дневнике имя "старца" попадается не очень уж часто: Распутин для царя был так же свят, как и Бог, имя которого всуе упоминать не рекомендуется. И "святой черт" мог оказаться частным фактором, влияющим на общее изменение политики, то есть отказ Николая в решительный момент от войны, несмотря на внешнее давление окружения. Ведь "Грегорий" был элементом внутренней жизни упрямого и своевольного императора, и поэтому "распутин"-фактор стоил многого!

По свидетельствам знающих участников эпохи, Распутин решающим образом сорвал участие России в первой Балканской войне, сыграв здесь положительную роль как политик. Логика была той же: "куды, мол, нам соваться, кады здеся, дома не все в порядке", хотя и в этом факте извращенность, бесцельность русского самодержавия проявились очень убедительно. <…>

Война свалилась на русскую голову так же неожиданно, как в августе свалился бы на нее снег. И при определенных обстоятельствах Гришка, возможно, смог бы стать "соломинкой", которая сломала бы спину "верблюду" войны.

Находятся желающие рассматривать Распутина как исключительно нравственную фигуру, вождя неких "духовных христиан" и радетеля-де за землю русскую. Все это, конечно, глупости. А вот очень может быть не глупости то, что Гришку действительно могли пырнуть ножом накануне выстрелов Принципа по согласованному плану. И, может, недаром совпадение двух событий давно привлекало внимание исследователей на Западе. Особенно – в Германии, где порой заявляют, что в войне двойным образом виновен Петербург <…>

А покушение на Распутина очень уж удачно совпало по времени с сараевскими выстрелами. Позднее он говорил, что не будь случая с "'окаянной' Феонией, не было бы и войны" <…> Похоже, Распутина просто недорезали по расейской привычке к халтуре».

Прокомментировать все это можно следующим образом:

Во-первых, между убийством эрцгерцога и покушением на Распутина прошел не один день, а две недели, хотя надо признать, что под гипноз рокового стечения и мнимой одномоментности этих событий попал не один С. Кремлев. «Поразительно, что в день покушения на Распутина в с.

Покровском в Сараево сербским масоном Г. Принципом был убит другой противник войны, который так же, как и первый, мог реально воспрепятствовать ее началу, – австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд, – пишет С. В. Фомин и далее ссылается еще на один, более сенсационный вывод: – Как показали исследования Колина Уилсона, покушение на Распутина было совершено не только в тот же день, когда был убит Франц Фердинанд, но, пожалуй, даже в тот же час (в пересчете поясного времени)» *(Бауер В., Дюмоц И., Головин С.* Энциклопедия символов. М.: Крон-пресс, 1995. С. 481 со ссылкой на кн.: *ColinWilson.* Rasputin and the Fall of the Romanovs. London, 1964).

Все это, безусловно, чрезвычайно занимательно, только эрцгерцог был убит 28 июня 1914 года по европейскому (григорианскому) стилю. А покушение на Распутина произошло 29 июня по старому (юлианскому) стилю, по европейскому же – 12 июля, и даже с учетом поясного времени разница между двумя событиями составила 312 часов. Это не отменяет гипотетической связи между двумя покушениями, но точность есть точность.

А во-вторых, Хиония, если верить материалам следствия (а не верить им основания нет), «охотилась» за своей жертвой в течение нескольких месяцев, и предполагать, что она, равно как настроивший ее Илиодор, были звеньями в цепи некоего грандиозного заговора и что они ожидали специальной команды свыше убить Распутина не позднее, но и не раньше такого-то срока, а ровно в тот день и час, когда будет застрелен в Сараеве Франц Фердинанд, значит вопреки принципу «лезвия Оккамы» умножать число сущностей сверх необходимого. Это так же возможно, как и то, что она была «Гришкиной любовницей». Но самое главное даже не это. Пусть Григория хотели убить, чтобы он не сорвал вовлечение России в Первую мировую войну, и подослали к нему религиозную фанатичку. Важно, что когда война все же началась, сибирский странник при всем своем пацифизме и мужицком здравомыслии и сметливости изменил к ней отношение. Это хорошо видно и по дневнику Палеолога, и по другим, более авторитетным источникам.

«Суббота, 12 сентября 1914 г.

Распутин, выздоровевший после нанесенной ему раны, вернулся в Петроград. Он легко убедил императрицу в том, что его выздоровление есть блистательное доказательство божественного попечения.

Он говорит о войне не иначе, как в туманных, двусмысленных, апокалиптических выражениях; из этого заключают, что он ее не одобряет, и предвидят большие несчастия», – записывал в дневнике, опираясь на

распространявшиеся в свете слухи, Палеолог.

Однако, судя по дневнику того же автора, Распутин быстро сориентировался и поменял свои взгляды.

«Воскресенье, 27 сентября.

Я завтракаю у графини Б., сестра которой очень хороша с Распутиным. Я спрашиваю ее о старце <…>

– Действительно ли Распутин утверждал государю, что эта война будет губительна для России и что надо немедленно же положить ей конец?

– Я сомневаюсь в этом… В июне, незадолго до покушения Гусевой, Распутин часто повторял государю, что он должен остерегаться Франции и сблизиться с Германией; впрочем, он только повторял фразы, которым его с большим трудом учил старый князь Мещерский. Но со времени своего возвращения из Покровского он рассуждает совсем иначе. Третьего дня он заявил мне: "Я рад этой войне; она избавила нас от двух больших зол: от пьянства и от немецкой дружбы. Горе царю, если он согласится на мир раньше, чем сокрушит Германию".

– Браво! Но так же ли он изъясняется с монархами? Недели две тому назад мне передавали совсем иные слова.

– Может быть, он их говорил… Распутин не политический деятель, у которого есть система, есть программа, которыми он руководствуется при всех обстоятельствах. Это – мужик, необразованный, импульсивный, мечтатель, своенравный, полный противоречий. Но так как он, кроме того, очень хитер и чувствует, что его положение во дворце пошатнулось, я была бы удивлена, если бы он открыто высказался против войны».

«Неправда то, что писали про отца, будто бы он стоял во время войны за мир с Германией. Он говорил нам с сестрой: "Меня тогда не послушались, теперь ничего сделать нельзя"», – показывала на следствии Матрена.

А вот что вспоминал П. Г. Курлов:

«При этом свидании Распутин живо интересовался войной и, так как я приехал с театра военных действий, спрашивал мое мнение о возможном ее исходе, категорически заявив, что он считал войну с Германией огромным бедствием для России. В дальнейшей беседе он впервые коснулся своих отношений к Царскому Селу. Говорят, что он тщетно убеждал Государя Императора не вступать в эту войну, – это еще раз подтверждает отсутствие исключительного влияния Распутина в делах государственных. Будучи противником начатой войны, он с большим патриотическим подъемом говорил о необходимости довести ее до конца, в уверенности, что Господь Бог поможет Государю и России. Таким образом, у Распутина было гораздо

более развито национальное чувство, чем у многих его обвинителей в стремлении к сепаратному миру и влиянии в этом отношении вместе с "немцем" Штюрмером на Императрицу. Из этого следует, что обвинение Распутина в измене было столь же обосновано, как и опровергнутое уже обвинение Государыни. Я не забуду очень характерную фразу, которая сорвалась у Распутина в этом разговоре: "Иногда целый год приходится упрашивать Государя и Императрицу для удовлетворения какого-нибудь ходатайства".

Несоизмеримо далеко до "исключительного" влияния!»

Своя логика была и в рассуждениях С. С. Ольденбурга: «Распутин, сам весьма заботившийся о том, чтобы поддержать легенду о своем влиянии (она давала ему "вес" и многие мелкие выгоды), – и не имевший определенных воззрений, обычно старался "говорить в тон" Государю и Государыне, приспособлялся к их воззрениям, как и желаниям <…> Характерна для Распутина, не желавшего "оказаться неправым", его позиция перед войной. Он писал 16 июля, через А. А. Вырубову, следующую двусмысленную телеграмму: "Не шибко беспокойтесь о войне, время придет, надо ей накласть, а сейчас еще время не вышло, страдания увенчаются". Из этой телеграммы затем заключали, что Распутин "умолял не объявлять войну". На самом деле, не зная, чего в данное время хочет Государь, Распутин просто боялся определенно высказаться».

Косвенно это подтверждает и телеграмма, посланная Распутиным Царю. Текст ее содержится в письме Императрицы от 20 октября 1914 года: «Пусть небесная сила в пути с вами ангелы в ряды воинов наших спасенье непоколебимых героев с отрадой и победой».

А вот еще два свидетельства распутинской гибкости в военном вопросе:

«31-го августа приехал в Петроград Распутин. Он, так энергично стоявший против войны, теперь говорил, что раз ее начали, надо биться до конца, до полной победы. Во дворце им были недовольны, к нему охладели; многие же дельцы, спекулянты, поставщики стали пользоваться им для проведения своих дел. Старец стал приобретать новое значение», – вспоминал генерал Спиридович.

«Я до войны был за дружбу с немцами, – говорил Распутин А. Мосолову. – Это было лучше для Государя. А раз началась война, то надо добиваться победы: а то государю будет плохо».

«Относясь очень отрицательно к самому факту войны с Германией, утверждая даже, что, если бы он был при Царе в дни, предшествовавшие войне, он убедил бы его войны отнюдь не

допускать, Распутин наряду с этим говорил, что, коль скоро войну начали, необходимо довести ее до победы», – писал Гурко.

Мнение Гурко подтверждается еще одной записью из дневника Палеолога, где рассказывается о единственной встрече французского посла с сибирским крестьянином.

«Среда, 24 февраля 1915 г.

Сегодня днем, когда я, наконец, наношу визит г-же О., которая деятельно занимается благотворительными делами, внезапно с шумом открывается дверь гостиной. Человек высокого роста, одетый в длинный черный кафтан, какие носят в праздничные дни зажиточные мужики, обутый в грубые сапоги, приближается быстрыми шагами к г-же О., которую шумно целует. Это – Распутин.

Кидая на меня быстрый взгляд, он спрашивает:

– Кто это?

Г-жа О. называет меня. Он снова говорит:

– Ах, это французский посол. Я рад с ним познакомиться; мне как раз надо кое-что ему сказать.

И он начинает говорить с величайшей быстротой. Г-жа О., которая служит нам переводчицей, не успевает даже переводить. У меня есть, таким образом, время его рассмотреть. Темные волосы, длинные и плохо причесанные, черная и густая борода; высокий лоб; широкий и выдающийся нос, мясистый рот. Но все выражение лица сосредоточивается в глазах, в голубых, как лен, глазах со странным блеском, с глубиною, с притягательностью. Взгляд в одно и то же время пронзительный и ласковый, открытый и хитрый, прямой и далекий. Когда его речь оживляется, можно подумать, что его зрачки источают магнетическую силу.

В коротких отрывочных фразах, с множеством жестов, он набрасывает предо мною патетическую картину страданий, которые война налагает на русский народ:

– Слишком много мертвых, раненых, вдов, сирот, слишком много разорения, слишком много слез… Подумай о всех несчастных, которые более не вернутся, и скажи себе, что каждый из них оставляет за собою пять, шесть, десять человек, которые плачут. Я знаю деревни, большие деревни, где все в трауре… А те, которые возвращаются с войны, в каком состоянии, Господи Боже! искалеченные, однорукие, слепые! Это ужасно! В течение более двадцати лет на русской земле будут пожинать только горе.

– Да, конечно, – говорю я, – это ужасно; но было бы еще хуже, если бы подобные жертвы должны были остаться напрасными. Неопределенный мир, мир из-за усталости, был бы не только преступлением по отношению к нашим мертвым: он повлек бы за

собою внутренние катастрофы, от которых наши страны, может быть, никогда бы более не оправились.

– Ты прав… Мы должны сражаться до победы.

– Я рад слышать, что ты это говоришь, потому что я знаю нескольких высокопоставленных лиц, которые рассчитывают на тебя, чтобы убедить императора не продолжать более войны.

Он смотрит на меня недоверчивым взглядом и чешет себе бороду. Затем, внезапно:

– Везде есть дураки!

– Что неприятно – так это то, что дураки вызвали к себе доверие в Берлине. Император Вильгельм убежден, что ты и твои друзья употребляют все ваше влияние в пользу мира.

– Император Вильгельм? Но разве ты не знаешь, что его вдохновляет дьявол? Все его слова, все его поступки внушены ему дьяволом. Я знаю, что говорю, я это знаю! Его поддерживает только дьявол. Но в один прекрасный день, внезапно, дьявол отойдет от него, потому что так повелит Бог, и Вильгельм упадет плашмя, как старая рубашка, которую бросают наземь.

– В таком случае, наша победа несомненна… Дьявол, очевидно, не может остаться победителем.

– Да, мы победим. Но я не знаю, когда… Господь выбирает, как хочет, час для своих чудес. И мы еще далеки от конца наших страданий: мы еще увидим потоки крови и много слез…

Он возвращается к своей начальной теме – необходимости облегчить народные страдания:

– Это будет стоить громадных сумм, миллионы и миллионы рублей. Но не надо обращать внимания на расходы… Потому что, видишь ли, когда народ слишком страдает, он становится плох; он может быть ужасным, он доходит иногда до того, что говорит о республике… Ты должен был бы сказать обо всем этом императору.

– Однако же я не могу говорить императору плохое о республике.

– Конечно, нет! Но ты можешь ему сказать, что счастье народа никогда не оплачивается слишком дорого и что Франция даст ему все необходимые деньги… Франция так богата.

– Франция богата потому, что она очень трудолюбива и очень экономна… Еще совсем недавно она дала большие авансы России.

– Авансы? Какие авансы? Я уверен, что это еще один раз деньги для чиновников. Из них ни одна копейка не достанется крестьянам, нет, поверь мне. Поговори с императором, как я тебе сказал.

– Нет, ты сам скажи ему. Ты видишь его гораздо чаще, чем я.

Мое сопротивление ему не нравится. Поднимая голову и

сжимая губы, он отвечает почти дерзким тоном:

– Эти дела меня не касаются. Я – не министр финансов императора: я – министр его души.

– Хорошо. Пусть будет так! Во время моей следующей аудиенции я буду говорить с императором в том смысле, как ты желаешь.

– Спасибо, спасибо… Еще последнее слово. Получит ли Россия Константинополь?

– Да, если мы победим.

– Это наверно?

– Я твердо в это верю.

– Тогда русский народ не пожалеет о том, что он столько страдал, и согласится еще много страдать.

После этого он целует г-жу О., прижимает меня к своей груди и уходит большими шагами, хлопнув дверью».

Надо признать, что если тут есть хоть капля правды (трудно поверить, чтобы Распутин говорил о себе, что он «министр души Государя»), то эта капля скорее говорит в пользу Распутина, а не против него. Сибирский крестьянин сквозь весь напущенный Палеологом дым предстает здесь как человек здравого смысла, политически проницательный и неравнодушный к повседневным нуждам и страданиям своего народа. Да и письма Александры Федоровны мужу свидетельствуют о том же самом.

10 апреля 1915 года: «Гр. несколько расстроен "мясным" вопросом – купцы не хотят понизить цены на мясо, хотя правительство этого требует, и было даже нечто вроде мясной забастовки. Наш Друг думает, что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их».

27 августа 1915 года: «Он (Распутин) думает, что было бы хорошо отправить на войну некоторые категории арестантов…»

Иногда Императрица и без Распутина смотрела на положение дел его глазами:

19 сентября 1915 года: «Такой позор – ни здесь, ни в городе нельзя достать муки! Перед магазинами на улицах стоят длинные очереди. – Отвратительно все организовано! Надо предвидеть вещи, а не ждать, пока они случатся».

4 октября 1915 года: «Он просил меня тебе передать, что неладно с бумажными деньгами, простой народ не может понять, – у нас довольно чеканной монеты, и это может повлечь недоразумения. Я думаю, следует сказать Хвостову, чтобы он поговорил с Барком об этом».

«Я забыла тебе сказать, что наш Друг просил тебя сделать

распоряжение, чтобы не повышали цен за трамвайный проезд в городе – сейчас вместо пяти копеек приходится платить 10 копеек. Это несправедливо по отношению к бедному народу – пусть облагают богатых, но не тех, которым приходится ежедневно, притом неоднократно, ездить в трамвае».

10 октября 1915 года: «… Другой вопрос Его сильно мучит… Дело в том, что ты должен приказать, чтобы непременно пропускали вагоны с мукой, маслом и сахаром. Ему ночью было вроде видения – все города, железные дороги и т. д. Трудно передать Его рассказ, но Он говорит, что все это очень серьезно – и тогда не будет забастовок <…> Он предлагает, чтобы в течение 3-х дней приходили исключительно вагоны с мукой, маслом и сахаром. Это в данную минуту даже более необходимо, чем снаряды или мясо <…> Недовольство будет расти, если положение не изменится…»

1 февраля 1916 года: «…в городе настоящий скандал, и цены стали невозможными… Наш Друг встревожен мыслью, что если так протянется месяца два, то у нас будут неприятные столкновения и истории и в городе. Я это понимаю, потому что стыдно так мучить бедный народ…»

Если вспомнить, что именно нехватка продовольствия и очереди за хлебом вызвали беспорядки в феврале 1917 года в Петрограде, то в «видениях» Григория действительно было что-то неслучайное.

«Он… просит… издать приказ, чтобы в булочных все было заранее развешено, так чтобы требуемое соответствующей цены и веса было наготове, тогда работа пойдет быстрее и исчезнут эти длинные очереди на улицах».

«Когда в Петербурге стали появляться "хвосты", отец страшно возмущался этим и говорил, что прежде всего народу нужен хлеб и что эти хвосты до добра не доведут. Государь возражал отцу, что есть хлеб и никаких хвостов нет; что так Ему докладывают министры. Отец из-за этого и вздорил с Государем», – рассказывала на следствии Матрена.

«Несколько раз пришлось мне говорить с Распутиным и в последние месяцы его жизни, – вспоминал П. Г. Курлов. – Я встречался с ним у того же П. А. Бадмаева и поражался его прирожденным умом и практическим пониманием текущих вопросов даже государственного характера. Он был ярым сторонником продолжения работ Государственной Думы, несмотря на ее антиправительственные выходки, и каждый раз повторял о необходимости наладить продовольственный вопрос, правильное разрешение которого, по его мнению, являлось единственным средством спокойствия в стране».

Как очень точно заметил Гурко, «вред, нанесенный Распутиным, огромный, но старался он работать на пользу России и династии, а не в ущерб им. Внимательное чтение писем Императрицы, заключающих множество преподанных Распутиным советов, приводит к убеждению, что среди этих советов, в большинстве случаев азбучных и наивных, не было ни одного, в котором можно усмотреть что-либо мало-мальски вредное для России.

Действительно, что советовал Распутин? "Не ссориться с Государственной Думой", "заботиться о народном продовольствии", "увеличить боевое снабжение армии", "беречь людской состав армии до достаточного снабжения войска оружием" <…>

В вопросах чисто военных он тоже проявлял обыкновенный здравый разум. Словом, при всем желании найти в его советах что-либо, подсказанное врагами России, – этого не удается».

И в этом тоже заключен некий горький парадокс. Гурко тут же пишет о том, что для него «личные качества Распутина имеют значение второстепенное. Будь он чист как голубь, вред, им наносимый, от этого ничуть не уменьшается. Посторонние влияния на ход государственного правления, в особенности если они исходят не только от людей безответственных, но еще к тому же совершенно некомпетентных, – неизменно приводят к крушению существующего строя».

Однако эти рассуждения противоречат той позиции здравого смысла, которую Распутин занимал и которая могла бы если не определять, то хотя бы корректировать политику правительства. Нечто вроде обратной связи между властью и повседневными нуждами людей. Если допустить, что вместо Распутина был бы кто-то другой, кто лечил бы наследника, имел здравые суждения, не боялся авторитетов, не брал взяток… Если бы был кто-то, за кем не тянулся зловещий шлейф слухов, большей частью вздорных, но и частично подтвержденных. То же самое относится и к более глубинным сторонам этого явления и этого человека: если бы пророк был подлинный, а не ложный…

Историк Иоффе, на которого мы уже ссылались, писал: «Так была ли у Распутина "политика", опиравшаяся на некие "темные силы"? "Политика" была. Она, по словам З. Гиппиус, сводилась к следующему: "Чтобы жить мне привольно, ну и конечно, в почете; чтобы никто не мог мне препятствовать, а чтобы что я захочу, то и делаю. А другие пусть грызут локти, на меня глядя". Никакой другой политики у Распутина не было.

Ужас русской жизни состоял в том, что человек с такой "политикой" сумел добраться до трона, а силы, стоявшие по

левую и правую сторону от него, превратили его в "запальник" костра, в котором погибли почти все».

Про Гиппиус все верно. Она действительно так писала. Для нее весь Распутин – это смесь «похоти, тщеславия и страха» в «девственном, нетронутом виде и в русской, острой, безмерности, бескрайности», «он тычется в разгул, в похабство, знай наших, все прочь с дороги!», «пьянство его – русское гомерическое, с плясом диким и с гиком, непременно со скандалом… и с "бабами"».

У Гиппиус этот «мужичонка» вызывает брезгливость, но сам Распутин все же сложнее и в столь примитивную формулу – жить привольно в почете и ни до кого нет дела – не укладывается, и были, к слову сказать, писатели, которые это хорошо понимали.

«Потом она (Гиппиус. – *А. В.)* читала Яну (Бунину. —

А. В.), что она написала о Распутине, – записала в дневнике

В. Н. Муромцева-Бунина, – "Самый обыкновенный мужик, юрод". И это знаменитая писательница! Она ничего не понимает в людях. Мужик он недюжинный, и совсем не юрод».

Клюев в «Гагарьей судьбине» приводит свой разговор с Распутиным:

«"Неладное, – говорю, – Григорий Ефимович, в народе-то творится… Поведать бы государю нашу правду! Как бы эта война тем блином не стала, который в горле колом становится?"…

"Я и то говорю царю, – зачастил Распутин, – царь-батюшка, отдай землю мужикам, не то не сносишь головы!"»

Едва ли что-то подобное в действительности было, но Клюев обозначил ту роль, которую Распутин, по его мнению, был призван сыграть: роль мужика при царе, правдолюбца, пророка.

Эту мысль высказывали самые разные люди.

«Отец упорно говорил Государю, что Он должен быть как можно ближе к народу, что Царь – отец народа, что народ должен Его видеть как можно чаще, должен любить Царя, как отца, а между тем Государь держит Себя так, что Его народ не видит и лишь боится Его имени; что если бы народ Его видел, знал, то он бы Его не боялся, а любил», – показывала на следствии Матрена Распутина.

«…в этом роковом влиянии более всего сказался исторический характер, даже значительность последнего царствования. Царь взыскал пророка теократических вдохновений, – ведь это ему и по соловьевской схеме полагается! Его ли одного вина, что он встретил в ответ на этот свой зов, идущий из глубины, только лжепророка? Разве здесь не повинен и весь народ, и вся историческая церковь с первосвященниками во главе? Или же никто лично здесь не виноват, и если уж можно говорить о вине, то только трагической, точнее о судьбе, о некой

жертвенной обреченности, выпадающей на долю достойнейших, а отнюдь не бездарностей».

Эту сентенцию вложил в уста одного из участников своих «диалогов», опубликованных в сборнике «Из глубины», С. Н. Булгаков[43], а еще позднее он же сформулировал свою мысль еще более четко и эмоционально уже лично от себя:

«Это был – позор, позор России и царской семьи, и именно как позор переживался всеми любящими Царя и ему преданными. И вместе с тем это роковое влияние никак нельзя было ни защищать, ни оправдывать, ибо все чувствовали здесь руку дьявола. Про себя я Государя за Распутина был готов еще больше любить, и теперь вменяю ему в актив, что при нем возможен был Распутин, но не такой, какой он был в действительности, но как постулат народного святого и пророка при Царе. Царь взыскал пророка, говорил я себе не раз, и его ли вина, если вместо пророка он встретил хлыста. В этом трагическая вина слабости Церкви, интеллигенции, чиновничества, всей России. Но что этот Царь в наши сухие и маловерные дни возвысился до этой мечты, смирился до послушания этому "Другу" (как в трагическом ослеплении зовет его Царица), это величественно, это – знаменательно и пророчественно. Если Распутин грех, то – всей русской Церкви и всей России, но зато и самая мысль о святом старце, водителе монарха, могла родиться только в России, в сердце царевом. И чем возвышеннее здание, тем ужаснее падение. Таково действительное значение Распутинства в общей экономии духовной жизни русского народа. Но тогда это был страшный тупик русской жизни и самое страшное орудие в руках революции».

Этот всплеск чувств и своеобразный «христианский романтизм» отца Сергия любопытно сопоставить с трезвой оценкой профессионала сыска генерала Глобачева:

«Распутин не представлял собой какой-либо крупной величины былых фаворитов, был простым умным мужиком, попавшим в случай и потому пользовавшимся своим положением, но в том окружении, которое создалось около него, он представлял уже крупное зло, компрометируя престиж царского достоинства и ореол величия царя в глазах народа. Для революционеров жизнь Распутина была, может быть, драгоценнее, чем для царской семьи, и ни один из них не рискнул бы покуситься на эту жизнь, зная, что тем самым преждевременно наносит величайший вред делу революции. Распутин только и мог быть убит, как это и случилось, лицами правого лагеря и даже близко стоящими к трону».

В последнем оба мемуариста замечательно совпадают:

Распутин нес в себе революцию. Но не только ее.

Известно предание о том, что Распутин собирался поехать в действующую армию и в этом ему воспрепятствовал Великий Князь Николай Николаевич, бывший с начала военных действий и вплоть до августа 1915 года главнокомандующим.

«Все с восторгом повторяли "героический" ответ Николая Николаевича Распутину, просившему разрешения приехать в Ставку: "Приезжай – повешу", но никому в голову не приходила мысль, а была ли такая просьба со стороны Распутина и отвечал ли в действительности на нее великий князь? – прокомментировал этот сюжет современный историк П. В. Мультатули. – Но русское общество это не интересовало: оно хотело верить в эти легенды, как хотел в них верить великий князь Николай Николаевич, как хотел в них верить генерал Алексеев, генерал Рузский и другие».

Пафос Мультатули вполне понятен, однако справедливость требует признать, что Распутин давал повод для неприязненного к себе отношения. Он жил к тому времени в пятикомнатной квартире на Гороховой улице (квартиру оплачивала Царская Семья), в доме номер 64, адрес, который позднее станет легендарным, и по Петербургу ходили басни про те дела, которые в этих стенах решались, и про распутство, в этом доме царившее.

Отделить истину от лжи в том, что касается сей нехорошей квартиры, нелегко, но единодушие самых разных современников свидетельствует о том, что не все там было чисто. Однако и не все грязно.

«Наша квартира состояла из 5 комнат. Роскоши никакой у нас не было. Все это вранье, что писалось тогда в газетах про нас. Комнаты наши и обстановка их были самые простые. В столовой стоял у нас стол, обыкновенные венские стулья и оттоманка, самая роскошная вещь из всей обстановки, подарок какого-то Волынского, освобожденного из тюрьмы по ходатайству отца; в спальне отца – кровать железная, американский стол, в котором хранились у отца под замком многочисленные прошения различных лиц, гардероб и умывальники; в кабинете отца – письменный стол, на котором ничего не было, кресло и диван; в приемной были одни стулья», – показывала на следствии дочь Распутина Матрена.

Она же описывала и повседневную жизнь самого известного из русских мужиков: «Он ходил в русской рубашке, русских шароварах, заправляя их в сапоги, и в поддевках. Мяса он не ел до самой своей смерти. Его обед всегда состоял из одной ухи. Кроме того, он еще употреблял редиску и любил квас с огурцами

и луком. Больше этих кушаний он ничего дома не ел. Вставал он всегда рано и шел обязательно к ранней обедне. После этого он приходил домой и пил чай с черными сухарями или кренделями. Тут же после чая приходили просители, и на них уходил целый день отца. Правильного распорядка дня не было. Собственно, весь день уходил на просителей, и он принимал всех и всегда… К нему обращались очень многие с очень разнообразными просьбами: его просили о местах, о помиловании разных лиц, сидевших в тюрьмах. Вот, главным образом, с такого рода просьбами и обращались к нему. Ему разные лица давали деньги, но очень многие и просили у него денег. Никогда никому в денежных просьбах не отказывал. Он действительно одной рукой брал, а другой раздавал. Обращались к нему и за духовной помощью: просили совета, жаловались на тяжелую душевную жизнь. Он давал советы, старался помочь душевно, как мог».

Побывавшая в распутинском окружении Е. Джанумова вспоминала:

«В квартире с утра до вечера толкутся представители всех слоев населения. Крестьяне, ходоки в валенках и дубленых полушубках просят помочь миру в какой-то вражде с помещиком. Дама в глубоком трауре, с заплаканными глазами, хватает за руки "отца" и, всхлипывая, просит о чем-то. Военный в блестящем мундире одного из гвардейских полков скромно ждет своей очереди. Вот какой-то человек с обрюзгшим лицом входит в переднюю в сопровождении лакея в меховой пелерине. Это какой-то банкир по спешному делу. Его принимают без очереди. Какие-то польские беженки, студенты, монашки с котомками и фрейлины императрицы. Салопницы и дамы в костюмах Пакена и Дусе. Истерически плачет какая-то женщина, звучит телефон. То здесь, то там появляется высокая фигура в мягких сапогах и шелковой косоворотке. Пронизывающе смотрят глубоко сидящие глаза. <…>

Шелка, темное сукно, соболь и шеншеля, горят бриллианты самой чистой воды, сверкают и колышутся тонкие эгретки в волосах, и тут же рядом вытертый старомодный чемоданчик какой-то старушки в затрапезном платье, старомодная наколка мещанки, белая косынка сестры милосердия. Просто сервированный стол со соборным чайным сервизом утопает в цветах».

«Кто бывал? Я видела генералов в полной форме, с орденами, приезжавших к нему на поклон. Бывали студенты, курсистки, просившие денежной помощи. Шли офицерские, чиновничьи жены, просившие по разным поводам за своих мужей. Вся эта публика была сплошь столичная, провинциальной не было. Он

всех принимал и всем обещал. В деньгах он никому не отказывал: вынимал из кармана и давал.

Сам он вел образ жизни простой: стол у него был совсем скромный. Но пил он очень много, и часто за это время я видела его пьяным», – показывала на следствии Вера Ивановна Баркова, дочь Манасевича-Мануйлова.

Другой свидетель князь М. М. Андроников рисовал иную картину: «Он рассказывал о своих отношениях к Богу, плел что-то непонятное, и мы находили, что это очень серьезный человек… Он вел себя в высшей степени корректно. Выпивал одну бутылку мадеры, после которой не пьянел совершенно, вел себя прилично и уходил. <…> Все, что ему говорили, он воспринимал и кипел любовью к Отечеству, высказывал свои воззрения, что нужно то-то и то-то сделать… Словом, высказывал свои идеи… Я в нем скверного в то время ничего не находил. Но впоследствии, когда он после обеда просил, чтобы кто-нибудь непременно начал играть, я его спрашивал: "Для чего?" – он говорил: – "Я хочу потанцевать", пускался в пляс и в течение часа до упаду танцевал. Мне это казалось странным, – я этого не понимал… Затем он подходил к телефону и вызывал всевозможных дам. Я должен был делать *bonnemineaumauvaisjeu*[44], – потому что все эти дамы были чрезвычайно сомнительного свойства».

«Участницами этого негодяя замешаны матери семейств, вдовы и девицы всех сословий и общественных положений. Все это сбившиеся с истинного пути психопатки. Мужья, отцы и близкие должны были давно уже принять самые радикальные меры для искоренения подобного зла в самом зародыше его возникновения и не дать этому грандиозному скандалу разрастись в вопрос государственной важности. Но они попустительствуют этому постыдному делу, в семьях этих заблудших не нашлось никого, кто бы оградил такое существо от омерзения. Наоборот, это поощряется…» – писала княгиня М. К. Тенишева, хотя она-то уж точно питалась одними слухами.

Вообще об этой, ставшей достопримечательностью Петербурга, квартире, о ее посетителях, о тех аферах, которые в ней творились, и о болезненном окружении Распутина написано очень много и весьма противоречиво, притом что на первый взгляд противоречий быть не должно: квартира, равно как и ее жильцы и посетители находились под постоянным наблюдением полиции, которая изо дня в день фиксировала все, чем занимался Распутин и его окружение.

«…агенты Охранного отделения дежурили в подъезде дома, в котором жил Распутин, под видом швейцара, и два агента всегда находились у ворот того же дома. Попутно, по моему приказанию

они вели подробные записи всем лицам посещавшим Распутина, и тем, кого он посещал. Таким образом я ежедневно получал самые подробные сведения t том, кого видел и где был Распутин. Автомобиль, на котором ездил Распутин, принадлежал Охранному отделению, *v* шофером на нем был мой служащий. Поэтому мне всегда было известно, куда ездил Распутин, между прочим, по моим сведениям, он никогда не бывал в Царском Селе во дворце; он всегда останавливался там у Вырубовой, и к ней съезжались императрица Александра Федоровна, великие княжны и наследник, а также бывший император, если он в то время находился в Царском Селе», – показывал на следствии генерал Глобачев.

О дневниках наружного наблюдения среди исследователей жизни Распутина ведется много споров. Сторонниками Распутина высказывалось предложение, что многие из них были при последующей обработке фальсифицированы, и полностью скидывать со счетов эту версию нельзя. Дело в том, что записи наружного наблюдения существовали в двух видах – необработанные и обработанные. Первые составлялись непосредственно филерами, вторые подвергались редактуре, прежде чем лечь на стол к высокому начальству. Именно они-то в основном и сохранились и послужили основным источником для компромата на Распутина, именно в них идет речь о его пьянстве, кутежах, проститутках.

Однако помимо обработанных материалов сохранились три фрагмента «сырых» донесений филеров, и в них – случайно или нет – но ни слова о проститутках и кабаках. Из этого не следует автоматически, что все обработанные записи были грубо сфабрикованы, но сомнения возникают вместе с вопросом: кто и зачем уничтожил подлинники? На основании последнего обстоятельства О. А. Платонов заявил о полной фальсификации филерских донесений и обвинил во всем распутинских недругов, назвав даже конкретное имя.

«Можно предположить, как было дело. Пригласили человека – "специалиста" по подобным делам, профессионала по фальсификациям, предоставили ему подлинные донесения агентов, которые потом были уничтожены. "Специалист" их изучил, использовал хронологическую канву, отбрасывая все "лишнее" и добавляя массу клеветнических вымыслов в духе Илиодора.

Можно предположить, и кто был этот специалист. Очень вероятно, что это был уже известный нам журналист Дувидзон, профессионал в клевете на Распутина.

Известно, что Дувидзон секретно сотрудничал с Белецким,

писал по его заказу статьи в определенном направлении и получал от него деньги. Это свидетельствует сам Белецкий в своих записках. Кроме того, стилистически и по характеру своих выдумок с подробным "сочинением" тобольских эпизодов "выписки" схожи с клеветническими очерками Дувидзона "Житие старца Григория" в газете "Биржевые ведомости"».

Версию О. Платонова попытались опровергнуть составители приложения к докладу митрополита Ювеналия на Архиерейском соборе 2004 года:

«Попытки ряда авторов, выступающих за "реабилитацию" Г. Распутина, поставить под сомнение достоверность материалов наружного наблюдения, фиксировавшего его общение с лицами сомнительной репутации и легкого поведения, не находят поддержки у специалистов. Исследователи, специально изучавшие делопроизводство департамента полиции и историю политического сыска в России, в частности доктор исторических наук З. И. Перегудова, имеющая опыт разоблачения фальсификации полицейских документов, не видят оснований сомневаться в подлинности дневников наружного наблюдения за Г. Распутиным, в которых неоднократно отмечается его недостойное поведение».

В ответ О. А. Платонов обвинил Ювеналия в том, что владыка выразил мнение не большинства, а меньшинства Церкви, но ясности его более эмоциональная, нежели аргументированная отповедь не принесла, хотя осторожная фраза из приложения к докладу Ювеналия – «исследователи… не видят оснований сомневаться…» – действительно звучит обтекаемо, а стопроцентно ручаться за подлинность выписок, опубликованных в 1924 году в журнале «Красный архив», не стали даже советские редакторы того времени. «Настоящий материал не является сырым донесением агентов охранки, а представляет собой уже переработанную департаментом полиции сводку таковых; причем сводка эта, при всем своем стремлении придерживаться истины, не могла, конечно, осветить все факты с той же полнотой, с какой они были освещены самими агентами…»

Таким образом, вопрос о достоверности полицейских дневников наружного наблюдения можно по-прежнему считать нерешенным, и в этом смысле больше доверия вызывает сопоставительный анализ различных мемуаров и свидетельских показаний.

«Обстановка квартиры средне-мещанского типа, даже скорее бедная. Ежедневно у дверей его квартиры по утрам толпился бедный люд, и каждому он давал пособия, кому рубль, кому два, а кому и три. Семья его вела образ жизни скромный, но, по-

видимому, ни в чем не нуждалась. В течение целого почти дня его посещали лица, принадлежавшие к разным слоям общества и разного служебного и общественного положения. Одни здесь бывали из-за личных симпатий к Распутину, другие ища его протекции, третьи просто в надежде набить около него карман», – вспоминал генерал Глобачев.

«Людская молва изображала Распутина весьма различно, – писал Гурко. – Наряду со слухами о его влиянии и возможности добиться через его посредство чего угодно, распространялось и то, что он святой человек, бессребреник, который помогает обращающимся к нему людям из побуждений христианской любви.

Все это приводит к тому, что у Распутина организуются формальные приемы и число посетителей на них достигает многих десятков. При этом среди обращающихся к нему за той или иной помощью, наряду с теми, которые подкрепляют свои прошения материальными подношениями и обещаниями крупных денежных сумм, бывают и такие, которые не только ничего не приносят, но еще и сами просят о денежной помощи.

Как это на первый взгляд ни странно, но Распутин стремился помочь и тем и другим. Дело в том, что у самого Распутина, по мере его возвышения, неудержимо развивалось своеобразное честолюбие. Играть видную роль, быть почитаемым за всемогущую силу, стать на равную ногу с людьми, находящимися по общественному положению неизмеримо выше его, – все это тешило его самолюбие, и он охотно поддерживал и такие просьбы, исполнение которых не приносило ему лично никаких прямых выгод. Возможно, впрочем, что он рассчитывал таким путем увеличить в общественном представлении степень своей силы, что и на деле вело и к ее фактическому разрастанию.

Дела, которые брался проводить Распутин, делились на две резко различные категории. Одни из них касались устройства судьбы сравнительно маленьких людей: выдачи им пособий, увеличения получаемой пенсии, продвижения на службе в ее низших степенях. По отношению к таким людям он, в большинстве случаев, ограничивался снабжением их короткими записками к знакомым и незнакомым ему высокопоставленным лицам. Записки эти, неизменно начинавшиеся со слов "милай, дорогой", для некоторых лиц, увы! имели такую обязательную силу, что снабженные ими просители были обеспечены в удовлетворении своих ходатайств.

Но была и другая категория дел, исполнение коих приносило Распутину крупную выгоду. Просьбы эти касались различных денежных дел, как то концессий, получения поставок и казенных

подрядов, а во время войны к этому присоединились еще просьбы о зачислении куда-либо в тыл призванных в войска.

Прямых ходатайств со стороны Распутина о предоставлении кому-либо ответственных должностей, однако, не поступало».

Часто в этих историях присутствовала и эротика, и распутинское гипнотизерство.

«Прилегающая к столовой комната в квартире Распутина, где стояла его кровать, куда никто, даже из близких, не имел права войти, пока он там находился с кем-либо, могла бы рассказать много подобных жизненных драм, в ней протекших», – очень образно высказался об этой стороне вопроса Белецкий.

«Вчера проф. Яроцвий рассказывал о своей знакомой, – записал в своем дневнике историк С. Мельгунов. – Ей нужно было видеть Распутина. Позвонила по телефону и была принята. Распутин привел ее в спальню. "Ну, раздевайся". Ошарашенная, она вырывается из объятий старца. "Не хочешь? Так зачем же ты пришла. Не хочешь, не надо, но смотри, приходи в 10 час. веч.". Дама эта потом поехала обедать в ресторан с мужем и знакомым доктором. К 10 час. веч. она стала проявлять сильное беспокойство и, наконец, заявила, что поедет к Распутину. Никакие уговоры не действовали. Доктор ее загипнотизировал – так только удалось отклонить ее от свидания с Распутиным».

А вот какое свидетельство содержится в материалах следователя Соколова: «Женщина, жившая в его квартире и наблюдавшая его, показывает: "Пил он очень много, и часто за это время я видела его пьяным. Окружен он был группой его поклонниц, с которыми он находился в связи. Проделывал он свое дело с ними совершенно открыто, нимало не стесняясь. Он щупал их и вообще всех женщин, которые допускались до его столовой или кабинета, и, когда он или они этого хотели, вел их при всех тут же к себе в кабинет и делал свое дело. Пьяный он чаще сам приставал к ним; когда он был трезв, чаще инициатива исходила от них… Часто я слышала его рассуждения, представлявшие смесь религиозной темы и разврата. Он сидел и поучал своих поклонниц: 'Ты думаешь, я тебя оскверняю? Я тебя не оскверняю, а очищаю'. Вот это и была его идея. Он упоминал еще слово 'благодать', то есть высказывал ту идею, что сношением с ним женщина получает благодать"».

«Наиболее преданными его друзьями были женщины – дамы-почитательницы, которые верили в него как в святого. Многие из них были с ним в близких, интимных отношениях, а другие еще только добивались этой чести. Вера в святость Распутина была так велика, что женщины целовали его руки, принимали пищу из его грязных рук и покорно сносили оскорбления и грубость с его

стороны, считая это за особое счастье. Распутин всегда был очень любезен и ласков с новыми, которых называл еще не посвященными, и в высшей степени груб с теми, с которыми он уже был близок интимно. Не думаю, чтобы он отдавал предпочтение той или другой из его почитательниц: искренней любви ни к одной из многочисленных любовниц у него не было. Его просто влекло к женскому телу чувство похоти и разврата. Часто, не довольствуясь окружавшим его добровольным гаремом, он пользовался обыкновенными уличными проститутками…» – писал в мемуарах Глобачев, человек в силу своего положения получавший информацию от первых рук и пока что еще никем в связях с масонами не заподозренный.

«Я ни в коем случае не намереваюсь отрицать, что во время пребывания моего отца в Санкт-Петербурге у него были любовницы и что по временам он вел беспутную жизнь. Окруженный разными женщинами, здоровый зрелый мужчина с естественными желаниями, он вполне мог поддаться многочисленным соблазнам… Вначале мой отец был очень осторожен и всячески избегал этих соблазнов. Однако позднее он позволил увлечь себя на "Villa Rode" – известное ночное кабаре Санкт-Петербурга…» – писала Матрена Распутина в одном из вариантов своих воспоминаний, хотя следователю Соколову несколькими годами ранее говорила совсем иначе: «Все, что писалось в газетах в революцию про его разврат – клевета. Отец не знал никаких женщин, кроме мамы, и любил одну ее».

А вот случай, описанный Родзянко:

«Одна дама, наслышавшись в провинции про влияние Распутина при дворе, решила поехать в Петроград хлопотать через него о повышении по службе своего горячо любимого мужа. Эта дама была счастливой и образцовой семьянинкой. Приехав в Петербург, она добилась приема у Распутина, но тот, выслушав ее, сурово и властно сказал ей: "Хорошо, я похлопочу, но завтра явись ко мне в открытом платье, с голыми плечами. Да иначе ко мне и не езди", причем пронизывал ее глазами, позволяя себе много лишнего в обращении. Дама эта, возмущенная словами и обращением Распутина, покинула его с твердым намерением прекратить свои домогательства. Но, вернувшись домой, она стала чувствовать в себе непреоборимую тоску, сознавала, что она что-то непременно должна выполнить, и на другой день добыла платье декольте и в назначенный час была в нем у Распутина. Муж ее повышение получил впоследствии. Этот рассказ документально точен».

Может быть, и в самом деле точен, тем более что он частично повторяет запись из дневника Мельгунова, хотя, с другой

стороны, верить Родзянко дело не слишком надежное. И, наверное, можно осуждать людей, которые через Распутина пытались добиться больших чинов и теплых мест. И среди посетителей распутинской квартиры наверняка было множество проходимцев, а хозяин преследовал помимо распутства свои корыстные цели. Не исключено, что в чем-то прав был Белецкий: «Присмотревшись к Распутину, я вынес убеждение, что у него идейных убеждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера он старался замаскировать внутренние движения своей души и порывов. Изменяя выражение лица и голос, Распутин притворялся прямодушным, открытым, не интересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво идущим навстречу доброму делу, так что многие, искушенные опытом жизни люди и даже близко к нему стоящие люди, зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты».

Вряд ли искажал положение вещей жандармский генерал А. И. Спиридович, когда красочно описывал «приемную» Распутина:

«В квартире Распутина (Гороховая, 64), в его приемной, с утра толпилось много народа. Люди всяких званий. Больше всего дам. Бывали священники, иногда даже офицеры, очень молодые. Много несчастных.

Распутин выходил в приемную и обходил просителей. Расспрашивал, давал советы, принимал письменные просьбы, все очень участливо, внимательно. Иногда шарил у себя в карманах и совал просительнице деньги. Одна интеллигентная женщина жаловалась, что муж убит, пенсии еще не вышло, а жить не на что. Помогите, не знаю, что делать. Распутин зорко смотрит на нее. Треплет свою бороду. Быстро оборачивается, окидывает взглядом просителей и хорошо одетого господина, говорит: "У тебя деньги ведь есть, дай мне". Тот вынимает из бокового кармана бумажник и подает что-то Распутину. Посмотрев, Распутин берет просительницу за плечи. "Ну, пойдем". Проводит ее до выходных дверей. "На, бери, голубушка, Господь с тобой". Выйдя на лестницу и посмотрев, что сунул ей Распутин смятым, она насчитала пятьсот рублей.

Некоторым он давал записки к разным министрам. На восьмушке простой бумаги он ставил сверху крест. Затем следовало: "Милой, дорогой, сделай ей, что просит. Несчастна. Григорий". Или: "Прими, выслушай. Бедная. Григорий". Все изображалось страшными каракулями и безграмотно.

Одному было написано: "Милой, дорогой, прими его. Хороший парень. Григорий".

Некоторых дам принимал особо, в маленькой комнатке с диваном. Иногда просительница выскакивала оттуда раскрасневшись и растрепанной. Некоторых, по серьезным делам, принимал по сговору, в назначенный час. Но это устраивалось обыкновенно через его доверенное лицо "Акилину". Акилина уговаривалась, сколько надо заплатить. Она же была шпионка, приставленная А. И. Гучковым следить за всем, что делается у Распутина. Ее умно просунули, как сестру милосердия, массировать Императрицу. Устроила, конечно, Вырубова. Некоторые лица, получив такую писульку, исполняли просьбу и даже сообщали о том по телефону на квартиру Распутина. Распутин бывал очень доволен. Некоторые рвали послание и отказывали в просьбе. Об этом просители, обычно, сами жаловались "Старцу". Тот бросал обычно: "Ишь ты, паря, какой строгий. Строгий!" Это было все; но, при случае, он говорил про такого нелюбезного человека: "Недобрый он, не добрый! "»

Или другое место, изложенное еще более живо, с опорой на показания Белецкого:

«В день своего Ангела, 10-го января, рано утром, Распутин в сопровождении двух охранявших его агентов отправился в церковь. Долго и истово молился. По возвращении домой его встретил Комиссаров и от имени Хвостова и Белецкого вручил ему ценные подарки и для него и для семьи. Вручил и деньги. Распутин был очень доволен. Принесли поздравительную телеграмму из дворца. Обрадованный несказанно "Старец" сейчас же отправил в Царское Село телеграмму: "Невысказанно обрадован. Свет Божий светит над вами. Не убоимся ничтожества".

Еще больная, А. А. Вырубова поздравила по телефону и, хотя Распутин требовал, чтобы приехала, она не приехала. Еще со вчерашнего вечера в квартиру то и дело приносили подарки от разных лиц: мебель, картины, серебро, посуду, цветы, ящики вина, пироги, кренделя, торты. Пачками поступали письма и телеграммы. Много лиц разного положения явилось поздравить лично. Дарили деньги и ценные вещи. Более близких приглашали в столовую. Там с полудня за обильно уставленным всякими яствами и винами столом шло угощение. Пили много. К вечеру сам именинник свалился с ног. Его увели и уложили спать. Вечером один из рестораторов прислал полный ужин на много персон. К ужину были приглашены только близкие друзья.

Ужин вскоре перешел в попойку. Явился хор цыган поздравить именинника. Пошла музыка, песни, танцы. Начались "Чарочки". Пустился в пляс и сам протрезвившийся и вновь начавший пить именинник. Веселье шло крещендо и скоро

перешло в оргию. Цыгане, улучив минуту, уехали. Перепились и мужчины и дамы… Несколько дам заночевали у "Старца".

Утром на следующий день все время звонил телефон. Явились мужья заночевавших у "Старца" жен. Грозило колоссальным скандалом. Мужья требовали впустить их в спальную. Пока домашние уговаривали мужей, уверяя их, что дамы уехали от них еще вчера вечером, филеры в это время спасали двух дам и вывели их черным ходом. А затем увели черным ходом и Распутина. Уже после этого обязательная Акилина попросила ревнивых мужей лично убедиться, что в квартире их жен нет, что те и сделали.

Распутин же, проспавшись и опохмелившись, послал Вырубовой с именин бутылку мадеры, цветы и фрукты. Вырубова рассказала Царице, как трогательно дружески прошли у "Старца" именины дома, среди родных и близких. Как именинник был счастлив, что Их Величества не побоялись поздравить его открыто телеграммой, как он был дома весел и очарователен».

Наконец невозможно не доверять свидетельству Шульгина, который приводил в своей книге слова одного из своих собеседников: «Все, что говорят, будто он влияет на назначения министров – вздор: дело совсем не в этом… Я вам говорю, Шульгин, сволочь – мы! И левые, и правые. Левые потому, что пользуются Распутиным, чтобы клеветать; правые, т. е. прохвосты из правых, потому, что они, надеясь, что он что-то может сделать, принимают его каракули…»

Все это так, и все создает образ всевластного, гульливого, едва ли не демонического и одновременно с этим презренного, трусливого, нечистоплотного человека, распоряжающегося людскими судьбами, дискредитирующего престол и порожденного общим падением нравов. Образ такого Распутина стал вполне традиционным, но вот – очень скромная, неброская на этом фоне архивная история, недавно опубликованная в газете «Красноярский рабочий».

> «"РАДОСЬ МАЯ, ВОТ Я ЖИВ…"
>
> Известно, что Григорий Распутин составлял короткие, трудно читаемые записки, чаще карандашные, с характерным обращением. Одна из таких записок оказалась в фондах Красноярского краевого краеведческого музея, в архиве Л. В. Смирнова. Датируется она началом осени 1914 года: по содержанию самого письма и письмам матери владельца архива. Адресат записки – министр путей сообщения в 1909– 1915 годах С. В. Рухлов. Приводим текст записки

Распутина:

"Радось мая, вот я жив, вас беспокоить, дорогой, вы обещали помочь нам и с митрополитом Макарьем и нашему доброму идиляльному человеку, за ваш долг божей Илиониту Васильевичу Смирнову, дорогой, зделай, пусь Макарей тысечам любви поклонов за тебя, пусь он должник добрых дел твоих. Григорий Роспутин".

Такая вот эпистола.

Распутин ходатайствовал за многих просителей, но особенно протекционировал сибирякам. Одним из таковых оказался уроженец Енисейской губернии Леонид Васильевич Смирнов. В 1900 году он окончил юридический факультет Московского университета, поступил на службу в Департамент полиции МВД, в 1903—1904 годах состоял крестьянским начальником в Иркутской и Енисейской губерниях, до 1909 года – горный исправник и податной инспектор в последней губернии. В 1910 году оставил службу, возможно, следуя старому совету управляющего канцелярией Иркутского генерал-губернаторства Н. Л. Гондатти: "…Вы напрасно стремитесь в Енисейскую губернию – это помойная яма и служить там Вам будет трудно".

Выйдя в отставку, Л. В. Смирнов решил попытать служебного счастья в столице. После длительных поисков определился в Департамент окладных сборов, в 1913 году перевелся помощником делопроизводителя канцелярии Управления железных дорог. Но служба не задалась, сибиряка она не устраивала ни морально, ни в финансовом плане.

В начале 1914 года Л. В. Смирнов нашёл способ познакомиться с Григорием Распутиным и заручиться его поддержкой. Тогда же он свел знакомство и с фрейлиной Анной Вырубовой. Узнав из письма сына о таком поручителе, живущая в Красноярске Глафира Петровна Смирнова, не скрывая раздражения, ответила: "…Об Распутине что сказать, у него и фамилия-то подходящая к нему… И подумаешь, что только делается на свете, простой мужичонко, развратник, и всем это известно, и он в ходу, и имеет хорошие деньги…" Но постепенно горечь матери сменяется надеждой, и 22 мая отправляется в столицу письмо не столь резкого содержания: "…Это ты хорошо сделал, что письмо Григ, не отдал министру, по правде сказать, всякому министру обидно, что какой-нибудь мужик распоряжается им, и

долго ли этот Григ, будет в фаворе, это гадательно, а потому тебе дело свое, по его протекции, надо бы скорее устроить, знаешь, в жизни все симпатии скоро меняются…"

Летом 1914 года Григорий Распутин выехал в Тобольскую губернию в родное село Покровское. Там крестьянка Гусева, по наущению монаха Илиодора, как считало следствие, ударила его ножом в живот. Состояние Распутина было настолько тяжелым, что Николай 11 распорядился прислать лейб-медика. Глафира Петровна в письме к сыну от 6 июля 1914 года печалилась о попечителе сына: "…Какое несчастье, право, тебе лишиться его… Но я надеюсь, что и барышня (Вырубова. – *Т. К.)* эта тебе поможет, хотя бы уже в память его…"

В декабре 1914 года Л. В. Смирнов был с очередным визитом у Распутина. В начале 1915 года Григорий отправил новое послание министру С. В. Рухлову; к хлопотам подключаются Анна Вырубова, архимандрит Макарий. Год подходил к концу, а протекции помогали мало. Г. П. Смирнова, теряя надежду на карьеру сына, писала 5 октября 1915 года: "…Да вот Григорий всем помогает и всем вертит, а тебе вот помочь…" Служба в столице у нашего земляка не заладилась, хлопоты оказались безуспешными, по причинам нам неведомым. <…> [45]

Многие считали, что будь летом 1914 года Григорий Распутин в столице, он, являясь ярым противником войны с Германией, смог бы уговорить царя и предотвратить кровопролитие. В декабре 1914 года Г. П. Смирнова писала сыну, что в Красноярске ходят слухи о частых визитах Григория к государю, во время которых он просит скорее кончить войну. Случилось то, что случилось. Дальнейшие события обернулись трагедией для Распутина, а позже, возможно, и для его протеже – Л. В. Смирнова: после 1924 года след его теряется.

Тамара КОМАРОВА, ведущий специалист краевого музея».

Статья эта замечательна тем, что никаких целей ни оправдать, ни очернить Распутина ее автор не ставит, и оттого сей бесхитростный сюжет очеловечивает Распутина больше, чем любая апология. Хороша тут матушка отставного податного инспектора, которая поначалу обеспокоилась обращением своего

сына к Распутину, а затем рассудила, что из этого может выйти толк. Замечательна ее хозяйская реакция на известие о покушении на Распутина – жаль, конечно, человека, но, может, хоть барышня (Вырубова) поможет. Но главное – совершенно очевидно, что никакой корысти в судьбе своего протеже Распутин не искал. И поскольку вполне логично допустить, что случай этот был не единичным, то к образу развратника и интригана следовало бы добавить и образ ходатая, заступника в человеческих бедах, каким Распутин, несмотря на все свои пороки, был. Одно не отменяет другого. В Распутине удивительным образом соединялись противоположные черты русского человека – вся наша карамазовщина от старшего, похотливого отца Федора Павловича, до младшего, молитвенника Алеши, и попытки растащить этого человека на части и по ним выносить окончательный суд бессмысленны. Распутин был и порочным, и добрым, и мстительным, и милосердным. И по-своему справедливым.

Вот еще две истории распутинского протекционизма. Первая была рассказана протопресвитером Шавельским, вторая – князем Жеваховым.

«В один из моих приездов в Петроград в 1916 г. ко мне на прием явился неизвестный мне очень невзрачный дьякон. На мой вопрос: "Чем могу быть вам полезен?" – дьякон протянул помятый конверт с отпечатком грязных пальцев: "Вот прочитайте!"

– От кого это письмо? – спросил я.

– От Григория Ефимовича, – ответил дьякон.

– От какого Григория Ефимовича?

– От Распутина.

– А ему что нужно от меня? – уже с раздражением спросил я.

– А вы прочитайте письмо, – ответил дьякон.

Я вскрыл конверт. На почтовом листе большими каракулями было выведено: "Дарагой батюшка. Извиняюсь беспокойство. Спаси его миром устрой его трудом Роспутин".

– Ничего не понимаю, – обратился я к дьякону, прочитав письмо.

– Григорий Ефимович просит вас предоставить мне место священника, – пояснил дьякон.

– А вы какого образования? – спросил я.

– С Восторговских (Пастырские курсы прот. И. Восторгова, наплодившие неучей священников.) курсов.

– Место священника я предоставить вам не могу, так как в военные священники я принимаю только студентов семинарии, – ответил я.

– Тогда дайте дьяконское место в столице.

– И сюда вы не подойдете.

– Ну в провинции, – уже с волнением сказал дьякон, очевидно пришедший ко мне с уверенностью, что письмо Распутина сделает все.

– Это, пожалуй, возможно. Но вы должны предварительно подвергнуться испытанию. Завтра послужите в Сергиевском соборе, где вашу службу прослушает назначенный мною протоиерей, а после службы явитесь ко мне для экзамена, который я сам произведу, – сказал я.

Дьякон ушел, но ни на службу, ни на экзамен не явился. Как реагировал Распутин и его присные, слухов об этом до меня не дошло».

А вот фрагмент из воспоминаний князя Жевахова:

«…вмешательство Распутина в государственные дела, приведшее к утверждению, что не Царь, а Распутин "правит Россией", назначает и сменяет министров, являлось только одним из параграфов выполнявшейся революционерами программы, а, в действительности, не имело и не могло иметь никакой под собой почвы. Именем Распутина пользовались преступники и негодяи; но Распутин не был их соучастником и часто не знал даже, что они это делали. Как на характерный пример я укажу на визит ко мне некоего Добровольского, надоедавшего Обер-Прокурору Св. Синода Н. П. Раеву домогательствами получить место вице-директора канцелярии Св. Синода, остававшееся вакантным после перемещения на другую должность А. Рункевича.

Явился этот Добровольский ко мне на квартиру, развязно вошел в кабинет, уселся в кресло, положив ногу на ногу, и цинично заявил мне, что желает быть назначенным на должность вице-директора канцелярии Св. Синода.

"Кто вы такой и где вы раньше служили, и какие у вас основания обращаться ко мне с таким странным ходатайством?.. Предоставьте начальству судить о том, на какую должность вы пригодны, и подавайте прошение в общем порядке, какое и будет рассмотрено, по наведении о вас надлежащих справок", – сказал я.

"Никакого другого места я не приму; а моего назначения требует Григорий Ефимович (Распутин)", – ответил Добровольский.

Посмотрев в упор на нахала, я сказал ему: "Если бы вы были более воспитаны, то я бы вежливо попросил вас уйти; но так как вы совсем не умеете себя держать и явились ко мне не с просьбою, а с требованием, то я приказываю вам немедленно убраться и не сметь показываться мне на глаза"…

С гордо поднятой головой и с видом оскорбленного человека

Добровольский поехал к Распутину жаловаться на меня, а я обдумывал способы выхода в отставку, стараясь не предавать огласке истинных причин, вызвавших такое решение <…>

На другой день Н. П. Раев вызвал меня в свой служебный кабинет, и между нами произошла такая беседа:

"Вы прекрасно поступили, что выгнали этого проходимца; но я боюсь огласки, – сказал Обер-Прокурор. – Он станет закидывать Вас грязью, а, наряду с этим, будут опять кричать о Распутине и жаловаться, что он вмешивается не в свое дело. Если бы Распутин знал, что за негодяй этот Добровольский, то, верно, не хлопотал бы за него… Добровольский совсем уже замучил митрополита Питирима"…

"Другими словами, вы хотите, Николай Павлович, чтобы я лично переговорил с Распутиным и заставил бы его взять назад кандидатуру Добровольского?" – спросил я Обер-Прокурора…

Н. П. Раев вспыхнул, очень смутился, что я угадал его мысль, и нерешительно ответил:

"Знаете, бывают иногда положения, когда приходится жертвовать собою ради общих целей… Я не смею просить вас об этом, ибо хорошо сознаю, какому риску подвергаю вас, как неправильно бы истолковалось ваше свидание с Распутиным; но если бы вы нашли в себе решимость поехать к Распутину, то сняли бы великое бремя с плеч нашего доброго митрополита, который один борется с Добровольским и отбивается от него"…

"Хорошо, – ответил я после некоторого раздумья, – верным службе нужно быть и тогда, когда это невыгодно. Если вы и митрополит считаете этот выход единственным, то я поеду, ибо готов идти на всевозможные жертвы, лишь бы только не допустить в Синод проникновения таких негодяев, как Добровольский"…

И я поехал… Я ехал с тем чувством, с каким идут на подвиг: я отчетливо и ясно сознавал, какое страшное оружие даю в руки своим врагам; но все опасения подавлялись идеей поездки, сознанием, что я еду к Распутину не для сделок со своей совестью, а для борьбы с ним, для защиты правды от поругания, что я жертвую собой ради самых высоких целей… И эти мысли успокаивали меня и ободряли…

"Знаю, миленькой; я всегда все знаю, – Доброволов напирает; пущай себе напирает", – сказал Распутин.

"Как пущай, – возразил я, с раздражением, – разве вы не знаете, что он за негодяй; разве можно таких людей натравливать на Синод!.. Мало ли кричат о вас на весь свет, что вы наседаете на министров и подсовываете всяких мерзавцев. Вчера Добровольский был у меня, и я его прогнал и приказал не

показываться мне на глаза"…

"А потому и кричат, что все дурни… Вольно же министрам верить всякому проходимцу… Вот ты, миленькой, накричал на меня, а только не спросил, точно ли я подсунул тебе Добровола… А может быть, он сам подсунулся, да за меня спрятался… Ты, хоть и говоришь, миленькой, что он негодящий человек, а про то и не знаешь, что он человекоубийца и свою жену на тот свет отправил… Пущай себе напирает, а ты гони его от себя. Он и на меня напирает, и я сам не могу отвязаться от него"… Я был ошеломлен и чувствовал себя посрамленным».

Мемуар очень показательный и часто цитируемый, но справедливость требует сказать, что об отношениях Распутина и Добровольского существует свидетельство из иного источника, того, который так решительно отвергает О. Платонов, – дневников наружного наблюдения:

«Добровольский И. И. занимает квартиру в 6 комнат с платой 125 руб. в месяц, прилично обставленную, и живет очень богато и в то же время нигде не служит, а занимается обделкой разных темных делишек посредством Распутина. Добровольский ежедневно по нескольку раз бывает у Распутина и Распутин у него, часто устраивает у себя на квартире пирушки с выпивками. Например, более шумные вечеринки были 2—6 января в присутствии г. Распутина, Осипенко и др., и 15 сего февраля с 8 час. вечера до 4 час. ночи кутили около 10 человек. Распутин вышел оттуда совершенно пьяный и на лестнице громко пел песню: "Барин барыню…"

Добровольский увез его отсюда на моторе.

В настоящее время Добровольский занят устройством подряда на поставку для Русской Армии 200 тысяч японских сапог. Кроме того, по полученным негласным путем сведениям, Добровольский через Распутина занимается освобождением лиц от воинской повинности, и вообще он спекулянт большой руки».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Срыв. Ужин в «Яре». Полицейский рапорт. Задержка информации. Романтик от жандармерии. Джунковский как Джунковский. Распутин и «Распутин». Миссия Саблина. Вырубова в Покровском. Летние каникулы странника. Подвиг чиновника. Пьяный пароход

«С войной в Распутине произошли две перемены, – вспоминал Спиридович. – Разными дельцами от банковских директоров до мелких спекулянтов он был вовлечен в проведение разных, связанных с войной, предприятий, а, во вторых, он стал пить и безобразничать в публичных местах, чего раньше с ним не случалось. Болезнь его лучшего и близкого друга, А. А. Вырубовой, принесла ему ту свободу, в которой он был очень стеснен, будучи всегда связан Анной Александровной. С ее прикованностью к кровати, он стал свободен, чем и воспользовались его друзья другого лагеря.

Распутин стал пить и напиваться. К нему на квартиру стали приезжать его друзья, дамы и мужчины с запасами вина, с закусками, с гитарами, гармошками… Пили, ели, пели, танцевали, безобразничали. Веселясь с дамами общества, Распутин не чуждался и проституток. Все около него спуталось в один клубок, в котором имена дам общества переплетались с именами падших созданий. Когда старца спрашивали, почему он стал так кутить, он, смеясь, отвечал: "Скучно, затравили, чую беду"».

Сообщенное Спиридовичем подтверждала в своих показаниях и дочь Распутина Матрена:

«…уходя странствовать, он бросил пить. Но в Петрограде снова вернулся к вину и пил много. Больше всего он любил мадеру и красное вино. Пил он дома, но больше в ресторанах и у знакомых. Царская Семья знала, что он пьет, и осуждала его за это. Говорили ему об этом и мы. Всегда для всех у него был один ответ: "Не могу запить того, что будет после". Мысль его заключалась в том, что он ждал чего-то худого для родины в будущем и хотел потопить в вине горькое чувство от сознания нехорошего будущего.

Пьяный он любил плясать русскую и плясал замечательно хорошо».

«Распутин, добившись запрещения продажи спиртного, сам начал пить, и притом так, что вошел в историю с репутацией пьяницы», – заключил Андрей Амальрик. И вся дальнейшая

судьба опытного странника была тому подтверждением.

«25 марта Распутин выехал в Москву, где у него было немало поклонниц. В один из ближайших дней Распутин закутил с небольшой компанией у Яра. Напился он почти до потери рассудка, – писал Спиридович. – Говорил всякий вздор, хвастался знакомством с высокопоставленными лицами, плясал непристойно, полуразделся и стал бросаться на хористок. Картина получилась настолько непристойная и возмутительная, что администрация обратилась к полиции. Бывшие с Распутиным дамы поспешили уехать. Сам он, как бы протрезвев, обругал полицию и уехал, и в тот же день выехал обратно в Петербург. Скандал получил такую громкую огласку в Москве, что растерявшийся Градоначальник, Свиты Его Величества, генерал-майор Адрианов, друживший с Распутиным, выехал также в Петербург с докладом о случившемся».

«Вообще вино на него действовало не так, как на других. Он не терял разума, не делался от вина грубым, злым, а делался как бы более одухотворенным», – косвенно возражала на этот раз Спиридовичу Матрена Распутина.

Однако обратимся к документам.

«5 июня 1915 г. №291834

Совершенно секретно. Лично

Его превосходительству г-ну товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов (Джунковскому).

По сведениям Пристава 2 уч. Сущевской части г. Москвы полковника Семенова, 26 марта сего года, около 11 час. вечера, в ресторан "Яр" прибыл известный Григорий Распутин вместе с вдовой потомственного почетного гражданина Анисьей Ивановной Решетниковой, сотрудником московских и петроградских газет Николаем Никитичем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты "Новости сезона", потомственного почетного гражданина Семена Лазаревича Кугульского и пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал "матчиш" и "кэк-уок". По-видимому, компания имела возможность и здесь пить вино, так как опьяневший еще больше Распутин плясал впоследствии "Русскую", а затем начал откровенничать с певичками в таком роде: "Этот кафтан подарила мне 'старуха', она его и сшила", а после "Русской": "Эх, что бы 'сама' сказала, если бы меня сейчас здесь увидела". Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы

обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести разговоры с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде "люби бескорыстно", прочие наставления в памяти получивших их не сохранились. На замечания заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя пред женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10—15 руб., беря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила и все прочие расходы по "Яру". Около 2 часов ночи компания разъехалась.

Об изложенном, вследствие телеграфного приказания от 31 минувшего мая за № 1330 имею честь донести Вашему Превосходительству.

Полковник Мартынов».

«Затем я написал Государю, что принимая во внимание, что Распутин бывает в царском дворце, я счел долгом осветить картину поведения этого человека и обратил внимание, что это уже не первый случай и это налагает некрасивую тень. Я лично отдал записку Государю», – показывал на допросе следственной комиссии Временного правительства товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, к которому рапорт полковника Мартынова был адресован двумя месяцами спустя после происшествия.

Вопрос о том, почему это произошло не по горячим следам, а с большим опозданием, сильно запутан. А. Амальрик прокомментировал ситуацию с «Яром» следующим образом:

«Этот полицейский отчет отчасти совпадает с рассказами о проповедях в бане или с "Исповедью" Хионии Берландской, где она пишет, что Распутин "и в поле на работе соберет всех и заставит иногда кого-нибудь обнажить его. Сестры видели в этом блаженство его и детство – невинность". Полиция в этом невинности не увидела. Но я склонен отнестись с осторожностью как к показаниям разочарованных "сестер", так и – в большей степени – к полицейским отчетам.

Настораживает уже то, что отчет о событиях в марте был составлен только в июне. Московский градоначальник генерал-майор Адрианов говорил и даже писал впоследствии, что "никакой неблагопристойности" Распутин в "Яре" не сделал. Осенью 1916 года добивался он свидания с Распутиным, но тот его не принял, сказав, что хотя он "и дал другое показание, но все-таки ему нужно было в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция писала

Джунковскому". Когда Распутин снова кутил в "Яре" в мае 1916 года, цыганский хор жался, боясь скандала и допросов, а градоначальство сразу же командировало двух чиновников "для охраны".

Если Адрианов изменил позицию потому, что противники Распутина Щербатов и Джунковский были уволены с постов министра и его товарища, то можно предположить, что и рапорт о событиях в "Яре" составлялся в угоду только что назначенному Щербатову, Джунковскому и поддерживавшей их сестре царицы Елизавете Федоровне. Любой знакомый с методами русской полиции знает, что то или иное происшествие может она раздувать или сжимать – в зависимости от того, что требуется начальству».

Понятно, что диссиденту Амальрику было приятно отождествлять русскую полицию с советской и оставаться во всегдашней оппозиции к любым властям. Но дело в том, что об изменении позиции Адрианова и о том, что он «говорил и даже писал впоследствии», будто в «Яре» «неблагопристойности Распутин не производил», известно не от самого Адрианова, но из показаний С. П. Белецкого. Белецкий же с Джунковским друг друга сильно недолюбливали, охотно писали взаимные нелицеприятные вещи, так что сомнительность их показаний и воспоминаний относительно друг друга увеличивается вдвойне.

Джунковский считал, что причиной промедления с докладом была трусость Адрианова.

«В последнем донесении из Москвы я обратил внимание на недостаточное освещение поведения Распутина в загородном московском ресторане "Яр" и потому приказал Департаменту полиции затребовать от Московского охранного отделения по сему поводу более подробные сведения.

Это, очевидно, встревожило градоначальника Адрианова, который приехал ко мне в Петроград, кажется, 15 или 16 мая, чтобы лично доложить о поведении Распутина в ресторане "Яр", не решаясь это изложить письменно. Такое малодушие с его стороны меня крайне неприятно поразило. Выслушав его подробный доклад о возмутительном, непристойном поведении Распутина, и при этом в весьма подозрительной компании, я предложил Адрианову, приехав в Москву, письменно изложить мне все доложенное и прислать при письме. Это ему не особенно понравилось, но возражать он мне не мог и обещал исполнить. После этого прошла неделя, а от Адрианова никакого донесения не поступало. Я послал тогда депешу с предложением немедленно прислать требуемое по делу Распутина. Наконец, я вынужден был командировать в Москву особое лицо с письмом, с

тем, чтобы градоначальник препроводил мне свой ответ с этим лицом, и только тогда я получил требуемое. Это было 27 мая. При этом Адрианов все же не решился написать что-либо от себя, а препроводил мне только подлинный рапорт пристава 2 участка Сущевской части подполковника Семенова о происшествии в "Яре", без номера и без числа».

Далее в мемуарах Джунковского следует текст доклада подполковника Семенова, на основе которого другой подполковник, начальник охранного отделения в Москве Мартынов и составил вышеприведенный доклад. Помимо этого Мартынов провел собственное расследование, и Джунковский решил, что пора идти ва-банк.

«Все эти факты, собранные о Распутине, показались мне вполне достаточными, чтобы составить на основании их докладную записку и представить ее Государю, так как не высказать своему монарху правду о Распутине я считал для себя нарушением присяги, и мысль эта меня давно преследовала, я только ждал, когда накопится достаточный материал и представится случай для личного доклада, каковой, благодаря возникшим в Москве беспорядкам, представился очень скоро», – писал Джунковский в мемуарах.

Мотивы настойчивых действий Джунковского толкуются по-разному. Сторонники Распутина объясняют всю эту историю тем, что масон Джунковский выполнял заказ рвавшегося к власти масона Великого Князя Николая Николаевича. А. Л. Панина (автор предисловия к мемуарам Джунковского) называет командующего корпусом жандармов монархистом и патриотом, и надо признать, что по крайней мере монархической риторикой мемуары Джунковского переполнены как никакие другие, а масонство его не доказано. Зато можно легко доказать его «московство» – силу, ничуть не меньшую.

«Джунковский, состоя в правительстве и в свите Государя, по существу оставался москвичом, принадлежавшим кружку Вел. Кн. Елизаветы Федоровны, – писал Спиридович. – Там были все его воспоминания по приятной службе при Вел. Кн. Сергее Александровиче, по губернаторству, по его личным, общественным и сердечным симпатиям. Оставшаяся при Елизавете Федоровне его сестра Евдокия Федоровна являлась его живою, физическою связью с Москвой.

И вот, теперь, действуя в полном идейном согласии с главными Московскими антираспутинскими кружками с одной стороны, с другой же стороны, не будучи связан с Маклаковым, который ушел, и поддавшись вновь (как в 1905 году) поднимающейся волне общественного движения, главный исток

которой опять-таки Москва, Джунковский решил выступить против Распутина»".

Известно, что Джунковский пользовался репутацией либерала, ему приписывали симпатию к освободительному движению в 1905 году, за ним числилось разоблачение члена ЦК партии большевиков тайного агента Малиновского, и, наконец, еще одно «прегрешение» Джунковского, касавшееся на сей раз непосредственно Распутина, заключалось в том, что в 1914 году он не дал вовремя разрешения на обыск гражданской жены Илиодора, которая с обширным архивом, где могли быть материалы, относящиеся как к Распутину, так и к его окружению, выехала из России. Возможно, именно в связи с этим Новоселов, к тому времени от борьбы с Распутиным отошедший, но не переставший за ее перипетиями следить, писал о. Павлу Флоренскому: «Слух, что тов. м. вн. д. Джунковский заушил Григ. Распутина, подтверждается».

Тогда заушить Распутина Джунковскому не удалось, но летом 1915 года история с ресторанной попойкой оказалась замечательным средством нанести решающий удар, тем более что в ней имелись отягчающие обстоятельства.

«Об этом приключении у Яра в Москве ходили разные слухи. Одним из членов Государственной Думы было высказано даже, что во время этого кутежа Распутин позволил себе отзываться о своих отношениях к императрице в оскорбительной для нее форме. Это обстоятельство тоже было упомянуто в вашем докладе?» – задали Джунковскому вопрос на следствии.

«Да, было», – лаконично ответил генерал.

«Не помню, какого числа это было, – рассказывал он тогда же. – Государь принял меня в 10 часов вечера, отнесся очень хорошо, слушал очень внимательно, но не проронил ни одного слова во время моего доклада. Затем протянул руку и спрашивает: "У вас все это написано?" Я вынул записку из портфеля, государь взял ее, открыл письменный стол и положил. Тогда я сказал государю, что ввиду серьезности вопроса и ввиду того, что я считаю деятельность Распутина крайне опасною и полагаю, что он должен являться орудием какого-нибудь сообщества, которое хочет повлечь Россию к гибели, я просил бы разрешения государя продолжать мои обследования о деятельности Распутина и докладывать ему. На это государь сказал: "Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но пожалуйста, чтобы все эти доклады знал я и вы – это будет между нами" <…> Было, должно быть, 12 с половиной ночи, когда я вышел от Государя».

Примерно о том же, но более литературно, используя

романтические штампы, сообщал Джунковский и в мемуарах:

«…я не без волнения приступил ко второй части моего доклада… Государь несколько изменился в лице, принял серьезное выражение и, пристально посмотрев на меня, сказал: "Пожалуйста, говорите".

Сначала, как мне показалось, несвязно, очевидно от волнения, начал я докладывать Государю, как проводит Распутин время вне Царского Села, но потом мало-помалу воодушевляясь и видя, что Государь внимательно слушает меня и не останавливает, я все смелее и убедительнее стал доказывать все то зло, которое Распутин приносит династии, а этим самым и России. Государь не проронил ни слова, все время пристально смотрел мне прямо в глаза и очень внимательно слушал, только бледность выдавала его волнение. Когда я кончил, Государь тихим голосом меня спросил: "У вас это все изложено, у вас есть памятная записка?" Я ответил утвердительно. "Дайте мне ее" <… > Наступило небольшое молчание, которое я прервал, сказав Государю, что эту записку я позволил составить себе лично как Джунковский, что она ни в каких делах министерства никогда не будет значиться и копии с нее не имеется, так как черновик мною уничтожен. Государь сказал: "Благодарю вас". Эти слова меня обрадовали и подбодрили – многие до меня, не исключая и лиц императорской фамилии, начинали говорить не раз о Распутине, но я был первый, которому Государь дал все высказать, которому не сказал: "Прошу не вмешиваться в мои личные семейные дела".

Ободренный, я стал высказывать Государю мои предположения, не является ли Распутин объектом, которым пользуются враги государства для гибели России и династии, и потому я прошу разрешения установить строжайшее наблюдение за всеми лицами, посещающими Распутина и кого он посещает, а особенно за лицами, подающими ему прошения для передачи на высочайшее имя. Государь на это сказал приблизительно следующее: "Я вас даже прошу это выполнять, но все, что вы будете замечать, вы будете говорить мне непосредственно, это все будет между нами, я вас очень благодарю"…

Я вышел от Государя счастливый и довольный. Меня ожидал в приемной Свечин, который был очень заинтригован такой длинной аудиенцией. Я сказал, что доклад касался исключительно московского погрома. Разговорившись с Свечиным, я несколько задержался, вдруг открылась дверь в кабинет Государя, и его величество с фуражкой и палкой в руке вошел в приемную. Увидя меня, Государь опять подал мне руку и, сказав: "Хочу немного пройтись, ночь чудная", – прошел через приемную в переднюю и вышел в сад».

«7-го *июня. Понедельник.* День простоял холодный и несмотря на это около 12 час. была гроза. До докладов погулял. Завтракала тетя Ольга. Сделали небольшую [прогулку] – Алике в шарабанчике и затем с Алексеем на прудах. Занимался спокойно после чая. В 10 час. принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов. Вечером посидел еще недолго у Ани», – по обыкновению лаконично записал в дневнике Государь. И здесь возникает логичный вопрос: случайно или нет зашел Император к Вырубовой в очень поздний час, обсуждалось ли между двумя собеседниками происшествие в «Яре» и какие аргументы могла привести Анна Александровна в защиту своего благодетеля и целителя. Примечательно и то, что накануне разговора с Джунковским, 31 мая, в дневнике Государя появилась запись: «Видели Григория вечером».

«Недавно, по словам моих собеседников, после доклада Джунковского о деяниях Распутина, Государь взял доклад себе и передал его Вырубовой со словами: "Возьмите, прочитайте и полюбуйтесь на своего кумира"», – рассказывал А. Д. Самарин.

А вот как вспоминал эту историю Спиридович: «У нас, в Царском, шла горячка с приготовлением к отъезду Его Величества в Ставку, когда мне доложили о приезде генерала Адрианова. Генерал был в полной парадной свитской форме. Вид у него был озабоченный. На мой вопрос о столь неожиданном его приезде, генерал рассказал, что он сделал уже доклад министру Маклакову, его товарищу Джунковскому и что оба посоветовали ему ехать в Царское, добиться, по его положению в Свите, приема у Его Величества и доложить о случившемся.

Вот он и приехал, но прежде чем идти к Дворцовому коменданту, зашел ко мне посоветоваться. Мы были с ним в хороших простых отношениях. Я был очень поражен оборотом, который придали делу Маклаков и Джунковский. Последний, по словам генерала, особенно настаивал на необходимости доложить о случившемся Государю. Я высказал генералу, что скандал, устроенный мужиком в публичном месте, не является обстоятельством, которое бы позволяло ему, градоначальнику, делать личный доклад Государю. Наскандалил мужик в ресторане – ну и привлекай его к ответственности. При чем же тут Государь? Если же посмотреть на дело так, что Распутин нечто большее, чем простой мужик, если смотреть на него, как на фигуру политическую, тогда доклад должен быть сделан или министром Маклаковым или его помощником Джунковским. Затем очень странно, что его начальники советуют ему добиться аудиенции как генералу Свиты Его Величества. При чем тут

Свита, когда в градоначальстве произошел скандал по пьяному делу?

Мы обменялись еще несколькими фразами, и генерал поехал к ген. Воейкову. Видимо, Дворцовый комендант не посоветовал Адрианову просить аудиенции и тот вернулся в Москву, предоставив министру самому доложить Государю о случившемся, если тот придает этому делу политическое значение. Маклаков сделал Его Величеству доклад и даже оставил его написанным. Государь сказал, что он сам переговорит с Распутиным. Государь сделал старцу весьма строгое внушение и тот должен был уехать к себе в Покровское. <…>»

«Распутин уехал к себе на родину, в село Покровское около Тюмени, в Тобольской губернии. Его приятельницы, "распутники", как их называют, утверждают, что он отправился отдохнуть немного "по совету своего врача", и скоро вернется. Истина же в том, что император повелел ему удалиться», – записывал у себя в дневнике и Морис Палеолог.

«Генерал Джунковский… воспользовавшись полученными им из Москвы сведениями о недостойном в опьянении поведении Распутина в ложе ресторана "Яр", докладывал их государю в связи с общей его характеристикой; это, как мне сам говорил Распутин, вызвало сильный на него гнев государя; таким он никогда не видел государя; но, по словам Распутина, он в свое оправдание говорил, что он, как и все люди – грешный, а не святой. По словам Распутина, Государь после этого его долго не пускал к себе на глаза и поэтому Распутин не мог слышать или говорить спокойно о генерале Джунковском до конца жизни», – показывал на следствии С. П. Белецкий. В другом же месте он прибавил, что «Распутин добродушно сознался, что был грех (но в чем именно, не сказал, я понял, что в опьянении), но затем уже гневно закончил: "Я ему этого не прощу"».

«После этого в течение двух месяцев Государь не пускал к себе Распутина», – вспоминал Джунковский. Однако об одной существенной вещи генерал умолчал. Джунковский в мемуарах особо подчеркивал, что по договоренности с Императором все касающееся Распутина останется между ним и Государем. Но, судя по всему, это оказалось не так.

«Ах, дружок, он нечестный человек, он показал эту гадкую грязную бумагу (против нашего Друга) Дмитрию, который рассказал про это Павлу и Але. – Это такой грех, и будто бы ты сказал, что тебе надоели эти грязные истории, и желаешь, чтобы Он был строго наказан, – писала Императрица мужу 22 июня 1915 года. – Видишь, как он перевирает твои слова и приказания – клеветники должны быть наказаны, а не Он. В ставке хотят

отделаться от Него (этому я верю), – ах, это все так омерзительно! – Всюду враги, ложь. Я давно знала, что Дж. ненавидит Григория и что Преображ. клика потому меня ненавидит, что чрез меня и Аню Он проникает к нам в дом.

Зимою Дж. показал эту бумагу Войек., прося передать ее тебе, но тот отказался поступить так подло, за это он ненавидит Воейк. и спелся с Дрент. – Мне тяжело писать все это, но это горькая истина. – А теперь Самарин к ним присоединился – ничего доброго из этого выйти не может.

Если мы дадим преследовать нашего Друга, то мы и наша страна пострадаем за это. – Год тому назад уже было покушение на Него, и Его уже достаточно оклеветали. – Как будто бы не могли призвать полицию немедленно и схватить Его на месте преступления – такой ужас! Поговори, прошу тебя, с Воейковым об этом, – я желаю, чтобы он знал о поведении Джунк., и о том, как он извращает смысл твоих слов. <…> Не смеют об этом говорить! – Не знаю, как Щерб. будет действовать – очевидно, тоже против нашего Друга, следовательно, и против нас. Дума не смеет касаться этого вопроса, когда она соберется; Ломан говорит, что они намерены это сделать, чтобы отделаться от Гр. и А. – Я так разбита, такие боли в сердце от всего этого! – Я больна от мысли, что опять закидывают грязью человека, которого мы все уважаем, – это более чем ужасно.

Ах, мой дружок, когда же наконец ты ударишь кулаком по столу и прикрикнешь на Дж. и других, которые поступают неправильно? Никто тебя не боится, а они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать, – и теперь этому надо положить конец. Довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова. Если Дж. с тобою, призови его к себе, скажи ему, что ты знаешь (не называя имен), что он показывал по городу эту бумагу и что ты ему приказываешь разорвать ее и не сметь говорить о Гр. так, как он это делает, он поступает, как изменник, а не как верноподанный, который должен защищать друга своего Государя, как это делается во всякой другой стране».

«…а ко мне <Государь> все время был более милостив, чем когда-либо, очевидно, моя записка произвела впечатление», – констатировал тем не менее Джунковский, хотя на следствии именно об Александре Федоровне отзывался с большой неприязнью: «Я думаю, что императрица была настолько ослеплена, настолько все у нее было заволочено, если так можно выразиться, влиянием Распутина, что она не сознавала, что делает», и объяснял такое поведение «психозом на почве истерии».

И все же именно из писем Императрицы следует, что

Государь в какой-то момент сочувствовал попыткам Джунковского удалить Распутина или, по меньшей мере, им не препятствовал.

Но важно отметить и другое. Именно тревога за Григория Распутина вынуждала Александру Федоровну написать следующие хорошо известные строки: «О, мой мальчик, заставь всех дрожать перед тобой – любить тебя недостаточно. Ты слишком добр, и все этим пользуются».

В наши дни сторонники Распутина скандал в «Яре» стремятся преподать либо как полностью искаженный – ничего и близко к подобному не было, все от начала до конца выдумано злодеем Джунковским, либо – как происходивший с участием не Распутина, но его двойника. Первой версии придерживаются историки О. А. Платонов и А. Н. Боханов, второй – доктор филологических наук Татьяна Миронова. Вот что она пишет:

«Первые догадки о том, что Царскую Семью компрометировали через двойника Григория Ефимовича, появились вскоре после убийства Старца. Одно из свидетельств тому – рассказ атамана Войска Донского графа Д. М. Граббе о том, как вскоре после убийства Распутина его "пригласил к завтраку известный князь Андронников, якобы обделывавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли воды на Распутина. Андронников пытливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся". Надо ли говорить, что подобный "двойник" мог появляться при жизни Григория Ефимовича в любом "злачном" месте, мог напиваться, скандалить, обнимать женщин, о чем составлялись ежедневные репортажи охочих до грязи газетчиков, мог выходить из подъезда дома на Гороховой и шествовать на квартиру к проститутке, о чем составлялись ежедневные рапорты агентов охранного отделения. Ю. А. Ден вспоминает с недоумением: "Доходило до того, что заявляли, будто бы Распутин развратничает в столице, в то время как на самом деле он находился в Сибири"».

Сама по себе идея наличия у Распутина двойника оказалась весьма продуктивной, ибо на двойника можно было списать все неугодное. Более того, если смотреть на вещи глубже, о «двойничестве» Распутина, то есть о двух его ликах еще до Татьяны Мироновой писали многие его современники: Шульгин, Жевахов, Гурко. Говорил об этом в наши дни и протоиерей Александр Шаргунов: «Дело не в том, что у Распутина были двойники, а в том, что он был двуликий. Самое ужасное – ложь,

смешанная с правдой. На этом смешении построены все ереси, древние и новые. Хуже всего (об этом постоянно говорит слово Божие), когда человек называет себя верующим, а ведет себя как неверующий. Он был благочестив, но пал. И стал искать своему падению оправдание. Подводить под него своеобразное богословие: "Не согрешишь – не покаешься"».

Однако понимать двойственность Распутина буквально, как наличие двух Распутиных, один из которых грешил и пьянствовал, а другой молился и постился, никому из серьезных исследователей еще в голову не приходило. Нынешняя научная филологическая мысль до такого «открытия» дошла.

В двенадцатой главе этой книги речь шла о мемуаре Надежды Тэффи, описавшей две своих встречи с Распутиным (на которых был и Василий Розанов). Татьяна Миронова уверенно пишет о том, что писательница присутствовала на встрече не с Распутиным, но с его двойником, с «Распутиным», а организовал все это Манасевич-Мануйлов.

То же, как пишет исследовательница, произошло и в «Яре», где «гулял "двойник" Распутина с подставной компанией, и все разыгрывалось по обыкновению: пьянство, приставания к дамам, упоминания о Царской Семье, хлыстовская пляска. И если бы полиция была вызвана тогда же – открылось бы, что Распутин – ненастоящий, и Анисья Решетникова, благочестивая купеческая вдова 76-ти лет, никогда не была в ресторане. А вот еврей-газетчик Семен Лазаревич Кугульский был личностью подлинной и скорее всего являлся антрепренером "оргии". Это он постарался, чтобы дело о кутеже в "Яре" попало в печать еще до расследования и обросло непристойными подробностями. Вслед за этим Государственная Дума подготовила запрос о событиях в ресторане "Яр", потом не дала ему хода, намеренно распространяя вымысел, что Думе запрещено делать этот запрос, так как Царская Семья "боится правды". И пошла-поехала злословить досужая чернь – пьяный, развратный мужик – любимец Царской Семьи!

Вот так, обдуманно и нагло, был введен в общество двойник Григория Ефимовича Распутина. И хотя поступки двойника, его слова, записки, сама внешность – длинный мясистый нос, жидкая бороденка, беспокойные, бегающие глаза – весьма отличались от благообразного облика Григория Ефимовича, но двойник настойчиво выдавался и, главное, охотно принимался за Молитвенника и Друга Царской Семьи <…>».

Справедливость требует признать, что копирайт этой версии принадлежит не современной исследовательнице, а хозяину «Яра» Судакову, который, как писал в своих мемуарах Джунковский,

«желая избежать неприятностей и излишнего любопытства, стал уверять, что это не настоящий Распутин, а кто-то другой, кто нарочно себя им назвал. Когда, однако, это дошло до Распутина, то он уже стал доказывать, что он настоящий Распутин, и доказывал это самым циничным образом, перемешивая в фразах безобразные намеки на свои близкие отношения к самым высоким особам».

Но вернемся к размышлениям Татьяны Мироновой:

«Именно благодаря существованию двойника со страниц отчетов охранного отделения предстают два Распутиных: один – благочестив, благолепен, богомолен, ходит в храмы, отстаивает литургии, ставит свечи, ездит на квартиры исцелять больных, принимает просителей, духовных детей, трапезует с ними, причем, как отмечают все действительно близкие ему люди, ни вина, ни мяса, ни сладкого отец Григорий в рот не берет. Строжайшее воздержание. Деньги, пожертвованные просителями, тут же раздает другим просителям. И, главное, к Императорской Семье почтителен до благоговения. Другой "Распутин" – неделями пьян, посещает блудниц, берет взятки за протекции, скандалит в ресторанах, бьет там посуду и зеркала, говорит дурное о Царской Семье. Придет время, и откроются новые документы, которые окончательно докажут нам, что темную личность, внешне напоминавшую Григория Ефимовича Распутина, создали враги Самодержавного Русского Царства».

Все написанное Татьяной Мироновой представляется чрезвычайно захватывающим и по-своему обнадеживающим, но… не слишком убедительным. Дело даже не в том, что никаких новых документов и других свидетельств о двойнике Распутина, кроме тех, которые со слов Граббе приводит Родзянко (как известно, ярый распутинский ненавистник и клеветник), не существует, да и вообще любопытно, что именно из воспоминаний Родзянко идут два самых железных аргумента сторонников восприятия Распутина как масонской жертвы: первый – сообщение о масонском собрании в Брюсселе и второй – о двойнике.

Дело в том, что сам Григорий Ефимович Распутин своего похода в «Яр» не отрицал. Подтвердило это и расследование, которое было предпринято по инициативе Государыни флигель-адъютантом Саблиным и которое несомненно имело целью Распутина оправдать. Распутин и был оправдан, но не так эффектно, как предложила Татьяна Миронова. Если бы речь шла о «Распутине», то уж наверное Государыне бы об этом донесли и мы узнали бы об этом не из мемуаров Родзянко, а из более доброжелательного и надежного источника. Но оправдывали

именно Распутина безо всяких кавычек, стремясь доказать, что на ужине в «Яре» Григорий присутствовал, только ничего особенного там не произошло.

О происшествии в «Яре» писал также достаточно объективно к Распутину относящийся Ричард Бэттс, который ссылался при этом на воспоминания английского вице-консула Роберта Брюса-Локхарта, в том ресторане в тот вечер находившегося.

«Роберт Брюс-Локхарт заявлял, что можно было слышать шум и женские голоса, идущие из отдельного номера Распутина в "Яре". Московская полиция не хотела предпринимать какие-либо действия по собственному почину, и был вызван Джунковский. Используя это как еще одну возможность опорочить Распутина, он приказал его арестовать. Роберт Брюс-Локхарт был свидетелем того, как Распутин уходил из помещения, "огрызаясь и обещая отомстить", так как его уводила полиция».

«Друзья Старца дружно поднялись на его защиту, – описывал дальнейшее развитие событий Спиридович. – В Москву для проверки сообщенных Джунковским сведений о скандале "У Яра" был послан, неофициально, любимец царской семьи, флигель-адъютант Саблин. Туда же выехал с той же целью и пробиравшийся в доверие к Анне Александровне Белецкий. Стали собирать справки. Уволенный Московский градоначальник Адрианов сообщил оправдывающие Старца сведения. Он переменил фронт. Все делалось тихо и секретно, по-семейному».

Иначе о миссии Саблина рассказывал на следствии в 1917 году Джунковский: «Он спрашивал меня, кого я могу назвать свидетелем той истории, о которой я докладывал в своей записке. Он сказал, что слышал про ужасные дела Распутина, и так как мне Александра Федоровна не особенно доверяет, а ему верит, то он хочет открыть ей глаза на этого человека, поэтому он и просит моей помощи. Вот его слова».

Так оно было или не так, оговаривал Джунковский Саблина или, напротив, стремился его реабилитировать и приписать задним числом к борцам против «Гришки», говорил ему подобное Саблин или нет – все это неизвестно, но известно, что в целом флигель-адъютант выполнил повеление Императрицы и сработал в пользу Распутина. Как рассказывается в книге Ч. Рууда и С. Степанова «Фонтанка, 16», «на очевидцев скандала в "Яре" оказали давление, попеременно запугивая и взывая к чувству милосердия. Один из свидетелей объяснял полковнику П. П. Заварзину, почему были изменены первоначальные показания: "Да, знаете, с одной стороны, мы поняли, что Распутин действительно в силе, почему ссориться с ним не имеет никакого смысла, а с другой – выходило как-то некрасиво – пользоваться

его гостеприимством и на него же доносить". В результате предвзятого расследования вырисовывалась совершенно иная картина. Получалось, что Распутин скромно поужинал со своими друзьями и чинно уехал из "Яра", а все разговоры о финансовых махинациях – измышления, интрига Джунковского».

Сам Саблин о скандале в «Яре» и своем участии в его расследовании ничего не рассказывал, но в мемуарах Романа Гуля приводится другое его воспоминание по схожему поводу:

«Помню, в конце войны, в 1916 году летом, как-то в одну из поездок с государем из Царского в Петергоф купаться в Финском заливе (государь любил плавать и хорошо плавал), я решил сказать государю кое-какую неприятную правду о Распутине. Дело в том, что как раз накануне я видел Распутина у него на Гороховой – в совершенно пьяном, безобразном виде. Это в первый раз я увидел его в таком непотребном состоянии. Я решил доложить об этом государю. После купанья, не без труда, но я все-таки доложил.

Государь принял мой рассказ совершенно спокойно, сказав: "При смене дежурства доложите об этом императрице". Я видел, что все, что касается Распутина, государь всецело оставляет на решение государыни. Надо сказать, что в противоположность государю у государыни был очень сильный характер, сильная воля.

На другой день в девять часов утра императрица приняла меня, и в присутствии государя я рассказал все, чему был свидетелем на Гороховой. Я видел, какое тяжелое впечатление произвел мой рассказ на государыню. Она сдерживала слезы, но не выдержала и заплакала. Овладев собой, она сказала: "Это Господь Бог шлет испытания нам, проверить – признаем ли мы его даже и таким…"

Мое отношение к Распутину ухудшалось: я видел, что он приносит много зла и династии, и стране. Государыня мое отрицательное отношение к Распутину чувствовала, видела. "Вы его не поняли", – как-то сказала мне государыня. И с некоторых пор из наших разговоров тема о Распутине была исключена. Поэтому я не знал ни дня похорон Распутина и ничего, связанного с убитым Распутиным. Со мной на эту тему ни государь, ни государыня не говорили…»

На самом деле Императрица писала мужу уже после расследования, проведенного Саблиным: «Прилагаю копии двух телеграмм от нашего Друга. При случае покажи их Н. П. (то есть Саблину. – *А. В.)* — надо его больше осведомлять относительно нашего Друга, так как он в городе наслышался так много против Него и уже меньше обращает внимания на Его советы».

И в другом письме: «Мне уже целые месяцы не приходилось говорить с ним (Саблиным. – *А. В.)* наедине, и я боялась заговорить с ним о Гр., так как знала, что он сомневался в Нем. <…> Теперь он зовет Его Распут., что мне не нравится, и я постараюсь отучить его от этой привычки».

Не будет большой натяжкой предположить, что впечатление Саблина о Распутине изменилось в результате его неофициальных расследований. Рассказывал о пьяных похождениях Распутина и генерал Глобачев: «Распутин любил кабаки, которые посещал, обыкновенно, по возвращении из Царского Села. В них он напивался совершенно. Ездил он и к "девкам"».

Но вернемся к судьбе Джунковского. После энергичных действий Столыпина в 1908—1909 годах и думского наступления весной 1912 года его атака на Распутина была третьей и самой серьезной попыткой убрать странника с помощью административных мер из дворца, и никогда эти планы не были так близки к осуществлению. Но – в который раз не вышло.

«17 августа. Царское Село. Я был у мама и узнал, что вчера Ники написал мин<истру> вн<утренних> дел кн<язю> Щербатову письмо с приказанием немедленно уволить ген<ерала> Джунковского.

Подъезжая сегодня к Царскому Селу из Петрограда, я его встретил на моторе. Говорили сегодня, что есть надежда, что он не уйдет. Ники велел его уволить с оставлением в свите, на это Джунковский ответил, что не желает оставаться в свите.

Причина всего этого кроется в Распутине, который мстит Джунковскому за то, что он при расследовании московского погрома в мае раскрыл целый ряд неблаговидных поступков Распутина и донес об этом Государю. Молва говорит, что Распутин в пьяном виде публично похвалялся, что прогнал Николашку (Великого Князя Николая Николаевича. – *А. В.),* прогонит обер-прок<урора> Св<ятейшего> Синода Самарина, Джунковского и вел<икую> кн<ягиню> Елизавету Федоровну», – записал в дневнике Великий Князь Андрей Владимирович.

В истории с увольнением генерала Джунковского с поста товарища министра было много нюансов и столкновений различных партий и групп. Джунковский писал в мемуарах, что против него выступали князь и княгиня Юсуповы (к слову сказать, не менее страстные противники Распутина, чем сам Джунковский), а также небольшая депутатская группа во главе с А. Н. Хвостовым и С. П. Белецким, которого Джунковский при своем вступлении в должность уволил и который некоторое

время спустя Джунковского на его посту триумфально заменил. Таким образом, дело здесь было не только в Распутине. И, может быть, даже не столько в нем, но таковой была особенность общественного восприятия, продолжающаяся поныне: Распутину приписывалось все – то, к чему он имел отношение, и то, к чему не имел. Наконец и сам Распутин, если верить показаниям охранки, не случайно говорил следившим за ним агентам 10 августа 1915 года: «Джунковского со службы уволят, а он, может быть, будет думать, что уволили его через меня, я его не знаю, кто он такой».

«15-го августа вернувшийся из Могилева генерал Джунковский был приглашен экстренно к министру Внутренних дел князю Щербатову, – писал Спиридович. – Князь объявил генералу, что он только что получил записку от Государя Императора: – "Уволить немедленно генерала Джунковского от занимаемых им должностей с оставлением в свите". Удар был и неожиданный и сильный <…>».

«Хотя за последнее время атмосфера вокруг меня и сгущалась, тем не менее, ехавши к Щербатову, я никак не ожидал такого финала. Я несколько раз перечел строки Государя и возвратил записку министру; мне стало ясно, что на Государя было оказано влияние», – вспоминал товарищ министра.

«Увольнение Джунковского подняло большой шум и это было сразу же приписано немилости Императрицы и происках Распутина, – продолжал Спиридович. – Дело в том, что о докладе генерала узнали многие. Теперь говорили, что ездившие в Москву Н. П. Саблин и Белецкий привезли неблагоприятные для Джунковского сведения, сообщенные будто бы Юсуповым и уволенным градоначальником Адриановым. Последний искал теперь поддержки у А. А. Вырубовой и заявлял, что в знаменитом апрельском скандале в ресторане "У Яра" Распутин ничего особенно скверного не делал и был оклеветан.

Эти слухи подогрели общие симпатии к уволенному Джунковскому. Он был завален письмами и телеграммами с выражением сочувствия. Принц Ольденбургский предлагал ему место при себе. Эти выражения симпатии были приняты в Царском Селе как демонстрация против Государыни. Это как бы окончательно уронило Джунковского в глазах Их Величеств, особенно, когда до них дошли слухи, что приехавший в Москву Джунковский был принят почетно в Московское дворянство, удостоился чествования дворянами и, не стесняясь, рассказывал о своей борьбе с Распутиным и о его зловредной роли.

От Гучкова генерал получил тогда письмо, в котором тот, выражая свое сочувствие, прозрачно намекнул, что когда придет

момент, то новая Россия не забудет заслуг генерала и т. д. Поблагодарив автора письма за внимание, генерал ответил ему, что изменником своему Государю он никогда не был и не будет.

Стараясь позже полнее осветить истинную причину увольнения Джунковского и постигшей его немилости Государя, я узнал следующее.

Его начальник, князь Щербатов считал, что его уволили за то, что в появившейся в прессе статье о Распутине Государь нашел некоторые фразы, тождественные с фразами доклада Джунковского. Дворцовому коменданту, Воейкову Государь сказал в те дни по поводу доклада Джунковского так:

"Джунковский меня очень удивил, поднимая вопрос, уже покончeнный на докладе Маклакова два месяца тому назад".

Н. П. Саблин передавал мне со слов Государя следующее. Сделав Государю доклад и уходя, Джунковский оставил Его Величеству письменный доклад о Распутине. В нем Государь нашел сведения, которых генерал не доложил Государю. Государь рассердился, назвал такой поступок недостойным и трусостью».

А далее Спиридович называет еще один мотив отставки Джунковского и, надо отдать ему должное, называет убедительно:

«Мне же лично кажется, что истинная причина увольнения генерала кроется еще и в следующем. От генерала Джунковского Государь никогда не слышал доклада, предостережения о том, что подготовлялось в смысле "заговора". Не считал ли Государь (а Царица наверно считала) это молчание странным, если не подозрительным со стороны того, кто по должности должен был бы первым знать о том и доложить Его Величеству.

Не докладывалось ничего на эту тему Государю и со стороны князя Щербатова. Позже князь писал мне:

"Относительно вашего второго вопроса, могу вас заверить, что ни от кого из моих коллег по Совету Министров, ни от Маклакова (с которым я был еще по Полтаве в личных хороших семейных отношениях), ни от кого-либо из подчиненных или многочисленных знакомых из самых разнообразных слоев общества, я никогда не слышал о замышлявшемся, будто бы, государственном перевороте в пользу В. Кн. Николая Николаевича, тем более не имел я основания говорить на эту тему с Государем"».

Щербатов либо лукавил, либо действительно был полным профаном и, следовательно, своей должности не соответствовал, потому что заговор был. К очень важной, ключевой во всей этой истории теме заговора Великого Князя Николая Николаевича против Императрицы, о чем Джунковский обязан был известить и не известил Государя, мы обратимся в одной из следующих глав,

а пока отметим, что хотя газеты сообщали о том, что Распутин выслан из Петрограда без права возвращения в столицу, в дневнике Императора негодование никак не отразилось.

«4-го августа. Вторник. Вечером приехал Григорий, побеседовал с нами и благословил меня иконой».

Но скандалы, с Григорием связанные, на этом не прекратились.

«9 августа Григорий Распутин при восьмичасовом переезде на пароходе "Товарпар", переполненном публикой, из Тюмени в село Покровское напился пьян и учинил невероятное безобразие. К сожалению, ни на пароходе, ни на пристани не было чина полиции, и показания свидетелей пришлось собирать враздробь, а командир парохода, далеко ушедшего, и сейчас еще не допрошен, – писал губернатор Тобольска Андрей Станкевич министру внутренних дел князю Н. Б. Щербатову. – Тем не менее, из прилагаемых свидетельств, в особенности написанного шведом-этнографом Гартвельдом, имеется полная картина недопустимого публичного беспорядка, произведенного Распутиным…»

Вышеприведенная цитата взята из книги Р. Бэттса, и в этом смысле любопытно сравнить, как описывается один и тот же эпизод из жизни Распутина двумя исследователями: Ричардом Бэттсом и Олегом Платоновым.

> «27 августа 1915 года.
>
> Рапорт
>
> Помощник мой в Тюменском, Туринском и Ялуторовском уездах ротмистр Калмыков донес мне, что 9-го сего августа на пароходе "Товарпар" по пути из Тюмени в село Покровское Тюменского уезда среди других пассажиров был крестьянин Григорий Распутин, который был сильно пьян, безобразничал и приставал к пассажирам. На этом же пароходе следовала команда солдат, которых Распутин ввел в салон 1-го класса и хотел угостить обедом, что вызвало возмущение пассажиров, по требованию которых капитан парохода, под угрозой высадки, удалил Распутина и солдат из салона. Спустившись вниз, на палубу 3-го класса, Распутин что-то громко кричал, заставляя солдат петь песни, и дал им за это 125 рублей. Пробравшись затем снова наверх парохода, Распутин стал мешать командиру парохода исполнять свои обязанности и особенно приставал к жене чиновника особых поручений при Тобольском губернаторе, которая просила командира

парохода составить об этом протокол. Помимо этого, на Распутина собирался подать жалобу и официант парохода за то, что Распутин возводил на него ложное обвинение в краже 3000 рублей.

Будучи уже совершенно пьяным до бесчувствия, Распутин в своей каюте упал на стол и заснул, и, как говорили в публике, "омочился". По прибытии парохода в село Покровское Распутина высаживали матросы, ведя его под руки.

Донося об изложенном Вашему Превосходительству в дополнение рапорта моего от 26 августа за № 68, докладываю, что об этом случае по приказанию господина Тобольского губернатора производится расследование Тюменским уездным исправником. Полковник Добродеев».

Этот рапорт содержится в книге Платонова «Пролог цареубийства», а дальше ее автор пишет

«…несмотря ни на что, Добродеев приказывает подробно расследовать это дело и представить свидетелей. Однако реальных свидетелей найти не удалось. "Жена чиновника особых поручений" так и осталась неизвестной. Купец Михалев показаний не дал. Никакого официального протокола составлено не было. Никакой официант жалобу не подавал.

Была одна голая полицейская бумажка, не подкрепленная ни показаниями свидетелей, ни опросом пассажиров и солдат, ехавших на пароходе, а установить их было так легко».

На самом деле это не совсем так. А вернее, совсем не так. О. Платонов либо недоработал, либо предпочел умолчать. Все было установлено. Р. Бэттс – человек, абсолютно непредвзятый и ищущий возможности сказать о Григории Распутине доброе слово везде, где это не противоречит фактам, – приводит находящиеся в архиве показания по крайней мере троих очевидцев случившегося на борту «Товарпара», в том числе и «жены чиновника особых поручений», и купца Михалева, и эти показания не оставляют никаких сомнений в том, как на самом деле разворачивались события.

«9-го августа в 11 часов я с моей женой выехал на пароходе "Товарпар" из г. Тюмени в г. Тобольск. На пароходе находился в каюте № 14 Распутин <…> Поведение Распутина в это время было странное, и движения его были нервны и порывисты <…> Уже около двух часов Распутин оказался в состоянии полной невменяемости… Наконец, около 3-х часов дня уже окончательно пьяный Распутин притащил в салон 1-го класса около пятнадцати

солдат рядовых, ехавших с ними на пароходе. Он усаживал солдат за общий табльдот и требовал, чтобы они пели ему песни. При этом он говорил солдатам, что ему "дана такая власть из Петрограда", желая тем побудить робеющих зайти в первый класс <…> После ухода солдат между Распутиным и капитаном произошла перебранка. Пьяный Распутин ни с того, ни с сего набросился на официанта со словами: "Ты, жулик, ты украл из моей каюты 3.000 рублей". На слова официанта, который сказал, что он будет жаловаться в суд, Распутин громогласно заявил: "Со мною не судись, меня и в Петрограде боятся"… Утомившись, Распутин пошел к себе в каюту… лег на своем диване и начал петь песни, которые сопровождались дикими завываниями… он то плакал, то хохотал… Окно каюты Распутина было открыто, и толпа смотрела на беснующегося Распутина, получая таким образом даровое представление… Гам и хохот все время стояли у окна. Когда пароход подходил к Покровскому, Распутина не удалось привести окончательно в чувство, и матросы должны были вывести его на берег. Толпа улюлюкала и хохотала…

Подтверждаю, что показание это дано мною по чистой совести и вполне соответствует истине.

Подлинный подписал шведский подданный композитор этнограф Юлиус Наполеон Вильгельмов Гартевельд».

«Александр Иванович Михалев, тюменский купец, тоже был на "Товарпаре", и тоже был опрошен», – пишет Р. Бэттс и далее приводит запись показаний купца:

«Он видел Распутина на пристани до отхода еще парохода, и он ему показался в нетрезвом виде… В Покровском Распутина вывели на берег матросы, а багаж его выбросили. На пароходе было много публики. После Распутина в каюте его остались две пустые бутылки из-под коньяка, а на полу была лужа воды, уверяли, что Распутин в каюте, пьяный, отправлял естественные надобности…»

«9 августа 1915 года я села на пароход "Товарпар" в Тюмени для следования в г. Тобольск… Вскоре поднялся из III класса Г. Распутин в пьяном виде… Несколько времени спустя я, выйдя из каюты в коридор, увидела нескольких солдат и Гр. Распутина, приглашающего их в столовую "кушать рябков". Солдаты сильно смущались, но он, подталкивая их, начал усаживать за стол. Доложили капитану, тот пришел, велел выйти солдатам и, обращаясь к Распутину, сказал: "Григорий Ефимович, разве вы не знаете, что по закону нижние чины не могут быть в 1-м классе?" Распутин начал ходить за капитаном, стонать и говорить: "За что ты меня обидел, ты кровно меня обидел". Капитан скрылся от него на верхнюю палубу. Тогда Распутин в коридоре 1-го класса

привязался к официанту и сказал, что тот украл у него три тысячи. За официанта вступился какой-то господин, и все начали крупно разговаривать. Распутин кричал: "Я никого не боюсь, ты будешь судиться со мной в Петрограде"… Так крича, они спустились в III-й класс, и там начался ужасный шум. Нам сказали, что Григория Распутина побили. Вскоре он поднялся в 1-й класс совершенно пьяный… После этого я увидела Григория Распутина уже в Покровском селе, где его едва-едва разбудили и привели в себя. Шатаясь, растрепанный, лохматый, он вышел на берег и тотчас же уехал на своей лошади с дочерью домой. Подписала жена титулярного советника Алевтина Ивановна Будрина, г. Тобольск».

«Я… отозвал Распутина в сторону, передал ему… 3000 рублей на расходы по примирению с лакеем и дал понять Распутину, что об этой выдаче никто не знает, что, видимо, ему понравилось», – отмечал в своих показаниях Белецкий.

«9 *августа.* В 8 часов вечера прибыли в село Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они вчетвером вытащили его мертвецки пьяного. Встречать его приехали проживающие в селе Покровском Распопов, две дочери, Дуня и Катя. Взвалили на телегу и повезли домой.

10 августа. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашнего происшествия, все время ахал и удивлялся, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло»», – доносила полицейская охранка.

Татьяна Миронова наверняка сказала бы по этому поводу, что с борта «Товарпара» вынесли не Распутина, а «Распутина», и, видимо, «Распутина» же встречала дома его семья. Для правдоподобности этой версии придется признать, что было село Покровское и «Покровское», была жена Распутина и его «жена», дети и «дети», Россия и «Россия», и вообще весь реальный мир нуждается в удвоении для сохранения чистоты риз опытного странника.

Нет уж, братья и сестры, полюбите Распутина черненьким, а беленьким его всяк полюбит…

Речь не о том, что в пьяном поведении Распутина был особенный криминал. В конце концов, ничего сверхужасного на борту «Товарпара» не произошло, да и Распутина по-человечески можно понять. Он был в отвратительном настроении, первый раз за десять лет «службы» при дворе его так откровенно унизили и дважды за одно лето вытолкали взашей из столицы. Он был оскорблен и не смог сдержаться, прицепившись к ни в чем не

повинному лакею «Товарпара», а может быть, лакей и в самом деле украл деньги у подвыпившего мужика – кто теперь скажет? Напился от отчаяния и возмущения, жалел неизвестных солдатиков, потому что самому предстояло отправить в армию единственного сына, которого ему не удалось, как ни старался, от армии освободить («Аня получила из Тюмени от нашего Друга следующую телеграмму: "Встретили певцы, пели пасху, настоятель торжествовал, помните, что пасха, вдруг телеграмму получаю, что сына забирают, я сказал в сердце, неужели я Авраам, реки прошли, один сын и кормилец, надеюсь пущай он владычествует при мне, как при древних царях". Любимый мой, что можно для него сделать? Кого это касается? Нельзя брать его единственного сына», – писала Императрица мужу 20 июня 1915 года, цитируя очередной дивный распутинский текст. И три месяца спустя: «Гр. прислал отчаянные телеграммы о своем сыне, просит принять его в Сводный полк. Мне сказали, что это невозможно. А.

просила Воейкова что-нибудь для него сделать, как он уже прежде обещал, а он ответил, что не может. Я понимаю, что мальчик должен быть призван, но он мог бы устроить его санитаром в поезде или чем-нибудь вроде этого. Он всегда ходил за лошадьми в деревне; он единственный сын, – конечно, это ужасно тяжело. Хочется помочь отцу и сыну. Какие чудные телеграммы Он опять прислал!»), и войну эту ненавидел… Но какой смысл лакировать царского друга вопреки очевидным фактам, подобно тому, как когда-то вопреки фактам же его чернили?

А Государю, по всей вероятности, про «Товарпар» ничего не доложили. Но не потому, что нечего было докладывать. Просто жив еще был пример уволенного Джунковского. Да если бы и доложили, это мало что изменило бы. Государь был занят в ту пору совсем другими делами, и у Григория Распутина он взял 4 августа благословение, потому что готовился принять очень важное, судьбоносное решение.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пятнадцатый год. Смена министров. Новые враги. Муж «девочки с персиками». Тревога Императрицы. Две столицы. Крестный ход. Последний царский святой. Епископ Варнава перед судом первосвященников. Отставка Самарина

В истории дореволюционной России 1915 год стал одним из самых несчастливых. В мае началось отступление наших войск.

«Последние события на театре военных действий развиваются при весьма тяжелых для нас обстоятельствах. Отступление всего Южного фронта от важных линий, осада Перемышля – все это весьма грустно. Конечно, решающего значения это не имеет, но все же с такими жертвами и усилиями мы достигли Карпат и Дунайца, а теперь стоим опять на Сане, как осенью. Все пошло насмарку. Слабы наши стратеги. Но нельзя никого винить сейчас. Рано, да и трудно учесть все, что происходит», – писал в дневнике Великий Князь Андрей Владимирович.

И тем не менее виноватых искали. Повсюду говорили об измене и предательстве. Весной был казнен по обвинению в шпионаже (по всей вероятности, ложному) полковник Мясоедов – и эту трагическую историю, к которой был причастен Гучков и которая раздувалась теми же газетами, что преследовали Распутина, впоследствии считали прологом к убийству царского друга.

«Я еще помню атмосферу этих дней. Паника. Слухи. Измена. Глупость. Мясоедов, Сухомлинов, Распутин», – вспоминал позднее Солоневич.

«История с Мясоедовым, во всем ее развитии и разветвлении, за время войны была, пожалуй, главным фактором (после Распутина), подготовившим атмосферу для революции. Испытанный на политической интриге, Гучков не ошибся, раздувая грязную легенду с целью внести яд в ряды офицерства. Время уже и теперь рассеяло много клеветы, возведенной на представителей царского времени, и чем больше будет время работать, тем рельефнее будет выступать вся моральная грязь величайшего из политических интриганов, господина Гучкова», – писал Спиридович. Хотя следует учесть, что Гучкова жандармский генерал терпеть не мог по личным причинам («У нас с ним была история из-за убийства Столыпина[46]. Он просил разрешения вызвать меня на дуэль», – вспоминал позднее Гучков), и, таким образом, Спиридович мог быть в данном случае пристрастен.

Но дело было не только в Гучкове. В 1915 году страна увидела, что она не готова к затяжной войне. В низах начиналось революционное брожение, сменившее энтузиазм лета 1914-го, на фронте катастрофически не хватало снарядов, оружия, сапог. В верхах необычайно резким сделался конфликт между Ставкой и правительством – фактически в России наступило двоевластие: генералов и министров, и Государь был вынужден в этот конфликт вмешаться. В июне было принято решение о замене непопулярных членов правительства. Произошло это не в Петербурге, а в Ставке, куда прибыл вместе с министрами Николай, и там, как отмечал в своих мемуарах Спиридович, «Горемыкин (председатель Совета министров. – *А. В.)* объявил о новом курсе. Этот новый курс – «на общественность» не вязался с присутствием в Совете почтенного Щегловитова и маститого Саблера. Решено было просить Государя, для примирения с общественностью, заменить Щегловитова Александром Хвостовым, Саблера – Самариным».

Помимо этих двух назначений состоялись еще два: министр внутренних дел Маклаков был заменен князем Щербатовым, а военный министр Сухомлинов – Поливановым. Эти перестановки сказались и на судьбе Распутина: летом 1915 года в ключевых имперских ведомствах у крестьянина села Покровского неожиданно появились враги.

«Хорошо то, что Маклакова турнули, и вполне понятно, что он хотел сесть на место В. К-ча, чувствуя свою непрочность, – Распутин не отстоял его: не пришел ли конец и сему мерзавцу?» – с надеждой восклицал в письме к киевскому митрополиту Флавиану 6 июня 1915 года архиепископ Антоний (Храповицкий).

«Извини меня, но я не одобряю твоего выбора военного министра… Разве он такой человек, к которому можно иметь доверие? Можно на него положиться? Как бы я хотела быть с тобою и узнать причины, побудившие тебя его назначить!.. Не враг ли он нашего Друга, что всегда приносит несчастье?» – вопрошала Императрица.

Слова о «Друге» стали лейтмотивом всей ее переписки и отражали настроение ее души.

«Как бы я хотела, чтобы Н. (Великий Князь Николай Николаевич. – *А. В.)* был другим человеком и не противился Божьему человеку! Это всегда приносит несчастье…»

«Он (Распутин. – *А. В.)* просит тебе передать, чтобы ты обращал меньше внимания на слова окружающих тебя, не поддавался бы их влиянию, а руководствовался бы собственным инстинктом. Будь более уверенным в себе и не слушайся других, и не уступай тем, которые знают меньше твоего… Он очень

жалеет, что ты не поговорил с ним обо всем, что ты думаешь, о чем совещался с министрами и какие намерен произвести перемены. – Он так горячо молится за тебя и за Россию, и может больше помочь, если ты с Ним будешь говорить открыто».

«16.06.15… На сердце такая тяжесть и тоска! – Я всегда вспоминаю, что говорит наш Друг. Как часто мы не обращаем достаточного внимания на Его слова! – Он так был против твоей поездки в ставку, потому что там тебя могут заставить делать вещи, которые было бы лучше не делать. Здесь дома атмосфера гораздо здоровее, и ты более верно смотрел бы на вещи, – возвращайся скорее <…> Теперь я понимаю, почему Григ, был против твоей поездки туда. – Здесь я могла бы помочь тебе. – Боятся моего влияния <…> У меня сильная воля, я лучше других вижу их насквозь и помогаю тебе быть твердым. – Когда Он советует не делать чего-либо и Его не слушают, позднее всегда убеждаешься в своей неправоте…»

«Ты так долго отсутствуешь, а Гр. просил этого не делать! Все делается наперекор Его желаниям, и мое сердце обливается кровью от страха и тревоги».

Однако, несмотря на эти письма, в июне 1915 года Царь ни жену, ни Распутина не послушал и новых министров назначил вопреки их советам. Опытный странник не спал после этого пять ночей подряд (об этом обстоятельстве Вырубова сообщила Императрице, а та писала Государю), и было отчего. Именно при новом министре внутренних дел была вытащена история в «Яре», о которой говорилось в предыдущей главе, но куда более опасным, чем князь Щербатов, оказался для царского друга новый обер-прокурор Святейшего правительствующего синода, сменивший В. К. Саблера, – Александр Дмитриевич Самарин.

«Замечательно, как все это понимают и хотят видеть на его месте (то есть Саблера. *– А. В.)* чистого, благочестивого и благонамеренного человека <…> лучше всего для этого Самарин», – писал Император.

«Григ, вчера вечером в городе перед отъездом слыхал о назначении Самарина и был в полном отчаянии, так как неделю тому назад он просил тебя не торопиться с увольнением Саблера, так как скоро найдется подходящий человек», – отвечала Государыня.

И в другом письме: «Когда С<амарин> принимал эту должность, он заявлял своей партии в М., что соглашается исключительно только с целью избавиться от Гр., что он сделает все от него зависящее, чтобы в этом преуспеть».

«Прямо против Распутина вам не приходилось выступать перед Верховной властью?» – задали Щербатову лобовой вопрос

на следствии в 1917 году.

«Нет. Это была, так сказать, миссия Самарина, это ему было поручено», – так же четко ответил он. И последние слова в этой фразе – «ему было поручено» – свидетельствуют о том, что за Самариным стояли могущественные силы. Объявить их масонскими значило бы либо прямо солгать, либо, что уж совсем нелепо, признать, что во главе масонского заговора стояли Великая Княгиня Елизавета Федоровна и ее православное окружение.

«…когда Александра Дмитриевича (Самарина. – *А. В.)* незадолго до революции назначили обер-прокурором Св. Синода, я помню, что отец пошел на телеграф (мы жили тогда на даче) и послал ему поздравление. Тогда шла глухая борьба против Распутина, против разложения правительства и церковного руководства, и назначение Александра Дмитриевича воспринималось как победа в этой борьбе», – вспоминал Сергей Фудель.

«Государь, это хорошо знаю, относился к Самарину сердечно, он его уважал, и это чувство крепло с годами, особенно оно прочно установилось после торжеств 1912 и 1913 гг., на которых Государь неоднократно публично подчеркивал свое особое внимание к Самарину, и поэтому приглашение Самарина в состав кабинета исходило лично от Его величества без всяких побочных влияний», – показывал на следствии Белецкий.

«Александр Димитриевич Самарин, член Государственного Совета, Московский предводитель дворянства, сын известного славянофила, был образованный, дивной души, независимого образа мыслей, чисто русско-православный человек. Самарин пользовался большим уважением в Москве и уважением дворянства всей России. Считали, что он внесет новую, светлую струю в управление Церковью и сумеет парализовать попытки влияния на ее дела со стороны приверженцев Распутина. Сразу же пошли легенды, что он принял пост под условием, чтобы Распутин навсегда покинул Петербург и т. д. Никаких таких условий он не ставил, но они так отвечали желаниям общества, что легенде верили и ей безмерно радовались», – писал Спиридович.

В данном случае это никакая не легенда, и подобные условия Самарин на самом деле ставил. Это следует как из воспоминаний протопресвитера Шавельского, гораздо лучше, чем Спиридович, знавшего и Самарина, и все обстоятельства, с его назначением связанные, так и из слов самого Самарина, произнесенных им на тайных заседаниях Совета министров летом 1915 года, а также из его рассказа о высочайшей аудиенции в Ставке 19—21 июня.

«Вопрос теперь сводился к тому, согласится ли или не согласится Самарин принять должность обер-прокурора Св. Синода, – вспоминал Шавельский. – Сообщив мне эту новость, кн. В. Н. Орлов добавил: "Должны мы были выехать от вас завтра или послезавтра, но теперь задержимся недели две". – "Почему?" – спросил я. "К madame (то есть к Императрице Александре Феодоровне) нельзя скоро на глаза показаться. Вы думаете, она простит отставку Саблера!"»

«…Наш Друг боится твоего пребывания в Ставке, так как там тебе навязывают свои объяснения и ты невольно уступаешь, хотя бы твое собственное чувство подсказывало тебе правду, для них неприемлемую, – писала Государыня 10 июня 1915 года. – Помни, что ты долго царствовал и имеешь гораздо больше опыта, чем они <…> Нет, слушайся нашего Друга, верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова – они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы!»

«Надеюсь, мое письмо тебя не огорчило, но меня преследует желание нашего Друга, и я знаю, что неисполнение его может стать роковым для нас и для всей страны. – Он знает, что говорит, когда говорит так серьезно».

«А наш Друг просил тебя отлучаться не на долгое время. – Он знает, что дела не пойдут как следует, если тебя там удержат и будут пользоваться твоей добротой».

«Действительно, Государь пробыл в Ставке еще около двух недель, ничего не делая, и в Петроград вернулся лишь 27 или 28 июня», – вспоминал Шавельский.

И тем не менее полной уверенности в успехе у сторонников антираспутинской коалиции не было.

«Хотя, по-видимому, вопрос о Саблере был решен окончательно, однако в Ставке не были спокойны. Государь едет в Петроград, а там Императрица, благоволение которой к Саблеру и нерасположенность к Самарину известны; там Распутин, покровитель Саблера… Положим, при Государе кн. Орлов, полк. Дрентельн, которые настороже… Но они бессильны перед влиянием Императрицы. Кроме того, еще неизвестно, согласится ли Самарин принять назначение. При влиянии Распутина на Царскую семью и на церковные дела для честного и благородного Самарина обер-прокурорская должность ничего, кроме трений, обещать не может. Такие сомнения очень беспокоили Ставку. <… > Ждали при езда Самарина. Стало известно, что Самарин прибывает 18-го утром. Накануне великий князь, пригласив меня в свой вагон, говорит мне:

– Завтра утром прибывает Самарин. Выезжайте на вокзал к его приезду. Постарайтесь переговорить с ним наедине. Властно, по-пастырски скажите ему, что он не имеет права отказываться от предложения. Если начнет упрямиться, пригрозите ему судом Божиим».

«Я уверен, что тебе это не понравится, потому что он (Самарин. – *А. В)* москвич; но эти перемены должны состояться, и нужно выбирать человека, имя которого известно всей стране и единодушно уважается», – пытался убедить Государь Императрицу.

«Да, любимый, относительно Самарина я более чем огорчена, я прямо в отчаянии, – отвечала она, – он из недоброй, ханжеской клики Эллы, лучший друг Соф. Ив. Тютчевой и епископа Трифона.

Я имею основательные причины его не любить, так как он всегда говорил и теперь продолжает говорить в войсках против нашего Друга».

«Теперь опять начнутся сплетни насчет нашего Друга, и все пойдет плохо. – Я горячо надеюсь, что он не примет предложения – ведь это означает влияние Эллы и приставания с утра до вечера. Он будет работать против нас, раз он против Гр. На сердце у меня тяжело – в 1000 раз лучше удержать Саблера еще на несколько месяцев, чем иметь Самарина!»

Вышло все еще более скверно, чем она предполагала, и совсем не так, как опасался Великий Князь Николай Николаевич. Грозить Самарину Божьим судом не пришлось. Москвич дал свое согласие стать обер-прокурором и поведал Шавельскому о подробностях разговора с Царем.

«– Я прямо заявил Государю, – говорил мне Самарин, – между вами, ваше величество, и обер-прокурором в настоящее время существует средостение (Распутин), которое для меня делает невозможным исполнение по совести предлагаемой должности.

Государь ответил:

– А я все же настойчиво прошу вас принять должность».

Самарин же так вспоминал свою речь и изложенные в ней кондиции:

«Государь, вот уже несколько лет, как Россия находится под гнетом сознания, что вблизи Вас, вблизи Вашего семейства находится человек недостойный. Жизнь его хорошо известна в России, а между тем этот человек влияет на церковные и государственные дела. Государь, это не пересуды, это твердое убеждение людей верующих, людей Вам преданных. Это сознают многие епископы русской церкви, но не решаются только высказать. Он сам об этом говорит и есть факты, доказывающие,

что его голос имеет значение для некоторых сановников <…>

– Послушайте, Самарин, ведь Вы признаете Ее Величество и Меня людьми верующими?

– Да, Государь, не только я, но и вся Россия счастлива этим сознанием.

– Как же Мы могли бы допустить возле себя человека такого, каким Вы изобразили Распутина?

– Государь, это человек хитрый, несомненно, он при Вас является не таким, каким его знает вся Россия».

Этот разговор состоялся 20 июня 1915 года, но в дневнике Николая еще раньше, в начале июня, отмечены две встречи: вечером 9-го числа он встречался с Григорием Распутиным, а на следующее утро, 10-го, – с Самариным. Таким образом, говоря о Распутине, кандидат в обер-прокуроры бил в самое яблочко и ставил Государя перед жестким выбором: или он, Самарин, или Распутин.

«У Государя показались слезы.

– Можно было бы его удалить из Петербурга, – сказал Государь.

– Государь, к этой мере уже прибегали и пользы от нее не было. Тут нужна мера коренная, решительная, необходимо, чтобы все видели, что этому влиянию положен окончательный, бесповоротный конец <…> Мое имя обязывало меня принять решительные меры, которые бы сразу всем показали, что прежнему значению Распутина в делах церковных положен конец.

Наступило молчание, Государь поник головой. Через несколько секунд, показавшихся мне большим промежутком времени, Государь сказал:

– Обдумав все, что Вы мне сказали, я все-таки прошу Вас принять должность обер-прокурора Св. Синода».

«Это новый обер-прокурор св. синода добился приказа об удалении, – отметил Палеолог. – Едва вступив в исполнение своих обязанностей, Самарин доложил императору, что ему невозможно будет их сохранить за собою, если Распутин будет продолжать тайно господствовать над всем церковным управлением. Затем, опираясь на московскую древность своего происхождения, он описал возмущение, смешанное со скорбью, которое скандалы "Гришки" поддерживают в Москве – возмущение, не останавливающееся даже перед престижем высочайшего имени. Наконец он заявил решительным тоном:

– Через несколько дней соберется Государственная Дума. Я знаю, что некоторые депутаты предполагают предъявить мне запрос о Григории Ефимовиче и его тайных махинациях. Моя совесть принудит меня высказать все, что я думаю.

Император ответил просто:

– Хорошо. Я подумаю».

Радость в обществе в связи с этим назначением была не просто велика – огромна.

«…хочется верить, что с назначением Самарина на место Саблера, сотканного из компромиссов… в церковной жизни начнут рассеиваться те сумерки, в которых развратного хлыста почитают "святым старцем" с чуть ли неограниченным влиянием на церковные дела», – писал законоучитель детей в семье А. Д. Самарина протоиерей Владимир Востоков графу С. Д. Шереметеву.

«…я радуюсь, что к делам Св. Церкви призывается сын Церкви, русский мыслью и душой, носитель родных идеалов, человек с чистою независимою душою. Кажется, уже одно только привлечение к власти чистых людей зловеще подействовало на кротов, живущих во тьме и роющих яму честным работникам», – сообщал тому же адресату законоучитель детей и духовник царской семьи протоиерей Александр Васильев.

«Расставшись с Самариным, я зашел к князю Орлову, – вспоминал Шавельский. – Он сообщил мне, что граф Фредерике только что очень решительно говорил с Государем о Распутине, и Государь будто бы решил удалить Распутина от Двора.

Великий князь, заметив, что я после завтрака остался с Самариным, решил подождать меня. Оказывается, он еще не знал о назначении Самарина. Государь ничего не сказал ему за завтраком, а Орлов не догадался шепнуть ему. Увидев меня, когда я возвращался от князя Орлова, великий князь постучал в окно. Я вошел в его вагон. Там сидел и великий князь Петр Николаевич.

– Ну что? – обратился ко мне Николай Николаевич.

– Самарин назначен, – ответил я.

– Верно?

– Да. Я только что беседовал с ним и с князем Орловым. Последний, кроме того, сообщил мне, что граф Фредерике сегодня решительно говорил о Распутине, и Государь согласился, будто бы, удалить Распутина от Двора.

– Нет, это верно? – воскликнул великий князь.

– Так точно. Я передаю слышанное мною от самого князя Орлова, – подтвердил я.

Великий князь быстро вскочил с места, подбежал к висевшей в углу вагона иконе Божией Матери и, перекрестившись, поцеловал ее. А потом так же быстро лег неожиданно на пол и высоко поднял ноги.

– Хочется перекувырнуться от радости! – сказал он смеясь.

Затем я передал слышанный от Самарина его разговор с Государем. Когда я кончил, великий князь обратился к брату:

– Ты, Петр, посиди тут с о. Георгием, а я сбегаю на пять минут к Государю.

Взяв шашку, великий князь быстрыми шагами направился к Царскому поезду. Минут через 10—15 он вернулся в вагон.

– Я поблагодарил Государя, – обратился он к нам. – Я сказал ему: вы и не представляете, ваше величество, какое великое дело вы решили сделать. Мы все любим вас и готовы всё сделать для вас, но будем совершенно бессильны спасти Вас, если вы сами не будете заботиться об этом.

Великий князь под великим делом разумел не столько увольнение Саблера, сколько обещанное Государем графу Фредериксу "разжалование" Распутина. Государь сделал вид, будто он не понял великого князя, и ответил ему:

– Я сам рад, что уволил Саблера.

– С Государем можно работать: он поймет и согласится с разумными доводами. Но Она… Она всему виной. И только один может быть выход: запрятать Ее в монастырь, – тогда все пойдет по-хорошему, и распутинщины не станет. А Государь легко примирится и успокоится, – закончил великий князь».

Если последнее верно и Шавельский не наговаривал на Великого Князя напраслины, то Александру Федоровну в ее недоверии и противодействии Николаю Николаевичу и всей его партии можно понять. Она видела заговор, направленный лично против нее, и, получается, что была недалека от истины. Но опять-таки важно подчеркнуть, что вовлечен в этот заговор был честнейший и очень неглупый славянофил Самарин, которого трудно представить равно злым и слепым орудием в чьих-то руках. Обер-прокурор действовал совершенно самостоятельно и по большому счету продолжил то дело, которое начали за пять лет до него и отошли в сторону Тихомиров с Новоселовым (с последним Самарин был дружен, состоял в переписке и распутинскии вопрос мог ими затрагиваться).

«На другой день утром Самарин долго сидел у меня в купе. Я, насколько мог, познакомил его с положением церковных дел и с ближайшими его сотрудниками по Синоду и его канцелярии. А вечером, после всенощной, отслужил ему молебен. В эту же ночь он уехал из Барановичей.

Через несколько дней Саблер получил очень трогательное собственноручное письмо Государя, извещавшее его об освобождении от должности. Как смог Государь устоять против Императрицы, не желавшей смены Саблера, объяснить это я не сумею», – вспоминал Шавельский.

«Если бы ты был здесь, я бы употребила все силы, чтобы разубедить тебя, потому что думаю, что Бог бы мне помог и ты бы вспомнил слова нашего Друга», – писала Государыня мужу.

«Императрице Александре Федоровне нездоровилось, – вспоминал Спиридович. – Она очень нервничала. Она была против только что совершившейся поездки Государя в Ставку, против всего того, что сделал там Государь, против нового политического курса, против новых министров. Назначение Самарина и Щербатова доводило Царицу до слез.

Верившая в Распутина, как в Бога, Царица считала с его слов, что все, что было сделано в Ставке – все от дьявола. Весь новый курс и новые назначения придуманы, чтобы повредить "старцу" и прока из них не будет.

Хорошо только то, что делается с его совета, с его благословения, чему он "прозорливец помогает" своими молитвами. Все что идет вразрез с его советами, а тем более направлено против него – обречено на неудачу».

«Самарин, без сомнения пойдет против нашего Друга и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим. Он такой ярый и узкий москвич», – писала она, когда назначение Самарина было еще только слухом. И позднее, когда слухи о назначении подтвердились: «А теперь московская клика опутает нас как паутиной. Враги нашего Друга – наши враги, и я убеждена, что Щерб. к ним примкнет».

Акцент, который делала Царица на московскую партию, неслучаен. Он просматривался еще в антираспутинской кампании 1912 года, когда главным органом врагов царского друга стала газета «Голос Москвы». Московская оппозиция резко усилилась с началом войны. Сопровождавший Царя в его путешествии по России осенью – зимой 1914 года генерал Спиридович вспоминал:

«Настроение в Москве, в высших кругах было странное. Несмотря на то, что Распутин никакого участия в поездках Государя не принимал и отношения к ним не имел, московские кумушки очень им занимались. Правда, он к этому времени завязал близкие отношения со многими московскими дамами. Нашлись многие поклонницы его всяческих талантов. Центром всего этого недоброжелательства по связи с Распутиным было ближайшее окружение В. Кн. Елизаветы Феодоровны во главе с упоминавшейся уже Тютчевой.

Сама Великая Княгиня, как будто отошедшая от мира сего, очень занималась, интересовалась вопросом о Распутине. Это создало около нее как бы оппозиционный круг по отношению Царицы. Все падало на голову Царицы и теперь особенно, когда Она приехала в Москву в сопровождении Вырубовой, которая

никакого официального положения при дворе не занимала, – значит надобности в ней не было.

Ее присутствие бросало тень на Императрицу…»

«Ты знаешь, какую гадкую роль Москва играет во всем этом», – возмущалась Императрица в одном из писем лета 1915 года, когда противостояние Москвы и Петербурга Достигло пика.

В Москве, настроенной гораздо более патриотически, по салонам и на улицах говорили об измене, чернь устраивала немецкие погромы, и все это подтачивало Россию в прямом соответствии со словами Спасителя о том, что царствие, поделенное надвое, не устоит. Но горькая парадоксальность этой ситуации заключается в том, что борьба за Распутина, которую вела Царская Чета, оказалась в первую очередь борьбой против монархистов, и это-то и стало подлинным трагическим разделением нашего великого царства. Своя своих не познаша…

Императрица как никогда требовала от мужа проявлять твердость, и Распутин казался ей единственным союзником и заступником.

«Наша церковь нуждается <…> – в душе, а не в уме».

«Молитвы нашего Друга денно и нощно возносятся за тебя к небесам, и Господь их услышит… Бог с тобой и Наш Друг за тебя».

Религиозность замечательно уживалась в последней русской Государыне с обостренной политичностью. Синод же ей противостоял. Вот только один пример, опять же связанный с нашим героем.

«Он (Распутин. – *А. В.)* Тебя настоятельно просит поскорее приказать, чтобы в один определенный день по всей стране был устроен всеросс. крестный ход с молением о даровании победы, – писала Императрица мужу 12 июня 1915 года. – Бог скорее услышит, если все обратятся к Нему. Пожалуйста, отдай приказание об этом, выбери какой угодно день и пошли свое приказание по телеграфу (открыто, чтобы все могли прочесть) Саблеру. Скажи об этом же Шавельскому. Теперь Петр, пост, так теперь это еще более своевременно, это поднимет дух и послужит утешением для наших храбрых воинов. – Прошу Тебя, дорогой, исполни мою просьбу. Пусть приказание исходит от Тебя, а не от Синода. […] …Бог поможет. Когда эти кр. ходы будут устроены, я уверена, Он услышит молитвы Твоего верного народа».

«Я говорил с Шавельским об устройстве в какой-нибудь день крестных ходов по всей России. Он нашел это правильным и предложил сделать это 8 июля, в день Казанской Божией Матери, который празднуется повсеместно. Он шлет тебе свое глубокое почтение», – отвечал Государь.

«Прикажи устроить крестные ходы теперь, не откладывай их, любимый, слушайся меня, это очень важно, – прикажи скорее, теперь ведь пост и потому более своевременно, – выбери хотя бы день Петра и Павла, но только поскорее. – О, почему мы не вместе и не можем обсудить всего, чтобы избежать роковых ошибок! – Я слушаюсь не разума своего, а своей души, и желала бы, чтобы Ты это сделал, мой любимый».

«Дружок, помни и прикажи поскорее крестный ход – теперь во время поста самый подходящий момент, и это должно исходить исключительно от Тебя, а не от нового обер-прокурора Синода».

«Прошу Тебя, ответь мне, будут ли крестные ходы 29-го, так как это очень большой праздник и конец поста. Извини, что пристаю к Тебе опять, но так хочется знать, п. ч. ничего здесь не слышишь».

А вот что вспоминал Шавельский:

«…кажется, 15 июня Государь сообщил мне, что ее величество желает, чтобы в один из ближайших дней во всей России было устроено всенародное моление о победе, с крестными ходами. "Я думаю, – сказал Государь, – хорошо бы сделать это 29 июня, в день Св. ап. Петра и Павла ". Я возразил: во-первых, Синод и епархиальные начальства не успеют сделать все нужные распоряжения и оповестить всех, а во-вторых – день Св. ап. Петра и Павла не подходят для этого. Гораздо лучше 8 июля, день Казанской Иконы Божией Матери. Русский человек во всех своих нуждах обращается прежде всего к Божией Матери. Государь согласился со мною, и 8 июля 1915 г. было назначено днем всенародного моления».

«В 121/2 все мы поехали на молебствие о даровании победы у Феодоровского собора, куда сошлись крестные ходы со всего Царского Села. Проводил с детьми духовную процессию до ворот в парке», – записал Государь в дневнике 8 июля.

Таким образом возобладала позиция Синода, а не Императрицы, и Государыня была уязвлена так же сильно, как еще совсем недавно был уязвлен Распутиным Синод. А москвич Самарин меж тем не только не искал компромиссов, но сознательно шел на обострение отношений с Царицей и ее фаворитами.

«Если теперь несвоевременны крупные реформы законодательные, то это не слагает с высших церковно-правительственных учреждений священных обязанностей постоянно заботиться о том, чтобы действиями церковной власти, насколько возможно, устранялось из жизни Церкви все то, что может смущать и соблазнять православных людей, все, что

способно порождать какие-либо недоумения, смуты и тем более распри», – говорил Самарин на первом заседании Синода с его участием 17 июля 1915 года, и хотя фамилия Распутина здесь прямо не называлась, всем присутствовавшим было понятно, в кого метил новый обер-прокурор.

«На России не будет благословения, если ее Государь позволит подвергать себя преследованиям Божьего человека, я в этом уверена. Скажи ему строго, твердым и решительным голосом, что ты запрещаешь всякие интриги и сплетни против нашего Друга, иначе ты его не будешь держать…

Не смейся надо мной. – Если бы ты видел мои слезы, ты бы понял важность всего этого. – Это не женские глупости, но прямая, голая правда. – Я люблю тебя слишком глубоко, чтобы утомлять тебя такими письмами в такое время, но душа и сердце меня к тому побуждают. У нас, женщин, есть иногда инстинкт правды, а ты знаешь, мой друг, мою любовь к твоей стране, которая стала моей. Ты знаешь, что для меня эта война во всех отношениях – и Господь нам никогда не простит нашей слабости, если мы дадим преследовать Божьего человека и не защитим его <…> Не слушай других, а только твою душу и нашего Друга… Думай больше о Григ., мой дорогой, перед каждым трудным решением проси его ходатайствовать за тебя перед Богом, чтобы Он наставил тебя на правый путь <…> Если бы они только знали, как они тебе вредят вместо того, чтобы помочь – слепые люди – со своею ненавистью к Григорию.

Помнишь, в книге (которую мы читали) сказано, что та страна, Государь которой направляется Божьим человеком, не может погибнуть. О, отдай себя больше под Его руководство».

Государь в ответном письме не обмолвился о «нашем Друге» ни словом… Он вообще в письмах с Александрой Федоровной этой темы избегал[47]. А однажды, когда она уж очень сильно стала его допекать связанными с Распутиным интригами, написал: «Я хотел бы, чтобы ты обращала поменьше внимания на такие *мелочи* (выделено нами. – *А.В.*)».

Несмотря на то, что Распутин был осведомлен о том, как относится к нему Самарин, он попытался с ним познакомиться.

«В первые же дни пребывания в Петрограде Распутин пробовал подойти к отцу, завязать с ним сношения, – писала в мемуарах дочь Самарина. – Об одном эпизоде этих дней с восторгом рассказал слуга моего отца Александр Тихонович, который сопровождал его в Петроград. В гостиницу "Европейская", где жил мой отец, приехал к нему епископ Варнава в сопровождении Распутина, с которым он был в тесном контакте. Отец просил принять епископа и при его входе, относясь к нему

крайне отрицательно, но отдавая должное уважение к его сану, встал и подошел здороваться и принять благословение; когда же за епископом Варнавой выступила фигура Распутина с просфорой в руках, отец выпрямился, заложил руки за спину и сказал: "А вас я не знаю и вам руки не подам"»[48].

Помимо этого Самарин предпринимал меры, для того чтобы облегчить положение епископа Гермогена, уже более трех лет находившегося к тому моменту в опале.

«Он, вероятно, видался с Гермогеном в Москве, – во всяком случае он посылал за Варнавой, оскорблял и бранил при нем нашего Друга, – сказал, что Гермоген был единственный честный человек, потому что он не боялся говорить правду про Григория, и за это был заключен», – возмущенно писала Императрица. И что ни слово в этих разгневанных строках, то правда.

Однако война Самарина с Распутиным касалась не только друга Царской Семьи. Печальным последствием ее стала история с канонизацией святого Иоанна Тобольского, и здесь опять в который раз произошло столкновение Царя и Синода и причиной всему в который раз оказался сибирский мужик.

Традиционно принято считать и многие мемуаристы полагали, что инициатором прославления Иоанна Тобольского был Тобольский епископ Варнава, получивший в свое время и свой сан, и высокую должность благодаря Распутину, которому требовался в своей епархии верный человек. И само прославление Иоанна Варнава задумал потому, что хотел укрепить свои позиции.

«Сибирский монах Варнава, прожженный мужичонка распутинского типа, сразу отдал себя в распоряжение Друга и затем, ничего уже не боясь, выступил против Синода. Самовольно открыл, на родине Распутина, мощи нового святого и потребовал его канонизации. Ввиду такой наглости началась прескверная и прескандальная история».

Так утверждала Зинаида Гиппиус, женщина довольно вздорная и при всем своем жадном интересе к религиозно-философским дискуссиям в реальной жизни Церкви не вполне компетентная.

«Тобольский епископ Варнава нашел в это время в своей епархии мощи какого-то Иоанна и, не ожидая канонизации Синода, стал служить ему молебны как святому», – по обыкновению перевирал факты Родзянко.

Ну ладно они, вот мнение более сведущего человека.

«Через Распутина епископ Варнава стал вхож и в царскую семью и скоро там почувствовал себя своим человеком, – писал протопресвитер Шавельский. – Этим объясняется его

поздравительная телеграмма царю по случаю принятия должности Верховного и просьба разрешить прославить архиепископа Тобольского Иоанна.

В нашей русской церкви прославления святых происходили с высочайшего разрешения. Но такому разрешению предшествовали: освидетельствование мощей и определение Св. Синода о прославлении Святого, основанное на признании достаточности данных в пользу несомненной его святости. Царское утверждение лишь завершало дело. Случаев прославления святых по одному высочайшему повелению, без решения Синода, как будто у нас не было. Если же и был подобный случай, то он был ничем иным, как грубым нарушением прав церкви, насильственным вмешательством в сферу ее священных полномочий. Просьбу епископа Варнавы надо объяснить невежеством этого епископа, – с одной стороны, дерзкой смелостью, – с другой. Не знаю, советовался ли Государь по поводу телеграммы Варнавы с кем-либо из своих приближенных, но и я и архиепископ Константин узнали о ней со стороны, и много спустя. Царский ответ был таков: "Пропеть величание можно, прославить нельзя". Ответ заключал в себе внутреннее противоречие: величание не прославленным, не святым не поют; если нельзя прославить, почему же можно пропеть величание?

Телеграмма Государя пришла в Тобольск, кажется, 27 августа, поздно вечером. В 11-м часу вечера в этот же день в Тобольске загудел большой соборный колокол. Это епископ Варнава собирал в собор свою паству величать архиепископа Иоанна. Услышав необычный по времени звон, народ повалил в церковь. Собралось и духовенство. Все недоумевали, что за причина неожиданной тревоги? Но вот пришел и преосвященный. Облачившись, он с сонмом духовенства вышел к гробнице архиепископа Иоанна. Начали служить молебен. Служили хитро, обезопасив себя на всякий случай:

тропарь пели Св. Иоанну Златоусту, припевы – "Святителю, отче Иоанне, моли Бога о нас", – понимай, как хочешь: "Иоанне Златоусте" или "Иоанне Тобольский", – а на отпусте упомянули и Иоанна Тобольского. В заключение пропели величание Иоанну Тобольскому. Настроение среди богомольцев и среди духовенства было приподнятое, восторженное. Следующий же день внес некоторое разочарование. За ночь поразмыслили. Возникли сомнения: "Ладно ли сделали? Не влетело бы?"

Между тем народ, услышав о прославлении святителя, с утра повалил в собор. Посыпались просьбы – служить молебны. Епископ же Варнава в этот день уехал в объезд епархии. Соборное

духовенство не решалось отказывать в просьбах. Началось целодневное служение молебнов перед гробницей, однако с осторожностью, на всякий случай: служили так, чтобы можно было, если грянет гром и начнется следствие, свалить с Иоанна Тобольского на Иоанна Златоустого. Поэтому старались умалчивать о "Тобольском" и поминали просто святителя Иоанна.

Такая уловка не осталась незамеченной в народе; в городе пошли недобрые разговоры, что попы обманывают народ, позорят праведника.

Так продолжалось несколько дней, пока не грянул гром: епископа Варнаву потребовали в Петроград для объяснения перед Св. Синодом.

Представ 8 сентября пред Синодом, епископ Варнава заявил, что он совершил канонизацию по указанию свыше, при допросе держал себя смело, даже вызывающе, виновным себя не признал, раскаяния и не думал выражать. На какой-то вопрос обер-прокурора Самарина, сидевшего за своим столом, когда Варнава, стоя перед синодальным столом, давал ответ Синоду, он резко заметил:

– А ты кто такой здесь будешь? Прокурор, что ли? Коли прокурор – твое дело писать, а не судить архиерея!..

А потом добавил:

– Когда архиерей стоит, мирянам не полагается сидеть.

Не удовлетворившись первым объяснением епископа Варнавы, Св. Синод предложил ему из Петрограда не уезжать, пока Св. Синод во второй раз не допросит его. Но Варнава, вопреки прямому указанию Синода, чуть ли не на следующий день уехал в Тобольск. Св. Синод решил дело без вторичного допроса. Решение было таково: совершенное епископом Варнавою прославление архиепископа Иоанна считать недействительным, о чем посланием уведомить паству; самого епископа Варнаву уволить от управления епархией».

В воспоминаниях протопресвитера Шавельского есть одна существенная недомолвка, трудно сказать, случайная или нет. Дело в том, что вопрос о канонизации Иоанна Тобольского впервые был поднят не Варнавою, а епископом Евсевием, занимавшим Тобольскую кафедру в 1910—1912 годах и отнюдь не входившим в число распутинских ставленников, но, напротив, считавшим себя недругом царского друга. Вопрос о канонизации был положительно решен Синодом еще при обер-прокуроре Саблере, но это решение не успели довести до конца.

«Чичагов нашел в Синоде бумагу, о которой митрополит и все забыли (скандал!), в которой Синод просит тебя разрешить его прославление (год или больше тому назад) и на заголовке

которой ты написал "согласен", – значит, они во всем виноваты», – писала Императрица мужу.

А теперь новый обер-прокурор Самарин не дал канонизации ходу лишь на том основании, что к этому делу оказались причастны Распутин с Варнавой, и, так, церковная жизнь в который раз переплеталась с политикой, что одинаково дурно сказывалось и на той, и на другой.

«При Самарине развернулось дело епископа Варнавы о прославлении мощей святителя Иоанна Тобольского, – вспоминал Спиридович. – Уже более года тому назад Синод постановил канонизировать Св. Иоанна, но дело почему-то затянулось. <…>

Не получая никаких указаний из Синода о прославлении Св. Иоанна, епископ Варнава, летом 1915 года, обратился непосредственно к Государю Императору и получил разрешение Его Величества. В июне епископ Варнава прославил Святителя, а публика приняла это за канонизацию. Дело дошло до Синода и, когда Обер-Прокурором был назначен Самарин, епископа Варнаву привлекли к ответу за неправильные действия. Обе стороны проявили большую страстность. Обер-Прокурор настаивал на том, что епископ не имел права действовать без ведома Синода, епископ же ссылался на Высочайшее разрешение.

Самарин осложнил дело, придав ему значение распутинского влияния на Церковь. Вызвав епископа Варнаву в Петербург, Самарин не ограничился делом прославления, а начал выговаривать епископу за его дружбу со старцем, упрекать его за поддержку Распутина и доказывать необходимость того, дабы епископ Варнава доложил Его Величеству о непотребной жизни Распутина.

Варнава, оставшийся и под епископским одеянием все тем же мужичком "себе на уме", покорно выслушивал Обер-Прокурора, но, уйдя из Синода, рассказал своим друзьям все, чему учил его Самарин. Рассказал и А. А. Вырубовой, рассказал и Андроникову. Передал Варнава и то, как непочтительно отзывался о Государыне и Самарин, и Тобольский Губернатор. Рассказывал, что Губернатор называл Царицу "сумасшедшей", а Вырубову так ругал, что и передать нельзя. О том же, что говорили и Самарин, и Тобольский Губернатор про Распутина, и говорить не приходится. Все эта дословно передал епископ Варнава и все эти сведения были переданы во дворец».

Вопрос о том, насколько Варнава преследовал при этом свои личные цели и насколько участвовал в его действиях Распутин, можно считать открытым, да и не слишком существенным. Смиттен в своих материалах приводит текст телеграммы, которую послал Распутин Государю: «Вставку государю

императору владыко просит Ивану Максимовичу пропеть величанье своеручно благим намереньям руководит Бог Григорий Новый».

Другую телеграмму, посланную несколько дней спустя, цитирует в своей богатой документами книге «Последний царский святой» СВ. Фомин:

«Величание пропето. Народ ликовал, плакал. Владыко Синод известил. Его требуют немедленно туда с делом. Вы скажите мной поведено. Теперь идем молиться Покрову, с нами Бог, Покров над всей православной армией. Рука твоя служит благодатью.

Епископ Варнава, Григорий Новый».

Иоанн Тобольский ни за действия двух товарищей, ни за орфографические ошибки господина Нового не отвечал. А Варнава, формально нарушая волю Синода, пытался самочинно, но из лучших побуждений исправить его же промедление, тем более что в 1915 году исполнилось 200 лет со дня преставления митрополита Иоанна и прославить его в этот год представлялось совершенно логичным. Именно так впоследствии рассуждал и сам Государь, когда в ответ на доклад членов Синода о неправомерных действиях Варнавы высказался в том смысле, что «действия епископа Варнавы, имея значение местного прославления, примеры коего дает русская церковная история, не нарушают предначертанного Синодом порядка всероссийского церковного прославления приснопамятного святителя Иоанна Максимовича. Твердо верю, что Синод в горячей ревности еп. Варнавы о скорейшем прославлении чтимого его паствою святителя почерпнет оправдание его действиям в настоящей страдной для Родины године и ради мира церковного покроет их прощением и любовью». Мотив, в каком-то смысле повторяющий разрешение конфликта между Синодом и Илиодором или Синодом и имяславцами, и в этом повторе в который раз звучало роковое взаимное недопонимание Церкви и Царя.

«Пора наконец сказать Синоду перед Царем державное слово. Наше молчание справедливо считают трусостью. Пора возвысить голос правды, – и поверьте тогда нас станут уважать, с нами будут считаться», – писал в дневнике архиепископ Арсений (Стадницкий).

Синод, таким образом, стремился к реваншу, и русских архиереев трудно не понять – слишком много унижений приходилось им претерпевать и малейший намек на Распутина действовал на них чрезвычайно болезненно. Но в истории с канонизацией Иоанна Тобольского существенно и то, что еще до епископа Варнавы за нее высказывались многие из тех клириков,

кто преследовал Распутина как хлыста. Так, в 1900 году один из самых главных впоследствии распутинских недругов Тобольский епископ Антоний (Каржавин) повелел вместо мраморного надгробия соорудить над гробом святителя серебряную раку с позолоченной сенью.

«Как было бы радостно, если бы мы, почитатели Святителя Иоанна, в предстоящий торжественный день смогли бы воспеть Святителю не "вечную память", а "величаем тя, Святителю отче Иоанне…"» – говорил в 1912 году протоиерей Тобольского кафедрального собора Дмитрий Смирнов – тот самый священник, который принимал участие в расследовании Тобольской консистории в 1907 году и готовил рапорт о принадлежности Распутина к хлыстам, а в 1913 году был назначен по предложению епископа Тобольского и Сибирского Алексия (Молчанова) председателем Комиссии по подготовке празднеств в связи с 200-летней годовщиной блаженной кончины Иоанна (Максимовича).

Среди наиболее деятельных членов этой комиссии был протоиерей Александр Иванович Юрьевский, главный архивариус Архивной комиссии при Тобольском братстве святого Дмитрия Солунского, известный своим крайне отрицательным отношением к Распутину. Упоминание о нем можно найти в книге О. А. Платонова:

«В 1912 году против Распутина пытаются сфабриковать еще одно дело о хлыстовстве. Содержание этого дела передают воспоминания семинариста, учившегося в Тобольской семинарии в 1907—1913 годах, некоего М.В.Андреева. В 1913 году он был семинаристом выпускного курса, на котором вел занятия некто священник Юрьевский. И вот однажды этот Юрьевский пришел к семинаристам очень расстроенный и начал жаловаться, что Владыко Алексий бросил в горящую печь его трехмесячный труд о Распутине, выполненный им по заказу епископа Евсевия.

Юрьевский пересказывает семинаристам свой доклад, содержащий откровенно фантастические сведения, 30 молодых людей, затаив дыхание, ловят каждое его слово.

Начал он с того, что Распутин был конокрадом, его поймали, избили и только после этого он стал ходить по богомольям. <…>

"Странствовал Распутин вместе с Варнавой года три, а впоследствии он сделал его епископом", – продолжал свой рассказ Юрьевский. <…>

Далее Юрьевский рассказывает семинаристам настоящие скабрезности, фантастические детали, не имеющие никакой документальной основы. Об этих выдумках и говорить бы не

стоило, но они настойчиво распространялись определенными силами. Причем с многозначительными намеками, что это истинная правда, которую хотят скрыть от народа подкупленные царским правительством чиновники. Эта "версия" обсуждалась как серьезная и достоверная в кругах российской интеллигенции, лишенной национального сознания, выслушивалась с понимающей улыбкой. <…>

Юрьевский один из первых придумывает фантастическую процедуру "изгнания беса" путем половых сношений, которую активно приписывали Распутину. Не исключено, что именно Юрьевский, а не Илиодор (Сергей Труфанов) первый придумал эту подробность, которая впоследствии была "творчески развита" Сергеем Труфановым. И которая на полном серьезе обсуждалась в интеллигентских кругах и в широкой печати.

Кто был заказчиком этой истории – сегодня мы можем только предполагать. Но одно определенно ясно: она сильно способствовала развитию мифа о Распутине, внеся в него множество новых, неприличных деталей, ставших объектом самого широкого обсуждения».

И тем не менее именно этот «некто» Юрьевский в 1913 году сделал сообщение «О предстоящей 10 июня 1915 года 200-летней кончине Иоанна Максимовича (1651—1715)» и о «Путешествии митрополита Иоанна Максимовича в 1713 году в Тюмень», а в 1914-м – доклад на тему «Хиротония Иоанна Максимовича в архиерейский сан», а также сообщение по вопросу «Когда прибыл в Тобольск митрополит Иоанн Максимович?», очерк «Погребение митрополита Иоанна Максимовича» и, наконец, подготовил реферат на тему «Отношение Петра Великого к митрополиту Иоанну Максимовичу».

Однако в Синоде значения всем этим нюансам не придали. Обжегшись на деле о епископе Гермогене и имяславцах, Синод видел распутинский след и там, где он был, и там, где его не было. Снова находила на камень коса, и снова разрушалось доверие. В сентябре 1915 года Варнаву вызывали в Синод давать ответ за самодеятельность и грозили лишить сана и сослать, о чем он сам писал в письме к Государю, которое было найдено в бумагах последнего: «…7 числа я предстал как преступник перед этими синодскими бейлисами кровопийцами родной государь это было сплошное глумление циничный смех и особенно злобствовали Ярославский Аганфагел и Финляндский Сергий подойдут к оберу и вполголоса говорят, но так что мне слышно пора спросить как Григория руку целовал, а тот говорит это на следующий раз. Это была пытка надо мной, я не выдержал и так их отчитал оберу сказал, что Вы не судебный следователь и не

обер еще за чем же Вы так меня хотите с толку сбить и глумитесь надо мной ведь я епископ православной церкви, а он обер добавляет и дружу с Распутиным тут все эти архиереи прыснули со смеху».

И далее в этом же письме уже не просто жалоба, но прямая директива:

«…они хотели вызв меня по пов дружбы с Гр Еф и на сем Сам (Самарин. – *А. В.)* хотел создать себе славу, но, верно, еще не покинул Господь. Ваше Величество, до чего дошло дело: Митрополит Владимир выразился, что царь глупую телегр послал, этому челов 50 было свидетелей. Пора, Родной, показать им власть Царскую. Думу не побоял разогнать, и утихли все, а этим одного да другого махнуть.

Пошлите Владимира в Киев, а того старика в Питер. Родной Государь, а этих разбойников – Аганфагела Ярославского и Сергия Финляндского – строго накажи да Никона Косого, так скоро будут смирны, иначе поздно будет. Они теперь бесятся, что ускользнуло дело о дружбе с Распутиным и теперь удобно их турнуть, а нет – все газеты опять будут гудеть, что Суд Архиереев за хлыстовскую дружбу. Ну, да Вы Сами поймете, что чем скорей, тем лучше».

«Сделали по всей земле праздник, а сатана газету и посеял страх, добро у него не пропадет», – несколькими днями раньше писал Распутин в телеграмме на имя Вырубовой.

«Митрополит Иоанн Максимович прославил себя чудесами. Напрасно отцы наши препятствуют, засиделись. Твое намерение Господь благословил. Твое слово для всех мир и благоволение а рука Твоя гром и молния покроит вся», – обращался он к Государю позднее, опять-таки намекая на «профнепригодность» епископата, а возмущенная всем происходящим Царица слала в Ставку свои письма и телеграммы с целью оказать влияние на Императора:

«Этот маленький человечек вел себя с замечательной энергией, защищая нас и нашего Друга, и резко отвечал на все их вопросы. Хотя митрополит очень недоволен С. (Самариным. – *А. В.),* все же он во время этого расспроса был слаб и – увы! – молчал. Они хотят выгнать Варнаву и поставить Гермогена на его место[49] – видал ли ты когда-нибудь такую наглость! <…> С. Финлянд. и Никон (этот злодей с Афона) в течение трех часов нападали на В. (Варнаву. – *А. В.)* по поводу нашего Друга. Сам. поехал в Москву на 3 дня, – наверное, чтобы повидать Гермогена. Посылаю тебе газетную вырезку о том, что ему разрешено, по приказанию Н., провести 2 дня в Москве у Вост., – с каких пор он имеет право вмешиваться в эти вопросы, зная, что по твоему

приказанию Гермоген был наказан? – Как они смеют идти против твоего разрешения насчет величания? До чего они дошли! <…>»

Они – это Синод. Конфликт между ним и Императрицей разгорался с неслыханной силой. Оценивать правоту спорящих сторон значило бы очень много на себя брать, но одну вещь стоит отметить: в Царском Селе слишком часто ошибались, когда речь шла об управлении Церковью, и в Синоде это хорошо знали. С другой стороны, и Синод не всегда оказывался на высоте, вспомнить хотя бы дело об имяславцах.

Но вернемся к письмам и телеграммам Александры Федоровны.

«Забастовка Синода в такое время ужасно непатриотична и нелояльна. Почему они во все это вмешиваются. Пусть они теперь поплатятся за это и узнают, кто их повелитель!»

«Сегодня я видела бедного Варнаву! Милый мой, это отвратительно, как С. обращается с ним, сначала в гостинице, а затем в Синоде. Это прямо неслыханный допрос, и он так гадко отзывается о Григ, и назвал Его самыми ужасными словами <… >. Как преступны его слова насчет величания – что ты не имеешь права разрешать такой вещи, на что В. благоразумно ему ответил, что ты главный покровитель церкви, а С. дерзко возразил, что ты ее раб. – Как безгранично нахально и более чем неприлично, развалившись в кресле, скрестив ноги: расспрашивал он епископа про нашего Друга! <…> Дружок, ты должен быть тверд и заявить Синоду категорически, что ты настаиваешь на исполнении твоего приказания и величание должно продолжаться! <…> …прошу тебя не допусти, чтобы прогнали В. – Он великолепно постоял за нас и Гр. и доказал им, что они намеренно действуют в этом против нас».

И наконец:

«…скорее убери Самарина… Они не смеют привлекать епископа к ответственности за то, что он знает Гр. <…> В. умоляет тебя поторопиться с увольнением Самарина, так как он и Синод затевают новые гадости, и он, бедный, должен туда опять явиться для пытки».

«В. В., – писал Варнава Государю, – мне келейно показали вопросы лист на 9 – так волосы дыбом встают, сплошь все вопросы про отношения к другу зачем то, да на каком основании это вот что было замыслено на этом хотели создать скандал и славу самостийно так, что бедный святитель Иоанн Максимович петое ему величание было встречено удушливыми газами злобы злобных синодских анархистов его не пощадили религиозное чувство народа попрали, чтобы травить царя и царицу…»

«Про меня он сказал Суслику, что я глупая баба, а про А.

такие отвратительные вещи, которые он даже не может повторить»; «Ты должен действовать метлой и вымести всю грязь, накопившуюся в Синоде. Весь этот шум из-за В. только для того, чтобы трепать имя нашего Друга в Думе», – писала Царица.

Две недели спустя после этой переписки обер-прокурор Самарин был отправлен в отставку.

«Самарин уволен, а Святейший Синод командировал в Тобольск архиепископа Тихона (будущего Всероссийского Патриарха), который обследовал мощи Святителя и канонизация Св. Иоанна была совершена по всем правилам Церкви и без ущерба для престижа Верховной власти. Такое разрешение этого церковного дела, уже после увольнения Самарина, ясно показало, насколько был неправ Самарин, придав этому религиозному делу политический сплетнический характер момента», – деликатно писал о развязке этой истории Спиридович, но дневниковые записи современников передают невероятный драматизм и напряжение тогдашней атмосферы.

«27 сентября. В газетах опубликовано об увольнении мин<истра> вн<утренних> дел кн<язя> Щербатова и обер-прок<урора> Св<ятейшего> Синода Самарина. Мин<истром> вн<утренних> дел назначен Хвостов, чл<ен> Гос<ударственной> Думы. Вторая должность не замещена. Об этих переменах уже давно говорили, как о первом предвестнике ответственного перед палатами министерства. Хотя оба министра, и в особенности Самарин, были облечены доверием народа, но что-то случилось. Самарину не повезло в деле еп<ископа> Варнавы. Вероятно, Гришка заступился за Варнаву и выжил Самарина», – записал в дневнике Великий Князь Андрей Владимирович.

Гораздо эмоциональнее отреагировал на это Лев Александрович Тихомиров.

«Самарин прогнан <…> ходят слухи, что не только Самарин уволен, но что будет целое передвижение высшей иерархии: Владимира в Киев, Флавиана в Москву, Макария в Петербург. Дальнейшие слухи гласят, будто впоследствии пророчат Варнаву в Петербургские митрополиты, и что Григорий Распутин уже развелся с женой, чтобы принять монашество и получить дальнейшую иерархическую карьеру.

Легко понять, как подрывают все эти события и слухи авторитет Государя Императора. Как всегда, враги Церкви пользуются всем для подрыва Его… <…> Кредит Государя подрывается страшно. А Он – поддерживая этих Распутиных и Варнав – отталкивает от себя даже и дворянство, и духовенство <…> Не знаю, чем кончится война, но *после нее* революция

кажется совершенно неизбежной. Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными Династии остаются только личные заинтересованные люди, но эти продажные лица сделаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа <…> страшно жалко Государя. Но жалко и Россию, и Церковь, которые страдают от этой драмы», – записал он в дневнике 5 октября 1915 года.

«Страшно становится за Церковь. Хлыст руководит всем. Киевский святитель умирает: нет сомнений, что митрополитом будет ставленник хлыста. Московский уже во власти хлыста и считает его чуть ли не за святого. А хлыст уже и обер-прокурора и вице-губернатора сменил. Ходят слухи, что и на место "товарища" в Синод будет назначен сторонник его…» – писал архиепископ Никон (Рождественский) архиепископу Арсению (Стадницкому).

Трагическую для России коллизию увидел в этом сюжете и Николай Бердяев, который подвел под столкновение Самарина с Распутиным целую философскую основу. В октябре 1915 года он опубликовал статью «Темное вино». Распутин в ней не называется по имени, но Распутиным здесь все пронизано и дан зловещий облик человека, выражающего, по Бердяеву, стихийное, иррациональное начало русской жизни. В отличие от множества газетчиков и партийных публицистов Бердяев дал в своей статье философское осмысление личности Распутина, поднимающееся над бытовыми скандалами. Нет нужды говорить, что реального Распутина Бердяев не знал вовсе и питался лишь газетной информацией и слухами плюс собственной интуицией. Но философ есть философ, и какие-то вещи он может увидеть издалека и поэтому на взглядах Бердяева есть смысл остановиться подробнее. Итак, что же есть такое Распутин, по Бердяеву, и что знаменует его победа?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Темное вино». Император и его армия. Секретные протоколы Кабмина. Измена. Еще одно исцеление

«В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма, оно не поддается никаким рациональным объяснениям. Действие этого иррационального начала создает непредвиденное и неожиданное в нашей политике, превращает нашу историю в фантастику, в неправдоподобный роман. Что в основе нашей государственной политики лежат не государственный разум и смысл, а нечто иррациональное и фантастическое, – это особенно остро чувствуется в последнее время. Иррациональное начало все перемешивает и создает самые фантастические соотношения. Правое, консервативное, даже реакционное московское дворянство ставится в положение оппозиционное и принуждено прибегать к действиям демонстративным. Единственный общественный слой, который мог быть опорой старой власти, ускользает из-под ее ног. Даже московская духовная академия, столь привыкшая к раболепству, демонстративно выражает свой испуг за судьбу святой церкви, подавленной темными влияниями. Настоящий консерватизм, настоящая церковность содрогаются от власти темной стихии над русским государством и русской церковью.

Интересно было назначение А. Д. Самарина обер-прокурором святейшего синода. С этим назначением подлинные православные связывали надежды на то, что будет отстаиваться независимость церкви и будут сделаны шаги к обновлению церкви. То были консервативные надежды, надежды искренних, идейных церковных консерваторов, которых приводило в отчаяние разрушение церковной жизни, господство над нею темных сил. Тяжело было смотреть верующему православному на рабскую зависимость церковной политики от посторонних влияний, чуждых внутренней святыне церкви. Недолго пробыл г. Самарин у власти, и отставка его еще интереснее, чем его назначение. А. Д. Самарин – правый, консерватор-церковник. Отставка его не могла быть результатом столкновения с правой и даже реакционной политикой. Он, по всей вероятности, и сам не чужд реставрационных тенденций, и вдохновляющие его идеалы обращены назад, а не вперед. Но А. Д. Самарин столкнулся с темным, иррациональным началом в церковной жизни, в точке

скрепления церкви и государства, с влияниями, которые не могут быть даже названы реакционными, так как для них нет никакого разумного имени. Как убежденный церковный человек и как человек чести, г. Самарин не мог перенести сервилизма. Он должен был оказаться в оппозиции, в качестве правого и консерватора, крепкого православного и церковника. Государство в опасности – это вызывает в нас патриотическую тревогу. Но и церковь в опасности. Это вызывает тревогу религиозную. Положение России небывало трагическое.

Она должна одолеть не только внешнего врага, но и внутреннее темное начало. Трудно даже сказать, что сейчас происходит планомерная реакция. Это – не реакция, а опьяненное разложение. Даже сколько-нибудь осмысленные реакционеры против того, что происходит. Правые все-таки могут признавать государственный разум, овладение темными стихиями. А. Д. Самарин, по-видимому, и является разумным, осмысленным правым, довольно трезвым, даже слишком трезвым. Он, вероятно, боится всякого слишком иррационального начала. И его разумная и трезвая правость, его рационалистическое славянофильство столкнулись лицом к лицу со скрытой силой безумной и опьяненной, с темным вином русской земли. Разумный, культурный консерватизм бессилен в России, не им вдохновляется русская власть. <…>

В России есть трагическое столкновение культуры с темной стихией. В русской земле, в русском народе есть темная, в дурном смысле иррациональная, непросветленная и не поддающаяся осветлению стихия. Как бы далеко ни заходило просветление и подчинение культуре русской земли, всегда остается осадок, с которым ничего нельзя поделать. В народной жизни эта особенная стихия нашла себе яркое, я бы даже сказал, гениальное выражение в хлыстовстве. В этой стихии есть темное вино, есть что-то пьянящее и оргийное, и кто отведал этого вина, тому трудно уйти из атмосферы, им создаваемой. Хлыстовство очень глубокое явление, и оно шире секты, носящей это наименование. Хлыстовство, как начало стихийной оргийности, есть и в нашей церковной жизни. Всякая опьяненность первозданной стихией русской земли имеет хлыстовской уклон».

Рассуждения эти примечательны тем, что Бердяев не только избегает называть имя Распутина, но обходит сам вопрос о принадлежности Григория к хлыстам. Даже если Распутин и не хлыст, в нем есть хлыстовский уклон. Важно явление, а не формальная связь. В другой статье «Душа России», где Распутин по имени назывался, Бердяев писал: «Россия – фантастическая

страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов, страна Кондратия Селиванова и Григория Распутина, страна самозванцев и пугачевщины».

В «Темном вине» философ сосредоточился на хлыстовщине, которая наиболее полно эту степень опьянения выражает. Под самым высоким градусом.

«В мистической жажде хлыстов есть своя правда, указывающая на неутоленность официальной церковной религией. <…> Эта темная русская стихия реакционна в самом глубоком смысле слова. В ней есть вечные мистические реакции против всякой культуры, против личного начала, против прав и достоинства личности, против всяких ценностей. Эта погруженность в стихию русской земли, эта опьяненность стихией, оргийное ее переживание не совместимы ни с какой культурой ценностей, ни с каким самосознанием личности. Тут антагонизм непримиримый. Всякое идеализирование нередко у нас принимает форму упоенности русским бытом, теплом самой русской грязи и сопровождается враждой ко всякому восхождению. Хлыстовская русская стихия двойственна. В ней скрыта подлинная и правленая религиозная жажда уйти из этого постылого мира. В хлыстовском сектантском движении есть ценная религиозная энергия, хотя и не просветленная высшим сознанием. Но в хлыстовской стихии, разлитой в разных формах по русской земле, есть и темное и грязное начало, которого нельзя просветить. В ней есть источник темного вина, пьянящего русский народ дурным, мракобесным опьянением. Это хаотически-стихийное, хлыстовское опьянение русской земли ныне дошло до самой вершины русской жизни. Мы переживаем совершенно своеобразное и исключительное явление – хлыстовство самой власти. Это путь окончательного разложения и гниения старой власти. Так исторически изживается остаток беспросветной тьмы в русской народной стихии. Темная иррациональность в низах народной жизни соблазняет и засасывает вершину. Старая Россия проваливается в бездну. Но Россия новая, грядущая имеет связь с другими, глубокими началами народной жизни, с душой России, и потому Россия не может погибнуть».

Итак, Бердяев указывал на явление: хлыст дошел до власти, и ставил диагноз: впереди бездна, и дальше прямо писал про мистические увлечения Царской Четы.

«Для России представляет большую опасность увлечение органически-народными идеалами, идеализацией старой русской стихийности, старого русского уклада народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера. Такая

идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия. Мистике народной стихии должна быть противопоставлена мистика духа, проходящего через культуру. Пьяной и темной дикости в России должна быть противопоставлена воля к культуре, к самодисциплине, к оформлению стихии мужественным сознанием. Мистика должна войти в глубь духа, как то и было у всех великих мистиков. В русской стихии есть вражда к культуре. И вражда эта получила у нас разные формы идеологических оправданий. Эти идеологические оправдания часто бывали фальшивыми. Но одно верно. Подлинно есть в русском духе устремленность к крайнему и предельному. А путь культуры – средний путь. И для судьбы России самый жизненный вопрос – сумеет ли она себя дисциплинировать для культуры, сохранив все свое своеобразие, всю независимость своего духа.

Не изойдет ли Россия в природно-народном дионисическом опьянении, в слишком позднем и потому гибельном для нее язычестве? То, что совершается сейчас в русской реакции, есть пьяное язычество, пьяная оргия, дошедшая до вершины. Война ознаменовалась великим делом – уничтожением пьянства. Но у русского есть темное вино, которого нельзя лишить никакими внешними мерами и реформами. Чтобы народ русский перестал опьяняться этим вином, необходимо духовное возрождение народа в самых корнях его жизни, нужна духовная трезвость, через которую только и заслуживается новое вино. У нас же продолжают опьянять себя старым вином, перебродившим и перекисшим. Старая Россия и должна опьянять себя в час разложения и исторической кончины. Старая жизнь не легко уступает место жизни новой. Тот мрак душевный, тот ужас, который охватывает силу отходящую и разлагающуюся, но не способную к жертве и отречению, ищет опьянения, дающего иллюзию высшей жизни. Так кончина старой исторической силы застигает ее в момент оргии. И история окружает этот конец фантастикой. Вырождается и приходит к концу какое-то темное начало в русской стихии, которая вечно грозила погромом ценностей, угашением духа. И была какая-то ниточка, соединяющая тьму на вершине русской жизни с тьмой в ее низинах. Вершина рушится, почва из-под нее уходит, никакая существенная сила уже не поддерживает ее. Но внизу все еще есть темная стихия, упивающаяся темным вином, на которую пытается опереться вершина. Стихия эта давно уже не преобладает в народной жизни, но она все еще способна выставлять своих самозванцев, которые придают нашей церковной и государственной жизни темно-иррациональный характер, не

просветимый никаким светом. На это нужно смотреть глубже и серьезнее, чем принято смотреть, ибо знаменательно это и не случайно для России. И для борьбы с внутренней тьмой необходима мобилизация всего духа, избравшего путь света».

Бердяев писал энергично, образно, убедительно. Самарин в его интерпретации оказывался жертвой темной, пьяной стихии, олицетворением которой был Распутин и которая грозила историческому бытию великого царства. Примечательно здесь и то, что Бердяев рассуждал с позиций неконсервативных, но консерватизму сочувствовал и в противостоянии консервативной мысли Распутину видел трагическую коллизию времени. Эта статья прекрасно отражала взгляды Бердяева и основные положения его философии личности, и все же риторики в бердяевских строках больше, чем отражения реального положения дел. Распутин у Бердяева – это именно бердяевский Распутин – персонаж, дионисийский образ, но не конкретный человек. Однако тот факт, что именно в Распутине увидел крупный русский философ столь значимое явление русской жизни, говорит сам за себя и лишний раз доказывает неслучайность и незаурядность этой фигуры.

Более сухо изображен как сам Распутин, так и изложены обстоятельства отставки Самарина в мемуарах Шавельского:

«В конце сентября 1915 года, уезжая на фронт, я встретил на Могилевском вокзале обер-прокурора Св. Синода А. Д. Самарина, прибывшего в Ставку для доклада Государю по нашумевшему тогда делу о самовольном прославлении Тобольским епископом Варнавою Тобольского архиепископа Иоанна Максимовича. Самарин бегло ориентировал меня, как в самом деле, так и в решении Синода по этому делу, причем добавил, что в случае неутверждения Государем синодального решения, ему придется уйти в отставку. <…> Решение было таково: совершенное епископом Варнавою прославление архиепископа Иоанна считать недействительным, о чем посланием уведомить паству; самого епископа Варнаву уволить от управления епархией.

Вот это-то решение Синода и вез теперь обер-прокурор на утверждение Государя. Вернувшись с фронта (в конце сентября), я узнал, что доклад Самарина окончился увольнением его от должности обер-прокурора Св. Синода (Московское депутатское дворянское Собрание постановило выразить Самарину скорбь по поводу оставления им поста обер-прокурора Св. Синода. Это была первая ласточка революции: московское дворянство выражало скорбь по поводу действий Государя!). Решение Синода не было утверждено».

Однако рискнем предположить, что дело было не только в этом, и в качестве аргумента сошлемся на две записи из дневника императора:

«25-го сентября. Пятница. Утром до прогулки принял Граббе. В 11 час. Щербатова и в 12 час. Самарина и простился с обоими».

Если причина была бы только в неутвержденном решении Синода, то отчего последовала двойная отставка: и обер-прокурора, и министра внутренних дел?

И еще одна, более ранняя запись из дневника. 4 августа 1915 года император пишет о том, что принял утром Самарина, а вечером Распутина. В тот же день Григорию было приказано покинуть Петербург и вернуться в Покровское. Логично предположить, что Самарин был тому причиной и, таким образом, если еще в начале августа Государь выполнял свои договоренности с обер-прокурором об удалении Распутина от двора, то полтора месяца спустя ситуация резко изменилась. Вопрос – почему?

Ответ заключается, по-видимому, в том, что у Николая Александровича имелась другая, более веская, непосредственная и вполне рациональная причина быть недовольным, раздраженным, возмущенным Самариным (а также Щербатовым), чем выпады благородного москвича против Распутина, к чему Государь был готов и против чего в душе, быть может, и не возражал (во всяком случае, в ответ на жалобы Императрицы и ее навязчивые просьбы защитить Григория он не написал в июне—сентябре 1915 года ни слова, как будто Распутина для него не существовало, а Самарина вопреки ее предостережениям назначил). И именно она, эта причина, настроила Николая против Самарина, а случай с Варнавой решающего значения не имел.

В августе 1915 года Государь объявил о том, что принимает на себя командование армией вместо Великого Князя Николая Николаевича. Против Царя встало и правительство, и почти весь Двор (а также союзники). В решении Императора увидели вечный распутинский след.

«Благородный порыв Государя не был поддержан ни Советом министров, ни обществом, ни Государственной Думой. Все сходились во мнении, что и Великого Князя и Янушкевича с Даниловым, конечно, надо сменить, но все были против того, чтобы Государь брал на себя Верховное Главнокомандование. Серьезные люди находили это опасным, как отвлечение Государя от дела управления государством, как удаление его от Петербурга, все же вообще боялись влияния на ход войны со стороны Царицы и стоявшего за ее спиной Распутина, в которых совершенно неправильно, совершенно неосновательно видели как

бы немецких сторонников.

Второе соображение играло главную роль, и оно-то и подняло тогда весь шум против решения Государя», – вспоминал Спиридович.

«В августе 1915 года Государь, под влиянием кругов императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. Этому предшествовали безрезультатные представления восьми министров и некоторых политических деятелей, предостерегавших государя от этого опасного шага. <…> Истинной побудительной причиной этих представлений был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового Верховного Главнокомандующего осложнит и без того трудное положение армии, а немецко-распутинское окружение, вызвавшее паралич правительства и разрыв его с Государственной Думой и страной, поведет к разложению армии.

Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие Государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: – Кто будет начальником штаба? Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее Царь и раньше был верховным вождем армии, и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось мнение, что Царь несчастлив…» – писал в мемуарах А. И. Деникин.

«Очевидно, исключительное упорство, проявленное Николаем II, никакими посторонними влияниями объяснить нельзя, а тем более, "немецко-распутинским" окружением Александры Федоровны, как продолжал думать генерал Деникин в своих "Очерках русской смуты". По словам великого князя Николая Михайловича, Царь уже в начале войны стал считать назначение Николая Николаевича "неудачным"» – возражал ему Мелыунов.

Вопрос об отношении Распутина к этому решению не прост. Как это часто в истории с царским другом было, главную роль играло не столько фактическое положение дел, сколько те слухи, которые гуляли по Петрограду и которые, к несчастью, определяли слишком многое в жизни России.

«Не малую роль в настроении министров играли также слухи о том, будто это решение, давно лелеемое Государем, было внушено… пресловутым Распутиным», – писал Ольденбург. Более пространное упоминание об этих слухах можно найти в дневнике французского посла Палеолога.

«Императрица и Распутин повторили ему с самой

настойчивой энергией: "Когда престол и отечество в опасности, место самодержавного царя – во главе его войск. Предоставить это место другому – значит нарушить волю Божию".

Впрочем, старец от природы чрезвычайно болтлив и не делает тайны из тех речей, которые он держит в Царском Селе. Он говорил о них еще вчера, в тесном кружке, где разглагольствовал два часа сряду, с тем порывистым, горячим и распущенным вдохновением, которое делает его порою очень красноречивым. Насколько я мог судить по обрывкам этих речей, донесшимся до меня, доводы, приводимые им государю, далеко выходят за пределы современной политики и стратегии: предметом его защиты служит религиозный тезис. Сквозь красочные афоризмы, из которых многие вероятно подсказаны ему друзьями из св. синода, выступает некоторая доктрина: "Царь не только руководитель и светский вождь своих подданных. Священное миропомазание при короновании вручает ему гораздо более высокую миссию. Оно делает его их представителем, посредником и поручителем перед Всевышним Судьей. Оно, таким образом, заставляет его взять на себя все грехи и все беззакония своего народа, так же как и все его испытания и все его страдания, чтобы отвечать за первые и выставить другие перед Богом"»…

Свидетельство Палеолога, возможно, не слишком авторитетно, однако и сама Царица писала мужу в августе 1915 года: «Те, которые боятся и не могут понять твоих поступков, убедятся позднее в твоей мудрости. Это начало славы твоего царствования. Он это сказал и я глубоко этому верю».

И чуть позже:

10 сентября 1915 года: «Наш Друг вовремя раскрыл их карты и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. и принять на себя командование».

«Он убедил тебя и нас в безусловной необходимости этой перемены ради тебя, нас и России».

Николай с ней – нечастый случай – не согласился: «Я так хорошо помню, что, когда я стоял против большого образа Спасителя наверху в большой церкви, какой-то внутренний голос, казалось, убеждал меня прийти к определенному решению и немедленно написать о моем решении Ник. (Николаю Николаевичу. —*А. В.)* независимо от того, что мне говорил наш Друг».

Из этого письма следуют по крайней мере два вывода. Первый – что Распутин поддерживал желание Государя встать во главе армии, и второй – что Николай принимал решение самостоятельно.

В пользу первого говорят строки из письма Государыни, относящиеся еще к самому началу войны: «Наш Друг рад за тебя, что ты уехал. Он остался очень доволен вчерашним свиданием с тобой. Он постоянно опасается, что Bonheur, т. е. собственно галки (черногорки. – *А. В.),* хотят, чтобы он (Николай Николаевич. – *А. В.)* добился трона в Польше, либо в Галиции, что это их цель <…> Григорий ревниво любит тебя, и ему невыносимо, чтобы Н. играл какую-нибудь роль».

И здесь настроения Распутина и Императрицы в который раз совпадали: «Хотя Н. поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга так же, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем – он должен был бы писать более просто и скромно».

А что касается второго – о самостоятельности принятия Императором всех решений, то вот что писала в мемуарах Вырубова: «После падения Варшавы Государь решил бесповоротно, без всякого давления со стороны Распутина, или государыни, или моей, стать самому во главе армии; это было единственно его личным непоколебимым желанием и убеждением, что только при этом условии враг будет побежден» – И в данном случае никаких оснований не доверять ей Нет. Николай Александрович только казался мягким и уступчивым человеком. Когда надо, он был решителен и тверд, и тем больнее было для него то, что в распутинский след поверили люди, которых Государь облек доверием и которые, как оказывалось, сами ему не очень доверяли.

Благороднейший Самарин был первым из этих усомнившихся. В августе 1915 года, когда министрам стало известно о готовящемся решении Николая, министр внутренних дел князь Щербатов говорил на тайном заседании Совета министров: «Не может быть сомнения в том, что решение Государя будет истолковано, как результат влияния пресловутого Распутина. Революционная и антиправительственная агитация не пропустят удобного случая. Об этом влиянии идут толки в Государственной Думе, и я боюсь, как бы отсюда не возник какой-нибудь скандал. Не надо забывать, что Великий Князь (Николай Николаевич. – *А. В.)* пользуется благорасположением среди думцев за свое отношение к общественным организациям и представителям».

Самарина на этом заседании не было, но когда несколько дней спустя он появился, то между ним, председателем Совета министров Горемыкиным и министром внутренних дел Щербатовым произошел характерный обмен мнениями:

А. Д. Самарин: «Все происходящее и в Ставке, и повсеместно

еще более утверждает меня в убеждении, что перемена командования грозит величайшими непоправимыми последствиями для всей страны. Боюсь стать скучным и надоесть Совету Министров, но все-таки не устану повторять, что наш священный долг всем вместе умолить Государя Императора отказаться от своего пагубного решения и оставить Великого Князя во главе войск. Если Совет Министров не согласится пойти на это немедленно, т. е. сегодня или завтра, то я сочту своим нравственным и верноподданническим долгом протестовать лично. При настоящих обстоятельствах, когда каждая секунда дорога и невознаградима, я не могу признать правильной тактику выжидания и затягивания.

Пред лицом грозных событий надо идти с открытым забралом, говорить правду в глаза. Между прочим, за последнее время усиленно возобновились толки о скрытых влияниях, которые будто бы сыграли решающую роль в вопросе о командовании. Я откровенно спрошу об этом Государя и я имею на это право. Когда Его Величество предложил мне принять пост Обер-Прокурора Святейшего Синода, я согласился лишь после того, как Государь Император лично сказал мне, что все эти россказни придуманы врагами престола. Но сейчас слухи становятся настолько упорными, что я буду напоминать о нашей тогдашней беседе и, если положение действительно изменилось, просить об увольнении меня от должности. Готов до последней капли крови служить своему законному Царю, но не…»

Князь Н. Б. Щербатов: «Я должен отметить, что вызов Распутина в Царское Село последовал помимо Государя Императора и что во время принятия решения он отсутствовал».

А. Д. Самарин: «Да, но во всяком случае надо положить решительными действиями предел распространению толков, подрывающих монархический принцип гораздо сильнее, чем всякие революционные выступления. Однако в данную минуту самое главное – это вопрос о командовании. Повторяю, если Совет Министров не считает возможным ко мне присоединиться, то я отправляюсь один к Государю и заявлю, что уход Великого Князя – начало гибели всего». <…>

И. Л. Горемыкин: «Я неоднократно говорил, что решение Государя бесповоротно. Оно не вчера сложилось и исходит из внутреннего убеждения. Вместо того, чтобы изматывать нашими ходатайствами нервы Государя, которому и без того страшно тяжело, наш долг сплотиться вокруг Царя и помогать ему. Что касается вопроса о влияниях, то это вторжение в сферу, нам не подлежащую. Пусть каждый поступает в личных вопросах, как ему угодно, но Совет Министров тут ни при чем».

А. Д. Самарин: «Нет, это вопрос не личный, а всей России и Монархии. Само лицо, слухи о влиянии которого болезненно волнуют всех верноподданных, имеет смелость открыто говорить, что оно убрало Великого Князя. К таким выходкам мы не можем относиться безучастно».

И. Л. Горемыкин: «Сейчас этот вопрос мною не ставится на обсуждение Совета Министров. Мы обсуждаем сообщенное Военным Министром письмо верховного главнокомандующего, и я просил бы не отвлекаться в сторону».

Позиция Самарина, как видим, совершенно последовательная, ясная и резкая. Можно не сомневаться, что до Государя она была доведена, и вот этого-то Николай Самарину не простил. Об этом они с обер-прокурором не договаривались. Самарин превысил свои полномочия.

«Как это ни трудно сказать, но мы идем быстрыми шагами по наклонной плоскости. Что всего обиднее, что собственными руками приближаем катастрофу.

Я не поклонник безусловный НН, но Россия только ему еще верит и, несмотря на отступление, верит армия. Становясь во главе армии, Г только усилит говор о немецком засилье. Боюсь, что эта перемена не пройдет даром. Всего хуже, что это не своя воля, а воля Р. День ото дня тяжелее; пока неизвестно за что, но все убеждены, под тем же влиянием уволен без прошения Джунковский! Р теперь нет, а его влияние продолжается. В четверг на докладе думаю иметь обо всем этом решительный разговор», – писал Самарин в эти же дни в одном из писем, но в отличие от многих лукавых и лицемерных царедворцев мыслей своих не скрывал и личной выгоды никогда и нигде не искал.

«Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если Царь идет во вред России, то я не могу за ним покорно следовать», – говорил он. И то, что обер-прокурор произносил эти слова и поступал искренне, значения не имело. Самарин сам подписал свою отставку, сам на нее нарвался и шел на это совершенно сознательно.

Их конфликт носил открытый, принципиальный характер, в котором уважения заслуживают обе стороны, и тем трагичнее представляется ситуация, в которой оказалась наша держава.

«Ясно помню вечер, когда был созван Совет министров в Царском Селе, – вспоминала Вырубова. – Я обедала у Их Величеств до заседания, которое назначено было на вечер. За обедом Государь волновался, говоря, что, какие бы доводы ему ни представляли, он останется непреклонным. Уходя, он сказал нам: "Ну, молитесь за меня!" Помню, я сняла образок и дала ему в руки. Время шло. Императрица волновалась за Государя, и когда

пробило 11 часов, а он все еще не возвращался, она, накинув шаль, позвала детей и меня на балкон, идущий вокруг дворца. Через кружевные шторы в ярко освещенной угловой гостиной были видны фигуры заседающих; один из министров, стоя, говорил. Уже подали чай, когда вошел Государь, веселый, кинулся в кресло и, протянув нам руки, сказал: "Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел!" Передавая мне образок и смеясь, он продолжал: "Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные, скучные речи министров, я сказал приблизительно так: 'Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня!' Некоторые министры выглядели как в воду опущенные!" Государь назвал, кто более всех горячился, но я теперь забыла и боюсь ошибиться».

Нет сомнений, что этим горячившимся более других человеком был прямой, неспособный к лести Самарин. 21 августа министры попробовали вторично повлиять на Царя и написали коллективное письмо, в котором выражали свое несогласие с решением Государя отстранить Великого Князя Николая Николаевича от командования армией и самому стать во главе ее.

Фактически остался лояльным только премьер Горемыкин, о котором Императрица писала 23 августа 1915 года: «…он возмущен и в ужасе от письма министров, написанного, как он думает, Самариным. Он не находил слов для описания их поведения…» А еще раньше она называла их «взбалмошными людьми, трусами, шумливыми, слепыми и узкими (нечестными, фальшивыми)», но очевидно, что независимо от ее эмоций оставить на министерском посту человека, который не поддерживал Государя в его принципиальном решении и практически ставил ультиматум, было невозможно.

«Все обращения отдельных министров, председателя Г. Думы, наконец, – коллективное письмо всех министров, за исключением премьера и министра юстиции Хвостова – не могли поколебать решения, сознательно принятого Государем. Все эти шаги только показали Государю, на кого из своих сотрудников Он может безусловно положиться и на кого только условно», – оценил позднее эту ситуацию Ольденбург.

«Поведение нескольких министров продолжает изумлять меня! После всего, что я им говорил на знаменательном вечернем заседании, я полагал, что они поняли меня и то, что я серьезно сказал именно то, что думал. Что ж, тем хуже для них! Они боялись закрыть Думу – это было сделано! Я уехал и сменил Н. вопреки их советам, люди приняли этот шаг как нечто естественное и поняли его, как мы. Доказательство – куча телеграмм, которые я получаю со всех сторон – в самых

трогательных выражениях. Все это ясно показывает мне одно, что министры, постоянно живя в городе, ужасно мало знают о том, что происходит во всей стране <…> Петроград и Москва – две крошечные точки на карте нашего отечества», – писал и сам Государь.

«…они, министры, переоценили роль общественной негодовательной волны. Вот она и схлынула, а государственный корабль идет. Их коллективное письмо было пережимом – расчетом на государеву слабость, – размышлял в «Красном колесе» Солженицын. – После царского реприманда было ясно, что министрам-бунтовщикам придется уходить в отставку. 26 сентября были уволены Самарин и Щербатов»Как следует и из этих документов, и из рассуждений Ольденбурга и Солженицына, Григорий Распутин по большому счету в данном случае был совершенно ни при чем (разве что он по этой логике *знал,* что происходит в стране, и являл собой нечто вроде «гласа народа», хотя, еще раз повторим, имя царского друга в письмах монарха этого периода не упоминается). Но общественное мнение винило во всем одного Распутина, а заодно Царицу, и в этой информационной войне Двор проигрывал обществу, а Петербург-Петроград – Москве. Россия же проигрывала сама себе.

«Казалось, вся интеллигентная Москва негодовала за увольнение Самарина. Самарина любило все Московское дворянство, уважало купечество и знала вся Москва с лучшей стороны. К нему особенно хорошо относилась Вел. Кн. Елизавета Федоровна. И если в Петербурге увольнение Самарина задело политические и общественные круги, то у нас это шло от разума, в Москве же недовольство шло от сердца. Казалось, будто увольнение Самарина обидело самую Москву, ее самое. И тем горячей бранили наш Петербург, бюрократию, правительство и все это сгущалось в одном чувстве недоброжелательства к Царице – Александре Федоровне. Казалось, Царица, Вырубова и Распутин самые ненавистные для Москвы люди. Настроение недовольства переходило и на Государя. Самарина чествовали банкетами. Резкие речи произносились против "темных сил"», – писал Спиридович.

«Распутинская легенда оказывала на людей парализующее влияние. Те, кто попадали под ее власть, начинали сомневаться в побуждениях Государя, ловили в Его словах отголоски чужих "влияний" и неожиданно перечили Его воле, подозревая, что за нею стоит Распутин. Такие люди, как бы добросовестно ни было их заблуждение, долго не могли верно служить Царю; с ними приходилось расставаться. Наиболее известный "случай" такого рода – А. Д. Самарин, личная безупречность и бескорыстие

которого, разумеется, выше всяких сомнений», – заключал Ольденбург. Но беда была в том, что масса подобных случаев оказалась слишком велика и в конце концов сделалась критической.

Распутинский вопрос, вопрос о темных силах обострялся с каждым днем. В конце августа министр юстиции А. А. Хвостов говорил на заседании Кабинета министров: «Должен предупредить, что, как мне говорил М. В. Родзянко, среди Депутатов пользуется большим успехом проект предъявления Министру Юстиции, в случае преждевременного роспуска Думы, демонстративного запроса о Григории Распутине и его незакономерности. Как этот запрос будет мотивирован, трудно предугадать, но замазать им рта мы не в состоянии и скандал получится небывалый. По словам Родзянко, единственный путь, чтобы предотвратить подобное выступление, это – возбуждение Министром Юстиции судебного дела против Распутина и заточение его под стражу. Я обследовал вопрос с этой стороны и убедился, что никаких материалов для вмешательства судебной власти не имеется».

Горемыкин от этой угрозы отмахнулся («Я уверен, что все это Родзянко сочинил, чтобы нас запугать. Никогда в Думе не решатся поднять такой вопрос, зная, против чего он направлен и к каким приведет последствиям. Во всяком случае правительству нечего считаться с подобными угрозами»)[50], но все равно Григорий Ефимович Распутин в который раз за истекшие десять лет после его приближения ко дворцу оказывался в центре политического скандала.

«Шум и сплетни в Петербурге увеличились с возвращением 28 сентября из Сибири Распутина, – вспоминал Спиридович. – В политических кругах стали говорить об усилении реакции, об увеличившемся влиянии "старца". Стали открыто говорить о необходимости государственного переворота. Говорили, что так дальше продолжаться не может. Необходимо назначение регента. Последним называли Вел. Кн. Николая Николаевича. Походило на то, что сторонники Великого Князя, потеряв надежду на замышлявшийся переворот, теперь задним числом разбалтывали прежние секреты. Слухи дошли до дворца».

С Распутиным в 1915 году связывали теперь всё – перемены в правительстве, отставки и назначения, военные неудачи, и постепенно в глазах общества из хитрого развратного мужика-сектанта он стал превращаться в злодея, шпиона, главного виновника всех российских несчастий. Эта демонизация шла стремительно и проникала в толпу. Если прежде Распутиным были обеспокоены православные архиереи, депутаты

Государственной думы, премьер-министры, Двор, генералы и прочие важные люди, то теперь образ злодея Гришки, докатившись до самого основания русской пирамиды, стал превращаться в разрушительную силу, которая с легкой руки газетчиков и депутатов стала называться *темной.*

«В течение последних нескольких дней Москва волновалась. Слухи об измене ходили в народе; обвиняли громко императора, императрицу, Распутина и всех придворных, пользующихся влиянием.

Серьезные беспорядки возникли вчера и продолжаются сегодня. Много магазинов, принадлежащих немцам или носящих вывески с немецкими фамилиями, было разграблено», – писал Палеолог 11 июня 1915 года, когда начались антинемецкие погромы в Москве.

И несколько дней спустя: «На знаменитой Красной Площади, видевшей столько исторических сцен, толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, передачи престола великому князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина и проч.».

К августу эти слухи выплеснулись и на страницы газет, которые с начала войны оставили было Распутина в покое, но теперь снова за него взялись.

«Воскресенье, 29 августа (то есть 16 августа по русскому календарю. – *А. В.)*. В первый раз Распутин стал предметом обсуждения в печати. До нынешнего дня цензура и полиция предохраняли его от всякой критики в газетах. Поход ведут «Биржевые Ведомости», – записывал Палеолог. – Все прошлое этого лица, его низкое происхождение, его кражи, его развращенность, его кутежи, интриги, весь скандал его сношений с высшим обществом, высшей администрацией и высшим духовенством – все это выставлено на свет. Но, очень искусно, не сделано ни малейшего намека на его близость к государю и к государыне. «Как, – пишет автор статей, – как это возможно? Каким образом этот низкий авантюрист мог так долго издеваться над Россией? Не поражаешься ли, когда подумаешь, что официальная церковь, св. синод, аристократия, министры, сенат, многие члены Государственного Совета и Государственной Думы могли вступать в соглашение с таким мерзавцем? Не самое ли это ужасное обвинение, какое только можно предъявить всему государственному строю. Еще вчера общественный и политический скандал, вызываемый именем Распутина, казался вполне естественным. Но теперь Россия желает, чтобы это прекратилось». Хотя факты и анекдоты, сообщаемые «Биржевыми Ведомостями», и были всем известны, тем не менее

опубликование их производит величайший эффект. Восхищаются новым министром внутренних дел, князем Щербатовым, позволившим напечатать эту злую статью. Но единодушно предсказывают, что он недолго сохранит свой портфель».

Еще более ярко антираспутинские настроения сказались в анонимной заметке «Опять Распутин», помещенной в газете «Вечернее время» 17 августа 1915 года. В ней содержались обвинения Распутина в германофильстве и призыв к министру юстиции А. А. Хвостову и обер-прокурору А. Д. Самарину привлечь Распутица «к гражданскому и церковному суду, от которого его спасли Щегловитов и Саблер».

Даже несмотря на то, что статьями о Распутине к 1915 году было никого не удивить, эта заметка произвела на воюющую Россию впечатление страшное.

«Где тут правда, конечно, сказать трудно. Но все это создает крайне благоприятную почву для всяких нападок, [о чем] Свидетельствует следующая статья, появившаяся сегодня в "Веч<ернем> Времени", – писал у себя в дневнике Великий Князь Андрей Владимирович. – Подчеркнутые слова ясно указывают, куда метили[51] <…> Но кто же станет писать опровержения? Единственный способ теперь – это обелить себя решительным действием, покончить с Распутиным, виновен ли он или нет. Все равно, что он делал и кто он такой. Важно лишь одно, что благодаря ему есть лицо, которое подвержено публичным нападкам весьма гадкого свойства, и этого вполне уже достаточно, чтобы быть осторожным и не возбуждать народного негодования, когда и без того в стране не все очень благополучно».

Именно с этой статьей генерал Спиридович связывал увольнение от дел Джунковского, о чем уже говорилось в предыдущей главе.

«В следующие дни все разговоры вертелись около Распутина, тем более, что в "Биржевых Ведомостях" и в "Вечернем Времени" появились статьи о Старце. И если в первой, еврейской по издателю, газете там была вполне приличная биография (что несколько расходится с вышеприведенной цитатой из дневника Палеолога. – *А. В.),* то во второй, считавшейся по имени Суворина правой и националистической, была сплошная клевета и клевета гнусная на него.

Этому не удивлялись, потому что всегда под хмельными парами Борис Суворин дружил с Гучковым. На Распутина клеветали, что Старец агитирует за сепаратный мир, что он пользуется покровительством немецкой партии, что за ним числится несколько судебных дел, прекращенных Щегловитовым.

Все это была сплошная неправда, но публика всему этому верила, понимая между строк, что за всем этим стоит Императрица. Считавшийся патриотом, Борис Суворин вел тогда самую преступную антипатриотическую журнальную работу. Все это печаталось при наличности военной цензуры. Возмущенный Государь вызвал в один из тех дней Начальника Округа генерала Фролова и сделал ему строгое внушение. Генерал пригласил соредактора "Биржевых Ведомостей" Гаккебуша-Горелова и уже разругал его по военному, грозя и ссыпкой, и Сибирью. Горелов ссылался на разрешение военной цензуры и был прав.

За него перед Фроловым и заступился заведовавший военной цензурой генерал Струков, добряк-старик, уж никак к роли цензора, да еще во время войны, неподходящий, и дело заглохло.

Но в Царском Селе считали, что все, что касается печати, зависит от министра Внутренних дел, теперь от Щербатова, а потому и винили Щербатова в излишней мягкости, если не в попустительстве. Его считали ставленником и сторонником В. Кн. Николая Николаевича. Дни его были сочтены», – писал Спиридович.

И его мнение подкрепляется строками из письма Императрицы к мужу от 17 сентября 1915 года: «…С. и Щ. (то есть Самарин и Щербатов. – *А. В.)* просто нас продают – такие трусы!»

Продажность и трусость Самарина и Щербатова проявились, по мнению Государыни, в том, что они не обуздали печать, позволили развязаться новому витку антираспутинской газетной кампании и сами принимали в ней участие: «С. и Щ. клевещут так много на Григ. Щербатов показывал телеграммы твои, нашего Друга и Варнавы многим лицам. Подумай, какая гадость (про Иоанна Макс)! Это были частные телеграммы!»

Только вот горький парадокс: Самарин со Щербатовым кем угодно были, но только не трусами и не предателями.

«Самарин и Щербатов были дилетанты, и этот их дилетантизм сказался очень скоро», – жестко, но по сути верно оценивал двух министров Вл. И. Гурко. Спиридович приводил в мемуарах мнение своего приятеля, журналиста, связанного с Министерством внутренних дел: «Самарин – барин из Москвы, настраиваемый Москвою, будирует против Царского Села и буквально революционизирует Совет министров. Несмелые к нему прислушиваются, идут за ним». И при всей симпатии и уважении к Самарину скидывать это мнение со счета невозможно. Трагедия последних лет русского царствования в том и заключалась, что люди и их роли катастрофически не совпадали – один из самых верных признаков «смутного времени». Все стремительно менялось, падали одни сановники и возвышались

другие, консерваторы оказывались революционерами, шла министерская чехарда, особенно опасная во время войны, и только Распутин был непотопляем.

«Григорий торжествует победу по всему фронту церковной и государ, жизни», – признавал Новоселов в письме Флоренскому 28 сентября 1915 года, а тремя неделями раньше всю страну облетела скандальная фраза, произнесенная на съезде земского и городского союза, открывшегося в Москве: «Нам нужна власть с хлыстом, а не власть, которая сама под хлыстом».

«Хлесткая фраза Гурко на сентябрьском съезде <…> должна быть в значительной степени отнесена к обычным демагогическим приемам», – утверждал впоследствии в книге «На путях к дворцовому перевороту» С. П. Мельгунов. Но резонанс был огромный.

«Это – клеветническая двусмыслица, направленная против тебя и нашего Друга. Бог их за это накажет. Конечно, это не по-христиански так писать – пусть Господь их лучше простит и даст им покаяться», – писала Императрица мужу. Распутин же оставался вне подозрений, и Государь продолжал с ним встречаться. Вопреки утверждениям, что происходило это очень редко, дневник Императора свидетельствует об обратном.

«28-го сентября. Понедельник. Вечер провели хорошо у Ани с Григорием».

«21-го октября. Среда. Вечером видели Григория у Ани».

«21-го ноября. Суббота. Вечером посидели у Ани с Григорием».

«6-го декабря. Воскресенье. После обеда приехал Григорий; посидели вместе у кровати Алексея».

Последняя запись нуждается в комментарии.

«3-го же декабря Государь с Наследником выехал из Могилева для осмотра войск Гвардии. Эта поездка едва не стоила жизни Наследнику. Еще накануне Алексей Николаевич простудился и схватил сильный насморк. 3-го, от сильного чиханья началось кровотечение, продолжавшееся с перерывами весь день. Это было уже в поезде. В пути лейб-хирург Федоров признал положение опасным и вечером посоветовал Государю вернуться в Могилев. Императорский поезд повернул обратно, а Царице была послана телеграмма с просьбой приехать на 6 декабря, день Ангела Государя, в Могилев. Утром 4-го приехали в Могилев. Наследник очень ослаб. Температура 39 градусов. Федоров доложил Государю, что считает необходимым немедленно везти больного в Царское Село. Государь съездил из поезда в штаб и в 3 часа выехали в Царское Село. Днем температура спала, самочувствие улучшилось, но к вечеру жар

поднялся. Силы падали, кровотечение не унималось. Несколько раз останавливали поезд, чтобы переменить тампоны в носу. Ночью положение ухудшилось. Голову лежавшего Наследника поддерживал все время матрос Нагорный. Два раза мальчик впадал в обморок. Думали, что умирает. В Царское послали телеграмму, чтобы никто не встречал.

В 6 ч. 20 м. утра больному стала лучше. Кровотечение прекратилось. В 11 ч. утра поезд осторожно подошел к павильону Царского Села. Встретила одна Императрица. Государь успокаивал ее, сказав, что кровотечение прекратилось, стало лучше. Царица спросила Жильяра, когда именно прекратилась кровь. Тот ответил: "В 6 ч. 20 м.". "Я это знала", ответила Императрица и показала полученную от Распутина телеграмму, в которой значилось: "БОГ ПОМОЖЕТ, БУДЕТ ЗДОРОВ". Телеграмма была отправлена Распутиным в 6 ч. 20 м. утра.

С большими предосторожностями больного перевезли во дворец. Вновь открылось кровотечение. Сделали обычное прижигание железом, не помогло. Царица вне себя от отчаяния. Бедный мальчик лежал белый, как воск, с окровавленной ватой у носа. Казалось, что умирает. Царица приказала вызвать Григория Ефимовича. Он приехал».

Прервем Спиридовича и дадим слово Белецкому:

«Но он (Распутин) в тот день не поехал в Царское и, как потом передавал, сделал это сознательно, чтобы "помучился" Государь и только по телефону передал, чтобы положили Наследника в кровать, а сам выехал лишь на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, что теперь Государь будет слушаться его советов. После этого, действительно, не только увеличилось его влияние во дворце, но на время прекратились и выезды Наследника в ставку».

«С огромными предостережениями перенесли его из поезда, – вспоминала Вырубова. – Я видела его, когда он лежал в детской: маленькое восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревенко возились около него, но кровь не унималась. Федоров сказал мне, что он хочет попробовать последнее средство – это достать какую-то железу из морских свинок. Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила от нее записку с приказанием вызвать Григория Ефимовича. Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу, по их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, сказав родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось. Государь на следующий день уехал в

Ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло. Но это – факт».

Спиридович: «Его привели к больному. Распутин подошел к кровати. Пристально уставился на больного и медленно перекрестил его. Затем сказал родителям, что серьезного ничего нет. Им нечего беспокоиться. И, как будто усталый, он вышел из комнаты. Кровотечение прекратилось. Больной мало-помалу оправился. Естественно, что Императрица приписала спасение сына молитвам "Старца". И вера в молитвы "Старца", вера в его угодность Богу еще более окрепла в ней. Она была несокрушима, как гранитная скала. В ней была вся сила Распутина».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Солонеет и Ольденбург о Распутине, аристократах и распутинской легенде. Волшебный гребень друга. Изгнание князя Орлова. Заговор против Императрицы. Хвостовщина. Три товарища. Кто старое помянет… Новое покушение. Провал агента Ржевского. Отчаяние Александры Федоровны. Новый нулевой вариант. Никто не хотел защищать. Запах страха. Пророчество Гавриила

«В 1914—1917 годах самое страшное изобретение революции было сделано петербургской аристократией. Это – распутинская легенда. Напомню: он был единственным, кто поддержал жизнь Наследника престола, который был болен гемофилией. Против гемофилии медицина бессильна. Распутин лечил гипнозом. Это была его единственная функция – никакой политической роли он не играл. При рождении – и при почти конце этой легенды – я присутствовал сам. Родилась она в аристократических салонах: русская аристократия русскую монархию не любила очень – и наоборот.

За эту сплетню милюковцы ухватились руками и зубами: это было именно то, чего не хватало. "Проклятое самодержавие" на массы не действовало никак. Но Царица – изменница, шпионка и любовница пьяного мужика. И Царь, который все это видит и терпит. И армия, которая за все это платит кровью.

Итак, лозунг был найден. Патриотический и даже антимонархический, что и было нужно. Царь – дурак, пьяница и тряпка. У него под носом его жена изменяет с изменником Распутиным, он ничего не видит – Царя нужно менять».

Так писал много лет спустя после окончания распутинской истории верный монархист и блестящий публицист Иван Лукьянович Солоневич. Со всем этим очень хотелось бы согласиться. Но как ни сладко думать, что никакого политического влияния Распутин на страну не оказывал, слухи были лишь слухами и умелой пропагандой, а виноваты во всем русские аристократы да Гучков с Милюковым; к сожалению, и документы, и мемуары, и показания свидетелей говорят о том, что это не совсем так. Причем речь идет о людях, настроенных по отношению к Распутину отнюдь не враждебно.

«Влияние Распутина на государственные дела несомненно. Через него разные темные личности за деньги проделывали самые разнообразные операции. Несомненно, что от них перепадало и Распутину, так как он других средств к жизни не имел, но

львиная доля все же доставалась присосавшимся к нему разного рода "дельцам". На меня Распутин производил впечатление умного и хитрого мужика, тешившегося тем, что по его желанию смещались и назначались министры, и не желавшего расстаться со своим влиянием», – показывал на следствии начальник петроградского охранного отделения К. И. Глобачев.

«Переписка Государя и Государыни, – опубликованная советской властью, – дает возможность документально установить, насколько неверно было представление о властном влиянии Распутина на ход государственных дел, – косвенно возражал С. С. Ольденбург. – Эти письма показывают с очевидностью, что если Государыня действительно верила Распутину, как "Божьему человеку", и готова была бы следовать его указаниям, Государь совершенно с этими указаниями не считался. Представление о политическом влиянии Распутина было поэтому легендой – вредной легендой. Она вносила смуту в умы, сбивала с толку людей правых взглядов».

Все так, Император и в самом деле не слишком прислушивался к Распутину, но он прислушивался к Императрице, а вот ее политического влияния не станет отрицать никто.

И прежде всего сама Государыня: «А Н. (Великий Князь Николай Николаевич. – *А. В.)* знает мою волю и боится моего влияния (направляемого Григ.) на тебя – это все так, мой дружок», – писала она, верившая Распутину безоглядно, и заклинала: «Не забывай расчесывать волосы перед всяким трудным разговором или решением – эта маленькая гребенка принесет помощь» (23 августа 1915 года).

«Не забудь перед заседанием министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его гребнем», – обращалась к мужу три недели спустя, и гребень Распутина с ее подачи расчесывал не только волосы русского царя.

Опять же разнообразных слухов, мифов и легенд о распутинском всесилии ходило гораздо больше, чем это влияние реально проявлялось, но это не значит, что влияния не было вовсе. Оно носило более косвенный, нежели прямой характер, но с именем Распутина оказывалась связана любая громкая отставка или назначение.

«Перед отъездом он (Николай II. —*А. В.)* подписал приказ, который всех удивляет и печалит: он уволил, без всяких объяснений, начальника своей военно-походной канцелярии князя Владимира Орлова, – записал Палеолог в дневнике. – Связанный с Николаем II двадцатилетней дружбой, в силу своих обязанностей посвящаемый в самую интимную, ежедневную

жизнь государя, но сохранявший всегда по отношению к своему повелителю независимость характера и откровенность речи, – он не переставал бороться с Распутиным. Теперь в окружении их величеств не осталось более никого, кто бы не был послушен старцу».

На первый взгляд это и есть классический пример распутинской легенды, а также проявления слабости Царя и его зависимости от воли Царицы: по желанию жены удалил от себя верного друга.

Однако если копать глубже, то выясняется, что все очень непросто в той давней истории. Апологеты Распутина однозначно называют В. Н. Орлова вслед за Великим Князем Николаем Николаевичем масоном, хотя прямых доказательств этому не приводят. Ни Б. Николаевский, ни Н. Берберова, на книги которых часто ссылаются, говоря о русских масонах, о масонстве Орлова ничего не пишут. Что же касается Великого Князя Николая Николаевича, то о нем в работе Берберовой «Люди и ложи» говорится так:

«К двум заговорам, в которых ведущую роль играли масоны, необходимо прибавить еще один, к которому они тоже были причастны, хотя и в меньшей степени. В центре этого заговора оказался вел. кн. Николай Николаевич, которого летом 1915 г. царь услал на Кавказ, заняв, на радость царице, его место Верховного Главнокомандующего.

Царица усердно писала царю, что "Николашу" надо убрать, что он знается с членами Гос. Думы, завидует царю и хочет сесть на его место. Вся же остальная Россия, начиная с ультраправого депутата Пуришкевича, понимала, что этот царский шаг еще больше приблизит его к гибели, а Россию – к катастрофе.

Участники этого заговора решили осенью 1916 г. выждать удобную минуту и убрать царя, после чего посадить на престол конституционного монарха, вел. кн. Николая Николаевича. Этот последний, живший в это время в Тифлисе, видимо, не делал никаких шагов, чтобы поощрить заговорщиков, но не говорил им и категорического "нет".

Николай Николаевич был когда-то мартинистом. Известно, что он поддерживал дружеские отношения с русскими масонами; в частности, одним из его ближайших друзей был Александр Иванович Хатисов, городской голова Тифлиса, член к.-д. партии, председатель Кавказского Земгора и масон 33 степени. Хатисов был членом Гос. Думы, армянин, женатый на русской: Они с женой бывали на официальных приемах у великого князя, теперь – Главнокомандующего Кавказской армией, иначе говоря – южного фронта. А кроме того, Хатисов имел "свободный вход" к

Николаю Николаевичу во всякое время, что очень ценил.

История этого заговора погребена в наполовину истлевшем номере русской эмигрантской газеты "Последние новости" (22 апреля 1928 г.), выходившей в Париже в 1920 —1940 гг. Теперь ее можно получить в некоторых книгохранилищах США на микрофильме, но, к сожалению, к моменту, когда ее решили переснять, текст был сильно испорчен временем. Автор этой мемуарной статьи, С. А. Смирнов, был масоном 30°, и называлась она "История одного заговора". Тот факт, что историк П. Н. Милюков, редактор "Последних новостей", напечатал эту статью, будучи сам, хотя и в очень слабой степени, причастен к заговору, придает рассказу максимум достоверности».

Достоверность сомнительная, да и книга Берберовой едва ли может рассматриваться как истина в последней инстанции (не зря к ней довольно скептически относился Вадим Валерьянович Кожинов), но в любом случае об Орлове как о масоне у Берберовой нет ни слова, а масонство Великого Князя Николая Николаевича можно считать довольно условным.

И все же история с Орловым, Великим Князем Николаем Николаевичем и их заговором не есть плод больной фантазии нынешних борцов с масонскими кознями. О князе Орлове писал симпатизировавший ему протопресвитер Шавельский, и если ему верить (а в данном случае, повторим, он свидетель защиты, а не обвинения), то оказывается, что независимо от того, был Орлов масоном или не был, самые близкие к Государю люди, и возможно люди очень благородные, честные и монархически настроенные, каким несомненно был Орлов, или превращались во врагов Императора, или во врагов его политики, и Государь вынужден был их от себя удалять.

«В первые же дни пребывания Государя в Ставке я обратил внимание на то, что почти ежедневно, после обеда, в 10-м часу вечера к великому князю в вагон заходил начальник походной Канцелярии Государя, в то время самый близкий человек к последнему, свиты его величества генерал князь В. Н. Орлов и засиживался у великого князя иногда за полночь, – вспоминал Шавельский. – О чем беседовали они? Из бесед с великим князем, как и с Орловым, я вынес определенное убеждение, что в это время обоих более всего занимал и беспокоил вопрос о Распутине, а в связи с ним и об Императрице Александре Феодоровне. Я, к сожалению, не могу сказать, к чему именно сводились pia desidena того и другого в отношении улучшения нашей государственной машины. Но зато с решительностью могу утверждать, что как великий князь, так и князь Орлов в это время уже серьезно были озабочены государственными неустройствами,

опасались возможности больших потрясений в случае непринятия быстрых мер к устранению их и первой из таких мер считали неотложность ликвидации распутинского вопроса».

Великий Князь Николай Николаевич предстает в мемуарах Шавельского как государственник и патриот, некогда совершивший трагическую ошибку («Представьте мой ужас: Распутин ведь прошел через мой дом!») и много раз пытавшийся укротить Распутина, но мужик оказывался сильнее. Главной виновницей такого положения дел Великий Князь считал Императрицу: «В ней все зло. Посадить бы ее в монастырь, и все пошло бы по-иному, и Государь стал бы иным. А так приведет она всех к гибели».

Мнение Николая Николаевича разделял князь Орлов, который, как писал протопресвитер, «будучи самым преданным из всей свиты слугой Государя… чрезвычайно скорбел из-за страшного несчастья, каким он считал влияние Распутина на царскую семью, и принимал все меры, чтобы ослабить такое влияние. Но все усилия князя Орлова привели лишь к тому, что царица, считавшая всех врагов Распутина своими личными врагами, возненавидела его, а царь, хоть наружно не изменял прежнего доброго отношения, но уже, под влиянием жены, был готов в каждую минуту отвернуться от него».

О Распутине и «распутинском настроении царской семьи» беседовали два русских аристократа и не слишком скрывали, что «они так именно понимают создавшуюся обстановку и что единственный способ поправить дело – это заточить царицу в монастырь, – писал Шавельский. – Но осуществить такую меру можно было бы только посредством применения известного рода насилия не только над царицей, но и над царем. А на такой акт в то время оба они были не способны: оба они были идеально верноподданны. Поэтому их разговоры в то время и не шли далее разговоров. Но оба князя забывали, что в царских дворцах и ставках и *стены имеют уши.* Поэтому их благонамеренные беседы оказались небезопасными. Нет никакого сомнения, что в Ставке вообще, а во время пребывания Государя в особенности, за великим князем, как и за князем Орловым, присматривали; следили за каждым их шагом, ловили каждое их слово. Аккуратные, ежедневные, продолжительные, тянувшиеся иногда за полночь, посещения князем Орловым великого князя, конечно, не могли остаться не замеченными и не проверенными агентами противников великого князя. (Письмо Императрицы от 16 июня 1915 г. подтверждает это: за вел. князем и кн. В. Н. Орловым все время следил ген. Воейков.)».

Сам Шавельский, судя по его книге, планам заговорщиков в

душе симпатизировал, но активного участия в них не принимал.

«…на почве распутинской истории у меня с князем Орловым завязались откровенные и дружеские отношения. В этот приезд Государя он раза два заходил ко мне, и мы делились с ним наболевшими переживаниями. Один раз у него вырвалась фраза: "Я много дал бы, если бы имел какое-либо основание сказать, что Императрица живет с Распутиным. но по совести ничего подобного не могу сказать". Эта фраза получает особенное значение ввиду того, что князю Орлову, как никому другому, было известно все сокровенное в жизни царской семьи, и служит лучшим опровержением той грязной, к сожалению, весьма распространенной сплетни, будто бы влияние Распутина утверждалось на нечистой связи с молодой Императрицей».

Понятно, что протопресвитер приводит слова Орлова, чтобы опровергнуть лживые слухи о Государыне, но все равно было бы очень странно, если бы Государь продолжал удерживать человека с таким образом мыслей подле себя.

О настроениях князя Орлова писал и другой хорошо осведомленный свидетель – генерал Спиридович:

«Сплетня о плане заточения Императрицы распространялась среди обслуживавших Государя лиц <…> и шла из купе князя Орлова. В ту поездку князь Орлов позволил себе как-то особенно резко бранить Государыню, не стесняясь тем, что в соседних вагонах находился сам Государь, а нехорошие эпитеты князя слышали не только собеседники князя, но и прислуга и фельдъегерские офицеры, вертевшиеся тут же в его купе-канцелярии.

Это вызывало тогда большие разговоры. При дряхлости министра двора, никто не мог воздействовать на князя.

В один из вечеров того пребывания в Барановичах, генерал Дубенский, большой патриот и не менее большой болтун, предложил мне настойчиво прокатиться на автомобиле, так как ему, кстати, надо и кое-что мне сказать. Когда мы отъехали довольно далеко, генерал исподволь, осторожно стал рассказывать мне, что существует план заточения Императрицы в монастырь. Что замысел этот идет из ставки и что к нему причастен князь Орлов, что особенно и озабочивает его, Дубенского. А князь даже рассказывал это, по секрету, конечно, лейб-хирургу Федорову. От Федорова это услышал Дубенский и вот он считает, что это надо бы доложить Дворцовому коменданту. Я слушал молча, обдумывая как выйти перед Дубенским из щекотливого положения, создаваемого рассказом, в котором была доля правды, о которой уже знал Воейков.

"Что за вздор, Димитрий Николаевич, – сказал я наконец. –

Заточить Царицу в монастырь при живом-то Государе. Да разве это возможно. А как же с Государем-то будет. Ведь это же заговор, революция…"

Дубенский молчал[52]. Видимо он не ожидал, что я буду реагировать именно таким образом. Слух об заточении сделался достоянием всей свиты. Знала о нем и прислуга. Дошло и до Их Величеств. Знали дети. Лейб-хирург Федоров лично рассказывал мне (и другим), что, придя однажды во дворец к больному наследнику, он увидел плачущую Вел. Кн. Марию Николаевну. На его вопрос что случилось, Великая Княжна сказала, «что дядя Николаша хочет запереть 'мама' в монастырь». Сергею Петровичу пришлось утешать девочку, что все это, конечно, неправда.

В тот же прошлый приезд в Барановичи уже было обращено внимание на странную дружбу, возникшую у князя Орлова с Вел. Кн. Николаем Николаевичем. Будучи в Барановичах, князь Орлов каждый день ходил к Великому Кн., часто с портфелем и иногда они ездили вместе кататься на автомобиле. Все это знал и видел из окон своего вагона Государь. Он не скрывал иногда тонкой иронии, указывая лицам свиты за пятичасовым чаем на уезжающих друзей.

Знавшим характер Государя было ясно, что эта новая дружба не очень нравится Государю. Слухи о какой-то интриге, которую как бы боялись называть своим настоящим юридическим термином, т. е. заговором, были столь настойчивы, что даже такой осторожный и тонкий человек, как Мосолов, и тот имел беседу с графом Фредериксом. Последний не хотел верить в серьезность слухов, называл их сплетнями, и тогда так и решили во дворце, что это великосветская сплетня, пущенная князем Орловым. Ему приписывали много удачных острот и словечек.

Но вот теперь, в настоящую поездку, в настоящий момент, в связи с пришедшими из Москвы сведениями об устранении Государя, слух о заточении Императрицы приобретал большой смысл и получал серьезный характер.

Тогда же я получил письмо доклад из Петербурга, где мне достоверно сообщали, что в кружке А. А. Вырубовой уже имеются сведения о заговоре, о том, что хотят использовать Вел. Кн. Николая Николаевича, что Государыня хорошо осведомлена об интригах и что уехавший 15 числа на родину Распутин советовал остерегаться заговора и "Миколу с Черногорками". Из Царского мне писали, что настроение Императрицы болезненное, пасмурное, нервное. Что Царица недовольна всем, что произошло в Ставке, что она рвет и мечет на Орлова, Дрентельна, Джунковского».

Из мемуаров Шавельского и Спиридовича однозначно следует, что опасения Императрицы на счет Орлова и Николая Николаевича не были напрасными.

«К завтраку пришел генерал Комаров[53]. Он рассказывал мне, что Орлов также смещен, – писала 23 августа 1915 года в дневнике вдовствующая императрица Мария Федоровна. – Это какое-то сумасшествие: удалить такого верного и преданного из друзей, как он. Невероятно. Так мало друзей, и тех выкидывают».

Но в том и беда была, что, начиная с какого-то момента, и Орлов, и Николай Николаевич перестали быть верными и преданными друзьями семьи. Они хотели быть друзьями только Царя, но не Царицы и стремились их разделить, чтобы спасти Государя от дурного и опасного, по их мнению, влияния.

«Он, не моргнув глазом, приказал бы повесить Распутина и засадить Императрицу в монастырь, если бы дано было ему на то право», – отзывался Шавельский о Великом Князе, и совершенно очевидно, что примириться с этим Государь не мог.

«Попытки отдельных лиц (Балашов, Орлов) повлиять на государя, дабы парализовать влияние императрицы, успеха не имели. И в придворных кругах против императрицы началась закулисная борьба, подчас переходившая в заговоры К этим конспирациям имели отношение многие из великих князей», – рассказывала Роману Гулю графиня Л. Н. Воронцова-Дашкова.

«В Ставке великая княгиня не скрывала своих чувств к Императрице и откровенно высказывалась, что считает ее виновницей всех наших неурядиц. Мысль о необходимости поместить Императрицу в монастырь не раз повторялась ею. Решительная и острая на язык сестра ее, великая княгиня Милица Николаевна, не могла быть ни более снисходительной к Императрице, ни более сдержанной. В Ставке, в свите великого князя рассказывали, что во время этого пребывания великих княгинь в Петрограде князь Орлов ежедневно бывал у них. Что они часто и несдержанно говорили с Орловым об Императрице, – не может быть сомнений. Но также несомненно, что теперь как за князем Орловым, так и за великими княгинями зорко следили. Ежедневное посещение великих княгинь Орловым и содержание бесед на Фонтанке быстро становилось известным Императрице, которая начинала принимать болтовню за настоящее дело», – вспоминал протопресвитер, но никаких оснований считать все происходившее только болтовней нет.

«Дж. и Орл. следовало бы прямо сослать в Сибирь. По окончании войны тебе надо будет произвести расправу. – Почему это должны оставаться на свободе и на хороших местах те, кто все подготовил, чтоб низложить тебя и заточить меня, а также

Самарин, который все сделал, чтобы натворить неприятностей твоей жене?» – писала хорошо осведомленная обо всем Императрица в январе 1916 года, когда интриги, направленные против нее, не осуществились. Но ту же стратегию позднее возьмут на вооружение другие Великие Князья и русские аристократы, и она приведет к *делу* — то есть к убийству Распутина, направленному в первую очередь против Императрицы, и весь ход событий русской истории после декабря 1916 года докажет пагубность такой политики.

Здесь тот самый случай, о котором говорят, что это хуже, чем преступление, это – ошибка. Получался трагический, замкнутый круг: Государыня своим безудержным доверием к Распутину восстанавливала против себя российскую элиту и подталкивала ее к заговору (именно так: заговору *против* Императрицы, а не заговору Императрицы, как сочинили в 1920-е годы Павел Щеголев с Алексеем Толстым в известной пьесе), а заговорщики вынуждали Александру Федоровну держаться за Распутина, как за едва ли не единственно верного ей человека. И опять все сходилось, замыкалось, как в электрической сети, на этом странном мужике.

Начиналось с помощи больному ребенку, а заканчивалось попытками управлять державой. И в обоих случаях казалось: вот он, единственный помощник и заступник.

«У Императрицы складывается определенного рода иллюзия: Распутин послан Богом, будет Распутин рядом – Царевич будет жить, потому что рядом будет тот, кто может его своей молитвой спасти. Все личные семейные моменты постепенно переносятся на государственную жизнь: Распутин послан не только для спасения Царевича, он послан для спасения Государя, государства, – охарактеризовал роль Распутина при дворе современный историк Церкви протоиерей Георгий Митрофанов. – Не Государственная Дума, не государственные бюрократы, а именно он, представитель народа, будет тем пророком при православном Государе, который будет ему возвещать волю Божию. Начинается усиление Распутина, которого, разумеется, начинают использовать разного рода люди, и светские, и духовные, пытаясь с помощью его заступничества сделать себе карьеру».

Это – было, но никакого криминала в виде государственной измены в отношениях Императрицы и ее друга – не было, как не было прежде и криминала семейного и измены семейной. Криминал был лишь в том, что Распутин оказался пророком ложным. По крайней мере в вопросах кадровых. И это тоже не было преступлением. Это тоже было хуже – ошибкой.

Став во главе армии, Николай заменил нескольких членов

кабинета, и на этот раз ни Государыня, ни Распутин в стороне от новых назначений не остались.

«Подумай, женушка моя, не прийти ли тебе на помощь к муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполняла этой обязанности давно уже, или хотя бы во время войны!

Я не знаю более приятного чувства, как гордиться тобой, как я гордился все эти последние месяцы, когда ты неустанно докучала мне, заклиная быть твердым и держаться своего мнения».

И Императрица на помощь к мужу пришла: кандидатура нового министра внутренних дел А. Н. Хвостова была не просто с Александрой Федоровной согласована, но ею прямо предложена с учетом безопасности Распутина прежде всего. Это – факт, от которого никуда не денешься: интересы престола и интересы Распутина были для Царицы тождественны, и всякий, кто выступал против Распутина, выступал против Императора и его власти.

«…он враг Гр. и мой, а следовательно и твой», – писала Императрица о Самарине. «Разве ты не можешь понять, что человек, который стал просто предателем Божьего человека, не может быть благословлен и дела его не могут быть хорошими?» – вопрошала она еще ранее о Великом Князе Николае Николаевиче.

Но дело было не только в этой «железной» логике, призванной из-за Распутина устранить людей достойных, а в том, что сибирский крестьянин невольно тянул за собой откровенных негодяев (как притянул когда-то Илиодора). И это тоже факт: через опытного странника во дворец входили те самые измена, трусость и обман, которые губили империю.

Позднее Александра Федоровна горько каялась, но поначалу ей казалось, что выбор сделан превосходный, и Хвостов – как раз та кандидатура, которая нужна, хотя опытный Горемыкин был против, но Императрица послушала не его, а совсем других лиц:

«Некоторые боятся моего вмешательства в государственные дела (все министры), а другие видят во мне помощника во время твоего отсутствия (Андрон., Хвостов, Варнава и другие).

Это доказывает, кто тебе предан в настоящем значении этого слова, – одни меня ищут, другие избегают – разве не так, дорогой мой?»

К несчастью, дальнейший ход событий показал, что по крайней мере двое из этих трех «ищущих» – Андроников и Хвостов – оказались совсем не теми, на кого можно было рассчитывать, но именно им доверилась Государыня.

29 августа 1915 года: «Любимый мой, Аня только что видела

Андр. и Хвостова, – последний произвел на нее прекрасное впечатление. Он очень тебе предан, говорил с ней спокойно и хорошо о нашем Друге, рассказал, что на завтра готовился запрос в Думе о Гр. просили подписи Хвост., но он отказал…»

11 сентября: «Он очень энергичен, никого не боится, и всецело предан тебе, что самое важное в нынешнее время <…> Он не такой трус и тряпка, как Щ[ербатов]».

16 сентября: «Гр[игорий] телеграфировал, что Суслик должен возвратиться, и дал нам понять, что Хвостов подойдет. Помнишь, Он однажды ездил к нему в Нижний Новгород (я думаю, по твоему желанию)».

17 сентября: «Он уже раз вовремя остановил запрос о нашем Друге в Думе <…> Теперь когда и Гр. советует взять Хвостова, я чувствую, что это правильно, и потому приму его <…> дай Бог, чтобы ты был хорошего мнения о нем!»

И в этом же письме: «Я больше часа говорила с "Хвостом" и полна наилучших впечатлений <…> Такая ясная голова, так отлично понимает всю тяжесть положения и как можно справиться с этим! <…> Ты бы наслаждался работой с этим человеком. Тебе не пришлось бы ни подгонять его ни подталкивать, он одинаково добросовестно работал бы с тобою и в твое отсутствие <…> Он говорит, что старик его боится, потому что стар и не может примениться к новым требованиям <…> Право, дружок, он, по-моему, самый подходящий человек, и наш Друг об этом намекал А. – в своих телеграммах».

18 сентября: «Я с удовольствием вспоминаю разговор с Хвостовым и жалею, что ты его не слышал, – это человек, а не баба и такой, который не позволит никому затронуть, и сделает все, что в его силах, чтобы остановить нападки на нашего Друга, – как он тогда их остановил <…> Я надоедаю тебе этим, но хотелось бы тебя убедить, будучи честно и сознательно сама в этом уверенной, что этот толстый, опытный и молодой человек – тот, которого бы ты одобрил».

С Хвостовым Распутин впервые познакомился в 1911 году, когда тот занимал должность нижегородского губернатора. По версии Коковцова, Государь, уже тогда недовольный Столыпиным и подыскивавший ему замену, отправил Распутина вместе с журналистом Сазоновым с негласной миссией посмотреть, что Хвостов за человек. «Сазонов, в подтверждение силы и влияния Распутина, рассказал мне, что еще весною 1911-го года, когда, по-видимому, Столыпин и не помышлял о расшатанности своего положения, хотя многие уже и тогда открыто говорили, что осенью его уволят, – он, Сазонов, вместе с Распутиным ездил в Нижний Новгород, по указанию Царского Села (для меня было

неясно, кто именно дал ему это поручение, и не было ли это просто выдумано, чтобы придать себе значения), чтобы познакомиться с Хвостовым и сказать, "годится ли он в Министры Внутренних Дел". По словам Сазонова, они были приняты в Нижнем "на славу", их кормили, поили и забавляли, "что лучше невозможно" и после того, что они близко сошлись с Хвостовым, Распутин спросил его, согласен ли он быть Министром Внутренних Дел, с тем, однако, чтобы на должность Председателя Совета Министров был снова назначен Гр. Витте и чтобы об этом просил сам Хвостов. Последний от такой комбинации будто бы отказался, наотрез, сказавши, что он с Витте вместе служить не может и тогда, вернувшись в Петербург, Распутин сказал будто бы, что Хвостов "хорош»

"шустёр", но очень молод. Пусть еще "погодит". Через полгода тот же Хвостов в Киеве был предложен мне в Министры Внутренних Дел. Точность всего сказанного остается на совести Сазонова», – писал Коковцов.

Точность сказанного отчасти подтверждал и сам Хвостов на допросе весной 1917 года, хотя прием, оказанный им Распутину, подавался в его показаниях в ином ключе:

«…я был губернатором (в Нижнем Новгороде. – *А. В.)*. Ко мне приехал Распутин, мне в то время малоизвестный <…> он предложил мне место министра внутренних дел. Было это, насколько я помню, за неделю или десять дней до убийства Столыпина. Я был удивлен его появлением и не придал ему такого значения, какое впоследствии обнаружилось <…> Распутин объяснил мне, что он должен поговорить со мной, так как он послан, как он сказал, «посмотреть мою душу» <…> Это казалось мне в то время, непосвященному, несколько смешным, и я с ним говорил шутовским образом, а потом, через несколько времени, я послал полицмейстера свезти его на вокзал. Распутин уехал…»

Что здесь правда, сказать трудно. Хвостов был, во-первых, человеком не слишком искренним (Щеголев не без оснований охарактеризовал его как «беспардонного и жизнерадостного шута»), а во-вторых, на допросах следственной комиссии всякий старался себя выгородить и от Распутина отмахнуться. Но несомненно, что на определенном этапе Хвостов Распутина в своих целях использовал. Распутин же, согласно показаниям Белецкого, «все-таки не преминул упрекнуть А. Н. Хвостова в том, что когда он к нему приезжал еще в Нижний Новгород, чтобы его посмотреть, то Хвостов даже не дал ему поесть, а у него, Распутина, в кармане тогда было всего три рубля; при этом добавил, что напрасно Хвостов тогда (это было после убийства П.

А. Столыпина в Киеве) с ним не вошел в близкие сношения, так как его тогда посылал Государь "посмотреть на Хвостова", и тот давно уже мог бы быть министром».

Известен также текст телеграммы, которую Распутин отправил в 1911 году Вырубовой: «Хотя Бог на нем почиет, но чего-то недостает».

Четыре года спустя Хвостов повзрослел, и в 1915 году в Петербурге возникла группа энергичных государевых слуг, которые решили с Распутиным не бороться, жертвуя своим положением, как их предшественники, и не игнорировать, как несколько утопически и лукаво предлагал князь Николай Жевахов, а делать с его помощью карьеру. Этих пассионариев оказалось трое: сам Хвостов, бывший директор Департамента полиции С. П. Белецкий и князь М. М. Андроников. Они трое, по выражению А. Амальрика, образовали «первый распутинский триумвират» – из претендента на первую роль («министра»), на вторую («советника») и на третью («посредника», который, не занимая официального поста, проводил бы закулисно свои политические или коммерческие интересы). «"Распутинским" триумвират был в том смысле, что заранее считался с Распутиным как политической силой, имея в виду не только не восстановить его против себя, но прямо на него опереться. Тем более, что со времени отъезда царя в ставку политическая роль кружка царицы, Распутина и Вырубовой начала расти».

Об этом триумвирате писал хорошо знавший всех троих и связанный с ними служебными отношениями генерал Спиридович, в оценке которого действо троицы было названо «хвостовщиной». Спиридович же дал в мемуарах каждому из героев свою характеристику:

«Маленький, полненький, чистенький, с круглым розовым лицом и острыми всегда смеющимися глазками, с тоненьким голоском, всегда с портфелем и всегда против кого-либо интригующий, князь Андроников умел проникать если не в гостиную, то в приемную каждого министра.

Князь обладал средствами, нигде не служил, но уже несколько лет числился чиновником для поручений при Министерстве Внутренних Дел только для того, чтобы иметь возможность, когда надо, одеть форменный вицмундир…

Княжеский титул, неимоверный апломб, беглый французский язык, красивая остроумная речь, то пересыпанная едкой бранью, то умелой лестью и комплиментами, а также бесконечно великий запас сведений о том, что было и чего не было – все это делало князя весьма интересным и для многих нужным человеком. И его принимали, хотя за глаза и ругали, ибо все отлично знали, что

нет той гадости, мерзости, сплетни и клеветы, которыми бы он не стал засыпать человека, пошедшего на него войной <…>».

Есть в мемуарах Спиридовича и описание их личной встречи: «После кофе князь похвастался мне своей спальней-молельной. Громадная широкая кровать и целый угол икон. Как в доброе старое время у глубоко религиозного человека. "Вот это больше всего понравилось Григорию Ефимовичу, – пояснил князь и продолжал: – я люблю здесь уединяться, сосредоточиться, ведь я очень религиозный человек, верующий, набожный", – и князь истово перекрестился… А петербургская молва говорила нечто иное про эту спальную. Князь не любил женщин. Здесь, говорят, он принимал своих молодых друзей… А лики икон смотрели строго на нас, и свет лампады трепетал на них… Мне стало как-то неловко. Ведь не мог же он думать, что мне неизвестно то, что известно всему Петербургу…»

Если князь Андроников за вычетом нетрадиционной сексуальной ориентации чем-то напоминал Ипполита Курагина из «Войны и мира», то рекомендованный им бывший нижегородский губернатор Хвостов сделал карьеру на том, что шумно разыграл в Думе антинемецкую карту. В сочетании со стремлением прибегнуть к пользовавшемуся германофильской репутацией Распутину это выглядело особенно пикантно и доказывало, что в политике все средства хороши:

«Речь о немецком засилье, произнесенная в Государственной Думе депутатом Алексеем Хвостовым, обратила на него внимание во дворце, – писал Спиридович, – о ней много говорили во всех кругах, она встревожила князя Андроникова, т. к. угрожала репрессией против большого коммерческого предприятия, в котором князь был весьма заинтересован. Это заставило князя познакомиться с Хвостовым.

Бывший Нижегородский губернатор, выдвигавшийся уже на министерский пост после смерти Столыпина, щеголявший своей правизной и своим патриотизмом, честолюбивый и не стеснявшийся говорить, что он человек "без задерживающих центров", – Хвостов понравился Андроникову. Они поняли друг друга. Они быстро столковались и решили, что Андроников, пользуясь всеми своими связями и знакомствами, до Вырубовой и Распутина включительно, начнет пропагандировать и проводить Хвостова в министры Внутренних Дел, на место князя Щербатова. Несоответствие последнего его должности сознавалось многими, говорил об этом и Горемыкин Андроникову, от Вырубовой же Андроников слышал, что Щербатовым, якобы, недовольны во дворце. Все это подбодряло Андроникова, желание же отомстить Щербатову, не скрывавшему своего презрения к Андроникову,

воодушевляло последнего на новую интригу.

Но Хвостов был невежда и в политике, и в полиции. Надо было заполнить это пустое у него, но важное место своим удобным человеком».

Этим человеком, последним членом распутинского триумвирата и единственным профессионалом стал бывший директор Департамента полиции С. П. Белецкий, имя которого очень часто встречается во всех биографиях Распутина как человека, во-первых, знавшего в силу своего служебного положения больше многих о сибирском мужике, а во-вторых, давшего очень подробные устные и письменные показания о Распутине Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Белецкий так близко принял к сердцу всю распутинскую историю, что на следствии даже плакал.

«Белецкий в поношенном пиджаке, умный, хитрый, чрезвычайно много и охотно говорит глухим быстрым голосом. Оборотень немного, острые глаза, разбегающиеся брови на желтом лице, – писал Блок матери, – сам строчит —. потный, сальный, в слезах, с увлечением, говоря, что это одно осталось для его души. В этой грубой скотинке есть детское».

Изначально Белецкий числился в стане распутинских врагов.

«В бытность мою сенатором, ко мне, в конце 1914 года, – показывал он на следствии, – обратился <…> великий князь Николай Николаевич <…> с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично сводки».

Распутин об этом скорее всего знал и потому в разговоре с Андрониковым Белецкий выразил опасение, согласится ли их избранник с его кандидатурой, но князь обещал все уладить. И действительно, уладил: Белецкий был ему необходим.

«С ним Андроников был давно в хороших отношениях, ценя его трудоспособность, ловкость и его полицейские знания. Белецкий же благоговел перед княжеским титулом Андроникова, его светскостью, связями, знакомствами. Он отлично понял всю заманчивость предложения и пошел на все условия. Главное было то, что он должен был работать рука об руку с Андрониковым».

Распутин, как из этого следует, на предварительном этапе «хвостовщины» прямого отношения к заговорщикам не имел, но в нужный момент к его авторитету прибегли: «А вот и Григорий Ефимович, – продолжал так же благочестиво князь. – Умный мужик, о-о-очень умный… И хитрый. Ах, какой хитрый. Но дела с

ним можно делать. И его можно забрать в руки, и мы, мы это пробуем».

Сначала, однако, триумвират воспользовался не им. Как писал Спиридович:

«Андроников ловко подготовил почву у Вырубовой, выставляя Хвостова умнейшим и энергичнейшим правым человеком, который де имеет большой вес в Г. Думе и к тому же беспредельно любит Их Величества.

Он в курсе всех интриг против них. Он сумеет ловко все парализовать. Он сумеет овладеть и Г. Думой. Хвостов и Белецкий ловко охранят друга царской семьи Распутина от всяких на него нападений. И от нападений в прессе, и от нападений в Г. Думе, и от террористов. Они оба понимают и ценят Григория Ефимовича. За последнее ручается сам князь Андроников, любовь которого к Старцу хорошо известна Анне Александровне. И Анне Александровне казалось, что лучшей комбинации и желать нечего. Сам Хвостов очаровал Вырубову. Она в восторге повторяла затем: "Он такой умный, энергичный, он так любит Их Величества. Он так любит Григория Ефимовича".

Он не как все. Он так хорошо все знает, как и что надо делать, чтобы все были довольны. Он уже однажды предупредил в Г. Думе запрос о Григории Ефимовиче. Он даст себя разрезать на куски из любви к Их Величествам. И зачарованная подкупающей искренностью и кажущеюся простотою Хвостова, "его наивными, такими хорошими и светлыми глазами", всей его внешностью такого "хорошего и доброго толстяка", Анна Александровна, захлебываясь, расхваливала его ежедневно Императрице. Андроников же умно и ловко подталкивал ее.

Появились на сцену и деяния Хвостова, как человека глубоко религиозного и верующего.

Он сделал что-то очень хорошее по отношению св. Павла Обнорского.

И Государыня Александра Федоровна, несмотря на мудрое противодействие Горемыкина, считавшего Хвостова непригодным к должности Министра Внутренних Дел, не видя никогда Хвостова и зная о нем только по истерическим расхваливаниям Вырубовой, стала письмами в Ставку систематически советовать Государю взять на место князя Щербатова именно Хвостова. И делала она это настойчиво всю первую половину сентября, браня попутно Щербатова и доказывая его непригодность к занимаемой должности».

Вырубова в своих письменных показаниях следственной комиссии Временного правительства отзывалась об этом сюжете гораздо сдержаннее: «Хвостова привез ко мне некий кн.

Андроников, личность более чем сомнительная, который лез ко всем, всем надоедал и врал. Помню, как он хотел поднести икону б. Государю и Государыне. Б. Государь не желал оставить у себя эту икону и вернул ему через кого-то из свиты. Мне запретили принимать Андроникова, из-за чего он стал врагом, получала самые грязные анонимные письма которые, по слухам, посылал он мне».

Хотя Андроникова Вырубова терпеть не могла («Он ко всем министрам лез, всякие конфекты присылал. Отчаянный тип»), в то же время признавалась, что боялась его.

В опубликованной недавно книге Ю. Ю. Рассулина о Вырубовой «Верная Богу, Царю и Отечеству» приводится один весьма любопытный документ – анонимное письмо некоего безвестного «патриота», адресованное царской подруге. Публикатор высказывает предположение, что оно было написано либо протоиереем Иоанном Восторговым, либо князем Андрониковым. Сразу скажем, что вторая версия представляется куда более убедительной (трудно предположить, чтобы хороший знакомый Вырубовой о. Иоанн стал писать ей анонимки, да и слог это не его – достаточно сравнить это послание с тем, что писал священник Вырубовой после покушения на Распутина в Покровском – см. главу тринадцатую), но суть даже не в том, кто эти строки написал, а в их содержании:

«И кому же лучше знать желания нашей крестьянской Руси как не ЦАРЮ-БАТЮШКЕ. ГОСУДАРЮ нужны также помощники-министры, которые вели бы Россию в согласии с этими народными желаниями, а не в угоду разным политическим авантюристам и реформаторам.

Среди таких всецело понимающих народные желания лиц в настоящее время рельефно выделяется личность Алексея Николаевича Хвостова, крепкого русского человека, опытного государственного деятеля, энергичного и ловкого политика. Это единственный, быть может, в настоящее время человек, который сумеет заговорить к народу, который успокоит разбушевавшиеся страсти и который разорвет те плотины, которые не дают прорваться потоку народной любви к своему ГОСУДАРЮ – Защитнику Родины».

Хвостов на следствии в 1917 году оценивал себя скромнее, но роль Андроникова признавал: «Когда приехал Распутин, он отнесся неблагожелательно к моему назначению, по крайней мере, я так слышал. Потом его уговорили, может быть Андроников и другие, что во мне ничего такого нет, что он может быть спокоен, тем более что Белецкий его охраняет. Я пытался подойти ближе к Распутину и ко всем его окружающим, чтобы его

узнать, чтобы выяснить его слабые стороны и с ним покончить».

«Со мной он был весьма любезен, часто посещал меня и, между прочим, упоминал о своей борьбе с Распутиным, – вспоминал о Хвостове М. В. Родзянко. – Он находил, что с его влиянием нужно бороться его же оружием и упомянул, что хочет продвинуть во дворец монаха Мардария. Распутина же он рассчитывал обезвредить тем, что поручил его спаивать и будто бы даже дал для этого пять тысяч из своих собственных средств».

О Распутине и Хвостове писала в своем дневнике и Зинаида Гиппиус:

«Хвостов ненавидит его, а потому думаю, что Хвостов недолговечен. Ненавидит же просто из зависти. Но тот его перетянет. Остальные министры все побывали у Гришки на поклоне, и клялись, целуя край его хламиды. (Это не "художественный образ", а факт: иногда Гришка выходит к посетителю в белом балахоне, значит – надо к балахону прикладываться.)

Экая, прости Господи, сумасшедшая страна. И бедный Милюков тут думает "действовать" – в своих европейских манжетах.

Что это, идеализм, слепота, упрямство?

О, наши "реальные" политики!»

Зинаида Николаевна, очевидно, редактировала свой дневник задним числом, когда ей было хорошо известно, что союз Хвостова и Распутина сменился их резким противостоянием, но в начале все было не так.

«Когда Хвостов и Белецкий получили назначение первый министром, а второй товарищем министра внутренних дел, то во время состояния их в этой должности они мне часто говорили о своих дружеских отношениях с Распутиным и никогда не сообщали мне ничего дурного о поведении Распутина вообще», – рассказывала на следствии Вырубова. И иначе не могло быть. Хвостов вместе со своей командой подавался Государыне как верный друг престола и как защитник ее Друга, что, повторим, было для Александры Федоровны одно и то же, и, таким образом, лояльность по отношению к Распутину стала условием карьеры при Дворе – факт, от которого никуда не деться.

«…вместе с Хвостовым Андроников продвигал и Белецкого, – писал Спиридович. – Белецкий, считавшийся вообще противником Распутина, вдруг сделался его поклонником и, введенный в дом Вырубовой, совершенно обошел и покорил наивную в политике Анну Александровну. Он покорил ее всезнанием революционного подполья, всезнанием всех, кто интриговал когда-либо против Их Величеств, против нее самой,

против Распутина. На сцену появились перлюстрированные письма, сплетни о том, как перехватывали письма Императрицы, как будто бы интриговали князь Орлов, Джунковский, как будто бы интригуют Самарин и Щербатов.

От всего этого (так доказывал он) надо умело и умно охранить Государя с семьей, и ее, и Распутина. Ведь когда он – Белецкий был у власти, никто не смел трогать Распутина. А после него, при Джунковском, Гусева чуть-чуть не убила. Чудом спасся. И Анна Александровна уверовала в Белецкого безгранично. Они с Хвостовым все устроят, как надо. И в далекую Сибирь Распутину пишутся письма и телеграммы о том, каких полезных для него людей предполагается призвать к власти. Пишет и А. А. Вырубова, и Андроников. И Распутин как бы одобряет хорошее начинание. А относительно его, Старца, у новых друзей уже готов целый план. Его будут охранять, опекать, оплачивать, его просьбы будут исполнять, его будут поддерживать перед Их Величествами. Таким образом, они обойдут Старца, заберут в руки и будут действовать им согласно своим планам и желаниям. Он ведь все-таки мужик и им ли не справиться с ним – действуя умно…

Анна Александровна расхваливает Хвостова и Белецкого перед Царицей. 17 сентября Царица Александра Федоровна приняла Алексея Хвостова. В течение часа Хвостов красноречиво докладывал Государыне, что и как должно делать правительство. Он умно критиковал работу Самарина, Поливанова, Щербатова и Гучкова. Ловко провалил выдвигаемую Горемыкиным кандидатуру Нейгардта. Обрисовал себя сторонником Распутина – которого надо понимать. Указал на недопустимость того, чтобы министр показывал кому-либо телеграммы, которыми обменивается Распутин, что делает, якобы, Щербатов. Не выставляя, конечно, своей кандидатуры, а говоря только как член Государственной Думы, он ловко льстил Государыне, говоря, что все полезное может быть проведено при ее поддержке. <…>

Впервые за мою службу три ловких политических интригана подошли к Царице Александре Федоровне не как к Императрице, а как к простой честолюбивой женщине, падкой на лесть и не чуждой послушать сплетни. Подошли смело, отбросив всякие придворные этикеты, и ловко обошли ее, использовав в полной мере ее скромную по уму, но очень ревнивую к своему положению подругу А. А. Вырубову.

То, что нам, служившим около Их Величеств, по своей смелости и цинизму не могло прийти и в голову, то было проделано артистически тремя друзьями: Хвостовым, Белецким и Андрониковым, использовавшими ловко отсутствие Государя, все внимание которого, все помыслы были заняты войной».

«Белецкий мне понравился. Вот тоже энергичный человек!» – писала Александра Федоровна.

«Хвостов… производил впечатление очень энергичного человека на меня и моих друзей», – показывала на следствии Вырубова.

«Энергичные люди» назовет свою пьесу о русских проходимцах, хотя и иного времени, Василий Шукшин.

Распутин пока что – в августе – сентябре 1915 года– был к этим планам причастен постольку-поскольку, и заговорщики лишь пользовались его именем. Но вот в конце сентября – почти сразу же после удаления Щербатова и Самарина из правительства – он триумфально вернулся в Петроград.

«Как только приехал Распутин, на другой же день в квартире кн. Андроникова был устроен обед, и состоялось наше с ним свидание, – показывал Белецкий. – <…> в нем было гораздо больше, чем ранее, апломба и уверенности в себе. Из первых же слов Распутин дал нам понять, что он несколько недоволен тем, что наши назначения состоялись в его отсутствие, и это он подчеркнул князю, считая его в том виновным <…> Из разговоров за столом мне стало ясно, что наши назначения Распутину известны и что он против нас ничего теперь не имеет, но что он, видимо, хотел, чтобы мы получили назначение как бы из его рук».

Однако большого труда обмануть Распутина профессионалу не составляло, и тот довольно легко стал орудием в руках людей для себя сообразительных, но лишенных государственного мышления.

«В людях Распутин разбираться не умел. Он делил всех на две категории: "наш и не наш" – это значит: друзья и враги. В первую категорию очень легко было попасть – нужно было только получить рекомендацию от одного из друзей Распутина. Благодаря этому в число "наших" попадало много людей, к нему совсем не расположенных, даже провокаторов, которые, пользуясь его расположением, извлекали свои выгоды и в то же время всюду его оговаривали и готовы были всегда сделать ему какую-либо пакость», – писал о распутинском принципе подбора кадров генерал Глобачев. Но беда была в том, что вслед за опытным странником не умела разбираться в людях и Государыня, которая в письмах в Ставку, перебирая те или иные возможные кандидатуры министров, в первую очередь указывала на степень их лояльности Распутину: «Арсеньев из М. вопил против нашего Друга. Рогозин ненавидит нашего Друга. Кн. Урусов (я его не знаю) – знаком с нашим Другом, – о нем очень хорошо

отзываются. У меня голова болит от охоты за людьми»; «Он (Николай Константинович Шведов. – *А. В.)* <…> – очень верующий и безгранично предан (называет нашего Друга – отец Григорий) и хорошо о Нем отзывался, когда видел Его»; «Я написала тебе про Татищева, как шефа жандармов, только забыла сказать Хвостову, что он сильно настроен против нашего Друга – так что я думаю, что Хвостов должен с ним сперва поговорить на эту тему»; через несколько недель о нем же: «Кн. Татищев, которого я принимала – знающий человек, знает и глубоко уважает нашего Друга и в отличных отношениях с Хвостовым – даже в родстве с ним – человек очень преданный…» – и эта роковая взаимосвязь мало способствовала государственному строительству.

Однако и сам Государь, похоже, не слишком преуспел в кадровых вопросах. Это признавала даже «верная Богу, Царю и Отечеству» Анна Александровна Вырубова, когда писала о царском выборе одного из государевых министров: «…как всегда – под впечатлением минуты, что характеризовало все его назначения». Впрочем, не в ком было особенно разбираться и не из кого выбирать: положение с кадрами в последние годы империи стало катастрофическим.

«Но где же найти людей? <…> Где у нас люди, я всегда спрашиваю, и прямо не могу понять, как в такой огромной стране, за небольшим исключением, совсем нет подходящих людей?» – восклицала Царица в отчаянии 7 сентября 1915 года.

«Дорогой мой, как не везет! Нет настоящих "джентельменов", – вот в чем беда – ни у кого нет приличного воспитания, внутреннего развития и принципов, – на которые можно было бы положиться», – заключала она в английском стиле полгода спустя.

Позднее это состояние дел очень точно охарактеризовал М. О. Меньшиков в дневниковой записи, сделанной несколько дней спустя после известия о расстреле Николая Александровича: «Ничтожный был человек в смысле хозяина. Но все-таки жаль несчастного человека: более трагической фигуры "человека не на месте" я не знаю. Он был плох, но посмотрите, какой человеческой дрянью его окружил родной народ! От Победоносцева до Гришки Распутина все были внушителями безумных, пустых идей. Все царю завязывали глаза, каждый своим платком, и не мудрено, что на виду живой действительности он дошел до края пропасти и рухнул в нее».

А Розанов, тот самый Василий Васильевич Розанов, который таким соловьем пел про сибирского странника в 1913 году, в 1918-м написал: «И вот рушилось все, разом, царство и Церковь.

Попам лишь непонятно, что Церковь разбилась еще ужаснее, чем царство. Царь выше духовенства. Он не ломался, не лгал. Но видя, что народ и солдатчина так ужасно отреклись от него, так предали (ради гнусной распутинской истории), и тоже – дворянство (Родзянко), как и всегда фальшивое "представительство", и тоже – и "господа купцы", – написал просто, что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском) колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно».

Брал под защиту Государя и Солоневич.

«…Николаю Второму пришлось действовать в тот период, когда правящий слой догнивал окончательно. Цифры – бесспорные и беспощадные цифры дворянского земельного оскудения – это только, так сказать, ртутный столбик общественного термометра: температура упала ниже тридцати трех: смерть. Слой, который не мог организовать даже своих поместий, – как мог он организовать государство, – писал он. – Я, конечно, не говорю об исключениях – типа Столыпина. Я говорю о слое. Николай Второй попал в то же положение, о котором говорил Ключевский: "Московский государь, которого ход истории вел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации". На низах эта администрация была сильно разбавлена оппозиционными разночинцами. На верхах она была аристократической сплошь. Слой умирал: полуторавековое паразитарное существование не могло пройти даром: не трудящийся да не живет.

Без войны смена слоя прошла бы, конечно, не безболезненно, но, во всяком случае, бескровно. Однако на Николая Второго свалилось две войны – и ни одной правящий слой не сумел ни предотвратить, ни организовать. Слою оставалось или взять вину на себя, или переложить ее на плечи Монархии.

Левая часть правящего слоя перекладывает вину без всякого зазрения совести: "проклятый царский режим". Правой части – такой образ действия все-таки несколько неудобен – и вот тут-то и подвертывается Распутин. Дело же, конечно, вовсе не в Распутине. Дело в том, что война свалилась на нас в момент окончательной смены правящего слоя.

Один слой уже уходил, другой еще не пришел. Вот отсюда-то, а вовсе не от Распутина, и произошло безлюдье, "министерская чехарда", "отсутствие власти" и – также трагическая безвыходность положения Царской Семьи. Отсюда же "кругом трусость и измена". Смертный приговор Царской Семье был вынесен в "августейших салонах", большевики только привели его

в исполнение».

Свою и очень точную характеристику дал высшим чинам Российской империи, окружавшим Государя, и Солженицын. Он писал о них в связи с оправданием Государственным Советом Курлова, но слова автора «Красного колеса» имеют и более широкое значение:

«Как ночная нежить, они узнавали своих по запаху и по угольками глаз. Они выгораживали и вытягивали по-человечески такого же, как сами, попавшего, как и они могли попасть. Они бы дико откинулись, если б им сказали, что голосование было не о Курлове, но о том, как скоро будут потрошить их собственные дома, расстреливать их самих и резать домочадцев.

Да куда ж им было соревноваться с революционерами? Те жертвовали своими жизнями в 18—25 лет, шли на безусловную смерть, только бы выполнить задуманное. Эти – в 40, 50 и даже 70 лет почти поголовно думали об одной карьере, а значит – о своем непременном сохранении для нее. Думать о России – среди них было почти исключение, думать о кресле – почти правило. Они не давали себе напряжения соображать, медлили в действиях, нежились, наслаждались досугом, умеренно сияли в своих обществах, интриговали и сплетничали. Что же парило *над* ними? Показное православие (чтобы *как у всех,* они все регулярно отстаивали церковные литургии) да преданность Государю как лицу, от которого зависит служба.

Как же могли они *не* проиграть России? Все их служебные помыслы были напряженное слеженье за системой перемещений, возвышений и наград – разве это не паралич власти?»

В полной мере это относится и к тем, кто пришел к управлению страной осенью 1915-го. Россия, проделавшая за четыре года эволюцию от Столыпина до Хвостова (того самого Хвостова, которым еще в 1911-м Николай хотел Столыпина заменить), сама шла навстречу гибели.

По иронии судьбы это впоследствии, а может быть, и раньше понял умный Спиридович, тот самый Спиридович, который, как и Курлов, имел отношение к охране Столыпина в августе – сентябре 1911-го и который в декабре 1912-го был фактически оправдан. Оказавшись в эмиграции, он писал:

«…с приездом Распутина случилось то, чего еще не случалось на верхах русской бюрократии. Хвостов и Белецкий цинично откровенно вошли с Распутиным в совершенно определенные договорные отношения о совместной работе. Он должен был поддерживать надуманные ими планы, внушать их во дворце, Вырубова же и Андроников должны были содействовать этой работе. Впервые два члена правительства, как бы фактически,

официозно, признали персону Распутина и его влияние. Сейчас же, после возвращения Распутина, у Андроникова состоялся обед, на котором были: Хвостов, Белецкий, Распутин и сам Андроников. Распутину был предложен следующий план. Его обещали, прежде всего, охранять. Ему обещали поддерживать его перед Их Величествами, как человека полезного, богобоязненного, любящего беззаветно Царя и Родину и думающего только о том, как бы принести им пользу, помочь им.

Ему обещали регулярную денежную поддержку и исполнение его просьб. Ему обещали провести на пост Обер-прокурора Синода человека, который бы хорошо относился к нему и исполнял его пожелания относительно духовенства. Уже подготовленный отчасти письмами Вырубовой в Покровское, Распутин понял всю выгоду нового положения. Он пошел на соглашение.

Но в нем сразу же явилась та солидная, серьезная самоуверенность, которая дается важностью занимаемого места и положения. Его союза искали министры и ничего за это не требовали, кроме поддержки там, на высоком месте, о чем даже не говорилось, настолько это было понятно само по себе. И началась работа».

Так, осенью 1915 года значение Распутина, и без того немалое, возросло до такой степени, что дальше, казалось, уже некуда, и в этой истории все явственнее стали проступать элементы абсурда, предвосхищавшие ее скорый конец.

«Влияние Распутина на государственные дела становилось все сильнее, – писал Шавельский. – Назначение члена Государственной Думы Алексея Николаевича Хвостова на должность министра внутренних дел совершилось таким образом (этот факт, как и следующий разговор Распутина по телефону, передаю со слов ген. В. П. Никольского, бывшего в то время начальником штаба Корпуса жандармов и очень осведомленного на счет деяний старца, как и похождений "знаменитого" министра Хвостова). Хвостов был приглашен к Императрице Александре Федоровне.

– Его величество согласен назначить вас министром внутренних дел, но вы сначала съездите к отцу Григорию, поговорите с ним, – сказала Хвостову Императрица.

И Хвостов поехал к Распутину, милостью которого скоро состоялось назначение. Распутин, которому, таким образом, Хвостов был обязан своим возвышением, потом не стеснялся с ним.

– Кто у телефона? – спрашивает подошедший к телефону министра внутренних дел чиновник последнего Граве.

– Позови Алешку! – отвечает незнакомый голос.

– Какого Алешку? – спрашивает удивленный Граве.

– Алешку – тваво министра, говорят тебе, – продолжает тот же голос.

– Нет здесь никакого Алешки, – вспылил Граве.

– Ну, ты мотри-потише, а не то не будет ни тебя, ни тваво Алешки. Поди скажи ему: Григорий Ефимович вас спрашивает…

Граве только теперь узнал голос Распутина».

Опять же дело не столько в истинности этого происшествия (Шавельский ссылался на генерала Никольского, но примечательно, что очень похожая сцена описана в показаниях Белецкого), сколько в его правдоподобности в глазах наших предков. Сегодня, информированные о размахе распутинской легенды, мы можем сомневаться, так ли уж кричаще грубо все было на самом деле и не привирал ли либо секретарь министра Граве, либо генерал Никольский, либо сам Шавельский, либо Белецкий, но тогда сомнений не возникало. Поверившая письмам Императрицы и Великих Княжон к Распутину, Россия верила и всем прочим слухам.

«…вокруг хлыстовского ядра происходит нарастание всевозможных льстецов, предателей и продажных людей без совести, преследующих исключительно своекорыстные цели и пролезающих за взятки через всесильного Распутина на разные ответственные и прибыльные места. Какая вакханалия, разнузданность, а главное, какой позор!..» – весьма эмоционально писала княгиня Тенишева. Но основания для дамских всплесков были: влияние Распутина было несомненно, и с каждым днем его миссия становилась все более значительной.

Вот классический пример: петербургский градоначальник в 1914—1916 годах А. Н. Оболенский, которым Императрица была недовольна и решила его сместить, о чем сообщила Государю в письме от 14 сентября 1916 года («все настроены против него»). Что стал делать сей государственный муж, когда почва стала уходить из-под его ног? Он бросился за помощью к единственному человеку, который мог его защитить.

«Милый, подумай только: Оболенский выразил желание повидать нашего Друга, послал за Ним великолепный автомобиль (Он уже много лет знаком с Мией, женой Оболенского). Вначале он очень нервно Его принял, затем стал говорить все больше и больше, пока, в конце концов, не ударился в слезы – тогда Гр. уехал, так как он увидел, что наступил момент, когда душа совершенно смягчилась. – Говорил обо всем откровенно, что он изо всех сил старался, хоть и не сумел добиться успеха, что он слыхал, будто его хотят заставить красить крыши дворцов

(вероятно, кто-то придумал нечто вроде того, что мы думали), но что ему подобного места не хотелось бы – он хочет делать привычное дело, – его задушевная мечта стать финляндским генерал-губернатором, – он во всем станет слушаться советов нашего Друга. Высказался против Ани и был поражен, когда наш Друг ответил ему, что она от Бога и что она очень много выстрадала. Затем он показал аккуратно перевязанную пачку всех 20 писем с прошениями, которые наш Друг ему за эти годы прислал, и сказал, что он постоянно делал все, что было в его власти. На вопрос Гр. относительно взяток он решительно ответил, что не брал, но что его помощник брал много. – Я не могу представить себе, как это он, этот гордый человек, мог сдаться, – это потому, что в своем несчастье он почувствовал, что лишь Он один может поддержать его».

Эту картину нетрудно представить. Петербургский аристократ, кающийся перед «грязным мужиком», пачка исполненных им прошений (должно быть, берег на черный день – и кто станет после этого отрицать, что ходатайства Распутина не выполнялись, хотя бы частично?) и, наконец, Императрица, готовая простить неугодного чиновника только за то, что он смирился перед ее другом, и на этом основании ходатайствовать за него перед Государем. Пикантность этой ситуации состояла в том, что еще совсем недавно князь был ярым антираспутинцем и, по свидетельству Белецкого, «подверг суровому административному наказанию несколько первоклассных ресторанов, оркестры и хоры коих пользовались симпатиями Распутина; когда же последний обратился к нему с просьбой снять эти взыскания, то градоначальник ему в этом отказал».

И вот все в одночасье переменилось. «Я узнал впоследствии от Распутина, – показывал Белецкий, – что он с кн.

Оболенским примирился, был у него, пил чай и что тот исполнил его просьбы».

«Наш Друг усматривает великий духовный смысл в том, что человек такой души, как Обол., всецело обратился к Нему».

«Как обстоит дело с Оболенским и Финляндией?»

«Так как Оболенский сейчас себя хорошо ведет и слушает Его, Он думает, что было бы хорошо, если бы Протоп. взял его к себе в товарищи: он прекрасно мог бы здесь работать, и таким образом можно было бы не выгонять его со службы».

«Затем опять Оболенский – оказывается, наш Друг чрезвычайно им доволен, он очень изменился к лучшему, а потому Он думает, что Прот. следовало бы взять его к себе в помощники».

«Я рада, что ты нашел место для Оболенского».

Это хорошо было историку Ольденбургу писать после драки: «…в это трудное время свой долг до конца исполнили те министры, которые нашли в себе нравственную силу игнорировать не столько самого Распутина – это было сравнительно легко – сколько распутинскую легенду; которые своему Государю служили так, как будто никакого Распутина не было. К чести русского служивого сословия, таких министров оказалось большинство. Это, впрочем, не мешало кругам, враждебным власти, приклеивать кличку "распутинцев" чуть ли не ко всем неугодным для них государственным деятелям».

Дело даже не в том, что сей красноречивый абзац не сопровождается конкретным перечнем имен честных представителей служивого сословия при Государе, а в том, что, к несчастью, в русском служивом сословии было их меньшинство, и чем ближе к революции, тем меньше оставалось. Хотя, конечно, такие люди были.

«Есть еще один министр, который, по-моему, не на месте (в разговоре он приятен), это – Щегловитов: он не слушает твоих приказаний, и каждый раз, когда думает, что прошение исходит от нашего Друга, не желает его исполнять, и недавно разорвал одно, обращенное к тебе. Это рассказал Веревкин, его помощник (друг Гр.)», – писала Государыня.

Сменивший Щегловитова на этом посту А. А. Хвостов (дядя А. Н. Хвостова) рассказывал на следствии:

«Хвостов. … Вероятно, в начале, может быть, через месяц или два после моего назначения <…> приходит курьер и говорит, что звонит по телефону господин Григорий Распутин и спрашивает, когда я смогу его принять. Я приказал ответить, что приемный день у министра юстиции четверг от такого-то до такого-то часа. Тогда меня спросили: могу ли я дать особый прием вечером. Я сказал, что лиц мне незнакомых я вечером не принимаю, а в четверг он может ко мне явиться как всякий другой человек. Он был поставлен об этом в известность тем же курьером, и в следующий четверг он явился ко мне с просьбой о переводе какого-то нотариуса, по фамилии, кажется Копошинского, из Барнаула в более доходный город. Я сказал, что это не зависит от министра юстиции. Потом он начал говорить об общем положении дел, на что я сказал, что не призван рассуждать с ним на такие высокие темы, встал, и он от меня ушел <…>

Председатель. После этого к вам была обращена просьба императрицы устроить того же нотариуса?

Хвостов. Как же! Не могу только сказать, была просьба до или после этого. Относительно Распутина могу еще сказать, что мое отношение к нему было заведомо отрицательное. Я несколько

подчеркивал это не потому, чтобы хотел приобрести какую-либо популярность, но единственно, чтобы показать, что влияние Распутина в высших сферах не так сильно, как об этом говорили. Некоторым лицам, говорившим, что он заведует всем управлением, я приводил мой пример, потому что, раз я состою в должности министра и так к нему отношусь, то это является доказательством обратного. Делал я это сознательно, потому что считал распутинский вопрос – прескверным, могущим проникнуть в толщу населения и тем подорвать авторитет верховной власти, с которой я связывал благополучие России».

Впрочем, дальнейшие события – отставка А. А. Хвостова в связи его с действиями, направленными против близких к Распутину лиц, – косвенно опровергают уверенный тон министра, но аналогичные рассуждения приводились в мемуарах и другого чиновника.

«Взволнованным и чуть внятным голосом секретарь пробормотал: "В приемную пришел Григорий Ефимович и требует, чтобы ваше превосходительство его приняли тотчас".

– Пойдите и передайте Распутину, – сказал я, – что раз он пришел, пусть сидит, но в кабинет к себе я его не пущу!

Многолюдный прием затянулся. Пришло время отправляться на заседание Совета министров. Выйдя в приемную, я в ней застал еще человек 10—12, которых я решил наскоро обойти и опросить. Обведя глазами ожидавших в приемной лиц, которые при моем появлении все вежливо привстали, я сразу заметил единственную, оставшуюся сидеть, одетую в долгополую поддевку, мужскую бородатую фигуру, всеми своими приметами походившую на известный по иллюстрированным изображениям облик знаменитого "тобольского старца"…

При моем приближении к Распутину последний все же встал и пристально уставился на меня своими воспаленными, слегка растаращенными и, надо сказать правду, отвратительными глазами, обычно именуемыми среди простонародья "бесстыжими зенками"…

– Что нужно? – спросил я его.

Трясущимися руками Распутин достал из-за пазухи своей поддевки лоскуток бумаги, который я поручил своему секретарю взять и прочесть. На бумажке была изложена просьба. Ответ получился отрицательный. Тогда я показал ему рукой на выходную дверь и, уже не имея сил больше себя сдерживать, крикнул:

– Идите вон!»

Так писал в мемуарах министр земледелия А. Н. Наумов, а далее, скромно похвалив себя за мужество – так поступил бы на

его месте каждый («Отказ принять и впустить к себе в кабинет вредного и мерзкого "старца" казался мне делом вполне естественным, даже обязательным»), поведал о реакции на его подвиг окружающих:

«Я был немало озадачен, когда во все последующие после распутинского инцидента дни ко мне являлись не только отдельные лица, но целые депутации от общественных организаций, даже и от некоторых думских партийных группировок. Все они приветствовали меня по поводу открыто высказанного мной определенного отрицательного отношения к заслуживающей всеобщего презрения личности "тобольского старца"… С утра до вечера раздавались нескончаемые телефонные восхваления, как будто я совершил героический подвиг, проявил необычайное гражданское мужество. Остались у меня в памяти по телефону сказанные мне на другой день слова всероссийского полицейского сыщика и всезнайки – товарища министра Белецкого:

– Жаловался и во Дворце, и нам всем старец на неприветливый ваш прием, а в конце добавил: "Все-таки видно, что Наумов барин"».

Виктор Кобылин, автор книги «Анатомия измены», помещая этот фрагмент наумовских воспоминаний, прокомментировал его следующим образом: «Барин? Нет, совсем не барин. Настоящий барин так не поступает… Собственно говоря, почему министр выгоняет просителя после подачи прошения? Было ли это вызвано поведением Распутина во время подачи прошения Распутиным? Нет. Распутин, которого так подробно, пожалуй, даже с талантом беллетриста описывает Наумов, вызывает в нем отвращение. Но такое же отвращение вызывал Распутин и у тех, кто его принимали, скажу даже, что я сам, когда пишу о Распутине, чувствую к нему такое же отвращение, как и к каждому хаму, несмотря на любое его происхождение и занимаемое им положение. Но Наумов, конечно, понимал, так как был человеком умным, что его поведение в отношении Распутина вызовет тот восторг и "думских партийных группировок", и "общественных организаций", и отдельных лиц. Наумов прекрасно понимал, что в конечном результате это шло на пользу врагов Верховной Власти и увеличивало скорбь Венценосца. Окруженный в Ставке безличными и сухими генералами, находящийся в постоянной тревоге за жизнь своего сына, за все ухудшавшееся здоровье своей жены, которая свято верила в человека, несущего все большие осложнения в жизнь страны, передовое общество которой с каким-то чисто дьявольским садизмом разрушало все веками сложившиеся моральные устои, Государь был потрясен всем этим,

и только его необыкновенная выдержка не позволяла ему терять спокойствия духа».

О личности Наумова можно и поспорить, но самое интересное даже не это, а то, что его смелые мемуары – это классический пример некоторой, так скажем, беллетризации исторических событий. Их любопытно сопоставить с показаниями министра перед следственной комиссией Временного правительства в апреле 1917 года. На допросе Наумов изложил тот же самый сюжет, – как к нему приходил Распутин, – только:

а) Наумов не отказал Распутину, а передал его просьбу князю Масальскому;

б) Наумов отнюдь не кричал на просителя и не прогонял его прочь, а просто сказал «Так можете идти»;

в) руки у Распутина не тряслись от страха, а трясся кулак, которым он в адрес министра грозил.

Наконец, и сам Распутин, по свидетельству С. П. Белецкого, на вопрос, какое он вынес впечатление от Наумова, ответил, что тот… «обходительный, но "гордый"».

Ответ забавный, и барином министр земледелия здесь не выглядит. А записывал он себя в герои и играл он не столько на общественных настроениях тех лет, сколько искал эмигрантской славы. Несчастье же того, доэмигрантского, времени состояло в том, что друзья Распутина спекулировали на нем похлеще его врагов. Только на иных настроениях. К концу своего великого пути сибирский странник превратился в совершенный по степени манипуляции объект, открытый со всех сторон. Полигон, который надо было строго охранять.

«Около Распутина была усилена охрана его. Хвостов и Белецкий цинично льстили Распутину и Вырубовой. Они расхваливали Распутина Анне Александровне во всех отношениях. Хвостов доложил Государю, что познакомился с Распутиным и находит его человеком религиозным, умным и крепкой нравственности. Все то нехорошее, что делает Распутин, является результатом нехорошего влияния дурных людей. И от этих-то дурных людей Хвостов и Белецкий теперь и будут оберегать его. Не будет скандалов, не будет пищи для газет. Так докладывал министр внутренних дел Государю, так рассказывала Царице А. А. Вырубова. Наконец-то нашелся министр, который понял Григория Ефимовича и знает, как надо вести его. Так казалось», – писал Спиридович.

Одновременно с этим распутинская квартира на Гороховой, бывшая прежде чем-то вроде общественной организации или благотворительного фонда с помесью бардака, стала приобретать черты государственного учреждения, или, точнее, зловещей

пародии на него. Теперь уже не сам Распутин бегал по министрам, сколько к нему приходили как к очень важной персоне.

«…тут были и сановники, и банкиры, и спекулянты, и офицеры, и духовенство, и великосветские дамы, и проститутки, и проч. и проч. Весь этот люд толкался к Распутину, искал с ним близости, главным образом из-за личных выгод, зная его влияние на императрицу и государя. Сановники упрочивали свое положение, спекулянты и банкиры набивали карманы, проводя через Распутина крупные правительственные подряды и сделки, военные домогались высших назначений в армии, дамы хлопотали за своих мужей, лица духовные добивались лучших приходов и епархий <…> своими назначениями исключительно были обязаны Распутину: министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов, товарищ его Степан Петрович Белецкий…» – писал в мемуарах Глобачев.

«Между князем Андрониковым, А. Н. Хвостовым и мною состоялась выработка плана наших отношений в связи с Распутиным, – показывал на следствии Степан Петрович. – Нами было предложено, что эти сношения с Распутиным, охраняя наше официальное положение и семейную жизнь, должен был взять на себя князь Андроников, который будет передавать нам для исполнения все те ходатайства, которые будут исходить от Распутина, и будет принимать просителей, имеющих дело по Министерству внутренних дел и обращающихся к Распутину, чтобы избежать появления этих лиц с письмами в наших приемных или в квартирах наших. Затем, чтобы избавить Распутина от необходимости брать с просителей, в чем нас кн. Андроников уверил, и чего Распутин впоследствии не отрицал, князь Андроников должен был выдавать ему определенную сумму в 1500 рублей, которые мы (решено, что я) будем давать ему, князю Андроникову, а он будет частями передавать Распутину при свиданиях с целью этим путем заставить Распутина иметь более частые с ним свидания, на предмет влияния на него. Кроме того, было предложено приставить своего человека на квартиру к Распутину, чтобы знать в подробностях внутреннюю жизнь его и понемногу отдалять от него нежелательный элемент».

Получал Распутин деньги и от Глобачева: «…Хвостов пригласил меня и предложил мне исполнить предложение председателя Совета министров Штюрмера о выдаче Григорию Распутину 500 рублей. Помню, что Распутин не хотел дать расписки в получении указанной суммы, и по совету Хвостова я вручил ее ему без расписки при постороннем свидетеле. Деньги тогда выдавались Распутину на поездку на родину в Тобольскую

губернию».

«Белецкий придумал держать "Старца" в руках двумя начатыми против него дознаниями. Дознаниями, которые, при их естественном ходе, могли совершенно скомпрометировать, если не потопить Распутина».

Первым из этих дел было вышеописанное происшествие на борту парохода «Товарпар», вторым – оскорбление, которое Распутин в пьяном виде якобы нанес в адрес Императрицы и одной из Великих Княжон; история весьма темная и недоказанная, хотя на следствии 1917 года председатель комиссии Муравьев очень настойчиво добивался от Хвостова, почему министр, имея такие козыри, как публичное поношение Государыни и ее дочерей, не пошел к Императору. Хвостов отвечал на это, что он не собирался докладывать Государю о том, что произошло до его назначения министром, и готовил свой собственный компромат («Те факты, которые были при мне, я записывал. Они собирались в особую тетрадь, и их я мог докладывать Государю»). Муравьев заподозрил его в элементарном шантаже, а также в намерении показать Вырубовой, как Хвостов бережет Распутина путем замалчивания его неблаговидных поступков.

Но так или иначе в какой-то момент высокопоставленные заговорщики принялись вынашивать планы, как избавиться от Распутина, который уже сыграл в их карьере свою роль и мог в дальнейшем трех товарищей лишь скомпрометировать.

Поначалу планировалось самое безболезненное и исторически веками в России проверенное – заточить важную опасную персону в монастырь.

«В начале служебной деятельности Хвостова и Белецкого один из них, но кто именно не помню, говорил мне о том, что надо уберечь Распутина "от улицы" и что в этих целях желательно было бы поместить его в Александре-Невской лавре, чтобы он постоянно находился в духовной среде. План этот не осуществился, но почему именно, я не помню», – довольно уклончиво показывала Вырубова на следствии и гораздо более благостно описывала этот сюжет в мемуарах: «Я помню, как благомыслящие люди просили Их Величества дать Григорию Ефимовичу келью в Александро-Невской лавре или другом монастыре, дабы там оградить его от толпы, газетных репортеров и всяких проходимцев, которые впоследствии, чтобы очернить Их Величества, пользовались его простотой, увозили с собой и напаивали его; но их Величества тогда не обратили внимания на их советы».

Понятно почему: на такой «плен» Распутин, смолоду

отвергавший иноческую жизнь, по доброй воле просто никогда бы не согласился и свою шумную квартиру ни на какую келью не променял бы.

«Никто из нас, даже кн. Андроников, тесно с ним сблизившийся, а впоследствии и владыка Варнава с приближенными к нему лицами из духовенства Тобольской епархии не учли многих сторон натуры Распутина и силы его влияния», – скорбно заметил Белецкий.

Тогда было задумано отправить его из Петербурга в паломничество и по пути совершить убийство – замысел, о котором сам Белецкий не упоминал, но зато его начальник министр Хвостов рассказывал на следствии в 1917 году:

«Председатель. Припомните, как вы хотели удалить Распутина из Петрограда и устроить его поездку по монастырям?

Хвостов. Я много раз пытался это сделать, но это никогда не удавалось. Мне много раз хотелось устроить его поездку по монастырям, чтобы его где-нибудь по дороге в монастырь столкнули, но это ни разу не удалось.

Председатель. У вас была тогда власть министра внутренних дел. Неужели министр внутренних дел не мог бороться с Распутиным иначе, как путем убийства?

Хвостов. Исключительно. Я видел, когда докладывал, как сильно его влияние. Я начал пробовать открывать глаза на него, но натолкнулся на такое противодействие, что перестал и пришел к убеждению, что единственное средство – это устранение убийством <…> Мне казалось, что он губит положение России».

Распутина должен был сопровождать его хороший знакомый игумен Тюменского монастыря Мартемиан, и поначалу бывший паломник отнесся к этой поездке благожелательно: поклонение святым местам было призвано рассеять несправедливые толки о жизни Распутина, то есть предполагалось повторить тот же сюжет, что и весной 1911 года, когда Распутин ездил на Святую землю. Однако в последний момент он раздумал.

«Может быть, наша излишняя нервность, проявленная в вопросе об отъезде Распутина, и была началом его недоверия, а затем отчуждения его и А. А. Вырубовой от нас», – писал Белецкий. И если все это правда, то Распутина в который раз не подвел его инстинкт.

«Распутин как бы вырос. Он заявил категорически, что никуда из Петербурга не поедет. А. А. Вырубова уклонилась от каких-либо по этому вопросу объяснений. Хитрый мужик провел министра и его помощника. Андроников заливался мелким смехом, как опростоволосились министры. Духовенство уехало с его гостеприимной квартиры. А Хвостов, много позже,

рассказывал мне, что та поездка была задумана им с целью сбросить Распутина с площадки поезда. Это должен был проделать игумен Мартемиан, которого даже сделали архимандритом. Но что все испортил Белецкий, который выведал у пьяного Мартемиана весь этот замысел и расстроил всю поездку. "Конечно, он, Белецкий, перехитрил меня. Я оказался младенцем", – прибавлял Хвостов.

Я лично в этот замысел Хвостова не верю. Тогда он эксплуатировал во всю Распутина в своих личных интересах», – заключал Спиридович. Но в другом месте своих записок он воспроизводил разговор с Хвостовым на похожую тему.

«– Я ведь, – говорил Хвостов, – человек без задерживающих центров. Мне ведь решительно все равно, ехать ли с Гришкой в публичный дом или его с буфера под поезд сбросить…

Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги. А он, поигрывая цветным карандашом, продолжал рассказывать, как его провел в этом деле и одурачил Белецкий. Он ведь опытный старый полицейский, а Хвостов лишь любитель, неопытен… Он рассказал, что под видом охраны за Распутиным ведется тщательное филерское наблюдение, что ему известно все, что Распутин делает…»

«Хвостов мне всегда казался натурой преступной, не задумывавшейся над выбором средств в намеченных целях», – подтверждал мнение Спиридовича Глобачев.

Воспоминания обоих жандармов написаны таким образом, что вызывают доверие. И все же, когда речь заходит о Хвостове, эти мемуары несколько обесцениваются неприязненным отношением их авторов и к Хвостову, и к Белецкому, которых высокопоставленные чины судили в своих «казенных сказках» куда строже, чем сибирского мужика, хотя логика в этом предпочтении, безусловно, была. В истории с Распутиным большая вина ложится на тех, кто пытался его использовать, чем на него самого.

А между тем попытки покончить с Распутиным продолжались. В декабре 1915 года Хвостов поручил убийство Распутина полковнику Комиссарову, несколько ранее назначенному Распутина охранять и относившемуся к объекту своей охраны довольно бесцеремонно. По показаниям Белецкого, именно Комиссарову принадлежит знаменитая фраза, которую цитируют все, стремящиеся разоблачить распутинскую религиозность: «Брось, Григорий, эту божественность, лучше выпей и давай говорить попросту».

«…это был большой интриган, готовый вступить с кем угодно в сношения ради своих личных выгод; каждое порученное ему дело мог испортить благодаря необычайно циничному на все воззрению и нравственной нечистоплотности», – охарактеризовал Комиссарова Глобачев. Относительно же подлинной задачи полковника выразился так: «Официальная его миссия заключалась в том, чтобы удержать Распутина от пьянства и оберегать от дурных влияний. В действительности же, как мы увидим, Комиссаров еще более старался его спаивать и вводил в круг его знакомых всяких проходимцев».

Предполагалось заманить Распутина под видом приглашения к какой-нибудь даме в глухое место, и там его задушить. Однако, как показывал на следствии Хвостов, «они меня надули, водили за нос… Белецкий все знал, как потом оказалось, все Распутину передавал; каждый наш разговор был ему доподлинно известен».

Не лучше повел себя и Комиссаров. «Приходя на квартиру к Распутину, Комиссаров громко кричал в присутствии посторонних, что разделается с этим мужиком, ругался площадной бранью и т. п. Однажды, например, будучи в гостях на даче у Бадмаева, Комиссаров, снимая кожу с копченого сига, сказал: "Так я буду сдирать шкуру с Гришки". Это и его личные рассказы об опытах с отравлением кошек при пробах яда для Распутина передано было последнему и совершенно отшатнуло его от Комиссарова», – писал Глобачев.

«…организация убийства совершенно не соответствовала нравам русской полиции», – деликатно выразился по этому поводу Ольденбург, и был недалек от истины. Организовать покушение на Распутина наша полиция действительно не захотела, не смогла, побрезговала или испугалась…

«Правительство не может становиться на путь мафии», – приводил в своих показаниях слова Белецкого ставший последним царским министром внутренних дел Протопопов. Сам же Белецкий в своих тяжеловесных показаниях писал, что исходил в этом вопросе из более глубинных соображений:

«…я всесторонне взвесил склад мистически настроенной духовной организации Государя, который видел в даровании ему долгожданного наследника проявление милости к нему высших и таинственных сил Провидения вследствие его молитв и общения с людьми, как бы имевшими особый дар предвидения будущего. Я учел постоянные опасения Государя и императрицы за жизнь наследника и единственную веру их в то, что только одна незримая мощь тех же сил и лиц способна спасти и продлить эту дорогую им жизнь. Я видел этому примеры в прошлом, до появления Распутина, в отношении к старцам, юродивым,

предсказателям и тому подобным лицам. И я пришел к тому заключению, что если исчезновение Распутина временно и успокоит, в силу одиозности этого имени, деспотизм общественного мнения о нем, то… оно неизбежно повлечет за собой появление во дворце какого-нибудь нового странного человека по типу тех же лиц, которые проходили ранее, вроде Миши Козельского, Вари-босоножки, Мардария и других, от которых Распутин впоследствии так ревниво оберегал свое влияние на высокие сферы…

…я решил… удерживая в своих руках все нити наблюдения и охраны Распутина, противодействовать в этом отношении Хвостову, усыпляя его бдительность».

«После недолгого раздумья Белецкий решил изменить своему начальнику и покровителю Хвостову, перейдя всецело на сторону Распутина. Заняв такую позицию, Белецкий, выражаясь языком Распутина, поставил себе целью "свалить Министра Хвостова"», – более четко сформулировал «позицию» Белецкого следователь Руднев.

Точно так же не собирались убивать Распутина ни Комиссаров, который, если верить его показаниям ЧСК, на предложение Хвостова «ликвидировать» Распутина, ответил: «Извините, Алексей Николаевич, я никогда разбоем не занимался», ни тем более Глобачев, который в ответ на провокационные беседы Белецкого о вредоносном влиянии Распутина на трон только удивленно посмотрел на своего собеседника, и «я, – как писал Белецкий, – убедился, что он не пойдет в этом вопросе на соглашение с Хвостовым».

Тогда преданный своими ближайшими помощниками и, судя по всему, совершенно потерявший чувство реальности – устранение Распутина стало для него чем-то вроде навязчивой идеи – Хвостов решил взяться за дело сам, тем более что Распутин его замучил.

«Просьбы Распутина, направленные непосредственно к Хвостову или через других лиц, буквально его засыпали. Хвостов увидел, что не так-то легко справиться с этим вопросом, тем более что в душе он сознавал весь вред Распутина для России. Кроме того, самолюбие Хвостова как министра немало страдало от сознания, что он попал в лапы мужика Распутина. Часто он получал от него письма, адресованные: "Министеру Хвосту" и чуть ли не с категорическими приказаниями», – вспоминал Глобачев.

Хвостов терпел эту фамильярность до тех пор, пока в нем была жива надежда стать премьер-министром вместо престарелого Горемыкина. Но в январе 1916 года на это место был назначен Борис Владимирович Штюрмер, и выбор

производился по тем же критериям, что и раньше, – лояльности претендента к другу.

«Милый, не знаю, я все-таки подумала бы о Штюрмере. У него голова вполне свежа. Видишь ли, у Х. есть некоторая надежда получить это место, но он слишком молод. Штюрмер годился бы на время, а потом, если понадобится, Х., или, если найдется другой, то можно будет сменить его. Только не разрешай ему менять фамилию: "Это принесет более вреда, чем если он останется при своей почтенной старой", как – помнишь? – сказал Гр. А он высоко ставит Гр., что очень важно», – писала Императрица мужу. И в другом письме: «Наш Друг сказал про Штюрмера: "Не менять его фамилии и взять его хоть на время, так как он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных"».

Штюрмер оказался действительно верным. «Наш Друг имел хорошую, длительную и приятную беседу с Штюрмером. Он велел ему приходить каждую неделю ко мне», – сообщала Александра Федоровна Царю.

«Темное прошлое этого человека, молва о коем указывала на целый ряд некрасивых поступков и на нечистоту рук, произвело тяжелое впечатление на депутатов, тем более что о связи его с Распутиным ходили упорные слухи», – отмечал в своих мемуарах Я. В. Глинка. Но, пожалуй, самое тяжелое впечатление новое назначение произвело на Хвостова, решившего, что виноват в его неудаче Распутин, который то ли недостаточно за него хлопотал, то ли, наоборот, против него интриговал, то ли вообще ни о каком назначении не думал, но требовал, как выразился генерал Глобачев, «уплаты по векселям» за прежние свои заслуги.

Обозленный министр решил избавиться от своего покровителя с помощью бывшего монаха Илиодора, который все это время проживал в качестве политического эмигранта в Норвегии, где сочинял свою пасквильную книгу в свободное от работы на заводе время. В Христианию с тайным поручением был послан газетный репортер и по совместительству платный агент Департамента полиции, мот и игрок Б. М. Ржевский, которого Хвостов в бытность свою нижегородским губернатором держал при себе чиновником по особым поручениям.

Относительно миссии Ржевского существуют разные толкования. По тем сведениям, которые сообщал Хвостов кадету и издателю И. В. Гессену, Ржевский должен был приобрести за крупную сумму рукопись Илиодора и спасти престол от крупного скандала («Его предложение показалось мне весьма приемлемым, тем более, что мы имели сведения, что немцы собирались использовать заключающиеся в этой книге сведения для

распространения их путем разбрасывания в наши окопы прокламаций с аэропланов», – рассказывал Хвостов), по другим данным – уговорить Илиодора осуществить убийство Распутина с помощью своих сторонников, а Хвостов был готов эту акцию проплатить.

Вырубова в своих показаниях следственной комиссии прокомментировала эту ситуацию следующим образом: «О том, что Хвостов или Белецкий собираются купить у Илиодора книгу "Святой черт", они мне не говорили. После ухода со службы Хвостова и Белецкого Илиодор только осенью 1916 года предложил по телеграфу Императрице купить у него эту книгу за 20 000 рублей, но Императрица отклонила это предложение, находя недостойным для себя отвечать что-либо Илиодору».

Ржевский добрался до Христиании, где встречался с Илиодором, однако на обратном пути на границе по приказу Белецкого (он был все-таки настоящий профессионал и не зря писал про удерживаемые им нити), которому удалось проникнуть в секретный замысел своего начальника, был остановлен и грубо допрошен. Не раскусивший провокации агент стал говорить о секретности своей миссии и неприкосновенности собственной персоны, благодаря чему весь план министра Хвостова сделался тайной полишинеля. Белецкий самым иезуитским образом сказал тайному агенту, что тот «не умеет быть конспиративным в отношении секретных поручений» и по отношению к нему будут предприняты все следственные действия. При обыске на квартире у Ржевского было найдено его письмо на имя Хвостова, которое однозначно свидетельствовало о причастности министра к интриге.

«…что должны жандармы сделать, найдя письмо, запечатанное на имя шефа жандармов? – возмущался Хвостов. – В зубах они должны доставить его немедленно шефу жандармов, как реликвию оберечь его, а они письмо это вскрыли и приобщили его к делу».

«…на мой ответ, что пакет был вскрыт офицером, производящим дознание, – с холодным торжеством прокомментировал эту ситуацию Глобачев, – Хвостов страшно заволновался и заявил, что такого офицера нужно уволить со службы. Несмотря на мои объяснения, что офицер поступил правильно, что офицер, производящий дознание, пользуется предоставленным ему законом правом вскрывать всю переписку, обнаруженную при обыске, даже если бы таковая была адресована на имя государя, Хвостов никак не мог успокоиться. Когда он, наконец, прочел содержимое, то вздохнул с облегчением и кинул: "Да, но тут ничего нет". Для меня стало ясно, что Хвостов в

письме ожидал чего-либо весьма неприятного, что могло стать известным и другим».

Сам же Хвостов показывал Гессену телеграмму, которую как будто бы прислал после всей этой истории Илиодор своему когда-то закадычному другу, а теперь смертельному врагу: «Григорию Распутину. Петроград. Гороховая, № 62. Имею убедительные доказательства покушения высоких лиц твою жизнь. Пришли доверенное лицо. Труфанов».

«Мы с Аней пережили тяжелые дни вследствие этой истории с нашим Другом, и не было никого вблизи, чтобы подать совет», – писала мужу ошеломленная происходящим Императрица. И ее можно было понять: те люди, которые были призваны ею охранять Распутина и которым она так доверилась, на назначении которых так настаивала, едва не отправили ее друга на тот свет, а ее выставили на посмешище.

«Я в отчаянии, что мы через Гр. рекомендовали тебе Хв. Мысль об этом не дает мне покоя, ты был против этого, а я сделала по их настоянию, хотя с самого начала сказала Ане, что мне нравится его сильная энергия, но он слишком самоуверен и что мне в нем это антипатично. Им овладел сам дьявол, нельзя это иначе назвать <…> Пока Хв. у власти и имеет деньги и полицию в своих руках, я серьезно беспокоюсь за Гр. и Аню».

«Хв. написал мне длинное послание, говорит о своей преданности и т. д., не понимает причины и просит принять его. Я переслал это Шт<юрмеру> с надписью, что я никогда не сомневался в его преданности, но приму его позднее, если он своим хорошим поведением и тактом заслужит, чтобы его приняли. Проклятая вся эта история!» – отвечал Император.

«Ты должен быть справедлив и лишить и Хв. его придворного звания. Я чрезвычайно жалею, что ему его оставили, так как в Думе говорят, что раз он стремится отделаться от Григ., потому что тот ему не понравился, он сможет это сделать с любым из нас, кто неугоден ему. Я не люблю Белецкого, но было бы очень несправедливо, если бы он пострадал больше, чем Хв. Он благодаря своей неосторожности потерял Иркутск, и этого достаточно, а тот подстрекал к убийству. Довольно об этой истории», – резюмировала Императрица.

Итогом всего стало падение обоих – как Хвостова, так и Белецкого (а некоторое время спустя и третьего участника – князя Андроникова, высланного по величайшему повелению в Рязань). И снова получался наглядный урок обществу: вот чем кончаются походы против Распутина.

Однако мало этого. Громкими отставками история, вопреки пожеланию Императрицы, не окончилась.

Еще в сентябре 1915 года, когда назначение нового министра только обсуждалось, Государыня писала в Ставку: «Андр<ников> дал А<не> честное слово, что никто не будет знать, что Хвостов и Белецкий бывают у нее (она видается с ними в своем доме, не во дворце), так что ее имя и мое не будут в этом замешаны».

К несчастью, все всплыло и сделалось достоянием общественности. В марте 1916 года Белецкий рассказал своему знакомому, главному редактору газеты «Биржевые ведомости» М. М. Гаккебушу-Горелову (которому он в свое время помог сменить фамилию), все обстоятельства несостоявшегося покушения с условием ничего не печатать, но…

«На другой день утром… ко мне позвонил сотрудник "Петроградской газеты" Никитин и упрекнул меня в том, что я ему отказал в беседе, а между тем дал ее корреспонденту "Биржевых ведомостей" <…> Статья эта произвела в Государственной Думе впечатление, подняла разговоры… депутат Керенский предполагает поставить ее основою запроса», – рассказывал Белецкий на следствии о том, как газетчики его обманули и без разрешения тиснули острый материал.

Белецкий написал возмущенное письмо в «Новое время», но оно только подлило масла в огонь.

«Сенсация была полная, так как публике преподносился весь скандал с организацией предполагавшегося убийства, как занятный бульварный роман. А через день или два появилось в газете и разъяснительное письмо самого Белецкого, которое косвенно подтверждало все сообщенное Гаккебуш-Гореловым. Дальше идти было некуда. Все дело Хвостова и К° было выброшено на улицу. Толпа ликовала. Но выходка Белецкого, вынесшего на страницы повседневной печати «дело», о котором еще производилось расследование, встретило самое горячее осуждение в правительственных и политических кругах. С выгодной позиции обвинителя он попал в обвиняемые. Он переинтриговал. Ему пришлось подать прошение об увольнении его с поста генерал-губернатора. С большим трудом удалось ему устроиться так, что его не лишили звания сенатора.

В конце концов, "дело" осталось в портфеле у Штюрмера, а Хвостову и Белецкому было предложено уехать на время из Петрограда. <…>

Так закончился описанный колоссальный скандал. Он имел огромное влияние на увеличение настроения против правительства, против режима, против Их Величеств. Он вскрыл и выбросил в публику, на улицу всю закулисную кухню распутинщины. Там не было разврата полового, но там в ярких

красках выявился разврат моральный, в котором копались высшие представители правительства. Вина Алексея Хвостова усугубляется тем, что он первый пустил сплетню-клевету о том, что Распутин – немецкий шпион, что у него, министра, имеются на то доказательства. Сплетня была подхвачена во всех кругах общества и повторялась затем многими до революции и во время революции со ссылками на Алексея Хвостова», – заключал генерал Спиридович.

Вместе с Хвостовым и Белецким был удален и Распутин («Наш Друг пишет с большой грустью, что Его удалили из П., там будет много голодных на Пасху»). Государь в который раз повторял прежний сценарий: наказывать всех, замешанных в скандале, и в этой повторяемости проступало нечто роковое. «Подельники» Распутина с политической сцены исчезали, а сам он на время уезжал, но потом возвращался, вернулся и на этот раз («23 апреля, в день Ангела Императрицы, из Сибири вернулся "Старец". За ним Царица посылала в Покровское двух дам и те привезли его. Он был горд, что его вызвали. Значит, он нужен…» – писал Спиридович). Но каждое возвращение Распутина сопровождалось новым витком влияния и новым скандалом, и каждое приближало одновременно к двум событиям: к его убийству и к революции.

Вероятно, странник что-то предчувствовал, он забеспокоился, заметался и кинулся обвинять во всем Вырубову, о чем Императрица докладывала Государю, «…эта скверная история с нашим Другом. Она постарается держать себя с Ним как можно лучше, хотя в теперешнем состоянии Он кричит на нее и ужасно раздражителен, – писала она мужу 11 февраля 1916 года, и сама удивленная тем, что святой человек может быть таким. – Но сегодня солнце, поэтому надеюсь, что Он опять стал таким, каким был всегда. Он боится уезжать, говоря, что его убьют. – Ну, посмотрим, какой оборот Бог даст всему этому!»

Последние слова очень важны – они многое проясняют в той довольно сдержанной реакции, с которой Императрица отнеслась к убийству своего друга менее чем через год. И все же в феврале 1916 года царица попыталась усилить охрану Распутина, обратившись для этого к военному генералу Беляеву, занимавшему должность начальника Генерального штаба.

На допросе в следственной комиссии 17 апреля 1917 года генерал Беляев оставил свидетельство о своем разговоре с Государыней и ее подругой.

«Беляев. Я отлично помню, что это было в субботу 6 февраля 1916 г. Звонит телефон из Царского Села, и Вырубова мне заявляет, что императрица Александра Федоровна желает со

мной переговорить. <…> Императрица меня ни разу не вызывала. Это был первый и единственный раз, что она меня вызвала. Я был очень смущен. Вырубова говорила, чтобы я непременно сегодня приехал, и указала поезд. Вечером я поехал в Царское Село. Я был очень удивлен, когда явился во дворец и мне заявили, что сейчас выйдет Вырубова. И ко мне обращается Вырубова, заявляя, что вот она получила известие, что на Распутина будет сделано покушение. Не могу ли я, со своей стороны, оказать какое-либо содействие, чтобы помочь <его> предотвратить? Я был в высшей степени удивлен этим обращением ко мне. Я вижу, что страшно нервная дама – это было вскоре после крушения поезда – вышла с костылем. Я ее шуточками стал успокаивать «что вы, помилуйте». <…> Затем, после четвертичасового разговора, она ушла, и вышла государыня. Императрица начала говорить о привязанности своей к Вырубовой, что ей очень жаль Анну Александровну, что вообще, может быть, я мог бы им помочь и это было бы очень приятно. В 10 часов я уехал и сейчас же по приезде в Петроград вызвал своего бывшего помощника, который служил по контрразведочной части. <…> Был и полковник Мочульский. Я вызвал двоих. Мы втроем пришли к убеждению, что в это дело не следует вмешиваться, что военная власть никакого отношения к такому делу не имеет. На следующую ночь был арестован кто-то такой, кто покушался.

Председатель. Кто был арестован?

Беляев. Я не знаю, Ржевский, кажется. <…> По приезде из Царского я говорил с генералом, заведующим контрразведкой, и полковником, и на следующее утро они передали по телефону, что в эту ночь был арестован этот господин, что все сделано, что все находится в руках министерства внутренних дел. <…> Насколько Вырубова произвела на меня впечатление нервной, впечатлительной белки, которая вертится в колесе, настолько спокойно, хладнокровно, почти не касаясь этого господина, со мной разговаривала императрица».

Из показаний Беляева следует, что никаких мер по усилению охраны Распутина со стороны военных принято не было, но вот что писала в своем дневнике 29 февраля 1916 года хорошо осведомленная Вера Чеботарева:

«Рита (Маргарита Сергеевна Хитрово, фрейлина императрицы. – *А. В.)* вернулась в трансах. Григорий был в соборе в поддевке, синей рубахе, стоял у самой решетки. Когда появилось малознакомое лицо, солдат сводного полка стал всплошную за его спиной, два других по бокам. Зачем этот вызов, это всенародное появление, эта охрана негодяя?»

А между тем все было очевидно.

«Я серьезно беспокоюсь за А.: если нашелся человек, способный подкупить других для убийства нашего Друга, то он способен выместить злобу на ней. Она сильно повздорила с Григ, по телефону из-за того, что у нее сильный кашель и m-me Б[54]. Потом приходили женщины и сделали ей сцену за то, что она не поехала в город, и кроме того Он ей предсказывает, что с ней что-то случится, что, конечно, ее еще больше волнует», – писала Императрица Государю, вольно или невольно раскрывая те реальные отношения, которые существовали в ближайшем распутинском окружении.

Вырубова получала анонимные письма с числами, которых ей надо опасаться (Распутин полагал, что автором анонимок был князь Андроников, и если сопоставить этот факт с процитированным выше анонимным письмом к Вырубовой о Хвостове, с этим трудно не согласиться), а сам бывший странник меж тем отправился просить помощи у генерала Спиридовича:

«Распутин в голубой шелковой рубахе, в поддевке, черных бархатных шароварах, высоких лаковых сапогах, чистый и причесанный, казался встревоженным. Поцеловавшись трижды, он поблагодарил меня, что я сразу их принял. Сели в гостиной. Теребя бородку, "Старец" стал жаловаться, что ему не на кого положиться. – "Нет, паря, верных людей… Все убийцы". Он жаловался, что Хвостов хочет его убить. Он хотел и просил, чтобы я взял на себя его охрану и охранял бы его моими людьми. Тогда он будет спокоен, а то его убьют. "Все убийцы".

Я стал успокаивать его, что Петербургское Охранное Отделение очень хорошо охраняет. Но что ни я, ни мой отряд, мы не можем его охранять, не имеем права. Что у нас одна забота, одна обязанность – это охрана Государя и его семьи. Вы знаете это отлично, Григорий Ефимович. Ведь, кроме Государя с Семьей и Императрицы-матери, мы никого не охраняем. Даже великих князей и тех охраняет Петербургское Охранное Отделение. Я старался быть убедительным. Он слушал внимательно, впиваясь в меня пытливо. Казалось, он хотел прочесть мои мысли. Глаза его кололи, как иглы. Казалось, он понял. Казак доложил, что готов чай. Пошли в столовую. Распутин попросил мадеры. Ее не оказалось. Случайно нашлась бутылка шампанского. Он обрадовался. Выпив стаканчик, два – повеселел, стал речистей. Рассказал, что у него произошло вчера со Штюрмером у митрополита. Все сходилось с тем, что мне уже было известно. Хотят, чтобы он уехал, а он не уедет. Никуда. Ни за что.

– Они, милой, по дороге-то убьют меня! Беспременно убьют! А если не убьют, то так сошлют, что и сам Царь не узнает, куда

упрятали.

"Старец" разволновался. Он горячился по адресу Хвостова. Он рассказал, как Хвостов старался напортить мне у Государя, когда узнал, что Дворцовый Комендант выставил мою кандидатуру на пост Петроградского Градоначальника.

– Они (Хвостов) против тебя, милой. Он УБИДИЛ Папу против тебя, парень. Понимаешь ли – У-БИ-ДИЛ, – подчеркивал он. – Он много говорил, ну и У-БИ-ДИЛ…

И вновь посыпались упреки и жалобы на Хвостова.

– Нехороший человек. Обманщик. Все взял, что надо было, и обманул. Совести нет. Жулик. Просто жулик. Ну и капут ему. Капут!

Распутин рассказал, что Государь приказал Штюрмеру указать трех кандидатов на место Хвостова. Что некоторые уже забегали к нему.

– А я сказал – не мое дело. Папа сам знает. Буду вот звонить сегодня Папе: пусть не принимает завтра "Толстого". Он добивается… Пусть откажет… Гнать его надо убийцу. Убивец! Убивец!

"Старец" осушил стакан, вскочил и, засунув руки в шаровары, зашагал по комнате. Казак убирал со стола. – "Ишь ты, всю бутылку осушил один", – заметил он. – "Да, пьет здорово", – ответил я. А видимо, большой сумбур идет, приходило мне в голову, если Распутин так сильно перетрусил и обращается к нам за защитой. Не верит Петрограду. Все изолгались, изынтриговались».

Вернее всего, Распутин пил, желая заглушить отчаяние и страх. Весной 1916 года человеку и с менее развитым чутьем стало бы понятно, что он обречен. Против опытного странника была запущена машина. Еще трудно было сказать, когда и каким образом этот механизм сработает, но царский друг понимал главное – защищать его жизнь никто не станет. Его смерти хотело слишком много самых разных людей. Он восстановил против себя всех, кого только было можно, – патриотов, либералов, монархистов, масонов, офицеров, союзников, аристократов, плебеев, мещан…

Его смерть витала в воздухе и только не знала, какие ей принять очертания.

«…верно папа сказал: "Смерть подружка моя"», – вспоминала в дневнике слова своего отца уже после его смерти Матрена Распутина.

«Я еще раз вытолкал смерть. Но она придет снова… Как голодная девка пристанет…» – говорил Распутин после очередного несостоявшегося убийства, удивительно точно сводя

две вечные людские темы – любовь и смерть.

«…когда Распутин был в Казанском соборе, то какая-то из нищенок-богомолок, узнав в толпе Распутина, громко сказала: "Такого душегуба следовало бы задушить"», – писал в мемуарах Глобачев об этом *voxpopuli*.

«…два пьяных морских офицера вчера в Царском Селе явились на дачу Вырубовой и требовали сказать им адрес Распутина», – вспоминал он же.

«Сегодня уверяли, что Григорий назначен лампадником Феодоровского собора. Что за ужас! А ненависть растет и растет не по дням, а по часам, переносится и на наших бедных несчастных Девчонок, Их считают заодно с Матерью», – отметила в своем дневнике Вера Чеботарева.

Его ненавидела почти вся страна. Это было то самое время, когда даже известный всему Петербургу православный старец сказал о своем старом казанском знакомце, которого некогда отговаривал ходить в столицу: «Убить его, что паука: сорок грехов простится…»

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Дела церковные. Два старца. Письмо Евлогия. Священномученик Андроник. Попытка Востокова. Обер-прокурор Волжин. Утопия князя Жевахова. Принцип Штюрмера. Опала митрополита Владимира. Судьба Питирима

Об этих, казалось бы, невероятных словах старца Гавриила (Зырянова), знакомого с Распутиным еще со времен Казани, известно из книги епископа Варнавы (Беляева) «Тернистым путем к небу». В ней описывается и комментируется такой случай из жизни ее автора:

«Прихожу к Алексею-затворнику[55], тот в заметном волнении.

– Представьте себе, что отец Гавриил Великой Княгине (Елизавете Федоровне. – *А. В.)* сказал. Она спрашивала его про Распутина.

(При дворе, как я знаю, было несколько партий; у императрицы была родственница, не менее ее настроенная мистически, с преклонением перед старчеством, но не столь разборчивая; да и то сказать, надо иметь большое духовное прозрение, чтобы отличать истинно святого от человека, близкого к бесам и их чудесам; стоит только вспомнить, кто ввел этого Распутина…)

– …И что же он сказал?! "Убить его, что паука: сорок грехов простится…"

Читатель уже знает про шутки о. Гавриила, но в таком сочетании слов, значений и обстоятельств еще их не встречал.

– Но какое же мое положение, – продолжает старец, к которому ездила вся Гатчина, все графини и княгини и весь набожный двор. – Великая Княгиня спрашивает меня: "А вы, батюшка, как думаете? Ведь вы понимаете, что это значит? Понимаете?"

Я молчу, даю старцу высказаться до конца. Понятно, Дмитрий Павлович, Пуришкевич, Юсупов если бы знали об этом – а они, конечно, не могли знать, – имели бы лишний козырь в своих действиях и ссылались бы, веруя или не веруя: "Вот и старцы…"

– Я ей отвечаю: "Нет, я не могу благословить… Что вы, да разве это можно… Нет, не могу"».

Расхождение более чем трагическое: один старец готов убийство благословить, другой – нет. Комментировать эту ситуацию немыслимо, но можно констатировать одну вещь: до какой степени должна была накалиться атмосфера и в обществе,

и в Церкви, чтобы благочестивый монах в уединенной келье («Он имел колоссальную свободу духа, в которой только и познается истинная высота подвижника», – писал о старце Гаврииле епископ Варнава, предваряя вышеописанный эпизод), пусть и в сердцах, пожелал на склоне лет чьей-то смерти. Позднее это настроение отзовется и в приветственных телеграммах, которые пошлет Елизавета Федоровна убийце Распутина Великому Князю Дмитрию Павловичу и матери Феликса Юсупова княгине Зинаиде Юсуповой, что также трудно укладывается в голове: как могла православная монахиня, впоследствии принявшая мученическую кончину и причисленная к лику святых, приветствовать убийц? Но так было.

Впрочем, и тут Распутин пожинал плоды своей политики. И тут он настроил против себя очень многих людей. Изгнания Самарина ни в церковной среде, ни в обществе ему не простили. А сам находившийся еще не так давно под церковным следствием сибирский крестьянин по-прежнему и даже больше чем когда бы то ни было влиял на положение дел в Церкви и в Синоде, где архиереи еще пытались ему противостоять, но без особого успеха и без прежнего рвения.

Митрополит Евлогий писал в своих воспоминаниях о том, как однажды после рассказов рязанского губернатора о вредном влиянии толков о Распутине в войсках его «подбили написать об этом Государю с обещанием доставить по назначению через верные руки».

«Я, – вспоминал митрополит, – написал довольно горячее письмо; конечно, оно не имело никаких последствий, не знаю даже, было ли оно доложено Государю, скорее думаю, что нет…»

Известны, впрочем, случаи, когда архиереи напрямую обращались к Императору в связи с Распутиным. О подобном эпизоде рассказывается в «Житии» священномученика Андроника, архиепископа Пермского:

«В 1916 году владыка ездил в ставку Верховного Главнокомандующего с депутацией от Пермской губернии.

Находившийся ранее в Перми Троицко-Сергиевский пехотный полк получил в этом году название "Пермский", и пермяки поднесли полку новое знамя. После торжественной церемонии пермская депутация была принята Государем. На другой день епископ Андроник служил литургию в походной церкви при штабе главнокомандующего в присутствии Государя и офицеров ставки. Когда Государь приложился ко кресту, владыка попросил у него позволения поговорить с ним наедине. Государь согласился и пригласил его в здание штаба. Во время свидания епископ стал увещевать Государя, говоря ему, что Григорий

Распутин личность недостойная, что о нем много говорят грязного, нехорошего, и близость его к царской семье порождает множество сплетен и компрометирует Государя.

Молча выслушал Государь святителя, и когда тот кончил, встал с кресла и позвонил в колокольчик.

– Граф, проводите владыку! – сказал Государь вошедшему министру двора графу Фредериксу. И сам пошел к выходу. В дверях он обернулся и сказал:

– До свидания, владыка, советую вам не верить всякому вздору.

Император был задет этим выговором. Но святитель не мог не сказать того, в чем был убежден, ища не своей выгоды, а пользы Государя и народа. Ответ Государя и невозможность откровенного разговора с ним были весьма прискорбны ему.

В отличие от многих архиереев и пастырей, равнодушно смотревших на жизнь современного им государства, епископ считал это равнодушие пастырей к политической жизни страны весьма предосудительным, причину его видел в лени и нежелании потрудиться и вникнуть в существо происходящих событий».

Это было не совсем так. Причина «равнодушия пастырей» к политической жизни состояла не в их нежелании трудиться и лени, а в бесплодности всех усилий и трудов, некогда начатых епископом Феофаном и кем только не продолженных. Вразумить Императора не удалось никому, и от безысходности оставалось разве что слушать совета старца Гавриила или же идти по пути, предложенному протоиереем Владимиром Игнатьевичем Востоковым, одним из самых известных и ярких московских проповедников, входившим в окружение Великой Княгини Елизаветы Федоровны и А. Д. Самарина. В борьбе с Распутиным отец Владимир Востоков был ветераном. Еще в 1913 году за статью о Распутине, опубликованную в духовно-литературном ежемесячнике «Отклики на жизнь», он был удален митрополитом Макарием из Москвы в Успенскую церковь Брусенского монастыря под Коломной.

«Московский священник Востоков в издаваемом им журнале много писал о Распутине и об отношениях сего последнего ко Дворцу. В одной из своих статей он дерзнул употребить выражения недозволительные в отношении к священным особам. На это обращено было внимание Св. Синода, который дал знать мне, как епархиальному начальнику, чтобы Востоков административно перемещен был из Москвы в сельский приход», – писал об этом впоследствии митрополит.

Опала иерея не остудила и не помешала бороться против

Распутина и в дальнейшем, вызывая гнев Императрицы.

«Был у священника Востокова, который все время открыто выступает против старца, – отметил в своем дневнике историк С. Мельгунов. – Востоков по поводу своих выступлений в журнале "Отклики и жизнь" (систематически конфискуются) был вызываем к Климовичу и Мрозовскому. Те требовали, чтобы Востоков прекратил свои выступления. Он решительно отказывался – это его долг <…> Востоков утверждает, что Распутин – хлыст, который все делает, чтобы разрушить церковь и таинство брака. Востоков писал уфимскому епископу Андрею о том, что необходимо отторгнуться от официальной церкви, которая, благодаря Распутину, совершенно дискредитирована. Епископ Андрей убеждал Востокова повременить, но писал, что он и другие с ним.

По словам Востокова, собрал богатые материалы о Распутине Новоселов. Востоков говорит о необходимости обзавестись типографией для издания документов о Распутине. Священник заговорил о нелегальной типографии! Еще более знаменательно то, что Востоков говорит о необходимости переворота вроде тех, которые были при Екатерине, Павле. Нужен переворот, а не революция – последней, как духовный пастырь, он проповедовать не может. Если учесть связь Востокова с кружком Самарина, то станет ясным, что в этих кругах говорят определенно о перевороте».

Если все это правда, то получается еще один очаг заговора против Императора и Синода, причем идущий от священника. Ничего подобного бунту Илиодора тут быть не могло, и характерна реакция епископа на призыв иерея к неповиновению, но вместе с тем показательно общее настроение, свидетельствовавшее о переполненности того котла, в котором варилась русская история накануне революции. В том числе это касалось и внутрицерковных отношений.

В уже цитировавшемся в предыдущей главе письме некоего анонима к Вырубовой есть такие строки:

«Уважаемая Анна Александровна.

Я чуть не умер от разрыва сердца, прочитав полученный от нашего дорогого владыки Варнавы прилагаемый при сем духовный журнал "Отклики жизни". Боже мой, какие патентованные мерзавцы господа Самарин и Щербатов. Дальше этого идти некуда. Я позволил себе подчеркнуть Вам все вопиющие грязные подлости поганого попа Востокова, законоучителя дома Самариных, которого мало вверх ногами повесить. Он, как Вы изволите усмотреть из подчеркнутых мест, говорит о развале Церкви и христианской этики. То, что

проповедают разные жидки в своих газетах "Дне", "Биржевке" и других, все это бледнеет пред писаниями этого служителя нашей Церкви. Не подлежит никакому сомнению, что без поддержки Самарина и его компании этот зарвавшийся поп не посмел бы писать такие мерзости. Они сами не верят в то, что приписывают Распутину и Варнаве, но посредством нападок на них они стремятся поколебать Престол, авторитет власти и посеять в стране смуту. Это последнее обстоятельство заставляет именно обратить серьезное внимание на всех этих зловредных лиц. Особенно возмутительно прошение Министру Внутренних Дел князю Щербатову на странице 139, поданное ему священником Востоковым и его прихожанами 2 сего сентября. В нем говорится, что Григорий Ефимович "явно сочувствует преступной немецкой партии и что он более вредный, чем сотни самых отчаянных агитаторов революции".

Как изволите видеть, простой, бесхитростный русский сибиряк, беззаветно преданный нашей ЦАРСТВЕННОЙ Семье, является для этих господ более опасным и вредным, чем сотни самых отчаянных агитаторов революции. Это ясно показывает, куда метят поп Востоков и его вдохновители Самарин, Джунковский, Гучков и другие».

Заканчивалось же это послание просьбой «представить прилагаемый журнал ИХ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ».

Передала или нет Вырубова донос по адресу, неизвестно, но о деятельности Востокова и его связи с Самариным Императрица была в курсе, и слово «адрес» прозвучало в ее переписке в ином значении.

«В Москве хотят поднести адрес Самарину, когда он вернется из деревни! – писала она Государю 3 октября 1915 года. – Кажется, этот мерзкий Востоков послал ему от имени двух паств, Московской и Коломенской, телеграмму, поэтому милый маленький Макарий приказал духовной консистории получить копию этой телеграммы и расследовать, какое имел право Востоков послать подобную телеграмму. Хорошо бы, если бы этот маленький митрополит отделался от Востокова! Давно пора. Он причиняет бесконечные неприятности, и это он руководит Самариным. Москва вообще гиблое место».

Востокова, в то время служившего в тюремной церкви города Клина, удалили из московской епархии в уфимскую, но дело получило большой резонанс. Отец Владимир был любим своей паствой, как писал один из его прихожан, «замечательный проповедник, несребролюб, в жизни очень скромный, он быстро приобрел много почитателей и стал одним из самых популярных людей города. Скоро тюремная церковь не смогла вмещать всех

приходящих его послушать. Начали устраивать службу прямо на лугу перед церковью». Его поддерживали весьма влиятельные силы, и не только московские в лице Самарина или Великой Княгини Елизаветы Федоровны, но также уфимский епархиальный архиерей епископ Андрей, в миру князь Ухтомский. За Востокова также вступился другой очень известный московский священник, имевший репутацию черносотенца, чью фамилию даже современники иногда путали с фамилией отца Владимира – протоиерей Иоанн Восторгов[56]. Он был настоятелем Покровского собора на Красной площади и до определенного времени, как уже говорилось, считался «распутинцем».

«Распутин относился к нему благожелательно и, во время моего состояния в должности, как Распутин, так и А. А. Вырубова под влиянием А. Н. Хвостова, старого, – близкого и дорогого знакомого Восторгова, даже оказывали последнему поддержку в его стремлении получить викториатство в Москве», – писал Белецкий. Но, по его же свидетельству, однажды отец Иоанн выступил со статьей, в которой в «несколько, правда, туманных выражениях очертил роль Распутина в этом деле», то есть в удалении отца Владимира Востокова.

«Этот очерк заинтересовал также и Распутина, который, при свидании со мною, сам меня первый спросил по поводу Восторгова и добавил, что "теперь Восторгову – крышка, ничего он не получит". И действительно – не получил, хотя об этом назначении просил Государя митрополит Московский Макарий: "Мое ходатайство о назначении протоиерея Восторгова во епископа Святейшим Синодом доселе не удовлетворено <…> я убежден, что в нем я найду верного, усердного и опытного помощника…"»

То, что протоиерей Иоанн Восторгов поддерживал отца Владимира Востокова в его противостоянии Распутину, подтверждается и письмом, которое Востоков отправил на имя митрополита Макария летом 1915 года. Текст этого письма приводит в мемуарах В. Ф. Джунковский, ошибочно приписывая его протоиерею Иоанну Восторгову (и ту же ошибку повторила в известной книге «Царская семья – жертва темной силы» Л. П. Миллер, произвольно текст документа сократив за счет изъятия фрагмента, однозначно доказывающего, что Иоанн Восторгов автором письма быть не мог).

По силе своей это послание можно считать одним из самых ярких и значительных антираспутинских манифестов.

«Ваше высокопреосвященство милостивый архипастырь и

отец! Глубокая скорбь от лютых бед нашей Родины и моя совесть обязывают сказать Вам дерзновенное слово, простите.

Россия на краю ужасной пропасти. Злой развратник, хлыст – Распутин докапывает России могилу. Соблазн от его мерзостей вырос до невероятных размеров. С точки зрения православно-христианской, мерзости Распутина давно заслужили решительного, гласного осуждения, но и с точки зрения монархистов, все еще проповедующих молчание о Распутине и о прочих соблазнах, не бороться с хлыстом, вмешивающимся в государственную жизнь, думаю, есть преступление. Распутин давно оскорбляет Церковь, он же своим темным покровительством разным искательным бездарностям и преступникам разрушает государственную жизнь, подкапывается под священный престиж русского царя. Он открыто растлевает женщин и волнует соблазняющийся его безнаказанностью народ. Сейчас он, кроме того, всячески играет в руку немцев; значит, является злым предателем Отечества, как его совершенно справедливо, еще два года назад печатно назвал преосвященный Андрей, епископ Уфимский.

Сам отец Восторгов, до сих пор, несмотря на свое звание синодального миссионера, красноречиво молчавший о всех мерзостях Распутина, недавно в собственноручном его письме ко мне назвал Распутина "злой силой", но быть у власти в наше время и молчать против "злой силы", с ее влиянием на жизнь церковно-государственную, не значит ли уподобляться робкому часовому, который, завидя со своего поста врага, подползавшего уже к пороховому погребу, чтобы взрывом его залить все и всех огнем, стоит бездейственный или убегает? Так, по крайней мере, начинают серьезно думать русские люди о носящих власть и попустительствующих Распутину.

Новый обер-прокурор Святейшего Синода прекрасно сказал в своей вступительной речи: все, соблазняющее народ, должно быть немедленно искореняемо. Члены Святейшего Синода ответили ему, что и их одушевляют мысли и чувства им выраженные. Все доброе и честное в стране облегченно вздохнуло от прекрасных слов, но ждет воплощения их в дело. Если же и после столь торжественного, ясного заявления церковной иерархии в борьбе с накопившимися церковными соблазнами распутинское зло останется в прежней силе, при молчании о нем церковной власти, то народ вправе будет назвать такую власть лицемерною, а это ведь ужасно! Что может быть грешнее и разрушительнее лицемерия!

Вот почему, Владыко, в глубокой горести душевной принял я на себя смелость горячо умолять, неотступно умолять Вас от

скорбящих многих добрых и верующих русских людей: немедленно скажите слово осуждения развратному хлысту, злому предателю России Григорию Распутину, требуйте предания его церковному суду до отлучения от святой Церкви включительно. Все данные к тому есть для тех, кто не захочет закрывать глаза на распутинские преступления или кто не хочет робеть пред его темным влиянием…

Ради Бога снимите, наконец, черное пятно молчания с Русской Церкви против явного, многолетнего, беззаконного преступления, иначе это пятно несмываемое на позор вольется в страницу русской истории, а самому Распутину дальнейшее молчание церковной власти развяжет руки докопать могилу России.

Два года назад я писал духовнику их величеств Васильеву об ужасных для России последствиях распутинского влияния, и он в своем ответе, называя мои письма серьезными, сказал мне, что отвечать на них нужно не только словом, но и делом. Между тем преступные распутинские щупальцы все глубже впиваются в несчастную страну, сейчас, по крайней мере, он снова на зените своего влияния.

Вот почему, Владыко, опять и опять хочется умолять Вас всех, власть имущих: "Удалите нечестивого от царя и Престол его цельным сохраните при помощи Всевышнего".

Вы, Владыко, – инок, Вам некого, кроме Бога, бояться, Вам нечего терять и достигать. Все земное Вы уже заслужили, заслужите же подвигом спасения Отечества славу небесную вечную. Ради спасения души своей, ради страха перед Судом Божиим, ради блага царя и Родины, которые Вам более чем кому-либо дали земного благополучия, пронесите по стране свой мужественный, правдивый, святительский глас против Распутина и всех распутинцев, невзирая на лица их, станьте достойным подражателем св. Филиппа, самоотверженного обличителя опричнины, и Господь Вас благословит, Россия будет Вам вечно благодарна!

Вы, Владыко, промыслом Божиим возведены на самую высоту свещницы церковной, и от Вас страждущая страна ждет защиты. Воины, миряне, все ныне самую жизнь отдают на защиту Родины от врага внешнего, имеем ли мы, воины царя небесного, духовные лица, право молчать против врага лютого внутреннего, более вредного ныне, чем все сектанты и агитаторы революции, взятые вместе. Ведь наше робкое молчание ныне равно измене Церкви, царю и Отечеству».

Ответом отцу Владимиру была, как уже говорилось выше,

высылка в Уфимскую епархию, а Распутин между тем продолжал наступать, оправдывая предсказания изгнанного протоиерея. Не без участия Распутина практически было сломлено сопротивление Святейшего синода. Это произошло не сразу, но произошло. Новый обер-прокурор А. Н. Волжин, сменивший в конце сентября 1915 года Самарина, против Распутина не выступал, но вместе с тем не был ни его сторонником, ни тем более ставленником, и в конце концов был вынужден уйти в отставку.

«Честный, прямой и благородный, он, как мы видели, не пошел по пути компромиссов и этим сразу восстановил против себя "Царское", – писал о Волжине протопресвитер Шавельский. – Что он отказался от знакомства со "старцем" и уклонился от визита Вырубовой, уже одного этого там не могли простить ему. Но он, кроме того, вел борьбу не на жизнь, а на смерть с митрополитом Питиримом. При поддержке своих верных друзей, как и надо было ожидать, митрополит Питирим победил».

Иную оценку личности Волжина дал князь Жевахов. В его воспоминаниях приводится его беседа с обер-прокурором, в которой упоминается и Распутин.

«…чрезвычайно нежно, вкрадчиво и любовно спросил меня:

"А как вы… насчет Распутина?.."

Такое грубое ощупывание моего нравственного облика заставило меня очнуться… Я понял, что означал этот вопрос; однако сдержался и, вопросительно глядя на А. Н. Волжина, спросил его:

"Т<о> е<сть>?.."

А. Н. Волжин, как мне казалось, смутился и, точно отвечая на невысказанные мною мысли, живо сказал:

"Ну да, конечно, я понимаю: какое же может быть знакомство с ним; но… Вы, верно, встречались когда-нибудь"…

"Не только встречался, но Распутин был у меня даже на квартире, лет пять тому назад; но потом я его не видел больше… У меня на его счет особое мнение, какое не удовлетворяет ни друзей, ни врагов его"…

А. Н. Волжин прервал меня, сказав:

"А я, знаете, боюсь его и не решился бы принять его даже в своем служебном кабинете, в Синоде"…

"Я думаю, что здесь недоразумение, – ответил я, – зачем выделять его из общей массы просителей и тем подчеркивать его особенное значение?!"

А. Н. Волжин снова прервал меня:

"Если бы я его принял, то не иначе, как при свидетелях".

"Эта боязнь Распутина, – сказал я убежденно, – и создает ему

тот пьедестал, с которого он виден всему свету… Уж если министры боятся его, значит, он действительно страшен… Имя Распутина, наоборот, нужно всячески замалчивать; это интимная, частная сфера Их Величеств, куда никто не должен заглядывать… Я хорошо понимаю, с каким недоверием относятся к тем, кто это проповедует; но я говорил и буду говорить, что крики о Распутине, все равно добрые или злые, опаснее самого Распутина и что никто из преданных и любящих Государя не должен даже говорить о Распутине, точно его и нет вовсе… Каким бы Распутин ни был, но ни Государь, ни Императрица никого не принуждают считать его святым, а конкретных преступлений не могут указать и его враги… Тот же факт, что Распутин действительно предан Царю, никем не отрицается… В государственную опасность Распутина я не верю… Его вмешательство в государственные дела также ни в чем не выражается… Смотрите на него как на заурядного просителя… Если он будет добиваться чего-либо противозаконного, то откажите ему в просьбе; если же его просьба исполнима, то нет резона отказывать только потому, что она исходит от Распутина… Для меня он никогда не был загадочным сфинксом. Я давно уже не видел его; но помню, что далеко не все, что он говорил, было глупо… Напротив, многое казалось мне интересным… Он, несомненно, человек недюжинного ума, хитрый, проницательный; но это вовсе не преступник, имеющий готовые программы и проводящий их в жизнь. Он может сделаться орудием в руках других, но сам неспособен играть первых ролей"…

Эти слова, по-видимому, несколько смягчили А. Н. Волжина. Я был убежден, что А. Н. Волжин держался такого же мнения и искренно разделял мои точки зрения и что, стараясь отмежеваться от Распутина, он делал это только для того, чтобы рассеять то подозрение в близости к Распутину, какое тяготело над каждым вновь назначенным министром…»

Позиция князя Жевахова, человека, по мнению многих историков, довольно темного, была очень ясна и проста, но несколько утопична и мало применима на практике. Следовать ей не получалось, и распутинский вопрос, еще несколько лет назад разделивший и Синод, и правящих архиереев на два лагеря, обострился к 1915 году донельзя. Нужно было выбирать, чью сторону ты занимаешь.

«Члены Синода раскололись на распутинцев, антираспутинцев и нейтральных. Атмосфера недоверия царила в Синоде. Члены Синода подозревали и боялись друг друга. И походил наш Синод на тот воз, который везли лебедь, рак и щука», – заключил протопресвитер Шавельский, и сам бывший

членом Синода в последние годы его существования.

Это касалось не только архиереев, «…громадное значение в смысле устойчивости положения министра имело то обстоятельство, какую позицию министр занял в отношении Распутина: дружескую, враждебную или безразличную. Министру нельзя было оставаться к этому вопросу совершенно равнодушным. Нужно было непременно принадлежать к одной из категорий: "наших или не наших", ибо если сам Распутин и не придавал этому большого значения, то зато вся клика, его окружающая, придавала этому первенствующее значение, так как это обстоятельство касалось ее личных интересов», – писал генерал Глобачев. Но в церковной среде, наиболее восприимчивой и требовательной к нравственной стороне дела, такая зависимость была особенно болезненной, влияние Распутина слишком велико, а последствия подобных назначений наиболее очевидными. Русская Церковь сопротивлялась сильнее, чем русская бюрократия, в ней сложнее происходили все отставки и назначения, и одной из жертв подобного выбора и едва ли не самой трагической фигурой в истории нашей Церкви до Февральской революции как раз в связи с личностью Распутина стал митрополит Питирим (Окнов), которого упоминал Шавельский.

Питирим занял Петроградскую кафедру в ноябре 1915 года. Этому предшествовал перевод прежнего Петроградского митрополита Владимира (Богоявленского) из столицы в Киев, событие в нашей церковной истории беспрецедентное, и причиной тому историки однозначно называют Распутина.

«Три года Владыка управлял Петербургской епархией и это было труднейшее время для церковно-общественной работы, ибо тогда усиливалось в Петербурге влияние "темных сил", т. е. "распутинство". Митрополит Владимир со свойственными его характеру прямолинейностью и твердостью убеждений вел посильную борьбу с темными силами.

Борьба эта была особенно трагична по своему внутреннему смыслу, при наличии того тягостного и рокового недоразумения, которое существовало между лучшими кругами русского общества, к каковым примыкал Митрополит Владимир – с одной стороны, и Государыней Императрицей Александрой Феодоровной – с другой стороны, – писал в книге «Новые мученики Российские» протопресвитер М. Польский. – Государыня – самоотверженная, беспредельно любящая мать, более всего в жизни любила своего сына – Наследника Цесаревича и более всего трепетала за его судьбу. И вот этой-то силой материнской любви воспользовались темные силы.

Случайным ли стечением обстоятельств или действием темных нам неведомых сил произошло то, что Императрица глубоко уверовала, что судьба Наследника Цесаревича тесно связана с судьбой "старца" Григория Распутина. На этом убеждении Царицы построено было его громадное, почти неограниченное влияние.

Когда это влияние стало оказывать действие в сфере церковной жизни, Митрополит Владимир счел для себя невозможным дальнейшее молчание и попросил аудиенции у Государя.

Архиереи вообще имели очень редко аудиенции у Императора. Все сношения между ними обычно поддерживались чрез Обер-Прокурора. Обер-Прокурор, в данном случае, – В. К. Саблер, узнав о цели, с какой митрополит Владимир желал видеть Государя, предупреждал Владыку о том, что это очень болезненная и сложная тема. Но Митрополит смело шел на исполнение того, что он считал непременным своим священным долгом и как Первосвятителя Церкви и как верноподданного.

Добившись аудиенции, Митрополит Владимир смело и прямо указал Государю на все сплетни и грязные рассказы, которые ходили в обществе в связи с именем Распутина, указал на гибельность его влияния, особенно в церковных делах.

Государь, прослушав Владыку Митрополита, сказал, что, быть может, он и прав во многих отношениях, но что Царица-мать никогда с этим не согласится.

Государыня, узнав о разговоре Государя с Митрополитом, была страшно возмущена и горячо негодовала против Митрополита за его вмешательство в семейную жизнь царской семьи. Государыня заявила, что Митрополит – не верноподданный, если он может допустить грязные сплетни и разговоры о царской семье и передавать их Государю, когда в действительности ничего этого нет. В ответ на обвинения против Распутина она говорила, что "старец Григорий неоднократно спасал жизнь нашего сына Наследника Цесаревича" и никогда грязной мысли о старце она не допустит. <…>

Митрополит Владимир в 1915 году впал в немилость и был удален из Петрограда на кафедру митрополита Киевского».

Таким образом, разговор митрополита Владимира с Государем состоялся не позднее начала июня 1915 года (когда был смещен Саблер), и, следовательно, уже с этого времени Государыня вынашивала планы перевести его из столицы. Вместо Владимира на Петроградскую кафедру и был назначен Питирим, которого безо всяких обиняков связывали с Распутиным.

В самых уничижительных выражениях оценивал Питирима протопресвитер Шавельский:

«В ряду русских иерархов того времени архиепископ Питирим являлся совершенно бесцветною личностью. Не выделялся он среди них ни ученостью, ни благочестием, ни особой деятельностью, ни вообще какими-либо дарованиями или заслугами. Будучи еще молодым монахом, он приглянулся В. К. Саблеру. Рассказывали, что митрополит Питирим в молодости отличался миловидностью, вкрадчивостью и очень театрально служил.

Эти качества будто бы и расположили к нему Саблера. С этого времени и понеслась головокружительно вперед его карьера. <…>

Питирим вступил на Петроградскую митрополичью кафедру в такую пору своей жизни, когда внешние качества, как красивая наружность, которыми он раньше кой кого очаровывал, теперь с годами исчезли, а высоких духовных качеств, которые теперь были бы очень не лишними для его высокого сана, ему не удалось воспитать. Сейчас он представлял собой довольно невзрачного, слащавого, льстивого и лживого старика. Несмотря на свои 58 лет, он выглядел стариком. Бегающие, никогда не смотревшие на собеседника глаза, борода мочалкой, вкрадчивый, как бы заискивающий голос, при небольшом росте и оригинальной походке, делали его фигуру скорее жалкой, чем величественной, и безусловно несимпатичной. И, однако, за последние два царствования ни один из митрополитов не был так близок к царской семье и столь влиятелен в делах, как митрополит Питирим. В то время, как прежние митрополиты удостаивались бывать в царской семье два-три раза в год, митрополит Питирим бывал почти каждую неделю, мог бывать, когда только ему хотелось. <…>

Перед митрополитом Питиримом заискивали, к нему за советом ездили даже министры. Конечно, такого влияния митрополит Питирим достиг не личными высокими качествами, не какими-либо заслугами перед церковью или государством, – и те и другие, к сожалению, у него отсутствовали, – а кривыми путями, в выборе которых он не стеснялся.

Мне кажется, что царь и царица, слепо верившие и в чудодейственную силу, и в святость Распутина, весьма огорчались тем, что наши лучшие епископы и наиболее видные представители белого духовенства не разделяли их взглядов на "чудотворца". Хоть с высоты царского величия они и старались игнорировать преобладающее и в епископате, и клире отрицательное отношение к Распутину, но они много дали бы, чтобы такого отношения не было. Поэтому-то всякий, даже самый ничтожный епископ или клирик, становившийся близко к

"старцу", делался близким и желанным для царской семьи. Так было с епископом Варнавой, митрополитом Макарием, епископом Исидором (Колоколовым), иер. Илиодором и многими другими. Питирим понял это, с циничной откровенностью стал на сторону Распутина и с достойной лучшего применения решительностью взялся за реабилитацию якобы не понятого другими "старца". Хитрый тобольский мужик учел, что поддержка Петроградского митрополита для него – далеко не лишняя и, чтобы она стала надежной, начал настойчивее напевать царице о высоких качествах Питирима. Царица еще крепче ухватилась за Питирима, надеясь, что он своим святительским авторитетом парализует все подозрения, обвинения, недоброжелательства, сплетшиеся около имени ее "надежного" Тобольского друга. Поддержка митрополита Питирима действительно чрезвычайно укрепила Распутина.

– Пока не было Питирима, еще можно было бороться с Гришкой. Теперь же он непобедим, – как-то обмолвился мне в начале 1916 г. очень сведущий в Царскосельских делах полковник Ломан.

Петроградский митрополит перед царской семьей санкционировал святость "старца". Какой авторитет теперь мог бы разубедить их?..»

Совершенно иначе вспоминала о назначении Питирима Вырубова:

«Много было разговоров и о митрополите Питириме, будто бы назначенном тем же Распутиным. Государь познакомился с ним в 1914 году во время посещения Кавказа. Митрополит Питирим был тогда Экзархом Грузии. Государь и свита были очарованы им, и когда мы в декабре встретились с Государем в Воронеже, я помню, как Государь говорил, что предназначает его при первой перемене митрополитом Петроградским. Сейчас же после его назначения начали кричать о близости митрополита Питирима к Распутину, тогда как, по правде сказать, они были только официально знакомы.

Митрополит Питирим был очень осторожен и умен. Их Величества уважали митрополита, но никогда не приближали его к себе».

«Душка, я забыла рассказать тебе о Питириме, экзархе Грузии. Все газеты полны описанием его отъезда с Кавказа и как его там любили, – писала Императрица мужу в ноябре 1915 года. – Это доказывает, что он человек достойный и великий молитвенник, как говорит наш Друг. Он предвидит ужас Волжина и как тот будет стараться разубедить тебя, но Он просит тебя быть твердым, так как Питирим единственный подходящий

человек».

Настоящим апологетом Питирима стал хорошо знавший его князь И. Д. Жевахов:

«В это смутное время, года за два до революции, на Петербургскую кафедру был назначен Экзарх Грузии, Высокопреосвященный Питирим, архиепископ Карталинский, бывший перед тем архиепископом Самарским и Ставропольским, раньше архиепископом Владикавказским и Моздокским, а еще раньше Курским и Обоянским. Обстоятельства, при которых состоялось это назначение, и время пребывания митрополита Питирима на кафедре Первосвятителей Российских окружены такими легендами, что долг уважения к *правде,* безотносительно даже к долгу дружбы, которою я был связан с почившим Владыкою 10 лет, обязывает меня громко разоблачить эти легенды. <…>

Легенды вокруг имени митрополита Питирима были обычным революционным приемом в руках делавших революцию и преследовавших самых опасных врагов своих. Странно не то, что революционеры, ставившие себе целью ликвидацию христианства, обрушились на Первоиерарха Русской Церкви, странно то, что они заставили и врагов своих поверить той клевете, какую они распространяли вокруг Первосвятителя. <…>

Назначение Преосвященного Питирима Экзархом Грузии совпало с тем моментом, когда имя Распутина уже гремело по всей России, и та же молва, какая несколько лет тому назад приписала Распутину увольнение Владыки из Курска, стала утверждать, что Распутин способствовал назначению его на кафедру Экзарха Грузии и что новый Экзарх ведет антиправительственную политику на Кавказе, содействуя его политической автономии. С назначением же Преосвященного в Петербург нападки революционеров стали еще более яростными… Владыку стали обвинять во вмешательстве в государственные дела, в интригах против его предшественника, митрополита Владимира, перемещенного в Киев, и в открытой дружбе с Распутиным. Широкая публика, конечно, не разбиралась в этих слухах, не могла подметить в них выражения тонко задуманных и умело проводимых революционных программ и не только верила, но и вторила этим слухам».

Здесь есть смысл князя Жевахова прервать и сослаться на письмо Государя от 12 января 1916 года: «Днем я принял Питирима. Он говорил о Синоде, духовенстве и особенно о созыве Государственной думы. Это меня удивляет, и я хотел бы знать, кто на него повлиял в этом отношении».

Читал или нет это письмо Жевахов, сказать невозможно, но в любом случае он так же жестко подверстывал все факты под свою схему, отбрасывая негодные, как это делал и его оппонент протопресвитер Шавельский, и более всего был убежден в одном: все происходящее в стране – результат злонамеренного заговора.

«Мало кто знал, что схема развала России была уже разработана до мелочей и планомерно осуществлялась не только в тылу, но даже на фронте… – продолжал Жевахов. – Государственная Дума, печать, тайная агентура врагов России, имея общую программу, распределяли роли и задания, сводившиеся к одной цели – как можно скорее вызвать революцию. Не только правительство в полном составе, но и каждый честный верноподданный подвергался жестокой травле, и чем опаснее были эти люди революционерам, тем безжалостнее их преследовали. Положение Первоиерарха русской Церкви само по себе, даже безотносительно к личности митрополита Питирима, обязывало к наиболее ожесточенному натиску со стороны гонителей христианства, и, конечно, митрополиту Питириму, не умевшему защищать даже самого себя, было не по силам отражать такие натиски. И в предреволюционное время в России действительно не было имени более одиозного, чем имя митрополита Питирима; не было человека, которого бы преследовали и гнали с большей жестокостью и злобой как личные, так и политические враги; не было более тяжких обвинений, чем те, какие предъявлялись смиренному и робкому Владыке.

А между тем, все, кто знал митрополита Питирима, знали и то, что не было человека более робкого и смиренного, более беспомощного, кроткого и незлобивого, более отзывчивого и чуткого, более чистого сердцем…»

А дальше Жевахов воспроизводит слова, которые Питирим сказал ему по поводу «тех легенд, какие витали вокруг этого злополучного имени»:

«Что касается Распутина и отношения к нему общества и печати, то нужно только удивляться тому, насколько далеко ушла современная мысль от истинного понимания того, что происходит. Не я нужен делателям революции, а мое положение митрополита Петербургского; им нужны не имена и лица, а нужна самая конструкция государственности; если бы наша общественность не была революционною, то поняла бы, что без "Распутиных" не обходится никакая революция. "Распутин" – имя нарицательное, специально предназначенное для дискредитирования Монарха и династии в широких массах населения. Носителем этого имени мог быть всякий близкий ко

Двору человек, безотносительно к его достоинствам или недостаткам. Идея этого имени заключается в том, чтобы подорвать доверие и уважение к личности Монарха и привить убеждение, что Царь изменил Своему долгу перед народом и передал управление государством в руки проходимца. Ведь чем-нибудь да нужно легализовать насильственный акт ниспровержения Царя с Престола и оправдать его в глазах одураченного населения!.. Вот почему о преступлениях Распутина кричат по всему свету, а в чем эти преступления заключаются – никто не может сказать…»

Примечательно, что, читая эти строки, не очень понимаешь, кому они принадлежат – Питириму или Жевахову, но именно отсюда берет начало та традиция отношения к Распутину, которая так пышно расцвела нынче и оставила далеко позади себя рассуждения героев того времени.

«Мне не верили… Значение Распутина было для меня ясно… Он был первой жертвой, намеченной революционерами, теми самыми людьми, которые одновременно и спаивали его, и создавали всевозможные инсценировки его поведения, а затем кричали о его развращенности и преступлениях. Несомненно, что Распутин, озабоченный впечатлением, какое производил на Их Величеств, распоясывался за порогом Дворца и подавал повод к обвинениям в неблаговидном поведении… А сколько великосветских, придворных кавалеров распоясывалось еще более, проводя ночи в кутежах!.. Почему же оскорбленное в своих лучших чувствах общество, Дума и печать не кричат о них?.. Потому, что эти крики о Распутине вовсе не вытекали из оскорбленного нравственного чувства общества, а создавались умышленно теми, кто делал революцию и пользовался этим обществом как своим орудием. Ведь сейчас почти нет людей, не попавших в расставленные революционерами сети… Один министр, например, говорит, что боится Распутина и принимает его у себя втихомолку, в отдельном кабинете, чтобы никто не видел; а потом кричит, что его не знает и незнаком с ним… Другой вовсе не принимает в министерстве, а принимает у себя на дому, с черного хода; третий подсылает Распутина ко мне и назначает свидание с ним в моих покоях… Разве это не гипноз»…

Последнее замечание по поводу свидания Питирима с Распутиным в митрополичьих покоях было попыткой опровергнуть свидетельства о достаточно тесных отношениях между ними двумя, о чем писали и говорили многие современники.

«…мне докладывали о близости Питирима с Распутиным, а Питирим, когда я у него был с визитом, все время говорил, что

этого ужасного человека не знает и всячески от него отбояривался <…> Мне хотелось выяснить, действительно ли Питирим и Распутин находятся в таких близких отношениях или, может быть, это не так. Комиссаров докладывал, что они приятели, что они вместе. Я говорю: "Хорошо, если они вместе, то дайте мне узнать, когда они вместе, где бы я сам увидел". Он устроил так, что я поехал к Питириму после поездки в Царское, вошел без доклада и накрыл их, когда Питирим без клобука сидел в самой приятельской домашней беседе».

Эти слова Хвостова подтверждал и полицейский генерал М. Комиссаров: «Я говорю: "Поедем в лавру, там ждут Хвостов и Питирим". Когда мы приехали, я в лавре ходов не знал, первый раз в жизни там был. Распутин разделся и бежит. Я говорю: "Подожди". Он свободно прошел, и мы вошли в какую-то комнату. Через некоторое время выходит Питирим. Тот с ним на "ты". Расцеловались. Я поклонился, он меня благословил. Питирим вскинул глаза и спрашивает: "Кто такой?" Я говорю: "Генерал для поручений Комиссаров". Тут он от меня шага на два отскочил. Распутин орет благим матом и побежал туда, где Хвостов. Хвостов не предупредил Питирима, что я приеду с Григорием. Питирим все время уверял Хвостова, что он с Григорием не виделся, и Хвостов хотел уличить его в том, что он в хороших отношениях с Распутиным. Так как я привез Распутина, Питирим на меня как бешеный полез».

И Хвостов, и Комиссаров – свидетели не очень надежные, но очевидно в этой истории одно – ее провокационность, вполне укладывающаяся в дух времени: Гапон, Азеф, Малиновский, Богров, Распутин, и вообще все происходящее с уроженцем села Покровского и вокруг него все больше и больше походило на затянувшуюся грандиозную провокацию, в которой, как уже говорилось, люди могли реально играть совсем не те роли, как это им представлялось и какие часто приводили не к тем результатам, каковые изначально предполагались. Это касалось и чиновников, и церковных деятелей, и даже Государя. Тот же Жевахов, который так умиленно писал о Питириме, в другом месте своих воспоминаний привел достаточно точную и трезвую оценку фактической стороны смещения митрополита Владимира и назначения на его место Питирима:

«Государь Император проявил свою волю в перемещении первенствующего члена Св. Синода митрополита Владимира с Петербургской кафедры на Киевскую. Хотя такое перемещение вызывалось одновременно и необходимостью заместить пустующую, за смертью Киевского митрополита Флавиана, кафедру и желанием Государя приблизить к Себе экзарха Грузии,

архиепископа Карталинского Питирима, назначенного митрополитом Петербургским, и архиепископа Макария Тобольского, назначенного митрополитом Московским, из коих первый был умным церковно-государственным деятелем, чрезвычайно любимым и ценимым Кавказом, а второй – великим подвижником и праведником; хотя, перемещая митрополита Владимира в Киев, Государь и сохранил за ним первенствующее место и руководящую роль в Синоде, однако этот акт Самодержавной Воли Помазанника Божия иерархи рассматривали и до сих пор рассматривают как незаконное вторжение Царя в "дела Церкви". Митрополит, да еще первенствующий, являлся, по мнению Синода, неприкосновенным, и Царская Власть на него не распространялась…

Этим актом Монаршей Воли нарушался принцип неприкосновенности иерархов, и этого было достаточно для того, чтобы Синод очутился чуть ли не в авангарде той оппозиции к Престолу, какая использовала означенный акт для общих революционных целей, в результате чего оба иерарха, митрополиты Питирим и Макарий, были объявлены "распутницами"».

Жевахов, таким образом, однозначно возлагал вину за происходящее на Синод, а Царя оправдывал.

«Во всех описанных случаях сказалось не вмешательство Государя в "дела Церкви", а та любовь Царя к русскому народу, то участие к религиозным нуждам последнего, та великая вера, словом, все то, что окружает имя Государя ореолом святости».

Речь в мемуарах Жевахова шла о трех случаях, когда Николай Второй оказывал влияние на дела Синода. Первый – дело о прославлении Иоасафа Белгородского, второй – канонизация Иоанна Тобольского и третий – смещение митрополита Владимира. Однако если отбирать факты менее тенденциозно, то к этим трем следовало бы добавить и прощение Илиодора весной 1911 года, и дело об имяславцах, и промедление с созывом Собора и избранием патриарха. И тогда картина «вмешательства Государя в дела Церкви» оказалась бы не такой однозначной…

А что касается Питирима, то с Распутиным он был действительно хорошо знаком.

Еще во время сентябрьского конфликта в Синоде, когда Самарин допрашивал епископа Варнаву, Императрица писала мужу: «Пусть Питирим займет там (в Синоде. – *А. В.)* место, так как наш Друг боится, что Н. будет его преследовать, если узнает, что П. почитает нашего Друга».

Так и произошло. «Аня была вечером у митрополита, наш Друг тоже. Они очень хорошо поговорили, затем он угостил их

завтраком. Гр. на почетном месте. Он относится к Григорию с замечательным уважением и был под глубоким впечатлением от всех его слов».

И Вырубова, и Распутин с Питиримом встречались. А вот насколько часто бывали встречи Петроградского митрополита с Императорской Четой, не вполне ясно. Питирим уверял, что это бывало крайне редко, и в этом видел корень зла.

«Вот вы подчеркиваете свою близость к Государю, говорили, что бывали у Его Величества даже без вызова, почему же вы не раскрыли глаза Государя на Распутина… – говорил он, судя по мемуарам Жевахова, туркестанскому генерал-губернатору П. М. Кауфману. – Кроме вас были и другие близкие, был протопресвитер Шавельский, который по целым дням и каждый день находился в общении с Государем… Почему же он не сделал такой попытки, почему все сваливают ответственность только на одного митрополита Петербургского? Знаете ли вы, сколько раз видел митрополит Петербургский Государя за время своего пребывания на столичной кафедре?! Только четыре раза, и притом по десять минут каждый раз.

Когда же Императрица, ясно отдававшая себе отчет в этом явлении, приглашала меня для бесед на общие церковно-государственные темы, тогда общество стало обвинять меня во вмешательстве в политику и находить, что единственной дозволенной темой моего разговора с Царем и Царицей мог быть только Распутин».

Место это примечательно тем, что здесь князь Жевахов устами Питирима прямо обвинял в бездействии протопресвитера Шавельского, который в силу своего положения обязан был, с точки зрения Жевахова, открыть Императору глаза на Распутина. Шавельский этот вызов принял, и по сути дела между князем и протопресвитером, бывшими членами Синода, испытывавшими друг к другу сильную неприязнь, в эмиграции началась «война мемуаров». Опровергая Жевахова, Шавельский в воспоминаниях очень подробно и живо описывал собственную антираспутинскую деятельность и свои заслуги в деле нейтрализации «темных сил».

«В первых числах февраля 1916 г. как-то после высочайшего завтрака Пильц (могилевский губернатор до марта 1916 года. – *А. В.)* зашел ко мне.

– Нас никто не услышит? – обратился он ко мне, садясь на стул. Я плотно закрыл единственную дверь моей комнаты, ведшую в другую большую комнату – мою канцелярию, где теперь работали чиновники и писцы.

– Я пришел к вам по весьма важному делу, – начал Пильц. – Вы знаете Распутина. Знаете, что он значит теперь. Вы должны

понимать, чем грозит распутинская история. Сейчас я был у ген. Алексеева. Я требовал от него, требовал, грозя общественным судом, чтобы он решительно переговорил с Государем о Распутине, чтобы он открыл Государю глаза на этого мерзавца. Теперь я пришел к вам. Вы тоже должны говорить с Государем. Если вы этого не сделаете, я потом публично заявлю, что я напоминал вам о вашем долге, что я требовал от вас исполнить его, а вы не пожелали.

Я ответил Пильцу, что прекрасно понимаю всю остроту и важность распутинского вопроса, как и свой долг содействовать благополучному разрешению его, но для разговора с Государем у меня пока нет ни повода, ни фактов. Государь не терпит вмешательства посторонних лиц в не касающиеся их дела, а тем более в дела его личные, семейные. Чтобы начать разговор, мне надо иметь определенные данные, что близость Распутина к царской семье и его вмешательство в дела государственные оказывают вредное влияние на духовное состояние армии. Иначе Государь может оборвать меня вопросом: "Какое вам дело?" и не выслушать меня. Тогда мое выступление вместо пользы принесет только вред. Поэтому я считаю лучшим: с выступлением не спешить; не довольствуясь слухами, искать фактов несомненного вмешательства Распутина в государственные дела и вредного влияния распутинской истории на дух армии. Пильц согласился со мною. От лиц, близко стоявших к царской семье и ко двору, я знал, что Распутин в это время был в апогее своей силы. После победы над великим князем Николаем Николаевичем он стал всемогущ».

Воспоминания Шавельского можно дополнить мемуарами Спиридовича, а также письмами Государя и Государыни.

«6-го марта старый губернатор Пильц, назначенный товарищем министра Внутренних Дел вместо Белецкого, покинул Могилев, – вспоминал жандармский генерал. – Хороший человек, честный службист, тактичный и образованный, он сумел понравиться и Государю, и свите. Воейков был с ним в самых добрых отношениях. На последней аудиенции он дерзнул со слезами на глазах предостеречь Государя относительно Распутина. Это было, конечно, несвоевременно, потому что он лишь ехал принимать должность, по которой и должен был познакомиться с значением "Старца". Это было преждевременно, почему и не могло иметь цены в глазах Государя. Делу это, конечно, и не помогло, а службе его в Петербурге помешало. Царица, узнав про то от Государя, очень на Пильца рассердилась. И как только через несколько дней открылась вакансия на пост генерал-губернатора в Иркутск, Пильц и был туда назначен».

«Вчера славный старый Пильц уехал к месту своего назначения. Он при прощании со мной, в моей комнате, расплакался и просил быть осторожным в истории с нашим Другом. И конечно, с хорошими намерениями и ради нашего блага», – писал Император супруге. «Значит, уже успели поговорить с Пильцем и настроить его против нашего Друга – жаль», – отвечала она.

Но вернемся к Шавельскому.

«Не только царица благоговела перед ним, но и царь подпадал под обаяние его "святости", – писал протопресвитер о Распутине. – Рассказывали, что, отъезжая из Царского Села в Ставку, Государь всякий раз принимал благословение Распутина, причем целовал его руку. Распутин стал как бы обер-духовником царской семьи. После краткой, в течение нескольких минут, исповеди у своего духовника, на первой неделе Великого поста 1916 г., Государь более часу вел духовную беседу со "старцем" Григорием Ефимовичем. В субботу на этой неделе в Федоровском соборе причащались царь и его семья, а вместе с ними и их "собинный" друг, Григорий Ефимович. Царская семья во время литургии стояла на правом клиросе, а "друг" в алтаре.

"Друг" причастился в алтаре, у престола, непосредственно после священнослужителей, а уже после него, в обычное время, у царских врат, как обыкновенные миряне, царская семья. Причастившись, Распутин сел в стоявшее в алтаре кресло и развалился в нем, а один из священников поднес ему просфору и теплоту "для запивки". Когда царская семья причащалась, Распутин продолжал сидеть в кресле, доедая просфору. Передаю этот факт со слов пресвитера собора Зимнего Дворца, прот. В. Я. Колачева, сослужившего в этот день царскому духовнику в Федоровском соборе и лично наблюдавшего описанную картину».

«О факте причащения Распутина за одной службой с Их Величествами узнали, конечно, в Петрограде, и досужие сплетники или сплетницы исказили то, что было. В некоторых светских гостиных с ужасом передавали, что, в отсутствие Государя, Царица и Вырубова причащались с Распутиным при какой-то особенной обстановке. Сенсационную сплетню принесли даже иностранным послам.

Сам же Распутин, вернувшись после причастия из Царского Села в Петроград, с гордостью рассказывал о причастии за одной службой с Государем», – писал в воспоминаниях Спиридович, цитируя письмо Императрицы:

«Во время вечернего Евангелия я много думала о нашем Друге, как книжники и фарисеи преследовали Христа, утверждая, что на их стороне истина, как они теперь далеки от этого.

Действительно, пророк никогда не бывает признан в своем отечестве. А сколько у нас причин быть благодарными, сколько молитв было услышано. А там, где есть такой слуга Господний, лукавый искушает его и старается делать зло и совратить его с пути истины. Если бы они знали все зло, которое они причиняют. Он живет для своего Государя и России и выносит все поношения ради нас. Как я рада, что все мы были у св. причастия вместе с ним на первой неделе поста».

И в другом письме Императрицы:

«Вчерашнее Евангелие за всенощной так живо напомнило Гр. и преследование Его за Христа и за нас, – все имело двойной смысл, и мне было так грустно, что тебя не было рядом со мной. Год тому назад я сидела около Аниной кровати у нее на дому (и наш Друг также), слушая 12 Евангелий – часть их».

«Вечером в этот же день, после высочайшего обеда, я долго беседовал с ген. Воейковым в его комнате, – вспоминал Шавельский. – Зная его близость к Государю, а с другой стороны – слишком беззаботно-спокойное отношение к распутинскому вопросу, я, чтобы произвести на него более сильное впечатление, немного сгустил краски при передаче своих впечатлений от поездки по армии.

– Фронт страшно волнуется слухами о Распутине, – говорил я, – и особенно об его влиянии на государственные дела. Всюду идут разговоры: "Царица возится с распутником, распутник – в дружбе с царем". Этим уже обеспокоена и солдатская среда. А в ней престиж Государя ничем не может быть так легко и скоро поколеблен, как терпимостью Государя к безобразиям Распутина. И вас, – сказал я, – на фронте жестоко обвиняют. Прямо говорят, что вы должны были бы и могли бы противодействовать Распутину, но вы не желаете этого, вы заодно с Распутиным.

Последние мои слова задели за живое Воейкова, и он начал горячо возражать:

– Что я могу сделать? Ничего нельзя сделать! Если бы я с пятого этажа бросился вниз и разбил себе голову, кому от этого была бы польза?»

Из мемуаров Шавельского следует, что «беззаботный» Воейков умыл руки от противостояния с Распутиным. Иную картину рисует Спиридович:

«…генерал Воейков в последний день пребывания в Ставке поспешил сделать доклад о "Старце".

После обычной прогулки вдали от города Государь пригласил Воейкова в свой автомобиль. Они были вдвоем. Генерал в ярких красках изобразил, насколько все враги правительства стараются использовать каждый некрасивый или бестактный шаг Распутина.

Насколько они пользуются каждым бестактным поступком всех тех поклонниц "Старца", которые, желая угодить Ее Величеству, лишь подают новый повод для лишних сплетен. Генерал высказал мысль о необходимости пресечь то, что происходит, отправив Распутина на продолжительное время в Сибирь, на родину. В случае же возвращения его в Петроград, генерал предлагал ввести его в новые условия жизни.

Приехав в Царское Село, Государь передал Царице о докладе генерала Воейкова, Царица пересказала все Вырубовой. Последняя, уже и так встревоженная за жизнь "Старца", разнервничалась еще больше. 8 февраля она завтракала у Воейковых. Она обрушилась на генерала с упреками, что он своими разговорами о Распутине лишь расстраивает Государя. Генерал вспылил и просил Анну Александровну ответить прямо: пьянствует Распутин по кабакам или нет. Анна Александровна стала увиливать от прямого ответа. Генерал еще больше стал горячиться и наговорил гостье много горьких истин. Генерал доказывал необходимость немедленного отъезда Распутина в Сибирь, Вырубова как будто и соглашалась с этим. Но генерал опять вспылил и сказал, что, впрочем, все равно, – "через два дня после отъезда его выпишут обратно"…

В общем, за завтраком произошел крупный разговор. Но ни к каким результатам он не привел».

«Долго мы беседовали», – описывал свою встречу с Воейковым Шавельский.

«– Слушайте! – наконец сказал я. – Я хочу говорить с Государем и чистосердечно сказать ему, как реагирует армия на близость Распутина к царской семье и на хозяйничанье его в государственных делах, чем грозит это царю и Государству…

– Что же, попробуйте! Может быть, и выйдет что-либо, – ответил мне Воейков.

Я решил беседовать с Государем о Распутине. В один из следующих дней, во время закуски перед завтраком, когда ген. Алексеев, по обыкновению, скромно стоял в уголку столовой, я говорю ему:

– Надо вам, Михаил Васильевич, говорить с Государем о Распутине, – уж очень далеко зашли разговоры о нем. Дело как будто начинает пахнуть грозою.

– Ну что же, я готов. Пойдемте вместе, – ответил он.

– Я думаю, что лучше порознь. Не подумал бы Государь, что мы сговорились, – возразил я. – Позвольте мне первому пойти и высказать, что Бог на душу положит, а вы потом поддержите меня.

– Отлично! Идите с Богом, а я потом добавлю, – согласился

генерал Алексеев.

16 марта, за высочайшим завтраком, я сидел рядом с адмиралом Ниловым. Два или три человека отделяли меня от Государя, и последний поэтому не мог слышать разговора, который мы с адмиралом Ниловым вели вполголоса, почти шепотом. Мы говорили о Распутине. Завтрак уже кончался, когда я сказал Нилову:

– Я решил говорить с Государем.

– Говорите, непременно говорите! Помоги вам Бог! – горячо поддержал меня адмирал. (Насколько болезненно переживал адмирал Нилов распутинскую историю, свидетельствует следующий факт: после моего разговора с Государем 17 марта он воспылал нежною привязанностью ко мне, которую проявлял при всяком удобном случае. А однажды он сказал мне: "Только что получил письмо от жены. Она очень просит меня кланяться вам и сказать, что она ежедневно молится за вас Богу". Меня это особенно тронуло, ибо я ни разу не видел этой женщины.)

В это время Государь встал из-за стола и, как всегда, направился в зал. Все пошли за ним. Только я стал на свое место, в углу около дверей, как вдруг Государь быстро подходит и обращается ко мне: "Вы, о. Георгий, хотите что-то сказать мне?" Вопрос был так неожидан для меня, что мои руки буквально опустились. Государь по моему лицу узнал, что я хочу беседовать с ним.

– Да, ваше величество, мне необходимо сделать вам доклад по одному чрезвычайно серьезному делу. Только не здесь, – ответил я.

– В моем кабинете? Тогда, может быть, сейчас, как только разойдутся, – сказал Государь.

Но мне хотелось хоть еще на сутки оттянуть тягостный разговор. Кроме того, следующий день – 17 марта – был днем весьма чтимого мною Алексея, Человека Божия, и я обратился к Государю:

– Разрешите, ваше величество, завтра.

– Хорошо! Завтра после завтрака, в моем кабинете, – ласково ответил Государь.

17 марта в Ставку приехали министры, и Государь после завтрака сказал мне:

– Сейчас у меня будут министры с докладами, а вы придите ко мне в 6 ч. вечера. Удобно это вам?

– Конечно! – ответил я.

В 5 ч. 55 м. вечера я вошел в зал дворца. Ровно в 6 ч. камердинер пригласил меня в кабинет Государя.

Государь встретил меня стоя и, поздоровавшись, пригласил

сесть, указав на стул около письменного стола, а сам сел в стоявшее по другую сторону стола кресло. Мы сидели друг против друга, только стол разделял нас. Я начал свой "доклад" с того, что меня чрезвычайно удивило, когда накануне Государь угадал о моем желании говорить с ним.

– Да, я посмотрел на вас, и мне сразу показалось, что вы желаете что-то сказать мне, – заметил Государь.

Потом я вспомнил о своем первом разговоре, в мае 1911 года, с Императрицей, когда она так тепло приветствовала мое намерение всегда говорить Государю только правду, как бы горька она ни была. А затем начал о Распутине. Ничего не преувеличивая, но и не утаивая ничего, я доложил о всех разговорах, слышанных мною на фронте, о настроении армии, ввиду таких слухов и разговоров, и, наконец, о тех последствиях, к которым создавшееся положение может привести. Я говорил о том, что в армии возмущаются развратом и попойками с евреями и всякими темными личностями близкого к царской семье человека; что в армии определенно говорят о легко получаемых через Распутина огромных подрядах и поставках для армии; что с его именем связывают выдачу противнику некоторых военных тайн; что, таким образом, за Распутиным в армии установилась совершенно определенная репутация пьяницы, развратника, взяточника и изменника; что, наконец, вследствие близости такого человека к царской семье, поносится царское имя, падает в армии престиж Государя, – и то и другое может быть чревато последствиями и т. д.

– Ваши военачальники, ваше величество, сказали бы вам больше, если бы вы спросили их. Спросите ген. Алексеева. Он человек безукоризненно честный и скажет вам только правду, – закончил я.

Государь слушал меня молча, спокойно и, казалось мне, бесстрастно. Когда я говорил о развратной жизни и пьянстве Распутина, Государь поддакнул: "Да, я это слышал". Когда же я кончил, извинившись, что неприятною беседою доставил огорчение, он так же спокойно, как и слушал меня, обратился ко мне:

– А вы не боялись идти ко мне с таким разговором?

– Мне тяжело было докладывать вам неприятное, – ответил я, – но бояться… я не боялся идти к вам… Что вы можете сделать мне? Повесить? Вы же не повесите меня за правду. Уволите меня с должности? Я несу ее, как крест; к благам, какие она дает мне, я равнодушен; нужды не боюсь, ибо вырос в бедности и сейчас готов хоть канавы копать.

В ответ на мою реплику Государь поблагодарил меня за

исполнение долга, не сказав ничего больше. На этом мы расстались. Беседа наша длилась около 30 минут. Следующие два дня были сплошной пыткой для меня. Совесть говорила, что я не сделал ничего дурного, что, напротив, я, как умел, исполнил свой долг. Но сердце подсказывало, что я нарушил душевный покой Государя, причинил ему неприятность. Мне тяжело было встречаться с ним на завтраках и обедах. Не имея права уклоняться от них, я, по крайней мере, старался, чтобы наши взоры реже встречались. Мне казалось, что и Государь тоже чувствовал некоторую неловкость при встречах со мной. <…>

Хотя после моего разговора о Распутине прошло более двух недель, я никак не мог еще отделаться от неприятного чувства какой-то неловкости при встречах с Государем. А он, точно желая утешить и ободрить меня, окружил меня теперь таким вниманием, какого я не видал от него ни раньше, ни позже. Подходя к закусочному столу, Государь искал меня глазами, приглашал закусить, рекомендовал более вкусные закуски, раза два-три сам накладывал на тарелку икры или жареных грибов и подавал мне и пр. Кажется, в Великую Среду за обедом я сидел по левую руку министра двора. Граф был разговорчив: болтая без умолку и забыв, что против него сидит Государь, откровенничал со мною вовсю:

– Я всегда говорю Государю правду, хоть это ему иногда не нравится. Вот на днях я сказал ему: "Так не должно быть", а он мне отвечает: "Это вас не касается". Я же ему говорю: "Что касается Государя, то касается и министра его двора. Хорошо?"

Государь, обладавший прекрасным слухом, – а тут и глухой расслышал бы, – конечно, все слышал и, смотря на меня, ласково улыбался.

В Великий Четверг, во время закуски перед обедом, гофмаршал указал мне место за столом рядом с адм. Ниловым. Но потом Государь что-то сказал ему, и он, снова подойдя ко мне, объявил, что мое место изменено: я должен сесть рядом с Государем, по левую его руку. Когда я садился за стол, Государь приветливо обратился ко мне:

– Как мне хотелось, чтобы вы посидели около меня, а то часто сидят такие, которых совсем не хотелось бы видеть.

В течение всего обеда Государь говорил только со мной, не сказавши никому другому буквально ни одного слова. <…>

В субботу, 16 апреля, я посетил вел. кн. Елизавету Федоровну и долго беседовал с нею. Она не скрывала своего беспокойства из-за распутинской истории и очень одобряла, что я переговорил с Государем.

На Святой же неделе прибыла в Ставку Императрица с

дочерьми. Конечно, ей в мельчайших подробностях был известен мой разговор с Государем 17 марта, но при встрече со мной она и виду не подала, что ей что-либо известно, и отношения ко мне не изменила».

Было или нет на самом деле все именно так, как описывал много лет спустя протопресвитер Шавельский, утверждать трудно. В дневнике Государя от 17 марта 1916 года есть лаконичная запись: «После чая принял о. Шавельского». Николай Александрович не имел обыкновения подробно писать о содержании своих разговоров, однако то, что протопресвитер не скрывал своих взглядов на Распутина и раньше, подтверждается письмами Императрицы. В сентябре 1915 года (то есть в самый разгар самаринской истории) она писала: «Мне бы хотелось, чтобы тебе удалось поговорить по душе с Шавельским обо всем, что произошло, и о нашем Друге. Пригласи его к чаю наедине. А. (Анна Вырубова. – *А. В.)* однажды с ним говорила, но душа его была полна всяких ужасов, и я уверена, что Н. это поддерживает».

Об этом разговоре с фрейлиной Императрицы, состоявшемся еще до войны, вспоминал и Шавельский:

«…она попросила меня уделить ей несколько минут для беседы, предоставив мне избрать место: или у меня, или в квартире ее отца (в музее Александра III). Я избрал второе.

В назначенный час мы сидели в столовой за чайным столом. Когда участвовавшая в чаепитии мать А. А. Вырубовой оставила нас одних, последняя обратилась ко мне:

– Я, батюшка, хочу поделиться с вами своими переживаниями. Кажется, я никому не делаю зла, но какие злые люди! Чего только они не выдумывают про меня, как только они не клевещут! Вот теперь распускают слухи, что я живу с Григорием Ефимовичем…

– Охота вам, – перебил я ее, – обращать внимание на такие глупости. Ну, кто может поверить, чтобы вы жили с этим грязным мужиком?

Она сразу прервала разговор. Ясно, что моя реплика ей не понравилась. Хотела ли она расписать "старца" самыми яркими красками и меня привлечь на его сторону, но из моих слов заключила, что сделать этого нельзя, или она надеялась, что я сам выступлю на защиту "старца". Но расстались мы не так радушно, как встретились».

Известно также письмо Александры Федоровны мужу, отправленное в Ставку 5 апреля 1916 года, то есть уже после разговора Шавельского с Государем: «Если Шав. заговорит о нашем Друге или митрополите, будь тверд и дай ему понять, что

ты их ценишь и что ты желаешь, чтобы он, услышав истории о нашем Друге, энергично заступился бы за Него против всех и запретил говорить об этом. Они не смеют говорить, что у Него есть что-либо общее с немцами. Он великодушен и добр ко всем, каким был Христос, независимо от религии, каким и должен быть истинный христианин. И раз ты находишь, что Его молитвы помогают переносить испытания, – а у нас довольно примеров, – они не смеют говорить против Него, – будь тверд и заступись за нашего Друга».

Заступился Государь или нет, но в его отношениях с протопресвитером что-то нарушилось: «Не чувствую себя в настроении исповедоваться у Шав., потому что боюсь, чтоб оно не принесло вместо мира и спокойствия душе обратного!»

И все же когда столько разных голов из-за Распутина летело, Шавельского никто не тронул. Напротив, он ходил в любимцах.

«Синод поднес мне дивную старинную икону, а Питирим прочел прекрасную грамоту – я что-то промямлила в ответ. Очень была рада видеть дорогого Шавельского», – писала Государыня мужу в сентябре 1916 года. И это косвенно говорит о том, что последний протопресвитер армии и флота обладал неплохими дипломатическими способностями. «Тонким и умным дипломатом» назвал его в своей книге и С. Л. Фирсов.

В мемуарах протопресвитера Шавельского и князя Жевахова есть еще одно примечательное расхождение. Оно касается личности бывшего министра народного просвещения П. М. Кауфмана.

Протопресвитер рисует в своих записках следующую сцену:

«9-го ноября, в 10 ч. утра, ко мне зашел член Государственного Совета П. М. Кауфман, состоявший при Государе в качестве лица, объединявшего все учреждения Красного Креста на фронте. Раньше мы с ним не были знакомы, а в недавнее время близко сошлись на почве одинакового отношения к Распутину и к распутинской клике. Он первый подал повод к нашему сближению.

– Я, кажется, обращаюсь по адресу, – сказал он, явившись ко мне в первый раз, и сразу, волнуясь, начал говорить о той страшной беде, какой представляется ему распутинская история.

Государь, по-видимому, сердечно и с уважением относился к Кауфману.

Теперь Кауфман пришел ко мне расстроенный, взволнованный.

– Благословите меня! Сейчас я иду к Государю. Выскажу ему всю горькую правду, – обратился он ко мне.

Около 11 ч. Кауфман снова пришел ко мне еще больше

взволнованный, раскрасневшийся, со слезами на глазах.

– Ну что? – спросил я.

– Все, что накопилось на душе, я высказал ему, – ответил он. – Между прочим я сказал: ваше величество, вы верите мне? Верите, что я верноподданный ваш, что я безгранично люблю вас? Отвечает: верю. – Тогда, – говорю, – разрешите мне: я пойду и убью Гришку!

Государь расплакался, обнял и поцеловал меня. Мы несколько минут простояли, молча, в слезах.

– Какой же результат выйдет от вашего с таким трагическим концом разговора? – спросил я Кауфмана.

– Никакого! Несчастный он, безвольный! – со слезами ответил Кауфман».

«…я решил сказать все это лично Государю. Я и сделал это. Я доложил Государю без всякой утайки, что я слышал и видел, и прямо высказал Ему, что уже создалась грязная сплетня про отношения Государыни Императрицы к Распутину, что дискредитирует саму идею власти; что необходимо немедленное удаление Распутина. Я высказал при этом мое глубокое убеждение, что, если этого не будет сделано, Распутин будет убит. Государь выслушал меня. Он не высказал мне никакого своего мнения. Он сказал лишь несколько слов, из которых стало ясно, что Государю уже известны обстоятельства, только что мною Ему доложенные», – показывал Кауфман на следствии.

А вот как описывается разговор митрополита Питирима и Кауфмана в мемуарах Жевахова. Кауфман, не возражая, слушает. Говорит Питирим:

«…Я должен сказать, что хотя авторитет Распутина в глазах Государя и Государыни и действительно был высок, но Распутин не пользовался своим авторитетом для преступных целей и самые ярые его враги не в состоянии будут указать ни одного преднамеренного преступного деяния с его стороны. Если бы его имя не сделалось мишенью для обстрела Монархии, то он сошел бы со сцены так же, как сошли со сцены и его предшественники. Нужно было замалчивать это имя так же, как в свое время замалчивалось имя графа Эйленбурга в Германии, а не раздувать его славу, все равно добрую или худую, ибо обе были одинаковы вредны и для государства опасны.

Все это хорошо сознавали все, но боялись прослыть "распутинцами" и тем громче кричали о преступлениях Распутина, чем больше желали отмежеваться от него и не запятнать своей репутации. А в чем выражались конкретные преступления Распутина, этого никто не мог сказать, и когда я об этом спрашивал, то никто не мог мне ответить, а отделывался

лишь общими фразами. Не Распутин погубил Россию, а Ставка и Дума, но туда никто не заглядывал. Мне больше всех доставалось из-за Распутина, я страдал из-за этого имени больше, чем другие, ибо мной пользовались дурные люди, играя именем Распутина.

Говорили, что Распутин сменяет и назначает министров. Может быть, и была доля правды в том, что он рекомендовал Государю того или другого министра. И однако же этот ужасный человек, имя которого прогремело на весь свет как синоним зла, который якобы вызвал революцию, этот самый человек не рекомендовал Государю ни одного из тех лиц, которые сменили "распутинских ставленников" и образовали Временное правительство, погубившее Россию. И уж во всяком случае Распутин любил Царя и Россию больше, чем эти преступники. Да, это был болезненный нарост на государственном организме, и было бы лучше, если бы его не было, однако видеть в Распутине главное зло в жизни России за последние годы, значит не знать ни истории, ни психологии революции, на страницах которой имя Распутина даже не упоминалось».

Так говорил Питирим Кауфману, а Кауфман передавал князю Жевахову. Сколько при этой передаче было потеряно и переиначено и что на самом деле думал Кауфман, что Питирим, а что Жевахов – вопросы, которые остаются без ответа, но в том, что Распутин любил Царя и Россию больше, чем многие из его врагов, и в каких бы грехах Григория ни обвиняли, в одном и очень важном и очень, к несчастью, в предреволюционной России распространенном – *в предательстве – он лично повинен не был,* своя правда в этом есть.

«Он был типичным олицетворением русского мужика и, несмотря на свою природную хитрость и несомненный ум, чрезвычайно легко попадался в расставленные сети, – читаем дальше в мемуарах Жевахова. – Хитрость и простодушие, подозрительность и детская доверчивость, суровые подвиги аскетизма и бесшабашный разгул, и над всем этим фанатическая преданность Царю и презрение к своему собрату-мужику – все это уживалось в его натуре, и, право, нужен или умысел, или недомыслие, чтобы приписывать Распутину преступления там, где сказывалось лишь проявление его мужицкой натуры.

Именно потому, что он был мужик, именно по этой причине он и не учитывал, что близость ко Двору налагает уже обязательства, что каждый приближенный к Царю есть прежде всего страж имени Государева, что не только в Царском Дворце, но и за порогом его нужно вести себя так, чтобы своим поведением не бросать тени на Священные Имена. Не учитывал Распутин и того, что русский народ дорого ценит свою веру в тех,

кого считает "святыми", требуя от них взамен преклонения перед ними, абсолютной нравственной чистоты и проявляя к ним, в этом отношении, очень строгие требования. Достаточно малейшего сомнения в чистоте их нравственного облика, чтобы им вменилось в преступление и то, что составляет обычную человеческую слабость, мимо чего при других условиях и в отношении к другим людям проходят без внимания; достаточно самого незначительного проступка, чтобы вчерашний "святой" был объявлен сегодня преступником.

Ничего этого Распутин не учитывал и, потому, когда его звали в гости, он ехал; давали вино и спаивали его – он пил и напивался; предлагали потанцевать – он охотно пускался в пляс, вприсядку, танцуя камаринскую под оглушительный гром рукоплесканий умиравшей со смеху публики… Но неужели можно серьезно говорить о том, что Распутин сознавал в этот момент преступность своего поведения?.. Он не сознавал даже того, что его высмеивают с самыми гнусными и преступными намерениями, что хитростью и обманом умышленно завлекают в расставленные сети для того, чтобы поглумиться над Священными Именами Царя и Царицы, считавших его подвижником. Распутин был до того далек от таких предположений, что отправлялся на званые вечера не иначе как в шелковой голубой рубахе и хвалился тем, что получил ее в подарок от Императрицы.

Нет, психология крестьянской натуры мне понятна, и я не нахожу данных для того, чтобы приписать этим действиям Распутина криминальный характер».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Распутин и армия: яблоко раздора. Деникин и Брусилов. Шавельский и Питирим: пустые хлопоты. Предупреждение отца Васильева. Распутин и евреи. Арон Симанович как коллективное неизвестное. Солженицын о Распутине. Русский Рокамболь с двойной фамилией. Старший Бонч. Наш новый национальный герой. Григорий Распутин и ФСБ. «Ватерлоо» генерала Батюшина. Ахиллесов список опытного странника

Жевахов – нет, а большинство современников такие данные находили. Особенно это касалось военной среды – единственной, куда Распутину так и не удалось проникнуть, и никак на нее повлиять он не смог. Хотя великого князя Николая Николаевича на Западном фронте давно не было, грозное «приезжай – повешу» висело над царским другом как проклятие и новые генералы желали видеть Распутина в расположении своих частей столь же охотно, сколь и прежние. Правда, слухи о том, что в связи со сменой главнокомандующего Распутин на фронт приезжал, по Петрограду ходили:

«Опять Распутин! Все говорят, будто он Думу распустил. Государь уже решил было поручить Кривошеину организовать из общественных деятелей министерство, как вдруг переменил решение и назначил Горемыкина. Это будто бы Распутин отговорил. Опасаются, что он теперь в ставке и не подкуплен ли немцами, не сговорит ли царя к сепаратному миру. Вспомнишь только, что слышал за одну неделю здесь – и ужаснешься жизни петербургского человека: в неделю на месяц постареешь…»

Так писал в своем дневнике весьма далекий от дворца Михаил Пришвин, и поразительно, что его настроения совпадали с интонациями в письмах Императрицы Государю: «В милом Петрограде <…> говорят, что Гр. – в ставке. Право здесь все более и более становятся кретинами, и я так жалею тебя, что ты сюда вернешься…»

Царица пыталась переломить ситуацию, но ничего из ее устремлений не получалось.

«Вскоре после того, как государь принял Верховное командование, в Ставку приехала императрица Александра Федоровна, – писал в основанной на мемуарах генерала Деникина книге «Белые против красных» Д. В. Лехович. – Гуляя по саду с Алексеевым, она взяла его под руку и стала говорить о Распутине. "Несколько волнуясь, – описывал этот эпизод генерал Деникин, – она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не

прав в своих отношениях к Распутину, что старец – чудный и святой человек, что на него клевещут, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье… Алексеев ответил, что для него это вопрос – давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

– Это ваше окончательное решение?

– Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым. Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношения к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия.

Несколько раз, – писал далее Деникин, – когда Михаил Васильевич, удрученный нараставшим народным неудовольствием против режима и трона, пытался выйти из рамок военного доклада и представить царю истинное освещение событий, когда касался вопроса о Распутине и о военном министерстве, он встречал хорошо знакомый многим непроницаемый взгляд и сухой ответ:

– Я это знаю.

Больше ни слова.

Но в вопросах управления армией государь всецело доверял Алексееву"».

«Слишком поздно, чтобы идти в церковь. Посылаю тебе бумагу от нашего Друга, которую дай, пожалуйста, прочесть Алексееву», – писала Императрица мужу.

Неизвестно, что это была за бумага, неизвестно, передал ли ее Николай Алексееву, неизвестно, читал ли ее генерал, но известно, что никаких военных советов, исходящих от «нашего Друга», в Ставке не принимали, хотя Государыня их время от времени передавала.

«…наш Друг шлет благословение всему православному воинству. Он просит, чтобы мы не слишком сильно продвигались на севере, потому что, по Его словам, если наши успехи на юге будут продолжаться, то они сами станут на севере отступать, либо наступать, и тогда их потери будут очень велики, если же мы начнем там, то понесем большой урон. Он говорит это в предостережение».

Замечателен и ответ Николая:

«Несколько дней тому назад мы с Алексеевым решили не наступать на севере, но напрячь все усилия южнее. – Но, прошу

тебя, никому об этом не говори, даже нашему Другу».

Понятно, что не потому, что послушались Распутина, скорее его правильные в каких-то случаях советы лишь раздражали генералов, как раздражали архиереев отдельные удачные советы в области церковной.

«Он находит, что во избежание больших потерь не следует так упорно наступать, – надо быть терпеливым, не форсируя событий, так как в конечном счете победа будет на нашей стороне, – можно бешено наступать и в 2 месяца закончить войну, но тогда придется пожертвовать тысячами жизней, – а при большей терпеливости будет та же победа, зато прольется значительно меньше крови» – вот еще одна распутинская рекомендация, изложенная Императрицей в письме к главнокомандующему русской армией, и в ней звучит настойчивый мотив: главное – не торопиться, главное – беречь русские жизни. Оценить его с военной точки зрения нелегко, но крестьянская мысль прослеживается здесь очень четко:

«Наш Друг надеется, что мы не станем подниматься на Карпаты и пытаться взять их, так как, повторяет Он, потери будут слишком велики»; «Милый, наш Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не послушался твоего приказа о приостановке наступления <…> Он говорит, что снова будут бесполезные потери <…> Зачем упорно лезть на стену, разбивать себе голову, зря жертвовать жизнью людей, словно это мухи?»; «Наши генералы не щадят "жизней" – они равнодушны к потерям, а это грех», – писала она день спустя, и в этих рассуждениях несомненно чувствуется влияние Распутина.

«Только что получил твою телеграмму, в которой ты сообщаешь, что наш Друг сильно расстроен тем, что мой план не исполняется, – отвечал Государь и далее, объяснив Императрице причины этого изменения, писал: – Эти подробности только для тебя одной – прошу тебя, дорогая! Передай Ему только: папа приказал принять разумные меры».

Боялся ли он измены, распутинской болтливости или просто был дисциплинирован и осторожен, но Александра Федоровна все равно привлекала Распутина к военным советам, окрашенным в религиозные тона:

«Солнышко мое, пожалуйста, не торопись с польскими делами – не позволяй наталкивать тебя на это, пока мы не перейдем границы, – я всецело верю в мудрость нашего Друга, ниспосланную Ему Богом, чтобы советовать то, что нужно тебе и нашей стране, – Он провидит далеко вперед, и поэтому можно положиться на Его суждение».

Или вот такое очень важное место:

«Если бы только Алексеев принял икону нашего Друга с подобающим настроением, то Бог, несомненно, благословит его труды с тобой. Не бойся упоминать о Гр. при нем – благодаря Ему ты сохранил решимость и взял на себя командование год тому назад, когда все были против тебя, скажи ему это, и он тогда постигнет всю мудрость и многие случаи чудесного избавления на войне тех, за кого Он молится и кому Он известен…»

А месяц спустя: «Досадно, что масса людей пишет гнусные письма против Него (Гр.) Алексееву».

Но гораздо досаднее было иное обстоятельство:

«По доходившим до меня сведениям пропаганда против императрицы, которой ставилось в вину ее знакомство с Распутиным, стала распространяться по всей армии, в особенности же в тыловых частях. Эти сведения я счел долгом доложить со всеми подробностями Его Величеству. Упоминание имени Распутина было Государю, видимо, болезненно неприятно», – вспоминал дворцовый комендант В. Н. Воейков.

Что же касается генерала Алексеева, то он так же, как и весь генералитет, был настроен резко против Распутина и от Императрицы этого не скрывал.

«Ваше величество, – ответил ей генерал, – глас народа – глас Божий. Я, верный слуга своего государя, готов сделать все для его облегчения, но не могу допустить присутствия здесь человека, о котором народ и армия единодушно самого отрицательного мнения» – так писал Мих. Лемке в своей книге «250 дней в царской Ставке».

«…и называет Распутина и прибавляет слово "каналья", Вырубову, ей не помню, какой дал эпитет, потом называет императрицу, Андроникова, Рубинштейна, Мануса и еще какие-то две-три "жидовские фамилии"…» – говорил в показаниях об Алексееве генерал Николай Иудович Иванов, который и сам разговаривал с Государем о Распутине, как говорили до этого Столыпин, Родзянко, Самарин, Шавельский, Фредерике, Тютчева…

«Иванов: Когда заговорил с государем, он был удивлен. Он говорил: «Этого не ожидал слышать», но в мягкой форме.

Сенатор Иванов: Недоволен был?

Иванов: Нет, в мягкой форме.

Председатель: Вы сказали, что Распутин вредный человек?

Иванов: Я сказал, что вредный человек. Он мне сказал: «Я не ожидал этого от вас слышать». Он сказал в мягкой форме.

Председатель: Генерал, сообщите факт.

Иванов: Он мне сказал: «Благодарю за преданность». Этим закончилась наша беседа, и он попрощался со мной. И сказал это

мягким тоном <…>.

Сенатор Иванов: В бытность вашу в Ставке, когда Ставку должен был покинуть П. М. Кауфман, какие были на то причины?

Иванов: Из Ставки он уехал в Государственный совет, но перед этим имел разговор с государем относительно Распутина. Государь тогда его обнял и поцеловал, а потом читаем в газетах, что он отчислен от должности главнокомандующего.

Сенатор Иванов: А почему его отстранили?

Иванов: Говорили тогда, что из-за доклада государю о Распутине».

Тут вот что важно отметить. Именно Распутин стал одной из ключевых причин того непонимания, охлаждения, обиды, которые возникли между Церковью и Государем, с одной стороны, и армией и ее главнокомандующим – с другой. Отдельные люди, называющие себя сегодня монархистами, часто говорят, что как раз именно две эти силы – армия и Церковь – предали Императора в феврале 1917 года, не выполнив свой долг и перейдя на сторону Временного правительства. Противники Государя, напротив, убеждены, что отречение совершил он, и это было и его ошибкой, и преступлением. Но какое бы из этих двух мнений ни было ближе к исторической истине, нет сомнения, что Григорий Распутин помимо своей воли был одним из центральных звеньев этого раздора, и то, что могло еще как-то сойти с рук в мирное время, в войну стало донельзя раздражающим фактором.

Трудно было найти человека, который оставался бы равнодушен к слухам о нем в воюющей армии. В особенности это касалось офицерства – солдаты реагировали проще и отчасти воспринимали Григория как своего, но офицерство и прежде всего высший командный состав были возмущены, и разница этого восприятия, к слову сказать, тоже была неслучайной и не сулящей ничего доброго.

Михаил Лемке писал в дневнике о некой карикатуре, «изображающей: слева Вильгельма, меряющего метром длину германского снаряда, а справа Николая, меряющего, стоя на коленях, аршином… Распутина… И все хохотали, никто не считает нужным стесняться… Развал полный».

Это реакция офицеров. А вот другое свидетельство:

«Офицеры говорят, что это злой гений царской семьи… все беды и напасти, постигшие нашу армию, все затруднения в тылу валят на голову Распутина, – писал в своих записках участник Первой мировой войны, выходец из крестьян, дослужившийся до младшего офицерского чина, Дмитрий Прокофьевич Оськин. – Солдаты отнеслись к убийству совершенно равнодушно. Я

попросил Ларкина специально послушать разговоры на эту тему в команде и в ротах. Но ему так ничего и не удалось услышать.

– Но все же как к нему относятся? – настойчиво спрашивал я Ларкина.

– Да как относятся? Говорят, что способный был мужик до баб, а царица, вестимо, тоже баба, чай, и ей надо, муж-то на фронте. Ведь и наши бабы в деревне, смотри, как балуются с австрийцами».

«Меня особенно заботили не войска и их мощь, в которой я в то время не сомневался, а внутренние дела, которые не могли не влиять на состояние духа армии, – вспоминал генерал Брусилов. – Постоянная смена министров, зачастую чрезвычайно странный выбор самих министров и премьер-министров, хаотическое управление Россией с так называемыми безответственными лицами в виде всесильных советников, бесконечные рассказы о Распутине, императрице Александре Федоровне, Штюрмере и т. п. всех волновали, и можно сказать, что, за исключением солдатской массы, которая в своем большинстве была инертна, офицерский корпус и вся та интеллигенция, которая находилась в составе армии, были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно. Везде, не стесняясь, говорили, что пора положить предел безобразиям, творящимся в Петербурге, и что совершенно необходимо установить ответственное министерство».

О том же самом говорил и один из создателей Красной армии генерал Лукирский: «Накануне революции февральской 1917 года в среде офицеров Генерального штаба старой армии определенно сложилось недовольство монархическим строем: крайняя неудачливость войны; экономический развал страны; внутренние волнения; призыв на высшие посты в государственном аппарате лиц, явно несостоятельных, не заслуживающих общественного доверия; наконец, крайне возмутительное подпадание царя под влияние проходимца (Григ. Распутина) и разрастание интриг при дворе и в высших государственных сферах. Поэтому февральская революция была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства вообще».

Протопресвитер Шавельский приводит в мемуарах свой разговор с генералом Алексеевым: «Знаете, отец Георгий, я хочу уйти со службы. Нет смысла служить: ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну, что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и… спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим…»

Шавельскому же принадлежит и еще одно воспоминание: «Не

заезжая в Ставку, я проехал с фронта в Петроград и 13 мая присутствовал на заседании Св. Синода. По окончании заседания ко мне подошел митрополит Питирим.

– О<тец> протопресвитер! Ее величество поручила мне переговорить с вами по весьма серьезному делу, – обратился он ко мне. – Когда бы нам сделать это?

– Странно! – ответил я. – Перед отъездом из Ставки я каждый день виделся с Императрицей, беседовал с ней, но она ни словом не обмолвилась о предстоящей мне беседе с вами.

– Да. Но ее величество поручила мне… Так где же и когда мы переговорим с вами?

– Где угодно, – ответил я, – у вас ли, у меня ли. Я уезжаю в Ставку во вторник 17 мая.

– Может быть, мы сейчас же, здесь побеседуем? – предложил митрополит Питирим.

Я, конечно, согласился. Мы отошли к окну, что против синодального стола и, стоя, начали беседу. В синодальном зале никого уже не было. Только у входных в синодальный зал дверей стояли Тверской архиеп. Серафим, протоир. А. А. Дернов и и. д. товарища обер-прокурора В. И. Яцкевич.

– Так вот, – начал митрополит, – ее величество очень обеспокоена, что в армии много разговоров о Григории Ефимовиче. Какое кому дело, что хороший человек стоит около царской семьи? А вот мешает же он кому-то! В армии говорят и то, и то…

И митрополит передал мне почти дословно то, что я 17 марта говорил Государю. Ясно было, что мой разговор с Государем сообщен Императрице, а последнею или Вырубовою передан митрополиту Питириму с поручением "повлиять" на меня.

– Я не знаю, хороший ли человек Распутин, – как будто о нем говорят другое, но армия действительно волнуется из-за него, считая его виновником многих гадостей. Как велика ненависть к нему в армии, можете усмотреть из следующего… И я, не называя ни места, ни имен, рассказал эпизод 1 мая, бывший на завтраке после освящения знамен в 65 пех. дивизии.

– Если командир корпуса, заслуженный, старый боевой генерал позволяет себе такую выходку в отношении лица, столь близкого к царской семье, значит, как далеко зашло дело!

– Вот Императрица и просит вас повлиять на армию, чтобы в ней не было таких разговоров. Вас армия знает, вас она любит, – вы можете сделать это, – перебил меня митрополит.

– Владыка! – обратился я к митрополиту. – Отчетливо ли вы представляете себе то, о чем меня просите? Вы знаете, что такое теперь наша армия? В ней сейчас 10 миллионов. Она на

двухтысячеверстном фронте и в беспредельном тылу, ибо тыл – вся Россия. Каким путем убеждать ее? Живым словом? Вы же понимаете, что это невозможно. Чтобы мне переговорить со всеми частями, потребовалось бы несколько лет. Обратиться к армии с воззванием? Тогда заговорят о Распутине и те, которые доселе молчали. Да и с каким словом, с какими наставлениями я обратился бы к армии? Я не умею врать. А если бы и стал врать, разве тут враньем можно помочь делу?

– Как тяжело, как тяжело! – почти застонал митрополит.

– Владыка! Позвольте мне быть с вами откровенным, – прервал я его. – Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что вы совершенно не представляете, какой это страшный вопрос – вопрос о Распутине. Это самый страшный из всех вопросов нашего времени. Его необходимо разрешить, надо разрешить как можно скорее и разрешению его должна помочь Церковь. Хотя вы, владыка, не первенствующий член Св. Синода, но вы – Петроградский митрополит; на вас поэтому обращены все взоры. Поверьте мне, что настанет пора, когда спросят, что сделала Церковь для разрешения этого вопроса, и прежде всего спросят вас. Тогда вам предъявят большой счет.

– Как тяжело, как тяжело! – начал опять вздыхать митрополит. – Знаете что? – обратился вдруг он ко мне. – С какой бы радостью я ушел в отставку. Вот только дали бы мне пенсию…

– Ну, думать о пенсии нам с вами теперь совсем не время, – возразил я. – Уйдем мы в отставку тогда, когда скажут нам: уходите! А пока мы должны делать и делать.

– Что же, что делать? – нервно спросил митрополит.

– Близость Распутина к царской семье грозит страшными последствиями. Надо избавить эту семью от опасной распутинской опеки. Надо их убедить, чтобы они освободились от Распутина. Если нельзя этого сделать, убедите Распутина уехать от них, чтобы, если они дороги для него, спасти их. Другого способа успокоить армию и народ и охранить падающий престиж Государя я не вижу, – закончил я.

На этом мы расстались.

Я совершенно объективно и, насколько мог, точно передал свою беседу с митрополитом. Предоставляю самому читателю сделать дальнейшие выводы. А о себе одно скажу: я отошел от митрополита и возвращался домой с каким-то гадливым чувством, которое у меня все нарастало по мере того, как я вдумывался в слова, вспоминал выражение лица, ахи и вздохи своего собеседника…

Какие же были последствия этой беседы? – спросит читатель. Существенных – никаких. Митрополит остался тем же, чем он и

раньше был. Менять позицию в отношении Распутина ему было пока невыгодно, ибо он держался Распутиным; печального же будущего и для России, и для себя от этой истории он не прозревал. <…>

Вскоре после описанного разговора с митр. Питиримом я был приглашен в Царское Село для совершения всенощной и литургии в Государевом Федоровском соборе. Мне сослужил царский духовник прот. А. П. Васильев. По обычаю, мы не возвращались после всенощной в Петроград, а оба заночевали в большом Царскосельском дворце, только в разных помещениях. Мне очень хотелось переговорить с о. Васильевым, так как некоторые лица очень энергично старались восстановить о. Васильева против меня, внушая ему, что я очень добиваюсь занять его место. Сам о. Васильев как-то писал мне об этом.

В ответном письме я старался разубедить его. Я еще до войны категорически отказался от предложения занять место придворного протопресвитера и царского духовника. Теперь же, с обострением распутинского вопроса, пост царского духовника был для меня еще более неприемлемым. И я был решительно далек от того, чтобы когда-нибудь мечтать о нем. Не буду говорить о том, что лезть на "живое" место не в моем принципе. Все же, чтобы окончательно рассеять подозрения о. Васильева, я хотел лично переговорить с ним и поэтому после всенощной высказал ему о своем желании побеседовать с ним. Он пообещал после ужина зайти ко мне. И, действительно, часу в 10-м вечера он забежал ко мне, но не более, как на пять минут. Мы успели обменяться несколькими ничего существенного не выражавшими фразами, а затем он начал прощаться, извиняясь, что ему надо навестить какую-то княгиню или графиню. Как будто для этого визита не могло найтись у него другого времени? При прощанье он, как бы нечаянно, обронил фразу:

– Вы напрасно думаете, что Распутин падает. Очень ошибаетесь: он теперь, как никогда, силен…

Несомненно, это было предостережение мне. Так я и понял тогда. Теперь же думаю, что необходимость беседовать с княгиней была вызвана у о. Васильева желанием отделаться от беседы со мной. Дружба со мною, как с открытым противником Распутина, теперь была не безопасна для царедворца. А о нашей продолжительной беседе во дворце завтра же стало бы известно, кому надо.

Распутин же продолжал восходить».

Это восхождение, как известно, очень скоро обернулось страшным падением, но до последнего дня царский друг сохранял свое влияние. Аккордный всплеск распутинского

могущества был связан с еще одной мощной силой, действовавшей на российской сцене – еврейским капиталом. Как совместить Распутина, патриота, монархиста, православного старца и – как следствие – жертву «жидо-масонского» заговора, каковым он предстает в новейших «патриотических» исследованиях, с его несомненной дружбой с евреями-капиталистами, наживавшимися на народных страданиях; как объединить дремучего, темного, похотливого мужика с самыми прогрессивными и политкорректными взглядами на еврейский вопрос, радующими любого интеллигентного человека – об это противоречие кто угодно споткнется. И тем не менее факт есть факт. Начинавший как член «Союза русского народа», друг и надежда убежденных антисемитов, Распутин с годами сделался добрым другом многих евреев. Отчасти русские националисты сами его от себя оттолкнули, отчасти это объяснялось его изначальной широкой национальной и религиозной терпимостью и природной незлобивостью характера. В последние годы жизни Распутин особенно часто выступал против дискриминационной политики по отношению к евреям, с очень многими евреями дружил и охотно их у себя принимал.

Вот только несколько случаев.

15 июля 1915 года унтер-офицер Прилин доносил помощнику начальника Тобольского губернского жандармского управления:

«К Распутину приезжал из гор. Перми 1 июля сего года на один день Вульф Яковлев Берге, проживающий в городе Перми».

«Надо бы выяснить, для какой надобности приехал к Распутину из Перми еврей Вульф Янкелев Берге и какие существуют отношения "старца" Распутина с этим жидом», – отвечал начальник Тобольского губернского жандармского управления В. А. Добродеев.

«Для какой именно надобности приезжал в Покровское к Распутину еврей Вульф Янкелев Берге выяснить не представилось возможным, так как он пробыл только несколько часов», – отвечал ротмистр Калмыков.

Еще об одной истории рассказал следственной комиссии Временного правительства товарищ министра юстиции А. Н. Веревкин:

«…дело Шнеерсонов. Шнеерсоны обвинялись в том, что содействовали своим соплеменникам – евреям уклоняться от воинской повинности. Распутин по этому поводу обратился с короткой запиской: "Милой, дорогой, помоги если можно" и письмом от графа Ростовцева, указывавшего, что на дело обращено внимание Государыни императрицы <…>

Он даже явился ко мне на дачу <…> …в один прекрасный

день Распутин является ко мне, т. е. входит прямо в сад. Я вышел к нему, не приглашая его на дачу. В саду была скамейка, Распутин сел на нее и обратился ко мне с просьбой о Шнеерсоне. Я ему прямо сказал, что это дело безнадежное. Я говорю: "Как же вы можете предполагать, что министр юстиции будет затруднять и утруждать внимание государя императора ходатайствами о таких господах, которые во время войны помогают уклоняться от воинской повинности?" – "Ты резонно говоришь, а все-таки очень уж просят, очень уж жалко их"».

А начались контакты Григория Распутина с еврейскими кругами, судя по всему, не позднее зимы 1913/14 года. Именно к этой поре относятся воспоминания известного адвоката и общественного деятеля Генриха Борисовича Слиозберга: «Ему сказали, что я могу иметь влияние на еврейские финансовые круги… Я не имел основания уклониться от этого свидания».

О евреях и Распутине можно прочитать в мемуарах секретаря Распутина Арона Симановича. Проблема состоит лишь в том, что количество фактических ошибок в этой, неизвестно кем и при каких обстоятельствах написанной, книге таково, что доверия она вызывает чрезвычайно мало, хотя и сбрасывать ее полностью со счетов тоже нельзя. Ее неведомый автор какие-то вещи знал хорошо, а какие-то весьма приблизительно, часто путался и в хронологии событий, и в их последовательности, и в действующих лицах, и в обстоятельствах. Появление Распутина при дворе, его отношения с Государем, миф о том, что Распутин лечил императора от алкоголизма, история о том, как в обмен на удаление Илиодора был назначен министром внутренних дел А. Н. Хвостов – все эти нелепости, содержащиеся в записках секретаря Распутина, венцом которых стала легенда о рождении цесаревича Алексея от генерала Орлова, – можно перечислять без конца.

«Только иностранец, не очень критически разбирающийся в русских источниках, может серьезно сослаться на фантастическое в полном смысле этого слова воспоминание Симановича как на источник, которому можно доверять <…> Не он, конечно, сочинил свои примечательные воспоминания – шедевр сочетания двух классических типов русской литературы: гоголевского "Хлестакова" и "Вральмана" Фонвизина», – писал С. П. Мельгунов.

«Отвратительный привкус книжки Симановича <…> не может, однако, разрешить нам роскошь полного игнорирования его рассказов: кое в чем они подтверждаются другими и более верными источниками», – косвенно возражал другой эмигрантский исследователь русской революции, меньшевик Григорий Яковлевич Аронсон.

Однако кто бы ни был автором «Распутина и евреев», сам Арон Симанович – не вымышленное лицо, а реальный человек, который входил в окружение Распутина и был его секретарем.

«Тобольский мужик Распутин, не игравший, по мнению некоторых людей, политической роли, имел… личного секретаря, – писал в книге «Убийство царской семьи» следователь Н. А. Соколов. – Им был петроградский торговец бриллиантами Арон Самуилович Симанович, еврей.

Богатый человек, имевший свое торговое дело и свою квартиру, Симанович почему-то все время пребывал в квартире Распутина. Он там был свой человек, и Матрена, дочь Распутина, ласково называет его в своем дневнике "Симочкой".

Открывался бесконечно широкий горизонт эксплуатировать пьяного мужика-невежду, хотя и его именем, но часто и без его ведома».

«…услужливый, ловкий, когда-то совсем маленький комиссионер, а теперь разбогатевший при войне делец… Он был обязан Распутину излечением сына и был предан "Старцу", пожалуй, искреннее, чем кто-либо другой. В деле заговора Ржевского он оказал Распутину большую услугу, был выслан Хвостовым, затем возвращен и остался верным при нем человеком», – писал о Симановиче генерал Спиридович.

«…первой гильдии купец… только числится в купцах, никакой торговлей не занимается, но играет в азартные игры в разных клубах. Почти ежедневно ездит к Распутину… Весьма вредный и большой проныра, способный пойти на любую аферу и спекуляцию», – охарактеризовал его агент охранного отделения.

«Симанович состоит на учете сыскной полиции как клубный игрок и ростовщик, помещающий свой капитал, в 200 тыс. руб., путем отдачи под большие проценты золотой кутящей петроградской молодежи <…> он был отличный семьянин, дал детям хорошее образование и воспитание, умел держать себя с достоинством в присутствии А. А. Вырубовой, был большим националистом и оказывал бедным своим соплеменникам, при поддержке Распутина, бескорыстную помощь в деле оставления их на жительстве в столицах, старался через Распутина воздействовать в высоких сферах на изменение правительством политики в еврейском вопросе», – рассказывал о нем Белецкий.

«Симанович был торговец бриллиантами, как говорится, "из-под полы" и в то же время азартный клубный игрок. Называли его клубным "арапом", но думаю, что вряд ли это было верно, так как игру он вел честную и большую частью проигрывал, – свидетельствовал хорошо информированный Глобачев. – Симанович был необразован, плохо говорил по-русски, но весьма

неглуп, с большой практической сметкой. Несмотря на личные выгоды, которые ему давала его близость к Распутину, он все же был по-своему к нему привязан и оберегал его интересы. Помимо своих личных дел, он выполнял миссию евреев, добивавшихся закона об отмене черты оседлости и равноправия…»

«Если среди просителей находились генералы, то он, – писал сам Симанович о Распутине, – насмешливо говорил им: "Дорогие генералы, вы привыкли быть принимаемыми всегда первыми. Но здесь находятся бесправные евреи, и я еще их сперва должен отпустить. Евреи подходите. Я хочу для вас все сделать"».

Из показаний Штюрмера известно, что, когда Симанович за какое-то мелкое преступление был выслан из Петрограда, Распутин добился того, чтобы Императрица отправила письмо председателю Совета министров Штюрмеру с просьбой Симановича вернуть. А согласно показаниям Манасевича-Мануйлова, в ближайшем распутинском окружении именно Симанович был тем человеком, который более всех беспокоился за жизнь Распутина и боялся, что его убьют.

«Симанович рассказывает, что некий Ржевский должен совершить это убийство… Симанович очень путанно, но, во всяком случае, установил факт, что Хвостов находится в сношениях с Ржевским и что хотят убить Распутина… я привел этого Симановича… Симанович рассказал то же…»

Так или не так было на самом деле, сейчас уже детали не воскресить, главное в этом сюжете то, что опытного странника окружали не просто евреи, но довольно темные личности еврейской национальности, подобно тому, как окружали и темные русские, а также представители иных народов. Распутин, по-видимому, вообще обладал удивительной способностью притягивать к себе людей и необыкновенно светлых, чистых, какими были в его окружении в течение нескольких лет епископ Феофан, иеромонах Вениамин и какими оставались до конца члены Царской Семьи, и вместе с тем людей крайне нечистоплотных. Причем с годами первых становилось все меньше, а вторых, по мере возрастания его силы и влиятельности, напротив, все больше, и это тоже по-своему объективно отражало духовную трансформацию сибирского странника.

«На самых же верхах монархии – в болезненном окружении Григория Распутина – играла заметную роль маленькая группа весьма подозрительных лиц, – писал Солженицын в книге «Двести лет вместе». – Они вызывали негодование не только у правых кругов, – вот в мае 1916 французский посол в Петрограде Морис Палеолог записал в дневнике: "Кучка еврейских финансистов и грязных спекулянтов, Рубинштейн, Манус и др., заключили с ним

[Распутиным] союз и щедро его вознаграждают за содействие им. По их указаниям, он посылает записки министрам, в банки и разным влиятельным лицам".

И действительно, – продолжает Солженицын, – если раньше ходатайством за евреев занимался открыто барон Гинцбург, то вокруг Распутина этим стали прикрыто заниматься облепившие его проходимцы. То были банкир Д. Л. Рубинштейн (состоял директором коммерческого банка в Петрограде, но и уверенно пролагал себе пути в окружение трона: управлял состоянием в. кн. Андрея Владимировича, через Вырубову был приглашен к Распутину, затем награжден орденом Св. Владимира и получил звание действительного статского советника, "ваше превосходительство") и промышленник-биржевик И. П. Манус (директор петроградского Вагоностроительного завода и член правления Путиловского, в руководстве двух банков и Российского Транспортного общества, также в звании действительного статского).

Рубинштейн приставил к Распутину постоянным "секретарем" полуграмотного, но весьма оборотистого и умелого Арона Симановича, торговца бриллиантами, богатого ювелира (и что б ему "секретарствовать" у нищего Распутина?..).

Этот Симанович ("лутчий ис явреев" – якобы написал ему "старец" на своем портрете) издал потом в эмиграции хвастливую книжицу о своей сыгранной в те годы роли. Среди разного бытового вздора и небылых эпизодов (тут же прочтем о "сотн[ях] тысяч казненных и убитых евреев" по воле в. кн. Николая Николаевича), сквозь эту пену и залеты хвастовства просматриваются и некоторые фактические, конкретные дела.

Тут было и начатое еще в 1913 "дело дантистов", большей частью евреев, "образовалась целая фабрика зубоврачебных дипломов", которые наводнили Москву, – а с ними получали тут поселение, не подвергаясь военной службе. Таковых было около трехсот (по Симановичу – 200). Лже-дантистов приговорили к заключению на год, но, по ходатайству Распутина, помиловали.

"Во время войны… евреи искали у Распутина защиты против полиции или военных властей", и, хвастался потом Симанович, к нему "обращалось очень много молодых евреев с мольбами освободить их от воинской повинности", что давало им возможность в условиях военного времени и поступить в высшее учебное заведение; "часто совершенно отсутствовала какая-нибудь законная возможность" – но Симанович, якобы, находил пути. Распутин "сделался другом и благодетелем евреев и беспрекословно поддерживал мои стремления улучшить их положение"».

Симанович приводит в своей книге имена тех евреев, которые участвовали в совещании по еврейскому вопросу на квартире барона Горация Осиповича Гинцбурга. Среди собравшихся были сам барон, а также Г. Б. Слиозберг, Лев Бродский, Герасим Шалит, Самуил Поляков, Мандель, Варшавский и др. На другом собрании с участием Распутина – торжественном обеде, данном адвокатом Г. Б. Слиозбергом, – присутствовали барон Гинцбург, Бланкенштейн, Мандель, раввин Мадэ и др. В обоих случаях Распутина встречали очень торжественно и оба раза обсуждался способ разрешения еврейского вопроса, о чем Симанович писал со свойственным ему простодушием:

«При появлении Распутина в салоне Гинцбурга ему была устроена очень торжественная встреча. Многие из присутствовавших плакали.

Распутин был очень тронут встречей. Он очень внимательно выслушал наши жалобы на преследования евреев и обещал сделать все, чтобы еще при своей жизни провести равноправие евреев. К этому он прибавил:

– Вы все должны помогать Симановичу, чтобы он мог подкупить нужных людей. Поступайте, как поступали ваши отцы, которые умели заключать финансовые сделки даже с царями. Что стало с вами! Вы уже теперь не поступаете, как ваши деды. Еврейский вопрос должен быть решен при помощи подкупа или хитрости. Что касается меня, то будьте совершенно спокойны. Я окажу вам всякую помощь.

Эта встреча со всемогущим при царе Распутиным оставила на всех присутствовавших евреев колоссальное впечатление».

Попытка разобраться в том, насколько достоверными являются сообщения об этих распутинско-еврейских встречах, была предпринята уже упоминавшимся историком Григорием Аронсоном.

«Наиболее неправдоподобно звучало в россказнях Симановича упоминание имени Г. Б. Слиозберга, умеренного, можно сказать, консервативного еврейского деятеля и связанного с финансово-мощными кругами, но пользовавшегося репутацией независимого и преданного интересам еврейства общественника». Аронсон ссылается на мемуары самого Слиозберга: «Я должен засвидетельствовать, что никому из общественных деятелей и влиятельных финансовых представителей никогда в голову не приходило использовать Распутина», и комментирует их следующим образом:

«Слиозберг в самом главном, хотя и бегло и не вдаваясь в подробности, признал, что он не только "не имел основания

уклоняться от свидания (с Распутиным), но попросил кое-кого из друзей присутствовать на обеде, на который должен был приехать Распутин". Иными словами, Симанович сказал правду о "торжественном обеде", устроенном Слиозбергом в честь Распутина.

Из дальнейшего изложения Слиозберга можно получить представление, что тот обед с Распутиным имел целью добиться через Распутина и его связи при дворе практических облегчений для каких-нибудь пострадавших евреев (по-видимому, речь шла о взятке Распутину для того, чтобы он добыл царскую амнистию по делу так наз. смоленских дантистов, – ради правожительства получивших фальшивые документы дантистов). И нет сомнения, что Слиозберг, прибегая к содействию "святого старца", был одушевлен самыми лучшими побуждениями общественного, никак не личного порядка. Тем не менее самый факт его сношений с Распутиным, обеда, устроенного у него на дому в честь Распутина, и, конечно, дача взяток Распутину и через него разным полезным людям, – приоткрывает завесу над тем, что не только авантюристы типа Симановича и Рубинштейна, но порой и люди почтенные и не искавшие корысти бывали втянуты в грязное болото распутинщины».

Однако самой колоритной фигурой в еврейском окружении Распутина последних лет стал все же не Арон Симанович и даже не банкир Рубинштейн, а весьма примечательный человек по фамилии Манасевич-Мануйлов, о котором премьер-министр Штюрмер рассказывал на следствии 1917 года:

«Распутин последнее время стал очень кутить, и охранка его жаловалась, что нет никакой возможности за ним наблюдать, потому что за ним приезжают разные моторы ночью и увозят его. Куда они едут – неизвестно. Он не желает, чтобы за ним следили, его охраняли. У него бывала масса народу, целый ряд посетителей и целый ряд таких, которые вместе с ним уезжали. Стало быть, нужно было поставить человека, который знал бы приблизительно, кто из лиц приезжающих мог быть опасным, нежелательным, чего низшие агенты не могли сделать. Вот тут был нужен Манасевич-Мануйлов. Это и было на него возложено. Он знал всех. Он был у него в семейство вхож».

«Мне кажется, что потому дело Рубинштейна не поставлено на суд и не будет поставлено: потому что такой опытный человек как Манасевич-Мануйлов мог отводить, куда угодно… Если посмотрите дела департамента полиции, – надо удивляться, как он еще сидел…» – заключил А. Н. Хвостов.

«Он считался его ангелом хранителем, считалось, что при

Манасевиче-Мануйлове жизнь Распутина будет сохранена…» – показывал на следствии министр юстиции А. А. Хвостов.

Более подробно о Манасевиче-Мануйлове, не просто «высшем агенте», но о ключевой фигуре во всей распутинской истории ее закатных лет, написал генерал М. Д. Бонч-Бруевич, старший брат знаменитого ленинского соратника, который так же, как и сам соратник, оказался лично причастен к Распутину и его окружению и вынес собственное суждение на сей счет:

«Манасевича-Мануйлова можно без преувеличения назвать русским Рокамболем. Подобно герою многотомного авантюрного романа Понсон дю Террайля, французского писателя середины прошлого века, которым зачитывались неискушенные в литературе читатели моего поколения, Манасевич-Мануйлов переживал неправдоподобные приключения, совершал фантастические аферы, со сказочной быстротой разорялся и богател и был снедаем только одной страстью – к наживе[57].

Жизнь высшего общества в последние годы русской империи была полна таких необыкновенных подробностей и совпадений, что превзошла вымыслы бульварных романистов. Выходец из бедной еврейской семьи Западного края, Манасевич-Мануйлов сделался правой рукой последнего некоронованного повелителя загнившей империи – тобольского хлыста Григория Новых, переменившего "с высочайшего соизволения" фамилию и все-таки оставшегося для всех тем же Распутиным.

Отец русского Рокамболя Тодрез Манасевич был по приговору суда сослан в Сибирь за подделку акцизных бандеролей. Казалось бы, сын сосланного на поселение местечкового "фактора" не мог рассчитывать на то, что попадет в "высший свет". И вот тут-то начинаются бесконечные "вдруг", за которые критика так любит упрекать авторов авантюрных романов…

Вдруг семилетнего еврейского мальчика усыновил богатый сибирский купец Мануйлов. Вдруг этот купец, умирая, оставил духовное завещание, которым сделал Манасевича наследником состояния в двести тысяч рублей, и также вдруг этот завещатель оказался чудаком, оговорившим в завещании, что унаследованное состояние передается наследнику только по достижении им тридцатипятилетнего возраста.

Порочный, алчущий легкой жизни подросток едет в Петербург. В столице идет промышленный и биржевой ажиотаж, характерный для восьмидесятых годов. Все делают деньги, деньги везде, и юного Манасевича окружают ростовщики, охотно ссужавшие его деньгами под будущее наследство.

Он принимает лютеранство и превращается в Ивана

Федоровича Манасевича-Мануйлова. И снова начинаются капризы судьбы. Манасевич-Мануйлов оказывается чиновником департамента духовных дел; вчерашний выкрест делается сотрудником славящегося своим антисемитизмом "Нового времени".

Столь же неожиданно и вопреки логике этот лютеранин из евреев назначается в Рим "по делам католической церкви" в России. Одновременно он связывается с русской революционной эмиграцией и осведомляет о ней департамент полиции.

Несколько времени спустя всесильный министр внутренних дел и шеф жандармского корпуса Плеве посылает Манасевича в Париж для подкупа иностранной печати.

Жизнь Манасевича делается изменчивой, как цвет вертящихся в калейдоскопе стекляшек. Во время русско-японской войны ему удается выкрасть часть японского дипломатического шифра, а военное ведомство добывает через него секретные чертежи новых иностранных орудий.

В годы первой русской революции Манасевич – начальник "особого отделения" департамента полиции, созданного им по образцу французской охранки.

В отличие от России и других стран, где военный шпионаж и борьба с ним находились в ведении главного штаба, во Франции последний ведал лишь военным шпионажем; контрразведкой же занималось специальное отделение в министерстве внутренних дел, так называемое "Сюрте женераль". Находясь в Париже, Манасевич был вхож в это засекреченное учреждение и, вернувшись, попытался перенести его опыт на русскую землю.

Во главе полицейской контрразведки Манасевич пробыл недолго и был отчислен за темные денежные махинации, обсчет агентов и переплату больших денежных сумм за устаревшие, а то и заведомо ложные сведения.

Карьера афериста должна была кончиться. Но он неожиданно оказался "состоящим в распоряжении" председателя совета министров графа Витте, и ему был назначен министерский оклад. Немного времени спустя Манасевич выехал в Париж для секретных переговоров с Гапоном.

По возвращении из Парижа он снова занялся журналистикой, сотрудничал в "Новом времени" и даже сделался членом союза русских драматических писателей.

Можно написать целый роман о Манасевиче. Тут были и вымогательства, и попытка продать за границу секретные документы департамента полиции, и все это сходило русскому Рокамболю с рук. С началом войны Манасевич снова оказался на государственной службе и, войдя в связь с Распутиным, был

назначен чиновником для особых поручений при тогдашнем министре-председателе Штюрмере».

Таким образом, Манасевич-Мануйлов занял ту же должность при Штюрмере, которую занимал при Хвостове несчастный Ржевский. Совпадение это примечательно тем, что именно Манасевича-Мануйлова в деле Ржевского использовали особенно успешно.

«Было одно дело, на которое его пришлось вызвать. Это было особое дело, которое мы на него возложили <…> Может быть, вы помните фамилию Ржевский, которому было вменено обвинение? Мне нужно было узнать от его жены, жена она или нет… Надо было узнать, подтвердит ли она показания Ржевского, надо отыскать ее. Я обратился к Манасевичу-Мануйлову», – показывал на следствии Штюрмер.

Помимо этого на допросах весной 1917 года Штюрмер говорил о том, что Манасевич-Мануйлов «должен был наблюдать за тем, чтобы охранять, за охраной того, что делается у Григория Распутина <…> был назначен заведовать Распутиным».

Поле для маневров Манасевича-Мануйлова было необыкновенно широко, и неизвестно, в чьих интересах он преимущественно действовал – распутинских, правительственных, разведывательных или своих собственных. Но, судя по всему, Рокамболь никому не отказывал и охотно на своего подопечного стучал. Вообще весь этот сюжет интересен тем, что изначально Манасевич-Мануйлов был распутинским недругом, однако впоследствии свое отношение к Григорию переменил:

«Мануйлов, сотрудничая у меня, по моему поручению, в период писем во дворец Богдановича о Распутине, дал в газетах ряд заметок и интервью с Распутиным, выставлявших отрицательные черты из жизни Распутина, и Распутин, как я знал, в ту пору боялся и даже жаловался на то, что Мануйлов преследовал его с фотографическим аппаратом», – писал в показаниях руководитель Департамента полиции С. Белецкий. Но, как следовало со слов Мануйлова, между ним и Распутиным было заключено джентльменское соглашение: Распутин не хотел наживать себе могущественного газетного врага, а Манасевич «уже начал пускать прочные корни в обстановке Распутина и имеет, видимо, какие-нибудь свои личные цели», – заключал главный русский сыщик.

«Сотрудничавший в контрразведке Манасевич-Мануйлов как-то сообщил, что Распутин говорил по поводу уехавшего в Могилев царя: "Решено папу больше одного не оставлять, папаша наделал глупостей и поэтому мама едет туда"», – вспоминал генерал Бонч-

Бруевич.

Он же, Манасевич-Мануйлов, устроил встречу Бонч-Бруевича с Распутиным, благодаря чему мы имеем свидетельство о нашем герое не только младшего, но и старшего из Бончей.

«…волей-неволей мне пришлось даже воспользоваться сомнительными услугами Манасевича. Это было связано с Распутиным, опасная и вредная деятельность которого занимала меня все больше и больше, – вспоминал генерал. – Несмотря на брезгливость, которую нелегко было побороть, я несколько раз встретился и с Манасевичем-Мануйловым. То, о чем с готовностью профессионального сыщика рассказал мне этот проходимец, еще раз укрепило меня в моих рискованных намерениях. Перед тем как отдать распоряжение об аресте и высылке Распутина, я решил с ним встретиться. Всю свою жизнь я руководствовался простым, но разумным правилом – прежде чем принять ответственное решение, все самому проверить.

Организатором моего свидания с Распутиным явился Манасевич. Местом встречи была выбрана помещавшаяся на Мойке в "проходных" казармах комиссия по расследованию злоупотреблений тыла. <…>

В назначенное время приехал Распутин, и я, наконец, увидел этого странного человека, сделавшего самую фантастическую в мире карьеру. Мое любопытство было до крайности возбуждено, хотелось понять, откуда у неграмотного мужика вдруг взялась такая сила воздействия на царскую семью.

Распутин был в обычном своем одеянии, напоминавшем хориста дешевого цыганского хора: шелковая малинового цвета рубашка, суконная жилетка поверх ее, черные бархатные шаровары, заправленные в лакированные сапоги. На голове у "старца" был котелок, который носили старообрядческие священники, и хотя я допускаю возможность, что по давности что-либо перепутал, мне твердо запомнилось смешное несоответствие между одеждой и головным убором.

Глаза у Распутина были холодные, умные и злые. Холеной своей бородой он явно щеголял и, хотя был почти неграмотен и никак не воспитан, больше играл этакого "серого мужика", нежели им являлся.

Манасевич очень ловко заговорил с ним о наших общих знакомых. Болезненно болтливый при всей своей хитрости, "старец" начал рассказывать о том, где бывает, кого знает, с кем водится. Очень скоро он начал хвастаться влиянием, которым пользуется при дворе, и, словно стараясь мне доказать, что "все может", стал всячески себя возвеличивать.

Беседа наша продолжалась больше часа, и я не обнаружил в

Распутине ни гипнотической силы, ни уменья очаровать собеседника. Передо мной был подвыпивший стараниями Манасевича, развязный и неприятный бородач, смахивающий на внезапно разбогатевшего петербургского дворника. Было ему на вид лет пятьдесят, и я одинаково не мог представить себе ни императорского министра, целующего похожую на лапу грубую руку "старца", ни изнеженных придворных дам, прислуживавших ему в бане.

Я спешил в Псков и уехал из Петрограда, не успев принять окончательного решения. В штабе фронта я вскоре получил от Распутина типичную для него записочку и из начертанных на клочке бумаги каракулей узнал, что и я теперь для этого проходимца "милой и дарогой". В неряшливой записке содержалась и какая-то просьба, которой я не исполнил.

Увольнение мое с должности начальника штаба Северного фронта и оставление в распоряжении главнокомандующего лишило меня всякой власти; мне стало не до борьбы с Распутиным. Рассчитывать на помощь нового главнокомандующего я не мог».

Признание о том, что Бонч-Бруевич должен был сначала вести с Распутиным борьбу, а потом ее оставить очень существенно. Сам генерал писал об этих перипетиях и их причинах довольно уклончиво и скупо, и можно понять почему. Как следует из вопроса сенатора Завадского, заданного Штюрмеру, расследование Бонч-Бруевича «клонилось к оправданию Манасевича-Мануйлова»: выдавать своих агентов, какими бы негодяями они ни были, контрразведка не собиралась.

«…дела Рубинштейна и сахарозаводчиков <…> остались проигнорированными им в его воспоминаниях. Информации типа: "контрразведке было известно", что "за назначение Добровольского министром юстиции Распутин получил от привлеченного за спекуляцию банкира Рубинштейна сто тысяч рублей" явно мало. <…> Архивные документы, однако, подтверждают, что Бонч-Бруевич в названном деле играл одну из заглавных ролей», – пишут в своей очень содержательной работе «Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки», два современных исследователя И. Васильев и А. Зданович.

Это верное наблюдение: из осторожных (хотя какими еще могли быть воспоминания крупного царского, а впоследствии красного генерала, написанные и опубликованные в СССР?) мемуаров М. Д. Бонч-Бруевича следует лишь то, что он не разделял популярного стремления устранить Распутина физически, а полагал, что с мужиком надо разделаться иным,

бескровным и, как генералу казалось, более радикальным способом.

«Я наивно полагал, что если убрать с политической арены Распутина, то накренившийся до предела государственный корабль сможет выпрямиться.

Об этом думали и многие видные государственные деятели старого режима. Наиболее простодушные полагали, что государь по слепой своей доверчивости не видит тех коленец, которые откалывает "святой старец". Достаточно только открыть царю глаза на этого развратника, взяточника и хлыста, и все пойдет по-хорошему. <…>

Я был в это время уже начальником штаба Северного фронта. Сама должность предоставляла мне огромную власть. Я мог, например, самолично выслать в места отдаленные заподозренных в шпионаже лиц, если они действовали в районах, подчиненных фронту.

Поэтому я решил с помощью особо доверенных офицеров контрразведки скрытно арестовать Распутина и отправить в самые отдаленные и глухие места империи, лишив тем самым его всякой связи с высокими покровителями. Несмотря на немолодой уже возраст и большой военный и административный опыт, я полагал, что сумею привести свой план в исполнение, и не понимал того, каким неограниченным влиянием на царствующую чету пользовался Распутин. Только много позже, с головой окунувшись в кипучую работу по созданию Красной Армии и многое перечитав и передумав, я понял, что с распутинщинои могла покончить только революция.

Тогда же, в шестнадцатом году, я, не ограничиваясь тщательным изучением всех имевшихся в контрразведке материалов о Распутине, побывал в находившемся в Царском Селе лазарете Вырубовой, о котором контрразведчики говорили как о конспиративной квартире Распутина. Под видом посещения раненых в госпитале этом бывала и встречалась со "старцем" и сама императрица и ищущие его покровительства сановники».

Самое ценное в скупых мемуарах Бонча то, что он не побоялся назвать имя человека, который в последнее время стал у нас едва ли не национальным героем и считается отцом-основателем российской разведки и контрразведки и чей портрет, как предполагают, должен сменить изображение Феликса Дзержинского в кабинетах на Лубянке. Причем Бонч-Бруевич не только его называл, но и написал об этом «махровом монархисте» и враге всех смутьянов и революционеров не в уничижительных, но в уважительных тонах, что можно считать большой личной смелостью и редким проявлением благородства царского, а

впоследствии советского генерала.

А звали этого воспетого Бонч-Бруевичем молодца Николай Степанович Батюшин. В начале войны он находился у Бонч-Бруевича в подчинении, и когда генерал позднее писал о том, что «контрразведке было известно, что Распутин является сторонником сепаратного мира с Германией и если и не занимается прямым шпионажем в пользу немцев, то делает очень многое в интересах германского генерального штаба», когда утверждал, что «влияние, которое Распутин имел на императрицу и через нее на безвольного и ограниченного царя, делало его особенно опасным» и отсюда «интерес, с которым контрразведка занялась "святым старцем" и его окружением», когда признавал, что «мы знали, наконец, что министерство внутренних дел широко субсидирует "старца"», то контрразведка – это и есть Батюшин, а «мы» – Батюшин и он, Бонч-Бруевич, – тандем двух русских офицеров, последних, кто мог спасти опытного странника от выстрелов в ночь с 16 на 17 декабря.

«Он был для меня своим человеком, и я без всякой опаски посвятил его в свои далеко идущие намерения <…> Генерал Батюшин, взявшийся за расследование темной деятельности Распутина, старался не касаться его отношений с царской семьей, Вырубовой и другими придворными, но это было трудно сделать – настолько разгульный мужик вошел в жизнь царскосельского дворца <…> Еще в бытность мою начальником штаба 6-й армии контрразведка штаба не раз обнаруживала, что через Распутина получают огласку совершенно секретные сведения военно-оперативного характера.

Все это вместе взятое заставило Батюшина, хотя и скрепя сердце, привлечь для работы в контрразведке пресловутого Манасевича-Мануйлова, журналиста по профессии и авантюриста по призванию. Задачей нового агента контрразведки было наблюдение за Распутиным, в доверие к которому он ухитрился войти. <…>

Особого удовольствия от того, что генерал Батюшин привлек этого проходимца к работе в контрразведке, я не испытывал. Но с волками жить – по-волчьи выть».

О миссии Батюшина писал и протопресвитер Шавельский:

«Через несколько дней после первого нашего разговора Пильц снова зашел ко мне. Теперь он сообщил мне, что после значительных усилий ему удалось убедить и ген. Воейкова, и ген. Алексеева взяться за петроградских – дельцов, евреев, "Митьку" Рубинштейна, Мануса и К°, которые через Распутина устраивают разные разорительные для армии сделки и даже выведывают военные тайны. Ген. Алексеев поручил ведение дела состоявшему

при штабе Северного фронта генералу Батюшину. Пильц надеялся, что Батюшину удастся документально установить виновность не только Рубинштейна и Мануса, но и Распутина.

Будучи уверен, что это дело, касавшееся главным образом Северного фронта, вызовет большие разговоры именно на этом фронте, я 1 марта направился через Псков в корпуса, расположенные в Двинском районе. Посещение этих корпусов представлялось особенно благовременным потому, что через несколько дней они должны были повести наступление, ввиду чего моя поездка не могла вызвать ни у кого подозрений. По пути я остановился в Пскове, где дважды обстоятельно беседовал с ген. Куропаткиным. Последний был чрезвычайно заинтересован делом Мануса и Рубинштейна, не сомневался в участии в нем Распутина, но не был уверен, что у ген. Батюшина хватит гражданского мужества энергично и широко повести порученное ему дело. Из штаба фронта я поехал на самый фронт; объехав позиции трех корпусов, я всюду прислушивался к разговорам о Распутине. Конечно, разговоров везде было много. Слух о Рубинштейновском деле и о причастности к нему Распутина облетел фронт и взбудоражил умы: куда только я ни приезжал, везде меня спрашивали: верно ли, что Распутин так близок к царской семье? Верно ли, что царь слушается его во всем и всегда? Верно ли, что через него можно устроить любое дело? и т. д. Некоторые спрашивали: кто такой Распутин? Ужель простой мужик? А иные задавали и более нескромные вопросы. Во всех таких вопросах и разговорах было больше любопытства, чем беспокойства, больше удивления, чем возмущения, хотя в некоторых местах проглядывало и второе. Таким образом, сразу выросший в армии огромный интерес к Распутину пока не представлял ничего грозного, но он угрожал в будущем.

В Петрограде, через который я возвращался в Ставку, я услышал гораздо больше: там арест Рубинштейна и, вообще, Рубинштейно-распутинское дело трактовались на все лады, причем главной мишенью оказывался, конечно, Распутин. Чего только о нем не говорили: рассказывали о его кутежах с разными иноплеменниками, об его кафешантанных оргиях и дебошах, об его посредничестве в разных, касавшихся армии, коммерческих делах, обвиняли его в выдаче военных тайн и пр. В общем никогда раньше Петроградское общество не проявляло такого внимания к личности Распутина, как теперь.

В этот мой заезд в Петроград ко мне, между прочим, явился за советом содержатель ресторана "Медведь" (на Конюшенной улице) Алексей Акимович Судаков.

– Посоветуйте, что делать! – обратился он ко мне. –

Повадился ездить в мой ресторан этот негодяй – Распутин. Пьянствует без удержу. Пусть бы пил, – черт с ним. А то, как напьется, начинает хвастать: "Вишь, рубаха… сама мама (т. е. царица) вышивала. А хошь, – сейчас девок (царских дочерей) к телефону позову" и т. д. Боюсь, как бы не вышло большого скандала: у меня некоторые лакеи, патриотически настроенные, уже нехорошо поговаривают. А вдруг кто из них размозжит ему бутылкой голову, – легко это может статься… Его-то головы мне не жаль, но ресторан мой закроют».

Из воспоминаний Шавельского, таким образом, следует, что некоторые генералы сомневались в «энергичности» и достаточном «гражданском мужестве» Батюшина – оценка, которая, что примечательно, расходится с мнением автора книги «Распутин и евреи», глядевшего на эту ситуацию под иным углом зрения и исходя из своих интересов:

«…генерал Батюшкин (так у автора. – *А. В.)* и его комиссия приносят много вреда», – жаловался в записках Арон Симанович и писал далее о том, что Распутин «выступал вообще против комиссий, в бесполезной работе которых, по словам Распутина, только тратилось много времени, которое могло быть использовано более целесообразно».

«Той осенью общественно-политические круги столицы были в большом волнении. "Батюшинская комиссия" (Контрразведка Северо-Западного фронта и Комиссия по борьбе со спекуляцией) арестовала за спекуляцию банкира Рубинштейна, известного всем под именем Мити Р., а Департамент Полиции директор Климович арестовал Ф. Манасевича-Мануйлова. Это были два события, о которых говорил и спорил весь Петроград. Оба арестованных дружили с Распутиным. Рубинштейн давал деньги на благотворительные учреждения А. А. Вырубовой и говорил о том направо и налево. Задавал приемы, вел крупные дела.

Мануйлов состоял в распоряжении Штюрмера и исполнял обязанности начальника личной охраны Распутина. Прославился в деле Ржевского – Хвостова. Дела двух арестованных как-то странно сплелись в один клубок с именами Распутина и Вырубовой, что увеличивало сенсацию. Догадкам и предположениям не было конца», – вспоминал генерал Спиридович, сам к этим арестам не причастный и писавший по крайней мере об одном из них – аресте Манасевича-Мануйлова – как о провальном и имевшем для империи самые гибельные последствия.

Пишет, наконец, о Батюшине и его комиссии Александр Солженицын, оценивая деятельность русской контрразведки весьма сдержанно: «…саму комиссию Батюшина, столь важную, –

не сумели составить достойно, добротно. О бестолковом ведении ею следствия по делу Рубинштейна пишет сенатор Завадский. Пишет в воспоминаниях и ставочный генерал Лукомский, что один из ведущих юристов комиссии полковник Резанов, несомненно знающий, оказался картежник и любитель ресторанной жизни с возлияниями; другой, Орлов, – оборотень, который после 1917 послужил и в петроградской ЧК, а затем – у белых, потом провокационно вел себя в эмиграции. Состояли там, очевидно, и другие подозрительные лица, кто-то не отказался и от взяток, вымогали выкупы у арестованных».

С Солженицыным не согласились Зданович с Ивановым: «А. И. Солженицын, признав комиссию Батюшина "важной", тем не менее огорчается, что "не сумели составить ее достойно, добротно", излагая при этом, к сожалению, часть измышлений, высыпавшихся как из рога изобилия на каждого из ее членов в те дни, когда комиссия была повержена: "картежник и любитель ресторанной жизни с возлияниями" Резанов, "другие подозрительные лица". Об Орлове им сказано как об "оборотне", но применительно не ко времени работы комиссии, а к последующим годам жизни и деятельности человека с исключительно сложной судьбой. Так можно утверждать, совсем не зная характера Батюшина, его безгранично ответственного подхода к любому делу, тем более к делу особой государственной важности. Мы знаем, каким щепетильным и бескомпромиссным был он в оценке людей, особенно тех, с кем нужно было разделить ответственное поручение. Конечно, не исключается, что в отдельных случаях при общем дефиците специалистов в спешке Батюшин мог опрометчиво воспользоваться каким-либо рекомендованным ему офицером с сомнительными в нравственном отношении качествами (прапорщик Логвинекий, например), но костяк комиссии был представлен не этими случайными людьми. Роковая ошибка руководителя комиссии, как мы узнаем, была в сотрудничестве с другими лицами».

Об этих лицах чуть позже, а пока что отметим, что самым громким в деятельности Батюшина действительно стал арест банкира Дмитрия Рубинштейна. Рубинштейн был арестован 10 июля 1916 года. «При обыске у него был найден дневник установленного за ним Департаментом полиции наблюдения. Он был в хороших отношениях с директором этого департамента Климовичем. Да вообще у него были хорошие знакомства в высших сферах. Накануне, например, обыска у него обедал министр внутренних дел Протопопов. Про Распутина, которому он доставал любимую мадеру, и говорить нечего», – писал в мемуарах Батюшин.

Главным обвинением в деле банкира была государственная измена. Рубинштейна ждала суровая кара, но в его судьбу вмешались два человека: Александра Федоровна и Григорий Ефимович. Впервые Рубинштейн был упомянут в письме Императрицы к Государю еще в сентябре 1915 года:

«Какой-то Рубинштейн дал уже 1000 руб. и согласен дать еще 500 000 руб. на изготовление аппарата, если он получит то же самое, что Манус. Как некрасивы эти просьбы в такое время, – благотворительность должна покупаться – как гадко!»

Аппараты – это новые аэропланы; получить то же самое, что и Манус, то есть государственный чин, – это стремление сочетать филантропию с коммерцией Государыня осуждала. Но ровно год спустя ее отношение и к зависимости денег от чинов, и к Рубинштейну начало меняться. Опять-таки под влиянием «нашего Друга», настроенного, судя по всему, более прагматично.

«Наш Друг сказал мне еще одну вещь, а именно: если будут предлагать большие суммы (с тем, чтобы получить награды), их нужно принимать, так как деньги очень нужны; поощряешь их делать добро, уступая их слабостям, и тысячи от этого выигрывают, – верно, но все-таки безнравственно. Но в военное время все по-иному».

«…это, вероятно, Гучков подстрекнул военные власти арестовать этого человека в надежде найти улики против нашего Друга. Конечно, за ним водятся грязные денежные дела, – но не за ним же одним», – писала Императрица мужу.

Известны также показания, которые дал Чрезвычайной следственной комиссии министр юстиции Н. А. Добровольский: «Когда я уже был министром юстиции, однажды мне докладывают, что пришел секретарь Распутина. Это меня очень удивило. Является этот самый Симанович с просьбой по делу Рубинштейна. Очень настойчиво говорит, что этим делом заинтересованы очень высокопоставленные лица. Что Рубинштейн обещал чуть ли не полмиллиона за свое освобождение. <…> Говорил он совершенно недопустимым тоном о том, что будто бы (это очень тяжело высказать), что будто бы этим делом интересуется императрица, хотя я должен прибавить, что дважды видел императрицу за свое министерство и она не говорила совершенно об этом ни одного слова <…> Он даже мне сказал такую фразу: "Вы рискуете тем, что императрица будет вами недовольна"».

«Сестра Воскобойникова от имени царицы и Вырубовой тоже просила меня освободить Рубинштейна. Я советовал им через Воскобойникова в это дело не вмешиваться, все же генералу Батюшину сказал, что: "это дело беспокоит дамскую половину

дворца". Распутин хлопотал за Рубинштейна», – показывал на следствии министр внутренних дел Протопопов, а в другом месте прямо говорил, что «царица и Вырубова просили меня переговорить с Батюшиным об освобождении Д. Л. Рубинштейна».

«Самым настойчивым ходатаем за Рубинштейна, которому грозило 20 лет каторги, была сама царица, – пишет Солженицын. – Уже через два месяца после его ареста Александра Федоровна просила Государя, чтобы Рубинштейна "потихоньку услали в Сибирь и не оставляли бы здесь для раздражения евреев", "поговори насчет Рубинштейна" с Протопоповым. Через две недели и сам Распутин шлет телеграмму Государю в Ставку: что и Протопопов "умоляет, чтобы ему никто не мешал", также и контрразведка… "Ласково беседовал об узнике, по-христиански". – Еще через три недели А. Ф.: "Насчет Рубинштейна, он умирает. Телеграфируй… немедленно [на Северо-Западный фронт]… передать Рубинштейна из Пскова министру внутренних дел", то есть все тому же ласковому христианину Протопопову. И на следующий день: "Надеюсь, ты телеграфировал насчет умирающего Рубинштейна". – И еще через день: "Распорядился ли ты, чтобы Рубинштейн был передан министру внутренних дел? иначе он помрет, оставаясь в Пскове, – пожалуйста, милый!"

И 6 декабря Рубинштейн был освобожден – за 10 дней до убийства Распутина, в крайнее для себя время, как последняя распутинская услуга. Сразу же за убийством отставлен и ненавидимый царицею министр Макаров. (А большевиками вскоре расстрелян.) – Впрочем, с освобождением Рубинштейна следственное дело не было тотчас прекращено, он арестован снова, – но в спасительную Февральскую революцию Рубинштейн был, среди томимых узников, освобожден толпой из петроградской тюрьмы и покинул неблагодарную Россию, как, вовремя, и Манасевич, и Манус, и Симанович. (Впрочем, Рубинштейна еще встретим.)

Весь этот тогдашний тыловой разгул грабежа государственного достояния – нам, жителям 90-х годов XX века, видится лишь малой экспериментальной моделью… Но общее – в самодовольном и бездарном правлении, при котором сама судьба России уплывала из рук ее правителей».

Этого, увы, – не оспоришь. Но следует признать, что в отношении генерала Батюшина и целей его комиссии у мемуаристов встречались и противоположные суждения и оценки. Так, П. Г. Курлов, занимавший во время войны должность главноначальствующего гражданской части в Прибалтийском крае, вспоминал:

«Ужас состоял в том, что контрразведывательные отделения далеко вышли за пределы специальности, произвольно включив в круг своих обязанностей борьбу со спекуляцией, дороговизной, политической пропагандой и даже рабочим движением. Создателем этого направления был ближайший сотрудник ныне большевистского генерала Бонч-Бруевича – генерал Батюшин. Его деятельность являлась формой белого террора, так как им подвергались аресту самые разнообразные личности, до директоров банка включительно. Получить сведения об основаниях задержания было затруднительно даже самому министру внутренних дел, что проявилось в деле банкиров Рубинштейна, Добраго и др., которые просидели в тюрьме без всяких оснований пять месяцев. <…>

Контрразведывательные отделения не признавали никакого подчинения и игнорировали не только гражданскую администрацию, но и военных начальников <…>».

«Я много раз говорил царю, что считаю деятельность ген. Батюшина вредною, – показывал на следствии Протопопов. – Он часто производил недостаточно обоснованные обыски и аресты среди лиц торгово-промышленного мира и делал выемки и обыски в банках. Его деятельность уменьшала русское производство, пугала капитал и откидывала в оппозицию торгово-промышленный мир и банки».

«Генерал Батюшин оставил мне все дознание. И я до сих пор не могу забыть того чувства подавленности, которое овладело мной по прочтении этого детского лепета: все слухи, сплетни, все обрывки без начала и конца, – писал прокурор Завадский, которому было поручено вести дело Рубинштейна в суде. – Если Рубинштейн был виноват, то Батюшин, Резанов и К°, послужили ему лучшей защитой <…> если Рубинштейн был невиновен, то ведь это ужас: сидеть под замком полгода, пока о тебе собирают не улики, а какие-то анекдоты. Я дал себе труд и написал для генерала Батюшина «шпаргалку» того, что по меньшей мере должно быть установлено дознанием, если он не желает освобождения Рубинштейна в самый момент приступа к предварительному действию. Батюшин на меня вознегодовал ужасно…»

«Можно допустить, что вокруг дела банкира Рубинштейна происходила какая-то пляска шакалов <…> Когда-нибудь историку предреволюционного времени придется заняться "батюшинской комиссией" и он сумеет отделить ходячие версии от того, что было в действительности», – заключил С. Мельгунов.

Русская контрразведка оказалась, таким образом, в тисках. Ее упрекали и за недостаточную решительность, и за беззаконие, и

за непрофессионализм, но в конечном счете никакие секреты контрразведывательных отделений Батюшину не помогли, и силы его оказалось недостаточно.

«…на одной чаше весов – вся головка российской империи: Верховный главнокомандующий царь Николай II, Ставка, ближайший к столице фронт во главе с умным и проницательным главнокомандующим Н. В. Рузским. Их боевой, ударной силой был особый отряд – комиссия во главе с опытнейшим и надежным контрразведчиком Н. С. Батюшиным, – пишут Иванов со Здановичем. – На другой – небольшая кучка взлелеянных войной наглых финансовых и биржевых воротил, дельцов и попросту проходимцев (тот же Распутин чего стоил!), для которых воюющее российское государство и его народ – неисчерпаемый источник для их паразитирования, обогащения, достигаемого с помощью всех мыслимых и немыслимых средств. Их сила – в капитале, с помощью которого можно было привлечь на свою сторону и привлекались деятели любого уровня разлагающегося отечественного государственного аппарата. Великая Россия для них стала своеобразным ломберным столиком, на котором эти игроки делали свои, к сожалению, беспроигрышные ставки. В этом своем качестве они, по мнению защитников России и патриотов вообще, являлись подлинными ее врагами. А о том, что болезнь существующего режима зашла глубоко и в определенной мере уже не поддавалась лечению вопреки мнению ее "врачевателей", знало не так уж много лиц.

Итог этого по-своему исторического противостояния таков: победителем оказалась клика корыстных антигосударственников, больше похожих на врагов отечества, а вовсе не императорская Россия с ее могучей армией и военной контрразведкой, органами правосудия. Это страшная гримаса истории, а никакой не закономерный результат для всех иных держав, кроме России! Особую ответственность за поражения такого рода делят между собой все его участники, начиная с самого царя. Затем следует генералитет, за ним – в очередь – жандармерия, политическая полиция, контрразведчики и юристы всех рангов. Конечно, и его величество Капитал. Но каждому на весах истории отмерено свое».

Что тут скажешь? Разумеется, можно считать Распутина паразитом и с легкостью перенести царского друга в стан его врагов, а Батюшина называть рыцарем без страха и упрека, можно считать, что во всем виноваты капитал и бездарное правление, но есть одно довольно странное обстоятельство в сюжете Батюшин – Распутин.

В 1939 году генерал написал книгу «Тайная военная разведка

и борьба с ней». Существует предположение, что это не единственная книга, принадлежащая перу Батюшина, и что в эмиграции им была написана и то ли не издана, то ли издана очень маленьким тиражом книга о борьбе российской контрразведки против Распутина. На существование такой книги указал, в частности, все тот же хорошо информированный генерал ФСБ Александр Зданович, по словам которого, книга о Распутине находится в какой-то частной зарубежной коллекции. Все это вполне вероятно, и даже, может быть, этот экземпляр уже куплен нашей службой безопасности и ждет своего часа, но пока что мы располагаем лишь «Тайной военной разведкой», а то, что писал в ней про Распутина знаменитый Батюшин, производит впечатление более чем странное:

«Грубо колебать в глазах русского народа престиж монарха было бы нецелесообразно, а потому к этому адскому делу осторожно приступает революционная пропаганда сейчас же после неудачной Русско-японской войны и следовавшей за ней малой революции. Для этого она придвигает к ступеням императорского трона простого мужика, хлыста по своим религиозным убеждениям Распутина, снабдив его даже чудодейственной силой. В книге его секретаря еврея Арона Симоновича "Распутин и евреи" подробно описана встреча Распутина, возвращавшегося с богомолья в Иерусалиме к себе, в Тобольскую деревню, с приехавшими помолиться в Киев Великими Княгинями Анастасией и Милицей Николаевными. Случайно якобы приходит к ним во двор Распутин, им заинтересовывается Великая Княгиня, приглашают даже его пить с ними чай и в разговоре узнают, что Распутин умеет лечить гемофилию, неизлечимую болезнь, которой страдал Наследник-Цесаревич. Благодаря этому, из чувства любви матери к ее единственному сыну, Распутин вводится ими не только в царский дворец, но даже полонит душу Императрицы. При содействии подкупленных лиц мистифицируются чудеса не только над А. А. Вырубовой, но и над самим Наследником-Цесаревичем. Достигнув этой главной своей победы, пропаганда приступает к ее эксплуатации путем распускания не столько в простом народе, сколько в кругах интеллигенции гнусных инсинуаций на Государыню и ее дочерей и достигает в конце концов своей цели – расшатывания доверия народа к монарху».

Непонятны здесь по крайней мере три вещи. Во-первых, из всех многочисленных документов, свидетельств и воспоминаний о Распутине, уже опубликованных к концу 1930-х годов, опытный и безукоризненный контрразведчик выбирает самое сомнительное и цитирует из него явно недостоверные фрагменты.

Во-вторых, когда Батюшин пишет о том, что революционная пропаганда не просто придвинула к трону простого мужика и хлыста (что само по себе уже нелепость, до которой даже «наивный мистик» князь Жевахов недодумался), но и «снабдила его даже чудодейственной силой», то прокомментировать эту мысль представляется просто невозможно. Как, каким образом снабдила, что за мистика? В-третьих, если понимать под «мистификацией чудес над Вырубовой» ее излечение Распутиным после железнодорожной катастрофы, то эта конструкция слишком громоздка: специально крушение поезда, что ли, устроили?

Но самое главное, никаких доказательств того, что Распутин был изначально «засланным казачком» от революции, Батюшин не приводит, а чисто публицистические обвинения, основанные не на фактах, а на эмоциях, в устах контрразведчика невольно ставят под сомнение если не всю его профессиональную деятельность, то по меньшей мере ценность его книги.

И не только его. Роберт Вильтон, корреспондент «Тайме» в Петербурге и автор книги «Последние дни Романовых», предложил свою шпионскую версию на тему о том, кто стоял за Распутиным:

«Недавно я получил некоторые сведения, касающиеся того, каким путем Распутин достиг своего положения при Русском Дворе, а равно о прошлом его зятя Соловьева; их стоит отметить здесь: при некоторой своей неопределенности, они все же могут служить отправной точкой для будущих исследований. Я не сомневаюсь, что вопрос об убийстве Романовых на долгие годы останется самым известным судебным делом в мире.

По этим данным оказывается, что во время своего паломничества Распутин после посещения Афона поехал в Болгарию, где познакомился с Фердинандом Кобургским. Макиавеллиевская душа последнего сейчас же подсчитала выгоды, которые можно извлечь из паломника… Этот экзальтированный крестьянин грубых понятий, но не лишенный природного красноречия, мог быть использован как ценное орудие. Он указал на него своим берлинским друзьям и через них устроил ему знакомства в Петрограде. Гришка был доведен до самых ступеней трона, который надо было поколебать. Коварный болгарский Царь рассчитывал присвоить себе при поддержке Германии право на византийский венец; но он не мог бы овладеть им иначе, как наступив на обломки России. Нетрудно понять, почему он заинтересовался Распутиным».

Гипотеза, может быть, и захватывающая – болгарский след! – но доказательств не представлено никаких. И таких, граничащих с мифами, сюжетов в распутинской истории сколько угодно,

причем мифы эти творились как «за», так и «против», а Распутин оказывался объектом манипуляции с самых разных сторон. И то же самое мы видим сегодня, когда Распутина пытаются то канонизировать, то демонизировать, а правды нет ни там, ни здесь. Но вернемся к Батюшину. Косвенно на расхождение между профессиональной и литературной деятельностью русского контрразведчика поспешили указать и его нынешние коллеги Васильев и Зданович:

«Похоже, была и еще одна причина, которую непосредственные участники тщательно скрывают. Есть ряд прямых и опосредованных свидетельств о том, что исключительно узкий круг генералитета предполагал силами контрразведки нейтрализовать антигосударственную деятельность явно зловредного, но "дьявольски" неуязвимого Распутина, плотно окруженного с целью охраны отдельными высшими чинами Департамента полиции. Задача эта представлялась военному руководству особо деликатной: здесь легко было неосторожному сломать себе шею, как уже случалось до этого не раз. Пример блистательного в царском окружении генерала МВД В. Ф. Джунковского был у всех на глазах. Он поплатился своей должностью второго человека в органах госбезопасности, потому что позволил себе высказать свое мотивированное нелицеприятное мнение о Распутине самому царю. 15 августа 1915 года с ним расстались без каких-либо объяснений.

Для выполнения комплекса этих задач, далеко отстоящих от "чистой" контрразведки, и была создана особая команда, которая вошла в историю под названием "комиссия Батюшина". На деле это означало не что иное, как первый опыт ввода контрразведки (пусть и локальной по масштабу – фронтовой) в самую сердцевину политических интриг, участниками которых являлись все без исключения главные действующие лица режима, приближающегося с большой скоростью к гибели.

Сам Н. С. Батюшин позже об обстоятельствах, связанных с именем Распутина, будет *неубедительно* (выделено мной. – *А. В.)* говорить лишь как о «революционной пропаганде» неких сил, поставивших целью сокрушить царизм путем компрометирования царя и его семейства. Не исключено, что он, активно работавший против Распутина и его окружения, таким способом старался не дать причислить себя к виновникам гибели самодержавия. Но за него, спустя десятилетия, рассказал один из «посвященных» – генерал Бонч-Бруевич».

Далее Зданович цитирует уже известные читателю фрагменты воспоминаний брата большевика, свидетельствующие об интересе контрразведки к Распутину, и предлагает обратить внимание на

два момента.

«Во-первых, мемуарист почему-то не говорит о том, кто и когда поручил контрразведке начать оперативную работу по Распутину. Решиться действовать самостоятельно по такому "объекту" она не могла – не тот уровень. И Бонч-Бруевич – не тот уровень! Н. В. Рузский? М. В. Алексеев? Сговор двух генерал-адъютантов за спиной своего Верховного главнокомандующего? Такое предположение имеет некоторые основания. Во-вторых, Батюшин бесспорно осознанно принял участие в этом деле, видимо, оговорив при этом лишь право не касаться личной жизни обожаемого им государя, его семьи и всего близкого его окружения. Сакральный характер монархической власти остался для него непререкаемым на всю жизнь.

Патриот-контрразведчик, но не царедворец и не политик, дав втянуть себя в крупнейшую политическую игру, не сравнимую по масштабам с делом Мясоедова, не смог разглядеть грозившей ему опасности. Она стала для него роковой и в служебном, и в личном плане. Крах задуманного другими игроками стал в итоге его, батюшинским, "Ватерлоо"».

Таким образом, Батюшина переиграли, а конкретным виновником батюшинского поражения в борьбе с еврейским капиталом и его агентом Григорием Распутиным в ФСБ называют все того же Манасевича-Мануйлова – батюшинского осведомителя, болтуна и стукача:

«Так называемый человеческий фактор оказался в конечном счете определяющим в судьбе самой комиссии. Роль пресловутой арбузной корки, наступив на которую сломали себе шею такие опытнейшие генералы-контрразведчики, как Бонч-Бруевич, Батюшин, сыграл ключевой агент этой разработки Иван Федорович Манасевич-Мануйлов.

С точки зрения оперативника выбор Манасевича в этом качестве был безупречным. По должности он являлся в то время личным секретарем председателя Совета министров Б. В. Штюрмера и одновременно одним из фаворитов Распутина. Есть сведения, что Распутин специально приставил его к главе правительства.

Будучи сам высоконравственной личностью, Батюшин, привлекая к сотрудничеству Манасевича, человека сомнительной репутации, видимо полагал, что у того, кому лично доверял глава правительства (добавим еще: благодаря долголетней выучке в системе МВД, Манасевич хорошо знал эту систему изнутри), существует хоть малая толика порядочности, столь необходимая в делах особой государственной важности. Но здесь и случился просчет, загубивший дело. Оказалось, человеческая подлость,

негодяйство не имеют нижнего предела, как геройство – верхнего. Это должны были знать матерый контрразведчик Батюшин, а вместе с ним и Бонч-Бруевич.

Ловкий и беззастенчивый делец не брезговал частными сомнительными аферами, биржевой игрой, шантажом в отношении финансистов, полагая, что он надежно защищен со всех сторон: Распутина, правительства, контрразведки. Прозрение к контрразведчикам пришло слишком поздно, когда нужно было из-за Манасевича спасать всю комиссию. Дадим запоздалое слово Бонч-Бруевичу: "Оказалось, что русский Рокамболь, снабжая комиссию ложными сведениями, отводил меч правосудия от таких прохвостов, как арестованный, но уже освобожденный банкир Рубинштейн, и обделывал свои темные и прибыльные делишки. Комбинации Манасевича обратили на него внимание Департамента полиции. Спасаясь от полиции, Манасевич запутывал факты и ставил комиссию Батюшина в такое положение, при котором она невольно начинала защищать его от уголовного преследования за излюбленный им шантаж".

Манасевич был взят с поличным в августе 1916 года. Дело авантюриста сразу приобрело громкое общественное звучание. В ходе следствия были установлены и вменялись ему в вину шантаж Соединенного банка и вымогательство у его руководителей 26 тысяч рублей, шантаж и запугивание немца Утемана, директора и совладельца фабрики "Треугольник", незаконное получение крупных сумм денег от Русско-Французского банка и многие другие преступления. Слушание дела было назначено на 15 декабря. Но Распутин и императрица Александра Федоровна добились от Николая II Высочайшего повеления о прекращении дела. Российская Фемида смогла исполнить свой долг лишь 13—18 февраля 1917 года. По приговору суда Манасевич-Мануйлов был лишен всех прав и состояния, приговорен к полутора годам исправительных арестантских рот.

Роль Батюшина, наверняка желавшего спасти лицо своей комиссии, оказалась исключительно двусмысленной: заведомый преступник, конечно, должен получить по заслугам, но он – основной источник тайной информации по главному делу комиссии. Признать это значило бы подписать смертный приговор самой комиссии, дискредитировать все то стоящее, чего она достигла. Генерал предпринимает какие-то шаги, может быть, и не совсем удачные. Об этом можно судить по письму царицы Александры Федоровны к Николаю II еще в декабре 1916 года: "На деле Мануйлова прошу написать 'прекратить дело' и переслать его министру юстиции. Батюшин, в руках которого

находилось все это дело, теперь сам явился к Вырубовой и просил о прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что это грязная история, поднятая с целью повредить нашему другу". Расследование и особенно суд над ставшим знаменитым на всю страну проходимцем прозвучали реквиемом для комиссии Батюшина и его карьеры».

О том, как с помощью Распутина и Императрицы происходило освобождение Манасевича-Мануйлова, рассказывала на следствии дочь арестованного: «Распутин обещал свою помощь. Однажды он повез меня к Анне Александровне Вырубовой, где я сама должна была просить об этом Государыню. Я поехала с ним. Государыня была уже там. Распутин был в комнате с Вырубовой. Ко мне пришла Государыня. Я встала на колени и заплакала. Она положила мне руку на голову и говорила по-французски: "Успокойтесь, дитя мое. Все хорошо будет. Ваш отец безвинно страдает. Я сделала все, чтобы его освободить". Я стала ее благодарить. Она мне сказала: "Не Меня благодарите, а отца", т. е. Распутина».

«Очень благодарю тебя (также от имени Гр.) за Мануйлова», – писала Императрица Государю 15 декабря 1916 года, то есть накануне того дня, когда Распутин был убит.

Поразительно, но Манасевич-Мануйлов стал человеком, в освобождении которого оказались заинтересованы и Распутин с Государыней, и Батюшин.

«…таких случаев, когда Мануйлов лично выступает, надо больше всего бояться и немедленно их расшифровывать», – резонно заключил в своих показаниях С. П. Белецкий, которым одно время Батюшина даже хотели заменить.

Подводя итог всему вышесказанному, резюмируем: и этого недруга Распутин одолел. С помощью ли Государя, Государыни, темных сил, Манасевича-Мануйлова или воспользовавшись недостаточным профессионализмом талантливой, но молодой и неопытной российской контрразведки – как угодно, но одолел. Да так, что Батюшин первый запросил пощады и бросился к презираемой всеми Вырубовой и стал посыпать перед нею голову пеплом[58]. «Батюшкин (так в оригинале. – *А. В.)*… стал осторожнее и начал добиваться расположения к нему Распутина», – писал Симанович.

Но важно здесь не то, лгал или нет Симанович, а то, что Распутин одержал верх над одним из самых сильных и опасных своих противников, только эта виктория оказалась последней, ибо вскоре последовала его гибель, к которой каждый из его выигрышей вел. В этом смысле все они оборачивались против него, и все же сколько же таких побед, приближавших их автора к

личной катастрофе и катастрофе всего государства, числилось за Григорием Ефимовичем Распутиным-Новым за одиннадцать роковых лет его нахождения при царском дворе?

Епископы Феофан (Быстрое), Гермоген (Долганев), Антоний (Каржавин), Евсевий (Гроздов), Антоний (Вадковский), Владимир (Богоявленский), Никон (Рождественский), Андроник (Никольский), Андрей (Ухтомский), Трифон (Туркестанов), Арсений (Стадницкий) и Антоний (Храповицкий), священники Роман Медведь, Дмитрий Смирнов, Федор Филоненко, миссионеры Березкин и Новоселов, старцы Гавриил (Зырянов) и Анатолий, блаженная Паша Дивеевская, монархист Тихомиров, премьер-министры Столыпин, Коковцов и Трепов, дворцовый комендант Дедюлин, генерал А. В. Герасимов, фрейлина С. И. Тютчева, журналист Михаил Осипович Меньшиков, протоиереи Востоков и Восторгов, обер-прокуроры Лукьянов, Самарин и Волжин, министры внутренних дел Макаров и Щербатов, министр земледелия Наумов, генерал Богданович, ялтинский губернатор Думбадзе, тобольский губернатор Станкевич, протопресвитер Шавельский, думские деятели Гучков, Родзянко, Милюков, Мансырев, полковник Дрентельн и князь В. Н. Орлов, губернатор Пильц, камергер Вл. И. Гурко, адмирал Нилов, генералы Рузский, Алексеев и Иванов, Великий Князь Николай Николаевич, его жена Анастасия Николаевна и ее сестра Милица, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, вдовствующая Императрица Мария Федоровна, сестры Государя Ольга и Ксения, Великий Князь Николай Михайлович, барон Фредерике, его зять Воейков, товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, министр внутренних дел А. Н. Хвостов с агентом Ржевским, полицейские профессионалы Белецкий и Комиссаров и вот, наконец, Батюшин с Бонч-Бруевичем – галерея самых разнообразных и по политическим взглядам и нравственным качествам, и по положению лиц и перечень триумфов, поражающий куда больше, чем приписываемый опытному страннику список донжуанский.

И чем дальше, тем острее вставал перед сонмом распутинских недругов вопрос – кто же и когда наконец остановит этого Ахиллеса и попадет в его пяту?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Снова Покровское. Русский водораздел. Тобольский губернатор. Ужас Вырубовой. Сестры. Поучение опытного масона. Старец Анатолий. Легенда о старой женщине. Похоронная команда. Слон в посудной лавке

Критической ситуация вокруг Распутина стала к осени 1916 года. «Распутин лишь в первых числах сентября вернулся из Сибири, куда с ним ездили на богомолье его поклонницы. Ездили поклониться святителю Иоанну Тобольскому», – вспоминал генерал Спиридович.

«В 1915 году (ошибка мемуаристки, на самом деле в 1916-м. – *А. В.)* я еще раз ездила в Сибирь. В этот раз с моей подругой Лили Дэн и другими, и со своим санитаром так как была на костылях, – писала Вырубова. – В этот раз ехали мы на пароходе по реке Туре из Тюмени до Тобольска на поклон мощам Святителя Иоанна… На обратном пути останавливались в Покровском. Опять ловили рыбу и ходили в гости к тем же крестьянам. Григорий Ефимович же и его семья целый день работали в доме и в поле. Оба раза на обратном пути заезжали в Верхотурский монастырь на Урале, где говели и поклонялись мощам св. Симеона. Посещали также скит, находившийся в лесу, в 12 верстах от монастыря: там жил прозорливый старец отец Макарий, к которому многие ездили из Сибири. Интересны бывали беседы между ним и Распутиным».

«В Петербурге много говорили про это богомолье, но в его серьезный религиозный характер не верили, а он, безусловно, был. Оказывается, мы, царскоселы, гораздо серьезнее смотрели на всю идейную религиозную сторону "Распутинщины". Здесь на все, что было связано с ней, смотрели гораздо проще, чем мы. Для нас, во всех этих разговорах, Царица была Императрица и только.

Здесь она понималась только как женщина со всеми женскими недостатками характера. Мы знали больше, чем здесь. Мы знали все нехорошее, что делал Распутин, но знали и то небольшое, что было у него хорошего; здесь верили только дурному, не желая знать ничего хорошего».

Место это в мемуарах Спиридовича очень важное. Именно так и было: люди, владевшие информацией, куда более сложно относились к Распутину, чем те, кто ничего достоверного о нем не знал (и в известном смысле это относится и к нашему времени). Но через эту разницу восприятия проходил еще один роковой русский водораздел Царское Село – Петроград, а за

Петроградом и вся Россия.

«Для нас А. А. Вырубова была его фанатичной религиозной поклонницей, здесь она считалась его любовницей и только. Да простит меня Анна Александровна за то, что я это говорю, за эту вульгарность, но, не веря ей, я только повторяю, что тогда "говорили" в столице, что передавалось в провинцию и что, с другими слухами и сплетнями, подготовило, в конце концов, необходимую для революции атмосферу, или, как говорят французы, – "ле климат". Здесь все упрощалось, делалось более понятным, вульгарным, скверным.

Образ жизни Распутина в Петрограде давал право смеяться над всеми этими религиозностями, богомольями по святым местам, над всем иным хорошим».

Сам Распутин на прославление святого в июне 1916 года не ездил. Воспоминание о том, почему это произошло, оставил тобольский губернатор Н. А. Орловский-Танаевский, который благодаря Распутину свое назначение получил. «…по просьбе Распутина, покровительствуемый им управляющий пермской казенной палатой, Орловский-Танаевский, был назначен губернатором и притом в его родную Тобольскую губернию, о чем Распутин известил его облетевшей всю Россию, столь характерной для него, телеграммой: "Доспел тебя губернатором"», – писал об этом обстоятельстве В. И. Гурко.

В наши дни факт участия Распутина в назначении тобольского губернатора в одной из многочисленных книг, распутинскому окружению посвященных, отрицается с замечательной легкостью: «На самом деле два слова телеграммы, если при этом учесть простонародный и одновременно замысловато-торжественный слог Григория Ефимовича, означали всего лишь поздравление с назначением губернатора в родную для Н. А. Ордовско-Танаевского Тобольскую губернию. В более развернутой редакции мысль Григория Ефимовича звучит следующим образом: "Доспел (успел) поздравить тебя губернатором". Или еще более развернуто и приближенно к современному языку этот текст звучит так: "Наконец-то и я вслед за остальными спешу поздравить тебя с назначением на должность губернатора"».

Вспоминал об этом и сам Орловский-Танаевский: «В один вечер часов в девять входит секретарь:

– Прямо с поезда экстренный именной большой пакет от Министра Внутренних дел.

Я вскрыл. Побледнел. Все в один голос:

– Что такое?

– Сейчас, г-н начальник (станции), где экспресс на

Петербург?

– Опаздывает на 3 часа.

– Закажите по линии одно спальное место для меня и следите за поездом, чтобы я не опоздал.

В квартиру:

– Собирайте все, что надо в Петербург, еду на 10 дней <…> Государь личной резолюцией назначил губернатором в Тобольск. Указ Сенату посылается в ближайшие дни. Еду отказываться, если успею и если удастся. То же, что в 1912 году, но еще хуже, два креста на шею: Распутин и Варнава. Ясно, пойдет молва.

Не успели разойтись, срочная телеграмма личная: "Доспел тебя губернатором. Григорий".

– Ну вот, еще не хватало. Дурак. Ты-то при чем?»

И чуть дальше:

«В пути мы задержались в Покровском, поужинали в доме Распутина, который был дома, и соснули 2-2,5 часика. Распутина я отчитал за его дурацкую телеграмму, указав ее ложность, и предупредил, чтобы он никогда мне ни о чем не телеграфировал…»

Таким образом, можно заключить, что Распутин самовольно приписал себе заслуги в назначении Ордовского-Танаевского на тобольское кресло, а на самом деле был ни при чем, и все бы хорошо, когда б не письмо Императрицы Государю, написанное 25 августа 1915 года и в силу своей однозначности не поддающееся никаким лингвистическим и хронологическим манипуляциям: «Наш друг желает, чтобы Орловский был назначен губернатором».

Два месяца спустя состоялось назначение. В своих мемуарах последний тобольский губернатор (и соответственно последний хозяин того дома, где провела в 1917—1918 годах семь месяцев в заточении Царская Семья) описал свою аудиенцию у Императрицы 17 апреля 1916 года. Эта сцена в его воспоминаниях сильно стилизована и окрашена в экзальтированно верноподданнические тона, принятые в некоторых кругах русской эмиграции, но тем не менее определенное рациональное зерно она содержит. Процитируем описание аудиенции с того момента, когда Государыня обращается к мемуаристу:

«– Мы окружены лжецами, изменниками, думающими лишь о себе и о собственных выгодах. Вы – счастливое исключение, нам известно, что в 1912 и 1915 годах вы пренебрегли громадными окладами и спокойной службой, не боясь клички "распутинец"! Да, кстати, мне говорили, что вы не желаете, чтобы Григорий Ефимович Новых был на канонизации в числе близких моих дам,

которые собираются ехать. Почему? – Очень взволнованный голос. – Вы третий раз у меня. Впечатление прямого, откровенного человека, такие же отзывы от других. Скажите же прямо, откровенно, неужели Григорий Ефимович то, что про него толкуют наши враги? Неужели Мы, Самодержцы, и я, как страдающая о болящем сыне мать, не смею допускать, да еще и не часто, к себе того, кто приносит сыну помощь?»

Тут надо сразу оговориться: едва ли Императрица могла сказать последние слова. Болезнь Наследника и уж тем более тот факт, что его лечит Распутин, были тайной Царской Семьи, о которой знали немногие, и скорее всего мемуарист, задним числом желая оправдать роль Распутина при дворе, приписывает их Александре Федоровне. Но последуем дальше.

«– Ваше императорское Величество, Вы и Государь, конечно, вправе допускать к себе всякого верноподданного. Я знаю Григория Ефимовича с 1900 года, когда впервые ночевал у него с моим 15-летним сыном и курьером, направляясь в Тобольск. Знаю все, что говорят, и много больше. Верно, он – почти безграмотный мужик, типичный сибиряк, но глубоко верующий в Бога человек и наипреданнейший верноподданный Вашим Величествам. Но я все же дерзаю просить теперь не настаивать на его приезде в Тобольск на канонизацию! Кратко – почему? За ним, хотя и много грехов, но и много страданий. Чем грешнее человек, тем больше ему надо молиться у св. мощей чудотворцев, и пусть это он делает почаще. За ним охотятся вовсю. Давно ли был ранен тяжко, смертельно, Бог спас его. Значит, он нужен. Я жду большого скопления совершенно чужих людей со всей Сибири. Охранять его от легкоподкупаемых людей мудрено. Усиленная охрана – лишний козырь в руках нападающих и клевещущих на Особы Ваши, для меня Священные. Может у св. мощей пролиться кровь. Я сам ему это сказал. Его семью я пригласил лично моими гостями, и они будут! Молчание. Мы почти у дверей.

– Еще вопрос: вы просили аудиенцию у Государя. Будете приняты 23 апреля в 6 ч. дня, как сегодня, никого не будет. Вы согласны высказать все, все, хорошее и дурное, что знаете о Григории Ефимовиче Новых, вполне ясно и откровенно?

– Будет тяжело, но – долг исполню. Пока кратко: русская душа способна на высочайшие взлеты Горе и на падение в бездну. Григорий Ефимович не так виноват, как его описывают. Во сто крат виновнее политические партии и наша безпочвенная, так называемая, интеллигенция, которая бросает его из стороны в сторону и обделывает его именем свои грязные дела.

– Спасибо вам за прямоту, такое отношение к нему я встречаю впервые. До 6 ч. дня 23 апреля.

– Если Бог благословит сподобиться великого счастья.

– Григорий Ефимович в Тобольске на канонизации не будет, ему об этом скажут от Моего имени».

Аудиенция Ордовского-Танаевского у Государя не состоялась по болезни губернатора, чему Распутин, впрочем, нашел свое объяснение («Не говори худо про меня, – вот захворал. Скоро выздоровеет, я усердно молюсь, очень хороший человек, верный Государю, любит простой народ и справедливый»), а прославление Иоанна Тобольского имело место в начале июня 1916 года. В город приехали московский митрополит Макарий, епископ Евсевий Псковский (который, прощаясь с тоболяками еще в 1912 году, обещал приехать на прославление), епископ Мелетий Забайкальский, епископ Варсонофий Каргопольский, митрофорный протоиерей Иоанн Восторгов, а также архиепископ Иоанн Иркутский, епископ Анатолий Томский, епископ Никон Енисейский, епископ Мефодий Оренбургский, епископ Серафим Челябинский, епископ Вениамин Гдовский, епископ Серафим Екатеринбургский, епископ Сильвестр Омский.

Очевидно, что Распутину – как ни унизительно было для него отсутствие на всенародном торжестве – в компании этих важных церковных персон делать было нечего, а оставаться в тени он не мог, даже если бы захотел, и его семью представляли, как и пообещал губернатор, жена и две дочери (сохранилась телеграмма, посланная из Покровского в Тобольск на имя епископа Варнавы, состоящая из одного слова: «Выехали»). Тем не менее и в Тобольске, и в Верхотурье летом 1916 года Распутин побывал, сначала один в конце июня – начале июля («Причастились Святых Тайн у рацы мощей. Весь народ и простота, ни единого аристократа нет и весь народ в Боге и с Богом беседует. Отправляемся к Верхотурскому», – послал он телеграмму в Петербург А. А. Вырубовой в конце июня), а затем в середине августа, сопровождая или, вернее, будучи сопровождаем А. А. Вырубовой и Ю. А. Ден. Существуют очень живые воспоминания дочери начальницы Верхотурской женской гимназии об этом, едва ли не последнем пышном выходе опытного странника на широкую публику, и этот лишенный какой бы то ни было тенденциозности мемуар можно смело рекомендовать всякому, кто ныне почитает Григория Ефимовича смиренным православным старцем или, на худой конец, простым человеком Божьим из народа:

«Гудят колокола на церквях, слышен веселый и торжественный перезвон. Подходим к собору Крестовоздвиженскому. Перед входом в него разостлан красный ковер, точно Царя встречают. Многочисленная толпа

богомольцев, толпа перед входными дверями в Собор. По ковру в него уже прошел Григорий Распутин со своей большой свитой. Ему оказана торжественная встреча. В Соборе невероятная давка, Распутин и его сопровождающие стоят посреди церкви. Публика все больше нарядная, важная. В церкви все сияет. Зажжены все люстры, паникадила, свечи и у икон, и у серебряной раки (гробницы) чудотворца Симеона Верхотурского…

Григорий Ефимович стоит на самом почетном месте во главе свиты на разостланном ковре. Он в русской светло-желтой рубашке, опоясан русским кушаком с кистями, в бархатных шароварах, в лаковых сапогах. Посредине пробор в каштановых волосах, которые подстрижены до плеч. Молится истово, осеняя себя широким крестом. С ним вместе молится и его свита: генералы в орденах, важные дамы, говорят, даже великокняжеского происхождения. Лицо у него благообразное, спокойное, сосредоточенное, приятное.

В конце обедни, когда из алтаря выносят крест и кладут его на аналой посредине церкви, чтобы каждый мог приложиться к нему, первым поцеловать крест подходит Григорий Распутин, за ним его свита. И вот после них началась страшная давка среди молящихся. Все богомольцы бросились толпой к кресту, чтобы оказаться около Распутина, лучше разглядеть старца, прикоснуться к нему.

Три дня мы провели в Верхотурье, и все эти дни здесь творилось то же самое, что и в первый день пребывания Григория Ефимовича в Николаевском мужском монастыре.

Везде шумные сборища людей, обсуждающих свои встречи со старцем.

Много в те дни в публике ходило легенд и историй о жизни Григория Ефимовича. Передавали рассказ мальчика, сына дорожного мастера депо станции Кушва, как старец, выйдя из вагона, гулял по платформе с большой связкой баранок на шее, как в венке. Местные торговцы преподнесли ему свои изделия, а он не стеснялся их подношений».

Иными были воспоминания уже цитировавшегося выше Ордовского-Танаевского, сопровождавшего компанию важных столичных персон в их паломничестве:

«Когда мы приехали из Верхотурья на узловую станцию и ждали поезда из Екатеринбурга около часа, то Распутин – спутники не доглядели – вышел на платформу. Раздались крики:

– А, Распутин, со своими бл… здорово!

Станция у большого завода, население фабричное.

Жандармы начали очищать перрон, но, к счастью, подошел поезд, и наш вагон погнали в хвост. Вырубова стояла у вагона,

видела все и слышала. Пошла, закрыв лицо руками, в купе. Я вошел за ней.

– Анна Александровна, слышали, конечно? Я считаю, что Григорию Ефимовичу не следует ездить со всеми вами, щадя Имя Их Величеств. Вы близки к Государыне. Постарайтесь открыть глаза на все. Мое мнение, которое я выскажу смело и правдиво, если буду когда-нибудь осчастливлен новой, третьей аудиенцией, таково: Распутина квартиру в Петербурге надо ликвидировать. Его держать в Покровском. В случае несчастья с наследником, экстренным поездом доставлять Распутину во дворец, с опущенными шторами в вагоне, и – обратно в Покровское. Всякие толки умолкнут.

– Вы правы! Вы правы! Какой ужас! Какой ужас! И все это ложь, ложь!»

Было это все или не было, сказать трудно. Ордовский-Танаевский писал свои мемуары, когда ему было далеко за восемьдесят; он вольно или невольно путал хронологию событий, относя вышеописанную сцену к 1914 году, и скорее всего задним числом приписывал себе совершенно нереалистичные рассуждения о том, как надо было правильно использовать тобольского мужика с его врачевательными способностями, причем, что характерно, приписывал не только себе, но и ни в чем не повинному С. П. Белецкому, который якобы посвятил Ордовского-Танаевского в планы Государя, в точности совпадающие с тем, что говорил губернатор Вырубовой: «Квартира Григория в Петербурге ликвидируется.

он ворочается в Покрове кое и только в случае крайности, в экстренном случае, поездом в закрытом вагоне, доставляется во Дворец в Царское Село, при тяжком припадке Наследника, и таким же образом обратно в Покровское».

Чем-то все это напоминало мечту Вырубовой о заточении Распутина в монастырь…

Куда более реалистично вспоминался крестьянин теми, кто наблюдал за ним и его неликвидной жилплощадью из Петрограда.

«К этому времени Распутин уже совершенно определился, как человек последних месяцев своей жизни. Распутин пил и кутил без удержу. Когда домашние в слезах упрашивали его не пить, он лишь безнадежно махал рукою и говорил: "Все равно не запьешь того, что станется. Не зальешь вином того, что будет". Махал рукой и снова пил. Больше, чем когда-либо, он был окружен теперь женщинами всякого сорта. После ареста Мануйлова его уже совершенно никто не сдерживал.

Распутин осмелел, как никогда. Среди своих поклонниц и

приятелей он высказывался авторитетно по всем вопросам, волновавшим тогда общество. Годы войны очень развили его политически. Теперь он не только слушал, как бывало, а спорил и указывал. Спекулянты всех родов окружали его».

Воспоминания Спиридовича интересны тем, что в них нет стремления Распутина ни очернить, ни обелить, и они больше других подкупают в этом смысле своей объективностью. К тому же Спиридович Распутина лично знал, и, что еще важнее, знал изнутри все перипетии борьбы с ним.

Известно, что было еще несколько попыток повлиять на Императора и Императрицу. Одну из них незадолго до убийства Распутина предприняла родная сестра Александры Федоровны Елизавета. Она приехала в Царское Село, умоляя Государыню отослать Распутина, но разговор кончился ничем. Две сестры, принявшие мученическую кончину и ныне канонизированные Русской церковью, так и не нашли при жизни общего языка.

«Александра Федоровна приняла тон Императрицы и попросила сестру замолчать и удалиться. Елизавета Федоровна, уходя, бросила сестре: "Вспомни судьбу Людовика 16-го и Марии Антуанет". Утром Елизавета Федоровна получила от Царицы записку, что поезд ее ожидает. Царица с двумя старшими дочерьми проводила сестру на павильон. Больше они не виделись.

О том, что произошло в действительности между сестрами, даже во дворце знали лишь немногие, самые близкие лица, – утверждал Спиридович. – В Москве же, из окружения Вел. Кн., в общественные круги сразу же проник слух, что Вел. Княгиня потерпела полную неудачу. Распутин в полной силе. И это только усилило и без того крайне враждебное отношение к Царице. В Москве, больше чем где-либо, Царицу считали главной виновницей всего тогда происходящего, и оттуда этот слух расходился повсюду. От самой же Вел. Княгини самые близкие люди узнали и о сказанной ею сестре последней ужасной фразе. Та фраза стала известна даже французскому послу Палеологу. Надо полагать, что это последнее свидание двух сестер и было причиной тому, что Вел. Кн. Елизавета Федоровна так сочувственно отнеслась даже к убийству "Старца", а после революции даже не сделала попытки повидаться с Царской Семьей»[59].

Известно также письмо, которое написала Елизавета Федоровна Николаю Александровичу уже после убийства Распутина: «Я высказала Алике все мои опасения, мою боль, которой переполнено мое сердце. Казалось, будто всех нас вот-вот захлестнут огромные волны, и в отчаянии я бросилась к вам –

людям, которых я так искренне люблю, – чтобы предупредить вас, что все классы от низших до высших и даже те, кто сейчас на фронте, – дошли до предела! Она мне велела ничего не говорить тебе, раз уж я написала, и я уехала с чувством, встретимся ли мы когда-нибудь… Какие еще трагедии могут разыграться? Какие еще страдания у нас впереди?»

Обращался к Государю и его младший брат Великий Князь Михаил Александрович.

«Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас, – писал он в ноябре 1916 года. – Перемена в настроении самых благонамеренных людей – поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, вызывающий мои самые серьезные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже и за целостность государственного строя.

Всеобщая ненависть к некоторым людям, будто бы стоящим близко к тебе, а также входящим в состав теперешнего правительства, – объединила, к моему изумлению, правых и левых с умеренными, и эта ненависть, это требование перемены уже открыто высказывается при всяком случае <…> Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для всех и для России».

Иначе повел себя другой Великий Князь Александр Михайлович, «…мы ломали себе голову над тем, как убедить Царя отдать распоряжение о высылке Распутина из столицы, – вспоминал он.

– Вы же шурин и лучший друг Государя, – говорили мне очень многие, посещая меня на фронте. – Отчего вы не переговорите об этом с Его Величеством?

– Отчего я не говорил с Государем? – Я боролся с Ники из-за Распутина еще задолго до войны. Я знал, что, если бы я снова попробовал говорить с Государем на эту тему, он внимательно выслушает меня и скажет:

– Спасибо, Сандро, я очень ценю твои советы.

Затем Государь меня обнимет, и ровно ничего не произойдет. Пока Государыня была уверена, что присутствие Распутина исцеляло Наследника от его болезни, я не мог иметь на Государя ни малейшего влияния. Я был абсолютно бессилен чем-нибудь помочь и с отчаянием это сознавал. Я должен был забыть решительно все, что не входило в круг моих обязанностей главнокомандующего русскими военно-воздушными силами».

По-своему действовал Великий Князь Николай Михайлович. 1 ноября 1916 года он передал в адрес Государя следующее письмо.

«Ты неоднократно выражал твою волю довести войну до

победного конца. Уверен ли ты, что при настоящих тыловых условиях это выполнимо? Осведомлен ли ты о внутреннем положении не только внутри империи, но и на окраинах? Говорят ли тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла? Разреши в кратких словах выяснить тебе суть дела. Пока производимый тобой выбор министров при таком же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу лиц, дело еще могло идти, но раз способ стал известен всем и каждому и об этих методах распространилось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немыслимо. Неоднократно ты мне говорил, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повториться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст, есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через свою супругу. Если твои убеждения не действуют, а я уверен, что ты уже неоднократно боролся с этим влиянием, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку. Но как только являются другие влияния, ты начинаешь колебаться и последующие твои решения уже не те. Если бы тебе удалось удалить это постоянное вторжение во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства подданных твоих. Все последующее быстро наладится само собой. <…>

Я долго колебался открыть тебе всю истину, но после того, как твоя матушка и обе сестры убедили меня это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше: накануне эры покушений. Поверь мне: если я так напираю на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет, – и в этом ты уже убедился и ее величество тоже, – а только ради надежды и упования спасти тебя и твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

К этому документу и его автору можно по-разному относиться. Да, возможно, Николай Михайлович – масон, содомит и вообще личность крайне неприятная, но все равно – что скажешь в ответ на его строки? Что возразишь, особенно если иметь в виду весь последующий ход событий?

Государь не стал скрывать этого письма-нотации, показал его

Царице и получил отповедь с другой стороны: «Я прочла письмо Николая с полным отвращением <…> ты, моя любовь, слишком добр, и мил, и мягок – такого человека надо держать в страхе перед тобой: он и Николаша – величайшие мои враги в семье, если не считать черных женщин и Сергея… Душка моя, ты должен заступиться за меня ради тебя и Бэби. Если бы у нас не было Его, все бы давно было кончено – я в этом совершенно убеждена».

Как вспоминал Спиридович, царица прочитала письмо Великого Князя Распутину. «"Не проглянуло нигде милости Божией, ни в одной черте письма, а одно зло, как брат Милюков, как все братья зла…" – ответил тот. И Распутину Императрица продолжала верить до его последних дней, призывая к такой же вере и своего супруга».

В октябре 1916 года в Петроград приехал известный оптинский старец Анатолий, некогда бывший келейником старца Амвросия. Существует предположение, что этот приезд не был случайным: Государыне хотели представить старца подлинного и отвратить ее от Распутина.

«Помню неудачную попытку повлиять на лиц, ослепленных страшным мужиком, через оптинского старца Анатолия, привезенного для этого в Петербург», – вспоминал С. Фудель.

Иначе расценили приезд старца Анатолия авторы статьи, опубликованной в альманахе «Жизнь вечная» в августе 1996 года.

«Приезд Старца Анатолия Оптинского в Северную столицу некоторые люди, стоявшие близко к Государю Николаю Второму, пытались использовать, чтобы удалить от Царской Семьи Старца Григория Ефимовича Распутина, противопоставив оптинскому Старцу друга Царя.

Однако Преподобный Анатолий не пошел на это. Он дал ясно понять, что удаление Распутина от Государя есть дело невозможное и преступное, так как на это не было Божьей воли.

После закладки часовни Шамординского подворья Старец Анатолий вернулся в Оптину пустынь».

Правда это или нет, сказать трудно, но едва ли старец Анатолий увидел в Григории Распутине подвижника. Скорее – убедился в бесплодности каких-либо разговоров. Тем не менее разнообразных и подлинных и легендарных историй о том, как Распутина пытались остановить вплоть до его последнего земного дня, существует немало. Одна из них приводится в книге Ф. В. Винберга «Крестный путь». Ее сочувственно цитирует «распутинец» князь Жевахов, на которого очень любят ссылаться нынешние распутинские апологеты, но этот сюжет они пропускают либо сильно урезают, по всей вероятности, как не укладывающийся в необходимые стандарты. Нижеследующая

история, рассказанная Винбергом, скорее всего от начала до конца вымышлена, но, как известно, сказка – ложь, да в ней намек.

«…Одна из русских женщин, горячая патриотка, старая писательница, владевшая многими тайнами масонства, за что вытерпела немало мук и горя в своей жизни, решилась ехать прямо к Распутину и ребром поставить ему вопрос: знает ли он, какой вред приносит России. По странной случайности, день ее поездки совпал с днем 16 декабря 1916 года, т.е. кануном убийства Григория Распутина. В ее лице, как будто бы, Бог посылал Распутину последнее предостережение, которому не суждено было, однако, изменить уже окончательно преднаметившегося хода событий.

Дверь у Распутина, на ее звонок, отворил какой-то полковник, встретивший ее вопросом: "Вам что угодно, сударыня?"

"Могу ли я видеть Григория Ефимовича Распутина?"

"Батюшки нет дома, и вообще он никого не принимает".

"Нет правил без исключения, полковник… Быть может, ваше 'нет дома' означает, что он именно дома… Тогда разрешите уже вас просить передать ему мою карточку. Если господина Распутина, действительно, нет, то очень жаль, но ничего не поделаешь, в другой раз я уже не приеду: тащиться же мне Бог весть откуда… Однако, удовлетворите, полковник, любопытство старухи: почему назвали вы Распутина 'батюшкой'? Что он – священник, диакон, монах, или, может быть, ваш beau pere?"

"Григория Ефимовича все так называют"…

"Как вам не стыдно, полковник, что же у вас за стадное чувство такое. Ну, назвали бы его Григорием Ефимовичем или просто Распутин, а то вдруг – батюшка!.."

Полковник смешался и, растерянно теребя в руке карточку посетительницы, вдруг неожиданно спросил:

"А как прикажете доложить о вас Григорию Ефимовичу?"

"Голубчик, у вас в руках моя карточка… И, ради Бога, ничего не докладывайте, а просто передайте или… прочтите эту карточку".

Полковник ушел, попросив ее пройти в гостиную.

Там находилось несколько дам, из которых две между собою непринужденно болтали по-французски…

Через несколько минут в комнату вошел Распутин. При входе его все, сидевшие дамы, кроме вновь прибывшей, встали, бросились к нему, стараясь поцеловать у него руки и… концы вышитой рубахи, в которой он был.

Досадливо от них отмахнувшись, Распутин подошел к

писательнице и, заложив руки за пояс, спросил:

"Это ты, матушка, хотела видеть меня? Что тебе надо-ть?"

Ничего не ответила ему посетительница, а только долгим и пристальным взглядом посмотрела на него, точно желая проникнуть в душу… Говорят, Распутин обладал магическим, удивительным взглядом; но когда глаза его встретились с глазами этой маленькой старушки, он не выдержал и потупился.

"Что это ты на меня смотришь так!.. Как-то особенно", – пробормотал он.

В это время он услышал ее голос:

"Я пришла задать вам несколько вопросов, Григорий Ефимович. До этого нам встречаться не приходилось; после этой встречи – вряд ли когда увидимся. Про вас я очень много слышала, ничего доброго, но много плохого… Вы должны ответить мне, как священнику на духу: отдаете ли вы себе отчет, как вы вредите России? Знаете ли вы, что вы – лишь слепая игрушка в чужих руках, и в каких именно?"

"Ой, барыня, никто еще и никогда со мною таким тоном не говаривал… Что ж вам на эти вопросы отвечать?"

"Читали ли вы Русскую Историю, любите ли Царя, как Его надо любить?"

"Историю, по совести скажу, не читал – ведь я мужик простой и темный, читаю по складам только, а уж пишу – и сам подчас не разберу… А Царя-то, как мужик, во как люблю, хоть, может, против Дома Царского и грешен во многом; но невольно, клянусь крестом… Чувствуется, матушка-голубушка, что конец мой близок… Убьют-то меня – убьют, а месяца так через три – рухнет и Царский Трон. Спасибо вам, что пришли – знаю, что поступили, как сердце велело. И хорошо мне с вами, и боязно: как будто с вами есть еще кто-то… А как бы вы поступили на моем месте?"

"Будь я на вашем месте, я бы уехала в Сибирь да спряталась там так, чтоб обо мне и слухи замолкли, и следы пропали"…

Много еще говорила с Распутиным старая писательница, и он слушал ее жадно, как бы впитывая каждое слово…

Наконец, она поднялась и стала прощаться…

Распутин шел сзади, говоря: уж я проведу вас сам…

"Скажите, Григорий Ефимович, спросила его она: почему вас все ваши поклонники и поклонницы называют 'батюшкой', целуют вам руки, края рубахи? Ведь это же гадость! Почему вы позволяете?"

Распутин усмехнулся и, показывая по направлению гостиной рукою, сказал: "А спросите вот этих дур… Постой, я уже их проучу"…

При прощании, подавая руку Распутину, писательница с

удивлением увидела, как он вдруг склонился и горячо поцеловал ей руку.

"Матушка-барыня, голубушка ты моя. Уж прости ты меня, мужика, что на 'ты' тебя величаю… Полюбилась ты мне, и от сердца это говорю. Перекрести ты меня, хорошая и добрая ты… Эх, как тяжело у меня на душе"… Маленькая ручка, освобожденная вновь от перчатки, осенила Распутина крестным знамением, и он услышал: "Господь с тобою, брат во Христе"…

Она ушла. Распутин долгое время стоял и смотрел ей вслед, точно здесь оставалось одно его тело, а его грешную душу взяла она, явившаяся к нему ангелом смерти…

А через двенадцать часов, на Мойке, Распутин покончил земные расчеты» *(Винберг Ф. В.* Крестный путь. С. 304—307).

Легенда, что и говорить, красивая и куда более точная, чем может на первый взгляд показаться.

Еще одно возмутительное свидетельство о последних деяниях Распутина приводит в своих мемуарах протопресвитер Шавельский, который излагает устный рассказ духовника Царской Семьи отца Александра Васильева.

«– Вы не представляете, до какой степени доходило у нас преклонение перед ним, – продолжал он. – 5-го ноября 1916 года происходила закладка строящегося А. А. Вырубовой церкви-приюта для инвалидов. Для совершения чина закладки был приглашен викарий Петроградской епархии, епископ Мелхиседек[60]. Ему сослужили: я, настоятель Федоровского Государева собора, протоиерей Афанасий Беляев и два иеромонаха. Ждем, стоя в облачениях, в приготовленном шатре Императрицу с детьми.

Но раньше приезжает Распутин и становится на назначенном для царицы месте. В два часа дня прибыла царица с четырьмя дочерьми и с Вырубовой. Подойдя к епископу, она поцеловала поднесенный последним крест, а затем обменялась с епископом принятым в таких случаях приветствием, т. е. Императрица поцеловала руку епископа, а епископ руку Императрицы. То же сделали и все четыре великие княжны. От епископа Императрица направилась к Распутину, который продолжал стоять, как стоял, небрежно, отставив вперед одну ногу. Распутин протянул царице руку, а та почтительно поцеловала ее и отошла в сторону[61].

Вслед за царицей к Распутину подошли ее дочери и также приложились к его руке. И это произошло на глазах не только духовенства, но и собравшегося народа: офицеров, придворных, инженеров, солдат, рабочих и посторонней публики! После закладки, – продолжал о. Васильев, – ко мне подошел один офицер из присутствовавших тут. "Батюшка! Что же это такое? –

обратился он почти со слезами ко мне. – У меня было две святыни: Бог и царь. Последней теперь не стало… Пойду пьянствовать!"…

– Перед отъездом царицы, – рассказывал дальше о. Васильев, – Вырубова обратилась к Распутину: "В 4 часа мы будем ждать вас, непременно приходите!" – "Приду", – ответил тот. Уехала царица с детьми и Вырубовой, а духовенство и некоторые из гостей отправились на завтрак, устроенный Ломаном в "Трапезе" возведенного им около собора церковного дома. Явился, конечно, сюда и Распутин. Всего было вдосталь. Столы ломились от яств и питий. "Старец" усердно угощался. В 4 часа я говорю ему: "Пора тебе, Григорий Ефимович, уходить, – ждут там". "Ничаво! Пущай обождут!" – ответил он и продолжал бражничать. В половине 5-го ушел, наконец. Царица уже ждала его в квартире Вырубовой. "Аннушка, вели вина подать!" – крикнул Распутин Вырубовой, входя в ее комнату. "Лучше бы чаю выпили!" – сказала последняя, видя, что "старец" и без того уже "на взводе". "Говорю: вина! Так давай вино!" – уже грозно обратился он к ней. Тотчас принесли бутылку белого вина. Опустившись в кресло, он залпом – стакан за стаканом осушил ее и опустошенную бутылку бросил в противоположный угол. Императрица после этого подошла к его креслу, стала на колени и свою голову положила на его колени. "Слышь! Напиши папаше, что я пьянствую и развратничаю; развратничаю и пьянствую", – бормотал ей заплетающимся языком Распутин[62].

Меня так поразила тогда нарисованная о. Васильевым картина, что я забыл спросить, кто, именно, рассказывал ему о происходившем в квартире Вырубовой. Но и виденного самим о. Васильевым при закладке приюта было достаточно, чтобы навести ужас на всякого, кто еще не потерял смысла и разума. Самые заядлые злые враги царской власти не смогли бы найти более верного средства, чтобы уронить престиж, дискредитировать положение царской семьи, так открыто, всенародно выраженное царицей и ее дочерьми в столь неудачной, лучше сказать – в отвратительной и опасной форме – преклонение перед презренным, ненавистным для России "старцем". Что видели даже слепые, то было скрыто от глаз царской семьи».

«…надо спешить, а то ничего не останется. Россия разломится… Скреп нет…» – еще в 1909 году написал как предчувствие Пришвин.

Семь лет спустя все исполнилось.

Всю свою последнюю осень Распутин продолжал «падать».

«В это же время около Распутина, как при начале его карьеры, появляется окружение из духовных лиц. Но если десять лет тому

назад то были хорошие, хотя и не совсем душевно здоровые люди, то теперь к нему приблизились люди духовного звания сомнительной нравственности. Сошелся с ним тогда приехавший с Кавказа некий епископ М. Театрально служивший, он позировал на отца Иоанна Кронштадтского. Про него говорили много нехорошего, но, насколько то было верно, судить не берусь. Но совсем тесно сдружился тогда с Распутиным бывший епископ Вятский Исидор. За неподобающее сану поведение он был лишен кафедры. То был опустившийся, спившийся человек. Он пил с Распутиным. Оба эти духовных лица часто бывали у Распутина. Для придания себе соответствующей благочестию рамки Распутин ввел их в домик Вырубовой. Анна Александровна, переставшая к этому времени вообще разбираться, с кем она знакомилась по делам и кому протежировала, представила новых духовных друзей Императрице. Они сумели произвести хорошее впечатление и поднимали в глазах Царицы духовную ценность "Старца". Архиепископ Варнава и митрополит Питирим как бы закрепляли, санкционировали окончательно эту ценность Распутина».

Справедливость требует признать, что отношения Распутина с Варнавою не были такими гладкими, как с Питиримом. По воспоминаниям Юлии Ден, Распутин с Варнавою был в ссоре (что могло быть еще одной причиной отсутствия Распутина на торжествах, связанных с канонизацией Иоанна Тобольского), да и Белецкий писал о том, что Распутин порою раздраженно отзывался о своем протеже и осенью 1915 года настаивал на том, чтобы он как можно скорее покинул Петроград. Но по большому счету Варнава был для него теперь мелочью. Реальную политику делали или, напротив, не делали другие люди.

Новым и последним в истории русской монархии обер-прокурором Синода был назначен Н. П. Раев, которого безо всяких скидок можно считать распутинской креатурой («… синодальное ведомство стало в тот период "карманной канцелярией" сибирского "старца" <…> кличка "распутинец", навсегда пристав к нему, явилась тем непреодолимым барьером, который вставал на его пути при любой попытке осуществить какое-либо серьезное начинание», – пишет С. Л. Фирсов), а министром внутренних дел – А. Д. Протопопов. На назначение последнего повлиял не один Распутин, но эта фигура царского друга вполне устраивала. Ожидать от Протопопова такого подвоха, который устроил Хвостов, не приходилось.

«Протопопов стал видеться с Распутиным, льстил "Старцу" и разыгрывал человека, уверовавшего в его святость. Тактика была совсем иная, чем у Алексея Хвостова. Хвостов шел от кабака,

попойки и разврата, вместе с "Гришкой", Протопопов же – от мистики, от благочестия, от веры в угодность Богу "Григория Ефимовича". Пусть это было шарлатанство, но оно было более по душе, более понятно для высоких покровителей Царского Села», – оценивает положение дел С. Фирсов.

Бадмаев уверял Распутина, что Протопопов полюбил его. Он сам льстил Распутину и играл на его благочестии. Лесть нравилась Распутину. Распутин угадывал в Протопопове несерьезного человека, но он чувствовал, что этот мягкий человек не предаст его, "не убьет", как тот "толстяк, разбойник". Вырубову уверяли, что Протопопов сумеет обеспечить Распутину и личную безопасность и оградить его от нападок Гос. Думы. Ведь он там свой человек. Все это Вырубова передавала Царице и Царица решила, что Протопопов подходящий человек. А когда Распутин стал стараться за него, как бы благословил выбор именно его, Царица решительно стала на сторону Протопопова. И, как раньше настойчиво хлопотала она за Хвостова, так же настойчиво начала она советовать Государю назначить именно Протопопова. Государь, которому Протопопов понравился при свидании, которого советовал ему и Родзянко, но для министерства Торговли и Промышленности, остановил свой выбор на Протопопове.

Петербург волновался, все ждали указа».

Указ вышел, и история жизни Распутина вместе с историей русской монархии оказались на финишной прямой. Назначение Протопопова министром внутренних дел принято считать одной из последних ошибок последнего Императора. «Могильщиком царского режима» называл его в своих мемуарах Милюков (состоявший, впрочем, в той же похоронной команде), и своя доля правды тут есть. В один из самых ответственных моментов русской истории, когда на посту министра внутренних дел требовался решительный и жесткий политик, это место занял человек с совсем иными качествами, едва ли не самым главным из которых оказалась снова, как и год назад, когда назначали Хвостова, лояльность к Григорию Распутину.

«*7 сентября 1916 г.* Мой ненаглядный… Шт<юрмер> хочет предложить на пост министра внутренних дел князя Оболенского из Курска-Харькова (перед тем он был в старой ставке при Николаше!!)… но Гр. убедительно просит назначить на этот пост Протопопова. Он в дружбе с нашим Другом уже по крайней мере четыре года и очень много говорит за него. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление, – он член Думы (не левый), а потому будет знать, как себя с ними держать… Уже, по крайней мере, 4 года, как он знает и любит нашего Друга. И

любит Его – это многое говорит в пользу этого человека… Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга».

Эта рекомендация Государя насторожила: «Сердечно благодарю тебя за твое дорогое длинное письмо, в котором ты мне передаешь поручения от нашего Друга. Мне кажется, что этот Протопопов – хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли вместо Шаховского. Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь, – поэтому нужно быть осторожным, – особенно при назначении на высокие должности <…> Это нужно все тщательно обдумать! От всех этих перемен голова идет кругом. По-моему, они происходят слишком часто. Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны, потому что каждый новый человек вносит также перемены в администрацию. Мне очень жаль, что мое письмо стало таким скучным».

«В это время с царской властью явно что-то творилось: какая-то мистическая рука на ней тяготела и вызывала, ее судороги. Эта ежемесячная смена министров, недопустимая и в мирное время, была температурой чахоточного больного… после Хвостова… докатились до Протопопова. Это была настоящая мерзость, мерзость эта была на месте святом, пятнала царскую мантию», – по обыкновению нескучно писал С. Булгаков.

Эта «температура» отражалась в письмах Императрицы.

«Да благословит Господь выбор тобою Протопопова! Наш Друг говорит, что ты этим избранием совершил акт величайшей мудрости».

«…будет очень хорошо, если ты поговоришь с ним о нашем Друге и скажешь ему, что он должен слушать Его и доверять Его советам – пусть он почувствует, что ты не избегаешь Его имени <…> Вели ему слушаться советов нашего Друга, это принесет ему счастье, поможет ему в его трудах и в твоих, – пожалуйста, скажи это, пусть он видит, что ты Ему доверяешь; он знает Его уже несколько лет».

«Скажи Прот<опопову>, что ты рад, что он видается и беседует с Гр. и что ты надеешься, что он и впредь будет делать это».

«Они, т. е. Пр<отопопов> и Шт<юрмер> преклоняются перед Его мудростью».

Дума приняла Протопопова в штыки. «Он был жалок, но мы его не пожалели. Он потом жаловался, что его "били, заплевали, бичевали, затюкали", – и этим объяснял даже свой окончательный переход к правым. Я принял в этом большую долю участия», –

вспоминал Милюков.

«А. Д. (Протопопов. – *А. В.),* добравшийся до поста мин. в. д. сделал это при помощи Гр. Распутина, Курлова, Бадмаева, Бордукова, Вырубовой и т. д. … Младенец, похищенный чертями. И в их власти. Сам по себе добрый и чистый А. Д. в руках этих чертей», – записал в дневнике брат нового министра С. Д. Протопопов.

В книге Александра Блока «Последние дни императорской власти»[63] содержится любопытный документ: протокол совещания членов Прогрессивного блока с А. Д. Протопоповым, устроенного на квартире М. В. Родзянко 19 октября 1916 года. Протопопова тогда вызвали на ковер его бывшие соратники по Государственной думе и устроили ему партийную выволочку:

«Человек, который служит вместе со Штюрмером, при котором освобожден Сухомлинов, которого вся страна считает предателем, освобожден Манасевич-Мануйлов; человек, который преследует печать и общественные организации, не может быть нашим товарищем. Говорят, притом, об участии Распутина и в вашем назначении», – заявил Милюков.

«Протопопов просил беседу их сохранить в тайне, но участники не согласились, ввиду чего, собственно говоря, беседы никакой не было, а все ограничилось тем, что ему наговорили кучу неприятностей. Упрекнули его за освобождение Сухомлинова, Мануйлова-Манасевича, связали его назначение с Распутиным (так ли это? а рекомендация Родзянко?)», – записал Я. В. Глинка, но, по всей видимости, на это, в высшей степени примечательное обстоятельство внимания не обратили.

«Прежде, чем товарищески беседовать, нужно выяснить вопрос, можем ли мы еще быть товарищами, – говорил А. И. Шингарев. – Мы не знаем, каким образом вы назначены. Слухи указывают на участие в этом деле Распутина; затем вы вступили в М-ство, главой которого является Штюрмер – человек с определенной репутацией предателя. И вы не только не отгородились от него, но, напротив, из ваших интервью мы знаем, что вы заявили, что ваша программа Штюрмера, и что он будет развивать вашу программу с кафедры Гос. Думы. В ваше назначение освобожден другой предатель, Сухомлинов, и вы заняли место человека, который удален за то, что не захотел этого сделать. При вас же освобожден Ман.-Мануйлов, личный секретарь Штюрмера, о котором ходят самые темные слухи».

Протопопов пытался защищаться: «Распутина я видел несколько лет тому назад, при обстановке, совершенно далекой от нынешней. Я личный кандидат государя, которого я теперь узнал ближе и полюбил <…> О Распутине я хотел бы ответить,

но это секрет, а я здесь должен говорить "для печати"».

Позднее, на следствии в 1917 году, Протопопов этот секрет частично раскрыл: «Я к нему относился так – вся та мерзость, что была там, весь тот вред, который этот человек сделал, я не мог приписывать лично ему. Это – паршивый кружок, который его окружал, безобразных, безнравственных людей, которые искали личных выгод, которые проталкивали через него грязные дела <…> Я ничего подобного не делал. Моя цель была ликвидировать, чтобы не было скандала, пьянства, чтобы кутежей было меньше, и, если хотите, это было до известной степени достигнуто».

«Это был ужасно, так сказать, деликатный пункт… – говорил он в другой раз. – Мне казалось, что Распутин, сам по себе, приносит большой вред монархии. Я это думал, – большой вред, – и было время, когда я очень старался собрать документы против него. <…> Это было в конце 3-й Государственной Думы. И документы у меня были. Затем, когда я его увидал, с большим интересом, я был уверен, что могу ко всякому человеку подойти. Неосторожность – моя отличительная черта».

Но и без этих слов все казалось очевидным: еще один распутинский ставленник. Дурная бесконечность их череды, как если бы Распутиным, как радиацией, был заражен дворец… В большей степени распутинской легендой, чем самим Распутиным, но в кадровой политике Государя в последние годы и, особенно, месяцы царствования было действительно что-то обморочно-самоубийственное.

«…он на мне "уперся", как он раз выразился, – говорил Протопопов об Императоре на следствии. – Он говорил, что я его личный выбор: мое знакомство с Распутиным он поощрял».

Русскую лодку раскачивали с обеих воюющих между собой сторон: думской и правительственной. Впрочем, в ноябре 1916 года в связи с назначением нового премьер-министра Трепова Государь попытался убрать Протопопова и писал Императрице:

«Мне жаль Прот. – хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека мин. внут. дел в такие времена!

Только, прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга.

Ответственность несу я и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе».

«Не сменяй никого до нашего свидания, умоляю тебя, давай

спокойно вместе обсудим в с е, – отвечала ему Александра Федоровна. – Еще раз вспомни, что для тебя, для твоего царствования и Беби и для нас тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы нашего Друга… Прот. чтит нашего Друга, и поэтому Бог будет с ним. Штюрмер трусил и месяц не видался с Ним – он был не прав – и вот потерял почву под ногами. Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтобы Он просветил тебя, что в Нем наше спасение: не будь его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами, мудрыми советами, Он – наша опора и помощь».

И Государь послушал ее. В который раз. Возможно, в самый роковой. Если бы в феврале 1917-го на месте министра внутренних дел в Петрограде оказался другой человек…

«…самый вредный, самый страшный человек для государства, для этой разрухи оказался Протопопов, – говорил на следствии Родзянко. – У него мания величия, он какой-то ясновидящий, он видит, что к нему приближается власть, что он может спасти царя и Россию. Он как закатит глаза, так делается как глухарь – ничего не понимает, не видит, не слышит».

«Позже я слышал, что отставка моя была подписана, но, по настоянию царицы, ходу не получила. Сам же я не уговорил царя меня отпустить, не смог или не сумел, – сам не разберусь», – говорил Протопопов на следствии.

«Он принес к самому подножию трона всего себя, всю свою юркость, весь истерический клубок своих мыслей и чувств, – писал о Протопопове Блок. – Недаром есть намеки на то, что он готовился заменить Распутина. На него тоже "накатывало". Этот зоркий в мелочах, близорукий в общем, талантливый, но неустроенный вольнолюбивый раб был действительно "роковым" человеком в том смысле, что судьба бросила его в последнюю минуту, как мячик, под ноги истуканам самодержавия и бюрократии. И этот беспорядочно отскакивающий мячик, ошеломив всех, обнаружил комическую кукольность окружающего, способствовал падению власти, очень ускорил его. Распутин швырнул Протопопова, как мяч, под ноги растерянным истуканам».

Последнее жесткое и несправедливое определение было, к несчастью, на устах не только у Блока. Слишком многие в России полагали, что русский царь подошел к последнему пределу…

«12 ноября Государыня выехала с дочерьми в Могилев. С ней ехала и А. А. Вырубова. Свидание Их Величеств изменило принятые было Государем решения. Протопопов остался на своем посту. Приехавший с докладом Трепов склонился пред Высочайшею волею. Вскоре он очень уронил себя морально в

глазах Их Величеств. По совету генерала Мосолова, его шурина, он поручил Мосолову переговорить с Распутиным, предложить ему 150—200 тысяч рублей единовременно, а затем ежемесячную помощь с условием, дабы он не вмешивался в его министерские распоряжения. Распутин сначала разгорячился, как бешеный, затем, выпив хорошо с генералом, поуспокоился и сказал, что он посоветуется с "папой", а что генерал пусть заедет к нему за ответом дня через два. Испросив разрешение приехать в Царское Село, Распутин рассказал все как было Их Величествам. Конфуз с попыткой подкупить "Старца" вышел полный. Теперь Царица потеряла уже всякое доверие к Трепову, что очень затрудняло работу последнего».

Так писал в мемуарах генерал Спиридович, черпая сведения об очередной после Коковцова попытке подкупить Распутина и уговорить его не вмешиваться в государственные дела из показаний Манасевича-Мануйлова, Белецкого и Протопопова, которые сходятся в этом факте и лишь называют разные суммы.

«Распутин <…> терпеливо выслушав это предложение и отказавшись от него, передал государыне, а затем и государю о сделанном ему Треповым предложении в доказательство желания Трепова купить этим путем его замолчание пред Государем всего того, что он, Распутин, считает неотвечающим интересам августейшей семьи; при этом мне Распутин сообщил, что когда он в этой форме доложил об этом Государю, то государь и государыня увидели в его, Распутина, отказе от получения 30 тысяч от Трепова знак его неподкупной им преданности, и с этого момента Государь всецело перешел на сторону Протопопова и изменил свое мнение о Трепове», – показывал Белецкий.

«Отказ Распутина от 150 тысяч треповских тоже произвел на меня впечатление. Я ему сказал: "Да ты выходишь честнее многих господ министров"», – более лаконично изложил то же самое Протопопов.

Наконец, и сам Мосолов очень живо обрисовал в мемуарах свой разговор с Распутиным на эту тему:

«– Вот что, Григорий Ефимович. Как знаешь, назначен председателем Совета министров мой друг и шурин А. Ф. Трепов. Я хотел бы, чтобы вы жили в мире друг с другом… и это вполне возможно. Он против тебя не предубежден. Лишь бы ты ему не мешал в его действительно трудной задаче, тогда и он против тебя ничего не предпримет.

– Что же, это хорошо… Пусть себе работает… Лишь бы он-то моих друзей не трогал.

– Видишь ли, он готов устроить так, чтобы тебе ежемесячно платили за квартиру и на содержание твоего дома и семьи; чтобы

у тебя осталась надежная охрана, без которой ты обойтись не можешь. Принимай, кого хочешь, делай, что хочешь. Только одно – не вмешивайся в назначение министров и высших чинов. Относительно духовенства он перечить тебе не станет, да и мелкие твои протекции будет по возможности исполнять.

Я не успел договорить, как он побледнел. Глаза его стали злющими, почти совсем белыми, с крошечной черной точкой в середине.

– Тогда сейчас соберусь и уеду в Покровское, домой… Здесь я, значит, не нужен.

Такого быстрого оборота дела я не предвидел и, сознаюсь, в первую минуту опешил:

– Не волнуйся, Григорий Ефимович. Поговорим по добру, по-хорошему. Ты же сам управлять Россией не можешь!.. Не Трепов – будет другой, который тебе ничего не предложит, а тебя за казенный счет отправят в твое Покровское…

Глаза стали еще злее.

– Ты думаешь, что мама и папа это позволят? Мне денег не нужно, любой купец мне довольно даст, чтобы раздавать бедным да неимущим. Да и дурацкой охраны не нужно. А он, значит, – гонит!..»

В результате выгнали Трепова, хотя надо признать, что в истории с отставкой Трепова есть неясные моменты. «Трепова долго убеждали остаться, – писал хорошо информированный Я. В. Глинка. – Он подавал четыре раза прошение об отставке. Последний раз он объяснил, что с Протопоповым служить он не может и что вообще его положение представляется совершенно невозможным, когда министры назначаются без его ведома, что, конечно, он уйти не может, раз Государь его не отпускает, но что при этих условиях ему остается пустить себе пулю в лоб. После этого Государь согласился на его отставку».

Распутин, как видим, здесь ни при чем, так что очень возможно предложенная ему сумма – либо легенда, либо никакой роли в отставке Трепова она не сыграла, но в любом случае к концу своей жизни герой этой книги с созданной ему славой и слухами о его всесилии и могуществе стал чем-то вроде слона в посудной лавке.

По всей вероятности, к этому периоду относится история, описанная подругой императрицы Юлией Ден. Юлию пригласила к себе Государыня, и, согласно воспоминаниям госпожи Ден, между ними состоялся следующий разговор:

«– Я знаю все, Лили, – произнесла она. – Почему Григорий не уезжает из Петрограда? Государь не желает, чтобы он оставался здесь. Я тоже. Но мы не можем выгнать его – он не сделал нам

ничего плохого. Ну почему он сам не хочет нас понять?

– Я сделаю все, что в моих силах, Ваше Величество, чтобы объяснить ему обстановку, – отозвалась я».

Дальше Юлия Ден рассказывает, как с позволения Императрицы она поехала к Распутину и «тотчас же взяла быка за рога».

«Григорий, – без обиняков начала я. – Вы должны немедленно покинуть Петроград. Вы с таким же успехом можете молиться за Их Величеств и в Сибири. Вы должны уехать – ради них. Я вас умоляю. Уезжайте… Вы знаете, что говорят кругом. Если вы не уедете, положение станет опасным для нас всех.

Распутин внимательно, серьезно смотрел на меня, но не произносил ни слова. Я заметила на лице Анны выражение "обиженного ребенка", почувствовала на себе зловещий и пристальный взгляд Акилины. Распутин совершенно неожиданно для меня произнес:

"Пожалуй, ты права. Надоела мне эта бодяга. Я уезжаю".

Но тут произошло нечто поразительное. Ударив кулаком по столу, Акилина злобно впилась в меня взглядом.

"Как ты смеешь противиться духу отца Григория? – воскликнула она. – А я говорю, он должен остаться. Да кто ты такая? Ты пустое место и не тебе судить, для кого что лучше!"

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Анна плакала, Распутин молчал. Я не собиралась уступать Акилине, силы мне придавала мысль о Государыне.

– Что же, вы станете слушать эту женщину? – спросила я холодно.

Акилина снова принялась стучать по столу.

– Если ты уедешь из Петрограда, отец, тебе несдобровать. Ты не должен никуда ехать.

– Ну, что же, может, так оно и есть. Я остаюсь, – беспомощно проговорил Распутин».

Как относиться к этому мемуару? Было так на самом деле или перед нами попытка создать легенду с противоположным знаком, то есть представить всемогущего фаворита как беспомощную игрушку в чужих, еще более мощных руках.

Косвенно зловещая роль Лаптинской подтверждается показаниями генерала Комиссарова: «Опять-таки Акулина (Акилина. – *А. В.)*. Она очень умная женщина, и допускать, чтобы Акулина верила в святость Распутина, – невозможно. Акулина раньше, – об этом были сведения, – чуть ли не сама брала за вход к Распутину, как к Иоанну Кронштадтскому, и допускать, что она верила в его святость, невозможно».

Но как бы ни была хитра и изворотлива Лаптинская, едва ли

можно поверить в то, что она управляла Распутиным, а главное – в переписке Николая и Александры нет не только ни слова о желательности отъезда Распутина из Петрограда, но, напротив, видна потребность в его присутствии. Особенно сильно проявлялась она у Императрицы.

«Слушай Его – Он желает тебе лишь добра, и Бог дал Ему больше предвиденья, мудрости и проницательности, нежели всем военным вместе. Его любовь к тебе и к России беспредельна. Бог послал Его к тебе в помощники и в руководители, и Он так горячо молится за Тебя», – писала она Государю 7 сентября 1916 года.

«…я спрошу совета у нашего Друга. Так часто у Него бывают здравые суждения, которые не приходят другим на ум, – Бог вдохновляет Его, и завтра тебе напишу, что Он сказал. Его присутствие здесь меня очень успокаивает. Он говорит, что теперь дела пойдут лучше, потому что его меньше преследуют, – как только усиливаются нападки на Него; так все идет хуже».

И так было до самой смерти Распутина – упоминание о «нашем Друге» присутствовало практически во всех письмах в Ставку.

«Даже дети замечают, что дела идут плохо, если мы Его не слушаем, и, наоборот, хорошо, если слушаем», – писала Государыня за день до убийства ее друга.

И Распутина слушали. Он просил освободить из тюрьмы бывшего военного министра Сухомлинова, хвалил новые военные приказы царя и возмущался тем, что Брусилов не послушался приказа о приостановке наступления (а между тем речь шла о знаменитом Брусиловском прорыве), предлагал назначить А. А. Андрианова (того самого, что был причастен к истории с «Яром») исполнять должность градоначальника (с чем, впрочем, Государь не согласился), предлагал отправить банкира Рубинштейна «без шума» в Сибирь, чтобы «не раздражать евреев», и освободить Манасевича-Мануйлова. И почти все делалось, как он хотел, а Государыня жалела, что Император не может приехать в Петербург «хотя бы только на два дня, только чтоб получить благословение нашего Друга! Это придало бы тебе сил. Я знаю, что ты храбр, терпелив, но все же ты человек, и Его прикосновение к твоей груди очень бы утишило твои горести и даровало бы тебе новую мудрость и энергию свыше. Это не пустые слова, но глубочайшее мое убеждение».

«Я чувствую, что поступаю жестоко, терзая тебя, мой нежный, терпеливый ангел, но я всецело полагаюсь на нашего Друга, который думает исключительно о тебе, о Бэби и о России, благодаря Его руководству, мы перенесем эти тяжелые времена. Это будет жестокая борьба, но Божий человек находится вблизи,

чтобы благополучно провести твой челн через рифы…»

Если бы не эти письма, распутинское влияние на престол можно было бы считать оговором. Но против этих строк возразить нечего.

«Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга. Он так горячо денно и нощно молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он, – как я в том глубоко убеждена и в чем мне удалось убедить Эллу, и так будет и впредь, – тогда все будет хорошо. В "Les Amis de Dieux" один из Божьих старцев говорит, что страна, где Божий человек помогает Государю, никогда не погибнет. Это верно – только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета – не думать, что Он чего-нибудь не знает. Бог все Ему открывает. Вот почему люди, которые не постигают Его души, так восхищаются Его удивительным умом, способным все понять. И когда Он благословляет какое-нибудь начинание, оно удается, и если Он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не Его вина – но Он меньше ошибается в людях, нежели мы – у Него жизненный опыт, благословленный Богом».

Нет, едва ли Александра Федоровна желала, да только не решалась отправить Григория на родину. К несчастью, он был нужен ей здесь и она делала все, чтобы он оставался при ней. Это погубило обоих. А по большому счету – всех.

«Да, революция назревает и надвигается. Теперь ее проводят в жизнь высшие классы и чины, а потом – поведут уже на свой лад рабочие и крестьяне. Кто тут останется в живых, Один Господь ведает. Но можно весьма думать, что сама виновница зла, "темная сила", в лице *Гришки Распутина,* благополучно удерет в критический момент куда-нибудь за границу», – записал в дневнике 9 декабря 1916 года, то есть ровно за неделю до убийства Распутина, Лев Тихомиров.

«До чего мы дожили! Религия поругана, духовенство запугано, ум, способности людей обесценены, отброшены, как ненужный хлам, и на поверхность всплывают одни авантюристы за другими… Не могу переварить такой обиды, нанесенной нашей русской народной чести. Пока я жива, никогда не прощу сделанного нам оскорбления и останусь непримиримой к тем, чьею властью была допущена эта несмываемая и неслыханная обида!» – по обыкновению эмоционально высказывалась в дневниковых записях княгиня М. К. Тенишева.

«Царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как Божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь.

Распутин, хлыст – символ разложения церкви, и царь Николай – символ разложения государства соединились в одно для погибели старого порядка <…> Царь погиб в хлыстовской грязи от раздробления и распыления неба (духовного целого)», – отметил в дневнике Михаил Пришвин уже после того, как все было уже кончено.

Все это было так же несправедливо, как и суждения Блока о царской власти, и Распутин в критический момент никуда не удрал, а принял смерть, но именно так думали о нем и о Государе, и о государственном строе России наиболее глубокие и проницательные из современников и участников той исторической трагедии. Россия была расколота непоправимо. Царству, поделенному даже не надвое, а раздробленному, распыленному на множество частей, было не устоять.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Клеветники России. Был ли Распутин немецким шпионом? Убийство. Хрустальное распятие – почему? Англичанка. Завещание Арона Симоновича. Измена и глупость. Последний защитник трона. Темные силы

Напряжение в стране достигло пика в начале ноября 1916 года, когда Милюков выступил со знаменитой речью в Государственной думе.

«1 ноября, в Петрограде, лидер Кадетской партии Милюков произнес в Гос. Думе речь, которую позже сам назвал: "штурмовым сигналом", – вспоминал Спиридович. – Делая вид, что у него имеются какие-то документы, Милюков резко нападал на правительство и особенно на премьера Штюрмера, оперируя выдержками из немецких газет. Он упоминал имена Протопопова, митрополита Питирима, Манасевича-Мануйлова и Распутина и назвал их придворной партией, благодаря победе которой и был назначен Штюрмер и которая группируется "вокруг молодой царицы". Милюков заявлял, что от Английского посла Бьюкенена он выслушал "тяжеловесное обвинение против того же круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру". Перечисляя ошибки правительства, Милюков спрашивал неоднократно аудиторию – "Глупость это или измена" и сам, в конце концов, ответил: – "Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью". Дума рукоплескала оратору. Со стороны правых неслись крики – "клеветник, клеветник", председатель не остановил оратора, а сам оратор на выкрики протестующих правых ответил: – "Я не чувствителен к выражениям Замысловского"».

Эта речь была моментально перепечатана европейскими газетами. Чеканная милюковская формулировка «глупость или измена?», повторявшаяся как рефрен, хотя и была частично изъята из стенографического отчета Думы, все равно проникала в сознание каждого. Это был удар, от которого страна уже не оправилась. Обвинение, брошенное им, касалось уже не только Распутина и его ставленников-министров, но и самих Государыни и Государя. Собственно это было даже не обвинение, но намеренное и подлое оскорбление.

«Я вам назвал этих людей: Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та "придворная партия", победой которой, по словам "Neue Freie Presse", было назначение Штюрмера. Дер Зиг дер Гофпартей, ди зих ум ди юнге Царин

группирт (Победа придворного кружка, окружающего молодую Императрицу)», – цитировал в своей речи немецкую прессу как истину в последней инстанции Милюков.

«Произнося свою речь, Милюков, конечно, понимал, чего стоят во время войны утверждения немецкой газеты, на которую он ссылался. Он знал, что никаких данных на измену кого-либо из упоминавшихся им лиц не было. Он клеветал намеренно, – писал Спиридович. – И эта клевета с быстротою молнии облетела всю Россию и имела колоссальный успех. Вычеркнутые из официального отчета слова Милюкова были восстановлены в нелегальных изданиях его речи. Листки с полной речью распространялись повсюду.

Монархист депутат Пуришкевич, пользуясь своим санитарным поездом, развозил по фронту целые тюки той речи и развращал ими солдат и офицеров. Все читали об измене, о подготовке сепаратного мира и верили. Правительство как бы молчало. Храбрившийся, что он скрутит революцию, министр Протопопов просто не понял этого первого удара революции. Ни один из шефских полков Государыни не обрушился на клеветника. Таково было общее настроение. Безнаказанность поступка Милюкова лишь окрылила оппозицию и показала ей воочию, что при министре Внутренних Дел Протопопове и при министре Юстиции Макарове все возможно. И кто хотел, тот продолжал работать на революцию».

«Что же, я первый изменник?» – возмущенно спросил вскоре после этого инцидента Николай Александрович у Родзянко, когда тот во время высочайшей аудиенции в Ставке в середине ноября 1916 года затронул распутинскую тему.

«…могу вспомнить известную дурную речь члена Думы Милюкова, брошенную им в лицо царице с разными обвинениями: "Глупость это или измена?!" Что угодно, но я решительно отвергаю в душе своей мысль об измене царицы в пользу немцев! Этого не было и быть не могло! Фактов таких и доселе не знает история, хотя она стала против царей. И самый характер царицы не допускает такого лицемерия», – писал в воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков). Но мнение его было исключительным, да и высказанное в мемуарах, оно отражает оценку более поздних лет, когда прояснился трагический смысл тогдашних событий. А осенью 1916 года некогда поверившая слухам о связи Императрицы с Распутиным и распевавшая «Царь с Георгием, а царица с Григорием», измученная неудачной, тяжелой войной Россия еще в большей степени уверовала в то, что во дворце – измена. Самое страшное, что только может быть во время неудачной войны.

Вопросу, были ли в действиях Распутина измена и шпионаж в пользу немцев, очень много внимания уделял впоследствии Н. А. Соколов, убежденный в том, что «Распутин был центром немецкой агентуры. В последние годы его жизни он являлся орудием в руках организации, носившей наименование зеленых. Ее центром был Стокгольм. Организация эта умышленно толкала волю Распутина во все главные акты верховной власти. Путем пропаганды она же сама подчеркивала эти факты в России и за границей, дискредитируя власть монарха».

Уверенность следователя питалась показаниями свидетелей, допрошенных им в связи с расследованием дела об обстоятельствах убийства Царской Семьи. Проблема здесь только в том, что почти все, кто так или иначе касался этого пункта, очевидно, преследовали свои цели, и доверять этим деятелям не приходится. Скорее и в этом вопросе – очередная глава распутинской легенды.

«Что Распутин лично был немецкий агент, или, правильнее сказать, что он был тем лицом, около которого работали не только германофилы, но и немецкие агенты, это для меня не подлежит сомнению <…> будь я присяжным заседателем, я обвинил бы его с полным убеждением. Вся роль Распутина была именно такова: за немцев и в пользу немцев», – говорил на допросе А. Ф. Керенский.

«Я хорошо припоминаю, как Хвостов, бывший министром внутренних дел, в последние дни своего министерства рассказывал мне, что он учредил наблюдение за Распутиным и для него было совершенно ясно, что Распутин был окружен лицами, которых подозревали как немецких агентов. Многие из тех лиц, на которых падало подозрение военной контрразведки как на немецких агентов, совершенно самостоятельно специальной разведкой за Распутиным оказывались в большой к нему близости. Это совпадение было настолько разительно, что Хвостов счел своим долгом, по его словам, доложить об этом Государю», – показывал В. А. Маклаков.

Сам Хвостов говорил на следствии: «Распутин ездил в Царское, и ему давал поручения Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет… Причем Рубинштейн объяснял близким, что это ему нужно для того: покупать ли в Минской губернии леса или нет?..» А далее бывший министр высказывал предположение, что Распутин вольно или невольно работал на германский штаб: «Нужны ли были Рубинштейну эти сведения, чтобы купить лес, или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин и чтобы потом могли послать 5—6 корпусов на Верденский фронт».

«Контрразведке было известно, что Распутин является сторонником сепаратного мира с Германией и если и не занимается прямым шпионажем в пользу немцев, то делает очень многое в интересах германского генерального штаба. Влияние, которое Распутин имел на императрицу и через нее на безвольного и ограниченного царя, делало его особенно опасным. Понятен поэтому интерес, с которым контрразведка занялась "святым старцем" и его окружением, – писал генерал М. Д. Бонч-Бруевич. – Мне и теперь неясно, в чем был "секрет" Распутина. Неграмотный и разгульный мужик, он не раз в присутствии посторонних орал не только на покорно целовавшую ему руку Вырубову, но и на императрицу. Вероятно, это был половой психоз; агенты контрразведки, донося об очередной "ухе", которая устраивалась у Распутина, сообщали о таких "художествах" старца, что трудно было поверить. Доходили сведения и о том, что Александра Федоровна непрочь устранить царя и стать регентшей. Выпив любимого своего портвейна, Распутин, не стесняясь, говаривал, что "папа – негож" и "ничего не понимает, что права, что лева". Папой он называл царя, мамой – Александру Федоровну. Подвыпив, "старец" хвастался, что имеет на Николая II еще большее влияние, нежели на императрицу. Сотрудничавший в контрразведке Манасевич-Мануйлов как-то сообщил, что Распутин говорил по поводу уехавшего в Могилев царя: "Решено папу больше одного не оставлять, папаша наделал глупостей и поэтому мама едет туда"».

Более объективным можно считать суждения члена батюшинской комиссии полковника А. С. Резанова: «Для меня в результате моей работы и моего личного знакомства с Распутиным было тогда же ясно, что его квартира – это и есть место, где немцы через свою агентуру получали нужные им сведения. Но я должен по совести сказать, что я не имею оснований считать его немецким агентом <…> Он откровенно говорил, что войну надо кончать: "Довольно уже проливать кровь-то. Теперь ужо немец не опасен: ужо ослаб". Его идея была – скорее мириться с ними. Он плохо говорил про "союзников", ругал их и не признавал существования "славянского вопроса". Ясно было, что его идея – принести в жертву ради сближения с Германией интересы славянства. Ни одной минуты не сомневаюсь, что говорил Распутин не свои мысли, т. е. он, по всей вероятности, сочувствовал им, но они ему были напеты, а он искренне повторял их. Я думаю, что платный немецкий агент не стал бы так открыто говорить мне эти вещи, а постарался бы скрыть свои мысли».

«…все это переплеталось с выдумкой, будто Распутин играет

в руку немцев, что было совершеннейшим вздором, вздором вполне доказанным, так как Распутин находился под зорким наблюдением трех компетентных учреждений», – утверждал Спиридович.

Любопытно также свидетельство В. И. Барковой, доказывающее мужицкое здравомыслие Распутина и ставящее под сомнение тезис о несамостоятельности его политического мышления: «Про возможность заключения мира он говорил: "Ты что думаешь? Корову купить ты пойдешь, и то не скоро купишь. Сначала посмотришь какая она: черная, пегая, молочная ли, дня два подумаешь, а потом и купишь. А мир заключить – это не корову купить, а устал народ воевать. Ах, как устал"».

Но все это было разбором полетов. Это либо говорилось в Париже в 1920—1921 годах, либо писалось еще позднее в Нью-Йорке, когда закончилась победой союзников война, когда не было Императорской России, Государя, Думы, политических партий и самого Распутина. Эти показания никакой роли на ход истории не оказывали и изменить ничего не могли. А вот произнесенная 1 ноября 1916 года речь Милюкова – да.

«– Наконец-то нашлись у нас мужи, и Россию, может быть, можно еще спасти! 1 ноября раздались с трибуны Государственной думы честные речи <…> Да будет благо вам… Вы, сказавшие в эти черные дни давно желанную правду, вы тоже совершили подвиг мужества, кликнули клич, и со всех концов нашей измученной родины на этот зов дружно отзовутся миллионы голосов! Мы с вами, в добрый час!

И радостно, и страшно…» – записала княгиня Тенишева.

«…за экземпляр речи Милюкова в первые дни платили по 25 рублей и за прочтение 10 рублей», – отметил у себя в дневнике Я. В. Глинка.

«Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться, ибо, действительно, наступал "решительный час", – признавал позднее сам Милюков. – Я говорил о слухах, об "измене", неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, "глупость" это или "измена". Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование – даже там, где сам я не был в нем вполне уверен. …Впечатление получилось, как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено на показ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения. Штюрмер, на которого я направил личное обвинение, пытался поднять в Совете министров вопрос о санкциях против меня, но сочувствия не встретил. Ему было предоставлено начать

иск о клевете, от чего он благоразумно воздержался. Не добился он и перерыва занятий Думы. В ближайшем заседании нападение продолжалось… За моей речью установилась репутация штурмового сигнала к революции.

Я этого не хотел, но громадным мультипликатором полученного впечатления явилось распространенное в стране настроение. А показателем впечатления, полученного правительством, был тот неожиданный факт, что Штюрмер был немедленно уволен в отставку. 10 ноября на его место был назначен А. Ф. Трепов, и сессия прервана до 19-го, чтобы дать возможность новому премьеру осмотреться и приготовить свое выступление.

Казалось, тут одержана какая-то серьезная победа. Но… это только казалось».

Солоневич не напрасно считал Милюкова одним из главных виновников падения монархии. Когда-то декабристы разбудили Герцена. Милюков разбудил Пуришкевича с Юсуповым, князем Дмитрием Павловичем и еще несколькими людьми. Даже не разбудил, они уже давно бодрствовали, но подтолкнул их к решительным шагам. Образно говоря, взвел курок на том пистолете, который выстрелил полтора месяца спустя. Сам он, правда, от распутинских убийц открестился.

«Мне, признаюсь, подвиг Феликса и Дмитрия Павловича в сообществе с Пуришкевичем не рисовался в этом романтическом свете. Безобразная драма в особняке Юсупова отталкивала и своим существом, и своими деталями. Спасение России оказывалось призрачным; убийство Распутина ничего изменить не могло.

И я предвосхищал суждение русского мужика о гибели своего брата: "Вот, в кои-то веки добрался мужик до царских хором – говорить царям правду, – и дворяне его уничтожили".

Так оно и вышло. Коллективный русский мужик готовился повторить эту операцию над "дворянами". Но в княжеских виллах, окружавших Гаспру, никто об этом не думал. Должен признаться, что и в наших разговорах с И. И. Петрункевичем о том, что ожидало Россию, было больше гаданий, чем конкретных суждений о том, что предстояло через два месяца».

В мемуарах все хотят выглядеть благородно. В мемуарах Гучков изобразил нечто вроде сожаления о своих думских речах 1912 года и пущенных по рукам копиях писем Императрицы и ее дочерей, а заодно открестился от думских леваков, которые вместе взятые не принесли стране столько зла, сколько он один. Однако в 1916-м в России, покуда революция не случилась и еще был шанс ее остановить, русские политики – и Милюков первый

от них – продолжали раздирать тело монархии, а вместе с ней и всей страны. Распутин был частью этого тела, пуля, направленная в него, попала в самое сердце династии – вещих слов Александра Блока сегодня не отрицает никто. Спорят лишь о том, кто эту пулю выпустил. А вот догадывался ли о своем скором конце осенью 1916-го сам Григорий Распутин – большой вопрос.

Существует мемуар Вырубовой о том, что во время последней встречи с Николаем Распутин повел себя необычно: «Когда Их Величества встали, чтобы проститься с ним, Государь сказал, как всегда: "Григорий, перекрести нас всех". "Сегодня ты благослови меня", – ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал. Чувствовал ли Распутин, что он видит их в последний раз, не знаю: утверждать, что он предчувствовал события, не могу, хотя то, что он говорил, сбылось. Я лично описываю только то, что слышала и каким видала его. Со своей смертью Распутин ставил в связь большие бедствия для Их Величеств. Последние месяцы он все ожидал, что его скоро убьют».

Но письма Государыни свидетельствуют об обратном.

«Он был в хорошем, веселом настроении. – Видно, что Он все время думает о тебе и что все теперь хорошо пойдет. Он беспокоится по поводу предстоящего приезда туда Трепова, боится, что он снова тебя расстроит, привезет ложные сведения», – писала она Государю за десять дней до убийства Распутина.

«Ангел мой, вчера мы обедали с нашим Другом у Ани, – сообщала ему же за три дня до убийства Распутина. – Все было так мило, мы рассказывали про наше путешествие, и Он сказал, что мы должны были прямо поехать к тебе, так как доставили бы этим большую радость и "благодать", а я боялась помешать тебе! Он умоляет тебя быть твердым и властным и не уступать во всем Трепову. Ты знаешь гораздо больше, чем этот человек, и все-таки позволяешь ему руководить тобой, – а почему не нашему Другу, который руководит при помощи Бога?.. Вспомни, за что меня не любят, – ясно, что я права, оставаясь твердой и внушая страх, и ты будь таким, ты – мужчина, только верь больше и крепче в нашего Друга (а не в Трепова) <…> Он правильно ведет нас, а ты благосклонно внимаешь такому лживому человеку, как Тр. <…> слушайся меня, т. е. нашего Друга, и верь нам во всем».

Разумеется, в известном смысле слова о необходимости быть твердым и властным можно рассматривать как своеобразное духовное завещание «старца» своему Государю, но настойчивое упоминание ни в чем не повинного и куда более толкового, чем Протопопов, Трепова доказывает сиюминутность этих советов: наверху шла обычная борьба за политическое влияние на

Государя, Императрица в нее вмешивается, и о смерти Распутина не помышляет ни он сам, ни Государыня.

«Он уже давным-давно не выходит из дому, ходит только сюда. Но вчера Он гулял с Муней к Казанскому Собору и Исаакиевскому – ни одного неприятного взгляда, все спокойны» – эти строки, написанные царицей 15 декабря, то есть накануне убийства, говорят сами за себя – никакого предчувствия смерти у Распутина не было. Косвенно внезапность его смерти подтверждается и показаниями Белецкого, согласно которым неожиданная гибель Распутина внесла изрядную сумятицу в ряды его поклонниц, и в том числе это касается той самой Муни Головиной, с которой он последний раз в жизни прошелся по Невскому проспекту.

«Когда я был у А. А. Вырубовой утром на другой день после убийства Распутина, до обнаружения его тела, примерзшего ко льду <…> то я увидел по лицу А. А. Вырубовой, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползать в душу сомнения в отношении Распутина; этого чувства она не скрывала от меня, сказав, что не может допустить мысли, чтобы Распутин не предчувствовал своей смерти и не сказал бы ей об этом, тем более, что в день его убийства она до прихода Протопопова была вечером в 8 час. у Распутина <…> г-жа Головина (одна из самых давних почитательниц Распутина) откровенно высказала мне свое разочарование в прозорливости Распутина ввиду непредвидения им такой ужасной своей смерти, так как в последнее время Распутин уверял своих поклонниц, чему я сам раз был свидетелем во время одного из воскресных чаев у него на квартире, в июне 1916 года, в присутствии А. А. Вырубовой, – что ему положено на роду еще пять лет пробыть в миру с ними, а после этого он скроется от мира и от своих близких, и даже семьи в известном только ему одному, намеченном им уже глухом месте, вдали от людей, и там будет спасаться, строго соблюдая устав древней подвижнической жизни. Это свое намерение Распутин, как я понимал, навряд ли привел бы в осуществление, даже если бы он и не был убит, так как он довольно глубоко за последнее время опустился на дно своей порочной жизни; но по настроению Государя Распутин ясно замечал близость наступления поворота в отношении к нему со стороны его величества и заранее подготовлял себе почетный отход от дворца, указывая на пятилетний срок, как на то время, когда наступил бы для наследника юношеский возраст, кладущий преграду гемофилии, внушавшей их величествам постоянную боязнь за жизнь его высочества и связавшей Распутина, в силу приведенных мною причин, с августейшей семьею».

Двое из убийц – Пуришкевич и Юсупов – оставили свидетельства о том, как убийство Распутина происходило, однако верить обоим трудно. Дневник Пуришкевича меньше всего похож на дневник, мемуары Юсупова – на мемуары. И то и другое литературно обработанная публицистика. Тем не менее что-то из этих источников выудить можно.

Член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич был монархистом, черносотенцем и, что еще более важно, – англофилом. Солженицын очень точно назвал его истерическим и перекидчивым. Вскоре после Милюкова он выступил в Думе с гневной антираспутинской речью.

«Надо, чтобы впредь недостаточно было рекомендации Распутина для назначения гнуснейших лиц на самые высокие посты. Распутин в настоящее время опаснее, чем некогда был Лжедмитрий… Господа министры! Если вы истинные патриоты, ступайте туда, в царскую Ставку, бросьтесь квотам царя и просите избавить Россию от Распутина и распутинцев, больших и малых».

Как писал в мемуарах протопресвитер Шавельский, «по поводу этой речи один из великих князей, Михайловичей, 22 ноября телеграфировал в Петроград своему брату Николаю Михайловичу: "Читал речь Пуришкевича. Плакал. Стыдно!"».

«…я говорил в Государственной думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть Государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить Монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл, – сил, готовых использовать и переложить на Царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжелые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним… – писал Пуришкевич в своем дневнике. – Как мне бесконечно жаль Государя, вечно мятущегося в поисках людей, способных занять место у кормила власти, и не находящего таковых; и как жалки мне те, которые, не взвешивая своих сил и опыта в это ответственное время, дерзают соглашаться занимать посты управления, движимые честолюбием и не проникнутые сознанием ответственности за каждый свой шаг на занимаемых постах.

В течение двух с половиной лет войны я был политическим мертвецом: я молчал; и в дни случайных наездов в Петроград, посещая Государственную Думу, сидел на заседаниях ее простым зрителем, человеком без всякой политической окраски. Я полагал, как и полагаю сейчас, что все домашние распри должны быть забыты в минуты войны, что все партийные оттенки должны быть затушеваны в интересах того великого общего дела,

которого требует от всех своих граждан, по призыву Царя, многострадальная Россия; и только сегодня, да, только сегодня, я позволил себе нарушить мой обет молчания и нарушил его не для политической борьбы, не для сведения счетов с партиями других убеждений, а только для того, чтобы дать возможность докатиться к подножию трона тем думам русских народных масс и той горечи обиды великого русского фронта, которые накопляются и растут с каждым днем на всем протяжении России, не видящей исхода из положения, в которое ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от коих прочно забрал в руки Григорий Распутин и Императрица Александра Федоровна, этот злой гений России и Царя, оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране и народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения.

Тяжело записывать эти строки, но дневник не терпит лжи: живой свидетель настроений русской армии от первых дней великой войны, я с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния царского имени в войсковых частях, и, увы! не только среди офицерской, но и в толще солдатской среды, и причина тому одна – Григорий Распутин.

Его роковое влияние на Царя через посредство Царицы и нежелание Государя избавить себя и Россию от участия этого грязного, развратного и продажного мужика в вершении государственных дел, толкающих Россию в пропасть, откуда нет возврата».

И пустой фразеологии, и демагогии в этих строках сколько угодно («Распутин в качестве неугасимой лампады в царских покоях», – писал Пуришкевич несколькими абзацами далее). Да и вообще, как к Распутину ни относись, нельзя не признать, что его убийцы были людьми мало симпатичными. И в данном случае можно согласиться с Гучковым, говорившим о том, что Пуришкевич из тех, «которые торгуют на своем темпераменте».

Василий Шульгин приводит в «Днях» свой разговор с Пуришкевичем:

«– Послушайте, Шульгин. Вы уезжаете, но я хочу, чтобы вы знали… Запомните 16 декабря…

Я посмотрел на него. У него было такое лицо, какое у него уже раз было, когда он мне сказал одну тайну.

– Запомните 16 декабря.

– Зачем?

– Увидите, прощайте… Но он вернулся еще раз.

– Я вам скажу… Вам можно… 16-го мы его убьем…

– Кого?

– Гришку.

Он заторопился и стал мне объяснять, как это будет. Затем:

– Как вы на это смотрите?

Я знал, что он меня не послушает. Но все же сказал:

– Не делайте…

– Как? Почему?

– Не знаю… Противно…

– Вы белоручка, Шульгин <…> Так сидеть нельзя. Все равно. Мы идем к концу. Хуже не будет. Убью его, как собаку… Прощайте…»

И все же гораздо больше неприязни вызывает Феликс Юсупов, человек, явивший собой классический пример того, до каких степеней упадка и разложения дошла салонная русская аристократия.

Нравственные метания Юсупова («внутренний голос мне говорил: "Всякое убийство есть преступление и грех, но, во имя Родины, возьми этот грех на свою совесть, возьми без колебаний. Сколько на войне убивают неповинных людей, потому что они 'враги Отечества'. Миллионы умирают… А здесь должен умереть один, тот, который является злейшим врагом твоей Родины. Это враг самый вредный, подлый и циничный, сделавший путем гнусного обмана всероссийский престол своей крепостью, откуда никто не имеет силы его изгнать… Ты должен его уничтожить во что бы то ни стало… "»), его порочные наклонности, развращенность, его оборотничество («Решено было, что, прежде всего, я войду в тесное общение с Распутиным, заручусь его доверием и постараюсь узнать от него самого как можно больше подробностей о его участии в политических событиях… Прикосновение Распутина вызвало во мне трудно преодолимое чувство гадливости, однако я пересилил себя и сделал вид, что очень рад встрече с ним… с каждым днем доверие "старца" ко мне возрастало…») и вместе с тем его несомненная дружба с Распутиным, начавшаяся еще в 1909 году, – что бы в основе их дружбы ни лежало, – все это еще одно доказательство того, что Распутин, особенно в последние годы, замечательно притягивал к себе всякую грязь. Манасевич-Мануйлов, Андроников, Добровольский, Рубинштейн, Манус, Хвостов с Белецким, Илиодор…

Феликс Юсупов в этом ряду – фигура самая знатная. Очевидно, что Распутину эта дружба льстила и он к ней стремился. «Какое счастье – воспитание души аристократа», – записали поклонницы мысль «отца» еще в апреле 1915 года.

«Я чрезвычайно удивилась, когда узнала от нее (Государыни. – *А. В.),* что Феликс Юсупов – частый гость в доме Распутина. Известие показалось мне настолько невероятным, что

я спросила у Григория Ефимовича, правда ли это.

"Правда, как не правда, – ответил он. – Очень уж мне полюбился князь Юсупов. Иначе как 'Маленьким' я его и не кличу"», – вспоминала Юлия Ден.

На эту любовь он купился и через нее принял смерть. Союз мужика и аристократа, очень скоро обернувшийся против сословий, которые оба представляли.

Юсупов, равно как и Великий Князь Дмитрий, был человеком, вхожим во дворец.

«Дмитрий пил у нас чай вчера… Ирина и Феликс будут к чаю», – писала Государыня мужу за четыре месяца до убийства Распутина. «Ирина и Феликс пили у нас чай – они держались очень мило и непринужденно: она очень загорела, а он очень худ, коротко острижен, выглядит гораздо лучше в форме пажа и подтянулся».

Тем не менее все действия Юсупова в первую очередь именно против Императрицы и были направлены.

«Если убить сегодня Распутина, через две недели Императрицу придется поместить в больницу для душевнобольных. Ее душевное равновесие исключительно держится на Распутине; оно развалится тотчас, как только его не станет. А когда Император освободится от влияния Распутина и своей жены, все переменится: он сделается хорошим конституционным монархом», – говорил он кадету и на этот раз действительно без сомнений масону В. А. Маклакову, также вовлеченному в заговор и сыгравшему в нем чрезвычайно важную роль.

Об этом циничном плане устранить Государыню князь Феликс не обмолвился в своих «мемуарах» ни словом; там он борец с надвигающимся большевизмом, который Распутин якобы олицетворял. Но несмотря на патетическую преамбулу «Конца Распутина» («Мы не имеем права питать легендами сознание умственно созревшей молодежи. И не при помощи легенд воспитывается настоящая любовь к Родине и чувство долга перед ней. Чтобы избежать тяжелых разочарований и ошибок в будущем, необходимо знать ошибки прошлого, знать правду вчерашнего дня. Мне, как близкому свидетелю некоторых событий этого вчерашнего дня, хочется рассказать о них все, что я видел и слышал. Ради этого я решил преодолеть в себе то тягостное чувство, которое подымается в душе при близком соприкосновении с минувшим <…> Революция пришла не потому, что убили Распутина. Она пришла гораздо раньше. Она была в самом Распутине, с бессознательным цинизмом предававшем Россию, она была в распутинстве – в этом клубке

темных интриг, личных эгоистических расчетов, истерического безумия и тщеславного искания власти. Распутинство обвило престол непроницаемой тканью какой-то серой паутины и отрезало монарха от народа»), Юсупов или те, кто помогал ему писать его мемуары – весь авторский коллектив, хорошо понимали неприглядность роли Феликса в этом деле и изо всех сил пытались его оправдать:

«Местом событий был выбран наш дом на Мойке. В нем было помещение, которое я вновь отделывал для себя; оно как нельзя лучше подходило для выполнения нашего замысла, а мои отношения с Распутиным давали мне полную возможность уговорить его приехать ко мне.

Такого рода план, с другой стороны, вызвал во мне самое гнетущее чувство, перспектива пригласить к себе в дом человека с целью его убить была чересчур ужасна. Кто бы ни был этот человек, даже сам Распутин, но я не мог без содрогания представить себе свою роль в этом деле – роль хозяина, готовящего гибель своему гостю. Мои друзья разделяли мое мнение, но после долгих обсуждений мы, тем не менее, пришли к заключению, что в вопросе, касающемся судьбы России, не должно быть места никаким соображениям и переживаниям личного характера и что все мои нравственные тревоги и угрызения совести должны отойти на второй план…»

Известно также, что незадолго до убийства Юсупов послал письмо жене. Текст его не сохранился, но сохранился ответ княгини Ирины Александровны, где были следующие строки: «Благодарю тебя за твое сумасшедшее письмо. Я половину не поняла. Вижу, что ты собираешься сделать что-то дикое. Пожалуйста, будь осторожен и не суйся в разные грязные истории. Главное – гадость, что ты решил все без меня, это дикое свинство… Одним словом, будь осторожен. Вижу по твоему письму, что ты в *диком энтузиазме* и готов лезть на стену… Чтобы без меня ничего не делал».

Юсупов ее не послушал, в грязь влез, и комментировать тут нечего, разве что задаться вопросом: кто именно входил в число друзей нежного Феликса и втянул его в дикое свинство? Было их много, и в роковой день в особняке присутствовали не только те, кого Юсупов назвал. Об этом чуть позже, а пока отметим, что была еще проблема с охраной, но она достаточно легко решалась: со своими телохранителями Распутин не церемонился, несмотря на страх за свою жизнь и реальные опасения стать жертвой, относился к охране легкомысленно, и, по свидетельству Штюрмера, которому в данном случае нет основания не верить, премьер-министру часто следовали «жалобы, что Распутина не

могут охранять, потому что он никого не слушает и все делает по-своему».

«Часто Распутин отпускал агентов раньше установленного времени, заявляя, что больше в течение дня уже ни выезжать, ни выходить не будет. Так было и в трагический для него вечер 16 декабря 1916 года, – писал генерал Глобачев. – В 10 часов вечера он сказал агентам, что больше не выйдет и ляжет спать, а потому агенты могут идти домой; между тем он отлично знал, что за ним приедет кн. Юсупов в 12 час. ночи, что видно из того, что когда позвонили с черного хода, то он спросил: "Это ты, маленький" (так он называл Юсупова) и сейчас же, надев шубу и галоши, вместе с ним и вышел».

«И вдруг охватило меня чувство безграничной жалости к этому человеку. Мне сделалось стыдно и гадко при мысли о том, каким подлым способом, при помощи какого ужасного обмана я его завлекаю к себе. Он – моя жертва, он стоит передо мною, ничего не подозревая, он верит мне. Но куда девалась его прозорливость? Куда исчезло его чутье? Как будто роковым образом затуманилось его сознание, и он не видит того, что против него замышляют. В эту минуту я был полон глубочайшего презрения к себе; я задавал себе вопрос, как мог я решиться на такое кошмарное преступление? И не понимал, как это случилось.

Вдруг с удивительной яркостью пронеслись передо мною одна за другой картины жизни Распутина. Чувства угрызения совести и раскаяния понемногу исчезли и заменились твердою решимостью довести начатое дело до конца. Я больше не колебался…»

Дальнейшее хорошо известно и было многократно описано, сыграно, снято, изображено.

Яд, который на самом деле не был ядом, пуля, которая не сразила Распутина наповал, еще одна пуля, еще одна… Подвал, автомобиль, тело, сброшенное в Малую Невку, кураж опьяненного Пуришкевича, заявившего городовому, что этой ночью во благо России он убил Распутина, поднятая на ноги полиция.

«Мы сидим все вместе – ты можешь себе представить наши чувства, мысли – наш Друг исчез, – писала Государыня в Ставку 17 декабря. – Вчера А. видела его, и он сказал ей, что Феликс просил Его приехать к нему ночью, что за Ним приедет автомобиль, чтоб Он мог повидать Ирину. Автомобиль заехал за ним (военный автомобиль) с двумя штатскими, и Он уехал. Сегодня ночью огромный скандал в Юсуповском доме – большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т. д. – все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что

наш Друг убит.

Полиция приступила к розыску, и тогда следователь вошел в Юсуповский дом – он не смел этого сделать раньше, так как там находился Дмитрий. Градоначальник послал за Дмитрием. Феликс намеревался сегодня ночью выехать в Крым, я попросила Калинина его задержать.

Наш Друг эти дни был в хорошем настроении, но нервен, а также озабочен из-за Ани, так как Батюшин старается собрать улики против Ани. Феликс утверждает, будто, он не являлся в дом и никогда не звал Его. Это, по-видимому, была западня. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие, что Его только увезли куда-то. <…> Я не могу и не хочу верить, что Его убили. Да смилуется над нами Бог».

Об убийстве Распутина написано еще больше, чем о его любовных похождениях. Версий случившегося в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в подвале юсуповского дворца немерено. Политическое убийство, убийство на сексуальной почве, ритуальное убийство, масонский след, акт высокого патриотизма, уголовщина – каждый может выбрать легенду на свой вкус.

«Чем, например, объяснить неограниченное доверие, которое оказывал Распутин молодому Юсупову, никому вообще не доверяя, всегда опасаясь быть отравленным или убитым? – писал в своем дневнике Великий Князь Николай Михайлович. – Остается предположить опять что-либо совсем невероятное, а именно – влюбленность, плотскую страсть к Феликсу, которая омрачила этого здоровенного мужчину – развратника и довела его до могилы. Неужели во время нескончаемых бесед между собой они только пили, ели и болтали? Убежден, что были какие-либо физические излияния дружбы в форме поцелуев, взаимного ощупывания и возможно… чего-либо еще более циничного. Садизм Распутина не подлежит сомнению, но, насколько велико было плотское извращение у Феликса, мне еще мало понятно, хотя слухи о его похотях были еще распространены до его женитьбы».

Эта версия долгое время считалась не столько самой убедительной, сколько самой скандальной и пикантной – Распутин был убит по гомосексуальным мотивам, но недавно появилась еще одна и, похоже, куда более достоверная гипотеза: боясь, что под влиянием Распутина Россия может выйти из войны и заключить сепаратный мир с Германией, англичане вошли в контакт с русскими националистами и организовали убийство Распутина. Точнее – проконтролировали его выполнение.

Известен фрагмент из воспоминаний Великого Князя

Александра Михайловича, тестя Феликса Юсупова: «Прибыв в Петроград, я был совершенно подавлен царившей в нем сгущенной атмосферой обычных слухов и мерзких сплетен, к которым теперь присоединилось злорадное ликование по поводу убийства Распутина и стремление прославлять Феликса и Дмитрия Павловича. Оба "национальные героя" признались мне, что принимали участие в убийстве, но отказались, однако, мне открыть имя главного убийцы. Позднее я понял, что они этим хотели прикрыть Пуришкевича, сделавшего последний смертельный выстрел».

На самом деле прикрывали вовсе не Пуришкевича. И убийц было больше, чем Юсупов с Пуришкевичем называли, а они писали о Великом Князе Дмитрии Павловиче, поручике Сухотине и докторе Лазоверте. И наконец, решающую, третью, пулю в Распутина всадил никакой не Пуришкевич, а английский агент по имени Освальд Рейнер, в чем тогдашние русские «патриоты-монархисты», из монархических соображений отказавшиеся принять в ряды исполнителей своего – кадета В. А. Маклакова, а англичанина прихватили, признаться не могли или не хотели – стыдились.

Вот выдержки из беседы журналистки Натальи Голицыной с английским историком Эндрю Куком:

«Наталья Голицына: Новое расследование убийства сибирского старца, оказывавшего опасное, с точки зрения его современников, влияние на российскую политику предвоенного и военного периода, проведено бывшим офицером Скотленд-Ярда Ричардом Калином и известным историком разведки Эндрю Куком. Согласно их версии, находившиеся в Петрограде агенты британской разведки капитаны Джонс Кейл и Стивен Али, а также лейтенант Освальд Рейнер были серьезно обеспокоены дошедшими до них сведениями о возможном сепаратном мире России с Германией, которого добивался Григорий Распутин. Заключение мира с Россией позволило бы Германии перебросить с восточного фронта на западный 350 тысяч солдат, что создало бы критическую ситуацию для англо-французских войск и могло привести к их поражению в войне. В попытке предотвратить такой исход событий британские разведчики составили заговор против Распутина, в который вовлекли князя Юсупова и великого князя Дмитрия Павловича. Один из британских офицеров разведки, как доказывают Калин и Кук, непосредственно участвовал в убийстве Распутина. Как же случилось, что подробности столь важного эпизода российской истории, как убийство Распутина, до сих пор не были известны?

Эндрю Кук: Думаю, что это произошло главным образом

потому, что единственный источник истории убийства Распутина, которым мы располагали до сих пор, – книга Феликса Юсупова, которую он написал в 1927 году. Он написал эту книгу, испытывая финансовые затруднения. Юсупов покинул Россию, увезя с собой, в частности, несколько картин Рембрандта, которые впоследствии продал. Однако в середине 20-х годов он начал ощущать недостаток средств и откликнулся на предложение британо-американского издателя рассказать о смерти Распутина. Это сулило ему неплохой заработок. В результате появилась книга, предназначенная для успешной продажи. Это была необычайно драматизированная история убийства Распутина. Однако юсуповскую версию убийства Распутина трудно назвать правдивым рассказом о том, что произошло в тот вечер.

Наталья Голицына: Что же произошло в тот вечер и как вам удалось узнать правду об убийстве?

Эндрю Кук: Правду мне удалось обнаружить, когда я собирал материал для своей книги о Сидни Рейли. Я познакомился с дочерью Джона Скейла. Он был офицером британской разведки, который завербовал Рейли. Когда я общался с дочерью Скейла, она сообщила, что ее отец был вовлечен в убийство Распутина. Она показала мне несколько принадлежащих отцу документов, и я использовал их, чтобы найти семьи других офицеров британской разведки, причастных к убийству и находившихся в то время в Петрограде.

Что касается самого убийства, то сейчас нам известны имена причастных к нему трех офицеров британской разведки. Накануне убийства они в течение нескольких недель встречались с князем Феликсом Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем. Нам стало также известно, что офицер британской разведки Освальд Рейнер находился во дворце Юсупова в момент убийства и присутствовал при нем. По результатам судебно-медицинских анализов мы поняли, что версия убийства, изложенная Юсуповым и Пуришкевичем, не соответствует действительности. Дело в том, что патолого-анатомическое заключение свидетельствует, что в Распутина стреляли из трех различных револьверов. Если же исходить из свидетельств Юсупова и Пуришкевича, то было лишь два стрелявших в него человека – они сами. В своих воспоминаниях они ничего не говорят о третьем револьвере и не упоминают о третьем и ставшем смертельным ранении Распутина. Смертельный выстрел в лоб произвел Освальд Рейнер».

По всей вероятности, все именно так и обстояло, а то, что

писал Юсупов в мемуарах про восстающего с земли Григория и что стало источником самых разных легенд («Неистовым резким движением Распутин вскочил на ноги; изо рта его шла пена. Он был ужасен. Комната огласилась диким ревом, и я увидел, как мелькнули в воздухе сведенные судорогой пальцы… Вот они, точно раскаленное железо, впились в мое плечо и старались схватить меня за горло. Глаза его скосились и совсем вылезли из орбит… В этом умирающем, отравленном и простреленном трупе, поднятом темными силами для отмщения своей гибели, было что-то до того страшное, чудовищное, что я до сих пор вспоминаю об этой минуте с непередаваемым ужасом. Я тогда еще яснее понял и глубже почувствовал, что такое был Распутин: казалось, сам дьявол, воплотившийся в этого мужика, был передо мной и держал меня своими цепкими пальцами, чтобы никогда уже не выпустить») – все это чистой воды беллетристика, хотя признать, что она была всего лишь выдумкой журналистов, писавших юсуповские воспоминания, было бы несправедливо. Юсупов рассказывал свою версию о распутинском демонизме Маклакову задолго до публикации «Конца Распутина», и в этом смысле интересны те расхождения, которые существуют между юсуповскими мемуарами и тем, что вспоминал о его устных рассказах про убийство Распутина Маклаков.

«– Григорий Ефимович, вы бы лучше на распятие посмотрели да помолились бы перед ним.

Распутин удивленно, почти испуганно посмотрел на меня. Я прочел в его взоре новое, незнакомое мне выражение: что-то кроткое и покорное светилось в нем. Он близко подошел ко мне, не отводя своих глаз от моих, и казалось, будто он увидел в них то, чего не ожидал. Я понял, что наступил последний момент. "Господи, дай мне сил покончить с ним!" – подумал я и медленным движением вынул револьвер из-за спины. Распутин по-прежнему стоял передо мною не шелохнувшись, со склонившейся направо головой и глазами, устремленными на распятие.

"Куда выстрелить, – мелькнуло у меня в голове, – в висок или в сердце?"

Точно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил».

Так писал Юсупов, и это место сегодня часто цитируется как доказательство юсуповского святотатства и распутинской святости: был застрелен подле креста. Тем не менее в мемуарах, опубликованных вдогонку юсуповским в журнале «Современные записки» в 1928 году, В. А. Маклаков прокомментировал этот эпизод на свой лад:

«Помню, однако, подробность, которую он теперь упускает.

Он упоминает в своей книге, что убил Распутина перед Распятием, заставив его предварительно перекреститься, он только не объясняет, *почему* это сделал. Тогда он довел объяснение. Он передал мне тот же ужас, который им овладел, когда Распутин без всяких последствий проглотил весь заготовленный яд. Юсупову, верившему в сверхъестественные силы, казалось, что одна из *таких* сил защищает Распутина. Она могла обезвредить и револьверную пулю. Он решился отогнать ее действие классическим способом – крестным знамением. Подводя Распутина к Распятию, он его упрекнул за то, что тот перед ним не перекрестился. И когда Распутин стал класть крестное знамение и, следовательно, темная сила должна была отойти от него, Юсупов и выстрелил».

Юсупов действительно боялся Распутина. И скорее всего это стало одной из причин того, что он обратился за помощью к британцам, преследовавшим в убийстве Распутина свои интересы.

«Распутин был убит не тогда, когда Дума, общество и печать возмущались его безнравственным поведением, и не тогда, когда обвиняли его во вмешательстве в область внутреннего управления Россией, а тогда, когда, под влиянием неудач на войне, возникли слухи о сепаратном мире с Германией», – вполне логично заключил князь Жевахов.

Британская версия преподается сегодня почти как открытие, но справедливость требует признать, что английский след прочитывался в истории с Распутиным давно, и даже имя убийцы Распутина, агента Рейнера, не ново.

«На лестнице, подымаясь в столовую, я встретил моего товарища, английского офицера Освальда Рейнера. Он знал обо всем и очень за меня волновался. Я его успокоил, сказав, что все пока обстоит благополучно», – писал Юсупов в мемуарах. И обращает на себя внимание тот факт, что англичанин знал о подготовке «патриотического подвига» русского князя. Причем не просто англичанин, не просто офицер, а сотрудник *SecretService*.

«Юсупов же рассказал о случившемся и своему другу, английскому офицеру Рейнеру, служившему в английской разведке в Петрограде, начальником которой был известный сэр Самуэль Хоар. То был один из способов, которым освещались ваш Двор и придворные круги. Отсюда осведомленность английского посла Бьюкенена», – то ли просто повторял вслед за Феликсом Спиридович и чуть-чуть недотягивал до истины, то ли не желал эту истину раскрывать.

Зато очень близок к ее раскрытию был Великий Князь Александр Михайлович:

«Самое печальное было то, что я узнал, как поощрял

заговорщиков британский посол при Императорском дворе сэр Джордж Бьюкенен. Он вообразил себе, что этим своим поведением он лучше всего защитит интересы союзников и что грядущее либеральное русское правительство поведет Россию от победы к победе.

Он понял свою ошибку уже через 24 часа после торжества революции и, несколько лет спустя, написал об этом в своем полном благородства "post mortem". Император Александр III выбросил бы такого дипломата за пределы России, даже не возвратив ему его верительных грамот, но Николай II терпел все».

И. П. Якобий писал в своей книге со слов сэра Самуэля Хоара, произнесенных им в июне 1933 года на банкете, о том, что «послу сэру Джорджу Бьюкенену пришлось ездить в Царское Село для объяснений» с Государем, но ни он, ни английские агенты высланы из России действительно не были.

«Другой английский офицер Локкер-Лампсон, вызванный в качестве свидетеля в недавнем процессе между кн.

Юсуповой и одной кинематографической фирмой, показал, что он знал о готовящемся убийстве», – приводил Якобий еще одно доказательство участия англичан в убийстве.

Из писем Императрицы мужу известно, что проницательный Распутин и сам англичан опасался. Когда весной 1916 года была потоплена немецкой торпедой английская субмарина с лордом Китчнером, Распутин призывал не огорчаться. «По мнению нашего Друга, для нас хорошо, что Китченер (так в письме. – *А. В.)* погиб, так как позже он мог бы причинить вред России, и что нет беды в том, что вместе с ним погибли его бумаги. Видишь ли, Его всегда страшит Англия, какой она будет по окончании войны, когда начнутся мирные переговоры», – писала она.

Слухи об англичанах, находившихся в Юсуповском дворце в ночь на 17 декабря, ходили по Петрограду уже в 1917 году. В одном из недавних выпусков альманаха «Минувшее» была опубликована рассекреченная переписка рядовых русских националистов, чьи письма перлюстрировала полиция. Некто П. Веселов писал некоему В. А. Демидову: «Последние известия (наиболее достоверные) гласят, что Гришка, быв агентом Вильгельма при дворе и окруженный четырьмя жидовскими банкирами, был устранен англичанами и что никакие князья тут ни при чем».

Агентом Вильгельма Распутин не был. А вот князья были «при чем», и валить все на одних англичан не стоит. Распутина убивали всем миром. Интернационалом. Только не масонским, а более широким, в который входили в том числе и самые что ни на есть ярые русские националисты. Либо прямо участвуя в

убийстве, как Пуришкевич, либо явно или не явно с этим деянием солидаризируясь.

«Мы считали, что это проходимец, который губит Россию, – говорил на следствии 1917 года член «Союза русского народа» Н. Е. Марков. – Это все такие ясные вещи, что каждый сам знает».

Близкий друг Великого Князя Михаила Александровича барон Н. А. Врангель записал в дневнике за месяц до убийства: «Подробно доложил В. князю политическое положение, скандал в Думе, негодование против "старца" Григория Нового (Распутина). Пришли к заключению, что согласно общей воле решительно всех этого негодяя следует устранить. В. князь в шутку предлагал мне поехать с ним тотчас на моторе – и покончить с ним».

Оказалось – не шутка, и не причастны к его убийству и ко всеобщему российскому ликованию были разве что русские мужики, и Матрена Распутина со своих или с чужих слов не зря говорила следователю Соколову о пророческих словах своего родителя: «Государь говорил отцу, что если будет жить так, как хочет мой отец, то Его убьют мужики. Отец говорил Государю, что мужики никогда не убьют Царя, а убьет Его интеллигент».

Были ли интеллигентами Юсупов, Пуришкевич, Великий Князь Дмитрий Павлович или английский киллер Освальд Рейнер, вопрос спорный – главное, что цели своей по крайней мере первые трое не добились. Русские аристократы и монархисты хотели убить Распутина с одной единственной целью: выбить опору из-под ног Императрицы. Они были уверены, что его смерть ее сломает и Государыня перестанет влиять на государственную политику. Но Александра Федоровна оказалась сильнее и духом не пала. И тогда в воспаленном сознании убийц стали рождаться новые планы.

«Государь, кажется, скоро едет в Ставку, нужно было бы, чтобы императрица Мария Федоровна этим воспользовалась и с людьми, которые могут ей помочь и поддержать ее, отправилась бы туда и вместе с Алексеевым и Гурко потребовали бы, чтобы арестовали Протопопова, Щегловитова, Аню, и Александру Федоровну отправили бы в Ливадию, – писал Юсупов Великому Князю Николаю Михайловичу. – Только такая мера может еще спасти, если только не поздно. Я уверен, что пассивное отношение Государя ко всему, что происходит, является результатом лечения его Бадмаевым. Есть такие травы, которые действуют постепенно и доводят человека до полного кретинизма».

«Миша (Великий Князь Михаил Александрович. – *А. В.)* тоже не видит никакого выхода, кроме высылки их в Ливадию, но вопрос – как это сделать, он никогда на это не решится, да и она

не поедет», – сообщал Николаю Михайловичу его родной брат Великий Князь Александр Михайлович (Сандро).

Никто ни на что не решился, и оказалось, что Распутина, с точки зрения российских государственных интересов, убили в общем-то зря. Снова получилось не преступление, но – ошибка и страшная гадость.

«…я познакомился с князем Юсуповым, который мне рассказывал (очевидно, уже десятки раз) историю этого убийства с его потрясающими подробностями, – вспоминал позднее С. Н. Булгаков. – В его рассказе не было ничего, кроме аристократической брезгливости, не было даже сознания того, что пуля направлена в царскую семью и что с этим началась революция. Это было уже тогда для меня очевидно. Убийство Распутина внесло недоставававший элемент какой-то связи крови между сторонниками революции, а таковыми были почти все <… > Это убийство разнуздало революцию, и стали открыто и нагло говорить и даже писать – правда не о цареубийстве – но о дворцовом перевороте».

Но то, что задумывали одни, совершили другие, а воспользовались плодами – третьи.

Позднее появилось и знаменитое «завещание старца». Текст его приводится в книге Арона Симановича и по своему стилю выпадает из написанного автором книги «Распутин и евреи».

«Дух Григория Ефимовича Распутина-Новых из села Покровского. Я пишу и оставляю это письмо в Петрограде. Я предчувствую, что еще до 1 января я уйду из жизни. Я хочу русскому народу, папе, русской маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, нечего опасаться. Оставайся на своем троне и царствуй. И ты, русский царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне, то их руки останутся замаранными моей кровью и 25 лет они не смогут омыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение 25 лет не будет в стране дворянства. Русской земли царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающих тебе о смерти Григория, то знай: никто из твоей семьи, то есть детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ. Я ухожу и чувствую в себе божеское указание сказать русскому царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоем спасении и сказать твоим родным, что я им заплатил моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоем

избранном роде. Григорий».

По всей вероятности, это чистой воды подлог (и к тому же откровенно полемичный по отношению к распространившимся уже в самые первые годы версиям о ритуальном, еврейском убийстве Царской Семьи, о чем, в частности, писали Дитерихс и Вильтон – страшные противники Распутина, к слову сказать), хотя впоследствии похожий, только более пространный текст процитировал в своих мемуарах воспитатель царских детей Гиббс, которому якобы прочитал этот документ сам Государь. От той версии, которую приводит Симанович, он отличается главным образом концовкой, на которую, несомненно, наложили печать последовавшие исторические события.

«…никто из твоих Детей и родных не проживет более двух лет. А если и проживет, то будет о смерти молить Бога, ибо увидит позор и срам Русской земли, пришествие антихриста, мор, нищету, порушенные храмы Божий, святыни оплеванные, где каждый станет мертвецом. Русский царь, убит ты будешь русским народом, а сам народ проклят будет и станет орудием диавола, убивая друг друга и множа смерть по миру. Три раза по двадцать пять лет будут разбойники черные, слуги антихристовы, истреблять народ русский и веру Православную. И погибнет земля Русская…»

Кто сочинил, а затем и скорректировал с учетом прошедших лет это послание – тайна за семью печатями, но несомненно то был человек, не лишенный литературного таланта.

Впрочем, куда литературно одареннее был сам Государь. «Никому не дано права заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай», – идеально кратко и точно написал он в ответ на обращение клана Романовых не наказывать строго убийц Распутина.

Ответ на словах получился достойный, на деле – никого царь так и не наказал. Ни Великого Князя Дмитрия Павловича, сосланного в Персию и тем спасенного от революции, ни Феликса Юсупова, отправленного в свое имение под Курск, ни защищенного «депутатской неприкосновенностью» Пуришкевича, ни тем более английских шпионов – союзников, которым Государь оставался верен до самого своего конца.

«Помню, как Их Величества не сразу решили сказать ему (Цесаревичу. – *А. В.)* об убийстве Распутина; когда же потихоньку ему сообщили, Алексей Николаевич расплакался, уткнув голову в руки. Затем, повернувшись к отцу, он воскликнул гневно: «Неужели, папа, ты их хорошенько не накажешь? Ведь убийцу Столыпина повесили!» Государь ничего не ответил ему», – писала

Вырубова в своих мемуарах и прибавляла, что сама при этой сцене присутствовала.

Формально следствие по делу об убийстве Распутина проводилось. Но как? 14 февраля 1917 года Великий Князь Александр Михайлович писал своему брату Великому Князю Николаю Михайловичу: «Что касается дела Д. П. и Ф., то все идет, как я предполагал, и на днях оно будет окончено и предано забвению».

Более подробно раскрыл суть происходящего в письме тому же адресату сам Феликс Юсупов, которого в курской глуши посетила следственная бригада из Петербурга.

«От генерала Попова я не ожидал такой быстрой перемены. Как человек умный и осторожный, он понял, где сила.

Пребывание прокурора и следователя в Ракитном было очень забавно. <…>

Официальный допрос постепенно перешел в дружескую беседу, которая длилась четыре с половиной часа в два приема.

Результатом беседы было то, что когда прокурор и следователи пошли к себе в комнату, то мой камердинер, который был призван за ними следить, слышал, как один другому сказал: "Теперь мне совершенно ясно, что князь ни при чем и что все это раздула печать".

После допроса моего камердинера Нефедова (очень поверхностного) их пригласил к обеду и вечером ставил граммофон. На другой день они отправились в обратный путь. Было очень холодно, и прокурору была выдана меховая доха, которая напоминала доху на молодом человеке в роковую ночь в квартире Распутина. "Exceedingly funny".

Последние известия, касающиеся этого дела: на днях следствие заканчивается: виновные не найдены, улики недостаточны. Дмитрия допрашивать не будут. Пуришкевич уже был допрошен (накануне он получил письмо от маэстро[64]). Его ответ ты наверное читал в газетах. Пока все идет хорошо, будем надеяться, что в дальнейшем счастье нам не изменит».

«Безнаказанность, которой они воспользовались, давала печальное представление о силе закона в России, заставила *всех* понимать, что власть не *посмела* тронуть виновных», – признал позднее В. Маклаков.

«…нет никакого сомнения в том, что Николай II был человеком недостаточно энергичным для нашей катастрофической эпохи. Вероятно, он просто был слишком больщим джентльменом: качество не очень подходящее для бурных эпох. Все его ошибки – ошибки недостаточной решимости или, если хотите, то и недостаточной жестокости. Убийц

Распутина нужно было повесить обязательно. Насколько мне известно, Государь и принял такое решение, но отменил его под давлением великих князей. Безнаказанность убийц "друга Царской Семьи" подорвала веру в силу власти и показала: ну, теперь можно делать что угодно. Стали делать что угодно», – заключил И. Л. Солоневич.

После смерти Распутина все действительно затрещало по швам. Еще пыталась противиться шабашу петроградская цензура, вследствие чего столичные газеты писали: «Вчера по Петрограду распространились сенсационные известия о смерти одного лица, о котором в последнее время так много говорилось в Думе» (Русское слово. 1916. 18 декабря), или: «Труп лица, сделавшегося жертвой сенсационного убийства, до поздней ночи нигде не был найден» (Русские ведомости. 1916. 18 декабря).

Но сопротивление было сломлено в два счета.

«Позор, позор, позор – вот, что такое Григорий Распутин для России. Позор исторический, позор несмываемый. Позорно было, когда нельзя было упоминать его имя в печати. И позорно теперь писать о нем, как о человеке, игравшем такую огромную роль в истории наших дней», – возмущалась газета «День».

«Погиб человек, в котором как в зеркале отражалось уродство русской жизни. Разбилось зеркало. Но что же изменилось в жизни? И что может измениться от того, что разбилось зеркало? …Сила фетиша не в нем самом, а в вере и покорности поклонной толпы и в подлости жрецов, эксплуатировавших и его и толпу», – заключали в «Биржевых ведомостях».

«…убитый – прямой потомок легендарного старца Федора Кузьмича. Последний долго жил в Сибири – и вот…» – сочиняла, ссылаясь на кулуарные слухи из Государственной думы, газета «Русская воля».

А толпа между тем торжествовала.

«Улицы Петербурга имели праздничный вид, прохожие останавливали друг друга и, счастливые, поздравляли и приветствовали не только знакомых, но иногда и чужих. Некоторые, проходя мимо дворца великого князя Димитрия Павловича и нашего дома на Мойке, становились на колени и крестились.

По всему городу в церквах служили благодарственные молебны, во всех театрах публика требовала гимна и с энтузиазмом просила его повторения. В частных домах, в офицерских собраниях, в ресторанах пили за наше здоровье; на заводах рабочие кричали в нашу честь "ура"».

Так писал Юсупов, которому, положим, можно было бы и не

верить, но о том же самом свидетельствовали и другие герои тех лет.

«Когда в столице узнали об убийстве Распутина, все сходили с ума от радости; ликованию общества не было пределов, друг друга поздравляли: "Зверь был раздавлен, – как выражались, – злого духа не стало". От восторга впадали в истерику», – вспоминала Вырубова.

А вот как отреагировали в Ставке.

«– Величайшая новость! – радостно сказал генерал, когда я закрыл за собою двери кабинета. – Распутин убит. Его убили великий князь Дмитрий Павлович, князь Юсупов и Пуришкевич во дворце Юсупова, куда они завезли его якобы для пирушки.

– Верно ли это? – спросил я.

– Да уж чего вернее! Я только что слышал это от командира корпуса жандармов графа Татищева, несколько часов тому назад прибывшего в Ставку, очевидно, для доклада Государю об убийстве.

И генерал дальше рассказал мне подробно об убийстве. <… > Привезенная гр. Татищевым весть с быстротой молнии распространилась по Ставке. Гр. Татищев сообщил ее в штабной столовой во время завтрака. И высшие, и низшие чины бросились поздравлять друг друга, целуясь, как в день Пасхи. И это происходило в Ставке Государя по случаю убийства его "собинного" друга! Когда и где было что-либо подобное?! Такая же картина наблюдалась и повсюду в России, куда только долетала весть об убийстве "старца". Один из чинов Ставки рассказал мне, что, возвращаясь из Архангельска, он на одной из станций в Вологодской губернии наблюдал точно такую же картину, когда пассажиры из газет узнали, что Распутин убит. Началось всеобщее ликование. Знакомые и незнакомые обнимали и поздравляли друг друга», – писал протопресвитер Шавельский.

Вологда фигурирует и в мемуарах П. П. Заварзина: «Подходим к станции Вологда. На перроне все читают с интересом газеты. Надеемся узнать о какой-нибудь победе, но узнаем, что убит Распутин. <…> "Слава Богу, что покончили с этой сволочью". Говорил средних лет человек, по внешнему виду сибирский купец. Достаточно было этой фразы, чтобы присутствующие начали шумно говорить и обмениваться впечатлениями. Говорили не об убийстве человека, а об уничтоженном каком-то гаде».

Ликовала и Москва.

«Когда известие о происшедшем дошло до Москвы (это было вечером) и проникло в театры, публика потребовала исполнения национального гимна. И раздалось, может быть, последний раз в

Москве: Боже, царя храни… – вспоминал Шульгин, зловеще добавляя: – Никогда эта молитва не имела такого глубокого смысла…»

Но радовалась смерти «хлыста» не только «публика».

«Ужас и отвращение перед существованием над Россией Распутина были тогда так сильны, – писал в мемуарах С. И. Фудель, – что, я помню, когда совершилось его убийство и я сообщил об этом иносказательно (в печати, конечно, ничего не было) по телефону одной знакомой, то она мне сказала: "Ну, слава Богу! Теперь осталась еще одна", намекая на императрицу. Здесь интересным фактом является только то, что эта знакомая дама была из очень почтенного общества и верующей семьи».

«Утром газеты принесли нам следующую новость: "Убийство Григория Распутина!" Слава Всевышнему! Довольно, наконец, позора, довольно унижения, пережитого с той минуты, как на чью-то потеху завелся на верхах этот порочный фетиш! – отмечала в дневниковых записях княгиня Тенишева. – Все, живущие в России, от темной хаты и до пышного дворца, знали давно, кто он, чем держится и чего стоит. Не было человека, который не возмущался бы этой грязной хлыстовщиной, развратившей часть нашего общества, да еще какого сорта часть общества!..

Авторами этой великой заслуги перед родиной называют Вел. Кн. Дмитрия Павловича, князя Ф. Ф. Юсупова, в доме которого все произошло, и не чуждого к тому же делу, как думают, Вел. Кн. Николая Михайловича».

Из Москвы пришли две телеграммы, подписанные сестрой Государыни Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. Их перехватила полиция и доставила во дворец.

«Москва. 18 декабря 9 ч. 38 м. Великому Князю ДИМИТРИЮ ПАВЛОВИЧУ. Петроград. – Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Елла».

Вторая:

«Москва. 18 декабря. 8 часов 52 м. КНЯГИНЕ ЮСУПОВОЙ. Кореиз. Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елизавета».

Женщина, которая некогда нашла в себе силы простить убийцу своего мужа, благословляла убийц ненавистного ей «хлыста». А царица, родная сестра ее, по воспоминаниям

Вырубовой, получив «это постыдное сообщение», «плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить ее». Но на людях ничего не показывала. «Государыня не плакала часами над его телом, и никто не дежурил у гроба из его поклонниц. Ужас и отвращение к совершившемуся объяли сердца Их Величеств. Государь, вернувшись из Ставки 20-го числа, все повторял: "Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обагрены кровью этого мужика"».

«С самого первого доклада – о таинственном исчезновении Распутина до последнего – о возвращении его тела в Чесменскую богадельню – я ни разу не усмотрел у Его величества скорби и скорее вынес впечатление, будто бы Государь испытывает чувство облегчения», – вспоминал дворцовый комендант Воейков.

«Смерть Распутина была принята царем и царицей спокойно: ни слез я не видел, ни получил упрека», – говорил Протопопов на следствии. И в другой раз: «Убийство Распутина особого впечатления не произвело. Говорилось, что он погиб за семью б. царя, что теперь Бог даст победу и наступит успокоение».

Не наступило. И те, кто это делал, знали, что они делают.

«Ранним утром в субботу, 30 декабря, в Петрограде совершено одно из тех преступлений, которые из-за своего масштаба пятнают благоограниченные законы этики и из-за своих последствий меняют историю поколения», – послал донесение в Лондон начальник Рейнера английский разведчик Самуэль Хоар.

27 декабря 1916 года на квартире депутата Государственной думы А. И. Коновалова выступил с докладом В. А. Маклаков. Из его слов, как излагает их в своих материалах Смиттен, следовало, что «группа депутатов, обладающих соответствующими связями», на помощь которой пришли «высшие придворные чины, фрейлины и т. д.» уже – то есть за десять дней, прошедших со дня убийства, – успели разобраться с Распутиным и сумели «трезво и объективно разобраться в этой истории, отделить истину от лжи, подлинное зерно исторической правды от заведомой легенды» и «в результате получились объективные, строго проверенные данные», где «историческая правда звучит хуже всякого навета, безудержной клеветы, хуже кошмарной сказки».

Однако сохранились и другие свидетельства, и порою с ними происходят странные вещи. Написанные с целью Распутина опорочить, сегодня они воспринимаются совсем иначе.

«Теперь ждем чудес на могиле. Без этого не обойдется. Ведь мученик. Охота была этой мрази венец создавать. А пока болото – черти найдутся, всех не перебьешь», – записала в дневнике З. Н. Гиппиус 2 февраля 1917-го. Но вот что вспоминал протопресвитер Шавельский:

«24-го февраля 1917 года, после обеда, когда Государь обходил гостей, я, стоя рядом с проф. Федоровым, спрашиваю его:

– Что нового у вас в Царском? Как живут без "старца"? Чудес над гробом еще нет?

– Да вы не смейтесь! – серьезно заметил мне Федоров.

– Ужель начались чудеса? – опять с улыбкой спросил я.

– Напрасно смеетесь! В Москве, где я гостил на праздниках, так же вот смеялись по поводу предсказания Григория, что Алексей Николаевич заболеет в такой-то день после его смерти. Я говорил им: "Погодите смеяться, – пусть пройдет указанный день!" Сам же я прервал данный мне отпуск, чтобы в этот день быть в Царском: мало ли что может случиться! Утром указанного "старцем" дня приезжаю в Царское и спешу прямо во дворец. Слава Богу, Наследник совершенно здоров! Придворные зубоскалы, знавшие причину моего приезда, начали вышучивать меня: "Поверил 'старцу', а 'старец'-то на этот раз промахнулся!" А я им говорю: "Обождите смеяться, – иды пришли, но иды не прошли!" Уходя из дворца, я оставил номер своего телефона, чтобы, в случае нужды, сразу могли найти меня, а сам на целый день задержался в Царском. Вечером вдруг зовут меня: "Наследнику плохо!" Я бросился во Дворец… Ужас, – мальчик истекает кровью! Еле, еле удалось остановить кровотечение… Вот вам и "старец"…

Посмотрели бы вы, как Наследник относился к нему! Во время этой болезни матрос Деревенько однажды приносит Наследнику просфору и говорит: "Я в церкви молился за вас; и вы помолитесь святым, чтобы они помогли вам скорее выздороветь!" А Наследник отвечает ему: "Нет теперь больше святых!.. Был святой – Григорий Ефимович, но его убили. Теперь и лечат меня, и молятся, а пользы нет. А он, бывало, принесет мне яблоко, погладит меня по больному месту, и мне сразу становится легче"… Вот вам и "старец", вот и смейтесь над чудесами!»

Наконец, тот же самый Маклаков, который так ликовал и гоголем выступал в декабре 1916-го, совершенно иначе отнесся к этой истории десять лет спустя и помимо процитированного выше осуждения власти за то, что она не наказала убийц, привел свое свидетельство: «Одна из светских дам Петербурга сделала любопытное наблюдение: при посещении госпиталя, где было много солдат, она под радостным впечатлением от смерти Распутина, о нем сообщила солдатам; она ждала выражения восторга, солдаты угрюмо молчали. Думая, что они ее не поняли, она стала повторять и разъяснять смысл события; солдаты продолжали молчать и, наконец, один из них вымолвил: "Да, только один мужик и дошел до царя и того господа убили"».

Плох ли, хорош ли был Распутин, но отрывать сибирского странника и от Царской Семьи, и от русского народа – значит резать по-живому, и, пожалуй, никакое из существующих на сегодняшний день объяснений того, что воплощал этот странный союз, нельзя назвать исчерпывающим. Одно очевидно: в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в России произошла национальная трагедия.

«Распутин не раз говорил, что с его смертью рухнет трон и погибнет династия Романовых. Очевидно, в этом диком и яростном человеке было то смутное предчувствие беды, какое бывает у собак перед смертью в доме, и он умер с ужасным трудом – последний защитник трона, мужик, конокрад, исступленный изувер», – писал в «Хождении по мукам» Алексей Толстой, который хоть и несет вину за участие в похабном проекте Щеголева и никаких оснований не имел звать убитого изувером и конокрадом, в одном и в самом главном попал в точку: за два месяца до революции в России был убит самый верный защитник монархии. И… самый страшный ее разрушитель.

«Я был в Зосимовской пустыни под Москвой на богомолье. В монастыре было, как всегда, тихо и молитвенно. Простояли, как водится, пятичасовую всенощную, исповедовались, причащались за литургией, которую совершал еп. Феодор из Москвы, – вспоминал С. Булгаков. – И вот после обедни из номера в номер поползло потрясающее известие. Распутин убит. Кто-то приехал и привез его из Москвы. Первое и непосредственное чувство было отнюдь не радости, как у большинства, но смущения и потрясения. А между тем все радовались, даже монахи. Преосв. Феодор перекрестился, узнав об этом, – помню, как меня это поразило. У меня же было твердое и несомненное чувство, которое – увы! – впоследствии подтвердилось: против нечистой силы бессильна революционная пуля, и Распутинская кровь прольется в русскую землю. Вместе с тем было смущение относительно бессилия Церкви, которая, очевидно, не могла заклясть беса, и его сразила офицерская пуля».

«Отъезд мой из Луцка совпал со следующим обстоятельством. Я приехал на вокзал, купил газету, развернул ее – и вижу заголовок: "Убийство Распутина"… Первое впечатление, которое не изгладилось и впоследствии, – вздох облегчения. *Темная сила отошла…»* — писал митрополит Евлогий.

И он же через несколько страниц, уже с Распутиным никак не связанных: «Общее положение в епархии становилось все хуже и хуже. В деревнях грабежи и разбой, в уездах погромы помещичьих усадеб и убийства помещиков. Случалось, что в праздник деревня

отправлялась в церковь, а поеле обедни всем миром грабила соседние усадьбы <…> Особенно неистовствовали в прифронтовой полосе. Тут была просто вакханалия <…> Куда девалось "Христолюбивое воинство" – кроткие, готовые на самопожертвования солдаты? Такую внезапную перемену понять трудно: не то это было влияние массового гипноза, не то душами *овладели темные силы»* (в обеих цитатах курсив мой. – *А. В.)*. В этом невольном совпадении и есть ключ ко всему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Похороны Распутина. Епископ Исидор. Революционные вандалы. «Мы, нижеподписавшиеся…» Репетиция цареубийства. После Великого февраля. Чистка в церковных рядах

Убитого хотели сначала похоронить на его родине, в селе Покровском, но, опасаясь возможных волнений в связи с отправкой тела через полстраны, приготовили место для погребения в Царском Селе, на той земле, которую купила Вырубова.

«Епископ Исидор отслужил заупокойную обедню (чего не имел права делать) и отпевание. Говорили после, что митрополит Питирим, к которому обратились об отпевании, отклонил эту просьбу. В те дни была пущена легенда, что при вскрытии и отпевании присутствовала Императрица, что дошло и до Английского посольства. То была типичная очередная сплетня, направленная против Императрицы», – вспоминал Спиридович.

«Когда Распутин умер, то в день его ночных похорон я был вечером у владыки и понял, насколько ему был тяжел этот гнет Распутина, и я поддержал Осипенко в его убеждениях владыки не ехать на отпевание Распутина; отпевание Распутина совершил, по своему настойчивому требованию, сблизившийся с Распутиным и проведенный, по требованию Распутина, на место игумена тюменского монастыря, после отца Мартемиана, живший в Вятке епископ Исидор», – показывал Белецкий.

Слухи об Исидоре ходили не самые хорошие. «Еп. Исидор по длинному ряду скандальнейших похождений был притчею в нашем святительстве. Скандалы не раз приводили его к отрешению от викариатства и к заточению в монастырь. Это, однако, не помешало ему в последнее время пользоваться особым вниманием Царского. Там близость к Распутину покрывала какие угодно согрешения и даже преступления», – вспоминал протопресвитер Шавельский. Смиттен же в своем докладе писал о том, что «при Питириме и Раеве произошла позорная реабилитация большого друга Распутина и Вырубовой епископа Исидора Колоколова, который обвинялся в мужеложестве со своим келейником Флавианом и других преступлениях и который при Волжине определением Синода был сослан рядовым монахом в один из монастырей Казанской епархии с подчинением его настоятелю».

С Распутиным Исидор был хорошо знаком. Согласно данным полицейского наблюдения, которые приводит О. А. Платонов,

Исидор посетил его 54 раза. Принимала Исидора и Государыня. «Вчера прекрасно провела вечер… Был еще один епископ, старик, Его друг и притом "очень возвышенный", а потому его преследуют (Вятка) и обвиняют, будто он целуется с женщинами и т. д., – писала она Императору. – Он, подобно нашему Другу и по обычаю старины, целовал всех. Почитай апостолов – они всех целуют в виде приветствия. Ну, теперь Питирим послал за ним и выяснил полную его невиновность. Он несравненно выше митрополита по духу, с Гр. один продолжает то, что начинает другой, – этот епископ держится с Гр. с большим почтением. Царило мирное настроение… – это была чудная беседа!»

Но ни Императрицы, ни других членов Царской Семьи на проводимом Исидором отпевании не было.

«Гроб был уже опущен в могилу, когда мы пришли; духовник Их Величеств отслужил краткую панихиду, и стали засыпать могилу. Стояло туманное холодное утро, и вся обстановка была ужасно тяжелая: хоронили даже не на кладбище. Сразу после короткой панихиды мы уехали», – писала в мемуарах Вырубова.

«Это место находилось к северо-востоку от так называемой Елевой дороги Царскосельского Александровского парка, между парком и деревней Александровкой, у опушки леса. Оно было куплено А. А. Вырубовой для постройки на ней подворья. Там уже была приготовлена могила, куда гроб и опустили в присутствии священника Федоровского Собора отца Александра Васильева. Приехали порознь А. А. Вырубова и г-жа Ден. Было серое, морозное утро», – вспоминал Спиридович.

«21 дек. В 9 час. поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, который стоял уже опущенным в могилу. О. А. Васильев отслужил литию», – записал в дневнике Император.

«Никого из Свиты не было. Даже не было Дворцового Коменданта, которому своевременно доложили о заказе экипажей, – вспоминал Спиридович. – Императрица держала пук белых цветов. Отец Александр, духовник Их Величеств, отслужил литию. Царица поделилась с детьми и дамами цветами. Их бросали в могилу с землей. Стали закапывать. Их Величества отбыли во дворец. Государь сделал обычную утреннюю прогулку и начался прием министров.

Предупреждение генерала Воейкова сбылось. Через несколько времени могила была осквернена».

Между смертью Распутина и осквернением его могилы прошло три месяца. Эти три месяца оказались нашим

историческим водоразделом. В конце февраля Государь выехал в Ставку. Императрица писала ему письма, призывала к твердости, вспоминая иногда и умершего Григория:

«Что я могу сделать? Только молиться и молиться! Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя – так он еще ближе к нам. Но все же, как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос!»

«Солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир на Его дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас».

«Носи Его крест, если даже и неудобно, ради моего спокойствия».

Последние строки были написаны 2 марта 1917-го. В тот же день на станции Дно последовало отречение от престола…

Первоначально предполагалось, что Государь откажется в пользу сына. Но после того как Николай Александрович задал вопрос лечащему врачу о здоровье Наследника и о его будущем и получил однозначный ответ, что Цесаревич проживет год или два, изменил свое решение и отрекся в пользу брата. Трудно сказать, имела ли к решению Императора прямое отношение смерть Распутина, но пока Григорий был жив, он уверял Царя и Царицу, что их сын к шестнадцати годам полностью выздоровеет.

«Г. Е. Распутин, которому было дано Богом облегчать тяжкие страдания Цесаревича, предсказывал, что Он "годам к тринадцати-четырнадцати [т. е. в 1917—1918 гг.], будет крепок и здоров, и болеть больше не будет", – пишет С. В. Фомин. – Григорий Ефимович называл Его "великим Самодержавием". Он писал: "…Как не было такого Царя и не будет. […] Алексея очень в душе имею, дай ему расти, кедр ливанский, и принести плод, чтобы вся Россия этой смокве радовалась. Как добрый хозяин, насладились одним его взглядом взора из конца в конец". В 1914 г. Распутин на пожертвованные ему средства возвел в Верхотурском Николаевском мужском монастыре, где почивали мощи прп. Симеона Верхотурского, красивый дом, напоминавший древнерусский терем, предназначавшийся для Наследника Цесаревича Алексия, который, после ожидавшегося сюда сначала в 1914 г., а затем осенью 1917 г. паломничества Царственных Богомольцев, должен был остаться здесь на некоторое время для поправки здоровья, а, может быть, и окончательного исцеления».

Ничего из этого не сбылось. После смерти Распутина оставалась лишь официальная медицина, а она чудес не обещала.

Дальнейшее хорошо известно. Царская Семья была фактически арестована в своем дворце, были помещены в Петропавловскую крепость многие из царских министров, генералов и ближайших друзей Императорской Четы, а

Наследник до последних дней своей жизни продолжал болеть. Россия меж тем вступила в новую эпоху, но Распутин не был забыт. Вся ненависть, которая скопилась по отношению к нему и годами кое-как сдерживалась цензурой и властью, выплеснулась наружу. Как и при жизни, его ненавидели и левые, и правые.

«Проклятый мужик!.. Говорил Пуришкевичу – не убивайте, вот он теперь мертвый – хуже живого», – писал Шульгин в «Днях».

Ненавидели живого, не оставили в покое и мертвого. В марте 1917-го, в те самые дни, когда Император записал в дневнике, что «продолжал сжигать письма и бумаги», могила Распутина была разорена, а тело его сожжено и прах осквернен.«По деревянным доскам и балкам мы карабкаемся наверх, чтобы лучше разглядеть разрытую под самым срубом могилу старца, – вспоминал в советском журнале «Огонек» десять лет спустя, как происходило осквернение могилы, журналист Е. Лаганский. – Но уже опять смеркалось, и в черной зияющей под нами дыре ничего не видно. Я спускаюсь вниз, снимаю пальто и шляпу, чтобы удобнее пролезть в узкое отверстие, проделанное солдатами в основании сруба, откуда можно заглянуть в самую могилу. Однако несколько солдат уже опередили меня. Здесь темно, и только спички в руках солдат и зажженная лучина мерцающими огоньками освещает белесоватую массу на самом дне дыры. Глаз привыкает к темноте, и я несколько отчетливее различаю обстановку.

На небольшой глубине, аршина в полтора [105 см], в земле вырыто отверстие, шириною не более аршина [70 см], откуда виднеется развороченная свинцовая крышка гроба, открывающая покойника до груди. Лицо трупа совершенно почернело. В темной длинной бороде и волосах куски мерзлой земли, на лбу черное отверстие от пулевой раны.

Со всех сторон из гроба торчат куски пакли и распоротого полотняного савана. Голова покоится на шелковой кружевной подушке. Остальная часть туловища вместе с гробом еще покрыта землею: кап. Климову нужно было только убедиться в том, что найденный в. гробу покойник – есть именно Григорий Распутин.

Вследствие темноты и почерневшего лица покойника я затрудняюсь безошибочно определить в нем Распутина. Мало ли кто мог быть здесь погребен, тем более что весьма осведомленные лица говорили, что труп Распутина отправлен на его родину. Мной овладевают сомнения, и глаза в этом мрачном подземелье невольно ищут доказательств. Внезапно я получаю их. Сомнений больше нет. Под бородой я замечаю какой-то широкий квадратный блестящий предмет, наклоняюсь со спичкой и вынимаю небольшую деревянную икону Богородицы, без всяких

украшений и оправы. На белой оборотной стороне иконы, посредине, под инеем, покрывшим дерево иконы, отчетливо видны следующие, в стихотворном порядке сделанные карандашом надписи:

Александра.
Ольга.
Татиана.
Мария.
Анастасия.

С левой стороны в углу датировано: 11-го Дек: 1916 г. Новгород.

В правом углу доски также карандашом сделанная надпись как бы дрожащей рукой: Анна (Вырубова).

На солдат моя находка производит большое впечатление. Слышны меткие остроты и иронические замечания. Кап. Климов просит меня отдать ему икону для передачи коменданту Царского Села подполк. Мацневу. Как ни жалко расстаться с этим "историческим" документом, подчиняюсь необходимости. Между тем слух о находке трупа быстро распространяется по городу и среди гарнизона, отовсюду, по узкой тропинке, среди вековых деревьев парка, видны торопливые фигуры солдат, спешащих к Серафимовской часовне. Подходят и обыватели».

Что касается иконы с именами Государыни и царских дочерей, то известно, что положила этот образ в гроб Распутина не сама Императрица, а Акилина Лаптинская, хотя неясного в этой истории остается все равно много. По сведениям, сообщенным следователем Н. А. Соколовым, при захоронении Григория присутствовала не вся Царская Семья, а только Александра Федоровна, Татьяна, Мария и Анастасия, Ольги не было. Она, «может быть и смутно, понимала отраву распутинского яда», – писал Соколов (по другим источникам – Великая Княжна не могла простить Распутину того, что он расстроил ее брак с Великим Князем Дмитрием Павловичем).

Тем не менее версия об отсутствии Великой Княжны Ольги Николаевны на похоронах и ее неприязненном отношении к Распутину опровергается записями из ее дневника, которые цитирует С. В. Фомин.

«Суббота 17 декабря. Весь день сидели с Мамой. Отец Григорий с ночи пропал. Ищут везде. Ужасно тяжело».

«Понедельник 19-го дек. Окончательно узнали, что отец Григорий убит, должно быть, Дмитрием и брошен с моста у Крестовского. Его нашли в воде. Как тяжело и писать не стоит. Сидели и пили чай с Лили и Аней и все время чувствовался отец Григорий с Нами».

«Среда 21 декабря. В 9 ч. мы и Папа и Мама поехали к месту Аниной постройки, где была отслужена лития и похоронили Отца Григория в левой стороне будущей церкви. Спаси, Боже Святый. Были только Аня, Лили, Акилина, Феод. Степа., Жук, полк. Мальцев, архитект. и священн.».

Великая Княжна Мария Николаевна записала: «Были 4 с Папой и Мамой и др. на похоронах Григория».

Таким образом, из членов Царской Семьи не было на похоронах только Цесаревича Алексея. И не успели приехать, судя по всему, жена Григория Прасковья и сын Дмитрий.

Но вернемся к судьбе распутинских останков. Несколько дней гроб с телом простоял в специальном вагоне, а после был сожжен.

«С помощью студентов-милиционеров и конюхов, привезенных мною, мы стали рубить березки для костра и обливать бензином, натащили привезенной бумаги.

Из-под снега тем временем был вырыт гроб.

Плотная массивная цинковая крышка была открыта и, несмотря на мороз, смрад разложения неприятно ударил в нос.

В лучах огня занимавшегося костра я увидел теперь совершенно открытым и ясным сохранившееся лицо Григория Распутина. Выхоленная жиденькая борода, выбитый глаз, проломленная у затылка голова. Все остальное сохранилось.

Руки, как у живого. Шелковая рубашка в тканных цветах казалась совсем свежей».

«Запылал костер. Металлический фоб был при помощи кирок разбит. При свете луны и отблеске пламени показалось завернутое в кисею тело Распутина. Труп был набальзамирован. На лице видны следы румян. Руки были сложены крестообразно. Пламя быстро охватило труп, но горение продолжалось около двух часов».

«Труп Распутина вынули из гроба. Он оказался набальзамированным и, по уверению одного из очевидцев, лицо Распутина было нарумянено. Труп и костер были обильно политы бензином и подожжены. Это было часов в 5 утра, и только через несколько часов сожжение было окончено».

Именно в эту пору Николай Гумилев написал от имени убиенного Григория:

Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите…
Кто защитит сироту?

Писали об уничтожении останков Григория много, но,

пожалуй, самое выразительное, хотя и беллетризованное описание можно найти в книге В. А. Возчикова, Ю. Я. Козлова и К. Г. Колтакова «Костер для "святого черта"», вышедшей несколько лет назад в Бийске. Авторы книги пересказывают здесь свидетельство одного из участников тех событий – Михаила Николаевича Шабалина:

«Установили гроб на штабель, отошли… На сердце – беспокойно: он хоть и мужик, Распутин, но все ж православный, христианин…

И опять не вспомнить: Купчинский ли Филипп Петрович или Кочадеев Владимир Павлович спичкой чиркнул… Оба они колдовали у основания штабеля дров, оба одновременно – в два факела – стали поджигать со всех сторон. Вспыхнули соломкой гладкие досточки, воспламенили мелкий сушняк. Пронеси и спаси!..

Выше, выше языки пламени… Освещенный дым густыми клубами потянулся в небо. Послышался утробный треск – это огонь проник в глубь штабеля, расправляет плечи. И уже высветился уголок леса – угрюмый, настороженный. И гроб высветился, неестественно засверкал в огне полированными боками…

Неужели бессильно пламя?.. Тогда и впрямь поверишь в Гришкино могущество, неземную мощь его влияния.

– Михаил! – кто-то из студентов дернул Шабалина за рукав, разогнал оторопь. – Катись оно, это зрелище. Айда за сушняком!..

– Как? Еще?.. – и увидел, что черный силуэт гроба уже объят легким невесомым пламенем и накренился, как тонущий корабль. Еще миг – и из него вывалится…

Теперь пришлось отходить от костра дальше. Высушенные морозом березы и елки кучей легли на гроб…

Шабалин опять побрел за сушняком, потом еще, еще. Вспомнилась сердобольная старушка, по простоте душевной подбросившая в костер инквизиции свою хворостинку.

Стало светать. Часы Купчинского показывали шесть. Измученные студенты валились с ног, а огромная грудь старца не хотела гореть. Вот уже и семь утра наступило…

Ротмистр решительно приблизился к костру, с силой ударил штыковой лопатой в ком, оставшийся от груди. Еще, еще… Ком стал разваливаться. Смрад паленого шибанул по ноздрям… Кто-то из студентов взял вторую лопату:

– Прости, Григорий Ефимович!..

Около восьми утра они разрубили останки того, кто недавно был всемогущим Распутиным.

Потом таскали снег, "заливали" костер, откидывали чадящие

головни. Около девяти перекопали оттаявшую на штык землю, в девять пятнадцать уже ехали в город. А в десять родился документ, короткая записка, унизительная для человека, каким бы он ни был, как бы ни грешил в жизни:

«Мы, нижеподписавшиеся, между 7 и 9 часами утра совместными силами сожгли тело убитого Григория Распутина, перевезенное на автомобиле уполномоченным временного комитета Государственной думы Филиппом Петровичем Купчинским в присутствии представителя Петроградского общественного градоначальника ротмистра 16 уланского Новоархангельского полка Владимира Павловича Кочадеева. Самое сожжение имело место около большой дорогу от Лесного в Пескаревку, в лесу при абсолютном отсутствии посторонних лиц, кроме нас, ниже руки приложивших:

Кочадеев, Купчинский. Студенты Петроградского политехнического института:

С. Богачев, Р. Яшин, С. Пиро… Н. Моклович, М. Шабалин, В. Вакулов. Печать круглая: Петроградский политехнический институт, начальник охраны. Приписка ниже: акт был составлен в моем присутствии и подписи расписавшихся удостоверяю. Прапорщик Парвов».

«Пепел рассеян по полю и засыпан снегом, – ликовали в «Биржевых ведомостях». – Когда придет настоящая весна – вешние воды смоют и пепел, и грязь, и, может быть, буйные всходы новой жизни вытеснят из нашей памяти и самое имя Распутина».

«Бульварные газеты полны царских сплетен. Нашли и вырыли Гришку – в лесу у Царского парка, под алтарем строящейся церкви. Отрыли, осмотрели, вывезли, автомобиль застрял в ухабах где-то на далеком пустыре. Гришку выгрузили, стали жечь. Жгли долго, остатки разбросали повсюду, что сгорело дотла – рассеяли.

Психологически понятно, однако что-то здесь по-русски грязное», – записала З. Н. Гиппиус, заранее опровергая нынешние популярные версии о нерусском характере этой мести. И то неприятное ощущение, на котором поймала себя яростная противница Распутина, неслучайно.

Глумление над останками Распутина открыло дорогу кощунству в куда более страшных масштабах. Может быть, именно поэтому никакие вешние воды и свежие всходы имя сибирского странника из нашего сознания не вытеснили. Напротив, чем дальше отстояла от потомков его смерть, тем чаще они к ней возвращались, стремясь постичь ее подспудный смысл и находя ему самые разные объяснения.

«Но как же похожа эта смерть-предсказание на блаженную кончину Царственных мучеников, в точности повторивших таинственный смертный путь своего Друга! То же нисхождение в зловещий подвал, тот же труп убитой собаки, подбрасываемый рядом с Их Честными Телами, то же сожжение окровавленных одежд, перезахоронение и сожжение тел. И те же попытки изуверов вот уже на протяжении 70 лет всеми способами и средствами скрыть, затемнить картину происшедшего на месте убиения, несмотря на казалось бы достаточное количество свидетельских показаний и улик, продолжающую оставаться неясной», – написал уже в наше время один из самых самозабвенных сторонников Распутина А. А. Щедрин (Николай Козлов). Но, пожалуй, самую гневную оценку произошедшему в марте 1917 года с телом Распутина дал историк-монархист С. В. Фомин:

«Следует определенно заявить, что именно по прямому указанию министра *юстиции* и с одобрения прочих временщиков был совершен акт осквернения могилы. При этом было совершено святотатство: из гроба украли, а впоследствии продали икону Божией Матери. Преступники открыто глумились над телом православного, уже представшего на суд Божий. Наконец, тело кощунственно сожгли. Обо всем этом открыто писали газеты, смакуя грязные подробности. Все это Великим Постом. И никаких протестов со стороны церковной иерархии, Св. Синода, насколько известно, не последовало. Впрочем, так же, как и в связи с арестом и содержанием под стражей Православного Царя, Царицы, Наследника Цесаревича (тяжко больного мальчика), юных Царевен. (Так чего же мы хотим после всего этого, православные?!!) Но на сей счет существовали (не будем говорить о государственных) законы церковные. 66-е правило св. Василия Великого, например, «повелевает на десять лет отлучать от святого причащения раскапывающего гробы (т. е. того), кто открывает гробы и похищает то, что кладется с мертвыми». Осуждение гробным татям содержится и в 7-м правиле св. Григория Нисского. В алфавитной Синтагме Матфея Властаря читаем: «Раскапывающие гробы и обнажающие тела умерших, если делают это с оружием в руках, подвергаются смертной казни; а если без оружия – ссылаются в рудники. Раздевающие мертвых во гробах должны быть наказываемы отсечением рук. Передвигающие останки или кости, – если простые люди, подвергаются крайнему наказанию, а если знатные, то заточаются или ссылаются в рудники. Останки умерших не должно осязать или раздевать. Никто не должен без царского повеления переносить человеческое тело в другое место».

Все это в полной мере относится и к "героям" нашего повествования. И если по изворотливости преступников, нерадивости и лукавству тех, кому было положено от Господа надзирать за порядком, они смогли избежать земного осуждения, то *неотвратимый, неподкупный* и *справедливый* Суд Божий не дано обойти никому».

Что на все это сказать?

Распутина действительно убили злодейским способом и мерзко надругались над его телом. Можно сколько угодно спорить о том, какой была его жизнь, но едва ли подлежит обсуждению его смерть. Она была мученической и, как знать, возможно, искупившей его грехи. Это уже находится вне области наших суждений, для нас очевиднее иное. Убийство Григория Распутина в ряду многих других причин привело к падению монархии, которое в свою очередь открыло путь к разгулу великой русской смуты XX века, перекинувшейся на век XXI. Но то, что открылось нам почти столетие спустя, едва ли прочитывалось в те месяцы весенней эйфории 1917 года, когда Россия ликовала и радовалась свободе. В ту пору гибель Распутина помещалась в совсем другой исторический контекст, оттого и отношение к его телу было столь неуважительным.

Прокурор Завадский, проводивший следствие по делу об убийстве Распутина, писал в мемуарах: «У А. Ф. Керенского в служебном кабинете я видел своеобразный протокол, составленный добровольцами революционного движения, расходовавшими свою энергию на явные пустяки: протокол этот удостоверял, что Гришка Второй был вырыт и сожжен, как и Гришка Первый в оны годы[65], также перед началом длительной русской смуты».

И Синод Русской Церкви не протестовал против глумления над телом Распутина, потому что усердно занимался тем, что изгонял из Церкви его дух.

«После революции могила и прах его были уничтожены.

Так трагически кончилась эта печальная страница.

Один из выдающихся архиереев на интимный вопрос верующего дворянина из выдающейся старой родовитой семьи Б. ответил ему в том смысле, что так-де и нужно», – написал в мемуарах митрополит Вениамин. И кто бы ни подразумевался под сим выдающимся архиереем[66], одобрившим расправу не только над Распутиным, но и его останками, это оценка выражала общее церковное настроение.

Отрицательное отношение к Распутину, уверенность в том, что он сыграл ужасную роль в делах Церкви и в назначении последнего обер-прокурора, несомненно стали одной из причин

того, что когда за несколько дней до Февральской революции обер-прокурор Раев предложил Синоду выступить с обращением к народу поддержать монархию, члены Синода сделать это отказались, а февральский переворот и отречение от престола не только Государя Николая Александровича, но и его брата Михаила однозначно и практически единодушно поддержали.

Весной 1917 года отношение к Распутину и отношения с Распутиным по сути стали критерием достоинства того или иного клирика или мирянина. Когда на Поместном соборе 1917 года обсуждалась кандидатура Московского митрополита, то из 800 голосов 303 получил, заняв второе место после митрополита Тихона и опередив с колоссальным отрывом многих архиереев, в том числе архиепископа Новгородского Арсения и Финляндского Сергия, Александр Дмитриевич Самарин, который не был не только епископом, но даже духовным лицом. Однако многие участники съезда, как писала газета «Русское слово», «определенно высказывались за кандидатуру мужественного борца с распутинством на обер-прокурорском посту А. Д. Самарина». Точно так же протопресвитер Шавельский исключительно благодаря своей антираспутинской позиции стал в дальнейшем (равно как и Самарин) одним из 25 претендентов на звание патриарха.

Были возвращены из ссылок епископ Гермоген и протоиерей В. И. Востоков. О последнем в «Русском слове» писали: «8 марта в Епархиальном доме состоялось собрание Московского духовенства и преподавателей духовно-учебных заведений <…> В. И. Востоков признал необходимость, чтобы лица, замаравшие себя в грязи распутинства, были смещены со своих должностей. Им следует сказать: "Руки прочь!" <…> На собрании было прекращено дело В. И. Востокова».

Однако на антираспутинской волне не только восстанавливалась справедливость. И люди выдвигались не только достойные. Одним из самых ужасных символов «демократических преобразований» в Церкви весной 1917 года стал новый (и последний) в нашей церковной истории обер-прокурор Синода кн. В. Н. Львов, до низости которого не опускался ни один из «распутинских ставленников»: ни Саблер, ни Раев.

«Досадуя на то, что ему не поручали правительственной должности, о которой он мечтал, Львов приписывал свою неудачу зловещему влиянию Распутина. В довоенные годы и во время войны он активно распространял более или менее преувеличенные слухи о значении при Дворе "темных сил", возглавляемых Распутиным. Этого оказалось достаточно, чтобы

Первое Временное Правительство назначило его обер-прокурором Синода, – писал историк Г. М. Катков. – Львов воспользовался своим положением, чтобы отомстить тем епископам, которых он считал бывшими сторонниками Распутина, и внушить страх остальным».

«По инициативе синодального обер-прокурора В. Н. Львова при Св. Синоде предлагается учредить следственную комиссию для расследования некоторых дел в области церковного управления, – сообщала 8 апреля 1917 года газета «Новое время». – На комиссию будет возложена задача выяснить ту роль, которую вообще играл в делах нашего церковного управления Г. Распутин, и принять все меры к ликвидации следов его влияния. Во главе комиссии предполагает стать сам синодальный обер-прокурор В. Н. Львов».

Так были подвергнуты опале иерархи, находившиеся под подозрением в особых отношениях с Распутиным. В том числе это касалось и иерархов достойных. С Московской кафедры удалили митрополита Макария. «Митрополит Московский, бывший архиерей Тобольский, Макарий, старец благочестивейшей жизни и миссионер Сибири, должен был уйти со своего поста как человек, которому ставили в вину несопротивление Распутину. На его место потом избрали Тихона, впоследствии патриарха», – вспоминал митрополит Вениамин (Федченков).

«…обер-прокурор, прибыв на митрополичье подворье в Петрограде с вооруженной стражей, вечером вошел в комнаты Митрополита и, подозвав меня к себе жестом руки, выкрикивал по адресу моему: "Распутинец! Распутинец!", – описывал, как это происходило, сам митрополит Макарий. – Потом, пригрозив Петропавловской крепостью, потребовал, чтобы я тотчас садился писать прошение в Святой Синод об увольнении меня на покой. Требование мною молчаливо было исполнено».

О Макарий и об отношении к нему сменившего его на этом месте митрополита Московского Тихона (будущего патриарха) существует свидетельство, принадлежащее Б. Царевскому и опубликованное в 1918 году в книге «Соборный разум»:

«По его мнению, если бы всеми уважаемый старец-митрополит и был виноват в том соприкосновении со "старцем" Распутиным, в котором его обвинял этот барин, на время надевший красную рубашку (Львов), не ему все же выступать с обличениями и кричать и топать ногами на святителя.

– Зачем преосвященный Макарий все-таки подал прошение об отставке? – заметил я.

– То-то все мы лакеи! – с горечью воскликнул владыка. – Веками унижений приучены к покорности! Ну да не все, слава

Богу! Скорее бы конец всему этому!

Последние фразы были связаны с такой глубокой горечью, что я искренно покаялся в душе, что неосторожно затронул его наболевшие раны».

С Тобольской кафедры за связь с Распутиным удалили архиепископа Варнаву, который, впрочем, если верить Ордовскому-Танаевскому, о смерти своего благодетеля отозвался довольно грубо: «Собаке и собачья смерть», а сам служил в первые дни Февральской революции с красными бантами на посохе и плечах, что не спасло его от увольнения, и в дальнейшем от ареста уже при большевиках. По причине репутации «распутинца» отправили на покой Тверского епископа Серафима (Чичагова), будущего священномученика, и архиепископа Владимирского Алексия (Дородницына).

Об Алексии писал митрополит Евлогий: «После революции паства из Владимира прогнала его за дружественные отношения с Распутиным: он поднес Распутину книгу с надписью "Дорогому, мудрому старцу"».

Сам Алексий все это отрицал. «Распутина я никогда не видел и лично не был с ним знаком, никогда ни с какой просьбой к нему не обращался ни письменно, ни через третьих лиц. Но сам Распутин упорно домогался знакомства со мной, выступая предо мною ходатаем за разных лиц… Распутина и распутинство я всегда ненавидел и несколько лет боролся с ним» – такое заявление опубликовал он 18 марта 1917 года в газете «Новое время». Тем не менее 8 мая Чрезвычайный съезд духовенства и мирян Владимирской епархии единогласно постановил: «Удалить архиепископа Алексия из Владимирской епархии… как члена "Союза рус. народа" и связанного с Распутиным, за деспотическое управление и дерзкое обращение с духовенством… Архиепископ Алексий настраивает против нового правительства, читая свои проповеди, в которых называет новое правительство проклятым, оно создано не от Бога, а от самого сатаны».

Но самой жестокой оказалась расправа победившего народа с митрополитом Питиримом. «В Петрограде был немедленно удален (и, кажется, его везли по Невскому на троне, с позором) митрополит Питирим». Дополнил это воспоминание митрополита Вениамина А. К. Светозарский в примечаниях к мемуарам владыки: «Митрополита Питирима в полном святительском облачении посадили в разбитый автомобиль и с гиканьем и криками целый день возили по городу».

«Пришел Карташев, тоже в волнении и уже в экстазе… "Сам видел, собственными глазами. Питиримку повезли! Питиримку взяли и в Думу солдаты везут!" Это наш достойный митрополит,

друг покойного Гриши», – записала в дневнике Гиппиус 28 февраля.

А между тем иные из обличителей Питирима вели себя после революции едва ли более достойно, чем он, даже если и считать Петроградского владыку распутинским ставленником. Историк М. Бабкин собрал партийные речи отдельных русских архиереев весной 1917 года. Вот что, например, говорил епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов) на собрании кадетской партии 12 марта 1917 года, и в его речах мы встречаемся с хорошо знакомыми нам лицами: Государем, Государыней, Распутиным, Протопоповым, Милюковым:

«Господа, я всегда уважал и уважаю английскую конституционную монархию и считаю этот образ правления наилучшим, но не для нас, не для нашего государства. И потому я – за Российскую республику. Наши многие русские монархи, и особенно последний из них, Николай II со своею супругою Александрою, так унизили, так посрамили, опозорили монархизм, что о монархе, даже и конституционном, у нас и речи быть не может. В то время как наши герои проливали свою драгоценную кровь за отчизну, в то время как все мы страдали и работали во благо нашей родины, Ирод упивался вином, а Иродиада бесновалась со своими Распутиными, Протопоповыми и другими пресмыкателями и блудниками. Монарх и его супруга изменяли своему же народу. Большего, ужаснейшего позора ни одна страна никогда не переживала. Нет, нет – не надо нам больше никакого монарха. Самое слово "монарх" теперь для нас странно… Изберут вел. кн. Михаила или Николая Николаевича, поставят одного из них конституционным монархом, а у него, смотришь, те же родные люди, те же пойдут друзья и приспешники. Начнется опять та же, пусть себе сначала в меньшей степени, камарилья, свистопляска, чехарда… Я, повторяю, глубоко уважаю английский образ правления, конституционную монархию, но она – не для нас; я – за республику, за совершенно новый и для нас наилучший образ правления…

…Досточтимый Павел Николаевич Милюков, председатель Партии народной свободы, когда его спросил народ, какой же у нас будет образ правления, ответил, что это – дело Учредительного собрания, а по мнению Думы – конституционная монархия. Ответ его понятен…

Итак, господа, на знамени нашей партии я написал бы такие слова: 1) полное доверие новому правительству; 2) решительная победа над немцем; 3) Учредительное собрание и 4) Великая Российская Республика».

Протоиерей Федор Дмитриевич Филоненко, ставший опять-таки на антираспутинской волне членом Синода, выступая 9 марта 1917 года в Думе, в той самой Думе, где тремя годами раньше он громил Григория Распутина, говорил:

«Дорогие братья!

Темные силы цезарепапизма, державшие церковь Христову в тяжелых тисках гнета и насилия, – рухнули. Совесть русского православного духовенства и всех православных чад церкви отныне свободна.

Приветствую вас, дорогие братья, с этой зарей свободы, несущей благо и счастье родной стране и церкви.

Возблагодарим Господа Бога за Его милость к нашей родине и церкви Христовой и помянем добрым словом всех борцов и подвижников за свободу. Но не будем скрывать от себя, что церковь наша и духовенство находятся в тяжелом положении. Вековой гнет прежнего режима, подорвав и плодотворную работу церкви, сковал ее силы, разрознил их, придушил. Белоснежная риза церкви загрязнена кощунственными его руками. На церковь нашу и ее служителей весьма многие смотрят подозрительно, враждебно, недоверчиво.

Дорогие братья! По праву скромного борца за свободу церкви обращаюсь к вам с братским призывом.

Отбросим далеко прочь, искренно и раз навсегда все наслоения и остатки ветхого человека, облачимся в новые ризы правды, любви Христовой и начнем строить новую, свободную жизнь в свободной русской стране для блага церкви.

Вы, петроградское столичное духовенство, сплотитесь и соединитесь во имя любви Христовой, во имя осуществления высоких евангельских начал. И пусть отныне ничто не мешает идти вам по этому пути.

Несите свою открытую душу, свое свободное пастырское благовестие прежде всего ко всем приниженным, угнетенным насилиями и удушливым гнетом прежнего строя, к тем, кто ковал нашу нынешнюю свободу, кто боролся за благо и счастье родины. У них еще много горьких осадков пережитого, ужасного прошлого. Я уверен, что наша сплоченная, искренняя, исполненная мира и братства деятельность рассеет и победит эти осадки. Среди вас есть еще старые бойцы за свободу церкви, которые 12 лет тому назад объединились в числе 32-х вокруг Григория Петрова.

И в настоящий великий исторический момент возьмите снова инициативу в свои руки и бодро идите во имя обновления церкви. Вы, столичное духовенство, явите светлый пример для православного духовенства всей остальной России.

Бог в помощь, дорогие братья!»

И недоброй памяти священник Григорий Петров, и дело обновления Церкви, и вся либеральная риторика речей отца Феодора – все это лишний раз доказывает, что в борьбу с Распутиным включались не самые рассудительные и мудрые пастыри. Разумеется, судить по запальчивым либо просто кощунственным выступлениям отдельных лиц о позиции всей Церкви нельзя. Но ведь и куда более авторитетные русские иерархи на первых порах поддержали революцию, и именно Григорий Распутин и вся связанная с ним история были одной из ключевых тому причин.

«В настоящую историческую минуту не могу не высказать несколько слов, быть может, и нескладных, но идущих от сердца. Господин обер-прокурор говорит о свободе Церкви, – держал речь 4 марта 1917 года архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) на первом заседании Святейшего синода при Временном правительстве в ответ на объявление обер-прокурором Львовым о предоставленной Церкви правительством «свободе от цезарепапизма». – Какой прекрасный дар! Свобода принесена с неба Спасителем нашим и Господом: "Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете" [Иоан. 8, 36]; она выстрадана апостолами, куплена кровью мучеников. И великий дар свободы стоит испытаний и страданий. Двести лет Православная Церковь пребывала в рабстве. Теперь даруется ей свобода. Боже, какой простор! Но вот птица, долго томившаяся в клетке, когда ее откроют, со страхом смотрит на необъятное пространство; она не уверена в своих силах и в раздумье садится около порога дверец. Так чувствуем себя в настоящий момент и мы, когда революция дала нам свободу от цезаре-папизма… Великий дар свободы куплен и приобретается всегда ценой испытаний. Утверди, Господи, Церковь Твою!»

О пресловутом цезарепапизме размышляли не только правящие архиереи, но и, шире, религиозно настроенная и религиозно задумывавшаяся интеллигенция.

«Отчего рухнуло царское самодержавие в России? Оттого что оно стало идолом для русского самодержца, – говорил, выступая на заседании Религиозно-философского общества в апреле 1917 года, Е. Н. Трубецкой. – Он поставил свою власть выше церкви, и в этом было самопревознесение и тяжкое оскорбление святыни. Он безгранично верил в субъективное откровение, сообщающееся ему – помазаннику Божию – или непосредственно, или через посланных ему Богом людей, слепо верил в себя как орудие Провидения. И оттого он оставался слеп и глух к тому, что все видели и слышали. Отсюда эта армия темных сил, погубивших

его престол, и вся эта мерзость хлыстовщины, которая вторглась в церковь и государство. Повреждение первоисточника духовной жизни – вот основная причина этого падения.

В крушении старого порядка, которое было этим вызвано, выразился суд Божий не над личностью несчастного царя, а над тем кумиром, которому он поклонялся.

Кумир этот – не им создан: церковь издавна находилась в плену у самодержавия. Цезарепапизм – изначальный грех нашего церковно-государственного строя. Мы привыкли к этому рабству».

Наконец, недавно стало известно, что епископ Никон (Рождественский), тот самый, кто принимал участие в ликвидации «афонской смуты», – далее цитируем по статье И. В. Лобановой «Восстановление патриаршества в России в контексте политических событий начала XX века», – «был разочарован последним российским императором. По свидетельству проф. А. Д. Беляева, незадолго до революции, в январе 1917 г., он сетовал в беседе с ним, что император занимается спиритизмом, вызывает дух Распутина».

Все это означает лишь то, что распутинская легенда гуляла не только среди легковерной и легкомысленной толпы и светской черни. Она затронула Церковь, в том числе и достойных ее предстоятелей. Но таковой была трагическая реальность нашей истории, которую нет нужды ни хулить, ни приукрашивать, а надо принимать как данность, не забывая о том, что пастыри и архипастыри, более других пострадавшие от «царского режима» и, соответственно, от Григория Распутина, отнеслись к революции куда менее восторженно.

«Я ни благословляю случившегося переворота, ни праздную мнимой еще "пасхи" (вернее же мучительной Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душою духовенства и народа, ни лобызаю туманное и "бурное" лицо революции, ни в дружбу и единение с ней не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божьей, завтра», – говорил о наступившем времени «свободы» освобожденный и получивший Тобольскую кафедру епископ Гермоген.

Еще более резко высказался на Поместном соборе 1917– 1918 годов протоиерей Владимир Востоков: «Собор должен сказать, что в феврале-марте произведен насильственный переворот, который для православного христианина есть клятвопреступление, требующее очищения покаянием <…> Мы знали историческую идею, которая шестьсот лет растила могучую Россию. И эту-то идею в марте прошлого года одни затоптали, заплевали, другие ее не защищали, а опасливо ее замолчали. Нам нужно было тогда

же возвысить голос против ложного пути, на который масонство бросило несчастную страну, но мы этого не сделали, и вот мы дожили до кровавого крещения…»

«Будем умолять Его Всещедрого, да устроит Сам Он власть и мир на земле нашей, да не оставит Он нас надолго без Царя, как детей без матери. Да поможет Он нам, как триста лет назад нашим предкам, всем единодушно и воодушевленно получить родного Царя от Него Всеблагого Промыслителя», – призывал епископ Пермский Андроник, но до этого времени Россия пока что не дожила.

ЭПИЛОГ
Судьбы

Земной путь Григория Ефимовича Распутина-Нового завершился, тело его было сожжено и прах развеян по ветру, но распутинская легенда продолжала жить. Об этой посмертной легенде можно было бы написать еще одну книгу. Написать о тех мемуарах, действительных и фальсифицированных, которые появились на свет после 17 декабря 1916 года. О книгах, фильмах, спектаклях, которые создавались и продолжают создаваться по всему миру. О стихах, поэмах, судебных процессах, исках, тиражах, песнях популярных рок-групп. Но это будет другая книга. А в этой, завершив повествование о судьбе Распутина, остается рассказать об остальных ее героях – тех, кто Распутина любил или ненавидел, кто с ним боролся или обращался к нему за помощью, пытался использовать его в своих интересах или верой и правдой ему служил. Этих людей, так или иначе с тобольским крестьянином связанных, было очень много – сотни, может быть, тысячи человек. Судьбы одних из них известны очень хорошо, судьбы других – гораздо хуже.

Царская Семья. Ее последний путь знают сегодня все. Был ли в решении Керенского отправить Семью отрекшегося от престола русского Царя в родные края Григория Распутина некий умысел или это простое совпадение, доподлинно неизвестно. Да, наверное, и не столь важно. Существует легенда, что Распутин предсказывал Государю этот путь и говорил, что Николай обязательно увидит его родину. Об этом писала Юлия Ден.

«Они должны приехать, – сердито проговорил крестьянин. Спустя несколько минут он произнес пророческие слова: – Волей или неволей они приедут в Тобольск и, прежде чем умереть, увидят мою родную деревню».

Так и вышло.

«…нам не говорят, куда мы едем (узнаем только в поезде) и на какой срок, но мы думаем, это туда, куда ты недавно ездила – святой зовет нас туда и наш друг.

Не правда ли странно, и ты знаешь это место <…> главное, что мы еще в России (это главное), что здесь тихо, недалеко от раки св. Иоанна. Не удивительно, что мы именно здесь», – писала Императрица своей верной подруге Анне Александровне Вырубовой, которая за год до этого побывала в Покровском, Тобольске и Верхотурье.

И, пожалуй, только при прочтении этих строк и обнаружении

связи между Царской Семьей и последним святым, при Империи канонизированном, становится понятной та боль, которую испытывала, и то возмущение, которое высказывала Александра Федоровна, когда Синод отказывался прославлять Иоанна Тобольского, ожидая конца войны.

«Выяснилось окончательно: их везут в Тобольск <…> Государь очень побледнел и похудел. Императрица владеет собой и продолжает надеяться! Несмотря ни на что, рада ехать в домашнюю сферу "их дорогого друга". И Аня – святая, перед которой следует преклониться. Ничего не изменилось в ее менталитете, – записала в дневнике обер-гофмейстерина Е. А. Нарышкина. – Какое испытание и какое унижение! А они все переносят со стойкостью и кротостью святых».

«Выехав 14-го августа в 6 часов утра, 17-го вечером мы прибыли в Тюмень – на станцию железной дороги, наиболее приближенную к Тобольску. Через несколько часов после этого мы грузились на пароход "Русь". На другой день мы плыли мимо деревни – места рождения Распутина, и Семья, собравшаяся на мостике, могла созерцать дом старца, который ярко выделялся посреди изб. Это событие не было для них неожиданностью, так как Распутин это предсказал, и это стечение обстоятельств, казалось, еще раз подтверждало его пророческие слова», – писал в мемуарах Пьер Жильяр.

1917 год. *«6 августа.* Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского – родина Григория», – как всегда скупо, отметил Государь по дороге из Царского Села в Тобольск.

1918 год. *«14 апреля.* В с. Покровском была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна», – писал он на пути из Тобольска в Екатеринбург.

Между этими двумя записями семь месяцев жизни в доме тобольского губернатора, безропотное ожидание своей участи, домашние уроки детям, чтение книг, молитвы, нечастое посещение церковных служб, смена времен года и смена властей. И горькие записи в дневнике маленького Цесаревича, к которому вернулась его болезнь:

«Весь день прошел как вчера». «Весь день прошел как вчера». «22 градуса мороза, ураган. Все так же скучно». «Днем вертел маленькую палочку в руке, смотрел, как Папа работал на крыше, счищал снег, и как носят дрова в дом. Скука!!!»

Тринадцатилетний мальчик тяготился этим заточением едва ли не более всех…

В апреле 1918-го Царская Семья была разделена: Государь с

Государыней были вывезены из Тобольска раньше, а дети и слуги присоединились к ним позднее.

22 мая, в день Николая Чудотворца, их увидела на пристани в Тюмени Матрена Распутина.

«Какое счастье выпало на мою долю. Сегодня я видела детей случайно совершенно, – записала она в дневнике. – Пошла на пристань за билетами, вижу – стоит пароход, никого не пустили. Я пробралась к кассе чудом, и вдруг в окне парохода Настя и маленький увидели меня, страшно были рады».

Вспоминала о Распутине, его окружении и родне и Государыня. Об этом свидетельствуют как показания сосланных с нею людей, так и ее собственные письма.

«Тяжело быть отрезанной от всех дорогих, – обращалась она к Вырубовой 24 ноября 1917 года. – Я так рада, что Твой верный Берчик и Настя с Тобой, а где Зина и Маня? Отец Макарий, значит, тоже ушел в лучший мир? Но там он ближе к нам, чем на земле. Наши мысли будут встречаться в будущем месяце. Помнишь наше последнее путешествие и все, что случилось после. После этой годовщины, может быть, Господь смилуется над нами. Иза и девушки еще не приехали. Поцелуй от меня Прасковью и детей. Все целуют "Большого Бэби" и благословляют. Храни Бог. Не падай духом».

А в другой раз: «Я получила доброе письмо от Зины. Акилина в Киеве».

Многие имена здесь хорошо известны. Зина (Манштедт или Манчтет), Маня (Ребиндер) и Акилина (Лаптинская) входили в число самых ближайших распутинских поклонниц, Прасковья – жена, вернее, вдова Распутина. Отец Макарий, умерший в 1917 году, —тот самый монах из Верхотурья, который приезжал в Царское Село в 1909 году и которого ошибочно считали наставником Григория в молодости. Весной 1917 года им заинтересовалась демократическая власть.

«Поручаю своему товарищу Пигулевскому немедленно арестовать в Верхотурском ските Макария и заключить его под стражу, произведя самый тщательный обыск у него в келий. Имею на сей счет прямые указания товарища Скарятина. Начальник милиции в данном случае имеет беспрекословно повиноваться гр. Пигулевскому», – писал в своем приказе председатель комитета общественной безопасности города Верхотурье некто Беляев 19 апреля. Два месяца спустя Макарий скончался.

Примерно в это же время в Верхотурье была арестована и отправлена в Петроград Ольга Владимировна Лохтина.

Великая Княжна Татьяна Николаевна писала 9 декабря 1917 года Вырубовой, которую к тому времени выпустили из

Петропавловской крепости: «Передай, душка, привет Маре, сестре, О. В.[67] Попроси помолиться, целую ее и всех, кто помнит».

Распутинский кружок распался со смертью Григория, но память о человеке, которого считала святым, Государыня хранила до своих последних дней. Вырубова сообщала в мемуарах о том, что Их Величества «до последней минуты верили в его молитву и еще из Тобольска мне писали, что Россия страдает за его убийство». Письмо с такими строками действительно существует.

«17-го все молитвы и мысли вместе, переживаем опять все <…> Вспоминаю Новгород и ужасное 17 число и за это тоже страдает Россия. Все должны страдать за все, что сделали, но никто этого не понимает», – написала Императрица своей фрейлине год спустя после убийства Распутина, еще надеясь на то, что «после годовщины <…> Господь умилосердится над родиной», но больше ни с кем она мыслями о своем покойном друге не делилась.

«Только однажды Она говорила со мной про Распутина, и слова Ее были маловажные. Мы ехали на пароходе в Тобольск и, когда проезжали мимо села Покровского, Она, глядя в окно, сказала мне: "Вот здесь Григорий Ефимович жил. В этой реке он рыбу ловил и Нам иногда в Царское привозил"», – рассказывал камердинер Николай Волков.

«Он прямо поразителен – такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну, но поражаюсь, глядя на Него. Все остальные члены семьи такие храбрые и хорошие и никогда не жалуются, – такие, как бы Господь и наш Друг хотели бы», – писала Императрица Вырубовой о детях и самом дорогом для них обеих человеке – Императоре Николае Александровиче, соотнося их мужественное поведение ц,гипотетической оценкой Распутина.

Комендант Ипатьевского дома Я. М. Юровский в своей записке о расстреле Царской Семьи и сокрытии трупов указывал на то, что «на шее у каждой из девиц оказался портрет Распутина с текстом его молитвы, зашитые в ладанку».

Это обстоятельство уже в наши дни было подхвачено сторонниками Распутина как еще одно доказательство его святости. «Перед миллионами русских верующих во всей своей неприкрытой остроте встал вопрос о том, как совместить в сознании образ вечно пьяного и похабного мужика с остатками пищи в бороде и Царственных мучеников, Государя, Царицу, прекрасных и чистых Царственных дочерей, поистине агниц без пятна и порока, принявших смерть с образками и молитвой этого "пьяницы", спрятанными у самого сердца, – вопрошал Ф. Козырев и продолжал: – Кто был слеп – они, непорочные, мужественные,

прекрасные, или мы… Вот центральный пункт всех споров о Распутине».

Вопрос, может быть, и резонный, но следует заметить, что фраза о портрете Распутина была, во-первых, вписана в машинопись от руки, а во-вторых, версий воспоминаний Юровского существует по крайней мере пять. Как писал Н. Г. Росс о записке, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации, в 601-м фонде, где и говорится о портретах Распутина, то «именно на этом экземпляре "Записки" находятся загадочные приписки от руки». И далее: «Теперь благодаря доктору исторических наук Ю. А. Буранову известно, что машинописный текст "Записок" собственноручно надписывал историк М. Н. Покровский».

В других материалах, например, в выступлении Юровского в феврале 1934 года на совещании старых большевиков по вопросу о пребывании Романовых на Урале, о ладанках с портретами и молитвами Распутина ничего не говорится, а потому нельзя исключить, что эта фраза была специально вставлена, с тем чтобы через Распутина лишний раз дискредитировать Царскую Семью – способ, вольно или невольно широко используемый и поныне, в том числе и теми, кто искренне желает послужить памяти о семье страстотерпцев, а на деле их только дискредитирует.

Более точным следует считать тот факт, что после расстрела Царской Семьи в подвале Ипатьевского дома было найдено 57 икон, принадлежавших царственным страстотерпцам, и три из них оказались подаренными Распутиным. Об этом сообщается в книге генерала М. К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале», он же приводит отредактированные тексты надписей на этих иконах:

«а) на иконе с изображением лика Спаса Нерукотворного в 1908 году Распутин написал: "Здесь получишь утешение";

б) на иконе Благовещения Пресвятой Девы в 1910 году им написано: "Бог радует и утешает (о чем) извещает (как и об этом) событии (и в) знак дает цвет";

в) на иконе с изображением Божьей Матери "Достойно Есть" в 1913 году Распутиным написано: "Благословение достойной Именинице Татьяне на большую любовь во христианстве, а не в форме".

Надписи приведены в исправленном виде; Распутин же пишет страшно безграмотно, соединяя иногда два-три слова в одно, а иногда, как это видно на второй иконе, пропускает слова, отчего разобрать его рукописи довольно трудно».

А далее следовал такой авторский комментарий: «Не касаясь совершенно в настоящей части этой книги значения Распутина

как оружия, выдвинутого определенными партиями и кругами общества для своих гнусных политических целей, о чем будет речь в третьей, последней части этой книги, здесь, исходя из приведенных надписей Распутина, нельзя, вспоминая весь тот ужас грязи, которой общество заливало Царскую Семью в Ее отношении к Распутину, отказаться от желания напомнить *честному русскому христианину* слова Апостола Павла к Коринфянам: «Но боюсь, чтобы как змей хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе»».

Не менее резко высказались о личности Распутина и другие лица, причастные к расследованию обстоятельств убийства Царской Семьи: английский журналист Роберт Вильтон и русский следователь Н. А. Соколов. О следствии, проведенном Соколовым, и его выводах, изложенных в книге «Убийство царской семьи», скажем чуть позже, а пока отметим, что самое первое следствие, пытавшееся разобраться в личности и действиях сибирского странника, было проведено сразу же после Февральской революции Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства.

Тогда, весной 1917 года, фактически именно за связь с Распутиным было арестовано довольно много людей: Вырубова, Лохтина, Хвостов, Белецкий, Протопопов, Штюрмер, Горемыкин, Комиссаров, Воейков, Андроников…

Материалы этого следствия, озаглавленные «Падение царского режима», частично были опубликованы в 1924– 1927 годах под редакцией Павла Щеголева. Вышло семь томов. Их иногда называют сфальсифицированными, подобно тому как был сфальсифицирован Щеголевым же при участии Алексея Толстого дневник Анны Вырубовой. Ссылаются при этом на воспоминания одного из членов комиссии А. Ф. Романова.

«Романов советовал относиться к записям с сугубой осторожностью, так как "они никем не подписывались, обвиняемым не предъявлялись и редактировались четырьмя литераторами, в числе которых был и Блок, певец большевизма"», – утверждает С. В. Фомин.

На первый взгляд это замечание может показаться резонным, но вот что обращает на себя внимание. Вырубова, как известно, сразу же опротестовала публикацию дневника. «По слухам, дошедшим до меня, в Советской России появилась в печати книга "Дневник А. А. Вырубовой", якобы найденный у одного нашего старого слуги в Петербурге и переписанный некоею Л. В. Головиной… Считаю своим долгом добавить, что единственный наш старый слуга Берчик умер еще у нас в Петербурге в 1918 г.,

был нами же похоронен и ничего после себя не оставил», – заявила она в эмигрантской газете «Возрождение» 23 февраля 1928 года, а в интервью шведской «Хювюд стадсбладет» подчеркнула, что дневник является плодом «большевистской пропаганды для сенсации среди легковерных людей». Но ни одним словом она не обмолвилась о том, что фальшивыми были опубликованные в том же 1927 году ее показания ЧСК (которые, к слову сказать, косвенно свидетельствуют о том, что дневников в общепринятом смысле этого слова Вырубова не вела).

Это же самое относится и к очень многим из привлекавшихся по этому делу свидетелей, которые были еще живы и, находясь в эмиграции, не заявили об искажении их показаний. Ни генерал А. И. Спиридович, ни граф В. Н. Коковцов, ни министр А. Н. Наумов, ни П. Н. Милюков, ни А. И. Гучков… Ничего не заявляли о факте подлога председатель ЧСК Н. К. Муравьев и другие следователи, за исключением Романова, да и тот ведь прямо ничего не утверждал. Нет оснований полагать, что были сфабрикованы стенограммы допросов и тех, кого к тому времени уже не было в живых, – Хвостова, Белецкого, Манасевича-Мануйлова, Андроникова, Штюрмера, Протопопова, Родзянко.

Все эти люди вели себя на следствии очень по-разному. Одни раскаивались в связях с Распутиным, другие приписывали себе заслуги по борьбе с ним, третьи его роль всячески преуменьшали, четвертые ее выпячивали, но говорили о Распутине почти все. Вольно или невольно сибирский крестьянин оказался в материалах следствия главным действующим лицом и речь о нем заходила чаще, чем о ком бы то ни было.

Особую готовность сотрудничать с комиссией и именно в связи с личностью Распутина проявил С. П. Белецкий, чьи письменные показания заняли сотни страниц. «Вчера в третий раз Белецкий в крепости растекался в разоблачениях тайн того искусства, магом которого он был, так что и в понедельник мы будем опять его слушать, он уже надоел, до того услужлив и словоохотлив», – писал в письме матери Александр Блок, назначенный секретарем комиссии.

Бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов рассказывал о своей борьбе с сибирским крестьянином и попытках его физически уничтожить, а последний царский министр Протопопов в числе прочего утверждал, что Распутин возил Царице и Вырубовой деньги (причем фальшивые), которые он «берет за свои хлопоты о делах и наградах с разных людей».

Другие свидетели – Манасевич-Мануйлов, Андроников, Комиссаров – почти все так или иначе пытались демонизировать либо самого Распутина, либо «режим», которому были призваны

служить, и исключение на этом фоне составили показания двух женщин – Ольги Лохтиной и Анны Вырубовой.

Лохтину – хотя, казалось бы, какое преступление совершила эта больная женщина, некогда приютившая Распутина? – как уже говорилось, арестовали в Верхотурье и привезли в Петроград. На вопрос следователя: «Вы к Распутину как относитесь, хорошо или нет?» – Лохтина коротко ответила: «Он меня исцелил» и добавила, что считает его «старцем, который опытом прошел всю жизнь и достиг всех христианских добродетелей». Ни на какие провокации и уловки следствия в отличие от многих обвиняемых и свидетелей она не поддалась.

«Дорогой О. В. привет»; «О. В. нежно целую, благодарю и прошу молитв», – вспоминала про нее Государыня в тобольской ссылке.

Но, пожалуй, больше других пришлось хлебнуть в заключении Анне Александровне Вырубовой, чья судьба стала и самой драматической.

«Сидит в кресле немного тяжело (она вся тяжеловата, и хромает сильно после неудачного сращения переломов), но держится прямо, и все рассказывает, рассказывает, с детскими жестами пухлых ручек <…> Рассказывает Аня… все о своих последних несчастьях, о крепости, об издевательствах в тюрьме.– Сколько раз Господь спасал от солдат… сама не вспомню, как…

Вид у нее, может быть, по привычке, деланно-искренний, деланно-детский».

Так насмешливо писала о Вырубовой Зинаида Гиппиус и еще более резко, с ненавистью отзывалась о ней в дневнике: «Русская "красна девица", волоокая и пышнотелая (чтобы Гришка ее не щипал – да никогда не поверю!), женщина до последнего волоска, очевидно тупо-упрямо-хитренькая. Типично русская психопатка у "старца". Охотно рассказывает, как в тюрьме по 6 человек солдат приходили ее насиловать, "как только Бог спас!"»

А между тем не приведи Господь было пережить Гиппиус то, что выпало в тюрьме на долю ближайшей подруги Императрицы. Ее считали развратной женщиной и любовницей Распутина; видевший ее в камере «лунный друг» Гиппиус Александр Блок[68] называл ее бранными словами. «Эта блаженная потаскушка и дура сидела со своими костылями на кровати. Ей 32 года, она могла бы быть даже красивой, но в ней есть что-то ужасное», – писал он матери.

Для медицинского освидетельствования Вырубовой и проверки слухов о ее порочности был приглашен доктор И. И. Манухин. Вот фрагменты его заключения: «…я обратил внимание свидетельствуемой на то обстоятельство, что она относительно

легко показывает больные обнаженные ноги в присутствии караула, и попросил дать объяснение по этому поводу. У меня являлось предположение, что если стыдливость у нее открыто нарушается, то нельзя ли заподозрить в этом явлении какую-либо психопатологическую подкладку? Свидетельствуемая, в объяснении предложенного мною вопроса, обливаясь слезами, рассказала мне о том, какие муки испытывала она в первое время в Трубецком бастионе, когда лечивший ее врач должен был осматривать ее, иногда обнажая до пояса, в присутствии гарнизона, как в первые дни, когда не было надзирательницы, пришлось переменить ночную рубашку в присутствии караульного, как ее караульные поднимали с пола в полуобморочном состоянии и клали полуобнаженную на постель, как каждую минуту караульные могли смотреть за всем, что она делала в камере через окошечко и пр. Она говорит, что в первые дни своего заключения послала 4 прошения по этому поводу Министру Юстиции Керенскому; не получив от него ответов и слыша, что в этой обстановке со стыдом надо расстаться, она принуждена была обуздывать свой стыд, подчиняясь созданному режиму».

«Ужасно подумать, через что Вы прошли», – обращался к ней из ссылки Государь.

«…Дорогая моя мученица, я не могу писать, сердце слишком полно, я люблю тебя, благодарим тебя и благословляем и преклоняемся перед тобой, – писала Императрица. – Дитя мое, я горжусь тобой. Да, трудный урок, тяжелая школа страдания, но ты прекрасно прошла через экзамен. Благодарим тебя за все, что ты за нас говорила, что защищала нас и что все за нас и за Россию перестрадала. Господь один может воздать… Бог попустил эту страшную клевету, мучения – физические и моральные, которые ты перенесла».

Вырубова была предана Императрице всю свою долгую жизнь. После освобождения из-под следствия она продолжала поддерживать отношения с Царской Семьей, состояла в переписке с Государыней, еще несколько раз арестовывалась, на сей раз уже большевиками, потом при довольно странных обстоятельствах обрела свободу, жила в Петрограде на нелегальном положении и в декабре 1920 года бежала в Финляндию, где в 1923 году в Смоленском скиту Валаамского монастыря приняла постриг с именем Мария во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. По состоянию здоровья ни в какую обитель Вырубова не поступила и оставалась монахиней в миру. Долгое время она проживала в Выборге, почти ни с кем из соотечественников не общаясь, но изредка водя знакомство с фельдмаршалом

Маннергеймом, с которым познакомилась еще в 1908 году, когда Маннергейм был полковником царской армии. Между Вырубовой и Маннергеймом велась переписка, несколько раз они встречались, хотя общение это носило скорее вынужденный характер: Вырубова сильно бедствовала и просила у Маннергейма вспомоществования. Фельдмаршалу же было интересно узнать то же, что и всем – о Распутине.

После Финской кампании Вырубова перебралась в Хельсинки. Умерла 20 июля 1964 года в возрасте 80 лет. Она оставила воспоминания, более известные – ранние, опубликованные в 1922 году в Париже и с тех пор не раз переизданные, и менее известные, относящиеся к концу 30-х годов. Определенные акценты в оценке событий прошлого в этих текстах менялись, но так или иначе в памяти Вырубовой все дышало любовью к Царской Семье и печалью в связи с ее участью. Единственное (или точнее не единственное, но самое существенное), о чем Вырубова умолчала, – так это о своих неудачных попытках спасти семью последнего русского Императора. Известно, что почти никто из русских монархистов всерьез не занимался освобождением тобольских узников.

«Эта черная страница русской истории вызовет недоумение будущего историка, который задаст себе вопрос: как могли преданные слуги Монарха, придворные дворяне, офицеры, как могли честные русские люди, как мог весь русский народ безучастно присутствовать в течение более года при страшном крестном пути своего Монарха и Его Семьи, как не поднялись с Русской Земли защитники Царя, как не вооружился народ, почему не вступился он за своего царя, как вандейцы пошли биться за своего короля?» – писал впоследствии И. П. Якобий.

Существуют разные версии, почему честные русские люди не поднялись. Согласно одной из них, роковую роль в неудавшемся освобождении Царской Семьи сыграл зять Григория Распутина, муж его старшей дочери Матрены – Борис Соловьев, которому и Вырубова, и Государь с Государыней оттого и доверились, что он был связан с дорогим для них именем.

«…мы все видели одного, который мог быть брат Нашего Друга. Папа его издали заметил, высокий, без шапки, с красными валенками, как тут носят. Крестился, сделал земной поклон, бросил шапку на воздух и прыгнул от радости»; «Надеемся офицера завтра увидеть хоть издали»; «Офицер тоже в монастырь поедет, замерзнет, боюсь, по дороге», – именно о Борисе Соловьеве, ошибочно принятом Государыней за брата Распутина, шла речь в этих строках.

Сергей Марков, также причастный к попыткам освободить

Государя и написавший в эмиграции книгу «Покинутая царская семья», приводит текст письма Александры Федоровны к Борису Соловьеву (правда, подлинников послания Царицы нет, так как Соловьев утверждает, что, скопировав письма Императрицы, оригиналы в целях конспирации сжег, и писала ли эти строки Императрица, сказать трудно): «По Вашему костюму торговца вижу, что сношения с нами не безопасны. Я благодарна Богу за исполнение отцовского и моего личного желания: Вы муж Матреши. Господь да благословит Ваш брак и пошлет Вам обоим счастие. Я верю, что Вы сбережете Матрешу и оградите от злых людей в злое время. Сообщите мне, что Вы думаете о нашем положении. Наше общее желание – это достигнуть возможности спокойно жить, как обыкновенная семья, вне политики, борьбы и интриг. Пишите откровенно, так как я с верой в Вашу искренность приму Ваше письмо. Я особенно рада, что это именно Вы приехали к нам. Обязательно познакомьтесь с о<тцом> Васильевым, это глубоко преданный нам человек <… >».

«Глубоко признателен за выраженные чувства и доверие. Вообще, положение очень тяжелое, может стать критическим. Уверен, что нужна помощь преданных друзей или чудо, чтобы все обошлось благополучно и исполнилось Ваше желание о покойной жизни. Искренне преданный Вам Б<орис>», – отвечал Соловьев.

Об отношении Соловьева к Царской Семье писал и С. В. Фомин: «9 апреля 1921 г. корнет С. В. Марков (1898– 1944), давая показания по делу о цареубийстве, сообщил о существовавших в 1918 г. у пользовавшегося доверием Царственных Мучеников зятя Г. Е. Распутина Б. Н. Соловьева (1893—1926) намерениях: "План Соловьева был таков. Земский Собор должен был снова призвать Государя на Престол. Государь бы отрекся тотчас же в пользу Наследника, а Сам стал Патриархом. Править Россией должен был Регентский (всесословный) Совет. Императрица ушла бы в монастырь. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна еще в Тобольске с Ее Величеством просились в монастырь. Это я знаю кроме как от Соловьева также и из советских газет".

Итак, подведем некоторые итоги: Наследник становился Царем (с именем Алексий). Государь – Патриархом (с именем Никон). Государыня, принявшая монашеский постриг с именем Феодора, – Регентом при Своем Сыне Царе Алексии Николаевиче до достижения Им совершеннолетия. Всё это в целом – поразительное пресуществление Домашней Церкви Царственных Мучеников в Общероссийскую, а по месту Русского Государя в Мировой Иерархии, Вселенскую Симфонию Царя и Патриарха».

Ничего из этого не сбылось, да и достоверности в этой

замечательной картине не больше, чем в сообщениях С. Нилуса о намерении Николая возглавить Русскую Церковь. И уж тем более непонятно, как мог стать Государь патриархом в 1918 году при уже избранном патриархе (при этом сам Марков показывал, что «с патриархом Тихоном у нас были связи. Он нас знал»), но так родилась еще одна легенда, в которой Григорию Распутину посмертно отводится еще одна роль – тестя «спасителя России».

На самом деле сказать что-либо определенное о личности и действиях избранника старшей дочери Григория Распутина довольно трудно, хотя по горячим следам изучения обстоятельств екатеринбургского расстрела роль этого человека оценивалась крайне негативно.

«Кто он был и откуда появился – неизвестно; никто не знал его ни в Тобольске, ни в среде Царской Семьи, ни среди придворных, оставшихся при Ней, как самых Ей близких людей по всей предыдущей жизни, – писал М. К. Дитерихс. – В то время, когда Царская Семья проживала в Тобольске, Соловьев устроился в Тюмень, откуда до Тобольска зимой ездили на лошадях, а летом на пароходах. Таким образом, Тюмень перехватывала пути из Европейской России на Тобольск. Здесь, в Тюмени, Соловьев установил как бы заставу для всех лиц, пытавшихся пробраться в Тобольск, в целях повидаться там с заключенными Членами Августейшей Семьи. Соловьев говорил, что стоит во главе организации, поставившей целью своей деятельности охранение интересов заключенной в Тобольске Царской Семьи путем наблюдения за условиями жизни Государя, Государыни, Наследника и Великих Княжон, снабжения их различными необходимыми для улучшения стола и домашней обстановки продуктами и вещами и, наконец, принятия мер к устранению вредных для Царской Семьи людей.

Все сочувствовавшие задачам и целям указанной организации должны были являться к нему, прежде чем приступить к оказанию в той или иной форме помощи Царской Семье; в противном случае, говорил Соловьев, "я налагаю вето" на распоряжение и деятельность лиц, "работающих без моего ведома, и ослушников предаю советским властям". Так, по его собственным словам, им были преданы большевикам два офицера гвардейской кавалерии и одна дама, которые и были будто бы расстреляны.

Действительно ли имело место это подлое предательство Соловьева, или врал он ради запугивания новичков и личных выгод – дело совести этой темной личности, но почему Соловьев, не известный никому из заключенных в Тобольске, считал себя вправе быть чуть ли не вершителем судьбы несчастных Узников – остается всецело на совести тех лиц руководившего центра,

которые его послали с такими задачами, руководили им и вовремя укрылись в Берлине».

«Крупные советские хищники доставляли работу остальным, меньшего размаха. Эти шакалы приняли участие в Романовском деле до и после Екатеринбургского преступления, – утверждал Роберт Вильтон. – На первом месте роль Бориса Соловьева. Офицер видного полка, он перед самой революцией был прикомандирован ко 2-му пулеметному полку, прославившемуся потом услугами, оказанными красным.

С первых же дней революции Соловьев появляется в Таврическом дворце, в качестве адъютанта генерала Потапова, известного председателя военного отдела Думского комитета. Печальная работа, выполненная этим генералом, который, по-видимому, был занят тем, как бы скорее разрушить Русскую Армию и власть, достаточна известна.

Через несколько месяцев Соловьев, став вновь ревностным монархистом, женился на Матрене Распутиной, дочери "старца". Это было в сентябре, 15 дней после отъезда Царской Семьи в Тобольск. Странное совпадение: молодые отправляются в свадебное путешествие по следам сосланных.

Остановившись у вдовы Распутина в Покровском, зять вскоре избирает своим главным местопребыванием Тюмень, город, удобный для наблюдения за всеми, кто едет в Тобольск или из него уезжает.

Соловьев совершает несколько таинственных поездок в город, где находится Царская Семья.

Несколько офицеров, пытающихся проехать туда, им арестовываются. Никто не должен приближаться к Тобольску без его позволения, заявляет он. И действительно, по его вине было донесено на двух офицеров красным и они были расстреляны.

Что означало это поведение? Нельзя сомневаться, что Соловьев пользовался покровительством вполне надежным. Установлено, что ему покровительствовал немецкий офицер Фишер, который тогда распоряжался среди тюменских большевиков как хотел.

Как известно, у Царской Семьи не было больше денег. Соловьев через одного банкира получал средства для Романовых. По этому поводу священник Васильев обвинял Соловьева в лихоимстве; последний обвинял в том же Васильева.

Но Соловьев привез в Тобольск также и секретные германо-большевицкие письма. За 15 дней до прибытия в Тобольск Яковлева, Соловьев знал уже, что Государь и Наследник будут отправлены в Москву. Это установлено документами.

Его сожителем в Тюмени был другой офицер по имени

Вахтер. В самый день проезда Государя через Тюмень в направлении на Екатеринбург Вахтер выехал на запад. Вскоре его видели в Киеве, потом в Берлине. Там он объявил, что Семья "спасена", наперекор предшествовавшим известиям, сообщавшим о "казни" Романовых.

Соловьев оставался в Тюмени до отъезда всей Семьи. Когда его задача закончилась, он переселился на восток, разъезжая взад и вперед между Омском и Владивостоком. По распоряжению Соколова он был арестован с женою в Чите. Опрос этих лиц дал уже ценные указания. Соколов рассчитывал добиться от них дальнейших сведений, но по желанию близкой атаману Семенову особы они были освобождены. Соколов склонился перед грубой силой. Ослепленный Семенов не противодействовал. <…>

Борис Соловьев состоял с влиятельными берлинскими кругами в наилучших отношениях. Личность темная, внушающая более чем подозрение, он всегда был в тесных сношениях с Анной Вырубовой и мистическими шарлатанами, окружавшими Распутина; он упорно распространял легенду о том, что Государь спасся, перелетев на самолете в Тибет к далай-ламе. Явление поразительное: ему, по-видимому, удалось внушить доверие к этой выдумке среди видных лиц русского общества и среди немецких консерваторов; последним, впрочем, на руку уверять, что Государь не умер, так как нравственная ответственность за ужасный конец Николая II и Его Семьи лежит на правительстве Императора Вильгельма. <…>

История Соловьева связана с Распутиным. Известно, какие выгоды немцы извлекли из влияния, которое имел "старец" еще задолго до войны и как оно было ценно для них во время последней. Однако жизнь Распутина висела на волоске, и необходимо было иметь на месте на всякий случай заместителя. Эта роль была поручена Борису Соловьеву, по-видимому, еще до начала войны, так как следы его замечены в берлинском предместье Шарлоттенбурге; отсюда он будто бы отправился в теософическое училище в Адьяре (Adyar) в Индии, чтобы усовершенствоваться в оккультных науках. В Берлине никакими средствами не брезговали, лишь бы достичь цели. Соловьев во всяком случае достаточно подвинут в оккультизме, чтобы успешно пользоваться им для своего ремесла – шпионажа».

Правда, Вильтон, согласно последним данным, имел отношение к группе англичан, принимавших участие в убийстве Распутина, и, свалив всю вину на немцев и Соловьева, мог преследовать свои цели либо выполнять чужие задания. Но даже показания благожелательно настроенного по отношению к Соловьеву С. Маркова с лихвой рисуют более чем сомнительный

облик человека, призванного спасти от смерти православного Монарха:

«Б. Н. Соловьев – дворянин Симбирской губернии. Кончил гимназию и был совсем беден. Оккультизмом давно увлекался и поехал с каким-то испытателем в Индию и пробыл там год… Безусловно достиг каких-то степеней… Было у него много знаков; помню крест с воткнутым в его середину кинжалом. Делал он эти знаки на стене внезапно, объясняя это, чтобы оградиться от чьего-нибудь невидимого присутствия…

При мне в тюрьме он выжал из карандаша три капли. На квартире (в Тюмени) при Седове он усыпил свою жену, и она рассказала нам о положении Государя и Семьи в Екатеринбурге, что строят забор, сколько в доме Ипатьева комнат и др. Она, конечно, медиум. Он считает, что брак в оккультном отношении удачный. О теософии и йогах говорит он много. К йогам он относится хорошо. Распутина он считает самородком, находится между белой и черной магией».

В материалах следственного дела имеется также проникнутый мистическими настроениями дневник Бориса Соловьева, из которого следует, что его автор был человеком действительно весьма экзальтированным, подобно тестю соединяющим молитву с похотью, но при этом в отличие от него глубоко неудовлетворенным материальной стороной жизни: «… все думают, что у зятя Г. Распутина деньги – куры не клюют, а я должен по сто руб. – тяжело».

Очень жестко оценивал роль Бориса Соловьева в провале попыток освободить Царскую Семью и именно из-за родственного отношения Соловьева к Распутину следователь Н. А. Соколов.

«Распутин воспринимался ими как олицетворение идей: религиозной, национальной и принципа самодержавия. <…>

Свое отношение к Распутину они неминуемо переносили на всех тех, кто носил на себе печать его признания.

Все эти люди имели для них не менее роковое значение, чем и сам Распутин. Мы скоро увидим, что преемник Распутина, порожденный той же самой средой, существовал и в Тобольске и обусловил их гибель».

И несколькими страницами ниже:

«Распутина не было, но его кружок и руководители существовали. По-прежнему царила в нем сплошная истерия. По-прежнему там пребывала самый вредный его член Вырубова.

Поселившись в Тюмени, Соловьев вошел в сношение с Императрицей. Он был посредником распутинского кружка и Императрицы, доставляя в Тобольск и в Петроград письма.

Я указывал в свое время, что в Тобольске проживали две

горничных Государыни: Уткина и Романова. Они не значились в списках прислуги, приехали в Тобольск уже после приезда царской семьи и жили отдельно на частной квартире.

Обе они были распутинианки, а одна из них впоследствии вышла замуж за большевика. Через них Соловьев и имел сношения с Императрицей.

Характерная деталь. С ними вместе жила преданнейшая Государыне ее камер-юнгфера Занотти. Она не знала о сношениях Императрицы с Соловьевым: от нее это скрывалось.

Следствие вскрыло, кто был тот "хороший русский человек", который обманывал Императрицу и усыплял ее лживыми надеждами на мнимое спасение. Это был Соловьев. Не нужно доказывать, почему ему верили. Ведь он – зять Распутина».

Соколов опросил нескольких свидетелей, причастных к попыткам освободить Царскую Семью, и все они указали на предательскую роль Бориса Соловьева, а также связанного с ним С. В. Маркова. В связи с этим следователь пришел к выводу о том, что «Соловьев своей деятельностью в пределах Тобольской губернии пресекал попытки лиц, имевших целью спасение жизни Августейшей Семьи, причем заведомо ложно уверял Государыню Императрицу в существовании организации из гг. офицеров, возглавляемой им, Соловьевым и имевшей в виду спасение Августейшей Семьи <…> вся роль Соловьева в целом, как она установлена на следствии, представляется дальнейшим развитием того же явления, в центре которого была личность Распутина».

Николай Алексеевич Соколов умер в местечке Сальбери во Франции от разрыва сердца (иногда пишут, что смерть его последовала при невыясненных обстоятельствах) в 1924 году, так и не увидев своего труда опубликованным. Борис Соловьев, которого Соколов допрашивал в Чите и безуспешно пытался привлечь к ответственности, скончался в 1926 году в полной нищете в Париже. А «маленький» Марков опубликовал в Вене год спустя после его смерти книгу «Покинутая царская семья», где Соловьев выведен в облике довольно странном, но все же отнюдь не в роли германского либо большевистского агента, каким его нарисовал, опираясь на показания свидетелей, Соколов.

В эмигрантской прессе началась полемика. За Соловьева и за Маркова вступился историк С. Мельгунов. Писал об этом сюжете и И. П. Якобий: «Если к этому мы прибавим, что Соловьев умер в эмиграции от чахотки в совершенной бедности, то едва ли может остаться сомнение в том, что его "провокаторская" деятельность является легендой. Зачем эта легенда выдумана? Ответ на этот вопрос очень простой. Она выдумана для оправдания бездействия

тех, кто взялся за дело спасения Царской Семьи <…> Почему же выбор такого козла отпущения пал именно на Соловьева? Потому только, что он был женат на дочери Распутина и что вокруг этого имени создалась какая-то мрачная легенда предательства». Очень неоднозначно, каждый на свой лад, толкуют роль Соловьева современные монархисты, и для того чтобы разобраться с этим сюжетом, пришлось бы провести еще одно исследование. Но несомненна одна вещь. Даже если зловещую роль Бориса Соловьева впоследствии сильно преувеличили именно на том основании, что он был в глазах русской эмиграции зятем одиозной личности и принадлежал к вырубовскому кружку, нет сомнений, что Григорий Распутин одним именем своим уже из-за гроба оказался причастен к тому, что трагическая развязка в подвале Ипатьевского дома не была предотвращена, а возникшая в связи с Распутиным легенда стала одной из причин того равнодушия, с каким не только русские монархисты, но и вся страна отнеслась к участи последнего русского Императора и его Семьи и не проявила должной воли, чтобы Государя освободить (все, что делалось и Вырубовой, и Соловьевым, и обоими Марковыми, было независимо от их подлинных намерений – дилетантством), но проявила достаточно воли, чтобы любым попыткам спасения воспрепятствовать.

Писал об этом в своих мемуарах, хотя и чересчур публицистично, присланный Временным правительством охранять Царскую Семью комиссар В. С. Панкратов:

«В прессе распространились слухи о том, что перед домом губернатора происходят "патриотические" демонстрации громадных толп, что к этому дому совершаются паломничества и т. д. Все эти слухи с самого начала оказались ложными. Никогда никаких патриотических демонстраций и паломничеств не было и быть не могло. Быть может, они имели бы место, если бы не пресловутый Григорий Распутин, который еще в 1915 г. своим поведением и циничным хвастовством о близости к царской семье дискредитировал эту семью. Этот беспардонный проходимец в последнюю свою поездку в Тобольск вел себя так бесстыдно, так безобразно, что снял последние остатки ореола с царской семьи <…> Никакие прокламации, никакие листовки революционных партий не могли так дискредитировать бывшую семью царя, как этот придворный любимец и все те, кто, пользуясь его покровительством, добивался высокого положения, закрывая глаза на все гнусности Распутина.

Повторяю, что никакого паломничества со стороны, тоболян с коленопреклонениями и без оных никогда не происходило. Все, что можно было заметить и наблюдать, так это простое

любопытство, и то в ближайшие месяцы, и вздохи сожаления нередко с нелестным упоминанием "Гришки Распутина"».

Так было в Тобольске, так было и в Екатеринбурге. «Необычные по цинизму надписи и изображения с неизменной темой: о Распутине. Как глубоко ошибаются те, кто думают, что яд этого чудовища не проник в народные массы», – писал Соколов.

Прозрение, скорбь, покаяние и, наконец, прославление Царственных Мучеников – все это пришло много позднее и вместе с этим встал вопрос, как соединить их святость с той странной и темной ролью, которую Распутин в их судьбе и в судьбе всей страны сыграл. Русская эмиграция, равно как и советская историография от Валентина Пикуля до Марка Касвинова, в этом пункте поразительно сходились и ставили Царской Семье в вину ее связь с сибирским крестьянином. В эмиграции писали о том, как «распутинщина убила "душу монархии"», и намекали на то, как-де слабоволие Государя и болезненность Государыни привели к «надругательству над русской служилой честью», и, наконец, предавались описанию того, как «солдатский сапог растоптал монархию». Эта традиция жива и поныне, но еще в 1939 году не аристократом, не думским деятелем, не царедворцем, а заключенным, убежавшим из советского лагеря, были написаны, пожалуй, самые лучшие строки о Григории Распутине и Царской Семье:

«По тхоржевско-холливудскому сценарию выходит так, что и Империю, и Монархию погубил-де пьяный мужик. Распутинская борода – а также и прочие вторичные и первичные признаки таинственного старца заслонили собою и историю России, и преступления правящего слоя, и военный разгром, и тяжкую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и бесчестность – всё заслонили. Осталась одна пьяная борода, решившая судьбы России. Чем не Холливуд?

Это банально-дурацкое, тхоржевско-холливудское, детективно-сенсационное представление о роли Распутина слишком уж настойчиво и назойливо вдалбливается в сознание всего мира – в том числе и в сознание русской эмиграции. Это представление – насквозь лживо. Для всех виновников гибели Империи и Монархии Распутин – это неоценимая находка. Это козел отпущения, на спину которого можно перевалить свои собственные грехи. Это – щит, под прикрытием которого так просто и так легко болтать о болезненности Императрицы и о слабоволии Императора: сами-де виноваты, зачем были болезненными, зачем были слабовольными».

Под этими строками Ивана Лукьяновича Солоневича

подписался бы сегодня, пожалуй, любой из монархистов, но вот что писал Солоневич дальше: «Если мы начнем слой за слоем смывать с Распутина его холливудский грим – то под этим гримом обнаружится: пьяный, развратный и необычайно умный мужик. Этот мужик был, действительно, целителем, и он, действительно, поддерживал своим гипнозом жизнь Наследника. Разговоры о его влиянии чрезвычайно сильно преувеличены. Основного – сепаратного мира – он так добиться и не смог. Жаль».

Жаль – действительно. Только никаких доказательств того, что Распутин реально к заключению сепаратного мира стремился, не существует. Это просто очередная легенда и сколько еще таких легенд в истории остается…

Что же касается других членов романовского рода, с Распутиными связанных, то их судьбы сложились следующим образом. Великие Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич вместе со своими женами, сестрами-черногорками Милицей и Станой оставили Россию. Николай Николаевич скончался в 1929 году, окруженный в эмиграции всеобщим почетом и едва ли подозревавший, в каких только грехах не обвинят его взыскательные потомки. В последние годы он, по воспоминаниям протопресвитера Шавельского, проникся мистическими настроениями. Его супруга Анастасия Николаевна умерла в 1935 году. Великий Князь Петр Николаевич скончался в 1931 году, его жена Милица Николаевна пережила его на 20 лет и преставилась 5 сентября 1951 года в египетской Александрии в возрасте 85 лет. Митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал: «Был однажды с архиепископом Владимиром у княгини Милицы Николаевны, жены Петра Николаевича, дочери князя Николая Черногорского. Она очень пополнела и угощала нас чаем, была весьма тактична и сдержанна. Я неумело напомнил о ее бывшем духовнике, архимандрите Феофане, имя которого было связано с Гр. Распутиным и первым его знакомством с династией именно через Милицу Николаевну. Но она дала мне понять, что ей нежелательно трогать старые больные раны».

Милица Николаевна всю жизнь оставалась глубоко религиозной женщиной, и не так давно ее внук Великий Князь Дмитрий Романович, побывав в России, передал в санкт-петербургский Новодевичий монастырь икону Спасителя, которую Милица на один день положила в гроб с телом Иоанна Кронштадтского, перед тем как пастыря отпевали, и с которой не расставалась после этого всю жизнь.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна умерла в 1928 году в Копенгагене, Великий Князь Александр Михайлович,

Сандро, тесть Феликса Юсупова, скончался в 1933 году. Сестра Государя Великая Княгиня Ольга Николаевна умерла в Канаде в 1960 году, надиктовав свои воспоминания журналисту Йену Ворресу. Великий Князь Андрей Владимирович умер в 1956-м. Участник убийства Распутина Великий Князь Дмитрий Павлович – в 1942-м. Никаких мемуаров после себя он не оставил, но известны его письма отцу, где он пишет об убийстве Распутина как о патриотическом акте. Отец Дмитрия Великий Князь Павел Александрович был расстрелян большевиками в Петропавловской крепости в 1919 году. Вместе с ним казнили Великого Князя Николая Михайловича, того самого, который написал письмо о Распутине, так возмутившее Государыню, и которому Император приказал вскоре после убийства Григория отправиться в свое имение.

«Максим Горький просил у Ленина помилования для Николая Михайловича, которого глубоко уважали даже на болыпевицких верхах за его ценные исторические труды и всем известный передовой образ мыслей, – писал в мемуарах брат расстрелянного Великий Князь Александр Михайлович.

– Революция не нуждается в историках, – ответил глава советского правительства и подписал смертный приговор <…>

Если верить советским газетам, Великий Князь Николай Михайлович держал до последней минуты на коленях своего любимого персидского кота».

В 1918 году были сброшены в шахту и умерли в страшных муках убежденная противница Распутина Великая Княгиня Елизавета Федоровна, ее келейница Варвара и с ними еще несколько Великих Князей.

«Первой подвели к шахте великую княгиню Елизавету Федоровну и, столкнув ее в шахту, услышали, как она продолжительное время барахтается в воде, – вспоминал, как происходила казнь, один из убийц Василий Рябов. – За ней столкнули и ее келейницу Варвару. Тоже услышали всплески воды и потом голоса двух женщин. Нам стало ясно, что великая княгиня, выбравшись из воды, вытащила и свою келейницу. Но другого выхода у нас не было, и мы одного за другим столкнули и всех мужчин. Никто из них должно быть не утонул и не захлебнулся в воде, так как немного времени спустя можно было услышать чуть ли не все их голоса. Тогда я бросил фанату. Граната взорвалась, и все смолкло. Но ненадолго.

Мы решили немного подождать и проверить, погибли ли они или нет. Через некоторое время мы опять услышали разговор и чуть слышный стон. Я снова бросил гранату.

И что вы думаете – из-под земли мы услышали пение! Жуть

охватила меня. Они пели молитву "Спаси, Господи, люди твоя!".

Гранат больше не было, оставлять дело незавершенным было нельзя. Мы решили завалить шахту сухим хворостом, валежником и поджечь.

Сквозь густой дым еще некоторое время пробивалось наверх их молитвенное пение».

Мученическую кончину приняли и многие православные архиереи и клирики, так или иначе проявившие себя в истории с Распутиным. Был расстрелян архиепископ Никон (Рождественский), выступавший против имяславцев и Распутина. С особой жестокостью расправился «восставший народ» с противником Распутина, ныне канонизированным Церковью митрополитом Владимиром (Богоявленским). Расстреляли (ходила легенда, что умучили, посадив на кол) епископа Исидора, отпевавшего царского друга. Об Исидоре несколько раз спрашивала Государыня в письмах к Вырубовой: «А где епископ Исидор и Мельхисидек?»; «Где епископ Исидор?» Исидор провел свои последние годы в Вятке. «Мы свидетельствуем, что епископ Исидор с утра до вечера бескорыстно трудился для детей вятского пролетариата, устроил для них приют. Для нас, слепых, со сборами и хлопотами было куплено место с шестью домами, на доходы с которых мы и живем теперь… Глубоко благодарны владыке за его труды и заботы о бедных и слепых», – писали верующие письма в его защиту, но ходатайство об освобождении владыки было написано на день позже вынесения ему смертного приговора.

Так, мученическая смерть объединяла тех, кто носил прозвище «распутинцев», с теми, кто выступал при жизни против Григория, тех, кого при жизни считали святыми, с теми, кто вошел в историю с клеймом грешников. В том же 1918 году был казнен священник Философ Орнатский, опубликовавший в 1914 году статью о Распутине и Иоанне Кронштадтском. В Петрограде был расстрелян духовник Царской Семьи отец Александр Васильев, о котором сразу после Февральской революции 1917 года со слов обер-камерфрау императрицы М. В. Герингер Вера Чеботарева записала в своем дневнике: «Когда надо было, не раскрыл глаза на Гришку, ездил за ним, лобызался, а как стряслась беда, после переворота отвернулся, уехал в санаторий и отказал в духовной поддержке в такие минуты». В Тобольске жестоко расправились с епископом Гермогеном, некогда в отличие от отца Васильева попытавшимся раскрыть глаза Государю и Государыне на Распутина, принявшим из-за Распутина столько невзгод и долгие годы вызывавшим неудовольствие у Императрицы. Отношение ее к Гермогену

изменилось только тогда, когда она сама оказалась в заточении, а святитель выполнял свой пастырский долг. «Гермоген каждый день служит молебен у себя для Папы и Мамы, очень за них. Много удивительного, странного», – писала она Вырубовой. «Епископ за нас, и Патриарх в Москве тоже, и большая часть духовенства».

О настроениях патриарха и духовенства Александре Федоровне могло быть известно от самого Гермогена, который осенью 1917 года ездил в Москву на выборы патриарха, но ни глава Церкви, ни духовенство не смогли ничего изменить ни в ее судьбе, ни в судьбе одного из самых твердых и верных русских епископов. В 1918 году по благословению патриарха Тихона владыка Гермоген совершил крестный ход вокруг тобольского кремля и специально остановился возле губернаторского дома, где жила семья Императора. Этого ему не простили. На Страстной неделе 1918 года Гермоген был арестован и отправлен в Екатеринбург, а в июне епископа живьем сбросили с парохода в реку Туру. Его тело нашли на берегу и похоронили в Покровском около той церкви, которую некогда строили на деньги, собранные Григорием Распутиным.

«…нашли в воде его обмотанного веревками, с руками связанными назад, мучили, говорят, его бедного страшно, ах какие мерзавцы большевики, не лучше бы им и не хуже, Господи, накажи их, – записала в эти дни в дневнике Матрена Распутина. – Как жутко проходить мимо церкви, в особенности вечером, идешь – темно-темно и ни одного человека нет на улице, вся деревня спит. Видишь, в церковной ограде горит свеча, дьякон читает всю ночь Евангелие у Епископа Гермогена на могиле. Стараюсь реже ходить в верхний край, чтобы не видеть жуткой картины. Сегодня приехал епископ Еринарх за телом убиенного, служили панихиду».

Тело Гермогена перевезли в Тобольск и похоронили рядом с мощами святого Иоанна Тобольского. Дочь Распутина писала: «Я сильно плакала, вспомнила сейчас же папу, как его отпевали; стоять было немыслимо, хотелось зарыдать».

Были расстреляны и два других врага Распутина – журналист М. О. Меньшиков и епископ Пермский Андроник. Последнего большевики заставили выкопать самому себе могилу и, присыпав его землей, застрелили. 5 сентября (23 августа) 1918 года расстреляли протоиерея Иоанна Восторгова и нескольких крупных чиновников.

Сохранился рассказ безвестного очевидца этой казни, который цитирует в своей книге о новомучениках М. Польский:

«…С полгода тому назад привелось мне встретиться с одним

лицом, просидевшим весь 1918 г. в Московской Бутырской тюрьме. Одною из самых тяжелых обязанностей заключенных было закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела. Работа эта производилась изо дня в день. Заключенных вывозили на грузовик под надзором вооруженной стражи к Ходынскому полю, иногда на Ваганьковское кладбище, надзиратель отмерял широкую в рост человека канаву, длина которой определяла число намеченных жертв. Выкапывали могилы на 20—30 человек, готовили канавы и на много десятков больше. Подневольным работникам не приходилось видеть расстрелянных, ибо таковые бывали ко времени их прибытия уже "заприсыпаны землею" руками палачей. Арестантам оставалось только заполнять рвы землей и делать насыпь вдоль рва, поглотившего очередные жертвы ЧЕКА.

Мой собеседник отбывал эту кладбищенскую страду в течение нескольких месяцев. Со своей стражей заключенные успели сжиться настолько, что она делилась с ними своими впечатлениями о производившихся операциях. Однажды, по окончании копания очередной сплошной могилы-канавы, конвойцы объявили, что на завтрашнее утро (23-го августа 1918 г.) предстоит "важный расстрел" попов и министров. На следующий день дело объяснилось. Расстрелянными оказались: епископ Ефрем, протоиерей Восторгов, ксендз Лютостанский с братом, быв. министр Внутренних Дел Н. А. Маклаков, председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов, быв. Министр Внутренних Дел А. Н. Хвостов и Сенатор С. П. Белецкий. Прибывших разместили вдоль могилы и лицом к ней…

По просьбе о. Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осужденным помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени и полилась горячая молитва несчастных "смертников", после чего все подходили под благословение Преосвященного Ефрема и о. Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле о. протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести последнюю искупительную жертву.

"Я готов", – заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув о. Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону кустов, шагов 20—30, но, настигнутый двумя пулями, упал и "его приволокли" к

могиле, пристрелили и сбросили.

Из слов конвоя, переданных нам рассказчиком, выяснилось, что палачи, перекидываясь замечаниями, пока они "присыпали" землею несчастные жертвы, высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, видимо, поразивших их своим хладнокровием пред страшною, ожидавшею их участью. Иван Григорьевич Щегловитов, по словам рассказчика, с трудом передвигался, но ни в чем не проявил никакого страха…»

Так умерли в один час министр внутренних дел А. Н. Хвостов и его заместитель С. П. Белецкий, некогда пытавшиеся использовать Распутина в своих интересах. Третий участник «триумвирата» князь Андроников был расстрелян в 1919 году (по другим данным в 1920-м). 27 октября 1918 года в Москве был расстрелян последний министр внутренних дел А. Д. Протопопов. В том же году расстреляли последнего военного министра Императорской России генерала Михаила Алексеевича Беляева, которого ранее на следствии 1917 года обвиняли в связях с Распутиным и к которому обращалась некогда Вырубова с просьбой дать Распутину усиленную охрану. В 1919 году был расстрелян министр внутренних дел А. А. Макаров (показавший Императору письма Императрицы и Великих Княжон к Распутину). Та же участь ожидала «распутинца» Бориса Владимировича Штюрмера, когда бы он не умер в страшных условиях и при чудовищном отношении к себе со стороны конвоя в тюремной больнице в Петропавловской крепости 20 августа 1917 года. Возможно, так же поступили бы и с бывшим председателем Совета министров Иваном Логгиновичем Горемыкиным (старцем, как звал его Распутин), но он погиб от рук неизвестных 11 декабря 1917 года близ Сочи.

От рук большевиков приняли смерть два авантюриста – Иван Федорович Манасевич-Мануйлов и Борис Ржевский. Манасевич, освободившись в 1917 году из тюрьмы, попытался выехать за границу по поддельным документам и в 1918 году был расстрелян после ареста на советско-финской границе. 20 февраля 1919 года тело Ржевского-Раевского с пятнадцатью пулями было найдено на улице в Одессе. Там же, в Одессе, умер в 1919 году от тифа выступавший против Распутина генерал Николай Иудович Иванов. Врач Петр Алексеевич Бадмаев после года заключения в тюрьме вышел на свободу и в 1920 году умер.

В 1919 году в Сергиевом Посаде скончался живо интересовавшийся личностью Распутина писатель Василий Васильевич Розанов. Нам неизвестно, как он воспринял известие об убийстве воспетого им сибирского странника, если не считать

уже цитировавшейся фразы из «Апокалипсиса нашего времени» о «гнусной распутинской истории», но известно, что думал Розанов о трагедии отречения Императора. «И мысль, что нет на Руси у нас Государя, он в Тобольске, в ссылке, в заключении – так обняло мою душу, охватило тоской <…> что болит моя душа, болит и болит. Я знаю, что правление его было ужасно, и ни в чем не оправдываю его. Но люблю и хочу любить его. И по сердцу своему я знаю, что Царь вернется на Русь, что Русь без Царя не выживет».

Поэт Александр Блок, также очень близко принявший к сердцу историю с Распутиным, умер в Петрограде в августе 1921 года, пережив сначала горячее увлечение октябрьским переворотом, а потом жестокое разочарование в нем. О Распутине он размышлять не переставал, и, по справедливому замечанию А. Эткинда, во многом образ убитого крестьянина сказался в интересе Блока к фигуре Катилины – «баловня женщин, развратного и корыстного любимца аристократии, человека с диким и неприятным взглядом – всем похожего на Распутина».

Кроме того, по свидетельству одного из своих современников, во время краткосрочного заключения в Петропавловской крепости, куда еще недавно он ходил в качестве секретаря ЧСК, Блок говорил о том, «до какой степени вырубовцы, или распутинцы, были активнее и приятнее, чем царские бюрократы».

Другой литератор, поэт Николай Александрович Клюев, писавший в «Гагарьей судьбине» о личном знакомстве с Распутиным и оценивавший личность сибирского крестьянина очень высоко, в последние годы жизни пересмотрел отношение ко многим событиям и лицам, в том числе и к Распутину. В своей последней поэме «Песнь о великой матери» Клюев вложил в уста Распутина слова:

Я православный искони
И Богородицу люблю,
Как подколодную змею,
Что сердце мне сосет всечасно!
С крутыми тучами, ненастный,
Мой бог обрядней, чем Христос
Под утиральником берез,
Фольговый, ноженьки из воска!

И о его смерти Клюев написал:

Сегодня корень азиатский
С ботвою срежет князь Димитрий,

Чтоб не плясал в плющевой митре
Козлообраз в несчастном Царском.

Продолжая речь о русских писателях, так или иначе высказавшихся о Распутине, упомянем Алексея Ремизова, который записал у себя в дневнике летом 1917 года: «Получили речи Госуд. Совещ. Какая бедность у Керенского. И пустота у Авксентьева. Россию забыли. Не революция. Россия. Да, Гриша убиенный нашел бы слова».

Проживший долгую жизнь (умер в 1954 году) и все эти годы писавший дневник писатель и исследователь сектантства Михаил Пришвин также не раз возвращался к фигуре Распутина: «Читал в Народном Университете лекцию о народной вере, мало кто это понял – вина, конечно, моя. Одну мысль поняли, – что Григорий Распутин был орудием мести протопопа Аввакума царю Алексею и сыну его Петру, был Распутин царем, а царь Николай его рабом».

Или такая запись: «Распутин наш всеобщий кум: "Для милого дружка сережка из ушка". Бесятся кумовья в стремлении окумить всю Россию, а небесный цветок все наливается кровью, и ярче и ярче разгораются лепестки его. Переполнилась, наконец, чаша кровью, и полилась кровь по огненным листочкам».

«Безнадежно глубоко (хотя формально-несознательно) воспринял народ связь православия и самодержавия», – записала в дневнике свой вывод о распутинской истории Зинаида Гиппиус, прожившая в эмиграции долгую жизнь, пережившая почти на четыре года Мережковского и скончавшаяся в 1945 году в Париже на руках своего литературного секретаря Владимира Злобина.

Убежденный противник Распутина Александр Дмитриевич Самарин умер своей смертью в России в 1932 году. После революции он вел себя так же мужественно, как и до нее. Этот момент принципиальный, поскольку бытует точка зрения, что все противники Распутина оказались людьми недостойными, предали Царя, Родину и веру. Про кого-то, например про князя В. Н. Львова, эмигрировавшего в 1918 году, вернувшегося в СССР в 1922-м и примкнувшего в 1927 году к обновленцам, так сказать можно, про кого-то – нет. Изменники были как среди «распутинцев», так и среди их врагов. Стойкие люди также были среди тех и других. К последним относится и Самарин, как бы ни пытались его опорочить современные монархисты на том основании, что обер-прокурор Синода был слишком независим в отношениях с Государем и крайне резко выступал против Распутина и епископа Варнавы, а после революции выдвигался на

Московскую кафедру. Из описания последних лет жизни Самарина известно, что в первые годы после октябрьского переворота он входил в состав так называемого «Правого центра», стремившегося добиться освобождения Царской Семьи. Тогда же он был избран председателем Совета объединенных приходов Москвы, цель которого, как говорилось в его уставе, – в случае посягательств большевиков на церковное имущество «тревожным звоном (набатом) созвать прихожан на защиту церкви». «По материалам Московского губернского революционного трибунала Самарин изобличен в подготовке директив и мероприятий по активному сопротивлению рабоче-крестьянской власти», – писали про него в донесении ВЧК. Самарин исполнял обязанности второго товарища председателя Поместного собора от мирян и был включен в состав делегации Собора, принятой в Кремле представителями Совнаркома по поручению Ленина. Это не помешало большевикам несколько раз арестовывать его и привлекать к суду, как, например, в 1919—1920 годах в связи со вскрытием мощей Саввы Звенигородского.

Сохранился рассказ очевидца об обстоятельствах этого суда. Мемуарист приводит выдержки из речи государственного обвинителя Крыленко.

«"Самарины, Кузнецовы – все это генеральный штаб, сознательные вожди той идеологии, с которой пролетариат борется не на жизнь, а на смерть, беспощадно… Они должны быть изъяты"…

Публика замерла… словно ее не стало в этой жуткой тишине.

"И всем подобным интеллигентным руководителям придет тот же конец… Дело Патриарха Тихона у меня уже здесь в портфеле"…

Трибунал ушел для совещания. Оно было очень продолжительно.

Наконец судьи возвращаются в зал, и председатель Смирнов прочитал при напряженном внимании зала приговор. "Самарина, Кузнецова подвергнуть высшей мере наказания, т. е. рас-стрелять!"… произнес он четко, с расстановкой. В публике послышался вздох ужаса.

Но затем приведено было пояснение, что так как накануне Совнарком принял отмену смертной казни, то расстрел заменяется тюремным заключением на 5 лет».

В 1922 году Самарина освободили, в 1925-м арестовали снова и сослали в Якутию, сначала в Якутск, потом в Олекманск; в 1929-м бывший предводитель московского дворянства и член Государственного совета был сослан в Кострому. Там он служил регентом церковного хора, его снова на некоторое время

заключили в тюрьму, там же, в Костроме, он скончался и похоронен на Александро-Невском кладбище.

Другой известный противник Распутина Лев Александрович Тихомиров в последние годы своей жизни отошел от активной общественной деятельности и работал над большим трудом об Апокалипсисе. «После революции его не тронули, – писал о нем С. И. Фудель, – были еще люди, знавшие его безупречную и благородную партийную и личную жизнь. Но все-таки ему пришлось пойти в милицию (почему в милицию – не помню) и там отдать свою "декларацию", в которой он обязался подчиняться новой государственности. Он это сделал как выражение христианского подчинения власти, но кто-то в газете назвал его двойным ренегатом.

<…> Он в это последнее время жизни в Загорске, конечно, больше жил в тенях прошлого. Этим объясняется то, что он не сближался с жившими тогда там же Флоренским, Мансуровым, Розановым, Дурылиным и часто туда приезжавшим Новоселовым. Флоренский ему казался каким-то модернистом».

Умер Тихомиров 16 октября 1923 года.

Удалось избежать насильственной смерти и трем архиереям, которые считались «распутинцами» – митрополиту Питириму (Окнову), архиепископу Варнаве (Накропину) и митрополиту Макарию (Невскому), а также бывшему обер-прокурору Саблеру, на которого так яростно нападали на заседании Думы в марте 1912 года Гучков и Пуришкевич.

Митрополит Макарий умер в 1926 году. Последние годы жизни он провел на покое в Николо-Угрешском монастыре, «… ему уже около 90 лет, он живет в небольшом уютном домике в районе Николо-Угрешского монастыря, у него парализована вся левая сторона, рука и нога, и он совершенно беспомощен, только благодаря чудесному ангельскому уходу сестры милосердия, вдовы земского начальника Дефендовой, которая посвятила себя заботам о престарелом митрополите, он находится в хороших условиях. У него небольшая крошечная домовая церковь, и ежедневно в этой церкви служится всенощная и обедня, которые он никогда не пропускает, сидя в кресле, которое подкатывают в алтарь. Голова у него свежа, он всех узнает и трогательно радуется, когда его навещают, встречая всех со свойственной ему обворожительной, полной доброты и участия улыбкой. (Я его навещал в последний раз в прошлом, т. е. в 1922 г.)», – писал в мемуарах о «распутинце» Макарий страшный враг сибирского странника В. Ф. Джунковский.

Навещал Макария в его обители и очень любил с ним беседовать Святейший патриарх Тихон. Макарий пережил его

ровно на год. В апреле 1926 года алтайского святителя похоронили на территории монастыря, а тридцать один год спустя, в апреле 1957 года, по ходатайству патриарха Алексия (Симанского) тело митрополита Макария было перенесено в Троице-Сергиеву лавру и похоронено в Успенском соборе. Ныне Русской православной церковью Макарий канонизирован.

И совсем иные представления сохранились о другом «ставленнике» Распутина и другом столичном митрополите – Питириме (Окнове). Митрополит Евлогий написал в мемуарах о последней встрече с Питиримом в 1919 году: «Однажды зашел я в архиерейский дом, сидим мы, раздумываем о положении дел, – и вдруг входит старик, в мещанской чуйке, в шапке, изнуренный, измученный, по виду странник, – и мы в изумлении узнаем в нем бывшего Петербургского митрополита Питирима. Оказывается, он был сослан в Успенский монастырь, на Кавказе, на горе Бештау. Когда началась эвакуация, он бросился к нам. И теперь, дрожа от волнения, психически потерянный, он униженно молил нас о помощи: "Не оставляйте, не бросайте меня" <…> Неожиданной встречей я был потрясен. Помню митрополита Питирима в митрополичьих покоях… Как он домогался этого высокого поста! Как старался снискать расположение Распутина, несомненно в душе его презирая! Эта встреча осталась в моей памяти ярким примером тщеты земного величия».Питирим скончался 21 февраля (по другим данным 25 марта) 1919 года в Новочеркасске.

Митрополит Евлогий был свидетелем кончины убийцы Распутина – Владимира Митрофановича Пуришкевича, который после ареста 18 ноября 1917 года Петроградской ЧК, осуждения на четыре года принудительных работ и последовавшей весной 1918 года амнистии уехал на юг. В Ростове-на-Дону он издавал журнал «Благовест». В январе 1920-го Пуришкевича не стало. «Умер в те дни от сыпняка и Пуришкевич. Я его отпевал», – вспоминал Евлогий.

Он же, Евлогий, провожал в последний путь «распутанца» архиепископа Алексия (Дородицына). «Отпевать пришлось не так, как обычно отпевают архиереев, хоть я и старался, по мере возможности, вычитать все, что по чину погребения в таких случаях полагается. После отпевания спрашиваю: "Где могила?" Оказывается, – на краю кладбища в заросли кустов. Мы долго пробирались по сугробам, увязая в снегу… Погребение архиепископа Алексия, как и судьба митрополита Питирима, показало мне всю тщету честолюбия, властолюбия…»

Что касается обер-прокурора Саблера, то о нем оставил свидетельство другой мемуарист – митрополит Вениамин (Федченков): «Бывший обер-прокурор после Победоносцева

Саблер, переменивший свою фамилию на Десятовский, жил беспрепятственно в Твери. С ним встречалась старушка княгиня Гейден. Когда ослабел от старости, она водила его под руки в собор на службы. А когда ее выпустили за границу, она вывезла его дневник в Париж. Я читал его и даже докладывал в Богословском институте студентам: Саблер смиренно принял новую советскую власть и подкреплял это ссылками на Писание и своими размышлениями». Умер Саблер в 1929 году.

На пять лет раньше преставился получивший при Саблере епископский сан Варнава (Накропин), который после удаления его с Тобольской кафедры весной 1917 года был сослан в Высокогорский Воскресенский монастырь Нижегородской губернии, а в 1918 году подвергнут аресту и заключен в Бутырскую тюрьму. Там он пробыл недолго, и в июне 1919 года был назначен настоятелем Троицкого Калязина монастыря Тверской епархии, а в 1920-м архиепископом Архангельским, но к месту назначения не поехал (возможно, по состоянию здоровья). 13 апреля 1924 года архиепископ Варнава скончался в Москве и был похоронен в ограде храма Покрова в Филях. Отпевал его Святейший патриарх Тихон, которому самому оставалось жить чуть меньше года.

О Варнаве (хотя трудно сказать, правда это или нет) писал автор книги «Идеология национал-большевизма» Михаил Агурский:

«…ставленник Распутина архиепископ Тобольский Варнава (Накропин) заявил на допросе в ВЧК, что советскую власть он признает "выше и лучше всякой другой, какая была до сих пор, и готов за нее умереть". Варнава сказал также, что нужна новая церковь, и пообещал большевикам привести к ним пол-России. "Только большевики могут спасти Россию", – заявил Варнава.

Вряд ли такое далеко идущее заявление может объясняться лишь страхом перед ВЧК. Причина этого могла быть другой. Варнава, как и Распутин, мог принадлежать к традиции религиозного нигилизма, и его признание большевиков могло опираться именно на это».

Даже если это утверждение и справедливо в адрес Варнавы (Агурский, очевидно, ссылался на «Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией», изданный в Москве в 1918 году[69]), оно совершенно неверно по отношению к Григорию Распутину, которого можно обвинять в чем угодно, но только не в симпатии, даже гипотетической, к большевизму и не в религиозном нигилизме. Предполагать, что останься он жив, то говорил бы то же или примерно то же, что говорил (если говорил) Варнава, никаких оснований у нас нет. И большевики это хорошо знали. С Распутиным и его духом боролись после революции ничуть не менее усердно, хотя и более успешно, чем до этого русские монархисты, русские националисты, русские философы, миссионеры, публицисты, государственные деятели, русские и нерусские масоны, еврейская пресса и весь мировой интернационал.

После смерти Григория большевики взялись за его семью. Удалось спастись только старшей дочери Матрене, хотя и ее судьбу трудно назвать счастливой. Осенью 1917 года Матрена, «помня желание отца и Государыни», как говорила она на следствии, вышла замуж за поручика Б. Н. Соловьева. Брак оказался неудачным. «Боря меня стесняется, т. е. не меня, а моей фамилии, а вдруг что-нибудь скажут <…> недаром дорогой мой отец сказал: "Ну, Матрешка, ты у меня злосчастная"», – писала она в дневнике, полном женских обид, ревности и признаний в собственном неумении жить: «Боря заставляет меня заниматься хозяйством, мне это неприятно, больно». Потом случилась темная история с участием ее мужа в неудавшейся попытке освобождения Царской Семьи. В декабре 1919 года Матрену арестовали в Чите, ее допрашивал следователь Соколов, но вынужден был дочь Распутина освободить, ввиду того, что за нее вступилась

любовница атамана Семенова. Единственное, что удалось Соколову – забрать дневники Матрены, частично им процитированные в своей книге, а ныне полностью опубликованные.

В этих искренних, простодушных записках Матрена предстает как любящая дочь, тоскующая о своем убиенном отце: «Сегодня служили панихиду с Варей о папе; плакали страшно. Я и Варя чувствовали, что папа во время панихиды был с нами»; «Мне как-то радостно, горько и обидно, хотя это грех, я сама сознаю, но ведь я же человек: почему нету моего папы. Зачем Ты, Господи, взял его от нас так рано? Мы остались как листья без дерева. Папа, милый папа, будь с нами в разговенье»; «Как счастлива, что я дома. Как здесь хорошо, каждая мелочь напоминает тятеньку дорогого <…> Хочу страшно идти к Мурашному, где тятеньке было видение. Какой он был хороший, милый, славный, добрый. Любил нас больше своей жизни, больше всех».

Вспоминала Матрена в дневнике и о Государе. Когда в сентябре 1918 года прошел слух о том, что Царской Семье удалось спастись, Матрена записала: «Мне кажется, что если они будут живы, т. е. Папа и Мама, тогда и я буду счастлива, ведь вся моя опора, вся моя надежда на них, я знаю, в трудную минуту они меня не оставят, а надеяться на мужа нельзя».

После окончания Гражданской войны Матрена с мужем и двумя маленькими дочерьми, родившимися в 1919 и 1920 годах и названными – как знать, возможно, в честь Великих Княжон – Татьяной и Марией, уехала в Европу, а потом перебралась в Америку. Работала укротительницей тигров, писала мемуары, судилась с Юсуповым и умерла в 1977 году в Калифорнии от сердечного приступа на восьмидесятом году жизни. У нее остались внуки, которые и по сей день проживают на Западе и своим родством с Rasputin'ым гордятся. Одна из внучек, Лоране, живет во Франции, часто бывает в России и недавно посетила село Покровское. От нее стали известны некоторые подробности жизни Марии Григорьевны.

«В 1926 году Борис Николаевич Соловьев умирает от туберкулеза. Положение вдовы с двумя детьми незавидное. Ресторан, ранее открытый супругом, обанкротился: в нем повадились обедать в долг бедные эмигранты. Однажды молодой женщине, танцовщице в кабаре, менеджер крупнейшего американского цирка предложил: войдешь в клетку со львами – возьму на работу. Перекрестившись – вошла. Так она стала укротительницей с именем " Мария Распутина" – громкое имя привлекало публику. Арену Матрена покинула, когда ее ранил белый медведь. Еще одно мистическое совпадение: в Юсуповском

дворце сраженный выстрелом Григорий Распутин рухнул на шкуру белого медведя», – написал тюменский журналист Анатолий Меньшиков в «Российской газете».

В судьбе Лоране Ио-Соловьёфф есть одно характерное обстоятельство: «Когда-то она не знала не только о знаменитом предке – о русских корнях. Родные утаивали сей факт. Сама Лоране долго скрывала от друзей свою родословную. Фамилию прадеда объявила в день своего 60-летия».

Тем представителям распутинского рода, кто после революции остался в России, скрыть свою родословную не удалось, и, быть может, поэтому их жизнь оказалась много короче и потомков они не оставили. О второй дочери Григория, Варваре, ничего не известно, кроме того, что летом 1919 года по вызову матери она вернулась в Покровское из Владивостока, где была вместе с Матреной и ее мужем, и, по всей вероятности, вскоре умерла (Э. Радзинский пишет о том, что она скончалась после войны, но откуда эти сведения, неясно; тюменский журналист Анатолий Меньшиков сообщает о том, что Варвара, «по дошедшим до нас сведениям, умерла незамужней в 1925-м»). У вдовы Распутина Прасковьи Федоровны новые власти отняли дом и почти все ее имущество, после чего в конце 1920-х годов она, ее сын Дмитрий и невестка Феоктриса с маленькой дочкой были сосланы в Обдорск как спецпереселенцы строить Салехардский рыбоконсервный завод. Там они жили в бараке с товарищами по ссылке. В Обдорске и умерли: Прасковья Распутина от порока сердца 20 декабря 1933 года. Дмитрий Григорьевич Распутин, которого некогда отец сравнивал с Исааком, а себя с Авраамом и умолял власти не забирать единственного наследника и кормильца на войну, умер на четыре дня раньше – 16 декабря 1933 года от дизентерии.

И если эта дата верна, то мы снова сталкиваемся с мистикой чисел. Жена Дмитрия Григорьевича Феоктриса скончалась в комбинатском бараке в сентябре 1933 года от туберкулеза. Ей было 30 лет, спустя несколько дней умерла ее шестилетняя дочь, внучка Распутина Елизавета.

В 1930-е годы интерес к Распутину был уже не таким острым, но мученические смерти и сторонников Распутина, и его противников продолжались. Они не были теперь напрямую связаны с личностью тобольского крестьянина и причастностью к его судьбе. В 1937—1938 годах встретили смерть и считавшиеся до революции «распутинцами» епископы Алексий (Кузнецов) и Серафим (Чичагов) и выступавшие против него отец Роман Медведь, митрополит Трифон (Туркестанов), епископ Андрей Уфимский (князь Ухтомский) и московский генерал-губернатор В.

Ф. Джунковский.

Сторонники Распутина часто ставят в вину Джунковскому его сотрудничество с ЧК. Такой эпизод в его жизни действительно был, хотя, судя по всему, это касалось в большей степени технической стороны дела: Джунковский привлекался в качестве консультанта в связи с разработкой паспортной системы. Но что было, то было. Вместе с тем существуют и другие свидетельства об этом человеке. В первые послереволюционные годы Джунковского несколько раз бросали в тюрьму.

«Он рассказывал мне, что во время первого его пребывания в тюрьме до суда его часто уводили на расстрел, а потом вновь возвращали в камеру, – вспоминала М. В. Сабашникова, неплохо Джунковского знавшая. – Эта процедура была самым тяжелым из его переживаний. "Этого не могут выдержать никакие нервы", – говорил он. И все же перед судом он предстал совершенно спокойным».

На этом суде Сабашникова присутствовала.

«Между прочим обвиняемого спросили, действительно ли он был противником Распутина, как это следовало из писем царицы. <…> "Да, это так". – "Почему вы были против него?" – "Потому что его роль вредила престижу моего государя". – "Значит, вы хотели поддерживать царскую власть?" – "Ну, разумеется! Я был бы низким, подлым человеком, если бы, служа ему, не хотел бы помогать!"»

Джунковского приговорили к смертной казни, потом приговор заменили пожизненным заключением, еще позднее благодаря хлопотам влиятельных друзей бывшего московского генерал-губернатора – артистов МХТ – освободили. После этого Джунковский, зарабатывая на жизнь, давал частные уроки французского языка и писал мемуары. Объем информации, в них представленный, количество упомянутых лиц, приведенных документов, фактов делают их совершенно уникальной книгой. Опубликованные в 1997 году два тома охватывают период с 1905 по 1915 год. Публикаторы «Воспоминаний» пишут о том, что Джунковский намеревался издать их в 1920-е годы в издательстве Сабашниковых, но с трудом верится, что такое было возможно. В высшей степени монархические по слогу, написанные так верноподданно, как не писали и в эмиграции, эти «Воспоминания» могли стать только причиной нового ареста. Это и произошло. В 1930-е годы, уже после того как Джунковский передал свои мемуары в Литературный музей В. Д. Бонч-Бруевичу, его арестовали снова. На сей раз вступаться за «масона» никто не стал. О его последних днях оставил свидетельство литературный критик Р. В. Иванов-Разумник, оказавшийся с

Джунковским в одной камере.

«Рад, что мне пришлось просидеть бок о бок три дня с другим "каэром", обвинявшимся в "монархическом заговоре" и скоро уведенным от нас неведомо куда. То был В. Ф. Джунковский, когда-то генерал-губернатор Москвы, потом товарищ министра внутренних дел, неустанно боровшийся в свое время с кликой Распутина, разоблачивший известного провокатора, члена Государственной думы Малиновского. За все это даже большевики относились к В. Ф. Джунковскому с уважением, не трогали его и назначили ему персональную пенсию. Но с приходом Ежова немедленно же был состряпан монархический заговор, к которому пристегнули и генерала Джунковского. Это был обаятельный старик, живой и бодрый, несмотря на свои семьдесят лет, с иронией относившийся к своему бутырскому положению. За три дня нашего соседства он столько интересного порассказал мне о прошлых днях, что на целую книгу хватило бы. К великому моему сожалению, его увели от нас, куда – мы не могли догадаться».

Джунковского расстреляли в 1938-м.

Более счастливо сложилась судьба тех из русских клириков и государственных деятелей, кому удалось эмигрировать. Сторонник, а затем противник Распутина епископ Феофан (Быстров) после революции поначалу участвовал в делах Церкви, но впоследствии ввиду своих разногласий как с митрополитом Антонием (Храповицким), так и с митрополитом Евлогием (Георгиевским) по вопросам богословским от активной церковной деятельности отошел. Никаких воспоминаний о Распутине он не написал, если не считать интервью, данного им в Софии Глебу Волошину, на которое мы уже ссылались в начале этой книги, и бесед со своим духовным чадом иеросхимонахом Епифанием (Черновым), впоследствии послуживших основой для книги о епископе Полтавском. Но в целом Феофан держался от эмиграции в стороне, хотя и мог рассказать многое.

«…самые подробные сведения про Нилуса мог бы сообщить архиеп. Феофан. Но Вы ошибаетесь, думая, что он в Париже, – он живет в Белграде, а затем, судя по всему, он не склонен рассказать про Нилуса, так же как не склонен он рассказать правду и про Распутина», – писал П. Н. Милюков А. А. Мосолову.

Милюков ошибался: Феофан жил тогда не в Белграде, а во Франции, куда переехал в 1931 году из Софии. Умер он в 1940 году в местечке Лимере. На похороны его никто из известных епископов не приехал, а митрополит Евлогий прислал телеграмму, в которой повелел хоронить Феофана как простого инока. Но похоронили его все же в архиерейском облачении,

некогда подаренном ему Императором.

Ученик Феофана иеромонах Вениамин (Федченков) в 1919 году был рукоположен в епископы, некоторое время служил протопресвитером в армии Врангеля, сменив на этой должности отца Георгия Шавельского (к неудовольствию последнего), вместе с Врангелем эмигрировал, в эмиграции вступил в конфликт с главой Русской зарубежной церкви митрополитом Антонием (Храповицким), перешел в юрисдикцию Московской патриархии, потом по распоряжению местоблюстителя патриаршьего престола Сергия переехал в Америку, а в 1945 году вернулся в СССР, где написал множество замечательных книг, в том числе книгу воспоминаний «На рубеже веков», содержащую очень ценные, хотя и явно неполные, как он сам признавал, свидетельства о Григории Распутине. Умер Вениамин, уволенный на покой, в Псково-Печерском монастыре в 1961 году.

Некогда принявший тобольского мужика в Александро-Невской лавре, но впоследствии никак не поддержавший его епископ Финляндский, а впоследствии местоблюститель патриаршьего престола и наконец патриарх Сергий (Страгородский) умер в Москве в 1944 году. Возглавлявший Русскую зарубежную церковь митрополит Антоний (Храповицкий) умер в 1936 году в изгнании. В том же году умер и еще один противник Распутина – митрополит Арсений (Стадницкий). Дистанцировавшийся от Распутина автор книги «Путь моей жизни» митрополит Евлогий (Георгиевский) скончался в 1948-м. По свидетельству знавших его в последние годы людей, Евлогий впал в «детство» и охотно верил рассказам про свободу Церкви в СССР. Однако мемуары его были написаны ранее и по сей день остаются одним из самых авторитетных и надежных документов для историков Церкви. А редактировала эти мемуары Татьяна Манухина, жена того самого доктора И. И. Манухина, который в 1917 году осматривал в Петропавловской крепости по поручению следственной комиссии Временного правительства А. А. Вырубову и впоследствии эмигрировал и который, по свидетельству газеты «Mercure de France», говорил о том, что Вырубова ему передала свои подлинные дневники и дневники Распутина, но он был вынужден перед отъездом из России их сжечь. Так это или нет, не скажет теперь никто, но если учесть, что ссылка на заявление Манухина прозвучала в разгар скандала, связанного с публикацией толстовско-щеголевских «дневников Вырубовой», и доктор М., как был назван Манухин, утверждал, что подлинные дневники не имеют ничего общего с этой фальшивкой, то заявление Манухина можно рассматривать как проявление историко-политической борьбы, которая велась в эмиграции.

Впрочем, в Государственном архиве Российской Федерации, в 623-м фонде, хранится записка Вырубовой, адресованная, по всей вероятности, Любови Головиной:

> «Милая Люб!
>
> Умоляю спасти все, что (нрзб). Снова (нрзб) узнала, что (нрзб) 15 тетрад[ей] (нрзб) все на свящ[енной] бум[аге], которая из Хр[ама] + + + пусть будут у П. Там никто не знает что это Его, а там…
>
> Гос[подь] + + (нрзб).
>
> + + А. В.».

При всем том, что неясного в этих строках много, с высокой степенью вероятности можно предположить, что речь идет о тетрадях с изречениями Распутина, которые Вырубова хотела уберечь. Возможно, именно они оказались у Манухина и именно их доктор был вынужден уничтожить. Во Франции Манухин и его жена довольно часто общались с Буниным и еще чаще с З. Гиппиус, но, судя по тем фрагментам бунинского дневника, которые были опубликованы Милицей Грин, а также по дневникам Гиппиус, ни Распутин, ни Вырубова ими не обсуждались.

Участие в делах Церкви пытался принимать и оставшийся не у дел после революции, оболганный демократической прессой и арестованный Временным правительством профессиональный контрразведчик генерал Николай Степанович Батюшин. В 1918 году генерал пробрался на юг, к Деникину, а после поражения Белой армии вместе с еще одним распутинским обличителем протоиереем Владимиром Востоковым стал членом Высшего церковного управления за границей (Батюшин был единственным представителем мирян, а Востоков – белого духовенства, и нет сомнений, что выбор этих кандидатур был продиктован их заслугами в борьбе с «темными силами»), В 1922 году и Батюшин, и Востоков из ВЦУ были исключены. В дальнейшем они совместно выступали против вредной деятельности Союза христианской молодежи, подозревая его в масонской принадлежности, в чем их поддержал епископ Феофан (Быстров), но призывы генерала и отца Востокова не нашли поддержки ни у митрополита Евлогия (Георгиевского), ни у Антония (Храповицкого). «Я глубоко признателен Вашему Высокопреосвященству за доброжелательное отношение к моему начинанию», – писал Евлогий Антонию и просил у него заступничества от «лживых и злостных обвинений каких-то клеветников»"". О яростной антимасонской позиции отца Востокова писал в своих мемуарах и протопресвитер Шавельский:

«Много шуму внес в Собор священник В. Востоков, начавший обвинять и духовенство, и Собор, и даже Патриарха в ничегонеделании и теплохладности. Он настаивал, чтобы Церковь выступила открыто и резко против "жидов и масонов", с лозунгом: "За Веру и Царя!" Этот, несомненно, одаренный словом иерей всегда отличался бестактностью, резкостью, часто неуместною прямолинейностью <…> Его выступление носило митинговый характер и вызвало резкий отпор со стороны кн. Е. Н. Трубецкого, архиепископа Димитрия и епископа Михаила, назвавших его клеветником, бунтовщиком, человеконенавистником. Кроме отдельных черносотенных членов, Собор, можно сказать, в полном составе отнесся крайне отрицательно к выходке о. Востокова. <…> Собор спокойно обошел все подводные камни и, хотя о. Востоков, злословя, обзывал его в Екатеринодаре "еврейским синедрионом", он проявил, при общей смуте, большое спокойствие, понимание церковных нужд и готовность идти им навстречу».

От резкого осуждения масонов, соединяющегося с обличением Распутина, отец Востоков не отказался и в дальнейшем.

«Увы, уже не повторились у трона Николая II Победоносцевы и Столыпины, зато обступила заколебавшийся трон целая вереница новых Лорис-Меликовых, – писал он в известной статье «Когда Желябовы смеются, Россия плачет». – И Россия, лишенная крепкой правящей руки, спускалась на полуконституционном оползне к революции… Распутинский соблазн ее подталкивал, а безумная мировая война втолкнула ее в самую пасть революции. Полководцы христианских народов слепо разбивали усовершенствованными пушками христианско-монархические устои и выпускали на свободу красного "демократического зверя" для разрушения им всего святого и прекрасного в человечестве…

Потоками лилась христианская кровь под колеса жидомасонской колесницы, чтобы быстрее вращались они и скорее мчали сионских мудрецов на вершину мирового владычества.

Слепые вожди ослепленных народов яростно, наперебой, кричали: "Война до победного конца!", не замечая того, что конец-то победный уже наступил, но не для них, а для жидо-масонского кровавого интернационала».

Что же касается генерала Батюшина, то его митрополит Вениамин (Федченков) в своих мемуарах называет человеком «с жестким диктаторским нравом», обвиняет в доносительстве и пишет о тех политических разногласиях, которые между ними возникли: Батюшин был убежденным монархистом, а Вениамин –

нет (причем в подкрепление своей позиции владыка Вениамин ссылался на мнение патриарха Тихона: «Еще следует думать да думать: нужно ли восстановление монархии?», высказанное им в беседе с «архиепископом Т-м Г-м»[70]). Судить об исторической правоте этих взглядов значило бы выйти за рамки обсуждаемой темы, но есть некий исторический парадокс или, если угодно, диалектика в том, что борцами против Распутина оказались два последовательных монархиста, опытных конспиролога и обличителя масонства, в то время как монархисты, конспирологи и борцы с масонами нынешние в большинстве своем страстно выступают в поддержку опытного странника с берегов Туры.

Умер Батюшин в 1957 году в доме для престарелых в городе Брен-ле-Конт в Бельгии, оставив несколько книг, главная из которых «Тайна военная разведка и борьба с ней» (София, 1939) только теперь дошла до России. В 2004 году прах генерала был перевезен из Бельгии в Россию и торжественно перезахоронен.

Отец Востоков скончался в том же 1957 году в США в возрасте 89 лет, оставив книгу воспоминаний «Розы и шипы». О его перезахоронении речи пока не велось.

В Америке в 1952 году закончилась в безвестности и бедности жизнь одного из самых зловещих персонажей всей связанной с Распутиным истории – Сергея Труфанова, бывшего иеромонаха Илиодора. В 1917 году Труфанов вернулся в Россию, где наконец свободно вышла его пасквильная книга «Святой черт», а после октябрьского переворота заявил о своей поддержке новой власти. «К октябрьской революции отношусь сочувственно, ибо после февральской революции остались помещики, купцы и фабриканты, которые пили народную кровь». После этого Труфанов попытался создать на царицынских землях коммуну «Вечного мира», объявлял себя то «русским папой», то «патриархом», сотрудничал с ВЧК и в апреле 1921 года писал Ленину:

«Глубокоуважаемый товарищ-брат Владимир Ильич!

С тех пор как я вышел из рядов попов-мракобесов, я в течение 9 лет мечтал о церковной революции. В нынешнем году (на Пасху) церковная революция началась в Царицыне. Народ, осуществляя свои державные права, избрал и поставил меня патриархом "Живой Христовой Церкви". Но дело пошло не так, как я предполагал, ибо оно начато не так, как должно. Революция началась без санкции центральной Советской власти. Чтобы поправить дело и двинуть его по более правильному пути, я обращаюсь к Вам и кратко поясняю следующее: церковная революция имеет целью разрушить поповское царство, отнять у народных масс искаженное христианство и утвердить их

религиозное сознание на основах истинного христианства или религии человечности. А все эти достижения церковной революции должны привести к одному: к примирению масс с коммунистическим устройством жизни.

Вести русскую массу к политической коммуне нужно через религиозную общину. Другим путем идти будет слишком болезненно.

Как Вы, Владимир Ильич, смотрите на это? Признаете ли Вы какое-либо значение за церковной революцией в деле достижения русским народом идеалов социалистической революции? Если Вы интересуетесь затронутым вопросом, то не нужно ли будет приехать мне к Вам в Москву и лично побеседовать с Вами об этом, по моему мнению, весьма важном деле?

Прошу Вас ответить мне и написать мне краткое письмо о своем желании видеть меня и говорить со мной о церковной русской революции.

Остаюсь преданный Вам ваш брат-товарищ-гражданин Сергей Михайлович Труфанов (патриарх Илиодор)».

Неизвестно, читал или нет Ленин это послание, недавно обнаруженное в Волгоградском архиве, но хочется еще раз подчеркнуть мысль, на страницах этой книги уже звучавшую: какой бы сомнительной с нравственной точки зрения ни была личность Григория Распутина, до такой низости он не опускался и такого сатанинского самомнения в сердце своем не носил. (Один из «хиротонисанных» еще в 1920-е годы «патриархом» Илиодором «архиепископов» – некий протоиерей Александр Леторов – покаялся перед Церковью и до 1963 года служил в одном из сельских приходов Астраханской епархии, но в 1963-м через газеты публично отрекся от Бога и снял с себя священный сан. Традиция!)

В 1922 году Труфанов был выслан или сам покинул СССР и оказался в Берлине. Он писал в эмигрантских газетах о том, что в 1919 году видел в Кремле заспиртованную голову Государя. Его европейская карьера не задалась, и бывший черносотенец перебрался в Америку, где, по свидетельству М. Агурского, «обошел, наверное, все известные церкви и секты, не исключая ку-клукс-клана», написал несколько книг и работал, по разным данным, швейцаром в одной из нью-йоркских гостиниц или уборщиком в страховой компании. Известно также, что Труфанов обращался с письмом к владыке Феофану (Быстрову): «Я сознаю мои непростительные грехи перед Святою Церковью и лично перед Вами и прошу, умоляю Ваше Высокопреосвященство помолиться обо мне, погибающем, чтобы принести Господу сокрушенное покаяние и избавиться от обольщения, в каком я

находился». Впрочем, судя по всему, умер монах-расстрига не в лоне Православной церкви, а будучи баптистом.

Подруга царицы Юлия Александровна Ден, которую так часто вспоминала Государыня в своих письмах из тобольской ссылки и которая также была причастна к попыткам освободить Царскую Семью, проживала в 1920-е годы в Англии, где и написала книгу воспоминаний «Подлинная царица». Позднее она переехала в Польшу, а после Второй мировой войны, опасаясь преследования советских властей, – в Венесуэлу. В 1957 году Юлия Ден приезжала в Европу, чтобы встретиться с самозванкой Анной Андерсон, выдававшей себя за царевну Анастасию, чудом спасшуюся от смерти. Как пишет автор предисловия к книге воспоминаний Юлии Ден А. Степанов, «в течение недели она беседовала с гениальной самозванкой, после чего 5 ноября 1957 года под присягой сделала в гамбургском суде заявление, что Андерсон и есть Великая княжна Анастасия Николаевна. По словам Ден, Андерсон сообщила ей такие детали, которые не могли быть известны постороннему человеку». Умерла Юлия Александровна в 1963 году в Риме в возрасте 78 лет.

Учитель царских детей Пьер Жильяр, находившийся с Царской Семьей вплоть до весны 1918 года, насильно разлученный с нею, но отказавшийся вопреки требованиям большевиков покинуть Екатеринбург и дождавшийся прихода армии Колчака, после окончания Гражданской войны вернулся домой в Швейцарию, где жил долго и умер в 1962 году, оставив воспоминания о Царской Семье. Женой Жильяра стала няня царских детей Анна Теглева.

Долгую жизнь прожила и противница Распутина Софья Ивановна Тютчева. Она скончалась в 1957 году в Муранове, родовом имении Тютчевых, и похоронена в подмосковном селе Рахманове.

О судьбе очень многих лиц из ближайшего окружения Распутина мы почти ничего достоверного не знаем. Ни об Ольге Владимировне Лохтиной, ни об Акилине Лаптинской, ни о Зинаиде Манштедт, ни о Марии Евгеньевне и Любови Валерьяновне Головиных, ни о Марии Вишняковой. Следы их затерялись либо в послереволюционном российском хаосе, либо в эмиграции.

О. В. Лохтина упоминается в дневнике Матрены Распутиной:

«15 марта 1918 года. «Дивны дела твои Господи… Первый раз чувствовали так близко нашего дорогого тятеньку, так было хорошо и вместе с тем горько и обидно, что не могли слышать папиных слов из его уст, но умы ясно чувствовали, что он был с нами. Я его видела во сне, он мне сказал: я буду в 4 часа у Раи, и

мы как раз собрались вместе у нее. Ольга Владимировна говорила по тятенькиному ученью, не она говорила с нами, а тятенька».

16 марта того же года: «После вчерашнего дня я еще больше полюбила Ольгу Владимировну, она рассказывала, что была на Гороховой, заходила во двор и чувствовала папин дух <…> Видела во сне опять папу, я так счастлива, он с нами последнее время, это я чувствую»».

Также со слов Матрены Распутиной мы знаем о другом опытном страннике – Дмитрии Ивановиче Печеркине. После революции он отправился на Новый Афон и стал монахом. Как сложилась его дальнейшая судьба, неизвестно. Но если вспомнить, что Новый Афон был в 1920-е годы центром русского имяславия, можно предположить, что товарищ Распутина по паломничествам остался верен избранному пути и тому учению, которое некогда защищал его знаменитый друг.

Тобольский губернатор Ордовский-Танаевский, описывая свое посещение семьи Головиных в Петрограде в 1917-м либо 1918 году, напротив, укорял бывших распутинских поклонниц в измене идеалам минувших лет.

«Я все время сторонился от всех "бывших людей", но тут решил навестить семью Головиных. На подъезде встречаю "Муню" со свитой молодежи, все в белом, букеты, бутоньерки, хохот.

– А мы думали, что вас давно погубили еще в Тобольске. Мама дома, у нее гость (с ударением), но вас она примет, вы ее любимец. Мы идем на свадьбу NN и MM.

<…> полное спокойствие и веселость во всех».

Что же касается самого Николая Александровича Ордовского-Танаевского, то он был отправлен в отставку еще в апреле 1917 года, некоторое время жил в Петрограде, сильно нуждался, в августе 1918 года был арестован, освобожден, потом ушел вместе с войсками Юденича на Запад. В 1921 году был рукоположен в иереи, служил в Палермо, затем принял монашеский сан с именем Никон и скончался, будучи тайным схиархимандритом Никодимом в 1950 году, написав перед смертью воспоминания, изданные очень небольшим тиражом в 1993 году его наследниками.

Довольно мало известно и о судьбах еврейских спутников Распутина – Арона Симановича, Дмитрия Рубинштейна, Игнатия Порфирьевича Мануса и др. В 1928 году Симанович не слишком успешно помогал Матрене Распутиной в ее тяжбе с Юсуповым, в 1930-е годы, как утверждает С. В. Фомин, Симанович «был пойман во Франции с поличным как фальшивомонетчик». Григорий Аронсон, ссылаясь на'мемуары Слиозберга, писал о том, что Симанович «в качестве друга Распутина» обращался к

Слиозбергу уже в эмиграции в Париже и просил его поддержки. Когда Слиозберг ему отказал, тот «довольно прозрачно намекнул на то, что… он составит какую-то книгу с опорочиванием еврейских деятелей». Умер Симанович не ранее 1936 года[71].

В том же году в Загребе скончался банкир Д. Рубинштейн.

Больше определенности с послереволюционным периодом жизни крупных государственных и общественных деятелей Российской империи, с Распутиным так или иначе связанных. Председатель Государственной думы Михаил Васильевич Родзянко умер в эмиграции в 1924 году. До последних дней он держал на своем столе фотографию Императора Николая Александровича. Это может вызвать усмешку и даже возмущение, но вот свидетельство Якова Глинки. «За этого человека я готов пойти на плаху» – так говорил Родзянко о Государе своему помощнику, и сомневаться в этих словах оснований нет. Впрочем – только в словах.

Действительный статский советник Александр Иванович Гучков пережил Родзянко на 12 лет и умер в 1936 году. О его последних годах писала Е. Д. Кускова Н. В. Вольскому: «Под конец своей жизни он близко сошелся с германским штабом и когда приезжал к нам в Прагу, совсем больной, и просил оказать ("fraternellement") услугу у чешского правительства, мы этой услуги не оказывали. Он знал, что мы знали о его поездках в Германию, и очень запутанно об этом рассказывал. Но один раз произошел инцидент. Его принял Бенеш. И он Бенешу точно рассказал о планах Гитлера напасть на Чехию, на Россию и т. д. Бенеш знал о наших отношениях с Гучковым, спросил у нас, что это значит. Мы посоветовали ему с Гучковым дела не иметь».

Граф Владимир Николаевич Коковцов скончался в 1943-м. В том же году умерли министр внутренних дел Николай Борисович Щербатов и лидер кадетской партии, автор слогана «Глупость или измена?» Павел Николаевич Милюков. Генерал Павел Григорьевич Курлов умер в 1923 году. Председатель Совета министров Александр Федорович Трепов, оставивший свой пост через три дня после смерти Распутина, скончался в Ницце в 1928 году. Вынужденный покинуть свиту Государя из-за своего отрицательного отношения к Распутину, князь Владимир Николаевич Орлов умер в Париже в 1927 году. Министр земледелия Александр Николаевич Наумов, тот самый, кто так ярко написал о своей встрече с Распутиным и о своем отказе выполнить его просьбу, ушел из жизни в 1950 году. Жандармский генерал и по совместительству известный историк Александр Иванович Спиридович умер в 1952 году в США (в Йельском университете ныне хранится его архив), его коллега Константин

Иванович Глобачев – в 1941-м. Михаил Степанович Комиссаров умер в 1933 году, как пишет С. В. Фомин. «в Чикаго в результате несчастного случая». Перед тем как покинуть Россию, он некоторое время служил в ВЧК. В 1927 году скончался камергер Владимир Иосифович Гурко, автор книги «Царь и царица», а также прозвучавшей на всю страну фразы «Нам нужна власть с хлыстом, а не власть, которая сама под хлыстом». Еще один противник Распутина писатель Иван Александрович Родионов, присутствовавший при попытке оскопления крестьянина в декабре 1911 года, скончался в Берлине в 1940 году. Другой участник тех событий юродивый Митя Козельский был сослан после революции в Соловки и там расстрелян.

Министр двора граф Владимир Борисович Фредерике умер в 1927 году, его зять, дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков, – в 1942-м. Ближайший друг Царской Семьи, флигель-адъютант Н. П. Саблин, чье место, по мнению многих современников, должно было быть возле Царской Семьи и который покинул дворец сразу после революции, скончался в 1937-м.

Об эмигрантской поре в жизни Саблина писал в мемуарах Роман Гуль: «Н. П. Саблин несколько раз говорил мне, что "государь через Нилова передал ему, что он правильно поступил, не поехав с ними в Тобольск". Думаю, эту фразу Саблин повторял мне несколько раз, потому что в кругах монархистов некоторые упрекали его ("ваше место было – быть с царской семьей до конца") в том, что он, очень близкий царской семье человек, не поступил так, как поступил граф Илья Татищев, который остался верен царской семье до конца, поехав с ней в Тобольск, и вместе с ней был зверски умерщвлен большевиками».

В 1957 году умер Василий Алексеевич Маклаков. «Он, как, впрочем, и некоторые другие бывшие правые кадеты и "прогрессисты", тяжело переживал свою вину и роль в революции, – писала о Маклакове неплохо знавшая его в эмиграции Нина Берберова. – Он говорил, что не только не надо было Милюкову произносить свою знаменитую речь в Думе в ноябре 1916 года "Глупость или измена?", но не надо было и убивать Распутина. Будучи сам крупным масоном, он глубоко (и вероятно, несправедливо) презирал тех членов ложи (главным образом московской), которые "конспирировали еще в 1915 году". Я имею основания думать, что в его бумагах остались его записи об этом, та часть его мемуаров, которая, конечно, до сих пор напечатана быть не могла».

Очень часто в этой книге мы ссылались на мемуары двух членов Синода и страстных оппонентов – протопресвитера

Георгия Ивановича Шавельского и князя Николая Давидовича Жевахова. Их послереволюционные судьбы по-своему весьма поучительны. Оба они эмигрировали, оба пытались играть активную роль в делах Церкви (Шавельский более успешно) и в биографиях обоих были свои темные пятна.

О Шавельском писал Михаил Агурский:

«Сразу после февральской революции возникло движение т. н. "церковного большевизма", лидером которого неожиданно оказался оппортунист, глава русского военного духовенства Г. Шавельский, очень близкий к Николаю II и в прошлом даже участник Союза русского народа. Его особенно активно поддерживали А. Введенский, А. Егоров и П. Боярский.

"Церковный большевизм" требовал глубоких церковных реформ, и в частности резкого повышения роли белого духовенства и мирян.

Он распался после прихода к власти большевиков, но силы, вызвавшие его к жизни, не исчезли и дали себя знать, когда советская власть решила опереться на них. "Церковные большевики", Введенский и Боярский (Егоров умер в 1919 г.) оказываются ключевыми фигурами обновленчества».

Сам Шавельский об этом эпизоде своей биографии ничего не пишет, но многие страницы его воспоминаний были продиктованы максимализмом как в оценке Распутина, так и Царицы Александры Федоровны и очень многих видных русских иерархов и клириков, в том числе и тех, кто ныне канонизирован. В эмиграции последний протопресвитер армии и флота оказался в Софии, от церковной жизни отошел, преподавал в Софийском университете на богословском факультете и умер в Болгарии в январе 1951 года. Было ему тогда 80 лет. Просоветские власти, судя по всему, старика не тронули. Воспоминания протопресвитера опубликовало в 1954 году Издательство имени Чехова в Нью-Йорке.

Князь Николай Жевахов сразу же после революции был выведен из состава Синода, во время Гражданской войны находился сначала в Киеве, потом бежал на юг, сильно бедствовал, но помог ему владыка Питирим (Окнов), приютивший его в своем монастыре. В январе 1920 года в составе группы русских архиереев на корабле «Иртыш» Жевахов оставил Россию. Шавельский в своих мемуарах обвинял его во всех смертных грехах, начиная с воровства и кончая «делом развала нашей церкви», но трудно сказать, была ли под этими обвинениями основа. Начиная с 1922 года, Жевахов, фактически отторгнутый как либеральной, так и консервативной частью эмиграции (главным образом за репутацию «распутинца»), принялся

налаживать связи с немецким националистическим движением, и его дальнейшая судьба и пронацистские симпатии безо всяких пропагандистских штампов подтвердили, что от антимасонской риторики до фашизма путь и в самом деле бывает недалеким. Умер князь в 1938 году[72], не дожив трех лет до тех, когда его новые друзья вторгались в Россию, чтобы, уничтожая все живое, освобождать нашу землю от жидо-масонской власти.

Долгую жизнь на родине прожили хорошо знавшие Распутина братья Бонч-Бруевичи: поддерживавший его Владимир Дмитриевич и выступавший против него Михаил Дмитриевич. Эта разница во взглядах на царского друга не помешала им после революции служить общему господину, хотя и каждый на своей ниве. После отставки с должности управделами Московского Кремля, по проискам Троцкого и Каменева, старший из Бойчей пытался приспособить русских сектантов к условиям социализма в колхозе «Лесные поляны», в 1930-е годы был назначен директором Литературного музея, а впоследствии перешел на работу в Музей истории религии и атеизма; младший состоял на военной службе, и, если не считать краткого эпизода, связанного с арестом по делу «Весна»[73] в 1931 году, жизнь его сложилась вполне благополучно. Михаил Дмитриевич умер в 1956 году, написав мемуары «Вся власть Советам!» и довольно большую порцию доносов на своих сослуживцев. Владимир Дмитриевич скончался на год раньше, в 1955-м.

Но, пожалуй, самым известным из долгожителей мемуаристов и непосредственных участников распутинской истории стал убийца Распутина князь Феликс Феликсович Юсупов. Он умер в 1967 году, оставив широко известные мемуары. Если верить тому, что в них содержится хоть какая-то правда, то Юсупову помогли бежать из Петрограда масоны – не иначе как отблагодарили за Распутина. Точно так же благодарили его за это убийство и красные, как писал сам Феликс, «признаюсь, в течение всей жизни моей имя Распутина не раз спасало и меня и близких». В эмигрантской жизни князя случались и взлеты, и падения, было множество скандалов и грязных историй. В 1928 году, вскоре после публикации книги «Конец Распутина», на Юсупова подала в суд дочь Распутина Матрена с требованием компенсации в двадцать пять миллионов «за нанесенный ей убийством моральный ущерб», но дело было прекращено, хотя имя князя в газетах потрепали изрядно. В 1934-м, напротив, сам Юсупов подал в суд на американскую кинокомпанию «Метро-Голдвин-Майер», выпустившую фильм «Распутин и императрица», в котором была задета честь его жены Ирины, и дело было выиграно. Так Распутин приносил деньги…

Сама же княгиня Ирина Александровна, племянница Государя, пережила мужа на три года, и ее жизнь, так же как и жизнь ее супруга, сложилась в целом благополучно (хотя приходилось ей испытывать нужду и пить морковный чай). Но есть одно неразгаданное обстоятельство в отношениях между Императрицей Александрой Федоровной и женой убийцы Распутина. За несколько часов до своей мученической смерти Государыня сделала последнюю запись в дневнике. Начиналась она так: *«3/16 июля.* 23-й д[ень] рождения Ирины [Юсуповой]». Почему она о ней вспоминала, что это означало – Бог весть…

И в заключение особо хотелось бы остановиться на судьбе Михаила Александровича Новоселова – одного из самых первых и известных борцов с Распутиным. Вот краткие вехи биографии человека, которого Андрей Амальрик презрительно называл ренегатом, а нынешние, называющие себя православными, сторонники Распутина просто мешают с грязью:

«Обвинен в антисоветской агитации, 11 июля 1922 г. проведен обыск на квартире. 19 марта 1923 г. дело прекращено.

Перешел на нелегальное положение. Тайно пострижен в мантию с именем Марк. В 1923 г. тайно хиротонисан во епископа Сергиев-Посадского архиеп. Феодором (Поздеевским), еп. Серафимом (Звездинским), еп. Арсением (Жадановским). В 1922—1927 гг. написал 20 "Писем к друзьям". Организатор "Кочующего" Собора ИПЦ, входил в его рабочую группу. 17 мая 1929 г. арестован. 23 мая 1929 г. приговорен по ст. 58—10 УК РСФСР к 3 годам политизолятора. Отправлен в Суздальский политизолятор. 27 октября 1930 г. привлечен к следствию по делу "Всесоюзного Центра ИПЦ". 3 сентября 1931 г. приговорен по ст. ст. 58—10, 11 УК РСФСР к 8 годам политизолятора. В 1931—1937 гг. – в Ярославской тюрьме. 7 февраля 1937 г. приговорен к 3 годам тюремного заключения. 29 июня 1937 г. вывезен в Вологодскую тюрьму. 17 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян». По другим сведениям, Новоселова расстреляли в начале войны, в 1941 году, на пересыльном пункте.

«…он боролся с "Живой Церковью", этим новым движением, начавшимся после революции внутри церковного общества. Вождем движения был священник из интеллигентов по фамилии Введенский, который пытался "обновить", модернизировать православие, – писала о послереволюционном периоде жизни Новоселова В. Д. Пришвина. – Михаил Александрович, почитаемый в различных кругах православных людей, рассылал доступно изложенные послания к мирянам и духовенству, которые переписывались и распространялись добровольцами в

разных концах России. Но деятельность эта, конечно, ему не прошла даром: в самые свободные от репрессий годы в начале нэпа к Михаилу Александровичу явились с ордером на арест, вероятно, по происках тех "живцов", с которыми он боролся. Михаил Александрович ушел черным ходом, и с тех пор в течение шести лет жил в Москве, не сняв даже выдающей его бороды, жил он у разных друзей, то там, то тут, как птица, и не прекращал борьбы за чистоту возлюбленного им православия. <…>

"Сейчас такое время, – сказал мне однажды Михаил Александрович, – когда праведность человека перед Богом определяется не столько его личным поведением, грехами или добродетелью, сколько его твердостью в вере – в верности церковному сознанию, решимостью стоять в этой верности до смерти и мученичества"».

Судьба Новоселова примечательна еще одним обстоятельством. Как следует из его биографии, он был одним из организаторов «Кочующего собора» Катакомбной церкви, отказавшейся признать Декларацию митрополита Сергия[74]. На этом Соборе обсуждался и тот вопрос, который по сей день остается одним из самых острых во всей распутинской истории: вопрос о связи тобольского крестьянина с венценосной семьей. Вот выдержки из материалов Собора, посвященных этой теме:

«Царская Семья и иже с ними, от богоненавистников во Екатеринбурге убиенныя, вчинятся в Лик Святых Мучеников.

Вокруг сего канона возникла сильная полемика. Против высказались многие "даниловцы" и "андреевцы", причем особо свое мнение оговаривали еп. Марк (Новоселов) и (через еп. Иова) архиеп. Андрей (кн. Ухтомский). Приведем отрывки из стенограмм для уяснения царившей там обстановки:

Еп. Марк: Царь плохо управлял страной и был слаб. Я не могу считать его святым.

Еп. Сергий: Он – святой мученик.

Еп. Иов: Владыка Андрей много говорил о Распутине.

Еп. Сергий: Андрей-то Уфимский сам хорош. У себя в Епархии наделал…

Еп. Марк: Не надо обвинений. Я тоже писал о Распутине. Документы против него неопровержимы.

Еп. Сергий: Там одна клевета.

Еп. Марк: Я проверял.

Еп. Сергий: Пускай Гришка – хлыст и шелапут, но царь с семьей – святые. Они – мученики».

Так всплыл распутинский вопрос в речах гонимых новой властью церковных иерархов десять лет спустя после убийства тобольского крестьянина, и некогда принятый молодыми

Императором и Императрицей странник стал одним из препятствий на пути к их прославлению. Только в 1981 году Царская Семья была причислена к лику святых Русской православной церковью за рубежом. Но парадоксальным образом десять лет спустя, 24 февраля 1991 года Катакомбная церковь на так называемом «Освященном Соборе Епископов Катакомбной русской церкви истинных христиан» причислила к лику святых Григория Распутина-Нового. Этот документ, по данным, которые приводит Сергей Фирсов, был подписан катакомбными епископами Исаакием (Анискиным), Илларионом (Светловым) и Антонием (Ильичевым).

«Известность святого мученика Григория (Распутина) среди народа Божьего в России как наставника будущих Царственных новомучеников и исповедников сделала его ходатаем перед православным Царем за народ русский, страдавший от искушений и смущений, посеянных масонами разных толков.

Бессеребреник и чудотворец, друг царской семьи, Григорий Распутин встал на пути разрушения богоустановленной православной Царской власти в России и поэтому, как показывают исторические свидетельства участников, он был убит в результате заговора масонской ложи, чем и прославил Русскую Церковь в апокалиптическое последнее время».

Впрочем, это мнение «катакомбников» нельзя считать абсолютным. Принадлежащий к другому направлению этой Церкви епископ Дионисий (Алферов) уже после канонизации Распутина выступил со статьей «Распутин и православная аскетика», где, в частности, было высказано такое суждение:

«Но был ли Распутин просто "ошибкой" Государя и особенно Государыни? В жизни бывает, что подобное тянется к подобному – неужели же грязь Распутина можно перенести и на Царскую Семью? Нет, ни в коем случае. Но мы видели, что Распутин был не просто мужиком или шарлатаном, кутилой или еврейским наймитом, – он обладал определенной духовной силой. Создается впечатление, что он был своего рода духовным паразитом Царской Семьи, пользуюсь не только телесно и душевно ее щедростью, но именно духовно питаясь ее чистотой и благочестием, спекулируя на родительском чувстве Матери неизлечимо больного Отрока, подобно тому, как экстрасенсы питаются психо-физической энергией своих жертв. Потому и весь лейтмотив его прорицаний – это собственная неотторжимость от Святой Семьи, ни в сем веке, ни в будущем. Он, действительно, в каком-то смысле был "ангелом" Семьи, если не забывать, что ангелы разного цвета бывают. Потому и никаким способом, никаким убеждением не удавалось от него отделаться. Его

неотвязность была поистине в чем-то сверхчеловеческой, похожей на своего рода духовный вампиризм. Когда смотришь на современное безумное почитание этого лже-старца, кажется, что и по смерти паразит не оставляет хозяина.

В Русской Зарубежной Церкви, почитая Государя, старались не касаться темы Распутина, чтобы не бросать тень на Царскую Семью. В этом православные монархисты уподоблялись благочестивым сыновьям Ноя. Мы тоже не касались бы этого "друга", достойного только забвения, если бы не ажиотаж вокруг его имени, поднятый в последнее время. Распутина настойчиво готовят к канонизации, пишут иконы, каноны и акафисты, отношение к нему ставят показателем почитания самой Царской Семьи: если ты не чтишь Распутина, значит, ты и против Царя. <…>

Воспитанных в обстановке культа лже-старцев в Московской Патриархии, Распутин привлекает именно как старец, вполне соответствующий патриархийным нормам. Тем же, кто отталкивается от иерархии МП, а вместе с этим и от всякой церковной иерархии вообще, Распутин нравится как "светский старец", не бывший ни монахом, ни ученым богословом, ни пастырем, но при этом единственно верно понимавший весь толк в церковных и государственных делах. <…> Если человека не вдохновляют ни страдания Новомучеников, ни подвиги героев Белой Борьбы, ни духовный авторитет подлинных пастырей и духоносцев недавнего прошлого, если вместо этого почитаются всякие кликуши, Опричный царь и Распутин, – значит, дело плохо. Такое настроение не есть христианское, такая духовность – не православная.

Нужно отдавать себе отчет, что канонизация Распутина будет на деле означать развенчание Царской Семьи. Распутинская лже-духовность затмит и скроет от православных подлинное благочестие, смирение и чистоту Августейших Страстотерпцев. Их духовная красота – подлинная, а потому неброская, и она совершенно затмится саморекламным образом этого рокового псевдо-праведника. Государыня при таком совместном почитании превратится в пустосвятку и кликушу, Государь – в слепого послушника такого вождя, слепота которого всем зрячим очевидна. Оправдаются мрачные прогнозы противников канонизации Царской Семьи, утверждавших, что Царские Мученики не самоцель, а лишь средство оправдания и освящения распутинщины.

Так и хочется сказать: да не будет!»

Как следует из этого фрагмента, епископ Дионисий в своей статье не только отверг всякие попытки прославить Распутина, но

и обвинил в его культе Московскую патриархию. Никаких оснований для такого обвинения не существует. Вопрос о канонизации Распутина действительно был поднят некоторыми отдельными клириками и активными мирянами нашей Церкви, и в 1990-е годы стали появляться книги и статьи, представляющие Распутина в роли православного старца, оклеветанного врагами Империи и православия, тогда же было написано несколько икон с его изображением и сложен акафист в честь Григория Нового. Но Синод Русской православной церкви не только не имеет к этому никакого отношения, но все эти проявления самодеятельности однозначно осудил. Более того, именно фигура Григория Распутина смущала членов комиссии по канонизации при Синоде, когда решался вопрос о причислении Царственных Страстотерпцев к лицу святых Русской православной церковью.

«…я хорошо помню по заседаниям синодальной Комиссии по канонизации святых, что как раз общение императора Николая II и императрицы с Распутиным было самой серьезной проблемой, затруднявшей принятие решения о канонизации, – писал преподаватель Московской духовной академии, доктор права и доктор богословия, протоиерей Владислав Цыпин. – В результате тщательного исследования этого вопроса комиссия выработала адекватный подход к этой теме.

Общение царственных мучеников с Распутиным объясняется, как говорилось в заключительных выводах комиссии, болезнью наследника престола и тем, что Распутин, как виделось императрице, мог ему помочь в его страданиях. Конечно, вникая более подробно во все обстоятельства, мы не можем отрицать, что для императрицы Распутин представлялся и религиозно одаренным человеком, может быть, она считала его старцем в собственном смысле этого слова. Но если это так, то мы имеем дело с ее заблуждением. Канонизация императрицы вовсе не исключает ее ошибочн'ых суждений, в том числе и религиозного характера. Мученическая кровь много значит и многое искупает. Но когда сегодня эта канонизация используется для того, чтобы и Распутина внести в святцы, понятно, что здесь мы имеем дело со злонамеренной инициативой. Мне кажется, для религиозно сознательного человека многое проясняет чтение записок самого Распутина. В них он вроде бы выступает как благочестивый православный человек. Но эти записки несут на себе печать своеобразной религиозности, и образ его "старчества" решительно отличается, скажем, от знаменитого и признанного оптинского старчества. В частности, в записках проступает его критическое отношение к духовенству, равно как и его легкое и терпимое отношение к греху, как к тому явлению, без которого спасение

невозможно. В духе пресловутой народной мудрости "Не согрешишь, не покаешься", порой представляется, что ревнители канонизации Распутина добиваются церковной санкции на грех. Во всяком случае, образ "старца Распутина" глубоко чужероден тому, что Церковь традиционно почитает в святых».

«Наверное, это был человек по-своему талантливый и своеобразный. Но духовность, действительно, темная. Сразу это сформулировать трудно, но наверное потому, что у него был образ жизни, несовместимый с христианской этикой. Кажется, он действительно помогал больному Наследнику престола. Какой силой помогал? Это другой вопрос. Весьма сомнительная была духовность», – говорил он же, выступая на радиостанции «Радонеж».

«Я не одобряю энтузиазма тех, кто требует немедленной канонизации Григория Ефимовича Распутина, но в то же время приходится признать, что этот человек был оклеветан, причем на него клеветали по самым разным причинам, – высказал иную точку зрения протоиерей Валентин Асмус. – Самые высокие полицейские чины имели на то свои мотивы. Поэтому даже полицейские донесения о якобы непристойном поведении Григория Ефимовича нельзя считать абсолютно достоверными. Я вспоминаю тот случай, который произошел с одним хорошо мне знакомым священником, который всегда был, так сказать, страстным обличителем Распутина и по этой причине, как и многие другие, не хотел даже признавать святость Царской Семьи. Побывав однажды в городе Верхотурье, а это город севернее Екатеринбурга, где до революции на три тысячи жителей приходилось три монастыря, и узнав из местных преданий, какое тесное отношение к этим монастырям имел Григорий Ефимович, этот священник задумчиво произнес: "Оказывается, история с Распутиным гораздо сложнее, чем мы думали…" Иными словами, еще не настало время сказать окончательное слово о Распутине. Да и кто может сказать окончательное слово, кроме Того, Кто будет нас судить на Страшном Суде?..

Но можно в то же время отметить, что когда вопрос о Распутине рассматривался на заседаниях Синодальной комиссии по канонизации, когда Комиссия рассматривала вопрос о канонизации Царской Семьи, то вопрос о Распутине был одним из главных, и Комиссия сделала особый доклад на эту тему. Это все издано, так что можно посмотреть. Так вот, покойный член этой Комиссии архимандрит Георгий (Тертышников) рассказывал, что когда речь зашла о Распутине и тех обвинениях, которые против него выдвигались, то обвинения падали одно за другим… По

крайней мере, так это было на Синодальной комиссии по канонизации. И вот, в конце концов, кто-то из членов Комиссии с улыбкой сказал: "А, что? Похоже, мы уже занимаемся не канонизацией Царской Семьи, а канонизацией Григория Ефимовича?"

Конечно, никто там не думал о его канонизации, но выяснилось, что обвинения, выдвигавшиеся против него и некогда казавшиеся вполне убедительными, на поверку оказались ложными. Так что оставим пока вопрос в такой стадии. Как в старину говорили ученые: поп liquet – не ясно… Удовольствуемся хотя бы этим».

«Историки же, у которых есть возможность копаться в архивах и проверять, где ложь из одного лагеря, а где ложь из другого лагеря, в итоге вырабатывают более взвешенную позицию, но все равно не в пользу Григория Распутина, – сказал дьякон Андрей Кураев. – В пример могу привести священника, который очень много сделал для прославления царственных мучеников, – протоиерея Георгия Митрофанова из Санкт-Петербурга. Он лучший церковный специалист по русской истории начала XX века. Он член Синодальной комиссии по канонизации святых и именно ему было поручено разобрать все аргументы против канонизации царственных мучеников. И он, работая в архивах, шел шаг за шагом – Ленский расстрел, Кровавое воскресенье, Григорий Распутин, разбирая, что и как там было. Его выводы по этой теме как раз достаточно определенны. Да, мы можем понять, извинить и простить отношение Государя и особенно Государыни к этому человеку, от которого зависела жизнь их сына. Но доброе отношение не стоит принимать за индульгенцию. Увы, есть слишком много свидетельств о мраке, который все-таки был в глубине этой личности.

Второй человек, который тоже немало способствовал канонизации царственной семьи, – протоиерей Александр Шаргунов. Он считает, что второй раз атака на царскую семью идет с использованием имени Григория Распутина. Первый раз это было при жизни царя, когда попробовали связать в единый узел Государя и Григория Распутина, и удар по Григорию Распутину был ударом по Государю. Второй раз их пробуют связать сейчас воедино. Отец Александр это считает продолжением старой провокации. Опять сначала связав воедино в общественном мнении царскую семью и Григория Распутина, потом обратиться к реальным фактам из архивов, нанести удар по Григорию Распутину, а тем самым уже и по всей Церкви: "Видите, Церковь ни в чем не разбирается и она всякого проходимца в лике святых прославляет". Чтобы не рисковать слишком многим,

необходима осмотрительность. Естественно, эта осмотрительность не исключает дискуссии».

Сам Александр Шаргунов говорил о том, что «разговоры о канонизации Распутина, прославившегося своими похождениями, сегодня особенно опасны, потому что в обществе идет беспрецедентная пропаганда растления, все чаще проникающего даже в Церковь <…> Невозможно не увидеть, что деятельность поклонников Распутина – какая-то зловещая пародия на подлинный процесс прославления святых, в частности – на собирание материалов к прославлению Царственных мучеников <…> Мы хотим обратить внимание всех на целенаправленный антицерковный характер движения почитателей Распутина. Имеет место преступление, когда Церкви навязывается то, что ей чуждо. В уста Церкви вкладывается то, что она не исповедует. Перед нами – грубое нарушение церковной дисциплины, когда группа людей самовольно провозглашает кого-то святым, пишет его иконы, составляет ему акафисты и т. п. Появляется новая секта, подобная Богородичному центру, но внутри Церкви. Она особенно опасна тем, что пытается воздействовать на разного рода склонных к экзальтации людей, на неутвержденных в вере и православном трезвении неофитов. Болезненный бред тиражируется от лица Православной Церкви. И самое главное – это оскорбление памяти святой Царской Семьи.

Да, мы считаем, что появление этого движения сразу же после канонизации святых Царственных Страстотерпцев направлено на то, чтобы опорочить Церковь и это благодатное деяние Церкви, чтобы спровоцировать брожение умов. Мы надеемся, что Священноначалие пресечет эту духовную заразу».

Еще одним сторонником Распутина оказался известный священник Дмитрий Дудко: «Лжецы, разрушители, пассивные скептики редко бывают способны просто, по-детски верить. Верить тому, кто всей душой болел за Россию, страдал о ней, кто разделял горькую участь со своим народом, кто умел проявить сострадание и к Императору, и к самому последнему из его подданных. Не случайно Августейшее Семейство было так вежливо и благоговейно к Распутину. Сердце сердцу весть подает: своим чутким праведным сердцем они в Распутине чувствовали праведника и обращались к нему, как к праведнику. И он помогал им молитвою там, где были бессильны опытные врачи. <…>

Распутин стоял за Православие, был сам глубоко православным и к этому призывал всех. Меня особенно поразило то, как он, будучи расстрелянным и брошенным в воду, держал пальцы сложенными в крестное знамение. Крест, как известно, означает победу над бесами. В лице Распутина я вижу весь

русский народ – поверженный и расстрелянный, но сохранивший свою веру, даже погибая. И сим он побеждает!»

Свой интерес к Распутину проявляют и в Сибири. Как было справедливо отмечено в приложении к докладу митрополита Ювеналия, «другим центром, где Г. Распутин привлекает к себе постоянное внимание, является Тюмень, где в среде местных историков-краеведов к нему относятся с особым интересом, как к своему, известному на весь мир земляку. Едва ли где-либо еще так основательно изучают "распутиниану", как в Тюмени».

И в самом деле многие факты, относящиеся к происхождению рода Распутиных, дате рождения Григория Ефимовича, обстоятельств его жизни в Покровском и судьбам членов его семьи стали известны благодаря тюменским краеведам.

«Пятнадцатый год в Покровском действует музей Григория Ефимовича, – читаем мы в статье уже цитировавшегося журналиста Анатолия Меньшикова. – Организаторы – супруги Владимир и Марина Смирновы – за это время стали признанными в научном мире распутиноведами. На сбор экспонатов, документов они отдают все свободное от службы время. И – существенную часть семейного бюджета. Музей размещается в сорока метрах от снесенного особняка Распутина – в двухэтажном доме полуторавековой давности, на четверть ушедшем в землю. Здесь есть, например, подлинные записки Григория министрам с непременным обращением: "Милай, дарагой…"; уникальные фотографии, телеграфная переписка с императором».

А далее автор пишет о тех выгодах, которые с именем Распутина сегодня связаны:

«В наступившем веке *реабилитированное имя* (выделено мной. – *А. В.)* вновь приносит материальные блага. Глава сельской администрации Владимир Чеботаев перечисляет: появился водопровод, газ подводят, дорога наконец-то заасфальтирована, школа отремонтирована, агробизнес на ноги встает. Пусть зарплата пока не превышает трех с половиной тысяч рублей, это лучше, чем сидеть без работы. Без незримого «покровительства» Распутина селу уделяли бы меньше внимания».

Но своей «реабилитацией» Распутин обязан не только энтузиазму земляков, самоуверенности журналистов и хозяйскому отношению местных властей к историческим ресурсам. В работах О. Платонова, А. Боханова, С. Фомина, И. Евсина, Ф. Козырева, Т. Мироновой, Н. Козлова «реабилитация» очень часто граничит с канонизацией, а любая попытка высказаться о Распутине критично приводит к яростной отповеди и угрозам.

«До сих пор (вдумайтесь: до *сегодняшнего* дня! семьдесят лет мясорубки, а нам все нипочем!) мы – облеченные и даже облаченные! (обреченные при этом быть обличенными свыше) – мечем комья грязи в Тобольского Мужика, Друга Тех, Кого Господь милостиво даровал нам прославить, а куски этой грязи, пролетая *мимо него,* ударяют в ослепительно светлый лик Царственной Страдалицы! То-то радуется преисподняя! – играя глаголами, пишет Сергей Фомин и выносит свой решительный вердикт: – Христос, через Григория, исцеляет».

Схимонахиней Николаей (Татьяной Гроян), входившей в окружение старца Николая Гурьянова с острова Залит, уже написано своеобразное распутинское житие: книга «Мученик за Христа и за Царя. Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлого Отрока» – книга, на которую можно было бы и не обратить внимания в силу ее очевидной односторонности и тенденциозности, если бы в ней не приводились в изложении автора слова старца Николая (Гурьянова) о Распутине:

«Господь послал Государю Распутина для укрепления. Ничего плохого в нем не было, а вот горе ему какое было из-за этого. Боже! Все такое страшное…»

«Он был человек простой, очень верующий, молитвенник. Сохрани Бог! – в нем не было никакого колдовства. Господь его в вечности наградил».

«Распутин был истинный раб Божий, честный человек, труженик».

«Помяни его, Господи! Мученик он был и сколько терпел».

«Распутину Господь все открывал».

«Он законный раб Божий… Угодник Божий…»

«Надо его очистить от заплеваний. Грешно быть вместе с чернителями заодно… Бог не простит…»

«– Отче! Как понять отношение к Старцу Григорию (Распутину) духоносного Владыки Феофана Полтавского, который считал, что Распутин был праведником, а потом пал?

– Владыка Феофан немного заблудился, запутался, поверил клевете и грязи, поэтому и гнал Распутина, не понимал. Но это бывает так, по попущению Божию… Помнишь, как юродивые дивеевские гоняли друг друга: временами приезжал к блаженной Пелагее Ивановне из Арзамаса Феодор Михайлович, тоже блаженный… Как поднимут они свою войну! Помнишь, что было? – Бегают, блажат, гоняются друг за другом… Феодор Михайлович с поленом припрыгивает, а Пелагея Ивановна его палкой угощает. Пойди разберись с этими блаженными!.. А Владыке Феофану потом Господь открыл, что он заблуждался

насчет Григория, и он покаялся. Оба ведь молитвенники были какие!»

«Старец Григорий – подвижник: высокие подвиги на себя налагал».

«Распутин – великий молитвенник, все слухи о нем не надо принимать».

«– Отче! Он достоин прославления?

– Его надо прославить, он достоин… А у Господа он уже прославлен: в Царствии Небесном находится, святой».

Мнение весьма почитаемого в православном народе человека, каким был старец Николай (Гурьянов), вызвало определенное смущение среди части верующих. С просьбой прокомментировать эту ситуацию к диакону Андрею Кураеву обратился корреспондент «Сибирской православной газеты»:

«…у нас в Тобольске еще и Распутин – лицо не постороннее (многие священники, ссылаясь на в Бозе почившего отца Николая Гурьянова, имеют на жертвеннике икону Григория Нового, ставят книгу "Жизнь за Царя" чуть ли не в алтаре) – получается такое подпольное движение благочестия среди мирян и священников. Мол, архиереи это дело не принимают, будем бедствовать среди священников определенного круга.

– Не надо путать свою жизненную ситуацию с ситуацией отца Николая Гурьянова, – сказал диакон Андрей. – Понимаете, в жизни человека такого склада, как отец Николай, осталось лишь одно чувство – любовь <…> Любовь же всему верит, по слову апостола Павла. Я по себе помню: когда я еще входил в церковную жизнь, лет 20 назад, то до меня тогда тоже доходили разговоры о канонизации царской семьи: Царь – мученик, а Распутин оклеветан. Знаете, я с радостью на это реагировал. Ведь сама установка советского юноши, уходящего из СССР и приходящего в Православие, такова – пропаганда все врет. Только радостно было узнавать, что еще один был человек, о котором думали плохое, а он оказался замечательным подвижником. Нормальная реакция верующего сердца на такую весть может быть только радостной: "Вот здорово!"

Но оказывается, для церковного человека недостаточно просто жить по велению своего сердца, по первой эмоциональной реакции. Надо еще эти реакции проверять и смотреть: насколько исторически и богословски обоснованна дошедшая до тебя версия, к каким духовным и иным плодам поведет согласие с ней.

Так вот, у отца Николая Гурьянова, я думаю, была нормальная церковная установка на доверие и на приятие доброй информации о другом человеке. А вот возможности проверить эту информацию не было. Поймите, не было у него возможности

рыться в архивах, и поэтому получилось так, что он (и о возрасте нужно помнить) стал в этом смысле заложником людей, окружавших его и фильтровавших поступавшую к нему информацию. Начало и конец земной жизни схожи. В детстве человек зависим от своего окружения и ведом им. Но и о старости сказано: "…егда же состареешися, ин тя препояшет и поведет". О детстве святых сказано в "Вопросах и ответах старцев Варсонуфия и Иоанна", что и святой человек может всю жизнь воспроизводить неверные стереотипы, усвоенные им в школьную пору… Но и в старости человек может стать столь же зависим от ошибок своего окружения. Так что в вопросах исторических я предпочту верить историкам, а не затворникам».

Более категорично высказался в журнале «Благодатный огонь» Василий Львов, поставивший под сомнение подлинность тех высказываний, которые приписала Татьяна Гроян отцу Николаю.

«Пишет она откровенные выдумки и заранее выражает недовольство теми, кто ей не поверит: "Им необходимо, чтобы на всем Божием (!) стояла печать с подписью: 'Это именно сказал Старец Николай такому-то, такого-то числа. Печать и подпись Старца, заверенная нотариусом'… А лучше всего – наличие видеозаписи" …Так к абсурду сводится любая критическая мысль о том, что говорят о батюшке "подвизающиеся при нем". То есть верить надо на слово всему, что скажут о старце две женщины, носившие ему записки да готовившие еду!

И вот так, на слово, надо верить Гроян не только в том, что батюшка почитал Распутина, но и в том, что он был тайным монахом, тайным схимником и даже тайным епископом! Обоснования этим утверждениям просто обезоруживающие: "Схиму батюшки мы не видели и не знали, где она. Сердце не имело сомнений, что авва – схимник" …Обоснование епископства еще более свободно: на одной старой фотографии о. Николай сфотографирован в священническом (!) облачении с двумя иподиаконами по бокам – значит, перед хиротонией, делает выводы келейница. Ну и, конечно же, слова самого батюшки, которых никто, кроме них, не слышал.

Но известны и другие свидетельства, например, следующий рассказ священника, духовного чада о. Николая. К батюшке пришла очередная активистка канонизации Распутина, которая принесла свои материалы. Села, материалы – "житие" и "иконки" – положила на стул. И вот во время беседы на этот стул вспрыгнул и уселся батюшкин кот Липушка. Активистка вся встрепенулась: как же так, кошачьей задницей – на "духоносного великомученика"! А батюшка махнул рукой: "Пускай сидит". Из

той же беседы: активистка жаловалась о. Николаю, что на могиле Распутина кто-то написал: "Здесь лежит собака". "Ну что ж, собаку тоже жалко", – отозвался батюшка.

Так кем же для батюшки был Распутин? "Духоносный Святой Пророк-Великомученик" или собака, которую "тоже жалко"? Почему "откровения" батюшки о его почитании Распутина слышали только Гроян да другая келейница – Валентина, ныне схимонахиня Иоанна, еще одна яростная почитательница Распутина и Ивана Грозного, но никто из вменяемых чад о. Николая ни разу не слышал от него ничего подобного? Почему все эти "иконки", эти слухи, эти рекомендации начались и усилились лишь после того, как старец ослабел и слег, полностью оказавшись в руках этих дам? Ответы на эти вопросы можно получить, рассмотрев личности этих келейниц, по крайней мере той, что написала книжку "Небесный ангел".

Татьяна Гроян, ныне неизвестно кем и при каком монастыре постриженная схимонахиня Николая, разъезжающая по Москве и регулярно выступающая по радио, – яркая труженица на ниве насаждения псевдоправославного почитания Григория Распутина. Ее перу принадлежит огромный том "Мученик за Христа и Царя Григорий Новый" с "Житием" и "Акафистом", по ее почину написаны многие "иконьГ" Распутина. На этой ниве начала она подвизаться, судя по всему, еще до того, как проникла в келейницы о. Николая. Это стало для нее идеей фикс, смыслом жизни, навязчивым неврозом, которым ей удалось заразить и многих других, а некоторые и независимо от нее были им заражены.

Если присмотреться внимательно, то во всех этих с виду спонтанных и невежественных действиях по насаждению культа "старца Григория" становится видна определенная логика, как в игре: ход Гроян & С°: прославили царскую семью – прославьте и Распутина. В этом был смысл бесчисленных иконок, на которых этот нечестивец изображен вместе с царской семьей или с одним из ее членов. Ответ на это Патриарха: Распутин не может быть канонизирован, прославление царской семьи не означает его святости. Следующий ход Гроян: признаете святость отца Николая – признайте святость и Распутина. И опять первая же иконка – отец Николай держит в руках "икону" Распутина. Прямо как в том анекдоте: "Пушкин читает сочинения Сталина"… При рассмотрении и иконки этой, и книжки создается впечатление, что для этой женщины и старец, и царственные страстотерпцы – лишь средства для достижения страстно вожделенной канонизации Распутина».

«…ино дело – старец, ино – его окружение, – охарактеризовал

такое положение дел историк Церкви А. К. Светозарский. – Мы часто знаем, что люди святые в своем окружении держат и обнимают любовью своей людей немощных. Другой вопрос, что потом эти немощные люди вдруг начинают учить уже самочинно, чувствуя себя причастными благодати старчества».

Канонизировали Распутина в так называемом «Богородичном центре»:

«Старец Григорий Распутин – предвестник новой эпохи, богородичный пророк. Один из самых оклеветанных людей на земле. Его тайна до сих пор не открыта миру. Человечеству представлен совершенно превратный образ старца Григория Распутина-Нового. Вслед за Сергеем Булгаковым многие историки до сих пор рассматривают его как оккультиста, мага, разрушившего императорскую семью. Вопиющая ложь! Распутин вел последнюю императорскую чету в Лоно Божией Матери… Императрица называла его нежным словом: Друг. Но кто же друг, если не Бог? На Распутина восставали враги Божий: масоны, фарисеи, политиканы, журналисты, демократы. Старец лучился чистой целомудренной любовью, и ему были открыты великие тайны будущего. На нем была особая метка предвестника новой эпохи. Распутин – предтеча Новой Святой Руси, благословляющий Святую Русь преображением и образом державной. Это были редкостная душа, учитель любви, открывающий сердца… Если бы он пользовался магическими приемами, праведная царица Александра никогда не назвала бы его другом. Но Распутин – верный друг и небесный вестник.

Поскольку старец Григорий был духовником и отцом императорской четы, оскорбление его есть оскорбление не только последних мучеников, святых императора и императрицы, но и всего самодержавия, и всей тысячелетней истории России».

Риторика, хорошо знакомая по высказываниям православных сторонников «оклеветанного старца», – и совпадение это едва ли случайно.

«…нет никаких оснований ставить вопрос о канонизации Григория Распутина, сомнительная нравственность и неразборчивость которого бросали тень на Августейшую фамилию будущих царственных страстотерпцев царя Николая II и его семейство» – высказал свое отношение к Распутину Святейший патриарх Алексий Второй.

Резко против самого предположения о канонизации Распутина высказались и в Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). В 2003 году состоялась поездка делегации священников Московской патриархии в Нью-Йорк. Среди них был протоиерей Максим Козлов, настоятель университетского храма

мученицы Татьяны. Как писалось в одном из отчетов об этой поездке, «по рассказам отца Максима, когда собеседники из РПЦЗ услышали о существующем среди ряда верующих стремлении к канонизации царя Ивана Грозного и Григория Распутина, "у них волосы встали дыбом"». Представитель газеты «Русский вестник», присутствовавший на круглом столе, попытался оспорить данный факт, но отец Максим еще раз подчеркнул, что отношение в РПЦЗ к подобным проектам «крайне отрицательное».

Таким образом, фигура Распутина стала одной из точек соприкосновения между двумя трагически разделенными Церквями. Вместе с тем высказывалась точка зрения, что эта фигура грозит нам и новым разделением.

«Об отсутствии авторитетности нынешней иерархии Русской Православной Церкви наиболее красочно говорят распространяемые по всей стране псевдо-иконы таких изуверов, как палач Иван Грозный и пьяница-развратник Распутин, – говорил, выступая на XI Международной конференции «Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917—18 гг.» в сентябре 2003 года, зарубежный историк Церкви профессор Д. В. Поспеловский. – Осуждение Патриархом и архипастырями культа палача и пьяницы не возымело никакого воздействия на народные массы, что свидетельствует об отсутствии доверия современной российской паствы к своему церковному руководству. Упомянутые сатанинские иконы – а иначе их невозможно назвать – продолжают распространяться по всей стране, и какая-то значительная часть народа предпочитает верить им, а не иерархии своей Церкви! Это ли не доказательство того, что максимально представительный поместный собор – и не трехдневка, как пошло с советских времен, а продолжительный, типа Собора 1917/18 гг. – жизненно необходим сегодня во имя спасения и оздоровления Православной Церкви в России».

Трудно сказать, насколько оправданы эти опасения и так ли уж действительно велико народное почитание Григория Распутина, но когда год спустя в октябре 2004 года в Москве состоялся Архиерейский собор Русской православной церкви, митрополитом Ювеналием был сделан доклад и распространено приложение к нему, касающееся Григория Распутина.

«В настоящее время, благодаря деятельности околоцерковных средств массовой информации и творчеству нескольких богословски невежественных и научно недобросовестных "историков", кампания в поддержку канонизации Г. Распутина приобретает все более широкий и громогласный характер подобно аналогичной реабилитационно-канонизационной кампании Ивана Грозного, – говорилось в приложении к этому

документу. – Однако при всей агрессивной навязчивости своих аргументов, впрочем, более напоминающих обличения и заклинания, эта кампания оказывается неспособной опровергнуть важнейшие выводы относительно негативных сторон личности и деятельности Г. Распутина, сделанные как в церковной жизни, так и в исторической науке.

Во-первых, немногочисленные сочинения, связанные с именем Г. Распутина, по-прежнему определенно свидетельствуют не только о богословском невежестве сибирского "старца", дерзавшего духовно наставлять императорскую семью и религиозно поучать церковных иерархов, но и о приверженности их автора духовным настроениям и религиозным установкам, распространенным среди "народного" сектантства мистическо-харизматического толка.

Во-вторых, материалы столь долго тянувшегося, но должным образом так и не завершившегося расследования консисторского дела о принадлежности Г. Распутина к секте "хлыстов" оставляют открытым вопрос о его непосредственных связях с сектантами и о степени мировоззренческого влияния на него сектантской идеологии. При этом неоднократно отмечавшиеся современниками психотерапевтические способности Г. Распутина, которые в конце петербургского периода своей жизни он совершенствовал под руководством профессионального гипнотизера, могут свидетельствовать не столько о благодатной одаренности Г. Распутина, сколько о влиянии на него псевдомолитвенной, экстатической религиозности мистических сект.

В-третьих, безнравственный характер личной жизни Г. Распутина, сопровождавшейся особенно в Санкт-Петербурге безудержными пьянством и развратом, был неоднократно и неопровержимо засвидетельствован многочисленными и весьма авторитетными современниками. При этом среди обличителей Г. Распутина в личной безнравственности оказывались не только многие авторитетные священнослужители, среди которых были некоторые канонизованные Церковью святые, и многие выдающиеся государственные деятели, но и опиравшиеся на беспристрастную и объективную информацию своей многочисленной агентуры высокопрофессиональные руководители российских спецслужб, подобные начальникам санкт-петербургского охранного отделения генералам А. В. Герасимову и К. И. Глобачеву.

В-четвертых, несмотря на искусственно подогреваемый в течение нескольких лет некоторыми периодическими изданиями ажиотаж вокруг возможной канонизации "оклеветанного старца"

Г. Распутина и даже проведение этой "канонизации" 24 февраля 1991 г. на "Освященном Соборе Епископов Катакомбной Русской Церкви истинных христиан", почитание Г. Распутина среди православного духовенства и церковного народа отсутствует.

Следует подчеркнуть, что во многом искусственно инспирируемые попытки добиться канонизации в Русской Православной Церкви двух "оклеветанных праведников" царя Ивана Грозного и Г. Распутина исходят не из традиционно признанных в Церкви оснований канонизации, положительно обосновывающих святость подвижника наличием чудотворений, широкого народного почитания, праведной жизни и безупречной православной веры подвижника. В основу этих двух "канонизаций" предлагается положить лишь в последние годы появившиеся богословски безграмотные и исторически бездоказательные книги, брошюры и статьи весьма немногочисленных, но весьма крикливых почитателей Ивана Грозного и Г. Распутина, одержимых идеей разоблачения "клеветнического заговора", жертвами которого впервые в истории Русской Православной Церкви почему-то стали именно эти двое, отделенные друг от друга тремя веками заблудших мирян. Не доказательства подлинности праведности царя Ивана Грозного и Г. Распутина, которые должны быть ведомы Церкви, но "доказательства" ложности традиционно существовавших в церковной жизни представлений о греховности этих исторических личностей должны стать основанием этих навязываемых Церкви невиданных ранее "канонизаций a contrario", то есть от противного».

Как и следовало ожидать, этот текст вызвал возмущение у тех, против кого он был направлен.

«Прочитал доклад митр. Ювеналия и ужаснулся. На меня как будто повеяло ветром революции и советской безбожной власти с ее преследованиями православных подвижников и бесстыдной клеветой на них. Как человек, много лет посвятивший изучению жизни Григория Распутина, ответственно заявляю, что вся часть доклада митр. Ювеналия, относящаяся к деятельности этого подвижника Православия, является пересказом полного набора клеветнических утверждений, созданных в 1910—1920-х годах врагами Православия и Монархии для дискредитации Русского царя и Церкви, – выступил в ответ О. А. Платонов. – Клеветническое содержание доклада митр. Ювеналия стало оскорблением религиозных чувств православного духовенства и мирян. В целом доклад митр. Ювеналия можно рассматривать как организованную политическую акцию церковных либералов, направленную на усиление их позиции в Русской Православной

Церкви. Либералы, составляющие меньшинство в церковном народе, не прекращают попыток оттеснить от иерархического кормила представителей национально-патриотического большинства, дискредитируют их вождей, клеветнически пытаясь представить их последователями хлыста, пьяницы и развратника. Церковные либералы значительно активизировались в период болезни Святейшего Патриарха. Кощунственное выступление митр. Ювеналия нанесло ощутимый ущерб Русской церкви. Симптоматично, что враждебные России радиоголоса – "Би-би-си", "Голос Америки и Израиля", "Свобода" и "Немецкая волна" все как один одобрили доклад Ювеналия *«как попытку здоровых сил Русской церкви дать отпор реакционерам и мракобесам»* («Би-би-си», 12 октября).

Среди православных мирян Москвы и Московской области авторитет митр. Ювеналия резко упал, ширится движение по сбору подписей под петицией Святейшему Патриарху с просьбой отправить митр. Ювеналия на покой. Самого строгого наказания православные люди требуют и для других составителей доклада».

Кто проводил опрос православных мирян Москвы и Московской области и какие православные, от чьего имени выступил О. Платонов, требуют наказать составителей доклада, не вполне ясно. Тем не менее если несколько лет назад книги о Распутине продавались во многих церковных лавках, то теперь ситуация изменилась. Наше сознание мало-помалу становится не либеральнее, но трезвее, и вопрос о канонизации Григория Распутина Русской православной церковью можно считать закрытым не только потому, что так было решено на Архиерейском соборе, но потому, что за рамки негласной секты это почитание так и не вышло. Однако вряд ли когда-либо окажется «закрытой» фигура Распутина, и новые книги о сибирском страннике обречены появляться на свет. Трудно предположить, чтобы они обогатили нас новыми неожиданными фактами, скорее – гипотезами, версиями, пристрастиями и интерпретациями.

«На основании того, что я сейчас знаю (кстати, оговорка, необходимая для всякого суждения), Григорий Распутин – та птица, что залетает в дом и бьется, мечется там перед чьей-то смертью», – образно высказалась о Распутине поэтесса Наталья Ганина.

Автор настоящей книги в завершение хотел бы очень кратко сформулировать свое отношение к герою столь долгого и все равно неполного повествования. Превращенный желтой прессой, мировой кино– и порноиндустрией в скабрезную карикатуру, в пугало и одновременно с этим в успешный проект и

неиссякаемый источник доходов, неуклюже и бездумно «прославленный» в последние времена своими сторонниками-сектантами, Григорий Распутин оказался одной из самых трагических фигур русской истории. Он не был святым, как не был и чертом, но его судьба сложилась таким образом, что он оказался историческим соблазном и испытанием, выдержать которые Россия, к несчастью, не смогла. Ни общество, ни Синод, ни Царская Семья… Ни монархисты, ни республиканцы, ни консерваторы, ни либералы. Ни политики, ни депутаты, ни писатели, ни читатели. Ни современники Распутина, ни, похоже, их потомки. О степени личной ответственности сибирского крестьянина судить трудно, и, безусловно, прав игумен Тихон (Шевкунов): судить не нам. Нам – помнить о том, что именно через Григория Распутина прошел один из самых страшных и катастрофических разломов русской жизни, чьи последствия сказываются по сей день, «…невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17; 1). В известной мере эти слова Спасителя можно отнести и к Григорию Распутину-Новому, и не приведи Бог, чтобы на каком-нибудь витке русской истории повторилось то, что завязалось в России столетие назад, и натянутый как тетива странник приблизился к царствующему граду.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Г. Е. РАСПУТИНА-НОВОГО

1869, 9 января – в слободе Покровской Тобольской губернии у крестьянина Ефима Яковлевича Распутина и его жены Анны Васильевны родился пятый ребенок (предыдущие дети умерли).

10 января — младенец был крещен с именем Григорий в честь святителя Григория Нисского. Крестные – дядя Матвей Яковлевич Распутин и девица Агафья Ивановна Алемасова.

1884—1897— заболевание Григория Распутина, связанное с расстройством сна и ночным недержанием мочи (по его собственному свидетельству). Согласно показаниям Распутина с 15-летнего возраста был склонен к пьянству, по свидетельствам односельчан, замешан в мелких кражах.

1887, 2 февраля — Григорий Распутин женится на девице Прасковье Федоровне Дубровиной (умерла в 1933 году в Салехарде).

1888—1892— рождение и смерть первых трех детей.

Около 1892 – начало регулярных странствий Григория Распутина и Дмитрия Печеркина по святым местам (в том числе в Абалакский и Верхотурский монастыри).

1895, 25 октября — рождение сына Дмитрия (умер в 1933 году в Салехарде).

1898, 26 марта — рождение дочери Матрены (умерла в 1977 году в Калифорнии).

1900, 28 ноября – рождение дочери Варвары (точная дата смерти неизвестна).

Григория Распутина посещает в Покровском будущий тобольский губернатор Н. А. Ордовский-Танаевский.

Конец 90-х гг.XIX – началоXX в. – в Покровском возникает религиозная община, в которую помимо Григория Распутина входят Николай Распопов, Николай Распутин, Илья Аронов, Катя и Дуня Печеркины.

Около 1902 — Тобольская консистория впервые проявляет интерес к религиозной деятельности Г. Е. Распутина, подозревая его в принадлежности к хлыстовству.

1903—1904 – по показаниям Е. А. Казаковой, Распутин рассказывает о том, что он приглашает в баню молодых девушек и женщин для «полного покаяния» и «закаляет их против страсти». Г. Е. Распутин знакомится с казанской купчихой Башмаковой и входит в круг, близкий к Казанской духовной академии. Знакомство со старцем Гавриилом (Зыряновым).

1904 — знакомство с Казанским епископом Хрисанфом и получение у него рекомендательного письма к епископу Сергию (Страгородскому). Поездка в Петербург, в Духовную академию, знакомство с архимандритом Феофаном (Быстровым), иеромонахом Илиодором (Труфановым) и молодым стипендиатом Иваном Федченковым (будущим митрополитом Вениамином).

1904—1905— архимандрит Феофан представляет Григория Распутина Великим Княгиням Милице и Анастасии («черногоркам»). Знакомство Распутина с О. В. Лохтиной и священником Романом (Медведем). Возможная (документально не подтвержденная) встреча Распутина с отцом Иоанном Кронштадтским.

1904—1906— в Петербурге складывается круг ближайших почитательниц Распутина-Нового: О. В. Лохтина, Х. Берладская, Е. Сильверс, З. Л. Манштедт, Л. и М. Головины и др.

1905, 1 ноября – Григория Распутина представляют Императору Николаю Александровичу.

1906, 18 июля – вторая встреча Распутина с Государем.

Октябрь — Распутина посещают в Покровском О. В. Лохтина и Анна Медведь (жена священника Романа Медведя).

13 октября – третья встреча с Государем, Распутин привозит в подарок Императору образ Симеона Верхотурского и знакомится с царскими детьми; начинает оказывать помощь Цесаревичу Алексею Николаевичу, больному гемофилией.

16 октября – Государь обращается с письмом к Столыпину, рекомендуя ему принять Распутина по просьбе последнего.

9 декабря – новая встреча Распутина с Императором.

15 декабря – Распутин обращается к Государю с просьбой изменить его фамилию, добавив к ней слово «Новый».

22 декабря – ходатайство по изменению фамилии утверждено: Распутин и члены его семьи получают право именоваться Распутиными-Новыми.

1907— в течение года Распутин знакомится с самыми близкими к Императорской Чете людьми: с Анной Александровной Танеевой (Вырубовой), Юлией Александровной Ден, с флигель-адъютантом Николаем Петровичем Саблиным, няней царских детей М. В. Вишняковой, а также с Великой Княгиней Ольгой Александровной.

Весна – Г. Е. Распутина-Нового посещает в Покровском инкогнито Великая Княгиня Милица Николаевна и жертвует ему деньги на строительство нового дома и новой церкви. *9 мая* – Распутин на церковном сходе предлагает строить в селе новый храм.

Май – окончание работы Распутина над автобиографической книгой «Житие опытного странника»; отредактирована кем-то из почитательниц автора. *19 июня* – новая встреча с Императором.

Лето – Распутина посещают в Покровском О. В. Лохтина, Х. Берладская, Е. Сильверс. Разрыв Распутина с отцом Романом Медведем.

Сентябрь — Тобольская консистория возбуждает дело о принадлежности Г. Е. Распутина-Нового к секте хлыстов.

1908, 10 января – в доме Григория Распутина происходит обыск.

7 мая – дело о принадлежности Распутина-Нового к секте хлыстов утверждено епископом Антонием (Каржавиным), но дальнейший ход ему не дан.

«Тобольские епархиальные ведомости» объявляют благодарность епархиального начальства с выдачею похвального листа крестьянину слободы Покровской Тюменского уезда Григорию Новому (он же Распутин) за пожертвование в приходскую церковь. Знакомство Распутина с епископом Гермогеном (Долганевым), с князем Н. Д. Жеваховым, журналистом Г. П. Сазоновым. К Распутину проявляет интерес дворцовый комендант В. А. Дедюлин, подозревая в нем потенциального террориста и устанавливая за ним наблюдение. *Август* – поездка в Покровское А. А Вырубовой[75].

5 ноября — запись о появлении Г. Е. Распутина при дворе в дневнике А. В. Богданович.

Декабрь — две встречи Государя и Распутина у А. А. Вырубовой.

1909 – по материалам полицейского наблюдения П. А. Столыпин делает доклад Государю о предосудительном поведении Распутина и отдает распоряжение выслать его в Сибирь (не выполненное из-за противодействия Великой Княгини Милицы Николаевны). Государыня Александра Федоровна поручает иеромонаху Вениамину (Федченкову) написать биографию Григория Распутина-Нового.

Июнь-июль – поездка в Верхотурье и Покровское епископа Феофана (Быстрова). По возвращении разговор епископа с Распутиным (в присутствии иеромонаха Вениамина) с целью убедить Распутина, что он находится на ложном пути. Лицемерное раскаяние последнего.

Осведомленность митрополита Антония (Вадковского) о Распутине.

1910, январь-февраль — период наиболее интенсивных встреч Распутина с Царской Семьей.

Январь – тревожная запись о Г. Е. Распутине в дневнике

Великого Князя Константина Константиновича Романова (К. Р.) со слов епископа Владимира (Богоявленского).

Начало года — письмо епископа Феофана к епископу Гермогену о недостойном поведении Распутина.

Весна — поездка в Покровское группы женщин и среди них М. В. Вишняковой и З. Л. Манштедт.

Март – возмущенные разговоры о Распутине между воспитательницей царских детей С. И. Тютчевой и Великой Княгиней Ксенией Александровной.

Март-апрель — в газете «Московские ведомости» появляются первые статьи М. А. Новоселова, направленные против Г. Е. Распутина.

Май-июнь — статьи о Распутине печатает газета кадетов «Речь». Следует новое обращение Столыпина к Государю по поводу Распутина. Распутин удаляется в Покровское вплоть до конца года, где его посещает Илиодор и похищает либо берет в качестве сувенира письма Государыни и Великих Княжон к Распутину. *Ноябрь* — Распутин «оправдывается» перед Государем; перевод епископа Феофана в Крым.

1911, начало года – епископ Феофан обращается в Синод с предложением выступить против Распутина. Отказ Синода, обеспокоенность делом Распутина архиепископа Антония (Храповицкого). *Февраль* – Распутин дарит Государыне книгу со своими мыслями и изречениями.

Март—май – паломничество Распутина на Святую землю через Киев и Почаев. Заочное участие Григория Распутина в конфликте между Синодом и иеромонахом Илиодором на стороне последнего.

Лето – охлаждение в отношениях с Илиодором. Резкое разочарование в Распутине епископа Гермогена (Долганева).

Конец августа – начало сентября — Распутин находится в Киеве по случаю торжеств, связанных с 50-летием отмены крепостного права.

1 сентября — смертельно ранен П. А. Столыпин.

Осень – второй безрезультатный разговор епископа Феофана с Императрицей о Распутине.

16 декабря – попытка Гермогена остановить Распутина насильственным путем.

Конец декабря – начало января – распространение писем Государыни и Великих Княжон к Распутину.

1912, 3 января — увольнение епископа Гермогена из Синода с требованием вернуться в вверенную ему епархию.

17 января — увольнение Гермогена на покой в Жировецкий монастырь. Направление Илиодора во Флорищеву пустынь.

24 января — статья М. А. Новоселова против Григория Распутина. Запрос А. И. Гучкова в связи с конфискацией брошюры М. А. Новоселова.

29 января — разговор Императора с министром внутренних дел А. А. Макаровым с требованием обуздать печать.

30 января — совещание премьер-министра В. Н. Коковцова, министра А. А. Макарова и обер-прокурора В. К. Саблера о деле Распутина.

31 января – разговор Императора с министром Двора бароном Фредериксом о Распутине.

// февраля – очередная встреча Государя с Распутиным.

13 февраля – В. Н. Коковцов получает письмо от Распутина с просьбой о встрече.

14 февраля – разговор Государя с матерью-Императрицей о Распутине.

15 февраля — встреча В. Н. Коковцова с Г. Е. Распутиным и, возможно, финансовое предложение премьера крестьянину с условием навсегда оставить дворец.

Вторая половина февраля – Распутин покидает Петербург. *26 февраля* – аудиенция председателя Государственной думы М. В. Родзянко у Государя и высочайшее повеление Родзянко предоставить заключение о Распутине на основе расследования его принадлежности к секте хлыстов.

8 марта — Родзянко извещает Государя о том, что его доклад подготовлен.

9 марта — резкое выступление А. И. Гучкова в Государственной думе. Отказ Государя встречаться с Родзянко.

12 марта — Государь отбывает в Ливадию в возмущенном состоянии духа.

Вторая половина марта – Распутин возвращается в Петербург и снова отбывает в Покровское.

Март – фрейлина С. И. Тютчева уволена из дворца за противодействие Распутину и распускание слухов о нем.

Май – Распутин отправляется в Ливадию по приглашению Императрицы, а оттуда в Покровское.

20 июня — Распутина посещает в Покровском епископ Варнава (Накропин).

Лето – Распутина посещают в Покровском новый Тобольский епископ Алексий (Молчанов), а также известный московский миссионер протоиерей Иоанн Восторгов.

Август — заключение Бонч-Бруевича о непринадлежности Распутина к хлыстам.

Октябрь — обострение гемофилии у Цесаревича Алексея и обращение Императрицы за молитвенной помощью к Г. Е.

Распутину.

29 ноября – новым епископом Тобольским Алексием составляется заключение Тобольской духовной консистории о принадлежности Распутина к православному вероисповеданию. *Декабрь* — Илиодор снимает с себя сан и возвращается в родную деревню.

1913, 17 июля – встреча Распутина с Государем в связи с делом об имяславцах.

Сентябрь – попытка ялтинского губернатора Думбадзе физически устранить Григория Распутина.

Удаление из Москвы священника отца Владимира (Востокова) за цикл статей, направленных против Распутина, в газете «Отклики на жизнь».

Начало контрактов Распутина с еврейскими финансовыми кругами.

1914, март — новые выступления против Распутина в Государственной думе в связи с утверждением бюджета Святейшего синода. Речи П. Н. Милюкова, князя С. П. Мансырева, иерея Филоненко.

29 июня — покушение на Распутина Хионии Гусевой.

1—2 июля – газеты печатают некрологи о Распутине. Обращение Государя к министру внутренних дел с требованием усилить охрану Распутина и предотвратить подобные покушения в дальнейшем.

Июль – телеграммы Распутина Императору, а также письмо с ярко выраженной антивоенной позицией.

Август — возвращение Распутина в Петербург. Новые встречи с Государем.

1915, 26 марта – скандальный ужин в «Яре».

1 июня – товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский докладывает Государю о происшествии в «Яре».

9 июня – очередная встреча Распутина с Государем.

10 июня – аудиенция А. Д. Самарина у Государя в Царском Селе.

15 июня – в Петербурге начинают распространяться слухи о возможном назначении А. Д. Самарина на должность обер-прокурора.*июня* – Распутин отправляется из Петрограда в Покровское.

19—21 июня — аудиенция А. Д. Самарина у Государя в Ставке и разговор об удалении Григория Распутина как одном из условий согласия Самарина на назначение на должность обер-прокурора Синода.

16 июля – речь Самарина на заседании Синода, содержащая выпады против Распутина.

31 июля – Распутин приезжает в Петроград.

4 августа — Государь дает аудиенцию А. Д. Самарину. Распутин благословляет Государя иконой и покидает Петроград.

9 августа – скандал на пароходе «Товарпар».

15 августа — увольнение В. Ф. Джунковского.

17 августа — появление анонимной заметки «Опять Распутин» в газете «Вечернее время».

21 августа — коллективное письмо большинства министров с просьбой к Государю отказаться от намерения занять пост верховного главнокомандующего.

27 августа — фактическое прославление Иоанна Тобольского епископом Варнавой (при поддержке Г. Е. Распутина) без благословения Синода.

7—8 сентября – епископ Варнава предстает перед Синодом.

9 сентября — выступление В. И. Гурко на съезде земского и городского союза со словами: «Нам нужна власть с хлыстом, а не власть, которая сама под хлыстом».

25 сентября – обер-прокурор Синода А. Д. Самарин и министр внутренних дел Н. Б. Щербатов освобождены с занимаемых ими должностей.

Назначение А. Н. Хвостова на должность министра внутренних дел.

Ноябрь — удаление митрополита Владимира (Богоявленского) из Москвы и назначение на Петербургскую кафедру митрополита Питирима (Окнова).

3 декабря — новое несчастье с Цесаревичем Алексеем и помощь Г. Е. Распутина.

1916, январь-февраль – попытки А. Н. Хвостова физически устранить Распутина. Миссия и провал агента Ржевского.

6 февраля – просьба Императрицы и А. А. Вырубовой генералу Беляеву усилить охрану Распутина.

Март – отставка А. Н. Хвостова и С. П. Белецкого. Отставка могилевского губернатора Пильца в связи с его антираспутинской позицией.

14 марта – Распутин покидает Петроград.

17 марта – разговор в Ставке протопресвитера Ша вельс ко го с Государем о Распутине.

23 апреля — возвращение Распутина в столицу. *4—11 июня* – празднества в честь прославления святого Иоанна Тобольского.

11 июня – отбывает из Петрограда в Покровское. *29 июня* – Распутин прибывает из Покровского в Тобольск.

10 июля – арест в Петрограде банкира Д. Рубинштейна.

Август – арест И. И. Манасевича-Мануйлова.

9 августа – Распутин, Вырубова и Ден отправляются в

Тобольск.

Начало сентября – возвращение Распутина в Петроград. Назначение Протопопова на должность министра внутренних дел.

1 ноября – провокационная речь П. Н. Милюкова в Думе. Начало активной подготовки убийства Распутина.

6 декабря – освобождение Д. Рубинштейна;

несколькими днями позднее – освобождение от уголовного преследования И. И. Манасевича-Мануйлова – последнее вмешательство Распутина в государственные дела.

Ночь с 16 на 17 декабря – убийство Григория Распутина-Нового во дворце Феликса Юсупова.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Амальрик А. Распутин. Документальная повесть; Ф. Юсупов. Конец Распутина. М., 1992.

Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962.

Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002.

Белевская-Летягина М. Из прошлого. Архиепископ Феофан и Распутин//Утес. Литературно-художественный ежемесячник. 1931. №1. Ноябрь.

Берберова Н. Н. Курсив мой. М., 1999.

Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997.

Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.

Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.

Болотин Л. Е. Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М., 1996.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1958.

Боханов А. Н. Анатомия мифа. М., 2000.

Боханов А. Н. Николай II. М., 1997.

Булгаков С. Н. На пиру богов // Из глубины. М., 1991.

Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991.

Бэттс Р. Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г. Е. Распутине. М., 1997.

Бэттс Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи святитель Феофан Полтавский (1874-1940). М., 1994.

Варнава (Беляев), епископ. Тернистым путем к Небу. Жизнеописание старца Гавриила Седмиезерной пустыни. М., 1996.

Ватала Э. Григорий Распутин без мифов и легенд. М., 2000.

Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994.

Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александрова Танеева (Вырубова) – монахиня Мария / Автор-составитель Ю. Рассулин. СПб., 2005.

Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923.*Воейков В. Н.* С царем и без царя. М., 1994.

Возчиков В. А., Козлов Ю. Я., Колтаков К. Г. Костер для «святого черта». Бийск, 1998.

Волков С. А. Последние у Троицы. М.; СПб., 1995.

Воррес Й. Последняя Великая Княгиня. М., 2003.

Гаврюшин Н. К. Церковь и монархическое сектантство. Московская духовная академия. Богословский вестник. Сборник научных трудов. Вып. III. Сергиев Посад, 2000.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991.

Гиппиус З. Н. Живые лица. М., 2002.

Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001.

Глобачев К. Н. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 7-8.

Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. В 4 т. М., 1997.

Гроян Т. Мученик за Христа и за Царя. Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлого Отрока. М., 2001.

Гроян Т. Царю Небесному и царю земному верный. Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий-«Невский"). М., 1996.

Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927.

А. И. Гучков рассказывает. М., 1993.

Игумен Дамаскин (Орловский). Житие священноисповедника Романа (Медведя; 1874-1937). Тверь, 2000.

Ден Ю.А. Подлинная Царица. СПб., 1999.

Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997.

Дневники Императора Николая II. М., 1991.

Дневниковые записи и переписка Императрицы Александры Федоровны Романовой. М., 1998.

Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых. К вопросу о канонизации Царя Ивана Грозного и Г. Е. Распутина. Reliagare.ru Религия и СМИ.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.

Епифаний (А. А. Чернов), схимонах. Жизнь святителя Феофана. Архиепископ Полтавский и Переяславский. Афины, 1999—2000.

Жевахов И. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М., 1993.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

Жуковская В. А. Воспоминания / Российский архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Вып. II—III. М., 1992.

Заварзин П. П. Жандармы и революция. Париж, 1930.

Иванов-Разумник Р. В. Тюрьмы и ссылки. М., 2000.

Иоффе Г. З. «Распутиниада»: большая политическая игра //

Отечественная история. 1998. № 3.

Канонизация Распутина – канонизация блуда // Благодатный огонь. 2005. № 13.

Канонизация Царской Семьи: за и против // Церковь и время. 1998. № 4(7).

Касвинов М. М. Двадцать три ступени вниз. М., 1978.

Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997.

Клюев Н. А. Гагарья судьбина. – В кн.: *Клюев Н. А.* Словесное древо. СПб., 2003.

Князев С. Распутины из села Покровского и их корни в Коми крае // Генеалогический вестник. 2001. № 5.

Кобылин В. Анатомия измены: Император Николай II и генерал-адъютант М. В.Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998.

Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001.

Козлов Н. Друг Царей. Б.м., 1994.

Козырев Ф. Н. Распутин, которого мы потеряли. СПб., 2001.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. М., 1991.

Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб.; М., 2003.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002.

Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920.

Лескин Д. Спор об имени Божием. СПб., 2004.

Львов В. О. О протоиерее Николае Гурьянове и антиправославном почитании Распутина // Благодатный огонь. 2003. № 10.

Маклаков В. А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки.

No 14 *Марков С. В.* Покинутая царская семья. М., 2002.

Материалы, связанные с вопросом о канонизации Царской Семьи. М., 1996.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1998.

Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. М., 2003.

Мелъгунов С. Я. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957.

Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1979.

Мельник Т. (урожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.

Меньшиков А. Нормальный Григорий // Российская газета.

2005. 2 сент.

Меньшиков М. О. Дневник 1918 года / Российский архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Вып. IV. М, 1993.

Миллер Л. Царская Семья – жертва темной силы. Мельбурн, 1998. Репринт. Сергиев Посад, 1999.

Миллер Р.-Ф. Святой дьявол: Распутин и женщины. Берлин – Вена – Лейпциг, 1927. Переиздано: СПб.: Печатный Двор, 1994.

Мосолов А. А. При дворе последнего Императора. Записки Начальника Канцелярии Министра Двора. СПб., 1992.

Мэсси Р. Николай и Александра. Смоленск, 1996.

Новоселов М. А. Забытый путь опытного богопознания. М., 1912.

Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994.

Оклеветанный старец (Правда о Григории Распутине) / Сост. И. Евсин. Рязань, 1997.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания. Каракас; СПб.; М., 1993.

Острецов В. М. Масонство, культура и русская история: Историко-критические очерки. М., 1999.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1—7/Под ред. П. Е. Щеголева. М.—Л., 1924-1927.

Палеолог М. Дневник посла. М., 2003.

Панкратов В. С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990.

Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. Томск, 2001.

Платонов О. А. Жизнь за Царя (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996.

Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996.

Платонов О. А. Терновый венец России. Пролог цареубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М., 2001.

Последний временщик русского царя // Вопросы истории. 1964. № 10, 12; 1965. № 1.

Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2003.

Радзинский Э. С. Распутин: Жизнь и смерть. М., 2000.

Распутин-Новый Г. Е. Духовное наследие (Избранные статьи, беседы, мысли и изречения). М., 1994.

Распутин-Новый Г. Е. Избранные мысли, письма и телеграммы

Царской Семье (собственноручно переписанные на память Августейшими Адресатами). М., 1990.

Распутина М. Г. Распутин. Почему? М., 2000.

Родзянко М. В. Крушение империи. М., 1991.

Розанов В. В. Апокалиптическая секта. – В кн.: Возрождающийся Египет. М., 2002.

Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994.

Романов А. В. (Великий Князь). Военный дневник // Октябрь. 1998. № 5.

Романов А. М. (Великий Князь). Книга воспоминаний. Париж, 1933.

Россия перед Вторым Пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии) / Сост. С. и Т. Фомины. М., 1998.

Самарина-Чернышева Е. Александр Дмитриевич Самарин // Московский вестник. 1990. № 3.

Серафим (Кузнецов), игумен. Православный Царь-мученик. М., 1997.

Скорбный ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях / Сост. С. В. Фомин. СПб., 2005.

Скорбный путь Романовых 1917—1918 гг. М., 2001.

Смирнов В. Л. Неизвестное о Распутине. Тюмень, 1999.

Смолин И. К. История Русской Церкви: 1700—1917 / История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 9.

Смыслов И. В. Знамение погибшего царства. М., 2002.

Соколов N. А. Предварительное следствие 1919—1921 гг.// Сост. Л. А. Лыкова / Российский архив (История отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Вып. VIII. М., 1998.

Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1990.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. М., 2001.

Солженицын А. И. Красное колесо: Повествованье в отмеренных сроках. М., 1993

Соловьев Илья, дьякон. Митрополит Антоний (Вадковский) и российская церковно-общественная жизнь на рубеже XIX—XX столетий // Церковный вестник. 2002.

Солоневич И. Л. За тенью Распутина // Наша газета. 1939.

Солоневич И. Л. Народная монархия. Минск, 1998.

Солоневич И. Л. Уроки и плоды революции. Вступление к книге «Белая империя» // Москва. 1997. № 7.

Спиридович А. И. Начало Распутина // Иллюстрированная Россия. Париж, 1932. 9 апреля. № 15 (361).

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960.

Стремоухое П. П. Моя борьба с епископом Гермогеном и

Илиодором//Архив русской революции. Т. 16. М., 1993.

Тихомиров Л. А. Из дневника // Красный архив. 1936. Т. 1 (74).

Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Л., 1991.

Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) / Составлено А. Н. Яхонтовым. Берлин, 1926.

Фалеев В. За что убили Григория? // Дорогами тысячелетий. Кн. 4. М., 1991.

Фирсов С. Л. К истории новейшего мифотворчества // НГ-религии. 2006. № 3.

Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М., 1996.

Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (Конец 1890-х – 1918 г.). М., 2001.

Фомин С. В. Их пепел в наших сердцах (Царственные Мученики, Григорий Новый и Россия) // Русский вестник. 2002. № 43—44.

Фомин С. В. Друг друга отражают зеркала // Русский вестник. 2006. 9 февр.

Фомин С. В. Затянувшаяся «Агония» // Русский вестник. 2003. № 5.

Фомин С. В. Последний Царский Святой. Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, Сибирский Чудотворец. СПб., 2003.

Фомин С. В. Правда о Григории Ефимовиче Распутине. Как они Его жгли // Русский вестник. 2002. № 21—23.

Фомин С. В. Так говорил Распутин // Русский вестник. 2005. № 19.

Фудель С. И. Собрание сочинений. В 3 т. М., 2001.

Чернышев А. В. Кое-что о распутиниаде и издательской конъюнктуре наших дней (1990—1991 гг.)//Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. Вып. 2. Тюмень, 1996.

Чернышев А. В. Распутиновская тема на страницах изданий наших дней (1988-1995). Тюмень, 1996.

Чернышев А. В. Выбор пути (Штрихи к религиозно-философскому портрету Г. Е. Распутина) // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. Вып. 9. Тюмень, 1996; Вып. 11. Тюмень, 1998.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.

Шавельский Г. И., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.

Шаргунов А., протоиерей. Г. Распутин: Опасность разделения в Церкви // Благодатный огонь. 2003. № 10.
Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989.
Шульгин В. В. Последний очевидец. М., 2002.
Эткинд А. М. Хлыст. М., 1998.
Юсупов Ф. Ф. Мемуары. М., 2001.
Якобий И. П. Император Николай II и революция. СПб., 2004.

Иллюстрации

Святой и праведный
Иоанн Кронштадтский:
«Смотри, по фамилии твоей и будет тебе».

Старец Макарий Верхотурский, «пастух Михаил».
«О. Макарий и доселе остался у меня в памяти как святой человек, только очень уж доверчивый, как дитя»

Архиепископ
Феофан Полтавский.

Архиепископ Сергий
(Страгородский), с 1917 года –
митрополит, с 1943 года – Патриарх
Московский и Всея Руси.

«Если бы в свое время трезвость Сергия возобладала над прелестной увлеченностью Феофана, у русской монархии были бы более благоприятные перспективы...»

Николаевский мужской монастырь в г. Верхотурье.
Дореволюционная открытка.
«Между другими святынями Распутин особенно часто посещал Верхотурский монастырь Пермской губернии».

Великие Княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, «черногорки». *«В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губ.».*

Распутин с полковником лейб-гвардии Павловского полка Д. Н. Ломаном (с л е в а) и генерал-майором князем М. С. Путятиным. *«Много, много я кое-где был, бывал у сановников и офицеров и князей даже».*

Великая Княгиня Елизавета Федоровна, сестра Императрицы, основательница и настоятельница Московской Марфо-Мариинской обители сестер милосердия. *Около 1909.*
«Я предостерегала свою сестру...»

Великий Князь Николай Николаевич (с л е в а) (с 1914-го — Верховный главнокомандующий русской армией) с Великим Князем Георгием Михайловичем. *1900-е гг.*
«Представьте мой ужас: Распутин ведь прошел через мой дом!»

Цесаревич Николай Александрович с невестой принцессой Гессенской Алисой, в скором будущем — Император Николай II и Императрица Александра Федоровна. *Кобург. 20 апреля 1894 г. За десять лет до Распутина.*

Портрет Императора Николая II, Императрицы Александры Федоровны и Цесаревича Алексея. *1906—1907.*

Царские дети:
Великие Княжны
Ольга, Татьяна, Мария,
Анастасия и Цесаревич
Алексей.
Шхеры, Финляндия.
1908.
«Миленькие дети!
Спасибо за память,
за сладкие слова,
за чистое сердце
и за любовь к Божьим
людям».

Григорий Ефимович Распутин в селе Покровском со своими детьми Марией, Варварой и Дмитрием.
«Много монастырей обходил я во славу Божию, но не советую вообще духовную жизнь такого рода — бросить жену и удалиться в монастырь».

Григорий Распутин (в центре) среди паломниц и односельчан в Покровском.
«Окружающие Распутина относятся к нему с почтением и уважением, а слышно, что некоторые из них называют его и "отцом Григорием"».

Дом Распутина в Покровском, построенный на деньги, подаренные Великой Княгиней Милицей Николаевной.
«У Распутина дом двухэтажный, большой, обставленный довольно хорошо, как у чиновника средней руки...»

Императрица Александра Федоровна (с п р а в а)
и фрейлина Анна Вырубова на палубе яхты «Штандарт». *1907.*
«Внешне Вырубова была очень красивой женщиной, невысокого роста золотистой блондинкой с великолепным цветом лица и поразительно красивыми васильковыми синими глазами, сразу располагавшими к себе».

Государыня Императрица Александра Федоровна (в центре),
Анна Вырубова и Лили Ден (справа). *1910.*

Дом Анны Вырубовой в Царском Селе.
«Маленький Анин домик».

В Царском Селе: неустановленное лицо, няня Мария Ивановна Вишнякова, Цесаревич Алексей, Григорий Ефимович Распутин, Великие Княжны Татьяна, Мария, Анастасия. *1908.*
«Мы должны слушать Друга, а это часто очень трудно, но нас приучают к этому в детстве».

В петербургской квартире Г. Распутина. Сидят: З. Тимофеева, М. Головина, М. Гиль, Г. Распутин, О. Клейст, А. Лаптинская. Стоят во втором ряду: С. Волынская, А. Вырубова, А. Гущина, Ю. Ден, Е. Распутин. Третий ряд: супруги Пистолькорс, Л. Молчанов, Н. Жевахов, Э. Гиль, Н. Яхимович, О. и Н. Ломан, А. Решетникова.

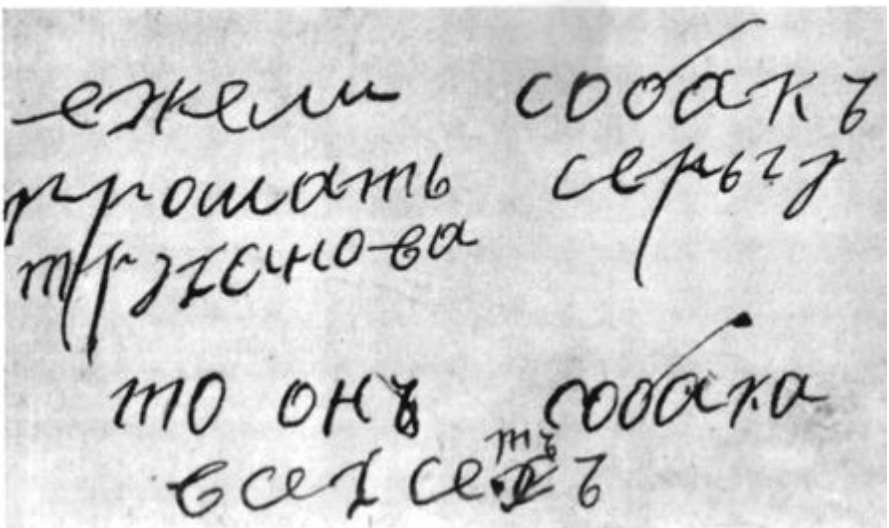
Наследник Цесаревич Алексей со своей няней М. И. Вишняковой и боцманом А. Е. Деревенько. *1908.*
«Но я не нашел еще в вас гордости, а нашел ко мне глубокий привет в твоей душе» (Распутин – няне).

Григорий Распутин
в довоенное время.
*«Ведь и меня всячески
враг искушает».*

Императрица
Александра
Федоровна
и Григорий Распутин
за чаем в доме Анны
Вырубовой.
*«Что нам до того,
императрица не была
у какой-то княгини
на обеде».*

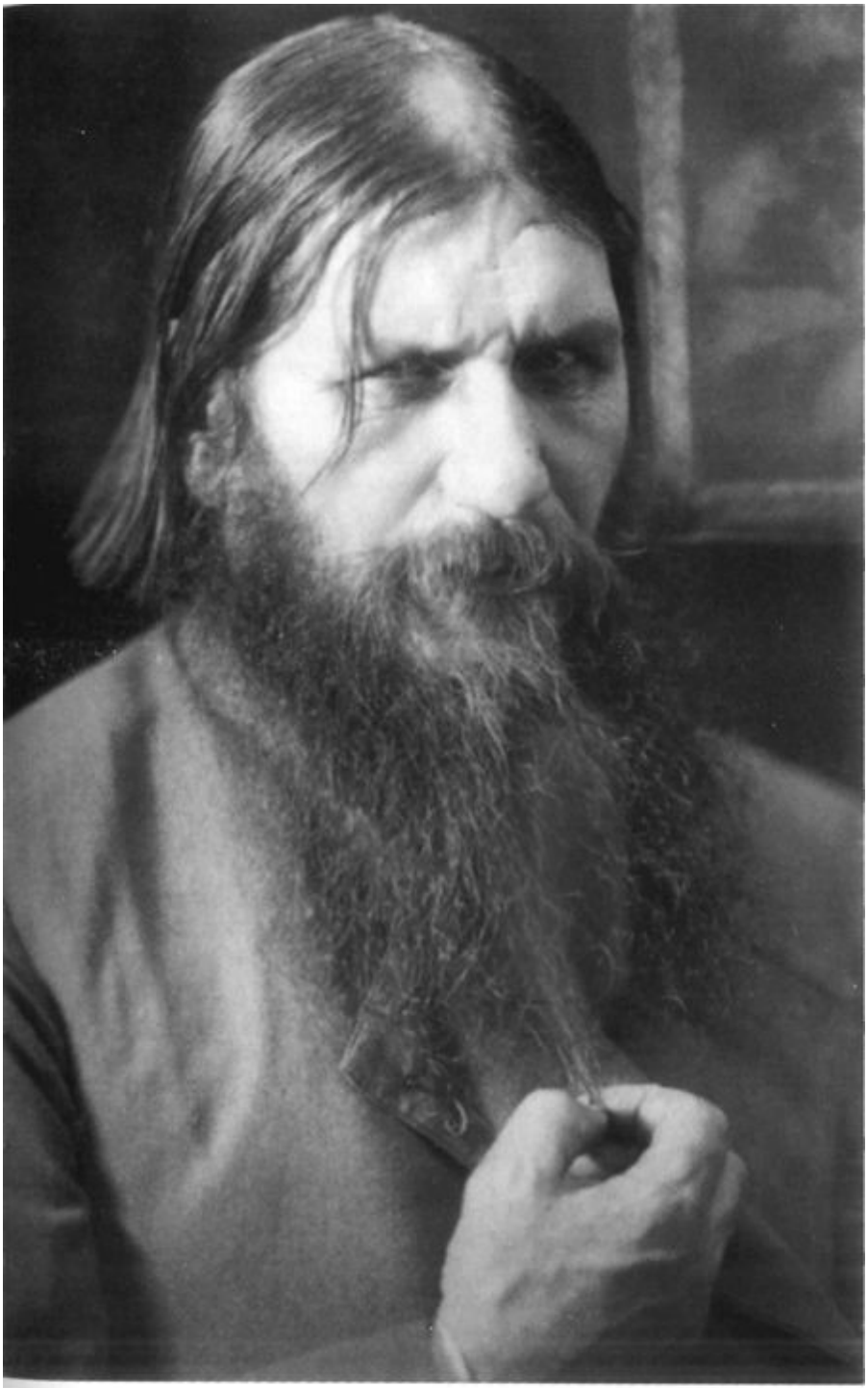
Григорий Распутин, епископ Гермоген, иеромонах Илиодор. *«На фотографической группе три лица. Говорите [царю] только о двух ваших, третьего [Распутина] не касайтесь».*

Записка Г. Распутина об иеромонахе Илиодоре (в миру Сергее Труфанове): *«Ежели собак прошать Серьгу Труфанова то он собака всех съест».*



Григорий Распутин
на пути в Иерусалим.
1911.
«О, Господи, идешь
и подумаешь и явится
скорбь, и видишь —
ходят такие же люди,
как тогда, носят
плащи и странная
на них одежда
прежнего завета,
как сейчас,
*все так и было».

Русские паломники
в Иерусалиме.



Григорий Распутин.
«Он был точно натянутый лук или пружина».

Лев Александрович Тихомиров, теоретик идеи монархизма, редактор газеты «Московские ведомости».
«Да неужто же Вы не знаете, что Государь разгневан на Вас за статьи о Распутине? Это был с Вашей стороны подвиг, но он очень дорого Вам обошелся».

Петр Аркадьевич Столыпин,
председатель Совета министров,
в Зимнем дворце. *Санкт-Петербург. 1908.*
«Вы сильный, талантливый человек,
вы многое можете сделать,
но только я вас предостерегаю,
не боритесь с Распутиным...»

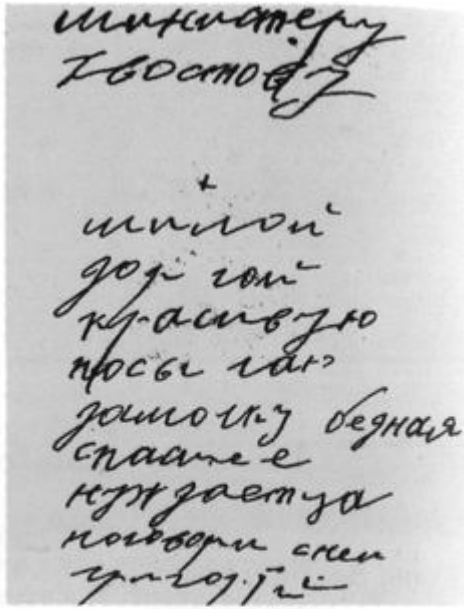
Михаил Владимирович Родзянко, председатель III и IV Государственной думы в 1911–1917 годах.
«“Барин” из-за места выгнал “мужика” из храма Божьего — чем хвастал Родзянко перед смертью?»

Владимир Николаевич Коковцов, председатель Совета министров в 1911–1914 годах. *«В 1913 году министр финансов Коковцов предложил Распутину 200 000 рублей с тем, чтобы он уехал из Петербурга и не возвращался».*

Александр Иванович Гучков, председатель III Государственной думы, один из самых ярых противников Г. Е. Распутина, личный враг Императорской Четы.

Павел Николаевич Милюков, теоретик и лидер партии кадетов, член Государственной думы, один из главных виновников падения монархии.

Алексей Николаевич Хвостов,
министр внутренних дел
в 1915–1916 годах.
«Это человек, который сделает все, что в его силах, чтобы остановить нападки на нашего Друга».



Записка Распутина министру Хвостову: «Милой дорогой красивую посылаю дамочку бедная спасите нуждаетца поговори с ней. Григорий».

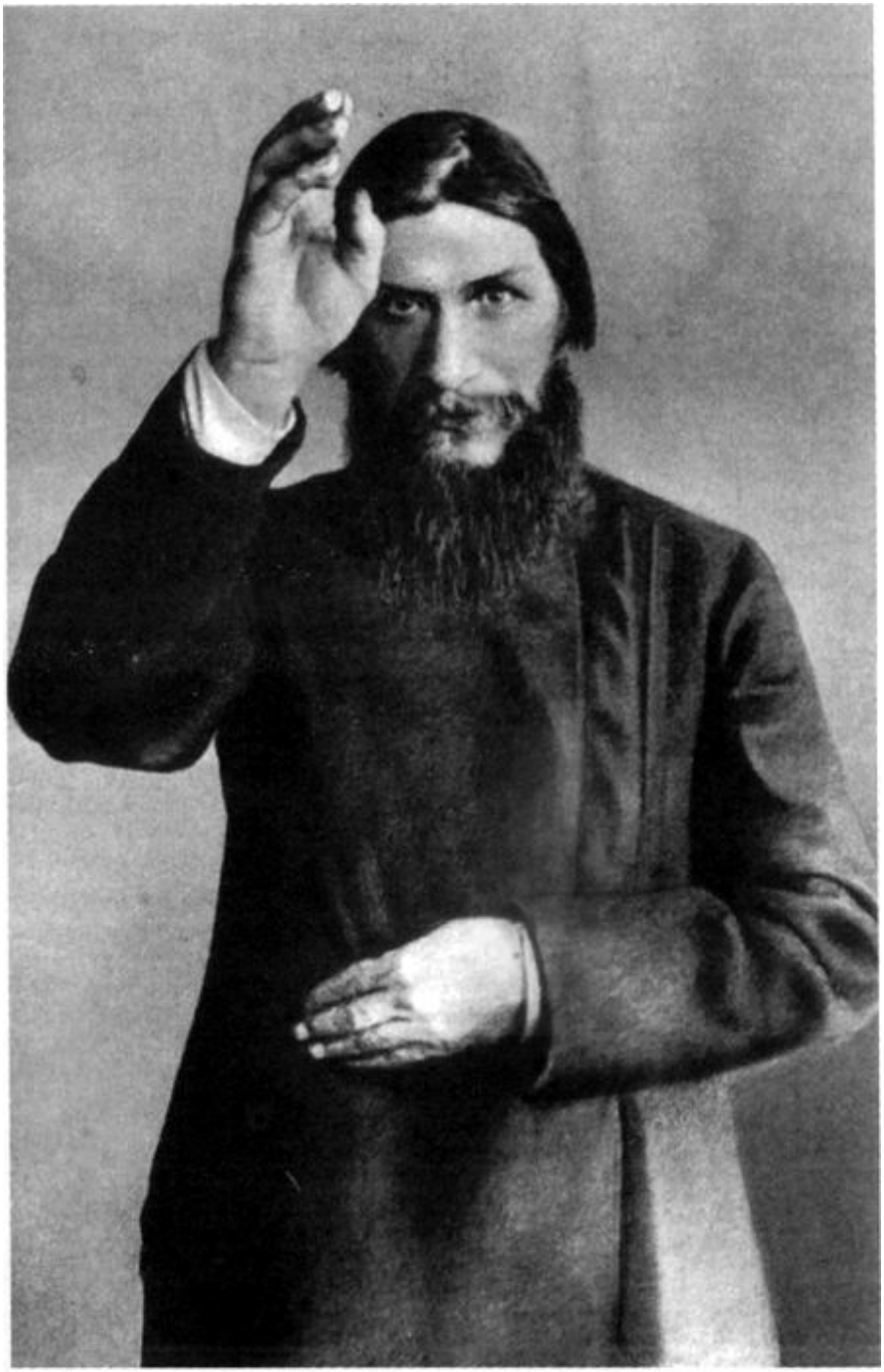
Петр Александрович Бадмаев, врач, знаток тибетской медицины, последователь учения буддийских лам.

Владимир Федорович Джунковский, товарищ министра внутренних дел (в кабинете у Владимира Борисовича Фредерикса, министра Императорского Двора).

Григорий Распутин на берегу реки Туры в Тобольской губернии.
«Он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно» (Николай II).

Император Николай II
на отдыхе.

Цесаревич Алексей на палубе яхты «Штандарт»...
«Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник».



...и его целитель Григорий Распутин.
«Его воздействие на людей, вероятно, заключалось в том, что он был чрезвычайно силен духовной энергией и верой в Бога».

Митрополит Питирим (Окнов).
«Митрополита Питирима посадили в разбитый автомобиль и с гиканьем и криками целый день возили по городу».

Протоиерей Иоанн Восторгов. *«Сам отец Восторгов назвал Распутина "злой силой"».*

Епископ Варнава (ближайший друг Г. Распутина): *«Я всегда в союзе с русским народом».*

Отец Владимир Востоков:
«Россия на краю ужасной пропасти. Злой развратник, хлыст-Распутин докапывает России могилу».

№ 381
1910.
ДѢЛО
ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦІИ.
Распутинъ

Дело № 381, заведенное
на Г. Е. Распутина
в Департаменте полиции. *1910.*

С. П. Белецкий, директор Департамента полиции. *(А. Блок: «В этой грубой скотинке есть детское».)*

Князь М. М. Андроников.
(«Личность более чем сомнительная, лез ко всем, всем надоедал и врал».)

И. И. Манасевич-Мануйлов, известный журналист и тайный агент полиции.
«...совести у него нет и следа».

Хиония Гусева (совершившая покушение на жизнь Григория Распутина): *«Зачем губить красивых женщин, жизнь которых впереди? Я женщина убогая и никому не нужная... я одна предам его казни».*

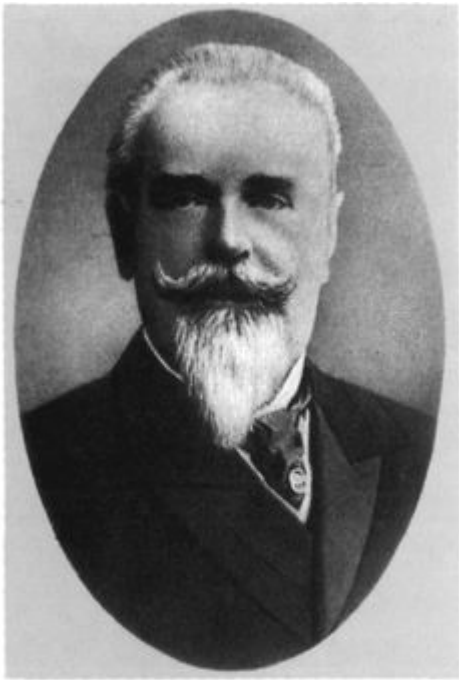
Распутин в больнице после покушения. На фото надпись его рукой: *«Что завтре? Ты наш руководитель боже сколько в жизни путей тернистых».*

Император Николай II в окне императорского поезда на пути между Царским Селом и Ставкой. *1915.*
«Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня!»

Главнокомандующий русской армией Император Николай II благословляет иконой войска. *1915.*
«Та страна, Государь которой направляется Божьим человеком, не может погибнуть».

Анна Вырубова (с л е в а) и августейшие сестры милосердия – Императрица и две Великие Княжны. *Царское Село. Конец 1914 г. «Благодарим тебя за все, что ты за нас говорила, что защищала нас и что все за нас и за Россию перестрадала» (Императрица – Вырубовой).*

Александр Дмитриевич Протопопов, последний министр внутренних дел Императорской России.
«Он принес к подножию трона весь истерический клубок своих мыслей и чувств».



Борис Владимирович Штюрмер, председатель Совета министров в январе – ноябре 1916 года.
«...он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных».

Император Николай II и Цесаревич Алексей (слева) на молебне в казачьих войсках.
«Наследник становится Царем (с именем Алексий). Государь — Патриархом (с именем Никон)».

Императрица Александра Федоровна с Великим Князем Дмитрием Павловичем, одним из будущих убийц Григория Распутина.
«Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обагрены кровью этого мужика» (Император)

Владимир Митрофанович Пуришкевич, депутат Государственной думы (вдохновитель и участник заговора против Григория Распутина): *«Ребята, я убил, убил Гришку Распутина, врага России и Царя!»*

Князь Феликс Юсупов, в будущем убийца Г. Распутина, с женой Ириной, в девичестве Романовой.
«Пожалуйста, будь осторожен и не суйся в разные грязные истории. Главное — гадость, что ты решил все без меня, это дикое свинство...»

Тело Григория Распутина, поднятое со дна Малой Невки.
«Да, только один мужик и дошел до царя и того господа убили».

Одна из самочинных «икон» Григория Распутина.
«Нет никаких оснований ставить вопрос о канонизации Григория Распутина, сомнительная нравственность и неразборчивость которого бросали тень на Августейшую фамилию будущих царственных страстотерпцев царя Николая II и его семейство» (Святейший Патриарх Алексий Второй).

notes

Примечания

1

В отличие от авторского текста в цитатах сохраняется написание титулов и т. д. в том виде, в каком они опубликованы. – Прим. ред.

2

В 2006 году в газете «Русский вестник» была опубликована статья историка С. В. Фомина «Старец Макарий Актайский и Григорий Распутин». Автор приводит немало документов, свидетельствующих о глубоком духовном облике старца Макария и его прозорливости, но ни один из этих источников не указывает на то, что Макарий был духовным наставником Григория, за исключением мемуаров Матрены Распутиной, очевидно, написанных с чужих слов.

3

Иногда встречается написание «Новых», но оно вторично – произведено от «Новый».

4

Что и послужило основанием назвать данную книгу «Григорий Распутин – Новый».

5

«После канонизации Николая II и его семьи вышла в свет книга Э. С. Радзинского "Распутин: Жизнь и смерть", – пишет И. В. Смыслов. – Сразу надо сказать, что хотелось бы нам того или нет, этой работе Э. С. Радзинского, по нашему мнению, на данный момент нет равных не только по объективности, но и по точности исторических оценок, тонкости наблюдений, верности психологических портретов (мы подчеркиваем, что речь идет именно об этой работе, а не о всем творчестве Э. С. Радзинского) … читателю рекомендуем прочесть ее в полном объеме». И еще одно суждение Смыслова: «Не надо идеализировать А. Вырубову. О довольно странных отношениях между нею и Царской Четой мы уже говорили выше. А то, что Вырубова оказалась девственницей, еще не означает, что она была человеком, достойным уважения (простите, но это не свидетельствует даже о том, что она не была, скажем, развратницей)… Э. С. Радзинский здесь совершенно прав» (Смыслов И. В. Знамение погибшего царства. С. 8; 30—31).

6

Последний тому пример книга Ю. Ю. Рассулина «Верная Богу, Царю и Отечеству».

Если это правда, то она плохо стыкуется с тем, что именно Столыпин велел начать расследование, а следовательно, сомнения в достоверности «Дневника Распутина» усиливаются.

8

А. А. Папков – религиозный писатель и публицист.

9

Имеется в виду образ Митрия Кудеярова из романа Андрея Белого «Серебряный голубь».

10

А. Э. Фон-Пистолькорс был камер-юнкером, мужем родной сестры А. А. Вырубовой.

11

Барон Константин Константинович Рауш-фон-Траубенберг был скульптором и, по воспоминаниям С. М. Волконского, делал скульптурный портрет Григория Распутина.

12

К этим воспоминаниям можно добавить показания А. В. Герасимова в 1917 году: «Он (Дедюлин. —А. В.) сказал, что у Вырубовой появился мужик, по всей вероятности, переодетый революционер. Так как Государыня часто бывает у Вырубовой и привозит Государя, то я просил обратить внимание на этого мужика. Он оказался Распутиным. Когда я дал телеграмму по местожительству, то дали сведения, что это первостепенный негодяй. Я об этом доложил, кажется, П. А. Столыпину. Он попросил больше об этом никому не докладывать, ни товарищу министра, ни директору. Он сказал: "Я буду говорить с Государем". В конце концов он с Государем говорил. Государь сначала отказывался, а потом сказал, что раз видел Распутина. Государь сознался. Решено было его арестовать. И сказали, что вышлют его в Восточную Сибирь за порочное поведение. Но он, Распутин, заметил наблюдение и бежал, и не являлся» (Падение царского режима. Т. 3. С. 12).

13

Глас народа (лат.).

14

По-видимому, Владимир (Богоявленский), в ту пору митрополит Московский и Коломенский, будущий священномученик.

15

Сервилизм – раболепство, угодливость. – Прим. ред.

16

Хиротония – посвящение лиц духовного звания в духовный сан, в данном случае – епископа. – Прим. ред.

17

Примечательно, что деятельность Л. Тихомирова и М. Новоселова вызывала негативную реакцию у самых разных людей. А. Амальрик называет обоих ренегатами: Тихомиров – правый монархист и бывший народоволец, Новоселов – православный миссионер и бывший толстовец. Очень резкую оценку Тихомирову именно в связи с Распутиным дал С. В. Фомин:

«Одним из приемов дискредитации Царской Семьи была беззастенчивая клевета на Г. Е. Распутина, фактов порочащих которого впоследствии не нашли ни специальная комиссия Временного правительства (следователи А. Ф. Романов и В. М. Руднев), ни исследовавший по поручению Комиссии по канонизации святых при Св. Синоде архивные материалы архимандрит Георгий (Тертышников, 1941—1998), вскоре после своего заключения "неожиданно" скончавшийся. Но, оказывается, автора дневника (Тихомирова. – А. В.) интересовали вовсе не факты.

"Дело не в том, – писал он, – каково влияние Гришки у Государя, – а в том, каким его весь народ считает. Авторитет Царя и Династии подрывается именно этим". Таким образом, для Тихомирова было даже неважно, как обстояли дела на самом деле. Ему важно было, что думает народ. Именно он у него главный идол, выше Бога. Что это именно так, мы убедимся, когда позднее поговорим о "монархизме" автора "Монархической государственности". Пока же вспомним вещие слова святителя Филарета Московского: "Из мысли о народе выработали идол и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола недостанет никаких жертв". Не отрезвило Тихомирова и то, что после убийства Царского Друга по сути своей ничего не изменилось. Даже Божий суды над матерью одного из клеветников М. А. Новоселова не заградили его уст. Подобно ожидовевшим иудеям, чаявшим царя Иудейского, освободителя от "римского ига", и проглядевшим Истинного Царя Иудейского, Мессию, Тихомиров взыскует именно такого сильного вождя со способностями: "Не посылает нам Господь человека спасающего". Да что там "чает", он буквально требует, как капризный ребенок, от …Бога: "…Если Господу Богу угодно, чтобы мы работали, то Он должен нам указать, что и как, и должен послать человека Своего". Как и миллионы его современников, наших дедов и прадедов, Тихомиров проглядел истинного природного Самодержца, Царя Святой Руси. Как и иудеев когда-то, его ввел в заблуждение тихий, смиренный зрак Царя-Мученика» (Фомин С.

В. О дневниках Л.А.Тихомирова: 1901, 1905, 1912—1917 гг.). Впрочем, в другой своей статье «Непонятая жертва» С. Фомин относит Тихомирова к «лучшим представителям русской канонической науки и, наконец, просто честным ученым».

Ср. также Приложение № 4 к докладу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия: «Идеологическая предвзятость и политическая односторонность советской историографии, игнорировавшей тему религиозности Г. Распутина, не позволяли ей создать разностороннюю и объективную картину жизни и личности Г. Распутина и способствовали в 1990-е гг. появлению работ, в которых элементы исторического исследования призваны были обосновать разнообразные, подчас совершенно фантастические версии о Г. Распутине. Одной из таких версий стала содержащаяся в книгах А. Н. Боханова и О. А. Платонова версия о Г. Распутине как религиозном праведнике из народа, оказавшемся жертвой "клеветнического заговора" современников.

Теперь Г. Распутин изображался жертвой клеветнической кампании, организованной масонами с целью "подрыва национальных ценностей страны". Соответственно, все критические отзывы о Г. Распутине приписывались масонам (а поскольку сведения о деятельности русских масонов начала XX в. скупы и часто недостоверны, приписывать им можно все, что угодно) или людям, которые были введены масонами в заблуждение. На основании же "очищенных" таким образом от "масонской клеветы" источников легко создавался светлый образ простого выходца из крестьянской среды, прозорливца и целителя, истинного друга и хранителя царской семьи. Патетическое разоблачение "мифа о Распутине" и связанных с ним стереотипов и легенд прикрывало произвольный подбор материалов и тенденциозную их подачу. По существу же, один миф порождает другой» (доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых).

19

А. Амальрик отмечает еще одну особенность первой антираспутинской волны в печати: «В первой "общественной" атаке на Распутина в 1910 году просвечивает также – не очень явно, но различимо – давний вызов "славянофильской, земской" Москвы "западническому, чиновному" Петербургу. В структуре императорской, "петербургской", власти обнаружилось "больное место" – и Москва поспешила вложить туда свои персты. Кампания была начата москвичами Тихомировым и Новоселовым, подхвачена москвичом Гучковым, москвичкой была Тютчева, а великая княгиня Елизавета Федоровна была центром "московского кружка". К нему принадлежали и будущие враги Распутина – семья московского генерал-губернатора Ф. Ф. Юсупова, московский губернатор, а затем товарищ министра М. Ф. Джунковский, московский предводитель дворянства, а затем обер-прокурор Синода А. Д. Самарин» (Амальрик А. Распутин. С. 120).

20

Не исключено, что Меньшиков имеет в виду падчерицу В. В. Розанова. См. далее об отношениях Розанова и Распутина в примечании на с. 219 этой книги.

21

Софья Дмитриевна Самарина – фрейлина.

22

Монах-расстрига Илиодор пишет в «Святом черте» о том, что разлад наступил еще в марте: «Феофан смотрел прямо на Григория, Григорий – на него, но оба ничего не говорили. Чувствовалась какая-то неловкость, неестественность. Мне казалось, что между ними возникла какая-то неприятность, о которой они друг другу стеснялись говорить…» (Труфанов С. М. Святой черт. С. 303).

23

Приведем лишь те факты биографии Алексия, которые относятся к его служению в Церкви после революции: «В 1927 г. возведен в сан архиепископа. С 1924—1927 гг. арестовывался трижды. С 20 февраля 1931 г. по ноябрь 1931 г., с декабря 1931 г. по февраль 1932 г. временно управляющий Свердловской епархией. 8 февраля 1932 г. арестован. 7 сентября 1932 г. постановлением Коллегии ОГПУ приговорен к трем годам концлагеря. 28 мая 1933 г. амнистирован. С 22 ноября 1933 г. архиепископ Пензенский. С 27 марта 1934 г. архиепископ Тобольский. С 14 мая 1934 г. архиепископ Сарапульский, но в управление не вступил. С 22 октября 1935 г. архиепископ Сарапульский и временно управляющий Свердловской епархией. 17 марта 1936 г. награжден правом ношения креста на клобуке. С декабря 1937 г. епархией не Управлял. 15 ноября 1938 г. постановлением Тройки УНКВД по Удмуртской АССР приговорен к высшей мере. Расстрелян 18 ноября 1938 г. в городе Ижевске. Реабилитирован в 1989 г.» (http://www.sara pul.ru/articles/ alexiy.htm).

24

Евгений Павлович Иванов (1879—1942) – литератор, участник Религиозно-философских собраний. Друг А. А. Блока.

25

Здесь: учитель, неформальный толкователь религиозных законов, оракул.

26

Заканчивая этот сюжет, заметим, что очень большую загадку представляют собой личные отношения Розанова и Распутина. Эту тему так же трудно обминуть, как и прокомментировать. Приведем только две цитаты. Первую из вступительной статьи В. Сукача (самого глубокого специалиста по Розанову в наши дни) к книге Розанова «О себе и жизни своей»: «Сам Розанов, несомненно обладал природой "мага". Есть глухие намеки, что Распутин преследовал падчерицу Розанова А. М. Бутягину. Личное знакомство Розанова с Распутиным также мало освещено. Но несколько фраз в письме (6 октября 1918 года) показывают, что Распутин боялся Розанова» (Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 17). Вспомним, что именно об этом шла речь в статье М. Меньшикова «Распутица в церкви». А вот письмо Розанова Голлербаху:

«Кстати, знаете ли Вы таинственное слово, какое мне сказал Григорий Распутин? Но сперва о слове Феофана, "праведного" (действительно праведного) инспектора Духовной Академии в СПб. Сижу я, еще кто-то, писатели, у архимандрита (и цензора "Нов. Пути") Антонина. Входит – Феофан, и 'Д часа повозившись – ушел. Кажется, не он вошел, а "мы вошли". Когда Антонин спросил его: "Отчего Вы ушли скоро", он ответил: "Оттого, что Розанов вошел, а он – Дьявол". Теперь – Распутин: он танцовал, с замужнею, с которою и "жил", и тут же, при ее муже, говорил об этом: "Вот и жена его меня любит, и муж – любит". Я и спрашиваю его: "Отчего вы тогда, Григорий Ефимович, ушли так скоро?" (от отца Ярослава, с женою коего он тоже "жил", и о. Ярослав тоже "одобрял" это. Тут вообще какая-то Райская история, Эдем "общения жен и детей"). Он мне ответил: "Оттого, что я тебя испугался". Честное слово. Я опешил.

Но когда я соображаю, что стал добираться до Египта, где поклонялись быкам-Аписам, и мне самому хочется хотя бы дотронуться до яиц Аписа, не говорю уже поцеловать их, когда я думаю, что ведь и Гришка среди женщин был Священный Апис, был Адонис (ADON'aft, как написано в одном египетском атласе возле колесницы, везущей Скарабея: а "ADON'ай" есть жидовский Бог, он же – Иегова, он же "терновый куст горящий"), Дионис, и что "вообще все это" мне упонятилось и уроднилось: то как "сам Гришка Распутин" вошел в meos circulos (= "мои круги": "Noli tangere meos circulos" ["Не трогай мои круги" (лат.)] закричал Архимед римскому воину, вбежавшему по взятии Сиракуз в его комнату = лабораторию = ученый кабинет), то естественно он и

смутился как "на старшего себя", но – в той же Распутинско-Аписово-Дионисовой-ADON'aeeoft теогонии, космогонии. Я помню, он вошел. Я – уже сидел. Ему налили стакан чаю. Он молча его выпил. Положил боком на блюдечко стакан и вышел, ни слова не сказав хозяевам или мне. Но если это – так, если (он) не солгал в танцующей богеме, притом едва ли что знал (наверное – не знал) об Аписах и Древности: то как он мог, впервые в жизни меня увидев и не произнеся со мною даже одного слова, по одному виду, лицу (явно!) определить всего меня в ноуменальной глубине,– в той глубине, в какой и сам я себя не сознавал, особенно – не сознавал еще тогда. Я знал, что реставрирую Египет; все в атласах его (ученые экспедиции) было понятно; я плакал в Публичной Библиотеке, говоря: "да! да! да!" Так бы и я сделал, нарисовал, если бы "пришел на мысль рисунок", но "самого рисунка не было на мысли", не было дерзости в моей мысли, смелости, храбрости выговорить: а чувство было уже… даже и до поцелуя Алисовых яиц. То вот– Гришкин испуг: не есть ли это уже Гришино Чудо. Чудо – ведения, уже – сквозь землю, и скорее – моего будущего, нежели (тогда) моего "теперешнего". Согласитесь сами, что это напоминает или вернее что это "истинствует" "сану Аписа" в его какой-то вечной истине. Т. е. что я + Гришка, Гриша + Апис есть что-то "в самом деле", а не миф» (Письма В. В. Розанова к Э. Ф. Голлербаху // Звезда. 1993. № 8. С. 120).

27

Обозначим кратко вехи биографии С. И. Фуделя. Родился в семье священника Иосифа Фуделя в 1900 году. Находился в общении со святыми старцами Оптиной и Зосимовой пустыней, с отцом Алексеем Мечевым, митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым), епископом

28

Ср. у Спиридовича, который, приведя текст этой телеграммы, пишет так: «С вокзала Государь отправился в собор, где был встречен не раз упоминавшимся преосвященным Феофаном, который представил Их Величествам Распутина (долго был его другом, а затем стал заклятым врагом). "Сожалею, что тебе придется увидеть отвратительного Ф.", – телеграфировала в тот день Государю Его супруга. Однако Государь ничем не выказал своего неудовольствия и был милостив с архиепископом, как и со всеми» (Сшридович А. И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. Т. 1. С. 91).

29

Ср. у Смолима: «Его назначение было инициативой тех кругов, которые тяготели к так называемому "старцу" Григорию Распутину-Новых. Уже один этот факт вызывал большое недовольство среди некоторых епископов, либерально настроенной интеллигенции и даже монархистов» (Смолин И. К. История Русской церкви).

Ср. также у митрополита Евлогия: «Обер-прокурор Саблер, напротив, прекрасно зная Церковь, любил ее и много работал для нее; но тут случилась другая беда: его имя в обществе и в Думе связывали с Распутиным» (с. 487).

Ср. также в воспоминаниях С. Ю. Витте:

«Я нахожу это назначение правильным, ибо все те обер-прокуроры, которые были после Победоносцева впредь до Саблера, были, собственно говоря, в церковных делах дилетантами, а поэтому, не водворив новых начал в русской православной церкви, которые были намечены Комитетом министров при рассмотрении указа 12 декабря 1904 г., вместе с тем не могли иметь никакого влияния на текущую жизнь и текущие церковные дела по той простой причине, что они не знали ни лиц, ни дел.

Я находил назначение Саблера правильным, потому что во всяком случае Саблер был товарищем обер-прокурора святейшего синода при Победоносцеве, служил очень долго в святейшем синоде и, несомненно, знает во всех деталях дела всех церковных учреждений. Что касается принципиальных взглядов Саблера, то мне представляется, что он является таким же лицом, каким являются и все другие министры, т. е. такие государственные деятели, которые всегда идут более или менее по ветру.

Может быть, косвенно я несколько повлиял на назначение Саблера, потому что за несколько месяцев до его назначения, месяца за 1,5—2, я говорил о Саблере очень подробно с одним из весьма почтенных иерархов, который ни в какие политические дела, ни в какие политические интриги не вмешивался, который был далек от Иоанна Кронштадтского, Гермогена, Иллиодора, Распутина и проч. Я высказывал ему мое мнение, что, может быть, при настоящем положении вещей всего было бы лучше, если бы обер-прокурором был сделан Саблер, а затем мне сделалось известно, что этот почтенный иерарх проводил эту мысль от себя в Царском Селе» (Гр. С. Ю. Витте. Воспоминания. С. 487—488).

30

Ср. у С. Л. Фирсова:

«Характерный случай – история приятеля "старца" архимандрита Варнавы (Накропина). Этого малообразованного монаха Распутин во что бы то ни стало желал видеть епископом. Члены Святейшего Синода первоначально не имели никакого представления о том, кто стоял за предполагавшейся хиротонией. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в конце концов даже упросил обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера снять дело Варнавы с повестки дня. Однако вскоре вопрос был поставлен вновь. Архиепископ Антоний, наконец, понял в чем дело и сообщил Киевскому митрополиту Флавиану (Городецкому): В. К. Саблер признался, что таково желание царя. "Преосвященный Димитрий [Абашидзе, епископ Херсонский. – С. Ф.] сказал: 'А потом и Распутина придется хиротонисать?' Я, – сообщал владыка Антоний своему корреспонденту, – начал предлагать разъяснить неудобство сего желания; тогда В[ладимир] К[арлович] вынул из портфеля всеподданнейшее прошение свое об отставке и пояснил, что в отказе Синода он усмотрит свою неспособность быть посредником между государем и Синодом и предоставит это дело другому. Тогда я от лица иерархов сказал: 'Для сохранения Вас на посту, мы и черного борова посвятим в архиереи'"». (Русская Церковь накануне перемен).

31

Ошибка мемуариста, косвенно доказывающая, что текст телеграммы приводится по памяти. На самом деле речь шла о Новосильском монастыре.

32

Ср. в мемуарах митрополита Вениамина (Федченкова): «Был одно время даже слух в Петербурге, будто сам царь Николай, уставший от государственного управления, готов постричься в монахи, разойтись с семьей, передать царство наследнику, а самому стать Патриархом. Откуда шли такие слухи – Бог весть. Теперь о них, вероятно, никто даже и не помнит, кроме автора этих записок. Но у меня остался в памяти один из мотивов такой идеи. Патриарх (Николай) должен не быть конкурентом заместителю царя, а помощником, кроме того, личность царя Николая поднимает значение Патриарха в глазах народа, и его слово будет авторитетным. Одним словом, повторилась бы история с молодым царем Михаилом и его отцом Патриархом Филаретом. А кажется, что еще более важным мотивом у защитников патриаршества было тайное желание привлечь царя такой комбинацией: пусть хоть сам он будет Патриархом, лишь бы согласился на восстановление каноническо-патриаршьего строя. Но потом замолкли и эти легенды» (На рубеже веков. С. 277).

Как видим, не замолкли.

Ср. в интервью иерея Георгия Митрофанова:

«Корр.: Насколько достоверны слухи о том, что Николай II предлагал себя в Патриархи?

О. Георгий: Мы этот вопрос изучали в Комиссии подробно. Слух этот распространил Нилус со ссылкой на свидетельство какого-то неназванного архиерея. Думаю, что это неправда» (Венец 1000-летнего Царства http://www.vera.mrezha.ru).

33

О Мите Козельском писал и князь Н. Д. Жевахов (который, как правило, с протопресвитером Шавельским по всем пунктам расходился, но здесь их мемуары сближаются): «Это был совершенно неграмотный крестьянин Калужской губернии и, притом, лишенный дара речи, издававший только нечленораздельные звуки. Тем не менее, народная молва наделила его необычайными свойствами, видела в нем святого, и этого факта было достаточно для того, чтобы пред ним раскрылись двери самых фешенебельных салонов. В тех звуках, какие он издавал, безуспешно стараясь выговорить слово, в мимике, мычании и жестикуляциях окружающие силились угадывать откровение Божие, внимательно всматривались в выражение его лица, следили за его движениями и делали всевозможные выводы. Увлечение высшего общества "Митей" было так велико, что, в порыве религиозного экстаза, одна из воспитанниц Смольного института благородных девиц предложила ему свою руку и сердце, какие "Митя", к ужасу своих почитателей, и принял. Насколько, однако, девица, вышедшая замуж за юродивого, засвидетельствовала свою подлинную религиозность, настолько "Митя", женившись на воспитаннице Смольного института, расписался в обратном и похоронил свою славу. Его признали обманщиком и мистификатором, и он скоро исчез с Петербургского горизонта» (Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. С. 194—195).

34

«Во Флорищевой пустыни, основанной в XVII веке во Владимирской губернии святителем Иларионом, митрополитом Суздальским, им было введено следующее правило, разделенное по времени на три части. На повечерии читались каноны Иисусу Сладчайшему, Божией Матери и Ангелу Хранителю и акафист Божией Матери. Через некоторое время братия совершали правило в храме. Кроме семи кратких молитв, читаемых в начале правила по Псалтири, святитель ввел обращения к разным святым и целым ликам святых, а также семь молитв, составленных святыми отцами. Затем совершалось 300 поклонов, 600 Молитв Иисусовых и 100 Богородице (что соответствует правилу в Псалтири) по следующему чину: возглас, обычное начало по "Отче наш", псалом 50-й, Символ веры, 30 земных поклонов с Молитвой Иисусовой (вместе вся братия), после этого стоя, шепотом или умом читали 70 Иисусовых Молитв, "Слава и ныне", Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя, "Слава Тебе, Боже" (трижды, с поклонами земными) и вновь полагали 30 земных поклонов и т. д., с чтением "Слава и ныне" после каждой сотни молитв (или сотницы. Сотница —100 умных молитв, совершаемых по четкам). Затем читали Помянник с поклонами по Псалтири, Достойно, Трисвятое, тропари "Помилуй нас, Господи, помилуй нас", "Господи, помилуй" (40 раз), Честнейшую, "Боже, ущедри ны" и молитву преподобного Ефрема Сирина "Господи и Владыко живота моего" с земными поклонами, "Богородице Дево, радуйся" (трижды, с поклонами), Честнейшую и отпуст. Затем – обычное взаимное прощение братии. После того в кельях братия читали Псалтирь. Новоначальные – по 3 кафизмы, средние – по 4 кафизмы, совершенные – по 7 кафизм. Кто не мог это исполнить, те должны были читать в келье "Отче наш" по 30 и 50 раз с поклонами или больше. Кроме того читали с поклонами "Богородице Дево, радуйся" (50 раз новоначальные, 100 раз средние и совершенные 150 и больше)» (http://prav-molitva.narod.ru/texts/kelein/prflor.htm).

35

Здесь: «Доколе!»

Уступать (англ.).

37

Ср. в показаниях Коковцова следственной комиссии 11 сентября 1917 года: «Это типичный сибирский варнак, который, совершая крестное знамение, может с такой же улыбкой взять и задушить за горло».

38

Ошибка мемуариста. Весной 1912 года Распутин на Гороховой еще не жил.

39

Замечательную характеристику Евлогию дал митрополит Вениамин (Федченков): «Этот архиерей по свойству личного характера всегда отличался способностью к компромиссным мерам, стараясь занимать серединное, "умеренное" положение. Будучи членом Государственной думы, он был правым, но не очень, а где-то между октябристами и националистами. В частных отношениях всегда старался быть любезным, чтобы всем угодить, и т. д. <…> В беседах со мной он не раз повторял любимую им сентенцию из Ветхого Завета, данную ему каким-то старцем: "Не будь вельми правдив", то есть не будь очень прям в действиях своих. И это отвечало его характеру. Но нужно знать, что он отнюдь не был слабым по природе. Наоборот, при случае он мог быть и властным, и настойчивым, и даже мог давить на других, но только скрывал это, когда то казалось ему выгодным и практичным» (На рубеже двух эпох. С. 343-344).

40

Ср. также у И. Л. Солоневича: «Та среда, для которых отечество находилось в вилле Родэ, и которая публично купала в аквариумах голых "француженок" – тоже, подумаешь, Катоны, стражи семейных добродетелей, весталки обоего пола, девственники петербургских кабаков!»

Обыкновенно женатым клирикам это не дозволялось.

42

Ср. с воспоминаниями Вырубовой: «…вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил: "Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают"» (Рассулин Ю. Ю. Верная Богу, Царю и Отечеству. С. 67).

43

Полное название статьи С. Н. Булгакова – «На пиру Богов. Pro и contra. Современные диалоги». Предваряет статью список участвующих: «Общественный деятель. Известный писатель. Боевой генерал. Светский богослов. Дипломат. Беженец». Приведенное здесь суждение произносит Беженец. – Прим. ред.

44

Хорошая мина при плохой игре (фр.).

45

Ср. у А. С. Пругавина: «В корявых пальцах неловко торчало перо. Старательно выводя какие-то каракули, "старец" все время сопел». Одну просьбу, от железнодорожника, Распутин разорвал, сказав про министра путей сообщения С. В. Рухлова: «Сначала он все исполнял как следует быть, с охотой, ну а теперь – не то… Недавно я ему одиннадцать прошениев послал, а он из них всего только шесть исполнил… Нет, не буду я посылать ему…» (цит. по: Амальрик А. Распутин. С. 194).

Спиридович был причастен к охране Столыпина в Киеве в сентябре 1911 года и, по мнению Гучкова, эту работу провалил.

47

С. Л. Фирсов приводит в своей книге «Русская Церковь накануне перемен» такие цифры: «В течение войны 1914—17 гг. императрица в своих письмах мужу 228 раз упомянула имя Распутина, он – только во семь. Цифры эти достаточно красноречивы и свидетельствуют, что ее ли для Александры Федоровны "Он" был необходим, то для государя – только не был лишним» (с. 475).

48

С. В. Фомин в книге «Последний Царский Святой» следующим образом прокомментировал этот фрагмент воспоминаний: «Распутин, как Известно, в это время оставался в Покровском. Весь следующий эпизод Поэтому следует признать выдумкой "кристально честных" людей» (с. 204). В ответ на это возразим, что Распутин находился в Петрограде с 31 июля по 4 августа 1915 года и описываемая встреча могла произойти тогда.

Такие планы были вполне возможны. В 1915 году в связи с тем, что Жировецкий монастырь был занят немцами, Гермоген с разрешения Самарина приехал в Москву. «Он (Самарин. – А. В.), вероятно, видался с Гермогеном в Москве, – во всяком случае, он посылал за Варнавой, оскорблял и бранил при нем нашего Друга, – сказал, что Гермоген был единственный честный человек, потому что не боялся говорить правду про Григория, и за это был заключен, и что он, Самарин, желает, чтобы В. пошел к тебе и сказал бы тебе всю правду о Григ., но Варнава отвечал, что не может этого сделать, только если тот ему сам скажет и пошлет от себя» (Письмо А. Ф. Романовой от 7 сентября 1915 года. – См. в кн.: Николай в секретной переписке. С. 215).

Нарочитое нежелание Горемыкина обсуждать распутинский вопрос могло объясняться и тем, что тогдашний русский премьер имел с Распутиным свои контакты. Во всяком случае именно так показывал на следствии князь Андроников:

«Это, кажется, было желание сверху, чтобы он побывал у Горемыкина, желание бывшей императрицы. Ему посоветовали… По крайней мере, Распутин мне заявил: "Как же мне сделать? Я желаю видеть Горемыкина… Мне посоветовали со старче Божиим поговорить". Горемыкин тогда заявил: "Пусть обратится к секретарю". Тогда я вызвался: "Разрешите мне на этом знаменательном разговоре присутствовать". Горемыкин улыбнулся и сказал: "Хорошо". Вот тут я и приехал к нему вместе с Распутиным. Встретил нас тогда секретарь Юрьев и состоящий при нем жандармский полковник. Мы вошли вдвоем с Распутиным, Горемыкин попросил его сесть: "Ну, что скажете, Григорий Ефимович?" Распутин посмотрел на него долгим взглядом. Горемыкин ему отвечает: "Я вашего взора не боюсь! Говорите, в чем дело?" Тогда он его – хлоп-с по ноге! – и говорит: "Старче Божий, скажи мне: скажи мне, говоришь ли ты всю правду Царю?" Тот опешил, посмотрел на него вопросительным взглядом и говорит: "Да, обо всем, о чем меня спрашивают, об этом я говорю". Затем Распутин говорил ему относительно подвоза хлеба из Сибири… <…> Горемыкин отнесся чрезвычайно скептически: удивлялся, смотрел на Распутина. Они смотрели друг другу в глаза. Горемыкин молчал. Наконец Распутин сказал: "Ну, старче Божий, на сегодня довольно!" Тем и кончилось» (Падение царского режима. Т. 2. С. 17).

Существует также любопытное воспоминание министра торговли и промышленности князя В. Н. Шаховского, который пишет о том, как ему была передана через того же князя Андроникова просьба принять Распутина. Шаховской решил посоветоваться с Горемыкиным, и премьер-министр сказал буквально следующее: «"А скажите мне, князь, мало вы прохвостов принимаете в своем кабинете?" Не дождавшись от меня ответа, он продолжал: "А скажите мне, что от вас убудет, если вы примете одним прохвостом больше?"» (цит. по: Кобылий В. Анатомия измены. С. 150).

51

Далее в дневнике переписана статья из газеты «Вечернее время» от 17 августа 1915 года «Опять Распутин». В ней говорится о том, что Распутин ведет пропаганду в пользу заключения мира с немцами. Автор статьи напоминает о ряде судебных дел, числящихся за Распутиным, часть которых заглохла под влиянием министра юстиции И. Г. Щегловитова. Андрей Владимирович подчеркнул в статье слова: «Распутин пользовавшийся всегда покровительством немецкой партии» (см.: Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова // Октябрь. 1998. № 5).

52

Генерал Д. Н. Дубенский был историографом Ставки; он оставил свое свидетельство о Распутине, где ничего не говорит о заговоре, но пишет о всеобщей ненависти к Распутину: «Те лица, которых я знал, были полными противниками Распутина, он пользовался среди них полным презрением, ненавистью. Я сам находил, что это погибель для России; нравственный гнет мы все испытывали, и я много раз говорил с Орловым, что нельзя допускать, чтобы такой человек имел влияние. Вероятно, вам известно, что Орлов очень сильно на это реагировал. Так же реагировал и Дрентельн, но каждый по-своему: Орлов был более экспансивен, Дрентельн сдержаннее, он иногда промолчит, но так, что уж лучше бы говорил» (Падение царского режима. Т. 6. С. 379).

53

Начальник Петроградского дворцового управления.

Месячные.

55

Старец Зосимовой пустыни Алексий (Соловьев) был тем человеком, кто впоследствии на Поместном соборе вынимал жребий будущего Патриарха.

56

Ошибалась и Императрица. 3 сентября 1915 года она писала мужу: «Тебе или Фредериксу следовало бы протелеграфировать Самарину, что ты желаешь, чтоб его отправили прямо в Николо-Угрешск, так как если он останется в обществе Восторгова, то они снова заварят кашу против нашего Друга и меня» (Николай в секретной переписке. С. 205). Очевидно, что речь здесь идет об отце Владимире Востокове.

57

Ср. также в дневнике Палеолога: «Мануйлов – субъект интересный, ум у него быстрый и изворотливый; он любитель широко пожить, жуир и ценитель предметов искусства; совести у него нет и следа. Он в одно и то же время и шпион, и шулер, и подделыватель, и развратник – странная смесь Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Роберта Макэра и Видока. А в общем – милейший человек» [Палеолог М. Дневник посла. С. 439).

58

Хотя, как следует из письма Императрицы от 17 декабря 1916 года, своих намерений Батюшин не оставил. См. с. 684 настоящей книги.

59

Уже находясь в Екатеринбурге, Александра Федоровна записала в дневнике: «Получила кофе и шоколад от Элы. Она выслана из Москвы и находится в Перми (мы прочли в газетах)» (цит. по: Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. С. 609). Сестрам оставалось жить ровно два месяца.

60

Сын священника Литовской епархии, служившего в 1916 году в одном из запасных батальонов в Финляндии и весьма плохо заявившего себя. – Прим. протопресвитера Шавельского.

61

Епископы и митрополиты при приветствиях обменивались с царем, царицей и прочими высочайшими особами взаимным целованием рук, а Распутин подставлял только свою руку. Несоблюдение каким-либо митрополитом этой церемонии никогда не простилось бы, а Распутину это сходило, как должное. Что же такое после этого представлял Распутин в глазах царской семьи? – Прим. протопресвитера Шавельского.

62

Закладка происходила 5 ноября 1916 года. В этот день царица писала Государю: «Закладка церкви Ани прошла хорошо, наш Друг был там и милый епископ Исидор, епископ Мелхиседек и наш батюшка и т. д. были там… Только что видела нашего Друга – скажи ему по-хорошему привет. Он был очень весел после обеда в Трапезе, – но не пьян» (Письма. Т. II. С. 229—230). – Прим. протопресвитера Шавельского.

63

Книга вышла в 1921 году под названием «Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок». Возникла в процессе работы поэта (с мая 1917 года) в качестве одного из литературных редакторов стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством. Названный здесь документ Блок поместил в «Приложении». – Прим. ред.

То есть от самого Ф. Юсупова.

65

Имеется в виду Лжедмитрий I (ок. 1580—1606): настоящее имя Юрий Отрепьев; в 1600-м принял постриг под именем Григория. – Прим. ред.

Такое определение, на наш взгляд, митрополит Вениамин скорее всего был готов дать митрополиту Антонию (Храповицкому).

Матрене Распутиной, А. А. Пистолькорс, Ольге Лохтиной.

68

«Мой лунный друг» (1923) – так назвала З. Н. Гиппиус свое эссе-воспоминание о Блоке («Наши отношения можно бы назвать дружбой… лунной дружбой. Кто-то сказал, впрочем <…>, что дружба – всегда лунная, и только любовь солнечная»). – Прим. ред.

Если все, что написано в этом документе, правда, то впечатление он производит устрашающее. Варнава не только говорил о том, что «хочет работать с большевиками» и что он «разошелся со своими, которые всегда были против меня, потому что я из простого народа пришел в архиереи», не только утверждал, что, «если собор или патриарх задумают отлучить меня от Церкви, я не буду обращать на это внимания», но и доносил на митрополита Агафангела, митрополита Кирилла, архиепископа Евлогия, протоиерея Иоанна Восторгова, обер-прокурора А. Д. Самарина, а также обещал работать осведомителем в ВЧК («я берусь узнать, если мне дадут возможность вести деятельность на свободе, и все, что узнаю, сообщу Чрезвычайной Комиссии» (цит. по: Религия и Церковь в Сибири. Вып. 2. С. 84—88). «О том, что это была самая беззастенчивая ложь, свидетельствует все последующее служение архиепископа Варнавы, – пишет С. В. Фомин. – Нам неизвестны никакие его особые заявления или обращения, высказанные им на свободе, в духе этих явно сфальсифицированных чекистами "пыточных записей". Неведомы нам также какие-либо его действия или даже просто высказывания в пользу живоцерковников или обновленцев. Тем не менее сначала большевицкой дезинформации поверили. Патриарх Тихон писал, например, по этому поводу митрополиту Антонию (Храповицкому) 24 сентября 1918 года: "А Варнава-то отличился"» (Фомин С. В. Последний Царский Святой. С. 508). А далее Фомин приводит два документа, из которых следует, что патриарх Тихон сначала запретил Варнаву в служении, но тот уклонился от получения этого приказа и, испросив прощения, сказал, что «пойдет именем Господним "странником"», однако в дальнейшем Варнава к Тихону явился, сказал, что «1) никаких намерений создавать какую-то Советскую Православную Церковь не имел и не имеет, и своих услуг в этом деле не предлагал, 2) приписываемых ему слов и отзывов о церковных деятелях решительно не помнит, чтобы произносил их» (там же. С. 510—511). После Тихон благословил Варнаву на совершение богослужений.

70

Речь идет о епископе Тобольском Гермогене, приезжавшем в Москву в декабре 1917 года.

71

Ср.: «Несколько больше сведений (и причем более достоверных) удалось найти о дальнейшей жизни А. Симановича. С конца 1930-х годов он находился в местах заключения. Сидел в лагере для лиц без гражданства во Франции, потом в немецком концентрационном лагере, а после войны – в лагере для перемещенных лиц. Вероятно, после смерти первой жены Симанович женился вторично на уроженке Австрии. По приглашению брата (скорее всего, речь идет о Хаиме-Неселе Симановиче (1868—?), в 1916 г. мещанине местечка Калинковичи Речицкого уезда Минской губернии, беженце), обосновавшегося в Сьерра-Леоне в Африке, А. Симанович перебрался в Либерию. В столице этой страны Монровии он владел средней руки рестораном "Атлантик чез Распутин" на Бенсон-стрит. Вскоре он получил широкую известность в политических и деловых кругах Либерии. Он был личным другом президента страны У. Табмена (1944—1971), был хорошо знаком с его преемником У. Толбертом (1971—1980) (следует подчеркнуть, что Либерия была третьей страной мира, признавшей в 1948 г. создание т. н. "государства Израиль". Хорошо известно о значительных политических и экономических интересах евреев в этой западноафриканской стране). В числе др. либерийских бизнесменов его часто приглашали на приемы и в советское посольство. По свидетельству одного из ответственных сотрудников Министерства иностранных дел СССР, А. Симанович "держался непринужденно, отличался общительностью, хорошей памятью, прекрасно говорил по-русски, лишь иногда тщательно подбирая слова. Несмотря на возраст и обычную для Либерии жару, не отказывал себе в рюмке крепкого. Всегда благожелательно отзывался о Советском Союзе…" Скончался он в Монровии (Либерия)» (Фомин С. В. Убийство Распутина: создание мифа-2 // Русский вестник. 2007. 3 января).

По другим данным, в 1947 году в лагере для перемещенных лиц под Веной.

73

Дело, начатое по инициативе украинских органов госбезопасности при активной поддержке зампреда ОГПУ Г. Г. Ягоды, когда бывших царских офицеров, перешедших на сторону Советов еще в годы Гражданской войны и служивших в Красной армии, обвинили (по сегодняшней оценке – ложно) в шпионаже и вредительстве. Среди арестованных оказались генералы А. А. Свечин, А Е. Снесарев, Н. Е. Какурин и другие – всего до 500 человек только на Украине. Многие были расстреляны. – Прим. ред.

Катакомбная церковь начала формироваться в 1920-х годах из православного духовенства и мирян, которые не смирились с советской властью и переходили на нелегальное положение (в «катакомбы»). Полное отмежевание от Русской православной церкви и образование ИПЦ (Истинно православная церковь) произошли в 1927 году, когда митрополит Сергий (Страгородский) опубликовал «Послание пастырям и пастве» (известное как Декларация митрополита Сергия), призывая верующих к лояльности по отношению к советской власти. Приверженцы ИПЦ подвергались преследованию со стороны официальных властей. – Прим. ред.

75

Датировка предположительная. Поездка Вырубовой могла состояться также в 1909-м либо в 1910 году.